

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Арзамасов В.Ю. Виктимность в экологических преступлениях.....	8
Барова В.О. Влияние научно-технического прогресса на правовое регулирование инноваций в Китайской Народной Республике.....	13
Брояка Ю.В. Органы управления в области использования водных ресурсов в Закавказье в XIX в.	18
Волокитин И.И. Проблематика уязвимости идеи естественного права в современном мире.....	22
Жинкин С.А., Прохорова М.Л. О критериях эффективности государственной деятельности в современный период развития государств и правовых систем	25
Брояка Ю.В., Плядцева-Ильичева М.Н. Российские правоведы XIX – начала XX веков о сущности, содержании и формах права	28
Завьялов С.О. Особенности и проблемы герменевтики и этимологии юридической обязанности... ..	32
Каландаришвили З.Н., Колядин И.П. Конституция СССР 1936 года и индустриализация советского государства.....	35
Кереев А.А. Влияние правовых норм на качество образовательных услуг.....	38
Конокотин Н.Г., Конокотин Д.Н. Сервитут в Российском законодательстве (история становления и развитие)	42
Пономаренко А.В. Роль граждан РФ в формировании приоритетов законотворчества: проблемы и перспективы	47
Субботин Ю.В. Деятельность научного кружка юридической латыни на факультете подготовки специалистов для судебной системы	53
Рагозина Н.А. Здоровый образ жизни: правовая теория и публично-правовое регулирование.....	61
Рубини Франческо. Французский военный суд над обвиняемыми в поджогах Москвы в сентябре 1812 года: перевод и анализ протокола, приложенного к 13-му Бюллетеню Великой Армии.....	68
Субботин Ю.В. Инновационные методы в преподавании латинского языка при подготовке специалистов для судебной системы.....	75

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jurscience@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

Главный редактор: **Кашкин Сергей Юрьевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Заместитель главного редактора: **Коровяковский Денис Геннадьевич**, доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент, Российская таможенная академия; доцент кафедры Института макроэкономических исследований, старший научный сотрудник Совета Института макроэкономических исследований, Всероссийская академия внешней торговли

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой правового обеспечения экономической деятельности Российского государственного университета правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна**, доктор юридических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана Васильевна**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры инновационного предпринимательства, права и финансового менеджмента, Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права юридического факультета, Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доцент, первый проректор – проректор по научной работе АНО «Международный институт информатизации и государственного управления им. П.А. Столыпина», академик РАЕН; **Казачкова Земфира Мухарбиевна**, доктор юридических наук, профессор кафедры административного и финансового права, Всероссийский государственный университет юстиции; **Калининченко Пауль Алексеевич**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич**, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Торговое дело и торговое регулирование», Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич**, доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Липск Станислав Андреевич**, доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству»; **Малько Александр Васильевич**, доктор юридических наук, профессор, Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции; **Мамитова Наталия Викторовна**, доктор юридических наук, профессор кафедры государственного управления, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры публичного права, МГИМО; **Махтеев Махтай Шапинович**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна**, доктор юридических наук, профессор кафедры международных права, Поволжский университет дружбы народов; **Панченко Владислав Юрьевич**, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории, истории государства и права, Всероссийский государственный университет юстиции; **Рузакова Ольга Александровна**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Багдад Владимирович**, доктор юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», профессор РАО; **Степанян Армен Жоресович**, кандидат юридических наук, доцент, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры Финансового права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич**, доктор юридических наук, профессор, Саратовская государственная юридическая академия; заведующий кафедрой служебного и трудового права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теймуразович**, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, профессор кафедры юриспруденции, МГУУ Правительства Москвы, Университет Правительства Москвы; **Шохин Сергей Олегович**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет), академик РАЕН и РАЮН; **Шукина Татьяна Владимировна**, доктор юридических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович**, доктор юридических наук, профессор Кафедры правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»; **Шагиева Розалина Васильевна**, доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джиджидия Рауль Сергеевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права, Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич**, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.08.2025

Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

Терских Л.А. История – учительница жизни «человека массы»	82
Турсунбаева Н.С., Ирискулбеков Э.Б., Брусиловский Д.А. Институт медиации в Кыргызской Республике: правовые основания и перспективы разрешения юридических конфликтов	87
Хапаев А.Р. Проблема удержания правителем собственной власти в трудах Н. Макиавелли.....	93

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Агададашев Т.А. Эволюция законодательства о банкротстве в Российской Федерации.....	96
Белоусов В.П. Модели организации местного самоуправления в конституциях государств- участников СНГ: типология и особенности	101
Бережецкая О.С. Об исполнении поручений Президента Российской Федерации по законодательному расширению участия работников в управлении организацией с учетом опыта Германии.....	108
Бутрим А.О. Арбитраж в международных перевозках: российская правоприменительная практика.....	113
Волкова Е.А. Роль национальных и профессиональных стандартов в системе независимой оценки квалификации	120
Гусаим И.В. Роль конституционных норм в обеспечении общественной безопасности на примере Дальнего Востока.....	126
Царегородцев А.В., Елин В.М. Проблема информационной безопасности цифрового рубля как обязательный элемент построения цифрового суверенитета.....	131
Зейналов И.М. Влияние цифровых технологий на взаимодействие банков с клиентами: правовой аспект.....	136
Зотов К.В., Никифорова Е.Н. Органы опеки и попечительства: правовое регулирование правового статуса и проблемы совершенствования.....	141
Ильин Д.Б. Проблемные вопросы, возникающие при возбуждении дел об административных правонарушениях по ст. 19.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, должностными лицами таможенных органов Российской Федерации	148
Кальчук А.Е. Правовое регулирование незаконной вырубки лесных насаждений	152
Меркулова Т.Н. К вопросу о правовом регулировании участия таможенных органов в спорах, отнесенных к их компетенции	155

Моргунова Н.В. Возможные направления разрешения дискуссионных вопросов взаимодействия и сотрудничества таможенных органов России с правоохранительными органами по обеспечению общественной безопасности.....	160
Невенченко Я.А., Денисов А.Д. Особенности реализации публично-правового механизма антикоррупционной политики Российской Федерации.....	165

Потапова Л.В. Прокуратура Российской Федерации в современных условиях: актуальные проблемы и вызовы.....	169

Сацкевич Т.К., Газарян Д.Г. Сравнительный анализ концессионных соглашений в Российской Федерации и Республике Беларусь	172

Ткаченко А.В. Консервативные ценности как фактор устойчивости российской государственности теоретический и правовой анализ	176

Усольцева Н.А., Усольцев Ю.М. Новации в правовом регулировании использования воздушного пространства для полетов беспилотных воздушных судов в Российской Федерации	181

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Ахунзянов Д.Ф. Спортивные права на игроков: догматическая природа и правовая квалификация в контексте российского законодательства.....	189

Булыгина Ю.Я. Использование цифровых технологий при разрешении споров о воспитании детей: зарубежный опыт	194

Вронская М.В. Регулирование правового статуса виртуальных объектов в России: актуальные вопросы и перспективы законодательных реформ	198

Гасников Н.И. Сравнительно-правовой анализ цифровой валюты и цифрового рубля по российскому праву	204

Гусева А.А. Исключение участника из хозяйственного общества (наличие права на иск в зависимости от принадлежащей доли, количества акций)	208

Драчев А.В. Цифровизация правовых инструментов и способов урегулирования конфликтов: основные подходы и национальные сценарии развития	214

Жданова Е.Н. Законодательное закрепление внеконкурсного оспаривания, как гарантия защиты прав кредитора от злоупотребления должника на примере опыта зарубежных стран	220

Иванников И.А. Автоматизация расчёта требований продавцов как фактор процессуальной экономии.....	225

Кеклис А.Ю., Шкапская А.Д. Проблемы правового регулирования цифровых прав в законодательстве Российской Федерации	231

Климова Ю.А. Интеграция ИИ в судебную систему.....	238
Крицкая С.Ю. Эдикты против язычников как отражение религиозной борьбы в Римском государстве II–V вв. н.э.	243
Лабыгина А.В. Актуальные вопросы правового регулирования интеллектуальной собственности в России в контексте инновационного развития государства.....	247
Мамаев А.А. Право взыскателя на взаимодействие посредством направления обращений на электронную почту и исполнительский сбор при разъяснении решения суда	251
Медведев Д.П., Шестеряков И.А. Перспективы в сфере прав потребителей в контексте цифрового рубля.....	254
Митровка Я.В. Приватизация предприятий и справедливость: баланс интересов при распределении активов	258
Недова Н.С., Алишехова С.М. Наследственное право в условиях цифровой экономики: вызовы и адаптация законодательства.....	263
Николаев А.А. Пределы гражданско-правовой ответственности операторов платформ по распространению программного обеспечения перед потребителями	267
Новиков В.Б. Специфика юридического статуса территории «Сириус» в контексте его функционирования	272
Матвеева П.Г. Проблемы управления личным фондом по российскому и зарубежному праву	278
Сафронов Н.В. Отдельные вопросы регулирования защиты конкуренции в области страховых услуг при проведении торгов.....	282
Сергеева Ю.А., Кокорин И.С. Децентрализованные финансы	286
Тарасенко И.М. Правовое регулирование пользовательских модификаций видеоигр в России: проблемы и перспективы реформирования.....	294
Тоцев М.А. Случаи свободного использования произведений в контексте правопреемства.....	297
Хусаинов Г.Э. Правовой нигилизм в криптосообществе и пути его преодоления.....	300
Чернякова С.А. Защита прав потребителей в цифровую эпоху: анализ современных законодательных инициатив	307
Шелкович М.Т. Цифровизация услуг инфраструктурных организаций финансового рынка Российской Федерации.....	312

Шубин Л.Б. Социально-исторические аспекты добровольного информированного согласия на медицинское вмешательство и отказа от медицинского вмешательства.....	316
Шульженко В.С. Проблемы правового регулирования цифровых платформ в российской правовой системе	324

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Абдуллоев Ф.М. Массовые беспорядки по уголовному праву России и Таджикистана: исторический аспект.....	331
Голубцов В.А. Медико-санитарное обеспечение мест лишения свободы, как система реализации права человека на охрану здоровья.....	337
Дёрин Н.И. Уголовно-правовая характеристика неправомерного оборота средств платежей.....	342
Дудникова К.В. Проблемы реализации права на защиту в ходе доследственной проверки по уголовному делу	347
Зацепин М.Н., Зацепин А.М. Коррупционная преступность и безопасность предпринимательства.....	354
Иванов Ю.В. О важности унификации подходов уголовного законодательства различных стран за преступления в сфере информационных технологий.....	360
Исмаилов М.И. Подсудность в системе гарантий права на законный суд в уголовном судопроизводстве	369
Косарева А.А. О доктринальных истоках обусловленности особого регулирования уголовной ответственности несовершеннолетних.....	374
Крюков А.В. Назначение дополнительных наказаний за бандитизм	379
Курносков Б.И. Признание не имеющими правового значения заявлений, изложенных в возражениях на иск как последствие недобросовестного поведения	382
Мищенко А.Д. Неправомерный доступ к компьютерной информации: особенности установления места преступления	386
Муртазина К.А. Квалификация мошенничества, совершенного при отягчающих обстоятельствах.....	393
Невенченко Я.А. Злоупотребления в сфере российских публичных закупок: признаки, сущность, понятие	400
Крюков А.В. Оказание оккультных услуг как уголовно наказуемое деяние.....	407

Полуянов С.А. Некоторые особенности оперативно-розыскной характеристики дистанционного мошенничества с использованием сети интернет и средств связи 410

Соболев Н.Г. Образ «Я» сотрудников мужского пола, осуществляющих режимную деятельность в СИЗО 416

Трухин Н.Н. Дифференциация уголовного наказания и совершенствования уголовных норм о преступлениях террористической направленности 420

Нестеренко С.Е., Хмельницкая Т.В. Меры и совершенствования системы противодействия финансированию терроризма в Российской Федерации 424

Соболев Н.Г. Особенности волевой саморегуляции женщин, осужденных за насильственные преступления 427

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Свиткина С.С. Международно-правовое регулирование противодействия изменению климата в условиях перехода к низкоуглеродной экономике: проблемы и перспективы 431

Сирота А.Н. Юрисдикционный иммунитет и тенденции усиления защиты государств от исполнения решений инвестиционного арбитража 436

Шулус А.А. Некоторые особенности подзаконного нормотворчества органов федеральной исполнительной власти в США в практике Верховного суда США в начале 20-х гг. XXI в. 445

Ярхамов К.Т. Актуальные проблемы международно-правового регулирования сотрудничества государств в сфере защиты детей от насилия в киберпространстве 451

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВТВОРЧЕСТВА

Арзамасов Ю.Г. Проблемы правового регулирования развития нефтегазового комплекса в Арктике 462

Громакин Н.А. Процесс формирования понятия антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, осуществляемой органами прокуратуры Российской Федерации 468

Дворжецкая-Львова С.П. Сравнительно-правовой аспект создания представительных органов власти в России с европейскими аналогами 473

Дворцов А.Д. Самозанятость как современная форма занятости населения: особенности регулирования и перспективы развития 478

Евпринцев И.С. Новое понимание механизма «налоговой реконструкции» и отдельные риски его применения 482

Камалов И.Ф. Юрико-методологическая обоснованность выделения системы прав налогоплательщиков 488

Карымов Г.Т. Возмещение НДС как инструмент финансового оздоровления в процедуре замещения активов 493

Лядов А.О., Степанов Р.Г. Институт досудебного обжалования решений таможенных органов: теоретические и практические аспекты 498

Облаков А.А. Судебный контроль на стадии предварительного расследования: современное состояние и перспективы развития 503

Фан Туан Ань. Многостороннее соглашение о конкуренции и протекционизме: формат, институциональный механизм и ключевые положения 508

Сафин Т.И. Противоправность, как условие привлечения контролирующего выгодоприобретателя к субсидиарной ответственности по Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» 515

Трутников А.В. Организационные основы прокуратуры в системе контрольной (надзорной) деятельности органов публичной власти в сфере охраны окружающей среды и природопользования 523

Фан Туан Ань. Преодоление фрагментации: проект многостороннего соглашения о конкуренции и протекционизме 528

Шапалов В.Д. Пределы усмотрения в практике судебной интерпретации конституционных судов 534

Шелпаков Р.О. Агентский договор: природа, достоинства и недостатки 541

TABLE OF CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Arzamasov V.Y.</i> Victimization in environmental crimes.....	8
<i>Barova V.O.</i> Impact of scientific and technical progress on legal regulation of innovations in the People's Republic of China.....	13
<i>Broyaka Yu.V.</i> Governing bodies in the use of water resources in Transcaucasia in the XIX century.....	18
<i>Volokitin I.I.</i> The problematic of the vulnerability of the idea of natural law in the modern world.....	22
<i>Zhinkin S.A., Prokhorova M.L.</i> On the criteria of effectiveness of state activity in the modern period of development of states and legal systems	25
<i>Broyaka Yu.V., Lyadashcheva-Ilicheva M.N.</i> Russian jurists of the XIX – early XX centuries about the essence, content and forms of law	28
<i>Zavyalov S.O.</i> Effective organizational approaches to the treatment of patients with acute vascular events	32
<i>Kalendarishvili Z.N., Kolyadin I.P.</i> The 1936 constitution of the USSR and the industrialization of the soviet state	35
<i>Kerefov A.A.</i> The impact of legal norms on the quality of educational services	38
<i>Konokotin N.G., Konokotin D.N.</i> Servitude in Russian legislation (history of formation and development)	42
<i>Ponomarenko A.V.</i> The role of citizens of the Russian Federation in the formation of priorities of lawmaking: problems and prospects	47
<i>Subbotin Y.V.</i> Activities of the scientific circle of legal Latin at the faculty of training specialists for the judicial system	53
<i>Ragozina N.A.</i> Healthy Lifestyle: legal theory and public law regulation	61
<i>Rubini Francesco.</i> The French military trial of the men accused for the fires in Moscow in September 1812: the translation and the analysis of the minutes attached to the 13th bulletin of the Grande Armée.....	68
<i>Subbotin Y.V.</i> Innovative methods in teaching Latin in training specialist for the judicial system.....	75
<i>Terskih L.A.</i> History is the teacher of the life of the “mass man”	82
<i>Tursunbaeva N.S., Iriskulbekov E.B., Brusilovskii D.A.</i> The Institute of Mediation in the Kyrgyz Republic: Legal Foundations and Prospects for Resolving Legal Conflicts	87
<i>Khapaev A.R.</i> The problem of the ruler's retention of power in the works of n. Machiavelli	93

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

<i>Agadadashev T.A.</i> Evolution of bankruptcy legislation in the Russian Federation	96

<i>Belousov V.P.</i> Models of local self-government organization in the constitutions of cis member states: typology and features	101
<i>Berezhetskaya O.S.</i> On the fulfillment of the instructions of the president of the Russian federation on the legislative expansion of employee participation in the management of the organization, taking into account the experience of Germany	108
<i>Butrim A.O.</i> Arbitration in International Transportation: Russian Law Enforcement Practice.....	113
<i>Volkova E.A.</i> The role of national and professional standards in the system of independent assessment of qualifications.....	120
<i>Gusaim I.V.</i> The Role of Constitutional Norms in Ensuring Regional Security on the Example of the Far East.....	126
<i>Tsaregorodtsev A.V., Elin V.M.</i> The problem of information security of the digital ruble as a mandatory element of building digital sovereignty	131
<i>Zeynalov I.</i> The Impact of Digital Technologies on Interaction between Banks and Clients: Legal Aspect.....	136
<i>Zotov K.V., Nikiforova E.N.</i> Guardianship and trusteeship authorities: legal regulation of legal status and issues of improvement.....	141
<i>Ilyin D.B.</i> Problematic issues arising from the initiation of cases of administrative offences under article 19.6 of the code of administrative offences of the Russian Federation by officials of the customs authorities of the Russian Federation	148
<i>Kalchuk A.E.</i> Legal regulation of illegal logging of forest plantations	152
<i>Merkulova T.N.</i> On the question of legal regulation of the participation of customs authorities in disputes within their competence	155
<i>Morgunova N.V.</i> Possible directions for resolving dispute issues of interaction and cooperation of customs authorities of Russia with law enforcement agencies to ensuring public safety.....	160
<i>Nevencheny Ya.A., Denisov A.D.</i> Features of the Implementation of the Public Law Mechanism of the Anti-Corruption Policy of the Russian Federation.....	165
<i>Potapova L.V.</i> The prosecutor's office of the Russian Federation in modern conditions: current problems and challenges.....	169
<i>Satskevich T.K., Gazarian D.G.</i> Comparative analysis of concession agreements in the Russian Federation and the Republic of Belarus.....	172
<i>Tkachenko A.V.</i> Conservative values as a factor of stability of Russian statehood: theoretical and legal analysis.....	176
<i>Usoltseva N.A., Usoltsev Yu.M.</i> Innovations in the legal regulation of the use of airspace for flights of unmanned aerial vehicles in the Russian Federation	181

PRIVATE LEGAL (CIVILITY) SCIENCES

<i>Akhunzyanov D.F.</i> Sports rights to players: dogmatic nature and legal qualification in the context of Russian legislation	189
<i>Bulygina Yu.Ya.</i> The use of digital technologies in child custody disputes: the foreign experience.....	194
<i>Vronskaya M.V.</i> Regulation of the legal status of virtual objects in Russia: current issues and prospects of legislative reforms	198
<i>Gasnikov N.I.</i> Comparative legal analysis of the digital currency and the digital ruble under Russian law	204
<i>Guseva A.A.</i> Exclusion of a participant from a business entity (dependence of the right to sue on the number of the shares).....	208
<i>Drachev A.</i> Digitalization of legal instruments and conflict resolution methods: key approaches and national development scenarios	214
<i>Zhdanova E.N.</i> Legislative consolidation of non-competitive contestation as a guarantee of protection of the rights of the creditor from the abuse of the debtor on the example of the experience of foreign countries	220
<i>Ivannikov I.</i> Automation of calculation of sellers' requirements as a factor of procedural economy	225
<i>Keklis A.Yu., Shkapskaya A.D.</i> Problems of legal regulation of digital rights in the legislation of the Russian Federation	231
<i>Klimova Yu.A.</i> Integration of ai into the judicial system	238
<i>Kritskaya S. Yu.</i> Edicts against pagans as the reflection of religious conflict in the roman state in II–V CC. A. D.	243
<i>Labigina A.V.</i> Current issues of legal regulation of intellectual property in Russia in the ninth innovative development of the state	247
<i>Mamaev A.A.</i> The right of the claimant to interact by sending requests by e-mail and the enforcement fee when explaining the court's decision.....	251
<i>Medvedev D.P., Shesteryakov I.A.</i> Prospects of the digital ruble in the field of consumer protection	254
<i>Mitrovka Ya.V.</i> Privatization of enterprises and justice: balancing interests in the distribution of assets.....	258
<i>Nedova N.S., Alishehova S.M.</i> Inheritance Law in the Context of the Digital Economy: Challenges and Adaptation of Legislation	263
<i>Nikolaev A.</i> Limits of civil liability of platform operators for software distribution to consumers.....	267
<i>Novikov V.B.</i> Specificity of the legal status of the Sirius territory in the context of its functioning.....	272
<i>Matveeva P.G.</i> Problems of personal fund management under Russian and foreign law	278
<i>Safronov N.V.</i> Selected issues of regulation of competition protection in the field of insurance services in tenders.....	282

<i>Sergeeva Yu.A., Kokorin I.S.</i> Decentralized finance	286
<i>Tarasenko I.M.</i> Legal regulation of user modifications of video games in russia: challenges and prospects for reform	294
<i>Toshchev M.A.</i> Cases of free use of works in the context of succession.....	297
<i>Khusainov G.E.</i> Legal nihilism in the crypto community and ways to overcome it.....	300
<i>Chernyakova S.A.</i> Consumer protection in the digital age: analysis of modern legislative initiatives.....	307
<i>Shelkovich M.T.</i> Digitalization of Services of Infrastructure Organizations of the Financial Market of Russian Federation	312
<i>Shubin L.B.</i> Socio-historical aspects of voluntary informed consent to medical intervention and refusal of medical intervention	316
<i>Shulzhenko V.S.</i> Problems of legal regulation of digital platforms in the Russian legal system	324

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

<i>Abdullov F.M.</i> Mass riots under the criminal law of Russia and Tajikistan: historical aspect	331
<i>Golubtsov V.A.</i> Medical and sanitary provision of places of deprivation of liberty as a system for realizing the human right to health protection	337
<i>Derin N.I.</i> Criminal-legal characteristics of illegal circulation of means of payment.....	342
<i>Dudnikova K.V.</i> Problems of Implementing the Right to Protect One's Legitimate Interests by Persons Subject to Preliminary Inquiry.....	347
<i>Zatsepin M.N., Zatsepin A.M.</i> Corruption crime and business security	354
<i>Ivanov Yu.V.</i> On the importance of unifying the approaches of the criminal legislation of different countries for crimes in the field of information technology	360
<i>Ismailov M.</i> Jurisdiction as a component of the right to a lawful judge in criminal proceedings.....	369
<i>Kosareva A.A.</i> On the doctrinal origins of the special regulation of criminal liability of minors	374
<i>Kryukov A.W.</i> Imposing additional punishments for banditry.....	379
<i>Kurnosov B.I.</i> Recognition of statements set out in objections to a claim as having no legal significance as a consequence of bad faith behavior	382
<i>Mishchenko A.D.</i> Illegal access to computer information: the specifics of crime scene establishment	386
<i>Murtazina K.A.</i> Qualification of fraud committed under particularly aggravating circumstances	393
<i>Nevencheny Ya.A.</i> Abuses in the sphere of Russian public procurement: signs, essence, concept	400
<i>Kryukov A.W.</i> Providing occult services as a criminal act ...	407

<i>Poluyanov S.A.</i> Some features of the operational-search characteristics of remote fraud using the Internet and communications	410
<i>Sobolev N.G.</i> The image of the “I” of male employees carrying out security activities in the pre-trial detention center	416
<i>Trukhin N.N.</i> Differentiation of criminal punishment and improvement of criminal laws on terrorist crimes	420
<i>Nesterenko S.E., Khmel'nitskaya T.V.</i> Measures and improvements to the system of countering the financing of terrorism in the Russian Federation	424
<i>Sobolev N.G.</i> Features of volitional self-regulation of women convicted of violent crimes	427

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

<i>Svitkina S.S.</i> International legal regulation of climate change mitigation in the context of transition to low-carbon economy: challenges and prospects	431
<i>Sirota A.N.</i> Jurisdictional immunity and trends in enhancing state protection against the enforcement of investment arbitration awards	436
<i>Shulus A.</i> Certain peculiarities of subordinate rule-making by the federal executive branch in the USA in the jurisprudence of the United States Supreme Court in the Early 20s of the 21st Century	445
<i>Iarkhamov K.</i> Current problems of international legal regulation of cooperation between States in the field of protection of children from violence in cyberspace	451

CURRENT ISSUES OF MODERN LAW-MAKING

<i>Arzamasov J.G.</i> Problems of legal regulation of the development of the oil and gas complex in the arctic	462
<i>Gromakin N.A.</i> The History of the Concept of Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts Carried out by the Prosecutor's offices of the Russian Federation	468

<i>Dvorzhetskaya-Lvova S.P.</i> The comparative legal aspect of the creation of representative authorities in Russia with european counterparts	473
<i>Dvortsov A.D.</i> Self-employment as a modern form of employment of the population: features of regulation and development prospects	478
<i>Evpryntsev I.S.</i> A new understanding of the “tax reconstruction” mechanism and certain risks of its application	482
<i>Kamalov I.F.</i> Legal and methodological justification for delineating the system of taxpayers' rights	488
<i>Karymov G.T.</i> Utilizing VAT Refunds for Financial Recovery within the Asset Replacement Framework	493
<i>Lyadov A.O., Stepanov R.G.</i> The institute of pre-trial appeal of decisions of customs authorities: theoretical and practical aspects	498
<i>Oblov A.A.</i> Judicial review at the preliminary investigation stage: current status and development	503
<i>Phan Tuan Anh.</i> Multilateral Agreement on Competition and Protectionism: Format, Institutional Mechanism, and Key Provisions	508
<i>Safin T.I.</i> Illegality as a condition for bringing a controlling beneficiary to subsidiary liability under the Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)»	515
<i>Trudnikov A.V.</i> Organizational basis of prosecutor in the system of control (supervisory) activities of public authorities in the sphere of environmental protection and nature management	523
<i>Phan Tuan Anh.</i> Overcoming fragmentation: a draft multilateral agreement on competition and protectionism... ..	528
<i>Shapovalov Viktor Dmitrievich</i> Limits of Judicial Discretion in the Practice of Constitutional Courts' Interpretation	534
<i>Shelpakov R.O.</i> Agency Agreement: Nature, Advantages, and Disadvantages	541

Виктимность в экологических преступлениях

Арзамасов Владислав Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева
E-mail: arzamasov.vladislav@gmail.com

Предметом исследования является виктимность в экологических преступлениях.

Проведен статистический и правовой анализ судебной практики Верховного Суда, что помогло увидеть проблему латентности экологических преступлений. Цель исследования заключается в раскрытии природы виктимности экологических преступлений. Для ее реализации разработано понятие виктимности в экологических преступлениях, определены ее виды. Виктимологический анализ показал, что экологические преступления влекут за собой не только физический, но также психологический и социальный вред для жертвы. Сделан вывод, что виктимность граждан может оставаться латентной на протяжении многих лет, что серьезно осложняет привлечение виновных в экологических преступлениях к уголовной ответственности. В заключении определены профилактические меры для пресечения развития экологической преступности, где особая роль отводится социальным программам.

Проведенное исследование показало, что совершенствование уголовного закона, профилактика и поддержка пострадавших от экологических преступлений требуют применения мультидисциплинарного подхода, основанного на привлечении специалистов из разных областей знаний и практики. Также указано, что взаимодействие власти с гражданским обществом является важным условием при оказании помощи жертвам экологических преступлений.

Ключевые слова: виктимность, виктимность экологических преступлений, окружающая среда, превентивные меры, экологическая катастрофа, экологические преступления.

Изначально виктимология возникла как научное направление криминологии, направленное на изучение жертв преступлений. Более того, обращение к этимологии показывает, что в переводе с латинского языка слово «viktima» означает «жертва».

Однако сегодня в условиях растущего осознания человечеством своей роли и ответственности в сохранении окружающей среды, поднимается вопрос необходимости исследования не только детерминантов экологических преступлений и определения мер их предотвращения, но поведение жертв данных деяний.

В этой связи виктимология, изучающая положение и права пострадавших, становится также важным научным направлением в контексте экологической юстиции. Объясняется это, главным образом, тем, что для анализа практически любого экологического преступления необходимо исследовать не только преступника, то есть его личность, ее особенности, наклонности, окружение, цели и мотивы преступного поведения, но и поведение потерпевших лиц. Здесь мы солидаризируемся с мнением С.Т. Фаткулина, который считает, что при «анализе конкретного экологического преступления и экологической преступности в целом необходима всесторонняя и объективная оценка значения поведения потерпевшего»¹.

Здесь возникает вопрос: для чего это нужно?

Ответ, по нашему мнению, здесь следующий. Тщательное рассмотрение виктимности в экологических преступлениях позволяет лучше понять масштабы проблемы и найти эффективные способы защиты интересов пострадавших сторон. Более того, к этому нас призывает и Конституция Российской Федерации, в статье 2 которой записано, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью»!

В данном контексте, правомерно возникает вопрос: можно ли определить жертву в ситуации, когда ущерб наносится обширным территориям и только косвенно затрагивает интересы большого количества людей? Далее, в развитие данного вопроса, возникает уже такой виктимологический вопрос: какие механизмы юридической и социальной поддержки должны быть разработаны для защиты прав пострадавших в целях реализации конституционных положений?

В этой связи, в данной статье мы попытаемся ответить на них.

Понятие «виктимность» в контексте экологических преступлений представляет собой слож-

¹ Фаткулин С.Т. Виктимологический аспект экологических преступлений (в плане постановки проблемы) // Виктимология. 2015. № 4 (6). С. 41.

ный и многоаспектный вопрос. Эта проблематика не раз привлекала внимание юристов. Данные исследования, посредством статистического анализа позволили обобщить значительный массив судебной практики. Так, например, Верховный Суд Российской Федерации за первое полугодие 2024 г. рассмотрел 61 дело, связанное с применением экологического и природоохранного законодательства. При этом всего два дела, рассмотренных Верховным Судом касались применения мер уголовной ответственности за экологические преступления. Пять дел касались вопросов платы за негативное воздействие на окружающую среду, а четыре дела ущерба, причиненного окружающей среде¹.

Как видим, не все экологические преступления являются предметом рассмотрения высшей судебной инстанцией, что говорит о большой латентности данных преступлений.

Несмотря на значительное количество научных работ, посвященных в последнее время экологическому законодательству и уголовной ответственности за экологические преступления, многие вопросы в этой сфере до сих пор не исследованы и потому требуют глубокого и всестороннего изучения.

Когда наступил XXI век, научное сообщество активизировало свои усилия в области изучения природоохранных аспектов законодательства. Создание новой уголовно-правовой базы России вместе с трудностями в ее практическом применении послужили катализатором для интенсификации исследований в данной сфере. В поисках эффективных механизмов разрешения неоднозначных ситуаций экологического законодательства ученые юристы направили свои усилия на изучение и систематизацию экологических видов правонарушений. Особую ценность в этом направлении представляют научные работы Арямова А.А. и Шарафутдинова Е.А.², Байчоровой, Ф.Х.³, Грошева А.В.⁴, С.И. Голубева⁵, Ю.А. Тимошенко⁶ и других исследователей, занимающихся изучением проблем уголовной ответственности за экологические правонарушения.

Сегодня многие ученые озабочены данными проблемами в связи с тем, что в рамках криминологии и уголовного права подобные преступления

влекут за собой не только прямой вред для окружающей среды, но и косвенные последствия для общества в целом. В этом отношении с точки зрения виктимологии актуализируется проблема введения в главу 26 УК РФ материальных составов преступлений, предусматривающих ответственность не просто за вред, причиненный экологическому объекту преступления, наступивший в результате деяния, но и необходимую связь между преступным деянием и наступившими последствиями.

Проведенный анализ показал, что экологические преступления охватывают довольно широкий спектр противоправных действий: от загрязнения водных ресурсов и атмосферы до незаконной вырубки лесов и уничтожения редких видов флоры и фауны. При этом такие преступления могут носить как организованный, так и неорганизованный характер, а жертвой может выступать не только конкретное физическое или юридическое лицо, но и общество и природа в целом.

В этой связи решая поставленные проблемы, в первую очередь, необходимо установить легальное понятие экологической виктимности, под которой следует понимать *коллективную и анонимную роль жертвы в процессе возникновения и развития преступных событий, связанных с нарушением экологических норм, предполагающее повышенную степень экологической угрозы здоровью и жизни людей.*

При этом следует заметить, что в уголовном праве и криминологии различают несколько видов виктимности, связанных с экологическими преступлениями. Так, «прямая виктимность» подразумевает непосредственный ущерб здоровью людей или собственности, возникающий в результате экологических нарушений. «Косвенная виктимность», в свою очередь, относится к ситуациям, когда последствия преступления касаются общества в более широком смысле, например, через ухудшение качества окружающей среды, сокращение биоразнообразия или изменение климата. Важно заметить, что из-за сложности выявления данных преступлений и проблем, связанных с доказыванием такого вида преступлений, многие из них остаются безнаказанными, поскольку последствия нарушений в области охраны окружающей среды не являются сразу, а проявляются только через определенное время.

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования»⁷, в п. 2) под причинением вреда здоровью человека при совершении преступлений, предусмотренных статьей 246, частью 2 статьи 247, частью 1 статьи 248, частью 2 статьи 250, частью 2 статьи 251, частями 1 и 2 статьи 254 УК РФ, предлагается понимать причинение вреда здоровью любой степени тяжести одному или нескольким лицам.

¹ См.: <https://pravo.ru/ecology/?nm> (дата обращения 26.06.2025).

² Арямов А.А., Шарафутдинов Е.А. Уголовно-правовая охрана отношений недропользования. М., 2015.

³ Байчорова Ф.Х. Проблемы виктимологии: учебно-методическое пособие для студентов очной и заочной формы обучения образовательной программы магистратуры по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция / Ф.Х. Байчорова. – Черкесск: БИЦ СКГА, 2023. – 80 с.

⁴ Грошев А.В. Современные проблемы виктимологии // краткий курс лекций. – Краснодар, 2014.

⁵ Голубев С.И. Проблемы уголовно-правового обеспечения экологической безопасности. – М.: Проспект, 2023.

⁶ См.: Тимошенко Ю.А. Субъекты экологических преступлений: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: Монография. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2017; Тимошенко Ю.А. Ответственность за экологические преступления (научно-практический комментарий к постановлениям Пленума ВС РФ). Теория и практика. – М.: Проспект, 2017.

⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 12.

Между тем, при изучении виктимологического аспекта жертв экологических правонарушений, ученые сталкиваются с рядом факторов, создающих трудности для исследователей данной проблематики:

во-первых, окружающая среда в целом выступает главной мишенью экологических правонарушений, тогда как вред для человеческого здоровья и жизни рассматривается как второстепенный аспект;

во-вторых, деятельность человека в сфере производства и эксплуатации природных ресурсов не считается преступной сама по себе, однако она может стать таковой при нанесении ущерба здоровью людей или окружающей природе;

в-третьих, часто жертвы, не осознавая, что они пострадали в результате преступления (как в случаях с технологическими катастрофами, производственными несчастными случаями или из-за действий вредных предприятий), становятся причиной того, что уголовные дела не инициируются и расследования не проводятся.

в-четвертых, наиболее распространенные экологические преступления (ст. 256, 258, 260 УК РФ), которые составляют 90% от общего числа всех экологических преступлений, не связаны напрямую с причинением вреда здоровью человека и соответственно в этих преступлениях нет потерпевшего как такового.

Между тем, основная часть экологических преступлений включает те случаи, где есть потерпевшие. Однако, по имеющимся данным, уголовные дела, связанные с особо тяжкими обстоятельствами, такими как наступление смерти по неосторожности или действия в условиях экологической катастрофы (согласно разделам 2 и 3 ст. 247; 2 ст. 248; 2 и 3 ст. 250; 2 и 3 ст. 251; 2 и 3 ст. 254 УК РФ), как правило, не инициируют.

В законодательстве определены различные последствия за экологические преступления, которые включают в себя нанесение ущерба здоровью или даже случайную смерть человека. Уголовный кодекс регламентирует – вред здоровью в статьях 246, 247 (часть 2), 248 (часть 1), 250 (часть 2), 251 (часть 2), 254 (часть 1), а также более серьезные последствия, когда речь идет о значительном ущербе здоровью по статье 252 (часть 2). В отдельных статьях, таких как 247 (часть 3), 248 (часть 2), 250 (часть 3), 251 (часть 3), 252 (часть 3), 254 (часть 3), рассматривается причинение смерти из-за неосторожности. Также среди преступлений против окружающей среды выделяется статья 247 (часть 1), касающаяся угрозы нанесения значительного вреда здоровью.

В соответствии с решением Пленума Верховного Суда Российской Федерации 18 октября 2012 года (Постановление № 21), которое относится к вопросам исполнения законодательства в сфере экологической ответственности и рационального использования природных ресурсов, ущерб здоровью человека в результате совершения преступлений по статьям 246, 247 часть 2, 248 часть 1,

250 часть 2, 251 часть 2, а также 254 части 1 и 2 Уголовного кодекса РФ означает наступление вреда здоровью одного или нескольких лиц любой степени тяжести.

Проведенный анализ показал, что полноценный контроль над экологической преступностью может осуществляться только комплексно, когда в нем принимают участие не только органы государственной и муниципальной власти, в связи с осуществлением своих функций и задач, но и при участии граждан, то есть различных институтов гражданского общества.

Ситуация в корне могла бы измениться к лучшему в плане экологической безопасности, если бы нарушения экологического законодательства не оставались безнаказанными, правоохранительные органы давали бы им строгую юридическую оценку, а общество обеспечивало широкую огласку таким случаям. Люди должны реально должны осознать, что экономическая выгода не стоит их здоровья и жизни, поэтому они должны решительно выступить против экологических правонарушений.

Понимание того, как формируется пассивное поведение у отдельных лиц, представляет ценные знания для осуществления профилактики экологических преступлений. Эти сведения помогают в организации мер, направленных на изменение условий, в которых находится правонарушитель и его личностных характеристик. В связи с этим, понимание механизмов виктимности в экологических преступлениях играет ключевую роль в разработке эффективной политики и стратегии по предупреждению и противодействию подобного рода незаконным действиям.

Экологические преступления представляют собой одну из наиболее сложных и латентных форм уголовных деяний, последствия которых часто остаются невидимыми и неоцененными в полной мере. В криминологии такие преступления характеризуются высокой степенью социальной опасности, поскольку вред от загрязнения окружающей среды или уничтожения природных ресурсов накладывает отпечаток на здоровье и благополучие огромного числа людей. Однако особое место в изучении этих нарушений занимает их влияние на индивидуальную виктимность жертвы.

Виктимологический анализ показывает, что экологические преступления влекут за собой не только физический, но также и психологический и социальный вред для жертвы, ее поведения и благополучия в целом. При этом, психологическая сторона виктимности заключается в способности отдельных жертв или сообществ адаптироваться к негативным последствиям экологических преступлений. Например, повторяющиеся случаи экологических катастроф, таких как химические утечки, пожары, либо затопления в одной и той же местности, формируют у членов сообщества такое явление, как «выученная беспомощность» (англ. learned helplessness), под которой следует понимать особенность поведения людей, приоб-

ретенную при постоянном отрицательном воздействии на них. Даже в условиях экологических катастроф люди привыкают жить с постоянным риском и опасностью, при этом они совершенно теряют инициативу к борьбе за свои права и защиту окружающей среды.

Однако для криминологии, как науки, такие психологические проявления представляют определенную ценность, поскольку помогают не только понять внутреннюю природу виктимного поведения, характерного для экологической сферы, но и выработать меры противодействия им.

Важным аспектом психологической виктимности является и то, что экологические преступления зачастую развиваются, накапливая свои последствия годами. В такой ситуации жертвы могут осознать свое положение лишь спустя длительное время, когда вред окружающей среде становится очевидным и уже необратимым. Таким образом, виктимность граждан остается латентной на протяжении многих лет, что серьезно осложняет привлечение виновных в экологических преступлениях к уголовной ответственности.

Между тем, психологическое изучение виктимности в экологических преступлениях открывает перед криминологией все новые горизонты. Вопросы о том, как общество осознает себя жертвой экологических правонарушений, как отдельные личности или группы реагируют на экологические угрозы, а также как эти представления влияют на латентность преступлений, остаются ключевыми для понимания данной проблемы.

Здесь сразу возникает вопрос: что же делать? Как способствовать тому, чтобы люди преодолели свои психологические барьеры?

Преодолению психологических барьеров и выявлению виктимного поведения лиц способствует внедрение различных образовательных программ, направленных на повышение экологической грамотности.

В этом контексте большая роль отводится образовательной деятельности и информационным кампаниям, способствующим повышению экологической грамотности населения.

Кроме того, необходимо уделить внимание разработке и реализации программ поддержки пострадавших не только от экологических преступлений, но и экологических катастроф и бедствий, поскольку детальное изучение и расследование данных обстоятельств может обнародовать ряд преступлений связанной с «попустительством» со стороны правоохранительных органов и администрации в вопросах предварительной подготовки или борьбы с последствиями¹.

Помимо этого, для выявления жертв экологических преступлений, когда ущерб наносится обширным территориям и только косвенно затрагивает интересы большого количества людей следует применять знания не только юристов, но и экологов, хи-

миков, биологов, медиков. В этой связи, сотрудники правоохранительных органов должны активно взаимодействовать, как с социальными службами, так и институтами гражданского общества. Взаимодействие власти с институтами гражданского общества (общественными организациями, союзами, центрами и т.п.) важное условие помощи жертвам экологических преступлений в целях достижения не только законности, но и социальной справедливости, получения компенсаций за причиненный гражданам вред и реализации мер по восстановлению здоровья и окружающей среды.

Таким образом, поскольку современная экологическая виктимность является межотраслевым научным направлением, включающим в себя уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, криминологические, криминалистические, экологические, психологические и социальные аспекты, профилактика и поддержка пострадавших от экологических преступлений требует мультидисциплинарного подхода, основанного на привлечении профессионалов из различных научных областей и практики. Только таким путем можно решать проблемы виктимности, связанные с латентностью и масштабами экологических преступлений, обеспечивая защиту и поддержку для пострадавших от экологических преступлений.

Литература

1. Арзамасов В.Ю. Уголовная ответственность за нарушение лесного законодательства: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2023. – 283 с.
2. Арямов А.А., Шарафутдинов Е.А. Уголовно-правовая охрана отношений недропользования. – М.: Юрлитинформ, 2015.
3. Байчорова Ф.Х. Проблемы виктимологии: учебно-методическое пособие для студентов очной и з очной формы обучения образовательной программы магистратуры по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция / Ф.Х. Байчорова. – Черкесск: БИЦ СКГА, 2023. – 80 с.
4. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 12.
5. Голубев С.И. Проблемы уголовно-правового обеспечения экологической безопасности. – М.: Проспект, 2023. – 336 с.
6. Грошев А.В. Современные проблемы виктимологии // Краткий курс лекций. – Краснодар, 2014.
7. Тимошенко Ю.А. Субъекты экологических преступлений: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: Монография. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2017. – 200 с.
8. Тимошенко Ю.А. Ответственность за экологические преступления (научно-практический комментарий к постановлениям Пленума ВС РФ). Теория и практика. – М.: Проспект, 2017.
9. Фаткулин С.Т. Виктимологический аспект экологических преступлений (в плане постановки проблемы) // Виктимология. 2015. № 4 (6). С. 41–45.

¹ Арзамасов В.Ю. Уголовная ответственность за нарушение лесного законодательства: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2023.

VICTIMIZATION IN ENVIRONMENTAL CRIMES

Arzamasov V.Y.

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev.

The subject of the study is victimization in environmental crimes. A statistical and legal analysis of the Supreme Court's case law was conducted, which helped to see the problem of environmental crime latency.

The purpose of the study is to reveal the nature of environmental crime victimization. To implement it, the concept of victimization in environmental crimes was developed, its types were defined. Victimological analysis showed that environmental crimes entail not only physical, but also psychological and social harm to the victim. It was concluded that the victimization of citizens can remain latent for many years, which seriously complicates the prosecution of those guilty of environmental crimes.

In conclusion, preventive measures are defined to suppress the development of environmental crime, where a special role is given to social programs. The study showed that improving criminal law, preventing and supporting victims of environmental crimes require a multidisciplinary approach based on the involvement of specialists from different fields of knowledge and practice. It was also noted that interaction between the authorities and civil society is an important condition for providing assistance to victims of environmental crimes.

Keywords: victimization, victimization of environmental crimes, environment, preventive measures, environmental disaster, environmental crimes.

References

1. Arzamasov V.J. Ugolovnaja otvetstvennost' za narushenie lesnogo zakonodatel'stva: Dis. ... kand. jurid. nauk. – M., 2023. – 283 s.
2. Arjamov A.A., Sharafutdinov E.A. Ugolovno-pravovaja ohrana otnoshenij nedropol'zovanija. – M.: Jurlitinform, 2015.
3. Bajchorova F.H. Problemy viktimologii: uchebno-metodicheskoe posobie dlja studen-tov ochnoj i z ochnoj formy obuchenija obrazovatel'noj programmy magistratury po napravleniju podgotovki 40.04.01 Jurisprudencija / F.H. Bajchorova. – Cherkessk: BIC SKGA, 2023. – 80 s.
4. Bjuliten' Verhovnogo Suda RF. 2012. № 12.
5. Golubev S.I. Problemy ugolovno-pravovogo obespechenija je-kologicheskoy bezopasno-sti. – M.: Prospekt, 2023. – 336 s.
6. Groshev A.V. Sovremennye problemy viktimologii // Kratkij kurs lekcij. – Krasnodar, 2014.
7. Timoshenko Ju.A. Sub#ekty je-kologicheskikh prestuplenij: ugolovno-pravovaja i kri-minologicheskaja harakteristika: Monografija. – M.: Izdatel'stvo "Jurlitinform", 2017. – 200 s.
8. Timoshenko Ju.A. Otvetstvennost' za je-kologicheskie prestuplenija (nauchno-prakticheskij kommentarij k postanovlenijam Plenuma VS RF). Teorija i praktika. – M.: Prospekt, 2017.
9. Fatkulin S.T. Viktimologicheskij aspekt je-kologicheskikh prestuplenij (v plane po-stanovki problemy) // Viktimologija. 2015. № 4 (6). S. 41–45.

Влияние научно-технического прогресса на правовое регулирование инноваций в Китайской Народной Республике

Барова Валерия Олеговна,

аспирант Санкт-Петербургского политехнического университета

E-mail: barovav@list.ru

Статья посвящена теме правовых изменений, возникавших в китайском обществе в ходе научно-технического развития КНР. Особое внимание уделяется китайскому законодательству в научно-технической сфере через призму концепций понимания взаимосвязи права и научно-технического прогресса, раскрывается содержание основных законов, стратегий и концепций, которые привели КНР к современному научно-техническому состоянию. В теоретическо-правовом аспекте описываются инновационная функция государства и формы ее реализации, исторически сформировавшаяся ключевая роль правительства в базовом фундаментальном развитии научных инноваций и в создании трансферного инновационного моста на примере принятия США BDA-1980, инновационная политика как инструмент управления рисками, а также доказывается важность наличия высокой доли высокотехнологичной продукции для достижения экономической безопасности страны и значение патентных войн в формировании позитивного инновационного имиджа. Кратко раскрывается содержание таких стратегических программ развития, как «Инновационный Китай», «Тысяча талантов», «Сделано в Китае», «Двойная циркуляция», «Китайский стандарт», дается обзор закона КНР «О научно-техническом прогрессе», а также приводится историческая справка о пути формирования научно-технической политики КНР в историческом контексте. В результате удалось составить общую картину формирования научно-технической деятельности в Китайской Народной Республике.

Ключевые слова: научно-техническое развитие КНР, управление рисками, китайское право, инновации, патентные войны, научно-техническая политика КНР.

Введение

Сближение России и КНР в сфере технологий и инноваций неизбежно приводит к поиску сведений о КНР как технологическом партнере, в том числе и правовой базы создания китайского технологического чуда. Объектом исследования выступают правовые изменения, возникавшие в китайском обществе в ходе научно-технического развития КНР. Предметом исследования является китайское законодательство в научно-технической сфере через призму концепций понимания взаимосвязи права и НТП. Реализация поставленной цели осуществляется путем изучения теории правового стимулирования инноваций и теории управления рисками как основополагающих для понимания механизмов взаимовлияния НТП и права, описание роли Закона КНР «О научно-техническом прогрессе» и существующих стратегий развития КНР в научно-технической сфере как поворотных точек для роста страны.

Материалы и методы

Методологической основой исследования являлись анализ, обобщение и систематизация информации, полученной из литературных источников (учебная литература, научные статьи) и Интернет-источников (электронные ресурсы), а также теоретико-правовое прогнозирование.

Литературный обзор

При написании работы были использованы научная и учебно-методическая литература, статьи в периодических изданиях Российской Федерации, статьи на сайтах российских и зарубежных интернет-издательств. Работы Куклешовой Е.В., Бобкова А.В., Игнатова И.И., Степаненко Д.М. позволяют составить впечатление о инвестиционной привлекательности страны, роли государства в управлении рисками, а также раскрыть инвестиционную роль государства и ее значение в современных реалиях в глобальной конкуренции за технологическое и абсолютное лидерство.

Результаты

Правовое стимулирование инноваций направлено на создание правовых условий для развития науки и технологий и выражается в патентном и интеллектуальном праве, налоговых льготах и целой цепочке иных форм поддержки, таких как гранты и фонды. Как верно отмечает В.Г. Тихиня, национальная эко-

номика и общество становятся инновационными при условии, если современное государство создаст «режим наибольшего благоприятствования инновационным процессам, происходящим в стране» [6, с. 126].

Этот тезис находит подтверждение в работе к.э.н Д.М. Степаненко, который отдельно выделяет инновационную функцию государства и указывает формы ее реализации: во-первых, качественное совершенствование общественной через поддержку создания и внедрения инноваций, во-вторых, стимулирование инновационной деятельности физических и юридических лиц, в-третьих, комплексная защита инноваторов [6, с. 126].

Сущность инновационной функции государства направлена в том числе и на формирование предвосхищающих результатов, таких как: наличие более 50% внедряющих в ходе своей деятельности технологические и иные инновации предприятий, высокий уровень науки и образования и наличие прямых и обратных связей между ними и производством; высокий уровень национальной интеллектуальной собственности и правовой культуры населения, то есть позитивное отношение к инновациям и признание ее ценности со стороны большинства членов в обществе; комфортная атмосфера для изобретательской активности [6, с. 130].

Анализ зарубежного опыта правового обеспечения вопросов стимулирования научно-технической и инновационной деятельности, проведенного к.ю.н. Т. Зульфугарзаде [11], отражает следующие эффективные методы, такие как:

Налоговая поддержка, создающая благоприятный инновационный климат за реальную инновацию для предприятий и инвесторов (с регулярным пересмотром);

Амортизационная политика – часть налоговой политики, сутью которых является выработка нормативных ограничителей эксплуатации оборудования или технологий для производителей и потребителей;

Метод прямых бюджетных дотаций, заключающаяся в предоставлении дотаций на проведение новых перспективных НИОКР через систему госзаказа.

Другой исследователь, И.И. Игнатов, особо подчеркивает и **правотворческую роль** государства в успехе инновационной политики, приводя в пример исторический переход США от полного отказа от финансирования федеральным правительством университетских исследований, которая расценивалась по большей части как коммунистическая, до становления федерального правительства основным спонсором университетской фундаментальной науки в масштабе Америки, которую И.И. Игнатов назвал «концептуальной революцией».

Как подчеркивает И.И. Игнатов, президент Буш четко осознавал нежелание бизнеса вкладывать средства в фундаментальную науку, поскольку это приводило к удорожанию продукта, а также в тот период времени было невозможно было закрепить эти исследования за своей компанией,

давая возможность конкурентам также использовать научное предложение без вложений. Но даже такая модель не позволяла продвигать в корпоративный, новые технологии внедрялись в основном национальными лабораториями с Департаментом обороны и крупными корпорациями, плюс ко всему любое научное открытие за федеральные деньги, априори принадлежало федеральному правительству. Для создания «трансферного моста» был принят Закон Bayh-Dole Act (1980), согласно которому отныне университеты могли патентовать созданные даже на государственные деньги изобретения [5, с. 159–167].

Аналогичным по влиянию на развитие науки и технологий в КНР оказался Закон КНР «О научно-техническом прогрессе» (1993), который стал одним из инструментов инструментом перехода КНР к рыночной экономике. Научно-технический прогресс признавался движущей силой экономического роста через практическое внедрение технологий и залогом повышения конкурентоспособности китайских товаров на мировом рынке.

Закон закреплял государственную поддержку науки (финансирование в НИОКР, налоговые льготы, поддержка технопарков и т.п.), упор на формирование кадров (подготовка специалистов за рубежом; программа «тысяча талантов», целью которой было стимулирование возвращения китайских специалистов из-за рубежа), выделение приоритетных направлений (развитие высоких технологий, укрепление оборонно-промышленного комплекса), закреплял возможность импорта технологий для нужд КНР и выделял необходимость коммерциализации разработок.

Другой стороной инновационной функции государства можно считать в том числе и **управление рисками**, сущность которого состоит в методичном процессе идентификации, анализе, оценке и управлении потенциальными угрозами или негативными последствиями для минимизация потенциальных убытков и максимизация возможностей. Историческое развитие экономических отношений демонстрирует тезис о том, что управление рисками состоит не в устранении рисков, а в управлении ими для получения вознаграждения [1, 15].

Как отмечают в своем учебном пособии А.В. Бобков и Н.П. Паздникова [3], в инновационном современном государстве дешевый и неквалифицированный труд отныне не котируется, восприимчивость человека к инновациям – новый трудовой ресурс, поскольку основанная на экономии материальных ресурсов организация и управление производством принятия быстрых решений, позволяет эффективно реагировать на вызовы и становиться на путь инновационного преобразования.

Следовательно, **инновационная политика государства** – совокупность методов воздействия государства на производство для выпуска новых видов продукции и разработки технологий, а также расширения экспорта отечественных товаров с целью создания системы, позволяющей использовать в производстве интеллектуальный и научно-

технический потенциал страны, что само по себе способно обеспечить ее структурную перестройку и повысить конкурентоспособность через производство качественного товара.

Выражением инновационной политики является **инновационная программа** разных подвидов (федеральная, региональная, отраслевая), где содержится перечень проектов и мероприятий, приведен список согласованных ресурсов, исполнителей и сроков освоения и распространения новых видов продукции и технологий. Причем в развитых странах в этом процессе велико значение именно малых предприятий, поэтому создаются эффективные программы для развития инновационного бизнеса, что успешно предотвращает утечку «молодых мозгов», а также привлекает зарубежные транснациональные компании для проведения исследований, как, например, это сделали такие гиганты как General Motors и Volkswagen на территории Китая [2, с. 72–73].

Обсуждение

Стратегия «Инновационный Китай» (полное название – “Основы государственного плана среднесрочного и долгосрочного развития науки и техники на 2006–2020 годы”) 2006-го года была направлена на преодоление зависимости страны от иностранных технологий и предполагала достижение независимой инновационной экономики к 2020 году, увеличение числа патентов и научных публикаций мирового уровня, снижение технологической зависимости от Запада. В ходе программы был создан Национальный фонд естественных наук (NSFC) для финансирования исследований [8].

Как отмечает в своей работе Фань Доунань, уже в 2008 году **«Административные меры по признанию высокотехнологичных предприятий»** отмечалась высокая роль сертифицированных высокотехнологичных предприятий, которым предоставлялась поддержка в виде субсидий на НИОКР, налоговые льготы и финансовые субсидии [7].

Государственная программа КНР «Сделано в Китае 2025» 2010-го года направлена на достижение мирового лидерства по 10 категориям стратегических высокотехнологичных отраслей, среди основных – ИИ, полупроводники, робототехника, биотехнологии.

«Двойная циркуляция» 2020-го г. где упор идет на внутренний рынок и снижение зависимости от экспорта. 14 мая 2020 года на заседании ПК ЦК КПК была затронута тема взаимосвязи «внешней» и «внутренней» циркуляции – удовлетворение потребностей внутри страны и международных торговых отношений. Китай стремится стабилизировать внешнюю торговлю и расширять спрос на внутреннем рынке, что продиктовано еще отдающимися последствиями глубокой рецессии в результате пандемии Covid-19.

Согласно ретроспективному анализу рейтингов Китая и России в Global Innovation Index Корнельского университета (США), INSEAD (Франция)

и ВОИС (WIPO), как утверждают Арсеньева В.А., Подольская Т.В., Прокопенко М.В., Есенская Т.В., Буханова Е.А., в период 2013–2020 обе страны улучшили состояние национальных инновационных систем, однако Китай смог продемонстрировать внушительный рост по субиндексам (ресурсы инноваций и результаты инноваций), в то время как Россия сделать этого не смогла и даже не была внесена в список «соответствует ожидаемым результатам для данного уровня развития» [2, с. 71–72].

Количественная патентная активность тоже немаловажна при оценке инновационного потенциала. Порядка 75% патентной активности приходится на Японию, США, Германию, Китай и Южную Корею [2, с. 71], поэтому не удивительно, что между этими странами могут возникать патентные войны.

Патентные войны с Китаем – индикатор его перехода от имитационной к инновационной экономике, то есть от массового копирования технологий к активной защите интеллектуальной собственности.

Важно понимать, что все сферы народного хозяйства в зависимости от производственно-экономического потенциала и уровня конкурентоспособности продукции конкретной отрасли делятся на три группы по убыванию этих показателей:

- 1) топливно-энергетический комплекс, химическая и алюминиевая промышленность;
- 2) оборонная промышленность, машиностроение;
- 3) агропромышленный комплекс, легкая и пищевая промышленность.

Пороговое значение показателя экономической безопасности страны – доля в экспорте высокотехнологической продукции – в мировой практике составляет 10–15% [3, с. 25–30].

В высокотехнологичных отраслях высока важность патентов. К высокотехнологичным отраслям относят в том числе телекоммуникационную отрасль, где прослеживается напряженное патентное противостояние КНР и США.

В 2018 году США начало открытую конкуренцию против ведущих китайских транснациональных корпораций ZTE и Huawei по поводу разработки и внедрения беспроводных телекоммуникационных сетей пятого поколения. В 2018 году Huawei обогнал по продажам телефоны Apple и уступила только Samsung, а по состоянию на 2019 год, Huawei, совместно с IPlytics, ZTE и OPPO стали обладать одной третью от общего количества патентов в мире в данной области, причем ZTE и Huawei обвиняются администрацией США в недобросовестной конкуренции, так как продают свою продукцию на 20–30% дешевле [4, с. 115–116]. По состоянию на 2023 год Huawei (Китай), Samsung (Южная Корея) и Qualcomm (США) считаются наиболее активными международными патентными организациями и попавшая под санкции США Huawei продолжает лидировать по количеству поданных патентов, опережая США по этому показателю на 25%.

Однако обозреватель новостей RCR Wireless, отраслевой аналитик Джефф Каган считает, что Qualcomm лидирует именно по качеству патентов [9]. Аналогичное мнение по поводу недостаточного качества патентов высказывает и Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, констатируя, что особо качество патентных заявок падало у организаций, выполнявших задания в рамках государственных контрактов и заданий из-за отчетности, которая включала в себя показатель патентной активности [10].

Заключение

В результате небольшого исследования удалось установить, что на основе объективных показателей, таких как GII, Китаю удалось в кратчайшие сроки качественно в разы улучшить свою позиции в технологическом лидерстве. Активная борьба с Китаем США доказывает успешность попыток Китая выбиться в технологические лидеры, однако высокая патентная активность хоть и может выступать лишь субъективным фактором оценки качественной стороны инноваций, тем не менее, например, именно их количественный показатель позволяет говорить о лидерстве в сфере телекоммуникаций.

Как отмечает редактор Asia Business Blog Оскар Галеев, разработка стандартов наиболее прибыльных новейших технологий позволяют стандартизирующим организациям оставаться в отрасли десятилетиями, поскольку патентообладатели, даже несмотря на санкции и торговые войны, получают постоянные лицензионные отчисления на правах патентообладателя, как, например Huawei смог выдержать колоссальное давление благодаря доходу от стандартизации 5G [11].

2035 год в программных партийных документах КНР должен ознаменоваться как год построения общества среднего достатка и считается важнейшей идеологической вехой на пути построения «китайской мечты» в соответствии с планом национального развития к середине века, поэтому вполне закономерно считать план «Китайский стандарт 2035» инструментом борьбы за глобальное лидерство в стандартизации технологий.

Литература

1. Кулешова Е. В Управление рисками проектов: учебное пособие / автор-сост. Е.В. Кулешова. 2-е изд., доп. Томск: Эль Контент, 2015. 188 с
2. Арсеньева В.А., Подольская Т.В., Прокопенко М.В., Есенская Т.В., Буханова Е.А. Инновационная политика Китая: направления развития и перспективы использования опыта в России // Инновации и инвестиции. 2021. № 4. С. 70–74.
3. Бобков А.В. Анализ инвестиционной привлекательности [Электронный ресурс]: учебное пособие / А.В. Бобков, Н.П. Паздникова; Пермский государственный национальный исследовательский университет. — Электронные

данные. Пермь, 2021. 3,58 Мб; 152 с. Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/uchebnie-posobiya/bobkovpazdnikova-analiz-investicionnoj-privlekatelnosti.pdf>. — Заглавие с экрана. ISBN 978-5-7944-3738-6

4. Гамза Л.А. Технологическое противостояние США и Китая в АТР // Россия и АТР. 2020. № 3. С. 110–133.
5. Игнатов И.И. Роль акта Бэя-Доула (BAYHDOLE ACT-1980) в трансфере научных знаний и технологий из американских университетов в корпоративный сектор: итоги тридцатилетнего пути // Управление наукой и наукометрия. 2012. № 12. С. 159–188.
6. Степаненко Д.М. Формы реализации инновационной функции государства // Экономические и юридические науки. Теория и история государства и права. — 2017. № 6. С. 123–131.
7. Фань, Д. Инновационная политика Китая: этапы формирования / Д. Фань // Креативная экономика. 2022. Т. 16, № 1. С. 331–344. — DOI 10.18334/ce.16.1.114085
8. 国家中长期科学和技术发展规划纲要 // 国家中长期科学和技术发展规划纲要 (2006–2020年) URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%9B%B%E5%AE%B6%E4%B8%AD%E9%95%BF%E6%9C%9F%E7%A7%91%E5%AD%A6%E5%92%8C%E6%8A%80%E6%9C%AF%E5%8F%91%E5%B1%95%E8%A7%84%E5%88%92%E7%BA%B2%E8%A6%81/8659552> (дата обращения: 20.07.2025).
9. Kagan: Qualcomm leads in wireless patent quality // RCR Wireless News URL: <https://www.rcrwireless.com/20200619/analyst-angle/kagan-qualcomm-leads-in-wireless-patent-quality> (дата обращения: 19.07.2025).
10. Китайские стандарты 2035 // Asia Business Blog URL: <https://a-b-i.ru/2022/03/chinastandards-2035/> (дата обращения: 19.07.2025).
11. Мировой лидер патентования поднимает планку качества (Гершман М.А., Иванова И.А., Клыпин А.В.) // НИУ ВШЭ ИСИЭЗ URL: <https://issek.hse.ru/news/818184234.html> (дата обращения: 20.07.2025).
12. Правовое обеспечение и стимулирование инновационной деятельности в США, Канаде, Японии и странах Евросоюза // Research Gate URL: https://www.researchgate.net/publication/281525813_Pravovoe_obespecenie_i_stimulirovanie_innovacionnoj_deatelnosti_v_SSA_Kanade_Aponii_i_stranah_Evrosouza (дата обращения: 20.02.2025).

IMPACT OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL PROGRESS ON LEGAL REGULATION OF INNOVATIONS IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Barova V.O.
Saint Petersburg Polytechnic University

The article is devoted to the topic of legal changes that arose in Chinese society during the scientific and technological development of the PRC. Particular attention is paid to Chinese legislation in the scientific and technical sphere through the prism of concepts of understanding the relationship between law and scientific and techno-

logical progress is the disclosure of the content of the basic laws, strategies and concepts that led the PRC to a modern scientific and technical state. The article describes the innovative function of the state and the forms of its implementation, the historically formed key role of the government in the basic fundamental development of scientific innovations and in the creation of a transfer innovation bridge using the example of the adoption of the BDA-1980 by the United States, innovation policy as a risk management tool, and also proves the importance of having a high share of high-tech products to achieve the country's economic security and the significance of patent wars in the formation of a positive innovative image. The content of such strategic development programs as "Innovative China", "Thousand Talents", "Made in China", "Dual Circulation" is revealed, an overview of the Law of the PRC "On Scientific and Technological Progress" is given, and historical information on the path of forming the scientific and technological policy of the PRC in the historical context is provided. As a result, it was possible to create a general picture of the formation of scientific and technological activity in the People's Republic of China.

Keywords: scientific and technological development of the PRC, risk management, Chinese law, innovation, patent wars, scientific and technological policy of the PRC.

References

1. Kuleshova E.V. Project risk management: study guide / author-compiler E.V. Kuleshova. 2nd ed., suppl. Tomsk: El Content, 2015. 188 p
2. Arsenyeva V. A., Podolskaya T.V., Prokopenko M.V., Yesenskaya T.V., Bukhanova E.A. China's innovation policy: development directions and prospects for using experience in Russia // Innovations and investments. 2021. No. 4. P. 70–74.
3. Bobkov A.V. Analysis of investment attractiveness [Electronic resource]: study guide / A.V. Bobkov, N.P. Pazdnikova; Perm State National Research University. – Electronic data. Perm, 2021. 3.58 MB; 152 pp. Access mode: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/uchebnie-posobiya/bobkovpazdnikova-analiz-investicionnoj-privlekatelnosti.pdf>. – Title from the screen. ISBN 978-5-7944-3738-6
4. Gamza L.A. Technological confrontation between the USA and China in the Asia-Pacific region // Russia and the Asia-Pacific region. 2020. No. 3. Pp. 110–133.
5. Ignatov I.I. The role of the Bayh-Dole Act (BAYH-DOLE ACT-1980) in the transfer of scientific knowledge and technologies from American universities to the corporate sector: the results of a thirty-year journey // Science Management and Scientometrics. 2012. No. 12. Pp. 159–188.
6. Stepanenko D.M. Forms of implementation of the innovative function of the state // Economic and legal sciences. Theory and history of state and law. – 2017. No. 6. P. 123–131.
7. Fan, D. China's innovation policy: stages of formation / D. Fan // Creative economy. 2022. Vol. 16, No. 1. P. 331–344. – DOI 10.18334/ce.16.1.114085
8. 国家中长期科学和技术发展规划纲要 (2006–2020年) URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%9B%BD%E5%AE%B6%E4%B8%AD%E9%95%B-F%E6%9C%9F%E7%A7%91%E5%AD%A6%E5%92%8C%E6%8A%80%E6%9C%AF%E5%8F%91%E5%B1%95%E8%A7%84%E5%88%92%E7%BA%B2%E8%A6%81/8659552> (date of access: 20.07.2025).
9. Kagan: Qualcomm leads in wireless patent quality // RCR Wireless News URL: <https://www.rcrwireless.com/20200619/analyst-angle/kagan-qualcomm-leads-in-wireless-patent-quality> (accessed: 19.07.2025).
10. Chinese standards 2035 // Asia Business Blog URL: <https://a-b-i.ru/2022/03/chinastandards-2035/> (accessed: 19.07.2025).
11. The world leader in patenting raises the quality bar (Gershman M.A., Ivanova I.A., Klypin A.V.) // HSE ISSEK URL: <https://issek.hse.ru/news/818184234.html> (accessed: 20.07.2025).
12. Legal support and stimulation of innovation activity in the USA, Canada, Japan and the EU countries // Research Gate URL: https://www.researchgate.net/publication/281525813_Pravovoe_obespechenie_i_stimulirovanie_innovacionnoj_deatelnosti_v_SSA_Kanade_Aponii_i_stranah_Evrosozu (accessed: 20.02.2025).

Органы управления в области использования водных ресурсов в Закавказье в XIX в.

Брояка Юлия Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
E-mail: u_saratov@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению истории становления органов управления в области использования водных ресурсов в Закавказье в XIX в. и выявления влияния местных особенностей на систему управления. Отмечается, что установление новой системы управления шло в контексте проводимой административно-правовой реформы, где «магальная» система управления, основанная на обычном праве, была заменена на систему управления, основанную на административно-правовом регулировании. Новая система управления ирригационным хозяйством предусматривала три уровня органов власти с детальным определением объема полномочий каждого уровня. Она относилась непосредственно Министерству государственных имуществ, была направлена на упорядочивание водопользования, совершенствование существовавших ирригационных систем и созданию новых, расширяя тем самым, площадь используемых земель.

Ключевые слова: Закавказье, обычное право, водное законодательство, «магальная» система управления, водные округа, инспектор вод, окружной старшина, водный староста.

Тема создания органов управления в области использования водных ресурсов в Закавказье в XIX в. продолжает оставаться недостаточно освещенной в историко-правовой литературе. Особое значение с точки зрения исследуемой темы имеют работы дореволюционных правоведов, изучавших, в том числе, местную систему управления в Российской империи (Дингельштет В. [1], Егиазаров С.А. [2], Гинс Г.К. [3], Иваненко В.Н. [4], Эсадзе С.С. [5], Евецкий О.С. [6], и др.).

Современные исследования проводятся по взаимосвязанным, но более широким темам местного права и управления (Давидян Г.М. [7], Кодан С.В., Февралев С.А. [8], Лаптева Л.Е. [9] и др.).

Создание местных органов управления в области использования водных ресурсов в Закавказье происходило на протяжении XIX в. Регулирование общественных отношений в сфере водопользования Закавказья имело свои особенности, учитывающие географические, климатические и политические условия региона. В связи с недостаточной естественной обеспеченностью водными ресурсами, нехватка традиционно компенсировалась строительством и эксплуатацией ирригационных систем [10, с. 111], [11, 253].

Согласно проводимой административно-правовой реформе с 40-х гг. XIX века в Закавказье, целью которой было создание единой и унифицированной системы исполнительной власти, одинаковой по структуре и функциям для всех губерний империи, т.е. введение единых должностных названий и компетенций для губернаторов, наместников и местных органов власти; централизацию административных функций, упорядочение подотчетности и контроля; обеспечение администрирования территории Закавказья в рамках общероссийской бюрократической модели [7, с. 9]. Указ 1840 года «Учреждение для управления Закавказским краем» стал ключевым актом, он определял статус региона и зафиксировал принципы его управления в составе Российской империи в XIX в. [12].

Однако, несмотря на проводимые изменения, в 1847 г. было принято Высочайше утвержденное положение Кавказского комитета, объявленное Министром юстиции «О предоставлении собственному распоряжению жителей Эриванского и Нахичеванского уездов выбора и содержания мерабо́в, обязанных заниматься распределением воды из каналов для орошения полей», сохранявшее прежнюю систему управления водным хозяйством в Эриванском и Нахичеванском уездах. В них, выбор и содержание в указанных уездах «мерабо́в», обязанных заниматься распределением воды

из каналов для орошения полей, предоставлялся жителям, «без всякого вмешательства в это дело со стороны местного начальства, и с тем, чтобы влияние в этом деле ограничивалось только разбором могущих возникнуть жалоб на неправильную раскладку взимаемого на содержание мерабов сбора» [13].

Существовавшая на основе обычного права система управления ирригационными сооружениями Закавказья строилась на базе водных округов, руководство которыми осуществляла местная водная администрация. Объем ее полномочий был широким и давал возможность для злоупотреблений, что приводило к жалобам местного населения [2, с. 52–53]. Органы управления и злоупотребления со стороны местной администрации, по мнению российских ученых, привели ирригационные сооружения многих местностей Закавказья к упадку, что требовало проведения насущных изменений [1, с. 5].

В частности, исследователь юридического быта Закавказья, профессор С.А. Егiazаров (1852–1922) считал, что проблема значительно масштабнее, что «анархия и продажность были вызваны отсутствием специального закона о водовладении. Издание же закона замедляется именно потому, что водовладение в том смысле, как понимают его на Кавказе, совершенно новый вопрос в нашей экономической жизни» [2, с. 166–167].

Создание законопроектов о водовладении и систем управления ирригационным хозяйством велось на разных уровнях: на уровне министерств – в 1854 г. была образована особая комиссия, состоявшая из представителей четырех министерств; на местном уровне – с 1866 г. в Тифлисе работала особая комиссия с той же целью.

После многолетних обсуждений водных законопроектов было принято «Положение о пользовании водами для орошения земель в Закавказье» от 3 декабря 1890 г., согласно которому прежняя система управления ирригационными системами в Закавказье была заменена новой системой управления.

Воды, используемые для орошения земель, стали относиться к ведению Министерства государственных имуществ и по соглашению Министра Государственных имуществ с «Главначальствующим гражданской частью на Кавказе» делились на округа, образуемые из вод реки или иного «водовместилища», служивших для питания одной оросительной системы. Должностные лица водного управления руководствовались в своей деятельности инструкциями министра государственных имуществ [14, ст. 6].

Новая система управления предусматривала три уровня органов власти: 1) высший – управление всем водным хозяйством Закавказья поручалось Инспектору вод, к компетенции которого относились вопросы контроля за осуществлением работ Инженер-гидравликов на местах, деление водных округов на отделы, выдачи свидетельств на право пользования оросительными системами.

В ведении инженер-гидравликов, к которым относились ирригационные системы, находились вопросы контроля за окружающими водными учреждениями, составления проектов, смет ирригационных сооружений и их реализация и т.д. Для обсуждения проектов по усовершенствованию существующих оросительных систем и реализации новых проектов в Тифлисе созывался съезд вышеуказанных должностных лиц [14, ст.ст.7–9].

Вышеуказанные должностные лица имели свой штат (Юрисконсульты, Канцелярия у Инспектора вод и кондукторы у Инженер-гидравликов) и находились на государственном обеспечении согласно «Высочайше утвержденного штата чинов водных учреждений на Кавказе» от 3.12.1890 г. [15].

2) Выборные органы управления в пределах водных округов. Водные округа возглавлялись Советом выборных, действовавших под контролем Инженер-гидравликов. Совету вверялось заведование делами всего водного округа. Совет выборных от водного округа избирался на три года всеми водопользователями и рассматривал вопросы распределения воды по магистральным каналам, перераспределения воды в условиях засухи, ремонта каналов, укрепление берегов, раскладки работ для ремонта каналов и сооружения новых, определение и раскладка между водопользователями денежных сборов для оплаты ремонта водопроводов и создания новых, а также оплата содержания должностных лиц водного округа и т.д. В совете выборных председательствовал окружной старшина.

3) местная водная администрация – окружной старшина (мираб) избирался на три года, надсмотрщик канав (джувар) и водный староста избирались на год. К компетенции местной водной администрации относились вопросы непосредственного управления и контроля над ирригационными сооружениями, в том числе, распределение воды по каналам, выводящим воду из естественных водохранилищ или из основного канала, наблюдение за рабочим состоянием канав, за количеством воды, втекающей через головное сооружение канала, и за распределением воды по канavam отдельных деревень или земельных владений, а также наблюдением за распределением воды между хозяевами и за исправным содержанием канав каждого селения или города.

Указанные должностные лица водного округа за небрежное исполнение своих обязанностей подвергались штрафным санкциям в размере от одного до пятидесяти рублей по решению инженер-гидравликов. Должностные лица водных учреждений, в случае неисполнения своих обязанностей, отстранялись от дел: окружные старшины – Инспектором вод по соглашению с Губернатором, надсмотрщики канав – инженер-гидравликами по соглашению с уездными начальниками, водные старосты сходом соучастников [14, ст.ст.14–18].

Российские специалисты по водному праву давали оценку принятого законодательства, в частности, А.Е. Егiazаров и И. Миклашевский считали,

что «Положение о пользовании водами для орошения земель в Закавказье» от 3 декабря 1890 г. установило правовой порядок, положивший конец анархии и беззаконию, которые до этого времени царили в «магальной» администрации, беззаконию, подрывавшему авторитет власти и убивавшему в местном населении веру в справедливость, охраняемого российскими законами правового порядка. По их мнению, закон не только не противоречил местным воззрениям населения о праве на воду, но и более всего соответствовал установившемуся в современной правовой литературе взгляду на воду, как на предмет «общественного обладания» [16, с. 137].

Таким образом, в конце XIX в. в Закавказье была сформирована новая система управления ирригационным хозяйством. Существовавшая ранее «магальная» система управления, основанная на обычном праве была заменена на новую систему управления, основанную на административно-правовом регулировании, следуя общей тенденции к унификации системы исполнительной власти, одинаковой по структуре и функциям для всех губерний империи, упраздняя их самостоятельность. Соответственно, новая система управления ирригационным хозяйством была подчинена непосредственно Министерству государственных имуществ, была направлена на упорядочивание водопользования, улучшение существовавших ирригационных систем и создания новых. Следует отметить, что к концу XIX столетия в Российской империи единой системы управления водными ресурсами страны так и не было образовано (государственное управление в области использования водных ресурсов осуществляли различные министерства). В частности, только в начале XX века (в 1903 г.) был учрежден специализированный по водным вопросам орган при Министерстве земледелия и государственных имуществ – Гидрологический комитет.

Литература

1. Дингельштет В. Водовладение и ирригация: Водовладение по русским и иностранным законам и обычаям. Управление водами. Юридические, административные и технические вопросы по ирригации. Ирригация в Закавказье, Южной Европе, Ост-Индии и некоторых других вне-европейских странах. Ч. 1. Тифлис, 1880. 365 с.
2. Егиазаров С.А. Исследования по истории учреждений в Закавказьи: Ч 1–2 / Егиазаров С.А. Сельская община: Сослов. строй, внутр. орг. и упр. общины в связи с землевладением, водовладением и подат. обложением / 2 т.; 23. – Казань: тип. Ун-та, 1889–1891, 1889.
3. Право на предметы общего пользования. Ч. 1: Основы водного права. 1926, ч. 2: Современное водное право. 1928. Ч. 1–2 / Гинс Г.К. – Харбин. 245 с.

4. Иваненко В.Н. Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества Великою князя Михаила Николаевича. Тифлис, 1902.
5. Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907.
6. Евецкий О.С. Статистическое описание Закавказского края. В двух частях одной книгой с присовокуплением статьи «Политическое состояние Закавказского края в исходе XVIII века и сравнение оного с нынешним. СПб., 1835. 308 с.
7. Давидян Г.М. Правовое положение Закавказья в составе Российской империи в XIX веке: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01: М., 2005. 23 с.
8. Кодан С.В., Февралёв С.А. Местное право национальных регионов в Российской империи (вторая половина XVII–начало XX в.). М.: Юрлитинформ, 2014. 281 с.
9. Лаптева Л.Е. Региональное и местное управление в России (вторая половина XIX в.). М.: ИГПАН, 1998. 151 с.
10. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Тифлис: тип. А.А. Михельсона, 1885–1887. Т. 1. 1885. 787 с.
11. Жилинский И.И. Очерк работ Экспедиции по орошению на юге России и Кавказе. СПб., 1892. С. 253. 404 с.
12. ПСЗ РИ – II. 1840. Т. XV. № 13368.
13. ПСЗ РИ – II. 1847. Т. XXII. № 21104.
14. ПСЗ РИ – III. 1890. Т. X. № 7255. Ст. 6.
15. ПСЗ РИ – III. 1890. Т. X. № 7255. Штаты и таблицы.
16. Миклашевский И. Водное законодательство и водное право в России // Русская мысль. 1895. Кн. 8. с. 138–157.

GOVERNING BODIES IN THE USE OF WATER RESOURCES IN TRANSCAUCASIA IN THE XIX CENTURY

Broyaka Yu.V.
Saratov State Law Academy

The article is devoted to the consideration of the history of the formation of governing bodies in the field of the use of water resources in the Transcaucasia in the XIX century. and identifying the influence of local characteristics on the management system. It is noted that the establishment of a new management system was in the context of the ongoing administrative and legal reform, where the “magical” management system based on normal law was replaced by a management system based on administrative and legal regulation. The new irrigation management system provided for three levels of authorities with a detailed determination of the amount of powers of each level. It was directly related to the Ministry of State Property, was aimed at streamlining water use, improving the existing irrigation systems and creating new ones, thereby expanding the area of land used.

Keywords: Transcaucasia, ordinary law, water legislation, the “magic” management system, water districts, inspector of water, district foreman, water elder.

References

1. Dingelstet V. Wodping and irrigation: water service according to Russian and foreign laws and customs. Water management.

- Legal, administrative and technical issues on irrigation. Irrigation in Transcaucasia, Southern Europe, East Indies and some other extra-European countries. Part 1. Tiflis, 1880. 365 p.
2. Egiazarov S.A. Studies on the history of institutions in Transcaucasia: h 1–2 / Egiazarov S.A. Rural community: estates. Structure, inside. Org. and exercise. communities in connection with land ownership, water, and serving. taxation / 2 t.; 23. – Kazan: Type. University, 1889–1891, 1889.
 3. The right to public items. Part 1: Fundamentals of water law. 1926, part 2: Modern water law. 1928. Part 1–2 / Gins G.K. – Harbin. 245 C.
 4. Ivanenko V.N. Civil administration of Transcaucasia from the accession of Georgia to the governorship of Grand Duke Mikhail Nikolayevich. Tiflis, 1902.
 5. Esadze S.S. Historical note on the management of the Caucasus. Tiflis, 1907.
 6. Evetsky O.S. Statistical description of the Transcaucasian Territory. In two parts, one book with the addition of the article “The political state of the Transcaucasian Territory at the outcome of the 18th century and the comparison of the Onago with the current. SPb., 1835. 308 p.
 7. Davidyan G.M. The legal status of Transcaucasia as part of the Russian Empire in the 19th century: abstract of dis. ... cand. Yurid. Sciences: 12.00.01: M., 2005. 23 p.
 8. Kodan S.V., February S.A. The local law of the national regions in the Russian Empire (second half of the 17th – beginning of the 20th century). M.: Jurlitinform, 2014. 281 p.
 9. Lapteva L.E. Regional and local administration in Russia (second half of the XIX century). M.: IG PAN, 1998. 151 p.
 10. Materials for studying the economic life of state peasants of the Transcaucasian Territory. Tiflis: Type. A.A. Michelson, 1885–1887. T. 1. 1885. 787 p.
 11. Zhilinsky I.I. Essay on the work of the irrigation expedition in the south of Russia and the Caucasus. SPb., 1892. S. 253. 404 p.
 12. PSZ RI–II. 1840. T. XV. No. 13368.
 13. PSZ RI–II. 1847. T. XXII. No. 21104.
 14. PSZ RI–III. 1890. T.X. No. 7255. Art. 6.
 15. PSZ RI–III. 1890. T.X. No. 7255. States and Tables.
 16. Mikravsky I. Water legislation and water law in Russia // Russian Thought. 1895. 8. P. 138–157.

Волокитин Илья Игоревич,

аспирант, кафедра теории государства и права,
Московский государственный юридический университет
им. О.Е. Кутафина
E-mail: Volokitin.Ilya.L@yandex.ru

Естественно-правовое учение относится к классическому учению о понимании права, его природы, предназначения и сущности. Естественно-правовое учение на протяжении столетий своего формирования и развития испытывало «взлеты» и «падения». Естественно-правовое учение отвергалось и признавалось единственно верным пониманием природы права. В современном мире естественно-правовое учение продолжает влиять на процессы правоприменения и законотворческого процесса. Естественно-правовое учение во многом стало «ненормативной идеологией», указывающей на стандарт должного права. Мы употребили термин «ненормативная» идеология в том смысле, что естественно-правовое учение проявляет свою силу не через нормативную силу, свойственную позитивному праву, а через слово, выраженное в трудах философов и теоретиков права, а также слово, произносимое с высоких трибун, политиками и общественными деятелями. Ввиду отсутствия нормативного основания естественное право подвержено изменениям, которые могут иметь как положительное выражение, так и отрицательное. Категория естественность становится «уязвимой», поскольку в современном мире естественным может быть признано все, что отвечает запросу определенных социальных групп. В связи с этим в рамках настоящей статьи мы ставим задачу раскрыть проблематику уязвимости идеи естественного права в современном мире.

Ключевые слова: естественное право, естественность, вызовы, глобальность, свобода, права человека.

Современный мир – пространство свободы. Казалось бы, что за данным выражением скрывается обычный лозунг, который вдохновляет свобододобивых людей и угнетает тех, кто находит в свободе основание для произвола. Свобода наставляет на путь созидания и социального сотрудничества. Внутренняя свобода позволяет человеку раскрыть свой потенциал и найти силу для преобразования себя и мира, внешняя свобода позволяет реализовать задуманное.

Естественное право – ровесник рода человеческого. Во все времена преимущественно оно управляло нравами (*mores*) и делами народов, и воплотить его в своих делах всякому благородному человеку всегда было по сердцу [1].

Конститутивной основой естественно-правового учения является учение о свободе.

Свобода как нравственная ценность – явление сравнительно позднего времени. Древнему и средневековому обществу она органически чужда. Свобода воспринималась тогда только как статус, противоположный рабству, или (в Древней Греции и Риме) как участие в государственной власти [2].

Характеристика свободы, данная Гегелем, остается актуальной и в настоящее время, поскольку великий философ отметил главную особенность учения о свободе, которая выражается в том, что «ни об одной идее нельзя с таким полным правом сказать, что она неопределенна, многозначна, доступна величайшим недоразумениям и потому действительно им подвержена, как об идее свободы, и ни об одной не говорят обычно с такой малой степенью понимания ее» [3].

О.В. Пастушкова обращает внимание на следующее: «Проблема свободы, взятая в своем антропологическом измерении, исторически и логически впервые обнаруживает свое бытийное пространство в свободе воли. Иными словами, формой, в которой свобода осознает себя и воплощает в мире, является свобода воли человека, что и выражает исходную интуицию свободы» [4].

Т. Гоббс дает следующее определение понятию свобода: «Под свободой, согласно точному значению слова, подразумевается отсутствие внешних препятствий, которые нередко могут лишить человека части его власти делать то, что он хотел бы, но не могут мешать использовать оставленную человеку власть сообразно тому, что диктуется ему его суждением и разумом» [5].

Дж. Локк исходит из того, что природа всех наделила разумом, также он утверждает, что существует закон природы, познаваемый разумом. Однако из этого не обязательно следует, что он известен каждому. Ведь одни не прибегают к этому свету, предпочитая мрак [6].

Высокое представление о свободе тесно граничит со вседозволенностью. Вседозволенность – это антипод свободы. Вседозволенность использует форму свободы и наполняет ее противоречивым содержанием.

Двадцать первый век предоставляет человеку и обществу возможности, которые не были доступны в прошлом, очевидность, которой мы не даем должной оценки. Сегодня мы можем свободно находить научную и профессиональную литературу, читать художественную литературу на иностранных языках, общаться с помощью интернета со всем миром и обогащаться духовно и культурно, потому что культурное наследие всего мира открыто нам на страницах интернета.

В настоящее время многие страны мира отказываются от классического естественно-правового учения, которое вдохновляло человека своей высокой идеей значимости человеческой жизни в свете внутренней и внешней свободы.

К сожалению, естественное право во многих странах мира становится идеологией несвободы. Естественная свобода становится естественной вседозволенностью, которая открывает простор для морально-нравственной деградации как отдельного человека, так и всего общества.

С.В. Хоружая в диссертационном исследовании, посвященном изучению социокультурной деградации, справедливо отмечает, что «в философском смысле противоположностью процесса деградации является совершенствование, движение к идеалу, более высокой форме гармонизации социального и культурного. Если совершенство (как и любой идеал) – это цель, то процесс совершенствования бесконечен (в рамках жизни отдельного человека и человечества в целом)» [7].

Римско-католическая церковь, осознавая возможность падения роли и значимости классических естественно-правовых идей, закрепила основные постулаты естественного права в Компендиуме социального учения Церкви (далее – Компендиум).

Г.В. Мальцев приходит к следующему выводу: «современное состояние естественно-правовой мысли на Западе было бы невозможным охарактеризовать без учета различных течений христианской теологии» [8].

Компендиум социального учения католической церкви уделяет повышенное внимание природе, роли и значимости естественного закона как в жизни всей католической церкви, так и в жизни отдельного человека.

В соответствии с п. 22 Компендиума «Десять заповедей, прокладывая исключительную дорогу жизни и указывая самые надежные условия для существования в свободе от рабства греху, дают оптимальное выражение естественного закона». «Они учат об истинной человечности человека. Они подчеркивают основные обязанности, следовательно, косвенным образом и фундаментальные права, присущие природе человека» [9].

Кардинал Йозеф Хёффнер выделяет следующие черты естественного права как существенного права:

Всеобщность. Поскольку естественное право вытекает из общей всем человеческой природы, оно обязательно для каждого.

Неизменность. В то время как позитивные законы в силу их зависимости от конкретных условий подвержены изменениям и при определенных условиях должны быть вообще упразднены, основные нормы естественного права неизменны, поскольку они покоятся на постоянстве человеческой природы. Неизменность естественного права ни в коей мере не противоречит историчности человека, т.к. естественное право покоится на вневременной, метафизической составляющей человеческой личности. Историческому изменению подвержены отдельные люди и живущее во времени и пространстве человечество, но не метафизическая природа человека.

Познаваемость. В семье, в которой раскрываются существенные элементы права, они изучаются и переживаются с детства в конкретной предметной форме, так что познание принципов и онтологического содержания едино уже изначально [10].

Католическая церковь в свете теологического подхода к пониманию права закрепила на нормативном уровне классические представления о роли и значимости естественного права. Современная естественно-правовая идеология западного мира, отвергая высокое представление о естественности, открывает простор для формирования и укрепления нового представления о «естественности», которое отвергает высокое призвание человека.

П.И. Новгородцев писал следующее: «Естественно-правовые построения являются неотъемлемым свойством нашего духа и свидетельством его высшего призвания. Общество, которое перестало бы создавать идеальные построения, было бы мертвым обществом; эти построения каждый раз показывают, что в нем дух жив, есть движение нравственного чувства и сознания [11].

Современное российское государство создает нормативную основу, закрепляющую верное понимание традиционных ценностей, которые лежат в основе представлений о естественности и естественном.

Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» дает определение понятию традиционные ценности (далее – Указ). В соответствии с п. 4 Указа традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникаль-

ное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России.

Указ подчеркивает особую роль преемственности поколений. Преемственность позволяет развивать естественные человеческие ценности. Именно преемственность открывает простор для творческого и научного осмысления роли и значимости права в жизни человека, общества и государства.

Согласно п. 5 Указа к традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России [12].

Указ, раскрывая разнообразие традиционных ценностей, демонстрирует миру высокий уровень осмысления народами России истинного значения идей естественного права. Естественного права, направленного на созидание мира и развития человека.

На основании вышеизложенного необходимо отметить, что уязвимость естественно-правового учения в современном мире заключается в следовании искусственному и навязанному представлению о свободе как вседозволенности. Российская правовая система, закрепляя на нормативном уровне традиционное понимание естественных прав человека и гражданина, создает прочную основу для построения правовой системы, отвечающей вызовам и угрозам современного мира.

Литература

1. Сочилин А.А. Первый опыт истории «Науки естественного права» Этическая мысль. 2017. Т. 1. № 1 С. 137.
2. Мартышин О.В. Философия права: учебник для магистров.-М: Проспект, 2017. С. 99.
3. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. М., 1956. С. 291.
4. Пастушкова О.В. Онтологическое пространство свободы, Диссертация кандидата философских наук, Воронеж, 2005, С. 12.
5. Гоббс Т. Сочинения в двух томах, Т. 2, М., 1991, С. 98.
6. Локк Джон Сочинения в 3-х т.: Т. I/Ред.: И.С. Нарский, А.Л. Субботин; М.: Мысль, 1985 С. 6.
7. Хоружая С.В. Социокультурная деградация (социологический анализ). Диссертация кандидата социологических наук, С. 35, Краснодар, 2003.
8. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы – М., Прометей, 1999, С. 35.

9. Русский перевод «Компендиума социального учения Церкви», 2006, «Паолине» С. 32.
10. Кардинал Йозеф Хёффнер Христианское социальное учение. Пер. с нем. яз. – Мария Шиллер и Валентин Песенко. С. 66–67.
11. Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. М., 2002. С. 522.
12. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «КонсультантПлюс».

THE PROBLEMATIC OF THE VULNERABILITY OF THE IDEA OF NATURAL LAW IN THE MODERN WORLD

Volokitin I.I.

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin

Natural law doctrine refers to the classical doctrine of understanding law, its nature, purpose, and essence. Natural law doctrine has experienced “ups” and “downs” over the centuries of its formation and development. Natural law doctrine has been rejected and recognized as the only correct understanding of the nature of law. In the modern world, natural law doctrine continues to influence the processes of law enforcement and the law-making process. Natural law doctrine has largely become a “non-normative ideology” indicating the standard of due law. We used the term “non-normative” ideology in the sense that natural law doctrine manifests its power not through the normative power inherent in positive law, but through the word expressed in the works of philosophers and legal theorists, as well as the word pronounced from high platforms, by politicians and public figures. Due to the absence of a normative basis, natural law is subject to change, which can have both a positive and a negative expression. In this regard, within the framework of this article we set the task of revealing the problem of the vulnerability of the idea of natural law in the modern world.

Keywords: natural law, naturalness, challenges, globality, freedom, human rights.

References

1. Sochilin A.A. The First Experience of the History of the “Science of Natural Law” Ethical Thought. 2017. Vol. 1. № 1 P. 137.
2. Martyshin O.V. Philosophy of Law: a textbook for masters. -M: Prospect, 2017. P. 99.
3. Hegel G.V.F. Encyclopedia of Philosophical Sciences. T. 3. M., 1956. P. 291.
4. Pastushkova O.V. Ontological space of freedom, Dissertation of candidate of philosophical sciences, Voronezh, 2005, P. 12.
5. Hobbes T. Works in two volumes, T. 2, M., 1991, P. 98.
6. Locke John Works in 3 volumes: T.1 / Ed.: I.S. Narsky, A.L. Subbotin; M.: Mysl, 1985 P. 6.
7. Khoruzhaya S.V. Sociocultural degradation (sociological analysis). Dissertation of candidate of sociological sciences, P. 35, Krasnodar, 2003.
8. Maltsev G.V. Understanding the law. Approaches and Problems – M., Prometheus, 1999, P. 35.
9. Russian translation of the “Compendium of the Social Teaching of the Church”, 2006, “Paolina” P. 32.
10. Cardinal Joseph Höffner Christian Social Teaching. Translated from Germ. by Maria Schiller and Valentin Pesenko. P. 66–67.
11. Novgorodtsev P.I. Moral Idealism in the Philosophy of Law // Problems of Idealism. M., 2002. P. 522.
12. Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 No. 809 “On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values” // SPS “ConsultantPlus”.

О критериях эффективности государственной деятельности в современный период развития государств и правовых систем

Жинкин Сергей Алексеевич,

доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного университета

Прохорова Марина Леонидовна,

доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Кубанского государственного университета

В статье затрагиваются некоторые проблемы, связанные с анализом критериев эффективности государственной деятельности. Отмечается актуальность проблематики повышения эффективности государственной деятельности в связи с усиливающейся конкуренцией государств, моделей политических и правовых систем и необходимость четкого определения комплекса критериев такой эффективности. При этом очевидно, что такие критерии должны носить четкий и измеримый характер. Автором указывается, что эти критерии могут существенно различаться в различные исторические периоды, что связано с кардинальным различием комплекса задач, стоящим перед государствами разных исторических типов. Автором предложена общая классификация критериев эффективности государственной деятельности на экономические, политические, социальные, ценностные, культурные. По мнению автора, при определении уровня эффективности государственной деятельности должны приниматься в расчет не только степень достижения поставленных целей, соответствие целей и достигнутых результатов (целевой подход), но и характер и социальная ориентированность самих целей, далеко не все из которых могут нести общественную пользу и действительное удовлетворение социальных интересов. Если деятельность государства приносит значимые результаты, но эти результаты не способствуют общественному развитию и общественному благу, то вряд ли такую государственную деятельность можно охарактеризовать как социально эффективную.

Ключевые слова: государственная деятельность, эффективность, критерии.

Что такое эффективное государство и каким оно должно быть? Возможно ли измерить такую эффективность? Каковы должны быть критерии того, что то или иное государство действительно является эффективным, в том числе в аспекте своей деятельности? Эти и подобные по смыслу вопросы приобретают особую актуальность в современной ситуации конкуренции государств и правовых систем, экономических и социальных моделей, моделей предоставляемых обществу социальных услуг.

Актуальность избранной темы предопределило тот интерес, который проявляется к ней в литературе. Проблематике эффективности государственной власти и государственной деятельности посвящены как диссертационные и монографические исследования, так и целый ряд научных статей. При этом высказано немало интересных идей по соответствующим вопросам. Так, по мнению В.А. Затонского, под эффективностью государственности «следует понимать особую качественную характеристику процесса государственно-правового опосредования (главным образом — специально-юридического) социальных отношений, которая включает в себя три основных компонента: 1) результативность, то есть степень достижения соответствующих целей; 2) степень социально ценности (полезности) полученных результатов; 3) степень морального (нравственного) совершенства применяемых в процессе функционирования государственных средств» [1;11]. Немало ценных идей было изложено в диссертационной работе М.В. Трегубова, который рассматривает категорию эффективности именно в контексте системы государственного управления в целом [5;7–8], а также в монографическом исследовании В.Ю. Колмакова, в котором автор соотносит эффективности государственности с правовой ментальностью [2]. Категория эффективности деятельности государства даже соотносится у некоторых исследователей с категорией постмодерна [7;4–9], другие же проводят политологический анализ термина «эффективность власти», например, К.Ю. Мишин [3;107–114]. Интерес представляет предпринятая Р.Ф. Туровским попытка исследовать эффективность региональной власти в социальном и политическом аспектах [6;175–196].

Прежде всего, хотелось бы предложить для последующего анализа по аналогии с целевой концепцией эффективности норм права «целевое» определение эффективности государственной деятельности как соотношения между целями такой деятельности и ее результатами. В таком случае

представляется возможным оценивать эффективность не только государственной деятельности в целом, но и отдельных направлений такой деятельности, а также эффективность отдельных государственных мероприятий. Вместе с тем, следует оговориться, что данный подход, если не дополнять его другими, не учитывает характера и социальной ориентированности самих целей. Думается, что, если учитывать социальную ориентированность поставленных государством целей в качестве критерия эффективности деятельности государства, то речь в таком случае пойдет о социальной эффективности (социальном аспекте эффективности) государственной деятельности. Ведь вполне очевидно, что результаты могут давать и социально вредные, антигуманные, непродуманно поставленные цели, но в таком случае вряд ли можно говорить об эффективности государственной деятельности в социальном смысле.

Перейдем непосредственно к критериям эффективности государственной деятельности. В этом плане хотелось бы привести оговорку, сделанную О.А. Пучковым о том, что «граждане, законодатели и органы управления оценивают результаты государственной деятельности по-разному. Граждан интересует качество и оперативность оказываемых услуг, законодателя – достигнутые результаты при решении вопросов выделения бюджетных средств, отдельные органы государства оцениваются с точки зрения решения стоящих перед ними локальных задач» [4;74]. Думается, что подобный тезис вполне можно распространить и на оценку эффективности государственной деятельности, и на критерии такой оценки.

В самом общем виде указанным критерием, исходя из избранного нами целевого подхода, будет достижение целей, поставленных самим государством. Тогда в зависимости от характера самих целей можно выделить такие критерии, как: экономические, политические, социальные, ценностные, культурные.

Рассмотрим данные группы критериев более подробно.

Экономические критерии эффективности государственной деятельности могут носить как общий, общецивилизационный характер, так и быть сформулированы самим государством в своих нормативных актах, государственных программах и т.д. (частные критерии). К общим критериям можно отнести в первую очередь выработанные наукой и практикой показатели экономического роста (рост ВВП, в том числе на душу населения, увеличение экспорта и удельного веса на мировом рынке, увеличение доходной части бюджета, рост золотовалютных резервов и т.д.). К частным критериям отнесем развитие тех или иных отраслей экономики, экономический рост тех или иных регионов, который запланировало само государство в соответствующее время и в соответствующие сроки, или же, например, конкретные мероприятия, связанные с курсом валюты и ключевой ставкой рефинансирования, мероприятия по повышению ин-

вестиционной привлекательности, созданию рабочих мест и т.д.

Главным политическим критерием эффективности государственной деятельности, на мой взгляд, следует считать высокий уровень доверия народа по отношению к государству и его мероприятиям. Такой уровень доверия легко измерим и может выражаться в данных социологических опросов, отсутствии протестных акций со стороны населения, высоком уровне участия граждан в мероприятиях государственной власти. Не менее важен здесь и анализ характера переписки граждан с государственными органами, средствами массовой информации, мониторинг их мнений и предложений, жалоб.

Если говорить о социальных критериях эффективности, то здесь следует отметить в первую очередь различные показатели социальной защищенности граждан. Ну и, конечно, нельзя забывать о таких критериях, как отсутствие масштабных социальных конфликтов, в том числе религиозных и этнических. Социальными критериями можно считать также низкий уровень бедности и безработицы. Конечно, можно предложить и более общие критерии, например, уровень социальной солидарности, низкий уровень конфликтного потенциала в обществе и т.д., однако эти критерии обладают трудноизмеримостью, что делает их использование как минимум проблематичным.

Что касается ценностных критериев, то они определяются показателями того, насколько проводимые в государственной политике ценности соответствуют традиционным народным духовно-нравственным ценностям, и в этом плане хотелось бы отметить значение Указа Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Сохранение и укрепление таких ценностей будет являться главным ценностным критерием эффективности деятельности Российского государства на современном этапе.

Культурные критерии эффективности государственной деятельности (как, собственно, и другие критерии) могут различаться в зависимости от исторического периода. Если еще сто лет назад такими критериями можно было считать повышение уровня общей грамотности и введение всеобщего бесплатного среднего образования, количество или даже наличие библиотек в населенных пунктах, знание населением народных обычаев, песен и поговорок, то сегодня культурные критерии претерпели весьма существенную трансформацию. В современный период таковыми следовало бы считать степень участия граждан в государственных электронных сервисах, уровень их грамотности в плане противодействия телефонным мошенникам, уровень компьютерной грамотности, уровень волонтерского движения и т.д.

Итак, сегодня существует настоятельная необходимость не только в осмыслении критериев эф-

фективности государственной деятельности, взятой как в целом, так и в ее отдельных направлениях, но и в практической апробации анализа текущей государственной деятельности и ее перспектив на основе мониторинга достижения указанных критериев.

Литература

1. Затонский В.А. Эффективная государственность в личностно-правовом измерении: общетеоретическое исследование. Автореф. дисс... докт. юрид. наук. Саратов, 2009.
2. Колмаков В.Ю. Правовая ментальность эффективного государства. Красноярск, 2010.
3. Мишин К.Ю. Основные трактовки политологического смысла понятия «эффективность власти» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2015. Т. 15. Вып.3. С. 107–114.
4. Пучков О.А. Эффективное государство: постановка проблемы // Правопорядок: история, теория, практика. 2014. № 2 (3). С. 73–76.
5. Трегубов М.В. Эффективность системы государственного управления: теоретико-правовой аспект. Автореф. дисс...канд. юрид. наук. СПб., 2000.
6. Туровский Р.Ф. Социальная и политическая эффективность региональной власти: проблема измерения // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2013. № 1. С. 175–196.
7. Шабров О.Ф. Эффективность государственного управления в условиях постмодерна // Власть. 2010. № 5. С. 4–9.

ON THE CRITERIA OF EFFECTIVENESS OF STATE ACTIVITY IN THE MODERN PERIOD OF DEVELOPMENT OF STATES AND LEGAL SYSTEMS

Zhinkin S.A., Prokhorova M.L.
Kuban state University

The article touches upon some problems related to the analysis of criteria for the effectiveness of government activities. The relevance of the problem of increasing the effectiveness of government activities is noted in connection with the increasing competition of states, models of political and legal systems, and the need for a clear definition of a set of criteria for such effectiveness. At the same time, it is obvious that such criteria should be clear and measurable. The author points out that these criteria can differ significantly in different historical periods, which is due to the cardinal difference in the complex of tasks facing states of different historical types. The author suggests a general classification of criteria for the effectiveness of government activities into economic, political, social, value, and cultural. According to the author, when determining the degree of effectiveness of government activities, not only the degree to which goals have been achieved, the conformity of goals and results achieved (a targeted approach), but also the nature and social orientation of the goals themselves should be taken into account, far from all of which can be of public benefit and the actual satisfaction of social interests. If government activity brings significant results, but these results do not contribute to social development and the public good, then such government activity can hardly be described as socially effective.

Keywords: state activity, efficiency, criteria.

References

1. Zatonskiy V.A. Effective statehood in the personal and legal dimension: a general theoretical study. The abstract. diss... doct. jurid. sciences'. Saratov, 2009.
2. Kolmakov V.Y. The legal mentality of an effective state. Krasnoyarsk, 2010.
3. Mishin K. Yu. The Main Interpretations of the Political Meaning of the Concept of "Efficiency of Power" // Izvestiya of Saratov University. New Series. Series of Sociology. Political Science. 2015. Vol.15. Issue 3. Pp.107–114.
4. Puchkov O.A. An Effective State: The Problem Statement // Law and Order: History, Theory, Practice. 2014. No. 2 (3). pp.73–76.
5. Tregubov M.V. Effectiveness of the public administration system: theoretical and legal aspect. The abstract. diss...kand. jurid. Nauk. SPb., 2000.
6. Turovsky R.F. Social and political effectiveness of regional government: the problem of measurement // Politia: Analiz. The chronicle. Forecast. 2013. No. 1. Pp. 175–196.
7. Shabrov O.F. The Effectiveness of Public Administration in the Postmodern Era // Vlast. 2010.

Российские правоведы XIX – начала XX веков о сущности, содержании и формах права

Брояка Юлия Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
E-mail: u_saratov@mail.ru

Лядашева-Ильичева Марина Николаевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
E-mail: ljad-il@yandex.ru

Статья посвящена исследованию теоретико-методологических основ правовых исследований российских ученых XIX – начала XX вв. В советской и современной научной литературе отсутствуют комплексные исследования степени разработанности теоретических вопросов о сущности, содержании и формах права в российском правоведении XIX – начала XX вв. Отмечается, что отечественные правоведы рассматриваемого периода руководствовались научными критериями развития права и законодательства, обоснованными западноевропейскими мыслителями. Особое внимание в работах уделялось категориям сущности, формы и содержанию права в целом и законодательства в частности; внешней и внутренней истории права и законодательства. Авторы статьи пришли к выводу, что представители естественно-правового направления обращали внимание на сущность права и закона (правовых идей), приверженцы исторического направления в правоведении в научных исследованиях делали акцент на формах права и формах закона; сторонники позитивистского направления рассматривали содержательную сторону права в контексте ее формы.

Ключевые слова: история права, источники (формы) права, сущность, формы и содержание права, внутренняя история права, внешняя история права.

В отечественном правоведении XIX – начала XX вв. изучались вопросы понимания и соотношения таких категорий как сущность, форма и содержание права, внешняя и внутренняя история права и законодательства, а также проблема их соотношения.

С развитием теоретической юриспруденции в советской и современной России вопрос о сущности, содержании и формах права, а также внутренней и внешней формах права рассматривались в контексте проблемы правопонимания (И.Е. Фарбер [1], Н.В. Витрук [2, с. 14–26], М.И. Байтин [3, с. 4], М.Ю. Осипов [4, с. 11–16], О.Э. Лейст [5], М.Ю. Спиринов [6, с. 28–30], В.М. Шафиров [7, с. 299–310], К.В. Петров [8, с. 23–33], В.В. Ершов [9, с. 5–16], Т.В. Кашанина [10, с. 873–889], Сильченко Н.В. [11, с. 21–25] и др.). В частности, С.В. Кодан дает оценку «формированию внешней истории законодательства как источниковедческого раздела юриспруденции (1830–1850-е гг.)», «становлению внешней истории российского права как историко-юридического источниковедения (1860–1910-е гг.)» [12, с. 178–184].

Анализируя правовые традиции и новации, отечественные правоведы XIX – начала XX вв. руководствовались научными критериями развития права и законодательства, обоснованными западно-европейскими мыслителями: сущность права, внешняя и внутренняя сторона права (Г.В. Лейбниц), сущность законов «применительно к формам правления» (Ш.Л. де Монтескье) [13], «сущность законов» через их основные начала (идеи, принципы), формы выражения законов (И. Бентам) [14, с. 301–306], правовые формы [15, с. 12], формы закона (Ф.К. фон Савиньи) [16, с. 279] и др.

Немецкий ученый Г.В. Лейбниц (1646–1716) придерживался идеи изучения права с позиции его кодификации, обосновывая применение систематического и аналитического методов. Мыслитель отстаивал идею достоверного, упорядоченного и эффективного познания явлений, в том числе правовых [17, с. 16–36]. Г.В. Лейбниц предлагал в процессе познания вещей использовать категории сущность, форма и содержание [18, с. 76]. Немецкий правовед Ф.К. фон Савиньи (1779–1861) считал, что изучать право необходимо, используя исторический и систематический методы [15, с. 12]. По его мнению, «влияние законодательства на дальнейшее развитие права является более важным, чем влияние на изначальное его формирование» [16, с. 297]. Полемизируя с представителями естественно-правового и позитивистского

направлений в правоведении, Ф.К. фон Савиньи способствовал теоретико-методологическому обоснованию разграничений исследований в области: истории права, истории законодательства, истории институтов права публичного и частного.

Немецкий автор К. Брунс-Ленель предлагал историкам права заниматься, в большей степени, изучением «правовых идей и институтов, их возникновением и прекращением». С его точки зрения, «принято разделять историю права на внешнюю и внутреннюю или историю источников права и историю права». И все же, по мнению автора, в процессе изложения правового развития внутренняя и внешняя история связаны неразрывно [19, с. 9–10].

Понимание права в странах Западной Европы и России обыкновенно отождествлялось с понятием закона, но «объективное право в действительности развивается и выражается не только в форме закона, но и в форме обычая». Соответственно до 60-х гг. XIX века история права отождествлялась с внешней историей законодательства (историей правовых памятников), поэтому сторонники данного подхода не анализировали историю юридических норм и институтов [20, с. 3–5].

Обзор истории русского законодательства, данный правоведом Н.Ф. Рождественским (1802–1872), предполагал исследование проблемы его происхождения и развития. Законы, по мнению Н. Рождественского, подразделялись на естественные и положительные. Закономерности развития положительного законодательства просматривались, с его точки зрения, в изменениях его формы и содержания [21, с. 7–9].

Один из создателей отечественной юридической науки, правовед К.А. Неволин (1806–1855) затрагивал в своих работах вопрос о существовании, содержании и форме законов. В то же время, автор подчеркивал, что начала действующего законодательства определяли порядок его постепенного развития со стороны формы и содержания [22, с. 20–46]. В рамках исследования истории русского гражданского законодательства правовед различал его внешнюю и внутреннюю историю [23, с. 9–10].

Российский правовед И.И. Пискарев (1824–1887) отмечал, что «история законодательства включает в себе повествование о происхождении и постепенном образовании законов. Она занимается: или, во-первых, самими источниками законов, показывает причины и время издания их, исчисляет законодателей и излагает формы, в которых раскрывалось законодательство; или, во-вторых, излагает содержание законов в хронологическом порядке, объясняя, как эти законы произошли каким изменениям они подвергались в течение времени. В первом значении она называется внешней, во втором – внутренней» [24, с. 17–18].

Внешняя история русского права, по мнению Ф.И. Леонтовича (1833–1910), состояла в исследовании памятников законодательства с древнейших времен до новейших, при этом изучалась исто-

рия отдельных правовых памятников, их система и содержание. В связи с тем, что в истории права, с точки зрения ученого, отсутствовали системные исследования истории отдельных отраслей законодательства, для этого необходимо было обратиться к изучению постановлений, содержащихся в правовых памятниках и составлявших предмет изучения внутренней (содержательной) истории законодательства. Ф.И. Леонтович признавал рациональным изложение внутренней истории законодательства по его отраслям в хронологическом порядке с древнейших времен до новейшего времени. Внутренняя история права, с его точки зрения, это история отдельных «юридических правил и установлений», направленных на изучение сущности, внутренних связей и последовательности их развития по отдельным правовым памятникам и отраслям законодательства [25, с. 6–8].

Историк права В.Н. Латкин (1858–1927) предлагал исследовать историю законов с учетом постепенного развития правовых норм и форм их выражения. История русского права, с его точки зрения, призвана раскрыть форму, в которой выражались юридические нормы и институты, а также «сущности, содержания и основных начал самых юридических норм и институтов в разные исторические эпохи» [26, с. 1].

В научной литературе конца XIX в., по мнению историка российского права М.Н. Ясинского (1862–1935) «деление истории права на внешнюю и внутреннюю основано на различии источников или форм права от его сущности и содержания» [20, с. 4]. Под внешней историей права окончательно стала пониматься история источников (форм) права. Кроме того, ученый подчеркивал, что одной из задач научного исследования правовых памятников является его осмысление со стороны «формы, системы и содержания» [20, с. 8, 10]. Сходную позицию по данному вопросу занимал и правовед В.И. Сергеевич (1832–1910), относивший к внешней истории права историю развития правовых памятников или источников [27, с. 5].

Историк права Д.Я. Самоквасов (1843–1911) подчеркивал, что исследователям необходимо уделять внимание происхождению и прогрессивному развитию форм и содержания основных институтов права в системе русского права. История источников и памятников права называлась им внешней историей права, а история политико-юридических институтов – внутренней историей права. Рассматривая их в соотношении, автор подчёркивал, что внешняя история должна предшествовать внутренней, т.к. изучение истории институтов опирается на историю источников и памятников [28, с. IX–X].

Теоретик права Н.И. Палиенко (1869–1937) давал оценку сложившемуся в современном ему правоведении «вопросу о существовании права» в контексте правопонимания и тесной связи между правом и государством [29, с. 1–2, 72, 202]. Позитивизм, по мнению Н.И. Палиенко, признавал положение о невозможности познания сущности вещей. Историческое и догматическое изучение права зани-

мали доминирующее положение в позитивистском направлении правоведения [29, с. 100, 102].

Правовед Г.Ф. Шершеневич (1863–1912) давал критическую оценку мнению юристов Франции и Германии, осуществлявших поиск неизменной идеи права. Акцентируя внимание на понимании содержания права, Г.Ф. Шершеневич писал о необходимости обратиться к изучению формальной стороны права [30, с. 7–8].

Таким образом, взгляды западноевропейских мыслителей стали теоретико-методологическими основами научных трудов российских правоведов XIX – начала XX вв. Особое внимание уделялось категориям сущности, форм и содержания права в целом и законодательства в частности; внешней и внутренней истории права и законодательства. Представители естественно-правового направления обращали внимание на сущность права и закона (правовых идей). Приверженцы исторического направления в правоведении в научных исследованиях делали акцент на формах права и формах закона. Сторонники позитивистского направления рассматривали содержательную сторону права в контексте ее формы.

Литература

1. Фарбер И.Е. О сущности права. Отв. ред. Н.Б. Зейдер. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. 1959. 76 с.
2. Витрук Н.В. К вопросу о форме советского права / Избранное: в 2-х т. Т. 1. Статьи. Доклады. Рецензии. 1963–1990. М.: Российская академия правосудия, 2012. 641 с.
3. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное понимание на грани двух веков). Саратов: СГАП, 2001. 416 с.
4. Осипов М.Ю. Основные подходы к пониманию и сущности права // Право и государство: теория и практика. 2014. № 4 (112). С. 11–16.
5. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права: учебное пособие. М.: Зерцало-М, 2015. 352 с.
6. Спирин М.Ю. Соотношение внешней и внутренней сторон формы права при анализе теории источников права / Правовые проблемы укрепления Российской государственности: сборник статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции. Томск: ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», 2013. С. 28–30.
7. Шафиров В.М. Сущность, содержание, форма права и типы правопонимания / Сущность права: сборник статей к 100-летию со дня рождения профессора М.И. Байтина / [под ред. В.М. Баранова, С.А. Белоусова, И.Н. Сенякина]; Саратов: СГЮА, 2022. 312 с.
8. Петров К.В. Источники и формы права в советском правоведении // Ленинградский юридический журнал. 2009. № 2(16). С. 23–33.
9. Ершов В.В. Принципы права: сущность и функции // Российское правосудие. 2019. № 2. С. 5–16.
10. Кашанина Т.В. Сущность и содержание права: дифференцированный подход // LES RUSSICA. 2011. № 5. С. 873–889.
11. Сильченко Н.В. Вопросы понимания сущности, содержания и формы права // Юстиция Беларуси. 2021. № 12. С. 21–25.
12. Кодан С.В. Внешняя история права в структуре российского правоведения (вторая четверть XIX – начало XX в.) // Российский юридический журнал. 2013. № 5(92). С. 178–184.
13. Монтескье Ш.Л. О существе законов. Пер. с фр. Д. Языкова: в 4-х ч. Ч. 1. Москва: издал В. Сопиков, Тип. С. Селивановского, 1809. 310 с.
14. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства / Избранные сочинения. Т. 1. Пер. А.Н. Пыпина, А.Н. Невидомского, с предисловием Ю.Г. Жуковского. СПб.: тип. Н. Тиблена и Комп. 1867. 678 с.
15. Кутателадзе О. Предисловие к изданию работ Ф.К. фон Савиньи, посвященных методологии исторической школы права / Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права: в 2 т. Т. I / Пер. с нем. Г. Жигулина; Под ред. О. Кутателадзе и В. Зубаря. М.: Статут, 2011. 510 с.
16. Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права: в 2 т. Т. I / Пер. с нем. Г. Жигулина; Под ред. О. Кутателадзе и В. Зубаря. М.: Статут, 2011. 510 с.
17. Лейбниц Г.В. Труды по философии науки. Пер. с лат., вступ. статья и примеч. Г.Г. Майорова. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. 178 с.
18. Лейбниц Г.В. Сочинения: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1984. 734 с.
19. Брунс-Ленель К. Внешняя история римского права. Пер. с немецкого А. и В.Д. Труханович-Ходановичей. Под ред. В.А. Краснокутского. С предисловием профессора Московского университета П.Е. Соколовского. М.: Унив. тип., 1904. С. 9–10. 181 с.
20. Ясинский М.Н. Лекции по внешней истории русского права. Вып.1. Введение. История источников права первого (земского) периода. Киев: тип. Императорского университета Св. Владимира Н.Т. Корчак-Новицкого, 1898. С. 3–5. 162 с.
21. Рождественский Н. Обзор внешней истории русского законодательства, с предварительным изложением общего понятия и разделения законоведения. СПб.: Тип. Э. Праца, 1848. С. 7–9. 206 с.
22. Неволин К.А. Полное собрание сочинений. Т. 1: Энциклопедия законоведения. Введение в энциклопедию законоведения, общая часть ее и первая половина особенной части. СПб., 1857. 501 с.
23. Неволин К.А. История российских гражданских законов: в 3-х т. Т. 1. Введение и книга первая

о союзах семейственных. СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1851. 456 с.

24. Пискарев И. Введение к изучению Российских законов. Из лекций, читанных в 1859/1860 г. в специальном классе лесного и межевого института. СПб.: тип. Я. Трея, 1860. 106 с.
25. Леонтович Ф.И. История русского права. Вып.1. Одесса: в гор. тип. сод. Алексомати, 1869. 154 с.
26. Латкин В.Н. Лекции по внешней истории права. Московское государство – Российская Империя. СПб.: тип. Я.И. Либермана, 1890. 342 с.
27. Сергеевич В.И. Лекции по истории русского права. СПб.: тип. С. Волпянского, 1889–1890. 708 с.
28. Самоквасов Д.Я. Курс истории русского права. Изд-е 3. М.: тип. Московского ун-та, 1908. 617 с.
29. Палиенко Н.И. Учение о существе права и правовой связанности государства. Харьков: тип. и лит. М. Зильберберг и С-вья 1908. 342 с.
30. Шершеневич Г.Ф. Определение понятия о праве. Казань: типо-лит. Императорского казанского ун-та. 1896. 84 с.

RUSSIAN JURISTS OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES ABOUT THE ESSENCE, CONTENT AND FORMS OF LAW

Broyaka Yu.V., Lydashcheva-Ilicheva M.N.
Saratov State Law Academy

The article is devoted to the study of the theoretical and methodological foundations of the legal research of Russian scientists of the 19th-early XX centuries. In the Soviet and modern scientific literature there are no comprehensive studies of the degree of development of theoretical issues about the essence, content and forms of law in Russian jurisdiction of the 19th – early XX centuries. It is noted that domestic jurists of the period under consideration were guided by scientific criteria for the development of law and legislation, justified by Western European thinkers. Particular attention in the works was paid to categories of essence, form and content of law in general and legislation in particular; external and internal history of law and legislation. The authors of the article came to the conclusion that representatives of the natural legal direction drew attention to the essence of law and law (legal ideas), adherents of a historical direction in laws in scientific research placed emphasis on the forms of law and forms of law; Supporters of the positivist direction considered the substantive side of law in the context of its form.

Keywords: history of law, sources (forms) of law, essence, form and content of law, internal history of law, external history of law.

References

1. Farber I.E. About the essence of law. Ot. Ed. N.B. Zader. Saratov: Publishing House Sarat. Un-te. 1959. 76 p.
2. Vitruk N.V. To the question of the form of Soviet law / Favorites: in 2 vols. T.1. Articles. Reports. Reviews.1963–1990. M.: Russian Academy of Justice, 2012.641 p.
3. Baitin M.I. The essence of law (modern normative understanding on the verge of two centuries). Saratov: SGAP, 2001. 416 p.
4. Osipov M. Yu. The main approaches to understanding and the essence of law // Law and the state: theory and practice. 2014. No. 4 (112). S. 11–16.
5. Leist O.E. The essence of law. Problems of theory and philosophy of law: Textbook. M.: Mirotalo-M, 2015. 352 p.
6. Spirin M. Yu. The ratio of the external and internal sides of the form of law in analyzing the theory of law sources / legal problems of strengthening Russian statehood: a collection of articles based on the results of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Tomsk: FSBEI in "National Research Tomsk State University", 2013. P. 28–30.
7. Shafirov V.M. The essence, content, form of law and type of legal understanding / essence of law: a collection of articles on the 100th anniversary of the birth of Professor M.I. Baitina / [Ed. V.M. Baranova, S.A. Belousova, I.N. Senyakina]; Saratov: SGUA, 2022. 312 p.
8. Petrov K.V. Sources and forms of law in Soviet jurisdiction // Leningrad Law Journal. 2009. No. 2 (16). P. 23–33.
9. Ershov V.V. Principles of law: essence and functions // Russian justice. 2019. No. 2. S. 5–16.
10. Kashanina T.V. The essence and content of law: a differentiated approach // Les Russiana. 2011. No. 5. S. 873–889.
11. Silchenko N.V. Issues of understanding the essence, content and form of law // Justice of Belarus. 2021. No. 12. S. 21–25.
12. Kodan S.V. The external history of law in the structure of Russian law (second quarter of the XIX – beginning of the XX century) // Russian Law Journal. 2013. No. 5 (92). S. 178–184.
13. Montesquieu Sh.L. About the essence of laws. Per. with fr. D. LUSIKOVA: In 4 hours. Part 1. Moscow: published by V. Sopikov, type. S. Selivanovsky, 1809.310 p.
14. Bentam I. Introduction to the foundations of morality and legislation / Selected works. T. 1. Per. A.N. Pypin, A.N. Nevidomskago, with the preface of Yu.G. Zhukovskago. SPb.: Type. N. Tilen and Comp. 1867. 678 p.
15. Kutateladze O. Preface to the publication of the works of F.K. von Savigny, dedicated to the methodology of the historical school of law / Savigny F.K. background. System of modern Roman law: in 2 vol. T. I / per. With him. G. Zhigulin; Ed.O. Kutateladze and V. Zubar. M.: Statute, 2011. 510 p.
16. Savigny F.K. background. System of modern Roman law: in 2 vol. T. I / per. With him. G. Zhigulin; Ed.O. Kutateladze and V. Zubar. M.: Statute, 2011. 510 p.
17. Leibniz G.V. Proceedings on the philosophy of science. Per. from lat., Entry. Article and note. G.G. Mayorova. M.: Book House "Librock", 2010. 178 p.
18. Leibniz G.V. Works: in 4 vol. T. 3. M.: Thought, 1984. 734 p.
19. Brunns-Lenel K. External history of Roman law. Per. with German A. and V.D. Trukhanovich-Roskanovich. Ed. V.A. Krasnokutskago. With a preface by a professor of Moscow University P.E. Sokolovsky. M.: Univ. Type., 1904. S. 9–10. 181 p.
20. Yasinsky M.N. Lectures on the external history of Russian law. Issue 1. Introduction. The history of the sources of law of the first (Zemsky) period. Kyiv: Type. Imperial University of St. Vladimir N.T. Korchak-Nitivskago, 1898. P. 3–5. 162 p.
21. Rozhdestvensky N. Review of the external history of Russian legislation, with a preliminary presentation of the general concept and division of law. SPb.: Type. E. Praza, 1848. S. 7–9. 206 p.
22. Nevolin K.A. Complete set of works. T. 1: Encyclopedia of Law. The introduction to the encyclopedia of law, the general part of it and the first half of the special part. SPb., 1857. 501 p.
23. Nevolin K.A. History of Russian civil laws: in 3 volumes T. 1. Introduction and book One about family unions. SPb.: Type. Imperial Academy of Sciences, 1851. 456 p.
24. Piskarev I. Introduction to the study of Russian laws. From lectures read in 1859/1860 in a special class of the forest and boundary institute. SPb.: Type. Y. Treya, 1860. 106 p.
25. Leontovich F.I. The history of Russian law. Issue 1. Odessa: In the mountains. type. SOD. Alexomati, 1869. 154 p.
26. Latkin V.N. Lectures on external history of law. The Moscow state is the Russian Empire. SPb.: Type. Ya.I. Lieberman, 1890. 342 p.
27. Sergeevich V.I. Lectures on the history of Russian law. SPb.: Type. S. Volpansky, 1889–1890. 708 p.
28. Samokvasov D. Ya. The course of the history of Russian law. Publishing House 3. M.: Type. Moscow University, 1908. 617 p.
29. Palienko N.I. The doctrine of the essence of the law and legal connectedness of the state. Kharkov: Type. and lit. M. Zilberberg and S-Vya 1908. 342 p.
30. Shershenovich G.F. Definition of the concept of law. Kazan: Typo-Lit. Imperial Kazan University. 1896. 84 p.

Особенности и проблемы герменевтики и этимологии юридической обязанности

Завьялов Сергей Олегович,

аспирант, ЧОУ ВО «Юридический институт»

E-mail: S84716@yandex.ru

Статья посвящена исследованию особенностей и проблем герменевтики и этимологии юридической обязанности. Автором обосновывается актуальность и значимость темы исследования. Герменевтика, как наука о интерпретации текста, и этимология, изучающая происхождение слов, играют ключевую роль в понимании правовых норм и обязательств. Автором проанализированы, как данные направления влияют на интерпретацию юридических документов, а также выявлены основные сложности, возникающие в практике правоприменения. Важное внимание уделяется проблемам и направлениям развития. Отмечается, что взаимодействие герменевтики и этимологии не только обогащает правовые исследования, но и подчеркивает важность комплексного подхода к анализу юридических текстов. Это требует от правоведов учитывать как лексическую, так и культурную обоснованность значений, что в итоге способствует более адекватному пониманию и применению права в современных реалиях.

Ключевые слова: герменевтика, этимология, юридическая обязанность, интерпретация, правовые нормы, языковая теория, правоприменение.

Юридическая обязанность выступает как центральный элемент правовых систем, определяющий, какие действия или бездействия ожидаются от субъектов права, а важность точного понимания таких обязанностей невозможно переоценить, так как они служат основой для правоприменения и юриспруденции. Так, герменевтика и этимология являются незаменимыми инструментами для анализа и интерпретации юридических текстов. В этом исследовании мы проанализируем, как герменевтические подходы и этимологические корни слов, связанных с юридической обязанностью, влияют на практическое понимание и применение правовых норм. Однако, для начала, стоит сказать, что термин «герменевтика» происходит от греческого «hermeneuein», означающего интерпретировать, и существительного «hermeneia», означающего толкование. Герменевтические подходы к осмыслению используются во многих научных дисциплинах.

Юридическая герменевтика уходит корнями в философскую герменевтику, которая задаётся не только вопросом о том, как лучше интерпретировать тот или иной текст, но и более глубоким вопросом о том, что вообще значит интерпретировать текст. Другими словами, философская герменевтика рассматривает в качестве объекта исследования сам процесс интерпретации и ищет методы интерпретации, учитывающие этот процесс.

Применение герменевтики в юриспруденции со временем претерпело значительные изменения. Ранняя юридическая герменевтика была сосредоточена на буквальном толковании законов. Однако по мере усложнения правовых систем возникла необходимость в более глубоком понимании юридических текстов. Влияние философской герменевтики, в частности работ Гадамера, сыграло важную роль в формировании современной юридической герменевтики.

По мнению А.А. Малякова и А.Х. Маликова, герменевтика в юридической науке обладает рядом важных особенностей. Этот метод направлен на анализ текстов, которые являются носителями информации. В.В. Кожевников также подчеркивает, что в герменевтике важно различать объективный смысл текста и психологические аспекты его создания. То есть текст имеет не только объективное содержание, но и чувственное восприятие, которое передает его автор.

В юриспруденции герменевтика играет ключевую роль в понимании и применении юридических текстов, таких как законы и конституции, помогает понять глубинные смыслы правовых норм, учитывая их историческое, культурное и контекстуальное окружение. Основные подходы к этой дисциплине включают:

- внимание к буквальному значению текста (текстуальный).
- анализ исторического и социального фона (контекстуальный).
- исследование эволюции норм и понятий (историко-правовой подход).

Каждый метод имеет свои плюсы и минусы. Например, текстуальный подход порой упускает из виду динамичность правовых интерпретаций, а контекстуальный может быть субъективным. Важнейшим аспектом герменевтического подхода является принцип, что любой текст следует рассматривать в контексте его исторического и культурного фона. Это позволяет более глубоко понять намерения законодателя и цель конкретной нормы права. Применение герменевтических принципов помогает выявить многогранность значений, которые может нести тот или иной юридический текст, что, в свою очередь, открывает пространство для более точного правоприменения. Применение принципов герменевтики может привести к различным толкованиям одного и того же текста в зависимости от контекста и подхода интерпретатора. К примеру, при толковании законов герменевтика может использоваться для:

- разберитесь в законодательных целях того или иного закона;
- рассмотрим исторический контекст, в котором был принят этот закон;
- примените закон к современным социальным проблемам.

Следующий пример иллюстрирует применение герменевтики при толковании законов:

Предположим, закон запрещает использование «транспортных средств» в общественном парке. Буквальное толкование может подразумевать запрет на автомобили, грузовики и мотоциклы. Однако более тонкий герменевтический подход может учитывать цель закона (например, обеспечение общественной безопасности) и контекст, в котором он был принят (например, распространённость конных экипажей в то время). Это может привести к более контекстуальному пониманию того, что подразумевается под «транспортным средством» в законе.

Следует согласиться с мнением С.А. Комарова, А.М. Дроздовой, которые отмечают, что применение герменевтики не может быть полным без учёта этимологии – науки о происхождении и развитии слов.

Этимология позволяет установить не только исторические корни тех терминов, которые используются в праве, но и проследить изменения их значений на протяжении времени. Понимание того, как и почему изменялся смысл слова, предоставляет дополнительный слой глубины в интерпретации юридических норм. Таким образом, исследование происхождения слов может существенно обогатить герменевтический анализ, позволяя учитывать не только текущие значения, но и исторические контексты, которые могли повлиять на формирование юридических понятий.

Таким образом, вопрос о роли герменевтики и этимологии в юриспруденции вызывает оживлённые дискуссии среди теоретиков и практиков. Сторонники герменевтического подхода считают, что интуитивное понимание текста с учетом контекста помогает более точно интерпретировать правовые нормы и добиваться справедливости. Они утверждают, что буквальное толкование может привести к юридическим сбоям и несправедливым решениям, поскольку оно игнорирует обстоятельства, которые могли бы изменить смысл нормы.

Герменевтики подчеркивают важность социального контекста, в котором применяется право. Они отмечают, что юридические тексты создаются и функционируют в динамичной социальной среде, где их значение меняется под влиянием культурных и социальных факторов. Это оправдано тем фактом, что юридическая практика часто опережает законодательство, отражая изменения в общественном сознании и ожиданиях.

Противники герменевтического подхода настаивают на строгости и предсказуемости закона. Они считают, что чрезмерное толкование приводит к произволу, двусмысленности и правовой неопределённости. Судебные акты должны основываться на текстологическом анализе, чтобы обеспечить равное применение закона. Субъективное толкование подрывает доверие к правовой системе и создает возможности для манипуляций. Этимология также вызывает споры. Некоторые исследователи считают, что изучение происхождения слов помогает установить намерения законодателя. Однако критики считают, что это может отвлекать от реальных социально-правовых реалий.

Эффективное правоприменение требует баланса между герменевтическим подходом и текстологическим анализом, а также учета культурного и исторического контекста. Лучше использовать комплексный подход, который учитывает как строгую интерпретацию текста, так и социальные и культурные факторы.

Возможные предложения для практического применения данной концепции могут включать:

- разработка методологических рекомендаций для правозащитников и судей, основанных на сочетании герменевтического анализа и этимологического подхода.
- обучение правоведов методам интеграции этих подходов в процессе правоприменения, что может повысить уровень правовой культуры и адекватности юридических решений.
- проведение междисциплинарных исследований, которые бы учитывали социологические аспекты права, что поможет выявить изменения в общественном восприятии норм и их значений.

Такой подход обогатит правоприменительную практику и укрепит доверие к правовой системе. В свете этого следует отметить, что взаимодействие герменевтики и этимологии не только обогащает правовые исследования, но и подчеркивает важность комплексного подхода к анализу юриди-

ческих текстов. Это требует от правоведов учитывать как лексическую, так и культурную обособленность значений, что в итоге способствует более адекватному пониманию и применению права в современных реалиях.

Литература

1. Малякова, А.А. Отдельные проблемы юридической герменевтики / А.А. Малякова, А.Х. Маликова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 10–3(49). – С. 153–155.
2. Кожевников В.В. О герменевтическом методе в правоведении // Вестник Омского университета. – 2020. – № 1. – С. 15–26.
3. Комаров С.А., Дроздова А.М. Легитимация и ответственность власти во взаимоотношениях государства и личности (социально-философские и правовые аспекты): Монография. 2-е изд. – СПб.: Изд-во Юридического института, 2011.
4. Сорокин, С.Н. Проблемы современной юридической герменевтики / С.Н. Сорокин // Закономерности и тенденции инновационного развития общества: сборник статей Международной научно-практической конференции: в 6 частях, Магнитогорск, 20 декабря 2017 года. Том Часть 4. – Магнитогорск: Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна», 2017. – С. 182–184.
5. Кудрявцев, М.М. Проблема соотношения источников права в юридической герменевтике / М.М. Кудрявцев // Москва: Издательство центра дополнительного профессионального образования «цифровая академия», 2024. – С. 363–369.
6. Ястребова, Е. Ю. К вопросу о теоретико-правовом воззрении Х.Г. Гадамера по проблеме юридической герменевтики / Е.Ю. Ястребова // Смоленск, 30 ноября 2017 года. – Смоленск: Общество с ограниченной ответственностью «НОВАЛЕНСО», 2017. – С. 198–199.
7. Кудрявцев, М.М. Проблема общественного и индивидуального сознания в юридической герменевтике / М.М. Кудрявцев // Человек и культура в социальной и культурной антропологии: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием молодых ученых, аспирантов и студентов, Курск, 20 марта 2024 года. – Курск: Курский государственный университет, 2024. – С. 67–70.
8. Малинова И. П., Философия права и юридическая герменевтика: Монография. 2-е изд., доп. – Екатеринбург: Издательский дом Уральского государственного юридического университета, 2017. – 200 с.
9. Писаревский А.Е. Юридическая герменевтика. Социально – философская методология интерпретации и толкования правовых норм: дис. ...

канд. филос. наук / А.Е. Писаревский. – Краснодар, 2004. – 194 с.

10. Ткаченко, Р.В. Проблема контекстуальности в юридической герменевтике / Р.В. Ткаченко, О.С. Стаценко // Парадигмы истории и общественного развития. – 2018. – № 9. – С. 5–9.

EFFECTIVE ORGANIZATIONAL APPROACHES TO THE TREATMENT OF PATIENTS WITH ACUTE VASCULAR EVENTS

Zavyalov S.O.
Law Institute

The article is devoted to the study of the features and problems of hermeneutics and etymology of legal duty. The author substantiates the relevance and significance of the research topic. Hermeneutics, as the science of text interpretation, and etymology, which studies the origin of words, play a key role in understanding legal norms and obligations. The author analyzes how these trends affect the interpretation of legal documents, and also identifies the main difficulties that arise in law enforcement practice. Important attention is paid to the problems and directions of development. It is noted that the interaction of hermeneutics and etymology not only enriches legal research, but also emphasizes the importance of an integrated approach to the analysis of legal texts. This requires legal scholars to take into account both the lexical and cultural validity of meanings, which ultimately contributes to a more adequate understanding and application of law in modern realities.

Keywords: hermeneutics, etymology, legal obligation, interpretation, legal norms, linguistic theory, law enforcement.

References

1. Malyakova, A.A. Separate problems of legal hermeneutics / A.A. Malyakova, A.H. Malikova // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2020. – № 10–3(49). – Pp. 153–155.
2. Kozhevnikov V.V. On the hermeneutic method in jurisprudence // Bulletin of Omsk University. 2020. No. 1. pp. 15–26.
3. Komarov S.A., Drozdova A.M. Legitimization and responsibility of power in the relationship between the state and the individual (socio-philosophical and legal aspects): The monograph. 2nd ed. – St. Petersburg: Publishing House of the Law Institute, 2011.
4. Sorokin, S.N. Problems of modern legal hermeneutics / S.N. Sorokin // Patterns and trends of innovative development of society: collection of articles of the International scientific and Practical Conference: in 6 parts, Magnitogorsk, December 20, 2017. Volume Part 4. Magnitogorsk: Aeterna Limited Liability Company, 2017. pp. 182–184.
5. Kudryavtsev, M.M. The problem of the correlation of sources of law in legal hermeneutics / M.M. Kudryavtsev // Moscow: Publishing House of the Center for Additional Professional Education "Digital Academy", 2024. pp. 363–369.
6. Yastrebova, E.Y. On the question of the theoretical and legal view of H.G. Gadamer on the problem of legal hermeneutics / E.Y. Yastrebova // Smolensk, November 30, 2017. Smolensk: NOVALENZO Limited Liability Company, 2017, pp. 198–199.
7. Kudryavtsev, M.M. The problem of social and individual consciousness in legal hermeneutics / M.M. Kudryavtsev // Man and culture in social and cultural anthropology: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation of young scientists, graduate students and students, Kursk, March 20, 2024. Kursk: Kursk State University, 2024. pp. 67–70.
8. Malinova I. P., Philosophy of Law and legal hermeneutics: Monograph. 2nd ed., supplement – Yekaterinburg: Publishing House of the Ural State Law University, 2017. – 200 p.
9. Pisarevskiy A.E. Legal hermeneutics. Socio -philosophical methodology of interpretation and interpretation of legal norms: dis. ... PhD in Philology. Sciences / A.E. Pisarevsky. – Krasnodar, 2004. – 194 p.
10. Tkachenko, R.V. The problem of contextuality in legal hermeneutics / R.V. Tkachenko, O.S. Statsenko // Paradigms of history and social development. – 2018. – No. 9. – pp. 5–9.

Каландаришвили Зураб Нодарович,

кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов; доцент кафедры теории права и гражданско-правового образования РГПУ им. А.И. Герцена

E-mail: zurab.kalandarishvili@yandex.ru

Колядин Иван Петрович,

аспирант кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

E-mail: Ivan-Kolyadin@mail.ru

В статье авторами проводится научный анализ, связанный с особенностями влияния Конституции 1936 года на ход индустриализации в Советском Союзе. Так, по мнению авторов статьи, процесс индустриализации, который проходил в Советском Союзе в период с 1930–1941 гг во многом с юридической точки зрения базировался на нормах Конституции СССР 1936 года, которая служила правовым вектором ее проведения, особенно в сфере регулирования трудовых и социально-обеспечительных прав трудящихся.

Ключевые слова: конституционная культура, индустриализация, конституция, Советский союз, государство, трудящиеся, нормы права.

Of Constitutionalism

Всегда постепенному и планомерному переходу уровня общественно-государственного развития в сфере социально-экономического и политического потенциала способствует, в первую очередь, совокупность явлений, вместе составляющих модернизационных процесс, который представляет собой трансформацию аграрно-традиционного общественного уклада в индустриально-промышленный [1, с.758].

Подобные процессы, так или иначе, являются закономерными для стабильного развития любого государственного образования. Разумеется, российское государство в этом отношении исключением не является. Ключевым аспектом в осознании необходимости процесса модернизации общественно-государственных отношений в СССР следует считать период рубежа 1920–1930-х гг., когда новым партийным руководством ВКП(б) был взят курс на развитие экономической системы советского общества, уделяя особое внимание формированию его промышленного потенциала, ведь страна находилась в окружении враждебных западных стран, а экономика была сильно подорвана прошедшей недавно I мировой и Гражданской войнами.

Совокупность модернизационных процессов в условиях ранних этапов становления и функционирования советского государства получило название индустриализации, под которой следует понимать совокупность механизмов, инструментов и институтов, способствующих процессу формирования крупной и максимально развитой в техническом плане промышленной системы страны, которая могла бы в полной мере обеспечить независимость СССР от других мировых держав.

На сегодняшний день можно констатировать тот факт, что подобные мобилизационные методы управления общественно-государственными отношениями являются характерной и отличительной чертой советского государства, которое просуществовало на мировой арене не столь длительный временной промежуток, однако достигло существенных высот как в части регулирования внутригосударственных вопросов, так и системе внешнеполитического развития.

Исходя из этого, исследование и анализ теоретического и практического опыта сталинской индустриализации в современных условиях представляет особенный интерес.

Среди экономических предпосылок проведения политики индустриализации законодателем выделялась необходимость преодоления зависимости

от импортных промышленных товаров, развития собственного промышленного комплекса, в частности, тяжелой промышленности, а также формирования новых рабочих мест для населения, что, безусловно, имело одной из конечных целей повышение уровня жизни советского гражданина. Что касается предпосылок и факторов политического характера, то они в большинстве своем имели своей целью развитие крупного промышленного комплекса в СССР посредством отдельных политических действий и реформационных процессов. Социальные предпосылки индустриализации создавали реальные возможности и условия для экономического и промышленного развития СССР в исследуемый период за счет формирования квалификационной рабочей силы и создания инфраструктурных важнейших объектов.

В период проведения индустриализации использовались многочисленные практические и юридические меры, среди которых особую результативность демонстрировали привлечение зарубежных ресурсов, использование труда заключенных, а также масштабная пропаганда, вылившаяся в активное вовлечение женщин в промышленное производство и в организацию социалистического соревнования. Пропаганда, выступающая в качестве одной из наиболее актуальных практических мер реализации политики индустриализации, преследовала, в конечном итоге, несколько целей. В первую очередь, речь идет о формировании в исследуемый период образа «нового человека», для которого первостепенными становятся принципы коллективизма, интересы и потребности не конкретной личности, а общества в целом. «Новый» человек, не задумываясь, должен быть готов принести себя и свои потребности в жертву ради общего блага советского общества и государства, должен подчиниться всеобщему материалистическому и атеистическому мировоззрению. Во-вторых, цель пропаганды сводилась к всесторонней мобилизации населения к самоотверженному и эффективному труду, планомерному перевыполнению установленных плановых показателей и активному участию в промышленном производстве. Другой практико-юридической мерой реализации индустриализации стало активное вовлечение женщин в промышленное производство. Так, в годы реализации пятилетних планов женский труд стал одним из важнейших ресурсов рабочей силы. Подобная политика привела ко многим положительным последствиям, ключевыми из которых мы можем назвать установление равноправия мужчин и женщин, а также разрушение гендерной сегрегации – теперь женщины могли трудиться в тех отраслях, которые исконно считались исключительно мужскими. Пропаганда в этой сфере также подчеркивала, что труд для женщины – это возможность ее самореализации, а также путь отхода от зависимого и угнетенного положения.

Другой мерой реализации пятилетних планов выступает социалистическое соревнование, которое на первом этапе развития политики индустриализации было связано с распространением ударничества, а впоследствии трансформировалось в стахановское движение. И надо отметить, что подобная мера имела определенную результативность. Так, имело место существенное увеличение производительности труда, положительно сказавшееся на промышленном развитии страны.

Во многом процесс индустриализации СССР, который продолжался вплоть до начала Великой Отечественной войны, базировался на нормах права Закона высшей юридической силы – Конституции 1936 года.

Абсолютно справедливой представляется позиция Р.А. Ромашова, который утверждает, что в реалиях социалистической конституционной системы основа понимания конституций строилась на принципе ретроспективного действия, сущность которого заключается в том, что принимаемая по инициативе Партии конституция закрепляла факт завершения определенного этапа социалистического строительства и характерные для него особенности государственного устройства [2, с.137].

Особого внимания заслуживает тот факт, что в Конституции 1936 года отсутствовали положения о руководящей роли коммунистической партии. Единственной нормой, содержащей похожие формулировки, являлась статья 126, закреплявшая статус партии, как передового отряда трудящихся в их борьбе за построение коммунистического общества. Данная норма, однако, расположена в разделе «Основные права и обязанности граждан», положения о роли партии упоминаются в контексте развития организационной самостоятельности и политической активности народных масс, соответственно, не имеют прямой связи с регулированием вопросов государственного управления. Описанное обстоятельство, а также отсутствие в тексте Конституции указания на формат СССР как партотократического государства, породили опасный разрыв между властными практиками и конституционной нормой [3].

Конституция 1936 года обязывала граждан страны самоотверженно трудиться в сфере экономики и защищать свою Родину в случае опасности извне.

Нужно обратить внимание на позитивные стороны данной Конституции, в числе которых, например, надлежит отнести закрепление в нормах социальных и экономических прав граждан, включая право на образование, социальное обеспечение и здравоохранение. Полагаем, что в СССР смог преодолеть главный недостаток прежней имперской правовой модели, а именно стал воспринимать человека, гражданина как личность, которая имеет самобытную ценность (даже если эта ценность в некоторой степени уступает ценности коллектива).

Впервые в конституционном плане в нашей стране были зафиксированы такие важные социальные нормы как ст. 118 – Граждане имели право на 8 часовую труд; ст. 119 – Граждане имели право на отдых; ст. 120 – Граждане имели право на пенси-

онное обеспечение и на социальное пособие в случае потери своей трудоспособности. Причем надо отдать должное эти трудовые и социальные нормы права Конституции полностью соблюдались.

По мнению авторов данной статьи, Конституция 1936 в своей юридической форме была самая, если так можно выразится, «конституционная» в мире на тот момент из всех существующих конституций и была нацелена на создание в стране развитой социалистической экономики.

Таким образом, процесс индустриализации, который проходил в Советском Союзе в период с 1930–1941 гг. во многом с юридической точки зрения базировался на нормах Конституции СССР 1936 года, которая служила правовым вектором ее проведения.

Литература

1. Гапсаламов А.Р. Зарождение «новой» экономики: сверхцентрализация системы управления промышленностью СССР (вторая половина 1920-х – 1930-е годы) // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2021. № 4. С. 758–763.
2. Ромашов Р.А. Государственно-правовые системы современности. СПб.: Алетейя, 2023. С. 137.
3. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических республик (утвержде-

но Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) // Известия ЦИК СССР. – 1936, 6 дек. – № 283.

THE 1936 CONSTITUTION OF THE USSR AND THE INDUSTRIALIZATION OF THE SOVIET STATE

Kalendarishvili Z.N., Kolyadin I.P.

University of Trade Unions for the Humanities, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg University of the Humanities of Trade Unions

In this article, the authors provide a scientific analysis of the impact of the 1936 Constitution on the course of industrialization in the Soviet Union. According to the authors, the process of industrialization that took place in the Soviet Union from 1930 to 1941 was largely based on the legal framework of the 1936 Constitution of the USSR, which served as a legal guide for industrialization, particularly in terms of regulating labor and social rights for workers.

Keywords: constitutional culture, industrialization, constitution, Soviet Union, state, workers, and legal norms.

References

1. Gapsalov A.R. The Emergence of a “New” Economy: The Overcentralization of the USSR’s Industrial Management System (Second Half of the 1920s – 1930s) // Bulletin of the Udmurt University. Series “History and Philology”. 2021. No. 4. Pp. 758–763.
2. Romashov R.A. Modern State and Legal Systems. St. Petersburg: Aletheia, 2023. P. 137.
3. Constitution (Fundamental Law) of the Union of Soviet Socialist Republics (approved by the Resolution of the Extraordinary VIII Congress of Soviets of the USSR dated 05.12.1936) // Izvestia of the Central Executive Committee of the USSR. – 1936, 6 December. – No. 283.

Кереев Амир Артурович,

аспирант Кабардино-Балкарского государственного
университета
E-mail: krfamir49@gmail.com

В работе рассмотрено воздействие правовой сферы на качество предоставляемых услуг, возможность потенциального улучшения и ухудшения имеющегося качества, и значимости правового регулирования образовательной деятельности.

Ключевые слова: правовое влияние на образование, проблемы образования, регулирования проблем образования посредством права, зависимость образования от права, международный опыт.

Критерии оценки качества образования в контексте правового регулирования

Качество образования – это совокупность характеристик образовательного процесса, обеспечивающих достижение установленных стандартов и отвечающих потребностям как общества, так и личности. В правовом контексте это определяется нормативными правовыми актами, устанавливающими требования к результатам обучения, условиям образовательного процесса и квалификации преподавательского состава. Ключевым документом, регулирующим эти аспекты, является Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», который включает положения о критериях качества образовательных услуг. Важно, что закон также учитывает права и обязанности участников образовательного процесса, что подчеркивает важность правового регулирования в системе образования (Прокопенко, 2022, с. 116).

Международные стандарты качества образования основаны на принципах доступности, равенства и удовлетворения личных и социальных потребностей. По данным ЮНЕСКО, более 70% стран мира внедрили национальные стандарты качества образования, гармонизированные с рекомендациями международных организаций. Эти стандарты включают в себя такие показатели, как уровень грамотности, доступность образования и соответствие образовательных программ современным требованиям.

В Российской Федерации критерии качества образования регулируются Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» и Федеральными государственными образовательными стандартами (ФГОС):

1. Федеральные государственные образовательные стандарты и федеральные государственные требования обеспечивают:

1) единство образовательного пространства Российской Федерации;

2) преемственность основных образовательных программ;

3) возможность формирования базовых профессиональных образовательных программ различного уровня сложности, профиля и направленности с учетом образовательных потребностей и способностей обучающихся, а также потребностей общества и государства в квалифицированных кадрах;

4) государственные гарантии уровня и качества образования, основанные на единстве обязательных требований к условиям реализации основных образовательных программ и результатам их освоения.

2. Федеральные государственные образовательные стандарты, за исключением федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования, образовательные стандарты являются основой для объективной оценки соответствия установленным требованиям образовательной деятельности и обучения обучающихся, освоивших образовательные программы соответствующего уровня и направленности, независимо от формы обучения.

3. Федеральные государственные образовательные стандарты включают требования к:

1) структура основных образовательных программ (включая соотношение обязательной части основной образовательной программы и части, формируемой участниками образовательных отношений) и их объем;

2) условия реализации основных образовательных программ, в том числе кадровые, финансовые, материально-технические условия;

3) результаты освоения основных образовательных программ.

4. Федеральные государственные образовательные стандарты устанавливают сроки получения общего и профессионального образования с учетом различных форм обучения, образовательных технологий и особенностей отдельных категорий обучающихся.

5. Федеральные государственные образовательные стандарты общего образования разрабатываются в соответствии с уровнями образования. Федеральные государственные образовательные стандарты профессионального образования разрабатываются по уровням образования или по профессиям, специализациям и направлениям подготовки для соответствующих уровней профессионального образования или укрупненных групп профессий, специальностей и направлений подготовки, а также по направлениям и видам профессиональной деятельности, утвержденным в соответствии с трудовым законодательством.

5.1. Федеральные государственные образовательные стандарты дошкольного, начального общего и базового общего образования предусматривают возможность получения образования на родных языках из числа языков народов Российской Федерации, изучения государственных языков республик Российской Федерации, родных языков из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного.

6. В целях обеспечения реализации права на образование обучающихся с ограниченными возможностями здоровья устанавливаются федеральные государственные образовательные стандарты образования этих лиц или включаются специальные требования в федеральные государственные образовательные стандарты.

7. Истек 1 сентября 2021 года. – Федеральный закон № 144-ФЗ от 26.05.2021.

8. Перечни профессий и специальностей среднего профессионального образования с указанием квалификаций, присваиваемых по соответ-

ствующим профессиям и специальностям среднего профессионального образования, и порядок формирования этих перечней утверждаются федеральным органом исполнительной власти, ответственным за разработку и реализацию государственной политики и правовое регулирование в области общего образования. Перечни специальностей и направлений подготовки высшего образования по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, ординатуры и интернатуры с указанием квалификаций, присвоенных по соответствующим специальностям и направлениям высшего образования, и порядок формирования этих перечней утверждаются федеральным органом исполнительной власти, ответственным за разработку и реализацию государственной политики и нормативно-правовое регулирование в сфере высшего образования. При утверждении федеральным органом исполнительной власти, ответственным за разработку и реализацию государственной политики и нормативного регулирования в области общего образования, или федеральным органом исполнительной власти, ответственным за разработку и реализацию государственной политики и нормативного регулирования в области высшего образования, новых перечней профессий, специальностей и направлений обучения в зависимости от уровня образования, в зависимости от уровня образования может устанавливаться соответствие отдельных профессий, указанных в этих перечнях, профессий, специальностей и направлений обучения, указанных в предыдущих перечнях профессий, специальностей и направлений обучения. При утверждении федеральным органом исполнительной власти, ответственным за разработку и реализацию государственной политики и нормативного регулирования в области высшего образования.

8.1. Программы подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) осуществляются по научным специальностям, предусмотренным номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, утверждаемой федеральным органом исполнительной власти, ответственным за разработку и реализацию государственной политики и правовое регулирование в сфере высшего образования.

9. Порядок разработки, утверждения и изменения федеральных государственных образовательных стандартов устанавливается Правительством Российской Федерации.

9.1. Федеральными государственными требованиями устанавливаются:

О прохождении программ последипломного (адъюнктурного) обучения в соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом или образовательными стандартами после 01.09.2021 года см. Федеральный закон от 30.12.2020 № 517-ФЗ.

1) структура программ подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), условия их реализации, сроки освое-

ния этих программ с учетом различных форм обучения, образовательных технологий и особенностей отдельных категорий обучающихся федеральным органом исполнительной власти, ответственным за разработку и реализацию государственной политики и нормативного регулирования в сфере деятельности образовательных учреждений высшего профессионального образования;

2) минимизировать содержание дополнительных программ предпрофессиональной подготовки, структуру и условия их реализации, а также продолжительность обучения по этим программам уполномоченными федеральными органами исполнительной власти в соответствии с настоящим Федеральным законом.

10. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, образовательные организации высшего образования, в отношении которых установлена категория «федеральный университет» или «национальный исследовательский университет», образовательные организации высшего образования, осуществляющие образовательную деятельность на территории инновационного центра «Сколково» и территориях инновационных научно-технологических центров, а также федеральные государственные образовательные организации высшего образования, перечень которых утвержден указом Президента Российской Федерации, вправе самостоятельно разрабатывать и утверждать образовательные стандарты по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, резидентуры, программы и программы стажировок. Требования к условиям реализации и результатам освоения образовательных программ высшего образования, включенные в такие образовательные стандарты, не могут быть ниже соответствующих требований федеральных государственных образовательных стандартов.

11. Образовательные организации высшего образования, указанные в пункте 10 настоящей статьи, вправе самостоятельно разрабатывать и утверждать установленные требования, которые не могут быть ниже федеральных государственных требований. К основным критериям относятся соответствие образовательных программ установленным стандартам, результаты независимой оценки качества образования и удовлетворенность образовательным процессом всех участников. Важно отметить, что «Законы об образовании как Республики Беларусь, так и Российской Федерации закрепляют важнейшие права и обязанности студентов, обусловленные фактом их пребывания в конкретном высшем учебном заведении» (Кацубо, [Б. Г.], 2 с.). Таким образом, соблюдение этих критериев и прав обучающихся существенно влияет на обеспечение высокого уровня образовательного процесса.

Законодательство играет важную роль в формировании стандартов качества образования, обеспечивая их единообразие и обязательность. Федеральные государственные образователь-

ные стандарты, разработанные на основе закона, устанавливают основные требования к образовательным программам и результатам обучения, что способствует их соответствию современным социально-экономическим реалиям.

Система независимой оценки качества образования, введенная в России в 2012 году, является одним из ключевых правовых инструментов оценки результатов образования. Она включает мониторинг достижений учащихся, проверку соответствия образовательных услуг установленным стандартам и применение цифровых технологий для анализа данных. Важным аспектом этой системы является ее связь с государственной политикой в области образования. Кузьмин указывает, что «объектом исследования является государственная политика в области образования в Российской Федерации. Предметом исследования является формирование государственной политики в области образования в контексте современной политической модернизации в России» (Кузьмин, 2012, с. 9). Это заявление подчеркивает необходимость комплексного подхода к оценке результатов образования, учитывающего как достижения учащихся, так и соответствие образовательных услуг современным требованиям.

Правовое регулирование способствует соблюдению критериев качества образования, обеспечению их контроля и ответственности образовательных учреждений за результаты своей деятельности. Например, в рамках программы «Цифровая экономика» разработаны цифровые инструменты, позволяющие более эффективно контролировать соответствие образовательных процессов установленным стандартам.

Существующие правовые механизмы оценки качества образования сталкиваются с нерешенными проблемами, такими как недостаточная прозрачность процедур и несоответствие некоторых стандартов современным требованиям. В этом контексте можно отметить, что «нельзя не признать, что метод реформирования образования, основанный на Болонском процессе, явно неудачен ни по времени, ни по модели, ни по концепции» (Коваленко, 2013, с. 213). Перспективы улучшения включают гармонизацию национальных стандартов с международными, а также внедрение более гибких и адаптивных подходов к оценке качества.

Литература

1. UNESCO <https://www.unesco.org/ru>
2. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (с изменениями от 23.05.2025) «Об образовании в Российской Федерации»
3. Формирование государственной политики в области образования в России в контексте образовательных реформ Кузьмин Алексей Евгеньевич
4. <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>

5. Гражданский процесс [Текст]: учебник / [А.Г. Коваленко и др.]; под ред. А.Г. Коваленко

THE IMPACT OF LEGAL NORMS ON THE QUALITY OF EDUCATIONAL SERVICES

Kerefov A.A.

Kabardino-Balkarian State University

This paper examines the impact of the legal sphere on the quality of services provided, the possibility of potential improvement and deterioration of existing quality, and the importance of legal regulation of educational activities.

Keywords: legal influence on education, problems of education, regulation of education problems through law, dependence of education on law, international experience.

References

1. UNESCO <https://www.unesco.org/ru>
2. Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 (as amended on 05/23/2025) "On Education in the Russian Federation"
3. Formation of state policy in the field of education in Russia in the context of educational reforms Kuzmin Alexey Evgenievich
4. <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4Ps-B79l5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>
5. Civil procedure [Text]: textbook / [A.G. Kovalenko et al.]; edited by A.G. Kovalenko

Конокотин Николай Георгиевич,
доктор экономических наук, профессор

Конокотин Дмитрий Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: Dmitry27@mail.ru

Институт сервитута достаточно известен во многих странах. Получивший свое рождение в эпоху древнего Рима и расцвета института собственности он перекочевал в законодательство многих стран и народов. Не осталась в стороне и Россия. Становление сервитута на территории современной России происходило поэтапно, имея свою специфику, что-то заимствовалось, что-то привносилось свое. Современный этап развития Российского права также стал новым этапом развития сервитута, которого в итоге вправе называть «русским сервитутом».

Ключевые слова: сервитут; земля; частное право; публичное право; гражданское право; земельное право; история права; обременения.

Сервитут – один из институтов права дошедший до нас с незапамятных времен. В России этот термин употребляется довольно часто, но является для нашего слуха необычным, чужеродным термином. Это бесспорно, так как данное понятие пришло к нам из римского права. Сервитут (servitus) в римском праве был одним из развитых институтов. Этот институт, впрочем, как и остальные развивался вместе с римским обществом. Изменялись общественные отношения, изменялся и совершенствовался институт сервитута, как и все римское право. Каждая эпоха привносила свое, донося до нас поистине уникальный памятник права.

Историю становления и развития сервитута в Римский период можно наблюдать в трудах Ульпиана, Павла, Гая, Папиниана, именно там мы можем встретить фундаментальные основы сервитута.

Само понятие сервитут ныне понимается как право ограниченного пользования чужой вещью. А именно приобретение возможности на ограниченное пользование недвижимостью, вещью или землей, которые находятся в чужой собственности.

Нормы, регулирующие сервитут встречаются как в земельном, так и в гражданском праве, поэтому не стоит относить его природу только к частным отношениям. В зависимости от объекта, сервитут может касаться земли, лесов, воды, зданий и сооружений. Например, водный сервитут в «Модельном кодексе для государств-участников сообщества независимых государств» в статье 1 делит водный сервитут на публичный и частный. Деление на публичные и частные водные сервитуты были закреплены также в ст. 44 и 43 ВК РФ 1995 г. Ныне действующий Водный кодекс также содержит статьи, в которых указывает на возможность использования чужой собственности, в частности доступа к водному объекту (ст. 6 ВК РФ 2006 г.). Лесной сервитут, а именно дающий право свободно пребывать в лесах, в том числе и не входящих в лесной фонд содержится как и в Модельном лесном кодексе для государств-участников СНГ так и в Российском законодательстве, в Лесном кодексе РФ статьи 9 и 11, а также содержался в ранее действующим Лесном кодексе РФ в статье 21.

Но чаще всего именно земельный участок становится объектом сервитута. Сервитут используется в земельных, вещных и иных отношениях. И как для развитого правового института с богатой историей ему характерна довольно богатая правоприменительная практика, которая свидетельствует о его продолжающейся эволюции и исследованию этого явления. В своей работе «Основа эффективного землеустройства» Аскарлов В.В. пишет:

«В рамках правоприменительной практики под сервитутом понимаются обстоятельства, согласно которым одна из сторон в рамках допустимой по закону договоренности, получает от другой стороны разрешение и допуск на использование своих объектов или территорий, находящихся в собственности» [1].

Неразрывную связь с земельным правом отмечает Бикеев С.Г.: «большая часть прочих обстоятельств, связанных с сервитутом, относится к категории земельного права, когда речь идет о различных аспектах применения права ограниченно употреблять себе на пользу территорию чужого земельного владения» [2].

Наличие такого разнообразия как: лесной, водный, земельный сервитут возникло не вчера. Еще в Древнем Риме нужда в сервитуте проявлялась не только в необходимости права прохода через соседский участок, но и в необходимости брать воду из источника для орошения своей земли. Совершенно логично, что сформировавшись в условиях сельского хозяйства такого рода отношения не могли не перейти на территории городов и городской собственности. И как следствие надлежащим образом оформляться. С течением времени и развития этот институт и получил название «сервитут». Отметим, что сам сервитут это лишь предоставление права на определенное пользование чужим имуществом и не предусматривал переход права собственности ни на вещь, ни на земельный участок ни на часть земельного участка.

Что же касается развития «сервитута» в России, то прежде чем рассматривать этот вопрос стоит обозначить, что земельные отношения, как и появившиеся, в последствии, отрасль «земельное право», развивается в различных странах по-разному. В чем то схожее и одновременно имеющие различие. Где-то из-за нехватки территории, плотности населения одни правовые институты развиваются быстрее другие медленнее. Наличие свободного рынка или ограничение свободной торговли, расцвет ремесел, политический строй (как собственный так и соседей), торговые и культурные связи все это вносит свои особенности в эволюцию закона.

Земельное законодательство являясь внутренним законодательством, формируется также под давлением еще и таких окружающих факторов, как, климат, наличие плодородных почв, сложившегося уклада земледелия и скотоводства. Развитие же такого института как сервитут в данном случае зависело и зависит в России не только от уровня сельского хозяйства но и от уровня развития частных отношений, частной собственности.

Во Франции институт частной собственности сложился в XVIII в. Частная собственность базировалась на принципе неприкосновенности. Закрепленная в ст. 17 Декларации прав человека и гражданина от 26 августа 1789 г., являющейся и сейчас частью Конституции Франции. В последствии развития законодательства появились и системные ограничения права частной собственности на зем-

лю в публичных интересах. Свое развитие они получили, в конце XIX – начале XX в., в том числе на основе теории французского юриста Леона Дюги о «социальной функции собственности» [5].

«Опыт Великой французской революции оказал влияние и на развитие российского законодательства XVIII–XIX вв. в части развития гарантий права частной собственности» [4, 5]. Но это во Франции, отделяемой от России сотнями километров, и где законодательство пошло по своему, иному пути развития.

Поэтому институт сервитута возникший в древнем Риме попав на правовую почву России несомненно приобрел свои особенности. По сути наблюдая за его эволюцией можно сделать предположение о развитии на территории России «Русского сервитута».

В России сервитут, был известен давно, но распространение получил лишь с развитием института собственности и освоением все большей площади земель. Конфликты использования территории, застройки поселения, прохода через чужой участок, как и хозяйствование на своем участке в итоге вылились в издание правовых норм. Как мы можем видеть, из старых из источников права, упоминания о сервитуте содержится в Соборном Уложении 1649 года. Исходя из текста Уложения сервитутом считалось частичное ограничение права собственности в интересах другого лица либо группы лиц. Также уже тогда прослеживалось деление сервитутов на личные и вещные. Личные касались определенного лица, а вещные определенного участка земли.

Подробно исследуя нормы Соборного Уложения 1649 года мы видим сильную схожесть понятия сервитута из римского права и русского его аналога.

Так, например, Уложение статьями: 238–240 главы 10 регулировало возможность или запрет строительства запруд, плотин, мельниц, лесопользования, бортничества и иного хозяйствования в лесах; 241 статья главы 10 устанавливает возможность прохода, проезда, через чужую территорию – «А будет кто свой лес весь росчистит и распашет, и в том его лесу будут чюжие озера и сennыя покосы, и ему в те чюжия озера и в сennыя покосы по тому же не вступатися некоторыми делы, и тех людей, чьи те озера, или сennыя покосы, от тех озер и от сennых покосов не отбивать, и дорога им к тем угодыям дать. А тем людем, чьи те угодыя будут, ходя к тем своим угодыям, пашни, и сennых покосов не топтати и некоторых убытков не чинити» [3].

В Уложении есть статьи, касающиеся не только земельного сервитута. Так статья 277 главы 10 запрещает возводить «хоромы» на меже или близко к соседским «хоромам»; статья 278 главы 10 запрещала ставить печи и кухни к стене своего соседа; статья 279 главы 10 запрещала «воды не лить и сору не метать, на хоромы соседа» и «чинить какую-либо пакость» на постройку соседа, если она

ниже по высоте, другими словами не кидать сор на крышу.

Очевидно, что все эти нормы складывались не в одночасье, а формировались годами под влиянием разрастающихся и развивающихся городов, совершенствования сельского и лесного хозяйства, активного природопользования. Специфика ремесел, городской жизни, традиционные промыслы наложили свой отпечаток на нормы права. И вместе с ними развивался и сервитут.

В 18–19 веках сервитут в России получил дальнейшее развитие. Это было опять же связано с развитием, экономики, сельского хозяйства, института собственности на землю и новыми потребностями общества.

Происходящие изменения получили свое отражение в Своде законов Российской Империи от 1832 года. В этом памятнике российского права собственности на землю делились полное и не полное. Неполные права регулировались томом 10 главой 2 ст. 432: «Право собственности бывает неполным, когда оно ограничивается въ пользованіи, владѣніи или распоряженіи другими посторонними, также неполными на то же самое имущество правами, каковы суть: 1) право участія въ пользованіи и выгодахъ чужаго имущества; 2) право угодій въ чужомъ имуществѣ. Правомъ собственности на основаніи опредѣленныхъ для сего постановленій пользуются также ограничено: 3) владѣльцы заповѣдныхъ наслѣдственныхъ имѣній; 4) владѣльцы имѣній временно – заповѣдныхъ; 5) владѣльцы имѣній, жалуемыхъ на правѣ маіоратовъ въ Западныхъ губерніяхъ. Наконецъ право собственности бываетъ также неполнымъ: б) когда отдѣляется отъ него право владѣнія и пользованія; 7) когда отдѣляется отъ него право распоряженія. См. узаконенія, къ статьямъ слѣдующихъ семи отдѣленій приведенныя»¹.

Отношения свойственные сервитуту содержались в дальнейших статьях Свода законов Российской Империи: 434 – право прохода, проезда по дорогам; 435 – Правила прогона скота и правила устройства заграждений от «потравы»; 436 – выпас скота после уборки урожая 437, 438, 439 – запрет занятия береговой линии и перекрытию водных путей (с целью беспрепятственного судоходства). Эти нормы относились к «праву участия общего». К «праву участия частного» относились нормы: регулирующие запрет на запруды, плотины, иные гидротехнические сооружения если таковые могли причинить вред иным землепользователям (ст. 442); Строительство и использование водяных мельниц регулировалось статьями 443 и 444; строительство и эксплуатация дома включала вопросы запрета пристройки к чужому строению, вопросы размещения построек вплоть до окон «Строющий домъ не на самой межѣ, а съ отступленіемъ отъ оной внутрь своего двора, можетъ дѣлать окна на сосѣдніе дворы и не требуя согласія хозяевъ оныхъ. Но сіи хозяева – сосѣди,

пользуясь равно правамъ собственности, могутъ безпрепятственно выводить на своей землѣ, на самой ли межѣ двора, или же внутри онаго, брандмауеръ, домъ и другое всякаго рода строеніе, не взирая на то, что окна сосѣдняго дома, на чужой дворъ пущенныя, будучь имѣть недостаточный свѣтъ отъ новой постройки. Буде кто въ существующей уже стѣнѣ дома, на обоудной съ сосѣдомъ межѣ, пробьетъ окна на чужой дворъ или на крышу самовольно, то оныя должно задѣлывать на его счетъ» (ст. 447)². Также сервитуты закрепляются в: Лесном уставе, Законе о постройке домов в Петербурге; Строительном Уставе.

На фоне анализа норм Свода законов Российской Империи мы видим, что сервитут прошел процедуру классификации и систематизации, разграничение получили «право участия общего» и «право участия частного», а также сервитуты в пользу неопределенного круга лиц.

В конце девятнадцатого века появляется новый термин «вотчинная повинность». «Вотчинная повинность» могла устанавливаться с согласия собственника земельного участка либо устанавливалась судом. Этот термин, появившийся в проекте Гражданского уложения имел все признаки сервитута и делился на личные и реальные. Само Гражданское уложение начало разрабатываться еще при Александре третьем и представлено было в Думу в 1913 году, но по разным причинам принято не было.

Причинами, по которым реформа гражданского законодательства и его институтов не состоялась, была внутригосударственная нестабильность. Дарков А.А. связывает не эффективность действия законодателя со следующими причинами: «Отчасти это можно связать с начавшейся в тот период политической нестабильностью и затяжным военным конфликтом, что не оставляло пространства для глубокого внутреннего реформирования институтов гражданского права и никаким образом не могло являться первоочередной задачей того времени» [6].

Принято считать, что после 1917 года сервитут в СССР исчез из правового поля гражданского законодательства.

Декрет «О земле», принятым Вторым Всероссийским съездом Советов провозгласил совершенно новый путь развития России и права. В СССР была осуществлена национализация всех земельных ресурсов, недр, лесов и водных объектов: «Право частной собственности на землю отменяется навсегда, земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема» [7].

Законодательство того периода не содержало понятие сервитута ни в гражданском не земельном праве.

Однако говорить о полном отсутствии в СССР отношений по природе своей схожей с сервитутом преждевременно. Действительно, с упразднени-

¹ Свод законов Российской Империи том 10 глава 2 ст. 432 стр. 39.

² Свод законов Российской Империи том 10 глава 2 ст. 447 стр. 42.

ем частной собственности перестал существовать и сервитут в классическом его понимании. Однако его элементы вырисовывались в ограничении прав на использование земельных участков. Такие ограничения вводились, например, если на этой территории осуществлялись: работы по поиску полезных ископаемых; топографические, геологические, геодезические и иные изыскательские работы. Такие мероприятия не являлись поводом для изъятия земли и являлись временным событием и проведение необходимых при этом действий по прекращению прав на землю не требовалось. При этом стоит отметить, что место и сроки проводимых работ согласовывались с землепользователями которым принадлежала земля. По окончании проводимых на земельном участке работ участок приводился в пригодное для его целевого использования состояния, возмещались убытки и участок возвращался для его владельцу, примером может являться использование земельного участка в целях обеспечения осуществления охоты и ведения охотничьего хозяйства.

Не исчезло право прохода и проезда, прогона скота и т.д., следовательно, можно говорить о наличии элементов публичного сервитута в советском земельном праве.

В виде самостоятельного института, сервитут начал свое возрождение в последние годы существования Советского Союза.

В современном законодательстве термин «сервитут» появился благодаря развитию частной собственности. В частности, Гражданский Кодекс РФ ст. 274–277 уже с 1994 года содержит нормы регулирующие отношения связанные с сервитутом. В Земельном Кодексе РФ отношения связанные с сервитутом регулируются множеством статей.

Статья 5 «участники земельных отношений» дает понятие «обладатели сервитута, статья 23 содержит перечень случаев, для которых может быть установлен сервитут. При этом 23 статья Земельного Кодекса РФ разделяет земельные участки в отношении которых сервитут устанавливается земельным законодательством и гражданским законодательством. Так в отношении земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности действуют особенности, предусмотренные главой V.3 Земельного кодекса, а в иных случаях применяются нормы Гражданского законодательства.

При этом публичные сервитуты, установленные до 01.09.2018, сохраняются и правообладатели таких земельных участков вправе использовать меры защиты, предусмотренные земельным законодательством.

Последние изменения в Российском законодательстве позволяют утверждать, что сервитут в России является динамично развивающимся институтом. Однако при рассмотрении его через призму истории его становления в России и развитии мы видим, что классический римский сервитут в условиях нашей страны принял свою ветку развития. На это развитие повлияли и экономиче-

ское развитие России, и специфические отношения собственности, а также развитие гражданского и земельного законодательства. И в итоге закономерно возникает вопрос о появлении нового «русского сервитута» сформированного в экономических и политических условиях нашей страны.

Литература

1. Аскарлов В.В. Основа эффективного землеустройства: учебник / В.В. Аскарлов. – М.: Юрайт, 2010. – С. 10.
2. Бикеев С.Г. Понятие сервитута: учебник / под ред. С.Н. Балабанова. – М.: Юрайт, 2010. – 789 с.
3. Соборное Уложение 1649 г. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/sobornoe-ulozhenie-1649-goda/#0_11
4. Новицкая Т.Е. Правовое регулирование лишения прав собственности на недвижимое имущество в интересах государства в России в XVI – первой четверти XX века // Законодательство. – 2015. – № 3. – С. 76–87. Богданов Е.В. Социализация современного российского гражданского права как тенденция его развития // Соврем. право. – 2018. – № 1. – С. 44–52.
5. Богданов Е.В. Социализация современного российского гражданского права как тенденция его развития // Соврем. право. – 2018. – № 1. – С. 44–52.
6. Дарков Александр Александрович. Образование и право. № 7. 2018.
7. <http://arbitr.garant.ru/#/document/306900953>
8. Липски С. Формы землепользования / С. Липски // Экономист. – 2006. – № 3. – С. 90–96.
9. Липски С.А. Земельные сервитуты в отечественном законодательстве: проблемы и перспективы / С.А. Липски // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2015. – № 3(162). – С. 88–95.

SERVITUDE IN RUSSIAN LEGISLATION (HISTORY OF FORMATION AND DEVELOPMENT)

Konokotin N.G., Konokotin D.N.

The institution of easement is well known in many countries. Born in the era of ancient Rome and the heyday of the institution of property, it migrated into the legislation of many countries and peoples. Russia did not stand aside either. The establishment of an easement on the territory of modern Russia took place in stages, having its own specifics, something was borrowed, something of its own was introduced. The current stage of the development of Russian law has also become a new stage in the development of easement, which eventually can be called the "Russian Servitude."

Keywords: easement; land; private law; public law; civil law; land law; history of law; encumbrances.

References

1. Askarov V.V. The basis of effective land management: textbook / V.V. Askarov. – M.: Yurait, 2010. – P. 10.
2. Bikeev S.G. The concept of easement: textbook / edited by S.N. Balabanov. – M.: Yurait, 2010. – 789 p.
3. Cathedral Code of 1649. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/sobornoe-ulozhenie-1649-goda/#0_11

4. Novitskaya T.E. Legal regulation of deprivation of property rights to real estate in the interests of the state in Russia in the 16th – first quarter of the 20th century // Legislation. – 2015. – № 3. – P. 76–87. Bogdanov E.V. Socialization of modern Russian civil law as a trend of its development // Sovrem. pravo. – 2018. – № 1. – P. 44–52.
5. Bogdanov E.V. Socialization of modern Russian civil law as a trend of its development // Sovrem. pravo. – 2018. – № 1. – P. 44–52.
6. Darkov Alexander Alexandrovich. Education and law. № 7. 2018.
7. <http://arbitr.garant.ru/#/document/306900953>
8. Lipsky S. Forms of land use / S. Lipsky // Economist. – 2006. – № 3. – P. 90–96.
9. Lipsky S.A. Land easements in domestic legislation: problems and prospects / S.A. Lipsky // Property relations in the Russian Federation. – 2015. – № 3 (162). – P. 88–95.

Роль граждан РФ в формировании приоритетов законотворчества: проблемы и перспективы

Пономаренко Андрей Владимирович,

аспирант, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»
E-mail: ponomarehk@mail.ru

В статье рассматривается роль граждан при формировании приоритетов законотворчества в России. Анализируется что должен учитывать законодатель при осуществлении законотворческой деятельности в правовом государстве. И как эти процессы реализуются в российской реальности. Целью исследования является анализ роли граждан РФ и возможности их влияния как на вектор развития законотворческой деятельности в целом, так и на принятие отдельных нормативно-правовых актов. Это необходимо для понимания того, насколько законодательная ветвь власти реализует волю общества и отдельных его граждан, которые фактически ее этой властью и наделили. Выводы. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что роль граждан РФ в формировании приоритетов законотворчества нашего государства минимальна. Основными факторами, оказывающими влияние на законотворческую деятельность, являются политика в ее взаимосвязи с экономикой. Граждане сами по себе не обладают законодательной инициативой и могут выступить с официальным предложением по внесению изменений в законодательство только на муниципальном уровне. Что касается общего вектора развития законодательства, то настроения в обществе влияют на него достаточно опосредованно. Как правило законодатель не успевает за развитием нашего гражданского общества и вносит соответствующие изменения в действующее законодательство, либо принимает новые нормативно-правовые акты, к тому моменту, когда вновь возникшие общественные институты уже во всю функционируют. Причиной этому, далеко не в последнюю очередь, является отсутствие рабочих инструментов у гражданского населения для проявления законодательной инициативы, а также отсутствие у лиц, занимающейся законотворческой деятельностью полного представления о потребностях всех слоев населения России. Автор делает вывод, что для решения существующей проблемы следует предусмотреть возможность выступления граждан или их объединений с законодательной инициативой. При рассмотрении законопроектов привлекать представителей научного сообщества, профессиональных и иных объединений граждан.

Ключевые слова: Российское законодательство, приоритеты законотворческой деятельности, интересы граждан, нормативно-правовые акты, государство.

Введение

Российское законодательство имеет богатую историю, начиная от «Русской правды» и заканчивая действующими нормативно-правовыми актами. На протяжении всего периода своего действия различные законы принимались, отменялись, в них вносились значительные или же точечные изменения. Данные процессы были обусловлены различными политическими, экономическими, социальными и иными причинами. Наше государство развилось, реформировалось, перестраивалось, соответственно, параллельно те же самые процессы происходили и с действующим законодательством. Далеко не последнюю роль в этих процессах играли потребности непосредственно населения страны, так как в конечном итоге институты государственности и законотворческой деятельности направлены на установление и поддержание таких правил и устоев, которые бы в первую очередь отвечали интересам, проживающих на территории данного государства граждан.

В современных реалиях, учитывая уровень развития нашего общества, а также происходящие в нем процессы и изменения, нормотворческая деятельность происходит постоянно. Однако существуют определенные проблемы, касаемо учета интересов граждан РФ в законотворческом процессе. Существующий механизм предполагает участие граждан в правотворческой деятельности посредством выбора определенных людей в законодательные органы власти, для того, что бы те на профессиональной основе занимались разработкой и принятием законов. Насколько их деятельность отвечает интересам граждан вопрос достаточно спорный. Кроме того, многие граждане имеют свои специфические интересы, которые достаточно сложно учитывать без должных познаний в данных сферах. Для разрешения данного вопроса необходимо увеличение возможностей для граждан нашего государства на проявление законодательной инициативы. На сегодняшний день, возможность у рядового гражданина выступить с законодательной инициативой практически нивелирована. Еще одной проблемой является то, что в некоторых случаях возможно возникновение противоречий между интересами граждан и политическими и экономическими интересами государства. Вопрос о том, в какую сторону должны отдаваться приоритеты в данной ситуации достаточно дискуссионный. Далеко не всегда желания отдельных категорий населения в конечном итоге будут отвечать интересам всего общества. Однако в лю-

бом случае, действующее законодательство должно отвечать интересам общества и проживающих в нем граждан, в связи с чем необходимо реформирование действующих норм в сторону усиления роли граждан РФ в формировании приоритетов законотворческой деятельности.

Современные приоритеты законотворчества в РФ

В соответствии с Конституцией Российской Федерации законодательство должно закреплять основы национального права и правовой системы, устанавливать рамки государственной политики и служить основным средством ее реализации. Приведение российского законодательства в полное соответствие с его конституционным предназначением является одной из важнейших задач государственно-правового строительства на современном этапе развития России [Золотухина, 2017: 307].

Процесс принятия законов в нашей стране сложно назвать постепенным и упорядоченным процессом. Одни законопроекты могут быть приняты и рассмотрены буквально в один день, а другие рассматриваться годами и в итоге так и не получить статуса принятого нормативно-правового акта. Это положение вещей несомненно сказывается на их качестве. Об это, в первую очередь говорят статистические данные, согласно которым около 70% принимаемых Федеральным Собранием РФ законов вносят изменения и дополнения в ранее принятые законы [Шульга, 2019: 130]. И такое положение вещей не представляется чем-то удивительным.

Конечно, моделирование работы нормы в теории и ее функционирование на практике могут отличаться. Соответственно, при наличии спорных положений, нормы подлежат корректировке, однако то, на сколько многие вновь принятые законы не отвечают современным реалиям и потребностям гражданского населения, говорит о серьезном разрыве между гражданами нашего государства и законодательными органами государственной власти.

Существуют проблемы и со стратегией законодательного развития, планированием принятия законодательных норм в связи с прогнозированием развития тех или иных общественных институтов. Поэтому, нормативно-правовое урегулирование вновь возникающих процессов в обществе происходит обычно в следующем порядке. Появляется какое-либо общественное явление, которое функционирует на основании норм, регулирующих сходные процессы, либо остается вообще вне рамок какого-либо правового поля. В нем складываются определенные порядки и процессы. В последствии развитие данного института доходит до такого уровня, что отсутствие законодательного регулирования наносит ущерб интересам общества и государства. В спешке составляется законопроект, который может как учитывать уже сложившиеся нормы поведения, например судебные реше-

ния, принятые по аналогии права согласно нормам действующего законодательства. А может и не учитывать их и основываться лишь на теории работы данного института. В последствии принимается сырой нормативно-правовой акт, который в последствии подвергается множественным изменениям. В лучшем случае это в конечном итоге все же приводит к законодательному закреплению общественных отношений, отвечающему интересам граждан. В худшем в законе так и остается множество пробелов, так как законодатель, меняя существующие отношения не успевает за изменениями, происходящими в обществе.

Учитывая множественность различных отношений в обществе, полностью спрогнозировать, разработать и реализовать стратегию развития всего законодательства невозможно. Однако данная работа должна непременно проводиться по приоритетным направлениям законотворчества.

Приоритеты законотворчества – это принципиальные основы, которые необходимо реализовывать при создании системы эффективного законодательства. Они устанавливают юридическую позицию законодателя касаясь объектов и методов регулирования различных областей социальной жизни. Это, в свою очередь, влияет на направление прогресса правовой реальности в целом, а также на результативность отдельного акта и регулирующий эффект всего законодательства [Виноградов, 2022: 59].

Каждое государство самобытно и имеет свои специфические особенности, однако основные приоритеты в принятии законов должны иметь схожие черты. В правовом государстве, а Россия позиционирует себя как таковое, приоритеты законотворчества должны в первую очередь отвечать следующим критериям:

- 1) Изменения в законодательство должны быть востребованы и обоснованы.
- 2) Принятие новых нормативных актов должно в первую очередь отражение интересов большинства населения, удовлетворять социальные потребности.
- 3) Вновь принятые нормативно правовые акты должны либо сочетаться с действующим законодательством, либо отменять ранее действующие нормы, а не создавать правовые коллизии.
- 4) Грамотное использование технико-юридического инструментария [Абрамова, 2020: 72].

Законотворческая деятельность в России формально отвечает вышеуказанным критериям, однако в действительности соответствует им лишь отчасти. При рассмотрении законопроектов и последующем принятии законов российский законодатель, помимо вышеперечисленных, прежде всего руководствуется следующими положениями:

- 1) Верховенство Конституции РФ. На конституционных положениях основывается реализация всех других приоритетов, в том числе института прав человека, верховенства права и других. Для соответствия законодательства Конституции РФ

в нашем государстве предусмотрен специальный орган – Конституционный суд РФ. Посредством обращения в данный орган гражданин может добиться отмены нормы, которая противоречит конституционным основам. Однако процедура изменения законодательства таким образом достаточно длительный процесс и возможна только в том случае, если действие нормы уже нарушает права обращающегося в судебные инстанции лица.

2) Кодификация действующего законодательства. Необходимо, чтобы законы не противоречили друг другу, не были параллельно регулируемыми одни и те же общественные отношения и дублирующими друг друга. Это затрудняет работу исполнительных, судебных, контрольных и надзорных органов, а также создаёт препятствия для практической реализации закреплённых в Конституции РФ прав, свобод и законных интересов личности. Данный процесс, к сожалению, еще далек от завершения.

3) Соответствие законодательной базы и основ государственной политики основополагающим принципам, стратегическим целям и основным условиям устойчивого экономического развития российского государства.

4) Законодательное обеспечение реализации целей и содержанию проводимой государственной политики.

Таким образом, основные приоритеты законотворческой деятельности нашего государства обусловлены прежде всего реализацией политических и экономических целей по развитию страны.

Роль граждан РФ в формировании приоритетов законотворчества

Согласно статье 1 Конституции РФ, Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления. В свою очередь демократия – политическая система, в которой народ признаётся источником власти, граждане обладают равными политическими правами и свободами, позволяющими им участвовать в управлении общественными делами непосредственно или через своих представителей, а политические решения принимаются в соответствии с волей большинства.

Единственным источником власти в нашем государстве является народ. Осуществляет народ, свои законодательные полномочия через своих выборных представителей в законодательных органах власти. В идеале данные представители, как избранники народа должны в полной мере понимать потребности граждан и осуществлять законотворческую деятельность решая, в первую очередь, потребности обычных граждан. Соответственно и приоритеты законотворчества должны быть направлены на реализацию интересов в первую очередь населения нашего государства. Однако реалии таковы, что роль, которую непосредственно играют граждане в формировании приори-

тетов законотворческой деятельности минимальна.

Фактически Роль граждан РФ в законотворческой деятельности сводится к выбору депутатов в законодательные органы и возможности проявления правотворческой инициативы – внесения проектов нормативно-правовых актов в органы публичной власти. С правотворческой инициативой может выступить инициативная группа граждан, обладающих избирательным правом, в порядке, установленном нормативным правовым актом представительного органа муниципального образования. Минимальная численность инициативной группы граждан устанавливается нормативным правовым актом представительного органа муниципального образования и не может превышать 3 процента от числа жителей муниципального образования, обладающих избирательным правом [Щеголева, 2023: 8].

Кроме того, конституционно закреплена возможность принятия наиболее важных законопроектов посредством всенародного голосования – референдума.

Возможность проявления законодательной инициативы у рядовых граждан РФ отсутствует, хотя форма участия в создании национального законодательства представляет собой исходную, первичную форму демократии и законотворчества, проявление населением своей воли совместно с референдумом и выборами. Данный институт – это форма прямого участия граждан в осуществлении государственной власти, позволяющая им предлагать законодательство или принимать новое законодательство, направленное на отмену или внесение поправок в ранее принятые законы, для последующего рассмотрения уполномоченными законодательными органами [Рамазанова, 2021: 53].

Что касается референдума, то он является собой способ прямого выражения воли народа, представляется ключевым элементом демократии и легитимизации прав. Однако следует отметить, что в современной России его потенциал как средства создания законов остается неиспользованным. Как потенциал этого института, так и его возможности по содействию демократизации процессов остаются неопределёнными и нереализованными. Как отмечает Воробьева Е.И. «причины непопулярности референдума достаточно популярны: с одной стороны, это большие финансовые затраты на его проведение, с другой стороны, несовершенство законодательства» [Воробьева, 2017: 77]

Получается, что данный институт практически не функционирует ввиду больших организационных трудностей, финансово-материальных затрат, а также излишне сложной законодательной процедуры его проведения. Вносит свою лепту и относительно низкий уровень правосознания и правовой культуры населения Российской Федерации. Конечно, в последние годы наметилась тенденция на повышение данных показателей, однако вызвано это в первую очередь не работой обществен-

ных и государственных институтов, а возникновением множества правовых и социальных проблем, которые гражданам зачастую приходится решать самостоятельно, несмотря на наличие специализированных структур, созданных непосредственно для решения данных вопросов [Байкалов, 2021: 163]. Поэтому уровень правосознания и правовой культуры растет, а вместе с ним растет и необходимость участия граждан в законотворческом процессе.

Таким образом, на сегодняшний день, граждане не могут непосредственно осуществлять влияние на принятие нормативных-правовых актов либо на местном уровне, решая свои локальные вопросы, либо при принятии фундаментальных решений, затрагивающих интересы всей нации. Возможность законодательной инициативы у обычных граждан отсутствует совсем.

Настроения в обществе, пусть и опосредованно, не могут не оказывать влияние на законодательную работу государственных органов власти. Законодатель не может полностью игнорировать потребности граждан, принимая законы руководствуясь лишь политическими и экономическими интересами. Законодательным органам власти всегда следует соблюдать баланс, между интересами государства и гражданами его населяющими. В случае полного дисбаланса интересов в сторону действующей власти, народ, как источник власти, может государственные структуры этой власти лишить, тем самым аннулировав все принятые данной властью законы.

В нашем государстве, наблюдается множество проблем, в том числе и значительный перекос в сторону соблюдения интересов в большей мере государственных интересов в правотворческой деятельности. В некоторых ученых кругах даже ставится вопрос о легитимности законодательства Российской Федерации. Вот почему важно активно вовлекать граждан в законотворческий процесс на всех уровнях государственной власти. Необходимо использовать механизмы всенародного обсуждения ключевых законопроектов, которые могут привести в действие принцип, закрепленный в статье 3 Конституции Российской Федерации. Очевидно, что власть принадлежит народу, который имеет право распоряжаться ею в рамках конституционных норм по своему усмотрению.

Такой подход позволит категории «законодательная воля» более точно отражать общую волю или коллективный интерес. Через всенародные обсуждения и законодательные инициативы активизируется общественное лобби, что, в свою очередь, защищает от тех видов лоббизма, которые стремятся закрепить в законодательстве узкие, групповые интересы [Ведерников, 2016: 149]. Всенародные обсуждения предоставляют возможность оценить проект закона с точки зрения его социальной оправданности и полезности, а также определить, как он способен решать реальные социальные проблемы. Это помогает выявить наиболее важные для граждан аспекты законопроекта, на которые

следует обратить внимание, и какие изменения необходимо внести.

Таким образом, законодательный процесс становится открытым и нейтральным по отношению к интересам отдельных групп. Эффективность общественных дискуссий, конечно, зависит от создания качественного механизма учета высказанных мнений и рекомендаций. Для некоторого упрощения и удешевления процесса проведения референдума, возможно его проведение удаленно, с использованием современных компьютерных технологий.

Выводы

Основными проблемами, которые не позволяют в полной мере позволить гражданам Российской Федерации оказывать влияние на нормотворческую деятельность заключаются в следующем.

1) Наверное, главной проблемой, уместно будет назвать проблему излишнего политического вмешательства в законотворческий процесс. Интересы гражданского общества и политические совпадают далеко не всегда, и в нашем государстве такие несовпадения в подавляющем большинстве разрешаются не в пользу граждан.

2) Процесс разработки законопроектов и последующего принятия законов носит достаточно закрытый характер, что существенно ограничивает возможности общества повлиять на содержание и характер вносимых в законодательство изменений.

3) Недостаточное применение экспертных знаний при разработке законопроектов. Невозможно быть специалистом сразу во всех областях, а порой законодательного урегулирования требуют довольно специфические сферы жизни общества. Это приводит к тому, что законодательным органом власти принимается заведомо нерабочая или, что еще хуже, вредящая гражданам норма.

4) Коррупция. Данную проблему можно смело приписывать любой сфере деятельности. Что касается формирования приоритетов законотворчества, то посредством коррупционных схем могут быть приняты нормативные акты в интересах определенного, заинтересованного меньшинства, в ущерб интересам остального населения.

5) Отсутствие системы оценки качества произведенных изменений в законодательство. Законы принимаются, отменяются, корректируются постоянно. Все пробелы и изъяны устраняются бесчисленными поправками, а ответственность за неверно урегулированные отношения никто не несет.

6) Низкий уровень правовой культуры и правосознания среди населения РФ.

Все перечисленные проблемы решаемы, однако, чтобы их решить нужно провести работу по следующим направлениям. Перспективы повышения роли граждан в формировании приоритетов законотворчества включают:

– Расширение возможностей участия. Гражданам и их объединениям следует предоставить

возможности обратиться с законодательной инициативой. Кроме того, перед рассмотрением законопроекта в государственной думе, следует предоставить возможность населению ознакомиться с его содержанием, а также выразить свое мнение. Закрепить перечень вопросов, по которым обязательно проведение референдума. При использовании современных интернет-технологий это представляется вполне реальным [Амелин, 2024: 24].

- Привлечение к обсуждению и экспертизе законопроектов представителей научного сообщества, профессиональных и иных объединений граждан. Данная практика уже активно используется, однако необходимо, чтобы это происходило на регулярной основе, что в свою очередь позволит повысить эффективность законодательской деятельности.
- Повышение уровня правовой культуры и правового сознания граждан.
- Совершенствование правового регулирования. Необходимо внести изменения в действующее законодательство, чтобы популяризировать и внедрить в публичную власть правотворческую инициативу граждан с учётом актуальных общественных интересов и современных технических возможностей. Например, создать интернет платформу, в которой любой гражданин может высказаться относительно тех или иных законопроектов.

Заключение

Законодательство РФ – это продукт развития нашего российского общества, со всеми его плюсами и минусами. Однако количество сокращением количества минусов можно и нужно работать, не только законодательным органам, но и всему населению нашей страны в целом. На сегодняшний день роль граждан в формировании приоритетов законодательства существенно ниже, чем должна быть. Поэтому представляется целесообразным законодательно закрепить не только перечень вопросов, которые должны обсуждаться всенародным голосованием, но и качественный и эффективный механизм учета высказанных мнений и предложений. Для достижения положительных результатов важно добиваться активного функционирования всех форм участия граждан в законодательном процессе на всех уровнях. Эти аспекты должны быть отражены на уровне федерального закона и быть приняты как можно скорее.

Литература

1. Абрамова А.И. Законодательная идея и форма ее реализации // Журн. рос. права. 2020. № 12. С. 65–72.
2. Амелин Р. В., Чаннов С.Е. Прямая электронная демократия в Российской Федерации: возможности и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 1. С. 20–24.

3. Байкалов А. А. О причинах неэффективности института референдума в РФ // Молодой ученый. 2021. № 21 (363). С. 161–163.
4. Ведерников А.В. Использование социологических методов в правотворчестве и правоприменении // Актуальные вопросы развития социальнотрудовой сферы: материалы всерос. науч.-практ. конф., посвященной памяти Н.М. Токарской. 2016. С. 147–152.
5. Виноградов Т.П. Принципы законотворческого процесса в России: понятие, значение и система // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 1. С. 58–61.
6. Воробьева Е.И. Институт референдума в России: проблемы реализации // Развитие общественных наук российскими студентами. – 2017. № 14 С. 76–78.
7. Золотухина Т.А. Законотворческая деятельность в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Т.А. Золотухина. – Белгород, 2017. – 452 с.
8. Рамазанова Э.Т. Роль института народной законодательной инициативы в формировании гражданского общества в РФ // Гражданское общество и правовое государство. 2011. Т. 1. С. 51–54.
9. Щеголева Н.А., Борисов А.С. К вопросу об умалении права населения муниципального образования на правотворческую инициативу // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2023. № 4. С. 8–11.
10. Шульга, Н.Е. Законотворчество и проблемы его совершенствования в Российской Федерации // Молодой ученый. 2019. № 41 (279). С. 128–131.

THE ROLE OF CITIZENS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FORMATION OF PRIORITIES OF LAWMAKING: PROBLEMS AND PROSPECTS

Ponomarenko A.V.

National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev

The article examines the role of citizens in shaping the priorities of lawmaking in Russia. The article analyzes what a legislator should take into account when carrying out law-making activities in a state governed by the rule of law. And how these processes are implemented in the Russian reality. The purpose of the study is to analyze the role of citizens of the Russian Federation and the possibility of their influence both on the vector of development of legislative activity as a whole and on the adoption of individual normative legal acts. This is necessary in order to understand how much the legislative branch of government implements the will of society and its individual citizens, who actually endowed it with this power. Conclusions. As a result of the conducted research, the author comes to the conclusion that the role of Russian citizens in shaping the priorities of our state's lawmaking is minimal. The main factors influencing legislative activity are politics in its relationship with the economy. Citizens themselves do not have legislative initiative and can make an official proposal to amend legislation only at the municipal level. As for the general vector of legislative development, the mood in society affects it quite indirectly. As a rule, the legislator does not keep up with the development of our civil society and makes appropriate changes to the current legislation, or adopts new normative legal acts, by the time the newly emerged public institutions are already fully functioning. The reason for this, not least, is the lack of working tools among the civilian population for the manifestation of legislative initiative, as well as the lack of a complete understanding of the needs of all seg-

ments of the Russian population among those involved in lawmaking. The author concludes that in order to solve the existing problem, it is necessary to provide for the possibility of citizens or their associations taking a legislative initiative. When considering draft laws, involve representatives of the scientific community, professional and other associations of citizens.

Keywords: Russian legislation, priorities of legislative activity, interests of citizens, regulatory legal acts, the state.

References

1. Abramova A.I. The legislative idea and the form of its implementation // *Journal of Russian Law*. 2020. No. 12. pp. 65–72.
2. Amelin R. V., Channov S.E. Direct electronic democracy in the Russian Federation: opportunities and prospects // *Constitutional and Municipal Law*. 2024. No. 1. pp. 20–24.
3. Baykalov A.A. On the reasons for the ineffectiveness of the referendum institute in the Russian Federation // *Young Scientist*. 2021. No. 21 (363). pp. 161–163.
4. Vedernikov A.V. The use of sociological methods in law-making and law enforcement // *Actual issues of the development of the social and labor sphere: materials of the all-Russian scientific and practical conference dedicated to the memory of N.M. Tokarskaya*. 2016. pp. 147–152.
5. Vinogradov T.P. Principles of the legislative process in Russia: the concept, meaning and system // *Constitutional and municipal law*. 2022. No. 1. pp. 58–61.
6. Vorobyeva E.I. Institute of referendum in Russia: problems of implementation // *Development of social sciences by Russian students*. – 2017. No. 14, pp. 76–78.
7. Zolotukhina T.A. Legislative activity in the Russian Federation: theoretical and legal research: dis. ...Dr. Jurid. Sciences: 12.00.01 / T.A. Zolotukhina. – Belgorod, 2017. – 452 p.
8. Ramazanova E.T. The role of the Institute of national legislative initiative in the formation of civil society in the Russian Federation // *Civil society and the rule of law*. 2011. Vol. 1. pp. 51–54.
9. Shchegoleva N.A., Borisov A.S. On the issue of diminishing the right of the population of a municipality to a law-making initiative // *Municipal service: legal issues*. 2023. No. 4. pp. 8–11.
10. Shulga, N.E. Lawmaking and the problems of its improvement in the Russian Federation // *Young Scientist*. 2019. No. 41 (279). pp. 128–131.

Деятельность научного кружка юридической латыни на факультете подготовки специалистов для судебной системы

Субботин Юрий Викторович,

старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»
E-mail: theopol@yandex.ru

Статья посвящена целям и задачам, а также особенностям деятельности студенческого научного кружка «Любитель латинского языка», входящего в состав студенческого научного общества университета и являющегося одним из его ключевых, системообразующих элементов. Автор статьи анализирует и обобщает накопленный за почти два десятилетия опыт функционирования студенческого научного кружка «Любитель латинского языка» как одного из подразделений студенческого научного общества, подразделения, отвечающего за одно из направлений научной деятельности студенческого научного общества. В статье затрагивается проблема недостаточного количества часов, традиционно выделяемых в учебных планах на юридических факультетах непрофильным предметам, одним из которых считается латинский язык.

Существование и функционирование студенческого научного кружка «Любитель латинского языка» является одним из дополнительных способов решения данной проблемы, поэтому среди целей студенческого научного кружка «Любитель латинского языка» заявлено изучение латинского языка в полном объеме в контексте античной культуры и его дальнейшего влияния на мировую культуру. Показано, что данный кружок успешно может функционировать как одновременно и параллельно с основным курсом латинского языка, так и в качестве дополнения к нему.

В статье показан оптимальный порядок функционирования студенческого научного кружка «Любитель латинского языка», специфика индивидуальной и коллективной работы его участников, перечислены качества, которые формирует студенческий научный кружок «Любитель латинского языка», рассказано о направлениях и методах научной деятельности кружка. Также уделено внимание мероприятиям, проводимым под эгидой студенческого научного кружка «Любитель латинского языка» и формам его отчетности. В конце статьи намечены перспективы дальнейшей работы студенческого научного кружка «Любитель латинского языка».

Ключевые слова: латинский язык, юридическая терминология, юридическое образование, судебная система, специалист, бакалавриат.

Самая первая, да и, наверное, наиболее сложная, можно даже сказать, до конца нерешенная и по сей день проблема в преподавании ряда дисциплин – это несоответствие между объемом научных знаний той или иной науки, существующим объемом учебного материала и количеством часов, выделенных на его усвоение. Суть проблемы заключается в том, что в рамках непрофильного предмета преподается отдельная наука, а, в случае с философией, целая сфера духовной деятельности человека, в данной статье отношение философии к науке не рассматривается, и все это должно быть уяснено студентами за один-два семестра. В этом плане повезло больше, конечно, физической культуре и английскому языку, которым выделено большее количество часов. Это, можно сказать, кошмарное, более подходящего слова просто не подобрать, несоответствие объема материала, необходимого для усвоения, и временем, выделенным учебными планами для его усвоения, приводит к низкой эффективности в достижении провозглашенных результатов. Если студенты философского, исторического факультета, филологи классики постигают свои науки пять лет на специалитете либо четыре года на бакалавриате, то юристам надо это сделать, как сказано, выше за один или два семестра. Следует отметить, что данная проблема свойственна всем непрофильным предметам, преподаваемым на юридических факультетах. Взять, например, хотя бы философию и историю. Та же немецкая классическая философия, охватывает наисложнейший по своему содержанию, да и по форме материал, одна философская система Гегеля чего стоит, на усвоение которого раньше у философов уходило два семестра, позднее сократили до одного, и который при всем при этом традиционно из года в год многие студенты не могли успешно, хотя бы на оценку «удовлетворительно» сдать, юристы в зависимости от формы обучения проходят за одну, в лучшем случае, за две лекции и за такое же количество семинарских занятий. Что говорить, если сами философы, касаясь философии Гегеля сетуют на сложность ее понимания. Так, известный английский философ и общественный деятель Бертран Рассел пишет: «Философия Гегеля очень трудна. Он, я должен сказать, наиболее труден для понимания из всех великих философов» [11, с.823.] А Пол Стретерн, приводя пространные цитаты из сочинений Гегеля, с поистине английским юмором комментирует их следующим образом: «Но вот в чем он превзошел последнего (имеется в виду И. Кант), так это в многословии. Я выбрал одно из самых ясных и корот-

ких предложений... (далее у Стретена идет цитата из Гегелевской Феноменологии духа) – и это далеко не предел. На первый взгляд этот раздутый из мухи слон может показаться даже забавным. Но после прочтения нескольких страниц подобного текста вам, скорее всего, будет уже не до смеха... Нельзя сочинить восьмисот страничный опус, чтобы в нем отсутствовал хоть какой-то смысл! Вооружившись этим догматом веры, многие исследователи отважно погружались в пучину гегелевской прозы. Одни выходили из нее марксистами, другие – экзистенциалистами, а третьи не выбирались вовсе (гегельяны). В конце концов, Гегелю потребовалось десять томов, чтобы вкратце изложить свою философию... Вот почему любая попытка инкапсулировать мысль Гегеля подобна стремлению по маленькой косточке из кончика хвоста динозавра восстановить облик того громадного, неповоротливого чудовища, которому она принадлежала». [13, с. 34–35.] Вывод, с которым не мешало бы ознакомиться сотрудникам министерства образования, создающим ФГОСы, на основании которых составляются учебные планы в высших учебных заведениях, да и всем пытающимся преподать философию Гегеля менее, чем за половину учебной пары. Не удержусь привести еще одну цитату данного автора: «В этой системе, бесспорно, заложено много поразительных, глубоких, плодотворных идей. Но, по сути, все эти идеи поэтического свойства. Вся система, по сути, есть прекрасная поэтическая идея. Вот только приколотта эта бабочка не иголкой, а прибита кувалдой». [13, с. 40.] Первая часть цитаты в наше время уже никем не будет оспариваться, хотя многие современники попытались бы это сделать. Вторая часть цитаты приведена в данном исследовании для того, чтобы показать, что даже и сейчас воззрения Гегеля на мир не являются абсолютной истинной. Не говоря еще о том, что изложение философских идей Гегеля не будет полным без изучения контекста их возникновения и того влияния, а самое главное, интерпретации, которое они оказали на философские системы современников и последующих философов. Притом, что параллельно необходимо показать, как его тезисы и аргументация трансформировались в трудах мыслителей последующих эпох, как они интерпретировали их и использовали для построения своих философских систем. Например, диалектика, при помощи которой Гегель обосновывал свои идеалистические выводы, а его философия есть кульминация развития идеализма, в форме абсолютного идеализма, идеализма рационального, полностью лишённого мистической, иррациональной составляющей, в котором все выводы вытекают из логических доказательств, была использована К. Марксом, Энгельсом, а немного позднее В.И. Лениным для обоснования материализма! Притом, что само изложение Гегелем своих идей, согласно общепринятому мнению, настолько усложнено, что производит впечатление какого-то сверхъестественного явления, само появление которого является каким-то мистическим чудом. Вы-

ражаясь обыденным языком, как до такого вообще можно было додуматься!

Вышеуказанная проблема для латинского языка еще более актуальна, особенно для юристов. Очевидно, что, выделенного по учебному плану на юридических факультетах времени недостаточно для полного освоения латинского языка. Ни один язык невозможно выучить за один семестр по одной учебной паре в неделю, тем более язык, относительно которого подавляющее большинство студентов первого курса знает только, что это «мертвый» язык, на нем говорили древние римляне, а сейчас говорят медики. Более образованные вспоминают о том, что на латинских и древнегреческих корнях и основах покоится научная терминология, а кто-то вспоминает и даже может «хотя и не без греха» произнести несколько крылатых выражений. Практика показывает, что, если человек не знает хотя бы основ грамматики латинского языка, с высокой долей вероятности он будет делать ошибки в запоминаемых им латинских фразах. Особенно часто встречаются ошибки в ударениях, затем идут ошибки в словах: перестановка либо замена звуков при произношении и букв на письме, путаница с окончаниями. Происходит это постольку, поскольку человек запоминает фразу или предложение как единое целое, не расчленяя их на составные грамматические части и не соотнося с соответствующими частями в русском переводе. Абсолютным лидером у студентов по количеству ошибок является выражение «Divide et impera». Наиболее часто неправильно ставят ударения, причем в обоих словах. Вообще автор статьи уже сбился со счета, фиксируя неправильные варианты. Эта ситуация повторяется из года в год и встречается практически во всех группах. На данный момент никаких разумных объяснений, почему такие трудности с запоминанием у студентов именно этой фразы у автора нет. А самым запоминающимся крылатым выражением, которое многие студенты уже знают, даже еще не приступив к латинскому языку, является «Memento mori», правда, почти никто не знает историю его возникновения. Что говорить, когда некоторые взрослые, с высшим образованием люди, выступая в средствах массовой информации, произносят латинские изречения, коверкают их. В истории латинского языка сохранился следующий анекдот: по воспоминаниям британского дипломата XVI века Ричарда Пэйса один священник после таинства евхаристии, читая по латыни молитву: «Quod ore sumpsimus, Domine, pura mente capiamus» (Что восприняли устами, да воспримем непорочным разумом) постоянно, изо дня в день допускал одну и ту же ошибку, а именно: вместо слова «sumpsimus» произносил «tumpsimus». Будучи однажды уличенным в ошибке, он категорично ответил, что «всегда так читал и в будущем будет делать то же самое» [9, с. 135] Оба слова, и «tumpsimus», и «sumpsimus» вошли в лексикон современных европейских языков. Первое обозначает нелепый обычай, которому, однако, продолжают следовать,

хотя и не могут дать понятное объяснение, почему так продолжают поступать, или взгляд на жизнь, которого продолжают придерживаться, несмотря на никакие очевидные доказательства его ошибочности, а также человека, категорически отказывающегося признавать свои ошибки и изменять свои очевидно неверные представления. Второе слово противоположно первому и обозначает человека, приверженного строгим правилам, педанта, не допускающего неточностей в толковании терминов и применении правил, даже, если такая практика уже есть. Но и современники тоже грешат ошибками при произнесении латинских слов. Автор статьи своими ушами слышал, как ведущий радиопередачи *nomina sunt odiosa* (выражение взято у Цицерона, смысловой перевод – не будем называть имен, буквальный – имена ненавистны) дважды неправильно поставил ударение в выражении *Divide et impera*, а один из политических деятелей, выступая по телевидению, ошибся в выражении «*sui generis*».

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что перечисленные выше в статье названия данного предмета не отражают его специфику, наиболее точным, по моему мнению, названием было бы: «Основы грамматики латинского языка и современная юридическая терминология». Именно это название соответствует реалиям образовательного процесса на юридических факультетах российских высших учебных заведений. А еще Конфуций призывал: «Нужно исправить имена... все, что называет благородный муж, всегда можно растолковать, а что он растолковывает, всегда можно исполнить. Благородный муж лишь избегает в толковании небрежности». [7, с.128.] Граматику латинского языка в полном объеме за такое количество часов невозможно «пройти» и тем более усвоить. Ситуация усугубляется еще и тем, что в отличие от других непрофильных предметов, таких как история, философия, физическая культура, информатика, математика, безопасность жизнедеятельности, религиоведение и т.д., материал которых в той или иной степени знаком студентам еще по школьным курсам, латинский язык является абсолютно новым и незнакомым предметом, а это означает, что они приступают к его изучению в буквальном смысле с чистого листа. Важно упомянуть еще одну немаловажную деталь. Для освоения грамматического материала не только в теории, но и на практике необходимо именно целиком прочитать и детально разобрать хотя бы один оригинальный латинский текст. А сделать это невозможно без изучения общественно-политического фона, в котором творил свой труд автор, что предполагает обширные познания в истории Древнего Рима, хозяйственно-бытовых особенностях жизни римлян, их обычаях, искусстве, праве, религиозных и мифологических представлениях. Традиционно таким текстом является «Записки о галльской войне» Гая Юлия Цезаря. Я полагаю, несмотря на то, что это текст исторического характера, мало информативный в познании права Древнего

Рима, если существует такая традиция, то ей и надо следовать, тем более, что данный текст идеален с точки зрения закрепления и тренировки грамматических знаний. К тому же имеются детальные еще дореволюционные методические наработки по работе с ним. Дополнительным доводом в пользу данного источника является наличие русского перевода на русский язык, что позволяет обучающемуся использовать его для сверки и сравнения со своим. Возражение, что русский перевод приведет к его использованию для имитации студентами учебного процесса, поскольку можно будет выдавать имеющийся перевод за свой, неуместно и не выдерживает никакой критики. Ложность этого возражения очевидна всякому, кто даже не преподавал латинский язык, а хотя бы сам пытался переводить сочинение того или иного римского писателя, юриста или поэта. К сожалению, говорить о чтении со студентами, тем более с детальным разбором, Цезаря в силу отведенного на курс количества часов не приходится.

Непосредственно с проблемой несоответствия преподаваемого материала и количества учебных часов, выделенных на его усвоение, связана следующая проблема, обусловленная особенностями работы системы высшего образования в современном мире: предмет изучается один или два семестра, а затем после его успешной сдачи студент уже, если только у него самого не возникает желание, не возвращается к пройденному по данному предмету материалу. А уже с древних времен известна общая истина «*Repetitio mater studiorum est*», которая известна как русская поговорка – повторение – мать учения. Современная психология и физиология высшей нервной деятельности не только подтвердили, но и выявили механизм работы памяти, благодаря которому запоминается именно то, что постоянно повторяется в ходе практической деятельности человека. Юридические дисциплины содержат общие блоки информации, учебный материал, излагаемый на общих курсах, позднее более подробно разбирается на спецкурсах. Непрофильные предметы лишены такой возможности.

Данная проблема общеизвестна и на данный момент очень актуальна.

Уже с давних пор авторы курсов по латинскому языку во вступительных статьях за исключением разве только филологов-классиков, жалуются на недостаточное количество часов, выделенных на изучение латинского языка, и это не только у юристов, это проблема, существующая на всех направлениях. Чтобы не быть голословным далее будет приведен ряд высказываний по этому вопросу.

Если верить мэтрам, то базовый курс латинского языка в педагогических вузах должен составлять 160 часов, а в идеале – 320 часов, именно на такое количество часов рассчитан один из двух самых лучших учебников латинского языка для филологов. Это при том, что авторы вскользь намекают на «ограниченное количество часов» в связи

с необходимостью постигать латынь, читая и переводя только оригинальные латинские предложения, которые, по сути дела, являются миницитатами из латинских источников, поскольку студенты, переводя фразы по своей логической структуре построенные на принципах функционирования современных языков, в данном случае русского, не успевают за предоставленные им часы уяснить особенности мышления и мировосприятия жителей Древнего Рима. И так с первого занятия! Поскольку только таким образом, по мнению авторов данного учебника, можно достичь: «надлежащее усвоение специфических черт латинского языкового мышления, – задача, которая представляется составителям делом первостепенной важности» [2, с. 6] Следует отметить, что настолько важная, с точки зрения авторов данного учебника, задача даже не упоминается в других учебниках и учебных пособиях, за исключением учебников С.И. Соболевского, который придерживался такой же, как и Боровский с Болдыревым точки зрения, но с упором на стилистику: «...учащийся попутно ознакомится вообще со способом выражения древних, а также иногда с их мировоззрением, бытом, историческими фактами». [14, с.4] И еще одна цитата этого автора, но уже из первой части его хрестоматии, где он комментирует деятельность своих коллег по разработке практической части учебников, в частности, сложившуюся еще до революции 1917 года практику сочинения искусственных учебных предложений: «Почти всегда этот материал никуда не годен ни по форме, ни по содержанию: почти всегда такие фразы и особенно статьи написаны плохим латинским языком; содержание тоже убогое». [15, с. 4]

В подтверждение своих слов Соболевский приводит пространную цитату из статьи П.Д. Первова, которая, на мой взгляд, сама наряду с произведениями древнегреческих и римских ораторов и политических деятелей, речами дореволюционных и советских адвокатов является шедевром ораторского искусства К сожалению, из-за стремления сохранить обозначенный в требованиях процент оригинальности текста в данной статье нет возможности привести этот отрывок целиком, поэтому автор ограничивает себя лишь настоятельной рекомендацией читателю ознакомиться с выше указанным трудом и констатацией очень важного принципа, который должен лежать в основе педагогической деятельности вообще и обучения латинскому языку в частности. П.Д. Первов пишет: «Говорят, что хрестоматия не есть кодекс нравственных правил или свод научных данных, что она представляет только средство в возможно короткий срок ознакомить ученика с законами языка... Было бы очень желательно, чтобы каждая фраза давала знание или нравственный урок, но мы не решаемся пока ставить для сборников ... такие требования. Дело в том, что употребляемые у нас сборники настолько неудовлетворительны, что простая содержательность фраз была бы уже огромным шагом вперед...». [15, с. 4]

Так, учебник И.С. Розенталя и В.С. Соколова, начиная с его второго издания и включая последующие, рассчитан на сто восемь часов именно аудиторных занятий, часы самостоятельной работы сюда не включены. Такое количество часов распределяется следующим образом: два семестра, в первом – две пары в неделю, во втором – одна. Но при условии увеличения объема самостоятельной работы во втором семестре. Это программным минимум для освоения латинского языка юристами. По возможности предполагается сохранить две пары в неделю в во втором семестре с доведением числа аудиторных часов до 144. [12, с. XII] При этом надо отметить, что первое издание этого учебника было вообще рассчитано на 200 часов аудиторных занятий, именно столько было выделено латинскому языку первоначально на юридическом факультете МГУ.

Другие авторы не столь категоричны и готовы идти на компромисс с учебными планами.

Так, О.А. Ахтерова и Т.В. Иваненко во введении к учебнику считают возможным преподавать учебный материал за два семестра по одной паре в неделю, но при этом оговариваются что это «минимальный срок для освоения курса». [1, с. 5] Сокращение объема выделенных на латынь часов они компенсируют за счет структурирования содержания и введения жесткого алгоритма проведения каждого занятия, при этом предлагается одна и та же модель, по которой проводятся все занятия без исключения.

И.А. Газиева предлагает еще более компактный курс: один семестр по одной паре в неделю, который соответствует сегодняшним реалиям учебного процесса, но при этом прямо признает: «Из-за недостатка времени, выделяемого в большинстве юридических вузах, на изучение латыни для юристов, данный курс не включает в себя полное систематическое изложение латинской грамматики и институтов римского частного права». [3, с. 8.] При условии самостоятельного выучивания юридических терминов и выражений в домашних условиях с последующей проверкой на занятиях. К сожалению, в данном учебнике представлены только специальные, юридические выражения, автору пришлось пожертвовать общеизвестными крылатыми латинскими выражениями, формирующими огромный пласт в духовном развитии будущего юриста. А ведь юрист, прежде всего, должен быть образованным человеком и знакомство с крылатыми латинскими, да и не только с латинскими, фразами составляет тот общий культурный фундамент, на котором уже строится здание специальных знаний и навыков.

На данный момент, возможно, отказ от «полного систематического изложения латинской грамматики» в преподавании латинского языка с целью «подвести студентов к самостоятельному чтению и переводу юридических источников» является абсолютно оправданным. Но он сразу же порождает ряд трудностей и, в первую очередь, отсутствие общепринятых, нормативно закрепленных критериев

отбора материала: чем можно будет пожертвовать, а что нельзя исключать ни в коем случае, как исключение определенных информативных блоков отразиться на усвоение оставшихся, в конечном счете, какими знаниями и навыками применительно к латинскому языку, римскому праву и, в общем, к античной эпохе в целом должен обладать студент-юрист, сдавший зачет по латинскому языку. А это приводит нас к следующему вопросу, какой образ выпускника юридического вуза должен сформироваться у государства, которое выступает в роли заказчика конечного продукта, то есть молодого специалиста с юридическим дипломом государственного образца. И соответственно, какой образ должен быть у преподавателя, непосредственно производителя данного продукта.

И где гарантии, опять же вопрос о критериях, того, что эти образы у государства и преподавателей совпадают.

Получается, что на данном этапе истории преподавания латинского языка преподаватель, исходя из сложившейся ситуации, вынужден *volens polens* отказаться от ранее заявленной, можно так сказать, глобальной, но сейчас недостижимой цели и заменить ее на ряд менее глобальных, но при этом достижимых в рамках имеющихся условий целей.

В данной статье автором предлагается один из вариантов решения этой проблемы, который ни в коем случае не может претендовать на ее полное решение, но который позволяет, тем не менее, некоторым образом компенсировать вред, наносимый отсутствием ее более-менее удовлетворительного решения. К большому сожалению, данная практика сработает только для небольшой части студентов, ко всем обучающимся она неприменима в принципе. Но, как полагает автор статьи, ею смогут воспользоваться лишь лучшие из лучших среди студентов, кроме того, каждому студенту предоставлена свобода выбора и это будет его личным решением, так как по определению эта практика может существовать только на абсолютно добровольных началах. Приведенная ниже методика, само собой разумеется, не является панацеей, которая бы позволила бы окончательно решить эту проблему.

В данной статье речь идет о деятельности студенческого научного кружка «Любитель латинского языка» как структурного подразделения студенческого научного общества (далее СНО). Данный кружок успешно может функционировать одновременно и параллельно с основным курсом латинского языка, так и в качестве дополнения к нему. При этом предполагается, что на основном курсе даются базовые знания в пределах отведенных часов. Обучение в научном кружке неограниченно по времени, в данном случае ограничением является лишь желание участников кружка и их готовность жертвовать своим внеучебным временем, а также время обучения студента в университете. Специалист, при условии записи на кружок с первого курса, может посещать его пять лет, а бакалавр – че-

тыре года, плюс еще два года магистратуры, а бакалавры, как правило, по статистике продолжают обучение в магистратуре в том вузе, в котором закончили бакалавриат. Благодаря студенческому научному кружку появилась возможность изучить нормативную грамматику в полном объеме, еще и с привлечением по мере необходимости элементов исторической грамматики латинского языка.

Блестящим примером результативного сочетания нормативной грамматики латинского языка с элементами исторической грамматики в рамках функционирования студенческого научного кружка является учебник Болдырева и Боровского [2, с. 137–139]. Однако, данная практика показала свою эффективность только в рамках студенческого научного кружка. Все попытки ввести элементы исторической грамматики при объяснении нормативной на обычных занятиях не принесли желаемого результата, за исключением объяснения замены в словах типа «*mus, muris m/f*» *rus, ruris n* на «*ros, roris m*» – закон ротацизма, да и фактов наличия либо отсутствия частичной или полной ассимиляции звуков при образовании латинских форм. Это приводило к излишнему усложнению материала и еще более запутывало студентов, поэтому наилучшим методом в преподавании небольших по объему курсов латинского языка является: «ту-по-запомни». Конечно, при том, что следует обязательно акцентировать внимание на исключениях, не поддающихся объяснению в рамках нормативной грамматики. В качестве примера можно привести появление содинительного гласного «*u*» перед окончанием «*nt*» у глаголов IIIб, они же глаголы на «*-io*, и IV спряжения в 3 лице множественного числа в настоящем времени изъявительного наклонения действительного и страдательного залога.

Студенческий научный кружок позволяет изучить не только латинский язык в полном объеме, имеется в виду нормативная грамматика с закреплением навыков на практике, но и античную культуру, не только величайшие духовные достижения римлян, но и древних греков, например греческую философию посредством интерпретации ее римскими авторами, такими как Марк Туллий Цицерон, Тит Лукреций Кар, Люций Анней Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий, и ее вклад в формирование человеческой цивилизации, не оглядываясь на часы по учебному плану.

В работе студенческого научного кружка надо учитывать, что помимо кружка у них есть тоже много обязанностей, а время в сутках ограничено. Оптимальным является проведение заседаний кружка раз в неделю продолжительностью 1,5–2 часа, но каждую неделю без перерывов, что в принципе достижимо, поскольку время будущего заседания определяется в ходе совместного обсуждения на последнем заседании и всегда может быть перенесено, так как существуют чаты кружка в мессенджерах, где каждый из участников в режиме реального времени может сообщить о возникшей у него проблеме. К тому же заседание кружка

можно проводить дистанционно в соответствующих приложениях как общего характера, таких, как Zoom, либо по предварительной договоренности в одной из дистанционных аудиторий внутривузовской платформы, заход на которую осуществляется через сайт университета. Недопустимость пропусков в заседаниях связано с тем, что в изучении латинского языка необходима системность. Данное требование составляет специфику работы данного кружка. В других студенческих научных кружках заранее объявляются заседания на заданную тему, которые обычно проводятся с периодичностью один-два раза в месяц. Студенты не обязаны посещать все заседания и если студент пропустит какое-то количество заседаний, то это не помешает ему, как правило, разобраться в материале текущего заседания. Для участников студенческого научного кружка «Любитель латинского языка» такая форма работы неприемлема. Это определяет и относительно небольшое число студентов, посещающих данный научный кружок по сравнению с другими кружками. Работа студенческого научного кружка наглядно демонстрирует очень серьезную проблему современного российского образования: среди выпускников школ, поступивших на первый курс большой процент студентов, неспособных к самостоятельному системному освоению материала. Если по учебным курсам системность в работе достигается за счет преподавательского контроля и во многом основана на принуждении, включая угрозу отчисления на пересдачу, а затем вообще быть отчисленным из вуза, то председатель студенческого научного кружка не имеет никаких рычагов административного воздействия на его участников. Единственным средством привлечения и удержания желающих принять участие в деятельности научного кружка является способность преподавателя заинтересовать студентов, вызвать у них неподдельный интерес к изучаемому предмету, сделать так, чтобы они потратили свое свободное внеучебное время и пришли на очередное заседание кружка, да еще и регулярно, а не от случая к случаю выполняли домашние задания. И все это они делали бы абсолютно добровольно. Тем приятнее констатировать тот факт, что такие студенты, студенты, стремящиеся постигнуть латинский язык, познакомиться с античной культурой во всем ее многообразии, блеске и великолепии, более детально изучить римское право и то влияние, которое оно оказало и продолжает оказывать на современные правовые системы, каждый год приходят и записываются в студенческий научный кружок «Любитель латинского языка», а многие из них остаются и продолжают посещать его вплоть до получения диплома. А самое главное, что у многих студентов среди приятных и ярких воспоминаний об университете есть и воспоминания, связанные с занятиями по предмету «латинский язык» и заседаниями моего студенческого научного кружка. С гордостью можно заявить, что среди студентов, обучавшихся в данном научном

кружке есть такие, кто знают латинский язык не хуже некоторых филологов.

Работа в кружке развивает у студентов, прежде всего, такие качества, как упорство, трудолюбие, умение планировать свое время, строгость мышления, языковую грамотность. Не все пожелавшие постигнуть «божественную латынь» могут пройти через трудности, возникающие в процессе обучения. Каждый год наблюдается одна и та же картина: записываются на кружок человек 15–25, был случай, когда записалось больше 25-ти, к концу учебного года остается от 3 до 7 человек, максимум 9. Но зато оставшиеся отличаются огромным трудолюбием, проявляют «несгибаемую» волю и искреннее желание добиться результатов.

Каждый год разрабатывается план работы студенческого научного кружка на учебный год. В плане прописывается количество занятий, которые будут проведены в течение года и тематический план. Формат студенческого научного кружка «Любитель латинского языка» позволяет совмещать как индивидуальную, так и коллективную работу студентов. Коллективная работа предполагает прослушивание и усвоение теоретического материала, излагаемого руководителем научного кружка, совместный грамматический разбор и перевод латинских текстов и, наоборот, перевод отдельных предложений с русского на латинский, а также работу с крылатыми латинскими выражениями и специальными юридическими терминами. Индивидуальная работа студентов – это выполнение домашних заданий и подготовка индивидуальных докладов по определенным темам, а также презентаций к ним. Соответственно студенты, подготовившие доклад, выступают перед своими «боевыми товарищами» на заседаниях научного кружка. Наличие презентации к докладу не является обязательным требованием, но приветствуется. Традиционно руководитель студенческого научного кружка – это преподаватель, ведущий курс латинского языка в данном университете. Это позволяет синхронизировать деятельность научного кружка с преподаваемыми курсами латинского языка.

План работы научного кружка разделен на несколько блоков, в зависимости от уровня владения латинским языком у участника кружка. Нулевой уровень составляют студенты первого курса, у которых курс латинского языка только начался или же те студенты, которые только что сдали зачет по латинскому языку в предыдущем семестре, сюда же попадают студенты, начиная со второго курса и далее, которые сдали ранее латинский язык и решили самостоятельно вернуться к нему. На этом уровне изучается грамматика латинского языка в намного более развернутом варианте, чем на базовом курсе. В отличие от латинского языка для всех, участники студенческого кружка изучают латинский язык так, чтобы к моменту окончания вуза читать сочинения римских писателей и поэтов, а также и памятники римского права в оригинале. Занятия проводятся со следующей периодичностью – одно занятие, от полутора до двух

часов, каждую неделю, соответственно четыре занятия в месяц, с учетом того, что в конце мая кружок завершает свою работу с тем, чтобы в сентябре ее возобновить, получается в среднем тридцать два заседания кружка в год, поскольку в январе занятий не предусмотрено. И это, не считая других мероприятий кружка. Параллельно с изучением грамматики студенты на каждом заседании кружка, естественно, кроме первого, на котором решаются организационные вопросы, такие как ознакомление участников с планом работы кружка, его целями и задачами, утверждение списка докладов, их распределения между участниками научного кружка по датам выступления и т.д. и т.п., выступают с докладами на выбранную тему, что составляет элемент научной деятельности на начальном уровне. Также студенты делают сообщения по содержанию определенной научной статьи, посвященной терминологии римского права и его рецепции в истории формирования современных правовых систем, например на одном из заседаний была заслушана статья о преюдиции. [8, с. 63–69] Затем слушатели задают вопросы и начинается обсуждение прослушанного доклада или сообщения. На изучение грамматики в кружке отводится три семестра. Затем плавно осуществляется переход к чтению оригинальных латинских текстов, сначала отрывков из хрестоматий к учебникам. Выборочно используются фрагменты, подобранные Н.А. Гончаровой [5, с.211–235], А.Н. Поповым и П.М. Шендяпиным [10, с.133–256], для юридических текстов – И.С. Розенталем и В.С. Соколовым [12, с.175–229]. Ценнейшей находкой для председателя научного кружка стала книга Рудольфа Гнейста, которая сама по себе является библиографической редкостью. [4, с XII–XXVIII]

В данной книге содержится уникальный по своему содержанию материал. Особо хочется отметить по-немецки точный и основательный подбор отрывков из разных источников и такие же комментарии к ним Законов двенадцати таблиц, кроме того, там полностью приведены пять книг *Julii Pauli Sententiarum ad filium*. [4, с. 339–374]

Из числа фрагментов, как правило, используют следующие: Корнелий Непот «Аристид», «Эпаминонд», «Пелопид», Цицерон «Тускуланские беседы» (О Дамокле 5.21), «Первая речь против Люция Сергия Катилины» первые тринадцать фрагментов, «Вторая речь...» восьмой, девятый и десятый фрагменты, частично «Речь в защиту Архия», Тит Ливий «От основания Рима» (Свержение Тарквиния Гордого, провозглашение республики и попытки Тарквиния вернуть трон), первые три параграфа «Анналы» Тацита, Лукреций «О природе вещей» (появление живых существ, возникновение государства, о том, как возник язык), стихотворения Катутлла, Овидия, Горация, первые пятьдесят пять строчек Энеиды Вергилия.

Студенты следующего уровня читают уже один текст целиком. В качестве такого выбраны «Записки о Галльской войне» Гая Юлия Цезаря. И тут огромным подспорьем для студентов является ил-

люстрированное собрание греческих и римских классиков с объяснительными примечаниями под редакцией Л. Георгиевского и С. Манштейна. [6, с.30–83]

В апреле каждого года совместно с кружком «Научный текст: разновидности и способы перевода на английский язык», руководителем которого является один из преподавателей английского языка, проводится заседание студенческого круглого стола «Роль языка права в формировании языковой личности юриста», На этом круглом столе выступают студенты обоих научных кружков, с докладами, с которыми они ранее выступали на заседаниях научных кружков. В работе стола принимают участие и студенты университета, не посещающие данные кружки, а также студенты других вузов. Единственно, от таких студентов требуется, чтобы их доклад был одобрен их научным руководителем. Фамилия и инициалы научного руководителя обязательно указываются в программе студенческого круглого стола. По итогам заседания студентам торжественно вручаются сертификаты участника, а впоследствии на их электронный почтовый адрес пересылаются фотографии, сделанные в ходе проведения круглого стола.

Как известно, «все течет, все изменяется», научный студенческий кружок «Любитель латинского языка» не исключение. Планируется совместить работу студенческого научного кружка с выполнением студенческого научного проекта.

Но это пока планы на будущее и материал другой статьи.

Литература

1. Ахтерова О.А., Иваненко Т.В. Латинский язык и основы юридической терминологии. – М.: Юрид. Лит., 1998. – 304с.
2. Я.М. Боровский, А.В. Болдырев Латинский язык, М., Издательство литературы на иностранных языках, 1961–448с
3. Газиева И.А. Латынь и римское право, М.: Издательство «Экзамен», 2004. – 336с.
4. Gneist R. Institutionum et regularum juris Romani syntagma, Lipsiae, MDCCCLXXX, – 392с.
5. Гончарова Н.А. Латинский язык., Минск., изд-во «Университетское», 1986. – 344с., С211–235.
6. Гай Юлий Цезарь Записки о Галльской войне. СПб.: Типография М. Волковича, 1913, 83с. – С. 30–83.
7. Конфуций Изречения (Луньюй)., М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 464с.
8. Крицкая С.Ю. Преюдиция как правовое средство судебной деятельности.//Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. № 3 (3), 2008. –84с.
9. Пеппельман К. Крылатые латинские выражения и что за ними стоит. Ростов н/Д, Феникс, 2009. – 256с.
10. А.Н. Попов, П.М. Шендяпин Латинский язык., М., Академический Проспект, 2008. – 496с.

11. Рассел Б. История западной философии. – Ростов н/Дону, изд-во «Феникс», 1998. – 992с.
12. Розенталь И.С., Соколов В.С. Учебник латинского языка для юридических и иных гуманитарных вузов и факультетов., М.: Норма, 2009. – 320с
13. Стретен П. Гегель., М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2015. – 96с.
14. Соболевский С.И. Грамматика латинского языка. Часть первая (теоретическая). М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1948. – 432с.
15. Соболевский С.И. Хрестоматия по латинскому языку. Часть первая., М.: Учпедгиз, 1939. – 288с.

ACTIVITIES OF THE SCIENTIFIC CIRCLE OF LEGAL LATIN AT THE FACULTY OF TRAINING SPECIALISTS FOR THE JUDICIAL SYSTEM

Subbotin Y.V.

Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

The article is devoted to the goals and objectives, as well as the specifics of the activities of the student scientific circle "Latin Language Lover", which is part of the student scientific society of the university and is one of its key, system-forming elements. The author of the article analyzes and summarizes the experience accumulated over almost two decades of functioning of the student scientific circle "Latin Language Lover" as one of the divisions of the student scientific society, a division responsible for one of the areas of scientific activity of the student scientific society. The article touches upon the problem of insufficient hours traditionally allocated in the curricula at law faculties to non-core subjects, one of which is the Latin language. The existence and functioning of the student scientific circle "Latin Language Lover" is one of the additional ways to solve this problem, therefore, among the goals of the student scientific circle "Latin Language Lover" is declared the study of the Latin language in full in the context of ancient culture and its further influence on world culture. It is shown that this circle can successfully function simultaneously and in parallel with the main course of the Latin language, and as a supplement to it. The article shows the optimal order of functioning

of the student scientific circle "Latin language lover", the specifics of individual and collective work of its participants, lists the qualities that the student scientific circle "Latin language lover" forms, tells about the directions and methods of scientific activity of the circle. Also, attention is paid to the events held under the auspices of the student scientific circle "Latin language lover" and its reporting forms. At the end of the article, the prospects for further work of the student scientific circle "Latin language lover" are outlined.

Keywords: Latin language, legal terminology, legal education, judicial system, specialist degree, bachelor's degree.

References

1. Akhterova O.A., Ivanenko T.V. Latin language and the basics of legal terminology. – M.: Jurid. Lit., 1998. – 304 p.
2. Ya.M. Borovsky, A.V. Boldyrev Latin language, M., Publishing house of literature in foreign languages, 1961–448 p.
3. Gazieva I.A. Latin and Roman law, M.: Publishing house "Examen", 2004. – 336 p.
4. Gneist R. Institutionum et regularum juris Romani syntagma, Lipsiae, MDCCCLXXX, – 392 p.
5. Goncharova N.A. Latin language., Minsk., Publishing house "University", 1986. – 344 p., P. 211–235.
6. Gaius Julius Caesar Notes on the Gallic War. SPb.: M. Volkovich Printing House, 1913, 83 pages – P. 30–83.
7. Confucius Sayings (Lunyu)., M.: Eksmo Publishing House, 2003. – 464 pages.
8. Kritskaya S. Yu. Prejudice as a legal means of judicial activity.// Humanitarian studies in Eastern Siberia and the Far East. No. 3 (3), 2008. –84 pages.
9. Peppelman K. Winged Latin expressions and what is behind them. Rostov n / D, Phoenix, 2009. – 256 pages.
10. A.N. Popov, P.M. Shendyapin Latin language., M., Academicheskyy Prospekt, 2008. – 496 pages.
11. Russell B. History of Western Philosophy. – Rostov n / Don, Phoenix Publishing House, 1998. – 992 pages.
12. Rosenthal I.S., Sokolov V.S. Textbook of Latin for law and other humanitarian universities and faculties., M.: Norma, 2009. – 320 pages.
13. Streten P. Hegel., M.: Kolibri, Azbuka-Atticus, 2015. – 96 pages.
14. Sobolevsky S.I. Grammar of the Latin language. Part One (theoretical). M.: Publishing House of Literature in Foreign Languages, 1948. – 432 pages.
15. Sobolevsky S.I. Reader on the Latin language. Part one., Moscow: Uchpedgiz, 1939. – 288 p.

Здоровый образ жизни: правовая теория и публично-правовое регулирование

Рагозина Наталья Александровна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права, Санкт-Петербургский государственный экономический университет; педагог дополнительного образования, ГБУ ДО ЦВР Центрального района Санкт-Петербурга
E-mail: ragoza777@bk.ru

Проблема правовой характеристики категории «здоровый образ жизни» детерминирована необходимостью реализации конституционных задач построения правового и социального государства Российской Федерации.

Целью теоретико-правового исследования выступает правовое осмысление конституционных понятий «жизнь», «смысл жизни», «образ жизни», «здоровье нации». Ключевые задачи исследования могут быть обозначены как наполнение правовым содержанием понятий социального проектирования и со-зидания здорового общества, характеристика юридического процесса «оздоровления нации».

На основе методов анализа, синтеза, моделирования, формально-юридического определяются современные публично-правовые режимы регулирования здоровой жизнедеятельности на международном и национальном уровнях.

Обобщенные результаты исследования определили наиболее существенные теоретически и практически значимые выводы. Уточняется понятие «здоровый образ жизни», ныне часто используемое в правовых актах стратегического планирования. Исследование базируется на толковании «образа жизни» как модуляции социального бытия в системе конституционного регулирования и административной регламентации. Выделяемые проблемы правового регулирования систематизируются во взаимосвязи наук о здоровье человека и общества. Утверждается укрепление роли публично-правового регулирования в социально-культурной сфере государственного управления. Укоренение здорового образа жизни представлено как существенная часть процесса оздоровления нации. В связи с этим рассматривается понятие «здоровая нация», актуальное в современных условиях противостояния наций в процессе формирования многополярного мира. Здоровый образ жизни показан как охраняемая правом конституционная ценность и особый административно-правовой режим жизнедеятельности граждан и социальных групп. Здоровый образ жизни охватывает существенную группу культурно-нравственных ценностей, охраняемых государством в особых правовых режимах. Такая охрана обусловлена характеристикой Российской Федерации как правового и социального государства. Соответственно, категория «здоровый образ жизни» распространяется далеко за пределы поддержания физического состояния граждан и медицинского права. Показано, что утверждение здорового образа жизни системно связано с государственной поддержкой и поощрением развития образования, физической культуры, медицины и спорта.

Ключевые слова: модуляция социального бытия; здоровый образ жизни; культурно-нравственные ценности; оздоровление нации; правовая теория; конституционное регулирование; административная регламентация.

Понятие «здоровый образ жизни» ныне часто используется в пространстве правового регулирования: в правовых актах различного характера, уровня и юридических научных публикациях по вопросам оздоровления нации¹. Необходимо сразу оговориться, что «оздоровление нации» как правовой процесс пока не стал в требуемой мере объектом внимания ученых и практиков. При этом эффективная реализация права требует надежной конкретизации, выводящей это понятие из сферы «аксиоматических» категорий, таких как «жизнь», «человек»². Ученые концентрируют внимание на различных компонентах этого феномена и сферах социальной жизнедеятельности, где он проявляется наиболее ярко³. Однако складывается впечатление о том, что специалисты-представители различных наук не сформулировали общепризнанных и в достаточной мере единых представлений о «здоровье нации» и «здоровом образе жизни» как форме социального бытия. Здоровый образ жизни – качественное свойство здоровой нации⁴, предполагающее уточнение и понятия «здоровая нация», актуальное в современных условиях весьма жесткого противостояния наций в процессе формирования многополярного мира. Здоровая нация характеризуется национальным здоровым образом жизни. В этом тезисе обнаруживается значительный элемент новизны, поскольку в подавляющем большинстве случаев ученые имеют в виду только «здоровый образ жизни» индивидуумов, часто ограничиваясь чисто медицинскими показателями к определенной жизнедеятельности человека. Кроме того, следует при-

¹ Новиков А.Б. Оздоровление нации как административный процесс в сфере физической культуры человека, охраны его здоровья и спортивного мастерства / А.Б. Новиков, Н.А. Рагозина. – Санкт-Петербург: «Инфо-да», 2024. – 174 с.

² Гаджиев Г.А., Ливеровский А.А. Юриспруденция и математика (общность познавательных структур): монография. Махачкала: Изд-во Дагестанского государственного университета, 2016. – 103 с.

³ Плещев А.М. Главные составляющие здорового образа жизни // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2018. – № 3 (39). – С. 39–43; Трыкаш Е.Р., Тюрин В.С., Хромых В.К. Современные тенденции формирования приверженности к здоровому образу жизни в Российской Федерации // Международный студенческий научный вестник. – 2020. – № 6. [Электронный ресурс]. URL: <https://eduherald.ru/ru/issue/view?id=209> (дата обращения 16.02.2025); Дружников С.А. Здоровый образ жизни как целесообразная активность человека // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2016/04/66781> (дата обращения: 13.02.2025).

⁴ Оль П.А., Ромашов Р.А. Нация (генезис понятия и вопросы правосубъектности). СПб.: Изд-во Юридического института (Санкт-Петербург). 2002. – 144 с.

знать, что «национальный здоровый образ жизни» создает мощную основу для сотрудничества наций в международно-правовом пространстве, сохранения мироздания, несмотря на то, что современные сформировавшиеся веками нации не могут отождествляться. В этом смысле идея «единой мировой нации» может быть высказана, но предельно далека от какой-либо реализации. Так, здоровые нации России и Китая¹, двигаясь по пути сотрудничества, уважая и почитая культурные ценности своих народов, не сливаясь, строят новый крепкий миропорядок, свободный от накопленных пороков Нового и Старого света.

Здоровый образ жизни представляется на первый взгляд категорией философии и даже неким этическим, эстетическим «литературно-художественным образом». Новизна настоящего исследования во многом заключается именно в правовой характеристике этого феномена. Комплексным юридическим фактом ныне является жизнь человека в сети публично-правовых и частно-правовых режимов, которые и определяют восприятие человеком социальной справедливости, смысла и принципов жизни², приверженность охране национальных культурных ценностей. Но есть и главный на сегодня аспект «здорового образа жизни» наций. Человечество стремится к самоуничтожению. В этом аспекте охрана «здорового образа жизни» противостоит античеловеческой политике европейских геронтофилов, давно забывших о своих детях и внуках, и часто их не имеющих, и тем более о населении «обслуживающего персонала», пополняемого в русле миграционной политики. Обратим существенное внимание на то, что демографическая и миграционная политика государства в этом смысле раскрывает существенные вызовы и угрозы. Так, в настоящее время представляет интерес правовой феномен «поместного хозяйства», где под эгидой «российского хозяина», который порой и не появляется подолгу на Родине, трудятся и приятно живут «мастеровые люди».

В публично-правовой концепции оздоровления нации указанное оздоровление представляется процессом формирования «здоровой нации», «здорового образа жизни» нации в целом и отдельных граждан, являющегося неотъемлемой частью правовой картины мира. В отношении образа жизни выявляются следующие взаимосвязанные характеристики: «здоровый», «семейный», «спортивный», «культурный», «активный», «счастливый», «благополучный», что указывает на многомерность правового пространства здоровой жизнедеятельности. С юридической точки зрения, эти

характеристики имеют в настоящее время определенный и устойчивый правовой смысл.

Здоровый образ жизни охватывает существенную группу культурно-нравственных ценностей, охраняемых государством в особых правовых режимах. Такая охрана обусловлена характеристикой Российской Федерации как правового и социального государства. Соответственно, категория «здоровый образ жизни» распространяется далеко за пределы поддержания физического состояния граждан и медицинских правоотношений. Эта специфическая сфера государственного управления в основной своей части располагается в социально-культурном пространстве. Поддержка здорового образа жизни выделяется как неотъемлемая часть современных национальных проектов. В сфере правовой регламентации ныне выявляется фрагментарная характеристика административных производств, затрагивающих вопросы оздоровления нации. В указанной связи идея оздоровления нации актуальна для теоретико-правовых исследований и продуктивна для публично-правовой разработки и внедрения в правотворчество и юридическую практику.

Исследование базируется на толковании «образа жизни» как модуляции социального бытия в системе конституционного регулирования и административного воздействия. В таком ракурсе «здоровый образ жизни» может характеризоваться как комплекс правовых режимов безопасной жизнедеятельности нации.

Понятие «образа жизни» увязывается со стабильными конституционными формами жизнедеятельности в социуме, сложившимися в определенных социально-экономических и политико-правовых условиях³. Однако, не вызывает сомнений то, что сам по себе «образ жизни» может оцениваться по-разному и подвергаться серьезной критике, в том числе в правовом плане. Понятие «здоровье» в широком смысле (не сводящемся к аспектам медицины) проецирует «образ жизни» в пространство «здорового образа жизни». Образ жизни граждан и социальных групп идентифицируется в режимах труда и отдыха, образования, досуга, увлечений и развлечений, спорта, искусства, в формах удовлетворения материальных и духовных потребностей, в этических правилах общения и поведения. Естественным образом, возникает потребность оценки, насколько в указанных сферах царит «здоровая» атмосфера, «здоровый» административный режим. Также подвергаются анализу применяемые методы правового воздействия на общественные отношения – принуждение, поддержка, поощрение, вовлечение.

Автором использованы новейшие научные и нормативные источники по теме, в которых преодолевается фрагментарное и в ряде случаев декларативное освещение политики государства в вопросе оздоровления нации. Тем самым утверждается, что ныне решение задачи оздоров-

¹ Новосельцев С.В. Концепция «китайской мечты» и ее практическое применение // Сравнительная политика. – 1(22). – 2016. – С.5–21. [http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-1\(22\)-5-21](http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-1(22)-5-21)

² Кравченко С.В. Понятие «смысл жизни» в истории философских учений: к проблеме поиска общих оснований научного понятия // СМАЛЬТА. 2023. № 3. С. 22–37. DOI: <https://doi.org/10.15293/2312-1580.2303.03>

³ Дробязко С.Р. Образ жизни: конституционно-правовые аспекты. – Дисс. канд. юрид. наук. – Москва, 2023. – 200 с.

ления нации должно быть очищено от имитационной и неэффективной деятельности, от нагромождения нормативно-правовых актов, не работающих в системе и не подчиненных единой концепции.

Выделяемые проблемы правового регулирования систематизированы во взаимосвязи наук о здоровье человека и общества¹. В этой связи правовое регулирование в социально-культурной сфере демонстрирует существенно комплексный публично-правовой и частно-правовой характер. что порождает эволюцию таких специфических отраслей права, как медицинское, спортивное, искусствоведческое и т.п.

Таким образом и формируется комплексное правовое понятие «здоровый образ жизни» XXI века, интегрирующее научные представления о «здоровье», его носителях как субъектах права и разнообразные критерии и индикаторы, прежде всего культурно-нравственные ценности и борьбу за право дело².

Здоровый образ жизни как изначальное свойство здоровой нации базируется на восприятии национальных культурно-нравственных ценностей. Как элемент теоретико-правовой новизны исследования отметим, что укоренение культурно-нравственных ценностей русской нации долгое время оставалось вне правового закрепления. Культура управления в имперском государстве, культура экономики существовала, но не находила своего яркого юридического выражения по ряду объективных обстоятельств. Это положение дает ключ к научному объяснению и регламентации современных процессов реформирования наций (социальному проектированию), в том числе посредством миграционных потоков, включенных в «демографический дизайн» ведущих наций.

Одним из проявлений современной правовой культуры выступает вопрос о правовом статусе движения ЛГБТ в противоречивом ракурсе здоровья, нравственности, общей культуры нации. Действительно, если гей-культура имеет древнюю историю и достижения, которые нельзя обходить стороной³, то трансгендерная тема – «культурное» проявление сравнительно молодое и одиозное. Осмелимся утверждать, что гомосексуализм и трансгендерство в культурно-нравственном и психологическом срезе не умещаются на одной правовой площадке. Достаточно представить жизненную ситуацию, когда юноша-натурал сменяет пол и становится лесбиянкой (иначе этот юноша до смены пола может идентифицироваться как гей, который после операции становится неполноцен-

ной натуральной женщиной). У здравомыслящего человека эти правовые конструкции вызывают по меньшей мере недоумение и естественное отторжение.

Правовое закрепление здорового образа жизни, поведения осуществляется и в публичной, и частной сферах. При этом административные и гражданские процессы должны быть строго выверены во избежание возникновения ситуации, отмеченной великим политологом В.И. Лениным: «Формально правильно, а по сути издевательство»⁴. С конституционной точки зрения это означает, что правовой режим «здорового образа жизни» должен быть обеспечен на максимально возможном в существующем социуме уровне посредством доступности для граждан атрибутов «здорового образа жизни». Речь идет о реальной доступности современного образования и профессиональной подготовки, критичной для жизни и здоровья «медицинской помощи», спорта «для всех», форм экономической деятельности, поддерживающих благополучие и «достойную жизнь». Настоящее социальное государство здоровой нации неизбежно сдерживает социальное расслоение, порождаемое коррупцией, древней «идеологией воровства», которое следует относить к числу «древнейших профессий», не ставя в обиду остальных.

Комплексная правовая теоретическая разработка и что главное, реализация, «администрирование» конституционных норм о «здоровом образе жизни» пресекает многочисленные разрозненные проекты «укрепления» и порой чистой коммерциализации важнейших составляющих социально-культурной сферы управления – образования, здравоохранения, науки и искусства во всех их проявлениях, физической культуры и спорта.

Правовая характеристика здорового образа жизни безусловно представляется ущербной без комплексного освещения вопросов развития медицины, физической культуры, спорта, образования, воспитания, искусства и творчества граждан. Здоровый образ жизни как конституционная ценность нуждается в охране, поддержке и поощрении.

В то же время нельзя и отвергать эффективность применения традиционного принуждения, на что настойчиво указывают и правоведа и экономисты⁵.

Правда, представляется, что правовые запреты и ограничения в большей мере направлены на поддержание «приемлемого образа жизни». Так метод убеждения в процессе «оздоровления» прева-лирует над методом принуждения. Действительно, гражданина невозможно корректно принудить заниматься спортом, осуществлять медицинские

¹ Новиков, А. Б., Рагозина Н.А. Оздоровление нации: философско-правовой этюд. Монография. – СПб.: Издательство «Инфо-да», 2022. – 156 с.

² Новиков, А. Б. О современном понимании административного процесса: ренессанс концепции управления / А.Б. Новиков, Н.А. Рагозина // Вестник Евразийской академии административных наук. – 2024. – № 3(68). – С. 85–89.

³ Отраднова О.А. Проблема гомосексуальности в современном обществе // Общество: философия, история, культура. – 2012. – № 2. – С. 25–32.

⁴ Ленин В.И. Заключительное слово по докладу о продовольственном налоге на X Всероссийской конференции РКП(б) // Полное собрание сочинений в 55-ти томах. 5-е издание. Том 43. Март – июнь 1921. – М., Издательство политической литературы, 1970. – 575 с.

⁵ Пескова А.В., Ковалевская М.С. Нейроэкономика и поведенческая экономика: источники синтеза // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». 2016. Т. 10, № 3. С. 18–25. DOI: 10.14529/em160302

процедуры, посещать музыкальную школу, заниматься определенной трудовой деятельностью, проводить досуг лишь в установленных формах.

Публично-правовая регламентация создает механизм, формирующий качества здоровой нации и комплексный взгляд в здоровое будущее человечества. В рамках глобального национального проекта оздоровления нации продвигаются отечественные национальные культурные (просветительские, экономические, научные, творческие) и состязательные традиции, вобравшие высокий боевой дух российского этноса и его семейные ценности¹. Национальный проект оздоровления нации фактически интегрирует важнейшие направления серии национальных проектов, служащих единой цели возрождения и развития нации.

В теоретико-правовом плане на основе методов анализа, синтеза, моделирования, формально-юридического, сравнительно-правового определяются современные, эффективные публично-правовые режимы регулирования здоровой жизнедеятельности на международном и национальном уровнях. Таким образом, категории «здоровый образ жизни» ставится в соответствие публично-правовой режим регулирования здоровой жизнедеятельности, обладающий всеми качествами, свойствами правового режима, включая идентифицированную цель, субъектов, процесс.

Ныне отмечается укрепление роли публично-правового регулирования в социально-культурной сфере государственного управления. Укоренение здорового образа жизни представляется как существенная часть комплексного процесса оздоровления нации. Становление здорового образа жизни показано в новом свете как процесс реализации совокупности широкого ряда конституционных прав и свобод граждан России. В таком ракурсе «здоровый образ жизни» – особый культурно-правовой феномен, комплексная конституционная ценность, отражающие конституционную реальность жизни российского гражданского общества.

Необходимо подчеркнуть, что среди социально-культурных ценностей выделяются постулаты, ранее относимые к чисто этической сфере. Однако мы видим, что этика (например, служебная этика, этика медицины и этика спорта) уже не выпадает из сферы правового регулирования. В сфере «оздоровления нации» этические нормы обнаруживают свою фундаментальность, демонстрируя неразрывность этики и права, как духовных проявлений².

¹ Новиков А.Б., Рагозина Н.А. Величие и оздоровление нации: о коде русской победы /А.Б. Новиков, Н.А. Рагозина/ Современные тенденции развития частного права, исполнительного производства и способов юридической защиты: материалы VIII всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 25 ноября 2022 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 2022. – С. 136–141.

² Спиноза, Бенедикт. Этика. О Боге, человеке и его счастье. – Санкт-Петербург: Азбука, 2022. – 832 с.; ISBN 978-5-389-22198-7

Стратегия оздоровления нации не мыслится без правового механизма «сбережения» народа. Характерно, что эта идея настойчиво, хотя и противоречиво, звучала в «правлящих» кругах на всем протяжении отечественной истории, обретая различные акценты – от сохранения полезных «холопов» до опоры России на своих лучших героических сынов-защитников. В этом аспекте тема «сбережения народа» в историко-правовом смысле нуждается в современной качественной разработке.

Социально-правовые и исторические исследования признают, что рост населения страны всегда считался признаком благополучия нации и укрепления национальной безопасности³. В этом тезисе заключается суть решения современных задач «демографической политики» и «семейной политики» в Российской Федерации. «Демографический дизайн» нации, таким образом, должен опираться на идею «сбережения народа», какими народностями страны он ни был бы представлен. Однако, Германию без немцев, Францию без французов, Италию без итальянцев невозможно воспринимать так же, как Китай без китайцев.

Научной новизной обладает тезис о том, что здоровый образ жизни характеризуется как охраняемая правом конституционная ценность и особый административно-правовой режим безопасной жизнедеятельности граждан и социальных групп. В указанном ракурсе здоровый образ жизни – существенное направление обеспечения национальной безопасности, пока не получившее надлежащего правового закрепления. Мы настаиваем на том, что утверждение здорового образа жизни системно связано с государственной поддержкой и поощрением развития образования, физической, медицинской и спортивной деятельности (социальной активности).

Социальная активность – признак здоровой нации при условии, что эта активность служит благополучию, здоровью, счастью людей, семей, социальных коллективов. Невозможно отрицать, что социальная активность находится сейчас в сфере правового регулирования. Здесь можно систематизировать социальную активность на конструктивную и деструктивную, созидательную и разрушительную. Так, и политические идеологии ныне обретают характеристики конструктивных и деструктивных.

Наша страна – государство здоровой нации⁴, ориентирующееся на охрану здорового образа жизни, здоровых культурно-нравственных ценностей, добывающее адекватных юридически значимых решений на международном и национальном уровнях.

³ Попадейкин В.В., Архипова М.Ю., Сиротин В.П., Нарцисова С.Ю. Проблемы демографии. М.: Изд. дом «Инфа-М»; 2021. 162 с.

⁴ Путин В.В. Путин: основа здоровой нации – здоровая семья в каждом поколении // Выступление на Конгрессе «Национальное здравоохранение 2024»

//URL: <https://www.vesti.ru/article/4194729?ysclid=m796nvct-jr990735485> (дата обращения: 13.02.2025)

Эффективная государственная политика оздоровления нации отражает комплекс нормативно-правовых мер в пространствах информатизации и цифровизации, государственного менеджмента, экономического развития, просвещения и воспитания. Направления этой политики подлежат четкой идентификации¹. На всех площадках обсуждается внедрение в правовые процессы искусственного интеллекта. К сожалению, на этом пути теряется разграничение понимания искусственного интеллекта как «здорового, сильного помощника» человека (субъекта права) и как «правового конкурента» («киборга»), особенно в сфере биоэкономики².

Информационная, просветительская, воспитательная деятельность государства выполняет главенствующую роль в оздоровлении нации при реализации прав и свобод граждан и получении ими публичных услуг. Вместе с государственной поддержкой и поощрением такая деятельность реально создает правовой режим здоровой жизнедеятельности нации. В этом ракурсе становится очевидным, что если гражданин чувствует «заботу государства» в любом, самом малом деле, он становится «здоровым членом» гражданского общества. В противном случае, будет общественный «сепсис», наблюдаемый уже по всему миру, в том числе в ведущих «цивилизованных» странах.

Гармоничное комплексное физическое и духовное воспитание в современных правовых актах стратегического планирования, использующих метод убеждения, воспринимается как оплот правовой охраны культурно-нравственных ценностей нации, развития способности граждан и значимых социальных групп контролировать свое здоровое поведение в различных жизненных ситуациях.

Литература

1. Гаджиев Г.А., Ливеровский А.А. Юриспруденция и математика (общность познавательных структур): монография. Махачкала: Изд-во Дагестанского государственного университета, 2016. – 103 с.
2. Гордеева И.В. Биоэкономика как одно из стратегических направлений устойчивого развития // Научное обозрение. Экономические науки. 2019. № 1. С. 16–21; URL: <https://science-economy.ru/ru/article/view?id=990> (дата обращения: 31.05.2025)
- ¹ Новиков, А.Б. Проект оздоровления нации как гарантия устойчивого развития России, защиты национальных ценностей и воспитания молодежи / А.Б. Новиков, Н.А. Рагозина // Архитектура университетского образования: новые возможности образования для суверенитета России: Сборник материалов VI Национальной научно-методической конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 01–02 июня 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2023. – С. 156–162.
- ² Гордеева И.В. Биоэкономика как одно из стратегических направлений устойчивого развития // Научное обозрение. Экономические науки. 2019. № 1. С. 16–21; URL: <https://science-economy.ru/ru/article/view?id=990> (дата обращения: 31.05.2025); Мутиц О.С. Биоэкономика в России и мире: современное состояние и проблемы // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Том 11. № 12А. С. 416–424. DOI:10.34670/AR.2021.80.37.034
3. Дробязко С.Р. Образ жизни: конституционно-правовые аспекты. – Дисс. канд. юрид. наук. – Москва, 2023. – 200 с.
4. Дружилов С.А. Здоровый образ жизни как целесообразная активность человека // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2016/04/66781> (дата обращения: 13.02.2025).
5. Кравченко С.В. Понятие «смысл жизни» в истории философских учений: к проблеме поиска общих оснований научного понятия // СМАЛЬТА. 2023. № 3. С. 22–37. DOI: <https://doi.org/10.15293/2312-1580.2303.03>
6. Ленин В.И. Заключительное слово по докладу о продовольственном налоге на X Всероссийской конференции РКП(б) // Полное собрание сочинений в 55-ти томах. 5-е издание. Том 43. Март – июнь 1921. – М., Издательство политической литературы, 1970. – 575 с.
7. Мутиц О.С. Биоэкономика в России и мире: современное состояние и проблемы // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Том 11. № 12А. С. 416–424. DOI:10.34670/AR.2021.80.37.034
8. Новиков, А. Б., Рагозина Н.А. Оздоровление нации: философско-правовой этюд. Монография. – СПб.: Издательство «Инфо-да», 2022. – 156 с.
9. Новиков А.Б., Рагозина Н.А. Величие и оздоровление нации: о коде русской победы / А.Б. Новиков, Н.А. Рагозина / Современные тенденции развития частного права, исполнительного производства и способов юридической защиты: материалы VIII всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 25 ноября 2022 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 2022. – С. 136–141.
10. Новиков, А.Б. Проект оздоровления нации как гарантия устойчивого развития России, защиты национальных ценностей и воспитания молодежи / А.Б. Новиков, Н.А. Рагозина // Архитектура университетского образования: новые возможности образования для суверенитета России: Сборник материалов VI Национальной научно-методической конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 01–02 июня 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2023. – С. 156–162.
11. Новиков А.Б. Оздоровление нации как административный процесс в сфере физической культуры человека, охраны его здоровья и спортивного мастерства / А.Б. Новиков, Н.А. Рагозина. – Санкт-Петербург: «Инфо-да», 2024. – 174 с.
12. Новиков, А. Б. О современном понимании административного процесса: ренессанс концеп-

- ции управления / А.Б. Новиков, Н.А. Рагозина // Вестник Евразийской академии административных наук. – 2024. – № 3(68). – С. 85–89.
13. Новосельцев С.В. Концепция «китайской мечты» и ее практическое применение // Сравнительная политика. – 1(22). – 2016. – С.5–21. [http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-1\(22\)-5-21](http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-1(22)-5-21)
 14. Оль П.А., Ромашов Р.А. Нация (генезис понятия и вопросы правосубъектности). СПб.: Изд-во Юридического института (Санкт-Петербург). 2002. – 144 с.
 15. Отраднава О.А. Проблема гомосексуальности в современном обществе // Общество: философия, история, культура. – 2012. – № 2. – С. 25–32.
 16. Пескова А.В., Ковалевская М.С. Нейроэкономика и поведенческая экономика: источники синтеза // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». 2016. Т. 10, № 3. С. 18–25. DOI: 10.14529/em160302
 17. Плещев А.М. Главные составляющие здорового образа жизни // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2018. – № 3 (39). – С. 39–43.
 18. Попадейкин В.В., Архипова М.Ю., Сиротин В.П., Нарциссова С.Ю. Проблемы демографии. М.: Изд. дом «Инфа-М»; 2021. 162 с.
 19. Путин В.В. Путин: основа здоровой нации – здоровая семья в каждом поколении // Выступление на Конгрессе «Национальное здравоохранение 2024» // URL: <https://www.vesti.ru/article/4194729?ysclid=m796nvtjr990735485> (дата обращения: 13.02.2025)
 20. Спиноза, Бенедикт. Этика. О Боге, человеке и его счастье. – Санкт-Петербург: Азбука, 2022. – 832 с.; ISBN 978-5-389-22198-7
 21. Трыкаш Е.Р., Тюрин В.С., Хромых В.К. Современные тенденции формирования приверженности к здоровому образу жизни в Российской Федерации // Международный студенческий научный вестник. – 2020. – № 6. [Электронный ресурс]. URL: <https://eduherald.ru/ru/issue/view?id=209> (дата обращения 16.02.2025)

HEALTHY LIFESTYLE: LEGAL THEORY AND PUBLIC LAW REGULATION

Ragozina N.A.

St. Petersburg State University of Economics

The problem of the legal characteristics of the category “healthy lifestyle” is determined by the need to implement the constitutional tasks of building a legal and social state of the Russian Federation. The purpose of legal theory is the legal understanding of the constitutional concepts of “life,” “meaning of life,” “way of life,” “health of the nation.” The key tasks of the study can be designated as filling the legal content of the concepts of social design and creation of a healthy society, characterizing the legal process of “improving the nation.”

Based on the methods of analysis, synthesis, modeling, formal legal, modern public legal regimes for regulating healthy life at the international and national levels are determined.

The generalized results of the study identified the most significant theoretically and practically significant conclusions. The concept of “healthy lifestyle,” now often used in legal acts of strategic planning, is being clarified. The study is based on the interpretation of “life-

style” as a modulation of social existence in the system of constitutional regulation and administrative regulation. The identified problems of legal regulation are systematized in the interrelation of the sciences of human health and society. The strengthening of the role of public law regulation in the socio-cultural sphere of public administration is argued. The establishment of a healthy lifestyle is presented as an essential part of the nation’s recovery process. In this regard, the concept of a “healthy nation” is considered, which is relevant in modern conditions of confrontation between nations in the process of forming a multipolar world. A healthy lifestyle is shown as a constitutional value protected by law and a special administrative and legal regime for the life of citizens and social groups. A healthy lifestyle encompasses an essential group of cultural and moral values protected by the State in special legal regimes. Such protection is conditioned by the characteristics of the Russian Federation as a legal and social state. Accordingly, the category of “healthy lifestyle” extends far beyond maintaining the physical condition of citizens and medical law. It is shown that the establishment of a healthy lifestyle is systematically linked to government support and encouragement of the development of education, physical culture, medicine and sports.

Keywords: modulation of social existence; healthy lifestyle; cultural and moral values; national health improvement; legal theory; constitutional regulation; administrative regulation.

References

1. Gadzhiev G.A., Liverovski A.A. Jurisprudence and Mathematics (commonality of cognitive structures): monograph. Makhachkala: Publishing house of Dagestan State University, 2016. – 103 p.
2. Gordeeva I.V. Bioeconomics as one of the strategic directions of sustainable development // Scientific review. Economic sciences. 2019. No. 1. P. 16–21; URL: <https://science-economy.ru/ru/article/view?id=990> (date of access: 31.05.2025)
3. Drobizko S.R. Lifestyle: constitutional and legal aspects. – Diss. Cand. of Law. – Moscow, 2023. – 200 p.
4. Druzhilov S.A. Healthy lifestyle as an expedient human activity // Modern scientific research and innovation. 2016. No. 4 [Electronic resource]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2016/04/66781> (date of access: 13.02.2025).
5. Kravchenko S.V. The concept of “the meaning of life” in the history of philosophical teachings: on the problem of searching for common foundations of a scientific concept // SMALTA. 2023. No. 3. P. 22–37. DOI: <https://doi.org/10.15293/2312-1580.2303.03>
6. Lenin V.I. Closing remarks on the report on the food tax at the 10th All-Russian Conference of the RCP(b) // Complete Works in 55 volumes. 5th edition. Volume 43. March – June 1921. – M., Publishing House of Political Literature, 1970. – 575 p.
7. Mutits O.S. Bioeconomics in Russia and the World: Current State and Problems // Economy: Yesterday, Today, Tomorrow. 2021. Volume 11. No. 12A. Pp. 416–424. DOI: 10.34670 / AR.2021.80.37.034
8. Novikov, A. B., Ragozina N.A. Healing the Nation: A Philosophical and Legal Study. Monograph. – St. Petersburg: Info-da Publishing House, 2022. – 156 p.
9. Novikov A.B., Ragozina N.A. The Greatness and Healing of the Nation: About the Code of the Russian Victory / A.B. Novikov, N.A. Ragozina / Modern trends in the development of private law, enforcement proceedings and methods of legal protection: materials of the VIII All-Russian scientific and practical conference, St. Petersburg, November 25, 2022. – St. Petersburg: St. Petersburg Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)”, 2022. – P. 136–141.
10. Novikov, A.B. The project of national recovery as a guarantee of sustainable development of Russia, protection of national values and education of youth / A.B. Novikov, N.A. Ragozina // Architecture of university education: new educational opportunities for the sovereignty of Russia: Collection of materials of the VI National Scientific and Methodological Conference with international participation, St. Petersburg, June 01–02, 2023. – Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics, 2023. – P. 156–162.

11. Novikov A.B. Improving the health of the nation as an administrative process in the sphere of human physical culture, health protection and sports skills / A.B. Novikov, N.A. Ragozina. – Saint Petersburg: "Info-da", 2024. – 174 p.
12. Novikov, A.B. On the modern understanding of the administrative process: renaissance of the concept of management / A.B. Novikov, N.A. Ragozina // Bulletin of the Eurasian Academy of Administrative Sciences. – 2024. – No. 3(68). – P. 85–89.
13. Novoseltsev S.V. The concept of the "Chinese dream" and its practical application // Comparative politics. – 1(22). – 2016. – P.5–21. [http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-1\(22\)-5-21](http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-1(22)-5-21)
14. Ol P.A., Romashov R.A. Nation (genesis of the concept and issues of legal capacity). SPb.: Publishing house of the Law Institute (St. Petersburg). 2002. – 144 p.
15. Otradnova O.A. The problem of homosexuality in modern society // Society: philosophy, history, culture. – 2012. – No. 2. – P. 25–32.
16. Peskova A.V., Kovalevskaya M.S. Neuroeconomics and behavioral economics: sources of synthesis // Bulletin of SUSU. Series "Economics and Management". 2016. Vol. 10, No. 3. Pp. 18–25. DOI: 10.14529/em160302
17. Pleshchev A.M. The Main Components of a Healthy Lifestyle // Bulletin of Shadrinsk State Pedagogical University. – 2018. – No. 3 (39). – Pp. 39–43.
18. Popadeikin V.V., Arkhipova M.Yu., Sirotin V.P., Nartsissova S. Yu. Problems of Demography. Moscow: Publishing House "Infra-M"; 2021. 162 p.
19. Putin V.V. Putin: the foundation of a healthy nation is a healthy family in every generation // Speech at the Congress "National Healthcare 2024" // URL: <https://www.vesti.ru/article/4194729?ysclid=m796nvctjr990735485> (date of access: 13.02.2025)
20. Spinoza, Benedict. Ethics. About God, Man and His Happiness. – St. Petersburg: Azbuka, 2022. – 832 p.; ISBN 978-5-389-22198-7
21. Trykash E.R., Tyurin V.S., Khromykh V.K. Modern trends in the formation of commitment to a healthy lifestyle in the Russian Federation // International Student Scientific Bulletin. – 2020. – No. 6. [Electronic resource]. URL: <https://eduherald.ru/ru/issue/view?id=209> (accessed 16.02.2025)

Французский военный суд над обвиняемыми в поджогах Москвы в сентябре 1812 года: перевод и анализ протокола, приложенного к 13-му Бюллетеню Великой Армии

Рубини Франческо,

ст. преп. кафедры иностранных языков Инженерной Академии
РУДН им. Лумумба
E-mail: francesco.rubini@mail.ru

В статье представлен точный перевод на английский язык и лингвистический анализ протокола, приложенного к 13-му Бюллетеню Великой Армии о военном суде над лицами, обвиняемыми в поджогах Москвы в сентябре 1812 года. В работе подчеркивается ряд существенных неточностей, касающихся имен, транскрипций, географической информации и лингвистических недоразумений, допущенных со стороны обвинения.

Ключевые слова: Великая Армия, Русская кампания, 1812 год, пожар Москвы, военный суд.

Introduction

The theme of the Russian Campaign has always represented in European historical memory the crucial moment that marked the beginning of the end of Napoleonic imperialism. Even today, when we commonly recall the most identifying moments of this conflict, we immediately think of the image of the burning of Moscow, the ruin of Napoleon's army in the snowy fields of Russia or the great masterpieces of literature that, with their famous heroes or their passionate stories, even if they do not represent a historical material, over the centuries have given faces and names to the characters of these events. As a matter of fact, the Russian Campaign of 1812, as a strictly historical object, has been widely studied and has always enjoyed great research interest over the last two centuries, therefore, although much has been lost or remained without certain answers, today we can affirm that on this topic, from the point of view of both historical reconstruction and historiography, very thorough research has generally been conducted. Many scholars around the world, in fact, have conducted thousands of researches and produced an impressive multitude of texts dedicated to famous battles, questions of law, the organization of the troops, the correspondence, and memories of the protagonists of these events trying to give an answer to many whys and to make new materials and interpretations available to the public interested in the topic.

On the other hand, one of the obstacles that still remains very relevant, despite the astonishing technological progress of our time, is that of language, especially the knowledge and popularity of Russian language and Russian culture: this refers not only to the simple knowledge of the grammatical rules and the vocabulary of this language, but also to the whole baggage of notions necessary for knowing and deciphering precise aspects of Russian culture, history and mentality, which for the majority of the public remain partly inaccessible. In particular during the nineteenth and twentieth centuries, in fact, with a very lively activity during the Soviet period, an equally impressive number of texts were produced in Russian which, unfortunately, in most cases have never been translated into any foreign language: on account of this, one often has the impression that the research undertaken around this topic developed over time following two distinct paths which, even if promising, very rarely had points of contact. Many of these texts remain even today unknown to the Russian-speaking public or have never been reprinted.

Materials

The development of the Russian Campaign itself can generally be divided into three main “acts” that resembled the motion of a pendulum, which, according to a well-known parallelism of Tolstoy, started and moved until reaching a maximum point and then returned with the same charge. These three acts can be identified as: the movement from the Niemen to Moscow (first act, end of June – September 1812), the occupation and stay in the city of Moscow (second act, September-October 1812), and the retreat from Moscow to the crossing of the Berezina (third act, October-November 1812). This subdivision is necessary for us to clearly identify the historical context and the precise “act” of this event in which the object of the discussion we wish to propose is temporally placed, namely the “second act”: it was in fact during the occupation of the city of Moscow, while the fire was already raging in the city, that the well-known trial was called against the individuals accused of having set the fires to the detriment of the French army. The copy of the minutes of this trial, dated “24th of September, 1812” was published among several documents attached to the 13th Bulletin of the Grande Armée of the collection “*Pièces officielles et bulletins de la Grande-Armée. Année 1812*”, which is now preserved at the National Library of France under the cataloguing number “Lh4 1634”.

Methods

The scientific methods chosen for the presentation of the following work will mostly follow the guidelines expressed in the philological methods proposed by the University of Massachusetts Amherst, Kytö and Pahta (2016), and Christopher S. Mackay (1997), of the University of Alberta. This choice will prove necessary to analyse the sources to an adequate extent and to be able to establish and determine the meaning of several precise expressions and contextual information. In parallel, the author will follow the principles expressed in Kuznetsova’s historicistic method (2008) as a scientific instrument of cultural analysis. The general translation method chosen for the work is the literary one, in order to convey the importance of several terms and contextual information present in the text: in this regard, the works of Mason and Atkins (1999) and Gumanova (2002) turned out to be very useful.

The discussion presented in this work does not wish to focus on the historical or historiographical aspects of these events of the Russian Campaign, which have been wonderfully explored by illustrious scholars such as Gorshkov (2017), Mikaberidze (2014) or Nemtsov (2010), who among other things have the merit of having created different fundamental points of contact between the parallel paths discussed above, but rather proposes an interpretation and a reflection of a more linguistic and philological nature, focusing more on translational and even geographical aspects that will involve different disciplines, such as the French language, the Italian language, the Russian language and historical sciences.

Results

In this work, the author will first present a complete translation into English of the document in question, after which he will move on to the lexicological and historical discussion of some specific elements of the content that deserve particular attention. It is however important to underline that, as far as we know, the only similar work was conducted by the author himself in 2024, but in Italian: one of the objectives is therefore to make this material accessible to the English-speaking public as well. In his work of 2024, Rubini (2024) also proposed a more structured layout of the text, inserting a numbered order of the points present in the following lines 34–82: the present analysis actually will show these points, but in square brackets, as they are not present in the archive material.

Here follows the accurate translation of the historical document; the lines are numbered so that the reader will be able to orient himself in the following discussion in a more comfortable way:

- 1 [*Beginning of the document*] Verdict pronounced by the military commission created in
- 2 Moscow by order of His Majesty the EMPEROR AND KING, to judge the authors and
- 3 supporters of the fire of the 14th, 15th of September and the following days.
- 4 ON BEHALF OF THE EMPEROR AND KING
- 5 This day, the twenty-fourth of September, one thousand eight hundred and twelve, the
- 6 military commission created in Moscow, pursuant to the orders of His Majesty the
- 7 EMPEROR AND KING, composed of the following Gentlemen:
- 8 General Baron Michel, commander of the 1st Regiment of Foot Grenadiers of the Guard;
- 9 General Baron Saunier, *grand-prévôt* of the 1st Army Corps;
- 10 Colonel Baron Bodelin, commander of the Fusiliers-Grenadiers of the Guard;
- 11 *Adjudant-commandant* Chevalier Thery, commander of the Imperial [General]
- 12 Headquarters;
- 13 *Chef d’Escadron* Jeannin, of the elite gendarmerie;
- 14 General Count Monthion, acting as Imperial Prosecutor, and *Chef d’Escadron* Weber,
- 15 acting as Rapporteur, all appointed by His Serene Highness the Prince of Neuchâtel,
- 16 Major General of the Grande Armée;
- 17 Assisted by Monsieur Joave de Guibert, non-commissioned officer of the gendarmerie,
- 18 appointed Secretary by the Rapporteur;
- 19 In order to find and judge the authors and instigators of the fire that broke out in several
- 20 districts of the city of Moscow on the 14th and 15th of this month, and which continued
- 21 during the 16th, 17th and 18th.
- 22 The commission, convened by order of its President, having met at the Dolgorukij Palace,
- 23 opened its session by reading the minutes of the proceedings and of the documents
- 24 indicating both the guilt and the acquittal of the defendants.
- 25 After this reading, the President ordered the guard to let in the accused, 26 in number,
- 26 who were admitted free and without shackles.
- 27 After having disclosed to them the facts of which they were charged; after having listened
- 28 separately to the statements and depositions of the witnesses; after having recognized the
- 29 accused caught red-handed in having set fire to various buildings; and after having
- 30 ordered to show the various means used by the arsonists, such as fuses, phosphorous
- 31 pyrotechnic instruments, sulphur and other combustible substances found on the accused
- 32 or intentionally placed in several residences,

33 The commission concluded:

34 [1.] That during the last three months the Russian Government, undoubtedly aware of the
35 danger of the struggle in which it was involved, as well as of the impossibility of
36 preventing the French army from reaching Moscow, had decided to employ in its defense
37 the extraordinary means of fire and destruction, disapproved of by civilized nations;

38 [2.] That the government had collected for this purpose the proposals of a certain Dr.
39 Schmitt, English by nationality (although he declares himself German), a mechanic and
40 machinery engineer by profession, who, having been called to Russia, arrived during the
41 first days of last May;

42 [3.] That after several secret conferences with the main authorities, he went to settle in
43 the Vorontsov castle, located six versts from the city, on the Kaluga road;

44 [4.] That a detachment of one hundred and sixty infantry units and twelve dragoons went
45 to the castle to cover Schmitt's mysterious operations, and to prevent the curious from
46 coming into contact with him;

47 [5.] That it is commonly known that he was building a hot air balloon of considerable
48 size, which was supposed to contain an extermination machine, which, as it was assured,
49 could be manoeuvred at will.

50 [6.] That about a fortnight before the French army entered Moscow, seven large barrels
51 of cannon powder had been sent to Vorontsov, as well as a certain number of artificers,
52 who remained attached to Dr. Schmitt, and who then worked under his direction;

53 [7.] That it is proved that this equipment for the construction of a large balloon was
54 designed solely for the purpose of instilling fear, and that at the Vorontsov Castle they
55 were occupied solely with pyrotechnic works, as well as the preparation of other
56 incendiary machines;

57 [8.] That it is absolutely certain that all the expenses incurred in the preparation of the
58 balloon and the machines were borne by the Russian Government;

59 [9.] That Count Rostopchin, military governor of Moscow, after the battle of Mohajsk,
60 certain of the imminent arrival of the French army, abandoned the plan to set fire to this
61 capital with all the means at his disposal;

62 [10.] That he [Rostopchin] addressed an appeal to the inhabitants, the following passage
63 of which is emphasized: "Arm yourselves, no matter with what weapons, but especially
64 with pitchforks, which are much more suitable against the French, who by their weight
65 resemble sheaves of straw; if we do not defeat them, we shall burn them inside Moscow,
66 if they have the courage to enter the city";

67 [11.] That in order to achieve his aim more certainly, Governor Rostopchin, before his
68 departure, had the doors of the prisons known as Ostrog and Yamu opened, where the
69 criminals were locked up, and from which about 800 thugs were released, from whom, in
70 exchange for their freedom, he demanded that they set fire to the city 24 hours before the
71 arrival of the French troops;

72 [12.] That several officers and soldiers of the Russian army and police agents secretly
73 received orders to remain incognito in Moscow, in order to direct the work of the arsonists
74 and to give the signal for the fire;

75 [13.] That it is well known that, in order to remove all means of aid against the fire,
76 Governor Rostopchin had removed during the morning of the 14th of the current month
77 all the pumps of the 20 quarters of the city, together with the carts, hooks, buckets and all
78 the equipment, as well as the horses intended for this service;

79 [14.] That the flammable materials of all kinds, and in particular some pyrotechnic
80 casings filled with phosphorus and wrapped in sulphur-coated cloths, stored and located
81 in several buildings, clearly demonstrate that the fire was part of a coordinated plan;

82 [15.] That the fuses and spindles found in the hands of several Russian soldiers and
83 individuals at the time of their arrest consequently indicate unequivocally the actual
84 perpetrators of the fire, a large number of whom, caught in the act, because of a gesture
85 of spontaneous indignation, were shot by French patrols or killed by the inhabitants
86 themselves;

87 Having heard the report and the conclusions of the Rapporteur and the interventions in
88 defense of the accused, and after the declaration of the latter according to which they had
89 nothing to add,

90 The President asked the members of the commission if they had any observations to
91 express: following their negative response, and before proceeding to the opinions, he
92 ordered the accused to withdraw.

93 The Council, by a resolution behind closed doors, in the presence only of the Imperial
94 Prosecutor;

95 The President put the question as follows:

96 The accused named below:

97 • Katianov, Ivan Ivanovich, 67 years old, sacristan of the Church of St. Philip in
98 Moscow;

99 • Ignat'ev Pjotr, 32 years old, born in Moscow, gentleman, lieutenant in the 1st Moscow
00 Foot Jaeger Regiment;

01 • Vasil'ev Nikolaj, 33 years old, born in Moscow, blacksmith;

02 • Mizdov Fjodor, 33 years old, of the 9th Russian Infantry Regiment;

03 • Borov Straton, 29 years old, born in Nikol'skoe, miniature painter;

04 • Vasilij Jermolov, 49 years old, born in Obukhov, labourer;

05 • Karlum Aleksis, 40 years old, born in Wesen, private of the Moscow police;

06 • Bel'cherov Nikolaj, 50 years old, born in Moscow, domestic servant;

07 • Thomas Jean-Christophe, 33 years old, born in Moscow, commercial clerk;

08 • Ivanov Semjon, 18 years old, born in Mohajsk, upholsterer;

09 • Shesteperv Andrej, 45 years old, born in Vologda, private of the Moscow police;

10 • Jaimov Fjodor, 55 years old, born in Simbir, private of the Moscow police;

11 • Stignevec Peter, 30 years old, born in Moscow, painter;

12 • Agakomov Il'ja, 18 years old, born in Simbirsk, blacksmith;

13 • Maksimus Ivan, 70 years old, born in Kozlov, servant of Prince Sibirskij;

14 • Akhromin Semjon;

15 • Leont'ev Nikolaj, 33 years old, born in Moscow, painter;

16 • Sirgem Fjodor, 48 years old, born in Moscow, tailor;

17 • Sushkov Samuil, 54 years old, born in Dobrov, private of the Moscow police;

18 • Moteic Lucian, 40 years old, born in Grodno, private of the Moscow police;

19 • Abramov Gavril, 56 years old, born in Serpukhov, private of the Moscow police;

20 • Meikefer Samuil, 51 years old, born in Novoe Selo, private of the Moscow police;

21 • Beglov Gabriel, 52 years old, born in Rügen, private of the Moscow police;

22 • Logonov Stefan, 30 years old, born in Karashevo, domestic servant;

23 • Grigor'ev, Fjodor, 36 years old, born in Moscow, private of the Moscow police;

24 • Shesteperv, anni [...], born in [...]

25 Are these people guilty of setting fire to several buildings in Moscow with the intention
26 of burning the city?

27 After the votes were collected, starting with the lower ranks, and after the opinion of the
28 President was expressed last, the commission declared, unanimously, that the ten
29 defendants named below:

30 • Ignat'ev Pjotr, 32 years old, born in Moscow, gentleman, lieutenant in the 1st Moscow
31 Foot Jaeger Regiment;

32 • Borov

133 • Karlum Aleksis, 40 years old, born in Wesen, private of the Moscow police;
 134 • Thomas Jean-Christophe, 33 years old, born in Moscow, commercial clerk;
 135 • Stignevec Peter, 30 years old, born in Moscow, painter;
 136 • Agakomov Il'ja, 18 years old, born in Simbirsk, blacksmith;
 137 • Maksimus Ivan, 70 years old, born in Kozlov, servant of Prince Sibirskij;
 138 • Akhromin Semjon;
 139 • Leont'ev Nikolaj, 33 years old, born in Moscow, painter;
 140 • Sirgem Fjodor, 48 years old, born in Moscow, tailor;

141 Are guilty.

142 Therefore, the Imperial Prosecutor has expressed the request for the application of the
 143 penalty.

144 After a second count of the votes taken by the President in accordance with the form
 145 mentioned above, the commission, accepting the indictment in question, unanimously
 146 condemns the ten defendants indicated above to the death penalty.

147 With regard to the sixteen defendants named below:

148 • Katianov, Ivan Ivanovich, 67 years old, sacristan of the Church of St. Philip in
 149 Moscow;
 150 • Vasil'ev Nikolaj, 33 years old, born in Moscow, blacksmith;
 151 • Mizdov Fjodor, 33 years old, of the 9th Russian Infantry Regiment;
 152 • Vasilij Jermolov, 49 years old, born in Obukhov, labourer;
 153 • Bel'cherov Nikolaj, 50 years old, born in Moscow, domestic servant;
 154 • Ivanov Semjon, 18 years old, born in Mozhajs, upholsterer;
 155 • Shesteperv Andrej, 45 years old, born in Vologda, private of the Moscow police;
 156 • Jaimov Fjodor, 55 years old, born in Simbir, private of the Moscow police;
 157 • Moteic Lucian, 40 years old, born in Grodno, private of the Moscow police;
 158 • Sychov Servil, 54 years old, born in Dankov, private of the Moscow police;
 159 • Abramov Gavril, 56 years old, born in Serpukhov, private of the Moscow police;
 160 • Meikefer Samuil, 51 years old, born in Novoe Selo, private of the Moscow police;
 161 • Beglov Gabriel, 52 years old, born in Rüben, private of the Moscow police;
 162 • Logonov Stefan, 30 years old, born in Karashevo, domestic servant;
 163 • Grigor'ev, Fjodor, 36 years old, born in Moscow, private of the Moscow police;
 164 • Shesteperv, age [...], born in [...]

165 The Military Commission, considering that these people are not convincing enough,
 166 sentences them to be detained in the prisons of Moscow, in order to prevent the damage
 167 that they may cause.

168 It also orders the printing, posting and distribution of a thousand copies and orders the
 169 Rapporteur to read the following sentence immediately to the condemned, and therefore
 170 to have it carried out, in all its content, within a period of 24 hours.

171 The session was opened, closed and judged in public session, on the day, month and year
 172 indicated above; the members of the commission signed with the Rapporteur and the
 173 secretary the minutes of the sentence.

174 Signed: WEBER, General Baron SAUNIER, JOUVE DE GUIBERT, Colonel Baron
 175 BODELIN, *Adjudant-commandant* Chevalier THERY, General Baron MICHEL,
 176 General *Grand-prévôt* of the Army LAUER.

177 Acknowledged: The Major General's Chief of Staff, acting as Imperial Prosecutor

178 [Signature] Count MONTHION [*End of the document*]

Discussion

Many points in the text of this trial, after an attentive view, deserve several comments and explanations: we will now proceed with their listing, indicating in square

brackets the numbers of the lines of the text from which the following words are from.

1. [9] “*Grand-prévôt*”: The figures of the “*prévôt*” and the “*grand-prévôt*” represented very ancient military, judicial or court positions in the history of France. Retrieved from the “Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales”: “[...] *P. ext. Officier civil ou judiciaire, investi d'une autorité juridictionnelle, administrative ou militaire. On donnait autrefois en France le nom de prévôt à plusieurs officiers chargés en chef des diverses fonctions publiques (St-Edme, T.5, 1828). – (Grand) prévôt de la connétablie, prévôt général de la connétablie. Officier qui commandait les gardes de la connétablie et qui instruisait les procès des gens de guerre. Le prévôt de la connétablie était un magistrat placé sous les ordres du connétable (Quillet, 1965).*”

2. [30, 31] “*Phosphorous pyrotechnic instruments*”: In the original text, “*fusées cadénats phosphoriques*”; in this expression, the French term “*fusée*” precisely indicates the concept commonly known as “*fireworks*”. Retrieved from the “Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales”: “*FUSÉE, subst. fém.: II. A. 1. PYROTECHNIQUE. Pièce de feu d'artifice, propulsée par réaction, qui éclate dans l'air en lançant des jets de parcelles en ignition: «Il tenait à la main une petite roue en bois noir; un cordon de fusées déchiquetées courait tout autour: ç'avait dû être le soleil ou la lune au feu d'artifice du quatorze juillet [...]. Il me montra les deux fusées avec leurs bouts de mèche en papier que la flamme avait coupés [...]*” (Alain-Fournier, *Meaulnes*, 1913, p. 10)». The expression “*cadénats*”, which at first glance would seem to indicate an adjective referring to the plural noun “*fusées*”, does not appear very clear, as no lexical traces were found in the present French language of a similar use of this term. Nonetheless, the 1st version of the dictionary of the French Academy (1694) clearly indicates: “*CADENAS ou CADENAT. s.m. (le premier est le plus en usage.)*”, which is a detail that proves the lexicological connection between these words. On this basis, it is plausible to conclude that the expression examined above is somehow linked to the adjective form of the noun “*cadenas*”, which means “*padlock*”. The same page of the 1st version of the dictionary of the French Academy (1694) however continues, always under the same voice, indicating precisely: “*On appelle aussi, Cadenas, Une espece de coffret d'or ou de vermeil doré où l'on met le couteau, la cueiller, la fourchette &c. qu'on sert à la table du Roy, des Princes, & des Ducs & Pairs*”. It is therefore also plausible to consider that the text could refer to an expression indicating the generic concepts of “*box*” or “*container*”, which would implicitly seem to be understood as being made of a metallic material.

3. [68] “[...] Had the doors of the prisons known as Ostrog and Yamu opened [...]” In the original text, “[...] fit ouvrir les portes des prisons dites de l'Ostrog et du Yamou, [...]”. Here we can notice a very curious and noteworthy semantic incongruence, which is probably due, during the transcription of the documents of the above-mentioned trial, to the literal transliteration into French of two Russian words; the term “*ostrog*” (in Russian: *острог*), starting from the 18th century,

assumed the meaning of “prison surrounded by a wall”, thus indicating a place of detention (“ОСТРОГ: [...] 2. В 18–19 вв. тюрьма, обнесенная стеной” // “[...] 2. In the 18th–19th centuries, a prison surrounded by a wall”, (Prokhorov, 2000). The word “jama” (Russian: яма) is a common term in the Russian language, which has many meanings, including “chasm”, “hole”, or “pit”; an old-fashioned expression linked to this term, however, specifically indicates a type of place of detention for the payers of insolvent debts. (“ЯМА: [...] 3. [...] устар., московское «яма» – долговая тюрьма” // 3. [...] “antiquated expression, a term from the Moscow lexicon «jama», meaning debtor’s prison” (Elistratov, 1994). Moreover, this finds its proof in the content of a booklet of the “Na Litejnom” theatre for the play “Bancarotta” by N.O. Ostrovsky: “Долговое отделение – тюрьма, в которую заключались несостоятельные должники. В просторечии долговое отделение называлось яма. «Яма» находилась во дворе Губернского правления Воскресенских ворот. Для купечества попасть в «яму» считалось величайшим позором, уроном купеческой чести” // “The debt section was a prison where debtors with no means were held. In common jargon, this term was called a “pit” [jama]. The “pit” was located in the courtyard of the Governorate Directorate at the Voskresenskij Gates [Voskresenskie Vorota]. For the merchant class, to end up in the “pit” was considered a huge dishonor, a damage to their mercantile honor”. This information is also confirmed by Murav’ev in his work “История московских улиц” (Murav’ev, 2013). In this precise passage expressed in the original text, it is worth noting that whoever redacted this document in 1812, perhaps unknowingly, reported the Russian term “jama” with the accusative singular desinence of the feminine gender of regular nouns (in Russian, nominative: яма, accusative: яму // /jama/, /jamu/), albeit phonetically transliterating it with the French diphthong “ou,” which is a plausible indication that whoever pronounced this term at the trial presumably did so in response to a question that required a noun in its accusative case as the answer. The term “ostrog” does not arouse the same curiosity, since in Russian, as a regular inanimate noun of the masculine gender, it is written the same in both the nominative and accusative. Whoever composed this document evidently thought that these two terms in Russian expressed two proper nouns, which is clearly suggested also by the use of articulated prepositions and capital letters.

4. [77] “Hooks”: In the original text, “crochets”; This term in French, among other things, means “hook” or “hooking”. There is a particular clue that confirms the version of the term “hook” in a text by Zemtsov.: “[...] Помимо этого, заявлялось, что Ростопчин вывез из города все пожарные трубы, дроги, крючья, ведра и другие «пожарные орудия» // [...] In addition, it was claimed that Rostopchin had all the pumps, carts, hooks, buckets and other «fire-fighting equipment» removed from the city.»” (В.Н. Земцов, 1812 год, пожар Москвы // V.N. Zemtsov, Year 1812, the fire of Moscow, 2010, p. 41, with a reference note to А.Н. Попов, Французы в России // А.Н. Попов, The French

in Moscow, p. 138). According to the official information retrieved from <https://fireman.club/>, in Russia, as in many other countries, the loosely translated term “fire hook” in the past could refer to two different tools. The first, translated as “light fire hook” (Russian: легкий пожарный крюк), referred to a steel hook securely attached to a rope and measuring approximately 23 cm wide by 40 cm long, used to uncover or rescue bulky objects during fires; the second type, however, referred to a special steel hook approximately 45 cm long, equipped with a ring handle perpendicular to its length, used to uncover fire hydrant and fire pit manhole covers. Considering the descriptions of the original, it seems more plausible that it refers to the hook of the second type mentioned, i.e. for fire hydrants and manhole covers. For a visual reference and description of the technical characteristics of these instruments, see Figure 1 and Figure 2.

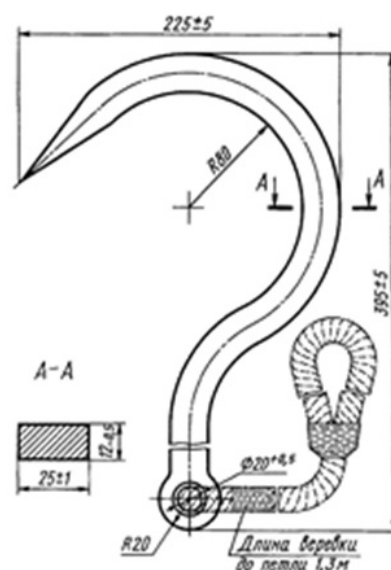
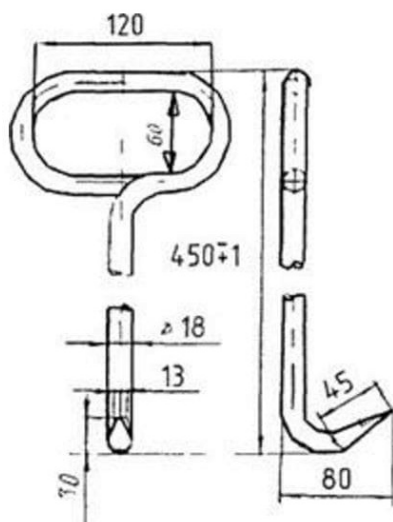

Fig. 1. An example of “light fire hook” (Russian: легкий пожарный крюк). Retrieved from <https://fireman.club/inseklodepia/legkiy-pozharniy-kryuk/>

5. [79, 80] “Pyrotechnic casings”: In the original text, “[...] des cadenats”; note the lexicological consideration expressed above on the term “cadenats” at point 2.

6. [97–124, 130–140, 148–164] These points have to do with the question of the transliteration of Russian names: unfortunately, we have no archival documents of our knowledge to assist us in cross-referencing the information under discussion: some numbers in the original text, such as the numbers “3” and “5”, are not always clearly distinguishable. Furthermore, the names and details in the original text are transliterated from Russian “in the French style”, which tends to make some words (names, surnames, patronymics, places) somewhat unrecognizable. Therefore, in this regard, the translation offered in this work attempts to present a transliteration according to the most “logical” way possible. It is important to underline that, among the names listed above, there appear to be some that are not even traditionally Russian. Zemtsov, in his text “Year 1812, the fire of Moscow”, actually indicates some of the names of these defendants in Russian, but he does not provide any explanatory notes in the

bibliography to support this. Therefore, since we do not have the sources nor archive materials of our knowledge to crosscheck the information, all of these transliterations are to be considered of free interpretation. For further information and a comparison with the original archive text of the collection of the Bulletins of the Grande Armée of the year 1812, we underline that the list in question begins on the page numbered “(288)”.

Крюк для открывания крышек колодцев пожарных гид

Fig. 2. An example of fire hook used to uncover fire hydrant and fire pit manhole covers (which is indicated in the description). Retrieved from <https://fireman.club/wp-content/uploads/2016/03/kryuk-min.jpg>

7. [101] In the original text, the first time, “*Waxillow*”; the following times, “*Vasiliew*”.

8. [105 and forth] In the original text, “*soldat de police*”; this appears very similar to a literal translation of the expression still used in Russian “*rjadovoj polit-sii*” (Russian: *рядовой полиции*), which literally means “*private soldier in the police*”.

9. [122, 162] In the original text, “*Karachivolow*”; probably it refers to “*Karashevo*” (Russian: *Карашево*), in the Grodno region of present-day Belarus.

10. [124] In the original text, “*Schestapieroff, âgé de [blank space] ans, né à [blank space]*”, with two blank spaces.

11. [132] In the original text, “*Baroff,*” followed by a comma, is found in a new indent after the semicolon written after Ignat’ev’s name, but without further details.

12. [152] In the original text, “*Vasilej Yermalow [...]* born in *Obachov [...]*”. Evidently, here the name was noted before the surname, unlike the others from the same list. As for the city mentioned here, it is unclear what place it refers to; the name brings to mind the city of “*Obukhov*”, but there are dozens with such a name in Russia, or the “*Obukhov*” in present-day Ukraine, therefore, unfortunately, this is only a hypothesis.

13. [16, 177] “*Major General*”: In the original text, “*Major Général*”. During the First Empire, this term referred to the deputy supreme commander of the French Armed Forces, as the Emperor was the supreme one. The Marshals of France reported and answered directly to him. This was a very high position and subordi-

nate only to Napoleon, since it did not take its orders from the Minister of War. From 1805 to 1814, Marshal Berthier, often referred to as the “*Prince of Neuchâtel*”, held this post. It is however important not to mistake, because of their lexical similarity, the French rank of “*Major Général*” of the time for the modern rank of “*Major General*”, also commonly known as “*two-star general*”, which is today in use in many countries, for example, in the United States of America: this latter example, in fact, should be considered equivalent to the rank of “*Général de division*” of that time, whilst the former is closer to that of “*General of the Army*”.

Conclusion

This paper attempted to offer a first, to our knowledge, and as much as possible accurate translation into English of the trial presented above relying on archive materials and part of the work previously conducted by the same author in 2024 in order to present to the English speaking community the linguistic, geographical and structural incongruences of its official minutes. Notwithstanding the wide scientific interest of the global community in the events of the Russian Campaign of 1812, a more thorough research of the linguistic aspects of the sources and the historiography on this topic is still required.

Литература

1. Gumanova, Julija L., *English for lawyers*, 2nd edition, MSU University Press, 2002.
2. Mackay, Christopher S., *Philology* (1997), Accessed July 10, 2025, <https://sites.ualberta.ca/~csmackay/Philology.html>.
3. Mason, Catherine and Atkins, Rosemary, *The Lawyer’s Coursebook*, Global Legal English, 1999.
4. Merja Kytö and Päivi Pahta, *Handbook of English Historical Linguistics*, Cambridge University Press, 2016.
5. Mikaberize, Alexander, *The Burning of Moscow*, Barnsley: Pen and Sword Military, 2014.
6. *Pièces officielles et bulletins de la Grande-Armée. Année 1812*, Bibliothèque nationale de France, département de Philosophie, histoire, sciences de l’homme, 8-LH4–1634.
7. Rubini, Francesco, *Documenti ufficiali e bollettini della Grande Armata: anno 1812*, Mosca: Pubblicazione indipendente, 2024.
8. Горшков Д. И., *Документы Центрального государственного архива города Москвы по истории Москвы в Отечественной войне 1812 года: историко-архивоведческое исследование*, РГБ, Москва, 2017.
9. Елистратов В. С., *Словарь русского арго*, Москва, 1994.
10. Земцов В. Н., *1812 год. Пожар Москвы*, Москва, 2010.
11. Кузнецова Т. Ф., *Историзм и тезаурусный анализ культуры, Комплексные исследования: тезаурусный анализ мировой культуры*, Информа-

мационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение», № 9, 2008, УДК 009.

12. Муравьев В. Б., История московских улиц, Москва, 2013.
13. Пожарная безопасность: Сайт пожарных и спасателей МЧС, Accessed July 10, 2025, <https://fireman.club/>.
14. Прохоров А. М., Большой Энциклопедический словарь, Москва, 2000.

THE FRENCH MILITARY TRIAL OF THE MEN ACCUSED FOR THE FIRES IN MOSCOW IN SEPTEMBER 1812: THE TRANSLATION AND THE ANALYSIS OF THE MINUTES ATTACHED TO THE 13TH BULLETIN OF THE GRANDE ARMÉE

Rubini Francesco

Peoples' Friendship University of Russia named after P. Lumumba

The following article presents an accurate translation into English and a linguistic analysis of the minutes attached to the 13th Bulletin of the Grande Armée of the military trial against the men accused for the fires of Moscow in September 1812. The works points out a series of relevant inaccuracies concerning names, transcriptions, geographical information and linguistic misunderstandings edited by the accuse.

Keywords: Grande Armée, Russian Campaign, 1812, Moscow fire, military trial.

References

1. Gumanova, Julija L., English for lawyers, 2nd edition, MSU University Press, 2002.
2. Mackay, Christopher S., Philology (1997), Accessed July 10, 2025, <https://sites.ualberta.ca/~csmackay/Philology.html>.
3. Mason, Catherine and Atkins, Rosemary, The Lawyer's Coursebook, Global Legal English, 1999.
4. Merja Kytö and Päivi Pahta, Handbook of English Historical Linguistics, Cambridge University Press, 2016.
5. Mikaberize, Alexander, The Burning of Moscow, Barnsley: Pen and Sword Military, 2014.
6. Pieces officielles et bulletins de la Grande-Armée. Année 1812, Bibliothèque nationale de France, department of philosophy, history, sciences of man, 8-LH4–1634.
7. Rubini, Francesco, Official documents and notes of the Grand Armata: year 1812, Moscow: Independent publishing, 2024.
8. Gorshkov D. I., Documents of the Central State Archive of the City of Moscow on the history of Moscow in the Patriotic War of 1812: historical and archival research, Russian State Library, Moscow, 2017.
9. Elistratov V. S., Dictionary of Russian argot, Moscow, 1994.
10. Zemtsov V. N., 1812. Fire of Moscow, Moscow, 2010.
11. Kuznetsova T. F., Historicism and thesaurus analysis of culture, Complex studies: thesaurus analysis of world culture, Information humanitarian portal "Knowledge. Understanding. Skill", No. 9, 2008, UDC 009.
12. Muravyov V. B., History of Moscow streets, Moscow, 2013.
13. Fire safety: Website of firefighters and rescuers of the Ministry of Emergency Situations, Accessed July 10, 2025, <https://fireman.club/>.
14. Prokhorov A. M., Big Encyclopedic Dictionary, Moscow, 2000.

Инновационные методы в преподавании латинского языка при подготовке специалистов для судебной системы

Субботин Юрий Викторович,

старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»

E-mail: theopol@yandex.ru

Статья посвящена инновационным методам, применение которых поможет повысить заинтересованность студентов в овладении основами латинского языка, увеличить эффективность учебного процесса как применительно к дисциплинам «Латинский язык», «Латинский язык в юридической деятельности», «Латинский язык и основы юридической терминологии», «Юридическая терминология в латинском языке», преподаваемым на юридических факультетах высших учебных заведений Российской Федерации. А также в статье рассматриваются общие, характерные для всех специальностей проблемы, существующие в системе российского образования. Автор данной статьи стремится наглядно показать, что отсутствие на данном этапе развития российского образования активности по решению данных проблем, рано или поздно может привести к необратимым изменениям, которые, в конечном счете, вызовут разрушительные последствия в системе высшего образования. Автор предлагает внести на законодательном уровне ряд изменений в организацию учебного процесса, которые позволили бы переломить сложившуюся тенденцию.

Ключевые слова: латинский язык, юридическая терминология, юридическое образование, судебная система, специалист, бакалавриат.

Статья представляет собой обобщение опыта преподавания дисциплин «Латинский язык», «Латинский язык в юридической деятельности», «Латинский язык и основы юридической терминологии», «Юридическая терминология в латинском языке» на юридических факультетах нескольких высших учебных заведений нашей необъятной родины. А также размышления, возникавшие и по сей день вызывающие тревогу у автора статьи в ходе осуществления им учебного процесса и ознакомления с опытом коллег, доступным благодаря личным беседам и ознакомления с их научными трудами.

В процессе преподавания латинского языка и юридической терминологии преподаватель сталкивается с рядом трудностей, из которых, наверное, на первом месте окажется очень, следует сказать, маленькое количество часов, выделенных на данный предмет, по сравнению с объемом учебного материала даже в пределах, прописанных в учебно-методическом комплексе целей и задач, не говоря уже об овладении латинским языком в полном объеме. На втором, изначальное отсутствие заинтересованности у некоторой, иногда значительной части студентов в изучении латинского языка. Многие студенты, приступая к латыни не по своему желанию, а фактически по принуждению, латынь надо сдать, иначе, не сдашь зачет и тебя отчислят, не понимают, зачем она им нужна, какую практическую пользу она им принесет, например, в судейской, адвокатской, прокурорской, следственной деятельности и т.д. И уже с первого занятия преподаватель должен постоянно наглядно демонстрировать то, как важно знать латынь каждому образованному интеллигентному человеку и какую огромную пользу принесет им не только в будущем, а уже сейчас ее познание.

И, к очень большому сожалению, пока не найдено такого чудодейственного средства, применение которого раз и навсегда сделало бы бессмысленным любые сомнения в насущной необходимости знания латинского языка юристами вообще, а специалистами судебной системы в особенности и превратило бы трудовую жизнь преподавателей латинского языка в беззаботное времяпрепровождение, избавив бы их от необходимости периодически доказывать как студентам, так и начальству, включая должностных лиц, работающих в министерстве образования, важность существования латинского языка на юридических факультетах вузов и колледжей. А такая необходимость существует. Хотя бы по тому, что каждый учебник по латинскому языку для юристов во введении содержит

доказательства важности преподавания латинского языка студентам-юристам. В качестве примера можно взять следующие учебники для юридических специальностей, так в предисловии к учебнику И.С. Розенталя и В.С. Соколова написано буквально следующее: «умение идти – вслед за римскими юристами – от формы к содержанию при анализе текста созвучно самой сути права и, формируя навыки аргументации, ведет к постановке юридического взгляда на общественные явления и отношения». [7, с. IX.] Ахтерова О.А. и Иваненко Т.В. пишут: «Изучая римское право и его литературную оболочку – латинский язык, будущий юрист имеет возможность проникнуть в существо и дух права». [1, с. 3.] И.А. Газиева приводит во введении к своему учебнику в качестве эпиграфа слова Генриха Гейне: «У римлян ни за что не хватило бы времени на завоевание мира, если бы им пришлось сперва изучать латынь». [2, с. 10.] Слова великого человека, к тому же обладавшего великолепным чувством юмора! В.И. Пастернак сравнивает латынь «...как общий язык правоведов всего мира» [5, с. 5.] эсперанто. В данной статье собранные цитаты, выделяющиеся своей эстетической формой. Но во всех учебниках содержится стандартная аргументация, приведенная с целью показать значимость изучения латинского языка для юристов. При этом ни в одном учебнике по гражданскому, уголовному или административному праву аргументации в пользу гражданского, уголовного, административного права нет. Почему? Вопрос явно риторический! Сразу вспоминается крылатое латинское выражение: «Qui nimium probat, nihil probat». [3, с. 558.]

После революции латынь исчезает из программы для юристов. Если не считать преподавание латинского языка в начале пятидесятых годов, возвращение его на юридические факультеты происходит с начала 90-х. Но и по сей день латинский язык, в отличие от истории, философии, относится к предметам вариативной части общегуманитарного цикла. А это в свою очередь означает, что необходимость преподавания латыни не является очевидной для всех истиной. На одних факультетах она есть, а на других – нет. Ситуация иногда складывается немного комичная, когда в учебных планах в одном и том же вузе на одной специализации данный предмет есть, а на другой – его уже нет.

Один из способов решения первой проблемы предлагается автором данной статьи в его статье «Деятельность научного кружка юридической латыни на факультете подготовки специалистов для судебной системы».

Определенные наработки в решении второй проблемы, апробированные автором на практике, приводятся в данной статье ниже. Кроме того, статья посвящена еще ряду проблем, связанных с преподаванием не только латинского языка, но и ряда дисциплин, которые на юридических факультетах традиционно принято относить к разряду непрофильных.

Начнем с выше озвученной проблемы. В качестве одного из способов ее решения представляет

интерес методика преподавания латинского языка, примененная в учебнике под общей редакцией В.Н. Ярхо и В.И. Лободы. [8, с. 5–6.] Суть методики состоит в наглядной демонстрации на конкретных примерах влияния латинского языка на современные европейские языки, в том числе и на русский. Связь прослеживается по четырем направлениям. Во-первых, показывается словообразовательная модель, например, слова третьего склонения согласного типа, оканчивающиеся в *nominativus singularis* на «*tas*», а в *genetivus singularis* на «*atis*», исходная форма – «*universitas*» «*universitatis*» преобразуются в русском языке в слова на «тет», получается форма университет, в немецком на «*tat*», получается – «*Universität*», во французском – «*te*», получается – «*université*», в английском на «*ty*», получается – «*university*».

Или еще один факт: нарицательные латинские существительные тоже третьего склонения согласного типа, но оканчивающиеся в *nominativus singularis* на «*io*», а в *genetivus singularis* на «*onis*», исходная форма – «*constitutio*» «*constitutionis*» преобразуются в русском языке в слова первого склонения, оканчивающиеся на «ия», получается форма «конституция», а в английском и французском берется основа слова путем отбрасывания окончания *genetivus singularis* «*is*» и получается форма на «он» – «*constitution*». Но при этом в именах собственных третьего склонения согласного типа, тоже оканчивающихся в *nominativus singularis* на «*io*» либо на «*o*» с предшествующей согласной, а в *genetivus singularis* на «*onis*», исходная форма – «*Scipio*», «*Scipionis*», «*Plato*», «*Platonis*» все наоборот: в русском языке, берется основа слова путем отбрасывания окончания *genetivus singularis* «*is*» и получается форма на «он» – «Сципион», «Платон», а в английском языке берется форма в *nominativus singularis* без изменений и получается форма идентичная латинской – «*Scipio*», «*Plato*».

Во-вторых, можно взять латинское слово и проследить в какие слова в современных европейских языках оно превратилось и насколько изменилось значение слова, например, бывают случаи, когда слово из латинского языка заимствовано без изменений или с минимальными изменениями, но при этом выражает совершенно другое понятие. Так, наш современный консул, который сидит в консульстве, не имеет ничего общего с римским консулом, а римская «*constitutio*» – это постановление императора, еще этот термин в русскоязычной литературе переводится как указ императора, что применительно к римскому праву и истории Древнего Рима не имеет никакого значения. В любом случае, «*constitutio*» у римлян – это никакой не основной закон государства и каждый император за период своего властвования издавал огромное количество конституций, какие-то из них отменял, отменял конституции предшественников, заменял на новые. Причем и в современном русском языке слово «конституция» до сих пор имеет несколько значений, а впервые оно «... было зафиксировано в переписке Петра Великого в 1704 году и име-

ло значение «структура», «устройство». [4, с. 45.] Потребность в упорядочивании нормативной базы привело к появлению кодексов, самые известные из которых – это кодекс императора Феодосия и кодекс Юстиниана. Так что латинское слово «*codex*», которое фактически без изменений вошло в русский язык, в латинском языке имело другое значение: ствол дерева, дощечка, книга, так как первые записи делались на дощечках, натертых воском, потом стали дощечки соединять, что уже в каком-то смысле можно было называть книгой, в узком значении, книга доходов и расходов и уже в юридической латыни – сборник императорских конституций. В Риме не могло быть ни гражданского, ни уголовного, ни семейного, ни какого-нибудь еще другого кодекса, поскольку система римского права отличалась от современной и там не было деления на отрасли права, институты права.

В третьих, можно провести параллели между грамматическими конструкциями в латинском и современных европейских языках, например: детально рассмотреть сходства и отличия в употреблении падежей в латинском и русском языке, употребление падежей и предлогов в латинском языке с употреблением предлогов в английском языке, конструкции именительный, а также винительный падеж с неопределенной формой глагола и т.д.

В-четвертых, можно после разбора и перевода латинских сентенций искать аналогичные пословицы и поговорки в русском, английском, французском, немецком языках, отмечать сходство и отличия, например, русской идиоме «вот, где собака зарыта» соответствует в латинском языке – «здесь лежит заяц», смысл один, но форма выражения разная.

Действительно, на личном опыте подтверждаются, но уже применительно к учащимся высших учебных заведений, слова А.В. Подосинова: «Ученики бывают потрясены, когда они узнают, как много слов повседневного русского языка, употребляемых ежеминутно, пришло к нам из латыни». [6, с. 193] Здесь только следует добавить, что удивление студентов будет еще большим, если показать влияние, оказываемое латинским языком, не ограничиваясь лишь русским языком, а также присоединить данные по другим индоевропейским языкам.

Поскольку обязательным является изучение английского языка, а во многих высших учебных заведениях в качестве иностранного языка преподают только английский, то упор в преподавании с применением этого метода обучения делается именно на связи латинского и английского языков. На основании личного опыта можно отметить, когда студенты узнают в латинских словах и синтаксических конструкциях, начиная с названий грамматических категорий, таких как *nomen substantivum*, *nomen adjectivum*, *verbum*, *casus*, *participium*, *persona*, *numerus singularis*, *numerus pluralis*, *hraesens*, *perfectum*, *futurum*, *gerundivum* и т.д. и т.п., и заканчивая специальными юридическими терминами английские слова и синтаксические конструкции,

когда они самостоятельно начинают искать соответствия в английском языке по предложенной модели, заинтересованность в изучении латинского языка значительно возрастает.

При помощи параллелей с романскими языками наглядно демонстрируется их возникновение из латинского языка, а параллели с немецким языком позволяют проследить связи латыни с германскими языками. Но эта методика работает только в том случае, если среди студентов в группе есть хотя бы один, который изучал либо французский, либо испанский, либо итальянский, либо немецкий язык. Поскольку почти в каждой группе такой студент имеется, то, можно сказать, что данный педагогический прием является вполне рабочей методикой, не требующий от преподавателя никаких дополнительных усилий. Как правило, такие учащиеся сами вступают диалог со словами: «А вот во французском языке тоже...» Студенты подтверждают информацию, переданную им преподавателем, вносят дополнения, задают уточняющие вопросы. Что интересно, когда начинается диалог преподавателя с таким студентом, остальные, несмотря на то, что они не знают эти языки, с гораздо большим вниманием слушают их беседу. Происходит это по двум причинам: во-первых, при сравнении форм и конструкций разных языков обучающийся тренируется самостоятельно выявлять точные закономерности, находить новый материал, подпадающий под эти взаимосвязи, во-вторых, на занятии в аудитории естественным образом возникает общее впечатление важности знания латинского языка. Одно дело сказать общие фразы о влиянии латинского языка на европейские языки и привести примеры этого и совсем другое дело, когда это влияние само собой постоянно наглядно демонстрируется в ходе живой беседы с преподавателем. У данного педагогического приема есть одна особенность, которую можно рассматривать и как достоинство, и как недостаток, а именно: не существует одного алгоритма для развертывания учебного материала, поскольку в его изложении участвует не только преподаватель. У ведущего занятия, конечно, есть изначальные учебные заготовки, но какие из них получится применить, в какой последовательности, вообще, как пройдет занятие в принципе предугадать невозможно. Это обусловлено тем, какие именно иностранные языки помимо английского студенты знают, каков уровень знания обучающимся того или иного иностранного языка, какие ассоциации у него возникнут во время выслушивания преподавателя, что он вспомнит из своих данных на занятии. Часто случается, что студенты подходят со своими догадками и вопросами уже после занятия или же озвучивают их на следующих парах, что уже вносит свои коррективы в их проведении. Используя данный педагогический прием можно повысить заинтересованность студентов в предмете, их инициативность, самостоятельность, творческую активность.

При этом необходимо учитывать, что студенты не могут заниматься изучением латинского языка

также как филологи-классики, а также обучающиеся в православных духовных семинариях или же католических духовных учебных заведениях. По наблюдениям автора статьи загруженность студентов, обучающихся на юридических факультетах просто огромна, к тому же данная ситуация усугубляется отсутствием жестких, законодательно прописанных нормативов, регулирующих количество времени, необходимого для выполнения домашних заданий. Существующие нормы слишком неопределенные и не содержат четких критериев, которые позволяли бы просчитать время, отведенное на выполнение того или иного домашнего задания. В учебных планах прописывается общее количество часов, выделяемых на самостоятельную работу студентов, но при этом не фиксируется время, необходимое для выполнения каждого из заданий в отдельности. И что более всего существенно, так это отсутствие контроля за соответствием часов, выделенных на самостоятельную работу студентов, и реальным временем, которое они тратят на ее выполнение по каждому предмету. Планирование времени выполнения домашних заданий отдано на откуп преподавателей. А преподаватели тоже люди, и им также присущи когнитивные искажения характерные для всех людей, но при этом обусловленные спецификой их трудовой деятельности. Например, преподаватель ведет один или несколько предметов, из года в год повторяя один и тот же учебный материал, раз в три года он в обязательном порядке повышает свою квалификацию, постоянно повышает уровень своего педагогического мастерства самостоятельно, таким образом, он достигает совершенства во владении учебным материалом. В конечном счете, эти знания и навыки настолько отрабатываются, что становятся частью его самого, для него применение их есть такое же естественное действие, как ходьба или дыхание. А человеку свойственно судить о других по себе: у меня это легко получается, значит и для других это не должно быть проблемой. В отношении к преподавателю это выражается в требовании от студентов такого же мастерства в их устных ответах и письменных заданиях. При составлении домашнего задания преподавателю очень легко «поставить студентов на свое место», что неизбежно приводит к ошибкам в предполагаемом времени, которые студенты затратят на выполнение данных упражнений. Это задание очень простое, на него студенты должны будут потратить столько-то минут. Но при этом не учитывается, что для преподавателя эти знания и навыки их применения свои, тогда, как для студентов они еще чужие, они сталкиваются с ними в первый раз. Во-вторых, уровень образования, жизненный опыт, если, конечно, это не студенты заочного отделения просто несопоставим. В любом случае, познания даже студентов-заочников по преподаваемому предмету за исключением отдельных случаев гораздо ниже. В-третьих, преподаватель ведет свой предмет и не соприкасается с другими учебными дисциплинами, в лучшем случае знакомство с другими учебными дисциплинами осуществляется по-

средством бесед с коллегами в перерывах между парами, а студенты обязаны изучить все предметы, указанные в расписании. Преподаватель же не видит, что на студента в короткий промежуток времени обрушиваются просто горы новой и совершенно незнакомой информации, которую он должен усвоить и еще доказать, что он это сделал успешно, под угрозой отправки на дополнительную сессию с последующим отчислением. Необходимо учитывать фактор постоянного стресса, в котором находятся студенты и которого нет у преподавателя: они должны усвоить новую информацию, он же лишь повторяет и оттачивает уже давно усвоенное.

А многие преподаватели «забывают», что кроме их науки в вузе преподаются и другие, это происходит на бессознательном уровне. Да, нельзя сказать, что они буквально забыли о том, что их предмет не единственный, но часто они ведут себя так, что иначе их действия объяснить нельзя! Еще преподавателям свойственно преувеличивать значимость своего предмета, а применительно к студентам такое отношение приводит к тому, что все предметы такие «архиважные», что не дай Бог они что-то не поймут или не запомнят. Когда студент не может ответить или отвечает плохо, у преподавателя возникает искушение объяснить это безалаберностью студента, его ленью и глупостью: это же надо быть таким бездельником либо, другой вариант, таким идиотом, чтобы так отвечать! Это, конечно, уже крайность, но такая опасность для преподавателя действительно существует, причем с увеличением педагогического стажа она все более и более возрастает. Это один из элементов профессиональной деформации педагога как в школе, так и в высшем учебном заведении.

В вузах сложилась крайне негативная тенденция, связанная с увеличением числа и объема письменных заданий, которая в конечном счете прямо является фактором профанации учебного процесса. При сравнении своего обучения с современным первое, что бросается в глаза – это обилие различных контрольных, рефератов, эссе и т.д. для выполнения дома. Тогда как в бытность обучения автора статьи в университете учебным планом предусматривалась только одна письменная работа в год – курсовая работа. Что, в общем-то, логично, поскольку курсовая работа – это есть самостоятельная, проводимая во внеаудиторное время под руководством одного наставника научная работа студента, на которую он бросает все свои творческие силы и которая, включая предшествующие и последующие курсовые, в идеале превращается в дипломный проект. Все остальные знания и навыки студент должен держать в голове и только научные исследования предполагают письменную форму их фиксации с последующей устной защитой сначала перед наставником, а впоследствии перед комиссией. Курсовые первого, второго и третьего курса принимал научный руководитель, а курсовую работу четвертого курса и дипломную – комиссия. Практика, от которой, к сожалению, сейчас отказались.

Сейчас почти по каждому предмету студент пишет хотя бы одну письменную работу, которую выполняет дома. Это отвлекает его от концентрации на курсовой работе и создает поистине бешеную нагрузку: примеряя на себя объем письменной работы, выполняемый нынешними студентами, честно говоря, не сможешь ответить точно, окажись сейчас в студенческом возрасте смог бы справиться с таким объемом заданий, при условии, конечно, будешь их честно писать сам. А появление, развитие и внедрение в массовое применение искусственного интеллекта делает такие формы проверки знаний студентов бессмысленными. Но, если бы искусственного интеллекта не было, данные формы все равно были бы не эффективны. Общеизвестный факт, что первоначально существовало массовая скачивание учащимися письменных работ из интернета, появление системы «Антиплагиат» покончило с этой порочной деятельностью, но не пресекло другую «лазейку», а именно – написание письменной работы другим человеком. Марксистская истина, многократно подтвержденная реальностью: «спрос рождает предложение» подтвердилась и на этот раз. Появился целый рынок эссе, рефератов, курсовых, дипломных работ. Даже сейчас можно набрать в поисковике, в Яндексе, а лучше в Гугле «написать реферат и т.д.» и выйдет целый ряд предложений как частных лиц, так и официально существующих фирм, осуществляющих коммерческую деятельность на законной основе. Что свидетельствует о том, что спрос есть и он достаточно высок. Получается, что борются со сложившейся ситуации только преподаватели, да и то не все. Когда преподавателю нужно проверить 100–150 рефератов, в данном случае это некоторое условное их число, то даже если загрузить их в антиплагиат, то это уже проблема, не говоря об установлении авторства той или иной работы. Со скачиванием и в этом случае можно бороться следующим образом, требовать проверки на антиплагиат у студентов с последующим прикреплением результатов к основному файлу. Еще лучше, когда в вузе существует электронная система со встроенной проверкой, автоматически проверяющая работы.

Лучше обстоят дела с курсовыми и дипломными работами. Здесь преподаватель общается со студентом в процессе написания им работы, и существует такая процедура, как защита курсовой, а также дипломной работы. Но это не гарантия, дающая 100% уверенность в авторстве защищаемой работы. Эти меры позволяют понять, имел ли студент представление о том, что он написал и представил на суд проверяющих, понимает ли актуальность и степень разработанности темы своего исследования, но при этом человек худо-бедно может разобраться в вопросе, выучить свою речь, подготовиться к возможным вопросам, а если его консультирует умный и образованный помощник, то ему не составит большого труда, исходя из составленной речи, предугадать возможные вопросы и замечания и заранее составить от-

веты на них, более того, написать такую речь, при прослушивании которой определенные вопросы у членов комиссии возникнут сами собой. Получается, что на данный момент, вопрос заключается лишь в цене.

С другой стороны, осуждать студентов нельзя, потому что они поставлены в такие условия, при которых многие из них иначе поступать не могут: если посчитать объективно, сколько времени честный студент должен будет потратить на чтение и анализ литературы по теме и сколько времени у него уйдет на написание самого текста письменной работы, а затем умножить на количество этих работ по всем предметам, включая курсовую или диплом, далее приплюсовать часы необходимые на повторение лекций и выполнение текущих домашних заданий, то возникают некоторые опасения, что свободного времени у студента не останется даже на сон. А надо еще учесть, что из 24 часов, из коих состоят сутки, значительную часть студент проводит в своем учебном заведении, какое-то время тратит на дорогу туда и обратно, ему еще надо дома покушать и поспать, да и активный отдых ему тоже необходим и саморазвитие тоже, как-то, интересную книгу почитать, посмотреть научно-популярную передачу и т.д. и т.п.

Вообще, складывается такое впечатление, что в организации учебного процесса в нашей стране повсеместно и не только в высших учебных заведениях, но и тем более в школах не учитывается время жизни учащихся, которое они проводят за пределами учебного заведения. Ребенок покинул школу, университет, колледж, завтра он должен вернуться с выполненным домашним заданием, но, кажется, никого не интересует, как он его будет делать, сколько это займет у него времени, хватит ли ему времени, чтобы его сделать, останется ли у него время на отдых и духовный рост. Получается, как в армии, есть приказ, иди и выполняй, должен, придешь и отчитаешься, напишешь рапорт, а как ты выполнишь приказ, есть ли у тебя ресурсы для его выполнения – это никого не интересует.

Для решения изложенных выше проблем автор статьи предлагает следующее.

Относительно завышенных нагрузок на обучающихся предлагается на законодательном уровне или на уровне высшего учебного заведения ввести жесткие нормативы, регулирующие количество и время выполнения домашних заданий. Сами задания в нормативных документах прописывать нет необходимости, более того, это принесет один вред и приведет к бумажной волоките. Но следует указать тип задания. Применительно к латинскому языку это должно выглядеть примерно следующим образом. Например, пройдена тема «первое и второе склонение имени существительного, прилагательные первого-второго склонения», студенты получают домашнее задание – просклонять имя существительное первого склонения, соответственно надо указать, сколько минут займет данное задание в среднем у студента с условием, что будет

делать это он самостоятельно первый раз в жизни. Потому что, если будет поставлено время выполнения 10–15 секунд, то это ложь. Если преподаватель сможет сделать и за меньшее время, то студент явно – нет. Первое выполнение – не менее двух минут. Далее, сколько слов первого склонения студент должен будет просклонять в одной домашней работе, сколько это займет времени. То же самое со словами второго склонения, с той лишь разницей, что на одно слово второго склонения должно уйти не более трех минут, так как в этом склонении не одна парадигма, а несколько и студент должен освоиться в их выборе и видеть отличия между ними. Далее, сколько слов второго склонения студент должен будет склонять в одной домашней работе, сколько это займет времени. Далее, склонение прилагательного первого склонения. И все то же самое. Далее, согласование существительного первого или второго склонения с прилагательным первого-второго склонения и склонение полученного словосочетания. И все то же, что было с существительными первого и второго склонения. В результате определяется общее время, которое студент затратит на выполнение данной домашней работы.

Введение таблиц распределения часов выполнения домашних заданий помогло бы родителям лучше контролировать своих детей. Родители бы знали, что, исходя из количества предметов в неделю и времени, которое их ребенок должен провести за письменным столом при подготовке к конкретному занятию, в неделю он должен дома заниматься в течение такого-то количества часов, соответственно при делении получается затрачиваемое количество часов в день. На производстве это применяется уже многие годы. Расчет времени выполнения задачи с учетом имеющихся ресурсов. Очевидно, что для того, чтобы произвести определенную работу, человеку минимум потребуется определенное количество времени и бесполезно от него требовать это сделать быстрее либо за это же время сделать больше. Но в системе образования это до сих пор не учитывается должным образом.

Следует обязательно отметить, что предполагаемые меры должны быть введены только после широкого обсуждения в преподавательском сообществе, чтобы не сложилась такая ситуация, при которой в одном учебном заведении одни нормы, а в другом раз в десять большие. Все таблицы распределения часов выполнения домашних заданий должны быть одинаковые по всей стране.

В дискуссии обязательно должны принимать наряду с преподавателями психологи, чтобы уравновешивать стремление преподавателей обучить любой ценой даже во вред душевному здоровью подопечных. Преподаватели склонны нагружать учащихся как можно больше. С одной стороны, это правильно, поскольку только через трудности и преодоление своих слабостей обучающийся становится совершеннее и по-настоящему осваивает ту или иную область знаний, но, с другой сторо-

ны, чрезмерные нагрузки могут приводить к нервным срывам и снижению эффективности обучения, не говоря уже о подорванном психическом, да и физическом здоровье. Сколиоз, лордоз, проблемы со зрением, депрессия, различные психические отклонения и даже самоубийства и нападения на одноклассников и учителей – это уже не фантастика, а наша нынешняя реальность, в которой одним из немаловажных провоцирующих факторов выступает неспособность учащегося справиться с возросшей учебной нагрузкой. Так что при ее планировании нужно стремиться к максимальной полноте изложения преподаваемого материала, но при этом не забывать об ограниченности физических и психологических ресурсов детей. По этой причине, как указано выше, необходимо привлекать специалистов, знающих особенности детской психики и мировоззрения современной молодежи. Воистину, высокопарно выражаясь, те, кто возьмет на себя эту тяжелую ношу, будут подобны Одиссею и его войнам, проплывающим между Сциллой и Харибдой! В данном случае исключается субъективный фактор из учебного процесса, что, возможно, позволит сохранить психическое здоровье учащихся и улучшить систему контроля над тем, как они проводят свое свободное от аудиторных занятий время.

Предполагается, что такая практика может быть применена не только в высших учебных заведениях, но и в общеобразовательных учреждениях.

Что касается, предоставления научных работ, написанных другими лицами, то в данном случае без вмешательства государства также не обойтись. Прежде всего, на законодательном уровне необходимо ввести даже не административную, а уголовную ответственность, как для заказчиков таких работ, так и для тех, кто занимается их написанием, равно как и для тех, кто принимает заказы на написание работы, то есть выступает посредником между первыми и вторыми. Удивительно, что государственные служащие до сих пор не желают решать столь серьезную проблему. О таких проблемах говорят «мина замедленного действия», да и все вопросы, связанные с системой образования и воспитания в стране являются такими минами, так как ошибки в их решении сразу же не видны, но медленно, первоначально незаметно, но верно и неотвратимо проявляются через многие годы. А, когда из-за неправильно принятых давным-давно мер наступают крайне неблагоприятные последствия, оказывается, что сделать уже ничего и нельзя. Образно выражаясь, когда из-за неправильно хранения фрукты и овощи сгнили, хлеб заплесневел, а борщ закисло, то уже бесполезно что-либо делать, чтобы снова их сделать съедобными. Результаты промахов в общеобязательном школьном образовании уже начинают проявлять себя в полную силу, а нынешние лихорадочные попытки чиновников министерства образования как-то справиться с наступившими и наступающими последствиями прежних ошибок напоминают попытки сохранить испорченную еду,

вырезанием сгнивших либо заплесневелых кусков, промывания, вымачивания, кипячения. С той лишь разницей, что испорченную еду можно, в конечном счете, просто выкинуть и стараться больше не доводить до такого, а с людьми так не поступишь. Неправильно воспитанный ребенок станет взрослым и войдет в жизнь с искаженной системой ценностей, приоритетов и жизненных интересов.

Но запретить и наказать – это не решение проблемы, поэтому предложенные выше меры осуществляться в комплексе с другими действиями, применение которых сделает ненужным наказания. В первую очередь, необходимо вернуться к прежнему порядку, регулировавшему написание письменных работ. В течение года одна курсовая – это именно самостоятельная научная работа студента, выполняющая которую он учится исследовательской деятельности, один реферат и одно эссе в течение семестра, не больше, для тренировки навыков по написанию данных работ, причем по тем предметам, по которым будут предусмотрены данные виды работы, должен быть сокращен объем других выполняемых заданий. Итого получается не более пяти с учетом курсовой работы. При этом должна быть повышена ответственность студента за его индивидуальную научную работу студента. Есть три пути: первый – ввести защиту курсовой перед комиссией с третьего курса. Данная мера к тому же лучше психологически подготавливает студента к защите дипломной работы, второй – создать электронный архив курсовых каждого студента, а дипломные работы выставлять вместе с отзывом научного руководителя и оппонентов в открытом доступе на сайте университета либо создать общую базу данных по всем вузам на сайте министерства образования, третий – защита дипломного проекта должна быть публичной, современные технические средства позволяют это сделать, причем на сайт университета после предварительной регистрации и проверки данных, делается это, чтобы избежать присутствия на защите неадекватных личностей, должны иметь право зайти и принять участие в обсуждении работы посторонние люди. Что еще важно, работы должны выставляться не после, а до защиты, чтобы специалисты в той области, которой посвящена работа могли бы загрузить свой независимый отзыв. Список лиц, имеющих право написать отзыв, тоже должен быть законодательно определен. Лица, участвующие в защите диплома, заранее и неоднократно должны быть предупреждены о наступлении административной или уголовной ответственности за нецензурную лексику, брань, оскорбления, клевету, попытки сорвать тем или иным способом защиту дипломной работы.

Литература

1. Ахтерова О.А., Иваненко Т.В. Латинский язык и основы юридической терминологии. – М.: Юрид. Лит., 1998. – 304с.

2. Газиева И.А. Латынь и римское право, М.: Издательство «Экзамен», 2004. – 336с.
3. Душенко К.В., Багриновский Г.Ю. Большой словарь латинских цитат и выражений. – М.: Эксмо, 2013. – 976с.
4. Крицкая С.Ю. Constitutio Rutiliana – первый опыт римского права.// Ученые записки юридического факультета. Вып 20 (30)/ Под ред. Ливеровского А.А. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2011. – 109с.
5. Пастернак В.И. Латинский язык для юристов. – М.: ГЕЛАН, 2000. – 232с.
6. Подосинов А.В. Задачи преподавания латинского языка в современной средней школе России//Интеллектуальное образование и греко-латинская словесность в России (1995–2010 годы). – М.: Лабиринт, 2010. – 200с.
7. Розенталь И.С., Соколов В.С. Учебник латинского языка для юридических и иных гуманитарных вузов и факультетов., М.: Норма, 2009. – 320с
8. В.Н. Ярхо, В.И. Лобода Латинский язык, М.: Просвещение, 1983. – 319с.

INNOVATIVE METHODS IN TEACHING LATIN IN TRAINING SPECIALIST FOR THE JUDICIAL SYSTEM

Subbotin Y.V.

Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

The article is devoted to innovative methods, the use of which will help to increase the interest of students in mastering the basics of the Latin language, increase the efficiency of the educational process as applied to the disciplines "Latin language", "Latin language in legal activity", "Latin language and the basics of legal terminology", "Legal terminology in Latin" taught at the law faculties of higher educational institutions of the Russian Federation. The article also examines general problems that are characteristic of all specialties and exist in the Russian education system. The author of this article tries to clearly show that the lack of activity at this stage of development of Russian education to solve these problems, which sooner or later can lead to irreversible changes, which will ultimately lead to the collapse of the higher education system of the Russian Federation. The author of this article proposes to introduce a number of changes at the legislative level in the organization of the educational process that would change the current trend.

Keywords: Latin language, legal terminology, legal education, judicial system, specialist degree, bachelor's degree.

References

1. Akhterova O.A., Ivanenko T.V. Latin language and the basics of legal terminology. – M.: Jurid. Lit., 1998. – 304 p.
2. Gazieva I.A. Latin and Roman law, M.: Examen Publishing House, 2004. – 336 p.
3. Dushenko K.V., Bagrinovsky G. Yu. Large dictionary of Latin quotations and expressions. – M.: Eksmo, 2013. – 976 p.
4. Kritskaya S. Yu. Constitutio Rutiliana – the first experience of Roman law.// Scientific notes of the law faculty. Issue 20 (30) / Ed. Liverovsky A.A. – St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University of Economics and Finance, 2011. – 109 p.
5. Pasternak V.I. Latin for lawyers. – M.: GELAN, 2000. – 232 p.
6. Podosinov A.V. Tasks of teaching Latin in modern secondary schools in Russia // Intellectual education and Greek-Latin literature in Russia (1995–2010). – M.: Labyrinth, 2010. – 200 p.
7. Rosenthal I.S., Sokolov V.S. Textbook of Latin for law and other humanitarian universities and faculties., M.: Norma, 2009. – 320 p.
8. V.N. Yarkho, V.I. Loboda Latin, M.: Education, 1983. – 319 p.

Терских Любовь Александровна,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры
социально-гуманитарных дисциплин, Луганский филиал
Воронежского института МВД России
E-mail: lterskih@rambler.ru

В статье затрагиваются актуальные вопросы современности, связанные с фальсификацией иностранными СМИ исторической правды нашего народа в целом и в годы школа произвели «человека массы» – идеальный объект для манипуляции сознанием, благодаря которой было возвращено фашизоидное русофобского поколения в Украине, зомбированного народом-мутанта, не знающего своей истории и не помнящего родства. Время неподвластно короткой памяти некогда единого народа. Миллионы убитых, замученных, заживо сожженных в концлагерях как реквием отражаются сегодня в потомках героев. Наша задача сохранить и сберечь истинную историю нашего народа в Великой Победе над фашизмом, остановить навязывание чужой идеологии, чужого ложного мнения западных пропагандистов на неустоявшуюся психику нашего подрастающего поколения, инокультуры, развращающей нашу историю и культурное достояние великого русского народа.

Ключевые слова: «человек массы», клиповая культура, текстинговое поколение, дегероизация, фальсификация, историческая правда, Великая Отечественная война, Герои Советского Союза.

Время быстротечно. Скоро снова прозвенит школьный звонок и школьные коридоры заполнятся шумом детских голосов и учитель (во все времена святая святых на Руси, но только не сейчас!) поведет своих воспитанников в мир истории – учительницы мира. Чему учить? Как учить? И кого учить? – извечный нерешенный вопрос! Как формировать историческое сознание «человека массы», этих неокрепших умов, их социальное самочувствие и политическую позицию? Сегодня именно СМИ выступают главным воспитательным инструментом, сформировавшим клиповую культуру, а новая школа, созданная для её поддержания, породила феномен «человека массы» [1]. Такой «человек массы» представляет собой идеальную мишень для манипуляций сознанием – что наглядно проявляется в украинской политике последних трёх десятилетий, где укоренилась практика лжи и двойных стандартов. Эти подходы стали основой и неотъемлемой частью политической системы, направленной на формирование зомбированного общества, утратившего знание своей истории и связь с родовыми корнями. Благодаря этой пропаганде рядом в соседней стране выросло фашизоидное русофобское поколение, где подобными «знаниями» загружались украинские школьники уже с 5-го класса, напрочь забыв язык своих предков. Язык – самое главное средство подчинения сознания человека.

Современная эпоха, помимо появления своих героев, к сожалению, порождает и тех, кто занимается искажением исторического прошлого страны. Подобные псевдоисторики, действующие в интересах зарубежных спонсоров, в том числе связанных с именем Сороса, прибегают к инструментам пропаганды, транслируемой их западными кураторами. С их подачи выпускаются заказные учебные пособия по истории, содержащие искажённые факты, адресованные подросткам, ещё не сформировавшимся физически и психологически, что делает их наиболее восприимчивыми к подобному воздействию. В качестве примера можно привести телеканал «Дождь», прекративший работу лишь после начала СВО. Совсем недавно были закрыты радио «Свобода» и «Голос Америки», вещавшие с 1962 года во всех странах мира антироссийскую пропаганду, фальсифицируя факты победы Советского Союза в Великой Отечественной войне и многое другое.

Казалось бы, давно умолкли пушки, отгремели залпы победоносного салюта весны 1945 года, но в мире опять неспокойно. Очевидно, что историческая память людей оказывается недолгой, поскольку спустя восемь десятилетий после тех тра-

гических событий мы вновь становимся свидетелями проявлений жестокости со стороны потомков недобитых бандеровских формирований на территории Донбасса и России. Под влиянием чуждой нам идеологии они отвергли многовековое наследие славянских народов и ввязались в конфликты, разрушительные для братских народов. Мирные города и села подвергаются разрушениям, распространяется инакомыслие и внедряются западноевропейские культурные ценности. Эти действия приводят к гибели людей и разрухе, сея вражду и ненависть среди близких народов России.

Понадобилось не так уж много времени, чтобы среди одной из ветвей славянского народа, украинцев, вернулись к словам Мюллера «В фильме «Семнадцать мгновений весны» звучат слова: «Как только где-нибудь вместо слова “здравствуйте” произнесут “хайль” в чей-то персональный адрес – знайте, там нас ждут, оттуда мы начнём своё великое возрождение!». Сегодня мы наблюдаем процессы бандеризации западных регионов Украины и проведение фашистских шествий в Киеве – городе, который традиционно называют матерью городов русских. В этой связи стоит вспомнить предупреждение Ф.М. Достоевского, высказанное им еще в 1877 году: «У России никогда не было и не будет более ярых врагов, завистников и клеветников, чем эти славянские племена, как только Россия освободит их, а Европа признает их свободными! После освобождения они начнут новую жизнь именно с того, что попросят у Европы – к примеру, у Англии и Германии – гарантий и защиты своей свободы. И хотя Россия будет присутствовать в европейском союзе, эти народы сделают это как защиту от самой России» [2, с. 77–82].

Сегодня особую актуальность приобретают слова пожилого учителя истории, участника Великой Отечественной войны, обращённые к детям: «Если вы забудете эту войну (1941–1945 гг.) – станете свидетелями новой». Эта фраза, известная во всём мире, напоминает о закономерности, согласно которой история имеет свойство повторяться. Подобно тому как в годы Второй мировой войны планомерно уничтожались жилые, исторические, промышленные и культовые здания, включая памятники культуры мирового значения, в наши дни на Украине происходят разрушения объектов культурного наследия, памятников, а также целых городов и сёл. Особое возмущение вызывает поступок мэра Львова, предложившего продавать останки советских солдат, захороненных в период освобождения города от фашистских захватчиков, при том что сами захоронения подвергаются варварскому уничтожению. Несмотря на подобные заявления, именно этому человеку доверено управление крупным городом.

Слова «Если вы забудете эту войну, война сама придёт к вам на порог» находят подтверждение в реальности, которую переживают жители Донбасса и приграничных районов России. Уже многие годы они подвергаются регулярным обстрелам со стороны государств, ранее считавшихся друже-

ственными и составлявшими вместе с Россией единое целое. Отказавшись от исторической памяти и традиционных ценностей, эти страны встали на путь политической и экономической зависимости, променяв часть своей территории, природные ресурсы и суверенитет на обещания внешней выгоды, что сопровождается деградацией общественного сознания.

Свидетельством чего являются сегодняшние митинги в Киеве и других городах Украины за восстановление НАБУ! И кто же опять на митингах? Проплаченные соросята! А говорят на грабли два раза не наступают! Но это не об украинцах... Ф.М. Достоевский ещё в XIX веке предвидел, что многие славянские народы долго будут бояться сильной России, искать поддержки у Европы и обвинять Россию в варварстве. Они увлекутся европейской культурой и политикой, порой теряя свою идентичность, и лишь спустя долгий путь европеизации смогут понять своё истинное славянское предназначение в мире [3, с. 77–82].

В то же время мы видим как в самом российском обществе формируются не однозначные образы Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., отношение к СВО в самой разной степени и форме, искаженные апологетикой и хулой. В XXI веке как никогда мы должны беречь заложенный тысячелетней историей России фундамент будущего, который заложен благодаря ценностным ориентирам прошлого, трансформируясь в сегодняшний день как подвиг и слава нашего народа. Ведь история не знала войны столь огромной по своему размаху, столь тяжелой, жестокой и разрушительной, как вторая мировая. Двадцать семь миллионов жизней советских людей унесла та война, а сколько умерло после от ран в мирное послевоенное время – этого забыть и простить нельзя! Без массового каждодневного проявления патриотизма советскими людьми на фронте и в тылу невозможно было бы выстоять под ударом врага, изгнать и разбить его. О патриотизме советских людей говорят следующие факты: за мужество и отвагу, проявленные на фронтах, состоялось свыше 13 млн наградений. Звание Героя Советского Союза было присвоено 11 603 советским бойцам. Из них 104 человека были удостоены этой награды дважды, а трое – Г.К. Жуков, И.Н. Кожедуб и А.И. Покрышкин – трижды [4, с. 48].

К сожалению, мы являемся свидетелями того, как недалекие, необразованные, раболепные европейские политики сегодня пытаются отдать пальму первенства в Победе над фашистской Германией США и их союзникам, но существуют неоспоримые свидетельства материалов Нюрнбергского процесса из показаний немецких генералов, Ф. Паулюса, Г. фон Рундштедта и др. Оценивая военные события, Ф. Паулюс подчеркнул: «Главное достижение советской стратегии в конфликте – результат битвы на Волге, из-за которой я оказался в плену, да и ещё то, что эти господа сейчас занимают место подсудимых». А в своем последнем слове на Нюрнбергском процессе соратник Гитле-

ра, А. Шпеер, признался: «Радио и громкоговорители сыграли ключевую роль — они лишили самостоятельности мышления у восьмидесяти миллионов человек».

На сегодняшний день в массовом сознании россиян внедрилась проблема фальсификации истории России, связанная с пересмотром итогов Великой Отечественной войны, которая захватывает многие судьбоносные события и юридические факты их подтверждающие. Очень важно не допустить под видом восстановления исторической справедливости оправдания тех, кто уничтожал свой народ, и наоборот — тех, кто был незаслуженно оклеветан и предан забвению. Правда она должна пройти все испытания и водрузить справедливое знамя Победы, приняв своё прошлое таким, какое оно есть. В этом заключается зрелость гражданской позиции и торжество правды над ложью. И сделать это мы должны сами, не поддаваясь инакомыслию, чтобы не очутиться в силках украинской государственности.

Закон об амнистии, принятый в Германии в 1949 году, предоставил широкие возможности для возвращения в государственные учреждения множества бывших чиновников, специалистов и военных Третьего рейха. Поэтому и не удивительно, что сегодняшние руководители Германии Мерц, Шольц, Бербок, Урсула-фон-дер Ляйн являются потомками фашистских завоевателей, преподнося своими убогими, примитивными рассуждениями своим согражданам лживую «правду» победы во Второй мировой войне. В художественных произведениях, кино, СМИ и речах политиков часто создаётся образ немцев как пострадавших сторон. Их показывают страдающими из-за поражения под Сталинградом, несчастными беженцами, спасавшимися от наступления советских войск, жертвами оккупационной политики, принудительного выселения из восточных регионов Германии и иных исторических мест обитания, а также жертвами бомбардировок англо-американских сил. Кроме того, немцев изображают как пострадавших от действий самого Гитлера и его ближайшего окружения, которые, по версии таких рассказов, заставляли их совершать действия, противоречащие их природе и человеческим ценностям. В частности, в фильме «Закат» (2004 г.) центральной жертвой становится сам Гитлер — пленник своих заблуждений и иллюзий, а также жертва изменчивой военной судьбы, политического предательства и глубокой человеческой изоляции [5, с. 36].

Но процессы фальсификации нельзя возложить только на западных авторов, к сожалению, у нас выросли лжепатриоты, приспособленцы, которые получили достойное образование, заняли весомое положение в обществе, и начали чернить историю своего же государства. Это, так называемые писатели и публицисты 90-х: Э.С. Радзинский, А.Н. Яковлев, Солженицын, Н.К. Сванидзе, Г.Х. Попов, В.А. Коротич и др., главным направлением фальсификации которых является целенаправленное очернение роли Советского Союза

в Победе во Второй мировой войне. Они дописались до равной ответственности СССР и Германии за развязывание Второй мировой войны, опираясь на пакт Молотова-Риббентропа, а открытие второго фронта США преподнесено как решающее событие в Победе на гитлеровской Германией, что якобы и способствовало подписанию акта капитуляции 9 Мая 1945 года. Но Берлин брали русские солдаты, капитуляцию принимал маршал Г.К. Жуков, а не генералы союзников по антигитлеровской коалиции.

Дегероизация советского народа приняла устрашающий размах! До какого цинизма нужно опуститься, чтобы человеческую жизнь ставить ни во что, забыть героев-молодогвардейцев, брошенных в шурф шахты № 5 в г. Краснодоне, Зою Космодемьянскую, Александра Матросова и сотни других героев, отдавших свои жизни, чтобы эти горе-писатели затем глумились над их смертью?!

Наблюдая за подобным искажением истории, крайне важно не допустить утраты причинно-следственных связей в повествовании о Второй мировой войне, а также отстаивать объективную правду о роли Советского Союза в победе, чтобы исключить возможность превращения победителя в побеждённого.

Истоки массовой фальсификации исторических событий становятся ясными, если вспомнить, кто стоял по ту сторону баррикад — страны Европы, которые либо служили союзниками нацистской Германии, либо не смогли должным образом противостоять её агрессии. В вторжении Гитлера в Советский Союз были вовлечены Италия, Венгрия, Румыния, Словакия, Хорватия, Финляндия и Япония. Кроме того, на разных этапах конфликта с Германией сотрудничали Польша, Болгария и Австрия. На землях Латвии, Литвы, Эстонии и Западной Украины поднимались местные коллаборационистские формирования, которые пополняли ряды СС и вермахта. К концу 1941 года численность иностранных добровольцев в войсках СС достигла 43 тысяч. В 1941–1943 годах латвийские карательные подразделения полиции безопасности осуществляли масштабные акции уничтожения мирного населения в Латвии, России и Белоруссии.

Прошло почти восемьдесят лет, а доктор М. Кейзер из Билефельдского университета отмечает тревожный факт: «не существует коллективной памяти об этих... событиях и датах. А поколение, которое обладает такой памятью, не желает помнить об этом. Память не передалась новым поколениям». Особенно ярко этот процесс проявляется в квазигосударственных образованиях Прибалтики, где предпринимаются попытки исказить и разрушить исторические, культурные и духовные узы, некогда объединявшие народы бывшего СССР и, как мы надеемся, сохраняющие своё значение по сей день

Миф об извечном «русском и советском» геноциде прибалтийских народов зашел так далеко, что сегодня в этих мини-странах осталось около миллиона жителей, в то время, когда при Совет-

ском Союзе здесь было три и более миллиона в каждом государстве Прибалтики. В прибалтийских странах сейчас наблюдается жёсткая политика воинствующего национализма, чётко направленная против России. Русскоязычное население продолжает испытывать системную дискриминацию, а идея прославления и узаконивания подразделений легионеров СС стремительно набирает обороты. Вдобавок, открываются музеи «оккупации», где молодёжь целенаправленно воспитывают в духе антироссийской пропаганды и ненависти. Особое внимание заслуживает роль европейского комиссара К. Каллас, чья русофобская позиция сегодня не скрывается, что свидетельствует скорее о примитивизме и узком понимании политических процессов, чем о дальновидности. Она выступает как продолжательница дела легионеров СС, которые совершали массовые преступления против русских, белорусов и украинцев, включая убийства, поджоги, насилия и депортации в лагеря смерти.

Несмотря на это, дух и величие русского народа остаются несокрушимыми. Это доказали события на подступах к Москве, во время блокады Ленинграда, в ходе Сталинградской битвы, на Курской дуге и при форсировании Днепра. Память народа неразрывно связана с героизмом молодых бойцов-молодогвардейцев, отдавших свои жизни в борьбе с фашистскими захватчиками, с защитниками Сталинграда, героями Брестской крепости, а также с партизанским движением под руководством С. Ковпака и Сабурова. Такие места, как Саласпилс, Бухенвальд и Освенцим, невозможно забыть или простить.

В частности, только в ходе обороны Ленинграда погибло около двух миллионов солдат и мирных жителей, что в шесть раз превышает потери США за всю Вторую мировую войну. Эта трагедия иллюстрирует масштабы жертв, принесённых в защиту родной земли.

Что же происходит в мире от злобы и бессилия западных руководителей и США? Искажение истории нашего Отечества представляет собой попытку представить Россию как «империю зла», якобы основанную на давних традициях деспотизма, рабства и коррупции. Цель таких действий – лишить страну её героического прошлого и народ – исторической памяти, превратить Российскую Федерацию в изгоя на мировой арене и ограничить её возможности для развития как единого государства. По сути, это стремление оставить Россию без перспектив на будущее. В связи с этим молчать нельзя!

И начать возрождать историческую память со школы, увеличив количество часов по истории Отечества, русскому языку в школах, вузах, стимулировать учительский труд, учитывая неограниченное влияние международных СМИ, фальсификацию исторической памяти нашего народа в целом и особенно его роль в победе над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., опираясь на «Концепцию преподавания истории России в образовательных органи-

зациях». Очень сложно донести до текстингового поколения понимания особенностей российского исторического развития на общемировом фоне, научить неокрепшие умы подрастающего поколения реагировать на общеисторические вызовы, и выходить победителями в мировой политике, основываясь на достоверной истории нашего государства. По сути дела, сегодня идет Сталинградская битва современности против фальсификации истории России и Великой Отечественной войны.

А как же те, кто предал Россию, обогнал и продолжает лить грязь на нее? На этот вопрос еще в свое время дал ответ Ф.М. Достоевский, который писал: «Разумеется, в минуту какой-нибудь серьезной беды они все непременно обратятся к России за помощью..., потому что поймут, что Европа является их естественным врагом и всегда им была, а если они существуют на свете, то лишь благодаря могучему магниту – России, которая неодолимо притягивает их к себе и тем самым удерживает их единство и целостность» [6, с. 77–82].

Учитывая нынешнюю геополитическую ситуацию в мире, мы видим, что классик не ошибался!

Литература

1. Ортега -и- Гассет «Восстание масс», 1930 г., Издательство АСТ, 2006.
2. Ф. М. Достоевский, ПСС, т. 26, 1987 г., с. 77–82.
3. Ф. М. Достоевский, ПСС, т. 26, 1987 г., с. 77–82.
4. Рыженкова И.Г. Фальсификация истории: кому мешает Великая Победа. /Вестник 32. Брянский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, с. 48.
5. Воробьева Л.М. Фальсификация событий Второй мировой войны. / Л.М. Воробьева. – Текст: непосредственный // Русская история. – 2010 – № 3/4. – С. 36–39.
6. Ф. М. Достоевский, ПСС, т. 26, 1987 г., с. 77–82.
7. Богданов И.А. Рукопись «Ленинградская блокада от А до Я». Санкт-Петербург, 2010, 404 С.
8. Рябчиков В.И. Наша великая Родина – Союз Советских Социалистических Республик. – М., 1981, с. 48.
9. Кикнадзе В.Г., Ионов В.В. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Мифы и реальность: 1 ч./ Под редакцией В.Б. Зотова, И.И. Басика. – М.: Изд-во «Юго-Восток -Сервис», 2010. – 60 с. – С. 4–7.
10. Великая Отечественная война 1941–1945 годов В 12т Т. 1 Основные события войны. –М.: Воениздат 2011. – 848 с.
11. Великая Отечественная война 1941–1945 годов В 12т. Т. 12. Итоги и уроки войны. – М.: Кучково поле, 2015.
12. Д.И. Янгез, В.В. Жигин. О некоторых фальсификациях истории Второй мировой и Великой Отечественной войн псевдоисторика В. Резу-

на (В. Суворова) // История Второй мировой и Великой Отечественной войн как объект фальсификаций: учеб. Пособие / под общ. ред. А.С. Киселева. – М.: ВУ, 2012.

13. Вяземский Е.Е. Проблема фальсификации истории России и общее историческое образование: теоретические и практические аспекты // Проблемы современного образования. 2012. № 1. С. 28–43.

HISTORY IS THE TEACHER OF THE LIFE OF THE “MASS MAN”

Terskih L.A.

Lugansk branch of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article touches upon topical issues of our time related to the falsification by foreign media of the historical truth of our people as a whole and during the Great Patriotic War (1941–1945). Clip culture and the new school designed for its reproduction produced the “man of the masses” – an ideal object for manipulating consciousness, which has been observed in Ukrainian politics for the past thirty years, where the practice of nonsense and double standards prevails, thanks to which a fascist Russophobic generation was raised, a zombified mutant people who do not know their history and do not remember their kinship. Time is beyond the memory of the people. Millions of killed, tortured, burned alive in concentration camps are reflected today as a requiem in the descendants of heroes. Our task is to preserve and preserve the true history of our people in the Great Victory over fascism. To stop the imposition of someone else's ideology, someone else's false opinion of Western propagandists on the unstable psyche of our younger generation, a foreign culture that corrupts our history and the cultural heritage of the great Russian people.

Keywords: “man of the masses”, clip culture, texting generation, de-heroization, falsification, historical truth, the Great Patriotic War, Heroes of the Soviet Union.

References

1. Ortega y Gasset, “The Revolt of the Masses”, 1930, AST Publishing House, 2006.
2. FM Dostoevsky, PSS, v.26, 1987, pp.77–82.
3. FM Dostoevsky, PSS, v.26, 1987, pp.77–82.
4. Ryzhenkova IG Falsification of History: Whom the Great Victory Hinders. / Bulletin 32. Bryansk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, p.48.
5. Vorobyova LM Falsification of the Events of World War II. / LM Vorobyova. – Text: direct // Russian History. – 2010 – No. 3/4. – P. 36–39.
6. F. M. Dostoevsky, PSS, vol. 26, 1987, pp. 77–82.
7. Bogdanov I.A. Manuscript “The Leningrad Siege from A to Z.” St. Petersburg, 2010, 404 S.
8. Ryabchikov V.I. Our great Motherland is the Union of Soviet Socialist Republics. – M., 1981, p.48.
9. Kiknadze V.G., Izonov V.V. Great Patriotic War 1941–1945 Myths and reality: 1 hour / Edited by V.B. Zotova, I.I. Basika. – M.: Publishing house “Yugo-Vostok-Service”, 2010. – 60 p. – P. 4–7.
10. The Great Patriotic War of 1941–1945 In 12 volumes. Vol. 1. The Main Events of the War. – M.: Voenizdat 2011. – 848 p.
11. The Great Patriotic War of 1941–1945 In 12 volumes. Vol. 12. The Results and Lessons of the War. – M.: Kuchkovo Pole, 2015.
12. D.I. Yangez, V.V. Zhigin. On Some Falsifications of the History of World War II and the Great Patriotic War by the Pseudo-Historian V. Rezun (V. Suvorov) // The History of World War II and the Great Patriotic War as an Object of Falsifications: Text-book. Manual / edited by A.S. Kiselev. – M.: VU, 2012.
13. Vyazemsky E.E. The problem of falsification of Russian history and general historical education: theoretical and practical aspects // Problems of modern education. 2012. No. 1. P. 28–43.

Институт медиации в Кыргызской Республике: правовые основания и перспективы разрешения юридических конфликтов

Турсунбаева Назира Сартбаевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и конституционного права, Кыргызско-Российский Славянский университет имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина
E-mail: nazira.tursunbaeva@gmail.com

Ирискулбеков Эркинбек Белекович,

PhD, декан Центрального кампуса, НОУ УНПК
«Международный Университет Кыргызстана»
E-mail: erkin.iriskulbekov@gmail.com

Брусиловский Денис Александрович,

доктор философских наук, начальник отдела развития международных научно-исследовательских коммуникаций «ИлимГрад», Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина
E-mail: denis6605@mail.ru

В условиях модернизации правовой системы Кыргызской Республики и растущей потребности в эффективных формах разрешения юридических конфликтов особую актуальность приобретает институт медиации. Цель настоящего исследования – осуществить теоретико-правовой анализ нормативных оснований и институциональных механизмов медиации в Кыргызстане, а также оценить её потенциал как альтернативного способа урегулирования правовых споров. Методологическая база исследования включает сравнительно-правовой, формально-логический и системный подходы, позволяющие выявить сильные и уязвимые стороны действующего правового регулирования. На основе анализа законодательства, научной литературы и эмпирических данных показано, что, несмотря на наличие базового Закона «О медиации», реализация медиативных процедур на практике остаётся фрагментарной, а правовая инфраструктура недостаточно развита. Особое внимание уделяется принципу добровольности, который, с одной стороны, является основополагающим для медиации, а с другой – сталкивается с предложениями о введении обязательных процедур в судебной системе.

Сделан вывод о необходимости комплексного подхода к развитию института медиации, включающего законодательное уточнение, стандартизацию профессиональной подготовки медиаторов, а также интеграцию традиционных и современных практик урегулирования конфликтов. Исследование вносит вклад в развитие юридической науки, предоставляя аналитическую основу для дальнейшего совершенствования правового института медиации в Кыргызской Республике и может быть полезным как для научного сообщества, так и для практикующих юристов, государственных органов и неправительственных организаций.

Ключевые слова: медиация, юридические конфликты, альтернативное разрешение споров, правовое регулирование, добровольность, Кыргызская Республика, институт медиации, законодательство.

Введение

Современные трансформации в правовой системе Кыргызской Республики сопровождаются поиском эффективных механизмов разрешения юридических конфликтов. Одним из таких механизмов выступает медиация, получившая нормативное закрепление с принятием Закона Кыргызской Республики «О медиации» в 2017 году [3]. Медиация рассматривается как альтернативная процедура, направленная на достижение взаимоприемлемого соглашения между сторонами спора при участии нейтрального посредника. Актуальность темы обусловлена необходимостью анализа теоретико-правовых основ медиации, оценки её практического применения и выявления направлений совершенствования института в Кыргызской Республике.

Как было отмечено выше, важным шагом в институционализации медиации в Кыргызской Республике стало принятие в 2017 году Закона «О медиации» [3]. Данный закон был разработан Жогорку Кенешем (Парламентом) Кыргызстана с целью:

- 1) создания правовых основ для применения медиации в качестве метода урегулирования споров в Кыргызской Республике;
- 2) содействия защите прав, свобод и законных интересов граждан;
- 3) развития партнерских деловых отношений и формирования этики делового оборота;
- 4) гармонизации социальных отношений [3].

Закон, таким образом, заложил юридические основы для применения медиативных процедур в Кыргызстане, что свидетельствует о стремлении государства к институционализации данного альтернативного способа разрешения конфликтов. Кроме того, в 2023 году в Закон «О медиации» были внесены соответствующие изменения и дополнения, что указывает на динамику развития правового регулирования медиации в Кыргызской Республике и попытки законодательно адаптировать данный институт к актуальным потребностям общества.

Также, в июне 2025 года Жогорку Кенеш Кыргызской Республики в первом чтении одобрил новый законопроект о медиации, направленный на укрепление института мирного урегулирования споров [2]. Документ предусматривает:

- обязательную медиативную встречу до обращения в суд;
- подготовку 2000 профессиональных медиаторов;
- создание региональных медиативных центров;
- учреждение **Единого государственного реестра медиаторов и Палаты медиаторов;**

- закрепление термина «**данакерлик**», подчеркивающего культурную специфику медиации.

Председатель правления ОО «Национальный центр медиации» Гулсина Кожоярова подчеркивает системное значение реформ: «Медиация – это не только юридическая процедура, но и процесс восстановления взаимопонимания. Обязательная досудебная медиация позволит разгрузить суды и сделает правосудие более доступным. Но для полноценной реализации этих инициатив необходимо широкое информирование и участие квалифицированных специалистов, потому что медиация пока не воспринимается обществом как реальная альтернатива суду» [2].

Необходимо отметить, что законопроект соответствует международным тенденциям развития альтернативного разрешения споров [9] и направлен, во-первых, на гуманизацию правосудия; во-вторых, на повышение доступности правовой помощи; в-третьих, на укрепление доверия общества к юридическим институтам; и, в-четвертых, на сохранение культурной идентичности через интеграцию концепции «данакерлик». Таким образом, успех реформы зависит от баланса между **нормативным закреплением, кадровой подготовкой и общественным восприятием**, что требует комплексного подхода со стороны государства, профессионального сообщества и гражданского сектора.

Методы исследования

Медиация как объект научного познания находится в центре внимания представителей различных областей знания, что расширяет теоретико-методологические и эмпирические основания для ее всестороннего изучения. В рамках различных научных дисциплин – юриспруденции, конфликтологии, социологии, психологии – на протяжении многих лет ведется активная разработка подходов к изучению медиации как социального, психологического, правового явления.

Междисциплинарный характер исследований медиации обусловлен комплексной природой данного феномена, затрагивающего различные аспекты социальной реальности – межличностные и межгрупповые взаимодействия, нормативно-правовую сферу, психологические характеристики участников конфликтов и посредников. Все это способствует формированию целостного научного понимания медиации, ее функций, механизмов, эффективности в контексте разрешения широкого круга социальных противоречий.

Исследование основано на анализе действующего законодательства Кыргызской Республики, а также научных публикаций отечественных авторов, посвященных вопросам правового регулирования и институционального становления медиации. Применялись общенаучные методы, в частности, формально-логический, сравнительно-правовой, системный и историко-правовой анализ. Особое внимание уделено изучению нормативных

источников и официальных статистических данных, а также содержательному анализу правовых принципов, заложенных в институте медиации.

Результаты исследования

Анализ показал, что институт медиации в Кыргызской Республике формально оформлен, но фактически находится на стадии становления. Закон «О медиации» от 2017 года закрепил базовые принципы медиации: добровольность, сотрудничество, равноправие сторон, нейтральность медиатора и конфиденциальность процедуры. Особое внимание в научной литературе уделено принципу добровольности, который, по мнению Турсунбаевой Н.С., обеспечивает подлинную мотивацию сторон к разрешению конфликта [7, с. 355].

Тем не менее, практика применения остаётся ограниченной. По данным Национального центра медиации, на март 2023 года было проведено всего 97 процедур, из которых лишь 24 касались судебных дел [7]. Низкий уровень медиативной активности объясняется рядом причин: недостаточной осведомлённостью граждан, низкой доступностью услуг медиаторов, отсутствием развитой правовой культуры внесудебного урегулирования, а также пробелами в законодательном регулировании.

Как подчёркивает Асанов С.А., в законодательстве сохраняются нерешённые вопросы, касающиеся сертификации, повышения квалификации медиаторов, а также институционального оформления их объединений [1]. При этом сама структура Республиканского сообщества медиаторов остаётся уязвимой, поскольку отсутствует единый стандарт этики и профессиональной подготовки, обязательный для всех субъектов медиативной практики. Ниже представлен SWOT-анализ института медиации в Кыргызской Республике (табл. 1).

Медиация как альтернативный метод разрешения споров и конфликтов приобретает все большую популярность и распространение в современном обществе. Ее активное внедрение на международном уровне, в национальных правовых системах, а также в различных сферах социально-экономических отношений свидетельствует о постепенной институционализации данного подхода.

Относительно позднее становление института медиации в Кыргызской Республике можно объяснить наличием суда аксакалов как одной из форм альтернативного регулирования споров и конфликтов. Соотношение института медиации и суда аксакалов в Кыргызской Республике характеризуется следующими ключевыми моментами:

1. *Историческая преемственность.* Суд аксакалов (старейшин) имеет глубокие исторические корни в традиционной кыргызской культуре и является одной из форм традиционного неформального правосудия. В этом смысле он предшествовал становлению института медиации.

2. *Схожие принципы.* Как медиация, так и суд аксакалов основаны на принципах добровольно-

сти, конфиденциальности, беспристрастности, сотрудничества и поиска взаимоприемлемых решений.

3. *Дополняющие функции.* Медиация и суд аксакалов могут рассматриваться как взаимодополняющие механизмы урегулирования споров. Суд аксакалов преимущественно применяется для разрешения локальных, общинных конфликтов, в то время как медиация используется в более широком спектре споров.

Таблица 1. SWOT-анализ института медиации в Кыргызской Республике.

Сильные стороны (Strengths)	Слабые стороны (Weaknesses)
- Наличие базового Закона КР «О медиации» (2017), обеспечивающего нормативную основу процедуры - Принятие основных принципов (добровольность, нейтральность, равноправие, конфиденциальность) - Политическая поддержка в рамках Национальной стратегии до 2040 года - Существование Республиканского сообщества медиаторов с ведением реестра и обучением	- Низкий уровень практического применения: в 2023 году – всего 97 процедур, из них 24 в судах [7] - Пробелы в законодательстве: статус медиатора, этика, сертификация [1] - Недостаточная правовая культура населения в части внесудебного урегулирования споров - Сопrotivление профессионального юридического сообщества из-за снижения объёмов судебной практики
Возможности (Opportunities)	Угрозы (Threats)
- Введение обязательных информационных встреч как этапа перед обращением в суд - Интеграция с традиционными институтами (суд аксакалов) - Заемствование успешных зарубежных практик (ЕС, США, Беларусь) - Поддержка со стороны международных организаций и проектов развития правосудия	- Риск формализации процедуры при отсутствии добровольного участия сторон - Недоверие к медиаторам при отсутствии профессиональных стандартов и контроля качества - Юридическая неопределённость в статусе медиативного соглашения - Неравномерный доступ к медиаторам в регионах Кыргызстана

Таким образом, медиация и суд аксакалов, будучи исторически и культурно обусловленными механизмами урегулирования споров в Кыргызстане, находятся в отношениях взаимодополняемости, сочетая современные и традиционные подходы к разрешению конфликтов.

Для глубокого понимания текущего состояния и перспектив института медиации в Кыргызской Республике важно обратиться к **сравнительному правовому анализу** с другими странами постсоветского пространства, где были приняты аналогичные законодательные меры. Особый интерес представляют **Республика Казахстан и Российская Федерация**, как страны с более продол-

4. *Законодательное регулирование.* Если медиация регулируется профильным Законом «О медиации», принятым в 2017 году [3], то суд аксакалов имеет правовое закрепление в Конституции (Статья 115) [6] и в Законе КР «О судах аксакалов» [4].

5. *Институциональная поддержка.* Медиация в Кыргызстане находит институциональную поддержку со стороны государства, некоммерческих организаций и профессиональных сообществ. Суд аксакалов также пользуется общественным признанием и традиционной легитимностью.

жительным опытом нормативного закрепления и практического внедрения процедур альтернативного разрешения споров (АРС). Проведённое сопоставление позволяет выявить как общие тенденции развития (внедрение принципа добровольности, акцент на конфиденциальности и нейтральности медиатора), так и существенные различия, обусловленные особенностями национальных правовых систем, институциональной зрелостью, уровнем правовой культуры населения и степенью вовлечения государства в поддержку медиации. Представленная ниже таблица обобщает ключевые параметры и проблемные зоны функционирования института медиации в трёх странах (табл. 2).

Таблица 2. Сравнительный анализ институтов медиации (Кыргызстан, Казахстан, Россия)

Критерии	Кыргызская Республика	Республика Казахстан	Российская Федерация
Год принятия закона	2017 г. – Закон КР «О медиации» [3]	2011 г. – Закон РК «О медиации» [5]	2010 г. – Закон РФ № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров...» [8]
Цель закона	Формирование правовой базы медиации как добровольной процедуры	Создание правовой основы для разрешения споров без участия государственных органов	Введение института медиации как альтернативы судебному рассмотрению
Сфера применения	Гражданские, семейные, трудовые, административные, уголовные дела (ограниченно)	Гражданские, трудовые, семейные, административные и уголовные дела	Преимущественно гражданские и семейные дела, уголовные дела – ограниченно
Принципы медиации	Добровольность, равноправие сторон, нейтральность медиатора, конфиденциальность	Добровольность, равенство сторон, независимость, нейтральность, конфиденциальность	Добровольность, равноправие сторон, конфиденциальность, нейтральность посредника

Критерии	Кыргызская Республика	Республика Казахстан	Российская Федерация
Обязательность процедуры	Не является обязательной; возможны судебные рекомендации	Возможны обязательные информационные встречи до подачи иска (в некоторых категориях дел)	Необязательна; действует по соглашению сторон
Реестр медиаторов / сертификация	Ведётся реестр медиаторов (частично), нет обязательной сертификации	Обязательная сертификация медиаторов, строгие требования к подготовке	Упрощённая регистрация, реестры ведутся НКО и при палатах
Институциональное развитие	Начальная стадия; поддержка международных организаций	Высокая степень развития: ассоциации медиаторов, Центры при судах	Развитие института замедлено, но активно развиваются центры при судах и палатах адвокатов
Судебная интеграция	Суд может рекомендовать, но не обязать	Интеграция в судебную систему: медиаторы работают при судах	Суд может разъяснять, но не направлять на обязательную медиацию
Общественное восприятие	Слабо распространено, низкий уровень правовой культуры	Относительно высокая популярность, особенно в семейных и трудовых делах	Осведомлённость растёт, но доверие к институту медиации остаётся ограниченным
Вызовы	Недостаток кадров, слабая правовая культура, пробелы в нормативном регулировании	Перегрузка судов, риски формализации процедур, кадровый дефицит в регионах	Недостаточная мотивация сторон, неурегулированность статуса медиативных соглашений

На основе сравнительного анализа можно заключить, что:

- 1) **Казахстан** продвинулся дальше других стран региона в институционализации медиации, благодаря раннему законодательному внедрению, сертификации медиаторов и созданию централизованных институтов при судах.
- 2) **Россия** хотя и одной из первых приняла закон, всё ещё сталкивается с проблемами в части распространения и популяризации практики. Закон 2010 года ограничен в охвате и нуждается в обновлении.
- 3) **Кыргызстан**, несмотря на более позднее принятие закона, предпринимает шаги к развитию медиации, в том числе через международную поддержку, однако практика остаётся крайне ограниченной и фрагментарной.

Обсуждение

Полученные результаты подтверждают, что институт медиации в Кыргызской Республике формально существует, однако на практике его функционирование остаётся ограниченным. Несмотря на принятие Закона «О медиации» в 2017 году, правоприменительная практика демонстрирует крайне низкие показатели медиативных процедур – как в досудебном, так и в судебном формате [7].

Важным аспектом, выявленным в ходе анализа, является **недостаточная институционализация медиации**. Хотя нормативные предпосылки заданы, отсутствует единый государственный орган, ответственный за координацию политики в этой сфере, не разработаны устойчивые механизмы финансирования, сертификации и контроля качества медиативных услуг. Кроме того, доступ к процедурам медиации остаётся ограниченным в регионах, что усиливает правовой дисбаланс между столицей и отдалёнными территориями [1].

Также вызывает дискуссию вопрос о **соотношении принципа добровольности с необходимостью обязательного внедрения медиации в некоторые сферы**, например в семейных или трудовых конфликтах. Опыт стран ЕС показывает, что внедрение обязательных информационных сессий перед подачей иска способствует популяризации медиации без нарушения принципа автономии сторон [9].

Сравнительный анализ международного опыта подтверждает, что институциональная эффективность медиации напрямую зависит от:

- **включения медиации в систему правосудия** (например, «суд, ориентированный на согласие» в Нидерландах и Италии),
- **доверия со стороны профессионального юридического сообщества,**
- **широкой правовой грамотности населения,**
- **а также от учёта культурных особенностей и традиционных форм урегулирования конфликтов.**

В этом контексте перспективным представляется **встраивание элементов традиционного посредничества (например, суда аксакалов)** в современную медиационную практику. Необходимо отметить и **угрозы недоверия к медиаторам** при отсутствии профессиональных стандартов, этики и контроля, а также **риски формализации процедуры** в случае, если она станет обязательной без предварительной просветительской и правовой подготовки сторон.

Вместе с тем, **возможности дальнейшего развития** института медиации в Кыргызской Республике включают, во-первых, цифровизацию процедур (онлайн-медиация); во-вторых, создание независимого национального центра медиации; в-третьих, разработку программ повышения квалификации и профессиональных стандартов; в-четвертых, интеграцию международного и локального опыта

в нормативную базу и образовательные курсы по праву. Таким образом, обсуждение результатов подчёркивает, что медиация может и должна быть институционализирована как **инструмент справедливого, гибкого и культурно чувствительно-го правосудия**, при условии системного подхода и межсекторального взаимодействия.

Заключение

Институт медиации в Кыргызской Республике обладает высоким потенциалом в качестве механизма разрешения юридических конфликтов, однако требует дальнейшей законодательной, институциональной и культурной поддержки. Необходимо:

- обеспечить подготовку и сертификацию медиаторов по единым стандартам;
- усилить просветительскую работу среди населения и юридического сообщества;
- усовершенствовать законодательные положения, особенно в части статуса медиативного соглашения;
- сохранить фундаментальный принцип добровольности как основу эффективной медиативной практики.

В перспективе медиация может стать важным элементом правовой системы, способствующим снижению нагрузки на суды, укреплению правовой культуры и обеспечению социальной стабильности.

Литература

1. Асанов С.А. Пробелы в правовом регулировании института медиации в Кыргызской Республике: актуальные вопросы практической реализации института // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2017. № 12. С. 141–144.
2. Гулсина Кожоярова: Кыргызстан садится за парту, чтобы учиться медиации. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.vb.kg/doc/448580_gylsina_kojoiarova_kyrgyzstan_saditsia_zh_party_chto_yychitsia_mediatsii.html (дата обращения: 01.08.2025).
3. Закон Кыргызской Республики от 28 июля 2017 года № 161 «О медиации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cbd.minjust.gov.kg/111668/edition/1278996/ru> (дата обращения: 01.08.2025).
4. Закон Кыргызской Республики от 19 февраля 2024 года № 52 «О судах аксакалов». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cbd.minjust.gov.kg/4-5280/edition/3049/ru> (дата обращения: 01.08.2025).
5. Закон Республики Казахстан от 28 января 2011 года № 401-IV «О медиации» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22.01.2025 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30927376 (дата обращения: 07.08.2025).

6. Конституция Кыргызской Республики от 5 мая 2021 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cbd.minjust.gov.kg/112213/edition/1202952/ru>
7. Турсунбаева Н.С. Медиация в Кыргызской Республике: принцип добровольности // Бюллетень науки и практики. 2024. Т. 10. № 11. С. 354–360. DOI: 10.33619/2414-2948/108/45.
8. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 N 193-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (дата обращения: 07.08.2025).
9. Directive 2008/52/EC of the European Parliament and of the Council of 21 May 2008 on certain aspects of mediation in civil and commercial matters [Электронный ресурс]. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32008L0052> (дата обращения: 01.08.2025).

THE INSTITUTE OF MEDIATION IN THE KYRGYZ REPUBLIC: LEGAL FOUNDATIONS AND PROSPECTS FOR RESOLVING LEGAL CONFLICTS

Tursunbaeva N.S., Iriskulbekov E.B., Brusilovskii D.A.

Kyrgyz-Russian Slavic University named after first President of the Russian Federation B.N. Yeltsin, International University of Kyrgyzstan

In the context of the modernisation of the legal system of the Kyrgyz Republic and the growing need for effective forms of legal dispute resolution, the institution of mediation is becoming particularly relevant. The purpose of this study is to conduct a theoretical and legal analysis of the normative basis and institutional mechanisms of mediation in Kyrgyzstan, as well as to assess its potential as an alternative means of resolving legal disputes. The methodological basis of the study includes comparative legal, formal-logical and systemic approaches, which allow us to identify the strengths and weaknesses of the current legal regulation. Based on an analysis of legislation, scientific literature and empirical data, it is shown that, despite the existence of the basic Law 'On Mediation', the implementation of mediation procedures in practice remains fragmented, and the legal infrastructure is underdeveloped. Particular attention is paid to the principle of voluntariness, which, on the one hand, is fundamental to mediation, but on the other hand, faces proposals to introduce mandatory procedures in the judicial system.

The conclusion was reached that a comprehensive approach is needed to develop the institution of mediation, including legislative clarification, standardisation of mediator training, and integration of traditional and modern conflict resolution practices. The study contributes to the development of legal science by providing an analytical basis for further improvement of the legal institution of mediation in the Kyrgyz Republic and may be useful for the scientific community, as well as for practising lawyers, government agencies, and non-governmental organisations.

Keywords: mediation, legal conflicts, alternative dispute resolution, legal regulation, voluntariness, Kyrgyz Republic, mediation institution, legislation.

References

1. Asanov, S.A. Gaps in the legal regulation of mediation in the Kyrgyz Republic: current issues in the practical implementation of mediation // Science, New Technologies and Innovations in Kyrgyzstan. 2017. No. 12. Pp. 141–144.
2. Gulsina Kozhoyarova: Kyrgyzstan sits down at the desk to learn mediation. [Electronic resource]. – URL: https://www.vb.kg/doc/448580_gylsina_kojoiarova_kyrgyzstan_saditsia_zh_party_chto_yychitsia_mediatsii.html (accessed on 01.08.2025).

3. Law of the Kyrgyz Republic No. 161 of 28 July 2017 'On Mediation'. [Electronic resource]. – Access mode: <https://cbd.minjust.gov.kg/111668/edition/1278996/ru> (date of access: 01.08.2025).
4. Law of the Kyrgyz Republic No. 52 of 19 February 2024 'On Aksakal Courts'. [Electronic resource]. – Access mode: <https://cbd.minjust.gov.kg/4-5280/edition/3049/ru> (date of access: 01.08.2025).
5. Law of the Republic of Kazakhstan No. 401-IV of 28 January 2011 'On Mediation' (as amended and supplemented as of 22 January 2025). [Electronic resource]. – Access mode: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30927376 (accessed on 07.08.2025).
6. Constitution of the Kyrgyz Republic of 5 May 2021 [Electronic resource]. – Access mode: <https://cbd.minjust.gov.kg/112213/edition/1202952/ru>
7. Tursunbaeva N.S. Mediation in the Kyrgyz Republic: the principle of voluntariness // Bulletin of Science and Practice. 2024. Vol. 10. No. 11. Pp. 354–360. DOI: 10.33619/2414-2948/108/45.
8. Federal Law 'On Alternative Dispute Resolution with the Participation of a Mediator (Mediation Procedure)' dated 27 July 2010 No. 193-FZ (latest edition). [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (date of access: 07.08.2025).
9. Directive 2008/52/EC of the European Parliament and of the Council of 21 May 2008 on certain aspects of mediation in civil and commercial matters [Electronic resource]. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32008L0052> (accessed on: 01.08.2025).

Проблема удержания правителем собственной власти в трудах Н. Макиавелли

Хапаев Аслан Русланович,

аспирант, Карачаево-Черкесский филиал, НОЧУ ВО «Синергия»

E-mail: aslan.khapyev@mail.ru

В статье исследуется концепция удержания политической власти в трудах Никколо Макиавелли через призму комплексного анализа его политико-правовых воззрений. Целью работы является выявление механизмов легитимации и сохранения властных полномочий правителя в контексте соотношения категорий «фортуна» и «вирту» в макиавеллиевской доктрине. Методологическую основу составляют историко-правовой, герменевтический и компаративистский подходы к изучению первоисточников и современных интерпретаций наследия итальянского мыслителя. Научная новизна заключается в деконструкции стереотипного восприятия «макиавеллизма» и представлении учения Макиавелли как целостной политико-правовой теории, отражающей реалии переходной эпохи. Результаты исследования демонстрируют фундаментальное влияние макиавеллиевских идей на развитие теории государства и права, политической философии и юридической антропологии.

Ключевые слова: политическая власть, легитимность, Никколо Макиавелли, государственное управление, политическая философия, теория государства, властные отношения.

Проблема удержания и легитимации политической власти представляет собой одну из центральных тем в истории политико-правовой мысли. Особое место в разработке данной проблематики занимают труды выдающегося итальянского мыслителя эпохи Возрождения Никколо Макиавелли (1469–1527), чьи идеи оказали революционное воздействие на последующее развитие теории государства и права. Представляется необходимым отметить, что творчество Макиавелли формировалось в условиях глубокого политического кризиса итальянских государств конца XV – начала XVI веков, что обусловило прагматический характер его политико-правовых воззрений [1, с. 45].

Анализ биографических данных позволяет заключить, что Макиавелли занимал должность секретаря Второй канцелярии Флорентийской республики с 1498 по 1512 год, что предоставило ему уникальную возможность наблюдать механизмы функционирования власти изнутри. Следует подчеркнуть, что именно практический опыт дипломатической и административной деятельности сформировал у мыслителя реалистическое понимание природы политической власти, нашедшее отражение в его главных произведениях – «Государь» (1513) и «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» (1513–1519) [2, с. 112].

В современной юриспруденции наблюдается устойчивый интерес к макиавеллиевской концепции власти, что обусловлено её актуальностью для понимания механизмов политического управления в условиях нестабильности и трансформации государственных институтов. Представляется логичным рассмотреть основные способы удержания власти, предложенные Макиавелли, через призму диалектики силы и согласия, страха и любви, традиции и инновации.

Центральной категорией политической философии Макиавелли выступает понятие «вирту» (*virtù*), которое не следует отождествлять с христианской добродетелью. Анализ текстов мыслителя позволяет интерпретировать «вирту» как совокупность качеств, необходимых правителю для эффективного управления государством: решительность, предусмотрительность, способность адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам [3, с. 78]. Следует отметить, что Макиавелли противопоставляет «вирту» понятию «фортуна» (*fortuna*) – слепой судьбе, которая, по его мнению, определяет лишь половину человеческих дел, оставляя другую половину во власти свободной воли [4, с. 234].

Рассматривая проблему соотношения морали и политики, Макиавелли формулирует революци-

онный для своего времени тезис о необходимости отделения политической целесообразности от религиозно-этических норм. В главе XVIII трактата «Государь» мыслитель утверждает: «Государю необходимо уметь пользоваться обеими природами, ибо одна без другой не имеет достаточной силы» [5, с. 89], имея в виду природу человека и зверя. Данное положение стало основой для формирования концепции «государственного интереса» (*ragion di stato*), получившей развитие в трудах последующих теоретиков абсолютизма.

Особое внимание Макиавелли уделяет проблеме легитимации власти через управление общественным мнением. Представляется важным подчеркнуть, что мыслитель одним из первых осознал значение «видимости» в политике, отмечая, что «люди вообще судят более по виду, чем по сути, ибо видеть дано всем, а потрогать руками – немногим» [5, с. 91]. Данное наблюдение предвосхищает современные теории политической коммуникации и манипулятивных технологий.

Анализируя способы приобретения и удержания власти, Макиавелли выделяет четыре основных типа государств: наследственные монархии, новые государства, смешанные государства и республики. Для каждого типа он предлагает специфические стратегии управления, основанные на учёте исторических традиций, социальной структуры и политической культуры общества [6, с. 156]. Следует отметить, что особое внимание уделяется «новым государствам», где правитель сталкивается с наибольшими трудностями в легитимации своей власти.

Рассматривая вопрос о соотношении страха и любви как инструментов властвования, Макиавелли приходит к парадоксальному выводу: «Лучше всего, когда боятся и любят одновременно; однако любовь плохо уживается со страхом, поэтому если уж приходится выбирать, то надёжнее выбрать страх» [5, с. 87]. При этом философ предостерегает от чрезмерной жестокости, способной породить ненависть подданных, что неизбежно приведёт к падению правителя.

Значительное место в концепции Макиавелли занимает анализ роли религии в политической жизни. Представляется необходимым подчеркнуть, что мыслитель рассматривает религию исключительно как инструмент социального контроля и политической мобилизации. В «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия» он пишет: «Правители республики или царства должны сохранять основы поддерживающей их религии, и тогда им будет легко сохранить государство своё набожным, а следовательно, добрым и единым» [7, с. 178]. Данный инструменталистский подход к религии стал одним из оснований для обвинений Макиавелли в цинизме и аморализме.

Анализ правовой доктрины позволяет заключить, что Макиавелли одним из первых сформулировал принцип политического реализма, основанный на изучении действительного положения вещей, а не идеальных моделей. Мыслитель кри-

тикует утопические проекты идеального государства, созданные античными и средневековыми философами, противопоставляя им анализ реальных механизмов функционирования власти [8, с. 203].

Следует отметить, что Макиавелли уделяет особое внимание проблеме институционализации власти. Он подчёркивает необходимость создания устойчивых государственных институтов, способных обеспечить преемственность власти и стабильность политической системы. В этом контексте представляется важным его различие между «государством» (*lo stato*) как безличной структурой и «правителем» (*il principe*) как персонифицированным носителем власти [1, с. 89].

Рассматривая военный аспект удержания власти, Макиавелли формулирует тезис о необходимости создания национальной армии взамен наёмных войск. Он утверждает: «Основой власти во всех государствах... служат хорошие законы и хорошее войско» [5, с. 67]. При этом философ отдаёт приоритет военной силе, полагая, что «там, где есть хорошее войско, обычно бывают и хорошие законы» [5, с. 68].

В современной теории государства и права идеи Макиавелли получили развитие в концепциях политического реализма, теории элит, доктрине государственного суверенитета. Представляется логичным утверждать, что макиавеллиевский анализ механизмов власти сохраняет актуальность в условиях современных политических трансформаций, характеризующихся кризисом традиционных форм легитимации и поиском новых моделей управления.

Анализируя рецепцию идей Макиавелли в последующей политико-правовой мысли, следует отметить их влияние на формирование теории абсолютного суверенитета Жана Бодена, концепцию естественного состояния Томаса Гоббса, учение о разделении властей Шарля Монтескье [2, с. 234]. Представляется важным подчеркнуть, что критическое переосмысление макиавеллиевского наследия способствовало развитию как авторитарных, так и либерально-демократических политических теорий.

Современные исследователи творчества Макиавелли стремятся преодолеть упрощённую трактовку «макиавеллизма» как синонима политического цинизма и аморализма. Анализ текстов мыслителя в историческом контексте позволяет рассматривать его учение как попытку создания реалистической теории политики, основанной на эмпирическом изучении механизмов власти [3, с. 156]. Следует отметить, что Макиавелли не отрицал значения морали в частной жизни, но настаивал на специфике политической деятельности, требующей особых норм и правил.

Рассматривая вклад Макиавелли в развитие юридической науки, необходимо подчеркнуть его роль в формировании позитивистского подхода к праву. Мыслитель одним из первых обратил внимание на роль силы в создании и поддержании правового порядка, что нашло отражение в его

знаменитом высказывании: «Вооружённые пророки побеждали, а безоружные гибли» [5, с. 45]. Данное положение предвосхищает концепцию права как приказа суверена, развитую в трудах представителей юридического позитивизма.

Представляется необходимым отметить, что Макиавелли внёс существенный вклад в развитие теории политических институтов. Анализируя опыт Римской республики, он формулирует идею смешанного правления, сочетающего монархические, аристократические и демократические элементы [7, с. 267]. Данная концепция оказала влияние на формирование теории сдержек и противовесов, ставшей основой современного конституционализма.

Исследование проблемы удержания власти в трудах Макиавелли позволяет выявить диалектическую природу политического господства, основанного на сочетании силы и согласия, принуждения и убеждения, традиции и инновации. Следует подчеркнуть, что мыслитель одним из первых осознал автономный характер политической сферы, несводимой к религиозным, моральным или экономическим детерминантам [4, с. 289].

В контексте современных дискуссий о природе политической власти идеи Макиавелли приобретают особую актуальность. Анализ механизмов легитимации в условиях медиатизации политики, развития манипулятивных технологий, кризиса традиционных идеологий требует обращения к классическому наследию политической мысли. Представляется логичным утверждать, что макиавеллиевский реализм может служить методологической основой для критического анализа современных форм политического господства.

Рассматривая перспективы дальнейшего изучения наследия Макиавелли, следует отметить необходимость междисциплинарного подхода, объединяющего усилия историков, юристов, политологов, философов. Анализ правовой доктрины позволяет заключить, что идеи итальянского мыслителя сохраняют эвристический потенциал для понимания механизмов функционирования власти в различных исторических и культурных контекстах.

Таким образом, исследование проблемы удержания власти в трудах Никколо Макиавелли демонстрирует фундаментальное значение его идей для развития теории государства и права. Представляется необходимым подчеркнуть, что макиавеллиевская концепция политической власти, основанная на реалистическом анализе механизмов господства, способствовала преодолению средневековых представлений о божественной природе власти и формированию секулярной политической теории. Критическое переосмысление наследия Макиавелли в контексте современных политико-правовых реалий позволяет глубже понять диалектику власти и права, силы и легитимности, политической целесообразности и моральных императивов. Следует отметить, что творчество итальянского мыслителя остаётся неисчерпаемым источником теоретических инсайтов и практических рекомендаций для всех, кто стремится постичь природу

политической власти во всей её сложности и противоречивости.

Литература

1. Юсим М.А. Этика Макиавелли. – М.: Наука, 1990. – 158 с.
2. Баткин Л.М. Итальянское Возрождение: проблемы и люди. – М.: РГГУ, 1995. – 448 с.
3. Долгов К.М. Гуманизм, Возрождение и политическая философия Никколо Макиавелли // Вопросы философии. – 2011. – № 8. – С. 75–89.
4. История политических и правовых учений: Учебник для вузов / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. – М.: Норма, 2018. – 736 с.
5. Макиавелли Н. Государь / Пер. с ит. Г.Д. Муравьевой. – М.: АСТ, 2019. – 192 с.
6. Рутенбург В.И. Жизнь и творчество Никколо Макиавелли // Макиавелли Н. История Флоренции. – М.: Наука, 1987. – С. 145–167.
7. Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / Пер. с ит. М.А. Юсима. – М.: Академический проект, 2020. – 432 с.
8. Скиннер К. Макиавелли. Очень краткое введение / Пер. с англ. А. Олейникова. – М.: АСТ, 2009. – 256 с.

THE PROBLEM OF THE RULER'S RETENTION OF POWER IN THE WORKS OF N. MACHIAVELLI

Khapaev A.R.

Karachay-Cherkess Branch of University "Synergy"

The article examines the concept of retention of political power in the works of Niccolò Machiavelli through a comprehensive analysis of his political and legal views. The aim of the work is to identify the mechanisms of legitimation and preservation of the ruler's power in the context of the relationship between the categories of "fortuna" and "virtù" in Machiavellian doctrine. The methodological basis consists of historical-legal, hermeneutic and comparative approaches to the study of primary sources and contemporary interpretations of the Italian thinker's legacy. The scientific novelty lies in the deconstruction of the stereotypical perception of "Machiavellianism" and the presentation of Machiavelli's teaching as an integral political-legal theory reflecting the realities of a transitional era. The research results demonstrate the fundamental influence of Machiavellian ideas on the development of the theory of state and law, political philosophy and legal anthropology.

Keywords: political power, legitimacy, Niccolò Machiavelli, public administration, political philosophy, theory of state, power relations.

References

1. Yusim, M.A. The Ethics of Machiavelli. Moscow: Nauka, 1990. 158 p.
2. Batkin, L.M. The Italian Renaissance: Problems and People. Moscow: RGGU, 1995. 448 p.
3. Dolgov, K.M. "Humanism, the Renaissance and the Political Philosophy of Niccolò Machiavelli." Voprosy Filosofii (Philosophy Issues), 2011, No. 8, pp. 75–89.
4. History of Political and Legal Doctrines: Textbook for Universities. Ed. by V.S. Nersesyants. Moscow: Norma, 2018. 736 p.
5. Machiavelli, N. The Prince. Translated from Italian by G.D. Muravyeva. Moscow: AST, 2019. 192 p.
6. Rutenburg, V.I. "The Life and Work of Niccolò Machiavelli." In: Machiavelli, N. History of Florence. Moscow: Nauka, 1987, pp. 145–167.
7. Machiavelli, N. Discourses on the First Decade of Titus Livius. Translated from Italian by M.A. Yusim. Moscow: Academic Project, 2020. 432 p.
8. Skinner, Q. Machiavelli: A Very Short Introduction. Translated from English by A. Oleynikov. Moscow: AST, 2009. 256 p.

Эволюция законодательства о банкротстве в Российской Федерации

Агададашев Тимур Алаудинович,

аспирант, кафедра гражданско-правовых дисциплин,
Московский Финансово-юридический университет (МФЮА)
E-mail: timur_ag@mail.ru

В статье исследуется вопрос эволюции законодательства о банкротстве в Российской Федерации. Статья затрагивает очень актуальную и сложную тему. В настоящей статье исследуются особенности развития института банкротства в России. Целью работы является выявление исторических закономерностей и взаимовлияний национального законодательства. Методологическую основу исследования составили сравнительно-правовой, историко-правовой и юридический методы. В результате проведенного анализа установлена прямая взаимосвязь между экономическим развитием государства и эволюцией его права. Институт банкротства является динамичным и напрямую зависит от экономического курса государства. Он выполняет crucial функцию «санитара рынка», способствуя его оздоровлению и защите прав добросовестных участников. На данный момент не существует универсальной, идеальной модели закона о банкротстве, пригодной для всех правовых и экономических систем. Каждое государство идет своим путем, адаптируя мировой опыт к национальным особенностям.

Ключевые слова: законодательство, банкротство, эволюция, экономика, государство, коммерческая деятельность.

Института банкротства в современной экономической системе играет критически важную роль. Это не просто механизм ликвидации неудавшихся компаний, а сложный и многогранный инструмент, выполняющий несколько ключевых функций для обеспечения как развития, так и безопасности.

Концепция, восходящая к Йозефу Шумпетеру, гласит, что экономический рост требует высвобождения ресурсов (капитала, трудовых, производственных) из неэффективных или устаревших предприятий и их перераспределения в более перспективные и продуктивные отрасли. Банкротство – это и есть legal-механизм такого «созидательного разрушения». Без него экономика засоряется «компаниями-зомби», которые тормозят инновации и оттягивают на себя ресурсы¹.

Зная о существовании четкого и предсказуемого механизма банкротства, инвесторы и предприниматели более склонны идти на обоснованные риски. Они понимают, что в случае неудачи есть юридическая процедура, которая позволит цивилизованно разрешить ситуацию, а не ведет к бесконечным долгам и личной катастрофе. Это основа для здорового риск-менеджмента.

Современное банкротство – это далеко не всегда ликвидация. В первую очередь – это попытка спасти жизнеспособный бизнес. Процедуры финансового оздоровления и внешнего управления позволяют реструктуризировать долги, провести санацию, сменить руководство и вывести компанию из кризиса, сохраняя рабочие места, производственные цепочки и налогооблагаемую базу.

Крах одного крупного предприятия может привести к цепочке неплатежей среди его контрагентов (поставщиков, подрядчиков, кредиторов). Своевременное и упорядоченное введение процедуры банкротства позволяет «локализовать» кризис, провести инвентаризацию обязательств и справедливо распределить оставшееся имущество, не допуская массовых банкротств по всей отрасли. Защита прав всех участников экономических отношений достигается благодаря эффективному законодательству о банкротстве. Оно обеспечивает для кредиторов прозрачность и справедливость в удовлетворении их требований согласно установленной законом очередности, для должника: защиту от произвола кредиторов на время проведения процедур, возможность восстановить платежеспособность, для работников гарантии по выплате задолженности по заработной плате, для государства взыскание недоимок по налогам и сборам².

¹ Шувалов И.И. Институт банкротства и его роль в период социально-экономического кризиса // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 12. С. 98

² Правовые основы несостоятельности (банкротства): учебное пособие для вузов / под ред. В.В. Кулакова. М.: Юрайт,

Четкие процедуры и контроль со стороны арбитражного управляющего, собрания кредиторов и суда затрудняют вывод активов, фиктивное или преднамеренное банкротство. Таким образом, институт борется с теневыми схемами, которые наносят прямой ущерб экономической безопасности.

Ключевая задача государства – найти баланс в регулировании этого института. Слишком жесткое законодательство будет душить бизнес и препятствовать его развитию. Слишком мягкое – создаст почву для злоупотреблений и подорвет безопасность.

Идеальный институт банкротства должен быть:

- предсказуемым, чтобы участники рынка понимали последствия своих действий,
- справедливым, чтобы учитывать интересы всех сторон,
- эффективным, чтобы процедуры не затягивались на годы, съедая остаток стоимости активов,
- нацеленным на восстановление, где это возможно, а не на ликвидацию.

Институт банкротства – это не признак слабости экономики, а показатель ее зрелости. Он является фундаментальным элементом рыночной инфраструктуры, который, как аварийный клапан в системе, обеспечивает и стабильность (безопасность), и возможность для роста и обновления (развитие).

В Российской Федерации актуальный Федеральный закон № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» был принят в 2002 г. и претерпел немало изменений за последние двадцать лет. Сейчас, по истечении чуть более чем 20 лет со дня принятия указанного Закона, доктринальное и нормативно-правовое правопонимание процедуры несостоятельности (банкротства) в России значительно расширилось и пришло к относительному равновесию. Федеральный закон № 127-ФЗ формировался под значительным влиянием зарубежных моделей (американской и немецкой), но при этом имеет глубокие исторические корни¹.

Конкурсные правоотношения между кредитором и должником впервые упоминаются в России еще в Русской правде. Банкротство в Русской правде подразделялось на три категории: безвинная несостоятельность (непреднамеренное банкротство), злостная несостоятельность (например, потеря товара вследствие проигрыша пари) и особо злостная несостоятельность (обман, скрывание от кредиторов). Вследствие развития рыночных отношений после Русской правды от ношения между кредитором и должником все чаще упоминались в таких правовых источниках, как Договор Смоленска с Ригой (1229), Соборное уложение 1649 г., Вексельный устав 1729 г., Устав благочиния 1782 г. и др.².

2023. С. 8.

¹Бозрикова Е.Д. История развития законодательства о банкротстве в Российской Федерации и зарубежных странах // Правосудие/Justice. 2023. Т. 5, № 4. С. 76

²Владимирский-Буданов О.И. Обзор истории русского права. М.: Директ-Медиа, 2012. С. 34

Принятие «Устава о банкротах» в 1800 году стало эпохальным событием в истории российского права, ознаменовавшим первый опыт комплексной кодификации норм о несостоятельности. Это был не просто закон, а подробный, систематизированный кодекс, состоящий из 197 статей. Он заложил фундамент для всего последующего регулирования банкротства в России. Устав разделял банкротов на три категории в зависимости от причины банкротства, что напрямую влияло на последствия для должника:

- Несчастный несостоятельный: тот, кто стал банкротом по независящим от себя обстоятельствам (пожар, наводнение, воровство третьих лиц, вражеское нападение и т.д.). Такой должник не подвергался уголовному наказанию и мог быть полностью освобожден от долгов.
- Неосторожный несостоятельный: тот, кто привел себя в банкротство по легкомыслию, небрежению, плохому ведению дел (например, неудачные спекуляции, неучтенные долги). Он не наказывался тюремным заключением, но не освобождался от долгов, даже после распродажи имущества, и должен был отрабатывать их своим трудом.
- Злостный (или злонамеренный) банкрот: тот, кто действовал умышленно: скрывал имущество, уничтожал документы, создавал фиктивные долги, оказывал предпочтение некоторым кредиторам. К такому должнику применялись строгие уголовные наказания, включая лишение всех прав состояния и ссылку в Сибирь³.

Хотя Устав был прогрессивным, он отражал реалии сословного общества Российской империи. Для купцов существовала особая процедура, признававшая их профессиональную деятельность. Для дворян банкротство могло привести к потере сословных привилегий и чинов, что было страшнее финансовых последствий. Для крестьян и мещан применялись свои упрощенные правила.

Устав ввел фигуру присяжного попечителя. Это был человек, назначаемый судом из числа местных купцов для управления имуществом банкрота, его сохранения и последующей распродажи в интересах кредиторов. Это прообраз современного арбитражного управляющего.

Были установлены четкие процессуальные этапы:

- Объявление о несостоятельности: должник или кредитор могли подать в суд заявление.
- Опись имущества: имущество должника immediately арестовывалось и описывалось.
- Созыв собрания кредиторов: кредиторы образовывали особый орган – собрание кредиторов, которое принимало ключевые решения по ходу дела (например, о заключении мировой сделки).
- Распродажа имущества (конкурсная масса).

³Гонорский А.С. Развитие законодательства о несостоятельности (банкротстве) в России // Форум молодых ученых. 2020. № 7 (47). С. 52

- Составление и утверждение расписки (платежного плана) для неосторожных банкротов.

Устав закреплял возможность заключения мировой сделки между должником и кредиторами. Если за нее голосовали кредиторы, представлявшие $\frac{3}{4}$ суммы долгов, сделка утверждалась судом и была обязательна для всех кредиторов, даже для тех, кто был против.

Была установлена четкая очередность, по которой удовлетворялись требования из вырученных от продажи имущества средств. В первую очередь погашались долги перед казной государства, затем церковные долги, затем обязательства перед частными кредиторами.

«Устав о банкротах» 1800 года был передовым для своего времени документом. Он впервые в российской истории систематизировал разрозненные нормы, разделил банкротство на виды по вине должника, ввел ключевые процессуальные институты (попечитель, собрание кредиторов, мировая сделка), сочетал гражданско-правовые процедуры с уголовным наказанием для злостных банкротов. Этот Устав действовал с изменениями более 70 лет, до принятия нового Устава в 1832 году, который был еще более проработанным, но основы были заложены именно в акте 1800 года.

Устав о торговой несостоятельности был принят в 1832 году. Устав вводит четкое юридическое определение и разграничивает сферу своего применения. Закон касается исключительно людей, занимающихся торговлей:

- купцов, записанных в гильдии и имеющих соответствующие свидетельства (т.е. официальное разрешение на торговую деятельность),
- мещан, занимающихся разрешенными им промыслами без специальных свидетельств.

Критерий несостоятельности в Уставе обозначалось отсутствие наличных денег для оплаты долгов. Сумма долга должна быть «важной» – более 1500 рублей серебром. Важен именно кризис неплатежеспособности (не может заплатить сейчас), а не абсолютная невозможность расплатиться когда-либо (несостоятельность = банкротство по современным понятиям). Закон прямо указывает, что долговые проблемы всех остальных сословий (дворян, чиновников, крестьян и т.д.) не подпадают под действие этого Устава. Для них существовали другие процедуры взыскания долгов. Это был первый в России полноценный и детально проработанный кодекс, регулирующий процедуру банкротства. Он заменил собой разрозненные указы XVIII века. Устав четко отделил торговую несостоятельность от неторговой, что было признаком развития коммерческого (торгового) права как отдельной отрасли.

Устав о торговой несостоятельности 1832 года стал краеугольным камнем российского права на многие десятилетия вперед. Он отражал растущие потребности экономики в четких и предсказуемых правилах для разрешения долговых кризисов предпринимателей.

Устав 1832 г. действовал вплоть до 1913 г., хотя и в указанный период был издан ряд правовых актов, затрагивающих конкурсное право: Указ о порядке удовлетворения долгов несостоятельных купцов-золотопромышленников 1858 г., Правила о порядке производства дел о несостоятельности как торговой, так и неторговой в новых судебных установлениях 1868 г. и др.

Следующие нормативные акты, затрагивающие развитие института не состоятельности, – Гражданский кодекс РСФСР 1922 г., Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. В указанных документах, помимо всего прочего, содержались главы, регулирующие некоторые вопросы несостоятельности.

Однако с 1930-х гг. вплоть до 1992 г. институт банкротства не получил развитие в нормативных правовых актах, так как официальная доктрина не признавала институт банкротства как таковой, а в плановой социалистической экономике не было места банкротству (так, в 1960-х гг. нормы о несостоятельности были исключены из законодательства СССР). Причины отсутствия института банкротства в СССР:

Ключевая причина – официальная марксистско-ленинская доктрина. Банкротство и несостоятельность считались пороками, присущими исключительно антагонистическому капиталистическому способу производства, основанному на конкуренции, кризисах перепроизводства и эксплуатации. В социалистическом хозяйстве, по идее, таких явлений быть не могло. Экономика СССР управлялась не рыночными механизмами, а государственным планом (Госплан). Предприятия не конкурировали друг с другом, они выполняли плановые задания. Не было рынка, который бы определял конкуренцию.

Убыточные предприятия не закрывались. Они получали постоянную государственную поддержку (дотации, списание долгов, плановые кредиты). Их проблема считалась не финансовой, а производственной, и решалась кадровыми или административными методами (смена директора, изменение плана). Поскольку средства производства принадлежали государству, банкротство предприятия по сути означало бы банкротство государства самого перед собой, что было юридическим и идеологическим нонсенсом.

Хотя формального закона о банкротстве не существовало, для борьбы с хронически убыточными предприятиями использовались другие механизмы. Например, передача предприятия под управление более успешного (часто вышестоящего) объединения или министерства для его «оздоровления». Решение о реорганизации или ликвидации принималось в административном порядке органами государственного управления. Это был не судебный, а властный акт. За «выпуск недоброкачественной продукции», «приписки» или «разбазаривание государственных средств» могла наступать не финансовая, а уголовная ответственность для руководителей.

Процесс возрождения законодательства о банкротстве начался еще до распада СССР с началом рыночных реформ. В 1992 году принят первый российский закон о несостоятельности (банкротстве) – Закон РФ № 3929–1 от 19 ноября 1992 г. «О несостоятельности (банкротстве) предприятий». Это был очень «сырой» и ограниченный акт. Затем последовали более проработанные законы 1998 года, 2002 года и действующий в настоящее время Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N 127-ФЗ, который постоянно обновляется и дополняется¹.

В 1998 году в России был принят новый, более совершенный закон о банкротстве, который заменил неудачный закон 1992 года. Новый закон дал более широкое определение несостоятельности, детально прописал процедуры банкротства и был ориентирован в первую очередь на защиту интересов кредиторов, за что получил название «прокредиторского». Закон 1992 года имел «многочисленные недостатки», что стало причиной для принятия нового акта. Неспособность оплатить товары/услуги и обязательные платежи в бюджет из-за превышения обязательств над имуществом или неудовлетворительной структуры баланса. Это определение было более узким и формальным (опиралось на структуру баланса).

В акте 1998 г. признанная судом или объявленная должником неспособность погасить денежные обязательства и/или уплатить обязательные платежи. Это определение более общее и гибкое, так как основано на факте неплатежа, а не на анализе баланса. Новый закон детализировал порядок рассмотрения дел и четко закрепил стадии (процедуры) банкротства. Закон 1998 года был явно ориентирован на защиту прав кредиторов, что в юридической доктрине характеризуется как «прокредиторский»².

Причины принятия нового закона (2002 г.) заключались в ликвидации пробелов в предыдущем законодательстве и необходимость привести его в соответствие с изменившимися экономическими и правовыми реалиями России. Задачей было не только исключить неплатежеспособные компании из оборота (ликвидация), но и дать им шанс на восстановление под контролем суда и кредиторов. Необходимо было обеспечить баланс интересов всех участников процесса (должника, кредиторов, государства).

Произошли изменения процедуры возбуждения дела: упрощение или ужесточение критериев для начала процесса, что сделало его более доступным или, наоборот, защищенным от злоупотреблений. Предоставление участникам (в первую очередь, кредиторам) инструментов для влияния на стоимость и судьбу конкурсной массы (имущества должника) повысило прозрачность и эффек-

тивность процесса. Четкая регламентация процедуры заключения мировой сделки сделало этот институт более рабочим и защищенным от оспаривания. Создание саморегулируемых организаций арбитражных управляющих перевело контроль над профессиональной деятельностью управляющих с государства на профессиональное сообщество, что должно было повысить качество и ответственность управляющих.

Введение новой процедуры – финансовое оздоровление – позволило предприятию-должнику восстановить платежеспособность до признания его банкротом и фактически «выздороветь».

В настоящее время Верховный Суд обеспечивает единообразие судебной практики по всей стране путем издания обзоров практики и постановлений. Это критически важно для предсказуемости и стабильности применения сложных норм о банкротстве.

В условиях современности Гражданский кодекс РФ закладывает основы, Арбитражный процессуальный кодекс РФ регулирует судебную процедуру. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» 2002 г. (основной закон) и специальные законы (например, о банкротстве кредитных организаций, градообразующих предприятий и т.д.) являются основополагающими в построении процесса банкротства. Постановления Правительства, приказы министерств и ведомств регулируют более конкретные вопросы.

Таким образом, институт банкротства создает основу для стабильности, доверия и динамичного развития, превращая потенциально разрушительный процесс краха бизнеса в управляемый, правовой механизм оздоровления экономики в целом.

Институт несостоятельности (банкротства) является одним из наиболее востребованных и динамично развивающихся элементов правовой системы Российской Федерации. Его значимость обусловлена комплексным характером, затрагивающим интересы широкого круга участников экономического оборота – от крупнейших корпораций до индивидуальных предпринимателей и физических лиц. Стремительные преобразования в экономической и политической сферах жизни общества напрямую влияют на эволюцию законодательства о банкротстве, требуя его постоянного совершенствования. Недостатки и пробелы в правовом регулировании данного института немедленно порождают негативные последствия для экономики, выражающиеся в росте числа недобросовестных банкротств, снижении уровня доверия контрагентов и увеличении кредитных рисков.

Литература

1. Бозрикова Е.Д. История развития законодательства о банкротстве в Российской Федерации и зарубежных странах // Правосудие/Justice. 2023. Т. 5, № 4. С. 76–95.
2. Владимирский-Буданов О.И. Обзор истории русского права. М.: Директ-Медиа, 2012. 340 с.

¹ Телюкина М.В. Развитие законодательства о несостоятельности и банкротстве // Юрист. 1997. № 11. С. 47

² Немцева О.И. Исторический анализ законодательства о несостоятельности и банкротстве в РФ конца XX века // Вологодские чтения. 2006. № 58. С. 77

3. Гартина Ю.А. Институт банкротства в российском законодательстве: исторические и теоретические аспекты // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2023. Т. 11, № 3. С. 24–32.
4. Гонорский А.С. Развитие законодательства о несостоятельности (банкротстве) в России // Форум молодых ученых. 2020. № 7 (47). С. 52–57.
5. Исих Л.В. Банкротство и финансовое оздоровление. М.: Дело и сервис, 2021. 272 с.
6. Немцева О.И. Исторический анализ законодательства о несостоятельности и банкротстве в РФ конца XX века // Вологодские чтения. 2006. № 58. С. 77–85.
7. Правовые основы несостоятельности (банкротства): учебное пособие для вузов / под ред. В.В. Кулакова. М.: Юрайт, 2023. 308 с.
8. Тарасенко Ю.А. Эволюция института фиктивного банкротства в российском дореволюционном законодательстве // Журнал российского права. 2020. № 2. С. 21–28.
9. Телюкина М.В. Развитие законодательства о несостоятельности и банкротстве // Юрист. 1997. № 11. С. 47–48.
10. Шувалов И.И. Институт банкротства и его роль в период социально-экономического кризиса // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 12. С. 98–107.

EVOLUTION OF BANKRUPTCY LEGISLATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Agadadashev T.A.

Moscow University of Finance and Law

This article examines the evolution of bankruptcy legislation in the Russian Federation. The article touches upon a very relevant and

complex topic. This article examines the features of the development of the bankruptcy institution in Russia. The purpose of the work is to identify historical patterns and mutual influences of national legislation. The methodological basis of the study was made up of comparative legal, historical-legal and legal methods. As a result of the analysis, a direct relationship was established between the economic development of the state and the evolution of its law. The bankruptcy institution is dynamic and directly depends on the economic course of the state. It performs the crucial function of a “market cleaner”, contributing to its recovery and protecting the rights of bona fide participants. At the moment, there is no universal, ideal model of bankruptcy law suitable for all legal and economic systems. Each state goes its own way, adapting world experience to national characteristics.

Keywords: legislation, bankruptcy, evolution, economy, state, commercial activity.

References

1. Bozrikova E.D. History of the development of bankruptcy legislation in the Russian Federation and foreign countries // Justice. 2023. Vol. 5, No. 4. Pp. 76–95.
2. Vladimirovsky-Budanov O.I. Review of the history of Russian law. Moscow: Direct-Media, 2012. 340 p.
3. Gartina Yu.A. Bankruptcy Institute in Russian Legislation: Historical and Theoretical Aspects // Electronic Scientific Journal “Science. Society. State”. 2023. Vol. 11, No. 3. Pp. 24–32.
4. Gonorsky A.S. Development of Insolvency (Bankruptcy) Legislation in Russia // Forum of Young Scientists. 2020. No. 7 (47). Pp. 52–57.
5. Isik L.V. Bankruptcy and financial recovery. Moscow: Business and service, 2021. 272 p.
6. Nemtseva O.I. Historical analysis of the legislation on insolvency and bankruptcy in the Russian Federation at the end of the twentieth century // Vologda readings. 2006. No. 58. Pp. 77–85.
7. Legal basis for insolvency (bankruptcy): a textbook for universities / edited by V.V. Kulakov. Moscow: Yurait, 2023. 308 p.
8. Tarasenko Yu.A. Evolution of the institution of fictitious bankruptcy in Russian pre-revolutionary legislation // Journal of Russian Law. 2020. No. 2. Pp. 21–28.
9. Telyukina M.V. Development of legislation on insolvency and bankruptcy // Jurist. 1997. No. 11. Pp. 47–48.
10. Shuvalov I.I. The institution of bankruptcy and its role during the socio-economic crisis // Journal of Russian Law. 2021. Vol. 25, No. 12. Pp. 98–107.

Модели организации местного самоуправления в конституциях государств-участников СНГ: типология и особенности

Белоусов Виктор Павлович,

стажер-исследователь, ЧОУ ВО «Юридический институт»
E-mail: vitto-13@mail.ru

В статье исследуются модели организации местного самоуправления, закрепленные в конституциях государств-участников СНГ, проводится их типологический анализ и выявляются характерные особенности. Рассматриваются процессы государственного строительства на постсоветском пространстве в контексте поиска оптимальных форм организации публичной власти на местном уровне. Анализируется влияние международно-правовых стандартов и национальных традиций государственного управления на формирование различных моделей муниципальной организации. Автор выделяет четыре основных типа конституционных моделей местного самоуправления: государственно-административную, смешанную, муниципальную и переходную, каждая из которых характеризуется специфическими особенностями правового регулирования и практической реализации. Особое внимание уделяется влиянию унитарной формы государственного устройства на организацию местного самоуправления в странах СНГ и сохранению элементов советской системы управления. Исследуется противоборство тенденций централизации и децентрализации государственной власти в процессе развития муниципального управления. Обосновывается необходимость учета национальных особенностей при реформировании систем местного самоуправления и выработки практических рекомендаций по совершенствованию конституционных моделей с учетом международного опыта.

Ключевые слова: местное самоуправление, конституционные модели, государства СНГ, типология, постсоветское пространство, муниципальная организация, унитарное государство, централизация, децентрализация, государственно-административная модель, смешанная модель, муниципальная модель, переходная модель, патерналистская модель.

Процессы государственного строительства на постсоветском пространстве характеризуются поиском оптимальных моделей организации публичной власти, в том числе на местном уровне. Местное самоуправление как институт народовластия и форма осуществления власти населением приобретает особое значение в контексте демократизации общественных отношений в государствах-участниках Содружества Независимых Государств (СНГ).

Конституционное закрепление принципов местного самоуправления в странах СНГ происходило под влиянием международно-правовых стандартов, однако национальные особенности правопонимания и традиции государственного управления наложили существенный отпечаток на формирование различных моделей муниципальной организации. Изучение типологии и особенностей организации местного самоуправления в конституциях государств-участников СНГ представляет значительный научный и практический интерес для понимания закономерностей развития местной демократии в условиях переходного периода.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа эффективности различных конституционных моделей местного самоуправления и выявления факторов, определяющих их специфику в условиях различных форм государственного устройства и политических режимов.

Анализ конституционного законодательства государств-участников СНГ свидетельствует о том, что форма государства оказывает определяющее влияние на формирование национальной модели местного самоуправления и степень участия органов местного самоуправления в решении вопросов местного значения [1].

Все государства-участники СНГ, за исключением Российской Федерации, являются унитарными государствами, что предопределяет специфику организации местного самоуправления в данных странах. В большинстве унитарных государств СНГ реализуется модель с жесткой централизацией государственной власти, в которой органам местного самоуправления отводится роль политического помощника центральной власти [2].

Унитарная форма государственного устройства в странах СНГ характеризуется следующими особенностями организации местного самоуправления:

1. Ограниченная автономия муниципальных образований. Конституционные нормы большинства унитарных государств СНГ не предусматривают широкой самостоятельности органов местного са-

моуправления в решении вопросов местного значения.

2. Преобладание делегированных полномочий. Значительная часть компетенции органов местного самоуправления формируется за счет делегированных государственных полномочий, что обеспечивает центральной власти возможность контроля над деятельностью муниципальных органов.

3. Финансовая зависимость от центра. Конституционные принципы финансовой самостоятельности местного самоуправления в большинстве случаев не подкреплены эффективными механизмами формирования местных бюджетов [3].

Господство централизованной модели в понимании сущности местного самоуправления в большинстве стран-участниц Содружества объясняется традиционным пониманием сущности государственной власти, стремлением центральной власти контролировать максимально возможное число источников государственных доходов и общественных отношений [4]. Это приводит к инфантильному отношению населения к органам местного самоуправления, негативному отношению к результатам их деятельности и восприятию органов государственного управления как единственной силы, способной решать вопросы местного значения.

Исключение из общей тенденции составляет Республика Туркменистан, в которой построена новая система местного самоуправления, близкая по своей правовой основе к международным стандартам местного самоуправления и системе местного самоуправления, существующей в Российской Федерации [5].

Туркменская модель характеризуется:

- Конституционным закреплением принципа самостоятельности местного самоуправления.
- Расширенными полномочиями органов местного самоуправления в решении вопросов местного значения.
- Развитой системой муниципальной собственности.
- Механизмами финансового обеспечения деятельности органов местного самоуправления.

Российская Федерация как федеративное государство демонстрирует иную модель организации местного самоуправления, характеризующуюся большей степенью децентрализации. Конституция РФ закрепляет местное самоуправление как самостоятельную форму осуществления власти народом, что создает правовые предпосылки для развития муниципальной демократии [6].

На основе анализа конституционного законодательства государств-участников СНГ можно выделить несколько типов моделей местного самоуправления, различающихся по степени централизации/децентрализации власти и объему полномочий муниципальных органов.

Данная модель характерна для Республики Казахстан, Республики Узбекистан, Республики Таджикистан. Основными чертами этой модели являются:

1. Подчиненность органов местного самоуправления государственным органам. Конституционные нормы данных государств не предусматривают четкого разграничения полномочий между органами государственной власти и местного самоуправления.

2. Назначаемость руководителей местного самоуправления. В большинстве случаев руководители местного самоуправления назначаются высшими органами власти, что противоречит принципу выборности, закрепленному в международных стандартах [7].

3. Ограниченная финансовая самостоятельность. Органы местного самоуправления не обладают достаточными финансовыми ресурсами для самостоятельного решения вопросов местного значения.

Смешанная модель реализуется в Республике Беларусь, Республике Армения, Азербайджанской Республике. Характерными особенностями данной модели являются:

1. Сочетание выборных и назначаемых элементов. Часть органов местного самоуправления формируется на выборной основе, часть – назначается государственными органами.

2. Комбинирование собственных и делегированных полномочий. Органы местного самоуправления обладают как собственными полномочиями по решению вопросов местного значения, так и делегированными государственными полномочиями [8].

3. Ограниченная самостоятельность в рамках государственного контроля. Деятельность органов местного самоуправления осуществляется под контролем государственных органов, но при этом сохраняется определенная степень самостоятельности.

Муниципальная модель наиболее близка к международным стандартам местного самоуправления и реализуется в Российской Федерации и Туркменистане. Основные характеристики:

1. Самостоятельность в пределах полномочий. Органы местного самоуправления самостоятельно решают вопросы местного значения в пределах, установленных законом.

2. Выборность органов местного самоуправления. Представительные органы местного самоуправления формируются на выборной основе.

3. Муниципальная собственность и местные бюджеты. Наличие экономической основы местного самоуправления в виде муниципальной собственности и местных бюджетов [9].

Переходная модель местного самоуправления, которая получила распространение в Украине, Республике Молдова, Грузии и Кыргызской Республике, отличается принципиальной нестабильностью правового регулирования и систематическими трансформациями в организационной структуре муниципального управления. Данная модель характеризуется динамичными и зачастую кардинальными изменениями в конституционном и законодательном регулировании сферы

местного самоуправления, что создает неопределенность в правовом поле и затрудняет формирование устойчивых институциональных механизмов муниципального управления. Существенной проблемой переходной модели является сохраняющаяся политическая зависимость органов местного самоуправления от центральных и региональных органов государственной власти, что противоречит принципам автономности и самостоятельности муниципальных образований. Кроме того, для данной модели характерны постоянные конфликты и противоречия между различными уровнями публичной власти, обусловленные нечеткостью разграничения полномочий и компетенций, а также отсутствием эффективных механизмов координации межуровневого взаимодействия.

Наличие общих черт в построении национальных моделей местного самоуправления в странах Содружества объясняется их стремлением отразить в законодательстве демократические начала в управлении территориями с целью приведения национального законодательства в соответствие с международно-правовыми стандартами местного самоуправления [10].

Определенное влияние на формирование системы органов местного самоуправления оказывает общая история. В большинстве стран-участниц Содружества в понимании местного самоуправления реанимируется советская система органов власти, где на низшем уровне органы формировались на основе принципа народовластия, а на более высоких уровнях органы советской власти становились органами государственной власти [11].

В ряде стран-участниц СНГ собственная модель местного самоуправления представляет собой реформированную советскую систему с использованием терминологии государственного языка. Это проявляется в следующих аспектах:

1. Сохранение иерархической подчиненности. Органы местного самоуправления рассматриваются как часть единой системы государственной власти.

2. Преобладание исполнительских функций. Основной акцент делается на исполнении решений вышестоящих органов власти.

3. Ограниченная роль представительных органов. Представительные органы местного самоуправления играют формальную роль в принятии решений [12].

Особенности конституционно-правового статуса органов местного самоуправления объясняются тем, какая модель – централизованная или децентрализованная – нормативно определена национальным законодательством. Отсутствие конфликта интересов государственной власти и местного населения объясняется патерналистским началом в понимании населением сущности государственной власти [13].

Патерналистская модель властеотношений предполагает:

- Восприятие государства как заботливого опекуна.

- Ожидание решения всех проблем от центральной власти.
- Низкую гражданскую активность на местном уровне.
- Инфантильное отношение к местному самоуправлению.

Исключение составляет Кыргызстан, где с заведомым постоянством происходят народные и этнические волнения. Однако следует отметить, что интересы местного самоуправления в таких ситуациях имеют второстепенное значение, поскольку конфликты носят преимущественно политический характер [14].

Анализ развития национального законодательства о местном самоуправлении в странах-участницах СНГ позволяет сделать вывод о постоянной борьбе двух тенденций: централизации государственного управления с одновременным уменьшением роли муниципального управления в реализации задач управления территориями, с одной стороны, и процесса децентрализации власти с наделением органов местного самоуправления широкими полномочиями – с другой [15].

Централизация государственной власти с одновременным процессом уменьшения роли органов местного самоуправления в общественных отношениях на местах и в решении вопросов местного значения представляется изжившей себя моделью организации местного самоуправления даже в государствах с унитарной формой государственности [16].

Основные проблемы централизованной модели:

1. Бюрократизация управления. Практика огосударствления решения вопросов местного значения приводит к появлению сложной бюрократической структуры, что не способствует оперативности в решении проблем на низовом уровне административно-территориальных единиц.

2. Отсутствие учета местных особенностей. Централизованное принятие решений не позволяет в полной мере учитывать специфику местных условий и потребности населения.

3. Снижение эффективности управления. Концентрация полномочий на центральном уровне приводит к перегрузке центральных органов власти и снижению качества управленческих решений [17].

В большинстве случаев процессы децентрализации государственного управления на местах постепенно сворачиваются, и реанимируется централизованная система управления, иногда даже в больших масштабах, чем в дореформенный период [18].

Причины неустойчивости децентрализации:

- Отсутствие политической воли центральной власти.
- Недостаточность финансовых ресурсов у органов местного самоуправления.
- Низкая правовая культура населения.
- Страх центральной власти перед потерей контроля.

Одной из проблемных тенденций в развитии местного самоуправления в странах СНГ является практика привлечения общественных организаций к решению вопросов местного значения и придания им статуса органов местного самоуправления [19].

Привлечение общественных организаций к решению вопросов местного значения и придание им статуса органов местного самоуправления следует признать недопустимой практикой, поскольку их гражданско-правовой и административно-правовой статус не предполагает наделения их властными полномочиями, которые необходимы при решении вопросов местного значения [20].

Анализ правовых аспектов привлечения общественных организаций к осуществлению функций местного самоуправления выявляет ряд фундаментальных проблем, препятствующих придания им статуса муниципальных органов. Прежде всего, следует отметить отсутствие у общественных организаций публично-правового статуса, поскольку они функционируют в качестве субъектов частного права и, следовательно, не обладают полномочиями по осуществлению властных полномочий, которые являются неотъемлемой характеристикой органов местного самоуправления.

Не менее значимой представляется проблема демократической легитимности общественных организаций, которая обусловлена особенностями их формирования. В отличие от органов местного самоуправления, образуемых на основе принципов всеобщего избирательного права, общественные организации создаются и функционируют на основе членства, что не обеспечивает им необходимой демократической легитимности для осуществления публично-властных функций [21].

Вместе с тем, это не исключает возможности участия общественных организаций в деятельности системы местного самоуправления в качестве вспомогательного элемента, при условии четкого нормативного определения их административно-правового статуса и функций. В данном контексте представляется целесообразным развитие следующих форм взаимодействия: осуществление консультативно-совещательных функций при органах местного самоуправления, что позволяет использовать экспертный потенциал гражданского общества; участие в системе общественного контроля за деятельностью муниципальных органов, способствующее повышению прозрачности и подотчетности местной власти; реализация социальных проектов в рамках механизмов социального партнерства, обеспечивающая дополнительные ресурсы для решения социально значимых задач; а также активное участие в публичных слушаниях и иных формах общественного участия в принятии муниципальных решений.

Конституционно-правовые основы местного самоуправления в Российской Федерации минимально учитываются при формировании национальных законодательств о местном самоуправлении в странах СНГ, так же, как и нормы Модельных за-

конов, разрабатываемых и принимаемых Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ [22].

Предполагаемая в первые годы существования Содружества унификация законодательств стран-участниц СНГ, в том числе в сфере местного самоуправления, не была реализована. Основные причины:

1. Принцип национального суверенитета. Построение национальных моделей местного самоуправления опирается на признание безусловного суверенитета стран Содружества в реализации своей внутренней политики и недопустимости внешнего влияния на формирование национального законодательства [23].

2. Национально-традиционалистские различия. Учитывая современное отношение стран-участниц СНГ к международно-правовым актам, устанавливающим единые принципы построения системы местного самоуправления, как к попытке вмешательства в развитие национального законодательства, унификационную модель следует признать нежизнеспособной ввиду явных национально-традиционалистских различий.

3. Общий характер модельных актов. Модельные законы представляют собой акты наиболее общего характера и не учитывают специфику национальных правовых систем [24].

Вместо унификации представляется более целесообразным развитие следующих форм сотрудничества:

- Обмен опытом правового регулирования.
- Проведение сравнительных исследований.
- Разработка общих принципов при сохранении национальной специфики.
- Создание консультативных механизмов взаимодействия.

Анализ современного состояния и тенденций развития местного самоуправления в странах СНГ позволяет определить основные направления совершенствования конституционных моделей.

Действенность той или иной модели в странах СНГ определяется, во-первых, отношением к сущности государственной власти и, во-вторых, наличием или отсутствием в руках органов местного самоуправления материально-финансовой базы для решения задач местного значения [25].

Основные направления реформирования:

1. Расширение самостоятельности органов местного самоуправления. Необходимо четкое разграничение полномочий между уровнями власти и закрепление за органами местного самоуправления исключительной компетенции по решению вопросов местного значения.

2. Укрепление финансовой основы местного самоуправления. Создание эффективной системы местных налогов и сборов, обеспечение стабильных источников доходов местных бюджетов.

3. Развитие институтов муниципальной демократии. Расширение форм участия населения в местном самоуправлении, развитие институтов общественного контроля [26].

Проведенный анализ конституционных моделей местного самоуправления в государствах-участниках СНГ позволяет сделать следующие выводы:

1. Форма государства оказывает определяющее влияние на организацию местного самоуправления. В унитарных государствах СНГ преобладает централизованная модель, ограничивающая самостоятельность органов местного самоуправления.

2. Можно выделить четыре основных типа конституционных моделей: государственно-административную, смешанную, муниципальную и переходную, каждая из которых имеет свои особенности и проблемы.

3. Историческое наследие советской системы управления и патерналистские традиции оказывают существенное влияние на формирование современных моделей местного самоуправления в странах СНГ, что часто приводит к формальному характеру муниципальной демократии.

4. Попытки унификации законодательства о местном самоуправлении в рамках СНГ оказались неэффективными в силу принципа национального суверенитета и значительных различий в правовых традициях государств-участников.

5. Централизованная модель организации местного самоуправления демонстрирует свою неэффективность, приводя к бюрократизации управления и снижению качества решения вопросов местного значения.

6. Привлечение общественных организаций в качестве органов местного самоуправления является недопустимой практикой, нарушающей принципы публично-правового статуса муниципальных органов.

7. В странах-участницах СНГ конституционно-правовые основы местного самоуправления формируются на основе декларирования демократических принципов построения властных отношений, что находит отражение как в конституционных положениях, так и в национальном законодательстве о местном самоуправлении [27]. Однако декларирование демократических принципов не приводит к их реальному соблюдению в практике нормативного обеспечения создания и функционирования системы органов местного самоуправления, поскольку сохраняется система государственного регулирования решений вопросов местного значения в условиях отсутствия действенной системы финансирования деятельности органов местного самоуправления [28].

Перспективы развития местного самоуправления в странах СНГ обуславливаются комплексом взаимосвязанных факторов, требующих системного подхода к их реализации. Первостепенное значение имеет преодоление формального подхода к конституционному закреплению принципов местного самоуправления, что предполагает создание действенных правовых механизмов их практической реализации. Существенной проблемой остается формирование эффективных механизмов финансового обеспечения деятельности органов

местного самоуправления, без которых невозможно обеспечить их функциональную автономию и способность решать вопросы местного значения.

Немаловажным аспектом является развитие правовой культуры населения и повышение его активности в решении вопросов местного значения, что требует создания соответствующих образовательных и информационных программ. Процесс постепенной децентрализации управления должен осуществляться с учетом национальных особенностей каждого государства, избегая механического копирования зарубежных моделей.

Дальнейшие научные исследования в данной области целесообразно направить на выработку практических рекомендаций по совершенствованию конституционных моделей местного самоуправления с учетом международного опыта и национальной специфики государств-участников СНГ. Особую актуальность приобретает изучение возможностей адаптации европейских стандартов местного самоуправления к условиям постсоветских государств без утраты их национальной идентичности. Важным направлением научных изысканий представляется анализ влияния процессов региональной интеграции на развитие местного самоуправления в странах СНГ, включая исследование перспектив создания общих стандартов муниципального управления при сохранении уникальных характеристик каждого государства.

Литература

1. Авакьян С.А. Конституционное право России: учебный курс. В 2 т. Т. 2. М.: Норма, 2017. 912 с.
2. Бабичев И.В. Муниципальное право России: учебник. М.: Норма, 2018. 432 с.
3. Васильев В.И. Местное самоуправление: закономерности и проблемы развития. М.: Юрист, 2019. 324 с.
4. Выдрин И.В. Муниципальное право России: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2018. 331 с.
5. Государственное строительство и право в странах СНГ: сравнительно-правовое исследование / под ред. А.С. Автономова. М.: ИНИОН РАН, 2017. 456 с.
6. Конституционное право России: учебник / под ред. Б.С. Эбзеева, А.С. Прудникова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019. 687 с.
7. Кутафин О.Е., Фадеев В.И. Муниципальное право Российской Федерации: учебник. М.: Проспект, 2018. 672 с.
8. Чихладзе Л.Т. Особенности организации местного самоуправления и местного управления в государствах-участниках СНГ на современном этапе // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 2. С. 92–96.
9. Белоусов В.П. Конституционные реформы и правовые основы местного самоуправления в странах СНГ В 2020–2023 гг.: Новации или стремление закрепить существующее положение

ние // Теория и практика общественного развития. 2023. № 8 (184). С. 252–256.

10. Белоусов В.П. Эволюция конституционно-правовых принципов местного самоуправления в странах СНГ: от международных стандартов к национальным моделям // Образование и право. 2024. № 12. С. 24–28.
11. Худолей, К.М. Конституционные принципы организации местного самоуправления в странах СНГ и Балтии / К.М. Худолей, Д.М. Худолей // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2013. – № 3. – С. 5–12.
12. Абазов, А.Б. Порядок принятия правовых актов представительными органами местного самоуправления / А.Б. Абазов // Теория и практика общественного развития. – 2016. – № 5. – С. 105–106.
13. Балыхин А.Г. Основные подходы к реализации местной власти в странах СНГ с позиций эффективной деятельности // ПСЭ. 2011. № 1. С. 409–410
14. Ташиева М.З. Межэтнические (межнациональные) конфликты в Кыргызской Республике // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhetnicheskie-mezhnatsionalnye-konflikty-v-kyrgyzskoy-respublike> (дата обращения: 27.06.2025).
15. Белоусов В.П. Реализация международно-правовых принципов организации местного самоуправления в странах СНГ на современном этапе // Образование и право. 2024. № 4. С. 165–170.
16. Фадеев В.И. Муниципальное право России: учебник. М.: Проспект, 2019. 336 с.
17. Севрук, В.Е. Трансформация управления – централизация или децентрализация / В.Е. Севрук, А.В. Вдовин, В.В. Карпович // Военная мысль. – 2021. – № 8. – С. 71–79.
18. Климанов, В. В. О принципах территориального подхода в системе государственного управления / В.В. Климанов // Общественные финансы. – 2023. – № 45. – С. 33–41.
19. Проблемы и перспективы развития местного самоуправления в Российской Федерации и зарубежных странах: сборник материалов Всероссийской конференции с международным участием. Москва, РУДН, 25–29 апреля 2022 г. / под ред. д.ю.н., проф. Л.Т. Чихладзе, к.ю.н. Е.Ю. Комлева. – Москва: РУДН, 2022. – 411 с.
20. Юридическая энциклопедия муниципального права / под ред. С.Е. Чанова. М.: Норма, 2019. 896 с.
21. Яновский В.В. Введение в специальность «Государственное и муниципальное управление»: учебное пособие. СПб.: Лань, 2017. 180 с.
22. Европейская хартия местного самоуправления (совершено в Страсбурге 15.10.1985) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 36. Ст. 4466.

23. Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках Содружества Независимых Государств (принята в г. Кишиневе 07.10.2002) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ. 2003. № 30. С. 78–96.
24. Модельный закон «Об основах местного самоуправления» (принят в г. Санкт-Петербурге 29.10.1994 постановлением 4–5 на 4-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ. 1995. № 6. С. 3–33.
25. Рекомендации по совершенствованию правового регулирования местного самоуправления в государствах-участниках СНГ (приняты в г. Санкт-Петербурге 25.11.2005 постановлением 26–8 на 26-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ. 2006. № 37. С. 234–267.
26. Конституция Азербайджанской Республики (принята всенародным голосованием 12.11.1995) // Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики. URL: <https://president.az/articles/constitution> (дата обращения: 15.11.2023).
27. Конституция Республики Армения (принята всенародным голосованием 05.07.1995, с изменениями от 06.12.2015) // Официальный сайт Национального Собрания Республики Армения. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1&lang=rus> (дата обращения: 27.06.2025).
28. Конституция Республики Беларусь (принята на республиканском референдуме 24.11.1996, с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 17.10.2004 и 27.02.2022) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 27.06.2025).

MODELS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT ORGANIZATION IN THE CONSTITUTIONS OF CIS MEMBER STATES: TYPOLOGY AND FEATURES

Belousov V.P.
Law Institute

The article examines models of local self-government organization enshrined in the constitutions of the CIS member states, providing a typological analysis and identifying their distinctive features. It considers state-building processes in the post-Soviet space in the context of searching for optimal forms of public authority organization at the local level. The influence of international legal standards and national traditions of state governance on the formation of various municipal organization models is analyzed. The author distinguishes four main types of constitutional models of local self-government: state-administrative, mixed, municipal, and transitional, each characterized by specific features of legal regulation and practical imple-

mentation. Special attention is paid to the impact of the unitary state structure on the organization of local self-government in CIS countries and the preservation of elements of the Soviet management system. The article explores the confrontation between tendencies of centralization and decentralization of state power in the development of municipal governance. The necessity of considering national particularities when reforming local self-government systems and developing practical recommendations for improving constitutional models based on international experience is substantiated.

Keywords: local self-government, constitutional models, CIS states, typology, post-Soviet space, municipal organization, unitary state, centralization, decentralization, state-administrative model, mixed model, municipal model, transitional model, paternalistic model.

References

1. Avakyan S.A. Constitutional Law of Russia: A Course of Study. In 2 Volumes. Volume 2. Moscow: Norma, 2017. 912 p.
2. Babichev I.V. Municipal Law of Russia: A Textbook. Moscow: Norma, 2018. 432 p.
3. Vasiliev V.I. Local Self-Government: Patterns and Problems of Development. Moscow: Yurist, 2019. 324 p.
4. Vydrin I.V. Municipal Law of Russia: A Textbook for the Academic Bachelor's Degree. Moscow: Yurait, 2018. 331 p.
5. State Construction and Law in the CIS Countries: A Comparative Legal Study / edited by A.S. Avtonomov. Moscow: INION RAS, 2017. 456 p.
6. Constitutional law of Russia: textbook / edited by B.S. Ebzeev, A.S. Prudnikov. Moscow: UNITY-DANA, 2019. 687 p.
7. Kutafin O.E., Fadeev V.I. Municipal law of the Russian Federation: textbook. Moscow: Prospect, 2018. 672 p.
8. Chikhladze L.T. Features of the organization of local self-government and local government in the CIS member states at the present stage // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 2. P. 92–96.
9. Belousov V.P. Constitutional reforms and legal foundations of local self-government in the CIS countries in 2020–2023: Innovations or the desire to consolidate the existing situation // Theory and practice of social development. 2023. No. 8 (184). P. 252–256.
10. Belousov V.P. Evolution of constitutional and legal principles of local self-government in the CIS countries: from international standards to national models // Education and Law. 2024. No. 12. P. 24–28.
11. Khudoley, K.M. Constitutional principles of local self-government organization in the CIS and Baltic countries / K.M. Khudoley, D.M. Khudoley // Electronic supplement to the Russian Law Journal. – 2013. – No. 3. – P. 5–12.
12. Abazov, A.B. Procedure for the adoption of legal acts by representative bodies of local self-government / A.B. Abazov // Theory and practice of social development. – 2016. – No. 5. – P. 105–106.
13. Balykhin A.G. Basic approaches to the implementation of local government in the CIS countries from the standpoint of effective activity // PSE. 2011. No. 1. P. 409–410
14. Tashiev M.Z. Interethnic (inter-ethnic) conflicts in the Kyrgyz Republic // Social and humanitarian knowledge. 2012. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhetnicheskie-mezhnatsionalnye-konflikty-v-kyrgyzskoy-respublike> (date of access: 06/27/2025).
15. Belousov V.P. Implementation of international legal principles of local self-government organization in the CIS countries at the present stage // Education and Law. 2024. No. 4. P. 165–170.
16. Fadeev V.I. Municipal Law of Russia: Textbook. Moscow: Prospect, 2019. 336 p.
17. Sevruc, V.E. Transformation of Management – Centralization or Decentralization / V.E. Sevruc, A.V. Vdovin, V.V. Karpovich // Military Thought. – 2021. – No. 8. – P. 71–79.
18. Klimanov, V.V. On the Principles of the Territorial Approach in the Public Administration System / V.V. Klimanov // Public Finances. – 2023. – No. 45. – P. 33–41.
19. Problems and Prospects for the Development of Local Self-Government in the Russian Federation and Foreign Countries: Collection of Materials of the All-Russian Conference with International Participation. Moscow, RUDN University, April 25–29, 2022 / edited by Doctor of Law, Prof. L.T. Chikhladze, Ph.D. (Law). E. Yu. Komleva. – Moscow: RUDN, 2022. – 411 p.
20. Legal Encyclopedia of Municipal Law / edited by S.E. Chanov. Moscow: Norma, 2019. 896 p.
21. Yanovsky V.V. Introduction to the Specialty “State and Municipal Administration”: a textbook. St. Petersburg: Lan, 2017. 180 p.
22. European Charter of Local Self-Government (done in Strasbourg on 15.10.1985) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 36. Art. 4466.
23. Convention on the Standards of Democratic Elections, Electoral Rights and Freedoms in the Member States of the Commonwealth of Independent States (adopted in Chisinau on 07.10.2002) // Information Bulletin. Interparliamentary Assembly of Member Nations of the CIS. 2003. No. 30. P. 78–96.
24. Model Law “On the Fundamentals of Local Self-Government” (adopted in St. Petersburg on 29.10.1994 by Resolution 4–5 at the 4th Plenary Session of the Interparliamentary Assembly of Member Nations of the CIS) // Information Bulletin. Interparliamentary Assembly of Member Nations of the CIS. 1995. No. 6. P. 3–33.
25. Recommendations for improving the legal regulation of local self-government in the CIS member states (adopted in St. Petersburg on 25.11.2005 by Resolution 26–8 at the 26th plenary session of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States) // Information Bulletin. Interparliamentary Assembly of the CIS Member States. 2006. No. 37. Pp. 234–267.
26. Constitution of the Republic of Azerbaijan (adopted by popular vote on 12.11.1995) // Official website of the President of the Republic of Azerbaijan. URL: <https://president.az/articles/constitution> (date of access: 15.11.2023).
27. The Constitution of the Republic of Armenia (adopted by popular vote on 05.07.1995, with amendments of 06.12.2015) // Official website of the National Assembly of the Republic of Armenia. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1&lang=rus> (date of access: 27.06.2025).
28. The Constitution of the Republic of Belarus (adopted by national referendum on 05.07.1995, with amendments of 06.12.2015) // Official website of the National Assembly of the Republic of Armenia. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1&lang=rus> (date of access: 27.06.2025).

Об исполнении поручений Президента Российской Федерации по законодательному расширению участия работников в управлении организацией с учетом опыта Германии

Бережецкая Ольга Сергеевна,

аспирант кафедры трудового права и права социального обеспечения, ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»

E-mail: Bolgas81@yandex.ru

В 2012 году Президентом Российской Федерации В.В. Путиным в неофициальном и официальном порядке были поставлены поручения изучить возможности законодательного расширения участия работников в управлении организацией с опорой на опыт формирования и деятельности производственных (заводских) советов Германии, а в мае 2012 год он воспользовался своим правом законодательной инициативы и Указом № 597 от 7 мая 2012 года поставил задачу в целях расширения участия работников в управлении организациями подготовить предложения по внесению изменений в законодательство Российской Федерации изменений, касающихся создания в организациях производственных советов, а также определения их полномочий. В настоящей статье будет проведен анализ произведенных в исполнение этих поручений законодательных изменений, а также рассмотрен немецкий опыт, на который Президент Российской Федерации В.В. Путин рекомендовал опираться и проведено краткое сравнение с произведенными изменениями.

Ключевые слова: государственная политика, заводские советы, коллегиальные органы, наблюдательные советы, нормативное регулирование, организация, рабочие, правительство, профсоюз, производственные советы, предприятие, рыночная экономика, система, социальное партнерство, социальная политика, трудовые коллективы, управление, условия труда.

13 февраля 2012 года Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин в своем интервью газете «Комсомольская правда», под названием «Строительство справедливости. Социальная политика для России» [1] на третье место по важности поставил проблему квалификации и самочувствия рабочих, которые являются «становым хребтом любой экономики» и поставил задачу вместе с профсоюзами изучить возможности законодательного расширения участия работников в управлении организацией, указав на опыт Германии, в которой широко распространена практика производственных советов. Впоследствии это неофициальное поручение приобрело форму Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики», которым, уже официально, были поставлены задачи по подготовке до 01 декабря 2012 года предложений по внесению в законодательство Российской Федерации изменений, касающихся создания в организациях производственных советов и определения их полномочий, а также по разработке комплекса мероприятий по развитию институтов самоуправления и принятию кодексов профессиональной этики [2].

Следует отметить, что в настоящее время право работников на участие в управлении организацией возведено в самостоятельный принцип трудового права Российской Федерации, который закреплен в статье 2 Трудового кодекса Российской Федерации, что показывает его значимость как при реализации трудовой и социальной политики государства, так и при реализации работниками своих трудовых и социальных прав. При этом, рассматривая материальные и процессуальные нормы Трудового кодекса посвященные участию работников в управлении организаций, можно увидеть не только ряд противоречий, но и отследить фактическую невозможность работникам участвовать в управлении организацией и подмену указанной возможности правом ознакомления с документами, высказыванию своего мнения и правом на участие в заседаниях коллегиального органа организации с правом совещательного голоса и крайне затруднительной возможностью данное право реализовать.

В 2023 году поручение Президента Российской Федерации о создании производственных советов, закрепленное Указом от 7 мая 2012 года № 597, было реализовано посредством внесения 07 мая

2013 года изменений в статью 22 Трудового кодекса, которые давали работодателю право создавать производственный совет, полномочия, а право определять состав, порядок их деятельности и порядок их взаимодействия с работодателем должно было определяться локальным нормативным актом предприятия. Так же были определены границы деятельности производственных советов, которые были ограничены вопросами, не отнесенными к исключительной компетенции органов управления организацией и к компетенции профессиональных союзов различных уровней. И тут мы наблюдаем совершенно поверхностный подход к выработке данного предложения. Посыл Президента Российской Федерации в статье «Комсомольской правды» был направлен не только на формирование производственных советов на предприятия, но и необходимость обращения при подготовке таких предложений к зарубежной практике, в частности к немецкому опыту, который имеет достаточно глубокие корни, широкое распространение и четкую разноуровневую и многоотраслевую систему участия работников в управлении организацией. Она будет рассмотрена ниже и станет основой для анализа действующей в Российском трудовом праве правовой возможности формирования производственных советов, а также имеющийся системе участия работников в управлении организацией в форме их участия в заседаниях коллегиальных органов управления организацией.

Немецкая модель заводских советов отличается прежде всего глубиной проработки, нормативной закреплённостью и полнотой прав, широким кругом вопросов, которые они могут решать, и высокой степенью реального влияния на управленческие процессы. Эта система сформировалась под влиянием массы негативных социально-экономических факторов, вызванных двумя мировыми войнами в результате действительного диалога между властью и бизнесом в целях сохранения социальной стабильности в стране и повышения уровня производительности труда. Важным представляется и тот факт, что решение о необходимости внедрения этой формы производственной демократии принималось работодателями и профсоюзами совместно, так как они были убеждены, что только нивелирование острых социальных и трудовых конфликтов позволит повысить трудовой энтузиазм работников, минимизировать конфликты, вытекающие зачастую в забастовки, минимизировать потери и, как следствие, выйти стране из экономического и социального кризиса.

Законодательная база немецкой модели имеет двухуровневую структуру и основана на Законе о европейских производственных советах, утвержденных Директивой Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2009/38/ЕС от 06 мая 2009 года [3]¹, и на национальном законодательстве. При этом если нормы Европейского со-

юза, относящиеся к данному вопросу, носят достаточно общий характер, то национальное законодательство Германии очень развито и структурировано и охватывает сферу и трудовых и гражданско-правовых отношений.

В части трудовых правовых отношений в далеком 1920 году был принят Закон о производственных советах, оригинальный перевод которого звучит так – Закон «О заводском совете»², который неоднократно изменялся и в настоящее время существует в виде Закона «О представительных органах рабочих на предприятии», или основной закон «О совместном определении компании»³ в редакции 2001 года и поправками к нему от 2024 года. Немецкий закон о заводских советах в редакции 2024 года регулирует полный спектр вопросов – начиная от порядка создания советов, закрепления их полномочий и ответственности на уровне производственных цехов и обеспечивающих подразделений компании, заканчивая материальными и юридическими гарантиями, предоставленными производственным (рабочим) советам для успешной реализации им своих полномочий. Он направлен на защиту прав и интересов работников на рабочих местах и формирования мнения трудового коллектива в целях его обязательного учета при разработке внутренних актов предприятий, регулирующих сферу социально – трудовых отношений.

Немецкие заводские советы полностью состоят из представителей работников, являются выборным органом, а их формирование обязательно на предприятиях, численностью не менее 5 постоянных работников. Это ключевое отличие от новой российской практики, которая ставит формирование производственных советов в полную зависимость от желания работодателя. И только если численность предприятия менее 5 человек, то формирование заводского совета является факультативным правилом. Формируется заводской совет на выборной основе и переизбирается один раз в четыре года за исключением случаев, когда на предприятии отсутствует заводской совет или он расформирован судом; выборы действующего совета опротестованы с положительным эффектом; члены рабочего совета заявили о самоотводе; по истечении 24 месяцев со дня выборов число работников предприятия уменьшилось как минимум на 50 человек; численность рабочего совета с учетом запасных членов ниже требуемого количества. В составе заводского совета должны быть представлены все структурные подразделения предприятия, особенно производственные и обеспечивающие и учтен гендерный принцип – количество женщин в заводском совете должно быть пропорционально количеству женщин на предприятии.

Заслуживает отдельного внимания и тот спектр задач, которые стоят перед заводскими советами, а это: контроль за реализацией и соблюдением

² Betriebsrätegesetz vom 4. Februar 1920 // RGBl. I (1922) 307.

³ Betriebsverfassungsgesetz vom 25.09.2001. § 1, 7, 9 // BGBl. I. URL: https://www.buzer.de/1_BetrVG.htm (дата обращения: 15.05.2025).

¹ Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2009/38/ЕС от 06 мая 2009 года /Официальный журнал Европейского Союза Д 122/28

законодательства, правил и коллективных договоров в сфере охраны труда в интересах работников; рассмотрение предложений работников, формирование на их основании конструктивных предложений и мер, направленных на улучшение работы предприятия и благо работников; взаимодействие с работодателем по вопросам реализации этих предложений при их одобрении работодателем; информирование работников обо всех результатах переговоров с работодателем по вопросам, непосредственно затрагивающим интересы работников и входящих в компетенцию работодателя; забота о нуждающихся работниках (инвалиды и ветераны производства, работники, попавшие в сложную жизненную ситуацию и др.); содействие занятости пожилых работников; молодежная политика.

Интерес представляют и полномочия, предоставленные немецким заводским советам, которые условно можно разделить на полномочия уведомительного и согласительного характера. Полномочия уведомительного характера по своей сути напоминают такие формы участия в российской системе, как информирование и консультации, их суть в том, что работодатель обязан информировать совет и о кадровых вопросах, а именно о плане по трудоустройству новых и ротации действующих работников. При этом у заводского совета есть право отказать, не согласиться с планами работодателя в случаях, если: представленные кадровые решения нарушают законодательство и внутренние документы предприятия (положения, коллективные договоры, правила и регламенты по безопасности на производстве, акты судопроизводства и иные); кадровые решения нарушают кадровую политику компании, а также являются необоснованными и неаргументированными, и могут привести к неблагоприятным последствиям для работников или к увольнениям; иные ситуации, которые могут привести к увольнениям действующих работников, дестабилизации обстановки на предприятии и иные вопросы¹.

Помимо вышеуказанных кадровых вопросов, работодатель обязан информировать производственный совет посредством предоставления им на рассмотрение соответствующей документации о случаях: организации строительства новых производственных помещений и перестройки действующих; изменения методов работы, технологических карт и производственных процессов; планирования организации новых рабочих мест и перестройки имеющихся. В данных случаях право на возражение у производственных советов отсутствует.

Кроме этого, законодательно закреплён перечень вопросов, при разрешении которых согласие заводского совета (при отсутствии должного законодательного или коллективного регулирования) должно быть обязательным – § 87², а при отсут-

ствии этого согласия решение принимается согласительным органом, который действует в нижеприведённом порядке. Согласительный орган в немецкой системе заводских советов называется примирительной комиссией (временной или постоянной), инициировать формирование которой может как заводской совет, так и работодатель. Но по некоторым, законодательно определённым вопросам, право созыва примирительной комиссии отдаётся только одной из сторон. Комиссия состоит из нечётного количества членов и обязательным условием является равное количество представителей от производственного совета и от работодателя и один человек с полностью независимым статусом. В случае, когда согласие о составе комиссии не достигается, спор передаётся на рассмотрение трудового суда. Решение примирительной комиссии может быть обжаловано в трудовой суд в течение двух недель с его принятия, при этом суд его рассматривает исключительно на предмет соблюдения процессуальных процедур и соблюдения комиссией своих полномочий. Отменять решение суд не имеет право. Все расходы по содержанию примирительной комиссии несет работодатель³.

Важным аспектом деятельности заводского совета является тот факт, что существует законодательно установленный круг вопросов, который работодатель может рассматривать и принимать по ним решение исключительно при наличии оформленного письменного согласия производственного совета. К этим вопросам относятся: режим рабочего времени и времени отдыха; введение сверхурочной работы или сокращённого режима рабочего времени; оплата труда, порядок установления систем оплаты труда, их изменения, включая тарифы, премии и иные выплаты за результаты труда; правила внутреннего трудового распорядка и дисциплины труда; способы, время и место выплаты заработной платы; правила предоставления ежегодных отпусков, включая формирование графика отпусков и индивидуальные ситуации; вопросы контроля поведения работников на рабочих местах в том числе и с использованием технического оборудования, видеонаблюдения; нормативные требования охраны труда, в том числе и меры по предотвращению несчастных случаев на производстве; формирование системы социальных служб на предприятии, в холдинге, включая вопросы предоставления служебного жилья, а также условий такого предоставления; работа с трудовыми коллективами, определение принципов этой работы⁴.

Ещё одним важным фактором для полноценной деятельности заводских советов Германии является её законодательная защита, материальные и юридические гарантии, а также гарантии трудовых прав для выборных членов советов. Закон

¹ Betriebsverfassungsgesetz. § 80, 92, 92a, 99. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/betrvg/___80.html (дата обращения: 16.05.2025).

² Betriebsverfassungsgesetz. § 87. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/betrvg/___80.html (дата обращения: 16.05.2025).

³ Betriebsverfassungsgesetz. § 76, 76a. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/betrvg/___76.html. (дата обращения: 16.05.2025).

⁴ Betriebsverfassungsgesetz. § 87. URL: https://www.buzer.de/87_BetrVG.htm (дата обращения: 15.05.2025).

«О представительных органах работников на предприятии»¹ к таким гарантиям относит обеспечение за счет работодателей всех расходов, связанных с деятельностью производственных (заводских) советов, предоставление всех необходимых ресурсов – помещение, оргтехнику и иные необходимые материальные средства, в том числе расходы на телефонные переговоры с профсоюзами, по переводу отчетов совета на иные языки при необходимости, привлечению экспертов для разрешения вопросов, поднятых в рамках производственных советов. Члены рабочих советов могут быть уволены только при наличии веских оснований и только с согласия заводского совета или по решению трудового суда. Для осуществления своих полномочий члены советов освобождаются от своей основной деятельности с сохранением заработной платы. В период срока своих полномочий члены рабочего совета могут быть освобождены от работы как минимум до трех недель для участия в обучающих мероприятиях, проводимых по согласованию с объединениями работодателей и профсоюзов.

Отдельного внимания заслуживает наличие нормативного регулирования деятельности заводских советов в рамках гражданского права, которым регламентируется участие работников в коллегиальных органах управления предприятием – в наблюдательных советах. Основной нормативно-правовой акт, которым регламентированы эти правоотношения – «Закон об участии работников в управлении предприятиями» от 1976 года². Но тут есть оговорка, подобное право у работников возникает лишь на предприятиях с численностью персонала более 2 тысяч человек. В этом случае представители от работников в составе наблюдательного совета должны составлять не менее $\frac{1}{2}$ от общего количества его членов, другая $\frac{1}{2}$ – представители от акционеров. Заметьте, даже не работодателя, а непосредственно акционеров предприятия. При этом численность наблюдательного совета зависит от общей численности работников предприятия. Этот Закон распространяет свое действие на предприятия численностью более 2000 человек, которые осуществляют свою деятельность в форме акционерного общества, ограниченного товарищества, общества с ограниченной ответственностью или кооператива и не являются предприятием горнодобывающей и металлургической промышленности.

А вот участие работников в управлении организацией на предприятиях горно-добывающего сектора и черной металлургии в Германии регулируются специальным Законом «Об участии в управлении предприятием горно-металлургической промышленности» от 21 мая 1951 года. Основ-

ным критерием, позволяющим работникам в лице их представителей принимать участие в работе наблюдательного совета является численность персонала самого предприятия. При численности в 1000 и более человек наблюдательный совет в обязательном порядке формируется из 10 представителей работников и работодателей на паритетных началах (5 и 5), которые после выбирают одиннадцатого члена по принципу полной независимости и беспристрастности.

Еще одна форма регулирования участия работников в управлении предприятием посредством членства в наблюдательных советах в Германии предусмотрена для хозяйственных обществ за исключением семейных акционерных обществ, численность которых составляет от 500 до 2000 человек установлена Законом «О наблюдательном совете» 2004 года, распространяет свое действие и обязывает собственников предприятий формировать наблюдательный совет с обязательным соблюдением правила представительства – не менее $\frac{1}{3}$ членов наблюдательного совета должны быть избраны из числа трудового коллектива.

Интересной представляется практика участия работников в управлении организацией в федеральных учреждениях и корпорациях. Вопросы представительства работников в них урегулированы относительно недавно принятым Федеральным законом «О представительстве персонала», который действует с 15.06.2021 года³. Этот документ содержит в себе нормы по участию работников в наблюдательных советах, общие для всех государственных структур и корпораций. Данным Законом установлены: принципы сотрудничества (§ 2); запрет на препятствие осуществлению ими своей деятельности (§ 10); регулируются вопросы их формирования и основы их деятельности (Глава 2 §§ 13–56); устанавливается, что в отличие от предприятий частного сектора, расходы на содержание несет Федерация (§ 46); определяется, что членство в Совете является безвозмездным и носит характер «почетной обязанности» (§ 50); содержится строгий императив, что по тем вопросам, которые входят в круг совместного ведения, решение может принято только с обязательного согласия Совета (§ 70), а также иные общеорганизационные вопросы. Кроме общих положений, изучаемый закон содержит и специальные нормы, которые относятся к различным видам государственной службы – федеральная полиция, федеральная разведывательная служба, федеральное ведомство по защите конституционного строя, Немецкий Бундесбанк, министерство обороны, государственные службы за рубежом и иные, указанные в Главе 9 §§ 110–128⁴. Автор в рамках данной статьи не будет детально углубляться в специфику рассматриваемого вопроса в каждой из госслужб, но сделает акцент на глубине его проработки.

¹ Betriebsverfassungsgesetz vom 18.01.1972 // BGBl. I S. 13 URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/betrvg/index.html#BJNR-000130972BJNE010904311> (дата обращения: 16.06.2025).

² Law on One-Third Employee Representation in the Supervisory Board One-Third Employee Representation Act – DrittelbG of 18 May 2004 (Federal Law Gazette I p. 974), URL: <https://www.worker-participation.eu/sites/default/files/2024-10/DE%20-%20Drittelbeteiligungsgesetz%202004%20-%20en.pdf> (дата обращения: 15.05.2025).

³ Bundespersonalvertretungsgesetz // URL: https://www.buzer.de/1_BPersVG.htm (дата обращения: 18.05.2025).

⁴ Bundespersonalvertretungsgesetz // URL: <https://www.buzer.de/gesetz/14707/b39826.htm> (дата обращения: 18.05.2025).

Все вышеуказанное – законодательно установленные нормы, а на локальном уровне может быть урегулирована только операционная деятельность заводских советов, для чего они разрабатывают регламент, который утверждается большинством голосов членов совета.

Так обстоят дела с «производственной демократией» в Германии, на опыт которой рекомендовал обратить свое внимание Президент Российской Федерации. В.В. Путин при выработке предложений о формировании производственных советов в России. В Российское Федерацию же, спустя более чем 10 лет с момента издания соответствующего поручения о выработке системы участия работников в управлении организацией и формировании производственных советов, мы имеем установленное законодателем право работодателей на создание производственных советов, основной сутью деятельности которых является вынесение предложений по производственным вопросам, не определены их полномочия, права, и обязанности, не установлены гарантии и обеспечительные меры реализации права работников на участие в организации. Да и само это право уже не право работника, а право работодателя. Что касается установленного статьей 53.1 Трудового кодекса Российской Федерации права работников на участие в заседании коллегиальных органов управления организации с правом совещательного голоса, введенного в 2018 году, то его реализация без внесения соответствующих изменений в трудовое и гражданское законодательство представляется невозможной. В том числе и ввиду неопределенности в трудовом законодательстве, какой-же именно коллегиальный орган организации в данном случае подразумевается, отсутствия в гражданском законодательстве гарантий, позволяющих обеспечить безусловное (вне зависимости от мнения собственников компаний) участие представителей работников организации в заседаниях коллегиальных органов, порядок этого участия, а также круг вопросов, по которым они могут высказывать свое мнение. Отдельно следует отметить и данное работникам право совещательного голоса, которое не имеет ничего общего с возможностью управлять, т.е. влиять. Таким образом, как справедливо отметил Н.Л. Лютов [4] имеющийся в Российской Федерации механизм участия работников в управлении организацией является лишь «имитацией, а не реализацией создания производственных советов по аналогии с немецкими» в исполнение поручения В.В. Путина, он нуждается в дополнительной проработке как со стороны трудового права, так и со стороны гражданского права. Только тогда принцип будет работать, а право иметь реальное обеспечение.

Литература

1. Путин В.В. Строительство справедливости. Социальная политика для России // Комсомольская правда. 2012. – № 2.
2. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» / Собрание законодательства Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 19 ст. 2334.
3. Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2009/38/ЕС от 06 мая 2009 года // Официальный журнал Европейского Союза Д 122/28.
4. Н.Л. Лютов. Производственные советы в России: баланс экономических и социальных прав // Журнал Российского права № 5 2014 г. стр. 99.

ON THE FULFILLMENT OF THE INSTRUCTIONS OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION ON THE LEGISLATIVE EXPANSION OF EMPLOYEE PARTICIPATION IN THE MANAGEMENT OF THE ORGANIZATION, TAKING INTO ACCOUNT THE EXPERIENCE OF GERMANY

Berezhetskaya O.S.

Academy of Labor and Social Relations

In 2012, the President of the Russian Federation, Vladimir V. Putin, both formally and informally issued directives to explore the legislative potential for expanding employee participation in organizational governance. This initiative was to draw on the historical precedent and operational framework of Germany's Betriebsräte—factory or works councils. In May of that year, exercising his right of legislative initiative, President Putin issued Decree No. 597 on May 7, 2012, mandating the development of legislative proposals aimed at enhancing workers' roles in corporate management. These proposals were to address the establishment of production councils within organizations, and to delineate their respective powers and responsibilities. This article offers a critical analysis of the legislative modifications enacted in response to these presidential directives.

Keywords: Public policy, factory councils, collegial bodies, supervisory boards, regulatory framework, organization, labor force, government, trade unions, production councils, enterprise, market economy, system, social partnership, social policy, labor collectives, governance, working conditions.

References

1. Putin V.V. Building justice. Social policy for Russia // Komsomolskaya Pravda. 2012. – № 2.
2. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2012 No. 597 "On measures to implement State social policy" / Collection of Legislation of the Russian Federation of May 7, 2012, No. 19, art. 2334.
3. Directive of the European Parliament and of the Council of the European Union 2009/38/EC of May 06, 2009 // Official Journal of the European Union D 122/28.
4. N.L. Lyutov. Production councils in Russia: the balance of economic and social rights // Journal of Russian Law No. 5, 2014, p. 99.

Арбитраж в международных перевозках: российская правоприменительная практика

Бутрим Алина Олеговна,

старший юрист, EMVE trading, DMCC

E-mail: a.butrim4122@gmail.com

В статье рассматриваются особенности применения арбитража в транспортно-логистической сфере по законодательству Российской Федерации с акцентом на трансграничные перевозки. Анализируются институциональные и процессуальные риски, связанные с арбитражем ad hoc, а также практика специализированных арбитражных центров, действующих в России. Обосновывается необходимость формирования устойчивой модели разрешения споров, способной обеспечить правовую определенность, снизить транзакционные издержки и повысить доверие участников логистического оборота. Особое внимание уделено арбитражу как правовому механизму разрешения споров по сложным и крупным транспортно-логистическим контрактам с элементами внешнеэкономической деятельности.

Ключевые слова: арбитраж, транспортная логистика, арбитраж ad hoc, международный коммерческий арбитраж, правовые риски, экономический спор, трансграничные перевозки, российское право.

В условиях динамично развивающейся глобальной экономики и возрастающей сложности логистических цепочек, международные перевозки грузов сталкиваются с беспрецедентным набором правовых рисков. Это включает, но не ограничивается, усложняющимся санкционным режимом, недобросовестными практиками контрагентов, а также сложностями правоприменения в различных юрисдикциях. Арбитраж в данной сфере выступает как эффективный механизм разрешения споров, обеспечивающий более высокий уровень предсказуемости исхода дела, а также возможность выбора компетентных арбитров, обладающих отраслевой экспертизой. В отличие от рассмотрения дел в системе государственных судов, где предусмотрена многоуровневая структура и широкий набор процессуальных инструментов (приостановление дела, пересмотр решения при наличии новых или вновь открывшихся обстоятельств, возможность отсрочить или рассрочить исполнение и др.), арбитражное разбирательство (третейское судопроизводство) характеризуется закрытым порядком ведения дела [1], повышенной процессуальной гибкостью [2] и более быстрым разрешением имущественных конфликтов [3]. В условиях динамично развивающегося гражданского оборота, высокой конкуренции на различных товарных рынках возможность оперативного получения коммерсантами эффективной правовой защиты приобретает первостепенное значение. Государственные суды с их большой загрузкой зачастую разрешают экономические споры достаточно долго, что не отвечает потребностям бизнеса. Особенно это актуально для участников внешнеэкономической деятельности в транспортно-логистической сфере, где задержка в вынесении решения может привести к значительным убыткам, включая простой судна, увеличение затрат на хранение груза и нарушение графиков поставок.

Проведение арбитражного разбирательства, как правило, требует больших затрат, чем рассмотрение дела в государственных судах, даже с учётом последнего увеличения госпошлин, установленного Федеральным законом от 08.08.2024 № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах». Тем не менее выбор арбитража оправдан с позиции экономии времени, которое сегодня рассматривается как один из наиболее ценных и невозполнимых ресурсов. Дополнительно, гибкость арбитража позволяет сторонам согласовать состав архи-

тров, место разбирательства, применимое право и процессуальные сроки, что особенно важно при разрешении споров с участием иностранных перевозчиков и грузовладельцев. Именно по этим причинам участники гражданского оборота выбирают арбитраж как способ наиболее быстрого и эффективного разрешения возникшего имущественного спора.

В отличие от решений государственных судов, акты арбитража не имеют преюдициальной силы. Отсутствие преюдициальной силы арбитражных решений, с одной стороны, позволяет избежать потенциального догматического закрепления узких толкований норм права, способствуя гибкости правоприменения и учитывая специфику каждого конкретного случая. С другой стороны, это может создавать риск противоречивых решений по аналогичным спорам, что подталкивает к необходимости развития единых подходов в рамках профильных арбитражных институтов. Как справедливо отмечает Невостроуев А.Г., арбитражное решение и установленные им факты обязательны исключительно для участников конкретного соглашения. Таким образом, деятельность третейского суда относится к сфере частного права, и зафиксированные им обстоятельства не могут рассматриваться как имеющие преюдициальное значение [4]. Вместе с тем третейское разбирательство зачастую проходит в более сжатые сроки, завершаясь вынесением решения, которое при соблюдении условий арбитражного соглашения, заключённого сторонами, может иметь окончательный характер [5]. Решения, принимаемые государственными судами, подлежат обжалованию как сторонами процесса, так и другими заинтересованными лицами в рамках апелляционного, кассационного или надзорного производства, а также через процедуру пересмотра при выявлении новых либо вновь открывшихся обстоятельств.

Указанная особенность придаёт арбитражному решению значительное преимущество перед системой государственного правосудия, часто испытывающей перегрузку. Пересмотр по существу для такого решения невозможен, а для его принудительного исполнения достаточно обратиться в государственный суд за выдачей исполнительного листа.

Также, при обращении сторон спора в государственные суды с заявлениями о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение арбитражных решений, эти суды не уполномочены пересматривать установленные арбитражем факты или изменять принятое им решение по существу. Это правило распространяется, в том числе, на вопросы размера взысканной неустойки и компенсации расходов на представителя (Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18.03.2025 № Ф04–307/2025). Аналогичный взгляд можно встретить и в юридической литературе [6]. Такое регулирование способствует ускорению делового оборота и повышению гарантий правовой защиты предпринимателей, заинтере-

сованных в оперативном рассмотрении возникающих между ними экономических споров [7]. Следует учитывать и то, что стороны гражданского оборота вправе в условиях арбитражного соглашения заранее установить меры ответственности за его нарушение, включая санкции за отказ одной из сторон добровольно исполнить решение арбитража, вынесенное не в её пользу.

В научных источниках указывается, что большинство исследователей, как в рамках англосаксонской, так и континентальной правовой традиции, признают допустимость возмещения убытков, вызванных нарушением арбитражного соглашения. При этом подчёркивается, что именно взыскание убытков, в отличие от обычных процессуальных механизмов, наиболее эффективно защищает интересы стороны, позволяя восстановить её положение, существовавшее до момента нарушения [8]. Так как действующее законодательство не предусматривает запретов или ограничений в данном вопросе, участники арбитражного соглашения вправе установить в нём неустойку за нарушение обязательств, вытекающих из этого соглашения, включая случаи уклонения от его добровольного исполнения (ст. ст. 330 и 421 ГК РФ).

К ключевым арбитражным центрам, рассматривающим экономические споры между субъектами предпринимательской деятельности, относятся Международный коммерческий арбитражный суд и Морская арбитражная комиссия при ТПП РФ, Российский арбитражный центр при Российском институте современного арбитража, Арбитражный центр при РСПП, а также Арбитражное учреждение при ОООР «Союзмаш России» и другие организации.

Арбитраж (третейское разбирательство) – это процедура урегулирования спора третейским судом, которая завершается вынесением решения, включая возможность утверждения мирового соглашения между сторонами. Такая опция не только предусмотрена законом, но и играет значительную роль в укреплении партнёрских отношений (Арбитражное решение Российского арбитражного центра при Российском институте современного арбитража от 08.08.2023 по делу № D7726–23).

Организационное сопровождение арбитражных разбирательств осуществляет постоянно действующее арбитражное учреждение, входящее в структуру некоммерческой организации [9]. К его функциям относятся организация процедуры выбора, назначения или отвода арбитров, ведение документации по делам, а также сбор и распределение арбитражных сборов (пп. 2–3 и 9 ст. 2 Закона № 382-ФЗ).

Согласно ч. 1, 4, 8, 13 и 18 ст. 44 Закона № 382-ФЗ, постоянно действующее арбитражное учреждение, как правило, формируется при некоммерческой организации, соответствующей установленным законодательством критериям и наделённой правом выполнять функции такого учреждения на основании акта уполномоченного федерального органа исполнительной власти.

Такое учреждение имеет право администрировать как международный коммерческий арбитраж, так и внутренние споры, а также выполнять отдельные функции при рассмотрении дела третейским судом, созданным сторонами для разрешения конкретного спора (*ad hoc*), без общего администрирования – при условии, что это предусмотрено арбитражным соглашением (ч. 19 ст. 44 Закона № 382-ФЗ).

Третейский суд *ad hoc* вправе самостоятельно выполнять отдельные действия, необходимые для рассмотрения спора и вынесения решения (например, обмен документами, организация помещения для заседаний и др.), при условии, что такие мероприятия разовые и предназначены исключительно для проведения разбирательства по конкретному делу, ради которого был создан данный суд. При этом сторонам важно учитывать, что подобная автономность требует строгого документального оформления каждого процессуального шага, чтобы исключить риск последующего оспаривания решения в государственном суде по формальным основаниям [10].

Если третейский суд выходит за пределы разовых действий, необходимых для рассмотрения конкретного спора, и фактически утрачивает характер суда *ad hoc*, это может рассматриваться как нарушение запрета на выполнение функций по администрированию арбитража лицами, не имеющими законного права действовать как постоянно действующее арбитражное учреждение. Подобные случаи часто становятся предметом анализа в юридической литературе, так как они иллюстрируют проблему размывания границ между институциональным и арбитражем *ad hoc* [11].

Нарушение указанного запрета служит основанием для отказа государственного суда в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда. На это прямо указано в п. 50 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража».

Как указал Верховный Суд РФ, если арбитражное решение вынесено третейским судом *ad hoc* с нарушением запрета, установленного законом, оно признаётся принятым с нарушением предусмотренной федеральным законодательством процедуры. Такие нарушения возникают, когда третейский суд, созданный формально для рассмотрения одного конкретного спора (*ad hoc*), фактически функционирует как институциональный арбитраж. Признаками этого являются, например, наличие постоянных списков арбитров или коллегий, разработка собственных правил арбитража, а также выполнение одним и тем же лицом функций по организации разбирательств с участием различных арбитров. Так, в одном деле государственный суд на основании ст. ст. 238–239 АПК РФ отказал в выдаче исполнительного листа на принудительное ис-

полнение арбитражного решения третейского суда *ad hoc*.

Основанием для такого процессуального решения послужило то, что изначально при согласовании в договоре арбитражной оговорки стороны при отсутствии какого-либо спора сразу согласовали конкретного арбитра и размер его гонорара, а также применение типовых правил арбитража, включающих порядок и сроки рассмотрения спора, который возникнет в будущем.

Из материалов дела следовало, что арбитр, выбранный сторонами спора, ранее рассматривал значительное количество дел по обращениям заявителя, добивавшегося выдачи исполнительных листов на принудительное исполнение арбитражного решения. Такие дела тот же самый третейский судья рассматривал в течение длительного времени в отношении разных контрагентов заявителя, с которыми у него были заключены договоры.

В итоге суд установил, что фактически третейский суд *ad hoc*, действовавший через единоличного арбитра, выполнял функции постоянно действующего арбитражного учреждения, что являлось неправомерной заменой последнего. Вместо проведения лишь разовых действий, необходимых для рассмотрения конкретного дела, арбитр осуществлял полномасштабное администрирование процесса (Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18.03.2025 № Ф04–307/2025).

Суды придерживаются аналогичной позиции и в других случаях, признавая, что третейские суды *ad hoc* создавались лишь формально для рассмотрения конкретных споров, но на практике обладали признаками институционального арбитража. Подобная правовая позиция формирует предсказуемую судебную практику, в рамках которой участники гражданского оборота могут заранее оценить допустимые пределы использования арбитража *ad hoc* и скорректировать условия арбитражных оговорок. Среди таких признаков – наличие типовых правил арбитража и направление предложений об администрировании дел широкому кругу лиц на постоянной основе (Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24.04.2025 № Ф09–364/25; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 03.02.2023 № Ф01–8794/2022 и др.). Следует учитывать, что, если государственный суд отказывает в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, стороны спора не могут требовать от постоянно действующих арбитражных учреждений или арбитров возврата, уплаченных ими арбитражных, регистрационных и прочих сборов, а также вознаграждений арбитрам.

Судебная практика исходит из того, что получение постоянно действующими арбитражными учреждениями и арбитрами арбитражного сбора и иных выплат не нарушает прав либо законных интересов сторон. Это связано с тем, что инициатор третейского разбирательства добровольно и осознанно обращается к арбитражу, опираясь

на заключённое с контрагентом арбитражное соглашение.

Законом не предусмотрено такое основание возврата арбитражного сбора, как последующая отмена решения третейского суда или отказ в его принудительном исполнении государственным судом (Апелляционное определение Московского городского суда от 26.11.2024 г. № 33–50204/2024).

Соответственно гонорар арбитра и иные расходы, связанные с разрешением спора в арбитраже основаны на законе и не могут быть взысканы как убытки или неосновательное обогащение, притом, что третейское разбирательство не является услугой в контексте ст. 779 ГК РФ.

Полномочия арбитража имеют договорную природу и формируются исключительно из волеизъявления сторон. С момента, когда лицо выражает согласие исполнять функции арбитра по конкретному спору, между ним и участниками спора возникает самостоятельное обязательственное отношение, закреплённое в виде арбитражного соглашения. Такое соглашение обязывает арбитра действовать добросовестно, строго следуя условиям договора, а также применять положения применимого законодательства и утверждённых регламентов, включая внутренние правила арбитражного учреждения. При этом мандат арбитра ограничен рамками конкретного дела и не распространяется на иные споры или лиц, не являющихся участниками арбитражного разбирательства. Нарушение арбитром условий принятого обязательства влечёт для него только гражданско-правовую ответственность перед сторонами, что прямо вытекает из общей конструкции обязательственного права. Российское законодательство, закреплённое в том числе в гл. 39 и 59 ГК РФ, не допускает привлечения арбитра к договорной либо внедоговорной ответственности вне специально установленных случаев. Таким образом, законодатель формирует закрытую систему ответственности арбитров, исключающую возможность произвольного вмешательства в их деятельность со стороны третьих лиц. Единственным исключением, закреплённым в ст. 51 Закона об арбитраже, является возможность предъявления гражданского иска в рамках уголовного судопроизводства, что подтверждается судебной практикой (Апелляционное определение Московского городского суда от 18.06.2025 г. по делу № 33–25167/2025). На сегодняшний день в Российской Федерации действуют как арбитражные центры при постоянно действующих учреждениях, так и третейские суды *ad hoc*, образуемые на основании разового арбитражного соглашения исключительно для разрешения конкретного конфликта [12].

Не может не удивлять тот факт, что при значительном количестве требований, предъявляемых законом к постоянно действующим арбитражным учреждениям, в структуре которых осуществляют свои полномочия арбитры, для арбитража *ad hoc* никаких особых требований не предусмотрено.

Да, арбитрами могут быть только дееспособные граждане РФ в возрасте не менее 25 лет, имеющие высшее юридическое образование и не имеющие непогашенной судимости (за исключением председателя третейского суда при условии, что в составе арбитража есть арбитр, соответствующий установленным требованиям) согласно ст. 11 Закона № 382-ФЗ.

Между тем арбитражная оговорка с рассмотрением спора арбитражем *ad hoc* может быть предложена экономически более сильной стороной арбитражного соглашения в безальтернативном порядке, против чего слабой стороне возражать довольно трудно, иначе она не сможет получить нужный ей экономический результат. Например, в ситуации, когда один гражданин берет у другого займы крупную денежную сумму под залог недвижимости, проект договора займа и договора об ипотеке может быть предложен кредитором, который может настаивать на том, что все споры должны рассматриваться единоличным арбитром в порядке арбитража *ad hoc*.

Сохранение баланса между автономией арбитража и контролирующей функцией государственных судов является одним из ключевых вызовов современной арбитражной системы. Отметим, что возможность рассмотрения такого рода споров арбитражем *ad hoc* подтверждается сложившейся судебной практикой: см., например, Определение Верховного Суда РФ от 08.07.2025 г. по делу № 5-КГ25–36-К2.

В этой связи, как нам представляется, было бы разумным в Законе № 382-ФЗ предусмотреть дополнительные требования к арбитрам, осуществляющим работу в составе арбитража *ad hoc*, включая помимо профессионального образования также стаж работы по специальности, опыт разрешения аналогичных или схожих дел, наличие определенной деловой репутации, например, в преподавательской среде или в иных сферах, связанных применением права.

Такое законодательное решение позволит сделать арбитраж *ad hoc* более профессиональным, прозрачным и компетентным, исключит возможные сомнения в объективности и беспристрастности арбитров.

Как показывает практика арбитражных центров, обращение участников гражданского оборота к специализированному арбитражу позволяет им получить эффективную правовую защиту, основанную на полном и всестороннем изучении всех обстоятельств дела с учетом наработанной практики и специфики возникшего спора. Кроме того, в условиях цифровизации арбитражного процесса появляется возможность удалённого участия сторон, что снижает издержки на представительство и ускоряет обмен процессуальными документами. [13].

По делам, рассматриваемым в рамках третейского разбирательства, значительно реже встречаются случаи снижения размера судебных расходов, неустоек и иных сумм, запрашиваемых участ-

никами спора. Арбитры в большей степени учитывают реалии рынка, стоимость денег и рисковый характер предпринимательской деятельности.

Так, в одном деле единоличный арбитр МАК при ТПП отклонил ссылку ответчика на среднюю стоимость услуг юристов при разрешении вопроса о разумности судебных расходов истца на оплату юридических услуг. По мнению арбитра, дела в области частного морского права, рассматриваемые торговым арбитражем, относятся к категории сложных, что обуславливает необходимость в привлечении юристов, обладающих специальной квалификацией.

Поскольку стоимость услуг таких юристов может отличаться от среднерыночных расценок, само по себе превышение заявленной денежной суммы над среднерыночными ценами не свидетельствует о том, что расходы истца являются необоснованными и неразумными (Решение МАК при ТПП РФ от 20.11.2017 г. по делу № МАК-4/2017).

Такое профессиональное суждение арбитра основано на понимании специфики и сложности рассматриваемого экономического спора... специализированным знаниям и опыту, недоступным обычным юристам, — что подтверждает необходимость выбора квалифицированного специалиста» (см. Архипова А.Г., Абросимова Е.А.: стороны предпочитают арбитров с «специальными знаниями в области торгового мореплавания и морского права») [14].

Обращение к услугам обычных юристов, не обладающих такой квалификацией, не позволяет участнику спора получить должный уровень правовой защиты и создает риски неблагоприятного исхода третейского разбирательства, чем и обусловлен выбор более дорогого специалиста в области частного морского права.

В другом деле состав арбитража отказался снижать размер заявленной ко взысканию неустойки за нарушение обязательств по договору на поставку импортного оборудования, его монтаж и пусконаладочные работы, сославшись на отсутствие в материалах дела достаточных данных для снижения неустойки. Такая тенденция указывает на ориентацию третейского разбирательства на строгую фиксацию договорных обязательств и ограничение возможностей их последующей корректировки по усмотрению суда.

Более того состав арбитража представление должником контррасчета неустойки расценил как доказательство признания им факта допущенного нарушения, расценив такое процессуальное действие в пользу кредитора (Арбитражное решение Российского арбитражного центра при Российском институте современного арбитража от 16.05.2023 г. по делу № D9895–22).

В рассматриваемом деле арбитраж обязал ответчика уплатить в пользу истца штраф за сверхнормативное использование цистерн, а также компенсировать расходы на уплату регистрационного и арбитражного сборов и оплату услуг представителя. Принимая решение о взыскании штрафа,

арбитраж установил, что ответчик нарушил обязательство по своевременному возврату порожнего подвижного состава на территорию Российской Федерации. Данное обстоятельство подтверждалось данными Главного вычислительного центра ОАО «РЖД», которые ответчик не опроверг надлежащими доказательствами. В соответствии с п. 3 ст. 401 ГК РФ субъект предпринимательской деятельности несет ответственность за нарушение обязательств. Арбитры также сослались на принцип международного коммерческого арбитража, согласно которому сторона обязана предпринять все возможные с точки зрения закона меры для исполнения обязательства, даже в условиях вмешательства государства, включая санкции и иные ограничения. Применение данного принципа демонстрирует тесную взаимосвязь между российской практикой и международными стандартами арбитражного разбирательства. Суд пришел к выводу, что ответчик не предпринял достаточных действий для исполнения обязательства и не доказал невозможность их осуществления. Кроме того, доказательства несоответствия расчета штрафа условиям контракта представлены не были. В связи с этим арбитраж удовлетворил требования истца (Решение коллегии арбитров МКАС при ТПП РФ от 26.04.2023 по делу № М-127/2022).

Следует отметить, что учет алеаторного характера коммерческой деятельности является одной из ключевых черт арбитражного разбирательства, основанного на принципах независимости и беспристрастности арбитров, диспозитивности, состязательности и равного отношения к сторонам (ст. 18 Закона № 382-ФЗ). В одном деле МАК при ТПП отказал в удовлетворении требования о взыскании страхового возмещения в связи с гибелью торгового судна, поскольку истец, направляя в рейс судно, уже вследствие его возраста являвшееся изношенным и ветхим, отправил его в район с непригодными условиями хождения. Тем самым истец не только не проявил необходимую предусмотрительность, но и прямо нарушил условия договора страхования, на котором он основывал свои имущественные требования.

Согласно анализу гидрометеорологической обстановки, по данным архива турецких метеостанций Зонгулдак, Баратын, Синоп (сюрвейерский отчет), судно в рассматриваемом районе эксплуатировалось в штормовых условиях с высотой волны не менее 6 метров. Капитан судна в заявлении о морском протесте указывает, что судно подвергалось воздействию ветра силой 7–8 баллов по шкале Бофорта с волнением.

В официальном рапорте, направленном капитану порта, капитан судна зафиксировал факт деформации корпуса, возникшей при следовании в условиях штормовой погоды. Поступление воды наблюдалось в балластные танки левого борта и форпик. Оценивая эти обстоятельства, сюрвейер, привлеченный ответчиком, пришел к выводу, что причиной гибели судна стало разрушение набора корпуса и внешней обшивки. Установлено,

что повреждения возникли вследствие попадания судна в погодные условия, в два и более раза превышающие допустимые критерии общей и местной прочности корпуса. Переход судна осуществлялся при волнении более 3,5 метра. Истец эти выводы не оспорил.

В заседании МАК при ТПП РФ истец не смог обосновать, на каком основании и по каким причинам судну было разрешено выходить в рейс в условиях, не соответствующих его классу, присвоенному более 40 лет назад. Учитывая совокупность обстоятельств, комиссия пришла к выводу, что непосредственной причиной гибели судна стало разрушение корпуса под воздействием сильного волнения, существенно превышавшего пределы, предусмотренные классификационным свидетельством. Истец не представил доказательств, подтверждающих непредвиденность или случайный характер погодных условий. Подобная недобросовестность в подготовке доказательной базы часто является решающим фактором в отказе в удовлетворении иска. Ответчик в объяснениях по иску указал, что в соответствии с правилами страхования не являются страховыми случаями предусмотренные договором страхования события, если они произошли вследствие эксплуатации судна в условиях, не предусмотренных классом регистра, действующего классификационного свидетельства и/или свидетельства о годности к плаванию.

При таких обстоятельствах состав арбитража посчитал, что события, приведшие теплоход к затоплению при его эксплуатации в рейсе в Черном море на волнении, превышающем ограничения, установленные Регистром (IRS) в классификационном свидетельстве, страховым случаем не являлись, что в силу ст. 9 Закона РФ от 27.11.1992 г. № 4015–1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» исключало возможность получения страховой выплаты (Решение МАК при ТПП РФ от 26.04.2016 г. по делу № МАК-23/2015).

Как видно из приведенных примеров, составы арбитража при разрешении коммерческих споров, в котором идет речь о применении такой оценочной категории, как «разумность», в большей степени, чем государственные суды, исходят из рискованного характера предпринимательской деятельности, что способствует обеспечению стабильности гражданского оборота и стимулирует его участников к надлежащему исполнению принимаемых на себя обязательств.

Такой подход позволяет участникам гражданского оборота рассчитывать на максимально полное возмещение своих потерь, связанных с восстановлением нарушенных прав и оспариваемых интересов, что выгодно отличает арбитраж от судопроизводства в государственных судах, где участники споров далеко не всегда могут получить полное возмещение понесенных расходов. В перспективе, развитие единой арбитражной инфраструктуры ЕАЭС, основанной на общих стандартах и процедурах, могло бы стать значимым фактором сниже-

ния транзакционных издержек и повышения правовой определенности в региональной логистике, стимулируя приток инвестиций и способствуя росту товарооборота. Необходимо также прогнозировать рост роли специализированных арбитражных центров, фокусирующихся на разрешении споров, связанных с цифровой трансформацией отрасли. Важным элементом этой инфраструктуры может стать цифровая база арбитражных решений, обеспечивающая их доступность и прозрачность для участников рынка и государственных органов.

Таким образом, использование арбитража наряду с системой государственных судов является важным элементом правовой защиты участников гражданского оборота, которые могут выбирать любой из указанных форматов разрешения спора, в наибольшей степени отвечающий их интересам с точки зрения временных и финансовых расходов, которыми сопровождается участие в разбирательстве. Комплексное развитие обеих систем правосудия позволит бизнесу более гибко выстраивать стратегию защиты своих интересов в условиях меняющейся экономической конъюнктуры.

Литература

1. Курочкин С.А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж. М.: Статут, 2017.
2. Галтер Е.Д. Гражданско-правовые последствия нарушения арбитражного соглашения // Вестник гражданского права. 2023, № 6.
3. Комментарий к Федеральному закону «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (постатейный, научно-практический) / В.Н. Ануров, К.В. Егоров, А.В. Замазий и др.; под ред. О.Ю. Скворцова, М.Ю. Савранского. М.: Статут, 2016.
4. Невоструев А.Г. О признании арбитражных решений преюдициальными // Актуальные проблемы российского права. 2024, № 4.
5. Лопатина С.В. Перспективы развития альтернативных способов урегулирования споров в России // Арбитражный и гражданский процесс. 2025, № 3.
6. Ануров В.Н. Переоценка обстоятельств, установленных третейским судом, и пересмотр третейского решения по существу // Третейский суд. 2023, № 3/4.
7. Право и экономическое развитие: проблемы государственного регулирования экономики: монография / В.К. Андреев, Л.В. Андреева, К.М. Арсланов и др.; отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2017.
8. Гайдаенко Шер Н.И. Альтернативные механизмы разрешения споров как инструмент формирования благоприятной среды для предпринимательской деятельности (опыт России и зарубежных стран): монография / отв. ред. Н.Г. Семилютина. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2016.
9. Особенности арбитражного производства: учебно-практическое пособие / О.В. Абозно-

ва, Ю.В. Аверков, Н.Г. Беляева и др.; под ред. И.В. Решетниковой. Москва: Юстиция, 2019. Серия «Арбитраж».

10. Трезубов Е.С. Если арбитраж ad hoc осуществляется, значит – это кому-то нужно? // Третейский суд. 2023, № 3/4.
11. Шугулбаева А.А. Новый взгляд на третейский суд как субъект отправления правосудия // Российский юридический журнал. 2024, № 6.
12. Гинзбург И.В. К вопросу о понимании категории «публичный порядок» применительно к российскому третейскому разбирательству // Арбитражный и гражданский процесс. 2025, № 1.
13. Научно-практический постатейный комментарий к законодательству о третейских судах / М.Н. Акуев, М.А. Акчурина, Т.К. Андреева и др.; под общей ред. В.В. Хвалея. М.: РАА, 2017.
14. Архипова А. Г., Абросимова Е.А. Арбитрабельность морских споров с публично-правовым элементом // Транспортное право и безопасность. – 2021. – № 4 (41). – С. 50–57. – DOI: 10.18572/2500-1970-2021-4-50-57.

ARBITRATION IN INTERNATIONAL TRANSPORTATION: RUSSIAN LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Butrim A.O.

EMVE Trading, DMCC

This article examines the specific features of arbitration in the transport and logistics sector under Russian law, with a focus on cross-border freight operations. It analyzes institutional and procedural risks associated with ad hoc arbitration and reviews the practices of specialized arbitration centers operating in Russia. The study substantiates the need for a stable dispute resolution model capable of ensuring legal certainty, reducing transactional costs, and fostering trust among participants in the logistics chain. Particular attention is given to arbitration as a legal mechanism for resolving disputes in complex, high-value transport and logistics contracts involving foreign trade elements.

Keywords: arbitration, transport logistics, ad hoc tribunal, international commercial arbitration, legal risks, economic dispute, cross-border transportation, Russian law.

References

1. Kurochkin, S.A. Arbitration Proceedings and International Commercial Arbitration. Moscow: Statut, 2017.
2. Galter, E.D. Civil Law Consequences of Breaching an Arbitration Agreement. Civil Law Review, 2023, No. 6.
3. Commentary on the Federal Law “On Arbitration (Arbitral Proceedings) in the Russian Federation” (Article-by-Article, Scientific and Practical) / V.N. Anurov, K.V. Egorov, A.V. Zamazyi et al.; eds. O. Yu. Skvortsov, M. Yu. Savransky. Moscow: Statut, 2016.
4. Nevostroyev, A.G. On Recognizing Arbitration Awards as Prejudicial. Actual Problems of Russian Law, 2024, No. 4.
5. Lopatina, S.V. Prospects for the Development of Alternative Dispute Resolution Methods in Russia. Arbitration and Civil Procedure, 2025, No. 3.
6. Anurov, V.N. Reassessment of Circumstances Established by an Arbitral Tribunal and Revision of an Arbitration Award on the Merits. Arbitral Tribunal, 2023, No. 3/4.
7. Law and Economic Development: Problems of State Regulation of the Economy: Monograph / V.K. Andreev, L.V. Andreeva, K.M. Arslanov et al.; eds. V.A. Vaipan, M.A. Egorova. Moscow: Yustitsinform, 2017.
8. Gaidaenko Sher, N.I. Alternative Dispute Resolution Mechanisms as a Tool for Creating a Favorable Environment for Business Activity (Experience of Russia and Foreign Countries): Monograph / ed. N.G. Semilyutina. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, INFRA-M, 2016.
9. Features of Arbitral Proceedings: Educational and Practical Manual / O.V. Aboznova, Yu.V. Averkova, N.G. Belyaeva et al.; ed. I.V. Reshetnikova. Moscow: Yustitsiya, 2019. Series «Arbitration».
10. Trezubov, E.S. If Ad Hoc Arbitration is Conducted, It Means It is Needed by Someone? Arbitral Tribunal, 2023, No. 3/4.
11. Shugulbaeva, A.A. A New Perspective on the Arbitral Tribunal as a Justice-Administering Entity. Russian Law Journal, 2024, No. 6.
12. Ginzburg, I.V. On Understanding the Concept of “Public Order” in Relation to Russian Arbitration Proceedings. Arbitration and Civil Procedure, 2025, No. 1.
13. Scientific and Practical Article-by-Article Commentary on the Legislation on Arbitral Tribunals / M.N. Akuev, M.A. Akchurina, T.K. Andreeva et al.; ed. V.V. Khvalei. Moscow: Russian Arbitration Association, 2017.
14. Arkhipova, A.G., Abrosimova, E.A. Arbitrability of Maritime Disputes with a Public Law Element. Transport Law and Safety, 2021, No. 4 (41), pp. 50–57. DOI: 10.18572/2500-1970-2021-4-50-57.

Роль национальных и профессиональных стандартов в системе независимой оценки квалификации

Волкова Екатерина Александровна,

аспирант, кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Московский технологический университет – Московский
архитектурно-строительный институт
E-mail: evolkova@iresto.ru

Статья посвящена анализу современной системы независимой оценки квалификации в России, основанной на национальных и профессиональных стандартах, с особым акцентом на сферу гостеприимства. Рассматриваются нормативные основы системы, включая Национальную систему квалификаций (НСК) и профессиональные стандарты, их функции (нормативно-критериальную, интегративную, гармонизирующую), а также роль в согласовании образовательных программ с потребностями рынка труда. Особое внимание уделено проблемам применения стандартов в динамичных отраслях, таких как гостиничный и ресторанный бизнес, туризм. Автор отмечает несоответствие между формальными требованиями и реальной практикой, избыточную детализацию, недостаточную гибкость и необходимость регулярного обновления в условиях цифровизации.

В статье анализируются ключевые профессиональные стандарты и ГОСТы, регулирующие сферу гостеприимства, а также предложения по их совершенствованию, включая модульный подход и гармонизацию с международными нормами. Подчеркивается важность интеграции усилий государства, работодателей и образовательных учреждений для повышения эффективности системы оценки квалификации.

В заключении делается вывод о том, что профессиональные стандарты остаются ключевым элементом системы независимой оценки квалификации, но их действенность зависит от способности адаптироваться к изменениям рынка труда и цифровым трансформациям.

Ключевые слова: независимая оценка квалификации, профессиональные стандарты, национальная система квалификаций, сфера гостеприимства, рынок труда, образовательные программы.

Введение

В условиях стремительных изменений на рынке труда и цифровой трансформации экономики особую актуальность приобретает система независимой оценки квалификаций, призванная обеспечить соответствие профессиональных компетенций работников реальным запросам работодателей. В России данная система базируется на национальных и профессиональных стандартах, которые выступают нормативной основой для регулирования трудовых отношений и образовательных процессов. Однако их эффективное применение, особенно в динамично развивающихся отраслях, таких как сфера гостеприимства, требует тщательного анализа и постоянной корректировки.

Сфера гостеприимства, включающая гостиничный бизнес, ресторанный обслуживание и туризм, представляет собой одну из наиболее чувствительных к изменениям отраслей экономики. Быстрое внедрение новых технологий, трансформация потребительских предпочтений и ужесточение конкуренции на международном уровне диктуют необходимость формирования гибкой и адаптивной системы оценки квалификаций. В этом контексте профессиональные стандарты играют ключевую роль, поскольку они не только устанавливают требования к знаниям и навыкам специалистов, но и служат связующим звеном между образовательными программами и реальными потребностями рынка труда.

Целью данной статьи является анализ современной системы независимой оценки квалификации в России, выявление ее сильных и слабых сторон, а также разработка рекомендаций по совершенствованию, особенно в контексте сферы гостеприимства. В работе рассматриваются нормативно-правовые основы системы, функции профессиональных стандартов, проблемы их практического применения и перспективы развития с учетом международного опыта.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения конкурентоспособности российских специалистов в условиях глобализации экономики и цифровизации всех сфер деятельности. Результаты проведенного анализа могут быть полезны для законодателей, отраслевых экспертов, работодателей и образовательных учреждений, заинтересованных в модернизации системы оценки квалификаций и приведении ее в соответствие с современными вызовами.

Материалы и методы исследования

В статье применяется комплексная методология, сочетающая теоретический анализ и практическое исследование нормативно-правовых документов и их применения в сфере независимой оценки квалификации. Использованы метод нормативно-правового анализа посредством изучения законодательных актов, регулирующих систему профессиональных стандартов и независимой оценки квалификации. Проанализированы конкретные профессиональные стандарты и ГОСТы в сфере гостеприимства. Также с помощью сравнительно-сопоставительного анализа выявлены противоречия между устаревшими Едиными квалификационными справочниками и современными профессиональными стандартами. Рассмотрены различия в подходах к стандартизации в России и за рубежом. С помощью системного подхода проведена оценка роли профессиональных стандартов как связующего звена между образованием, рынком труда и независимой оценкой квалификации. Проведен анализ функций стандартов. Рассмотрены практические проблемы внедрения стандартов в гостиничной и туристической сфере.

В основу теоретической базы положены мнения государственных деятелей и научных исследователей, обобщены предложения по совершенствованию системы оценки квалификации.

Методологическая основа исследования базируется на институциональном подходе, рассматривающем профессиональные стандарты как инструмент регулирования трудовых отношений, и компетентностном подходе, акцентирующем важность практических навыков и соответствия требованиям работодателей.

Основные результаты исследования

Современная система независимой оценки квалификации в России основывается на национальных и профессиональных стандартах, которые выполняют функцию нормативного каркаса, обеспечивающего единство требований к квалификациям. Их значение особенно велико в контексте реформирования системы профессионального образования и трудовых отношений. Однако эффективность применения этих стандартов, особенно в динамичных отраслях, таких как сфера гостеприимства, требует глубокого анализа.

Национальная система квалификаций (далее – НСК), правовая основа которой определена указом Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики»¹, представляет собой структурированную многоуровневую систему, устанавливающих единые требования к знаниям, умениям и практическим навыкам. Ее ключевая задача – обеспечение согласованности между образовательными программами и реальными

потребностями рынка труда. Профессиональные стандарты, определяемые ст. 195.1 Трудового кодекса РФ как «характеристики квалификации, необходимой работнику для осуществления определенного вида профессиональной деятельности», служат основным инструментом конкретизации этих требований. Они разрабатываются по отраслям и включают описание трудовых функций, требования к образованию и опыту, необходимые профессиональные компетенции. Исходя из определения, один профстандарт должен описывать одну квалификацию. При этом профстандарт состоит из обобщенных трудовых функций, каждая из которых разделяется на несколько трудовых функций. То есть содержание профстандарта противоречит его определению, поскольку в трудовой функции должна быть указана только одна квалификация (ст. ст. 15, 57 ТК РФ)².

В системе независимой оценки квалификации профстандарты выполняют три ключевые функции:

1. Нормативно-критериальную – задают параметры оценки;
2. Интегративную – обеспечивают связь между ФГОС, ЕКС/ЕТКС и НСК;
3. Гармонизирующую – способствуют соответствию международным нормам (EQF, ISO).

Вопросы по поводу актуализации профессиональных стандартов и их использования становятся все более значимыми. Они требуют поиска ответов. Многие российские компании и образовательные учреждения все чаще становятся активно вовлеченными в меняющиеся внешние условия. Актуальным становится изменение системы подготовки кадров на фоне трансформации практик приема на работу. Благодаря отмеченным и другим профстандартам удается делать образование непрерывным. Все это приводит к потребности в переосмыслении собственной деятельности как учебными заведениями, так и работодателями. Первые обязаны создавать условия, необходимые для обеспечения доступности образовательных услуг, а вторые – выполнять работу, способствующую целенаправленному развитию персонала через дополнительное обучение и повышение квалификации.

Стоит особо подчеркнуть, что для типичного работодателя профессиональные стандарты, помимо прочего, являются набором средств, полезных в таких контекстах:

- структуризация профессиональной деятельности сотрудников;
- формирование и реализация грамотной кадровой политики;
- разработка системы оплаты труда, адекватной действительности;
- обеспечение единого подхода к оценке индивидуальной продуктивности и не только.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики»,

² Косаковская Е.И. Системы оплаты труда и национальная система квалификаций: правовая сущность и регулирование. Диссертация кандидата юридических наук: 12.00.05. – Москва, 2019 г.

Все это положительно влияет на прибыль и конкурентоспособность. Компании, которые в настоящее время руководствуются профессиональными стандартами, становятся все более эффективными, а также привлекательными для соискателей в условиях борьбы за специалистов, являющихся выдающимися в своем деле. Профессиональные стандарты полезны и для сотрудников компаний. Благодаря первым последние получают возможность корректно оценивать себя и свои силы, совершенствовать качества и планировать карьеру. Вместе с тем имеющиеся методики оценки квалификации способствуют тому, что конкретный специалист может проанализировать собственные компетенции и понять, будет ли он востребованным на рынке.

Теперь следует перейти к рассмотрению некоторых важных вех. Они значимы в контексте заявленной темы. 21 сентября 2023 в Великом Новгороде Президент России провел расширенное заседание Президиума Госсовета по вопросу «О развитии рынка труда в Российской Федерации». Открывая заседание Госсовета, Владимир Путин подчеркнул: «Государство должно помочь людям всех возрастов стать более профессиональными, квалифицированными, а значит, и конкурентными на рынке труда. Речь о том, чтобы создать для граждан реальные возможности пополнять свой багаж знаний, постепенно обновлять свои умения и навыки, компетенции. На эти задачи должна быть нацелена вся наша система образования и, разумеется, воспитания»¹.

Министр труда и социальной защиты РФ Антон Котляков в своем выступлении отметил необходимость оперативно учитывать изменения на рынке труда и предложил пересмотреть подход к формированию профессиональных стандартов так, чтобы они стали двухкомпонентными. «Базовая часть будет определять основные компетенции, типичные в целом для профессии, – сказал он. – Вторая, вариативная, – учитывать специализацию и отраслевые особенности, инструменты и используемые в работе технологии на основе анализа запросов работодателей. Это обеспечит оправданный консерватизм в отношении базовых фундаментальных основ профессионального образования, а образовательные компоненты, нацеленные на обучение практическим навыкам, смогут опираться на более подвижную вариативную часть профессионального стандарта, который будет гибко реагировать на изменяющиеся требования к работникам. За счёт этой вариативности усилится интеграция профессиональных и образовательных стандартов»².

Особое значение это имеет для сферы гостеприимства, где стандарты регламентируют не только технические навыки, но и надпрофессиональные компетенции: межкультурную коммуникацию,

клиентоориентированность и управление кризисными ситуациями. Сфера гостеприимства в России представляет собой развивающуюся отрасль экономики, требующую четкой стандартизации для обеспечения качества услуг и конкурентоспособности на международном уровне.

Система профессиональных стандартов в России формируется в соответствии Постановлением Правительства Российской Федерации от 10 апреля 2023 г. № 580 «О разработке и утверждении профессиональных стандартов»³, Приказы Минтруда России, включая приказ об утверждении методических рекомендаций по разработке и актуализации профессионального стандарта от 18.07.2024 № 359 (вместо утратившего силу приказа № 170н от 29.04.2013г)⁴.

Эти документы устанавливают единые требования к содержанию, разработке и применению профессиональных стандартов во всех отраслях, включая сферу гостеприимства.

В гостиничной индустрии действует несколько ключевых профессиональных стандартов:

1. «Руководитель/управляющий гостиничного комплекса/сети гостиниц» – определяет требования к квалификации менеджеров высшего звена в отельном бизнесе, утверждён приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 7 мая 2015 г. № 282н⁵.

2. «Горничная» – устанавливает профессиональные требования к персоналу, осуществляющему уборку номеров и общественных помещений, утверждён приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 05.09.2017 № 657н⁶.

3. «Работник по приему и размещению гостей» – регламентирует навыки и компетенции сотрудников, работающих на стойке регистрации, утверждён приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 5 сентября 2017 года № 659н⁷.

Для ресторанного бизнеса и предприятий питания разработаны профстандарты:

1. «Руководитель предприятия питания» – охватывает управленческие компетенции в сфере общественного питания, утверждён приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 7 мая 2015 года № 281н⁸.

³ Интернет ресурс «Контур Норматив». Электронный ресурс. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=446364>

⁴ Интернет ресурс «Контур Норматив». Электронный ресурс. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=446364>

⁵ Интернет ресурс «Контур Норматив». Электронный ресурс. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=323595>

⁶ Интернет ресурс «Контур Норматив». Электронный ресурс. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=320621>

⁷ Интернет ресурс «Контур Норматив». Электронный ресурс. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=320695>

⁸ Интернет ресурс «Контур Норматив». Электронный ресурс. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=320695>

¹ Официальный сайт Президента РФ. Электронный ресурс. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72319>

² Официальный сайт СПК в области информационных технологий. [Электронный ресурс]. URL: http://spk-it.ru/news/?ELEMENT_ID=2395

2. «Официант/бармен» – определяет профессиональные требования к обслуживающему персоналу баров и ресторанов, утверждён приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 09.03.2022 № 115н¹.

В сфере туризма действует профстандарт «Экскурсовод (гид)», утвержден Приказом Минтруда от 24.12.2021 № 913н², устанавливает требования к квалификации экскурсоводов, включая знание истории, культуры, техники проведения экскурсий.

Помимо профессиональных стандартов, в России действует система национальных стандартов (ГОСТ), регулирующих различные аспекты гостиничной и туристской деятельности:

1. ГОСТ Р 51185–2014 «Туристские услуги. Средства размещения. Общие требования» (утв. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 11 ноября 2014 г. N 1542-ст);

2. ГОСТ Р 53423–2009 «Туристские услуги. Гостиницы и другие средства размещения туристов. Термины и определения»;

3. ГОСТ Р 53522–2022 «Туристские и экскурсионные услуги. Основные положения» (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 29.12.2022 № 1701-ст);

4. ГОСТ Р 54604–2022 «Туризм и сопутствующие услуги. Экскурсионные услуги. Общие требования» (утв. и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 29 декабря 2022 г. № 1704-ст);

5. ГОСТ Р 54603–2011 «Услуги средств размещения. Общие требования к обслуживающему персоналу» (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 08.12.2011 N 737-ст);

6. Особого внимания заслуживает новый ГОСТ Р 71846–2024 по научно-популярному туризму, вступивший в силу 1 апреля 2025 года, который устанавливает требования к организации научно-популярного туризма, включая терминологию, проектирование услуг, квалификацию исполнителей.

Профессиональные стандарты играют ключевую роль в системе подготовки кадров для индустрии гостеприимства. Согласно действующему законодательству, они являются обязательными при:

- разработке образовательных стандартов среднего профессионального и высшего образования;
- создании примерных основных образовательных программ;
- аккредитации образовательных учреждений.

Например, профессиональный стандарт «Экскурсовод (гид)» лег в основу образовательных программ по специальности 43.02.10 «Туризм»

и направлениям подготовки 43.03.02/43.04.02 «Туризм».

Проблема развития национальной системы профессиональных квалификаций неоднократно рассматривалась разными авторами и исследователями. В частности, вопросы создания и развития национальной системы профессиональных квалификаций в России ставятся в работе «Национальная система профессиональных квалификаций: организационно-методические основы создания» под авторством Н.А. Зайцевой и Ю.В. Ушанова³, где:

- Рассматриваются процессы разработки национальной и отраслевых рамок квалификаций, профессиональных стандартов, а также системы независимой оценки квалификаций и профессионально-общественной аккредитации образовательных программ.
- Подчеркивается важность интеграции усилий государства, работодателей, профсоюзов и образовательных учреждений.
- Анализируются изменения в законодательстве, включая поправки к Трудовому кодексу и Федеральному закону «Об образовании», которые делают профессиональные стандарты обязательными для применения.
- Описывается роль Национального совета по профессиональным квалификациям и отраслевых советов (СПК) в формировании системы квалификаций.
- Приводятся примеры из различных отраслей, таких как индустрия гостеприимства, здравоохранение и железнодорожный транспорт, чтобы проиллюстрировать процесс внедрения системы квалификаций.
- Рассматриваются методики оценки квалификаций, включая тестирование, практические экзамены и анализ портфолио.
- Анализируется зарубежный опыт разработки профессиональных стандартов и систем квалификаций, включая подходы Германии, Дании и Великобритании.
- Подчеркивается необходимость активного участия работодателей в разработке образовательных программ и стандартов, а также в оценке качества подготовки кадров.
- Обсуждаются вызовы, такие как несоответствие между требованиями работодателей и подготовкой выпускников, а также пути их решения через систему непрерывного образования и независимую оценку квалификаций.

Книга представляет собой комплексное исследование, сочетающее теоретические основы и практические рекомендации по созданию национальной системы профессиональных квалификаций. Авторы делают акцент на важности сотрудничества между государством, бизнесом и образованием для обеспечения конкурентоспособности российской экономики. Однако в области стандар-

umentId=254060

¹ Интернет ресурс «Контур Норматив». Электронный ресурс. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=420640>

² Интернет ресурс «Контур Норматив». Электронный ресурс. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=418241>

³ Зайцева Н.А. Ушанов Ю.В. Национальная система профессиональных квалификаций: организационно-методические основы создания. Монография. – М.: РУСАЙНС, 2016

тизации до сих пор остается ряд нерешенных проблем, в частности:

- Несоответствие между стандартами и реальной практикой – многие гостиничные предприятия сталкиваются с трудностями внедрения стандартов из-за недостаточной квалификации персонала.
- Необходимость постоянного обновления – быстрые изменения в индустрии требуют регулярного пересмотра стандартов. Примером может служить актуализация ГОСТ Р 53522–2009 до версии 2022 года.
- Разработка новых стандартов – ведется работа над созданием стандартов для горнолыжного туризма, пляжных услуг, доступной среды для туристов с ограниченными возможностями.

Перспективными направлениями развития являются дальнейшая гармонизация российских стандартов с международными; разработка стандартов для новых видов туризма и совершенствование системы контроля соблюдения стандартов.

Несмотря на теоретическую продуманность системы, ее практическая реализация сталкивается с рядом системных проблем, таких как:

- Несоответствие современным реалиям, когда стандарты в гостеприимстве не учитывают масштабную цифровизацию услуг (использование систем онлайн-бронирования, чат-ботов), что приводит к диссонансу между формальными требованиями и фактическими трудовыми функциями.
- Избыточная детализация, когда требования к некоторым профессиям усложняют процедуру оценки, не добавляя при этом практической ценности.
- Отсутствие отраслевой гибкости, когда единые стандарты для сетевых отелей и малых средств размещения не позволяют адекватно оценивать специфические компетенции.

Правовые коллизии усугубляются конфликтом между устаревшими ЕКС и новыми профстандартами, неопределенностью статуса некоторых должностей (например, «хостес», «лоббистка») и проблемами признания оценок, проведенных по устаревшим нормативам.

Для повышения эффективности независимой оценки квалификации необходимо:

- Регулярное обновление стандартов (не реже чем раз в 3 года) с привлечением отраслевых экспертов.
- Внедрение гибких модульных структур, позволяющих комбинировать компетенции в зависимости от специфики рабочего места.
- Глубокая международная интеграция, включая сопоставление с международной стандартной классификацией занятий и адаптацию под европейские рамки.

Для сферы гостеприимства критически важно разработать отдельный кластер стандартов с учетом специфики гостиничного, ресторанного и туроператорского бизнеса, а также ввести обязательные языковые и культурологические и цифровые

компоненты оценки. Для центров оценки стандарты являются основой разработки оценочных материалов и процедур. Для работодателей они служат инструментом формирования кадровой политики и систем оплаты труда, а образовательные организации используют их как ориентир для актуализации программ обучения и ДПО.

Национальные и профессиональные стандарты остаются системообразующим элементом независимой оценки квалификации, однако их действенность зависит от способности адаптироваться к изменениям рынка труда. Только при этих условиях независимой оценки квалификации сможет выполнять свою основную функцию – объективного подтверждения квалификации в соответствии с реальными потребностями экономики.

Система профессиональных стандартов в сфере гостеприимства России представляет собой многоуровневую структуру, включающую как общие требования к различным видам деятельности, так и специфические нормативы для отдельных профессий. Их развитие идет в русле общемировых тенденций, с учетом национальных особенностей и потребностей рынка. Эффективное применение профессиональных стандартов способствует повышению качества услуг, развитию человеческого капитала и конкурентоспособности российского гостеприимства на международной арене. Однако для полной реализации их потенциала необходимы дальнейшие усилия по совершенствованию нормативной базы, образовательных программ и механизмов контроля соблюдения установленных требований.

Таким образом, можно сделать ряд ключевых выводов относительно системы независимой оценки квалификации в России, в частности, в сфере гостеприимства. Во-первых, профессиональные стандарты играют системообразующую роль в согласовании требований образования и рынка труда, но их эффективность зависит от гибкости и адаптивности к изменениям. Во-вторых, существуют значимые противоречия между формальными требованиями стандартов и реальной практикой, особенно в динамичных отраслях, где цифровизация и новые технологии опережают нормативное регулирование. В-третьих, необходима постоянная актуализация стандартов с привлечением отраслевых экспертов и работодателей, чтобы избежать их устаревания. Гибкие модульные структуры и международная гармонизация помогут сделать систему оценки квалификации более практико-ориентированной и конкурентоспособной. При этом для сферы гостеприимства требуется отдельный кластер стандартов, учитывающий специфику отрасли, включая языковые, культурологические и цифровые компетенции.

Система независимой оценки квалификации в России, основанная на профессиональных и национальных стандартах, демонстрирует значительный потенциал для повышения качества подготовки кадров и соответствия их запросам рынка труда. Однако ее эффективность ограничена недостаточ-

ной гибкостью, медленной адаптацией к технологическим изменениям и фрагментарным применением в некоторых отраслях, включая сферу гостеприимства.

Для повышения действенности системы необходимо регулярно обновлять стандарты с учетом отраслевых трендов и цифровой трансформации, развивать модульные подходы, позволяющие комбинировать компетенции в зависимости от конкретных рабочих задач, усиливать взаимодействие между государством, бизнесом и образованием для обеспечения актуальности требований, а также интегрировать международные практики, чтобы повысить конкурентоспособность российских специалистов.

Только при условии постоянной модернизации и адаптации к меняющимся экономическим условиям независимая оценка квалификации сможет выполнять свою основную функцию – объективного подтверждения профессиональных компетенций в соответствии с реальными потребностями рынка труда.

Литература

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2011 № 197-ФЗ (ред. от 19.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) [Электронный ресурс] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683.
2. Федеральный закон № 238-ФЗ «О независимой оценке квалификации» [Электронный ресурс] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200485.
3. Постановление Правительства РФ от 10 апреля 2023 г. № 580 № «О разработке и утверждении профессиональных стандартов».
4. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики».
5. Косаковская Е.И. Системы оплаты труда и национальная система квалификаций: правовая сущность и регулирование. Диссертация кандидата юридических наук: 12.00.05. – Москва, 2019 г.
6. Зайцева Н.А. Ушанов Ю.В. Национальная система профессиональных квалификаций: организационно-методические основы создания. Монография. – М.: РУСАЙНС, 2016.
7. Интернет ресурс «Контур Норматив». Электронный ресурс. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=320695>
8. Интернет ресурс «Контур Норматив». Электронный ресурс. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=254060>
9. Интернет ресурс «Контур Норматив». Электронный ресурс. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=420640>
10. Интернет ресурс «Контур Норматив». Электронный ресурс. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=418241>

11. Официальный сайт Президента РФ. Электронный ресурс. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72319>
12. Официальный сайт СПК в области информационных технологий. [Электронный ресурс]. URL: http://spk-it.ru/news/?ELEMENT_ID=2395

THE ROLE OF NATIONAL AND PROFESSIONAL STANDARDS IN THE SYSTEM OF INDEPENDENT ASSESSMENT OF QUALIFICATIONS

Volkova E.A.

Moscow Technological University – Moscow Institute of Architecture and Civil Engineering

The article is devoted to the analysis of the modern system of independent qualification assessment in Russia, based on national and professional standards, with a special focus on the hospitality industry. The article examines the regulatory framework of the system, including the National Qualification System (NQS) and professional standards, their functions (normative-criteria, integrative, and harmonizing), as well as their role in aligning educational programs with the needs of the labor market. Special attention is given to the challenges of applying standards in dynamic industries such as hospitality and tourism. The author notes the discrepancy between formal requirements and real practice, excessive detail, insufficient flexibility, and the need for regular updates in the context of digitalization. The article analyzes key professional standards and GOSTs that regulate the hospitality industry, as well as proposals for their improvement, including a modular approach and harmonization with international standards.

Keywords: independent qualification assessment, professional standards, national qualification system, hospitality industry, labor market, and educational programs.

References

1. Labor Code of the Russian Federation of 30.12.2011 No. 197-FZ (as amended on 19.12.2022) (as amended and supplemented, entered into force on 01.01.2023) [Electronic resource] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683.
2. Federal Law No. 238-FZ “On Independent Assessment of Qualifications” [Electronic resource] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200485.
3. Resolution of the Government of the Russian Federation of April 10, 2023 No. 580 “On the development and approval of professional standards”.
4. Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2012 No. 597 “On measures to implement the state social policy”.
5. Kosakovskaya E.I. Remuneration systems and the national qualifications system: legal essence and regulation. Candidate of Law dissertation: 12.00.05. – Moscow, 2019.
6. Zaitseva N.A. Ushakov Yu.V. National system of professional qualifications: organizational and methodological foundations for its creation. Monograph. – M.: RUSAINS, 2016.
7. Internet resource “Kontur Normativ”. Electronic resource. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=320695>
8. Internet resource “Contour Normative”. Electronic resource. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=254060>
9. Internet resource “Contour Normative”. Electronic resource. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=420640>
10. Internet resource “Contour Normative”. Electronic resource. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=418241>
11. Official website of the President of the Russian Federation. Electronic resource. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72319>
12. Official website of the SPK in the field of information technology. [Electronic resource]. URL: http://spk-it.ru/news/?ELEMENT_ID=2395

Роль конституционных норм в обеспечении общественной безопасности на примере Дальнего Востока

Гусаим Иван Вячеславович,

аспирант кафедры правового обеспечения национальной безопасности, законности и правопорядка Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; научный сотрудник Центра исследования проблем безопасности, Российской академии наук (ЦИПБ РАН)

В статье рассматриваются роль и значение конституционных норм в контексте обеспечения общественной безопасности, с акцентом на Дальневосточный регион России. Методологический подход, использованный в этом исследовании, включает анализ конституционных норм, регулирующих вопросы безопасности, а также оценку специфики региона в свете актуальных вызовов и угроз.

Ключевые слова: Конституционные нормы, общественная безопасность, Дальний Восток, территориальная целостность, суверенитет, верховенство права, права человека, стабильность, трансграничная преступность, миграция.

Введение

Дальневосточный федеральный округ, выступая важнейшим элементом общественной безопасности Российской Федерации, занимает ключевое место как во внутреннем управленческом устройстве страны, так и в сфере её внешнеполитических интересов. Его исключительная географическая и геополитическая специфика предопределяет повышенное внимание к региону на фоне устойчивой напряжённости в глобальной повестке. Угрозы различной природы – от транснациональных кризисов и нестабильности мировой экономической системы до ухудшения экологической обстановки и обострения миграционных процессов – формируют сложный спектр вызовов для комплексного управления безопасностью. В таких условиях особое значение приобретает конституционно закреплённый правовой механизм, обеспечивающий политико-правовую стабильность территории.

Рассмотрение основополагающих правовых норм, заложенных в Конституции Российской Федерации, представляет собой неотъемлемую часть научного анализа системы обеспечения региональной безопасности. Конституционное регулирование задаёт базовые параметры функционирования публичной власти, включая разграничение полномочий между различными уровнями государственного управления, что критически важно в условиях специфики Дальнего Востока. Особенно значимыми являются положения, регламентирующие права и свободы личности и определяющие объём обязанностей государства, поскольку они формируют юридический фундамент для скоординированных действий всех органов власти. Нормативные предписания, заложенные в основном законе страны, обеспечивают возможность институционального сотрудничества между федеральными структурами и органами местного самоуправления, способствуя интеграции мер по укреплению правопорядка и противодействию угрозам.

Плодотворность применения конституционных положений напрямую коррелирует с уровнем защищённости региона. Безусловность соблюдения правовой архитектуры, выстроенной в рамках Конституции, выступает определяющим фактором устойчивого социального и экономического развития Дальнего Востока, являясь важнейшей опорой государственной стратегии в обеспечении национальной и общественной безопасности.

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания «Комплексное исследование проблем общественной безопасности, как стратегического приоритета национальной безопасности Российской Федерации (FFFZ-2025–0001)»

Материалы и методы

Настоящее исследование базируется на системном рассмотрении актуального научного наследия, действующего законодательства, а также эмпирического материала, отражающего применение конституционных положений в функционировании государственных институтов Дальневосточного федерального округа. Аналитический подход к оценке практической реализации норм Основного закона обеспечивает возможность выявления институциональных ограничений и поиском обоснованных правовых механизмов для их преодоления. Осмысление полученных результатов позволяет не только сформулировать качественную оценку существующих проблем в области правового обеспечения общественной безопасности, но и выработать действенные рекомендации, направленные на совершенствование нормативной регламентации в анализируемой сфере.

Исследование акцентирует необходимость модернизации действующей правовой системы с учётом быстро трансформирующихся политико-экономических условий и роста внешних угроз, оказывающих непосредственное влияние на устойчивость макрорегиона. В условиях усложнения международной обстановки и внутренних структурных сдвигов требуется переосмысление степени адаптивности конституционных положений в контексте обеспечения многоуровневой и сбалансированной системы общественной безопасности. Теоретико-правовая основа будет дополнена конкретными примерами успешной имплементации законодательных норм в деятельность исполнительных и представительных органов, действующих в рамках федеральной и региональной юрисдикции. Такой подход обеспечит возможность выдвижения эффективных правовых моделей, способных укрепить институциональный потенциал обеспечения безопасности на пространстве Дальнего Востока.

Результаты и обсуждение

Обеспечение устойчивой общественной безопасности Дальневосточного федерального округа выступает задачей исключительной сложности, обусловленной многообразием вызовов, затрагивающих экономическую, политическую и социальную сферы. Территориальная протяжённость, богатство ресурсной базы, приграничное положение и демографические особенности формируют многокомпонентную систему факторов, влияющих на безопасность региона. Эффективное стратегическое планирование требует системного подхода к идентификации рисков и разработке универсальных правовых инструментов, адаптированных к региональной специфике.

Экономическая составляющая региональной безопасности представляет собой ключевую опору устойчивости Дальнего Востока. Обширный природно-ресурсный потенциал, включающий за-

лежи нефти, газа, широкую номенклатуру полезных ископаемых, значительные лесные и рыбные запасы, создает предпосылки для развития, однако в условиях недостаточной эффективности управления этими ресурсами возникает дисбаланс между потенциалом и реальными социально-экономическими показателями. Влияние ценовой конъюнктуры на сырьевых рынках способно дестабилизировать региональные экономики. Это выражается в падении доходов населения, росте социальной напряжённости, формировании протестных настроений и усилении криминальных проявлений. Развитие промышленной базы, модернизация производственной инфраструктуры и создание эффективной транспортно-логистической сети становятся определяющими направлениями укрепления экономического суверенитета макрорегиона.

Политико-правовая безопасность региона напрямую соотносится с характером взаимодействия Российской Федерации с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона, прежде всего с КНР. Формирование устойчивых каналов дипломатического общения, участие в многосторонних форматах сотрудничества способствует стабилизации ситуации в приграничных районах. Однако инерционность внешнеэкономической политики, недостаточная согласованность интересов на различных уровнях могут усиливать внутренние риски, сопряжённые с утратой контроля над отдельными секторами хозяйства и миграционными потоками.

Социально-демографические факторы оказывают значительное влияние на уровень безопасности. Снижение численности населения, отток трудоспособных граждан, неравномерность распределения населения по территории создают предпосылки для ослабления трудовых ресурсов, снижения уровня медицинского обслуживания и образования, ухудшения социального самочувствия. Активизация миграционных процессов, в свою очередь, может провоцировать рост межэтнической напряжённости и формирование замкнутых сообществ, не интегрированных в правовое поле государства. Государственные механизмы социальной поддержки, направленные на улучшение качества жизни жителей региона, приобретают важнейшее значение в системе целостного подхода к обеспечению общественной стабильности.

Рассмотрение правовых механизмов, играющих фундаментальную роль в обеспечении безопасности Дальнего Востока, немыслимо без анализа действия конституционных норм как структурообразующего компонента всей правоохранительной и правоприменительной инфраструктуры региона. Конституция Российской Федерации закрепляет основы правопорядка, определяя границы компетенций органов государственной власти, содержание прав и свобод граждан, а также принципы взаимодействия между различными уровнями управления. Эти положения формируют правовое пространство, в рамках которого осуществляется реализация стратегий и политик, направленных на нейтрализацию угроз безопасности.

Конституционные положения о праве граждан на свободу выражения мнения, проведение собраний, участие в общественно-политической жизни усиливают демократические механизмы управления, обеспечивая включённость населения в процесс выработки решений, в том числе в области общественной безопасности. Одновременно с этим существует вероятность деструктивного проявления гражданской активности, перерастающей в акты массового нарушения общественного порядка. Это требует выверенной политики правоприменения, сочетающей уважение к правам граждан с необходимыми профилактическими мерами.

Органы правопорядка осуществляют свою деятельность в рамках компетенций, строго закреплённых конституционными установлениями. Надлежащее исполнение норм Основного закона обеспечивает легитимность решений силовых структур, создаёт барьеры для произвола, минимизирует риск злоупотреблений. Вместе с тем структура государственной власти в ряде случаев сохраняет черты гипертрофированной централизации, что затрудняет реализацию самостоятельных мер муниципальными образованиями. Ограничение автономии местного уровня власти снижает эффективность оперативного реагирования на локальные вызовы.

Четкая регламентация межуровневого распределения полномочий в контексте обеспечения безопасности представляет собой базовое условие устойчивости административной вертикали. Конституционно зафиксированные механизмы координации действий федеральных, региональных и муниципальных органов власти задают правовые рамки консолидации усилий, снижают уровень межведомственных конфликтов, исключают дублирование функций и способствуют ускоренной реакции на угрозы различной природы.

Однако существуют вызовы, вызванные неопределённостью ряда категорий конституционно-правового регулирования. Неясность формулировок, отсутствие унифицированных принципов идентификации угроз общественной безопасности затрудняют правоприменительную практику, создают почву для произвольных административных решений, снижая доверие населения к институтам публичной власти. Усиление правовых позиций возможно только через устранение правовых лакун, закладку чётких процедурно-правовых критериев в нормативную базу.

Анализ влияния конституционных установлений на систему безопасности макрорегиона выявляет их двойственный потенциал. С одной стороны, они создают основу для стабильной правовой среды, с другой – допускают амбивалентные трактовки, подрывающие эффективность правоприменения. Актуальность конституционно-правового вектора в условиях современной внутренней и внешней нестабильности требует от государственных институтов максимальной юридической ясности и институциональной гибкости.

Повышение результативности функционирования системы безопасности требует внедрения комплекса целенаправленных мер. Существенным направлением реформирования становится реализация программ правового просвещения, ориентированных на повышение уровня юридической информированности населения. Расширение знаний о конституционных правах и обязанностях стимулирует участие граждан в процессах общественного контроля и содействует правомерным формам взаимодействия с институтами правопорядка. Структурно образовательные программы, охватывающие различные социальные слои, включают курсы, семинары и общедоступные мероприятия, адресованные в первую очередь молодёжной аудитории и социально уязвимым группам.

Укрепление межведомственного взаимодействия приобретает особое значение в процессе институционального реагирования на потенциальные риски. Разработка устойчивых моделей координации между федеральным и региональными уровнями власти позволяет оптимизировать распределение ответственности, сократить управленческую избыточность и создать условия для оперативного принятия решений. Практика регулярных совещательных мероприятий, межведомственных учений и рабочих групп демонстрирует свою эффективность в разработке антикризисных сценариев. Институты гражданского общества, а также некоммерческие организации способны предложить альтернативные модели взаимодействия, усиливающие адаптивность органов государственной власти и усиливающие обратную связь с населением.

Усовершенствование нормативной базы в области обеспечения общественной безопасности включает необходимость разработки категориального аппарата с высокой степенью правовой определённости. Одновременное установление чётких рамок допустимых действий силовых структур и расширение гарантированного объёма прав личности служат системообразующими факторами развития правовой культуры. Законодательные инициативы, направленные на усиление публичной ответственности и транспарентность работы государственных структур, приобретают важнейшее значение в укреплении доверия населения.

Современные вызовы требуют масштабной модернизации технических средств обеспечения общественной безопасности. Интеграция интеллектуальных систем видеонаблюдения, средств доступа и аналитических центров обработки данных позволяет создать высокоэффективные комплексы мониторинга, способные в режиме реального времени выявлять потенциальные угрозы. Применение цифровых решений усиливает превентивный компонент национальной системы безопасности и способствует повышению защищённости критически важных объектов.

Современные формы трансграничных угроз, включая международный терроризм, экологические катастрофы, нелегальное перемещение то-

варов и лиц, предопределяют необходимость активного участия Российской Федерации в разработке и реализации международных договоров по безопасности. Расширение стратегического партнёрства с сопредельными странами, заключение двусторонних и многосторонних соглашений, направленных на координацию действий в кризисных ситуациях, представляет собой важную меру обеспечения внешнего периметра Дальневосточного региона как составной части национального пространства.

Системный подход к вопросам обеспечения общественной безопасности на Дальнем Востоке требует одновременного расширения возможностей конституционно-правовых инструментов, совершенствования нормативно-правовой базы, активного привлечения общественного ресурса и внедрения актуальных технологических решений. Только комплексная реализация указанных направлений способна обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие региона, снижение уровня внешних и внутренних угроз и формирование правовых оснований для долгосрочной стабильности российского Дальнего Востока.

Заключение

Проведённый аналитический обзор позволил установить ключевые детерминанты, формирующие общественную безопасность Дальневосточного федерального округа, и подчеркнуть приоритетную роль конституционного регулирования в структуре правового обеспечения данной сферы. Обобщение теоретических и эмпирических данных выявило устойчивую зависимость между эффективностью применения основополагающих норм Конституции и уровнем защищённости региона в условиях возрастающей геополитической и внутренней нестабильности.

Конституционно-правовой механизм выступает системообразующим элементом нормативного регулирования безопасности, устанавливая правовой статус личности, определяя компетенции институтов публичной власти, а также формируя практику реализации норм посредством функционирования правоохранительных и административных структур. В контексте территориальной специфики и асимметричности социально-экономического развития Дальневосточного региона особую значимость приобретает переосмысление процедуры нормативной адаптации. Правоприменение не может носить универсальный характер – необходим дифференцированный подход, ориентированный на региональные вызовы и особенности локального правового пространства.

Анализ риска выявил ряд структурных ограничений, снижающих результативность существующей системы обеспечения общественной безопасности. Среди негативных факторов следует отметить низкий уровень правовой осведомлённости населения, слабую межведомственную синхронизацию, а также фрагментарность законодательной базы.

Эффективное преодоление данных барьеров возможно при условии реализации программ правового просвещения, направленных на формирование правовой культуры, а также системной подготовки профильных кадров, владеющих компетенциями превентивного реагирования. Конструктивное взаимодействие между обществом и государством становится ключевым условием укрепления институционального авторитета и формирования устойчивого общественного доверия.

Экономико-социальные параметры определяют вектор развития общественной безопасности, поскольку уровень развития инфраструктуры, доступность рабочих мест и стабильность потребительской среды создают основу для снижения социальной напряжённости и предотвращения системных кризисов. В данных условиях интеграция правовых, экономических и политических инструментов в единую координатную стратегию повышает оперативную гибкость государственной политики, позволяет моделировать динамичные сценарии реагирования на угрозы и организует условия для устойчивого функционирования территориальных систем.

Научная перспектива в дальнейшем должна опираться на комплексное исследование успешных моделей реализации конституционных норм в области безопасности. Сравнительный анализ прецедентной практики субъектов Российской Федерации и зарубежных государств может сформировать методическую основу для проектирования эффективных организационно-правовых решений, применимых к дальневосточным условиям. В центре внимания должно находиться также изучение трансформационного влияния глобальных экономических процессов на безопасность региона в рамках расширяющейся системы международных связей и интеграционных механизмов.

Итоговые положения подчёркивают необходимость применения комплексного подхода к управлению общественной безопасностью дальневосточных территорий, опирающегося на институциональную реализацию конституционных установлений, расширение общественного участия и рациональное использование экономических ресурсов. Обеспечение сбалансированного развития региона и укрепление его устойчивости требует последовательного внедрения многоуровневых правовых, организационно-управленческих и социально-экономических инструментов, способных нейтрализовать актуальные и потенциальные угрозы.

Литература

1. Алексей В. Степанов. Концепция категории «национальная безопасность»: теоретический и правовой анализ. DOI 10.17072/1995–4190–2015–2–8–17 // Вестник Пермского университета Юридические науки. 01.01.2015 URL: <http://www.jurvestnik.psu.ru/index.php/en/vy-pusk-2–28–2015-engl?id=2176>;

2. Е. А. Куклина, О.В. Старикова. Устойчивое развитие регионов России и региональная безопасность в контексте нового норматива. DOI 10.15826/vestnik.2016.15.3.21 // Bulletin of Ural Federal University Series Economics and Management. 01.01.2016 URL: <http://vestnik.urfu.ru/ru/arkhiv/journal/80/article/1005/>;
3. В. В. Безпалов, Д.В. Федюнин, С.А. Автономова. Методы и инструменты разработки фирменного стиля компании в условиях высококонкурентных рынков. DOI 10.17072/1995–4190–2015–2–29–40 // Вестник Пермского университета Юридические науки. 01.01.2015 URL: <http://www.jurvestnik.psu.ru/index.php/en/vypusk-2-28-2015-engl?id=2180>;
4. Лычагин А.И., Кузьмина Ю.А.. Современные конституционные гарантии защиты прав личности в Российской Федерации и международные нормы в области защиты прав человека. DOI 10.7256/1812–8696.2013.7.2516 // Политика и Общество. 01.07.2013 URL: http://nbpublish.com/library_read_article.php?id=-25338;
5. Ольга И. Каяшева, Д. Ефремова. Личная рефлексия как фактор степени стрессовой устойчивости женщин, зависимых от других. DOI 10.18500/1994–2540–2015–15–1–90–95 // Izvestiya of Saratov University Economics Management Law. 01.01.2015 URL: <https://eup.sgu.ru/ru/articles/modifikaciya-sovremennoy-konstitucii-rossii>;
6. Григорий Василевич, Сергей Василевич. Модернизация конституций Российской Федерации и Республики Беларусь как отражение динамики социального развития. DOI 10.12737/jflcl.2022.019 // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 29.11.2022 URL: <https://jzsp.ru/articles/article-3232.pdf>;
7. Гирько С. И., Сандугей А.Н., Зубова М.В. Общественная безопасность в системе стратегических национальных приоритетов (теоретико-методологический анализ) // Научный портал МВД России. 2024. № 1 (65). С. 34–44.;
8. Кульба В. В., Шульц В.Л.. Диагностика и сценарный анализ внешних угроз региональной безопасности. DOI 10.7256/2073–8560.2014.5.13061 // Национальная безопасность / nota bene. 01.05.2014 URL: http://nbpublish.com/library_read_article.php?id=-31117;
9. А. Н. Хвостиченко. О смысле жизни, жизненных целях и источниках счастья. DOI 10.17072/1995–4190–2015–3–24–29 // Вестник Пермского университета Юридические науки. 01.01.2015 URL: <http://www.jurvestnik.psu.ru/index.php/en/issue-3-29-2015?id=2110>;

THE ROLE OF CONSTITUTIONAL NORMS IN ENSURING REGIONAL SECURITY ON THE EXAMPLE OF THE FAR EAST

Gusaim I.V.

Russian Academy of Sciences, Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article examines the role and significance of constitutional norms in the context of ensuring regional security, with an emphasis on the Far Eastern region of Russia. The methodological approach used in this study includes an analysis of constitutional norms regulating security issues, as well as an assessment of the specifics of the region in light of current challenges and threats.

Keywords: Constitutional norms, public safety, Far East, territorial integrity, sovereignty, rule of law, human rights, stability, cross-border crime, migration.

References

1. Alexey V. Stepanov. The concept of the category “national security”: theoretical and legal analysis. DOI 10.17072/1995–4190–2015–2–8–17 // Bulletin of Perm University Legal Sciences. 01.01.2015 URL: <http://www.jurvestnik.psu.ru/index.php/en/vypusk-2-28-2015-engl?id=2176>;
2. E. A. Kuklina, O.V. Starikova. Sustainable development of Russian regions and regional security in the context of the new standard. DOI 10.15826/vestnik.2016.15.3.21 // Bulletin of Ural Federal University Series Economics and Management. 01.01.2016 URL: <http://vestnik.urfu.ru/ru/arkhiv/journal/80/article/1005/>;
3. V. V. Bezpalov, D.V. Fedyunin, S.A. Avtonomova. Methods and tools for developing a company's corporate identity in highly competitive markets. DOI 10.17072/1995–4190–2015–2–29–40 // Bulletin of Perm University Legal Sciences. 01.01.2015 URL: <http://www.jurvestnik.psu.ru/index.php/en/vypusk-2-28-2015-engl?id=2180>;
4. Lychagin A.I., Kuzmina Yu.A. Modern constitutional guarantees of protection of individual rights in the Russian Federation and international norms in the field of human rights protection. DOI 10.7256/1812–8696.2013.7.2516 // Politics and Society. 01.07.2013 URL: http://nbpublish.com/library_read_article.php?id=-25338;
5. Olga I. Kayasheva, D. Efremova. Personal reflection as a factor in the degree of stress resistance of women dependent on others. DOI 10.18500/1994–2540–2015–15–1–90–95 // Izvestiya of Saratov University Economics Management Law. 01.01.2015 URL: <https://eup.sgu.ru/ru/articles/modifikaciya-sovremennoy-konstitucii-rossii>;
6. Grigory Vasilevich, Sergey Vasilevich. Modernization of the Constitutions of the Russian Federation and the Republic of Belarus as a Reflection of the Dynamics of Social Development. DOI 10.12737/jflcl.2022.019 // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 29.11.2022 URL: <https://jzsp.ru/articles/article-3232.pdf>;
7. Girkov S. I., Sandugei A.N., Zubova M.V. Public safety in the system of Strategic National priorities (theoretical and methodological Analysis) // Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 1 (65). P. 34–44 (In Russ.);
8. Kulba V. V., Shultz V.L. Diagnostics and scenario analysis of external threats to regional security. DOI 10.7256/2073–8560.2014.5.13061 // National Security / nota bene. 01.05.2014 URL: http://nbpublish.com/library_read_article.php?id=-31117;
9. A. N. Khvostchenko. On the meaning of life, life goals and sources of happiness. DOI 10.17072/1995–4190–2015–3–24–29 // Bulletin of Perm University Legal Sciences. 01.01.2015 URL: <http://www.jurvestnik.psu.ru/index.php/en/issue-3-29-2015?id=2110>;

Проблема информационной безопасности цифрового рубля как обязательный элемент построения цифрового суверенитета

Царегородцев Анатолий Валерьевич,

доктор технических наук, профессор, главный научный сотрудник Института цифровых технологий ФИТиАБД Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Елин Владимир Михайлович,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры информационной безопасности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя; научный сотрудник Института цифровых технологий ФИТиАБД Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Статья раскрывает особенности воздействия цифровой валюты Центрального Банка России (цифровых денег) на систему перераспределения денежных средств между цифровым рублем, счетами в коммерческих банках и наличными. В статье указаны особенности российского законодательства, статус оператора платформы цифрового рубля, порядок организации и обеспечения Банком России функционирования указанной платформы. В статье раскрывается ряд признаков цифрового рубля, особенности применения технологических решений, связанных с анализируемыми концепциями цифровых денег, а также особенности функционирования платформы цифрового рубля, особенности взыскания цифровых рублей, учитываемых на счете цифрового рубля должника. При этом Центральным Банком Российской Федерации определен ряд свойств цифрового рубля. Особое внимание авторы уделяют проблеме обеспечения информационной безопасности как в отношении структуры цифрового рубля, так и в отношении безопасности передачи данных при использовании указанной технологий.

Ключевые слова: информационная безопасность, пространство доверия, цифровой суверенитет, цифровой рубль.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситет.

Начало использования денег в новой форме, форме цифрового рубля несомненно повлечет за собой модификацию финансовой сферы страны, в т.ч. и окажет воздействие на систему финансовой стабильности, что связано с перераспределением денежных средств между цифровым рублем, счетами в коммерческих банках и наличными. При этом сейчас достаточно сложно предположить, насколько интенсивно и в каких объемах могут происходить эти перетоки между формами денег. Уже сейчас идет обсуждение проблем волатильности остатков на счетах клиентов и изменениями в структуре балансов.

При использовании цифрового рубля, вероятно, будут установлены некоторые ограничения для конвертации средств со счетов банков в цифровой рубль – аналогичные тем, что сейчас имеют место для наличных рублей (например, ограничение на объем снятия наличных в сутки, предварительное информирование банка о необходимости снять с банковского счета средства, превышающие определенную сумму)¹. Аналогично в таких случаях может возрастать спрос и на цифровой рубль как обязательство центрального банка. В этих условиях, для того чтобы ограничить риски для устойчивости финансовых институтов и обеспечить финансовую стабильность, Банк России может задействовать инструменты макропруденциальной политики, а также инструменты экстренного предоставления ликвидности, возможно, с дополнительной настройкой этих инструментов.

Согласно российскому законодательству², статус оператора платформы цифрового рубля определен для Банка России, предусматриваются порядок организации и обеспечения Банком России функционирования указанной платформы, особенности взыскания цифровых рублей, учитываемых на счете цифрового рубля должника. Национальная денежная единица иностранного государства, выпускаемая в цифровой форме национальным центральным банком или иным органом иностранного государства приравнивается к иностранной валюте.

¹ Жарова, А.К. Классификаторы деструктивных воздействий в цифровом пространстве / А.К. Жарова // Пробелы в российском законодательстве. – 2024. – Т. 17, № 6. – С. 28–32. – DOI 10.33693/2072–3164–2024–17–6–028–032. – EDN JAWDLZ.

² Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 24.07.2023 N 340-ФЗ

Будучи высокотехнологичным платежным инструментом, цифровой рубль обладает рядом специфических признаков, к которым можно отнести: свободная конвертация цифрового рубля в безналичные деньги; бесшовная интеграция с цифровыми платформами (организация расчетов и бесшовное встраивание расчетов с цифровыми деньгами в общую систему безналичных платежей и переводов, реализации «умных контрактов»; цифровой рубль предоставляется центральным банком на единых условиях и доступен в нон-стоп режиме на всей территории страны как в приложении банка (финансового посредника), предоставляющего пользователю доступ к электронному кошельку на платформе цифрового рубля, так и в иных приложениях, имеющих соединение с платформой цифрового рубля. Поскольку использование цифрового рубля предполагает использования в офлайн-режиме, когда пользователь совершает перевод средств или оплату покупки в магазине без доступа к сети Интернет путем перевода цифрового рубля со своего онлайн-кошелька на устройство, поддерживающее функции расчетов в цифровой валюте в офлайн-режиме¹.

Технически основной технологией выступает технология распределенных реестров (DLT)². Объектом учета в распределенных реестрах является токен. Производительность DLT ниже централизованной системы, однако технология DLT более устойчива к различным инцидентам по сравнению с централизованными системами именно в связи с учетом физического распределения центров хранения и обработки информации.

Более производительным решением по сравнению с децентрализованной моделью выступает централизованное решение, которое может лучше справляться с большими нагрузками, характерными для большого объема платежей. Такое решение может быть проще в реализации, при этом ответственность за доступность, производительность и отказоустойчивость всей системы в целом ложится на единственного участника. Централизованная система в значительной степени реализована на уже известных и апробированных технологиях и инструментах информационной безопасности и киберустойчивости, требования к которым закреплены в законодательных, нормативных актах, стандартах и рекомендациях, в том числе разработанных Банком России.

В случае невозможности удовлетворения всех требований, предъявленных к цифровому рублю одной из технологий, может потребоваться их комбинация. Такие гибридные решения могут совмещать достоинства каждой технологии там, где она наиболее уместна для использования,

¹ Для осуществления перевода между пользователями в офлайн-режиме необходимо активировать устройства с возможностью осуществления расчетов в офлайн-режиме для перевода и зачисления ЦВЦБ, которые осуществляются с использованием технологий беспроводной связи.

² Такие технологии обеспечивают большую устойчивость через распределенную систему нод2, а также автоматизацию исполнения контрактов («умные», смарт-контракты).

при этом необходимо учитывать затраты на обслуживание двух решений, в том числе их интеграцию. Децентрализованная и гибридная схемы, использующие технологии распределенных реестров, потребуют разработки новых технологий информационной безопасности или переосмысления, анализа и научно-технической проработки применения уже имеющихся, поскольку, по мнению ряда российских специалистов, задача обеспечения информационной безопасности для распределенных систем в настоящее время не имеет оптимального решения. В силу распределенного характера систем необходимо учесть возможные угрозы, относящиеся не к конкретному пользователю, а к системе в целом. При реализации решений с использованием технологии распределенных реестров возникают задачи, которые в силу их специфики предполагается классифицировать на следующих технологическом (безопасность применяемых протоколов и уровня данных), прикладного программного обеспечения и техническом уровне (уровень инфраструктуры) уровнях, причем в каждом конкретном случае требуется индивидуальный анализ безопасности, криптографических функций, функциональных аспектов, а также формирование группы защитных мер.

При этом следует иметь в виду, что при любой выбранной технологической платформе, сохраняется основная задача информационной безопасности, заключающаяся в обеспечении целостности, доступности, конфиденциальности информации, минимизации рисков технологической зависимости реализуемой инфраструктуры от поставщиков ИТ-услуг, продуктов и сервисов, обеспечение применения доверенных программных и аппаратных компонентов, а также противодействие социальной инженерии. Исходя из предлагаемых свойств, центральным банком рассматривалось несколько концепций цифровых денег:

Первый подход основан на том, что создание и выпуск цифрового рубля осуществляется Центральным банком, который также открывает кошельки банкам для осуществления межбанковских расчетов и операций с ценными бумагами на платформе цифрового рубля. Недостатком подхода выступает отсутствие дополнительных преимуществ для граждан и бизнеса по сравнению с существующими платежными системами, поскольку у физических и юридических лиц доступ к цифровому рублю отсутствует.

Существует вариант, когда Центральный Банк открывает и ведет кошельки клиентов на платформе цифрового рубля. Центральный банк создает платформу цифрового рубля, осуществляет выпуск цифрового рубля и предоставляет прямой доступ к цифровому рублю физическим и юридическим лицам, осуществляет открытие кошельков клиентам и осуществление по ним расчетов. Центральный банк также может осуществлять открытие расчетных счетов клиентов и расчетно-кассовое обслуживание без открытия счета для

проведения расчетов. Каждому клиенту открывается только один кошелек, расчеты по которым осуществляются Центральным Банком напрямую с клиентами без участия банков/финансовых посредников.

Третий подход связан с открытием Центральным Банком кошельков клиентов на платформе цифрового рубля. При этом банки выступают в качестве финансовых посредников, инициируют открытие кошельков клиентов и осуществление по ним расчетов. Центральный Банк создает платформу цифрового рубля, осуществляет выпуск цифрового рубля и предоставляет доступ к цифровому рублю физическим и юридическим лицам, включая открытие кошельков клиентам и осуществление по ним расчетов. Каждому клиенту открывается только один кошелек цифрового рубля. Открытие кошелька и доступ клиентов к нему может осуществляться через любой банк или через иного финансового посредника, подключенного к платформе.

И, наконец, существует подход, когда Центральный Банк создает платформу цифрового рубля, осуществляет выпуск цифрового рубля и предоставляет доступ физическим и юридическим лицам. открывает и ведет кошельки банкам или финансовым посредникам, которые, в свою очередь, открывают и ведут кошельки клиентов на платформе цифрового рубля и осуществляют по ним расчеты. Каждому клиенту открывается только один кошелек цифрового рубля, доступ к которому для проведения расчетов может осуществляться через любой банк или через иного финансового посредника, подключенного к платформе.

В Российской Федерации Банк России обладает статусом оператора платформы цифрового рубля, осуществляет организацию и обеспечение самого процесса функционирования платформы цифрового рубля. Закон также устанавливает особенности функционирования платформы цифрового рубля, особенности взыскания цифровых рублей, учитываемых на счете цифрового рубля должника.

В процессе подготовки и принятия указанного нормативного акта особое внимание было уделено ряду аспектов, к которым, в первую очередь, следует отнести:

- защиту прав пользователей. Здесь особое внимание обращает на себя такое свойство цифрового рубля как конфиденциальность информации о потребителе, поскольку сведения об использовании цифрового рубля содержат ограниченную информацию о назначении и получателе платежа по сравнению с существующими платежными системами;
- влияние введения цифрового рубля на финансовую систему и эффективность реализации политики Банка России по обеспечению ценовой и финансовой стабильности в интересах общества;
- модели и механизмы создания системы обращения цифрового рубля;

– обеспечение информационной безопасности системы обращения цифрового рубля¹.

При этом Центральным Банком Российской Федерации определен ряд свойств цифрового рубля, которые заключаются как в простоте использования цифрового рубля при поддержке типовых платежных сценариев; быстрота реализации транзакций, сравнимая с осуществлением операций с помощью платежных карт или других электронных устройств; надежность при выполнении операций, под которой понимают крайне низкую (близкую к нулю) вероятность сбоя; низкие издержки платежника при совершении операций с цифровым рублем; повсеместность приема, как у наличных денег; безопасность хранения средств на электронном кошельке, уверенность потребителя в низком риске потери средств; удобство и легкость конверсии цифрового рубля в наличные и средства на счетах в банках².

К особенностям цифрового рубля, в части защиты прав потребителей следует отнести: как возможность включения информации об оплате цифровыми рублями в документы, подтверждающие покупку (оплату) товара, работы или услуги; так и особую процедуру возврата потребителям денежных средств при отмене операций или возврате товаров, оплаченных с использованием цифрового рубля.

Для потребителей определен простой и доступный порядок действий при возникновении конфликтных ситуаций (например: утрату доступа к устройствам или платежным приложениям для управления своими средствами; оспаривание ранее проведенных транзакций и возникновении разногласий между участниками расчетов в цифровом рубле).

Существующие варианты технической реализации цифровой валюты центрального банка направлены на интеграцию различных элементов платежной системы для перевода денежных средств из одной формы в другую то есть обеспечение бесшовности платежного пространства. Существует возможность построения децентрализованной, централизованной или гибридной модели.

В части обеспечения информационной безопасности системы обращения цифрового рубля фокус внимания со стороны Банка России в области информационной безопасности направлен в первую очередь на создание доверенной среды, которая будет обеспечиваться за счет применения безопасных технологий и своевременного выявления и устранения возможных уязвимостей в технологии обращения цифрового рубля и компонентах инфраструктуры цифрового рубля.

¹ Доклад Банка России для общественных консультаций «Цифровой рубль»//https://cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf

² Могут быть установлены условия (ограничения) по конверсии в цифровой рубль средств со счетов в коммерческих банках (например, заблаговременное предупреждение банка о снятии крупной суммы со счета или ограничение той суммы, которая может быть переведена в наличные без такого предупреждения).

Поскольку цифровой рубль формируется и обрабатывается в специальной информационной системе, задача формального подтверждения платежеспособности цифрового рубля реализуется конкретно-анализа применяемых криптографических вычислений, функциональных аспектов системы. Например¹, по мнению Центрального Банка Российской Федерации, при организации кроссплатформенного взаимодействия в пределах юрисдикции Российской Федерации, необходимо обеспечить мониторинг информационной безопасности кроссплатформенных операций, конфиденциальность и целостность информации при передаче между разнородными платформами. Система должна вести корректный учет и контроль действий и статусов операций, а также отслеживать доступность сервисов и скорость передачи информации. Обязательным условием является возможность встраивания и интеграции протоколов взаимодействия, форматов передачи информации, включая взаимное признание применяемых криптографических протоколов.

Обеспечение информационной безопасности напрямую связано с анализом взаимодействия цифрового рубля со сторонними системами (что может требовать применения не только российских², но и иностранных криптографических алгоритмов, при осуществлении трансграничных платежей; реализацию офлайн-платежей, включая разработку соответствующих математических и физических моделей (аппаратно-программных прототипов); подтверждение формальной платежеспособности цифрового рубля, в том числе при расчетах в офлайн-режиме, подтверждение законности владения цифрового рубля и исключения неавторизованного использования цифрового рубля третьими лицами без согласия владельца цифрового рубля; обеспечение доверия к процессу разработки смарт-контрактов, документальной базы для сертификации смарт-контрактов и процессов их разработки.

Таким образом, следует иметь в виду, что формирование так называемой среды доверия, учитывающей различия национального регулирования операторов цифровой валюты центральных банков является неотъемлемой частью трансграничного обращения цифрового рубля. Указанное обстоятельство затрудняется рядом факторов, как -то: ограничения на применение иностранных средств криптографической защиты информации, отсутствие единых международных стандартов обеспе-

¹ Доклад для общественных консультаций «Цифровой рубль» (октябрь 2020 г.)

² ГОСТ 28147-89 – «Системы обработки информации. Защита криптографическая. Алгоритм криптографического преобразования»; ГОСТ 34.10-2018 – «Информационная технология. Криптографическая защита информации. Процессы формирования и проверки электронной цифровой подписи»; ГОСТ 34.11-2018 – «Информационная технология. Криптографическая защита информации. Функция хэширования»; ГОСТ 34.12-2018 – «Информационная технология. Криптографическая защита информации. Блочные шифры»; ГОСТ 34.13-2018 – «Информационная технология. Криптографическая защита информации. Режимы работы блочных шифров».

чения информационной безопасности (в том числе криптографических) и единой системы сертификации для международных процедур проведения оценки соответствия (аудита). Указанные факторы, впрочем могут быть преодолены на технологическом уровне построением единых распределенных или гибридных систем.

Указанное обстоятельство еще раз поднимает вопрос о необходимости компетентного регулирования указанной сферы отношений, причем как правовыми так и техническими нормами.

Литература

1. Жарова, А.К. Классификаторы деструктивных воздействий в цифровом пространстве / А.К. Жарова // Пробелы в российском законодательстве. – 2024. – Т. 17, № 6. – С. 28–32. – DOI 10.33693/2072–3164–2024–17–6–028–032. – EDN JAWDLZ.
2. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 24.07.2023 N 340-ФЗ
3. Доклад для общественных консультаций «Цифровой рубль» (октябрь 2020 г.)//<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74662042/>
4. ГОСТ 28147-89 – «Системы обработки информации. Защита криптографическая. Алгоритм криптографического преобразования»;
5. ГОСТ 34.10-2018 – «Информационная технология. Криптографическая защита информации. Процессы формирования и проверки электронной цифровой подписи»;
6. ГОСТ 34.11-2018 – «Информационная технология. Криптографическая защита информации. Функция хэширования»;
7. ГОСТ 34.12-2018 – «Информационная технология. Криптографическая защита информации. Блочные шифры»;
8. ГОСТ 34.13-2018 – «Информационная технология. Криптографическая защита информации. Режимы работы блочных шифров».

THE PROBLEM OF INFORMATION SECURITY OF THE DIGITAL RUBLE AS A MANDATORY ELEMENT OF BUILDING DIGITAL SOVEREIGNTY

Tsaregorodtsev A.V., Elin V.M.

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow
University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

The article reveals the features of the impact of the digital currency of the Central Bank of Russia (digital money) on the system of redistribution of funds between the digital ruble, accounts in commercial banks and cash. The article specifies the features of Russian legislation, the status of the operator of the digital ruble platform, the procedure for organizing and ensuring the functioning of the said platform by the Bank of Russia. The article reveals a number of features of the digital ruble, features of the application of technological solutions related to the analyzed concepts of digital money, as well as features of the functioning of the digital ruble platform, features of the collection of digital rubles recorded in the debtor's digital ruble account. At the same time, the Central Bank of the Russian Federation has defined a number of properties of the digital ruble. The authors pay special attention to the problem of ensuring information security both in relation to the structure of the digital ruble and in re-

lation to the security of data transmission when using the specified technologies.

Keywords: information security, trust space, digital sovereignty, digital ruble.

References

1. Zharova, A.K. Classifiers of destructive impacts in the digital space / A.K. Zharova // Gaps in Russian legislation. – 2024. – Vol. 17, No. 6. – Pp. 28–32. – DOI 10.33693/2072–3164–2024–17–6–028–032. – EDN JAWDLZ.
2. Federal Law “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” dated July 24, 2023 N 340-FZ
3. Report for public consultations “Digital Ruble” (October 2020)// <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74662042/>
4. GOST 28147–89 – “Information processing systems. Cryptographic protection. Cryptographic transformation algorithm”;
5. GOST 34.10–2018 – “Information technology. Cryptographic protection of information. Processes of formation and verification of electronic digital signature”;
6. GOST 34.11–2018 – “Information technology. Cryptographic protection of information. Hash function”;
7. GOST 34.12–2018 – “Information technology. Cryptographic protection of information. Block ciphers”;
8. GOST 34.13–2018 – “Information technology. Cryptographic protection

Влияние цифровых технологий на взаимодействие банков с клиентами: правовой аспект

Зейналов Иса Магеррам оглы,
магистрант, юрист в финансовой сфере
E-mail: the.isa.zeynalov@mail.ru

Статья посвящена изменениям во взаимодействии банков и клиентов между собой в условиях стремительной цифровой трансформации банковской сферы. Данные изменения позволили открыть новые возможности для ведения финансовых процессов и изменили качество обслуживания. Автор делает акцент на глубоком и комплексном анализе влияния цифровых технологий на работу с финансовыми активами и усилия со стороны законодательства на защиту персональных данных клиентов и их финансовых активов. Немаловажным является предоставление информации со стороны банков о целях сбора и использование персональных данных клиентов для повышения доверия. Особо внимание уделяется дополнительной защите от киберугроз со стороны самих банков путем вливания их собственных инвестиций и направлением дополнительных людских ресурсов на развитие различных систем обнаружения угроз, взломов и мошеннических действий с их последующим предотвращением. Российская Федерация занимает лидирующие позиции в мире по масштабному применению новых цифровых технологий в области финансовой и банковской сферы. В своем заключении автор делает вывод о все ещё необходимом регулировании банковской сферы совместно с клиентами в условиях цифровой трансформации. Дополнительно отмечается необходимость на будущие изменения законодательства за соответствующими изменениями цифровых технологий. Своевременные изменения позволят эффективно регулировать взаимоотношения в области криптовалюты и цифрового рубля.

Ключевые слова: Цифровые технологии, банковская сфера, персональные данные, клиенты.

В настоящее время цифровые технологии активно внедрились в банковскую сферу и стали её полноценной частью, без них сейчас невозможно представить практически никакую актуальную услугу или функцию, предоставляемую банками клиентам. Цифровизация позволила быстро и удобно пользоваться своими финансовыми активами абсолютно с любой точки страны и в любое время. Всё можно сделать с помощью мобильного приложения, которое в отличие от отделений банков работает круглосуточно. Всегда доступна техническая поддержка и возможность совершать финансовые операции. Искусственный интеллект, доступный сейчас практически у каждого банка и для каждого клиента становится всё умнее и предлагает дополнительные и выгодные услуги, способен отвечать на часто задаваемые вопросы и помогать в поиске нужных данных и способен консультировать и выдать определенную сумму кредита, на свое усмотрение. Правда кредит все еще одобряется определенными сотрудниками банков. Для них искусственный интеллект способен быстро собрать кредитную историю о заемщике и дополнительно оценить риски. Однако с этими изменениями возникли новые вызовы в области права и защиты прав потребителей. Необходимость разработки законодателем новых правовых актов к современным условиям стала актуальной темой и все ещё ею является.

Для пользования всеми благами цифровых технологий, необходимо иметь аккаунт, который в большинстве случаев должен быть защищён двухфакторной аутентификацией и который нельзя просто так создать без документов, которые удостоверяют личность гражданина. Они необходимы для доступа ко всем услугам банков, но встаёт вопрос защиты и правомерности обработки этих персональных данных. Без должной правовой защиты, банки могут использовать эти данные в абсолютно разных целях. Базы данных должны так же защищены от взломов и утечек, после такого конечно подрывается репутация и доверие к банку, но вследствие попаданий этих данных в пользование злоумышленников несёт негативные последствия в основном для клиентов. Из-за раскрытой (или украденной) конфиденциальной информации, клиенты этих банков могут лишиться своих денежных средств или столкнуться с иными негативными последствиями.

Законодательство активно подстраивается под новые цифровые нововведения, большинство из ФЗ направлены на создание банками надёжной защиты для персональных данных и регулирует от-

ветственность при утечки этих данных, конечно если будет доказано нарушение и вина банка. Банкам необходимо производить профилактические меры, направленные на современные условия банковской сферы, и в целом на надёжное и открытые взаимодействия банков с клиентами. В целом законодательные акты также подчёркивают принцип прозрачности и ответной реакции на различные ситуации. Правильное реагирование на инциденты позволит клиентам значительно лучше разобраться в ситуации и понять позицию банка, тем самым банки не теряют доверие со стороны собственных клиентов.

В настоящее время внедрение новых цифровых технологий привнесли удобство и простоту по регистрации в том или ином банке без необходимости лично посещать отделения и офисы этих банков, все возможно совершить онлайн, путем регистрации в мобильных приложениях. Таким образом клиентам банков можно быстро и без финансовых потерь переходить из одного банка в другой банк. Поэтому самим банкам в любой непонятной ситуации необходимость проводить быстрые и комплексные меры объяснения по этим инцидентам и возвращение доверия собственных клиентов, ведь в современных условиях рынка это играет жизненно важную роль для самих банков.

Например федеральный закон 152 «О персональных данных» представляет собой важный и главный нормативно правовой инструмент для многих банков. В нем подробно представлена защитная структура и регламентируются обязательные условия для хранения и использования персональных данных банками и иными органами для различных целей.

Немаловажным в законе является то, что согласие на допуск и обработку персональных данных дается только с разрешения клиента.

Персональные данные включает в себя сведения, которые позволяют установить личность человека, большей частью персональных данных являются паспортные данные, СНИЛС, телефон и адрес проживания. Со временем к этим данным прикрепляются истории о кредитных и финансовых операциях, в целом деятельность банковской сфере.

Это позволяет банкам идентифицировать и проводить верификацию клиентов, вместе с этим это является частью подтверждения личности при необходимости финансовых операций, к примеру открытие счёта или получения крупной суммы кредита. Обработка персональных данных позволяет банкам осуществлять поиск клиента по общедоступным базам данных. Данная практика позволяет быстро осуществлять анализ на кредитоспособность в рамках определённого времени и денежной суммы. Подобный анализ кредитоспособности и в целом платежеспособности позволяет минимизировать риски для самого банка. Даже, несмотря на то, что основной целью банка является заработок денежных средств, финансовый анализ клиента не всегда предназначен для

сбережения финансов самого банка. Косвенно данная операция также позволяет сберечь финансовое состояние обратившегося к банку клиента и в целом уберечь его в будущем от банкротства и так называемый нервотрепки. Одной из основных задач для сбора персональных данных является их использование для поддержки высокого уровня безопасности и предотвращения похищения банковского личного кабинета. К примеру клиенты с помощью своих персональных данных могут подтвердить свою личность, если лишились доступа к своему банковскому счёту. Также клиенты банков могут пользоваться функцией, при которой происходит проверка личности при крупных финансовых операциях, для подтверждения этих самых операций.

Банки должны предоставлять информацию своим клиентам о целях, в рамках которых будут обрабатываться и использоваться персональные данные. Также необходимо обеспечить доступ клиентов к своим персональным данным для их исправления или замены информации при необходимости.

Закон также разъясняет о обязанностях должностных лиц, в чьи обязанности входит обработка этих данных и их соблюдение сохранности. Операторы должны проводить анализ хранилища потенциальные угрозы взлома и хищения данных. Законом предусмотрены административные и уголовные наказания, включая штрафы и лишение свободы для должностных лиц в случае неправомерного выполнения своей работы.

По мере развития и внедрение цифровизации в банковскую сферу, персональные данными становятся не только паспортные данные человека, но также к примеру его биометрические данные и много финансовой истории, даже за пределами страны.

Как раз за счёт утечки биометрических данных, злоумышленники могут получить доступ к различным личным кабинетом гражданина, где могут храниться его личные фотографии или переписки. Именно поэтому кибербезопасность стала одним из приоритетным направлениям для законодателя, наравне с финансовой прозрачностью.

Обширные использование цифровых технологий в мобильных приложениях банков для услуг иногда может создать путаницу для клиентов, из-за чего условия услуг могут показаться совершенно другими, также оценить риски и платёжеспособность бывает сложно. В каком-то роде нет доступа к полной информации. Федеральный закон «О защите прав потребителей» в этом вопросе является важным инструментом, в случае непреднамеренных действий и обстоятельств, клиентам проще отказаться от ненужных им услуг или условий. Правда этот ФЗ требует актуальной адаптации к быстро изменяемой банковской сфере. Законодатель должен включать условия, при которых клиентам в проще разобраться в представленной информации от банка, нужно внедрить требования для улучшенной оценки рисков.

Новые технологии цифровизации позволяют совершать покупки и продажу на валютном рынке практически всем клиентам крупных российских банков внутри мобильных приложений. За последний год происходили сильные колебания валюты, многие предприимчивые граждане на этих колебаниях хотят приумножить свой капитал, поэтому услуги по валютному обмену стали популярны. Но также обманами валют могут пользоваться мошенники, и другие лица для неправомерных действий. Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле» активно ведёт контроль и как раз цифровизация позволяет делать это лучше.

В рамках этого закона обеспечивается подчинение банков федеральным органам, эти условия и сотрудничество с банками позволяют лучше обеспечить финансовую безопасность страны, клиентов и их самих банков. На данный момент законодательство в сфере регулирования цифровизации банковской сферы не является идеальным, банки все ещё находят и вводят в доступ новые услуги, которые предоставляют своим клиентам, а им необходима скорость, удобство и выгода вот этих услуг.

Частью взаимодействия банков с их клиентской базой является продвижение персональных условий для них. Банки, путём анализа с помощью новых цифровых технологий и искусственного интеллекта, подбирают и затем продвигают определённым группам специальные предложения. Такие предложения включают в себя индивидуальные тарифы или же низкие процентные ставки и низкие комиссии, которые банк готов предоставлять своим клиентам. Зачастую такие выгодные предложения делаются для тех клиентов, которые сотрудничают с банком достаточно давно. Но также вводятся новые предложения для привлечения новых клиентов.

Дополнительно можно отметить огромный вклад искусственного интеллекта, которой помогает банкам в подборе более узконаправленных специальных предложений. Внедрение искусственного интеллекта стало возможным благодаря развитию в банковском секторе новых цифровых технологий. Искусственный интеллект за последние годы сильно улучшил взаимодействия клиентов и банков, он помогает анализировать конкретного клиента на основе его платежеспособности, уровня заработной платы и в целом учитывая его траты и покупки. На этом основании и ещё на ряде других можно продвигать в личном кабинете данного клиента определённую рекламу, связанную с приобретением драгоценных металлов или же получением кредита или ипотеки по выгодным для него и банка процентам.

Немаловажным аспектом в подобном взаимодействии является особое внимание к клиенту. Подбор специализированных предложений со стороны банка создает у клиента ощущение заботливости и значимости своих идей и работы перед банком, так клиент понимает, что в трудную мину-

ту ему могут пойти на встречу и например предоставить специальные каникулы по определённому кредиту. Такой подход позволяет банком не только сохранить клиентскую базу, но и активно развивать совместные работы. Такая забота может проявляться в низких процентных ставках кредитов на бизнес или консультации с экспертами банка по определённым вопросам, которые могут касаться как ипотеки на недвижимость, так и при продвижении бизнеса клиента. Конечно банк заинтересован в достаточном доходе своих клиентов, ведь от их прибыли может частично зависеть финансовая прибыль самого банка.

В целом персональные условия активности стимулирует приобретение дополнительных услуг и товаров со стороны клиентов у банка, тем самым можно продвигать собственные кредитные карты или страховые услуги. Подобные взаимодействия положительно сказываются на финансовом благополучии и стабильности двух сторон. Такой подход по продвижению индивидуальных продуктов позволяет привлекать ещё больше клиентов. В последние годы такая ориентированность на клиентов является отличной рекламой самих банков, которые предлагают такие условия.

Правовой регулирование для банков присутствует и действует не только внутри страны, но иногда они распространяются на международный уровень. Например между странами Европейского союза существуют директива PSD2 (Payment Services Directive 2). Её основными задачами является повышение конкуренции между банками в сфере платёжных услуг, защита прав клиентов и упрощения платежей клиентов и банков между собой среди стран участниц. Она также вводит требования к использованию сильной системы защиты и идентификации, так же требует от финансовых учреждений предоставления прозрачности платёжных операций. В основном для клиентов одного банка становится очень просто отправить денежные средства для другого клиента, другого банка в другую страну. Государство в свою очередь борется с мошенничеством и отмыванием денежных средств внутри стран ЕС. В общем она вносит значительный вклад для конкуренции и внедрение инноваций в банковскую сферу ЕС.

В странах Евразийского экономического союза и БРКС также имеются инициативы на создание аналогичной системы. Ближе к этой цели конечно подошла ЕАЭС. В ней работают над созданием единой платёжной системы для обеспечения беспрепятственных транзакций между странами-участницами для ускоренных платежей, снижение таможенных сборов и других лишних затрат. Так же клиенты банков могли бы отправлять денежные средства моментально без комиссии на счета в другие страны. Суммарно это приведёт к улучшению экономических взаимоотношений между странами союза и расширит возможность банков между собой и клиентами. Правда на данный момент между странами-участницами не существует единого законодательного регулирования, а все

работают над созданием или уже доработкой своих внутренних платёжных систем.

Дальше всех в вопросе платёжной системы продвинулась Российская Федерация, где несколько лет активно работает система быстрых платежей, она позволяет мгновенно переводить клиентам денежные средства между счётами в разных банках. Стабильную работу платёжной системы регулирует Федеральный закон «О национальной платёжной системе». С 2011 года он регулирует работу различных структур для обеспечения стабильности платёжной системы и её защиту от внешних взаимодействий. В целом с этого закона началось развитие внутренней и международной платёжной системы РФ. Прописываются аспекты безопасности, устойчивости и соблюдение прав пользователей со стороны банков. Регулируется использование различных платёжных инструментов, от платёжных карт до электронных денег и мобильных приложений для клиентов.

Также вводятся требования по использованию шифрования и других методов защиты для персональных данных клиентов. В условиях постоянного изменения технологического ландшафта необходимо периодически пересматривать нормы закона. Это позволит эффективно регулировать новые технологии, такие как криптовалюты и цифрового рубля.

В настоящее время можно уверенно рассуждать о том, что цифровые технологии принесли банком и их клиентам упрощение взаимодействия между собой. За последние годы центральный банк России усовершенствовал эту систему, но в ней всё ещё могут наблюдаться недостатки и важно помнить и о возможных рисках, связанных с безопасностью и хранением данных.

Литература

1. Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. – 2006. – № 31(1). – ст. 3451.
2. Закон РФ от 7 февраля 1992 г. N 2300-I «О защите прав потребителей» // Текст Закона опубликован в «Российской газете» от 7 апреля 1992 г., N 15, ст. 766
3. Федеральный закон от 10.12.2003 N 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // Текст Федерального закона опубликован в СЗ РФ от 15 декабря 2003 г. N 50 ст. 4859.
4. Федеральный закон от 27.06.2011 N 161-ФЗ «О национальной платёжной системе» // Текст Федерального закона опубликован СЗ РФ от 4 июля 2011 г. N 27 ст. 3872.
5. Горда Александр Сергеевич. Fintech и цифровые трансформации на мировом финансовом рынке // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2023. № 2 (63). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fintech-i-tsifrovye-transformatsii-na-mirovom-finansovom-rynke> (дата обращения: 25.08.2025).
6. Курбанова Дурдона Боходир Кизи. Цифровизация банковского сектора: трансформация финансовых услуг в эпоху цифровой революции // Universum: экономика и юриспруденция. 2023. № 11 (109). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-bankovskogo-sektora-transformatsiya-finansovyh-uslug-v-epohu-tsifrovoy-revolutsii> (дата обращения: 25.08.2025).
7. Казаченок Олеся Павловна. Воздействие цифровых технологий на правовой режим защиты персональных данных в банковской деятельности // Legal Concept. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozdeystvie-tsifrovyyh-tehnologiy-na-pravovoy-rezhim-zaschity-personalnyh-dannyh-v-bankovskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 25.08.2025).
8. Уразова С. А., Корсунова Н.Н. Направления трансформации банковского обслуживания корпоративных клиентов в условиях перехода к цифровой экономике // Вестник РГЭУ РИНХ. 2021. № 2 (74). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-transformatsii-bankovskogo-obsluzhivaniya-korporativnyh-klientov-v-usloviyah-perehoda-k-tsifrovoy-ekonomike> (дата обращения: 25.08.2025).
9. Цвырко А. А., Сухорукова Н.В., Иващенко Т.Н. адаптация банковского бизнеса к современным цифровым трендам // ЕГИ. 2022. № 3 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-bankovskogo-biznesa-k-sovremennym-tsifrovym-trendam> (дата обращения: 25.08.2025).
10. Н. Н. Корсунова Создание инновационной среды взаимодействия банка и корпоративных клиентов // Вестник Академии знаний. 2021. № 6 (47). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sozдание-innovatsionnoy-sredy-vzaimodeystviya-banka-i-korporativnyh-klientov> (дата обращения: 25.08.2025).
11. Розьева Г. Б., Атаева М.Э. Улучшение маркетинга в коммерческих банках: современные подходы и перспективы // Символ науки. 2024. № 11–2–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uluchshenie-marketinga-v-kommercheskih-bankah-sovremennye-podhody-i-perspektivy> (дата обращения: 25.08.2025).
12. Кельпов Денис Владимирович. Влияние цифровизации бизнес-процессов на увеличение притока клиентов и прибыли банков // Universum: технические науки. 2025. № 2 (131). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovizatsii-biznes-protsessov-na-udelichenie-pritoka-klientov-i-pribyli-bankov> (дата обращения: 25.08.2025).
13. Мановицкий С. И., Яковенко С.Н. Банковский сектор России: перспективы развития и цифровые технологии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 5–4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bankovskiy-sektor-rossii-perspektivy-razvitiya-i-tsifrovye-tehnologii> (дата обращения: 25.08.2025).

14. Наталья Игоревна Быканова Цифровая трансформация банковского маркетинга в современных условиях // Вестник РЭА им. Г.В. Плеханова. 2023. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-bankovskogo-marketinga-v-sovremennyh-usloviyah> (дата обращения: 25.08.2025).

THE IMPACT OF DIGITAL TECHNOLOGIES ON INTERACTION BETWEEN BANKS AND CLIENTS: LEGAL ASPECT

Zeynalov I.

The article is devoted to changes in the interaction between banks and clients in the context of rapid digital transformation of the banking sector. These changes have opened up new opportunities for financial processes and changed the quality of service. The author focuses on a deep and comprehensive analysis of the impact of digital technologies on working with financial assets and efforts by legislation to protect the personal data of clients and their financial assets. It is important for banks to provide information on the purposes of collection and the use of personal data of clients to increase trust. Particular attention is paid to additional protection against cyber threats from the banks themselves by injecting their own investments and directing additional human resources to the development of various systems for detecting threats, hacking and fraudulent activities with their subsequent prevention. The Russian Federation occupies a leading position in the world in the large-scale application of new digital technologies in the financial and banking sector. In his conclusion, the author concludes that regulation of the banking sector together with clients in the context of digital transformation is still necessary. Additionally, the need for future changes in legislation for the corresponding changes in digital technologies is noted. Timely changes will allow for effective regulation of relations in the field of cryptocurrency and the digital ruble.

Keywords: Digital technologies, banking, personal data, clients.

References

1. Federal Law of 27.07.2006 N 152-FZ "On Personal Data" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2006. – No. 31 (I). – Art. 3451.
2. Law of the Russian Federation of 7 February 1992 N 2300-I "On Protection of Consumer Rights" // The text of the Law was published in the "Rossiyskaya Gazeta" of 7 April 1992, N 15, Art. 766
3. Federal Law of 10.12.2003 N 173-FZ "On Currency Regulation and Currency Control" // The text of the Federal Law was published in the Collected Legislation of the Russian Federation of 15 December 2003 N 50, Art. 4859.
4. Federal Law of 27.06.2011 N 161-FZ "On the National Payment System" // The text of the Federal Law was published by the Collected Legislation of the Russian Federation of July 4, 2011 N 27, Art. 3872.
5. Gorda Alexander Sergeevich Fintech and digital transformations in the global financial market // Scientific Bulletin: finance, banks, investments. 2023. No. 2 (63). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fintech-i-tsifrovye-transformatsii-na-mirovom-finansovom-rynke> (date of access: 25.08.2025).
6. Kurbanova Durdona Bokhodir Kizi Digitalization of the banking sector: transformation of financial services in the era of digital revolution // Universum: economics and jurisprudence. 2023. No. 11 (109). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-bankovskogo-sektora-transformatsiya-finansovyh-uslug-v-epohu-tsifrovoy-revolutsii> (date of access: 08/25/2025).
7. Kazachenok Olesya Pavlovna Impact of digital technologies on the legal regime for protection of personal data in banking activities // Legal Concept. 2021. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozdeystvie-tsifrovyyh-tehnologiy-na-pravovoy-rezhim-zaschity-personalnyh-dannyh-v-bankovskoy-deyatelnosti> (date of access: 08/25/2025).
8. Urazova S. A., Korsunova N.N. Directions of transformation of banking services to corporate clients in the context of the transition to a digital economy // Bulletin of the RSUE RINH. 2021. No. 2 (74). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-transformatsii-bankovskogo-obsluzhivaniya-korporativnykh-klientov-v-usloviyah-perehoda-k-tsifrovoy-ekonomike> (date of access: 25.08.2025).
9. Tsvyrko A. A., Sukhorukova N.V., Ivaschenko T.N. Adaptation of banking business to modern digital trends // EGI. 2022. No. 3 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-bankovskogo-biznesa-k-sovremennym-tsifrovym-trendam> (date of access: 25.08.2025).
10. N. N. Korsunova Creating an innovative environment for interaction between the bank and corporate clients // Bulletin of the Academy of Knowledge. 2021. No. 6 (47). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sozдание-innovatsionnoy-sredy-vzaimodeystviya-banka-i-korporativnykh-klientov> (accessed: 08/25/2025).
11. Rozyeva G. B., Ataeva M.E. Improving marketing in commercial banks: modern approaches and prospects // Symbol of Science. 2024. No. 11–2–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uluchshenie-marketinga-v-kommercheskih-bankah-sovremennye-podhody-i-perspektivy> (date of access: 25.08.2025).
12. Kelpov Denis Vladimirovich Impact of digitalization of business processes on increasing the inflow of clients and profit of banks // Universum: technical sciences. 2025. No. 2 (131). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovizatsii-biznes-protsessov-na-uvelichenie-pritoka-klientov-i-pribyli-bankov> (date of access: 25.08.2025).
13. Manovitsky S. I., Yakovenko S.N. Banking sector of Russia: development prospects and digital technologies // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. No. 5–4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bankovskiy-sektor-rossii-perspektivy-razvitiya-i-tsifrovye-tehnologii> (date of access: 08/25/2025).
14. Natalia Igorevna Bykanova Digital transformation of banking marketing in modern conditions // Bulletin of the Plekhanov Russian Economic Academy. 2023. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-bankovskogo-marketinga-v-sovremennyh-usloviyah> (date of access: 25.08.2025).

Органы опеки и попечительства: правовое регулирование правового статуса и проблемы совершенствования

Зотов Кирилл Витальевич,

магистр юридических наук, аспирант кафедры конституционного и административного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Никифорова Елена Николаевна,

профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета, кандидат юридических наук

В статье рассмотрена система законодательства, регулирующего деятельность органов опеки и попечительства в Российской Федерации, с особым акцентом на конституционные основы их полномочий и интеграцию в систему публичной власти. Подчеркивается многоуровневый характер реализации полномочий, распределенных между федеральным, региональным и муниципальным уровнями. Анализируются правовой статус, задачи, функции органов опеки и попечительства, судебный контроль их деятельности, а также значимость новой модели организации публичной власти, направленной на повышение эффективности защиты прав несовершеннолетних и других подопечных граждан.

Ключевые слова: органы опеки и попечительства, система публичной власти, субъекты Российской Федерации, муниципальные полномочия, органы местного самоуправления, государственные полномочия.

Правовое регулирование деятельности органов опеки и попечительства в России осуществляется посредством совокупности нормативных правовых актов, закрепляющих их правовой статус, компетенцию и организационно-структурные основы функционирования. Конституционно-правовую базу указанного института образуют положения Конституции Российской Федерации, согласно которым вопросы установления и осуществления опеки и попечительства отнесены к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов [1, статья 72], а также предусмотрен механизм наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями при условии обеспечения их необходимыми материальными и финансовыми ресурсами [1, часть 2 статьи 132]. Указанные конституционные предписания обуславливают многоуровневую систему законодательства, в рамках которой правовое регулирование реализуется как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Ключевыми элементами системы законодательства, регулирующей правовое положение органов опеки и попечительства в Российской Федерации, являются Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2], Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ) [3] и Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (далее – Федеральный закон) [4]. Указанные акты формируют нормативную основу института опеки и попечительства, определяя как его общие принципы и задачи, так и специальные механизмы реализации.

ГК РФ содержит фундаментальные положения, закрепляющие правовую природу опеки и попечительства, а также цели их установления. Так, основная задача опеки и попечительства заключается в обеспечении защиты прав и законных интересов граждан, признанных недееспособными или не обладающих полной дееспособностью, включая несовершеннолетних [2, статья 31]. Важной особенностью конструкции института, закрепленной в ГК РФ, является его отсылочный характер, – предусматривается, что к отношениям опеки и попечительства, не урегулированным положениями ГК РФ, подлежат применению нормы специального законодательства, в том числе Федерального закона и иных актов, изданных во исполнение ГК РФ [2, пункт 4 статьи 31]. Это свидетельствует о системной взаимосвязи гражданско-правового регулирования с публично-правовыми и административными предписаниями.

Принципиальное значение имеет статья 34 ГК РФ [2], содержащая основную дефиницию. В действующей редакции данной нормы установлено, что органы опеки и попечительства – это «органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации. При этом органами опеки и попечительства могут являться также органы местного самоуправления в случае, если законом субъекта Российской Федерации они наделены полномочиями по опеке и попечительству в соответствии с федеральными законами». Исходя из указанного понятия мы можем установить, что в России закреплена модель, при которой реализация основных функций в системе возлагается на региональный уровень с делегированием отдельных полномочий органам местного самоуправления.

Следует отметить, что современное регулирование является результатом проведенной в 2000-е годы реформы правового статуса органов опеки и попечительства. Изначально их функции осуществлялись преимущественно органами местного самоуправления, что соответствовало концепции муниципального характера задач социальной защиты населения. Однако Федеральный закон от 29.12.2006 № 258-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием разграничения полномочий» [6, статья 20] существенно изменил структуру положений об опеке, установив характер полномочий по опеке и попечительству как непосредственно государственных, передав их преимущественно в ведение органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. При этом сохранилась возможность надделения муниципалитетов отдельными функциями, но исключительно в порядке делегирования государственных полномочий, что отвечает положениям Конституции [1, часть 2 статьи 132]. Указанная реформа была обусловлена необходимостью унификации практики, усиления контроля со стороны государства и обеспечения единообразного применения законодательства на всей территории страны.

СК РФ, в свою очередь, содержит специальные нормы, регулирующие вопросы опеки и попечительства над несовершеннолетними, дополняя гражданско-правовой механизм регулирования отраслевыми положениями. Так, значительная часть Кодекса посвящена формам устройства детей, оставшихся без попечения родителей [3, глава 18]. Ключевое значение имеет положение, устанавливающее, что защита прав и законных интересов детей, оставшихся без попечения родителей, возлагается на органы опеки и попечительства [3, статья 121]. Органы опеки также наделены полномочиями по выявлению указанных категорий детей и принятию мер по защите их прав, в том числе в форме обеспечения контроля за условиями жизни и воспитания после помещения ребенка в семью или организацию.

Особое внимание заслуживает императив, закрепленный в пункте 1 статьи 121 СК РФ, который прямо запрещает деятельность по выявлению

и устройству детей, оставшихся без попечения родителей, любыми иными юридическими или физическими лицами. Тем самым законодатель исключает возможность частного посредничества в решении вопросов устройства детей, подчеркивая исключительную компетенцию органов опеки в данной сфере. Данное положение направлено на предотвращение злоупотреблений и коррупционных рисков, а также на обеспечение максимальной прозрачности и законности процедур устройства детей.

Кроме того, положения Кодекса устанавливают аналогичную дефиницию органов опеки и попечительства, предусмотренную в ГК РФ [3, пункт 2 статьи 121]. Таким образом, оба базовых для указанной сферы закона направлены на установление такого правового регулирования, который был бы направлен на публичную функцию органов опеки и попечительства с возможностями разграничения их компетенции по уровням публичной власти.

СК РФ в действующей редакции прямо указывает на комплекс нормативных правовых актов, которыми обеспечивается регулирование правоотношений, связанных с полномочиями и функциями опеки и попечительства. В указанную систему правовых актов входят: СК РФ, ГК РФ, Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», иные федеральные законы и законы субъектов Российской Федерации [3, пункт 2 статьи 121]. Указанная норма демонстрирует комплексный характер правового регулирования: вопросы материального права закреплены в кодексах (СК РФ, ГК РФ), тогда как организационные аспекты определяются федеральными законами.

Федеральным законом от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» была изменена структура формирования как органов государственной власти, так и органов местного самоуправления. Принцип единства системы публичной власти, который предполагает согласованность и иерархическую взаимосвязь указанных систем – является одной из новаций [5, статья 2] предусмотренных Конституцией России [1, часть 3 статьи 132]. Статья 5 закона уточняет, что субъекты Российской Федерации формируют систему исполнительных органов по единым принципам, закрепленным федеральным законом. В силу статьи 26 указанного закона органы исполнительной власти субъекта вправе создавать территориальные подразделения для реализации своих полномочий, что позволяет им обеспечивать присутствие на местах. Это особенно важно для сферы опеки и попечительства, так как наличие структур «на земле» является обязательным условием эффективной защиты прав граждан [5].

Ранее действовавший Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих прин-

ципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (который был признан утратившим силу с принятием Федерального закона № 414-ФЗ) [5, статья 64] строился на принципе разграничения компетенции, не предусматривая институционального единства органов власти. В отличие от него, действующие законы № 414-ФЗ и № 33-ФЗ закрепляют централизованную модель, что усиливает государственный характер функций опеки и попечительства и унифицирует подходы к их реализации на всей территории страны.

С принятием Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [8] структура органов местного самоуправления в соответствии с Конституцией [1] была институционально встроена в систему публичной власти, однако продолжает в части полномочий органов опеки и попечительства систему наделения органов местного самоуправления отдельными полномочиями (статьи 6, 33–35 указанного закона так же как и ранее в главе 4 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» устанавливают возможность наделения муниципальных образований отдельными функциями). В связи с этим в существующей правовой действительности деятельность по реализации функций органов опеки осуществляется органами исполнительной власти субъектов РФ с участием муниципалитетов только в форме исполнения переданных полномочий [8].

При этом согласно распоряжению Правительства Российской Федерации от 16.05.2025 № 1217-р «Об утверждении Концепции совершенствования деятельности органов опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан» две трети субъектов России (69) сохраняют смешанную структуру организации органов опеки и попечительства (часть полномочий отнесена к региональной власти, часть закреплена на местном уровне); в одной трети (20) установлена региональная структура – полномочия осуществляют исключительно исполнительные органы государственной власти субъектов Российской Федерации [13].

Сравнительно-правовой анализ показывает, что российская модель хоть и имеет свои особенности на фоне зарубежных правовых порядков, имеет при этом иностранные аналоги. Так, например, в Германии вопросы опеки и попечительства (*Vormundschaft*, *Pflegschaft*) находятся в ведении органов ювенальной юстиции (*Jugendamt*), которые организационно относятся к структуре местных органов власти (общины, округа), но действуют на основе федерального законодательства – § 1773 и последующие параграфы Гражданского уложения Германии (BGB) и Закона о социальном обеспечении молодежи (SGB VIII). Это означает, что в германской модели закреплена принципиальная

автономия местного уровня, но при жестком правовом контроле со стороны федерации. Указанное регулирование схоже с российским правовым порядком [14, 15].

Во Франции регулирование опеки и попечительства сосредоточено в Кодексе о гражданском статусе и семейных делах (*Code civil*) и осуществляется при активном участии судебной власти. Органы защиты детей – *services de l'aide sociale à l'enfance*, действующие на уровне департаментов, находятся под контролем *juge des enfants* (судьи по делам детей). Таким образом, французская модель сочетает административный и судебный механизмы, при этом суд фактически является центральным звеном в решении судьбы ребенка [16].

В английском правовом порядке акцент делается на превентивных мерах и развитии институтов *foster care* (приемных семей) и *guardianship*. Ключевую роль в указанных правовых системах играют специализированные социальные службы и суды по делам несовершеннолетних [17].

Вместе с тем, такая тенденция на централизацию российской системы опеки и попечительства вызывает справедливую дискуссию, основанную на ряде проблемных аспектов: сокращении доступности органов опеки для населения, особенно в сельских районах; усложнении взаимодействия граждан с органами власти; перегрузке региональных структур, что ведет к формализации процедур и снижению качества индивидуальной работы с подопечными. Более того, полная централизация вступает в противоречие с принципом учета интересов населения и приближенности органов власти к гражданам, закрепленным в статье 12 Конституции РФ (в конституционно-правовом толковании, изложенном в практике Конституционного Суда Российской Федерации [9]).

Смешанная модель, применяемая в большинстве субъектов, представляется компромиссной: она сочетает стратегическое руководство субъектов России с территориальной доступностью, обеспечиваемой участием муниципалитетов. Такой подход соответствует принципу субсидиарности, признаваемому в зарубежной практике (как было указано ранее), и позволяет гибко реагировать на социальные запросы. Однако недостаточная нормативная детализация распределения полномочий порождает дублирование функций, правовую неопределенность и проблемы финансового обеспечения, что противоречит статье 19 Федерального закона № 33-ФЗ, запрещающей передачу полномочий без ресурсного обеспечения [8].

Централизованная модель при этом также обладает положительными сторонами, такими как: единообразие правоприменительной практики, повышение качества контроля и надзора, минимизацию коррупционных рисков и оптимизацию ресурсного обеспечения. Сосредоточение полномочий на уровне субъектов позволяет формировать профессионализированные подразделения и внедрять единые стандарты работы, что соответствует

принципу единой системы публичной власти, закреплённому Федеральным законом № 33-ФЗ [8].

Разрешение указанного спора возможно посредством толкования Федерального закона «Об опеке и попечительстве» [4], который представляет собой специальный нормативный акт, обеспечивающий комплексное регулирование института опеки и попечительства в Российской Федерации. Принятие данного закона устранило фрагментарность правового регулирования, свойственную предыдущему периоду, и обеспечило унификацию норм, ранее закреплённых в различных правовых источниках.

Федеральный закон детально определяет правовой статус органов опеки, в том числе устанавливая, что основными задачами органов опеки и попечительства являются: «защита прав и законных интересов лиц, нуждающихся в установлении опеки или попечительства, и граждан, уже находящихся под такой формой защиты; надзор за деятельностью опекунов и попечителей; контроль за обеспечением сохранности имущества подопечных и управлением этим имуществом» [4, статья 4]. Данный перечень подчеркивает публично-правовую природу функций органов опеки, которые осуществляются исключительно в интересах подопечных и не предполагают извлечение имущественной выгоды.

Статья 6 Федерального закона конкретизирует компетенцию органов опеки и попечительства, включая назначение опекунов и попечителей, согласование сделок от имени подопечных, защиту имущественных и личных неимущественных прав недееспособных или ограниченно дееспособных лиц, принятие мер по охране их имущества. Закон также регулирует организационные вопросы деятельности органов опеки: определяет их статус как органов, действующих от имени публичной власти, устанавливает порядок взаимодействия с государственными и муниципальными органами, а также с организациями, участвующими в обеспечении опеки. Примечательно, что закон допускает возможность разработки субъектами Российской Федерации нормативных актов, конкретизирующих порядок исполнения полномочий в данной сфере, при условии их соответствия федеральному законодательству [4, статья 6].

Важной особенностью является норма, допускающая передачу отдельных функций органами опеки образовательным, медицинским организациям, организациям социального обслуживания, а также учреждениям для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Указанное делегирование может касаться выполнения обязанностей по непосредственному уходу и надзору за подопечными, находящимися в стационарных учреждениях [4, пункт 4 статьи 6].

Особое значение имеет закреплённый в Федеральном законе принцип приоритета интересов подопечного, который пронизывает все институты опеки и попечительства. Этот принцип отражён в норме, устанавливающей обязанность органов

опеки действовать исключительно исходя из обеспечения наилучших условий жизни, воспитания и развития лиц, находящихся под опекой или попечительством.

Поскольку данный принцип имеет нормативное закрепление и носит императивный характер, при определении оптимальной организационной модели органов опеки и попечительства (централизованной или смешанной) предпочтение должно отдаваться той структуре, которая наиболее полно обеспечивает доступность, эффективность и своевременность защиты прав подопечных. Это означает, что даже при тенденции к централизации органы опеки обязаны учитывать территориальную доступность и возможность оперативного реагирования на локальные потребности, что предполагает сохранение определенных функций на муниципальном уровне либо формирование территориальных подразделений субъектов. Таким образом, разрешение спора не сводится к формальному закреплению модели в законе, а предполагает ее гибкую реализацию, обеспечивающую максимальное соответствие интересам подопечного как ключевого критерия правоприменения.

Важным элементом правового регулирования указанной сферы является включение в систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Согласно Федеральному закону от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» органы опеки и попечительства прямо отнесены к числу субъектов системы профилактики [5, пункт 3 статьи 4]. В соответствии со статьей 9 указанного закона, органы опеки обязаны выявлять несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении или оставшихся без попечения родителей, а также осуществлять полномочия по защите их прав и интересов. Деятельность органов опеки в сфере профилактики должна при этом реализовываться через принцип межведомственного взаимодействия (в частности через взаимодействие с комиссиями по делам несовершеннолетних, органами внутренних дел, образовательными учреждениями и другими уполномоченными структурами, что реализует принцип межведомственного взаимодействия. Практически это выражается в оперативной передаче информации о фактах угрозы жизни или здоровью ребенка, инициировании мер по помещению ребенка в безопасные условия, а также подготовке предложений по его дальнейшему устройству в семью или организацию для детей-сирот. Таким образом, Закон № 120-ФЗ дополняет нормы семейного и гражданского законодательства, обеспечивая комплексную систему раннего выявления неблагополучия и предупреждения правонарушений среди несовершеннолетних как часть общей задачи по защите прав ребенка [5].

Наряду с федеральными законами существенную роль играют подзаконные нормативные акты, регламентирующие практическую деятельность органов опеки. Правительство Российской Федера-

ции утверждает правила, определяющие порядок ведения учета детей, оставшихся без попечения родителей, процедуры передачи их на воспитание в семью, а также обязанности опекунов по представлению отчетности. Так, постановлением Правительства Российской Федерации от 18.05.2009 № 423 «Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан» во исполнение статьи 25 Федерального закона установлены Правила ведения личных дел подопечных, форма отчета опекуна или попечителя о хранении, об использовании имущества подопечного и об управлении собственностью опекаемого [12].

Судебный контроль и разъяснения высших судебных инстанций являются ключевой гарантией надлежащего исполнения органами опеки своих функций и обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних. Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 г. № 10 установлено, что при рассмотрении споров, связанных с воспитанием детей, суды обязаны привлекать органы опеки и попечительства для подготовки заключения, основанного на обследовании условий жизни ребёнка и лиц, претендующих на его воспитание [11]. Эта обязанность подтверждена и развита в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 44, согласно которому заключения органов опеки, несмотря на рекомендательный характер, не могут быть проигнорированы судом без мотивированного объяснения [10]. Таким образом можно подчеркнуть, что указанные заключения являются важным инструментом оценки фактических обстоятельств, влияющих на права ребёнка.

Отдельного внимания заслуживает проблема судебного контроля за мерами немедленного изъятия ребёнка. Согласно статье 77 СК РФ, орган опеки вправе осуществить отобрание ребёнка при угрозе его жизни, здоровью, уведомив суд в течение семи дней. Однако судебное решение принимается уже после фактического изъятия, что создаёт риск злоупотреблений и ограничивает превентивный характер судебного контроля. Для устранения этих рисков целесообразно закрепить обязанность органов опеки обращаться за судебным разрешением на продолжение изъятия в течение 24 часов после его осуществления.

Таким образом, судебная практика и разъяснения Верховного Суда РФ конкретизируют роль органов опеки как обязательных участников процесса защиты прав несовершеннолетних и особых субъектов с функцией правового гаранта. Вместе с тем выявленные недостатки – отсутствие жёстких сроков реагирования, формализм проверок, а также ограниченный судебный контроль за экстренными мерами – указывают на необходимость совершенствования Федерального закона путём введения предельных сроков подготовки заключений, установления механизма оперативного судебного санкционирования мер защиты и введения

ответственности должностных лиц органов опеки за нарушение установленных требований.

В научной доктрине вопросам совершенствования правового регулирования деятельности органов опеки и попечительства уделяется значительное внимание. Исследователи отмечают необходимость более чёткой законодательной регламентации их полномочий, направленной на недопущение формального подхода и обеспечение индивидуализированного характера принимаемых мер [18, 20].

Анализ правового регулирования деятельности органов опеки и попечительства в Российской Федерации позволяет констатировать, что данная сфера характеризуется комплексным и многоуровневым нормативным регулированием, включающим положения Конституции РФ, Федерального закона, ГК РФ и СК РФ, а также норм административного, процессуального и социального законодательства. При этом конституционные принципы совместного ведения вопросов опеки и возможности наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями предопределили существование различных организационных моделей, включая централизованную и смешанную, что в свою очередь создало предпосылки для неоднородности правоприменительной практики в субъектах Российской Федерации.

Современная практика выявляет ряд системных проблем: отсутствие детальной нормативной регламентации полномочий органов опеки, пробелы в определении сроков реагирования и критериев вмешательства, недостаточную координацию с иными субъектами профилактики безнадзорности и правонарушений, а также риски злоупотреблений при применении мер немедленного изъятия детей.

Таким образом, совершенствование системы опеки и попечительства требует не только внесения отдельных изменений в законодательство, но и тщательного научного анализа его основополагающих принципов, целевых установок и структурных форм организации. Научная дискуссия должна быть направлена на выработку оптимального баланса между эффективностью государственного контроля, защитой прав личности и соблюдением конституционных гарантий, что требует междисциплинарного подхода и учёта зарубежного опыта.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) //

- Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
4. Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 17. – Ст. 1755.
 5. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (ред. от 31.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 26. – Ст. 3177.
 6. Федеральный закон от 29.12.2006 № 258-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием разграничения полномочий» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 1 (ч. 1). – Ст. 21.
 7. Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 52 (часть I). – Ст. 8885.
 8. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Собрание законодательства РФ. – 2025.
 9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 01.12.2015 № 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // «Вестник Конституционного Суда Российской Федерации». – № 2, – 2016.
 10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 нояб. 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и интересов ребенка» // Российская газета. – 2017.
 11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // Российская газета. – 1998.
 12. Постановление Правительства РФ от 18.05.2009 № 423 «Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 21. – Ст. 2576.
 13. Распоряжение Правительства РФ от 16.05.2025 № 1217-р «Об утверждении Концепции совершенствования деятельности органов опеки и попечительства в отношении несовер-
- нолетних граждан» // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2025.
14. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). § 1773 ff. Vormundschaft und Pflegschaft [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/_1773.html (дата обращения: 11.08.2025).
 15. Aches Buch Sozialgesetzbuch (SGB VIII) – Kinder- und Jugendhilfe [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gesetze-im-internet.de/sgb_8/ (дата обращения: 03.08.2025).
 16. Code civil. Livre I: Des personnes. Articles 375–375–5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGISC-TA000006142836/> (дата обращения: 18.07.2025).
 17. Children Act 1989 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1989/41/contents> (дата обращения: 21.02.2025).
 18. Урумова Т.О. Опека и попечительство над несовершеннолетними детьми: актуальные проблемы правового регулирования: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Урумова Т.О.; Акад. народного хозяйства при Правительстве РФ. – Москва, 2009. – 145 с.
 19. Куропатская Е.Г. Опека и попечительство как способ защиты прав детей, утративших родительское попечение: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Куропатская Е.Г.; Ин-т государства и права РАН. – Москва, 2011. – 173 с.
 20. Софян Р.А. Правовое регулирование опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан в Российской Федерации // Вопросы права. 2025. № 2.
 21. Кошкин Данил Владимирович Несовершенство правового регулирования установления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних: правовые и правоприменительные аспекты // Аграрное и земельное право. 2023. № 12 (228).

GUARDIANSHIP AND TRUSTEESHIP AUTHORITIES: LEGAL REGULATION OF LEGAL STATUS AND ISSUES OF IMPROVEMENT

Zotov K.V., Nikiforova E.N.

Saint Petersburg State University of Economics

The article analyzes the legislative system regulating the activities of guardianship and trusteeship authorities in the Russian Federation, with a particular emphasis on the constitutional foundations of their powers and integration into the system of public authority. It emphasizes the multi-level nature of power distribution between federal, regional, and municipal authorities and highlights the significance of the constitutional basis for these powers. Special attention is given to their integration into the system of public administration, reflecting the interaction across federal, regional, and municipal levels.

Keywords: guardianship and trusteeship authorities, Constitution of the Russian Federation, public authority, federal subjects of Russia, municipal powers, judicial control, protection of minors' rights, state powers, social protection.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on December 12, 1993) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2014. – No. 31. – Art. 4398.

2. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 13.12.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.
3. Family Code of the Russian Federation dated 29.12.1995 No. 223-FZ (as amended on 31.07.2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 1. – Art. 16.
4. Federal Law dated 24.04.2008 No. 48-FZ “On Guardianship and Trusteeship” (as amended on 08.08.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2008. – No. 17. – Art. 1755.
5. Federal Law dated 24.06.1999 No. 120-FZ “On the Fundamentals of the System for Preventing Child Neglect and Juvenile Delinquency” (as amended on 31.07.2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1999. – No. 26. – Art. 3177.
6. Federal Law No. 258-FZ dated December 29, 2006, “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Improvement of the Delineation of Powers” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2006. – No. 1 (Part 1). – Article 21.
7. Federal Law dated 21.12.2021 No. 414-FZ “On the General Principles of Organization of Public Authority in the Subjects of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2021. – No. 52 (Part I). – Art. 8885.
8. Federal Law dated 20.03.2025 No. 33-FZ “On the General Principles of Local Self-Government within the Unified System of Public Authority” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2025.
9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 30-P dated December 1, 2015, “On the Constitutionality of Parts 4, 5, and 5.1 of Article 35, Parts 2 and 3.1 of Article 36 of the Federal Law “On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation,” and Part 1.1 of Article 3 of the Law of the Irkutsk Region “On Certain Issues of the Formation of Local Self-Government Bodies of Municipalities in the Irkutsk Region,” in response to a request from a group of State Duma deputies.” – No. 2, 2016.
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 14, 2017 No. 44 “On Judicial Practice in Applying Legislation in Disputes Related to the Protection of the Rights and Interests of the Child” // Rossiyskaya Gazeta. – 2017.
11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 27, 1998 No. 10 “On the Application of Legislation by Courts in Resolving Disputes Related to Child Upbringing” // Rossiyskaya Gazeta. – 1998.
12. Resolution of the Government of the Russian Federation dated 18.05.2009 No. 423 “On Certain Issues of Guardianship and Trusteeship Regarding Minor Citizens” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2009. – No. 21. – Art. 2576.
13. Order of the Government of the Russian Federation dated 16.05.2025 No. 1217-r “On Approval of the Concept for Improving the Activities of Guardianship and Trusteeship Authorities Regarding Minor Citizens” // Official Internet Portal of Legal Information. – 2025.
14. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). § 1773 ff. Vormundschaft und Pflegschaft: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/_1773.html.
15. Achtes Buch Sozialgesetzbuch (SGB VIII) – Kinder- und Jugendhilfe.
16. Code civil. Livre I: Des personnes. Articles 375–375–5.
17. Children Act 1989.
18. Urumova T.O. Guardianship and Trusteeship over Minor Children: Current Issues of Legal Regulation: Dissertation ... Candidate of Legal Sciences: 12.00.03 / Urumova T.O.; Academy of National Economy under the Government of the Russian Federation. – Moscow, 2009. – 145 p.
19. Kuropatskaya E.G. Guardianship and Trusteeship as a Means of Protecting the Rights of Children Deprived of Parental Care: Dissertation ... Candidate of Legal Sciences: 12.00.03 / Kuropatskaya E.G.; Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – Moscow, 2011. – 173 p.
20. Sofyan R.A. Legal Regulation of Guardianship and Trusteeship over Minor Citizens in the Russian Federation // Legal Issues. 2025. No. 2.
21. Koshkin Danil Vladimirovich. Imperfections in the Legal Regulation of Establishing Guardianship and Trusteeship over Minors: Legal and Law Enforcement Aspects // Agrarian and Land Law. 2023. No. 12 (228).

Проблемные вопросы, возникающие при возбуждении дел об административных правонарушениях по ст. 19.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, должностными лицами таможенных органов Российской Федерации

Ильин Дмитрий Борисович,
аспирант Российской таможенной академии
E-mail: mita.ilin@mail.ru

В статье рассматриваются проблемные вопросы, возникающие при возбуждении дел об административных правонарушениях по ст. 19.6 КоАП РФ (непринятие мер по устранению причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения) должностными лицами таможенных органов Российской Федерации. Анализируются типичные ошибки и сложности, связанные с квалификацией правонарушений, соблюдением процессуальных требований, а также с определением круга субъектов ответственности. Особое внимание уделяется противоречиям в правоприменительной практике и возможным путям их преодоления. Исследование направлено на совершенствование административно-юрисдикционной деятельности таможенных органов и повышение эффективности борьбы с нарушениями в данной сфере.

Ключевые слова: административные правонарушения, ст. 19.6 КоАП РФ, таможенные органы, должностные лица, процессуальные нарушения, правоприменительная практика.

Дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 19.6 КоАП РФ возбуждаются в случаях, если должностное лицо организации не приняло мер по устранению причин и условий, способствовавших совершению нарушения, указанных в представлении таможенного органа [1].

Правом внесения представлений обладают начальники таможен и их заместители, уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях (ст. 23.8 КоАП РФ). Представления направляются после вынесения постановления о назначении наказания по делам, возбужденным в отношении ИП, юридических и должностных лиц [2].

Данный механизм позволяет таможенным органам не только привлекать нарушителей к ответственности, но и предотвращать повторные нарушения путем устранения их причин.

Представление должно быть:

Конкретным – содержать четкий перечень мер для устранения нарушений (например, установка систем видеонаблюдения, внедрение внутреннего контроля).

Исполнимым – не допускать двусмысленного толкования, что следует из определения Верховного Суда Российской Федерации от 21.07.2015 № 301-АД15-7709 и постановлений Верховного Суда Российской Федерации от 08.12.2017 № 16-АД17-5, от 12.02.2016 № 48-АД16-2 [3, 4, 5].

Обоснованным – включать ссылки на нарушенные нормы законодательства РФ и права ЕАЭС.

Представления могут быть вручены лицу лично либо направлены заказными письмами с уведомлением, а также по электронным каналам связи в порядке, предусмотренном ст. 24.9 КоАП РФ.

Получатель обязан в месячный срок отчитаться о принятых мерах. Если исполнение невозможно, должностные лица и организации должны представить доказательства объективных препятствий, свидетельствующих о невозможности принятия мер.

В соответствии с ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ срок давности привлечения к административной ответственности по ст. 19.6 КоАП РФ составляет 90 календарных дней.

В соответствии с процессуальными нормами, дела о правонарушениях по ст. 19.6 КоАП РФ подлежат рассмотрению мировыми судьями по месту их совершения. Обязательным условием является приложение к протоколу документов, доказываю-

щих как факт нарушения, так и его правовую квалификацию.

С середины 2025 года процедура передачи административных дел в суд дополняется важным нововведением. Наряду с протоколом, должностные лица должны будут прилагать специальное заявление о привлечении к ответственности (ст. 28.8 КоАП РФ, ч.ч. 1.2–1.6).

Законодатель чётко определил, какие именно сведения должны содержаться в таком заявлении (ч. 1.3 ст. 28.8 КоАП РФ), что исключит произвольное толкование требований.

Заявление вместе с протоколом об АП и другими материалами дела об АП направляются в суд по почте либо вручаются уполномоченным сотрудникам суда под расписку (ч. 1.6 ст. 28.8 КоАП РФ), а при наличии технической возможности подписываются усиленной квалифицированной электронной подписью и направляются в суд посредством системы электронного документооборота (ч. 1.2 ст. 28.8 КоАП РФ).

В ходе рассмотрения вопроса о возбуждения дела об АП по ст. 19.6 КоАП РФ у должностных лиц таможенных органов возникают проблемы с толкованием норм права и применения их на практике.

Так, ст. 29.13 КоАП РФ, указана обязанность организаций и должностных лиц рассмотреть Представление и в течении месяца со дня получения сообщить о принятых мерах судье, в орган, должностному лицу, внесшему представление.

Вместе с тем, ст. 19.6 КоАП РФ *установлена ответственность за непринятие по постановлению (представлению) органа (должностного лица), рассмотревшего дело об АП, мер по устранению причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения.*

Таким образом, ст. 29.13 КоАП РФ *установлена лишь обязанность указанных лиц рассмотреть Представление и сообщить о принятых мерах, а не принять конкретные меры к устранению причин и условий, способствовавших совершению АП.*

Кроме того, ст. 29.13 КоАП РФ *не установлен срок для принятия конкретных мер*, что на практике образует правовую неопределенность, так как для правильной квалификации административного правонарушения необходимо установить какие конкретно правила и нормы были нарушены (п. 3.1 ч. 1 ст. 1.3 КоАП РФ).

Таким образом, состав АП предусмотренный ст. 19.6 КоАП РФ определен в отсутствие четких правил и норм устанавливающих обязанность организаций и должностных лиц по принятию мер по устранению причин и условий, способствовавших совершению АП.

В связи с тем, что доказать факт непринятия мер задача трудоемкая и практически не выполняемая, некоторые таможенные органы возбуждают дела об АП по ст. 19.7 КоАП РФ за сам факт ненаправления информации о принятых мерах по вынесенному представлению.

Так, например, постановлением И.о. мирового судьи судебного участка № 413 района Марьино

Роща города Москвы по делу № 05–0262/413/2021, организация признана виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.7 КоАП РФ в связи с непредставлением информации о принятых мерах в таможенный орган внесший представление об устранении причин условий, способствовавших совершению административного правонарушения [6].

Как и в делах по ст. 19.7 КоАП РФ, при возбуждении производства по ст. 19.6 КоАП РФ должностные лица таможни исходят лишь из одного формального признака – отсутствия сведений о принятых организацией мерах по исправлению ситуации.

Вместе с тем, отдельные суды принимая решение о прекращении производства по делу об АП указывают на то, что само по себе отсутствие ответа от организации либо от ее должностного лица не влечет административной ответственности по ст. 19.6 КоАП РФ. Например, постановлением мирового судьи судебного участка Красногорского судебного района Московской области № 5–214/17 дело об АП по ст. 19.6 КоАП РФ прекращено в связи с тем, что по мнению судьи ответственность за правонарушение, предусмотренное ст. 19.6 КоАП РФ наступает лишь за непринятие мер, а не за ненаправление в адрес таможни информации по принятым мерам [7].

В связи с этим некоторые должностные лица таможенных органов зная об отрицательной практике по ст. 19.6 КоАП РФ, возбуждают дела об АП по ст. 19.7 КоАП РФ за непредставление информации по рассмотрению представления.

Вместе с тем, постановлением мирового судьи судебного участка № 208 Санкт-Петербурга № 5–263/2014–208 прекращено дело об АП по ст. 19.7 КоАП РФ, в связи с тем, что непринятие мер по вынесенному представлению подлежит квалификации по ст. 19.6 КоАП РФ, так как информация об исполнении представления не препятствует осуществлению таможенным органом его законной деятельности и не подлежит квалификации по ст. 19.7 КоАП РФ [8].

Таким образом, сложилась противоречивая практика рассмотрения дел по ст. 19.6 и 19.7 КоАП РФ. Одни суды рассматривая дела при непредставлении информации о принятии мер не обращают внимание на сам факт принятия (непринятия мер), другие же напротив прекращают производство по делам об АП в связи с фактически принятыми мерами, третьи квалифицируют указанное деяние по ст. 19.7 КоАП РФ за сам факт непредставления информации по вынесенному представлению, четвертые прекращают производство по делам об АП по ст. 19.7 КоАП РФ указывая на то, что указанное деяние подлежит квалификации по ст. 19.6 КоАП РФ.

Таким образом, в настоящее время отсутствует четкое разграничение данных составов административных правонарушений ввиду различной правоприменительной практики и отсутствия разъяснений по данному вопросу высшими судебными инстанциями.

Данная проблематика актуальна не только в таможенных органах, но и в других органах исполнительной власти и судах.

Так, например, на официальном сайте Роспотребнадзора указано, о том, что Роспотребнадзор по Тверской области вынес обществу с ограниченной ответственностью представление. Предприятие не предоставило в срок информацию о выполнении представления, что привело к возбуждению дела об АП по ст. 19.7 КоАП РФ. Мировой судья признал общество с ограниченной ответственностью виновным и назначил штраф в размере 3000 рублей [9].

Кроме того, на официальном сайте Россельхознадзора указана информация о том, что по факту неприятия мер по вынесенному представлению поступило постановление мирового судьи судебного участка № 68 судебного района Рыбновского районного суда Рязанской области от 19.07.2023 по результатам рассмотрения административного материала, составленного Управлением Россельхознадзора. В отношении директора сельскохозяйственного предприятия по ст. 19.6 КоАП РФ, назначено наказание в виде штрафа в размере 4000 рублей [10].

Приказом Россельхоза от 07.05.2018 № 405 «Об оформлении процессуальных документов при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях и государственного контроля (надзора)» утверждена форма представления согласно которой непредставление информации о принятых мерах по представлению влечет административную ответственность по ст. 19.7 КоАП РФ, а неприятие мер по представлению по ст. 19.6 КоАП РФ [11].

Указанным приказом разграничена ответственность за деяния связанные с непредставлением информации по внесенному Представлению и неприятием мер по нему.

Таким образом, в органах исполнительной власти сложилась противоречивая практика возбуждения дел об АП, а в судебных органах рассмотрения дел, связанных с неприятием мер по внесенному Представлению.

Такая разнородная практика применения статей 19.6 и 19.7 КоАП РФ трансформирует правовое поле в лотерею, где шансы на привлечение к ответственности определяются не составом правонарушения, а индивидуальным подходом уполномоченных лиц.

В такой ситуации необходим единый подход к возбуждению и рассмотрению дел указанной категории. Разъяснение, доведенное до всех участников административного производства.

Стоит обратить внимание, что ФТС России до настоящего времени не утвердило форму представления, в связи с чем в разных таможенных органах отсутствует единообразный подход к его оформлению.

Во избежание разночтений в правоприменительной практике ФТС России следует стандартизировать форму представления, установив еди-

ные требования к его составлению и оформлению должностными лицами таможенных органов.

Требуется также пересмотр ст. 29.13 КоАП РФ с приведением обязанностей субъектов в полное соответствие с составом правонарушения, предусмотренного ст. 19.6 КоАП РФ. Такой пересмотр должен устранить существующую правовую неопределенность и исключить возможность противоречивого толкования норм.

Предлагаемые изменения обеспечат четкую правовую определенность:

1) Для таможенных органов – однозначная квалификация нарушения уже на этапе возбуждения административного дела.

2) Для судов – единообразный подход к оценке правонарушения при рассмотрении дела.

Кроме того, отсутствие четкого регламента вынесения представлений приводит к противоречивой практике:

1) Одни должностные лица направляют представление одновременно с постановлением по делу.

2) Другие – только после вступления решения в законную силу.

Такая правовая неоднозначность создает риски нарушения процессуальных гарантий и требует законодательного урегулирования.

Учитывая отсутствие правовой нормы, указывающей на сроки составления представления, оба варианта не противоречат законодательству Российской Федерации.

Вместе с тем, в целях установления конкретного порядка составления представления и исключения правовой неопределенности в данном вопросе необходимо дополнить КоАП РФ нормой, регулирующей данный порядок.

Следует обратить внимание, что формулировки статей 29.13 и 19.6 КоАП РФ остаются неизменными с момента введения Кодекса, что указывает на недостаточную законодательную проработку данного аспекта.

Проведенный анализ правоприменительной практики выявил устаревание норм, регулирующих обязанность устранения причин и условий административных правонарушений. Их несовершенство приводит к противоречивому толкованию со стороны таможенных и судебных органов, что, в свою очередь, препятствует единообразному привлечению к ответственности виновных лиц.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // СПС «КонсультантПлюс».
2. Комментарий к статье 19.6 КоАП РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.zakonrf.info/koap/19.6/?ysclid=mcxggv-jatl808648220> (дата обращения 15.07.2025).
3. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 21.07.2015 № 301-АД15-7709 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 08.12.2017 № 16-АД17-5 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 12.02.2016 № 48-АД16-2 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление И.о. мирового судьи судебного участка № 413 района Марьино Роща города Москвы по делу № 05-0262/413/2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://mos-sud.ru/413/cases/admin/details/040f8ec3-230d-4bb4-80d7-a67cab7be1dd?respondent=%D0%B3%D0%B%D0%BE%D0%B1%D0%B0%D0%BB+%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%B9%D0%B4> (дата обращения 18.07.2025).
7. Постановление мирового судьи судебного участка № 99 Красногорского судебного района Московской области по делу № 5-214/17 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://99.mo.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&ADM_DOCUMENT_CASE_NUMERSS=5-214%2F17&op=rd&delo_table=ADM_DOCUMENT&delo_id=150000 (дата обращения 18.07.2025).
8. Постановление мирового судьи судебного участка № 208 Санкт-Петербурга № 5-263/2014-208 по делу № 05-0262/413/2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://mirsud.spb.ru/cases/detail/208/?id=5-263%2F2014-208> (дата обращения 18.07.2025).
9. Официальный сайт Роспотребнадзора [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://69.rospotrebnadzor.ru/directions/sudpr/147467/> (дата обращения 17.07.2025).
10. Официальный сайт Россельхознадзора [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://62.fsvps.gov.ru/news/neprinjatje-mer-po-ustraneniu-prichin-i-uslovij-sposobstvovavshih-soversheniju-administrativnogo-pravonarushenija-vlechet-administrativnuju-otvetstvennost/?ysclid=mdy8syhm93265754791> (дата обращения 17.07.2025).
11. Приказ Рослесхоза от 07.05.2018 № 405 «Об оформлении процессуальных документов при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях и государственного контроля (надзора)» // СПС «КонсультантПлюс».

PROBLEMATIC ISSUES ARISING FROM THE INITIATION OF CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENCES UNDER ARTICLE 19.6 OF THE CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENCES OF THE RUSSIAN FEDERATION BY OFFICIALS OF THE CUSTOMS AUTHORITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Ilyin D.B.

Russian Customs Academy

The article discusses problematic issues that arise when cases of administrative offenses are initiated under Article 19.6 of the Administrative Code of the Russian Federation (failure to take measures to eliminate the causes and conditions that contributed to the commission of an administrative offense) by officials of the customs authorities of the Russian Federation. The typical errors and difficulties associated with the qualification of offenses, compliance with procedural requirements, as well as with the definition of the range of subjects of responsibility are analyzed. Particular attention is paid to contradictions in law enforcement practice and possible ways to overcome them. The research is aimed at improving the administrative and jurisdictional activities of customs authorities and increasing the effectiveness of combating violations in this area.

Keywords: administrative offenses, art. 19.6 of the Administrative Code of the Russian Federation, customs authorities, officials, procedural violations, law enforcement practice.

References

1. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation // SPS "ConsultantPlus".
2. Commentary to Article 19.6 of the Administrative Code of the Russian Federation [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.zakonrf.info/koap/19.6/?ysclid=mcxggvjat808648220> (date of application 07/15/2025).
3. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 07/21/2015 No. 301-AD15-7709 // SPS "ConsultantPlus".
4. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08.12.2017 No. 16-AD17-5 // SPS "ConsultantPlus".
5. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12.02.2016 No. 48-AD16-2 // SPS "ConsultantPlus".
6. Resolution of the Acting Justice of the Peace of judicial district No. 413 of the Maryina Roscha district of Moscow in case No. 05-0262/413/2021 [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://mos-sud.ru/413/cases/admin/details/040f8ec3-230d-4bb4-80d7-a67cab7be1dd?respondent=%D0%B3%D0%BB%D0%BE%D0%B1%D0%B0%D0%BB+%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%B9%D0%B4> (date of application 07/18/2025).
7. Resolution of the Justice of the Peace of the judicial district No. 99 Krasnogorsky judicial district of the Moscow region in case No. 5-214/17 [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://99.mo.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&ADM_DOCUMENT_CASE_NUMERSS=5-214%2F17&op=rd&delo_table=ADM_DOCUMENT&delo_id=150000 (accessed 07/18/2025).
8. Ruling of the Justice of the Peace of Judicial District No. 208 St. Petersburg No. 5-263/2014-208 in case no. 05-0262/413/2021 [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://mirsud.spb.ru/cases/detail/208/?id=5-263%2F2014-208> (date of application 07/17/2025).
9. The official website of Rosпотребнадзора [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://69.rospotrebnadzor.ru/directions/sudpr/147467/> (date of application 07/17/2025).
10. The official website of the Rosselkhozndzor [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://62.fsvps.gov.ru/news/neprinjatje-mer-po-ustraneniu-prichin-i-uslovij-sposobstvovavshih-soversheniju-administrativnogo-pravonarushenija-vlechet-administrativnuju-otvetstvennost/?ysclid=mdy8syhm93265754791> (accessed 17.07.2025).
11. Rosleskhoz Order No. 405 dated 05/07/2018 "On registration of procedural documents in cases of administrative offenses and State control (supervision)" // SPS "ConsultantPlus".

Кальчук Александра Евгеньевна,

независимый исследователь

E-mail: kalchukaleks@yandex.ru

Статья посвящена вопросу незаконной вырубки лесов на территории Российской Федерации. Статья так же разъясняет побуждения и поводы этих деяний. Указаны параметры, при коих вырубка считается законной, типы ответственности за нелегальную вырубку лесов. Так же в статье раскрыты масштабы сокращения лесов и меры по их сохранению.

Ключевые слова: вырубка, сохранение, критерии, виды ответственности, незаконно, причины, мотивы.

Незаконная вырубка лесов – это осуществление без законных действий¹ по полному уничтожению или повреждению до степени прекращения роста или гибели лесных насаждений². Что приводит к изменению и сокращению ареала обитания животных, в последствии чего нарушается природная цепочка. Так же появляется конфликт интересов животного мира и мира людей. Например, из-за вырубки дуба кабану в лесу нечем становиться питаться в результате чего сокращается их численность, что приводит к сокращению питания крупных хищников. В итоге хищник вынужден выходить к людям для поиска пропитания.

Самой главной и важной причиной данной проблемы является именно заготовка лесоматериала для получения прибыли. Например, для отопления жилых домов применяется древесный уголь, а для строительства используется древесина. Кроме того, для подготовки земель под различные постройки необходима вырубка лесов.

Вдобавок Российская Федерация занимает позицию крупнейшего экспортёра лесоматериалов и целлюлозно-бумажной продукции. По данным Федеральной таможенной службы, объем экспорта древесины и целлюлозно-бумажных изделий из России в 2024 году составил 10,1 миллиарда долларов, что на 2,6% больше, чем в 2023 году. Эти действия выполняются в соответствии с правовыми нормами, находятся под контролем уполномоченных организаций и осуществляются под наблюдением исполнительных органов. Любая деятельность, которая выходит из-под контроля государственных структур, нарушает права как государства, так и его граждан.

Состав и размер деяния впоследствии незаконной вырубки лесов и в отношении причинения ущерба лесным насаждениям выделяются два основных вида ответственности: уголовная и административная.

Административная ответственность, регулируемая Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации, представляет собой менее строгую форму ответственности. В соответствии со статьей 8.28 КоАП РФ³ административная ответственность возникает в следующих случаях:

¹ Васильева Н.Ю. ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ НЕЗАКОННОЙ РУБКИ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ– 2024-№ 7(235).С. 160–162 (дата обращения: 29.07.2025)

² Арзамасов В.Ю. Современное состояние модели правового регулирования, устанавливающей уголовную ответственность за нарушение норм лесного законодательства-2019-№ 2 (46) С. 217–224 (дата обращения: 29.07.2025)

³ «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 23.07.2025) [Электронный ресурс] URL: <https://www.consult->

1. Незаконная вырубка, повреждение или выкопка лесных насаждений.

2. Незаконная рубка леса с применением различных технических устройств и инструментов.

3. Покупка, продажа и хранение продукции, заведомо полученной незаконным путем.

Уголовная ответственность за данные преступления является более суровой, так как они приводят к гораздо более значительным ущербам. При этом преступления, предусмотренные ст. 260 УК РФ, доминируют в списке экологических преступлений¹ Статья 260 УК РФ² определяет следующие квалификации уголовной ответственности:

- Незаконная рубка лесных массивов, а также нанесение ущерба, приводящего к остановке роста или гибели деревьев. Преступление считается совершённым в крупном размере при ущербе, превышающем 5 тысяч рублей.
- Незаконная рубка лесных насаждений или причинение вреда, ведущее к прекращению их роста или гибели, если данное деяние было совершено группой лиц либо человеком, использующим свои служебные полномочия в личных целях.
- Указанные действия, совершенные либо по предварительному сговору или при нанесении особо крупного ущерба, то есть при сумме ущерба от 150 тысяч рублей и выше, считается квалифицирующими.

В случае задержания преступника ему предстоит судебное разбирательство, на котором будет определено наказание за совершенное правонарушение. Судья принимает решение о размере и виде этого наказания, опираясь на действующее законодательство, практику применения норм и знания в области лесного права.

Важно учитывать различия между административным и уголовным законодательством, так как они предполагают разные процедуры и, соответственно, способы наказания.

В административных делах наивысшей мерой воздействия является штраф. Его максимальная сумма для граждан может достигать 5 тысяч рублей, тогда как для юридических лиц штраф увеличивается до 700 тысяч рублей.

В сфере уголовной ответственности действуют более строгие меры. Штраф может достигать 3 миллионов рублей, а при более тяжких нарушениях предусмотрено лишение свободы сроком до 7 лет с дополнительным штрафом до 500 тысяч рублей.

В двух этих ситуациях будет одна общая мера наказания. Это конфискация незаконно добытой

продукции, которая в следствии автоматически переходит в право собственности государства. После путем реализации древесины на торгах доход поступает в государственный бюджет³.

Так же существует понятие законная рубка лесов. Вырубка лесов может быть законной только при осуществлении лесозаготовок необходимо неукоснительно следовать всем требованиям Лесного кодекса РФ. В частности, статья 30 кодекса гарантирует гражданам России возможность заготавливать древесину для собственных нужд при условии оформления договора купли-продажи. Без этого договора лесозаготовки могут быть признаны незаконными.

Закон устанавливает конкретные условия, при соблюдении которых рубка деревьев считается правомерной:

- Вырубаемые деревья не должны относиться к породам, запрещенным для рубки.
- Работы должны проводиться в рамках договора аренды лесного участка.
- У участников должен быть порубочный билет.
- Объем рубки не должен превышать установленную расчетную лесосеку и осуществляется в пределах разрешённых норм.

Таким образом можно сделать вывод, что любые действия, не включенные в вышеупомянутый список, подлежат наказанию виновных и требуют вмешательства государства для их урегулирования.

На сегодняшний день контроль над оборотом древесины нельзя считать действенным. Слабая борьба с незаконной рубкой лесов и недостаточные меры по предотвращению правонарушений в этой области не способствуют улучшению ситуации.

На территории Российской Федерации находится около одной пятой всех лесов мира, что составляет приблизительно 809 миллионов гектаров, или 46,6% от общей площади страны⁴. Ежегодно законно рубится примерно 1 миллион гектаров лесных насаждений, и восстановление аналогичного объема является обязательным. Формально этот процесс выполняется, однако значительная часть вновь посаженных деревьев погибает из-за неблагоприятных погодных условий и недостаточного ухода.

Кроме того, численность лесных ресурсов сокращается вследствие пожаров, развития инфраструктуры и активной добычи полезных ископаемых.

Посадка новых деревьев часто рассматривается как основная мера для борьбы с рубкой лесов и восстановления экосистем. Однако из-за длительного процесса роста молодых деревьев, недостаточного ухода за ними или их гибели⁵ из-

³ Вершило Т.А., Вершило Н.Д. К ВОПРОСУ О ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛЕСОВ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ БЮДЖЕТА РОССИИ –2017-№ 4(50). С. 44–50 (дата обращения: 29.07.2025)

⁴ Вершило Н.Д. ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ –2017– № 2(48). С. 168–173 (дата обращения: 29.07.2025)

ant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/c4b8cdd1d8741bc8a43e-6c59085310b304114548/ (дата обращения: 29.07.2025)

¹ Арзамасов В.Ю. ЭМПИРИКО-СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В СФЕРЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ ЛЕСНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА –2020-№ 1. С. 98–108(дата обращения: 29.07.2025)

² «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 23.07.2025) [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/490624f-43c387af79d52a692eec50b9da2dfa44d/ (дата обращения: 29.07.2025)

за вредителей, полностью компенсировать причиненный природе ущерб оказывается невозможно.

Для решения обозначенной проблемы требуется комплексный подход. Для достижения баланса между природой и деятельностью человека предлагается сосредоточиться на следующих направлениях и мерах:

1. Разработка эффективных планов по заготовке древесины с учётом устойчивого использования ресурсов.

2. Совершенствование системы учёта и мониторинга состояния лесного фонда с использованием современных технологий.

3. Усиление мер по защите лесов и более строгий контроль оборота древесных ресурсов для предотвращения нелегальных практик.

4. Восстановление лесных массивов, учитывая экологические особенности и потребности конкретных регионов.

5. Корректировка законодательства, регулирующего лесозаготовку, с акцентом на повышение прозрачности и ответственности.

6. Открытие данных, связанных с декларациями лесопользователей, чтобы общественность могла контролировать объёмы вырубki и идентифицировать участников данного процесса.

Литература

1. «Лесной кодекс Российской Федерации» от 04.12.2006 N 200-ФЗ (ред. от 26.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299/57f7f2ca8200d06bbaf8ae6df0dba851c196e4f1/ (дата обращения: 29.07.2025)
2. Статистика Федеральной таможенной службы [Электронный ресурс] URL: <https://forestcomplex.ru/finansy/eksport-produktseeee-lpk-viros-na-14/> (дата обращения: 29.07.2025)
3. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 23.07.2025) [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/c4b8cdd1d8741bc8a43e6c59085310b304114548/ (дата обращения: 29.07.2025)
4. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 23.07.2025) [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/490624f43c387af79d52a692eec50b9da2dfa44d/ (дата обращения: 29.07.2025)
5. Арзамасов В.Ю. Эмпирико-статистический анализ судебной практики в сфере уголовной ответственности за нарушения лесного законодательства –2020-№ 1. С. 98–108 (дата обращения: 29.07.2025)
6. Арзамасов В.Ю. Современное состояние модели правового регулирования, устанавливаю-

щей уголовную ответственность за нарушение норм лесного законодательства-2019-№ 2 (46) С. 217–224(дата обращения: 29.07.2025)

7. Вершило Н.Д. Правовые основы охраны природы –2017– № 2(48). С. 168–173 (дата обращения: 29.07.2025)
8. Вершило Т.А., Вершило Н.Д. К вопросу о повышении эффективности использования лесов для формирования бюджета России – 2017-№ 4(50). С. 44–50 (дата обращения: 29.07.2025)
9. Васильева Н.Ю. Отдельные аспекты незаконной рубки лесных насаждений – 2024-№ 7(235). С. 160–162 (дата обращения: 29.07.2025)
10. Рогова Е.В., Забавко Р.А. Проблемы возмещения вреда, причиненного охотничьим ресурсам лесозаготовительной деятельностью-2023-№ 4.С. 23–26(дата обращения: 29.07.2025)

LEGAL REGULATION OF ILLEGAL LOGGING OF FOREST PLANTATIONS

Kalchuk A.E.

The article is devoted to the issue of illegal logging in the territory of the Russian Federation. The article also explains the motives and reasons for these acts. The parameters under which logging is considered legal, the types of liability for illegal logging are indicated. The article also reveals the scale of forest reduction and measures for their conservation.

Keywords: deforestation, conservation, criteria, types of responsibility, illegal, causes, motives.

References

1. "Forest Code of the Russian Federation" of 04.12.2006 N 200-FZ (as amended on 26.12.2024) (as amended and supplemented, entered into force on 01.01.2025) [Electronic resource] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299/57f7f2ca8200d06bbaf8ae6df0dba851c196e4f1/ (date of access: 29.07.2025)
2. Statistics of the Federal Customs Service [Electronic resource] URL: <https://forestcomplex.ru/finansy/eksport-produktseeee-lpk-viros-na-14/> (date of access: 29.07.2025)
3. "Code of the Russian Federation on Administrative Offenses" of 30.12.2001 N 195-FZ (as amended on 23.07.2025) [Electronic resource] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/c4b8cdd1d8741bc8a43e6c59085310b304114548/ (date of access: 29.07.2025)
4. "Criminal Code of the Russian Federation" of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 23.07.2025) [Electronic resource] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/490624f43c387af79d52a692eec50b9da2dfa44d/ (date of access: 29.07.2025)
5. Arzamasov V. Yu. Empirical and statistical analysis of judicial practice in the sphere of criminal liability for violations of forestry legislation –2020-№ 1. P. 98–108 (date of access: 29.07.2025)
6. Arzamasov V. Yu. The current state of the legal regulation model establishing criminal liability for violation of forest legislation-2019-№ 2 (46) pp. 217–224 (date of access: 29.07.2025)
7. Vershilo N.D. Legal basis for nature protection –2017– № 2 (48). pp. 168–173 (date of access: 29.07.2025)
8. Vershilo T.A., Vershilo N.D. To the question of increasing the efficiency of forest use for the formation of the budget of Russia –2017-№ 4 (50). pp. 44–50 (date of access: 29.07.2025)
9. Vasilyeva N. Yu. Certain aspects of illegal felling of forest plantations – 2024-№ 7(235). P. 160–162 (date of access: 29.07.2025)
10. Rogova E.V., Zabavko R.A. Problems of compensation for damage caused to hunting resources by logging activities-2023-№ 4. P. 23–26 (date of access: 29.07.2025)

К вопросу о правовом регулировании участия таможенных органов в спорах, отнесенных к их компетенции

Меркулова Татьяна Николаевна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии
E-mail: tn.merkulova@spbrta.ru

Работа открывает цикл статей автора, посвященных анализу правового регулирования участия таможенных органов в спорах, отнесенных к их компетенции. В данном исследовании представлено общее понимание участия таможенных органов в спорах по компетенции, проведен анализ некоторых судебных дел, изучены значимые для исследования нормативно-правовые акты. В статье находит обоснование тезис автора о стремлении к единообразию в сфере правоприменения по спорам, возникающим в области таможенного дела, делается вывод о том, что ведомственный порядок обжалования решений таможенных органов – это наиболее эффективный способ урегулирования разногласий участников внешнеэкономической деятельности, который необходимо активно использовать и развивать в дальнейшем.

Ключевые слова: таможенный орган; таможенные споры; участники внешнеэкономической деятельности, арбитражный процесс; ведомственное обжалование; иск; споры по компетенции.

Исследование вопросов правового регулирования участия таможенных органов в спорах, относящихся к их компетенции, представляется, важным, как с позиции практической целесообразности, так и с точки зрения изучения теоретических основ функционирования правового механизма современного таможенного регулирования.

По данным Судебного департамента при Верховном суде РФ, «количество решений арбитражных судов первой инстанции по заявлениям участников внешнеэкономической деятельности об оспаривании действий (бездействий) и решений таможенных органов в 2024 году продолжает сохраняться приблизительно на том же уровне, что и в 2023 году, в то время как процент удовлетворяемых заявлений немного возрос: количество решений, принятых арбитражным судом первой инстанции в 2024 году, составило 3499 (по сравнению 3399 решениями в 2023 году). В пользу участников ВЭД было принято 1736 решений, т.е. 50%, что на 3% выше аналогичных показателей прошлого года (47%), однако существенно ниже показателей 2021–2022 гг. (как в абсолютном, так и в процентном выражении)» [1].

Количество постановлений, принятых судами проверочных инстанций по таможенным спорам, продолжило снижаться в 2024 году: «судами апелляционной инстанции было принято 1429 постановлений в 2024 году (по сравнению с 1728 постановлениями в 2023 году, 1783 постановлениями в 2022 году); судами кассационной инстанции было принято 1397 постановлений в 2024 году (по сравнению с 1630 постановлениями в 2023 году, 1701 постановлением в 2021 году). Помимо общего снижения количества таможенных споров в АС первой инстанции, в 2024 году почти на 10% снизилось количество решений, обжалованных участниками ВЭД и таможенными органами в суды проверочных инстанций: в апелляции были рассмотрены жалобы на 40,8% решений АС (по сравнению с 50,8% решений АС в 2023 году). в кассации были рассмотрены жалобы на 39,9% решений АС (по сравнению с 48% решений АС в 2023 году)» [2].

Согласно имеющей статистической информации, судебными инстанциями были рассмотрены такие дела, как: включение дополнительных начислений в таможенную стоимость товаров включая роялти (в том числе в результате переквалификации правовой природы заключенных участниками ВЭД сделок), дела, связанные с классификацией товаров, льготном налогообложении, происхождении товаров и др. [3].

Обратимся к основным положениям, закрепленным в действующем таможенном законодательстве, регламентирующим порядок обращения участника внешнеэкономической деятельности в арбитражный суд с требованием о признании незаконным решения, принятого таможенным органом.

Согласно имеющимся предписаниям, необходимо соблюдение досудебной процедуры обращения в вышестоящий таможенный орган субъекта Российской Федерации. Кроме того, необходимо учитывать, что не всегда компетенция региональных таможенных управлений может соответствовать административно-территориальному делению конкретного субъекта РФ. Решение вопросов определения подсудности по некоторым категориям таможенных споров, по общему правилу, должны соответствовать правовым нормам Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [4]. В частности, такие иски предъявляются в арбитражный суд по месту нахождения лица, чьи действия обжалуются, то есть исходя из его административно-территориального расположения.

В ситуации, когда вышестоящий таможенный орган подтвердил правомерность решения нижестоящей таможни, исковые требования могут быть заявлены заинтересованными участниками по месту нахождения последней.

Несмотря на довольно понятную схему судебного обжалования решений таможенных органов, обратим внимание на имеющую место и законодательно регламентированную процедуру ведомственного обжалования.

При возникновении спорной ситуации с участием должностных лиц таможенных органов необходимо руководствоваться юридическими алгоритмами, регламентированным нормами действующего таможенного законодательства. Так, указанные правила, закреплены, в частности, в Федеральном законе № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5, 6]. По общему смыслу содержащихся в нем норм, участник внешнеэкономической деятельности, взаимодействовавший с должностными лицами таможенных органов и посчитавший, что его права и интересы нарушены вынесенным в отношении него неправомерным решением (либо также действием или бездействием), может его обжаловать в вышестоящий таможенный орган по компетенции.

Преимущества ведомственного обжалования, на наш взгляд, вполне очевидны. Прежде всего, это скорость принятия решения. По сравнению с судебной формой обжалования, которая, как правило, предполагает существенные временные затраты, ведомственный порядок предусматривает срок не более месяца. И только в некоторых, особо сложных случаях срок обжалования может быть продлен. Для всех участников внешнеэкономической деятельности важно, чтобы споры, рас-

сматривались максимально эффективно и в тоже время не были растянуты во времени.

Не можем не обратить внимание и на качество обязательности исполнения принятого в таком порядке решения. Административная составляющая в данном случае наиболее четко проявляется. Наконец, принятое положительное решение по обжалуемому вопросу, несомненно, снижает конфликтность в возникших правоотношениях и ведет к уменьшению количества судебных исков к таможенным органам.

Уверены, всем участниками внешнеэкономической деятельности необходимо максимально полно использовать возможности, предоставленные действующим федеральным законодательством, что в дальнейшем будет способствовать укреплению здоровых, конструктивных правовых отношений между всеми участниками внешнеэкономической деятельности.

Практические работники таможенных органов различных субъектов Российской Федерации также придерживаются такого видения. Например, обращается внимание на понятный и доступный порядок подачи жалобы, адекватные сроки рассмотрения (в отдельных случаях даже немедленно), оперативность в принятии решений, соответствие всех процедур нормам российского и международного законодательства и др. [7, 8, 9]. На сегодняшний день тенденции таковы, что обращение в суд является для участников внешнеэкономической деятельности, скорее, исключительной мерой, чем инструментом первоочередного порядка. Это, безусловно, внушает оптимизм для современной практики таможенных органов.

В том случае, если все же имел место пропуск срока для обжалования решения вышестоящего таможенного органа, восстановление пропущенного срока будет входить уже в компетенцию арбитражного суда, в производство которого данное дело поступит. Например, подать такой иск могут физические лица, перемещающие товары через таможенную границу в личных, не связанных с коммерческой реализацией, целях либо юридические лица и индивидуальные предприниматели, перемещающие товары в коммерческих целях.

Субъектами, организующими таможенную деятельность, и соответственно выступающими участниками арбитражных судебных исков по таможенным делам, являются органы Федеральной таможенной службы РФ, региональные управления, таможни и таможенные посты [10].

Особенностями таможенных исков является то, что они могут быть:

1) связанными с нарушениями процедур внешнеэкономической деятельности, то есть административными.

2) финансовыми. Речь идет о спорах по уплате или неуплате таможенных пошлин.

3) налоговыми. Например, при неверном начислении НДС.

При обращении в арбитраж рекомендуем придерживаться следующего алгоритма действий:

подготовить необходимые документы, оплатить госпошлину, размер которой определяет Арбитражный процессуальный кодекс РФ, подать исковое заявление, после чего дело возьмут в производство и назначат день его слушания. В этот период времени проводится подготовка к заседанию, во время которой судьи изучают обстоятельства дела. Затем основная стадия – разбирательство в арбитраже. После чего выносится решение и, при необходимости, определение.

Напомним, арбитражное разбирательство может включать несколько инстанций:

- 1) Первичная. Здесь дело разбирается.
- 2) Апелляционная. На данном этапе рассматриваются жалобы на решения в первой инстанции.
- 3) Кассационная. В рамках кассационного производства рассматриваются решения первичного арбитража и постановления апелляционного.
- 4) Надзорная. В ней можно пересмотреть решение арбитража, при наличии на это существенных оснований.

Имеющаяся на сегодняшний судья практика по различным категориям таможенных споров неоднозначна, нередко принятые судебные решения вызывают дискуссии в таможенном юридическом комьюнити. Сложившаяся ситуация характерна, например, для дел, связанных включением дополнительных начислений в таможенную стоимость товаров включая роялти или дела об определении о таможенной стоимости товаров, дела, связанных с классификацией товаров, льготном налогообложении, о происхождении товаров.

Для целей настоящего исследования приведем интересную статистическую информацию по делам, связанным с определением классификации товаров. Как было замечено выше, общее количество судебных споров в таможенной сфере год от года уменьшается, в тоже время процент обжалования решений первой инстанции и именно по данной категории дел незначительно, но увеличено [11]. Каждый раз высшая судебная инстанция, обобщая итоги рассмотрения таких дел старается занять максимально объективную, основывающуюся на действующем законодательстве, позицию, нацеливая будущего правоприменителя к единообразию в этой сфере правоприменения. Именно решения судов первой инстанции должны максимально учитывать даваемые Верховным судом РФ разъяснения, тем самым снижая вероятность последующего обжалования.

Так, например, основываясь на анализе разъяснений, который дал Пленум Верховного Суда РФ по делам об определении таможенной стоимости товара, практическим работникам таможенных органов рекомендуем учитывать, «какие признаки недостоверного определения таможенной стоимости были установлены таможенным органом и нашли свое подтверждение в ходе проведения таможенного контроля, в том числе с учетом документов (сведений), собранных таможенным органом и дополнительно предоставленных декларантом» [12, 13, 14]. При этом не стоит, безусловно, полно-

стью отказываться от учета сложившейся ведомственной практики.

Настоящее исследование – первая из будущего цикла статей, в которой мы уделили внимание общим положениям правового регулирования участия таможенных органов в спорах по компетенции, определили формы участия, обозначили наиболее актуальные в настоящее время направления совершенствования складывающейся таможенно-судебной практики, определили имеющиеся проблемы, предложили пути решения. Пришли к выводу, что ведомственный порядок обжалования решений (действий, а также бездействий) должностных лиц таможенных органов выступает одним из наиболее эффективных способов урегулирования разногласий участников внешнеэкономической деятельности, эффективным способом построения здоровых правовых отношений между участниками внешнеэкономической деятельности, способствует снижению их конфликтности, позволяет говорить об эффективности указанной административной процедуры, способствующей оперативно и с наименьшими затратами разрешать спорные ситуации с участием таможенных органов, рекомендовали таможенным органам активно использовать указанный порядок обжалования решений. Констатировали, что имеющаяся на сегодняшний судья практика по различным категориям таможенных споров неоднозначна, нередко принятые судебные решения вызывают дискуссии в таможенном юридическом сообществе. Учитывая все нюансы, сложившуюся ведомственную практику, тем не менее, необходимо стремиться к единообразию в сфере правоприменения, следуя за ведущей направляющей, исходящей от Верховного суда РФ.

Литература

1. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 2024 год // [Электронный ресурс]. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8945> (дата обращения: 16.08.2025)
2. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 2024 год // [Электронный ресурс]. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8945> (дата обращения: 16.08.2025)
3. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 2024 год // [Электронный ресурс]. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8945> (дата обращения: 16.08.2025)
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. N 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
5. Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 03.08.2018 № 289-

- ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 32. Ст. 4850. 2020, N 24, ст. 3740; N 52, ст. 8579; 2022, N 13, ст. 1963; N 29, ст. 5280; N 48, ст. 8310; N 52, ст. 9355
6. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // [Электронный ресурс]. URL: <https://myclub.garant.ru/#/document/71652992/paragraph/6419/doclist/10/1/0/0/%D1%82%D0%B0%D0%BC%D0%B%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%BA%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81:6> (дата обращения: 16.08.2025)
 7. О преимуществах досудебного урегулирования споров в сфере таможенного регулирования [Электронный ресурс] // URL: <https://ctu.customs.gov.ru/document/text/290999> (дата обращения: 14.08.2025)
 8. Преимущества ведомственного обжалования [Электронный ресурс] // URL: <https://kuztpp.ru/ru/events/members-news/preimushchestvavedomstvennogoobzhalovaniya-i520478/> (дата обращения: 16.08.2025)
 9. Порядок ведомственного обжалования решений [Электронный ресурс] // URL: <https://stu.customs.gov.ru/document/text/587727> (дата обращения: 16.08.2025)
 10. Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 03.08.2018 № 289-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 32. Ст. 4850. 2020, N 24, ст. 3740; N 52, ст. 8579; 2022, N 13, ст. 1963; N 29, ст. 5280; N 48, ст. 8310; N 52, ст. 9355
 11. Вопросы судебной практики по спорам о классификации товаров в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // URL: <http://fasszo.arbitr.ru/welcome/show/633200024/525> (дата обращения: 16.08.2025)
 12. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2024) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024) (ред. от 27.11.2024). Практика применения таможенного законодательства // [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/law/obzor-sudebnoi-praktiki-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii_50/sudebnaia-kollegiia-po-ekonomicheskim-sporam/praktika-primeneniia-tamozhennogo-zakonodatelstva/ (дата обращения: 16.08.2025)
 13. Архив определений арбитражных судов // [Электронный ресурс]. URL: <https://internet.garant.ru/#/startpage:0> (дата обращения: 14.08.2025)
 14. Определение Верховного Суда РФ от 5 сентября 2023 г. N 307-ЭС23–6406 по делу N A56–17901/2022 // [Электронный ресурс]. URL: <https://internet.garant.ru/#/startpage:0> (дата обращения: 16.08.2025)

ON THE QUESTION OF LEGAL REGULATION OF THE PARTICIPATION OF CUSTOMS AUTHORITIES IN DISPUTES WITHIN THEIR COMPETENCE

Merkulova T.N.

V.B. Bobkov St. Petersburg Branch of the Russian Customs Academy

This work opens a series of articles by the author devoted to the analysis of legal regulation of the participation of customs authorities in disputes within their competence. This study presents a general understanding of the participation of customs authorities in disputes over competence, analyzes some court cases, and studies regulatory legal acts that are significant for the study. The article substantiates the author's thesis on the desire for uniformity in the field of law enforcement in disputes arising in the field of customs affairs, and concludes that the departmental procedure for appealing against decisions of customs authorities is the most effective way to resolve disagreements between participants in foreign economic activity, which must be actively used and developed in the future.

Keywords: customs authority; customs disputes; participants in foreign economic activity; arbitration process; departmental appeal; claim; disputes over competence.

References

1. Consolidated statistical information on the activities of federal arbitration courts for 2024 // [Electronic resource]. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8945> (date accessed: 16.08.2025).
2. Consolidated statistical information on the activities of federal arbitration courts for 2024 // [Electronic resource]. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8945> (date accessed: 16.08.2025).
3. Consolidated statistical information on the activities of federal arbitration courts for 2024 // [Electronic resource]. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8945> (date accessed: 16.08.2025).
4. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002 N 95-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 30. Art. 3012.
5. Federal Law «On Customs Regulation in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» dated 03.08.2018 No. 289-FZ (as amended on 28.12.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2018. No. 32. Art. 4850. 2020, No. 24, Art. 3740; No. 52, Art. 8579; 2022, N 13, art. 1963; N 29, art. 5280; N 48, art. 8310; N 52, art. 9355
6. Customs Code of the Eurasian Economic Union (Appendix No. 1 to the Treaty on the Customs Code of the Eurasian Economic Union) // [Electronic resource]. URL: <https://myclub.garant.ru/#/document/71652992/paragraph/6419/doclist/10/1/0/0/%D1%82%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%B%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%BA%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81:6> (date of access: 16.08.2025)
7. On the advantages of pre-trial dispute resolution in the sphere of customs regulation [Electronic resource] // URL: <https://ctu.customs.gov.ru/document/text/290999> (date of access: 16.08.2025)
8. Advantages of departmental appeal [Electronic resource] // URL: <https://kuztpp.ru/ru/events/members-news/preimushchestvavedomstvennogoobzhalovaniya-i520478/> (date of access: 16.08.2025)
9. The procedure for departmental appeal of decisions [Electronic resource] // URL: <https://stu.customs.gov.ru/document/text/587727> (date of access: 16.08.2025)
10. Federal Law «On Customs Regulation in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» dated 03.08.2018 No. 289-FZ (as amended on 28.12.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2018. No. 32. Art. 4850. 2020, No. 24, Art. 3740; No. 52, Art.

8579; 2022, No. 13, Art. 1963; No. 29, Art. 5280; No. 48, Art. 8310; No. 52, Art. 9355

11. Issues of judicial practice on disputes on the classification of goods in accordance with the unified Commodity Nomenclature of Foreign Economic Activity of the Eurasian Economic Union [Electronic resource] // URL: <http://fasso.arbitr.ru/welcome/show/633200024/525> (date of access: 16.08.2025)
12. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2024) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on May 29, 2024) (as amended on November 27, 2024). Practice of applying customs legislation // [Electronic resource] // URL: [https://sudact.](https://sudact.ru/law/obzor-sudebnoi-praktiki-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii_50/sudebnaia-kollegiia-po-ekonomicheskim-sporam/praktika-primeneniia-tamozhennogo-zakonodatelstva/)

[ru/law/obzor-sudebnoi-praktiki-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii_50/sudebnaia-kollegiia-po-ekonomicheskim-sporam/praktika-primeneniia-tamozhennogo-zakonodatelstva/](https://sudact.ru/law/obzor-sudebnoi-praktiki-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii_50/sudebnaia-kollegiia-po-ekonomicheskim-sporam/praktika-primeneniia-tamozhennogo-zakonodatelstva/) (date of access: 16.08.2025)

13. Archive of arbitration court rulings // [Electronic resource]. URL: <https://internet.garant.ru/#/startpage:0> (date of access: 16.08.2025)
14. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 5, 2023 N 307-ES23–6406 in case N A56–17901/2022 // [Electronic resource]. URL: <https://internet.garant.ru/#/startpage:0> (date of access: 16.08.2025)

Возможные направления разрешения дискуссионных вопросов взаимодействия и сотрудничества таможенных органов России с правоохранительными органами по обеспечению общественной безопасности

Моргунова Наталья Викторовна,

кандидат юридических наук, доцент, Высшая школа теории права и частного права, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: morgonv@mail.ru

В статье рассматривается проблема несовершенства законодательной базы, регулирующей взаимодействие таможенных и правоохранительных органов, а также связанные с этим трудности координации и обмена информацией. Подчеркивается, что данные структуры играют ключевую роль в противодействии контрабанде, незаконному обороту наркотических средств, оружия и предметов культурной ценности. Анализируются исторические, правовые и организационные причины недостатков нормативного регулирования, включая разрозненность компетенций, отсутствие четких процедур взаимодействия и несогласованность законодательных норм. Особое внимание уделяется последствиям данных проблем, таким как снижение эффективности совместных операций, затягивание расследований, экономический ущерб и падение доверия к государственным институтам. Рассмотрены также недостатки в информационном обмене и межведомственной координации, включая отсутствие единой интегрированной платформы и слабую подготовку кадров. Автор делает вывод о необходимости комплексной реформы законодательной и организационной базы взаимодействия, внедрения современных информационных технологий и повышения квалификации специалистов, что позволит существенно повысить эффективность совместной деятельности и обеспечить более высокий уровень защиты экономической и национальной безопасности.

Ключевые слова: таможенные органы, правоохранительные органы, взаимодействие, законодательство, информационный обмен.

Одним из важнейших направлений современной политики в области обеспечения национальной безопасности является укрепление взаимодействия и сотрудничества между таможенными и правоохранительными органами. Важность этой темы обусловлена тем, что именно данные органы играют решающую роль в борьбе с такими угрозами, как контрабанда, незаконный оборот наркотических веществ, оружия и предметов, представляющих культурную ценность. В условиях активного развития международной торговли и усиления глобализационных процессов возрастает необходимость выработки надежных механизмов кооперации между указанными субъектами.

Тем не менее практика показывает, что современное состояние взаимодействия таможенных и правоохранительных органов характеризуется рядом трудностей, вызванных проблемами, некоторыми из которых например являются: несовершенство законодательной базы и нехватка действенных инструментов информационного обмена. Обозначенные проблемы приобретает особую значимость ввиду её влияния на эффективность выявления и пресечения различного рода правонарушений и преступлений, затрагивающих интересы национальной безопасности и экономики страны.

Рассмотрим более детально проблему несовершенства законодательной базы по взаимодействию таможенных и правоохранительных органов.

Проблема несовершенства законодательной базы, регулирующей взаимодействие таможенных и правоохранительных органов, является актуальной и многогранной проблемой, негативно влияющей на эффективность борьбы с транснациональной преступностью и защите экономических интересов государства. Недостаточная ясность и согласованность нормативных актов создают значительные препятствия в оперативной работе и приводят к существенным правовым коллизиям.

Одной из ключевых проблем современного российского законодательства является несовершенство правовых норм, регулирующих взаимодействие таможенных и правоохранительных органов. Данная проблема носит многоаспектный характер и оказывает существенное влияние на эффективность функционирования всей государственной системы охраны правопорядка и противодействия экономическим преступлениям. Проанализируем анализ сущности данной проблемы [1].

Взаимодействие таможенных и правоохранительных органов представляет собой сложный механизм, основанный на постоянном обмене информацией, совместном проведении операций и координации усилий. Эффективность данной деятельности зависит от качества законодательного регулирования, которое определяет рамки полномочий и границы ответственности обеих сторон. Однако действующее российское законодательство не до конца обеспечивает должного уровня юридической определенности и последовательности в области взаимодействия указанных субъектов. Рассмотрим подробнее некоторые выделяемые нами основные причины и последствия данного явления.

Причины несовершенства могут быть классифицированы следующим образом:

1. Моменты исторической обусловленности в вопросе того, что Российское законодательство сформировалось под влиянием советского опыта, когда существовали совершенно другие подходы к организации пограничного и таможенного контроля. Современные реалии требуют нового уровня интеграции, который далеко не всегда обеспечивается действующими нормами.

2. Многие законотворцы и специалисты в сфере юриспруденции не обладают глубокими знаниями особенностей функционирования таможенных и правоохранительных органов, что приводит к появлению неоптимальных и непродуктивных норм и как следствие нехватка квалифицированного кадрового потенциала.

3. Противоречивые тенденции в развитии отечественного законодательства. Одни законы усиливают контроль, другие ослабляют, одни вводят новые санкции, другие смягчают наказание – всё это создаёт хаос и неустойчивость правовых конструкций.

4. Воздействие международного права. Россия подписала значительное число международных договоров и конвенций, обязывающих соблюдать определённые стандарты в области торговли, транзита и уголовного преследования. Национальное право вынуждено адаптироваться к требованиям глобализации, что порой сопровождается появлением несоответствий и коллизий внутри самой правовой системы.

Причины рассмотрели, теперь какие же могут быть последствия несовершенства законодательной базы. Последствия проявляются в виде негативных явлений, влияющих на функционирование всей системы [2]:

1. Трудности в реализации совместных операций. Полиция и таможня сталкиваются с трудностями при проведении совместных рейдов, проверок и следственных действий. Различия в полномочиях и ограничениях часто приводят к юридическим спорам и снижению общей эффективности.

Воздействие трудностей выражается в снижении качества взаимодействия и снижения эффективности совместной деятельности:

- Замедляется темп принятия решений, возрастает риск потери времени и упущенных возможностей.
- Возрастает вероятность конфликтов и недопониманий между участниками операций.
- Теряется важная информация, увеличиваются ошибки и просчеты.
- Формируются неблагоприятные отношения между ведомствами, ухудшается морально-психологический климат.
- Результаты совместной деятельности становятся непредсказуемыми и нестабильными.

2. Замедленное расследование уголовных дел. Расследование нарушений таможенных правил осложняется отсутствием чётких алгоритмов обмена информацией и механизмом взаимодействия следователей и должностных лиц таможенных органов.

Последствия замедленного расследования:

- Утрата доказательств:

Одно из первых последствий медленного хода расследования – потеря доказательств. Длительные сроки ведения дел приводят к исчезновению вещественных доказательств, потере свидетелей и разрушению цепочки событий, что затрудняет последующее судебное разбирательство. Вследствие этого повышается вероятность оправдания подозреваемых, что подрывает авторитет и доверие к государственным институтам [3].

- Рассогласованность действий:

Долгосрочные уголовные дела провоцируют рассогласование действий между таможенными органами и правоохранительными структурами. Каждый участник пытается компенсировать промахи другой стороны, прибегая к самостоятельным действиям, что снижает эффективность сотрудничества и приводит к дополнительным проблемам.

Замедленное расследование уголовных дел заметно влияет на сотрудничество таможенных органов и правоохранительных структур: – Нарушается последовательность шагов и согласованность действий, что делает невозможным качественное взаимодействие. Возникают сомнения в искренности намерений партнеров, снижается уровень доверия между ведомствами. Появляются разногласия и споры относительно полномочий и ответственности, усугубляющие проблемы взаимоотношений.

3. Экономический ущерб. Ошибочные трактовки норм законодательства могут приводить к значительным финансовым потерям компаний, вовлечённым в внешнеэкономическую деятельность, вплоть до остановки бизнеса и убытков миллионов рублей [4].

4. Подрыв доверия граждан и бизнеса к государству. Правовые неясности формируют негативное восприятие населением и бизнесом всей системы правосудия и таможенных органов, вызывая недовольство и недоверие.

Анализ существующей законодательной базы выявляет ряд ключевых проблем:

1. Отсутствие четкого определения компетенции: Законодательство не всегда однозначно опре-

деляет полномочия таможенных и правоохранительных органов при совместном расследовании преступлений, связанных с контрабандой, незаконным оборотом наркотиков, оружия и других запрещенных товаров.

Негативные последствия неопределённой компетенции:

- Конфликты полномочий:

Если полномочия не установлены чётко, возникает путаница относительно того, какая служба должна отвечать за тот или иной участок работы. Такое положение дел часто ведёт к конфликтам между должностными лицами двух ведомств, осложняя процесс взаимодействия и препятствуя достижению общих целей.

- Дублирование функций:

При отсутствии ясного распределения обязанностей одна и та же задача может выполняться несколькими службами параллельно, что неизбежно приводит к неэффективному расходованию ресурсов и возникновению разногласий между служащими.

- Запаздывания в процессе принятия решений:

Размытые границы ответственности вызывают задержки в принятии решений, поскольку сотрудники вынуждены выяснять, кому принадлежит право действовать в конкретной ситуации. Подобная медлительность нередко приводит к утрате важной информации и снижению шансов на успешное расследование преступлений.

- Невозможность достижения синергического эффекта:

Без понимания чётких зон ответственности трудно наладить полноценное сотрудничество, которое позволило бы двум органам дополнять друг друга и достигать лучших результатов. Это лишает обе стороны важного ресурса — дополнительного опыта и экспертизы партнёра.

- Неправильная оценка результатов:

Трудности с определением зоны ответственности ведут к искажённому восприятию итогов работы ведомств. Невозможно объективно оценивать вклад каждой стороны в общее дело, что создаёт почву для недовольства и недоверия.

Отсутствие четкого определения компетенции приводит к дублированию функций, задержкам в расследовании и, в конечном итоге, снижению эффективности правоохранительной деятельности. Неясность разграничения ответственности порождает ситуации, когда ни одна из сторон не берет на себя инициативу, ожидая действий от другой, что играет на руку правонарушителям.

2. Несовершенство механизмов информационного обмена: Недостаточно отлаженные механизмы обмена оперативной информацией между таможенными и правоохранительными органами препятствуют своевременному выявлению и пресечению преступлений. Отсутствие единой, защищенной и оперативной системы передачи данных приводит к потерям времени, снижению эффективности оперативно-розыскных мероприятий и затрудняет координацию действий. Разрозненность

баз данных также затрудняет построение полной картины преступной деятельности.

Последствия несовершенства механизмов информационного обмена:

- Задержки в передаче данных:

Один из основных недостатков устаревших механизмов состоит в низкой скорости обмена информацией. Часто сотрудники одного ведомства сталкиваются с необходимостью длительного ожидания подтверждения фактов, необходимых для продолжения расследований. Задержки приводят к потерям ценных часов, иногда даже суток, что значительно снижает шансы раскрыть преступление и наказать виновных.

- Потеря или искажение информации:

Несовершенство механизма передачи данных нередко сопровождается ошибками или частичной передачей информации. Плохая организация документооборота, низкая степень стандартизации форматов и протоколов приводит к недопониманию и некорректному принятию решений. Потеря части данных нарушает целостную картину происходящего и сводит на нет попытки адекватно реагировать на ситуацию.

- Искажённое восприятие обстановки:

Неполнота или несвоевременность поступления информации препятствует выработке правильных стратегических решений. Руководители ведомств принимают управленческие решения на основании неполных данных, подвергаясь риску допустить ошибку, ведущую к дальнейшему ухудшению ситуации.

3. Проблемы правовой квалификации деяний: В ряде случаев законодательство не содержит четких формулировок, позволяющих однозначно квалифицировать деяния, совершаемые в сфере таможенного дела. Это приводит к трудностям в применении санкций и создает лазейки для уклонения от ответственности. Нечеткая формулировка статей может привести к различной трактовке одних и тех же действий разными правоохранительными органами.

4. Недостаток правовых норм, регулирующих взаимодействие на международном уровне: В условиях глобализации преступность выходит за рамки национальных границ, и эффективное противодействие ей требует тесного сотрудничества между таможенными и правоохранительными органами разных стран. Однако, несовершенство международно-правовых механизмов взаимодействия создает серьезные препятствия для обмена информацией и проведения совместных операций. Различия в законодательстве различных стран затрудняют экстрадицию правонарушителей и передачу материалов дела.

Также немало важной проблемой взаимодействия и сотрудничества таможенных органов и правоохранительных органов является: недостаток эффективных механизмов взаимодействия. Здесь я имею ввиду следующие моменты, во-первых, информационное обеспечение, а также отсутствие единой инфраструктуры электронного взаимодей-

ствия – таможенные органы и подразделения МВД используют отдельные, не связанные между собой информационные системы и базы данных. Это приводит к необходимости многократного сбора и дублирования одних и тех же данных в различных системах, а также разобщенность удостоверяющих центров, выдающих сертификаты ключей подписей для электронной подписи. Во-вторых, низкий уровень профессиональной подготовки должностных лиц по использованию информационных технологий и необходимости многократного представления документов в различные государственные органы – как следствие, вынужденное использование в качестве основного информационного канала традиционного бумажного документооборота. В-третьих, рост физического объема данных о лицах, содержащихся в государственных информационных системах, при фактическом отсутствии контроля за их использованием [5].

Проблема взаимодействия и сотрудничества между таможенными органами и правоохранительными структурами представляет собой одну из ключевых трудностей современной системы защиты государства от угроз экономической безопасности и преступности. Несмотря на значительное развитие технологий, сохраняется ряд серьезных проблем, препятствующих эффективному взаимодействию данных структур.

Основные аспекты недостатка эффективного взаимодействия и сотрудничества таможенных и правоохранительных органов:

1. Отсутствие единой информационной платформы. Одной из главных сложностей остается отсутствие общей интегрированной информационной среды, позволяющей оперативно обмениваться информацией между различными ведомствами. Каждый орган располагает собственными базами данных и системами учета, что затрудняет своевременный доступ к необходимой информации другим службам. Такая ситуация препятствует оперативному выявлению преступлений и созданию целостной картины правонарушений.

2. Разрозненность нормативной базы. Другим серьезным препятствием выступает различная правовая регламентация деятельности таможенных и правоохранительных органов. Различия в компетенциях, процедурах принятия решений и отчетности создают дополнительные сложности при организации совместной работы. Например, порядок задержания подозреваемых лицами таможенного контроля отличается от порядка действий сотрудников полиции, что нередко ведет к конфликтам юрисдикций и потере ценных доказательств.

3. Низкий уровень координации совместных мероприятий. Еще одним важным аспектом являются трудности в организации согласованных операций. Часто планы отдельных ведомств разрабатываются изолированно друг от друга, что приводит к дублированию усилий либо упущению важных деталей расследования. Отсутствие четких процедур планирования совместных рейдов, проверки подо-

зрительных грузов и лиц также снижает эффективность борьбы с контрабандой и нелегальной торговлей.

4. Недостаточная подготовка кадров. Уровень подготовки специалистов обеих сфер значительно влияет на качество взаимодействия. Таможенные инспекторы зачастую недостаточно осведомлены о правовых аспектах оперативной деятельности правоохранительных органов, а сотрудники последних слабо представляют специфику таможенной службы. Это создает барьеры при проведении сложных расследований, связанных с международными преступлениями и экономическими правонарушениями.

5. Трудности межведомственного взаимодействия на международном уровне. Проблемы эффективного взаимодействия наблюдаются не только внутри страны, но и на международной арене. Гармонизация законодательства различных государств и выработка единых стандартов взаимодействия остаются нерешенными вопросами. Даже при наличии международных соглашений практическая реализация их положений сталкивается с серьезными трудностями.

Таким образом, несовершенство законодательной базы и дефицит эффективных механизмов информационного обмена выступают ключевыми препятствиями на пути оптимизации взаимодействия таможенных и правоохранительных органов. Анализ сложившейся ситуации позволяет сделать вывод о необходимости срочного реформирования правовой сферы, улучшения методов коммуникации и повышения квалификации работников соответствующих ведомств. Только при условии активного внедрения современных подходов к сотрудничеству возможно достижение качественно нового уровня охраны государственной границы и минимизация рисков экономических нарушений и противоправных деяний. О способах усовершенствования и улучшения данных проблем поговорим в следующем пункте.

Литература

1. Тургунбекова К.Т. Необходимость таможенного контроля для экономики страны // Актуальные вопросы современной экономики. – 2021. – № 10. – С. 517–521.
2. Иванов И.И. Проблемы взаимодействия таможенных органов и правоохранительных органов в сфере противодействия экономической преступности // Вестник Академии таможенной службы Российской Федерации. – 2023. – № 3. – С. 12–25.
3. Ярмолич Н. А., Егоров С.В. Взаимодействие правоохранительных органов как фактор обеспечения безопасности общества и человека // Правоохранительные органы России: проблемы формирования и взаимодействия. – 2020. – С. 483–490.
4. Приказ Федеральной таможенной службы России от 15 мая 2023 г. № 456. «Об утверждении

Инструкции по порядку взаимодействия таможенных органов и правоохранительных органов при выявлении и предупреждении экономических преступлений». [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408891490/> (дата обращения 18.04.2025).

5. Дедяев, В.М. Таможенная служба России в системе федеральных органов исполнительной власти // Проблемы теории и практики таможенного дела. Ростов-на-Дону. – 2018. – С. 15–18.

POSSIBLE DIRECTIONS FOR RESOLVING DISPUTE ISSUES OF INTERACTION AND COOPERATION OF CUSTOMS AUTHORITIES OF RUSSIA WITH LAW ENFORCEMENT AGENCIES TO ENSURING PUBLIC SAFETY

Morgunova N.V.

Pacific State University

The article addresses the problem of the imperfect legal framework governing the interaction between customs and law enforcement agencies, as well as the related challenges in coordination and information exchange. It highlights that these agencies play a crucial role in combating smuggling, illicit trafficking of drugs, weapons, and cultural property. The paper analyzes historical, legal, and organizational causes of regulatory deficiencies, including fragmented competences, lack of clear interaction procedures, and inconsistencies in legislative norms. Special attention is paid to the consequences of these issues, such as reduced efficiency of joint operations, delays in investigations, economic losses, and declining public trust in

state institutions. The study also examines shortcomings in information sharing and interagency coordination, including the absence of a unified integrated platform and insufficient staff training. The author concludes that a comprehensive reform of the legislative and organizational framework, the implementation of modern information technologies, and the improvement of personnel qualifications are necessary to significantly enhance the effectiveness of joint activities and ensure a higher level of economic and national security protection.

Keywords: customs authorities, law enforcement agencies, cooperation, legislation, information exchange.

References

1. Turgunbekova K.T. The need for customs control for the country's economy // Current issues of modern economics. – 2021. – No. 10. – P. 517–521.
2. Ivanov I.I. Problems of interaction between customs authorities and law enforcement agencies in the field of combating economic crime // Bulletin of the Academy of Customs Service of the Russian Federation. – 2023. – No. 3. – P. 12–25.
3. Yarmolich N.A., Egorov S.V. Interaction of law enforcement agencies as a factor in ensuring the safety of society and individuals // Law enforcement agencies of Russia: problems of formation and interaction. – 2020. – P. 483–490.
4. Order of the Federal Customs Service of Russia dated May 15, 2023 No. 456. "On approval of the Instructions on the procedure for interaction between customs authorities and law enforcement agencies in identifying and preventing economic crimes." [Electronic resource] // SPS "ConsultantPlus". URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408891490/> (date of access 04/18/2025).
5. Dedyayev, V.M. Customs Service of Russia in the system of federal executive bodies // Problems of the theory and practice of customs affairs. Rostov-on-Don. – 2018. – P. 15–18.

Особенности реализации публично-правового механизма антикоррупционной политики Российской Федерации

Невенченко Ярослав Александрович,
магистрант Московского университета «Синергия»
E-mail: cdispb@mail.ru

Денисов Алексей Дмитриевич,
канд. юрид. наук, Московский университет «Синергия»

В статье исследуются особенности реализации публично-правового механизма антикоррупционной политики Российской Федерации. Рассмотрены нормативно-правовые акты, включая Федеральный закон «О противодействии коррупции» и национальные планы, определяющие ключевые направления государственной политики в данной сфере. Особое внимание уделено институциональной системе противодействия коррупции: деятельности Совета при Президенте РФ, прокуратуры, Следственного комитета и иных органов, обеспечивающих надзор и расследование коррупционных правонарушений. Анализ правоприменительной практики позволил выявить пробелы и противоречия в реализации антикоррупционных мер, среди которых формализм экспертизы нормативных актов и недостаточная прозрачность декларирования доходов чиновников. Отмечается влияние международных обязательств России и необходимость имплементации стандартов ООН и Совета Европы. Также обозначены перспективы цифровизации государственного управления, открывающие новые возможности для профилактики коррупции, но сопряженные с рисками киберугроз. Научная и практическая значимость исследования заключается в разработке рекомендаций по совершенствованию правового регулирования и институциональных механизмов.

Ключевые слова: антикоррупционная политика, публично-правовой механизм, коррупция, правовое регулирование, профилактика коррупции, Российская Федерация.

Актуальность

Коррупция продолжает оставаться серьезной проблемой для современной России, негативно воздействуя на все ключевые сферы общественной жизни – экономику, социальную сферу и систему государственного управления. Хотя в стране сформирована разветвленная нормативно-правовая база и созданы специализированные антикоррупционные институты, сохраняющийся высокий уровень коррупционных правонарушений указывает на недостаточную эффективность существующих публично-правовых механизмов противодействия этому явлению.

Актуальность исследования особенностей реализации антикоррупционной политики в России обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов. Прежде всего, существует объективная потребность в совершенствовании правового регулирования, поскольку, несмотря на принятие базового Федерального закона «О противодействии коррупции» и сопутствующих нормативных актов, в законодательстве сохраняются существенные пробелы и противоречия, требующие системной работы по его оптимизации. Одновременно требуется повышение эффективности институциональных механизмов, что подтверждается анализом деятельности правоохранительных и контрольно-надзорных органов, включая Следственный комитет, прокуратуру, ФАС и МВД, который выявляет уязвимые места в практической реализации антикоррупционных мер.

Важным фактором является растущий общественный запрос на прозрачность и подотчетность власти, который в условиях активной цифровизации и усиления гражданского контроля требует разработки новых профилактических инструментов, таких как обеспечение реальной открытости госзакупок, эффективное декларирование доходов чиновников и развитие механизмов общественного мониторинга. Кроме того, Российская Федерация как участник международных конвенций ООН, Совета Европы (ГРЕКО) и других антикоррупционных инициатив сталкивается с необходимостью адаптации национального законодательства к мировым стандартам в этой сфере.

Особую актуальность приобретает проблема новых коррупционных рисков, связанных с развитием цифровых технологий, систем госзакупок и механизмов государственно-частного партнерства, которые создают принципиально новые схемы коррупционных правонарушений, требующие своевременного и адекватного правового реаги-

рования. В этой связи исследование публично-правового механизма антикоррупционной политики России приобретает не только теоретическое, но и существенное практическое значение, поскольку его совершенствование напрямую способствует укреплению правопорядка, повышению уровня доверия к государственным институтам и созданию условий для устойчивого развития страны в долгосрочной перспективе.

Обзор литературы

Анализ научных исследований, посвященных публично-правовым механизмам в Российской Федерации, позволяет выделить несколько ключевых направлений в изучении данной проблематики. В работах П.Ю. Аксенова и А.С. Ивановой [1,7] рассматриваются вопросы цифровизации государственного управления, включая развитие электронного правительства и использование современных технологий для взаимодействия власти и общества. Эти исследования подчеркивают потенциал цифровых инструментов в повышении прозрачности государственного управления и снижении коррупционных рисков.

Значительное внимание в научной литературе уделяется теоретическим аспектам публично-правовых механизмов. В трудах А.М. Гоголева и И.В. Глазуновой [4,5] исследуются категории публичного администрирования и властных механизмов исполнительной власти, что формирует методологическую основу для понимания их роли в государственном управлении. Особый интерес представляют работы Л.Ю. Грудцыной и Д.В. Кулаковой [6,12], посвященные взаимодействию институтов гражданского общества с публично-правовыми структурами, а также механизмам защиты прав личности.

Важное место в научном дискурсе занимают исследования, связанные с противодействием коррупции. Коллективная монография под редакцией Т.Я. Хабриевой [11] комплексно анализирует природу коррупции и методы борьбы с ней, в то время как работа В.Ф. Гапоненко и Х.Ш. Киясханова [3] акцентирует внимание на проблемах реализации государственной антикоррупционной политики. Дополняют эти исследования статьи Д.В. Климовой и Ю.Л. Корабельниковой [8,10], в которых рассматриваются специализированные публично-правовые механизмы обеспечения безопасности в различных сферах.

Методология исследования

В основу исследования особенностей реализации публично-правового механизма антикоррупционной политики Российской Федерации положен комплекс научных методов, позволяющих обеспечить достоверность результатов и обоснованность выводов.

Теоретическую базу исследования составили формально-юридический и сравнительно-правовой методы, которые позволили проанализировать

нормы российского антикоррупционного законодательства, выявить их системные взаимосвязи, а также провести сопоставление с международными правовыми стандартами в сфере противодействия коррупции.

Для оценки эффективности институциональных механизмов применялся институциональный метод, направленный на изучение структуры, функций и взаимодействия государственных органов, осуществляющих антикоррупционную деятельность. Статистический метод использовался для обработки данных о динамике коррупционных правонарушений и результатах правоприменительной практики.

При выявлении проблем правового регулирования и правоприменения был задействован метод правового моделирования, позволяющий разработать предложения по совершенствованию законодательства. Для анализа новых коррупционных рисков, связанных с цифровизацией и государственно-частным партнерством, применялся системный подход, рассматривающий коррупцию как сложное, многофакторное явление.

Эмпирическую основу исследования составили материалы судебной практики, отчеты контрольно-надзорных органов, результаты мониторинговых исследований и экспертные оценки эффективности антикоррупционных мер.

Комплексное применение указанных методов позволило обеспечить всесторонний анализ публично-правового механизма противодействия коррупции в России и разработать научно обоснованные рекомендации по его оптимизации.

Результаты исследования. Теоретическая и практическая значимость

Коррупция в современной России остается системной проблемой, оказывающей негативное влияние на все сферы государственного управления, экономику и социальное развитие. Несмотря на предпринимаемые меры, уровень коррупционных проявлений свидетельствует о недостаточной эффективности действующих публично-правовых механизмов. В этой связи анализ особенностей реализации антикоррупционной политики приобретает особую актуальность как с теоретической, так и с практической точек зрения.

Правовую основу противодействия коррупции в Российской Федерации составляет Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», который определяет основные принципы и направления государственной политики в этой сфере. Данный нормативный акт закрепляет систему профилактических мер, включая требования к служебному поведению государственных служащих, обязанность представления сведений о доходах и расходах, а также ограничения, связанные с коррупционными рисками.

Важную роль в формировании антикоррупционного механизма играют указы Президента Российской Федерации, в частности Указ № 400 от 2 июля

2021 года «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», где коррупция выделена как одна из угроз национальной безопасности. Кроме того, Указ № 378 от 8 июля 2019 года «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» устанавливает конкретные мероприятия, направленные на снижение коррупционных проявлений в различных сферах государственного управления.

Институциональная система противодействия коррупции включает в себя широкий круг государственных органов. Координацию деятельности в этой области осуществляет Совет при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции. Прокуратура Российской Федерации в соответствии со статьей 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» осуществляет надзор за исполнением антикоррупционного законодательства. Значительная роль отведена Следственному комитету Российской Федерации, который проводит расследование коррупционных преступлений, предусмотренных главой 30 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Анализ правоприменительной практики показывает, что, несмотря на существующую нормативную базу, сохраняются серьезные проблемы в реализации антикоррупционных мер. В частности, формальный подход к проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, предусмотренной Федеральным законом «О противодействии коррупции», снижает эффективность этого инструмента профилактики. Судебная практика по делам о коррупционных преступлениях свидетельствует о сложностях в доказывании состава преступления, особенно в случаях, когда коррупционные схемы приобретают сложный, замаскированный характер.

Особого внимания заслуживает вопрос о декларировании доходов государственных служащих. Хотя механизм контроля за доходами и расходами лиц, замещающих государственные должности, закреплен в законодательстве, его реализация сталкивается с проблемами, связанными с недостаточной прозрачностью процедур проверки и отсутствием действенных механизмов ответственности за предоставление недостоверных сведений.

Важным направлением совершенствования антикоррупционной политики является развитие международного сотрудничества. Российская Федерация участвует в ряде международных конвенций, в том числе в Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года. Однако имплементация международных стандартов в национальное законодательство требует дальнейшей работы, особенно в части усиления мер по возвращению активов, полученных преступным путем.

Перспективным направлением развития антикоррупционного механизма является цифровизация государственного управления. Внедрение электронных систем в сфере государственных за-

купок, оказания государственных услуг и контроля за деятельностью чиновников создает новые возможности для снижения коррупционных рисков. Однако здесь также возникают новые вызовы, связанные с необходимостью защиты персональных данных и предотвращением киберпреступлений.

Таким образом, публично-правовой механизм антикоррупционной политики Российской Федерации представляет собой сложную систему нормативных и институциональных мер, требующую постоянного совершенствования. Дальнейшее развитие этого механизма должно быть направлено на усиление профилактической составляющей, повышение эффективности правоприменения и более полную имплементацию международных стандартов. Решение этих задач будет способствовать созданию эффективной системы противодействия коррупции, что является необходимым условием для устойчивого развития страны и укрепления доверия граждан к государственным институтам.

Литература

1. Аксенов П.Ю. Развитие электронного правительства в России: достижения и инновационные подходы // Вестник науки. – 2023. – № 10 (67). – С. 337–342.
2. Андреева Т.Д. Публично-правовой механизм обеспечения безопасности личности // Алтайский юридический вестник. – 2023. – № 4 (44). – С. 49–53.
3. Гапоненко В. Ф, Килясханов Х.Ш. Проблемы развития государственной политики России по противодействию коррупции // Бизнес в законе. – 2014. – № 3. – С. 234–238.
4. Глазунова И. В. О публично-властном механизме осуществления исполнительной власти в Российской Федерации // Юридическая наука без границ. – 2020. – № 3. – С. 108–114.
5. Гоголев А.М. Публичное администрирование как правовая категория // Экономика. Налоги. Право. – 2015. – № 3. – С. 141–146.
6. Грудцына Л.Ю. Институты гражданского общества в системе частноправовых и публично-правовых отношений // Образование и право. – 2014. – № 3 (55). – № 4 (56). – С. 88–97.
7. Иванова А.С. Использование цифровых технологий для коммуникации государства и общества // Молодой ученый. – 2022. – № 48 (443). – С. 369–371.
8. Климова Д.В. Публично-правовой механизм обеспечения миграционной безопасности Российской Федерации в эпоху трансформаций // Современные проблемы юриспруденции в условиях вызовов и трансформационных процессов: теория и практика: сборник трудов конференции. – Симферополь, 2024. – С. 30–32.
9. Кононов А.М. Организационно-правовой механизм государственного управления в правоохранительной сфере как направление исследования в свете анализа новой номенклатуры научных специальностей // Труды Академии

управления МВД России. – 2023. – № 2 (66). – С. 24–30.

10. Корабельникова Ю.Л. Понятие и структура публично-правового механизма обеспечения безопасности в городе // Труды Академии управления МВД России. – 2024. – № 1 (69). – С. 54–64.
11. Коррупция: природа, проявления, противодействие: монография / под ред. Т.Я. Хабриевой. М.: Юриспруденция, 2012. – 485 с.
12. Кулакова Д. В. К вопросу о понятии публично-правового механизма защиты прав и свобод личности // Академическая мысль. – 2024. – № 1 (26). – С. 32–34.

FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF THE PUBLIC LAW MECHANISM OF THE ANTI-CORRUPTION POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Nevencheny Ya.A., Denisov A.D.
Moscow University "Synergy"

The article examines the specifics of the implementation of the public law mechanism of the anti-corruption policy of the Russian Federation. Regulatory legal acts, including the Federal Law "On Combating Corruption" and national plans defining key areas of state policy in this area, are considered. Special attention is paid to the institutional system of combating corruption: the activities of the Council under the President of the Russian Federation, the Prosecutor's Office, the Investigative Committee and other bodies providing supervision and investigation of corruption offenses. The analysis of law enforcement practice revealed gaps and contradictions in the implementation of anti-corruption measures, including the formalism of regulatory expertise and insufficient transparency of income declarations of officials. The influence of Russia's international obligations and the need to implement UN and Council of Europe standards is noted. The prospects of digitalization of public administration are also outlined, opening up new opportunities for the prevention of corruption, but fraught with risks of cyber threats. The scientific and practical significance of the research lies in the development of recommendations for improving legal regulation and institutional mechanisms.

Keywords: anti-corruption policy, public legal mechanism, corruption, legal regulation, prevention of corruption, Russian Federation.

References

1. Aksenov P.Y. Development of e-government in Russia: achievements and innovative approaches // Bulletin of Science. – 2023. – № 10 (67). – Pp. 337–342.
2. Andreeva T.D. Public law mechanism for ensuring personal security // Altaisky juridicheskiy vestnik. – 2023. – № 4 (44). – Pp. 49–53.
3. Gaponenko V. F., Kilyashkanov H.S. Problems of development of the Russian state policy on combating corruption // Business in Law. – 2014. – No. 3. – pp. 234–238.
4. Glazunova I.V. On the public authority mechanism for exercising executive power in the Russian Federation // Legal Science without Borders, 2020, No. 3, pp. 108–114.
5. Gogolev A.M. Public administration as a legal category // Economy. Taxes. Pravo, 2015, No. 3, pp. 141–146.
6. Grudtsyna L.Y. Institutions of civil society in the system of private law and public law relations // Education and Law. – 2014. – № 3 (55). – № 4 (56). – Pp. 88–97.
7. Ivanova A.S. The use of digital technologies for communication between the state and society // Young Scientist. – 2022. – № 48 (443). – Pp. 369–371.
8. Klimova D.V. Public law mechanism for ensuring migration security of the Russian Federation in the era of transformations // Modern problems of jurisprudence in the context of challenges and transformational processes: theory and practice: proceedings of the conference. Simferopol, 2024. pp. 30–32.
9. Kononov A.M. Organizational and legal mechanism of public administration in the law enforcement sphere as a research area in the light of the analysis of a new range of scientific specialties // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 2 (66). – Pp. 24–30.
10. Korabelnikova Yu.L. The concept and structure of the public law mechanism for ensuring security in the city // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 1 (69). – Pp. 54–64.
11. Corruption: nature, manifestations, counteraction: a monograph / edited by T. Ya. Khabrieva. Moscow: Jurisprudence, 2012. – 485 p.
12. Kulakova D.V. On the concept of a public law mechanism for the protection of individual rights and freedoms // Academic thought. – 2024. – № 1 (26). – Pp. 32–34.

Прокуратура Российской Федерации в современных условиях: актуальные проблемы и вызовы

Потапова Лариса Валерьевна,

доцент кафедры прокурорской деятельности Уральского государственного юридического университета
E-mail: lvpotapova2014@yandex.ru

Научная статья посвящается осмыслению актуальных проблем прокурорской практики, формирующихся в процессе современных вызовов и угроз, которые требуют тщательного анализа и формирования предложений по их минимизации.

Подчеркивается, что осмысление перспектив реформирования прокурорской системы имеет огромное значение для повышения качественных показателей работы, упрочения законности и справедливости, развития правовой культуры и формирования прочной гражданской позиции. Всестороннее рассмотрение актуальных проблем и поиск решений служат способом, с помощью которого прокуратура достигает законодательно установленных целей по охране и защите прав, свобод человека и гражданина, интересов общества и государства.

К числу основных тем, подлежащих дельному анализу, можно отнести следующие: внедрение элементов искусственного интеллекта в работу прокуратуры; принцип гласности в деятельности прокуратуры в качестве основополагающего начала: благо для общества или законодательное бремя; прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы: требуется усиление гуманизации или формальный контроль (надзор); прокурорский надзор за исполнением миграционного законодательства: максимальные ресурсы по защите прав и свобод мигрантов или угроза национальной безопасности; прокурорский надзор за соблюдением свободы слова: выражение мнения или угроза общественному порядку; правовое воспитание, осуществляемое органами прокуратуры: эффективная работа или несвойственная органам прокуратуры роль; оценка (надзорной) работы прокуратуры: достаточно количественных показателей или необходимо качество.

В заключение делается вывод о том, что внимание к актуальным вопросам современной российской прокуратуры является одним из важнейших шагов на пути повышения эффективности деятельности прокурорской системы, что, в свою очередь, безусловно, способствует дальнейшему формированию гражданского общества и построению на его основе правового государства.

Ключевые слова: прокуратура Российской Федерации; прокурорская деятельность; актуальные проблемы; повышение эффективности.

Прокуратура Российской Федерации представляет собой важнейший государственный орган, который призван осуществлять деятельность по защите прав и свобод личности, охране интересов общества и государства, способствовать, тем самым, реализацией своих полномочий построению правового государства [1];[2].

Обсуждение наиболее актуальных вопросов прокурорской деятельности представляет важность в силу различных обстоятельств. В их числе причины социального, научно-исследовательского и правоприменительного характера.

Осмысление в процессе диспута ключевых аспектов организации и деятельности прокуратуры в различных форматах способствует выявлению и обострению тех проблемных участков, которые могут быть неочевидны на первый взгляд. Сосредоточение внимания на таких вопросах приводит к необходимости оценки качества деятельности прокуратуры, что влечет за собой оптимизацию и повышение эффективности работы органов прокуратуры.

Помимо прочего, дискуссии – это всегда обмен мнениями, высказывание противоположных суждений, генерирование новых идей, усиление слабых сторон и модернизация существующих с прицелом на их дальнейшее совершенствование.

Научные споры помогают оценить перспективы развития прокурорской деятельности в условиях стремительно меняющихся общественных отношений, законодательства, их регламентирующего, внедрения новых технологий и возникающих вызовов.

Обсуждение базовых положений прокурорской деятельности призвано стимулировать общество к занятию активной позиции, к усилению контроля за работой прокурорской системы и к защите своих прав и свобод. Открытый диалог способствует формированию позитивного имиджа прокуратуры в общественном сознании в качестве важнейшего правоохранительного органа государства, помогает укреплению доверия и авторитета прокуратуры.

Осмысление перспектив реформирования прокурорской системы имеет огромное значение для повышения качественных показателей работы, упрочения законности и справедливости, развития правовой культуры и формирования прочной гражданской позиции. Всестороннее рассмотрение актуальных проблем и поиск решений служат способом, с помощью которого прокуратура достигает законодательно установленных целей по охране и защите прав, свобод человека и гражданина, интересов общества и государства.

Современная прокуратура стремительно развивается, подвергаясь многочисленным трансформациям; необходимость их продиктована колоссальными изменениями, происходящими в обществе и государстве. Анализ надзорной и ненадзорной практики органов прокуратуры Российской Федерации позволяет аспекты работы, требующие новых подходов к осмыслению ряда ключевых вопросов.

К числу основных тем, подлежащих дельному анализу, можно отнести следующие: внедрение элементов искусственного интеллекта в работу прокуратуры;

принцип гласности в деятельности прокуратуры в качестве основополагающего начала: благо для общества или законодательное бремя;

прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы: требуется усиление гуманизации или формальный контроль (надзор) [3];

прокурорский надзор за исполнением миграционного законодательства: максимальные ресурсы по защите прав и свобод мигрантов или угроза национальной безопасности [4];

прокурорский надзор за соблюдением свободы слова: выражение мнения или угроза общественному порядку;

правовое воспитание, осуществляемое органами прокуратуры: эффективная работа или несвойственная органам прокуратуры роль [5];

оценка (надзорной) работы прокуратуры: достаточно количественных показателей или необходимого качество.

Эти и иные приоритетные вопросы с последующим их обсуждением способствуют повышению продуктивности работы прокуратуры Российской Федерации.

Развитие информационных технологий затрагивает все аспекты общественной жизни, не обходя стороной органы прокуратуры. Вместе с тем, использование прогрессивных достижений в прокуратуре может помимо очевидных плюсов, иметь и многочисленные минусы. Из плюсов: облечение человеческого труда в части осуществления рутинной бумажной работы, ведения учета и составления статистической отчетности, ускорение рабочих процессов, в особенности тех, которые не требуют особого интеллектуального вклада. В качестве минусов рассматриваются проблемы обеспечения надежной информационной безопасности, сохранности данных от различного рода утечек, большие материальные затраты, необходимость постоянного совершенствования, обучения сотрудников.

Принцип гласности является одним из основополагающих базисных положений, на котором основывается система прокуратуры, при этом, он выступает фундаментом как для вопросов организации, так и деятельности всей прокурорской системы. Развитие транспарентности, несомненно, влечет за собой установление прочного взаимодействия между прокуратурой и обществом, формируя доверие граждан к работе органов проку-

ратуры. Вместе с тем достижение общественного блага при реализации принципа гласности возможно только при условии надлежащего и неукоснительного соблюдения установленных законом границ, любые отклонения недопустимы.

Прогресс прокурорской деятельности невозможен без совершенствования системы подготовки кадров для органов прокуратуры. При решении этой сложной и многогранной проблемы требуется комплексный подход. В качестве векторов развития необходимо обозначить:

внедрение современных образовательных технологий с привлечением преподавательского состава, обладающего высоким уровнем компетенций в данной сфере, использование в учебном процессе практикоориентированных моделей; внедрение образовательных методик, формирующих и развивающих у студентов аналитическое мышление, позволяющее рассмотреть ситуации с различных сторон с целью достижения максимально верных выводов;

проведение на систематической основе мониторинга и оценки преподаваемых курсов;

поддержка научных исследований и инноваций;

формирование необходимой психологической базы, развитие тех качеств, которые необходимы будущему прокурору; работа над стрессоустойчивостью, развитие коммуникативных характеристик; обучение правильному распределению сил для того, чтобы избежать быстрого «выгорания» и т.п.

Подготовка высококлассного прокурорского работника – сложнейшая задача, требующая системного подхода, развития профессиональных, личностных и этических качеств. В этой связи максимально важно обеспечить действенный отбор будущих кадров среди студенческого сообщества. Возможными составляющими при разрешении данной задачи являются: качественное, непрерывное обучение, направленное на получение глубоких знаний; создание условий для применения теоретических знаний на практике, разбор ситуаций, требующих аналитического мышления и стратегического подхода; постоянное обучение вопросам применения современных информационных технологий; приобретение умений по поиску компромиссов и аргументированию собственной позиции; совершенствование навыков критического мышления в учете специфики будущей профессии; стремление к личностному росту с максимальным развитием эмоционального интеллекта.

Иными словами, подготовка прокурорского работника требует больших усилий как со стороны преподавательского состава, так и высокой степени самоотдачи будущего специалиста с четким осознанием конечной цели, при достижении которой такой прокурор способен эффективно защищать закон, права и свободы человека и гражданина, интересы общества и государства, принимать взвешенные решения и соответствовать высоким стандартам профессионализма.

Таким образом, представляется, что устойчивое повышение качества работы органов прокуратуры во многом зависит от уровня подготовки будущих специалистов. Немаловажную роль играет внутренняя и внешняя мотивация.

К стимулирующим факторам относятся: непрерывное профессиональное развитие; публичное признание и поощрение заслуг; создание комфортных условий труда (эта проблема требует отдельного упоминания в связи со сложностями в ее разрешении. Известно, что высокая нагрузка органов прокуратуры вызвана большим объемом полномочий, которые реализуются в различных направлениях деятельности, нехваткой кадрового состава; постоянно увеличивающимся количеством обращений со стороны граждан в органы прокуратуры и пр.); усиление мер материальной и социальной поддержки прокурорских работников (в особенности это касается молодых специалистов); систематическое проведение мероприятий, направленных на профилактику профессионального выгорания и т.д.

Внимание к актуальным вопросам современной российской прокуратуры является одним из важнейших шагов на пути повышения эффективности деятельности прокурорской системы, что, в свою очередь, безусловно, способствует дальнейшему формированию гражданского общества и построению на его основе правового государства.

Литература

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.93 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020;
2. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202–1 //РГ, № 39, 18.02.1992;
3. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации «Об организации прокурорского надзора за соблюдением законов при содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений и исполнении уголовных наказаний» № 800 от 24.10.2024// Законность, 2024, № 10;
4. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации « Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере миграции» № 273 от 12.04.2024// Законность, 2024, № 5;
5. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по пра-

вовому просвещению и правовому информированию» № 471 от 02.08.20218// Законность, 2018, № 8.

THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN MODERN CONDITIONS: CURRENT PROBLEMS AND CHALLENGES

Potapova L.V.

Ural State Law University

This scientific article examines contemporary challenges and issues in prosecutorial practice within the Russian Federation, emphasizing the need for thorough analysis and the development of effective mitigation strategies. Understanding the future direction of prosecutorial reform is crucial for enhancing the quality of its work, reinforcing the rule of law and justice, fostering a robust legal culture, and cultivating a strong sense of civic responsibility. A comprehensive assessment of current problems and the pursuit of viable solutions is essential for the Prosecutor's Office to effectively achieve its legally mandated goals of protecting human and civil rights and freedoms, and safeguarding the interests of both society and the state. Specific topics subjected to practical analysis include: the integration of artificial intelligence into prosecutorial work; the principle of publicity in prosecutorial activities (assessing whether it is a benefit to society or an undue legal burden); prosecutorial oversight of the rights and freedoms of incarcerated individuals (examining the balance between increased humanization and the need for robust control); prosecutorial supervision of migration law implementation (evaluating whether it prioritizes the protection of migrants' rights or poses a threat to national security); prosecutorial oversight of freedom of speech (weighing the value of opinion expression against potential threats to public order); legal education initiatives undertaken by prosecutorial authorities (determining whether they are effective or represent an inappropriate role for the Prosecutor's Office); and the evaluation of prosecutorial performance (assessing the sufficiency of quantitative metrics versus the necessity of qualitative assessment).

In conclusion, the article asserts that addressing the current issues confronting the modern Russian Prosecutor's Office is a vital step toward enhancing the efficiency of the prosecutorial system, which, in turn, significantly contributes to the advancement of civil society and the establishment of a rule-of-law state.

Keywords: Prosecutor's Office of the Russian Federation; prosecutorial activity; contemporary challenges; efficiency enhancement.

References

1. Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on 12.12.93 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020;
2. Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" dated 17.01.1992 No. 2202–1 // RG, No. 39, 18.02.1992;
3. Order of the Prosecutor General of the Russian Federation "On the organization of prosecutorial supervision over compliance with laws during the detention of suspects and accused of committing crimes and the execution of criminal sentences" No. 800 dated 24.10.2024 // Legality, 2024, No. 10;
4. Order of the Prosecutor General of the Russian Federation "On the organization of prosecutorial supervision over the implementation of laws in the field of migration" No. 273 dated 12.04.2024 // Legality, 2024, No. 5;
5. Order of the Prosecutor General of the Russian Federation "On the organization of work in the prosecutor's offices of the Russian Federation on legal education and legal information" No. 471 dated 02.08.20218 // Legality, 2018, No. 8.

Сравнительный анализ концессионных соглашений в Российской Федерации и Республике Беларусь

Сацкевич Татьяна Константиновна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
«Государственно-правовых и финансово-правовых
дисциплин», Московский финансово-юридический
университет МФЮА

Газарян Давид Георгиевич,

аспирант, Московский финансово-юридический университет
МФЮА

Статья посвящена теоретическому анализу проблем, возникающих в процессе заключения и реализации концессионного соглашения в Российской Федерации и Республике Беларусь.

Ключевые слова: концессионное соглашение; государственно-частное партнерство; Российская Федерация; Республика Беларусь.

В условиях современной экономики каждое государство стремится выстроить собственную инновационную политику, ориентированную на повышение конкурентоспособности национального бизнеса за счёт внедрения передовых технологий. Для реализации этих целей требуется значительный объём финансовых ресурсов, которых нередко оказывается недостаточно в рамках государственного бюджета. В подобных обстоятельствах возникает необходимость привлечения внешних источников финансирования¹. Одним из эффективных механизмов становится концессия – форма государственно-частного партнёрства, способствующая притоку инвестиций и созданию взаимовыгодных условий для участников экономических отношений.

При реализации законодательного регулирования концессий в Российской практике возникают значительные трудности, причиной которых, прежде всего, являются различия в федеральном и региональном законодательстве, касаемо основ государственно-частного партнёрства, формой которого и являются концессионные соглашения².

Концессия позволяет решать задачи государственного уровня, опираясь на частный капитал. При этом предпринимательский сектор получает долгосрочные экономические выгоды, что делает его заинтересованным в модернизации инфраструктуры и внедрении инноваций. Таким образом, создаётся платформа для устойчивого развития и реализации стратегических целей государственной инновационной политики.

С юридической точки зрения концессия представляет собой особый договор, в рамках которого государство передаёт определённые имущественные права и полномочия в сфере хозяйственной деятельности отечественным или иностранным компаниям на согласованных условиях. Особенно активно данный механизм используется в жилищно-коммунальном секторе, где он признан приоритетным инструментом развития.

Правовое оформление осуществляется в виде концессионного соглашения между двумя сторонами: концедентом и концессионером. В качестве концедента выступает государственный орган или уполномоченное им юридическое лицо, а концес-

¹ Пинчук Д.В. Концессия как способ реализации государственной инновационной политики // SCI-ARTICLE.RU. – 2023. – № 11. – С. 11.

² Сацкевич Т.К. Юридические аспекты концессионных соглашений как инструмента государственно-частного партнёрства / Т.К. Сацкевич, Д.Г. Газарян // Актуальные исследования. – 2024. – № 20 (202).

сионером может быть как российская, так и зарубежная компания либо индивидуальный предприниматель. Получая во временное пользование имущество и право ведения деятельности, концессионер обязуется выполнять определённые условия, включая инвестиционные и эксплуатационные обязательства. При этом государство сохраняет за собой функцию контроля над соблюдением договорных условий, но не вмешивается в оперативное управление¹.

По окончании срока действия соглашения активности, включая созданные или модернизированные мощности, переходят обратно в собственность государства. Такой механизм обеспечивает обновление инфраструктуры без прямых бюджетных затрат.

Одним из ключевых инструментов, применяемых в рамках концессионных проектов, является проектное финансирование. Оно объединяет различные источники капитала, включая банковские кредиты, инвестиционные фонды и средства частных инвесторов. Кредиторы могут участвовать в разработке проекта и влиять на его параметры, что усиливает ответственность сторон и повышает надёжность реализации. Расширение правовой базы в этой сфере позволило значительно упростить заключение концессионных соглашений и повысить их правовую защищённость.

В Республике Беларусь особое внимание уделяется применению концессий в лесном хозяйстве. Более половины лесного фонда республики пригодны для эксплуатации, что создаёт значительный инвестиционный потенциал. Однако развитие лесных концессий сдерживается несогласованностью между нормами, регулирующими инвестиционную деятельность и правилами ведения лесного хозяйства.

Дополнительной сложностью для реализации концессионных проектов становятся высокие затраты на предварительные исследования, проектную документацию и проведение конкурсных процедур. Кроме того, сама процедура отбора концессионера занимает значительное время, что нередко задерживает запуск проектов.

Международная практика подтверждает высокую эффективность концессий в управлении муниципальной собственностью. Крупные частные компании, обладая необходимым опытом и технологиями, способны модернизировать инфраструктуру без участия бюджета. При этом имущество сохраняется в собственности муниципалитета, а частный партнёр использует его в рамках оговорённого срока.

Опыт зарубежных стран свидетельствует о широком распространении концессионной модели в рамках государственно-частного партнёр-

ства. В ряде государств до 80% подобных соглашений реализуются именно в форме концессий. Так, в России только в 2024 году было заключено 215 концессионных соглашений на общую сумму 2,3 трлн рублей, из которых 1,6 трлн составили внебюджетные средства. Для повышения прозрачности и учёта таких проектов Минэкономразвития ведёт централизованный реестр, содержащий сведения обо всех концессиях на территории страны.

Ряд стран использует концессионную модель как инструмент стратегического развития. Ирландия включила её в реализацию долгосрочной программы модернизации государственной собственности. В Норвегии концессионные соглашения способствовали формированию национальной нефтяной промышленности: иностранные инвестиции позволили модернизировать переработку, подготовить квалифицированные кадры и создать государственные компании – такие как «Статойл», «Петоро» и «Норск Гидро». Эти структуры представляют интересы государства и осуществляют контроль над реализацией стратегических проектов, обеспечивая баланс между частной инициативой и государственными интересами.

В международной практике к инфраструктурным концессиям принято относить объекты транспортной сферы, системы электро- и водоснабжения, организации благоустройства территории, а также учреждения образования, здравоохранения, туризма и охраны. Главным критерием передачи таких объектов частным партнёрам остаётся повышение эффективности их эксплуатации при сохранении социальной направленности и государственного статуса собственности².

Тем не менее, в Республике Беларусь отсутствует правовой механизм, позволяющий передавать объекты муниципальной собственности в концессию. Действующее законодательство не содержит соответствующих процедур, а на муниципальном уровне отсутствуют структуры, способные обеспечивать эффективное управление инфраструктурными активами и взаимодействие с потенциальными концессионерами. В городской администрации должны быть созданы специализированные подразделения, представляющие интересы собственника на всех этапах соглашения – от подготовки до контроля исполнения.

С учётом высокой доли государственной собственности в экономике Республики Беларусь, внедрение гибкого и экономически целесообразного концессионного механизма могло бы значительно ускорить реализацию государственной инновационной политики. Для достижения этой цели требуется модернизация действующего правового регулирования, в том числе:

– предоставление инвестору возможности за счёт собственных средств возводить объек-

¹ Кунай Н.М. Проблемы и перспективы развития концессионных соглашений в Республике Беларусь / Н.М. Кунай, О.И. Панин // Наука – практике: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Барановичи, 19 мая 2022 г.: в 3 ч. / М-во образования Респ. Беларусь, Баранович. гос. ун-т; редкол.: В.В. Климух (гл. ред.) [и др.]. – Барановичи: БарГУ, 2022. – Ч. 3. – С. 243.

² Становая О.В. Концессионное соглашение и функционально смежные с ним договоры с позиции современного законодательства Республики Беларусь // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. – 2020. – № 6. – С. 98.

ты недвижимости, права на которые могут принадлежать исключительно государству;

- законодательное закрепление ключевых признаков государственно-частного партнёрства, не охватываемых типовой структурой концессионного договора;
- введение нормы, допускающей выплату инвестору регулярных платежей со стороны государства или конечных потребителей в рамках исполнения условий соглашения.

Реализация этих инициатив значительно расширяет потенциал привлечения инвестиций и обеспечивает более эффективное выполнение стратегических задач государства в инновационной и социальной сферах.

Следует особо подчеркнуть, что транспортная концессия сегодня рассматривается как одно из наиболее перспективных направлений развития государственно-частного партнёрства. В отличие от традиционных форм финансирования, концессия не возлагает на государство обязательств по возврату вложенных средств, а предпринимательские риски перераспределяются между сторонами договора.

Зарубежный опыт демонстрирует эффективность концессий в коммунальной и социальной сферах. Крупные проекты по водоснабжению, водоотведению, реконструкции школ, медицинских учреждений и объектов культуры успешно реализуются в формате концессионных соглашений. Однако в Республике Беларусь передача объектов коммунальной собственности в концессию остаётся невозможной: отсутствует нормативная база, а также существуют объективные факторы, снижающие инвестиционную привлекательность – убыточность и низкая рентабельность объектов.

Несомненными преимуществами концессионных соглашений являются:

- снижение финансовой нагрузки на государство за счёт привлечения частного капитала к строительству, модернизации и эксплуатации объектов;
- формирование долгосрочных и юридически оформленных отношений между концедентом и концессионером;
- сохранение стратегического контроля над объектами за государством при одновременном использовании гибкости частного сектора.

Однако практика реализации концессий в Республике Беларусь сталкивается с рядом существенных ограничений. К таковым относятся высокая стоимость участия по сравнению с арендными механизмами, узкий круг потенциальных концессионеров и ограниченный перечень объектов, допустимых к передаче. Кроме того, концессия как институт гражданского права остаётся нормативно недостаточно проработанной: отсутствуют чёткие процедуры определения существенных условий договора, не установлены механизмы компенсации убытков инвестора, а правовые гарантии концессионера носят расплывчатый характер.

Таким образом, несмотря на признание концессионных соглашений одним из наиболее перспективных инструментов реализации проектов в формате государственно-частного партнёрства, развитие этого правового института в Беларуси требует комплексного подхода. Прежде всего, необходимо провести кодификацию норм, регулирующих концессионные отношения, и встроить их в систему гражданско-правовых договоров. Только в этом случае удастся создать устойчивую, предсказуемую и инвестиционно привлекательную модель концессионного взаимодействия.

Так как анализ Федерального закона «О концессионных соглашениях» приводит нас к выводу о том, что реализация инвестиционного проекта осуществляется с участием двух сторон, т.е. имеет место определенное «сотрудничество сторон». Тем не менее, основные риски по таким договорам несут концессионеры. Требуют дополнения основания для изменения или расторжения договора: например, существенное изменение условий (в данном случае требуется уточнение существенности для концессионного договора).

Литература

1. Федеральный закон от 21.07.2005 3115-ФЗ «О концессионных соглашениях».
2. Распоряжение Правительства РФ от 14 марта 2023 г. № 589-р «О примерном концессионном соглашении в отношении объектов транспортной инфраструктуры и технологически связанных с ними транспортных средств, обеспечивающих деятельность, связанную с перевозками пассажиров транспортом общего пользования, за исключением метрополитена».
3. Инвестиционный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 30 мая 2001 г.: одобр. Советом Респ. Беларусь 8 июня 2001 г.
4. О концессиях: Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г. № 63-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 25.07.2013. – 2/2061.
5. Кунай Н.М. Проблемы и перспективы развития концессионных соглашений в Республике Беларусь / Н.М. Кунай, О.И. Панин // Наука – практике: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Барановичи, 19 мая 2022 г.: в 3 ч. / М-во образования Респ. Беларусь, Баранович. гос. ун-т; редкол.: В.В. Климук (гл. ред.) [и др.]. – Барановичи: БарГУ, 2022. – Ч. 3. – С. 243–244.
6. Пинчук Д.В. Концессия как способ реализации государственной инновационной политики // SCI-ARTICLE.RU. – 2023. – № 11. – С. 11–15.
7. Сацкевич Т.К. Юридические аспекты концессионных соглашений как инструмента государственно-частного партнёрства / Т.К. Сацкевич, Д.Г. Газарян // Актуальные исследования. – 2024. – № 20 (202).
8. Становая О.В. Концессионное соглашение и функционально смежные с ним договоры

с позиции современного законодательства Республики Беларусь // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. – 2020. – № 6. – С. 98–104.

COMPARATIVE ANALYSIS OF CONCESSION AGREEMENTS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS

Satskevich T.K., Gazarian D.G.

Moscow University of Finance and Law

The article is devoted to the theoretical analysis of problems arising in the process of concluding and implementing a concession agreement in the Russian Federation and the Republic of Belarus.

Keywords: concession agreement; public-private partnership; Russian Federation; Republic of Belarus.

References

1. Federal Law of 21.07.2005 3115-FZ “On Concession Agreements”.
2. Order of the Government of the Russian Federation of 14 March 2023 No. 589-r “On a Model Concession Agreement in Relation

to Transport Infrastructure Facilities and Technologically Related Vehicles Ensuring Activities Related to Passenger Transportation by Public Transport, with the Except for the Metro”.

3. Investment Code of the Republic of Belarus: adopted by the House of Representatives on 30 May 2001: approved by the Council of the Republic of Belarus on 8 June 2001.
4. On Concessions: Law of the Republic of Belarus, 12 July 2013 No. 63-Z // National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. – 25.07.2013. – 2/2061.
5. Kunai N.M. Problems and Prospects for the Development of Concession Agreements in the Republic of Belarus / N.M. Kunai, O.I. Panin // Science – in Practice: Proc. of the III Int. Res.-Pract. Conf., Baranovichi, May 19, 2022: in 3 parts / Ministry of Education of the Republic of Belarus, Baranovichi State University; editorial board: V.V. Klimuk (ed.-in-chief) [et al.]. – Baranovichi: BarSU, 2022. – Part 3. – P. 243–244.
6. Pinchuk D.V. Concession as a Way to Implement State Innovation Policy // SCI-ARTICLE.RU. – 2023. – No. 11. – P. 11–15.
7. Satskevich T.K. Legal Aspects of Concession Agreements as a Tool of Public-Private Partnership / T.K. Satskevich, D.G. Gazaryan // Current research. – 2024. – No. 20 (202).
8. Stanovaya O.V. Concession agreement and functionally related contracts from the standpoint of modern legislation of the Republic of Belarus // Bulletin of Polotsk State University. Series D. Economic and legal sciences. – 2020. – No. 6. – P. 98–104.

Консервативные ценности как фактор устойчивости российской государственности теоретический и правовой анализ

Ткаченко Анна Валерьевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Красноярский государственный аграрный университет
E-mail: annavl.tkachenko@gmail.com

Статья посвящена комплексному теоретико-правовому анализу консервативных ценностей как фундаментального основания устойчивости российской государственности. Автор рассматривает историко-философские истоки отечественного консерватизма, его влияние на формирование правовой и политической идентичности, а также институционализацию традиционных ценностей в современной правовой системе. Выявляются историко-философские предпосылки формирования отечественного консерватизма, анализируется его роль в конструировании российской идентичности и поддержании институциональной целостности. Показано, что традиционные ценности, такие как соборность, преемственность, патриотизм и духовно-нравственные ориентиры, формируют основу национального правосознания, способствуют интеграции многонационального общества и обеспечивают легитимность государственной власти. В статье раскрывается, каким образом инновационное переосмысление и адаптация консервативных ценностей позволяют российской государственности эффективно отвечать на современные вызовы, предотвращать риски дезинтеграции и укреплять внутреннюю стабильность. Выявлены современные вызовы и тенденции трансформации консервативных оснований под воздействием глобализации, цифровизации и изменений социокультурной среды. Обосновывается, что инновационное применение консервативных ценностей способно стать ресурсом устойчивого развития и эффективной адаптации российской государственности к вызовам XXI века.

Ключевые слова: консервативные ценности, российская государственность, традиции, идентичность, правовая система.

Современные процессы в российском обществе, сопряженные с необходимостью сохранения национального суверенитета, культурной и правовой идентичности, актуализируют обращение к концептуальному наследию отечественной консервативной мысли, рассматривающей традиционные ценности в качестве основания устойчивости и развития государства.

Консервативные ценности – явление, укорененное в российской историко-философской и правовой традиции. На протяжении столетий они формировали основы общественного устройства, способствовали интеграции многонационального и многоконфессионального пространства, обеспечивали воспроизводство институтов власти, поддерживали коллективную идентичность. В современных условиях, когда российское государство сталкивается с внешним санкционным давлением, а также с внутренними процессами модернизации и цифровизации, возрастает значимость теоретического осмысления роли консервативных ценностей как устойчивого конструкта, обеспечивающего преемственность исторического развития и предотвращающего риски дезинтеграции.

Теоретико-правовой анализ консервативных ценностей требует обращения к широкому кругу философских, социологических и правовых источников, позволяющих выявить специфику их институционализации, динамику их эволюции и функциональную роль в современных условиях. Особую актуальность приобретает исследование таких феноменов, как конституционная идентичность, катехонная миссия государства, соотношение консервативных и гуманистических установок в формировании правовой системы.

Целью статьи является выявление и системное осмысление консервативных ценностей как фактора устойчивости российской государственности в историко-философском и правовом измерениях. Для достижения этой цели ставятся задачи: определить понятие и структуру консервативных ценностей, раскрыть их роль в формировании и сохранении российской государственности, проанализировать правовые механизмы институционализации традиционных ценностей, а также оценить их значимость в условиях современных вызовов.

Историко-философские основы консервативных ценностей в России

Российская консервативная традиция возникла как особая форма мировоззрения, противостоящая не только радикальным формам западноевропейского

либерализма, но и адаптирующаяся к внутренним вызовам многонационального государства-цивилизации.

Исторические корни консервативных ценностей в России прослеживаются с древнейших времен, когда основой общественного порядка выступала православная духовность, патриархальные устои, коллективизм и государственная централизация. Уже в домонгольский период идеи соборности, единства власти и народа, сакрализации государственной власти формировали фундаментальные установки, впоследствии получившие дальнейшее развитие [1]. Ведущую роль в становлении консервативного мировоззрения сыграло православное христианство, повлиявшее на представления о справедливости, социальной иерархии, ценности традиции и преемственности.

В течение столетий российская политико-философская мысль эволюционировала в русле традиционализма и консерватизма, что отчетливо проявилось в идеологии Московского царства («Москва – Третий Рим») и впоследствии Российской империи. Концепция особого исторического пути России, выраженная в трудах Филофея, получила развитие в сочинениях С. Соловьева, Н. Карамзина, К. Леонтьева, К.Н. Леонтьева, К. Победоносцева, В. Розанова, И. Ильина и других мыслителей, рассматривавших государственность как органическое единство власти, народа и религиозно-нравственного начала [7].

Особую роль в эволюции русской консервативной мысли сыграл период второй половины XIX – начала XX века, когда на фоне либеральных и революционных потрясений российская философия и публицистика акцентировали значимость национальной идентичности, органического единства государства, народа и традиции. В работах отечественных мыслителей консерватизм рассматривался как способ преодоления деструктивных тенденций модернизации, инструмент защиты исторической памяти, преемственности культурных форм и нравственного идеала.

Религиозное содержание философии русских консерваторов этого периода по-прежнему играет существенную и значимую роль в их социальной рефлексии. Однако их внимание все больше смещается от духовно-религиозных оснований самобытности русской цивилизации, выраженной у славянофилов в противопоставлении католицизма-протестантизма восточному христианству, к выявлению либо объективно-исторических закономерностей этой самобытности (цивилизационно-культурный консерватизм), либо ее обоснованию в рамках превосходства монархической государственности над либерально-революционными тенденциями социально-политического развития западного мира (государственно-охранительный консерватизм). Эта же тенденция обнаруживается и в современном российской консерватизме [8].

С позиций историко-философского анализа можно выделить несколько ключевых черт российской консервативной традиции: отрицание крайностей индивидуализма и рационализма, ха-

рактерных для западноевропейской мысли; ориентация на коллективные формы организации общества (община, соборность); приоритет духовно-нравственных начал над материальными интересами; признание особого исторического пути России и ее цивилизационной уникальности. Российский консерватизм получил дальнейшее развитие в XX – начале XXI века на фоне драматических изменений государственного и общественного строя. В условиях кризиса универсалистских либеральных моделей в современной отечественной философии и правоведении актуализируется идея возвращения к истокам, переосмысления традиционных ценностей как основы национальной идентичности, устойчивости и сплоченности общества.

Если гуманизм, возникший в эпоху Возрождения, акцентировал автономию личности и рационалистические основания социального устройства, то российский консерватизм настаивал на приоритете духовного единства, интеграции личности в коллектив, гармонии традиции и модернизации [5]. Эта оппозиция позволила русской мысли сформулировать альтернативную, перспективную модель цивилизационного развития, опирающуюся на многообразие и сложность социальных, религиозных, политических и экономических процессов, определяющих российскую государственность.

Консервативные ценности как фактор формирования и сохранения российской государственности

В основе российских консервативных ценностей лежит идея преемственности и уважения к историческим традициям, духовно-нравственным устоям и коллективистским формам организации общества. На протяжении веков традиционные ценности – вера, семья, служение Отечеству, соборность, патриотизм, уважение к закону, государственная централизация – становились неотъемлемой частью не только идеологии, но и практики государственного строительства. Именно они позволяли обществу адаптироваться к внешним и внутренним вызовам, поддерживать устойчивость и внутреннюю согласованность в периоды потрясений и реформ. Консервативная система ценностей выступала интеграционным механизмом, способствующим консолидации общества вокруг идеи сильного государства и сохранения национальной идентичности.

Особое значение в российской традиции приобретает концепция государства как удерживающей и стабилизирующей силы, что находит выражение в христианской катехонной доктрине [2]. Государство мыслится не только как институт управления, но и как духовно-нравственный субъект, наделенный миссией противостоять хаосу, защищать общество от разрушительных тенденций, сохранять преемственность исторического пути. Такая интерпретация государственности позволяет рассматривать консервативные ценности как инструмент профилактики дезинтеграционных процессов, гарантию устойчивости правовых и социальных ин-

ституты, а также условие для межпоколенческого диалога и передачи культурного наследия.

В современных условиях роль консервативных ценностей возрастает в контексте глобальных вызовов, связанных с процессами секуляризации, технологизации, информационных войн и трансформации идентичности. Российское государство активно апеллирует к традиционным ценностям как к фактору сплочения общества и укрепления национального единства. Это проявляется как на уровне официальной риторики, так и в реализации образовательных, культурных и правовых программ, направленных на формирование у граждан чувства принадлежности к единой историко-культурной и правовой традиции. В условиях внешнего санкционного давления и усиливающейся конкуренции цивилизационных моделей акцент на консервативных ценностях становится стратегией обеспечения суверенитета, правовой стабильности и внутреннего согласия [3].

Следует отметить, что в российской правовой системе консервативные ценности получают институциональное закрепление через такие категории, как суверенитет, идентичность, духовно-нравственное воспитание, защита исторической памяти, поддержка семьи и традиционных институтов. Данные элементы не только структурируют государственно-правовую практику, но и создают предпосылки для воспроизводства национального согласия, легитимности власти и устойчивости всей системы государственного управления. Таким образом, консервативные ценности в современной России выступают неотъемлемой основой формирования и сохранения государственности, а их интеграция в правовую и политическую практику позволяет выработать эффективные механизмы адаптации к вызовам XXI века без утраты историко-культурной самобытности.

Теоретико-правовой анализ консервативных ценностей в современных условиях

Теоретико-правовой анализ консервативных ценностей в современных условиях предполагает комплексное осмысление их места и роли в системе российской государственности с позиций современных юридических и философских концепций. Одним из ключевых направлений такого анализа является изучение механизмов юридической институционализации традиционных ценностей. В последние годы отмечается тенденция к их закреплению на уровне конституции, федерального законодательства и программных документов государственной политики. В частности, конституционное законодательство содержит нормы, подчеркивающие значимость духовно-нравственного наследия народов России, защиту семьи, традиционных религий, культуры, исторической памяти. Эти положения выполняют функцию ценностных ориентиров, определяющих приоритеты развития правовой системы и государственной политики, формируют основу для интеграции консервативных принципов в нормативную и правоприменительную практику.

Особое место в теоретико-правовом анализе занимает категория суверенитета, которая в отечественной доктрине традиционно связывается с устойчивостью и самостоятельностью государства, способностью противостоять внешнему давлению, обеспечивать внутреннюю целостность и реализовывать долгосрочные национальные интересы. Консервативные ценности в данном контексте выполняют роль контрфорса, поддерживающего и укрепляющего суверенитет, предотвращающего эрозию национальной идентичности и правового порядка под воздействием глобализационных и интеграционных процессов.

В условиях нарастания вызовов XXI века – таких как цифровизация, идеологическая экспансия, изменение структуры международных отношений – консервативные ценности обретают новое правовое содержание. Они становятся инструментом гармонизации прав и свобод личности с интересами общества и государства, балансируя между необходимостью защиты индивидуальных прав и сохранения общественного единства. В научной литературе отмечается, что чрезмерное абсолютизирование индивидуалистических начал и формальное копирование западных моделей может привести к утрате национальных особенностей правовой системы, ослаблению легитимности власти и дезинтеграции правовых институтов [4].

Консерватизм склонен к эволюционизму и творчеству как никакое иное политическое течение, поскольку обладает для этого значительным опытом и инструментарием, способностью аккумулировать духовные ценности.

В современных условиях особую значимость приобретают вопросы конституционной идентичности, отражающей единство исторических, культурных, религиозных и правовых традиций (Тепляшин, 2005). Правовая доктрина и практика конституционного строительства все в большей степени опираются на принцип сохранения и воспроизводства традиционных ценностей как гарантии устойчивости государственного устройства и правовой системы. Именно в этом заключается отличие российской модели правового развития от универсалистских западных подходов, которые ориентированы на доминирование формальных процедур и абстрактных принципов, зачастую игнорирующих специфику национальных культур и исторического опыта.

Наряду с этим, в отечественной правовой науке развивается подход, рассматривающий консервативные ценности в качестве основы для легитимации ограничительных и охранительных функций государства. Это выражается в приоритете обеспечения общественного порядка, поддержания традиционных социальных институтов, сохранения культурного наследия, а также в создании правовых механизмов, препятствующих распространению идеологий, угрожающих национальному единству и стабильности. Правовые инновации последних лет, направленные на защиту семьи, традиционных религий, исторической памяти, отражают тенденцию к интеграции консервативных ценностей в законодательство и государственное управление.

Современные вызовы и трансформация консервативных оснований устойчивости государственности

Современные вызовы, с которыми сталкивается российская государственность, многоплановы и разнопорядковы, охватывая как внешние, так и внутренние аспекты развития общества и государства. Одним из наиболее существенных вызовов становится конкуренция цивилизационных моделей, в рамках которой российское государство вынуждено одновременно защищать свою уникальную культурно-историческую идентичность и отвечать на интеграционные процессы, не утратив при этом самостоятельности. Усиление внешнего санкционного и идеологического давления провоцирует развитие стратегий, ориентированных на мобилизацию традиционных ценностей как основания национального единства и устойчивости. Здесь консервативные ценности становятся важнейшим инструментом противодействия попыткам подорвать легитимность власти, дестабилизировать общество, внедрить чуждые социокультурные стандарты и изменить систему приоритетов национального развития.

Внутренние вызовы связаны с трансформацией общественного сознания, распространением индивидуалистических установок, изменением характера межпоколенческих отношений и ростом влияния новых цифровых медиа, способствующих формированию альтернативных идентичностей. В ответ на это российское государство усиливает внимание к вопросам сохранения исторической памяти, популяризации традиционных моделей семьи, укрепления роли образования и воспитания, интеграции духовно-нравственного компонента в систему национальной идентичности. Значительное место в этих процессах занимают образовательные программы, направленные на формирование чувства сопричастности к отечественной истории и культуре, а также развитие гражданской ответственности и патриотизма [10]. Трансформация консервативных оснований устойчивости государственности проявляется также в переосмыслении содержания и функций ключевых социальных институтов – таких как государство, семья, религия, образование. Эти институты становятся объектами адаптации к новым реалиям, сохраняя при этом свою опорную роль в структуре общества. Государство приобретает функции не только администратора, но и гаранта сохранения культурного кода, ценностных ориентиров, коллективной памяти. Семья рассматривается как основа межпоколенческой преемственности и формирования гражданской идентичности, а религия – как фактор интеграции и нравственной поддержки общества.

В целом трансформация консервативных оснований устойчивости российской государственности выражается в поиске новых способов интеграции традиционных ценностей в современные общественные отношения, правовую и образовательную практику. Актуальность этих процессов обусловлена необходимостью сохранения внутрен-

него согласия, укрепления суверенитета, обеспечения преемственности исторического развития и сопротивления дезинтеграционным тенденциям.

Проведенный теоретико-правовой анализ свидетельствует о том, что консервативные ценности не являются лишь риторическим или идеологическим украшением российской государственности. Они формируют сложную, динамичную систему, способную адаптироваться к вызовам времени и выполнять функцию внутреннего «ядра устойчивости» – своеобразного кода, воспроизводящего целостность государства сквозь исторические потрясения, смену режимов и трансформацию социокультурных оснований.

Особенность российской модели заключается не в простом следовании традиции, а в способности творчески переосмысливать и институционализировать консервативные ценности, интегрируя их в современные правовые и управленческие практики. Это проявляется, например, в легитимации новых форм социального сотрудничества, развитии гражданского общества, модернизации образования при сохранении базовых смыслов. Не случайно именно периоды острейших кризисов в российской истории становились точками активизации и обновления консервативной повестки – вплоть до появления новых синтетических концепций, сочетающих элементы традиционализма, прагматизма и инновационности.

Для устойчивого развития российской государственности необходим не просто охранительный подход к консервативным ценностям, а их инновационное применение в условиях цифровой и культурной глобализации. Консерватизм в XXI веке способен стать платформой для «креативного синтеза» – формирования новых общественных институтов, способных удерживать баланс между традицией и технологическим развитием. Так, цифровые инструменты, искусственный интеллект, новые формы коммуникации и образования могут быть интегрированы в национальную правовую систему не вопреки, а именно благодаря консервативному мировоззрению, способному устанавливать четкие этические и правовые границы, формировать инклюзивную, но устойчивую идентичность.

Такое понимание открывает перспективу дальнейших исследований, направленных на выявление механизмов адаптации консервативных ценностей к вызовам «постгуманистического» мира и формирование новых стратегий устойчивости, в которых традиция и инновация не противопоставляются, а взаимодействуют в логике сложного диалога. Российская государственность, таким образом, может быть переосмыслена не только как объект наследия, но и как субъект созидательной трансформации, где консервативные ценности выступают условием и ресурсом модернизационного развития.

Литература

1. Ким Ю.В. Конституционно-правовые ценности либерализма и консервативная политическая традиция: диалектика конкурирующих пара-

дигм // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2023. Т. 7. № 1 (25). С. 46–53. DOI: 10.21603/2542-1840-2023-7-1-46-53

2. Контарев А.А. Идеал правды в аксиосфере российской правовой культуры // Философия права. 2022. № 4 (103). С. 7–12.
3. Леоненко Н.Т. Концепт суверенной российской государственности в ежегодных посланиях главы государства (1994–2024) // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2024. Т. 10. № 4 (40). С. 144–164. DOI: 10.21684/2411-7897-2024-10-4-144-164
4. Осин Р.С. Мировоззренческие и теоретико-методологические положения курса «основы российской государственности»: критический анализ // Общество: философия, история, культура. 2024. № 2 (118). С. 74–79. DOI: 10.24158/fik.2024.2.9
5. Перевезенцев С.В. Гуманизм или консерватизм? // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. № 2. С. 88–113. DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-2-88-113
6. Сафронов Н.А. Катехоническая концепция государства в российском политико-правовом дискурсе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13. № 1. С. 21–29. DOI: 10.21869/2223-1501-2023-13-1-21-29
7. Седаев П.В. Этапы развития отечественной социально-политической консервативной мысли: основные идеи и представители // Власть. 2025. Т. 33. № 2. С. 208–217. DOI: 10.24412/2071-5358-2025-2-208-217
8. Тарасов О.И. Рецепция идей русского консерватизма последней трети XIX – первой половины XX веков в современной российской философии: специальность 09.00.03 «История философии»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Москва, 2015. 22с.
9. Тепляшин И.В. Становление российской правовой государственности в контексте социально-правовой активности личности // Российский юридический журнал. 2005. № 4 (48). С. 25–33.
10. Ткаченко А.В. Обоснование дисциплины «Основы российской государственности» как учебного курса в Красноярском государственном аграрном университете // Наука: опыт, проблемы, перспективы развития. Материалы международной научно-практической конференции. Красноярск, 2023. С. 400–404.

CONSERVATIVE VALUES AS A FACTOR OF STABILITY OF RUSSIAN STATEHOOD: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

Tkachenko A.V.

Krasnoyarsk State Agrarian University

The article is devoted to a comprehensive theoretical and legal analysis of conservative values as the fundamental basis for the stability of Russian statehood. The author examines the historical and philosophical origins of Russian conservatism, its influence on the formation of legal and political identity, as well as the institutionalization of traditional values in the modern legal system. The author identifies the historical and philosophical prerequisites for the formation of national conservatism, analyzes its role in the construction of Russian identity and the maintenance of institutional integrity. It is shown that traditional values such as conciliarity, continuity, patriotism, and spiritual and moral guidelines form the basis of national legal awareness, promote the integration of a multinational society, and ensure the legitimacy of government. The article reveals how the innovative reinterpretation and adaptation of conservative values allow the Russian state to effectively respond to modern challenges, prevent the risks of disintegration and strengthen internal stability. Modern challenges and trends in the transformation of conservative foundations under the influence of globalization, digitalization and changes in the socio-cultural environment are revealed. It is proved that the innovative application of conservative values can become a resource for sustainable development and effective adaptation of Russian statehood to the challenges of the 21st century.

Keywords: conservative values, Russian statehood, traditions, identity, legal system.

References

1. Kim Yu.V. Constitutional and legal values of liberalism and conservative political tradition: dialectic of competing paradigms // Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and social sciences. 2023. Vol. 7. No. 1 (25). P. 46–53. DOI: 10.21603/2542-1840-2023-7-1-46-53
2. Kontarev A.A. The ideal of truth in the axiosphere of Russian legal culture // Philosophy of Law. 2022. No. 4 (103). P. 7–12.
3. Leonenko N.T. The concept of sovereign Russian statehood in the annual messages of the head of state (1994–2024) // Bulletin of Tyumen State University. Socioeconomic and legal studies. 2024. Vol. 10. No. 4 (40). P. 144–164. DOI: 10.21684/2411-7897-2024-10-4-144-164
4. Osin R.S. Ideological and theoretical-methodological provisions of the course “Fundamentals of Russian statehood”: a critical analysis // Society: philosophy, history, culture. 2024. No. 2 (118). P. 74–79. DOI: 10.24158/fik.2024.2.9
5. Perevezentsev S.V. Humanism or conservatism? // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science. 2024. Vol. 30. No. 2. P. 88–113. DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-2-88-113
6. Safronov N.A. Catechonic concept of the state in the Russian political and legal discourse // Bulletin of the South-West State University. Series: History and Law. 2023. Vol. 13. No. 1. P. 21–29. DOI: 10.21869/2223-1501-2023-13-1-21-29
7. Sedayev P.V. Stages of development of domestic socio-political conservative thought: main ideas and representatives // Power. 2025. Vol. 33. No. 2. P. 208–217. DOI: 10.24412/2071-5358-2025-2-208-217
8. Tarasov O.I. Reception of the ideas of Russian conservatism of the last third of the 19th – first half of the 20th centuries in modern Russian philosophy: specialty 09.00.03 “History of Philosophy”: abstract of a dissertation for the degree of candidate of philosophical sciences. Moscow, 2015. 22p.
9. Teplyashin I.V. Formation of Russian legal statehood in the context of social and legal activity of an individual // Russian Law Journal. 2005. No. 4 (48). P. 25–33.
10. Tkachenko A.V. Justification of the discipline “Fundamentals of Russian statehood” as a course at the Krasnoyarsk State Agrarian University // Science: experience, problems, development prospects. Materials of the international scientific and practical conference. Krasnoyarsk, 2023. P. 400–404.

Новации в правовом регулировании использования воздушного пространства для полетов беспилотных воздушных судов в Российской Федерации

Усольцева Наталья Андреевна,

канд. юрид. наук, доцент кафедры частного и предпринимательского права, БУ ВО ХМАО «Сургутский государственный университет»
E-mail: netali77@list.ru

Усольцев Юрий Михайлович,

доцент кафедры публичного и уголовного права, БУ ВО ХМАО «Сургутский государственный университет»
E-mail: yusoltsev@mail.ru

Вопросы правового регулирования использования воздушного пространства для эксплуатации беспилотных воздушных судов приобретают все большую актуальность по мере технологического развития данного вида транспорта и увеличения его количества в эксплуатации, в том числе для предпринимательских целей, как юридическими, так и физическими лицами. Авторы исследуют новый класс воздушного пространства для беспилотных воздушных судов, анализируют нормативные правовые акты, посвященные эксплуатации беспилотных воздушных судов в России, дают рекомендации по их законному использованию, выявляют пробелы в правовом регулировании. Цели статьи: исследовать новации в правовом регулировании использования воздушного пространства для полетов беспилотных воздушных судов в Российской Федерации, определить перспективные направления в регулировании, дать рекомендации по легитимному использованию данного вида транспорта. Представленные выводы и предложения позволили обосновать следующее: Российская Федерация совершенствует правовое регулирование, создает необходимые условия для эксплуатации беспилотных воздушных судов юридическими и физическими лицами, вместе с тем, однако, остаются коллизионные нормы, и нормативная правовая база требует дальнейшего совершенствования, в частности по вопросам регулирования эксплуатации специальных беспилотных воздушных судов, судов, не подпадающих в установленные весовые границы, управляемых лицами, не являющимися субъектами правонарушений.

Ключевые слова: воздушное пространство, беспилотные воздушные суда, классы воздушного пространства, класс «Н».

Введение

Использование воздушного пространства в любой точке мира является одним из самых сложных и актуальных вопросов, и Российская Федерация не является исключением, а появление и массовое распространение беспилотных транспортных средств не просто его усложняет, но и поднимает вопросы о массовых нарушениях правил использования воздушного пространства государства, особенно с максимальной взлетной массой от 150 грамм до 30 кг [24].

Россия не первое государство, которое решило нормативно изменить подход к использованию воздушного пространства из-за значительного распространения беспилотного транспорта, и первые шаги в этом направлении делаются весьма активно на протяжении последних лет, но вопросы продолжают оставаться.

Методы исследования

Методологически исследование основано на общенаучных методах (анализ, сравнение, описание, обобщение, системное структурирование), а также на частнонаучных методах (сравнительно-правовой, формально-юридический, конкретно-социологический и др.) Применение указанных методов исследования позволило авторам выявить произошедшие изменения законодательства в части использования воздушного пространства для полетов беспилотных воздушных судов и представить выводы по исследованию. Анализ нормативного регулирования воздушного пространства и особенностей его использования для полетов беспилотных воздушных судов позволил сформулировать выводы и предложения в рамках проведенного исследования.

Обсуждение и результаты

Определение и правовая идентификация воздушного пространства – это те вопросы, которые уже значительное время беспокоят исследователей международного права. Но с момента появления гражданской и военной авиации в начале 20 века во главу угла были поставлены вопросы использования воздушного пространства.

Достаточно стандартное уже видение – это разделение воздушного пространства по юрисдикционному подходу и отнесение его соответствен-

но к международному воздушному пространству (признаваемому открытым) [6, 7], к воздушному пространству конкретного государства, и к воздушному пространству, выходящему за пределы территории конкретного государства, но с ответственностью за организацию воздушного движения, возложенной на него. Исходя из присутствия в воздушном пространстве системы организации движения и контроля воздушное пространство градируется на контролируемое и неконтролируемое. Исходя из границ высот воздушного пространства, начиная с линии Кармана и двигаясь вниз выделяют верхнее и нижнее воздушное пространство (и к ним привязывается классификация высот полетов). Исходя из специфики зонирования воздушного пространства, чаще естественно находящегося в юрисдикции конкретного государства или под его контролем, а также по режимам использования, воздушное пространство может быть разделено на специальные зоны и районы [21, с. 62–69].

Когда мы говорим об использовании воздушного пространства, то должны понимать, что в первую очередь – это воздушное пространство находится в пределах границ конкретного государства и может использоваться государством и субъектами, отнесенными к его юрисдикции, в своих разрешенных целях и задачах. Международное воздушное пространство является открытым и соответственно может использоваться в рамках тех международных конвенций, которые подписаны в отношении этого воздушного пространства. Воздушное пространство, которое относится в категорию суверенного воздушного пространства конкретного государства, находится непосредственно над его сухопутной или водной поверхностями, что было определено Чикагской конвенцией 1944 года [8] и закреплено в Воздушном кодексе РФ [4].

И, тем не менее, вопрос о том – включается ли воздушное пространство в состав государственной территории – это вопрос, который всегда активно обсуждался, и были сформированы достаточно интересные теории, которые определяли категории и характеристики воздушного пространства именно как часть государственной территории. Останавливаться на данном вопросе мы не будем, достаточно просто упомянуть, что сейчас изучаются такие теории как объектная теория, теория компетенции, теория патримониальная [2, 22], и все они, естественно, неразрывно связаны с исследованием воздушного пространства в сопоставлении с такими понятиями как суверенитет конкретного государства, границы государства, вхождение в состав территории государства.

Воздушное пространство, юрисдикционно отнесенное к конкретному государству, должно использоваться исключительно в соответствии с нормативными правовыми актами данного государства и в рамках тех видов деятельности, которые им разрешаются. Основными, но не единственными, задачами государства в вопросах регулирования использования воздушного пространства являются:

- безопасность использования воздушного пространства,
- организация и сопровождение воздушного движения,
- осуществление контроля за соблюдением внутригосударственных и международных требований в области использования воздушного пространства.

Принятие решения о закрытии собственного воздушного пространства, ограничение доступа в него для всех или для конкретных внутренних или внешних субъектов, установление на постоянной или временной основе зоны ограничения полетов, введение ограничения использования воздушного пространства временно или постоянно по ходатайству отдельных субъектов, например владельцев специализированной инфраструктуры, это правомочия, которыми обладает государство, в нашем случае Российская Федерация, являясь носителем суверенитета над своим воздушным пространством [5, с. 144–152].

Развитие авиации, появление ее новых видов, включение в группы лиц управляющих воздушными судами любое число заинтересованных лиц, появление летательных аппаратов, которыми можно управлять удаленно или вообще ими будет управлять искусственный интеллект – это те факторы, которые существенно меняют ситуацию с использованием воздушного пространства. Поэтому допуск и организация полетов беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА) и эксплуатация беспилотных авиационных систем (далее – БАС) требуют от государства создания новых правовых условий для использования воздушного пространства. Современная действительность такова, что разработка, создание, продвижение, и использование беспилотных транспортных средств сейчас является, с одной стороны, существенным прогрессом, и государства старательно его поощряют, разрабатывая специальные системы поддержки, и Российская Федерация не является исключением, так как было введено понятие экспериментального режима [20], но, с другой стороны, все осознают риски и угрозы, связанные с бесконтрольным использованием любых беспилотных транспортных средств.

В правовой теории остается значительное количество вопросов, связанных с использованием беспилотных транспортных средств, особенно в части ответственности. Использование беспилотного высокоавтоматизированного транспорта, особенно снабженного искусственным интеллектом, где вмешательство в процесс управления оператором минимально либо вообще исключено, вызывает существенные вопросы со стороны правового сообщества в части определения статуса данных транспортных средств и всей их правовой концепции. Но больше всего такой транспорт вызывает сомнений у общества в целом, так как речь идет о категории доверия искусственному интеллекту человеческой жизни, а значительная часть общества пока воспринимает это отрицательно.

Но все же роль и значение такого беспилотного транспорта для нашей жизни недооценивать нельзя.

Возвращаясь к вопросам использования воздушного пространства Российской Федерации для организации и осуществления полетов беспилотных воздушных судов мы осознаем, что сейчас сложилась ситуация с фактически массовым нарушением данных правил. Несомненно, что значительный объем нарушений приходится на незаконные действия иностранных государств, запускающих беспилотные летательные аппараты на территорию Российской Федерации. Но кроме этого, речь идет о деятельности граждан и юридических лиц Российской Федерации, которые осуществляют использование беспилотных воздушных судов с нарушением правил их государственного учета, а также правил использования воздушного пространства и осуществления полетов, особенно над населенными пунктами и в запретных зонах, чаще всего при реализации предпринимательской и приносящей доход деятельности (то есть, еще и с нарушением правил выполнения авиационных работ [12, 14]). Многие из упомянутых субъектов не осознают, какой объем нормативного регулирования для использования беспилотных воздушных судов уже существует, либо надеются на то, что нарушение закона установлено и зафиксировано не будет. Дополнительно стоит указать, что беспилотное воздушное судно является источником повышенной опасности и с этим могут быть неразрывно связаны вопросы привлечения к ответственности, от уголовно-правовой до гражданско-правовой.

Признание беспилотных летательных аппаратов в Российской Федерации произошло фактически в марте 2016 года, когда в Воздушный кодекс РФ было включено понятие беспилотных воздушных судов (далее – БВС) [9], и был определен их правовой статус, введена изначальная классификация и сформулированы стартовые условия эксплуатации.

С тех пор в законодательстве РФ произошли значительные изменения, во-первых изменилась градация БВС, и если изначально мы говорили о взлетной массе от 250 г. до 30 кг. и свыше 30 кг. и далее, и соответственно, системы государственного учета, порядок использования, запуска были привязаны именно вот к этому диапазону, то буквально в 2022 году произошли изменения, и в части актов [11] максимальная взлетная масса была откорректирована – с 250 грамм на 150 грамм. Причём, важно то, что некоторые нормативные правовые акты по-прежнему сохранили установку в 250 грамм. Так, например, требования по государственному учету и государственной регистрации беспилотных воздушных судов определяются по диапазону – 150 грамм – 30 кг., и свыше 30 кг., а требование об оформлении и получении разрешения на полеты по-прежнему ориентировано на диапазон 250 грамм – 30 кг [19].

В нормативном регулировании Российская Федерация выстраивает классификацию БВС пре-

имущественно по максимальной взлетной массе и назначению, хотя встречаются и упоминания по особенностям регулирования исходя из конструкции БВС, особенно в части маркировки. Градация по максимальной взлетной массе БВС и выделение специфики использования, особенностей его конструкции, систем управления, особенно для проведения авиационных работ, в том числе аэрофотовидеосъемки, имеют принципиальное значение для законодательства РФ. Фактически сейчас использование БВС с взлетной массой свыше 30 кг. имеет самостоятельное регулирование, так, например, в отношении них действует требование о государственной регистрации такого беспилотного воздушного судна [16], кроме того, оператор такого БВС должен получить статус внешнего пилота [17] и т.д. Система же получения разрешений для отдельных видов авиационных работ (особенно лицензий на аэрофотовидеосъемку) уже официально признана не соответствующей современным реалиям [1] и нуждающейся в упрощении.

На настоящий момент времени основным документом в части использования воздушного пространства РФ, помимо Воздушного кодекса РФ, является постановление Правительства РФ № 138 (далее – Постановление № 138). Принципиально важное изменение в регулирование использования воздушного пространства для организации движения БВС произошло буквально на днях, в России введен новый класс воздушного пространства для использования беспилотных воздушных судов [10]. И если раньше у нас существовало деление на три класса воздушного пространства «А», «С» и «G», которые в принципе достаточно хорошо распределяли систему движения воздушного транспорта (с позиции получения разрешения на полеты, диспетчерского сопровождения, визуального контроля и эшелонирования), то сейчас у нас появился четвертый класс – это класс «Н», и он предназначен специально для полётов беспилотных воздушных судов (есть важный нюанс – в этом классе воздушного пространства могут присутствовать пилотируемые суда, в том числе пересекать его).

Необходимость такого специального класса воздушного пространства обсуждалось уже достаточно давно, речь шла и о необходимости отделить пилотируемую авиацию от беспилотной, и о развитии инфраструктуры для организации полетов БПЛА, и об упрощении документационного сопровождения полетов. И появление нового класса «Н», особенно сейчас, связано и с назревшими уже проблемами в этом вопросе, и с распространением экспериментального режима на значительное число регионов РФ, и с активным созданием инфраструктуры для использования гражданских беспилотных летательных аппаратов (появлением первого дронпорта весной 2025 года [3]).

Стоит признать, что в Российской Федерации сформировалась значительная нормативная база, регламентирующая использование беспилотных воздушных судов. И, несомненно, значительная часть нормативных правовых актов – это фе-

деральные акты (федеральные законы, акты Правительства РФ и Министерства транспорта РФ), но часть нормативных правовых актов приняты и действуют в пределах субъектов РФ. Сразу обратим внимание – появление нового класса не отменяет указанных документов, в которых класс «Н» не указан, особенно если речь идет о запретных для полетов беспилотных воздушных судов зонах или об организации полетов над населенными пунктами, возможно, они будут отредактированы или применяться в части непротиворечащей новой редакции Постановления № 138.

В Российской Федерации уже достаточно хорошо известно такое понятие как зоны полетов беспилотных воздушных судов, но длительное время это были территории, где практически не было населенных пунктов, людей и инфраструктуры. Разговор о внедрении беспилотной авиации в транспортную логистику, использование для грузовых перевозок, не может проводиться на фоне такого определения зон полетов БВС. Поэтому данный вопрос был существенно изменен.

Во-первых, Постановление № 138 было усилено новой терминологической конструкцией «маршрут полета беспилотных воздушных судов», но так как в терминологию акта изменения внесены не были, то речь идет об аналогии термину «маршрут полета», то есть проекция заданной (установленной) траектории полета беспилотного воздушного судна на земную (водную) поверхность, определенная основными пунктами, причем максимальная ширина маршрута полета беспилотного воздушного судна для классов «G» и «Н» установлена в 4 км.

Речь идет о создании специализированных полетных, логистических в том числе, коридоров, которые будут внесены Федеральным агентством воздушного транспорта в Сборники аэронавигационной информации Российской Федерации. Использование для полетов БВС маршрутов полетов предполагает максимальное упрощение формальностей для организации полетов, но одновременно изменение отдельных требований к БВС. Дополнительно стоит выразить надежду, что информация о маршрутах полетов БВС появится на электронных ресурсах для проверки планов полетов, для удобства операторов БВС. Для полетов беспилотных воздушных судов по маршрутам полетов для БВС в воздушном пространстве класса «Н», а также в воздушном пространстве класса «G», установлен разрешительный порядок использования воздушного пространства, на что стоит обратить особое внимание.

Какие же требования к беспилотным воздушным судам меняются при использовании маршрутов полетов в соответствии с изменениями Постановления № 138? В части маркировки беспилотных воздушных судов и установленного оборудования, помимо уже существующих требований о нанесении учетного номера на элементы конструкции БВС [15], добавляются требования об оснащении БВС оборудованием для удаленной идентификации, системой экстренного прекращения полета,

бортовыми огнями предотвращения столкновений (проблесковыми огнями), аэронавигационными огнями, обеспечивающими световое излучение для идентификации воздушного судна, оборудованием навигации, обеспечивающим выполнение полета беспилотного воздушного судна, а также оборудованием линий управления и контроля беспилотных авиационных систем.

В части идентификации и регулирования классов воздушного пространства отметим, что помимо появления нового класса, изменения коснулись и класса «G» в том числе. Для класса «G» возможность полетов БВС не исключена, так как нормативно по-прежнему встречаются формулировки «пилотируемое воздушное судно» и «полеты воздушных судов» (п. 10 Постановления № 138).

Стоит обратить внимание, что в самый значимый для осуществления полетов беспилотных воздушных судов п. 52 Постановления № 138 изменения внесены не были, и соответственно осуществление полетов БВС в воздушном пространстве классов «A», «C» и «G» по-прежнему возможно с получением разрешения на использование воздушного пространства и иных документов и разрешений, в том числе плана полета и разрешения на полет, когда оно требуется. Исходя из п. 64 Постановления № 138 можно предположить, что классы «G» и «Н» отнесены нижнему воздушному пространству (свыше и до 150 метров соответственно) без предоставления диспетчерского обслуживания, и там где соответственно не установлены классы «A» и «C».

Сам класс «Н» можно определить как самый низкий из классов, так как полеты воздушных судов проходят на высотах ниже 3050 м., с ограничением скоростного режима в 450 км/ч. Обращает на себя внимание факт, что в этом показателе классы «G» и «Н» совпадают. Воздушное пространство класса «Н» не может быть установлено за пределами государственной территории РФ, даже если зона ответственности за организацию воздушного движения за пределами РФ возложена на нее. И, как указано в п. 64(1) Постановления № 138, класс «Н» не может быть установлен в воздушном пространстве приграничной полосы.

Принципиально важно, что фиксируя позиции по классу «Н», Правительство РФ определило базово, что указанный класс ориентирован на полеты БВС с максимальной взлетной массой до 30 кг., в случаях, установленных подпунктом «б» пункта 52(2) и пунктом 52(3) Постановления № 138. Полетные характеристики для полетов беспилотных воздушных судов в классе «Н» определяют как визуальные полеты на высотах менее 150 метров и 100 метров в установленном удалении от контрольных точек специальных субъектов (аэропорты, аэродромы, ВПП и т.д.), вне запретных зон и иных зон с ограничением (временным или постоянным), или в отношении зон с временным или местным режимами. Появление класса «Н» не снимает ограничений на использование БВС в рамках публичных мероприятий, спортивных мероприятий,

и тех ограничений, которые были введены на региональном уровне. Пилотируемые воздушные суда, могут осуществлять полеты в классе «Н» (включая зоны маршрутов полетов беспилотных воздушных судов) по правилам визуальных полетов с обязательным прослушиванием канала радиосвязи органа управления полетами (с уведомительным порядком использования воздушного пространства, как и в ситуации с классом «G» (кроме маршрутов полетов БВС)).

В соответствии с пп. «г» п. 64 Постановления № 138, верхний высотный предел для класса «Н» составляет 150 метров. Для выполнения полетов по установленным правилам в классе «Н» не требуется получения разрешения на использование воздушного пространства.

Введение класса «Н» в целом не изменило ситуацию в отношении полетов в зонах, разрешенных для полетов БВС, которые сегодня определяются по приказу Министерства транспорта Российской Федерации по представлению высшего исполнительного органа субъекта РФ [13], но их стало значительно больше, так как фактически в каждом регионе России были проведены мероприятия по определению указанных зон. В привязке к зонам полетов БВС, в Постановлении № 138 появилось интересное уточнение – если воздушное пространство, выделенное для полетов БВС, относится к классу «G», то нормативно разрешено его классифицировать как класс «Н», и соответственно в период, когда не используется маршрут полета беспилотных воздушных судов, установленный выше 150 метров, он считается отнесенным к классу «G».

Заключение

Развитие правового регулирования воздушного пространства Российской Федерации будет продолжаться дальше, что обеспечивается технологическим прогрессом в целом, и развитием беспилотной авиации в частности. Изменение законодательства в части создания более простых условий для эксплуатации БВС позволит поддержать внедрение и использование указанных транспортных средств в рамках предпринимательской деятельности юридических лиц и граждан, снизить количество случаев привлечения к административной ответственности по ст. 11.4 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Необходимо признать, что данное изменение законодательства далеко не первое в части такого регулирования [23, С. 57–63], и введенная свое время система государственного учета БВС от 150 грамм до 30 кг., появление специальных сетевых ресурсов для операторов, упрощение системы взаимодействия с органами управления полетов, все это создает достаточно комфортные условия для эксплуатации БВС. При этом, мы все понимаем, что попытки обхода закона существуют и будут существовать всегда и появление на рынке значительного числа БВС весом от 149 до 150 грамм

этому подтверждение. Государству необходимо определиться с позицией в отношении данных БПЛА и их производителей, для недопущения подобных ситуаций в будущем.

Но необходимо продолжение истории и для начала требуется осознание, что оператором БВС взлетной массы от 150 грамм до 30 кг. могут быть граждане от 14 лет, и работа со столь сложными документами как Постановление № 138 для них крайне затруднительна, так как обязательного требования о получении профессии оператора БВС нет. Поэтому либо Россия меняет подход и устанавливает подобное требование для получения такой профессии для всех, либо органы транспортного надзора и управления полетами должны разработать специальные инструкции-алгоритмы с пошаговым механизмом действий для использования воздушного пространства для полетов БВС для всех заинтересованных лиц. Дополнительно стоит обдумать вариант внедрения классического деления – использование БВС для предпринимательских целей и иного использования, и установить разные требования к субъектам, правилам использования БВС взлетной массой до 30 кг. уже исходя из этого условия, продолжая логику Приказа Минтранса России от 19.11.2020 № 494 [18].

Кроме того, необходимо создание нормативной правовой базы для регулирования использования и полетов беспилотных воздушных судов специального назначения (МВД РФ, МЧС РФ и иных ведомств), и например, беспилотных воздушных судов, управляемых исключительно искусственным интеллектом, при нахождении ими в воздушном пространстве класса «Н» в целом и по маршрутам полетов БВС в частности, для решения вопросов преимущества присутствия и координации полетов.

Кроме того требуется существенный пересмотр такого понятия как авиационные работы и допуска к ним с использованием БВС с взлетной массой до 30 кг. Возможно, специфику допуска и порядка выполнения авиационных работ с использованием БВС стоит ориентировать на зонирование воздушного пространства, и ввести особые правила допуска к отдельным видам авиационных работ именно для зон, разрешенных для полетов беспилотных воздушных судов.

Литература

1. Абдуллина А. Гостайну спускают на землю. // Коммерсантъ. – № 138/П. – 04.08.2025 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7940573> (дата обращения: 08.08.2025).
2. Берсенева Т.Б. Воздушное пространство как территория // Закон. Право. Государство. – 2018. – № 1. – с. 84–87.
3. В России открыт первый официальный аэропорт специально для БПЛА. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.cnews.ru/news/>

top/2025-05-20_v_rossii_poyavilsya_pervyj (дата обращения: 10.06.2025).

4. Воздушный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 12. – Ст. 1383.
5. Гончаренко Я.В. Анализ зон ограничения полётов в воздушном пространстве Российской Федерации // Научный вестник ГосНИИ ГА. – 2023. – № 42. – с. 144–152.
6. Договор 1992 по открытому небу [Электронный ресурс]. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=2&nd=201011199&collection=1 (дата обращения: 12.07.2025).
7. Женевская конвенция об открытом море 1958 года // Ведомости ВС СССР. – 1962. – № 46. – Ст. 457.
8. Конвенция о международной гражданской авиации: заключена в г. Чикаго 07.12.1944. / Международное воздушное право. Кн. 1. – М.: Наука, 1980. С. 280–316.
9. О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 03.07.2016 № 291-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 27 (Часть I). – Ст. 4224.
10. О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 11 марта 2010 г. № 138: постановление Правительства РФ от 31.07.2025 № 1133 // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=511182&dst=100005&field=134&rnd=iuL-ZEG#hJSvQtUcU0JMoJF71> (дата обращения: 03.08.2025).
11. О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 25 мая 2019 г. № 658: постановление Правительства РФ от 19.03.2022 № 415 // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 13. – Ст. 2077.
12. О лицензировании деятельности предприятий, учреждений и организаций по проведению работ, связанных с использованием сведений, составляющих государственную тайну, созданием средств защиты информации, а также с осуществлением мероприятий и (или) оказанием услуг по защите государственной тайны: постановление Правительства РФ от 15.04.1995 № 333 // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 17. – Ст. 1540.
13. Об установлении зон полетов беспилотных воздушных судов: приказ Минтранса России от 08.07.2024 № 236 // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=5C2228E08A27FA1FE25614DC03629B0A&mode=searchcard&base=LAW&n=483945&BASENODE=liliMSwwLDEiliwiljlsMSxMQVcilil&rnd=iuLZEG#dYmQtU5At71L6FZ> (дата обращения: 06.08.2025).
14. Об утверждении Административного регламента Федерального агентства воздушного транспорта предоставления государственной услуги по организации и проведению обязательной сертификации юридических и физических лиц, выполняющих авиационные работы: приказ Минтранса России от 13.03.2013 № 86 // Российская газета. – № 243. – 2013.
15. Об утверждении Порядка нанесения государственных, регистрационных и учетных опознавательных знаков гражданских воздушных судов, товарных знаков на гражданские воздушные суда: приказ Минтранса России от 25.01.2023 № 18// СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=91E590E05A1F485E3D8EA3988C9F28E0&mode=searchcard&base=LAW&n=440590&BASENODE=liliMSwwLDEiliwiljlsMSxMQVcilil&rnd=iuLZEG#AjFpQtU8a34TEcpw> (дата обращения: 06.08.2025).
16. Об утверждении Правил государственной регистрации гражданских воздушных судов в Российской Федерации: приказ Минтранса России от 18.01.2023 № 11 // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=C8117F3DD6346F1FB2CCC80EF0EE4D42&mode=searchcard&base=LAW&n=448760&BASENODE=liliMSwwLDEiliwiljlsMSxMQVcilil&rnd=iuLZEG#nDH3RtU6bvF2AQrb2> (дата обращения: 28.07.2025).
17. Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по летной эксплуатации беспилотных авиационных систем (внешний пилот) в составе с одним или несколькими беспилотными воздушными судами максимальной взлетной массой более 30 кг»: приказ Минтруда России от 27.04.2023 № 358н // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=D8EB9807A96034434580D44DF4DDACB&mode=searchcard&base=LAW&n=448274&BASENODE=liliMSwwLDEiliwiljlsMSxMQVcilil&rnd=iuLZEG#dIY1RtUZYUhwPRQ> (дата обращения: 25.07.2025).
18. Об утверждении Федеральных авиационных правил «Требования к юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, выполняющим авиационные работы, включенные в перечень авиационных работ, предусматривающих получение документа, подтверждающего соответствие требованиям федеральных авиационных правил юридического лица, индивидуального предпринимателя. Форма и порядок выдачи документа (сертификата эксплуатанта), подтверждающего соответствие юридического лица, индивидуального предпринимателя требованиям федеральных авиационных правил. Порядок приостановления действия, введения ограничений в действие

и аннулирования сертификата эксплуатанта»: приказ Минтранса России от 19.11.2020 № 494 // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=D8EB9807A96034434580D44DF4DDACB&mode=searchcard&base=LAW&n=432815&BASE-NODE=liliMSwwLDEiliwiljlsMSxMQVcilil&rnd=iuLZEg#qJzyQtUHnyZR9TrA> (дата обращения: 06.08.2025).

19. Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 11.03.2010 № 138 (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 14. – Ст. 1649.
20. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации: федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31 (часть I). – Ст. 5017.
21. Румянцев М.Е. Исследование концепции городской аэромобильности RuAM в Российской Федерации. // Системный анализ и логистика. – 2024. – № 3(41). – с. 62–69.
22. Травников А.И. Влияние национального воздушного права на совершенствование международно-правового режима воздушного пространства // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2011. – № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-natsionalnogo-vozdushnogo-prava-na-sovershenstvovanie-mezhdunarodno-pravovogo-rezhima-vozdushnogo-prostranstva> (дата обращения: 01.08.2025);
23. Чеботарева А.А. Правовое обеспечение использования воздушного пространства беспилотными авиационными системами: кибербезопасность как приоритет. // Правовые аспекты цифровизации международного транспорта и логистики: материалы Второго Международного транспортно-правового форума, Москва, 12–13 февраля 2020 года / Юридический институт Российского университета транспорта (МИИТ). – Москва: Российский университет транспорта, Юридический институт, 2020. – С. 57–63.
24. Число нарушений с пользовательскими дронами выросло почти вдвое [Электронный ресурс]. – URL: <https://iz.ru/1504625/2023-04-27/chislo-narushenii-s-polzovatel'skimi-dronami-vyroslo-pochti-vdvoe-za-kvartal> (дата обращения: 10.04.2025).

INNOVATIONS IN THE LEGAL REGULATION OF THE USE OF AIRSPACE FOR FLIGHTS OF UNMANNED AERIAL VEHICLES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Usoltseva N.A., Usoltsev Yu.M.
Surgut State University

The issues of legal regulation of the use of airspace for the operation of unmanned aerial vehicles are becoming increasingly relevant

as this type of transport develops technologically and its number in operation increases, including for business purposes, by both legal entities and individuals. The authors examine a new class of airspace for unmanned aerial vehicles, analyze regulatory legal acts devoted to the operation of unmanned aerial vehicles in Russia, provide recommendations for their legal use, and identify gaps in legal regulation. The objectives of the article: to examine innovations in the legal regulation of the use of airspace for flights of unmanned aerial vehicles in the Russian Federation, identify promising areas in regulation, and provide recommendations for the legitimate use of this type of transport. The presented conclusions and proposals allowed us to substantiate the following: The Russian Federation is improving legal regulation, creating the necessary conditions for the operation of unmanned aerial vehicles by legal entities and individuals, however, at the same time, there are still conflict rules, and the regulatory legal framework requires further improvement, in particular on issues of regulating the operation of special unmanned aerial vehicles, aircraft that do not fall within the established weight limits, controlled by persons who are not subjects of offenses.

Keywords: airspace, unmanned aerial vehicles, airspace classes, class “H”.

References

1. Abdullina A. State secret is brought down to earth. // *Kommer-sant*. – No. 138 / P. – 04.08.2025 [Electronic resource]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7940573> (date of access: 08.08.2025).
2. Berseneva T.B. Airspace as a territory // *Law. Right. State*. – 2018. – No. 1. – pp. 84–87.
3. The first official airport specifically for UAVs has opened in Russia. [Electronic resource]. – URL: https://www.cnews.ru/news/top/2025-05-20_v_rossii_poyavilsya_pervyj (date of access: 10.06.2025).
4. Air Code of the Russian Federation: Federal Law of 19.03.1997 No. 60-FZ (as amended on 21.04.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1997. – No. 12. – Art. 1383.
5. Goncharenko Ya.V. Analysis of flight restriction zones in the airspace of the Russian Federation // *Scientific Bulletin of the State Research Institute of Civil Aviation*. – 2023. – No. 42. – pp. 144–152.
6. 1992 Open Skies Treaty [Electronic resource]. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=2&nd=201011199&collection=1 (accessed: 12.07.2025).
7. Geneva Convention on the High Seas, 1958 // *Bulletin of the USSR Supreme Soviet*. – 1962. – No. 46. – Art. 457.
8. Convention on International Civil Aviation: concluded in Chicago on 07.12.1944. / *International Air Law*. V. 1. – Moscow: Nauka, 1980. Pp. 280–316.
9. On Amendments to the Air Code of the Russian Federation: Federal Law of 03.07.2016 No. 291-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2016. – No. 27 (Part I). – Art. 4224.
10. On Amendments to the Resolution of the Government of the Russian Federation of March 11, 2010 No. 138: Resolution of the Government of the Russian Federation of July 31, 2025 No. 1133 // SPS “ConsultantPlus”. [Electronic resource]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=511182&dst=100005&field=134&rnd=iuLZEg#hJSvQtUcU0JMoJF71> (date of access: August 3, 2025).
11. On Amendments to the Resolution of the Government of the Russian Federation of May 25, 2019 No. 658: Resolution of the Government of the Russian Federation of March 19, 2022 No. 415 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2022. – No. 13. – Art. 2077.
12. On Licensing the Activities of Enterprises, Institutions, and Organizations in Carrying Out Work Related to the Use of Information Constituting a State Secret, the Creation of Information Security Tools, as well as the Implementation of Measures and (or) the Provision of Services to Protect State Secrets: Resolution of the Government of the Russian Federation of April 15, 1995 No. 333 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1995. – No. 17. – Art. 1540.
13. On the establishment of flight zones for unmanned aerial vehicles: order of the Ministry of Transport of Russia dated 07/08/2024 No. 236 // SPS “ConsultantPlus”. [Electronic resource]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cac->

heid=5C2228E08A27FA1FE25614DC03629B0A&mode=-searchcard&base=LAW&n=483945&BASENODE=liliMSwwLDEiliwiljlsMSxMQVcilil&rnd=iuLZEg#dYmQtU5At-71L6FZ (date of access: 08/06/2025).

14. On approval of the Administrative Regulations of the Federal Air Transport Agency for the provision of a public service for organizing and conducting mandatory certification of legal entities and individuals performing aviation work: order of the Ministry of Transport of Russia dated 13.03.2013 No. 86 // Rossiyskaya Gazeta. – No. 243. – 2013.
15. On approval of the Procedure for applying state, registration and accounting identification marks of civil aircraft, trade-marks on civil aircraft: order of the Ministry of Transport of Russia dated 25.01.2023 No. 18 // SPS "ConsultantPlus". [Electronic resource]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=91E590E05A1F485E3D-8EA3988C9F28E0&mode=searchcard&base=LAW&n=440590&BASENODE=liliMSwwLDEiliwiljlsMSxMQVcilil&rnd=iuLZEg#AjFpQtU8a34TEcpw> (accessed: 06.08.2025).
16. On approval of the Rules for state registration of civil aircraft in the Russian Federation: order of the Ministry of Transport of Russia dated 18.01.2023 No. 11 // SPS "ConsultantPlus". [Electronic resource]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=C8117F3DD6346F1FB2 CCC80E-F0EE4D42&mode=searchcard&base=LAW&n=448760&BASENODE=liliMSwwLDEiliwiljlsMSxMQVcilil&rnd=iuLZEg#nDH3R-tU6bvF2AQrb2> (access date: 07/28/2025).
17. On approval of the professional standard "Specialist in flight operation of unmanned aircraft systems (external pilot) in a team with one or more unmanned aerial vehicles with a maximum take-off weight of over 30 kg": order of the Ministry of Labor of Russia dated 04/27/2023 No. 358n // SPS "ConsultantPlus". [Electronic resource]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=D8EB9807A96034434580D44DF4D-DDACB&mode=searchcard&base=LAW&n=448274&BASENODE=liliMSwwLDEiliwiljlsMSxMQVcilil&rnd=iuLZEg#dIY1Rt-UZYEUhwPRQ> (date of access: 25.07.2025).
18. On approval of the Federal Aviation Rules "Requirements for legal entities, individual entrepreneurs performing aviation work included in the list of aviation work providing for obtaining a document confirming compliance with the requirements of the Federal Aviation Rules of a legal entity, individual entrepreneur. Form and procedure for issuing a document (operator certificate), confirming the compliance of a legal entity or individual entrepreneur with the requirements of federal aviation regulations. The procedure for suspending, introducing restrictions into effect and canceling an operator certificate": order of the Ministry of Transport of Russia dated 11/19/2020 No. 494 // SPS ConsultantPlus. [Electronic resource]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=D8EB9807A96034434580D44DF4DDDACB&mode=searchcard&base=LAW&n=432815&BASENODE=liliMSwwLDEiliwiljlsMSxMQVcilil&rnd=iuLZEg#qJzyQtUHnyZR9TrA> (accessed: 06.08.2025).
19. On approval of the Federal rules for the use of the airspace of the Russian Federation: Resolution of the Government of the Russian Federation of 11.03.2010 No. 138 (as amended on 31.07.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2010. – No. 14. – Art. 1649.
20. On experimental legal regimes in the field of digital and technological innovations in the Russian Federation: Federal Law of July 31, 2020 No. 258-FZ (as amended on July 31, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2020. – No. 31 (Part I). – Art. 5017.
21. Rummyantsev M.E. Study of the concept of urban air mobility Ru-AM in the Russian Federation. // Systems analysis and logistics. – 2024. – No. 3 (41). – p. 62–69.
22. Travnikov A.I. The influence of national air law on the improvement of the international legal regime of airspace // Bulletin of RUDN. Series: Legal Sciences. – 2011. – No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-natsionalnogo-vozdushnogo-prava-na-sovershenstvovanie-mezhdunarodno-pravovogo-rezhima-vozdushnogo-prostranstva> (date accessed: 01.08.2025);
23. Chebotareva A.A. Legal support for the use of airspace by unmanned aircraft systems: cybersecurity as a priority. // Legal aspects of digitalization of international transport and logistics: materials of the Second International Transport and Law Forum, Moscow, February 12–13, 2020 / Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT). – Moscow: Russian University of Transport, Law Institute, 2020. – P. 57–63.
24. The number of violations with user drones has almost doubled [Electronic resource]. – URL: <https://iz.ru/1504625/2023-04-27/chislo-narushenii-s-polzovatel'skimi-dronami-vyroslo-pochti-vdvoe-za-kvartal> (date of access: 10.04.2025).

Спортивные права на игроков: догматическая природа и правовая квалификация в контексте российского законодательства

Ахунзянов Данис Фанисович,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: st046975@student.spbu.ru

Актуальность исследования обусловлена доктринальной дискуссией о правовой природе спортивных прав на игроков и отсутствием единого подхода к их квалификации. Предмет исследования – правоотношения, связанные с реализацией спортивных прав на игроков в профессиональном спорте. Целью исследования является догматико-правовой анализ понятия «спортивные права на игроков», установление их правовой природы и системная классификация правоотношений на основе российского законодательства и международных регламентов. Методология интегрирует формально-догматический, сравнительно-правовой методы, системного анализа и синтеза, правовой квалификации. В рамках исследования установлено отсутствие единой природы спортивных прав; впервые обосновано их дихотомическое разделение на игровые и трансферные; доказана принадлежность трансферных прав к объектам гражданских прав (ст. 128 ГК РФ). Результаты исследования могут быть использованы в рамках хозяйственной деятельности спортивных клубов и формируют доктринальную основу для решения проблем оборота спортивных прав.

Ключевые слова: спортивные права на игроков, игровые правоотношения, трансферные правоотношения, правовая природа, трудовое право, гражданское право, трансферный контракт, имущественные права, объект гражданских прав, профессиональный спорт.

Введение

Правовая природа спортивных прав на игроков продолжает оставаться предметом доктринальных дискуссий в отечественной юридической науке. Неопределенность их юридической квалификации порождает существенные сложности в правоприменительной практике, особенно в вопросах оборотоспособности и использования в обеспечительных конструкциях. Актуальность настоящего исследования детерминирована настоятельной потребностью в формировании единой концептуальной позиции, учитывающей как специфику профессионального спорта, так и системные принципы российской правовой доктрины. Цель работы заключается в проведении всестороннего догматического анализа спортивных правоотношений через призму их дифференциации на игровые и трансферные с последующей отраслевой квалификацией на основе действующего законодательства. Методологическую основу составили историко-правовой, формально-юридический и сравнительно-правовой методы, дополненные анализом судебной практики и регламентов спортивных организаций.

Генезис и структурные элементы правоотношений

Предпосылкой квалификации спортивных прав на игроков выступает определение правовой природы охватывающих их правоотношений. Попытки определения правовой природы указанных правоотношений уже предпринимались в отечественной доктрине. Отметим 3 ключевых подхода, которые были выдвинуты в контексте определения природы правоотношений, складывающихся между спортивными клубами, спортсменами и тренерами – это трудово-правовой¹, гражданско-правовой² и смешанный³.

¹ Анисимов А. Профессия – спортсмен // Кадровик. Трудовое право для кадровика. 2009. № 11. С. 66–72; Завгородний А.В. Особенности регулирования труда спортсменов и тренеров в России // Трудовое право в России и за рубежом. 2010. № 1. С. 41–51; Зеленая У. Спортсмены – споры профессиональных спортсменов по трудовым вопросам (анализ) // Трудовое право. 2022. № 10. С. 63–70 и др.

² Васькевич В.П. Гражданско-правовое регулирование отношений в области профессионального спорта. Казань: Изд-во КГУ, 2006. 110 с.; Кузнецов Д.Л. В современных условиях трудовое право в России всё больше играет роль тормоза экономического развития // Закон. 2019. № 11. С. 18–29.

³ Васькевич В.П. Гражданско-правовой режим профессиональной деятельности спортсмена: цивилистическое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук / В.П. Васькевич. Казань, 2022. 585 с.; Круглов В.В. Перспективы развития спортивной медиа-

Принципиальное значение для понимания сущности спортивных прав имеет их дифференциация на правоотношения в широком смысле, охватывающие любые связи, опосредованно связанные со спортивной деятельностью¹, и правоотношения в узком смысле, возникающие исключительно между спортсменом и клубом либо между клубами в связи с профессиональной деятельностью игрока².

Нами предлагается выделение двух видов спортивных правоотношений (в узком смысле): игровые и трансферные правоотношения.

Классификация и правовая квалификация спортивных прав на игроков.

Игровые правоотношения (трудоправовая природа)

Игровые права возникают исключительно в диаде «спортсмен-клуб» и воплощают комплекс взаимных обязательств, где обязанность игрока участвовать в тренировках и соревнованиях при соблюдении спортивного режима коррелирует с обязанностью клуба обеспечивать необходимые условия профессиональной деятельности и осуществлять своевременную выплату вознаграждения.

Положения действующего трудового законодательства спортсмена определяют в качестве работника, трудовая функция которого состоит в подготовке и участии в спортивных соревнованиях по определенному виду (видам) спорта (ст. 348.1 Трудового Кодекса Российской Федерации). С.В. Алексеев так же отмечает, что спортсмен, выступая на соревнованиях, и участвуя в тренировочном процессе, выполняет именно трудовую функцию³. Соглашаясь в этой части следует сделать так же вывод, что игровые права представляют собой субъективные трудовые права, что предопределяет принципиальные ограничения их оборотоспособности в силу императивных норм трудового законодательства. В контексте же определения природы спортивных прав на игроков и их оборотоспособности больший интерес представляют трансферные правоотношения.

Трансферные правоотношения (гражданско-правовая модель)

Трансферные права опосредуют отношения между клубами при переходе игрока и включают три основных элемента: право на регистрацию спортсмена за определенный клуб для участия в официальных

соревнованиях, право на получение трансферной компенсации⁴ и право на участие в распределении специальных выплат (training compensation, solidarity contribution).

В научной литературе встречается позиция, отстаивающая трудоправовую природу трансферных правоотношений⁵. Тем не менее, как представляется, данная квалификация является методологически неверной. Ключевым аргументом выступает то, что юридическая связь в рамках трансфера не формируется непосредственно между спортивным клубом и спортсменом; сущностное же содержание таких отношений выходит за рамки предметно-отраслевого регулирования, установленного Трудовым кодексом Российской Федерации.

Трансферный контракт в контексте трудового права сводится к порождению юридическому факту, создающему предпосылки для правомерного перевода работника-спортсмена к новому работодателю. Учитывая изложенное, тезис об особой трудоправовой сущности рассматриваемых правоотношений, на наш взгляд, представляется несостоятельным, а квалификация трансферного контракта в качестве соглашения об уступке прав и обязанностей по трудовому договору ошибочной.

Встречаются так же отдельные научные подходы, квалифицирующие трансферный контракт в качестве договора возмездного оказания услуг или подряда⁶. В рамках рассматриваемых трансферных соглашений клуб-отчуждатель, находящийся в трудовых отношениях со спортсменом, принимает обязательство расторгнуть с ним трудовой договор и обеспечить переход к новому работодателю. В свою очередь, клуб-приобретатель обязуется трудоустроить данного спортсмена.

Поскольку указанные действия совершаются каждой из сторон в интересах контрагента, авторы данной концепции усматривают в них предмет услуги. Однако подобная квалификация представляется некорректной. Сущностным признаком договора оказания услуг является выполнение исполнителем определенной деятельности по заданию заказчика. В контексте же трансфера отсутствует сам процесс оказания услуг одним клубом в пользу и для непосредственного потребления другого клуба.

Хотя юридически значимые действия (расторжение прежнего и заключение нового трудового договора) составляют существенные условия

ции как института разрешения конфликтов (споров) в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 1. С. 95–102

¹ Асадуллин М.Р. Корпоративные отношения и спортивные организации: постановка проблемы // Гражданское право. 2024. № 3. С. 22–25.; Сердюков А.В. Спортивное право как комплексная отрасль законодательства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2010.; Юрлов С.А. Правовая природа, особенности и общая характеристика спортивных правоотношений // Вестник РУДН. 2014. № 4. С. 170–175;

² Алексеев С.В. Спортивное право России: учебник для вузов / под ред. П.В. Крашенинникова. М.: 2012. С. 258–261.

³ С.В. Алексеев. Указ. соч. С. 41.

⁴ Речь идет о трансферных контрактах, в которых в качестве встречного предоставления При этом трансферный контракт так же может безвозвездным либо возмездными со встречной передачей прав на регистрацию другого спортсмена.

⁵ Аверченко Н.С. Правовая природа трансферного контракта // Научные записки молодых исследователей. 2022. № 10(4). С. 34–40; Зайцев Ю.В., Рогачев Д.И. Трудовые будни в мире спорта: Особенности регулирования труда спортсменов и тренеров. М.: Статут, 2012. 182 с. // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2009. С. 266. Носков С.Д. Трансферный контракт и договор передачи имущественного права // Молодой учёный. 2016. № 17 (121). С. 216–218.

трансферного соглашения, они являются лишь правовым инструментом для достижения его основной экономико-правовой цели – передачи игровой принадлежности спортсмена в системе спортивных правоотношений, то есть легитимации его выступлений за новый клуб.

Как справедливо указывает Д.В. Горлова, отношение трансферного соглашения к договорам оказания услуг могло бы иметь теоретическое обоснование исключительно в ситуации, когда процесс спортивной подготовки атлета целенаправленно осуществляется для интересов определенного клуба в период действия трудовых отношений¹. Однако подобные случаи представляют собой исключительные ситуации, не отражающие типичную природу трансферных правоотношений.

Следовательно, рассматриваемая концепция, пытающаяся подвести трансферный контракт под правовую природу договора оказания услуг, лишена убедительных оснований и не может быть принята в качестве обоснованной научной позиции.

Следует констатировать, что конструкция трансферного контракта соответствует признакам договора купли-продажи имущественных прав в соответствии с пунктом 4 статьи 454 Гражданского Кодекса Российской Федерации: предметом выступает право на регистрацию игрока, возмездность (по общему правилу) выражается в выплате трансферной компенсации, а передача прав реализуется через прекращение регистрации прежним клубом и оформление ее новым клубом.

Кроме того, практика рассмотрения споров Комитетом FIFA по статусу игроков (дело FC Nantes v. Cardiff City FC) однозначно подтверждает, что ключевым элементом обязательства из трансферного контракта является именно передача права регистрации, а не вспомогательные процедуры прекращения и заключения трудового договора².

Сущностное содержание данного договора направлено на обеспечение юридической возможности регистрации спортсмена в качестве игрока принимающего клуба и последующего заключения с ним трудового договора, что влечет изменение субъектного состава в игровых правоотношениях.

Предметом рассматриваемого договора выступает передача комплекса прав, включающего: право на регистрацию спортсмена в реестре федерации/лиги; право на включение в заявку для участия в соревнованиях; право на заключение трудового договора.

¹ Горлова Д.В. Правовая природа перехода (трансфера) спортсмена-профессионала по футболу // Спорт: экономика, право, управление. 2005. № 4. Аналогичной точки зрения придерживается и А.Я. Ахмедов: Ахмедов А.Я. О возможности применения гражданско-правовых норм к договору трансфера футболиста // Спорт: экономика, право, управление, 2016, № 1. С. 5–8;

² Decision of the Bureau of the Players' Status Committee on the claim presented by the club FC Nantes against the club Cardiff City FC [Электронный ресурс] // Официальный сайт Fédération Internationale de Football Association. [1994–2019]. URL: <https://resources.fifa.com/image/upload/player-emiliano-sala.pdf?cloudid=zz1mucunt6dyvrzqrqdw>.

Данная позиция находит подтверждение в работе Б.А. Каражеляска и А.Д. Перфильева, которые определяют предмет трансферного контракта как обязательство по передаче спортивных прав, под которыми понимается совокупность правомочий, включающая: право заявлять игрока для участия в соревнованиях; право определять его спортивное «использование»; право временно или постоянно передавать указанные правомочия другим клубам³. Аналогичная позиция, в соответствии с которой трансферный контракт соответствует признакам договора купли-продажи имущественных прав (п. 4 ст. 454 ГК РФ), была высказана так же и С.А. Изюрьевым⁴.

Критический анализ возражений, связанных с этической стороной вопроса, показывает их несостоятельность. Предметом договора являются не личность спортсмена, а совокупность юридических возможностей, связанных с его профессиональной деятельностью. Аналогичная правовая конструкция применяется при уступке прав требования, где должник также не становится объектом правоотношения.

Таким образом, трансферный контракт представляет собой договор купли-продажи имущественных прав, а передаваемые по нему спортивные права должны признаваться объектами гражданских прав в соответствии со ст. 128 ГК РФ. Данная квалификация соответствует как положениям гражданского законодательства, так и экономической сущности трансферных отношений в профессиональном спорте, а также создает правовые предпосылки для их оборота и использования в обеспечительных конструкциях.

Закключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать систему взаимосвязанных выводов, имеющих значение для теории и практики спортивного права. Во-первых, спортивные права на игроков не представляют собой унитарного правового явления и требуют дифференцированной квалификации в зависимости от субъектного состава и содержания правоотношений. Во-вторых, игровые правоотношения носят безусловно трудовой характер в действующем правопорядке (*de lege lata*), что исключает возможность их свободного оборота в силу прямого действия императивных норм трудового законодательства. В-третьих, трансферные отношения получают последовательную гражданско-правовую квалификацию, а соответствующий контракт со-

³ Каражеляска Б. А., Перфильев А.Д. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ТРАНСФЕРНЫХ КОНТРАКТОВ НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФУТБОЛЬНОЙ ПРЕМЬЕР-ЛИГИ (РФПЛ) // Аграрное и земельное право. 2020. № 6 (186). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-transfernnyh-kontraktov-na-primere-rossiyskoy-futbolnoy-premier-ligi-rfpl> (дата обращения: 19.04.2025).

⁴ Изюрьев, С.А. Трансферный контракт как договор купли-продажи имущественного права / С.А. Изюрьев. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2016. – № 3.2 (107.2). – С. 18–22. – URL: <https://moluch.ru/archive/107/26167/> (дата обращения: 17.08.2025).

ответствует модели договора купли-продажи имущественных прав, что подтверждается как нормативным анализом статьи 454 ГК РФ, так и практикой применения регламентов FIFA. В-четвертых, установленная дуалистическая природа спортивных прав создает методологическую основу для разработки механизмов их оборота, включая использование в обеспечительных конструкциях, при строгом различении правового режима игровых и трансферных прав.

Права клуба в отношении спортсмена составляют единый комплексный нематериальный актив, соответствующий юридическим критериям объекта гражданских прав. Указанный актив обладает тремя ключевыми свойствами: (1) персонифицированная идентификация через личность спортсмена, (2) возможность правового контроля со стороны клуба и (3) способность систематически генерировать денежные поступления, что в совокупности подтверждает его оборотоспособность и допустимость участия в имущественном обороте.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с анализом обеспечительных конструкций с использованием спортивных прав с учетом выявленной правовой природы и ограничений, установленных регламентами спортивных федераций и лиг.

Литература

1. Аверченко Н.С. Правовая природа трансферного контракта // Научные записки молодых исследователей. 2022. № 10(4). С. 34–40.
2. Алексеев С.В. Спортивное право России: учебник для вузов / под ред. П.В. Крашенинникова. М.: 2012. С. 258–261.
3. Анисимов А. Профессия – спортсмен // Кадровик. Трудовое право для кадровика. 2009. № 11. С. 66–72.
4. Асадуллин М.Р. Корпоративные отношения и спортивные организации: постановка проблемы // Гражданское право. 2024. № 3. С. 22–25.
5. Ахмедов А. Я. О возможности применения гражданско-правовых норм к договору трансфера футболиста // Спорт: экономика, право, управление, 2016, № 1. С. 5–8.
6. Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2009. С. 266.
7. Васькевич В.П. Гражданско-правовое регулирование отношений в области профессионального спорта. Казань: Изд-во КГУ, 2006. 110 с.;
8. Васькевич В.П. Гражданско-правовой режим профессиональной деятельности спортсмена: цивилистическое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук / В.П. Васькевич. Казань, 2022. 585 с.;
9. Горлова Д.В. Правовая природа перехода (трансфера) спортсмена-профессионала по футболу // Спорт: экономика, право, управление. 2005. № 4.

10. Завгородний А.В. Особенности регулирования труда спортсменов и тренеров в России // Трудовое право в России и за рубежом. 2010. № 1. С. 41–51;
11. Зайцев Ю.В., Рогачев Д.И. Трудовые будни в мире спорта: Особенности регулирования труда спортсменов и тренеров. М.: Статут, 2012. 182 с. // СПС «КонсультантПлюс».
12. Зеленая У. Спортсмены – споры профессиональных спортсменов по трудовым вопросам (анализ) // Трудовое право. 2022. № 10. С. 63–70.
13. Изюрьев, С.А. Трансферный контракт как договор купли-продажи имущественного права / С.А. Изюрьев. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2016. – № 3.2 (107.2). – С. 18–22. – URL: <https://moluch.ru/archive/107/26167/> (дата обращения: 17.08.2025).
14. Каражелясков Б. А., Перфильев А.Д. Правовая природа трансферных контрактов на примере Российской футбольной премьер-лиги (РФПЛ) // Аграрное и земельное право. 2020. № 6 (186). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-transfernih-kontraktov-na-primere-rossiyskoy-futbolnoy-premier-ligi-rfpl> (дата обращения: 19.04.2025).
15. Круглов В.В. Перспективы развития спортивной медиации как института разрешения конфликтов (споров) в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 1. С. 95–102.
16. Кузнецов Д.Л. В современных условиях трудовое право в России всё больше играет роль тормоза экономического развития // Закон. 2019. № 11. С. 18–29.
17. Носков С.Д. Трансферный контракт и договор передачи имущественного права // Молодой учёный. 2016. № 17 (121). С. 216–218.
18. Сердюков А.В. Спортивное право как комплексная отрасль законодательства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2010.
19. Юрлов С.А. Правовая природа, особенности и общая характеристика спортивных правоотношений // Вестник РУДН. 2014. № 4. С. 170–175.
20. Decision of the Bureau of the Players' Status Committee on the claim presented by the club FC Nantes against the club Cardiff City FC [Электронный ресурс] // Официальный сайт Fédération Internationale de Football Association. [1994–2019]. URL: <https://resources.fifa.com/image/upload/player-emiliano-sala.pdf?cloudid=zz1mucunt6ydvzrqrdw>.

SPORTS RIGHTS TO PLAYERS: DOGMATIC NATURE AND LEGAL QUALIFICATION IN THE CONTEXT OF RUSSIAN LEGISLATION

Akhunzyanov D.F.
Saint Petersburg State University

The relevance of the study is due to the doctrinal debatability of the legal nature of sports rights to players and the lack of a unified approach to their qualification. The subject of the study is legal re-

lations associated with the implementation of sports rights to players in professional sports. The purpose of the study is a dogmatic and legal analysis of the concept of “sports rights to players”, establishing their legal nature and a systemic classification of legal relations based on Russian legislation and international regulations. The methodology integrates formal-dogmatic, comparative-legal methods, systems analysis and synthesis, and legal qualification. The study established the absence of a unified nature of sports rights; for the first time, their dichotomous division into game and transfer rights was substantiated; the belonging of transfer rights to objects of civil rights has been proven (Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation). The results of the study can be used in the framework of the economic activities of sports clubs and form a doctrinal basis for solving the problems of turnover of sports rights.

Keywords: sports rights to players, game legal relations, transfer legal relations, legal nature, labor law, civil law, transfer contract, property rights, object of civil rights, professional sports.

References

1. Averchenko N.S. Legal nature of the transfer contract // Scientific notes of young researchers. 2022. No. 10 (4). P. 34–40.
2. Alekseev S.V. Sports law of Russia: textbook for universities / edited by P.V. Krashenninikov. Moscow: 2012. Pp. 258–261.
3. Anisimov A. Profession – athlete // Personnel officer. Labor law for personnel officers. 2009. No. 11. Pp. 66–72.
4. Asadullin M.R. Corporate relations and sports organizations: problem statement // Civil law. 2024. No. 3. P. 22–25.
5. Akhmedov A. Ya. On the Possibility of Applying Civil Law Norms to a Football Player Transfer Agreement // Sport: Economics, Law, Management, 2016, No. 1. P. 5–8.
6. Vavilin E.V. Implementation and Protection of Civil Rights. Moscow, 2009. P. 266.
7. Vaskevich V.P. Civil Law Regulation of Relations in the Field of Professional Sports. Kazan: KSU Publishing House, 2006. 110 p.
8. Vaskevich V.P. Civil Law Regime of Professional Activities of an Athlete: Civilistic Research: Dis. ... Doctor of Law / V.P. Vaskevich. Kazan, 2022. 585 p.;
9. Gorlova D.V. Legal nature of transition (transfer) of professional football athlete // Sport: economics, law, management. 2005. No. 4.
10. Zavgorodniy A.V. Features of regulation of labor of athletes and coaches in Russia // Labor law in Russia and abroad. 2010. No. 1. Pp. 41–51;
11. Zaitsev Yu.V., Rogachev D.I. Everyday life in the world of sports: Features of regulation of labor of athletes and coaches. Moscow: Statut, 2012. 182 p. // SPS “ConsultantPlus”.
12. Zelenaya U. Athletes – disputes of professional athletes on labor issues (analysis) // Labor law. 2022. No. 10. P. 63–70.
13. Izyurev, S.A. Transfer contract as a contract of sale and purchase of property right / S.A. Izyurev. – Text: direct // Young scientist. – 2016. – No. 3.2 (107.2). – P. 18–22. – URL: <https://moluch.ru/archive/107/26167/> (date of access: 17.08.2025).
14. Karazhelyaskov B. A., Perfil'ev A.D. Legal nature of transfer contracts on the example of the Russian football premier league (RFPL) // Agrarian and land law. 2020. No. 6 (186). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-transfernyh-kontraktov-na-primere-rossiyskoy-futbolnoy-premier-ligi-rfpl> (date of access: 19.04.2025).
15. Kruglov V.V. Prospects for the Development of Sports Mediation as an Institution for Conflict (Dispute) Resolution in the Russian Federation // Actual Problems of Russian Law. 2018. No. 1. Pp. 95–102.
16. Kuznetsov D.L. In modern conditions, labor law in Russia is increasingly playing the role of a brake on economic development // Law. 2019. No. 11. Pp. 18–29.
17. Noskov S.D. Transfer contract and property right transfer agreement // Young scientist. 2016. No. 17 (121). P. 216–218.
18. Serdyukov A.V. Sports law as a complex branch of legislation: author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences. – M., 2010.
19. Yurlov S.A. Legal nature, features and general characteristics of sports legal relations // Bulletin of RUDN. 2014. No. 4. P. 170–175.
20. Decision of the Bureau of the Players' Status Committee on the claim presented by the club FC Nantes against the club Cardiff City FC [Electronic resource] // Official website of the Fédération Internationale de Football Association. [1994–2019]. URL: <https://resources.fifa.com/image/upload/player-emiliano-sala.pdf?cloudid=zz1mucunt6ydvzrqrdw>.

Использование цифровых технологий при разрешении споров о воспитании детей: зарубежный опыт

Булыгина Юлия Ярославовна,

кандидат юридических наук, доцент Высшей школы права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Югорский государственный университет»
E-mail: y_bulygina@ugrasu.ru

В статье изучается опыт применения Соединенными Штатами Америки различных цифровых технологий при разрешении споров по воспитанию детей, рассматриваются возможности отдельных приложений, мессенджеров и онлайн-платформ, получивших широкое распространение среди населения и одобрение судов. Используя метод сопоставления (аналогии), автор приходит к выводу о необходимости разработки отечественных IT-продуктов для организации воспитания и содержания детей раздельно проживающими родителями и эффективного разрешения семейно-правовых споров. В работе обосновывается тезис о возможности использования потенциала цифровых технологий для эффективного регулирования семейно-правовых отношений. На основе сравнения функций зарубежных приложений для раздельного воспитания детей формулируются основные принципы работы будущих отечественных программных продуктов.

Ключевые слова: цифровые технологии; цифровизация семейных отношений; споры о воспитании детей; приложения для раздельного воспитания детей; сородительство; план воспитания; родительский календарь.

Цифровые технологии все активнее проникают во все сферы жизни современного общества, в том числе и семейные отношения. Технологический прогресс, стремительно меняющий сложившийся уклад, открывает новые перспективы для развития институтов семьи и брака. Цифровизация обуславливает появление новых форм взаимодействия внутри семьи и изменение традиционных моделей коммуникации. Однако потенциал применения цифровых технологий в России для эффективного разрешения семейно-правовых споров, в частности споров о воспитании детей, представляется не до конца изученным и раскрытым.

В этой связи американский опыт использования цифровых технологий в семейных правоотношениях может быть интересен и полезен для рассмотрения. В Соединенных Штатах Америки доступно несколько различных приложений и онлайн-платформ для воспитания и содержания детей раздельно проживающими родителями, действующих как на коммерческой, так и на безвозмездной основе.

Например, популярная платформа «TalkingParents» является надежным средством общения между родителями после расторжения брака или раздельного проживания, позволяет сохранять полный и юридически значимый архив коммуникаций, который при необходимости может быть предоставлен в государственные органы. Сервис не позволяет редактировать и удалять отправленные родителями сообщения, а также иные документы, в том числе квитанции (чеки), при необходимости предоставляя доступ к ним в формате pdf-файлов. «TalkingParents» позволяет автоматически сохранять телефонные и видеозвонки, а также стенограммы переговоров родителей. Каждая запись на платформе включает в себя цифровую подпись и уникальный 16-значный код аутентификации, который подтверждает ее подлинность и неизменность. Пользователи отмечают, использование платформы «TalkingParents» уменьшает количество конфликтных ситуаций и позволяет выстраивать коммуникацию на принципах взаимного уважения и ответственности.

Приложение «OurFamilyWizard» предназначено для совместного воспитания детей (co-parenting) с возможностью структурированного общения, обеспечивает защищенную переписку, имеет календарь и позволяет планировать мероприятия, а также вести учет расходов семьи. Уникальная функция «Tone Meter» отмечает резкие высказывания в процессе общения, что способствует контролю негативных эмоций родителей.

«OurFamilyWizard» также поддерживает экспорт данных в качестве доказательств для суда, является официально одобренным судом приложением для совместного воспитания в США [13].

Визуальный интерактивный календарь «Custody X Change» используется для составления и управления графиками опеки и планами воспитания детей, имеет синхронизацию с Google Calendar. Программное обеспечение позволяет визуализировать и рассчитать время, проведенное с родителем, документировать различные события в личном цифровом журнале, отслеживать расходы на воспитание детей для получения дальнейшего возмещения, хранить информацию о ребенке, координировать все его действия с другим родителем. На платформе доступен обмен вежливыми сообщениями, специальная функция («монитор агрессивности») предупреждает родителей о том, что они используют негативную лексику, что помогает сосредоточиться на потребностях детей, минимизировать конфликтные ситуации. При подключении учетной записи семейного адвоката к системе, ему становятся доступны переписки родителей, функция распечатки сообщений и редактирования меток сообщений. «Custody X Change» позволяет сохранять переписку и документы, пометать отправленные и просматриваемые сообщения, фильтровать их в целях дальнейшей загрузки и формирования отчета, при необходимости – экспортировать для представления в судебные органы. К примеру, пользователь может распечатать все обсуждения с пометкой «отмены» и в дальнейшем использовать отчет в качестве доказательства регулярных отказов другого родителя от опеки [5].

Среди популярных в США бесплатных программных продуктов для совместного воспитания следует отметить также приложение «AppClose», рекомендованное судами и специалистами по семейному праву к использованию во всех пятидесяти штатах [3]. «AppClose» позволяет обмениваться небольшими сообщениями в режиме реального времени, планировать и использовать аудио- и видеозвонки (в том числе и групповые). Сервис имеет многофункциональные календари, для планирования и отслеживания времени, проведенного с ребенком; встроенную систему для отправки запросов другому пользователю и оперативного получения одобрений (например, при необходимости изменения времени встречи ребенка, покупки необходимых вещей и принадлежности и т.д.). Родители могут планировать и оплачивать расходы через систему платежей в приложении, отслеживать суммы затраченных средств, обмениваться информацией, документами, квитанциями.

«coParenter» – еще один интересный программный продукт для живущих раздельно родителей. Платформа предоставляет услуги профессионального посредничества и совместного воспитания детей, а также помощь в составлении юридических соглашений [13]. Медиаторы могут проводить на портале контролируемые беседы, в ходе которых оказывают содействие в достижении кон-

сенса между родителями; а также документировать принятые юридически значимые соглашения [4]. Приложение регистрирует местоположение родителя во время запланированных встреч с детьми, повышая тем самым уровень взаимного доверия пользователей друг к другу; также записывает и сохраняет в неизменном виде все сообщения родителей со временем их отправки.

Среди иных онлайн-продуктов, используемых в США в целях совместного воспитания детей и эффективного разрешения семейно-правовых споров, можно также отметить: «DivorceHelp123» – платформу для адвокатов и клиентов со встроенными шаблонами финансовых отчетов, расчетов алиментов, формулами раздела нажитого имущества, сценариями «что-если»; «Peaceful Co-Parenting Messenger» – мессенджер, с несколькими видами настройки чатов общения, позволяющий устанавливать максимальное количество получаемых в день сообщений, время суток для их получения, период ожидания между сообщениями и другими функциями, способствующими установлению личных границ в общении; «WeParent» – приложение, разработанное как для раздельного воспитания, так и для одинокого родителя, включающее в себя графики опеки и календарь семейных событий, личные и групповые сообщения, предоставляющее возможность интеграции с фотогалереей пользователя и его списком контактов.

Если обратиться к российскому опыту, то, пожалуй, почти единственным аналогом подобных зарубежных продуктов можно назвать приложение для алиментов «Madre.help», которое было разработано в рамках Акселерационной программы для отечественных IT-предприятий «Спринт» при поддержке Минцифры России [1]. «Madre.help» проектировалось для взаиморасчетов разведенных родителей и их взаимодействия в целях содержания детей, более прозрачного и подотчетного использования алиментных платежей.

Согласно сводным статистическим сведениям о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2024 год, представленным на сайте Судебного департамента Российской Федерации, количество рассмотренных в 2024 году споров из семейно-правовых отношений составило 920 738 дел, из них количество дел о расторжении брака супругов, имеющих несовершеннолетних детей (с сопутствующими спорами об определении места проживания и порядка содержания несовершеннолетних) составило 400 404 дела; количество дел о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей – 210 329; количество иных споров о воспитании детей – 35 431 [12]. Среди приоритетных мер для достижения задач «Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 15.03.2025 года № 615-р) указана «популяризация института добровольного посредничества (медиации) при разрешении семейно-правовых спо-

ров с акцентом на сохранение и восстановление семейных взаимоотношений».

Российские суды по-прежнему перегружены значительным числом семейно-правовых споров по поводу воспитания, содержания детей, которое можно было бы значительно сократить при использовании аналогичных программных продуктов отечественного производства.

Анализ американского опыта применения цифровых технологий при регулировании семейных отношений, в том числе при раздельном воспитании детей, позволяет сформулировать следующие возможные принципы работы будущих специальных российских программных продуктов.

1. Обеспечение защищенной коммуникации пользователей, безопасного хранения персональных данных, соблюдение личной тайны и тайны переписки.

2. Стимулирование общения родителей на принципах взаимоуважения и сотрудничества.

3. Гарантирование сохранности и неизменности архива коммуникаций, возможность беспрепятственного доступа каждого пользователя к юридически значимым сообщениям и документам.

4. Обеспечение легкого экспорта переписки родителей, финансовых и иных документов из приложения для последующего предоставления в судебные и административные органы в качестве допустимых доказательств.

5. Возможность интеграции программного продукта с аккаунтами медиаторов и семейных юристов.

Представляется, что разработка отечественных IT-продуктов, отвечающих указанным принципам, будет способствовать как общему уменьшению числа споров о воспитании детей, развитию института медиации в указанной области, так и процессуальной экономии при отправлении правосудия по уже переданным в суд семейно-правовым спорам.

Литература

1. Акселератор «Спринт»//[Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sprint.iidf.ru/startups/madre-help-madre-khelp/>(дата обращения: 31.07.2025);
2. Платформа «DivorceHelp123»//[Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.divorcehelp123.com/> (дата обращения: 31.07.2025);
3. Приложение «Appclose»//[Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://appclose.com/> (дата обращения: 31.07.2025);
4. Приложение «coParenter»//[Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://coparenter.com/> (дата обращения: 31.07.2025);
5. Приложение «CustodyXChange»//[Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.custodyxchange.com/topics/software/messages.php> (дата обращения: 31.07.2025);
6. Приложение «Madre.Help»//[Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://madre.help/> (дата обращения: 31.07.2025);
7. Приложение «TalkingParents»//[Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://talkingparents.com/> (дата обращения: 31.07.2025);
8. Приложение «OurFamilyWizard»//[Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ourfamilywizard.com/>(дата обращения: 31.07.2025);
9. Приложение «Peaceful CoParenting Messenger»//[Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.peacefulparentingapp.com/>(дата обращения: 31.07.2025);
10. Приложение «WeParent»//[Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.weparentapp.com/>(дата обращения: 31.07.2025);
11. Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 N 615-р <Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года>//[СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс].Режим доступа: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 31.07.2025);
12. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации//[Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8942> (дата обращения: 31.07.2025);
13. Ciku Njuguna.10 good co-parenting apps to try to make your family work//[Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.legit.ng/ask-legit/top/1611532-good-parenting-apps-family-work/> (дата обращения: 31.07.2025).

THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN CHILD CUSTODY DISPUTES: THE FOREIGN EXPERIENCE

Bulygina Yu.Ya.
Yugra State University

This article examines the experience of the United States in applying various digital technologies to resolve child custody disputes. It explores the potential of individual applications, messaging services, and online platforms that have gained wide public use and judicial approval. Using the method of comparison (analogy), the author concludes that it is necessary to develop domestic IT solutions to support childrearing and maintenance by separated parents, as well as to facilitate the effective resolution of family law disputes. The study substantiates the potential of digital technologies as tools for the effective regulation of family law relations. Based on an analysis of the functions of foreign applications for shared parenting, the paper formulates the fundamental principles for future domestic software products.

Keywords: digital technologies; digitalization of family relations; child custody disputes; applications for co-parenting; co-parenting; parenting plans; parenting calendars.

References

1. SprintAccelerator//[Electronic resource]. Access mode: <https://sprint.iidf.ru/startups/madre-help-madre-khelp/>(date of request: 31.07.2025);
2. Online platform «DivorceHelp123»//[Electronic resource].Access mode: <https://www.divorcehelp123.com/> (date of request: 31.07.2025);
3. App «Appclose»//[Electronic resource].Access mode: <https://appclose.com/> (date of request: 31.07.2025);

4. App«coParenter»//[Electronic resource].Access mode: <https://coparenter.com/> (date of request:31.07.2025);
5. App «CustodyXChange» // [Electronic resource].Access mode: <https://www.custodyxchange.com/topics/software/messages.php> (date of request: 31.07.2025);
6. App «Madre.Help»//[Electronic resource].Access mode: <https://madre.help/> (date of request: 31.07.2025);
7. App «TalkingParents»//[Electronic resource]. Access mode: <https://talkingparents.com/> (date of request:31.07.2025);
8. App «OurFamilyWizard»//[Electronic resource]. Access mode: <https://www.ourfamilywizard.com/> (date of request: 31.07.2025);
9. App «Peaceful CoParenting Messenger»//[Electronic resource]. Access mode: <https://www.peacefulparentingapp.com/>(date of request:31.07.2025);
10. App «WeParent»//[Electronic resource]. Access mode: <https://www.weparent.app/> (date of request:31.07.2025);
11. Order of the Government of the Russian Federation dated 15.03.2025 No. 615-r <On Approval of the Action Strategy for Implementing Family and Demographic Policy and Supporting Large Families in the Russian Federation until 2036>[[legal reference system «ConsultantPlus»][Electronic resource]. Access mode: <https://www.consultant.ru/> (date of request:31.07.2025);
12. Official website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation//[Electronic resource]. Access mode: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8942> (date of request:31.07.2025);
13. Ciku Njuguna.10 good co-parenting apps to try to make your family work// [Electronic resource].Access mode: <https://www.legit.ng/ask-legit/top/1611532-good-parenting-apps-family-work/> (date of request:31.07.2025).

Регулирование правового статуса виртуальных объектов в России: актуальные вопросы и перспективы законодательных реформ

Вронская Мария Владимировна,

канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владивостокский государственный университет» (ФГБОУ ВО «ВВГУ»)
E-mail: m.vronskaya@mail.ru

Статья посвящена анализу правового режима виртуальных объектов (виртуального имущества) как новых объектов гражданских прав в современной России. Автор рассматривает актуальные проблемы отсутствия четкого законодательного регулирования и правовой квалификации виртуальных объектов, включая игровые аккаунты, криптовалюты и другие цифровые активы. Особое внимание уделяется критериям выделения виртуальных объектов, их важности в условиях развития цифровой экономики. В статье анализируются вызовы, связанные с отсутствием правового статуса виртуального имущества, а также приводятся предложения по совершенствованию российского гражданского законодательства, включая введение отдельной нормы, закрепляющей понятие виртуального объекта. Работа отражает необходимость адаптации правовой системы к современным реалиям цифровой среды и способствует формированию правоприменительной практики.

Ключевые слова: виртуальные объекты, виртуальное имущество, гражданское право, правовое регулирование, цифровая экономика, правовая квалификация, цифровые активы, законодательство Российской Федерации, судебная практика.

Введение

В настоящее время во всем мире усматривается ежегодный рост числа лиц, являющихся активными пользователями информационно-телекоммуникационной сети Интернет: так, согласно статистическим показателям, опубликованным в официальных средствах массовой информации, к началу 2025 года их число составило 5, 44 млрд человек, в то время, как в январе 2005 года их число составляло всего лишь 1 млрд человек [1]. В свою очередь, в России в начале 2024 года, по данным из отчета DataReportal, количество пользователей Интернет-пространства составило 130, 4 млн человек (к сожалению, более актуальные показатели по состоянию на начало 2025 года еще не опубликованы в свободном доступе) [2].

Такое быстрое и полномасштабное развитие информационно-телекоммуникационной сети Интернет, неизбежно породило за собой и появление виртуальных сред, в рамках которых пользователи взаимодействуют посредством совершения обменных операций с виртуальными ценностями (например, в рамках многопользовательских игр), что влечет за собой возникновение целого пласта качественно новых общественных отношений, в том числе и по поводу виртуальных объектов (виртуального имущества). Для подавляющего большинства лиц, являющихся активными пользователями виртуальной среды, приобретающих виртуальные объекты, главным вопросом является вопрос о их правах в отношении таких объектов, а также о гарантиях защиты их прав, соответственно. Это, на наш взгляд, логически предопределено естественным человеческим чувством присвоенности вещи, находящейся у него в пользовании, и вечным философским противопоставлением «мое-чужое», лежащим в основе концепта права собственности, о котором писал А.Г. Карапетов [3, с. 63].

Правовой режим виртуальных объектов (виртуального имущества) как объектов гражданских прав в настоящее время не имеет системного законодательного регулирования, что неизбежно порождает за собой возникновение проблем при формировании немногочисленной судебной, но уже сформировавшейся правоприменительной практики. Так, в частности, законом (как и доктриной) не разрешен вопрос о правовой природе виртуальных объектов, что остро ставит вопрос о их квалификации и применении норм действующего российского законодательства по аналогии для урегулирования общественных отношений, возникающих по поводу них.

При этом, исчерпывающее и эффективное правовое регулирование рассматриваемых общественных отношений представляется крайне важным, ведь по прогнозам, данным в октябре 2021 года Марком Цукербергом, известнейшим авторитетным программистом, основателем компании Meta (с 21 марта 2022 года деятельность последней запрещена на территории российского государства, признана экстремистской), было заявление о скором создании виртуальной Вселенной, которая должна стать общемировой средой виртуальной реальности со свободным доступом к использованию VR – и AR – технологий, привлекая целевую аудиторию свыше 1 млрд пользователей к концу 2030 году, в целях развития которой будут внесены инвестиции свыше 10 млрд долларов [4; 5]. Кроме того, важность обеспечения качественного правового регулирования виртуальной среды (соответственно, и виртуальных объектов как объектов гражданских прав) подчеркивалась и на уровне руководства Российской Федерации: так, в ноябре 2021 года Президент РФ отметил необходимость обеспечения безопасности прав граждан в виртуальных метавселенных [6], а Правительство РФ в январе 2022 года выражало интерес об установлении правил налогообложения в отношении виртуальных объектов, являющегося реальным товаром и объектом инвестирования [7]. Указанные обстоятельства в совокупности своей, безусловно, делают актуальной научно-доктринальное осмысление юридической сущности виртуальных объектов с целью формулирования законодательных положений, определяющих правовой режим таких объектов.

Основная часть

Изучение проблематики правового регулирования виртуальных объектов на территории российского государства полагаем правильным начать с рассмотрения вопроса о понятии, юридической сущности последних. Предопределено это, прежде всего, тем, что данный вопрос в текущий момент является одним из наиболее дискуссионных в правовой доктрине, поскольку отечественные ученые-цивилисты не сошлись во взглядах относительно понятия, сущности, правовой природы виртуальных объектов. Более того, не разрешен указанный вопрос и на законодательном уровне в России, что, в значительной степени осложняет не только понимание термина «виртуальный объект», но и выработку подхода к выбору правового режима, распространяющего свое действие в отношении таких объектов в правоприменительной практике.

Итак, учитывая отсутствие легального определения «виртуальный объект» на законодательном уровне, сразу перейдем непосредственно к изучению доктринальных воззрений по данному вопросу.

Впервые термин «виртуальный объект» (также его еще называют объектом виртуальной собственности или виртуальным имуществом в кон-

тексте права) был упомянут в 2005 году в научной работе Джошуа Фэйрфилда, являющегося профессором университета Вашингтона и Ли, который выделил его три ключевых признака: единовластие, постоянство, взаимосвязанность [8, с. 1047]. Каждый из выделенных автором признаков полагаем необходимым проанализировать более детально.

Первый из названных признаков указывает на то, что владельцем (собственником) виртуального объекта может быть исключительно одно лицо, и никто более кроме него. Соответственно, и оказывать какое-либо воздействие на конкретный виртуальный объект может лишь то лицо, у которого он находится в собственности. В качестве примера приведем такой виртуальный объект как учетная запись игрока многопользовательской игры в сети Интернет: так, без обязательной идентификации (то есть, ввода логина и пароля от соответствующей учетной записи (она же – аккаунт)) представляется невозможным выполнить вход в учетную запись игрока, при этом, в один и тот же момент времени только лишь одно лицо может авторизовать доступ к одному и тому же аккаунту. Аналогичным образом, и другие виртуальные объекты, такие как виртуальные деньги находятся в единовластии: так, криптовалюта находится во владении, в криптокошельке только одного конкретного человека, голоса (виртуальная валюта социальной сети Вконтакте) привязаны к странице одного человека.

Второй из сущностных признаков виртуальных объектов (виртуальной собственности, виртуального имущества), это их постоянство. Это означает, что вне зависимости от того, осуществляется ли пользователем фактическое использование виртуального объекта (например, учетной записи (аккаунта), криптовалюты, игрового виртуального имущества), он будет храниться на сервере в виде цифровой записи ровно до тех пор, пока сам пользователь не захочет по собственной инициативе его удалить. Безусловно, хакерские атаки в целях захвата указанных виртуальных объектов не исключены, однако, они носят в данном случае характер преступного посягательства, и не могут рассматриваться в качестве изъятия из указанного признака, поскольку при прочих нормальных условиях режим их хранения не нарушается.

Третьим ключевым признаком виртуальных объектов (виртуального имущества, виртуальной собственности) выступает их взаимосвязанность. Наиболее ярко указанный признак раскрывается на примере многопользовательских игр, и, соответственно, виртуального игрового имущества. Так, в любой многопользовательской игре имеет место быть определенный прогресс, которого должен достичь игрок-пользователь, в течение определенного затраченного им времени, с которым также будет расти и влияние самого игрока-пользователя, на виртуальный мир (например, во владение игрока будет приобретено виртуальное игровое имущество, дающее безусловное преимущество в состязании с игроками, находящимися на более низком

уровне развития). Аналогичным образом это можно проследить также и в сфере майнинга криптовалюты: так, чем больше мощность операционного процессора компьютера или ноутбука, а также чем больше человек затрачивает времени и денежных средств на добычу криптовалюты, тем большее значение криптовалюты он получит при получении ее во владение в свой криптокошелек.

В целом, учитывая изложенное и соглашаясь с указанной авторской точкой зрения, находя ее в достаточной степени обоснованной и аргументированной, обратим внимание, что такие критерии в совокупности своей позволяют нам раскрыть ряд точек зрения отечественных ученых-цивилистов, представленных по данному вопросу в рамках правовой доктрины.

Так, например, В.В. Архипов полагает, что под термином «виртуальный объект» следует понимать объекты, которыми пользователи -игроки могут владеть, пользоваться, распоряжаться в виртуальном пространстве многопользовательской игры посредством осуществления действий с ними от имени собственных персонажей [9, с. 70]. Автор, также, как и Джошуа Фэйрфилд, к числу виртуальных объектов относит виртуальное игровое имущество, однако, отнесение только лишь его нам представляется ошибочным и сужающим истинную сущность рассматриваемого понятия, так как не только оно одно отвечает проанализированным выше трем критериям (так, например, пользовательские учетные записи (аккаунты), криптовалюта). В большей степени с точкой зрения Джошуа Фэйрфилда, совпадает позиция, выраженная М.А. Рожковой, которая к числу виртуальных объектов относит криптовалюту и токены, доменные имена, виртуальное игровое имущество [10].

В свою очередь, А.В. Лисаченко пишет, что под виртуальными объектами следует рассматривать объекты, находящиеся внутри игрового пространства, веб-сайты и онлайн-сервисы (в целом, это в большей степени не определение указанного понятия, а перечисление видов существующих, по мнению автора, виртуальных объектов в виртуальной среде) [11, с. 107].

При этом, на наш взгляд, именовать веб-сайты как виртуальную недвижимость ошибочно с позиции действующего российского гражданского законодательства, поскольку, исходя из ч. 2 ст. 1260 ГК РФ, они являются составным произведением, и, соответственно, относятся к числу объектов интеллектуальной собственности [12]. Кроме того, веб-сайты не могут относиться к числу виртуальных объектов (виртуального имущества, виртуальной собственности), поскольку в отношении них выполняются только лишь два из названных трех критериев, критерии единовладения и постоянства. Критерий же взаимосвязанности в данном случае является неприменимым, поскольку веб-сайты не оказывают влияния друг на друга в Интернет-пространстве. В силу тех же доводов, не может быть отнесена к числу виртуальных объ-

ектов (виртуального имущества, виртуальной собственности) и электронная почта.

Отметим, что в зарубежной правовой доктрине имеется также и позиция Чарльза Блейзера, в соответствии с которой, кроме трех вышеназванных критериев, в числе сущностных критериев виртуального имущества также выделяются еще два: наличие вторичного рынка виртуальной собственности и возможность виртуальной собственности в ходе ее использования увеличивать свое стоимостное выражение [13, с. 142].

Оба критерия, безусловно, характерны для любого виртуального имущества, приобретаемого в рамках многопользовательской Интернет-игры, а также аккаунтов (учетных записей). Так, в настоящий момент существуют специальные виртуальные площадки внутри самой многопользовательской Интернет-игры, которые позволяют пользователям-игрокам совершать обмен, бартер приобретенными ими ранее виртуальными объектами, либо покупать их за виртуальные денежные средства, находящиеся на счету, привязанному к их игровому пользовательскому аккаунту, или же за реальные денежные средства, посредством их прямого списания с их банковского счета. Кроме того, фактически, несмотря на то, что зачастую это прямо запрещено условиями заключенного пользовательского соглашения, пользователи могут совершать по собственному усмотрению обмен аккаунтами (учетными записями), их продажу и покупку, а также предоставлять их в пользование третьим лицам, фактически предоставляя им логин и пароль, дающие доступ.

Второй названный автором критерий, критерий увеличения собственной стоимости виртуального имущества в процессе его использования, также логически прослеживается на торговой площадке внутри самой виртуальной платформы. Так, на некоторых из таких наглядно для всех пользователей-игроков демонстрируется график изменения цены на виртуальный игровой объект, называется минимальная цена, установленная к продаже его продавцом, проводятся аукционы. Соответственно, цена виртуального игрового имущества может под влиянием внешних обстоятельств, как увеличиваться, так и уменьшаться, что характерно и для любого объекта собственности, выраженного материально. При этом, важно понимать, что в зависимости от количества затраченного времени на достигнутый уровень прогресса в многопользовательской игре, количества вложенных сил и денежных средств, вложенных в развитие игрового персонажа, закономерным образом увеличивается и стоимость самого аккаунта (учетной записи) игрока, поскольку репутация указанного пользователя в рамках многопользовательской игре растет, особенно, если к моменту продажи виртуального объекта или учетной записи, пользователь достиг уровня топового игрока.

При обращении к зарубежному законодательному опыту, в рамках компаративистского анализа, можно выделить следующее. Так, в Китае для при-

знания судом объекта виртуальной собственностью необходимо установить его соответствие сразу трем критериям: наличие его ценности и стоимостного выражения, наличие его дефицитности, наличие его доступности. Исходя из того, что более критериев в отношении виртуальных объектов не предусмотрено, криптовалюта признается виртуальной собственностью на территории Китайской Народной Республики [14]. При этом, обратим внимание, что несмотря на это, ни криптовалюта, ни виртуальное игровое имущество в Китае не являются оборотоспособными объектами гражданских прав [15].

Однако, отнесение криптовалюты к числу виртуальных объектов, по критериям, предложенным Чарльзом Блейзером, ставятся под сомнение в силу того, что она не способна самостоятельно в ходе использования увеличивать свою стоимость, так как на нее влияют внешние факторы в собственной совокупности, а не количество транзакций, совершенных при ее использовании на рынке. В силу чего, полагаем правильным и целесообразным исключить этот признак из числа объектов, относящихся к виртуальной собственности (виртуальному имуществу), также, как ранее автором настоящей статьи были исключены веб-сайты, онлайн-сервисы.

Учитывая вышеизложенное, полагаем возможным также дополнить все названные авторами критерии, характеризующие сущность виртуальных объектов, таким признаком как, отсутствие ее материального выражения (или существование исключительно в форме цифрового кода в виртуальном пространстве). Такой признак виртуальных объектов используют в своих научных трудах такие авторы, как Е.С. Афанасьев [16, с. 146], В.С. Левинзон, Р.К. Митин [17 с. 40], В.О. Панин [18, с. 45–46], Я.Ю. Перепелкина [19, с. 46], а также логически вытекает из своего наименования. Данный признак свидетельствует собой о том, что этот объект собственности может существовать исключительно в виртуальной среде, что делает его отличным от собственности в традиционном ее юридическом понимании.

В силу этого, несмотря на сложность формулирования дефиниции «виртуальный объект» (он же – виртуальное имущество, виртуальная собственность), учитывая выделенные критерии, сформулируем собственный авторский подход к правопониманию его сущности. Так, виртуальный объект гражданских прав (или виртуальное имущество, виртуальная собственность) представляется собой информационный объект, существующий в нематериальном выражении в виде цифрового кода в виртуальном пространстве, отвечающий признакам единовладения, постоянства и взаимосвязанности с другими виртуальными объектами, фигурирующий на вторичном рынке виртуальной собственности и способный в ходе его непосредственного использования увеличивать свое стоимостное выражение.

Учитывая отсутствие законодательного регулирования режима виртуальных объектов как объек-

тов гражданских прав, полагаем возможным и допустимым в целях восполнения существующей пробельности, предложить к обсуждению сформулированное автором легальное определение «виртуальный объект» в виде его закрепления в отдельной норме ст. 141. 2 ГК РФ. Кроме того, в числе объектов гражданских прав в ст. 128 ГК РФ, также поименовать виртуальные объекты, например, посредством указания на них после формулировки: «иное имущество, включая виртуальное».

Заключение

В настоящее время на законодательном уровне на территории российского государства отсутствует легально закрепленное определение понятия «виртуальный объект» (он же – виртуальное имущество, виртуальная собственность), что неизбежно порождает за собой возникновение дискуссий по данному вопросу и на доктринальном уровне. Нами были проанализированы сущностные критерии виртуальной собственности (виртуальных объектов, виртуального имущества), выделенные в научных работах зарубежных правоведов Джошуа Фэирфилда, Чарльза Блейзера, в частности, единовладение, постоянство, взаимосвязанность с другими виртуальными объектами, наличие вторичного рынка виртуальной собственности и возможность виртуальной собственности в ходе ее использования увеличивать свое стоимостное выражение, а также выделен на основе анализа отечественной научно-правовой литературы, такой критерий, как существование исключительно в виртуальном пространстве в нематериальной (цифровой) форме. В силу несоответствия указанным критериям нами были исключены из числа предлагаемых к отнесению к виртуальным объектам, такие объекты, как веб-сайты, онлайн-сервисы, криптовалюта.

Мы предлагаем следующее авторское определение понятия «виртуальный объект» (виртуальная собственность, виртуальное имущество): это информационный объект, существующий в нематериальном выражении в виде цифрового кода в виртуальном пространстве, отвечающий признакам единовладения, постоянства и взаимосвязанности с другими виртуальными объектами, фигурирующий на вторичном рынке виртуальной собственности и способный в ходе его непосредственного использования увеличивать свое стоимостное выражение. В такой формулировке указанное определение может быть закреплено в качестве легального в виде отдельной нормы ст. 141.2 ГК РФ, с одномоментным отнесением к числу объектов гражданских прав в ст. 128 ГК РФ, также к виртуальных объектов, например, посредством указания на них после формулировки: «иное имущество, включая виртуальное».

Литература

1. Сколько пользователей Интернета в мире? (2025) // Инклиент: [сайт]. – URL: <https://in->

- client.ru/users-internet-stats/?ysclid=m748hnniIn497664054 (дата обращения: 07.06.2025).
2. Статистика пользователей Интернета в России. Цифровые технологии в России, 2024 год // Умный маркетинг: [сайт]. – URL: <https://up-advert.ru/blog/statistika-polzovatelej-interneta-v-rossii?ysclid=m748ins7b767555786> (дата обращения: 07.06.2025).
 3. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к ст. 1–16.1 Гражданского кодекса РФ / отв. ред. А.Г. Карапетов. – Москва: М-Логос, 2020. – 1469 с.
 4. Что метавселенная может дать Facebook и инвесторам // Telrga.Ph (новостной портал): [сайт]. – URL: <https://telegra.ph/CHto-metavselennaya-mozhet-dat-Facebook-i-investoram-11-15?ysclid=m74e518il5724656620> (дата обращения: 07.06.2025).
 5. Facebook is spending at least \$10 billion this year on its metaverse division // The Verge: [сайт]. – URL: <https://www.theverge.com/2021/10/25/22745381/facebook-reality-labs-10-billion-metaverse> (дата обращения: 07.06.2025).
 6. Президент РФ В.В. Путин заявил о долге властей защищать аватары россиян в метавселенных // РБК: [сайт]. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/618ea97f9a794713ffa492fb?ysclid=m74enk0a3p37189119> (дата обращения: 07.06.2025).
 7. Рынок виртуальных предметов может стать регулируемым // Коммерсантъ: [сайт]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5183593> (дата обращения: 07.06.2025).
 8. Fairfield, J. Virtual Property. Boston University Law Review / J. Fairfield // Indiana Legal Studies Research Paper. – 2005. – № 35. – P. 1047–1102.
 9. Архипов В.В. Виртуальная собственность: системные правовые проблемы в контексте развития индустрии компьютерных игр / В.В. Архипов // Закон. – 2014. – № 9. – С. 69–90.
 10. Рожкова М. А.: «Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым» // Закон.Ру: [сайт]. – URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositsya_virtualnoe_s_cifrovym (дата обращения: 07.06.2025).
 11. Лисаченко А.В. Право виртуальных миров: новые объекты гражданских прав / А.В. Лисаченко // Российский юридический журнал. – 2014. – № 2. – С. 104–110.
 12. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ (посл. ред. от 22.07.2024 № 190-ФЗ) // СПС «Консультант-Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 07.06.2025).
 13. Blazer C. The Five Indicia of Virtual Property / C. Blazer // Pierce the Law. – 2006. – № 3. – P. 137–161.
 14. Атрибуты виртуальной собственности биткойн утверждены судебными органами // China Securities Network News: [сайт]. – URL: <http://m.caijing.com.cn/api/show?contentid=4603403> (дата обращения: 07.06.2025).
 15. Китай признал криптовалютные операции формой отмывания денег. Будут сажать в тюрьму на 10 лет // Tadviser: [сайт]. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%9A%D1%80%D0%B8%D0%BF%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%B%D1%8E%D1%82%D1%8B_%D0%B2_%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B5?ysclid=m7634poi9u680030048#.2A_2024:_D0.9A.D0.B8.D1.82.D0.B0.D0.B9_.D0.BF.D1.80.D0.B8.D0.B7.D0.BD.D0.B0.D0.BB_.D0.BA.D1.80.D0.B8.D0.BF.D1.82.D0.BE.D0.B2.D0.B0.D0.BB.D1.8E.D1.82.D0.BD.D1.8B.D0.B5_.D0.BE.D0.BF.D0.B5.D1.80.D0.B0.D1.86.D0.B8.D0.B8_.D1.84.D0.BE.D1.80.D0.BC.D0.BE.D0.B9_.D0.BE.D1.82.D0.BC.D1.8B.D0.B2.D0.B0.D0.BD.D0.B8.D1.8F_.D0.B4.D0.B5.D0.BD.D0.B5.D0.B3_.D0.91.D1.83.D0.B4.D1.83.D1.82_.D1.81.D0.B0.D0.B6.D0.B0.D1.82.D1.8C_.D0.B2_.D1.82.D1.8E.D1.80.D1.8C.D0.BC.D1.83_.D0.BD.D0.B0_10_.D0.BB.D0.B5.D1.82 (дата обращения: 07.06.2025).
 16. Афанасьев Е.С. Виртуальная собственность как потенциальный институт в российском праве: понятие и правовая природа / Е.С. Афанасьев // Matters of Russian and International Law. – 2022. – № 12. – С. 142–149.
 17. Левинзон В.С. Правовое регулирование виртуального имущества / В.С. Левинзон, Р.К. Митин // Закон и право. – 2020. – № 5. – С. 39–42.
 18. Панин В.О. Правовой режим виртуальных объектов в информационной среде / В.О. Панин // Труды по интеллектуальной собственности. – 2022. – № 4. – С. 43–55.
 19. Перепёлкина Я.А. Виртуальное игровое имущество: перспективы правового регулирования / Я.А. Перепёлкина // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2020. – № 3 (29). – С. 45–59.

REGULATION OF THE LEGAL STATUS OF VIRTUAL OBJECTS IN RUSSIA: CURRENT ISSUES AND PROSPECTS OF LEGISLATIVE REFORMS

Vronskaya M.V.
Vladivostok State University

The article is devoted to the analysis of the legal regime of virtual objects (virtual property) as new objects of civil rights in modern Russia. The author examines the current problems of the lack of clear legislative regulation and legal qualification of virtual objects, including gaming accounts, cryptocurrencies and other digital assets. Special attention is paid to the criteria for allocating virtual objects and their importance in the context of the development of the digital economy. The article analyzes the challenges associated with the lack of a legal status of virtual property, and also provides proposals for improving Russian civil legislation, including the introduction of a separate rule that establishes the concept of a virtual object. The work reflects the need to adapt the legal system to the modern realities of the digital environment and contributes to the formation of law enforcement practice.

Keywords: virtual objects, virtual property, civil law, legal regulation, digital economy, legal qualification, digital assets, legislation of the Russian Federation, judicial practice.

References

1. How many Internet users are there in the world? (2025) // Inclution: [website]. – URL: <https://inclient.ru/users-internet-stats/?ysclid=m748hnniIn497664054> (accessed: 06/07/2025).
2. Statistics of Internet users in Russia. Digital technologies in Russia, 2024 // Smart marketing: [website]. – URL: <https://up-advert.ru/blog/statistika-polzovatelej-interneta-v-rossii?ysclid=m748ins7b767555786> (accessed: 06/07/2025).
3. Karapetov. A.G (2020).The main provisions of civil law: an article-by-article commentary to Articles 1–16.1 of the Civil Code of the Russian Federation / Moscow.
4. What the metaverse can give Facebook and investors // Telrga.Ph (news portal): [website]. – URL: <https://telegra.ph/CHto-metavselennaya-mozhet-dat-Facebook-i-investoram-11-15?ysclid=m74e518il5724656620> (accessed: 06/07/2025).
5. Facebook is spending at least \$10 billion this year on its metaverse division // The Verge: [website]. – URL: <https://www.theverge.com/2021/10/25/22745381/facebook-reality-labs-10-billion-metaverse> (date of appeal: 06/07/2025).
6. Russian President Vladimir Putin declared the duty of the authorities to protect the avatars of Russians in the metaverse // RCB: [website]. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/618ea97f9a794713ffa492fb?ysclid=m74enk0a3p37189119> (accessed: 06/07/2025).
7. The virtual objects market may become regulated // Kommersant: [website]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5183593> (accessed: 06/07/2025).
8. Fairfield, J. (2005). Virtual Property. Boston University Law Review / [Indiana Legal Studies Research Paper], 35, pp. 1047–1102.
9. Arkhipov V.V. (2014). Virtual property: systemic legal problems in the context of the development of the computer game industry [Law], 9, pp. 69–90.
10. Rozhkova M.A. Digital assets and virtual property: how does the virtual relate to the digital” // Law.<url>: [website]. – URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivyi_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositsya_virtualnoe_s_cifrovym (date of reference: 06/07/2025).
11. Lisachenko A.V. (2024).The law of virtual worlds: new objects of civil rights / [Russian Law Journal],2, pp. 104–110.
12. The Civil Code of the Russian Federation (Part four): Federal Law No. 230-FZ of December 18, 2006 (as amended dated 07/22/2024 No. 190-FZ) // SPS “ConsultantPlus”. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (date of access: 06/07/2025).
13. Blazer C. (2006). The Five Indicia of Virtual Property / [Pierce the Law], 3, P. 137–161.
14. Attributes of Bitcoin virtual property approved by judicial authorities // China Securities Network News: [website]. – URL: <http://m.caijing.com.cn/api/show?contentid=4603403> (date of request: 06/07/2025).
15. China has recognized cryptocurrency transactions as a form of money laundering. They'll be in jail for 10 years / Tadviser: [сайт]. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%9A%D1%80%D0%B8%D0%BF%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D1%8E%D1%82%D1%8B_%D0%B2_%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B5?ysclid=m7634poi-9u680030048#.2A_2024:_D0.9A.D0.B8.D1.82.D0.B0.D0.B9_.D0.BF.D1.80.D0.B8.D0.B7.D0.BD.D0.B0.D0.BB_.D0.BA.D1.80.D0.B8.D0.BF.D1.82.D0.BE.D0.B2.D0.B0.D0.BB.D1.8E.D1.82.D0.BD.D1.8B.D0.B5_.D0.BE.D0.BF.D0.B5.D1.80.D0.B0.D1.86.D0.B8.D0.B8_.D1.84.D0.BE.D1.80.D0.BC.D0.BE.D0.B9_.D0.BE.D1.82.D0.BC.D1.8B.D0.B2.D0.B0.D0.BD.D0.B8.D1.8F_.D0.B4.D0.B5_.D0.BD.D0.B5.D0.B3_.D0.91.D1.83.D0.B4.D1.83.D1.82_.D1.81.D0 URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%9A%D1%80%D0%B8%D0%BF%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D1%8E%D1%82%D1%8B_%D0%B2_%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B5?ysclid=m7634poi-9u680030048#.2A_2024:_D0.9A.D0.B8.D1.82.D0.B0.D0.B9_.D0.BF.D1.80.D0.B8.D0.B7.D0.BD.D0.B0.D0.BB_.D0.BA.D1.80.D0.B8.D0.BF.D1.82.D0.BE.D0.B2.D0.B0.D0.BB.D1.8E.D1.82.D0.BD.D1.8B.D0.B5_.D0.BE.D0.BF.D0.B5.D1.80.D0.B0.D1.86.D0.B8.D0.B8_.D1.84.D0.BE.D1.80.D0.BC.D0.BE.D0.B9_.D0.BE.D1.82.D0.BC.D1.8B.D0.B2.D0.B0.D0.BD.D0.B8.D1.8F_.D0.B4.D0.B5_.D0.BD.D0.B5.D0.B3_.D0.91.D1.83.D0.B4.D1.83.D1.82_.D1.81.D0 URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%9A%D1%80%D0%B8%D0%BF%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D1%8E%D1%82%D1%8B_%D0%B2_%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B5?ysclid=m7634poi-9u680030048#.2A_2024:_D0.9A.D0.B8.D1.82.D0.B0.D0.B9_.D0.BF.D1.80.D0.B8.D0.B7.D0.BD.D0.B0.D0.BB_.D0.BA.D1.80.D0.B8.D0.BF.D1.82.D0.BE.D0.B2.D0.B0.D0.BB.D1.8E.D1.82.D0.BD.D1.8B.D0.B5_.D0.BE.D0.BF.D0.B5.D1.80.D0.B0.D1.86.D0.B8.D0.B8_.D1.84.D0.BE.D1.80.D0.BC.D0.BE.D0.B9_.D0.BE.D1.82.D0.BC.D1.8B.D0.B2.D0.B0.D0.BD.D0.B8.D1.8F_.D0.B4.D0.B5_.D0.BD.D0.B5.D0.B3_.D0.91.D1.83.D0.B4.D1.83.D1.82_.D1.81.D0 URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%9A%D1%80%D0%B8%D0%BF%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D1%8E%D1%82%D1%8B_%D0%B2_%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B5?ysclid=m7634poi-9u680030048#.2A_2024:_D0.9A.D0.B8.D1.82.D0.B0.D0.B9_.D0.BF.D1.80.D0.B8.D0.B7.D0.BD.D0.B0.D0.BB_.D0.BA.D1.80.D0.B8.D0.BF.D1.82.D0.BE.D0.B2.D0.B0.D0.BB.D1.8E.D1.82.D0.BD.D1.8B.D0.B5_.D0.BE.D0.BF.D0.B5.D1.80.D0.B0.D1.86.D0.B8.D0.B8_.D1.84.D0.BE.D1.80.D0.BC.D0.BE.D0.B9_.D0.BE.D1.82.D0.BC.D1.8B.D0.B2.D0.B0.D0.BD.D0.B8.D1.8F_.D0.B4.D0.B5_.D0.BD.D0.B5.D0.B3_.D0.91.D1.83.D0.B4.D1.83.D1.82_.D1.81.D0 URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%9A%D1%80%D0%B8%D0%BF%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D1%8E%D1%82%D1%8B_%D0%B2_%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B5?ysclid=m7634poi-9u680030048#.2A_2024:_D0.9A.D0.B8.D1.82.D0.B0.D0.B9_.D0.BF.D1.80.D0.B8.D0.B7.D0.BD.D0.B0.D0.BB_.D0.BA.D1.80.D0.B8.D0.BF.D1.82.D0.BE.D0.B2.D0.B0.D0.BB.D1.8E.D1.82.D0.BD.D1.8B.D0.B5_.D0.BE.D0.BF.D0.B5.D1.80.D0.B0.D1.86.D0.B8.D0.B8_.D1.84.D0.BE.D1.80.D0.BC.D0.BE.D0.B9_.D0.BE.D1.82.D0.BC.D1.8B.D0.B2.D0.B0.D0.BD.D0.B8.D1.8F_.D0.B4.D0.B5_.D0.BD.D0.B5.D0.B3_.D0.91.D1.83.D0.B4.D1.83.D1.82_.D1.81.D0 URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%9A%D1%80%D0%B8%D0%BF%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D1%8E%D1%82%D1%8B_%D0%B2_%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B5?ysclid=m7634poi-9u680030048#.2A_2024:_D0.9A.D0.B8.D1.82.D0.B0.D0.B9_.D0.BF.D1.80.D0.B8.D0.B7.D0.BD.D0.B0.D0.BB_.D0.BA.D1.80.D0.B8.D0.BF.D1.82.D0.BE.D0.B2.D0.B0.D0.BB.D1.8E.D1.82.D0.BD.D1.8B.D0.B5_.D0.BE.D0.BF.D0.B5.D1.80.D0.B0.D1.86.D0.B8.D0.B8_.D1.84.D0.BE.D1.80.D0.BC.D0.BE.D0.B9_.D0.BE.D1.82.D0.BC.D1.8B.D0.B2.D0.B0.D0.BD.D0.B8.D1.8F_.D0.B4.D0.B5_.D0.BD.D0.B5.D0.B3_.D0.91.D1.83.D0.B4.D1.83.D1.82_.D1.81.D0 URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%9A%D1%80%D0%B8%D0%BF%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D1%8E%D1%82%D1%8B_%D0%B2_%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B5?ysclid=m7634poi-9u680030048#.2A_2024:_D0.9A.D0.B8.D1.82.D0.B0.D0.B9_.D0.BF.D1.80.D0.B8.D0.B7.D0.BD.D0.B0.D0.BB_.D0.BA.D1.80.D0.B8.D0.BF.D1.82.D0.BE.D0.B2.D0.B0.D0.BB.D1.8E.D1.82.D0.BD.D1.8B.D0.B5_.D0.BE.D0.BF.D0.B5.D1.80.D0.B0.D1.86.D0.B8.D0.B8_.D1.84.D0.BE.D1.80.D0.BC.D0.BE.D0.B9_.D0.BE.D1.82.D0.BC.D1.8B.D0.B2.D0.B0.D0.BD.D0.B8.D1.8F_.D0.B4.D0.B5_.D0.BD.D0.B5.D0.B3_.D0.91.D1.83.D0.B4.D1.83.D1.82_.D1.81.D0 URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%9A%D1%80%D0%B8%D0%BF%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D1%8E%D1%82%D1%8B_%D0%B2_%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B5?ysclid=m7634poi-9u680030048#.2A_2024:_D0.9A.D0.B8.D1.82.D0.B0.D0.B9_.D0.BF.D1.80.D0.B8.D0.B7.D0.BD.D0.B0.D0.BB_.D0.BA.D1.80.D0.B8.D0.BF.D1.82.D0.BE.D0.B2.D0.B0.D0.BB.D1.8E.D1.82.D0.BD.D1.8B.D0.B5_.D0.BE.D0.BF.D0.B5.D1.80.D0.B0.D1.86.D0.B8.D0.B8_.D1.84.D0.BE.D1.80.D0.BC.D0.BE.D0.B9_.D0.BE.D1.82.D0.BC.D1.8B.D0.B2.D0.B0.D0.BD.D0.B8.D1.8F_.D0.B4.D0.B5_.D0.BD.D0.B5.D0.B3_.D0.91.D1.83.D0.B4.D1.83.D1.82_.D1.81.D0 URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%9A%D1%80%D0%B8%D0%BF%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D1%8E%D1%82%D1%8B_%D0%B2_%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B5?ysclid=m7634poi-9u680030048#.2A_2024:_D0.9A.D0.B8.D1.82.D0.B0.D0.B9_.D0.BF.D1.80.D0.B8.D0.B7.D0.BD.D0.B0.D0.BB_.D0.BA.D1.80.D0.B8.D0.BF.D1.82.D0.BE.D0.B2.D0.B0.D0.BB.D1.8E.D1.82.D0.BD.D1.8B.D0.B5_.D0.BE.D0.BF.D0.B5.D1.80.D0.B0.D1.86.D0.B8.D0.B8_.D1.84.D0.BE.D1.80.D0.BC.D0.BE.D0.B9_.D0.BE.D1.82.D0.BC.D1.8B.D0.B2.D0.B0.D0.BD.D0.B8.D1.8F_.D0.B4.D0.B5_.D0.BD.D0.B5.D0.B3_.D0.91.D1.83.D0.B4.D1.83.D1.82_.D1.81.D0 URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%9A%D1%80%D0%B8%D0%BF%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D1%8E%D1%82%D1%8B_%D0%B2_%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B5?ysclid=m7634poi-9u680030048#.2A_2024:_D0.9A.D0.B8.D1.82.D0.B0.D0.B9_.D0.BF.D1.80.D0.B8.D0.B7.D0.BD.D0.B0.D0.BB_.D0.BA.D1.80.D0.B8.D0.BF.D1.82.D0.BE.D0.B2.D0.B0.D0.BB.D1.8E.D1.82.D0.BD.D1.8B.D0.B5_.D0.BE.D0.BF.D0.B5.D1.80.D0.B0.D1.86.D0.B8.D0.B8_.D1.84.D0.BE.D1.80.D0.BC.D0.BE.D0.B9_.D0.BE.D1.82.D0.BC.D1.8B.D0.B2.D0.B0.D0.BD.D0.B8.D1.8F_.D0.B4.D0.B5_.D0.BD.D0.B5.D0.B3_.D0.91.D1.83.D0.B4.D1.83.D1.82_.D1.81.D0 URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%9A%D1%80%D0%B8%D0%BF%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D1%8E%D1%82%D1%8B_%D0%B2_%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B5?ysclid=m7634poi-9u680030048#.2A_2024:_D0.9A.D0.B8.D1.82.D0.B0.D0.B9_.D0.BF.D1.80.D0.B8.D0.B7.D0.BD.D0.B0.D0.BB_.D0.BA.D1.80.D0.B8.D0.BF.D1.82.D0.BE.D0.B2.D0.B0.D0.BB.D1.8E.D1.82.D0.BD.D1.8B.D0.B5_.D0.BE.D0.BF.D0.B5.D1.80.D0.B0.D1.86.D0.B8.D0.B8_.D1.84.D0.BE.D1.80.D0.BC.D0.BE.D0.B9_.D0.BE.D1.82.D0.BC.D1.8B.D0.B2.D0.B0.D0.BD.D0.B8.D1.8F_.D0.B4.D0.B5_.D0.BD.D0.B5.D0.B3_.D0.91.D1.83.D0.B4.D1.83.D1.82_.D1.81.D0 URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%9A%D1%80%D0%B8%D0%BF%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D1%8E%D1%82%D1%8B_%D0%B2_%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B5?ysclid=m7634poi-9u680030048#.2A_2024:_D0.9A.D0.B8.D1.82.D0.B0.D0.B9_.D0.BF.D1.80.D0.B8.D0.B7.D0.BD.D0.B0.D0.BB_.D0.BA.D1.80.D0.B8.D0.BF.D1.82.D0.BE.D0.B2.D0.B0.D0.BB.D1.8E.D1.82.D0.BD.D1.8B.D0.B5_.D0.BE.D0.BF.D0.B5.D1.80.D0.B0.D1.86.D0.B8.D0.B8_.D1.84.D0.BE.D1.80.D0.BC.D0.BE.D0.B9_.D0.BE.D1.82.D0.BC.D1.8B.D0.B2.D0.B0.D0.BD.D0.B8.D1.8F_.D0.B4.D0.B5_.D0.BD.D0.B5.D0.B3_.D0.91.D1.83.D0.B4.D1.83.D1.82_.D1.81.D0 URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%9A%D1%80%D0%B8%D0%BF%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D1%8E%D1%82%D1%8B_%D0%B2_%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B5?ysclid=m7634poi-9u68](https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%9A%D1%80%D0%B8%D0%BF%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D1%8E%D1%82%D1%8B_%D0%B2_%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B5?ysclid=m7634poi-9u680030048#.2A_2024:_D0.9A.D0.B8.D1.82.D0.B0.D0.B9_.D0.BF.D1.80.D0.B8.D0.B7.D0.BD.D0.B0.D0.BB_.D0.BA.D1.80.D0.B8.D0.BF.D1.82.D0.BE.D0.B2.D0.B0.D0.BB.D1.8E.D1.82.D0.BD.D1.8B.D0.B5_.D0.BE.D0.BF.D0.B5.D1.80.D0.B0.D1.86.D0.B8.D0.B8_.D1.84.D0.BE.D1.80.D0.BC.D0.BE.D0.B9_.D0.BE.D1.82.D0.BC.D1.8B.D0.B2.D0.B0.D0.BD.D0.B8.D1.8F_.D0.B4.D0.B5_.D0.BD.D0.B5.D0.B3_.D0.91.D1.83.D0.B4.D1.83.D1.82_.D1.81.D0)

Сравнительно-правовой анализ цифровой валюты и цифрового рубля по российскому праву

Гасников Никита Игоревич,

аспирант, кафедра гражданского и корпоративного права,
Санкт-Петербургский государственный экономический
университет
E-mail: nigasnikov@gmail.com

Цель работы заключается в сравнении цифровых валют и цифрового рубля с точки зрения терминологии, правовой природы и правового режима. В ходе исследования были использованы общенаучные методы анализа, индукции и дедукции, толкования (логического и системного) в целях определения соотношения исследуемых правовых явлений, формально-юридический метод, а также сравнительно-правовой метод для выявления общих черт и особенностей цифровых валют и цифрового рубля. Автор приходит к выводу о существенном различии цифровых валют и цифрового рубля по характеру связи с информационной системой, по правовой природе и правовому режиму. Выводы являются теоретико-прикладными, дополняют научное представление о системе объектов гражданских прав в российском гражданском законодательстве, месте цифровых валют и цифрового рубля в ней, а также об их правовой природе и правовом режиме, что может служить основой для дальнейших исследований и совершенствования законодательства.

Ключевые слова: цифровые объекты гражданских прав, цифровое имущество, цифровая валюта, цифровой рубль, деньги, безналичные денежные средства, цифровизация.

Введение

Процессы внедрения цифровых технологий привели к появлению множества новых явлений, среди которых особого внимания заслуживают криптовалюты (цифровые валюты). Риски распространения криптовалют, связанные с обеспечением благосостояния частных лиц, экономической стабильности, применением в нелегальной деятельности, стали причиной интереса центральных банков в создании специальных механизмов расчетов, которые будут столь же удобны для пользователей, но не будут сопряжены с перечисленными угрозами¹.

На современном этапе, когда и цифровые валюты, и цифровой рубль получили свое нормативное закрепление в российском законодательстве, представляется необходимым рассмотреть их в сравнении, выявить их возможные сходства и различия, что позволит получить более полное представление об их месте в российской системе объектов гражданских прав.

Проблема легальной терминологии

Прежде всего обращает на себя внимание терминологический аспект сравнения указанных явлений. Это обусловлено, во-первых, тем, что в обоих случаях законодатель определяет оба объекта как «цифровые». Во-вторых, понятие «рубль» и «валюта» тесно взаимосвязаны, поскольку ст. 140 ГК РФ в силу самого своего наименования дает основания для использования терминов «деньги» и «валюта» в качестве синонимов, определяет «рубль» в качестве законного платежного средства и противопоставляет его иностранной валюте, а в ст. 27 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10.07.2002 № 86-ФЗ «рубль» прямо определен в качестве «валюты».

Поэтому для сравнения исследуемых понятий на терминологическом уровне необходимо решить две задачи:

1. Определить значение «цифровой» характеристики рассматриваемых объектов;
2. Соотнести понятия «валюта» и «рубль».

Решения первой задачи разумно начать с предположения, что использование термина «цифровой» выражает наличие у обоих рассматриваемых объектов гражданских прав некоторой общей ха-

¹ Криптовалюты: тренды, риски, меры. Доклад для общественных консультаций (2022) https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (дата обращения: 15.05.2025), Цифровой рубль. Доклад для общественных консультаций (2020) https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf (дата обращения: 15.05.2025).

рактики, которая связана с применением современных цифровых технологий при их создании, учете фактов существования, принадлежности и обслуживании их передачи между субъектами, что позволяет выделить их из ряда прочих объектов гражданских прав.

Из легальных определений прослеживается, что цифровая характеристика выражает связь объекта с информационной системой, что по-видимому предполагает учет технологической особенности хранения сведений о существовании объекта гражданских прав, специфики его оборота в рамках соответствующей информационной системы. В этом отношении и цифровой рубль, учет и оборот которого осуществляется в рамках платформы цифрового рубля (специальной информационной системы, работоспособность которой обеспечивает ЦБ РФ) безусловно обладает характеристикой связи с информационной системой.

Некоторые исследователи обосновывают наличие общего понятия цифрового имущества, например, Н.А. Петраков определяет его следующим образом: «объективированная виртуальными единицами или предметами информация в цифровой форме, обрабатываемая в информационной системе, обеспечивающей возможность ее создания, хранения, изменения и передачи с помощью электронно-вычислительных устройств» [1]. Однако следует согласиться с мнением, что такой термин носит в значительной степени собирательный характер, поскольку объединяет в себе широкую группу объектов, имеющих разный правовой режим [2, с. 82].

Представляется, что объекты гражданских прав, обозначенные законодателем в качестве цифровых, могут быть разделены на две категории:

- 1) Для первой группы объектов информационная система выступает в качестве одного из возможных способов внешнего выражения сведений о существовании и принадлежности объекта гражданских прав. Примером являются имущественные права, которые могут быть выражены в форме документарных ценных бумаг, бездокументарных ценных бумаг, цифровых прав. В этом отношении Е.А. Суханов полагает, что связь цифровых финансовых активов с информационной системой представляет собой технологическую особенность, особую форму фиксации отдельных имущественных прав [3].
- 2) Во втором случае информационная система является единственным возможным способом выражения сведений о наличии и принадлежности имущественного блага, поскольку такой объект в силу самих своих фактических особенностей не может существовать вне соответствующей информационной системы.

Цифровой рубль является разновидностью общего понятия деньги, информация о принадлежности которых может содержаться в различных формах (наличные деньги, записи по банковским счетам, специальный учет электронных денежных

средств, платформа цифрового рубля), и, в связи с этим относится к первому случаю связи цифрового объекта гражданского права с информационной системой.

Из легального определения цифровых валют следует, что они относятся ко второй группе цифровых объектов, поскольку их возникновение, существование и оборот принципиально невозможно вне информационной системы.

Это позволяет сделать вывод о том, что цифровой рубль и цифровые валюты связаны с информационными системами differently, поскольку платформа цифрового рубля является не единственной, а одной из возможных форм внешнего выражения принадлежности денег.

С точки зрения соотношений понятий «валюта» и «рубль» в рассматриваемом вопросе необходимо согласиться с позицией авторов, которые указывают на некоторую терминологическую непоследовательность законодателя. Эта непоследовательность как справедливо указывает Т.В. Дерюгина привела к тому, что «в настоящее время существуют понятия валюты и цифровой валюты, при этом последняя по своей правовой природе валютой не является» [4]. Это противоречие проистекает из того, что ст. 140 ГК РФ определяет в качестве синонимов понятия «деньги» и «валюта», рассматривает их во взаимосвязи с рублем как национальной денежной единицей Российской Федерации, что позволяет рассматривать рубль в качестве разновидности валюты. В это же время закон о ЦФА использует термин валюта, но определяет цифровую валюту как не связанную с существующими национальными или наднациональными денежными единицами. В связи с этим следует сделать вывод, что какая-либо родовидовая связь между цифровой валютой и цифровым рублем отсутствует.

Таким образом, следует заключить, что вопреки терминологической логике, цифровая валюта и цифровой рубль не имеют между собой действительных сходств: цифровая характеристика различна, а термин «валюта» в случае с цифровой валютой наделен иным содержанием, в которое не входит понятие «рубль».

Правовая природа и место в системе объектов гражданских прав

В соответствии со ст. 128 ГК РФ цифровой рубль является разновидностью безналичных денежных средств, которые в свою очередь являются имущественными правами, которые включенными законодателем в категорию иного имущества.

Необходимо отметить, что вопрос о правовой природе цифрового рубля, несмотря на прямое указание закона, не является однозначно разрешенным в цивилистической доктрине. Одна часть авторов, например А.В. Турбанов и Л.Ю. Василевская, соглашались с обоснованностью легального подхода, рассматривая цифровой рубль в качестве разновидности безналичных денежных средств, то есть прав требования, особенностью которых яв-

ляется основанием возникновения – договор счета цифрового рубля [5, с. 89], [6, с. 9]. Другие авторы, например М.Л. Башкатов, полагают, что «в отличие от классических безналичных денег цифровой рубль явно не содержит денежного требования пользователя к оператору платформы цифрового рубля» [7, с. 110], что исключает обоснованность квалификации цифрового рубля в качестве имущественного права. В этом контексте уместно указать, что и квалификация самих безналичных денежных средств в качестве имущественного права продолжает оставаться дискуссионной, что нашло свое отражение, например, в работе Н.Ю. Рассказовой [8], а сравнительный анализ цифрового рубля и безналичных денежных средств позволяет прийти к выводу, что цифровой рубль не является ни видом безналичных денежных средств, ни имущественным правом [9].

В свою очередь цифровая валюта не поименована в ст. 128 ГК РФ, а исследователи относят ее к категории «иного имущества» [10], [11]. Необходимо отметить, что в научной литературе такой подход обоснованно критикуется как не позволяющий однозначно определить место цифровой валюты в системе объектов гражданских прав и сформулировать ее правовой режим [2, с. 82].

Таким образом, в настоящее время ни в отношении цифрового рубля, ни в отношении цифровой валюты в науке гражданского права не сформулировано общее понимание их правовой природы и места в системе объектов гражданских прав. Более того, хотя действующее законодательство и объединяет рассматриваемые объекты в рамках общей категории «иное имущество», необходимо отметить, что это не имеет практического значения, поскольку правовые режимы исследуемых объектов существенно различаются, что будет продемонстрировано далее.

Правовой режим

Первым критерием, позволяющим продемонстрировать различие правовых режимов исследуемых объектов, является порядок эмиссии. Единицы цифровых валют возникают в результате деятельности по майнингу, в ходе которой в информационной системе появляются новые записи о принадлежности определенного количества цифровой валюты тому или иному лицу. В то же время цифровой рубль не предполагает использование подобных технологий, поскольку он появляется в результате зачисления средств на специальный счет, обслуживание которого осуществляет ЦБ РФ.

Далее необходимо отметить, что существенно отличается субъектный состав участников отношений, обеспечивающих оборот исследуемых объектов. Для цифровых валют это сами участники информационной системы, а для цифрового рубля это ЦБ РФ и банки, выполняющие в данном случае специальные посреднические функции.

Цифровая валюта как следует из ее легального определения может быть использована в каче-

стве средства платежа или в качестве инвестиций. При этом закон налагает достаточно существенные ограничения на ее оборот как с точки зрения ее допустимости в качестве встречного предоставления, рекламы и распространения информации о ней, что говорит об ограниченности платежной функции.

Цифровой рубль является законным платежным средством и его передача прекращает денежное обязательство путем исполнения. Каких-либо специальных ограничений в отношении операций с цифровыми рублями в настоящее время не установлено. При этом закон позволяет ЦБ РФ их установить: определить максимальные суммы операций и остатков счетов, согласно публичным заявлениям такой лимит планируется определить в размере 300 тыс. руб. То есть он может применяться при совершении любых сделок между гражданами и организациями в пределах установленного лимита.

Упомянутые ограничения могут быть частично сняты в отношении сделок с цифровой валютой, совершаемых при осуществлении внешнеторговой деятельности. В свою очередь использование цифрового рубля во внешнеторговой деятельности возможно только в случае открытия иностранным контрагентом счета цифрового рубля на платформе ЦБ РФ. То есть с точки зрения применимости в международных расчетах исследуемые явления также различаются.

Еще одним существенным ограничением, составляющим элемент правового режима цифровых валют, является обусловленность судебной защиты уведомлением об обладании ими органов публичной власти. Для цифрового рубля подобные ограничения не установлены, то есть права, связанные с обладанием им и его использованием, подлежат судебной защите в полном объеме.

Заключение

Исследуемые объекты гражданских прав существенно отличаются. Использование цифровых валют сопряжено со значительным объемом ограничений, которые фактически минимизируют возможность их использования в легальном гражданском обороте, в то время как использование цифрового рубля в пределах установленных публичным органом лимитов осуществляется без ограничений.

В результате следует сделать вывод, что цифровой рубль и цифровые валюты, несмотря на имеющееся на первый взгляд терминологическое сходство, существенно различаются по целому ряду параметров: по характеру связи с информационной системой, по правовой природе и правовому режиму.

Литература

1. Петраков Н.А. Концепция цифрового имущества как объекта гражданских прав / Н.А. Петраков // Цивилист. – 2024. – № 1. – С. 62–69.

2. Правовое регулирование цифровых денег: монография / Е.Н. Абрамова, Е.М. Андреева, А.Ю. Брагинец и др.; под ред. Е.Н. Абрамовой. – Москва: Юстицинформ, 2022. – 236 с.
3. Суханов Е.А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» / Е.А. Суханов // Вестник гражданского права. – 2021. – № 6. – С. 7–29.
4. Дерюгина Т.В. Цифровая валюта и цифровой рубль: к вопросу о правовой новации / Т.В. Дерюгина // Цивилист. – 2022. – № 1(37). – С. 8–11.
5. Турбанов А.В. Цифровой рубль как объект правоотношений / А.В. Турбанов // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18, № 9(154). – С. 79–94.
6. Василевская Л.Ю. Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему / Л.Ю. Василевская // Lex Russica (Русский закон). – 2023. – Т. 76, № 1(194). – С. 9–19.
7. Башкатов М.Л. Эволюция цивилистического понятия денег в современном праве: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Башкатов Максим Леонидович, 2023. – 186 с.
8. Рассказова Н. Ю. понятие денежных средств / Н.Ю. Рассказова // Закон. – 2024. – № 9. – С. 33–40.
9. Гасников Н.И. Сравнительный анализ безналичных денежных средств и цифрового рубля / Н.И. Гасников // Развитие отечественного права: преемственность и новизна: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 20 октября 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2024. – С. 163–169.
10. Егорова М.А. Место криптовалюты в системе объектов гражданских прав / М.А. Егорова, О.В. Кожевина // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15, № 1(110). – С. 81–91.
11. Савельев А.И. Криптовалюта в системе объектов гражданских прав / А.И. Савельев // Закон. – 2017. – № 8. – С. 136–153.

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE DIGITAL CURRENCY AND THE DIGITAL RUBLE UNDER RUSSIAN LAW

Gasnikov N.I.

St. Petersburg State University of Economics

The purpose of the work is to compare digital currencies and the digital ruble in terms of terminology, legal nature and legal regime. The research used general scientific methods of analysis, induction and deduction, interpretation (logical and systematic) to determine the ratio of the legal phenomena under study, the formal legal method, as well as the comparative legal method to identify common features and features of digital currencies and the digital ruble. The author concludes that there is a significant difference between digital currencies and the digital ruble in terms of the nature of communication with the information system, legal nature and legal regime. The conclusions of the work are theoretical and applied, they complement the scientific understanding of the system of objects of civil rights in Russian civil legislation, the place of digital currencies and the digital ruble in it, as well as their legal nature and legal regime, which can serve as a basis for further research and improvement of legislation.

Keywords: digital objects of civil rights, digital property, digital currency, digital ruble, money, non-cash funds, digitalization.

References

1. Petrakov N.A. Kontseptsiya tsifrovogo imushchestva kak ob'ekta grazhdanskikh prav / N.A. Petrakov // Tsivilist. – 2024. – № 1. – С. 62–69.
2. Pravovoe regulirovanie tsifrovyykh deneg: monografiya / E.N. Abramova, E.M. Andreeva, A. Yu. Braginets et al.; pod red. E.N. Abramovoy. – Moskva: Yustitsinform, 2022. – 236 s.
3. Sukhanov E.A. O grazhdansko-pravovoy prirode «tsifrovogo imushchestva» / E.A. Sukhanov // Vestnik grazhdanskogo prava. – 2021. – № 6. – С. 7–29.
4. Deryugina T.V. Tsifrovaya valyuta i tsifrovoy rubl': k voprosu o pravovoy novatsii / T.V. Deryugina // Tsivilist. – 2022. – № 1(37). – С. 8–11.
5. Turbanov A.V. Tsifrovoy rubl' kak ob'ekt pravootnosheniy / A.V. Turbanov // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. – 2023. – Т. 18, № 9(154). – С. 79–94.
6. Vasilevskaya L. Yu. Tsifrovoy rubl': vzglyad tsivilista na problemu / L. Yu. Vasilevskaya // Lex Russica (Russkiy zakon). – 2023. – Т. 76, № 1(194). – С. 9–19.
7. Bashkatov M.L. Evolyutsiya tsivilisticheskogo ponyatiya deneg v sovremennom prave: dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata yuridicheskikh nauk / Bashkatov Maksim Leonidovich, 2023. – 186 s.
8. Rasskazova N. Yu. Ponimaniye denezhnykh sredstv / N. Yu. Rasskazova // Zakon. – 2024. – № 9. – С. 33–40.
9. Gasnikov N.I. Sravnitelnyy analiz beznalichnykh denezhnykh sredstv i tsifrovogo rublya / N.I. Gasnikov // Razvitiye otechestvennogo prava: preemstvennost' i novizna: Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Sankt-Peterburg, 20 oktyabrya 2023 goda. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy ekonomicheskiy universitet, 2024. – С. 163–169.
10. Yegorova M.A. Mesto kriptovalyuty v sisteme ob'ektov grazhdanskikh prav / M.A. Yegorova, O.V. Kozhevina // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. – 2020. – Т. 15, № 1(110). – С. 81–91.
11. Savelyev A.I. Kriptovalyuty v sisteme ob'ektov grazhdanskikh prav / A.I. Savelyev // Zakon. – 2017. – № 8. – С. 136–153.

Исключение участника из хозяйственного общества (наличие права на иск в зависимости от принадлежащей доли, количества акций)

Гусева Анастасия Александровна,

соискатель ученой степени кандидата юридических наук

E-mail: aguseva_legal@mail.ru

В статье анализируется проблема наличия или отсутствия минимального порога количества акций, которым должен обладать акционер (потенциальный истец) для того, чтобы иметь право обратиться в суд с иском об исключении другого акционера из непубличного акционерного общества. Автор приходит к выводу, что в текущем правовом регулировании такой порог не установлен, а применение аналогии с обществом с ограниченной ответственностью (для которого минимальный порог составляет 10% доли в уставном капитале) в этой части невозможно ввиду недопустимости применения аналогии относительно числовых и математических категорий. Однако автор считает, что отсутствие законодательно установленного минимального количества акций для подобного рода споров следует рассматривать как недостаток правового регулирования, устранить который можно только путем вмешательства законодателя.

Помимо этого, исследуется также проблема исключения мажоритария из хозяйственного общества. Автор считает, что конструкция исключения участника из корпорации строится и должна строиться не по принципу «мажоритария нельзя исключить в связи с наличием у него большей доли», а по принципу «исключить можно и нужно того, кто грубо нарушает обязанности перед корпорацией, либо своими действиями делает невозможной или затрудняет ее деятельность». В связи с этим исключить можно и нужно даже мажоритарного участника при наличии оснований.

Ключевые слова: гражданское право; аналогия закона; исключение из хозяйственного общества; корпорация; корпоративный спор; корпоративный конфликт; общество с ограниченной ответственностью; акционерное общество; хозяйственное общество; минимальный порог; мажоритарий.

Корпоративные споры – это одна из самых сложных категорий споров в отечественной юриспруденции. Виною этому служат, на наш взгляд, два обстоятельства: во-первых, такие споры переходят из плоскости экономических в личные (когда бывшие друзья-партнеры начинают делить бизнес), а, во-вторых, многие вопросы, к сожалению, остались за рамками законодательного регулирования, в связи с чем судам приходится выводить общие принципы и правила рассмотрения таких споров.

Дела об исключении участников из хозяйственных обществ не отличаются от иных корпоративных споров в контексте обозначенных недостатков, поскольку в них многие вопросы либо нашли отражение только в обзорах и постановлениях Пленумов высших судебных инстанций, либо вообще остались без законодательной регламентации и судебского ответа со стороны Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) или Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ).

В рамках настоящей статьи автором предлагаются собственные выводы относительно того, каким образом урегулирован и должен быть урегулирован вопрос соотношения долей (количества акций) исключающего и исключаемого участников хозяйственного общества¹.

Минимальный порог долей в уставном капитале ООО и количества акций для обращения в суд с иском об исключении из корпорации

С 1 сентября 2014 года пункт 1 статьи 67 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)² закрепляет, что участники хозяйственного общества, среди прочего, вправе требовать исключения другого участника из общества (кроме публичных акционерных обществ) в судебном порядке.

Новеллой статьи 67 ГК РФ стало то, что в связи с принятием Федерального закона от 05.05.2014 № 99-ФЗ³ гражданское законодательство наделило акционера непубличного акционерного обще-

¹ Важно отметить, что в рамках настоящей статьи не анализируется процедура и порядок исключения в целом.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.

³ Федеральный закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 12.05.2014, № 19, ст. 2304.

ства (далее также – АО) правом требовать исключения другого из состава АО¹. До этого таким правом акционер не обладал.

Несмотря на то, что указанные изменения действуют уже более десяти лет, Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»² (далее – Закон об АО) не претерпел изменений в части закрепления права на исключение акционера из состава АО и оснований такого исключения. В связи с этим на текущий момент Закон об АО по-прежнему не содержит отдельной нормы, регламентирующей указанный вопрос.

При этом в контексте сравнения акционерного общества и общества с ограниченной ответственностью (далее – ООО) отметим, что Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»³ (далее – Закон об ООО) еще с даты принятия (то есть с 1998 года) в статье 10 содержит основания и порядок исключения участника из ООО.

Одним из важных вопросов в спорах об исключении акционера из АО с доктринальной и практической точек зрения является вопрос о том, кто вправе обратиться с иском об исключении другого акционера. Иными словами: установлен ли или должен ли быть установлен минимальный порог количества акций для того, чтобы акционер обладал правом требовать исключения другого акционера из АО.

Как указывалось ранее, Закон об АО не содержит нормы об исключении акционера из АО, такое право закреплено только в статье 67 ГК РФ применительно к непубличным АО. При этом указанная статья не содержит минимальный порог количества акций, при котором акционер вправе обратиться в суд для исключения другого. В отношении ООО законодательно закреплён минимальный порог в размере 10% доли уставного капитала ООО (статья 10 Закона об ООО). В связи с этим возникает закономерный вопрос: является ли такое умолчание о минимальном пороге акций применительно к АО – пробелом правового регулирования, или же умолчание законодателя о таком пороге не должно рассматриваться как пробел, а является логичным и обоснованным отличием АО от ООО.

Устранение пробела в правовом регулировании (если таковой есть) возможно двумя способами: путем применения аналогии закона или аналогии права (в зависимости от ситуации по правилам статьи 6 ГК РФ⁴), либо путем принятия закона,

¹ Здесь и далее под АО понимается непубличное АО (если иное прямо не указано в тексте).

² Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ, 01.01.1996, № 1, ст. 1.

³ Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ, 16.02.1998, № 7, ст. 785.

⁴ Автор считает, что к корпоративным отношениям может и должно применяться гражданское законодательство (в том числе ГК РФ), в связи с чем возможность или невозможность применения аналогии в корпоративных отношениях должна обосновываться ссылкой на статью 6 ГК РФ.

полностью исключающего пробел регулирования (за исключением ситуации, если же умолчание о минимальном пороге – действительный замысел законодателя).

В силу статьи 6 ГК РФ применение аналогии закона возможно при одновременном наличии следующих условий: отношения прямо не урегулированы законом или соглашением сторон, и отсутствует применимый к ним обычай. При использовании аналогии закона – к отношениям применяется законодательство, регулирующее сходные отношения, если это не противоречит их существу.

Следовательно, для того, чтобы воспользоваться механизмом аналогии закона нужно, как минимум: установить факт наличия пробела в регулировании и определить законодательство, регулирующее сходные отношения. На наш взгляд, отсутствие минимального порога акций для акционера-истца, не означает наличие пробела⁵, который позволял бы воспользоваться механизмом аналогии закона. В противном случае отсутствие в законодательстве в любых других случаях указания на минимальный процент количества голосов (акций) для обращения в суд должно было бы рассматриваться как пробел (однако, очевидно, что это не так). Представляется странным и неверным применение аналогии по вопросу числовых значений, порогов и иных математических категорий в праве в принципе. Порог либо установлен, либо не установлен законом. Применение аналогии по обозначенному вопросу влечет неопределенность регулирования и потенциально любой вопрос переносит в плоскость спора.

В связи с этим считаем, что отсутствие в ГК РФ и в Законе об АО указания, что с иском на исключение из АО может обращаться акционер, обладающий определенным пакетом акций, означает лишь, что такой порог не установлен. В связи с этим, на наш взгляд, на сегодняшний день с таким иском может обратиться и акционер, обладающий даже 1 акцией.

В судебной практике встречаются дела, в которых требование истца направлено на исключение акционера с долей 96,46%⁶, следовательно, суды допускают возможность обращения в суд с требованием акционера-истца, которому принадлежит лишь 5,54% акций⁷.

В то же время нельзя не отметить, что некоторые ученые придерживаются идеи, что статья 10 Закона об ООО должна применяться к исключению акционера из АО по аналогии. Учитывая то, что Закон об АО не содержит никаких норм об ис-

⁵ Важно отметить, что в настоящем случае автором имеется в виду пробел правового регулирования, который позволял бы прибегнуть к аналогии закона (в то же время автор считает это пробелом-недостатком правового регулирования, о чем будет сказано далее).

⁶ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 14.06.2018 № Ф09–3180/18 по делу № А71–15959/2016 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.06.2025).

⁷ В приведенном судебном акте суд отказал в исключении, однако со ссылкой на отсутствие оснований для исключения, а не ссылкой на отсутствие у истца права на иск ввиду незначительного количества акций.

ключении, по мнению некоторых ученых, «с иском об исключении вправе обратиться другой акционер/несколько акционеров, обладающие долей в совокупности не менее 10% уставного капитала общества» [3].

На наш взгляд, в текущем правовом регулировании нельзя сделать такой однозначный вывод, поскольку, как мы указывали ранее, умолчание о минимально требуемом количестве акций для акционера-истца не означает, что существует пробел, который мог бы быть устранен посредством аналогии.

Относительно возможности применения аналогии Закона об АО к обществам с ограниченной ответственностью и, наоборот, к акционерным обществам Закона об ООО – единодушие среди судей отсутствует: одни – выступают против такой идеи¹, другие – утверждают о возможности такой аналогии². В одном из дел суд применил по аналогии статью 10 Закона об ООО к исключению акционера из АО, указав на то, что отдельного регулирования относительно исключения акционера из акционерного общества законодательством не предусмотрено³. Важно отметить, что в судебных актах не рассматривался вопрос о пороге для исключения акционера (рассматривались иные вопросы допустимости применения аналогии).

Несмотря на то, что и ООО, и АО относятся к хозяйственным обществам, считаем, что применение аналогии между указанными организационно-правовыми формами не допустимо в качестве общего правила, а возможно лишь в исключительных случаях. Иначе стирается грань между различиями обществ с ограниченной ответственностью и акционерных обществ, при том, что законодатель по-разному подходит к решению похожих ситуаций в ООО и АО⁴.

Таким образом, на текущий момент закон по-разному регулирует вопрос относительно того, кто вправе обратиться с иском об исключении из корпорации: в отношении ООО – истец обязан обладать не менее 10% доли в уставном капитале, в отношении АО – истцом может быть лицо, обладающее даже 1 акцией.

В конструкции корпоративных споров об исключении участников важное значение невольно при-

обретает право свободного выхода из состава общества⁵ (законодательство по-разному подходит к вопросу выхода из ООО и из АО).

Статья 26 Закона об ООО прямо предусматривает возможность закрепления в уставе права на свободный выход из ООО, в результате чего вышедший участник вправе требовать выплаты действительной стоимости доли от самого общества.

В то же время законодательство не допускает возможность свободного выхода из АО. Особенностью акционерных обществ является то, что «при выходе акционера из состава его участников путем отчуждения акций акционер может требовать компенсации только от своего контрагента, а не от общества» [2]. Правоведы отмечают, что «законодательство обеспечивает стабильность имущественного положения акционерного общества и по общему правилу не допускает выход акционеров из состава участников с какими-либо выплатами в пользу акционеров со стороны общества» [5].

«Выход» из АО (путем обязания акционерного общества выкупить принадлежащие акционеру акции) возможен в прямо указанных в законе случаях (статья 75 Закона об АО): например, в ситуации, когда принято решение об одобрении крупной сделки (стоимость имущества – более 50% балансовой стоимости) или внесены изменений в устав, ограничивающие права акционера, при этом «выходящий» акционер должен был голосовать против таких решений.

На наш взгляд, причиной отсутствия в Законе об АО минимального порога акций, при наличии которого акционер вправе требовать исключения другого акционера обусловлен тем, что акционеру не предоставлено право на свободный выход. В связи с этим исключение участника из хозяйственного общества и возможность участника выйти из такого общества – напрямую взаимосвязанные правовые институты.

На наш взгляд, отсутствие минимального количества акций, при наличии которых акционер вправе требовать исключения другого из АО, является недостатком правового регулирования⁶. Однако для установления минимального порога акций – сначала нужно закрепить право акционера выйти из состава АО (как это предусмотрено сейчас для ООО).

¹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 21.02.2022 № 09АП-3113/2022 по делу № А40-165622/2021, Решение Арбитражного суда г. Москвы от 20.10.2021 по делу № А40-88877/21-58-621 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.06.2025).

² Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 02.11.2022 № 09АП-69398/2022 по делу № А40-83522/2022 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.06.2025).

³ Решение Арбитражного суда Республики Крым от 30.11.2023 по делу № А83-8583/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.06.2025).

⁴ Например, правом внести дополнительный вопрос в повестку дня обладают акционеры (акционер), являющиеся в совокупности владельцами не менее чем 2% голосующих акций (статья 53 Закона об АО), в то же время в ООО требование к размеру доли отсутствует – любой участник общества вправе вносить предложения о включении в повестку дня общего собрания участников (статья 36 Закона об ООО).

⁵ Хотя высшая судебная инстанция в существующих разъяснениях подчеркивала, что исключение мажоритарного участника из ООО не связано с наличием и отсутствием у него права на свободный выход (о чем будет сказано далее).

⁶ Отметим, что автор разграничивает пробел правового регулирования и недостаток правового регулирования. Так, пробел может быть устранен аналогией и является во многих случаях следствием несовершенства законодательной техники. Недостаток же правового регулирования не может быть решен путем применения аналогии, а обусловлен какими-то мотивами (которые автор считает неверными). В настоящем случае отсутствие минимального порога акций для исключения из непубличного АО обусловлено, на наш взгляд, отсутствием права на свободный выход. Однако автор считает неверным как отсутствие права на выход из непубличного АО, так и отсутствие минимального порога для того, чтобы акционер был вправе обратиться с иском об исключении другого.

Важно отметить, что в рамках статьи автор говорит только о непубличных акционерных обществах (в отношении публичных, безусловно, должно существовать иное правовое регулирование, обусловленное тем, что акции свободно обращаются на торгах, и элемент лично-доверительных отношений не играет никакой роли в публичном акционерном обществе (далее – ПАО), где зачастую акционеры вообще не знают друг друга, а ПАО является чистой формой объединения капиталов).

Причиной установления минимальных порогов для возможности обращения в суд является / должна являться необходимость защиты гражданско-го оборота от злоупотреблений со стороны участников ООО (акционеров АО) путем предъявления многочисленных исков «микро-миноритариями» для дестабилизации деятельности корпорации, ухудшения ее привлекательности для сотрудничества в связи с наличием большого числа судебных споров.

Такой недостаток (отсутствие минимального количества акций для акционера-истца) может быть устранен только законодателем, поскольку установление минимального порога по своей правовой природе означает ограничение для реализации права на обращение в суд.

Исключение мажоритарного участника / акционера

В российском законодательстве отсутствует запрет на исключение мажоритария. В 2019 году Верховный Суд РФ указал, что «равное распределение долей между сторонами корпоративного конфликта не являются основаниями для отказа в иске об исключении участника из общества»¹. Это означает, что можно исключить участника с долей 50%.

Относительно возможности же исключения участника с долей более 50% в 2012 году высказывался ВАС РФ, согласно позиции которого «исключение из ООО участника, обладающего долей в размере *более* 50% уставного капитала общества, возможно только в том случае, если участники в соответствии с уставом не имеют права свободного выхода из общества»². Учеными высказывалась позиция, что такой подход не может применяться к АО, поскольку из акционерного общества возможность выхода не предусмотрена [6].

В 2019 году Верховный Суд РФ указал, что «закон не устанавливает ограничений на исключение из общества с ограниченной ответственностью его участника, обладающего *более* чем 50 процента-

ми долей в уставном капитале общества»³. Следовательно, в соответствии с позицией высшей судебной инстанции возможность исключения мажоритарного участника не связана с наличием права на выход из общества. В связи с этим, на наш взгляд, позиция ВС РФ от 2019 года фактически отменяет ранее высказанную позицию ВАС РФ от 2012 года. Однако нельзя не отметить, что несмотря на «новую позицию» ВС РФ, некоторые суды продолжают ссылаться на «старую позицию» ВАС РФ⁴.

Другие же суды верно (со ссылкой на «новую позицию» ВС РФ) отклоняют довод подобного рода, поскольку закон не устанавливает ограничений на исключение участника с долей более 50% и не связывает возможность исключения мажоритария с наличием права на выход⁵.

В связи с этим суды без сомнений приходят к выводу о возможности исключения мажоритарного участника с долей 51%⁶ или с долей 60%⁷, хотя в этих спорах доля истца (исключающего участника), очевидно, меньше, чем доля ответчика (исключаемого участника).

Суды допускают ситуации, когда по иску участника с долей 14,085% исключены 3 участника, обладающие в совокупном объеме долей 85,915% (1–53,77%, 2–18,06%, 3–14,085%), поскольку установлено, что на фоне длительного корпоративного конфликта мажоритарный участник и поддерживающая его группа миноритарных участников общества преследовали цель не допустить получения финансовой выгоды негодным миноритарным участником, совершали недобросовестные действия по выводу активов общества⁸.

В другом деле из состава ООО исключен мажоритарный участник с долей 75%, при этом суд отклонил довод о том, что исключение мажоритарного участника может привести к фактическому прекращению деятельности компании или существенному ее затруднению, поскольку исключаемый участник полностью утратил интерес в управлении ООО на протяжении более трех лет⁹.

³ Пункт 8 Обзора о хозяйственных обществах.

⁴ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14.02.2023 № Ф07–22843/2022 по делу № А56–20307/2022 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.06.2025).

⁵ Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.07.2024 № 11АП-8969/2024 по делу № А55–30223/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.06.2025).

⁶ Решение Арбитражного суда Омской области от 26.12.2024 по делу № А46–16264/2024 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.06.2025).

⁷ Решение Арбитражного суда Смоленской области от 18.12.2024 по делу № А62–4693/2024 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.06.2025).

⁸ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 27.08.2024 № Ф04–3640/2023 по делу № А27–4928/2022 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.06.2025).

⁹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 26.09.2024 № 09АП-48094/2024 по делу № А40–209413/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.06.2025).

¹ Пункт 7 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019 (далее – Обзор о хозяйственных обществах) // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 5, май, 2020.

² Пункт 11 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 24.05.2012 № 151 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью» (далее – Письмо № 151) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.06.2025).

В обозначенном ключе высказался и Верховный Суд РФ: «невозможность исключения участника, обладающего 50 и более процентами долей в уставном капитале и препятствующего деятельности общества, также потенциально влекло бы за собой наступление неблагоприятных социально-экономических последствий ..., альтернативой чему оказывалась бы ликвидация юридического лица по иску участника, то есть полное прекращение деятельности»¹.

В то же время учеными выдвигается тезис, что «количество акций исключающего участника во всяком случае должно быть больше количества акций исключаемого участника» [6]. Такой тезис объясняется тем, что имущественный интерес истца (исключающего участника) должен быть не меньше имущественного интереса ответчика (исключаемого участника).

На наш взгляд, указанный довод неверен ввиду следующего.

Во-первых, законодательный запрет на исключение участника с долей более 50% отсутствует. Автор понимает, что указанная причина является формально-юридической, поскольку ссылается на ныне действующее законодательное регулирование. Тем не менее, нельзя не упомянуть этот тезис.

Во-вторых, больший размер доли не означает, что такой участник имеет больший имущественный интерес в сохранении общества и управлении делами общества. Иной подход приводил бы к тому, что мажоритарный участник (например, с долей 51%) получал бы индульгенцию на исключение из ООО / АО только по причине наличия большей доли / большего числа акций. Безусловно, законодатель не вкладывал такую идею в правовое регулирование по анализируемому вопросу. Механизм исключения участника из хозяйственного общества построен не по принципу «у кого больше доля», а по принципу «кто грубо нарушает свои обязанности перед ООО / АО, либо кто затрудняет деятельность корпорации». Обозначенный же тезис, что доля истца должна быть всегда больше доли ответчика (исключаемого участника), означал бы, что участника с долей 51% в принципе нельзя было бы исключить. На наш взгляд, отсутствуют какие-либо законодательные, политико-правовые и экономические препятствия для исключения мажоритарного участника / акционера.

Нам кажется верным с теоретической точки зрения подход, в соответствии с которым суды допускают исключение мажоритарного участника, руководствуясь интересами ООО или АО. Принцип «наличие мажоритарного статуса само по себе избавляет участника от возможности исключения» явно не отвечает целям института исключения из состава АО и ООО.

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 03.09.2024 № 305-ЭС23-30144 по делу № А40-265796/2022 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.06.2025).

Необходимо отметить, что некоторые суды критически подходят к вопросу исключения участника с долей 90%, поскольку, по их мнению, в конкретно рассматриваемых ими случаях это приведет к банкротству общества, прекращению его деятельности, что противоречит назначению нормы об исключении, так как обществу придется выплачивать действительную стоимость доли исключаемого участника (90%)².

Установление минимального порога имеет своей целью разгрузить суды от исков со стороны миноритариев и перенести часть корпоративных споров (конфликтов) из судов в плоскость переговоров. По нашему мнению, установление каких-либо ограничений для реализации права возможно при наличии двух условий: если такое ограничение направлено на стабильность гражданского оборота и хозяйственной деятельности, и/или если в отсутствие ограничения имеется опасность злоупотребления правом.

Ограничения в реализации (и защите) принадлежащих прав имеет своей целью «поиск и установление баланса интересов участников корпорации, самого юридического лица, а в предусмотренных законом случаях также кредиторов и иных третьих лиц» [1].

Конкретный порог для возможности обращения в суд (например, 10% для участника ООО) – это прерогатива законодателя, который может волюнтаристски установить такой порог (10%, 15% или иной другой). В большинстве случаев, на наш взгляд, четкого экономического и/или политико-правового обоснования этого порога в действительности не существует.

Некоторые ученые высказывают суждения о произвольности порога в 10% уставного капитала в российском Законе об ООО, сравнивая с европейскими правовыми порядками, в которых порог установлен значительно выше – например, 50% в Польше [4].

Представляется, что отличие в регулировании между ООО и непубличным АО в части минимального порога необоснованно, поскольку, на наш взгляд, отсутствуют причины для различий в обозначенном контексте с учетом того, что непубличное АО по своей природе очень близко к ООО.

Тем не менее, ныне существующий порог в 10% кажется нам необоснованно низким, поскольку формально позволяет участнику с долей 10% исключить участника с долей 90%. Хотя установление порога является правом законодателя, считаем, что должна быть логика в установлении того или иного числового значения. В ситуации, когда спор об исключении, как правило, сосуществует с корпоративным конфликтом участников – важно понять, что будет наиболее оптимальным решением, чтобы корпорация продолжила деятельность, а участник-нарушитель покинул такую корпора-

² Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 05.08.2024 № 09АП-34489/2024 по делу № А40-261016/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.06.2025).

цию, либо наоборот остался в этой корпорации один (а все остальные могли бы выйти, получив действительную стоимость своей доли до того, как бизнес из-за действий участника-нарушителя вообще не пришел в упадок).

Выводы

В результате проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1) Российское законодательство не содержит минимального порога акций, которым должен обладать потенциальный истец-акционер для исключения другого из непубличного акционерного общества.

2) Допустимо исключение мажоритария из хозяйственного общества. Отсутствует необходимость, чтобы доля исключаемого участника (истца) была больше доли исключаемого участника (ответчика).

3) Наличие отличий в регулировании в отношении ООО (в котором установлен минимальный порог для истца в 10%) по сравнению с АО обусловлено тем, что в АО право на «выход» (путем обязательства выкупить акции) ограничено строго определенными случаями.

4) Необходимо установить минимальный порог акций, при наличии которых акционер в непубличном АО вправе обратиться в суд с иском; однако установление такого порога должно быть сопряжено с установлением возможности немотивированного выхода из акционерного общества.

5) В ООО и непубличном АО должен быть законодательно установлен одинаковый порог для участника и акционера, при наличии которого он вправе требовать исключения другого. При этом ныне существующий порог для участника ООО в 10% необходимо повысить.

Литература

1. Александрова А.С. Способы ограничения права на управление в корпорации: общая характеристика и отличительные особенности // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2023. № 3. С. 37–41.
2. Гришаев С.П. Эволюция законодательства о юридических лицах // СПС КонсультантПлюс. 2015.
3. Краецкая Е. Исключение акционера из общества // Юридический справочник руководителя. 2023. № 1. С. 66–74.
4. Кузнецов А.А. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью. М.: Статут, 2014. 141 с.

5. Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики). Выпуск 30 / О.А. Беляева, М.М. Вильданова, О.В. Гутников и др.; отв. ред. О.В. Гутников, С.А. Сеницын. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Инфотропик Медиа, 2024. 124 с.
6. Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. / Е.Г. Афанасьева, В.А. Вайпан, А.В. Габов и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2018. Т. 2. 990 с.

EXCLUSION OF A PARTICIPANT FROM A BUSINESS ENTITY (DEPENDENCE OF THE RIGHT TO SUE ON THE NUMBER OF THE SHARES)

Guseva A.A.

The article analyses the problem of the minimum number of shares that a shareholder (a potential claimant) should have in order to have right to file a lawsuit to exclude another one from a non-public joint-stock company. The author concludes that the current Russian legislation does not establish this minimum number. Moreover, the author thinks that it is impossible to apply in this matter an analogy with a limited liability company (for which the minimum amount is 10% of the share in the authorized capital) due to the inadmissibility of using an analogy with numerical and mathematical categories. However, the author believes that the absence of a legally specified number of shares should be considered as a lack of legal regulation, which can be eliminated only by the legislator.

The article also contains the analysis of the possibility of excluding a majoritarian. The author concludes that the exclusion is not based on the principle «the majority shareholder cannot be excluded because of a larger number of shares», but exclusion is based on the principle of «it is possible and necessary to exclude someone who violates his duties to a company, or who makes the company's operation impossible or difficult». Therefore, if there are grounds, it is possible and necessary to exclude even the majority participant.

Keywords: civil law; analogy; exclusion from a legal entity; corporation; corporate dispute; corporate conflict; limited liability company; joint stock company; legal entity; minimum amount of shares; majoritarian.

References

1. Aleksandrova A.S. Methods of limiting the right to management in a corporation: general characteristics and distinctive features // Journal of Entrepreneurial and Corporate Law. 2023. No. 3. pp. 37–41.
2. Grishaev S.P. Evolution of legislation on legal entities // SPS ConsultantPlus. 2015.
3. Kraetskaya E. Exclusion of a shareholder from a company // Legal reference book of the manager. 2023. No. 1. pp. 66–74.
4. Kuznetsov A.A. Exclusion of a participant from a limited liability company. Moscow: Statut, 2014. 141 p.
5. Commentary on the practice of considering economic disputes (judicial and arbitration practice). Issue 30 / O.A. Belyaeva, M.M. Vildanova, O.V. Gutnikov et al.; resp. ed. O.V. Gutnikov, S.A. Sinityn. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Moscow: Infotropic Media, 2024. 124 p.
6. Corporate Law: training course: in 2 volumes / E.G. Afanasyeva, V.A. Vaypan, A.V. Gabov et al.; ed. I.S. Shitkina. Moscow: Statut, 2018. Vol. 2. 990 p.

Цифровизация правовых инструментов и способов урегулирования конфликтов: основные подходы и национальные сценарии развития

Драчев Артем Валерьевич,

аспирант Юридического института Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы
E-mail: drachev.av1@gmail.com

В статье рассматриваются процессы цифровизации правовых инструментов и альтернативных способов разрешения конфликтов с участием хозяйствующих лиц, а также физических лиц. Автор представляет обзор начального этапа внедрения электронных и цифровых технологий в юридическую деятельность и способы разрешения социально-правовых конфликтов. Обстоятельно обсуждаются современные тенденции цифровой трансформации инструментов и способов урегулирования конфликтов. В содержание работы выделяются и анализируются три основных подхода к пониманию роли и значения цифровых технологий как в урегулировании конфликтов, так и в целом в правовой жизни общества. Отдельно в работе обсуждаются ключевые сценарии развития цифровой трансформации правовых инструментов и способов урегулирования конфликтов. При этом доказывается, что социально-правовые, национальные, профессиональные, этические стандарты и государственно-правовой опыт конкретной общественной системы должны стать базовыми для цифровой трансформации правовых способов и развития инновационных инструментов разрешения конфликтов.

Ключевые слова: законодательство, правовая доктрина, социально-экономические конфликты, право, цифровизация, цифровые технологии, цифровая экономика, юридическая деятельность.

Введение

Сегодня цифровые технологии активно внедряются в разнообразные общественные отношения, стремясь оптимизировать различные социально-экономические издержки, придать мобильность и скорость социальным интеракциям. Все это можно отнести и к использованию цифровых технологий в разрешение частноправовых конфликтов. Внедрение данных технологий, с одной стороны, призвано обеспечить мобильность, скорость, удобство и комфорт в урегулировании споров и разрешение конфликтов; а, с другой – это необходимый инструмент современной цифровой экономики.

Цифровая экономика по своей сути глобальна и экономические интеракции происходят между различными хозяйствующими субъектами, имея трансграничный характер. Частные потребители из различных государств вступают посредством глобальных цифровых платформ и веб-приложений в целый спектр социально-экономических сделок. В рамках данного взаимодействия неизбежно возникают противоречия, споры и конфликты. Урегулирование и разрешение которых также обеспечивается разнообразными цифровыми инструментами и онлайн сервисами.

Именно альтернативные цифровые сервисы, онлайн-правосудие и различные (государственные, межгосударственные, международные и частные) интерактивные площадки разрешения споров и урегулирования конфликтов появились как удобный инструмент мобильного решения последнего. Кроме того, последние стали и эффективной формой «разгрузки» национальных систем правосудия, обеспечивая быстроту и вместе с тем сохраняя «качество» в разрешении конфликтов.

Конечно, сущность и характеристики данных цифровых альтернативных услуг в современной теории права и цивилистики только начинает концептуально оформляться [1]. Очевидно, что развитие как самих цифровых технологий, так и цифровых форм разрешения конфликтов порождает объективную необходимость в нормативном регулировании данной деятельности, формирование стандартов и типовых процедур в реализации альтернативных способов разрешения конфликтов. Именно в этом направлении сегодня реализуется цифровая трансформация правовых и альтернативных способов разрешения конфликтов. Вместе с появлением специализированных цифровых платформ и сервисов принимаются как на уровне государства, так и на уровне профессиональных сообществ соответствующие правовые нормы

и деонтологические стандарты (профессиональные регламенты, положения, требования и т.д.).

Основные векторы цифровизации правовых способов урегулирования конфликтов

Первоначально процессы цифровизации начали активно развиваться в рамках системы правосудия. В различных странах начали использоваться, с одной стороны, электронные технологии для обработки документов, хранения и обмена судебной информации; а, с другой – развитие информационно-коммуникативных технологий позволило сформировать новые дистанционный форматы взаимодействия судебных органов и населения, проведения судебных процессов в цифровом формате.

Например, в Германии в одной из первых европейских стран был внедрен электронный документооборот и режим видеоконференции в судебном процессе, а также защищенная система информационно-коммуникативного обмена между судами и другими государственными органами [2]. Был принят специализированный нормативный правовой акт – Justizmodernisierungsgesetz [3] («Об использовании электронных форм коммуникации в судопроизводстве»), регламентирующий порядок подачи искового заявления в электронном формате, регламент дистанционного участия в судебном процессе и др. Соответствующие изменения были внесены и в Гражданское процессуальное уложение Германии.

Отдельным направлением судебной реформы в Германии выступает интеграция систем искусственного интеллекта, которые обеспечивают машинную систематизацию документов, экспертный алгоритмический анализ дел, генерацию правовых документов, а также архивирование текстов судебных решений и проч. С технологии нейросетей извлекаются и систематизируются метаданные, что обеспечивает мобильное функционирования системы правосудия (например, позволяет судьям, их помощникам и секретарям в мобильном режиме обрабатывать большое количество документов и данных [4]). Сегодня активно в Германии разрабатывается специализированный закон о регулировании использования систем искусственного интеллекта [5], в рамках реализации Стратегии федерального правительства в области ИИ [6].

Схожие процессы реализуются и в других зарубежных странах. Во Франции начали повсеместно внедряться автономные алгоритмические программы для реализации доступного правосудия в рамках общей национальной судебной реформы [7].

В США концепт и доктрина электронного правосудия зародилась еще до того, как это стало мейнстримом в правовой теории и юридической деятельности. В 1973 году в доктрине безотлагательного судебного рассмотрения (Speedy Trial Act) появился концепт – «электронное правосудие», а уже в 1974 году сдобным центром была объявлена программа «COURT'N», предполагающая органи-

зацию электронного учета и контроля за сроками рассмотрения гражданских и уголовных дел. Годом позже (в 1974 г.) появилась комплексная система автоматизации гражданского и уголовного судопроизводства – Integrated Court Management System [8].

Сегодня США также имеет децентрализованную платную систему доступа к судебным делам – PACER, позволяющую онлайн-доступ к федеральным апелляционным и арбитражным судам. Одно из ключевых направлений развития современной системы правосудия в США выступает внедрение роботов-судей, формирования соответствующего правового режима применения и функционирования последних, отвечающего американским правовым традициям, действующим федеральным стандартам и юридической практики Штатов [9].

По этому же пути идут сегодня многие страны: Евросоюз разрабатывает регламенты использования роботов-помощников для судей и форматы алгоритмического судебного процесса, реализуемого полностью в автономном формате на основе интеграции нейронных систем; Сингапур внедрил систему Electronic Filing System, позволяющую автоматически проверяет и обрабатывает документы судебного делопроизводства; КНР запустила цифровые суды, рассматривающие дела исключительно в виртуальном пространстве, а них также используются алгоритмические судебные программы (ИИ-судьи), предлагающие автономно сгенерированные машинами судебные решения; Малайзия тестирует национальную систему «ИИ-прокуроров», которые помогают судам с мобильным вынесением решений [10].

В Российской Федерации также идет разработка цифровых судебных сервисов и платформ, например, комплексной платформы – «Правосудие онлайн», с помощью которой возможно дистанционно подавать иски, осуществлять автоматический расчет госпошлин, подключать онлайн-уведомления и оповещения, а также участвовать дистанционно в судебных заседаниях, мгновенно получая судебные решения. Проект разрабатывается начиная с 2020 года в рамках национальной программы «Цифровая экономика РФ», отдельные практики уже внедряются в различных регионах России, подготовлен проект нормативного правового акта (более подробно об этом мы остановимся ниже).

При этом справедливо отмечается, что «использование ИИ в судебной системе требует наличия официальной правовой основы, особенно когда способ обработки данных может привести к вмешательству в основные права субъекта данных. Необходимость совершенствования законодательства, создание правовых основ использования ИИ – первостепенные задачи каждого современного государства. По мнению представителей Европейской комиссии по эффективности правосудия, последние достижения в области цифрового правосудия являются реальными возможностями для повышения качества и эффективности право-

судия. В то же время они представляют собой новые вызовы для соблюдения основополагающих принципов судебного разбирательства, основных гарантий судебных систем, таких как верховенство закона, независимость и беспристрастность судьи, принцип состязательности судебного разбирательства или защита основных свобод» [11, с. 41].

Сегодня интегрированные цифровые помощники и генеративные системы ИИ обеспечивают сопровождение всех этапов разрешения споров, всем участникам спора разъясняются правовые и другие последствия выбранной стратегии поведения, даются применительно к конкретному случаю и субъектам переговорного процесса – рекомендации. Если помощь цифровых интеллектуальных помощников не способствует улаживанию спора и решению конкретного вопроса, то цифровая платформа подбирает и предлагает медиатора. Последний в онлайн формате проводит примирительные процедуры в удобном для сторон спора временном графике. Если это не приводит к урегулированию конфликта платформа Modria обеспечивает следующий этап – цифровой арбитраж.

Основные подходы в понимании роли и значения цифровых способов урегулирования конфликтов

В настоящее время происходит интенсивное развитие и внедрение альтернативных практик разрешения споров и конфликтов посредством цифровых технологий и различных алгоритмических решений. Так, «анализ практики показывает, что в настоящий момент существует большой массив (более 60), так называемых поставщиков ODR (сокращение от англ. Online Dispute Resolution – онлайн урегулирование споров – А.Д.), иначе сервисы, платформы, веб-приложения для разрешения споров онлайн и пр. При этом инструменты ODR могут существовать отдельно или быть неотъемлемой частью электронных торгов» [12, с. 27].

В то же время как в отечественной, так и в зарубежной практике еще не сложилось четкой дефиниции альтернативных способов урегулирования споров и разрешения социально-экономических конфликтов с использованием цифровых технологий (интеллектуальные помощники, цифровые медиаторы и т.п.) и интеркоммуникативных инструментов (онлайн приложения, веб-сервисы и проч.). Как отмечалось выше, в настоящее время, в правовых документах и юридической практике используются различные понятия и термины, сформированные преимущественно евро-американской правовой культуре. В отечественной правовой науке и практике в основном используются переводы данных понятий – «онлайн урегулирование споров» (Online dispute resolution, ODR); интернет-разрешение споров (Internet dispute resolution, IDR); электронные формы разрешения споров (Electronic dispute resolution, EDR) и др.

В том числе нет единства и в трактовки сущности и роли данного инновационного феномена в правовой жизни общества и юридической прак-

тике. Здесь можно выделить две основные, доминирующие позиции как в правовой концептуализации, так и в содержательном обосновании цифровых альтернативных форм, технологий, способов и инструментов урегулирования конфликтов.

Первую позицию можно обозначить как инструментальную. Согласно которой цифровая эпоха ведет к тому, что традиционные способы и инструменты неизбежно оцифровываются. Аналоговые инструменты получения, обработки, хранения и передачи данных трансформируются в цифровой формат. Соответственно, цифровизации подвержены и разнообразные формы аналогового взаимодействия, коммуникации, разрешения споров и конфликтов. Человек начинает использовать новые цифровые инструменты, замещающие аналоговые, которые становятся менее эффективны и мобильны. В этом контексте сущность и роль альтернативных способов разрешения конфликтов, а также суть и процедуры данной профессиональной деятельности не меняются. Юристы получают просто более совершенные, мобильные и эффективные инструменты для осуществления своей профессиональной деятельности.

Вторая позиция, обозначим ее как смешанную, гибридную модель. В рамках которой акцент делается на «синергии альтернативного разрешения споров и информационно-коммуникативных технологий как метода конфликто разрешения для споров, динамично проистекающих в сети Интернет» [12, с. 24]. В данном случае речь идет не столько о цифровизации привычных инструментов разрешения конфликтов, сколько о появлении нового альтернативного метода разрешения споров. А это в свою очередь, ведет и к формированию соответствующих регламентов, согласительных процедур, правовых, технологических и других требований.

В Российской Федерации также идет активное внедрение данных цифровых форм и создание правовых основ регулирования данной инновационной деятельности. Так, например законопроект № 1138398–7 О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» и Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» в части создания правовой основы для развития системы альтернативных онлайн-механизмов урегулирования споров, внесен в программу заседания Государственной Думы РФ на июль 2025 года [13].

Все эти примеры иллюстрирует, что онлайн форматы и интеркоммуникативные технологии альтернативного разрешения конфликтов сегодня это не столько новый инструмент, облегчающий социально-правовое взаимодействие хозяйствующих субъектов, сколько новые формы организации социально-правовых отношений.

Мы согласны со второй позицией, однако, считаем, что можно сформулировать и более общий – *третий подход*. Согласно которому, учитывая рассмотренный в первой главе процесс цифровой трансформации общественных отношений, ин-

струментальный и гибридный (смешанный) подходы – это начальные этапы данной трансформации. Другими словами, инструментальный подход – отражает первый этап цифровизации общественных отношений, когда аналоговые инструменты юридической деятельности переводились в цифровой вид. В свою очередь, гибридный подход – это второй этап цифровой трансформации, когда цифровые инструменты сформировали как новые общественные отношения, так и инновационные формы их организации.

В данном случае уместна аналогия с методологической схемой развития явлений Г.В.Ф. Гегеля: два противоречия феномена – аналоговые, традиционные способы (тезис) и инновационные, цифровые формы (антитезис), столкнувшись породили принципиально новое социально-правовое явление (синтез) [14].

Третий подход позволяет нам говорить о становлении нового правового явления (социально-технологического феномена), которое имеет как общеправовые характеристики, так и собственные, специфические траектории развития. Выше уже отмечалось, что цифровизация любой социальной деятельности создает два ориентированных процесса – социального и технологического развития.

Поэтому в процессе программирования алгоритмической архитектуры и математического моделирования, например отношений связанных с разрешением споров и регулированием конфликтов, особенно с использованием систем искусственного интеллекта обуславливает то, что развитие данного социально-правового феномена подвержено как социокультурным закономерностям развития, а также траекториям технологического развития (совершенствование в процессе обучения систем ИИ).

Кроме того, в процессе машинного обучения *с одной стороны*, цифровые институты (цифровые платформы, веб-сервисы и т.п.) обучаются и функционируют в рамках определенных рамок (этических, правовых, технических), что формирует определенную траекторию их развития; а, *с другой стороны* – процесс машинного обучения реализуется на определенном социокультурном материале.

В этом плане важным являются какие социокультурные, этнические, правовые и другие принципы, стандарты и опыт становится основой для машинного обучения. В реальной практике все это создает специфические режимы работы цифровых алгоритмов и автономных роботизированных систем. Именно на основании последних в последующем разрешаются разнообразные споры и конфликты, осуществляется *правокультурное доминирование* над отдельными (локальными) правовыми пространствами и реализуется *правовая унификация* разнообразных общественных отношений.

Также подчеркнем важный аспект цифровой трансформации альтернативных способов решения конфликтов, который заключается в том, что

выделенные социально-культурные направления и технологические траектории развития существенно влияют не только на формирование новых общественных отношений, социально-правовых и технологических форм их организации, но и выступает значимым источником развития самого права.

Третий подход позволяет нам говорить о становлении нового правового явления (социально-технологического феномена), которое имеет как общеправовые характеристики, так и собственные, специфические траектории развития. В процессе программирования алгоритмической архитектуры и математического моделирования, например отношений связанных с разрешением споров и регулированием конфликтов, особенно с использованием систем искусственного интеллекта обуславливает то, что развитие данного социально-правового феномена подвержено как социокультурным закономерностям развития, а также траекториям технологического развития (совершенствование в процессе обучения систем ИИ).

Из этого следует, что в процессе машинного обучения *с одной стороны*, цифровые институты (цифровые платформы, веб-сервисы и т.п.) обучаются и функционируют в рамках определенных рамок (этических, правовых, технических), что формирует определенную траекторию их развития; а, *с другой стороны* – процесс машинного обучения реализуется на определенном социокультурном материале. В этом плане важным являются какие социокультурные, этнические, правовые и другие принципы, стандарты и опыт становится основой для машинного обучения. В реальной практике все это создает специфические режимы работы цифровых алгоритмов и автономных роботизированных систем. Именно на основании последних в последующем разрешаются разнообразные споры и конфликты, осуществляется *правокультурное доминирование* над отдельными (локальными) правовыми пространствами и реализуется *правовая унификация* разнообразных общественных отношений.

Заключение

При внедрении систем искусственного интеллекта и нейросетей в процедуру разрешения социально-экономических конфликтов следует учитывать два аспекта: 1) цифровые институты (цифровые платформы, веб-сервисы, онлайн режимы и т.п.) обучаются и функционируют в рамках определенных рамок (этических, правовых, технических), что формирует определенную траекторию их развития; 2) процесс машинного обучения реализуется на определенном социокультурном материале. В этом плане важным являются какие социокультурные, этические, правовые и другие принципы, стандарты и правовой опыт становится основой для машинного обучения.

В рамках цифровой трансформации способов и инструментов разрешения конфликтов

социально-культурная специфика и технологические траектории развития существенно влияют не только на формирование новых общественных отношений, но и выступает значимым источником развития самого права. В реальной практике все это создает специфические режимы работы цифровых алгоритмов и автономных роботизированных систем. Превалирование евро-американских стандартов и регламентов в развитии цифровых способов разрешения социально-экономических конфликтов противоречит национальным целям развития России, ведет к правокультурному доминированию последних над отдельными (локальными) правовыми пространствами и реализует глобальную правовую унификацию национальных траекторий цифровой трансформации, а также формирует угрозы цифровому суверенитету и кибербезопасности

Правовая политика государства должна быть ориентирована на формирование новых институтов и нормативных комплексов, сочетающих как потенциал социально-нормативных систем (морали, традиций, обычаев и т.д.), характеристики и закономерности развития общественных отношений, так и технологические стандарты и требования, а также принципы и траектории развития сложных технологических систем современности. Здесь требования безопасного развития цифровых технологий, систем искусственного интеллекта, сочетаются с требованиями защиты прав и свобод граждан.

Литература

1. Русакова Е.П. Воздействие цифровизации на гражданское судопроизводство в России и за рубежом: опыт Китая, Индии, Сингапура, Европейского Союза, США, ЮАР и некоторых других стран. Дисс... докт. юр.наук. М.: РУДН, 2021. 375 с.
2. Проскурякова М.И. Электронное правосудие в Германии: актуальное состояние и перспективы развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. № 3. С. 433–447.
3. Gesetz zur Reform des Verfahrens bei Zustellungen im gerichtlichen Verfahren (Zustellungsreformgesetz – ZustRG) v. 25.06.2001 // Bundesgesetzblatt. 2001. I. № . 29.
4. Галкина Н.М., Кузнецова Д.В., Воробьев М.А. Зарубежный опыт применения искусственного интеллекта в судебной системе // Судебная власть и прокуратура. 2023. № 3. С. 35–44.
5. Tribess A. Artificial Intelligence. Germany // Global Legal Post. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.globallegalpost.com/lawoverborders/artificial-intelligence-1272919708/germany-623281725> (дата обращения 24.06.2025 г.).
6. Strategie Künstliche Intelligenz der Bundesregierung. Stand: November 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/997532/1550276/3f-7d3c41c6e05695741273e78b-8039f2/2018-11-15-ki-strategie-data.pdf> (дата обращения 24.06.2025 г.).
7. Лузина А.Н. Цифровая реформа правосудия: Франция и Россия. (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. 2022. № 3. С. 110–119.
8. Грудцина Л.Ю. Электронное правосудие в США // Экономика и право. XXI век. 2025. № 1. С. 35–387
9. Быков А. В., Нарская А.И. Закон, мораль и машинное обучение: взгляд судей на сущность и перспективы роботизации и правосудия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 5. С. 278–298.
10. Глобальный атлас регулирования искусственного интеллекта 2024: исследование мирового опыта. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ai.radensa.ru/archives/1529> (дата обращения 24.06.2025 г.).
11. Галкина Н.М., Кузнецова Д.В., Воробьев М.А. Зарубежный опыт применения искусственного интеллекта в судебной системе // Судебная власть и прокуратура. 2023. № 3.
12. Иншакова А.Г., Тымчук Ю.А. Цифровые технологии альтернативных методов разрешения споров: зарубежная практика и перспективы применения в России // Право и управление. XXI век. 2018. № 1(46).
13. Законопроект № 1138398–7 // Система обеспечения законодательной деятельности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1138398-7> (дата обращения 21.06.2025 г.).
14. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Наука, 1990.

DIGITALIZATION OF LEGAL INSTRUMENTS AND CONFLICT RESOLUTION METHODS: KEY APPROACHES AND NATIONAL DEVELOPMENT SCENARIOS

Drachev A.

Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia Patrice Lumumba

The article examines the processes of digitalization of legal instruments and alternative ways to resolve conflicts involving business entities, as well as individuals. The author provides an overview of the initial stage of the introduction of electronic and digital technologies into legal activity and ways to resolve socio-legal conflicts. The current trends of digital transformation of conflict resolution tools and methods are discussed in detail. The content of the work identifies and analyzes three main approaches to understanding the role and importance of digital technologies both in conflict resolution and in the legal life of society in general. Separately, the paper discusses key scenarios for the development of digital transformation of legal instruments and conflict resolution methods. At the same time, it is proved that socio-legal, national, professional, ethical standards and the state-legal experience of a particular public system should become the basis for the digital transformation of legal methods and the development of innovative conflict resolution tools.

Keywords: legislation, legal doctrine, socio-economic conflicts, law, digitalization, digital technologies, digital economy, legal activity.

References

1. Rusakova E.P. The impact of digitalization on civil proceedings in Russia and abroad: the experience of China, India, Singapore, the European Union, the USA, South Africa and some other countries. Dissertation of the Doctor of Law, Moscow: RUDN University, 2021. 375 p.
2. Proskuryakova M.I. Electronic justice in Germany: current state and development prospects // Bulletin of St. Petersburg University. Right. 2018. No. 3. pp. 433–447.
3. Gesetz zur Reform des Verfahrens bei Zustellungen im gerichtlichen Verfahren (Zustellungsreformgesetz – ZustRG) v. 25.06.2001 // Bundesgesetzblatt. 2001. I. No. 29.
4. Galkina N.M., Kuznetsova D.V., Vorobyev M.A. Foreign experience of using artificial intelligence in the judicial system // Judicial power and prosecutor's office. 2023. No. 3. pp. 35–44.
5. Tribess A. Artificial Intelligence. Germany // Global Legal Post. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.globallegal-post.com/lawoverborders/artificial-intelligence-1272919708/germany-623281725> (accessed 06/24/2025).
6. Strategie Künstliche Intelligenz der Bundesregierung. Stand: November 2018. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/997532/1550276/3f7d3c41c6e05695741273e78b8039f2/2018-11-15-ki-strategie-data.pdf> (accessed 06/24/2025).
7. Luzhina A.N. Digital justice reform: France and Russia. (Article) // Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature: IAZH. Ser. 4: The State and law. 2022. No. 3. pp. 110–119.
8. Grudtsina L.Y. Electronic justice in the USA // Economics and law. XXI century. 2025. No. 1. pp. 35–387.
9. Bykov A.V., Narskaya A.I. Law, morality and machine learning: judges' view on the essence and prospects of robotization and justice // Monitoring public opinion: economic and social changes. 2022. No. 5. pp. 278–298.
10. Global Atlas of Artificial Intelligence Regulation 2024: a study of world experience. [electronic resource]. Access mode: <https://ai.radensa.ru/archives/1529> (accessed 06/24/2025).
11. Galkina N.M., Kuznetsova D.V., Vorobyev M.A. Foreign experience in the use of artificial intelligence in the judicial system // Judicial power and prosecutor's office. 2023. № 3.
12. Inshakova A.G., Tymchuk Yu.A. Digital technologies of alternative dispute resolution methods: foreign practice and prospects of application in Russia // Law and Management. The 21st century. 2018. № 1(46).
13. Draft Law No. 1138398–7 // Legislative support system. [electronic resource]. Access mode: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1138398-7> (accessed 06/21/2025).
14. Hegel G.V.F. Philosophy of Law. Moscow: Nauka, 1990.

Законодательное закрепление внеконкурсного оспаривания, как гарантия защиты прав кредитора от злоупотребления должника на примере опыта зарубежных стран

Жданова Екатерина Николаевна,

юрист Московского государственного университета имени
М.В. Ломоносова, ИПНБ РАНХиГС
E-mail: ekaterinazhdanova722@gmail.com

В статье рассматривается законодательное регулирование института внеконкурсного оспаривания в зарубежных странах, таких как: Англия, Франция, Германия. Вопрос правового регулирования и применения данного института на сегодняшний день является актуальным как за рубежом, так и в Российской Федерации. Проведен анализ оснований, предпосылок, условий и особенностей реализации института внеконкурсного оспаривания и его аналогов за рубежом. Были выделены как правовые пробелы в сфере регулирования данного института, так и неоспоримые преимущества, позволяющие кредиторам эффективно защищать свои права, нарушенные действиями недобросовестных должников. В статье сделан ряд выводов, которые могут быть, в том числе, использованы для совершенствования российского гражданского законодательства в сфере регулирования механизмов применения института внеконкурсного оспаривания.

Ключевые слова: внеконкурсное оспаривание, имущественный интерес, должник, встречное удовлетворение, недействительность, защита нарушенного права.

На сегодняшний день институт внеконкурсного оспаривания в РФ не закреплен законодательно, однако о возможности и основаниях его применения говорит ряд Постановлений Пленумов ВАС [7] и ВС РФ [8]. Для его дальнейшего развития, закрепления как способа защиты интересов кредиторов и создания единообразной судебной практики в данной сфере видится необходимым разработка и принятие законодательных положений, регулирующих применение института внеконкурсного оспаривания. Стоит отметить, что в 2015 году уже выносился на обсуждение законопроект, посвященный внедрению внеконкурсного оспаривания в отечественное законодательство [9]. Эта попытка оказалась неудачной. В связи с этим, в данной сфере по-прежнему отсутствует определенность по целому ряду вопросов, таким образом, законодательное закрепление кажется все же нужной мерой. Для повышения качества юридической техники при разработке положений закона, касающихся данного института, кажется логичным и эффективным обращение к зарубежному опыту закрепления в НПА и применении предпосылок и условий внеконкурсного оспаривания и его аналогов.

Например, что в Разделе 423 Закона Великобритании о несостоятельности 1986 года закреплен способ защиты добросовестных кредиторов, схожий с внеконкурсным оспариванием в РФ. Данное положение предусматривает возможность оспаривания мошеннических сделок, совершенных во вред кредиторам. В Разделе 424 того же Закона указано, что любое лицо, которому в результате сделки был причинен вред, может подать заявление о признании ее мошеннической сделкой, совершенной с целью нарушения прав и имущественных интересов кредиторов, и о вынесении соответствующего приказа судьей [10].

Также в Французском гражданском кодексе в главе об иском, принадлежащих кредитору (ст. 1341–1341–3 ФГК), содержатся положения, предусматривающие внеконкурсное оспаривание сделок должника. Внешне условия применения данного института аналогичны условиям и основаниям, существующим в странах германского континентального права. В главе указываются способы, к которым кредиторы могут прибегнуть с целью защиты своих прав и интересов в случае невыполнения должником своих обязательств. Данный перечень способов весьма широк и включает в себя возможность кредитора принудить должника к исполнению своего обязательства (ст. 1341 ФГК),

косвенный иск (ст. 1341–1 ФГК), Паулианов иск (как раз-таки возможность внеконкурсного оспаривания сделок (действия/бездействия) должника отдельным кредитором с целью защиты личных имущественных интересов) (ст. 1341–2 ФГК) и прямой иск [3]. В ст. 1341–2 раскрываются основания и условия удовлетворения Паулианова иска. Так, например, необходимо доказать наличие нарушения прав кредитора сделкой, совершенной между должником и его контрагентом, при этом требуется наличие упречности в поведении третьего лица, то есть наличия факта того, что третье лицо знало о причинении вреда кредиторам [4]. Тем самым защищается и третье лицо, которое приобретает по сделке с должником имущество безвозмездно, и лицо, которое приобрело имущество на возмездной основе. Конечно же, при признании безвозмездных сделок недействительными контрагент несет гораздо меньшие потери, так как он лишь возвращается в состояние, в котором находился до совершения сделки. При этом в случае признания недействительной возмездной сделки применяется реституция, по которой контрагент должен вернуть приобретенное имущество, но при этом будет остро стоять вопрос наличия возможности получить встречное предоставление от должника. То есть здесь такое оспаривание приведет к причинению ущерба контрагенту должника. Паулианов иск выгоден лишь кредиторам, оспаривающим сделку должника [2]. Стоит отметить, что в ФГК не содержится ряда оснований и условий внеконкурсного оспаривания сделок, которые при этом учитываются судебной практикой и доктриной: неплатежеспособность и недостаточность имущества должника, наступление срока исполнения требования кредитора на момент оспаривания сделки, также направленность сделки должника с третьим лицом на вывод активов или создания искусственной задолженности с целью причинения вреда кредиторам [3]. Однако в Законе указано, что даже без уменьшения активов оспаривание акта кредитором возможно.

Таким образом, по ФГК внеконкурсное оспаривание производится на основе индивидуально-го иска отдельного кредитора о признании сделки должника с третьим лицом недействительной, т.к. она была направлена на причинение первому имущественного вреда. Такой иск будет удовлетворен при наличии определенных предпосылок и обстоятельств, установленных судом [2].

Наиболее подробно институт внеконкурсного оспаривания представлен в Германии, причем как в законодательстве, так и в доктрине, также влияющей на применение данного института на практике.

Так в немецкой цивилистической науке существует три основных теории: теория «вещного действия», обязательственная теория и теория гарантирующей недействительности [6]. Довольно распространенная обязательственная теория, согласно которой обязательственное отношение существует на основании закона и с целью восстанов-

ления утраченной возможности доступа кредитора к имуществу должника. Таким образом, кредитор имеет право на требование по отношению к противоположной стороне сделки, о том, что, если оспариваемый в рамках заявления отчужденный предмет как бы еще относился к имуществу должника [5], то есть противоположная сторона обязана претерпевать принудительное исполнение в отношении приобретенного ею имущества. Тем не менее такая теория имеет целый ряд недостатков: отсутствие предусмотренных оснований и полностью открытый вопрос о месте данного института в общей системе правопорядка. Теория «вещного действия», хоть и раскрывает сущность внеконкурсного оспаривания, слишком узко смотрит на природу права на оспаривание, связывая его лишь с противоречащими закону действиями противоположной стороны. Поэтому наиболее логичными и обоснованными в этом плане являются теории, понимающие право на оспаривание как кондикционное притязание [5]. Теория гарантирующей недействительности предусматривает, что право на оспаривание касается лишь гарантирующей интересы кредиторов стороны [4]. Таким образом, все три концепции имеют свои недостатки и достоинства, способствующие решению целого ряда практических проблем (например, вопроса порядка распределения риска случайной гибели полученного имущества).

Если перейти именно к законодательству, то институт внеконкурсного оспаривания закреплен в Законе об оспаривании. Так предпосылки данного института закреплены в § 1 и 2 Закона об оспаривании. По смыслу данных положений кредитор обладает правом оспаривать правовые акты должника, в случае если они приводят к ущемлению его имущественных интересов и делают невозможным обращение взыскания на активы последнего [2]. Здесь под правовым актом понимается любые волевые действия (например, сделки, сделкоподобные действия), совершение которых создает юридические последствия, а также они имеют цель получения имущества [4]. При этом стоит учитывать, что оспариванию подлежат только правовые акты, по которым должник передает право собственности на свое имущество третьему лицу (§ 11 Закона об оспаривании). Более того несколько сделок, если они совершены с единой целью вывода активов должника, могут оспариваться как единый правовой акт. Возможным является также частичное оспаривание такой совокупности сделок, если сделки можно разделить без потери смысла [5]. Также моментом совершения правового акта считается момент наступления его правовых последствий (§ 8 Закона об оспаривании). Стоит добавить, что важнейшей предпосылкой для внеконкурсного оспаривания акта является то, что его целью должно является ущемление интересов кредитора, посредством ограничения его доступа к имуществу должника [2]. Сами отношения по оспариванию возникают между кредитором, срок требования которого уже наступил к моменту оспаривания, при этом не удовлетворившим свои

требования в полном объеме в ходе принудительного исполнения, и получателем оспоримого представления (его универсальными правопреемниками). При этом сам должник в большинстве случаев не является противником по оспариванию. Справедливым кажется мнение Х. Коциоля, согласно которому кредитор, не проявивший достаточной осмотрительности или знавший при заключении сделки с должником о намерении последнего причинить ей вред имущественным интересам добросовестным кредиторам, должен быть лишен права на индивидуальное оспаривание [1].

Так как основной целью внеконкурсного оспаривания является защита и восстановление возможности кредитора получить доступ к имуществу, которое выбыло из активов его должника в пользу третьего лица, являющегося в данной ситуации получателем по сделке (универсальным правопреемником), наносящей вред интересам кредитора, впоследствии удовлетворив свои требования путем обращения на него взыскания. Индивидуальное оспаривание наиболее актуально и эффективно, когда притязания кредитора и противоположной стороны неравноценны, в связи с тем, что требование первого более заслуживает защиты, так как правовой акт, заключенный между должником и его правопреемником, нарушает публичный интерес, преследуя собой неправомерную цель [1].

Далее Законом также предусматриваются следующие составы внеконкурсного оспаривания правовых актов.

Во-первых, оспаривание поведения, целью которого являлось причинение вреда кредиторам (подраздел 4.1); Данный состав совпадает с аналогичным в рамках конкурсного оспаривания [4] (§ 133 Положения о несостоятельности). Объективными предпосылками здесь выступают правовые акты должника (возмездные и безвозмездные, односторонние и двусторонние), направленные на вывод активов, с целью недопущения обращения на него взыскания добросовестными кредиторами, совершенные в течение 10 лет до оспаривания [6]. Более того законом предусматривается ряд дополнений (например, в случае заключения должником возмездного договора с аффилированным лицом в течение двух лет происходит перераспределение бремени доказывания между сторонами оспаривания, таким образом, усиливая позицию кредитора). К субъективным предпосылкам относится намерение должника причинить своими действиями вред кредиторам (абз. 1 § 3 Закона) [2]. Это намерение может не являться основной целью данного правового акта. При этом контрагент должника должен знать о том, что посредством данной сделки намеренно причиняется вред имущественным интересам кредитора. Здесь существует ряд презумпций, наличие которых может свидетельствовать об осведомленности лица. Например, знание об объективной убыточности (в результате совершения правового акта должник станет неплатежеспособным, и в последствии кредиторы не смогут удовлетворить за его счет свои требования).

Во-вторых, оспаривание безвозмездных предоставлений должника (совершенных в течение четырех лет до оспаривания) (подраздел 4.2) [6]. В данном случае интересы контрагента должника заслуживают меньшей защиты, так как в результате оспаривания тот не несет существенных имущественных потерь, лишь возвращаясь в состояние, в котором находился до получения имущества от должника [2]. Большой защиты заслуживают именно те контрагенты, которые приобрели имущество должника на возмездной основе, так как в случае признания правового акта недействительным будет применена реституция, последствием которой станет то, что данное лицо лишится приобретенного имущества и будет вынуждено обратиться с требованием к должнику, который может не обладать достаточным количеством имущества для его удовлетворения. Таким образом, универсальный правопреемник может понести реальные убытки. Предпосылкой такого состава оспаривания является факт безвозмездности предоставления должника (абз. 1 § 4 Закона об оспаривании [4]). Однако даже здесь есть свои исключения. Так возможность оспаривания исключается в случае, если предоставление является обычным подарком, приуроченным к определенному случаю и имеющим небольшую стоимость (абз. 2 § 4 Закона). При этом необходимо учитывать обстоятельства, свидетельствующие о том, что данный подарок является обычным и действительно не дорогим [2].

В-третьих, оспаривание правовых актов наследников (подраздел 4.3). Так, если наследник вступает в наследство после смерти должника, обремененного материальными обязательствами перед кредиторами, и при этом наследополучатель сам лично впоследствии данные требования не удовлетворяет полностью, то в таком случае кредитор вправе оспорить предоставление по правилам оспаривания безвозмездных сделок (§ 5 Закона об оспаривании). Предпосылкой здесь является то, что лицо вступая в наследство должно выплатить долг кредиторам должника (наследодателя) из наследственного имущества.

В-четвертых, ситуация капиталозамещающих займов (подраздел 4.4). В данном случае оспариванию может подлежать предоставление удовлетворения обществом по займам участников, которые могут быть расценены как капиталозамещающие (§ 6 и 6а Закона). Стоит отметить, что кредитор здесь имеет двойное право на оспаривание, так как он может оспорить как предоставление обществом обеспечения по займу, так и удовлетворение требования участника (если данные акты совершены в последние 10 лет до получения исполнительного листа или после этого, но не позднее трех лет со дня получения его кредитором) [5].

Что же касается сроков и правовых последствий оспаривания, то срок начинает течь с момента окончания совершения оспоримого акта и до предъявления кредитором требования об оспаривании в суд или же письменного уведомления противоположной стороны о своем намерении осуществить

оспаривание конкретного правового акта, в случае если срок исполнения требования еще не наступил или же кредитор еще не получил исполнительный лист (§ 7 Закона) [5]. Таким образом, для того чтобы оспорить правовой акт противоположной стороны, кредитор подает иск об оспаривании или заявляет возражение (встречное возражение) (§ 13 Закона об оспаривании).

Важнейшим правовым последствием внеконкурсного оспаривания правового акта является возникновение реституционного требования к получателю предоставления. То есть, имущество, отчужденное (переданное) должником в пользу третьего лица, должно быть предоставлено кредитору в объеме, соответствующем размеру необходимого для удовлетворения его обязательственных требований. Тем самым происходит восстановление доступа кредитора к имуществу должника, которое больше не принадлежит последнему. То есть кредитор как бы оказывается в том положении, в котором он находился, если бы оспариваемый акт о передачи имущества контрагенту не был принят, получая при этом возможность осуществления принудительного исполнения своего материального требования. Если оспариваемое предоставление не может быть передано кредитору в натуре в распоряжение по вине противоположной стороны, то в таком случае, противоположная сторона должна выплатить компенсацию обычно в размере рыночной стоимости утраченного имущества [5]. Если должник вследствие осуществления оспоримого действия извлек доходы, то в таком случае они вместе с самим переданным имуществом предоставляются в натуре кредитору для удовлетворения его материальных требований за их счет. Более того, кажется вполне справедливым положение, согласно которому, если противоположная сторона вложила свои личные средства в полученный от должника в рамках правового акта предмет, при этом увеличив его стоимость, то кредитор не имеет права обращать свое взыскание на эту разницу (между ценой по первоначальному договору и существующей ныне рыночной ценой имущества после всех вложений) [5]. Кредитор, в случае невозможности отделения расходов по усовершенствованию от объекта, имеет право доступа к последнему, однако в таком случае он должен компенсировать противоположной стороне ее расходы на улучшение свойств и качества данного предмета.

Таким образом, можно увидеть, что немецкое законодательство достаточно подробно регулирует институт внеконкурсного оспаривания, затрагивая разные его аспекты. При этом предпосылки (наличие цели причинения вреда кредиторам при совершении правового акта), составы (безвозмездные предоставления), особенности последствий оспаривания (применение реституции) во многом совпадают с позициями, выработанными высшими судебными инстанциями в РФ. Более того, как в Германии, так и в России внеконкурсное оспаривание выступает способом защиты

прав и имущественных интересов отдельного кредитора от недобросовестного поведения должника и его контрагента, преследующих своими действиями цель выведения личных активов для дальнейшей невозможности обращения на них взыскания кредитором, имеющим обязательственные требования по отношению к должнику [5]. Однако для эффективного развития и дальнейшего становления внеконкурсного оспаривания в РФ видится необходимым учесть зарубежный опыт стран континентального права (Германии и Франции) по созданию и разработке законодательства в данной сфере. Именно создание Закона об оспаривании в РФ или внесение ряда положений, регулирующих данный институт в гражданское законодательство (например, статей, раскрывающих содержание предпосылок, составов, круга лиц, имеющих право на оспаривание, правовых последствий и т.д.), будет способствовать его развитию, а вместе с этим большей стабильности гражданского оборота и защищенности прав как кредиторов, так и должников с их контрагентами.

Литература

1. Коциоль Х. Основы и спорные вопросы оспаривания действий должника, совершенных во вред его кредиторам. Пер. К.А. Усачевой // Вестник гражданского права. 2017. № 3, № 4.
2. Курбанов Б.М., Усачева К.А. Институт «внеконкурсного оспаривания». Какие нюансы нужно учесть на практике // Арбитражная практика. 2017. № 1.
3. Усачева К.А. Внеконкурсное оспаривание во французском праве: до и после реформы // Закон. 2017. № 12. С. 187–192.
4. Усачева К.А. Внеконкурсное оспаривание поведения должника, причиняющего вред его кредиторам: российское право и европейская правовая традиция // Вестник гражданского права. 2017. № 5. С. 8–54.
5. Усачева К.А. Основы внеконкурсного оспаривания в немецком и австрийском праве // Вестник экономического правосудия РФ. 2017. № 11.
6. Шишмарева Т.П. Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии. – М.: Статут, 2018.
7. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 N 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71754452/> (дата обращения: 30.03.2025);
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Российская газета», N 140, 30.06.2015.

9. Экспертное заключение на проект федерального закона № 711269–6 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве» (принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 30.03.2015 № 140–3/2015) // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71754452/> (дата обращения: 30.03.2025);
10. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.07.2021 по делу № А40–8421/2020 // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71754452/> (дата обращения: 30.03.2025);

LEGISLATIVE CONSOLIDATION OF NON-COMPETITIVE CONTESTATION AS A GUARANTEE OF PROTECTION OF THE RIGHTS OF THE CREDITOR FROM THE ABUSE OF THE DEBTOR ON THE EXAMPLE OF THE EXPERIENCE OF FOREIGN COUNTRIES

Zhdanova E.N.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines the legislative regulation of the institute of out-of-competition challenging in foreign countries, such as: England, France, Germany. The issue of legal regulation of this institute is currently relevant both abroad and in the Russian Federation. The author has analyzed the grounds, prerequisites, conditions and features of the implementation of the institute of non-competitive challenging and its analogues abroad. Legal gaps in the regulation of this institution has been highlighted, as well as undeniable advantages that allow creditors to effectively protect their rights violated by the actions of unscrupulous debtors. The article makes a number of conclusions that can be used to improve Russian civil legislation in the field of regulation of mechanisms for the application of the institute of out-of-competition challenging.

Keywords: out-of-competition challenging, property interest, debtor, consideration, invalidity, protection of violated rights.

References

1. Kociol H. Basics and controversial issues of challenging the actions of the debtor committed to the detriment of his creditors. Trans. K.A. Usacheva // Bulletin of civil law. 2017. No. 3, No. 4.
2. Kurbanov B. M., Usacheva K.A. Institute of “non-competitive challenging”. What nuances need to be taken into account in practice // Arbitration practice. 2017. No. 1.
3. Usacheva K.A. Non-competitive challenging in French law: before and after the reform // Law. 2017. No. 12. Pp. 187–192.
4. Usacheva K.A. Non-competitive challenging of the behavior of the debtor causing harm to his creditors: Russian law and European legal tradition // Bulletin of civil law. 2017. No. 5. P. 8–54.
5. Usacheva K.A. Basics of Out-of-Competition Contestation in German and Austrian Law // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2017. No. 11.
6. Shishmareva T.P. Invalidity of Transactions and Actions in Insolvency Procedures in Russia and Germany. – M.: Statut, 2018.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 23.12.2010 N 63 “On certain issues related to the application of Chapter III.1 of the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)” // SPS “Garant”. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71754452/> (date of access: 30.03.2025);
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 N 25 “On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation” // “Rossiyskaya Gazeta”, N 140, 30.06.2015.
9. Expert opinion on the draft federal law No. 711269–6 “On Amendments to the Federal Law “On enforcement proceedings” (adopted at a meeting of the Council under the President of the Russian Federation for Codification and Improvement of Civil Legislation on March 30, 2015, No. 140–3/2015) // SPS “Garant”. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71754452/> (accessed on March 30, 2025);
10. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated July 28, 2021 in case No. A40–8421/2020 // SPS “Garant”. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71754452/> (accessed on March 30, 2025);

Автоматизация расчёта требований продавцов как фактор процессуальной экономии

Иванников Иван Андреевич,

бакалавр, магистр права, основатель и специалист по юридическим стратегиям в MP Litigation Center, эксперт по разрешению споров на рынке
E-mail: ivan@mplitigation.ru

В статье проводится анализ особенностей процесса автоматизации расчета требований продавцов, как фактора процессуальной экономии. Цель исследования заключается в выявлении и обосновании возможности автоматизации процедур расчёта и подготовки претензий продавцов к маркетплейсам как средства достижения процессуальной экономии. Методологическая основа работы включает анализ действующего законодательства, а также научных публикаций других исследователей. В результате проведённого исследования установлены критические участки «узких мест» в жизненном цикле спора, обусловленные ручным сбором, созданием и анализом данных. На этой базе описана концептуальная модель, предусматривающая алгоритмизацию вычисления финансовых требований. Доказано, что внедрение системы способно сократить сроки подготовки документации на досудебном этапе, минимизировать операционные затраты и повысить точность формирования претензионных позиций, что, в свою очередь, укрепляет переговорные возможности продавцов. Основные выводы исследования подтверждают гипотезу о прямой корреляции между уровнем автоматизации претензионного процесса и степенью достигаемой экономии в B2B-взаимодействиях на онлайн-платформах. Практическая значимость работы проявляется в её применимости для специалистов в области e-commerce права, разработчиков LegalTech-решений и предпринимателей, действующих на маркетплейсах малого и среднего бизнеса.

Ключевые слова: процессуальная экономия, автоматизация, маркетплейс, электронная коммерция, урегулирование споров, LegalTech, расчёт требований, претензионная работа, договор оферты, защита прав продавцов.

Введение

Стремительная цифровая трансформация торговых процессов и консолидация отрасли вокруг крупных маркетплейсов порождают качественно новую экономическую парадигму, в которой платформы выступают не только в роли каналов сбыта, но и формируют разветвлённую инфраструктуру с элементами квазирегулирования [1, 2]. Параллельно с этим усложняется и растёт число коммерческих споров между селлерами и администрацией площадок, преимущественно связанных с финансовой отчётностью: корректностью начисления комиссий и штрафов, стоимостью логистических услуг, а также компенсацией за утрату или дефект товара [4, 13].

Текущие механизмы урегулирования подобных конфликтов, основанные на ручной обработке большого массива данных и длительных коммуникациях со службой поддержки, сопряжены с существенными временными и ресурсными издержками, что противоречит принципу процессуальной экономии. При этом в профессиональной литературе недооценён прикладной потенциал LegalTech-решений для автоматизации B2B-споров на маркетплейсах: исследователи преимущественно сосредоточиваются на взаимодействии «платформа – конечный потребитель» или на общих вопросах онлайн-урегулирования споров (ODR).

Цель исследования заключается в выявлении и обосновании возможности автоматизации процедур расчёта и подготовки претензий продавцов к маркетплейсам как средства достижения процессуальной экономии.

Научная новизна работы заключается в описании концептуальной модели автоматизированного формирования претензий, объединяющей алгоритмы семантического анализа условий оферты и финансовых транзакций платформ для выработки юридически обоснованных требований.

Автор выдвигает **гипотезу** о том, что внедрение специализированных программных комплексов, способных в автоматическом режиме обрабатывать финансовые отчёты маркетплейсов, сверять их с актуальными условиями оферты и генерировать проекты претензий, позволит снизить транзакционные издержки досудебного урегулирования и повысить вероятность успешного разрешения спора на досудебной стадии.

Материалы и методы

В современном научном и прикладном дискурсе, посвященном автоматизации расчёта требований

продавцов в условиях электронной коммерции, можно выделить несколько смысловых кластеров литературы, охватывающих правовые, технологические и процедурные аспекты.

Аналитические отчёты Tadviser [2] и Data Insight [13] предоставляют количественные оценки российского рынка интернет-торговли, фокусируясь на объёмах, темпах роста и сегментации платформ. Городнова Н.В., Руденко К.С. [4] проводят анализ динамики, проблем нормативного регулирования и перспектив развития электронной коммерции как внутри России, так и в международной практике.

Вопросы правового статуса цифровых платформ и маркетплейсов в рамках гражданского процесса подробно исследуют Алтухов А.В., Гостилов А.О., Кашкин С.Ю. [1], рассматривая юридические аспекты функционирования совместного потребления в цифровой среде. Капитонова А.А. [5] акцентирует внимание на проблемах процессуального статуса маркетплейсов, указывая на отсутствие единообразного подхода к определению участников процесса и возможности применения специальных правил при расчёте требований сторон. Абросимова Е.А. [10], анализирует структуру договорной ответственности и способы её автоматизированного расчёта применительно к цифровым платформам. Васильева А.В. [11] изучает проблему соблюдения прав потребителей в условиях дистанционной торговли через маркетплейсы, подчёркивая необходимость интеграции автоматизированных механизмов уведомления и расчёта штрафных санкций для повышения процессуальной эффективности.

Непосредственно проблеме процессуальной экономии уделяют внимание Артизанов А.И. [3], предлагая усовершенствовать упрощённое производство в гражданском процессе путём введения цифровых модулей расчёта требований к продавцам на ранних этапах судебного разбирательства. Бурдина Е.В., Капустин О.А. [8] исследуют онлайн-примирение как средство увеличения доступа к правосудию и снижения затрат на доказывание и подготовку претензий, предлагая интегрировать автоматизированные калькуляторы претензионных требований в платформы примирения.

В области автоматизации бухгалтерского учёта и расчётных операций Макарова Е.Н. и соавторы [6] акцентируют внимание на цифровой трансформации кооперативного сектора экономики, описывая архитектуру систем автоматизированного расчёта выплат и компенсаций, которые могут быть адаптированы для расчёта требований продавцов в судебных процессах. В свою очередь Саскинд Р., Саскинд Р.Э. [7] прогнозируют эволюцию юридических профессий при широком внедрении ИИ-решений, подчёркивая возможность автоматического формулирования и проверки требований сторон. Казерта С. [12] рассматривает трудности взаимодействия юридических фирм с новыми технологиями, указывая на организационные барьеры и риски автоматизации правовых процедур. Егоро-

ва М.А., Петров А.А., Кожевина О. В [9] анализируют влияние цифровизации на антимонопольное регулирование в высокотехнологичном секторе, затрагивая вопросы прозрачности алгоритмов расчёта экономических санкций и риски манипуляции данными при автоматизированном надзоре.

Таким образом, литература охватывает широкий спектр вопросов: от макроанализа рынка и правового статуса цифровых платформ до разработки специализированных процедур упрощённого производства и бухгалтерских систем. В ней прослеживается диссонанс между теоретическими концепциями и практическими реализациями: академические труды носят описательный характер без эмпирической верификации предложенных моделей, а отраслевые отчёты фокусируются на экономических показателях без учёта юридических нюансов. При этом проекты по интеграции автоматизированных калькуляторов претензий в судебные и примирительные платформы остаются фрагментарными и не систематизированными. Недостаточно исследованы вопросы юридической ответственности разработчиков таких инструментов, стандартизации алгоритмов расчёта и оценки эффективности внедрённых решений. Также слабо освещены риски обеспечения корректности и прозрачности алгоритмов, а также влияние автоматизации на баланс прав и обязанностей сторон в гражданском процессе.

Результаты и обсуждения

В практике работы с маркетплейсами нередко возникают системные затруднения, связанные с применением штрафных санкций, вызывающих у продавцов значительные финансовые потери и правовую неопределённость. Наиболее проблемными являются следующие случаи:

Штрафы за отмену заказов, включая ситуации, когда инициатором отмены выступает сам покупатель, либо отмена происходит по причинам, не зависящим от продавца;

Штрафы, связанные с логистическими параметрами, например, начисляемые за так называемый «повышенный обмер» товара, когда маркетплейс в одностороннем порядке определяет габариты, не предоставляя продавцу возможности для проверки;

Штрафы за подмену товара, особенно в случаях, когда невозможно установить, на каком этапе логистической цепочки произошла подмена и кто несёт за неё ответственность;

Штрафы за несвоевременную отгрузку на склад маркетплейса, включая ситуации, когда фактическая причина задержки (например, отсутствие доступных слотов или ограничение приёма) находится вне контроля продавца;

Споры, касающиеся утерянных товаров селлеров на складах и в логистических цепочках.

Данные проблемные аспекты порождают необходимость создания интегрированной автоматизированной платформы с единой точкой сбора

данных и сложными алгоритмами верификации бизнес-правил [1, 7, 8]. Однако, прежде чем углубляться в возможности использования автоматизированных платформ следует уделить внимание именно маркетплейсам. Так, классифицировать маркетплейсы можно по различным критериям. По модели взаимодействия с пользователями выделяют:

- B2C (business-to-consumer) – взаимодействие между бизнесом и конечными потребителями;
- B2B (business-to-business) – взаимодействие между бизнес-структурами;

- C2C (consumer-to-consumer) – взаимодействие между частными лицами.

Также маркетплейсы можно классифицировать по степени участия в сделке:

1. Пассивные – предоставляют только информационную платформу без участия в сделке;
2. Активные – участвуют в процессе сделки, например, через организацию платежей, логистики или возвратов.

Для наглядности представим классификацию маркетплейсов в виде таблицы 1.

Таблица 1. Параметры автоматизации и проблемные ситуации в работе маркетплейсов [1, 3, 7, 8]

Критерий	Описание и варианты	Примеры российских маркетплейсов	Типичные проблемные случаи	Необходимость автоматизации
Бизнес-модель	• B2C (розничная продажа) • B2B (оптовая продажа) • C2C (частные продавцы)	B2C: Wildberries, Ozon, Яндекс.Маркет B2B: B2B-Center, Ozon Business C2C: Avito, Юла	• Штрафы за отмену заказов покупателем или по причинам вне контроля продавца • Споры об утерянных товарах	Разные участники сделки; разные SLA и правила работы
Ассортимент и специализация	• Горизонтальные (широкий ассортимент) • Вертикальные (нишевые категории)	Горизонтальные: Ozon, Яндекс.Маркет Вертикальные: Lamoda (мода), Купер (продукты)	• Штрафы за «повышенный обмер» без согласования габаритов • Штрафы за подмену товара	Разные категории товаров требуют специальных алгоритмов проверки габаритов и целостности
Модель логистики	• FBS (отправка со склада продавца) • FBO (склад оператора) • Дропшипинг	FBS: Ozon FBS, Wildberries Ship from Seller FBO: Wildberries, СберМаркет Дропшипинг: Ozon Dropship	• Задержки отгрузки из-за отсутствия слотов или ограничений приёма • Споры об утерянных товарах в логистике	Необходима интеграция с провайдерами и сбор трекинг-данных для предотвращения споров
Управление платформой	• Централизованное (жёсткий контроль) • Децентрализованное (агрегатор)	Централиз.: Яндекс.Маркет, Wildberries Агрегаторы: Tiu.ru, AllBiz	• «Повышенный обмер» товара • Подмена товара	Автоматическое отслеживание и верификация изменений регламентов, версионирование правил
Технологическая интеграция	• API/EDI • Ручной веб-интерфейс	API/EDI: Wildberries API, Ozon API UI Avito Seller, Юла Seller	• Штрафы за отмену заказов • Несвоевременная отгрузка	Единая точка сбора и нормализации данных из разных систем для сквозного контроля

Так как развитие электронной коммерции в России сопровождается рядом правовых проблем, связанных с регулированием деятельности маркетплейсов и защитой интеллектуальных прав,

то далее в таблице 2 будет представлена типология финансовых претензий продавцов к маркетплейсам.

Таблица 2. Типология финансовых претензий продавцов к маркетплейсам [3, 5, 6, 8]

Категория претензии	Сущность нарушения	Источники данных для проверки	Сложность автоматизированного расчёта
Некорректный расчёт комиссии	Применение завышенного тарифа комиссии (неверная категория товара, не учтена скидка постоянного покупателя, применен неактуальный тариф).	1. Финансовый отчет маркетплейса. 2. Редакция оферты/тарифов на дату продажи. 3. Карточка товара.	Средняя
Завышение стоимости логистики	Неправильный расчёт стоимости доставки до клиента (last mile), обратной логистики или межскладских перемещений из-за неверно указанных габаритов товара.	1. Логистический отчет. 2. Редакция тарифов на логистику. 3. Данные о реальных габаритах (фото/видеофиксация).	Высокая (требует внешних доказательств)
Утеря или порча товара на складе	Отсутствие товара по результатам инвентаризации или его повреждение, за которое платформа обязана выплатить компенсацию.	1. Акт о расхождении (инвентаризации). 2. Отчет об остатках. 3. Закупочная стоимость товара (УПД).	Низкая (при наличии акта)

Категория претензии	Сущность нарушения	Источники данных для проверки	Сложность автоматизированного расчёта
Необоснованные штрафы	Начисление штрафов за нарушения, которых не было (например, за отмену заказа по вине платформы, за несоответствие упаковки при корректной поставке).	1. Отчет о штрафах. 2. Переписка со службой поддержки. 3. Внутренние данные продавца.	Высокая (часто требует качественного, а не количественного анализа)
Ошибки в расчёте утилизации	Некорректное списание стоимости утилизации невостребованного или поврежденного товара.	1. Отчет об утилизации. 2. Тарифы на утилизацию. 3. Уведомления от платформы.	Средняя

Решение указанных проблем требует комплексного подхода, включающего разработку специального законодательства, адаптацию существующих норм к условиям цифровой экономики, формирование единообразной судебной практики, а также автоматизацию расчетов требований. Внедрение подобной системы кардинально меняет экономику спора. Процессуальная экономия достигается за счёт нескольких факторов, которые поддаются количественной оценке [9, 10].

Автоматизация расчёта требований становится не просто технической усовершенствованной, но и стратегической инициативой, способной коренным образом переориентировать соотношение сил между продавцом и платформой. Обеспечивая продавцам оперативный, точный и экономич-

ный механизм подготовки юридически обоснованных претензий, такая система нейтрализует информационную асимметрию и делает для маркетплейса бессмысленным экономически отказывать в обоснованных претензиях: минимизировав затраты на их оформление, продавцы в большей степени готовы доводить спор до суда. Массовое внедрение подобных решений дополнительно побуждает площадки к повышению прозрачности алгоритмов расчёта штрафов и компенсаций, а также к совершенствованию внутренних механизмов контроля для снижения числа спорных ситуаций [11, 12].

Далее в таблице 3 будут описаны элементы автоматизации расчёта требований продавцов: преимущества, недостатки и перспективы.

Таблица 3. Элементы автоматизации расчёта требований продавцов: преимущества, недостатки и перспективы (составлено автором)

Этап / компонент	Описание	Преимущества автоматизации	Ограничения и риски	Будущие тенденции и развитие
1. Сбор и проверка данных	Создание финансовых отчётов, логистических трекинг-данных и условий оферты в единой системе.	• Сокращение времени на ручной сбор • Минимизация рисков возникновения «человеческих» ошибок	• Отсутствие стандартизованных API у маркетплейсов • Расходы на настройку обмена	• Переход к API-first и EDI-решениям • Облачные «коннекторы» к новым платформам
2. Алгоритмизация расчёта требований	Использование бизнес-правил (тарифы, штрафы, проценты) и законодательных норм для автоматических вычислений.	• Точная и воспроизводимая калькуляция сумм • Снижение операционных затрат	• Сложность формализации экспертных критериев • Регулярные изменения оферт	• Динамические правила на основе ML • Self-learning-модули для быстрой адаптации
3. Семантический анализ условий оферты	Применение NLP-механизмов для распознавания положений договора-оферты.	• Автоматический аудит ответов	• Неоднородность текстов оферт • Потребность в качественных языковых моделях	• Интеграция крупных языковых моделей (LLM)
4. Создание претензионных документов	Автоматическое формирование проектов писем, претензий и расчётных отчётов для досудебного урегулирования споров.	• Стандартизированные шаблоны • Ускорение подготовки досудебных материалов	• Необходимость последующей проверки юристом	• Появление low-code/no-code конструкторов документов • Встроенные чат-боты для правки
5. Интеграция с ODR-платформами и судами	Связь с онлайн-примирением (ODR) и электронными МИС для ведения спора.	• Автоматические уведомления	• Несовместимость форматов данных	• Единые отраслевые протоколы обмена данными

Вместе с тем практическая реализация автоматизированных систем сталкивается с рядом барьеров: необходимостью наличия стабильного и задокументированного API со стороны маркетплейсов для надёжной синхронизации данных; трудностями

формализации экспертных критериев при алгоритмизации оценки качественных нарушений (например, обоснованности штрафных санкций); а также существенными стартовыми инвестициями в разработку или приобретение специализированного

программного обеспечения. Несмотря на эти вызовы, потенциальная экономия и укрепление правовых позиций продавцов значительно перевешивают затраты, делая автоматическое формирование претензий одним из наиболее перспективных направлений в сфере LegalTech и электронной коммерции.

Заключение

В ходе исследования выявлено, что значительная часть издержек на доведённом до судебного разбирательства этапе приходится на повторяющиеся ручные операции – сбор, верификацию и сопоставление финансовых показателей, необходимых для корректного обоснования суммы претензии. Именно это обстоятельство заложило основу для описания возможностей разработки концептуальной архитектуры автоматизированной системы расчёта требований (АСРТ), призванной перенести ключевые рутинные этапы в автоматический режим обработки.

Применение АСРТ позволяет сократить затраты на претензионное сопровождение. Помимо очевидного выигрыша в ресурсах, такой переход к автоматизации создаёт условия для стандартизации процедур и минимизации человеческого фактора, снижая риски ошибок и спорных ситуаций при расчёте компенсаций.

Широкомасштабное внедрение и тиражирование подобных систем способно не только оптимизировать бизнес-процессы отдельных продавцов, но и оказывать системное влияние на рынок электронной коммерции в целом, стимулируя маркетплейсы к повышению прозрачности операций и ответственности перед партнёрами. В качестве направлений дальнейшего изучения предлагается разработка алгоритмов для автоматизации качественного анализа спорных ситуаций (например, на основе обработки естественного языка), а также интеграция АСРТ с платформами альтернативного разрешения споров (ODR). Это позволит обеспечить бесшовный процесс урегулирования конфликтов: от обнаружения расхождений до вынесения окончательного решения, и создать единую экосистему правовой поддержки участников электронной торговли.

Литература

1. Алтухов А. В., Гостилович А.О., Кашкин С.Ю. Юридические аспекты цифровых платформ экономики совместного потребления // Экономика и управление. 2021. Т. 27. № 2 (184). С. 102–110.
2. Рынок РФ в сфере интернет-торговли // TAdviser: [сайт]. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Интернет-торговля_\(рынок_России\)#:~:text=По%20итогам%202024%20года%20объем,опубликованы%2019%20мая%202025%20года\(дата обращения: 01.06.2025\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Интернет-торговля_(рынок_России)#:~:text=По%20итогам%202024%20года%20объем,опубликованы%2019%20мая%202025%20года(дата обращения: 01.06.2025)).
3. Артизанов А.И. Совершенствование порядка упрощенного производства в гражданском процессе России в целях реализации принципов процессуальной экономии // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 2. С. 28–30.
4. Городнова Н. В., Руденко К.С. Электронная торговля в России и за рубежом: анализ динамики, проблемы регулирования и перспективы // Экономика. 2024. Т. 14. № 7. С. 3839–3860.
5. Капитонова А.А. Проблемы процессуального статуса маркетплейсов в рамках ведения гражданского процесса // Universum: экономика и юриспруденция. 2024. Т. 1. № 12 (122). С. 49–52.
6. Makarova E. N., et al. Automation of Accounting and Settlement Operations as a Form of Digital Transformation of the Cooperative Sector of the Economy // Big Data in Information Society and Digital Economy. Cham: Springer International Publishing, 2023. pp. 207–213.
7. Susskind R., Susskind R.E. Tomorrow's lawyers: An introduction to your future. Oxford: Oxford University Press, 2023.
8. Бурдина Е. В., Капустин О.А. Онлайн примирение как средство повышения доступа к правосудию // Право и политика. 2021. № 12. С. 29–45. <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2021.12.37170>
9. Егорова М. А., Петров А.А., Кожевина О.В. Влияние цифровизации на реализацию антимонопольного регулирования и контроля за экономической концентрацией в высокотехнологичном секторе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. Т. 13. № 2. С. 327–343. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.203>
10. Абросимова Е. А. К вопросу о договорной ответственности маркетплейсов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2024. Т. 8. № 2. С. 231–240. <https://orcid.org/0009-0003-0579-0566>
11. Васильева А.В. Проблема соблюдения прав потребителей в условиях дистанционной торговли через маркетплейсы // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2024. Т. 13. № 1. С. 139–145. <https://doi.org/10.24412/2225-82642024-1-139-145>
12. Caserta S. New technologies and law firms-an uneasy relationship: A European perspective // Law, Technology and Humans. 2022. Т. 4. № 2. С. 183–196. <https://orcid.org/0000-0002-6279-2280>
13. Интернет-торговля в России 2024 // Data Insight: [отчет]. URL: https://datainsight.ru/sites/default/files/DI_eCommerce_in_Russia_2023.pdf (дата обращения: 15.04.2025).

AUTOMATION OF CALCULATION OF SELLERS' REQUIREMENTS AS A FACTOR OF PROCEDURAL ECONOMY

Ivannikov I.
Litigation Center

The article analyzes the features of the automation process of calculating sellers' requirements as a factor of procedural economy. The

purpose of the study is to identify and substantiate the possibility of automating procedures for calculating and preparing sellers' claims to marketplaces as a means of achieving procedural savings. The methodological basis of the work includes an analysis of current legislation, as well as scientific publications by other researchers. As a result of the conducted research, critical areas of "bottlenecks" in the dispute lifecycle have been identified due to manual data collection, creation and analysis. On this basis, a conceptual model is described that provides for the algorithmization of the calculation of financial requirements. It has been proven that the implementation of the system can reduce the time required to prepare documentation at the pre-trial stage, minimize operational costs and increase the accuracy of the formation of claim positions, which, in turn, strengthens the negotiating capabilities of sellers. The main conclusions of the study confirm the hypothesis of a direct correlation between the level of automation of the claim process and the degree of savings achieved in B2B interactions on online platforms. The practical significance of the work is evident in its applicability to specialists in the field of e-commerce law, developers of LegalTech solutions and entrepreneurs operating on small and medium-sized business marketplaces.

Keywords: procedural economy, automation, marketplace, e-commerce, dispute resolution, LegalTech, calculation of claims, claim work, offer agreement, protection of sellers' rights.

References

- Altukhov A. V., Gostilovich A.O., Kashkin S. Yu. Legal aspects of digital platforms of the sharing economy // *Economy and management*. 2021. Vol. 27. No. 2 (184). pp. 102–110.
- The Russian Federation market in the field of online trade // TAdviser: [website]. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья: Интернет-торговля_\(ПК_России\)#::~: text=По%20итога%202024%20год%20обом, подключение%20мая%202025%20год](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья: Интернет-торговля_(ПК_России)#::~: text=По%20итога%202024%20год%20обом, подключение%20мая%202025%20год) (date of access: 01.06.2025).
- Artizanov A.I. Improving the procedure for simplified proceedings in civil proceedings in Russia in order to implement the principles of procedural economy // *Arbitration and civil procedure*. 2021. № 2. pp. 28–30.
- Gorodnova N. V., Rudenko K.S. E-commerce in Russia and abroad: analysis of dynamics, regulatory problems and prospects // *Economy*. 2024. Vol. 14 (7). pp. 3839–3860..
- Kapitonova A.A. Problems of the procedural status of marketplaces in the framework of civil proceedings // *Universum: economics and jurisprudence*. 2024. Vol. 1 (12). pp. 49–52.
- Makarova E. N., et al. Automation of Accounting and Settlement Operations as a Form of Digital Transformation of the Cooperative Sector of the Economy // *Big Data in Information Society and Digital Economy*. Cham: Springer International Publishing, 2023. pp. 207–213.
- Susskind R., Susskind R.E. *Tomorrow's lawyers: An introduction to your future*. Oxford: Oxford University Press, 2023.
- Burdina E. V., Kapustin O.A. Online reconciliation as a means of increasing access to justice // *Law and Politics*. 2021. Vol. 12. pp. 29–45. <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2021.12.37170>
- Egorova M. A., Petrov A.A., Kozhevina O.V. The Impact of Digitalization on the Implementation of Antimonopoly Regulation and Control over Economic Concentration in the High-Tech Sector // *Bulletin of St. Petersburg University. Law*. 2022. Vol. 13 (2). pp. 327–343. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.203>
- Abrosimova E.A. On the Issue of Contractual Liability of Marketplaces // *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2024. Vol. 8 (2). pp. 231–240. <https://orcid.org/0009-0003-0579-0566>
- Vasilyeva A.V. The Problem of Compliance with Consumer Rights in the Context of Distance Selling through Marketplaces // *Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technology*. 2024. Vol. 13 (1). pp. 139–145. <https://doi.org/10.24412/2225-82642024-1-139-145>
- Caserta S. New technologies and law firms-an uneasy relationship: A European perspective // *Law, Technology and Humans*. 2022. Vol. 4 (2). pp. 183–196. <https://orcid.org/0000-0002-6279-2280>
- Online Commerce in Russia 2024 // *Data Insight: [report]*. URL: https://datainsight.ru/sites/default/files/DI_eCommerce_in_Russia_2023.pdf (accessed: 15.04.2025).

Проблемы правового регулирования цифровых прав в законодательстве Российской Федерации

Кеклис Александр Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России)
E-mail: a@kekli.ru

Шапская Алёна Дмитриевна,

магистрант Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России)
E-mail: shapkarya@mail.ru

Переход к цифровой экономике радикально трансформирует фундаментальные категории частного права, порождая новые формы нематериальных объектов, приобретающих оборотоспособность и правовую значимость, аналогичную материальным вещам, и ставя под вопрос универсальность традиционных правовых конструкций. Несмотря на введение в 2019 году в ГК РФ статьи 141.1, закрепляющей понятие «цифровых прав», уровень проработки данной категории остается фрагментарным и декларативным. Законодатель ограничился общей формулой, которая отсылает к абстрактным правилам информационной системы, оставив без внимания специфику объектов, в которых реализуются права (NFT, токены, цифровые свидетельства), а также способы их фиксации (блокчейн, хэширование, смарт-контракты). В настоящей статье авторы анализируют проблемы правового регулирования цифровых прав, в первую очередь, связанные с их фиксацией при помощи блокчейн-технологий. Авторы отмечают, что развитие цифрового оборота, правоприменительная стабильность и доверие к правовой системе в условиях цифровизации невозможны без четкого и технологически адаптированного нормативного регулирования.

Ключевые слова: цифровые права, блокчейн, смарт-контракт, фиксация цифровых прав, защита цифровых прав.

Современные цифровые технологии существенно трансформируют правовую систему, создавая новые объекты гражданских прав и формы их защиты. Однако существующее законодательство, как российское, так и международное, сталкивается с рядом проблем в регулировании цифровых прав, что выражается в наличии пробелов и коллизий в нормативно-правовом пространстве.

Существующие нормы, содержащиеся как в ГК РФ, так и в Федеральном законе от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 259-ФЗ), пока не обеспечивают достаточного правового регулирования новых типов активов и цифровых объектов. В результате чего затрудняется регулирование оборота цифровых прав и возникает неопределенность для участников цифрового оборота [1, с. 40].

Одной из ключевых проблем регулирования цифровых прав в Российской Федерации является отсутствие комплексного подхода к их правовой природе. Статья 141.1 ГК РФ закрепляющая понятие цифровых прав, носит весьма общий характер и не дает однозначных ответов на вопросы о правовом статусе различных видов цифровых активов. Такая ситуация породила ряд проблем, связанных с пробелами в праве, систематизировав которые, можно сформулировать следующим образом:

1. *Отсутствие единой классификации цифровых объектов.* В законодательстве РФ не определено четкого деления цифровых активов по их правовому режиму, то есть данные, цифровой контент, цифровые финансовые активы, токены и другие виды цифровых объектов зачастую регулируются различными нормативно-правовыми актами, создавая фрагментарность регулирования.
2. *Несовершенство механизмов защиты цифровых прав.* Несмотря на то, что в 2019 году произошло признание цифровых прав в ГК РФ, все же отсутствуют унифицированные способы их фиксации и защиты, что вызывает сложности в правоприменительной практике, особенно в судебных спорах.
3. *Неопределенность правового режима цифровой записи в блокчейне.* Вопрос о признании блокчейн-записей в качестве доказательств остается нерешенным. В отечественном законодательстве отсутствуют нормы, которые однозначно устанавливают юридическую силу таких записей, что порождает правовую неопределенность.

Также в дополнение можно отметить, что Закон № 259-ФЗ регулирует лишь узкий спектр цифровых прав, связанных с цифровыми валютами и токенами, оставляя за рамками регулирования многие другие формы цифровых активов. Таким образом, актуальной задачей становится разработка комплексного нормативного акта, регулирующего весь спектр цифровых прав.

Наряду с пробелами в законодательстве можно выделить и коллизии, которые возникают при регулировании цифровых прав. Согласимся с авторами, которые также отмечают наиболее значимые из них [2, с. 72–75]:

1. *Противоречия ГК РФ и Закона № 259-ФЗ.* В то время как в ст. 141.1 ГК РФ вводится общее понятие цифровых прав, вышеупомянутый закон рассматривает лишь их узкий сегмент, что приводит к разночтениям в практике применения норм. Например, если цифровой актив не подпадает под определения цифрового финансового актива (далее – ЦФА) в Законе № 259-ФЗ, но при этом отвечает критериям цифровых прав по ГК РФ, возникает правовая неопределенность: можно ли его передавать? Каким образом фиксировать владения и как его защищать в суде?

Допустим, компания использует токены на блокчейне для подтверждения прав на авторский контент (например, уникальные цифровые произведения искусства в формате NFT), исходя из этого сформулируем следующие пункты:

- ГК РФ допускает существование цифровых прав в широком смысле;
- Закон № 259-ФЗ такие объекты не регулирует, так как NFT не является ЦФА в смысле этого закона;
- в результате отсутствует единый механизм признания таких цифровых прав в правоприменительной практике, а суды могут по-разному трактовать их статус.

Данная коллизия осложняет защиту прав в судебных разбирательствах и требует более четкого регулирования на законодательном уровне.

2. *Несо согласованность норм о фиксации прав на цифровые активы.* ГК РФ требует обязательного закрепления некоторых прав в реестрах, тогда как технология блокчейна является децентрализованной и в том же формате фиксирует данные, что не вписывается в традиционные подходы гражданского права. Например, согласно ст. 8.1 ГК РФ, права на имущественные активы (включая цифровые права) должны фиксироваться в государственных или иных официальных реестрах. Однако, в случае использования блокчейна для фиксации прав на цифровые активы, такие записи не признаются официальными, поскольку они не ведутся уполномоченными органами и не соответствуют требованиям российского законодательства о реестровом учете.

Например, если цифровой объект, возьмем токен, который удостоверяет право собственности на произведение искусства, фиксируется в блокчейне, то с точки зрения технологии его изменение

невозможно. Однако российское законодательство требует, чтобы передача таких прав оформлялась в установленном порядке, что может включать нотариальное удостоверение или регистрацию в государственном реестре. Это создает правовую неопределенность: может ли блокчейн-запись считаться юридически значимой фиксацией права, или она должна дублироваться в традиционной централизованной системе? На данный момент в судебной практике отсутствует единый подход к признанию юридической силы таких записей, что создает риски для участников цифрового оборота и требует законодательного урегулирования.

3. *Коллизии в правоприменении.* Отсутствие единых подходов к признанию цифровых прав в судебной практике приводит к разночтениям в решениях судов, что усложняет защиту интересов субъектов цифровых правоотношений. Например, автор цифрового произведения фиксирует свое авторское право с помощью блокчейн-технологии, создавая неизменяемую запись с хэш-суммой произведения и временной меткой. В случае нарушения его прав и обращения в суд с иском о защите авторских прав, он может предоставить блокчейн-запись (то же электронное доказательство, согласно процессуальным кодексам) в качестве доказательства приоритета создания произведения. Однако, в отсутствие четких нормативных положений о признании таких записей, суд может усомниться в их допустимости и достоверности, что создает правовую неопределенность для правообладателя [3, с. 236–237].

Таким образом, несмотря на развитие технологий и их потенциал в фиксации и защите цифровых прав, российская судебная практика еще не выработала единых подходов к признанию блокчейн-записей в качестве допустимых доказательств, что подчеркивает необходимость совершенствования нормативно-правовой базы в данной сфере.

Пробелы и коллизии существуют не только в отечественном законодательстве, но и в международном праве, в основном, они обусловлены разными подходами к регулированию цифровых активов [4, с. 145–150; 5, с. 177–183]. В частности, можно выделить следующие из них:

- отсутствие единого международного стандарта регулирования цифровых прав. Хотя WIPO и ЕС предпринимают попытки унификации подходов, на уровне международного права сегодня не существует единого документа, который закрепляет универсальные принципы фиксации и защиты цифровых прав;
- коллизии между международными конвенциями и национальным законодательством. Например, Бернская конвенция о защите литературных и художественных произведениях, 1886 г. защищает авторские права, но не учитывает современные способы фиксации цифровых прав через технологии блокчейна и смарт-контрактов;
- различие подходов к регулированию цифровых активов. США, Китай, ЕС и Россия применяют

разные стратегии правового регулирования, что затрудняет международный оборот цифровых объектов и их правовую защиту.

Таким образом, существующие пробелы и коллизии в российском и международном законодательстве требуют разработки новых подходов к регулированию цифровых прав, учитывающих современные технологические реалии и потребности участников цифровых правоотношений. Однако, прежде чем вырабатывать эффективные механизмы их защиты и фиксации, необходимо определить правовую природу самих цифровых объектов и записей в распределенных реестрах.

Далее, обратимся к удостоверению или фиксации цифровых прав с применением блокчейн-технологий.

На сегодняшний день блокчейн-технология широко используется для фиксации цифровых прав, однако ее правовой статус остается неопределенным. В российском законодательстве отсутствуют нормы, которые прямо признают блокчейн-записи юридически значимыми, что порождает очередную правовую неопределенность в вопросах их правоприменения [6]. В результате возникают сложности с признанием таких записей в качестве доказательств в суде, а также с их интеграцией в действующую систему регулирования цифровых прав.

В отличие от традиционных реестровых систем, блокчейн представляет собой децентрализованную среду, в которой информация фиксируется без участия государственных органов и нотариусов. И, одной из ключевых проблем здесь является отсутствие в законодательстве норм, которые прямо регулируют правовой статус записей в распределенных реестрах. Несмотря на то, что данная технология позволяет зафиксировать информацию без возможности внесения изменений, вопрос о юридической силе таких записей остается открытым [7, с. 283–293]. Это ставит перед правоприменителями ряд существенных вопросов: можно ли считать запись в блокчейне юридически значимой фиксацией права? Какой правовой режим распространяется на цифровые объекты, закрепленные в блокчейне? Каковы механизмы защиты таких объектов и возможности их использования в гражданском обороте?

Отсутствие единых подходов к определению цифровых объектов, как самостоятельных объектов гражданских прав усугубляет ситуацию. Если традиционные имущественные права фиксируются в государственных реестрах, то цифровые активы, такие как токены или NFT, существуют исключительно в распределенной среде блокчейна и не имеют аналогичного правового режима, что ставит под сомнение возможность их защиты на уровне гражданского законодательства и требует разработки новых правовых механизмов.

В рамках действующего законодательства можно выделить следующие коллизии:

- ст. 8.1 ГК РФ требует фиксации некоторых прав в официальных реестрах, но блокчейн-записи не подпадают под этот режим;

- Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (далее – Закон № 63-ФЗ) допускает юридическую силу электронных документов, но не распространяет её на децентрализованные записи;

- Закон № 259-ФЗ регулирует цифровые финансовые активы, но не охватывает широкий спектр цифровых объектов, существующих в блокчейне.

Таким образом, в российском праве отсутствует механизм официального признания записей в блокчейне, как юридически значимых документов или доказательств, что приводит к их непризнанию в судебной практике. Ввиду этого, рассмотрение правового режима блокчейн-технологий становится ключевым аспектом в решении проблемы нормативно-правового регулирования цифровых прав.

Не менее серьезной проблемой является отсутствие единого правового режима для цифровых объектов, таких как NFT, токены и цифровые артефакты. Если традиционные имущественные права фиксируются в централизованных реестрах, например, ЕГРН для недвижимости, Реестры изобретений, промышленных образцов, полезных моделей, товарных знаков и других объектов интеллектуальной собственности, то цифровые активы, зарегистрированные в блокчейне, не имеют аналогичного правового закрепления.

Допустим, пользователь приобретает NFT-токен, который удостоверяет право владения цифровым произведением искусства. В блокчейне фиксируется информация об адресе кошелька, на который передается токен, а также условия его последующей передачи, если они заложены в смарт-контракт. Однако следует отметить, что «владельцем» NFT-токена в блокчейне является не человек, как субъект права, а именно блокчейн-адрес – уникальный криптографический идентификатор, к которому привязан токен.

Отметим, что сам блокчейн-адрес не обладает правосубъектностью и не тождественен лицу. Благодаря обладанию приватным ключом устанавливается юридически значимая связь между адресом и конкретным лицом, что позволяет управлять активами, привязанными к этому адресу. Но все же не все так однозначно: если ключом владеет пользователь, он может непосредственно распоряжаться токеном, а если речь идет о кастодиальном кошельке, то управление осуществляется через третье лицо – сервис-оператор, который действует от имени или в интересах пользователя, а значит, доступ к токenu становится опосредованным.

Таким образом, на уровне блокчейна мы видим только адрес, но не можем достоверно установить, кто является его фактическим владельцем, то есть конкретное лицо или кастодиальный сервис. Это в свою очередь создает существенную правовую неопределенность, особенно при рассмотрении споров о правах на NFT, поскольку российское законодательство не содержит механизмов, которые позволяют однозначно идентифицировать

субъект права через блокчейн-адрес. Более того, само по себе владение токеном не означает владения исключительными правами на цифровое произведение, поскольку в действующем законодательстве отсутствует норма, которая бы прямо закрепляла юридические последствия такой транзакции.

С одной стороны, владелец NFT может считать, что приобрел исключительное право на произведение. С другой стороны, в отсутствие прямого указания в договоре он может обладать лишь «записью» о владении токеном, но не самими правами на контент [8]. В этом случае, сделка создает риски для участников оборота цифровых активов и требует нормативного урегулирования правового статуса цифровых объектов.

В российской судебной практике пока отсутствуют единые подходы к признанию блокчейн-записей в качестве доказательств, однако отдельные судебные решения уже содержат попытки их использования.

Одним из редких примеров использования блокчейн-записей в российской судебной практике является дело № А46–4990/2019, рассмотренное Арбитражным судом Омской области 27.05.2019 года. В рамках спора суд зафиксировал возможность заключения контрактов в форме блокчейн-контрактов (фактически смарт-контрактов), а также признал их исполнение на основе механизма простых электронных подписей [9].

Стороны заключили дополнительное соглашение, в котором предусматривался механизм акцепта (принятия условий контракта) через блокчейн. Согласно условиям:

1. Подписание блокчейн-контракта осуществлялось путем обмена электронными данными, подписанными простой цифровой электронной подписью (далее – ЭЦП).

2. ЭЦП рассматривалась как уникальный идентификатор, подтверждающий подписание контракта конкретным лицом, в соответствии с Законом № 63-ФЗ.

3. Стороны установили, что молчание является акцептом (на основании п. 2 ст. 438 ГК РФ), а значит, если покупатель не отказался от условий контракта до 17:00 по московскому времени, то сделка считалась заключенной автоматически.

4. Доказательством заключения договора служит скриншот экрана, содержащий сообщение о принятии или отказе от блокчейн-контракта.

Таким образом, блокчейн-контракт позволил сторонам автоматизировать процесс заключения и исполнения обязательств без необходимости дополнительного волеизъявления, что полностью согласуется со ст. 309 ГК РФ, которая допускает использование информационных технологий для автоматического исполнения обязательств.

Проведя анализ судебного решения, можно выделить следующее:

1. С одной стороны, суд признал блокчейн-контракт легитимным, так как он соответствовал требованиям ГК РФ и Закона № 63-ФЗ.

2. С другой стороны, судебное решение не означало признание блокчейн-записей полноценными юридическими доказательствами – ключевым элементом фиксации обязательств оставался скриншот экрана, а не сама запись в распределенном реестре.

Этот случай демонстрирует частичное признание блокчейн-технологий в правоприменении: суд подтвердил, что блокчейн-контракты могут быть использованы в коммерческом обороте, но при этом не закрепил их как самостоятельную юридически значимую форму фиксации сделок.

Аналогичная ситуация наблюдается в делах, связанных с интеллектуальной собственностью, например, в спорах о приоритете авторского права стороны пытались представить блокчейн-записи в качестве доказательств, но суды чаще всего не учитывали их из-за отсутствия единого правового режима блокчейна.

Таким образом, на сегодняшний день российская судебная практика не признает блокчейн-записи в качестве самостоятельного юридически значимого способа фиксации прав, что создает правовую неопределенность и требует законодательного урегулирования.

Вместе с тем, необходимость внесения изменений в гражданское законодательство обусловлена не только внутренними пробелами и коллизиями российского права, но и необходимостью адаптации правовой системы к международным стандартам фиксации цифровых прав.

Мировая практика демонстрирует активное использование блокчейн-технологий и смарт-контрактов для защиты цифровых активов, регистрации интеллектуальных прав и автоматизации исполнения обязательств. Однако в России пока отсутствуют правовые механизмы, обеспечивающие интеграцию таких решений в существующую юридическую систему, что создает дополнительные сложности, как для участников гражданского оборота, так и для правоприменителей, поскольку отсутствие единых подходов к признанию цифровых прав в международной практике может осложнять их трансграничную защиту.

В связи с этим важным направлением совершенствования правового регулирования цифровых прав становится разработка механизмов интеграции международных стандартов фиксации цифровых прав в российскую правовую систему.

Современные тенденции международного регулирования цифровых прав демонстрируют стремительное развитие механизмов фиксации и защиты цифровых активов, основанных на блокчейн-технологиях и смарт-контрактах [10, с. 482–483]. В таких странах, как США, Великобритания, Китай и государства ЕС, нормативные подходы уже включают юридическое признание записей в блокчейне, возможность их использования в качестве доказательств и легализацию смарт-контрактов как способа исполнения сделок.

Вместе с тем российская правовая система пока не адаптирована к данным международным

стандартам, что создает проблемы интеграции цифровых прав в гражданский оборот.

Далее, рассмотрим основные нерешенные вопросы, связанные с интеграцией в российскую правовую систему, которые можно сгруппировать следующим образом:

1. Признание блокчейн-записей в качестве юридически значимых.

В странах ЕС действует Регламент eIDAS (Electronic Identification, Authentication and Trust Services), который признает электронные записи, зафиксированные в блокчейне, юридически значимыми, если они соответствуют определенным требованиям идентификации и доверенной фиксации данных. В России же аналогичный механизм отсутствует, что делает невозможным автоматическое признание блокчейн-записей в качестве юридически значимых сведений.

Например, во Франции в 2019 году и в Люксембурге в 2021 году были внесены изменения в законодательство, позволяющие закреплять финансовые сделки и интеллектуальные права через блокчейн без необходимости дополнительного нотариального удостоверения. В России же пока отсутствуют правовые нормы, позволяющие включить блокчейн-записи в официальные реестры.

Таким образом, для интеграции международных стандартов необходимо введение в российское право положений, признающих блокчейн-записи юридически значимыми и допускающих их использование в качестве доказательств в суде.

2. Признание смарт-контрактов, как формы цифровых сделок.

В международной практике смарт-контракты уже рассматриваются как законный механизм исполнения сделок, например, в США (штаты Аризона, Теннесси и Вайоминг) приняты законы, признающие смарт-контракты юридически значимыми, а в Великобритании в 2021 году Высокий суд признал смарт-контракты «обязывающими соглашениями» [11].

В России смарт-контракты не имеют отдельного правового регулирования, что создает сложности при их использовании в бизнесе и международных транзакциях, например, если российская компания заключает договор со своим иностранным партнером с применением смарт-контракта на блокчейне, возникает ряд противоречий между нормами российского и международного права [12, с. 28–29]:

- с точки зрения российского права такой контракт не имеет четкого юридического статуса несмотря на то, что на сегодняшний день сделки могут совершаться в электронной форме;
- с точки зрения международных норм, сделка может быть признана, если она соответствует стандартам стран, где смарт-контракты легализованы.

Это создает юридический дисбаланс, так как российские компании могут участвовать в международных сделках через смарт-контракты, но не всегда смогут защитить свои права в российских судах в случае спора. Для устранения дан-

ной проблемы требуется внесение в ГК РФ изменений, которые разрешают использование смарт-контрактов в рамках российского договорного права и определяющих условия их исполнения и признания в судебной практике.

3. Признание трансграничных цифровых прав.

Цифровые права часто имеют трансграничный характер – это особенно актуально для интеллектуальной собственности, лицензирования цифрового контента и оборота цифровых финансовых активов. В международной практике уже действуют стандарты трансграничного регулирования цифровых прав:

- WIPO разрабатывает унифицированные подходы к фиксации цифровых объектов;
- в ЕС применяет директивы о цифровых услугах, включающие правовые нормы по защите цифровых прав;
- в США признают определенные цифровые активы и контракты на федеральном уровне, что облегчает их международный оборот.

В России же отсутствует механизм интеграции этих стандартов в национальное право, что создает сложности при признании цифровых прав, зафиксированных в зарубежных системах, например, если российский автор защищает свое произведение через блокчейн-депонирование в системе WIPO Proof, российское законодательство не дает однозначного ответа на вопрос о признании такого способа фиксации прав, что ставит российских правообладателей в невыгодное положение по сравнению с коллегами из ЕС и США.

Для решения данной проблемы необходимо:

- имплементировать международные стандарты фиксации цифровых прав (например, регламент eIDAS ЕС) в российское законодательство с учетом цифрового суверенитета;
- разработать единые стандарты верификации блокчейн-записей для трансграничных сделок;
- внести изменения в ГК РФ и процессуальное законодательство (ГПК РФ, АПК РФ) для регулирования использования цифровых доказательств, зафиксированных в международных блокчейн-системах, на территории России.

Таким образом, несмотря на наличие отдельных норм, содержащихся в ГК РФ и Законе № 259-ФЗ, они не охватывают весь спектр цифровых прав, оставляя значительное число правовых вопросов нерешенными. Отсутствие в российском законодательстве норм, признающих блокчейн-записи в качестве юридически значимых, ограничивает их применение в судебной практике и гражданском обороте, что существенно снижает правовую защищенность участников цифровых правоотношений. В отличие от ЕС и США, где блокчейн-записи уже признаны частью правовой системы, в России их статус остается неопределенным, что препятствует их использованию в качестве доказательств и инструментов фиксации цифровых прав. Кроме того, отсутствие регулирования смарт-контрактов не позволяет им занять полноценное место в российском договорном праве, несмотря на их актив-

ное внедрение в зарубежной практике. Для устранения данных проблем требуется разработка комплексных законодательных изменений, направленных на интеграцию международных стандартов фиксации цифровых прав в российскую правовую систему, признание блокчейн-записей и смарт-контрактов, а также формирование единых правовых механизмов защиты цифровых активов в условиях цифровой экономики.

Литература

1. Кеклис, А.Ю. Цифровые права граждан и защита персональных данных в условиях развития информационного общества / А.Ю. Кеклис, И.Д. Кукушкин // Юридическая наука. – 2024. – № 9. – С. 40–45. – EDN FVEBZG.
2. Рашева, Н.Ю. Особенности правового регулирования оборота цифровых активов / Н.Ю. Рашева, О.И. Чиркова // Национальная ассоциация ученых. – 2022. – № 81. – С. 71–76.
3. Камкин, И.Е. Деятельность судов по защите цифровых прав граждан / И.Е. Камкин // Военно-правовые инструменты обеспечения экономической мобилизации предприятий оборонной промышленности. – 2023. – С. 235–238.
4. Инамджанова, Э.Э. Зарубежный опыт и коллизии в правовом регулировании токенов (криптовалют) / Э.Э. Инамджанова // ORIENSS. – 2022. – № 7. – С. 141–153.
5. Гирич, М.Г. Сравнительный анализ правового регулирования цифровых финансовых активов в России и других странах / М.Г. Гирич, И.С. Ермохин, А.Д. Левашенко // Вестник международных организаций. – 2022. – Т. 17. – № 4. – С. 176–192.
6. Блокчейн: по ту сторону юридической наивности // Блог адвоката Александра Станишевского. – URL: <https://stanishevski.ru/blog/blockchain> (дата обращения: 30.07.2025 г.)
7. Талапина, Э.В., Южаков, В.Н., Ефремов, А.А., Черешнева, И.А. Применение технологий распределенного реестра в государственном управлении: возможности и правовые риски / Э.В. Талапина, В.Н. Южаков, А.А. Ефремов, И.А. Черешнева. – Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. – 314 с.
8. Проблемы правового регулирования NFT токенов // ДП Консалт. – Электронный ресурс. – URL: <https://dp-consult.ru/faq/post/problemy-pravovogo-regulirovaniya-nft-tokenov> (дата обращения: 20.07.2025 г.)
9. Решение Арбитражного суда Омской области от 27.05.2019 по делу № А46–4990/2019. Электронный ресурс. – URL: <https://e.arbitr-praktika.ru/npd-doc?npmid=98&npid=39756656&forceDeviceType=1> (дата обращения: 20.07.2025 г.)
10. Фролова, Е.Е. Цифровые инструменты защиты прав на интеллектуальную собственность: на примере блокчейн и искусственного интеллекта / Е.Е. Фролова, Е.В. Купчина //

Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2023. – № 61. – С. 479–498. – DOI 10.17072/1995–4190–2023–61–479–498. – EDN FWYEIP.

11. Штат Аризона ввел блокчейн и смарт-контракты в правовое поле // Форклог. – Официальный сайт. – URL: <https://forklog.com/news/shtat-arizona-vvel-blokchejn-i-smart-kontrakty-v-pravovoe-pole> (дата обращения 22.07.2025 г.)
12. Бажина, М.А. Правовые проблемы применения смарт-контрактов в России / М.А. Бажина, Е.П. Щекочихина // Предпринимательское право. – 2024. – № 3. – С. 27–32. – DOI 10.18572/1999–4788–2024–3–27–32. – EDN VZPAOI.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF DIGITAL RIGHTS IN THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Keklis A.Yu., Shkapskaya A.D.

Saint-Petersburg branch of the All-Russian State University of Justice

The transition to the digital economy is radically transforming the fundamental categories of private law, generating new forms of intangible objects that acquire marketability and legal significance similar to tangible things, and calling into question the universality of traditional legal structures. Despite the introduction of Article 141.1 in the Civil Code of the Russian Federation in 2019, which establishes the concept of “digital rights”, the level of elaboration of this category remains fragmented and declarative. The legislator limited himself to a general formula that refers to the abstract rules of the information system, ignoring the specifics of the objects in which rights are implemented (NFTs, tokens, digital certificates), as well as ways to fix them (blockchain, hashing, smart contracts). In this article, the authors analyze the problems of legal regulation of digital rights, primarily related to their fixation using blockchain technologies. The authors note that the development of digital turnover, law enforcement stability and trust in the legal system in the context of digitalization are impossible without a clear and technologically adapted regulatory framework.

Keywords: digital rights, blockchain, smart contract, digital rights fixation, digital rights protection.

References

1. Keklis, A.Y. Digital rights of citizens and protection of personal data in the context of the development of the information society / A.Y. Keklis, I.D. Kukushkin // Legal Science. – 2024. – No. 9. – pp. 40–45. – EDN FVEBZG.
2. Rasheva, N. Yu. Features of the legal regulation of the turnover of digital assets / N.Y. Rasheva, O.I. Chirkova // National Association of Scientists. – 2022. – No. 81. – pp. 71–76.
3. Kamkin, I.E. Activity of courts on protection of digital rights of citizens / I.E. Kamkin // Military-legal instruments for ensuring the economic mobilization of defense industry enterprises. – 2023. – pp. 235–238.
4. Inamjanova, E.E. Foreign experience and conflicts in the legal regulation of tokens (cryptocurrencies) / E.E. Inamjanova // ORIENSS. – 2022. – No. 7. – pp. 141–153.
5. Girich, M.G. Comparative analysis of the legal regulation of digital financial assets in Russia and other countries / M.G. Girich, I.S. Ermokhin, A.D. Levashenko // Bulletin of International Organizations. – 2022. – Vol. 17. – No. 4. – pp. 176–192.
6. Blockchain: beyond legal naivety // Blog of lawyer Alexander Stanishevsky. – URL: <https://stanishevski.ru/blog/blockchain> (date of request: 07/30/2025).
7. Talapina, E.V., Yuzhakov, V.N., Efremov, A.A., Cheresheva, I.A. Application of distributed registry technologies in public administration: opportunities and legal risks / E.V. Talapina, V.N. Yuzhakov, A.A. Efremov, I.A. Cheresheva. – Moscow: Publishing house “Delo” RANHiGS, 2021. – 314 p.

8. Problems of legal regulation of NFT tokens // DP Consult. – Electronic resource. – URL: <https://dp-consult.ru/faq/post/problemy-pravovogo-regulirovaniya-nft-tokenov> (date of request: 07/20/2025)
9. Decision of the Arbitration Court of the Omsk region dated 05/27/2019 in case no. A46–4990/2019. Electronic resource. – URL: <https://e.arbitr-praktika.ru/npd-doc?np-mid=98&npid=39756656&forceDeviceType=1> (date of access: 07/20/2025).
10. Frolova, E.E. Digital tools for the protection of intellectual property rights: on the example of blockchain and artificial intelligence / E.E. Frolova, E.V. Kupchina // Bulletin of Perm University. Legal sciences. – 2023. – No. 61. – pp. 479–498. – DOI 10.17072/1995–4190–2023–61–479–498. – EDN FWYEIP.
11. The state of Arizona has introduced blockchain and smart contracts into the legal field // Forklog. – Official website. – URL: <https://forklog.com/news/shtat-arizona-vvel-blokchejn-i-smart-kontrakty-v-pravovoe-pole> (accessed 07/22/2025)
12. Bazhina, M.A. Legal problems of using smart contracts in Russia / M.A. Bazhina, E.P. Shchekochikhina // Business Law. – 2024. – No. 3. – pp. 27–32. – DOI 10.18572/1999–4788–2024–3–27–32. – EDN VZPAOI.

Климова Юлия Алексеевна,

слушатель по программе «Мастер государственного управления (МРА)», МГУ им. Ломоносова; судья 6-го квалификационного класса, заместитель председателя Щёлковского городского суда Московской области
E-mail: klimova.yuliy@yandex.ru

Статья посвящена анализу возможностей и ограничений интеграции технологий искусственного интеллекта в деятельность судебной системы. Рассматриваются как перспективные направления применения ИИ – автоматизация составления судебных приказов, распознавание речи, помощь в обработке правовых документов, – так и риски, связанные с использованием алгоритмов в принятии решений. Особое внимание уделено угрозам искажения воли заявителя, недостаточной прозрачности алгоритмов, невозможности объективной оценки таких понятий, как справедливость и добросовестность. Анализируются российская и международная практика, в том числе примеры из Великобритании и Китая. Отмечается, что при всех преимуществах ИИ не способен заменить личное убеждение судьи и его ответственность. Делается вывод о необходимости строго регламентированного, поэтапного внедрения ИИ с учётом правовых, этических и когнитивных аспектов.

Преимущества внедрения ИИ в сокращении времени на подготовку дел, уменьшении влияния человеческого фактора (например, предвзятости судей), упрощении доступа к юридической информации для граждан, снижении нагрузки на судей и аппарат судов. ИИ может стать мощным инструментом в судебной системе, но его внедрение требует осторожности, этических стандартов и сохранения человеческого контроля. Главный вопрос – не «может ли ИИ заменить судей», а «как помочь судьям стать эффективнее без ущерба для справедливости».

Ключевые слова: искусственный интеллект, судебная система, нейротехнологии, правосудие, нейроправо, автоматизация, чат-боты, юридические технологии, цифровизация, когнитивная свобода, беспристрастность судьи, персональные данные.

Введение

Каким образом ИИ может улучшить или упростить работу суда, а также какие сложности и вызовы он порождает? Данный вопрос особенно актуален для автора статьи, поскольку он занимает должность заместителя председателя одного из судов первой инстанции общей юрисдикции Московской области. В рамках своей профессиональной деятельности как при рассмотрении гражданских дел, так и при выполнении административных и хозяйственных функций сотрудники органов правосудия ежедневно сталкиваются с последствиями стремительного развития цифровых технологий, включая внедрение нейротехнологий, непосредственно влияющих на функционирование судебной системы.

Материалы и методы

Опираясь на собственный практический опыт и изученные материалы, сосредоточим внимание на прикладных аспектах внедрения ИИ, наиболее значимых для современного российского правосудия. Один из самых распространённых способов применения искусственного интеллекта в современной юридической практике – это использование чат-ботов и виртуальных юридических помощников. Такие инструменты широко применяются как специалистами в сфере права для выполнения профессиональных задач, так и в целях оказания гражданам базовой правовой помощи, в том числе при составлении заявлений, жалоб и исковых требований для обращения в суд.

Литературный обзор

Отдельные российские специалисты анализировали реальный опыт использования ИИ в деятельности органов власти. В частности, Ал.В. Незнамов и Ан.В. Незнамов рассмотрели основные преимущества применения ИИ в судах и связанные с этим риски. Вопросы влияния цифровых технологий на процессуальные формы анализировались в работах Ю.А. Лукониной.

Результаты

Отметим, что столь активное внедрение ИИ, несмотря на повышение общей эффективности работы, также несёт и потенциально негативные последствия. В частности, речь идёт о риске искажения воли заявителя, возникающем в результате упрощённого и доступного взаимодействия с автоматизированными юридическими инструментами.

Благодаря доступности и кажущейся простоте использования чат-ботов и виртуальных юридических помощников, создается иллюзия легкости составления процессуальных документов – заявлений, жалоб, исков. Однако такие генеративные инструменты не обеспечивают пользователю, не обладающему специальными юридическими знаниями, возможности объективно оценить корректность и полноту сгенерированного текста. Это, в свою очередь, может привести к тому, что объем фактически нарушенных или оспариваемых прав, которые гражданин намеревался защитить, окажется искажен или не раскрыт в поданном документе.

Также существует опасность того, что ИИ может побуждать людей, ранее не планировавших судебное разбирательство, к участию в тяжбах. Это происходит за счёт формирования у них ложного представления о гарантированно положительном исходе дела, возможности получения выгоды и отсутствии необходимости в профессиональной юридической поддержке, при этом без должного информирования о потенциальных правовых и материальных рисках.

Подобные последствия тесно связаны с актуальными вопросами защиты когнитивной свободы от воздействия технологий ИИ, свободы воли и действий личности.

Одним из ключевых вопросов, который волнует судейское сообщество, является возможность использования технологий искусственного интеллекта для вынесения решений и приговоров. Количество рассматриваемых судами первой инстанции гражданских, уголовных и административных делкратно растёт с каждым годом, что влечёт увеличение нагрузки на судей и аппарат судов.

Несомненно, полезными представляются возможности ИИ к анализу больших объемов данных, необходимых для отправления правосудия. В контексте сказанного актуализируется вопрос о способности ИИ в вопросах оказания помощи и выводе работы судей на более качественный уровень в контексте увеличивающейся на них нагрузки. Стремительное развитие общества и связанных с ним процессов достаточно остро ставит данный вопрос перед отечественной системой правосудия.

В контексте сказанного, важно отметить, что обучение системы искусственного интеллекта, позволяющей составить проект судебного акта – определения, постановления, решения или приговора – достаточно затруднительно. Дело в том, что существующие сегодня базы данных, состоящие из совокупности всех источников права, в том числе и базы судебных актов, достаточно далеки от того состояния, которое отвечало бы, как представляется, требованиям достаточности и юридической грамотности. Основная проблема состоит в том, что большое количество судебных актов не прошли проверку судами вышестоящих инстанций и по существу являются не верными. Возникает сложность в пресечении их влияния на итоговый результат работы ИИ.

Законодательные изменения и обновление судебной практики представляют собой непрерывный процесс. Несмотря на высокую скорость обработки информации, характерную для систем искусственного интеллекта, остаётся необходимость в постоянной проверке актуальности и достоверности используемых источников, что существенно осложняет практическое применение таких технологий.

Ключевым фактором эффективности работы ИИ является корректность и точность сформулированного запроса (промта), то есть поставленной перед системой задачи. Возникают вопросы о степени детализации запроса, возможности учёта особенностей конкретного судебного процесса, характеристик его участников, их поведения и других существенных обстоятельств.

Однако даже при наличии технически грамотного запроса полная зависимость от результатов, предоставленных ИИ, остаётся спорной. Принятие судебного решения – это не только применение норм закона, но и акт внутреннего убеждения, включающий совесть, личный опыт и необходимость сохранения беспристрастности и независимости судьи. В этой связи проект судебного акта, подготовленный искусственным интеллектом, может вызывать у судьи сомнения относительно ранее сформированного мнения о деле и собственной профессиональной компетентности, особенно с учётом предполагаемого превосходства ИИ в анализе объёмных данных.

Возникает вопрос, не может ли использование ИИ-систем при подготовке проектов судебных актов рассматриваться как форма вмешательства в деятельность судьи и нарушение принципа беспристрастности и независимости судьи. С формальной точки зрения, применение таких технологий в ближайшие годы полагаю не будет рассматриваться, как обязательное, и окончательное решение остаётся за судьёй. Однако существует риск, что алгоритмический вывод может повлиять на процесс формирования внутреннего убеждения, вызывая сомнения в собственных выводах и, тем самым, опосредованно воздействуя на принятие решения.

В то же время, на текущем этапе развития технологий представляется обоснованным внедрение элементов искусственного интеллекта в процесс автоматического формирования судебных приказов. Такие заявления, как правило, подаются по установленной форме, содержат бесспорные требования и подлежат проверке на наличие определённого перечня документов. Это делает возможным использование ИИ для автоматического распознавания подобных обращений и ускорения процесса их обработки. Внедрение таких решений способствовало бы снижению нагрузки на мировых судей и сотрудников судебного аппарата [8].

Обсуждение

Применение технологий искусственного интеллекта в судах Российской Федерации постепенно приоб-

ретает системный характер. Согласно заявлению председателя Совета судей Виктора Момотова, на данный момент ИИ активно используется примерно в 35% судов страны, преимущественно в Москве и Московской области [9]. Одним из наиболее активно применяемых направлений внедрения технологий искусственного интеллекта в судебную практику является автоматическое преобразование устной речи в текст при подготовке протоколов судебных заседаний. Этот подход уже реализуется в ряде регионов, включая Республику Башкортостан, Татарстан, а также Владимирскую и Иркутскую области.

В ряде субъектов Российской Федерации накоплен значительный опыт практического применения ИИ в различных аспектах судебной деятельности. Так, в Верховном Суде Республики Коми нейросетевые технологии используются для автоматического поиска нормативно-правовых актов, регулирующих соответствующие правоотношения. Вологодский областной суд применяет алгоритмы машинного обучения для обработки текстов – включая их аннотирование, сравнение и подготовку проектов судебных решений. В судах Амурской области внедрена система «Нейромагис», которая автоматически извлекает ключевую информацию из административных протоколов и переносит её в электронные базы судебного документооборота [9].

Отмечается необходимость создания единого цифрового пространства для всех звеньев судебной системы. На сегодняшний день информационные системы, используемые в федеральных, арбитражных и мировых судах, часто устарели и технически несовместимы. ГАС «Правосудие» не подвергалась модернизации в технической части, в то время как арбитражные суды функционируют на обособленном программном комплексе, а в 13 регионах мировые судьи работают на локальном программном обеспечении, не интегрированном в общую систему. В связи с этим формируется задача перехода к унифицированной автоматизированной системе, объединяющей все элементы судебной структуры [1].

Международный опыт также свидетельствует о стабильном интересе к внедрению технологий искусственного интеллекта в сферу судебного производства. Особенно активно такие технологии развиваются в государствах с прецедентной правовой системой, где основное значение придаётся правовым позициям, закреплённым в решениях высших судебных органов. Это делает ИИ особенно подходящим инструментом анализа, так как его алгоритмы во многом ориентированы на обобщение и сопоставление ранее принятых решений. Именно в этом контексте стоит рассматривать пилотные проекты по применению ИИ для разрешения малозначительных споров в Великобритании [10].

Аналогичные тенденции наблюдаются и в Китае, где, несмотря на континентальную правовую систему, фиксируется определённое сближе-

ние с прецедентной моделью в рамках цифровой трансформации. Рост экономики страны повлёк за собой кратное увеличение количества судебных дел: за последние 35 лет их объём возрос в 27 раз, тогда как количество судей – только в три [2]. Одним из ответов на такую диспропорцию стало внедрение цифровых помощников судей. В частности, технология Xiao Zhi 3.0 («Маленькая мудрость»), протестированная в 2019 году, позволяет в среднем за полчаса проанализировать спор, оценить доказательства, резюмировать аргументы сторон и сформировать рекомендации для принятия решения [2]. Основным преимуществом такого подхода стало значительное сокращение времени рассмотрения дел и снижение нагрузки на судейский корпус.

На первый взгляд может показаться, что субъективность, присущая человеческому фактору в работе судьи, – это недостаток, который можно устранить посредством применения технологий искусственного интеллекта. Во многих странах внедрение ИИ в судебную систему объясняется, прежде всего, стремлением снизить влияние личной предвзятости при рассмотрении дел. Согласно правовым стандартам, судья при принятии решения должен сохранять нейтралитет и не допускать влияния личных предпочтений или внешних обстоятельств, таких как этническая принадлежность, религия, социальный статус или уровень образования участников процесса, тем самым обеспечивая справедливость и объективность разбирательства.

Поскольку алгоритмическая система работает на основе заранее заданной последовательности операций – от ввода исходной информации до её обработки и получения результата, – предполагается, что такой процесс исключает влияние внешних субъективных факторов. Это, в свою очередь, может рассматриваться как потенциальная основа для обеспечения объективности и беспристрастности при принятии решений [5].

Однако при опоре исключительно на массив предшествующих решений возникает риск воспроизводства уже существующих искажений. Например, в делах о защите авторских прав возможно недооценивание вклада начинающих авторов, если подобная тенденция закреплена в судебной практике. Следовательно, автоматизированные системы, обучающиеся на исторических данных, могут унаследовать ошибки, неточности, а также правовые позиции, утратившие актуальность вследствие изменений законодательства [4].

Таким образом, применение ИИ в судебной деятельности не гарантирует устранения предвзятости, а в некоторых случаях может, напротив, способствовать её закреплению, если в обучающих выборках присутствуют системные перекосы или искажения.

Одной из серьёзных проблем, с которыми сталкиваются технологии искусственного интеллекта при использовании в правовой сфере, является ограниченная способность оперировать абстрактными и оценочными категориями, такими как за-

конность, мораль, эффективность, справедливость и другие. Между тем именно эти категории лежат в основе ключевых правовых принципов, принятых в большинстве правовых систем [3].

Понятие справедливости представляет собой особую трудность для формализации, поскольку оно многозначно и трактуется по-разному в зависимости от правовой традиции. В англо-саксонской системе права справедливость рассматривается преимущественно как субъективная категория, тесно связанная с оценкой добросовестности поведения сторон. Как указывает А.Я. Курбатов, в этом контексте признание действий лица недобросовестными означает выявление несоответствия его поведения требованиям честности и порядочности, которые судья оценивает, исходя из личных нравственных убеждений и внутреннего ощущения справедливости [6]. Напротив, в континентальной правовой системе справедливость понимается объективно – как соответствие действующему праву в его широком значении.

Подобный подход отражён и в международно-правовых документах. В частности, статья 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод закрепляет право каждого человека на справедливое судебное разбирательство. В пункте 1 этой статьи указано, что любой, чьи гражданские права и обязанности подлежат рассмотрению в суде, либо кто обвиняется в совершении уголовного преступления, имеет право на разбирательство его дела в разумный срок, беспристрастным и независимым судом, созданным на основании закона [7].

В этой связи возникает вопрос: может ли решение, принятое с использованием технологий искусственного интеллекта, быть по-настоящему справедливым? Ответ на него зависит не только от базы предыдущих судебных решений, на которых обучалась система, но и от алгоритмов, разработанных её создателями. Без доступа к информации о логике функционирования таких алгоритмов, а также к массиву данных, на основе которых принимаются решения, судье затруднительно оценить, действительно ли «цифровой помощник» способен обеспечивать вынесение справедливых и обоснованных судебных актов.

Заключение

Интеграция технологий искусственного интеллекта в судебную систему представляет собой объективно необходимый этап цифровой трансформации современного правосудия. В условиях роста судебной нагрузки ИИ способен повысить оперативность и точность выполнения рутинных задач, снизить объём документооборота, ускорить составление протоколов заседаний и формирование судебных приказов. Однако его использование при вынесении судебных решений требует особой осторожности.

ИИ не в полной мере способен учитывать индивидуальные особенности конкретных дел, а также

оперировать правовыми и этическими категориями, требующими субъективного толкования. Более того, алгоритмы, обученные на основе исторических данных, могут воспроизводить устаревшие или ошибочные практики, закрепляя системные искажения.

Использование технологий искусственного интеллекта не должно заменять фундаментальные принципы правосудия, такие как личная ответственность судьи, его внутренние убеждения, объективность и способность к моральной оценке ситуации. В этом контексте особенно важно развивать нормативно-правовую базу, которая будет чётко определять допустимые пределы применения ИИ в судебной деятельности. Наряду с этим необходима работа по созданию единого цифрового пространства для всей судебной системы. Такой комплексный подход позволит эффективно использовать возможности ИИ при одновременном обеспечении надёжной защиты прав и свобод всех участников судебного процесса.

Литература

1. Баннов А.В. Искусственный интеллект в судебной системе Российской Федерации // Молодой ученый. 2024. № 52 (551). С. 242–246.
2. Бузова Н.В. Искусственный интеллект в судебной деятельности: преимущества и риски // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2024. Т. 10, № 2. С. 57–73.
3. Гостищев С.С. Внедрение искусственного интеллекта в судебную систему Российской Федерации // Молодой ученый. 2024. № 47 (546). С. 4–8.
4. Днепровская М. А., Абрамитов С.А. Digital Technologies in Activities of Russian Courts: Prospects of Artificial Intelligence Application // Advances in Economics, Business and Management Research. Материалы 2-й Международной научно-практической конференции «Современные тенденции менеджмента и цифровая экономика: от регионального развития к глобальному экономическому росту». 2020. Т. 138. С. 209–213.
5. Иванов А.Н. Подготовка юридических кадров в эпоху цифровизации: вызовы и перспективы // Право и образование. 2023. № 2. С. 45–53.
6. Курбатов А.Я. Предпринимательское право: проблемы теории и правоприменения: монография. М.: Юстицинформ, 2022. 244 с.
7. О защите прав человека и основных свобод: Конвенция (Заключена в г. Риме 04.11.1950) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 20. Ст. 2143.
8. Совет судей РФ предлагает автоматизировать приказное производство с помощью ИИ // rapsinews.ru. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20250306/310683763.html? (дата обращения: 11.07.2025)

9. 35% российских судов используют искусственный интеллект в работе // pravo.ru. URL: <https://pravo.ru/news/258775/> (дата обращения: 11.07.2025)
10. Reiling A. D. (Dory). Courts and artificial intelligence // International Journal for Court Administration. 2020. Vol. 11, № 2. URL: <https://www.iacajournal.org/articles/10.36745/ijca.343/> (дата обращения: 09.07.2025).

INTEGRATION OF AI INTO THE JUDICIAL SYSTEM

Klimova Yu.A.

Moscow State University, Shchyolkovo City Court of the Moscow Region

The article is devoted to analyzing the opportunities and limitations of integrating artificial intelligence (AI) technologies into the judicial system. It examines both promising areas of AI application – such as the automation of judicial orders, speech recognition, and assistance in processing legal documents – and the risks associated with algorithmic decision-making. Particular attention is paid to threats such as the distortion of the applicant's intent, the lack of algorithmic transparency, and the inability to objectively assess abstract legal concepts like fairness and good faith. The article explores both Russian and international practices, including examples from the United Kingdom and China. It is emphasized that, despite its advantages, AI cannot replace the judge's personal conviction and responsibility. The conclusion highlights the need for a strictly regulated and gradual implementation of AI, taking into account legal, ethical, and cognitive considerations.

The benefits of implementing AI include reducing the time it takes to prepare cases, reducing the influence of the human factor (e.g., bias of judges), simplifying access to legal information for citizens, and reducing the workload of judges and the court apparatus. AI can be a powerful tool in the judicial system, but its implementation requires caution, ethical standards, and maintaining human control. The main question is not «can AI replace judges?» but «how can we help judges become more efficient without compromising fairness?»

Keywords: artificial intelligence, judicial system, neurotechnologies, justice, neuro-law, automation, chatbots, legal technologies, digitalization, cognitive freedom, judicial impartiality, personal data.

References

1. Bannov A.V. Artificial Intelligence in the Judicial System of the Russian Federation // Young Scientist. 2024. No. 52 (551). P. 242–246.
2. Buzova N.V. Artificial Intelligence in Judicial Activity: Advantages and Risks // Bulletin of the Tyumen State University. Social, Economic and Legal Research. 2024. Vol. 10, No. 2. P. 57–73.
3. Gostishchev S.S. Implementation of Artificial Intelligence in the Judicial System of the Russian Federation // Young Scientist. 2024. No. 47 (546). P. 4–8.
4. Dneprovskaya M. A., Abramitov S.A. Digital Technologies in Activities of Russian Courts: Prospects of Artificial Intelligence Application // Advances in Economics, Business and Management Research. Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference “Modern Management Trends and the Digital Economy: from Regional Development to Global Economic Growth”. 2020. Vol. 138. Pp. 209–213.
5. Ivanov A.N. Training of legal personnel in the era of digitalization: challenges and prospects // Law and education. 2023. No. 2. Pp. 45–53.
6. Kurbatov A. Ya. Entrepreneurial law: problems of theory and law enforcement: monograph. Moscow: Yustitsinform, 2022. 244 p.
7. On the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms: Convention (Concluded in Rome on 04.11.1950) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 20. Art. 2143.
8. The Council of Judges of the Russian Federation proposes to automate summary proceedings using AI // rapsinews.ru. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20250306/310683763.html? (date of access: 11.07.2025)
9. 35% of Russian courts use artificial intelligence in their work // pravo.ru. URL: <https://pravo.ru/news/258775/> (date of access: 11.07.2025).
10. Reiling A. D. (Dory). Courts and artificial intelligence // International Journal for Court Administration. 2020. Vol. 11, № 2. URL: <https://www.iacajournal.org/articles/10.36745/ijca.343/> (дата обращения: 09.07.2025).

Эдикты против язычников как отражение религиозной борьбы в Римском государстве II–V вв. н.э.

Крицкая Светлана Юрьевна,

доцент кафедры гражданского права Северо-Западного
филиала Российского государственного университета
правосудия
E-mail: crebet@mail.ru

Статья посвящена вопросам правового регулирования Римским государством религиозной политики, развитие которой осуществлялось по-разному: то с помощью законодательных актов, защищавших древнеримскую политеистическую религию от действий новой христианской религии, зародившейся в I в.н.э., то с помощью законодательства, укреплявшего позиции христианской Церкви и запрещающего культовую практику язычников. Религия и право – два основных принципиальных факта публичной и частной жизни каждого члена римского общества, будь то римский гражданин или иноземец, проживавший в одной из многочисленных провинций Рима. Следовательно, религиозная борьба христианства и язычества проходила не только в духовной сфере, но и в области юриспруденции. Эдикты римских императоров, начиная с эдикта Галерия (311 г.) и заканчивая эдиктом Феодосия II и Валентиниана III (435 г.), ужесточили меры против язычников и укрепили тесную связь государства с христианской Церковью. Итог борьбы с языческими культами подвел император Юстиниан (527–565 гг.) в своем законодательстве.

Ключевые слова: религия, римское право, эдикт, императоры, христианство, гонения, язычники, церковь.

Немецкий историк Йозеф Лортц в своем фундаментальном труде по истории христианской церкви, характеризуя основные черты древнеримской цивилизации, писал: «Обширная Римская империя состояла по существу из трех различных в духовном и культурном отношении миров, трех в корне различных культурных ареалов: иудейского, греческого и римского...иудейский мир предстает нам как религиозный, греческий – как философский, римский – как политический: иудейская религия, греческое образование, римское государство (т.е. римское право в его конкретной реализации)... Римляне были преисполнены сознания, что они являются вершителями мировой истории. Какой же силой явилось это сознание для римлян, ставших христианами!» [3, с. 25, 28]

Это замечание, которое ставит знак равенства между государством и правом, совершенно верно, так как право рассматривалось древними римлянами как совершенно конкретный регулятор (то есть «измеритель» от *regula* «линейка, мерило») общественных отношений с помощью норм (*norma* – «мерка, образчик»), то есть правил должного и необходимого поведения людей, установленных и закрепленных сначала вождями, собраниями общин, советами старейшин в догосударственных объединениях (род, племя, община), а затем государственными органами для каждого члена государства. В Риме право пронизывало все сферы деятельности государства (*vita publica*) и право определяло частную жизнь отдельных граждан (*vita privata*). Следовательно, право регулировало и ту область общественного поведения людей – «социальную деятельность, подразумевающую определенный, исторически установленный и обязательный к исполнению порядок поклонения высшим силам» [4, с. 13], которую мы называем религией.

В течение почти тысячелетнего развития, с VII в. до н.э. по I–II вв.н.э. в Римском государстве основной моделью миропонимания являлось многобожие, на что уже указывает этимология латинского слова *religio* (от глагола *legere* «избирать, выбирать, рассматривать одно из многих») [12, S. 647]. Значений у слова религия было много: «выбор, колебание, сомнение, опасение, суеверный страх, предмет благочестивого страха, благоговение, священнодействие, богочитание и др.», а поскольку поклонение божеству основывалось на правильном выборе этого божества из числа многих других богов, то обращение с мольбой о помощи и жертвоприношение избранному богу сопровождалось положительными моментами, свя-

занными с разрешениями, которые давало само это божество, и отрицательными – запретами, которые устанавливал сам бог и которых должны были придерживаться люди постоянно, а из сочетания двух моментов – ментального выбора и физического священнодействия – и создавался ритуал, культ. Как писал римский политик, юрист писатель Марк Туллий Цицерон в I веке до н.э. в трактате «О природе богов»: «QUI AUTEM OMNIA QUAE AD CULTUM DEORUM PERTINERENT DILIGENTER RETRACTARENT ET TANQUAM RELEGERENT, SUNT DICTI RELIGIOSI EX RELEGENDO UT ELEGANTES EX ELIGENDO, EX DILIGENDO DELIGENTES. HIC ENIM IN VERBIS OMNIBUS INEST VIS RELEGENDI EADEM QUAE IN RELIGIOSO. – «Те же, кто всё, что относится к культу богов, избирательно просматривали и как бы выбирали, они были названы религиозными от цели выбора, так же как (названы) эlegantные (т.е. отборные) от цели отбора, старательно разборчивые – от цели разбирательства, оценки. Ведь здесь во всех словах присутствует некая сила выбора, которая есть в (слове) религиозный» (Cicero De natura deorum II, 28, 72.).

Религиозные правила в раннеримском государстве определяли и сами культы, и жизненные нормы за пределами религиозной практики – нравственные и социально-политические. Каждый гражданин, каждый чужеземец – перегрин, даже раб должен был подчиняться религиозным ритуалам. Любая деятельность – частная или публичная, например, принесение клятвы богам в суде или триумф победителя в войне, объявленной по религиозным правилам, должна быть согласована с волей конкретного божества, с *ius sacrum* «священным правом». Так, жрецы – птицегадатели авгуры занимались ауспигиями (*auspicia*), то есть наблюдениями за вещими птицами и небесными знамениями, согласно которым они разрешали или запрещали занятие государственной должности – инаугурацию (*inauguratio*) высшим магистратам.

Главным государственным, неукоснительно соблюдаемым культом Рима был культ бога неба Юпитера Капитолийского, учрежденный вторым римским рексом Нумой Помпилием (715–673 гг. до н.э.). [10, p. 863–896]

По мере того, как Римское государство подчиняло своей власти новые территории в результате захватнических войн и дипломатических актов, к середине I в.н.э., Римский мир – *Pax Romana* насчитывал уже 100 провинций (*vincere* – «побеждать, одолевать»), где местное население поклонялось множеству своих богов, за исключением иудеев – монотеистов, признававших только одного бога Яхве. Религиозный синкретизм вошел в жизнь всего народа ойкумены, показывая примеры веротерпимости, если только она не вступала в противоречие с римскими законами. Римский сатирик Децим Юний Ювенал с горечью писал в книге «Сатир»:

I. 130

Распределяется день примерно в таком вот порядке:

Утром подачка, там форум, потом Аполлон – юриконсульт,

Статуи знавших триумф, и между ними нахальная надпись

То из Египта неведомых лиц, то арабского князя...

II. 110

Мерзость Кибелы звучит голосами кастратов. [2, с. 130]

В пантеон римских богов внедрили и культы персидского солнечного бога Митры, египетской богини производительных сил природы Исиды, фригийской богини земледелия Кибелы, фракийского бога умирающей и воскресающей природы Диониса – Вакха, греческих божеств Геракла – Геркулеса и Асклепия – Эскулапа и многих других. Поклонники иноземных культов, наряду с римлянами, с целью отправления жертвоприношений, устройства религиозных праздников, создают религиозные сообщества – *collegia sacra publica*, которые получают разрешение на свою деятельность у римского сената, а также всячески подчеркивают свою лояльность официальным государственным культам и дважды в год совершают жертвоприношения в честь римских богов, а, начиная с I в. до н.э., и римских императоров, приравненных к богам. Например, все иудеи, независимо от возраста и пола, в пользу храма Юпитера Капитолийского Высочайшего и Величайшего платили так называемый «иудейский налог» – *fiscus iudaicus* в два денария.

Проживавшие на территории Римского государства представители чужеземных религий назывались по-разному: *gentes* «племена, народы, неравные в правовом отношении римскому народу – *populus Romanus*» [11, p. 443], *gentiles* «народы – варвары, живущие в пограничных зонах» [1, с. 140], *laeti* «бывшие пленные варвары, получившие свободу и возможность служить в пограничных войсках – *exercitus numerati*» [1, с. 177], *ethnici* – ἔθνικοι «чужеземные народы» [9, Σ. 79], чаще всего употреблялось слово *Hellenes* – Ἕλληνες «эллыны».

Термин «эллин» применялся к любым иноземцам, не обязательно к грекам по национальности. «Эллинами» для римлян могли быть берберы, германцы, иудеи, финикийцы, сирийцы – все те, кого государство считало неримлянами, даже если у них было римское гражданство. Этот термин являлся публично-правовым названием, обозначающим определенную категорию свободнорожденных лиц, проживавших на территории римского государства и имевших как ограниченные права римских граждан, так и все обычные права, которые у них были до подчинения власти римлян. [6, с. 40–44]

В I в.н.э. в Иудейском царстве – анклав римской провинции Сирия случилось событие, перевернувшее весь *Pax Romana* с его религиозной направленностью и породившее новый мир – *Pax Christiana*. Земная жизнь, проповеди, сверхъестественные чудеса, крестные муки, смерть как искупительная жертва за грехи человечества во имя

их грядущего спасения, воскресение из мертвых и вознесение в Царство Небесное Иисуса Христа заложили фундамент новой мировой религии – христианству.

Иисус Христос не учил своих учеников и последователей противостоять государственной системе (в Евангелии от Матфея в главе 22, 21 сказано: «Отдайте кесарево кесарю, а Божие Богу»); в своих проповедях он не сформулировал ясную, четкую программу рациональной доктрины, так как излагал учение о вере, спасении и вечной жизни в Царстве Божием, которое на небе, аллегорическим языком притч. Так, в Евангелии от Иоанна упоминается одна притча «О добром пастыре» (Ин. 10: 1–16), а в Евангелии от Матфея указаны 24 притчи, в их числе притча «О горчичном зерне» (Мф. 13: 31–32), притча «О сеятеле» (Мф. 13: 3–8), притча «О неводе с хорошей и худой рыбой» (Мф. 13: 47–50), притча «О потерянной овце» (Мф. 18: 12–14), притча «О новой заплате на ветхую одежду» (Мф. 9: 14–17), притча «О злых виноградарях» (Мф. 21: 33–44) и т.д. Для своих учеников – апостолов и последователей Иисус не дал четких указаний для оформления организационной структуры, через которую они могли бы передавать всем народам мира его учение как «Слово Божие», но дал основы для создания единой общины всех христиан – Церкви (ἐκκλησία): «...на сем камне Я воздвигну Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф. 16: 18). Из двух маленьких общин в Галилее и Иерусалиме христианская Церковь разрослась в огромное сообщество, и сразу же началась упорная борьба старой религии, поддерживаемой Римским государством, с новой христианской религией, которую на этом этапе, длившемся около тех столетий, рассматривало как опасную бунтарскую секту.[8, р. 60 etc.] Начиная с императора Нерона в 64 г.н.э. и заканчивая императором Диоклетианом в 305 г.н.э., власть, не желая менять старую религиозную основу общественных отношений, своей деятельностью и правовыми актами стремилось уничтожить христиан. Но гонения на христиан, рассеявшихся по всем известным в то время провинциям Рима и соседним странам – Антиохии, Палестине, Сирии, Нумидии, Египту, Армении, Кипру, Мидии, Парфии, Персии, Македонии, Галлии, Германии, Британии, Эпиру, Далмации, Паннонии, Понту, Киренаике, Вифинии, Аравии и других, только не только не сломили «Братьев во Христе» и не уничтожили христианскую веру, но укрепили духовные позиции Церкви.

С Эдикта о веротерпимости императора Галерия, принятого 30 апреля 311 г. в Никомидии, и Миланского эдикта о придании законного статуса христианской религии императоров Константина I и Лициния, принятого в феврале 313 г., для христианства настал новый поворотный период в развитии.[7, р. 13–41] Но главная победа была в 380 г.н.э., когда 27 апреля был опубликован Фессалоникийский эдикт трех императоров Феодосия I, Грациана, Валентиниана II, по которому христианская религия объявлялась единственной

официальной религией Римского государства, а все нехристиане считались сектантами, еретиками и строго наказывались государством. Текст Фессалоникийский эдикт, которым еще называется *cunctos populos*, установил христианскую веру как всеобщую (кафолическую), апостольскую, евангельскую, правильную и единственно законную. Другие вероучения считались ложными, еретическими, а секты еретиков потеряли право на собрания и священнодействия, к ним могли применить строгие административные меры за распространение своих безумных идей и за привлечение новых сторонников. Именно в то время в 416 г.н.э. появился трактат последователя Аврелия Августина Гиппонского христианского писателя Павла Орозия «*Historia adversum paganos*» в 7 книгах, где впервые был употреблен термин *paganus* «сельский житель, мужлан, грубиян», так называли эллинов и этников, а также неортодоксальных христиан, проживавших в пагах (*pagus* «сельская община»), где сильны были политеистические верования. В XI на Руси монахи Киево-Печерского монастыря перевели этот термин русским словом «язычник»; с тех пор в русских текстах «язычниками» стали именовать всех нехристиан.[5, с. 65–71]

IMPPP. GR(ATI)ANUS, VAL(ENTINI)ANUS ET THE(O)D(OSIUS) AAA. EDICTUM AD POPULUM VR-B(IS) CONSTANTINOP(OLITANAE)

Cunctos populos, quos clementiae nostrae regit temperamentum, in tali volumus religione versari, quam divinum Petrum apostolum tradidisse Romanis religio usque ad nunc ab ipso insinuata declarat quamque pontificem Damasum sequi claret et Petrum Aleksandriae episcopum virum apostolicae sanctitatis, hoc est, ut secundum apostolicam disciplinam evangelicamque doctrinam patris et filii et spiritus sancti unam deitatem sub pari maiestate et sub pia trinitate credamus.

Hanc legem sequentes Christianorum catholicorum nomen iubemus amplecti, reliquos vero dementes vesanosque iudicantes haeretici dogmatis infamiam sustinere 'nec conciliabula eorum ecclesiarum nomen accipere', divina primum vindicta, post etiam motus nostri, quem ex caelesti arbitro sumpserimus, ultione plectendos.

DAT. III Kal. Mar. THESSAL(ONICAE) GR(ATI)ANO A. V ET THEOD(OSIO) A. I CONSS

Императоры Грациан, Валентиниан и Феодосий Августы.

Эдикт народу города Константинополя.

Мы хотим, чтобы все народы, которыми в надлежащей мере управляет Наша Милость, пребывали в такой религии, как божественный Петр Апостол передал Римлянам, с того времени и доныне религия, установленная им самим, показывает и проясняет, чему следуют понтифик Дамас и Петр, епископ Александрии, муж апостольской святости, то есть, что мы должны верить, в соответствии с апостольским поучением и евангельским учением, в единую божественную природу Отца и Сына и Святого Духа в равном величестве и в Святой Троице.

Мы приказываем, чтобы те, кто повинуются этому закону, приняли наименование кафолических христиан, и определяем, что остальные, помешанные и безумные, должны потерпеть бесчестие, связанное с еретическим учением, а их соборы не принимать наименование церквей, и что они должны понести сначала Божественную кару, а затем наказание от Наших действий, которые Мы предприняли по небесному велению.

Принято в третий день до мартовских календ в Фессалонике в пятое консульство Грациана Августа и в первое консульство Феодосия Августа.

По сути дела, этот правовой акт ознаменовал начало падения язычества, не смотря на то, что язычество сопротивлялось, игнорируя ужесточение карательных мер в законодательствах императоров: эдикт Аркадия 399 г. о разрушении всех оставшихся нехристианских храмов в Константинополе; эдикт Гонории 408 г. об уничтожении идолов и алтарей, об обращении в государственную собственность всего имущества языческих храмов; эдикт Феодосия II и Валентиниана III 425 г. о запрещении язычникам выступать в суде и служить в армии, эдикт 435 г. о смертной казни за следование языческим обрядам и совершение жертвоприношений.

Последнюю точку в борьбе с язычниками поставил император Юстиниан (527–565 гг.), в своем законодательстве не только приняв законы против язычников, но и укрепив тесную связь государства с христианской Церковью.

Литература

1. Бартошек М. Римское право: понятия, термины, определения. – М.: Юридическая литература, 1989. 448 с.
2. Дератани Н. Ф., Тимофеева И.А. Хрестоматия по античной литературе. В 2-х томах. Т. 1. Римская литература. – М.: Просвещение, 1965. 652 с.
3. Лортц Й. История церкви, рассмотренная в связи с историей идей. – М.: Христианская Россия, 1999. Т. I. 510 С.
4. Общая история церкви /Под ред. В.В. Симонова. – М.: Наука, 2017. Т. I. 367 с.
5. Севастьянов И.А. Происхождение термина «язычество»: к постановке проблемы//Вестник Омского университета. № 4. 2008. С. 65–71.
6. Субботин Ю.В. Историко-правовой анализ влияния положений Эдикта Октавиана Августа об особом судопроизводстве в римской провинции Киренаика на систему федеративных отношений империи//Юридическая наука. № 7 (июль). 2024. С. 40–44.
7. Anastos M.V. The Edict of Milan (313). A Defence of its Traditional Authorship and Designation//Revue des Études Byzantines. Vol. 25. 1967. Pp. 13–41.
8. Frend H.C. Persecutions: genesis and legacy//The Cambridge History of Christianity. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 625 p.

9. Hofmann J. B. ETYMOLOGIKON ΛΕΞΙΚΟΝ ΤΗΣ ΑΡΧΑΙΑΣ ΕΛΛΗΝΙΚΗΣ. – ΕΝ ΑΘΗΝΑΙΣ, 1974. 568 Σ.
10. Silk Mark. Numa Pompilius and the Idea of Civil Religion in the West./Journal of the American Academy of Religion. N 72 (4). P. 863–896.
11. Vaan de Michiel. Etymological Dictionary of Latin and the Other Italic Languages. – Leiden: Brill NV, 2008. 534 P.
12. Walde A. Etymologisches Lateinisches Wörterbuch. – Heidelberg: Carl Winter's, 1910. 1074 S.

EDICTS AGAINST PAGANS AS THE REFLECTION OF RELIGIOUS CONFLICT IN THE ROMAN STATE IN II-V CC. A. D.

Kritskaya S. Yu.

North-Western Branch of the Russian State University of Justice

The article is devoted to the issues of legal regulation of the religious policy by the Roman state, the development of which was carried out in different ways: sometimes with the help of legislative acts that protected the ancient Roman polytheistic religion from the actions of the new Christian religion that arose in the 1st century AD, sometimes with the help of legislation that strengthened the position of the Christian Church and prohibited the cult practices of pagans. Religion and law are two fundamental facts of the public and private life of every member of Roman society, whether a Roman citizen or a foreigner living in one of the many provinces of Rome. Consequently, the religious struggle between Christianity and paganism took place not only in the spiritual sphere, but also in the field of jurisprudence. The edicts of the Roman emperors, beginning with the edict of Galerius (311) and ending with the edict of Theodosius II and Valentinian III (435), toughened measures against pagans and strengthened the close ties of the state with the Christian Church. The result of the fight against pagan cults was summed up by Emperor Justinian (527–565) in his legislation.

Keywords: religion, Roman law, edict, emperors, Christianity, persecution, pagans, church.

References

1. Bartoszek M. Roman law: concepts, terms, definitions. – M.: Legal literature, 1989. 448 p.
2. Deratani N.F., Timofeeva I.A. Reader on ancient literature. In 2 volumes. T. 1. Roman literature. – M.: Education, 1965. 652 p.
3. Lortz J. History of the church, considered in connection with the history of ideas. – M.: Christian Russia, 1999. T. I. 510 p.
4. General history of the church / Ed. V.V. Simonov. – M.: Science, 2017. T. I. 367 p.
5. Sevastyanov I.A. Origin of the term “paganism”: towards the formulation of the problem // Bulletin of Omsk University. No. 4. 2008. P. 65–71.
6. Subbotin Yu.V. Historical and legal analysis of the influence of the provisions of the Edict of Octavian Augustus on special legal proceedings in the Roman province of Cyrenaica on the system of federal relations of the empire//Legal science. No. 7 (July). 2024. P. 40–44.
7. Anastos M.V. The Edict of Milan (313). A Defence of its Traditional Authorship and Designation//Revue des Études Byzantines. Vol. 25. 1967. Pp. 13–41.
8. Frend H.C. Persecutions: genesis and legacy//The Cambridge History of Christianity. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 625 p.
9. Hofmann J. B. ETYMOLOGIKON ΛΕΞΙΚΟΝ ΤΗΣ ΑΡΧΑΙΑΣ ΕΛΛΗΝΙΚΗΣ. – ΕΝ ΑΘΗΝΑΙΣ, 1974. 568 Σ.
10. Silk Mark. Numa Pompilius and the Idea of Civil Religion in the West./Journal of the American Academy of Religion. N 72 (4). P. 863–896.
11. Vaan de Michiel. Etymological Dictionary of Latin and the Other Italic Languages. – Leiden: Brill NV, 2008. 534 P.
12. Walde A. Etymologisches Lateinisches Wörterbuch. – Heidelberg: Carl Winter's, 1910. 1074 S.

Актуальные вопросы правового регулирования интеллектуальной собственности в России в контексте инновационного развития государства

Лабыгина Анна Васильевна,

кандидат юридических наук, доцент, Севастопольский государственный университет

В статье актуализируются вопросы правового регулирования интеллектуальной собственности. Определяются основные направления развития национального законодательства. Поднимается вопрос о принятии единого стратегического документа в сфере правового регулирования ИС, который смог бы охватить все важнейшие направления развития государства, с учетом новых и прогнозируемых технологий и потребностей, обеспечить реализацию приоритетных задач в развитии общества в целом.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность (ИС), инновационная экономика, стратегическое планирование, нормативно-правовое регулирование, государственная политика.

Интеллектуальная собственность сегодня является важным элементом экономического развития любого государства и играет значимую роль в ускорении его экономического роста, повышении устойчивости к внешним и внутренним угрозам а также в создании высокотехнологичных производств, способствующих росту его инвестиционной привлекательности.

К ключевым тенденциям в области интеллектуальной собственности, актуальным как на международном уровне, так и для России, сегодня можно отнести:

- использование достижений интеллектуальной деятельности для поддержки инновационной деятельности, социально-экономического прогресса и культурного обогащения;
- повышение глобального интереса к юридической защите и обеспечению прав интеллектуальной собственности;
- совершенствование способов передачи технологий;
- рост значимости интеллектуальной собственности как нематериального ресурса в совокупной стоимости активов предприятий;
- широкое внедрение цифровых технологий во все отрасли экономики и сферы общественной жизни, включая системы защиты, охраны и администрирования интеллектуальной собственности;
- повышение осведомленности в вопросах интеллектуальной собственности, распространение новых знаний и информации в данной сфере;
- формирование международных систем защиты прав на объекты интеллектуальной собственности и расширение их территориального охвата;
- усиление внимания к вопросам защиты объектов интеллектуальной собственности и прав на них в цифровом пространстве и в сети Интернет.

В условиях сохранения в мире основных противоречий, вызовов и угроз а также, в связи усилением санкционного давления на ряд государств, в том числе и на Россию, политизацией отношений не только в экономике но и в сфере культуры, здравоохранения, информатизации, музыки и интеллектуальной собственности с одной стороны и у в условиях кризиса международного права с другой, особого внимания заслуживают вопросы экономического роста и технологического суверенитета государств.

Стремительное развитие новых технологий, необходимость в обеспечении адекватной и конкурентоспособной экономики, требует от государства быстрой реакции и оперативного определения основных направлений государственной политики.

В связи с этим, по-прежнему важны вопросы, касающиеся выявления ключевых путей улучшения отечественной системы регулирования в области интеллектуальной собственности. Определение целей и задач государственной политики в данной сфере. Преобразование интеллектуальной собственности в один из основных экономических ресурсов инновационного и социально-культурного развития государства.

Государственная политика в сфере интеллектуальной собственности на законодательном уровне, прежде всего должна быть основана на стратегии развития интеллектуальной собственности, включающей в себя, как меры по защите прав интеллектуальной собственности, так и иные направления правового регулирования. Они должны соответствовать приоритетным целям социально-экономического прогресса страны, учитывать лучшие мировые практики в сфере охраны, защиты и эффективного использования интеллектуальной собственности, а также тенденции развития глобальных и региональных систем интеллектуальной собственности.

В контексте инновационного социально-экономического развития и в условиях цифровой трансформации экономики, с учетом роста передовых производств и сервисов, приоритетными задачами государственной политики в области интеллектуальной собственности выступают: наращивание потенциала интеллектуальной собственности, повышение ее роли в развитии экономики, социальной– культурной сферы, инвестиционной и экспортной деятельности; последовательная интеграция правовой политики в сфере интеллектуальной собственности в социально-экономическую политику государства в целом и усиление инвестиционной привлекательности национальной экономики, основанной на знаниях и инновациях.

При таких условиях, совершенно очевидно, что требуется комплексный подход, создание необходимой инфраструктуры, создание системы государственной поддержки развития интеллектуальной собственности в том числе создания институтов защиты интеллектуальных прав и совершенствование законодательства.

Однако в настоящее время, несмотря на очевидную потребность в комплексном регулировании и определении национальных приоритетов в развитии ИС в России, все еще отсутствует комплексные документы стратегического планирования в сфере развития ИС.

Как справедливо указывает ряд авторов «в настоящее время при выборе стратегического планирования в развитии интеллектуальной собственности на национальном уровне сохраняется не комплексный, а ситуативный подход. Стратегические документы разрабатываются по узким направле-

ниям, часто без согласования их целей и задач с целями и задачами, формулируемыми для иных направлений развития экономики и общества в целом» [4, С. 4–27].

Так, например, стратегия искусственного интеллекта уже принята, возможно принятие таких решений в отношении иных технологий [3, С.69–89]. При таких обстоятельствах, в отсутствие единого стратегического документа регулирующего развитие ИС в России, правовое регулирование интеллектуальных прав рискует оказаться в еще большем количестве программных документов, что в свою очередь может создать объективные предпосылки противоречий в выборе приоритетов и тактических управленческих решений.

Наличие единого стратегического документа в сфере правового регулирования ИС, охватывающего все важнейшие направления развития с учетом новых и прогнозируемых технологий и потребностей, обеспечение их связи с приоритетными задачами развития общества в целом, позволило бы значительно снизить риски административных барьеров для развития инновационной экономики, в которой ИС является базовым инструментом.

Попытки разработки проектов стратегических документов, посвященных ИС, в России предпринимались неоднократно. Необходимость их принятия подчеркивается в научной литературе [1, С.14–21]; [2, С. 23–40]. Принятие такого документа являлось бы концептуальной основой для дальнейшей систематизации и совершенствования законодательства об интеллектуальных правах.

В 2007 году обсуждался проект Стратегии развития интеллектуальной собственности на 2007–2012 гг., направленной на реализацию Федеральной целевой программы «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007–2012 гг.». Соответствующие положения предлагалось включить в качестве самостоятельного раздела в данную программу [8, С.13–15].

В процессе разработки Стратегии инновационного развития до 2020 года, в 2011 году, рассматривалась возможность добавления раздела, касающегося интеллектуальной собственности, с акцентом на следующие приоритетные области:

- 1) формирование и поддержание необходимых компетенций в сфере интеллектуальных прав;
- 2) стимулирование правообладателей в сфере коммерциализации и защиты интеллектуальных прав;
- 3) увеличение гражданско-правового оборота с объектами интеллектуальной собственности и прав на них;
- 4) повышение эффективности мер, направленных на охрану интеллектуальной собственности и прав на результаты интеллектуальной деятельности;
- 5) совершенствование отечественной системы правового регулирования интеллектуальной собственности;

6) развитие специализированных сервисов и услуг в сфере интеллектуальной собственности;

7) правовое и техническое регулирование в области интеллектуальной собственности.

Предложенный вариант охватывал четыре из пяти базовых направлений, рекомендованных ВОИС (коммерциализация, правовое регулирование, государственное управление, защита), но не включал блока, посвященного стимулированию результатов интеллектуальной деятельности. Дополнительно предполагалось охватить аспекты просвещения, создания класса эффективных правообладателей и развития инфраструктуры национальной системы ИС.

Предложенный Минэкономразвития России, Роспатентом и Минобрнауки России проект Стратегии по развитию сферы интеллектуальной собственности на период до 2022 года содержал следующие направления:

1. Мероприятия инфраструктурной направленности – формирование благоприятной среды для вовлечения прав на результаты интеллектуальной деятельности (далее – РИД) в оборот, включая вопросы создания, обеспечения правовой охраной, управления, защиты прав на РИД в целом (развитие государственных услуг в сфере ИС и системы Роспатента; развитие компетенций в сфере ИС; развитие услуг в сфере ИС; популяризация и просвещение; развитие механизмов, способствующих вовлечению в оборот ИС; региональная политика; международные договоры и кадровые вопросы).

2. Мероприятия, направленные на стимулирование сферы деятельности научных и образовательных организаций, реализующих НИОКР.

3. Мероприятия, направленные на стимулирование сферы государственного оборонного заказа и программ, предполагающих создание результатов интеллектуальной деятельности военного, специального и двойного назначения.

4. Мероприятия, направленные на стимулирование компаний с государственным участием.

Подход проекта к стратегическому планированию отличается от стандартов ВОИС. Основные блоки и мероприятия по стратегическому развитию ИС излагаются в рамках первого раздела. Вопросы стимулирования результатов интеллектуальной деятельности отражены преимущественно в отношении особых субъектов, как правило, с государственным участием. Полностью оставлены без внимания вопросы защиты ИС от их нарушения. По направленности, характеру определенных целей и задач данный проект не может рассматриваться как полноценный инструмент стратегического планирования.

Не один из указанных проектов так и не были реализованы.

На современном этапе, вопросы правового регулирования развития ИС в РФ так или иначе затрагиваются во многих других документах стратегического планирования, таких как «Национальная стратегия развития искусственного интеллек-

та на период до 2030 г.» [10], «Стратегия развития информационного общества» [9], «Стратегия инновационного развития РФ» [11] и др.

Отдельные аспекты стратегического развития ИС в России включаются в стратегические документы в сфере науки и инноваций.

В Основных направлениях деятельности Правительства РФ на период до 2024 г. был введен отдельный раздел по развитию ИС, который предусматривает, в качестве одной из ключевых задач правительства РФ на 2024 г. увеличение патентной активности а также увеличение оборота прав на РИД.

Множество программных документов, так или иначе затрагивающих развитие ИС, создает существенные организационные трудности, связанные с необходимостью дополнительного согласования целей и задач указанных документов, так и усилий лиц, ответственных за их выполнение.

Попытки заменить Стратегию развития ИС планом мероприятий («Дорожная Карта») реализации механизма управления системными изменениями нормативно-правового регулирования предпринимательской деятельности «Трансформация делового климата» «Интеллектуальная собственность» [6], нельзя признать равноценными, так как он не соответствует по своей структуре и содержанию рекомендациям ВОИС, так и целям и задачам, определенным Президентом РФ по вопросам формирования и развития рынка ИС в условиях, когда 85% расходов на НИОКР несет государство при ежегодном сокращении таких расходов со стороны бизнеса. А разница между бюджетными расходами на эти цели и доходами от ИС, созданной при бюджетном финансировании с 2022–2024 г., – более в 1,5 тыс. раз.

В Концепции технологического развития РФ на период до 2030 года [7] определены отдельные приоритеты и задачи в сфере ИС в целях научной и научно–технической деятельности, инновационного и цифрового развития, при этом ключевые, стартовые условия определены те же что и в Стратегии – 2020 (2010), а единственным показателем достижения заявленных целей технологического развития в сфере ИС определен рост числа заявок на изобретения и полезные модели в 2,4 раза.

С учетом негативного опыта реализации Стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 года [5], и связанных с ней отраслевых стратегий и программ инновационного развития, где основными показателями инновационного развития по ИС были определены информационные показатели вместо экономических: увеличение доли публикаций российских исследователей в общем количестве публикаций в мировых журналах (с 2% до 3%) и количества цитирований по ним в журналах, индексируемых в базе данных Web of Science (с 2,4 до 4 ссылок), при увеличении зарубежных патентов (с 63 до 2,5–3 тыс. патентов), необходима серьезная корректировка этих документов.

1. Захаров А.В., Леонтьев Б.Б. Концепция государственной стратегии интеллектуальной собственности // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2012. N 3. С. 14–21
2. Леонтьев Б.Б. Государственная стратегия интеллектуальной собственности в Российской Федерации // Правовая информатика. 2015. N 2. С. 23–40
3. Незнамов А.В., Наумов В.Б. Стратегия регулирования робототехники и киберфизических систем // Закон. 2018. N 2. С. 69–89
4. Новоселова Л.А., Гринь О.С. Формирование стратегий развития интеллектуальной собственности в целях преодоления административных барьеров// Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 2. С. 4–27
5. Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 N 2227-р (ред. от 18.10.2018) «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года»
6. Распоряжение Правительства РФ от 05.11.2020 N 2871-р (ред. от 14.02.2024) Об утверждении Плана мероприятий («дорожной карты») реализации механизма управления системными изменениями нормативно-правового регулирования предпринимательской деятельности «Трансформация делового климата»
7. Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 N 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года»
8. Рекомендации участников XVI Международного Форума «Инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности» г. Москва, 24 апреля 2025 г.
9. Сенников Н.Л. О реализации Стратегии развития интеллектуальной собственности в Российской Федерации на 2007–2012 годы // Реклама и право. 2008. N 2. С. 13–15
10. Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»
11. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»
12. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях

развития Российской Федерации на период до 2030 года»

CURRENT ISSUES OF LEGAL REGULATION OF INTELLECTUAL PROPERTY IN RUSSIA IN THE NINTH INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE STATE

Labigina A.V.

Sevastopol State University

The article highlights the issues of legal regulation of intellectual property. The main directions of development of national legislation are determined. The issue of adopting a single strategic document in the field of IP legal regulation is being raised, which could cover all the most important areas of state development, taking into account new and predictable technologies and needs, and ensure the implementation of priorities in the development of society as a whole.

Keywords: intellectual property (IP), innovation economy, strategic planning, legal regulation, state policy.

References

1. Zakharov A.V., Leontiev B.B. Concept of the state strategy of intellectual property // Intellectual property. Industrial property. 2012. N 3. Pp. 14–21
2. Leontiev B.B. State strategy of intellectual property in the Russian Federation // Legal informatics. 2015. N 2. Pp. 23–40
3. Neznamov A.V., Naumov V.B. Strategy for regulating robotics and cyber-physical systems // Law. 2018. N 2. Pp. 69–89
4. Novoselova L.A., Grin O.S. Formation of strategies for the development of intellectual property in order to overcome administrative barriers // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2020. No. 2. P. 4–27
5. Order of the Government of the Russian Federation of 08.12.2011 N 2227-r (as amended on 18.10.2018) "On approval of the Strategy for Innovative Development of the Russian Federation for the period up to 2020"
6. Order of the Government of the Russian Federation of 05.11.2020 N 2871-r (as amended on 14.02.2024) On approval of the Action Plan ("roadmap") for the implementation of the mechanism for managing systemic changes in the legal regulation of entrepreneurial activity "Transformation of the business climate"
7. Order of the Government of the Russian Federation of 20.05.2023 N 1315-r "On approval of the Concept of technological development for the period up to 2030"
8. Recommendations of the participants of the XVI International Forum "Innovative Development through the Intellectual Property Market" Moscow, April 24, 2025
9. Sennikov N.L. On the implementation of the Strategy for the Development of Intellectual Property in the Russian Federation for 2007–2012 // Advertising and Law. 2008. N 2. pp. 13–15
10. Decree of the President of the Russian Federation of 05/09/2017 N 203 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030"
11. Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation"
12. Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 No. 474 "On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030"

Право взыскателя на взаимодействие посредством направления обращений на электронную почту и исполнительский сбор при разъяснении решения суда

Мамаев Андрей Андреевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Уральского Государственного Юридического Университета имени В.Ф. Яковлева; адвокат Свердловской областной коллегии адвокатов
E-mail: maa89@list.ru

В статье дается анализ информационного взаимодействия сторон исполнительного производства и подчеркивается усиление возможностей дистанционного взаимодействия между участниками исполнительного производства. Автор анализируется возможность взаимодействия со службой судебных приставов посредством направления письма на электронную почту конкретного отделения службы и приводятся обоснования допустимости такого обращения. Также положительно оцениваются изменения института уведомления участников исполнительного производства. В статье рассматривается подход Верховного суда Российской Федерации о недопустимости взыскания исполнительского сбора в случае обращения должника с заявлением о разъяснении судебного акта. Автор приводит критическую оценку выработанного подхода, который допускает отсрочку взыскания исполнительского сбора недобросовестными должниками и приводится иная правовая модель взыскания исполнительского сбора в описанной ситуации, соответствующая принципу преимущественной защиты прав взыскателя.

Ключевые слова: исполнительное производство, взыскатель, должник, судебный пристав-исполнитель, принудительное исполнение.

Федеральным законом от 21.12.2021 N 417-ФЗ профильный закон дополнен статьей 50.1., регламентирующей информационное взаимодействие сторон исполнительного производства. Данные нововведения имеют существенное значение ввиду усиления возможностей дистанционного взаимодействия между участниками исполнительного производства, что в особенной степени имеет значения с целью усиления положения взыскателя [1]. Текст статьи предусматривает две формы информационного взаимодействия: посредством ЕПГУ и путем межведомственного электронного взаимодействия. Отметим ряд позитивных аспектов законодательного подхода. Во-первых, стороны исполнительного производства получают прекрасную возможность взаимодействия с судебным приставом-исполнителем, которое будет иметь исключительно юридическое значение. Например, узнав о возбуждении исполнительного производства должник может оперативно исполнить требование исполнительного документа и направить доказательства такого исполнения посредством ЕПГУ судебному приставу-исполнителю. Данная возможность позволит избежать как вынесению судебным приставом-исполнителем необоснованного постановления о взыскании исполнительского сбора так и исключит необходимость в дальнейшем соответствующее постановление оспаривать и отменять. Во-вторых, в ситуациях значительной удаленности, взыскатель и должник получают возможность не только направления процессуальных документов в адрес судебного пристава-исполнителя, например, о совершении определенных исполнительных действий или применения мер принудительного исполнения, но и возможность, хоть и ограниченного, ознакомления с материалами исполнительного производства. В-третьих, практически полностью решается проблема с утерей почтовой корреспонденции. В-четвертых, значительно сокращаются судебные расходы в стадии исполнительного производства (не только в части почтовой корреспонденции, но и в части расходов проезда до отделения судебного пристава-исполнителя). И этот перечень можно продолжать.

Вместе с тем следует констатировать, что действующие положения законодательства об исполнительном производстве не обязывают судебного пристава-исполнителя направлять сторонам исполнительного производства весь объем информации о ходе исполнительного производства.

Отметим, что до настоящего времени вызывают обоснованные дискуссии вопрос о возможности

взаимодействия со службой судебных приставов посредством направления письма на электронную почту конкретного отделения. Представляется, что данное взаимодействие также является допустимым ввиду следующего. Направляемое на электронную почту заявление участника не является электронным документом, к которому предъявляются требования о подписании электронной цифровой подписью и о представлении в службу судебных приставов исключительно посредством единой системы межведомственного электронного взаимодействия либо с использованием федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», а представляет собой электронный образ (электронную копию) письменного заявления, соответствующего по своему содержанию требованиям статьи 7 Закона N 59-ФЗ. В связи с чем в случае направления обращения на электронную почту конкретного отделения у последнего возникает предусмотренная статьей 64.1 Закона N 229-ФЗ и статьями 8, 9 Закона N 59-ФЗ обязанность по рассмотрению указанного обращения [2].

Также отметим, что в настоящее время институт уведомления участников исполнительного производства подвергся значительному преобразованию благодаря принятию 12 ноября 2019 года изменений в статью 24 Закона «Об исполнительном производстве». Теперь содержание части 3 данной нормы закрепляет допустимость отправки уведомлений участнику через единый личный кабинет на Едином портале государственных и муниципальных услуг, а уведомления, отправленные в форме коротких текстовых сообщений по сети мобильной радиотелефонной связи, адресуются на номера абонентов, которые операторы связи предоставляют судебному приставу. Согласно части 1 упомянутой нормы, участника принудительного исполнения, допускается уведомлять при помощи отправки коротких текстовых сообщений по мобильной сети, но лишь в случае если он согласится на это.

Внесённые нововведения вводят иного участника процесса принудительного исполнения – оператора связи, который предоставляет судебному приставу сведения об номерах, зарегистрированных на абонента. Согласно сложившейся дифференциации, этого участника уместно рассматривать как лицо, оказывающее помощь в процессе исполнения.

Содержание нормы не дает ответа на вопрос о процедуре передачи судебным приставам-исполнителям сведений от операторов мобильной связи, не приводит временной период направления обозначенных сведений, а также не устанавливает санкций к оператору за направление неподтверждённых данных. К тому же, буквальное прочтение нормы создаёт впечатление, что операторы связи направляют сведения не в процессе конкретного принудительного исполнения, а в общем порядке при координации с Федеральной службой судебных приставов.

Далее рассмотрим еще одну правовую конструкцию. Согласно пункту 36 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2025)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025) до принятия судом определения по результатам рассмотрения заявления должника судебный пристав-исполнитель, который был уведомлен о подаче должником соответствующего заявления в суд, не вправе реализовывать имеющиеся у него полномочия по взысканию исполнительского сбора.

Данная позиция Верховного Суда РФ представляет особый интерес. Исполнительский сбор представляет собой особый [3] вид ответственности [4]. Риск взыскания исполнительского сбора имеет мотивирующее значение для должников, особенно в ситуациях готовности должника исполнить решение суда в кратчайшие сроки.

Институт разъяснения судебного акта призван, в том числе, устранять неясность в правильности самостоятельного исполнения решения суда должником. Здесь уместно отметить, что вообще-то добросовестному должнику следовало позаботиться о ясности решения суда и определении порядка исполнения решения суда еще на стадии судебного спора.

При этом выбранный ВС РФ подход достаточно логичен – в случае не ясности судебного акта, должник фактически может говорить о невозможности исполнения. Например, по решениям судов о выделении в натуре доли жилого дома, определении порядка пользования земельным участком, о возложении обязанности произвести ремонт, об обязанности выполнить работы по переоборудованию жилого дома и иным аналогичным делам зачастую возникают вопросы связанные с порядком исполнения решения суда [5].

Вместе с тем, важно обратить внимание и на оборотную сторону предложенного подхода – данное разъяснения ВС РФ открывает поле для недобросовестных должников в контексте злоупотребления правом. С учетом выбранного ВС РФ подхода, по всем делам должникам предоставляется легальное право отсрочить взыскание исполнительского сбора путем предъявления заявления о разъяснении порядка исполнения судебного акта.

Такой подход видится не до конца корректным. Из буквального толкования пункта 36 Обзора следует, что даже если суд откажет в разъяснении решения суда и тогда взыскание исполнительского сбора будет неправомерным до вынесения судебного акта. Сформулированный вектор является не до конца верным, напрямую влияет на уменьшение правового воздействия на поведение должника в принудительном исполнении и как следствие на правовое положение взыскателя.

В этом связи более верным видится следующая модель регулирования: взыскание исполнительского сбора, до вынесения судом определения о разъяснении судебного акта, правомерно. Но если по результатам рассмотрения заявления должника о разъяснении судебного акта судом принимается определение о разъяснении судебного акта, то постановление судебного пристава-

исполнителя о взыскании исполнительского сбора подлежит отмене. Предложенный подход, во-первых, соответствует принципу преимущественной защиты прав взыскателя, во-вторых, дает должникам ясный сигнал о недопустимости использования института разъяснения судебного акта в недобросовестных целях.

Далее рассмотрим разъяснение ВС РФ по вопросу индексации. Согласно п. 14 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с индексацией присужденных судом денежных сумм на день исполнения решения суда» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.12.2024) если решение суда исполнено в части, годичный срок для подачи заявления об индексации присужденных и взысканных денежных сумм начинается течь со дня, когда решение суда исполнено в соответствующей части, в том числе в части соответствующего периодического платежа.

Безусловно такой подход ВС РФ имеет положительные моменты. Действительно ситуации, при которых решения судов длительное время не исполняются не являются редкостью. Доля оконченных фактическим исполнением исполнительных производств в среднем не превышает 50–55% от общего числа исполнительных производств. И в связи с этим подход, выбранный ВС РФ видится правильным – если в рамках исполнительного производства взыскана лишь часть суммы, подлежащей взысканию, в отношении данной суммы взыскателем может быть подано заявление об индексации. Вместе с тем, данная модель ВС РФ имеет значительные недостатки. Во-первых, стоит не забывать про то, что срок на подачу заявления об индексации является пресекательным (хоть и может быть восстановлен при наличии уважительных причин). Другими словами, взыскатель, получив лишь частичное исполнение должен начать отслеживать окончание данного годичного срока, чтобы бы его в итоге не пропустить. Данное обстоятельство в свою очередь приводит к необходимости подачи заявлений об индексации по каждому поступлению, между которыми может истекать годичный срок. Во-вторых, такой подход приводит к увеличению судебной нагрузки. Если ранее взыскатели могли не опасаясь пропуска срока на индексацию обратиться с соответствующим заявлением после крайнего поступления от должника, то теперь они и вправе и формально обязаны обращаться после каждого поступления (особенно если они в курсе о низкой платёжеспособности должника), что приведет к возрастанию числа судебных обращений.

Литература

1. Ерошкина С.А. Динамика и асимметрия информационных прав кредиторов в предпринимательской сфере // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2025. N 1. С. 79.
2. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 30.07.2024 N Ф09–3430/24 по делу N А34–12614/2023.

3. «Исполнительное производство: Учебник» (под общ. ред. В.В. Яркова) («Статут», 2020); Вале-ев Д.Х. Комментарий к Федеральному закону «Об исполнительном производстве» (с поста-тейными материалами). СПб., 2003. С. 100;
4. Шерстюк В.М. Проблемы исполнительного производства привлекли внимание Конститу-ционного Суда РФ // Арбитражная практика. 2001. N 9. С. 6–7.
5. Кассационное определение Первого кассаци-онного суда общей юрисдикции от 26.06.2023 N 88а-19534/2023 (УИД 57RS0015–01–2022–000208–67); Кассационное определение Пер-вого кассационного суда общей юрисдик-ции от 24.11.2023 N 88а-33513/2023 (УИД 32RS0001–01–2023–000269–06); Кассаци-онное определение Первого кассационно-го суда общей юрисдикции от 29.04.2025 N 88а-12500/2025 (УИД 57RS0024–01–2024–002357–62)

THE RIGHT OF THE CLAIMANT TO INTERACT BY SENDING REQUESTS BY E-MAIL AND THE ENFORCEMENT FEE WHEN EXPLAINING THE COURT'S DECISION

Mamaev A.A.

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

The article provides an analysis of the information interaction of the parties to enforcement proceedings and emphasizes the strengthening of the possibilities of remote interaction between the participants in enforcement proceedings. The author analyzes the possibility of interaction with the bailiff service by sending a letter to the e-mail of a specific department of the service and provides justification for the admissibility of such an appeal. Changes in the institution of notification of participants in enforcement proceedings are also positively assessed. The article examines the approach of the Supreme Court of the Russian Federation on the inadmissibility of collecting an enforcement fee in the event of a debtor's application for clarification of a judicial act. The author provides a critical assessment of the developed approach, which allows for a deferment of the collection of the enforcement fee by unscrupulous debtors and provides a different legal model for collecting the enforcement fee in the described situation, corresponding to the principle of preferential protection of the rights of the claimant.

Keywords: enforcement proceedings, claimant, debtor, bailiff, compulsory execution.

References

1. Eroshkina S.A. Dynamics and asymmetry of information rights of creditors in the entrepreneurial sphere // Property relations in the Russian Federation. 2025. N 1. P. 79.
2. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated July 30, 2024 N F09–3430/24 in case N A34–12614/2023.
3. “Enforcement Proceedings: Textbook” (under the general editorship of V.V. Yarkov) (“Statut”, 2020); Valeev D. Kh. Commentary on the Federal Law “On Enforcement Proceedings” (with article-by-article materials). St. Petersburg, 2003. P. 100;
4. Sherstyuk V.M. Problems of enforcement proceedings attracted the attention of the Constitutional Court of the Russian Federation // Arbitration practice. 2001. N 9. P. 6–7.
5. Cassation ruling of the First Cassation Court of General Jurisdiction dated 26.06.2023 N 88а-19534/2023 (UID 57RS0015–01–2022–000208–67); Cassation ruling of the First Cassation Court of General Jurisdiction dated 24.11.2023 N 88а-33513/2023 (UID 32RS0001–01–2023–000269–06); Cassation ruling of the First Cassation Court of General Jurisdiction dated 29.04.2025 N 88а-12500/2025 (UID 57RS0024–01–2024–002357–62)

Медведев Денис Павлович,

аспирант Международного юридического института
E-mail: fragmoviepainh@yandex.ru

Шестеряков Игорь Александрович,

к.ю.н., доцент

В статье проведен анализ актуальных направлений развития сферы оказания услуг по перевозке пассажиров (потребителей) на общественном транспорте в условиях применения цифрового рубля. В ходе данного анализа использованы положения доклада Центрального Банка Российской Федерации о концепции цифрового рубля, а также изложены общие признаки цифрового рубля в связи с другими формами национальной валюты. На основе изложенных общих признаков у форм национальной валюты внесены следующие предложения. Первым предложением является использование в сфере перевозок на общественном транспорте механизмов конвертации национальной валюты из одной формы в другую для реализации права потребителя выбирать способ оплаты. Вторым предложением является реализация рассрочки для потребителей с последующим суммированием объема их обязательств перед перевозчиком в целях ведения учета и исполнения обязательств надлежащим образом. Отмечается необходимость использования опыта российской практики в период перехода на безналичную (бесконтактную) оплату, а также соблюдение баланса между доступностью транспортного обслуживания и недопущения злоупотребления правом.

Ключевые слова: гражданское право, права потребителя, договор перевозки пассажиров, публичный договор, общественный транспорт, цифровой рубль.

Цифровизация оказывает влияние на содержание существующих правоотношений. Этот процесс дополняет имеющийся инструментарий, с помощью которого стороны в правоотношениях могут реализовывать свои права и обязанности. Скорость, удобство, снижение издержек выступают направлениями для развития по созданию такого инструментария. Одним из результатов данного процесса является цифровой рубль, созданный Центральным Банком Российской Федерации (далее – ЦБ РФ). Докладом ЦБ РФ о концепции цифрового рубля (далее – Доклад ЦБ РФ) указывается, что цифровой рубль – это еще одна форма национальной валюты, эмитентом которой является ЦБ РФ¹. Таким образом, одной из идей цифрового рубля является непосредственное взаимодействие эмитента с держателем (клиентом). Эмитент, имея обязательства перед держателем (клиентом), при использовании цифрового рубля может их реализовать в том числе при офлайн режиме. Иными словами, держателю (клиенту) при непосредственном предъявлении прав требования к эмитенту в форме реализации исполнения обязательств по оплате перед кредитором держателя (клиента), не требуются услуги банков и связь с сетью Интернет.

Следуя концепции Доклада ЦБ РФ, содержание которого указывает на создание новой формы национальной валюты, тезисы о «новых денежных знаках» (отражены в работе Вагановой О.В.²) и о «собственной цифровой валюте государства» (отражены в работе Котылевой Е.А.³) автором будут расцениваться как дискуссионные при соотношении с положениями Доклада ЦБ РФ из-за специфического характера изложения. На наш взгляд, исходя из положений Доклада ЦБ РФ, цифровой рубль наиболее уместно трактовать со стороны интеграции в уже существующие формы национальной валюты из-за того, что данный характер изложения прослеживается в тексте Доклада ЦБ РФ изначально. В связи с этим моделирование противоборства между вышеуказанными формами национальной валюты по мнению автора не требуется.

¹ См.: Концепция цифрового рубля. С. 2 [Электронный ресурс] // Сайт Банка России. – URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 26.08.2025).

² Ваганова О.В., Быканова Н.И., Сорокин И.И., Кононыхин Д.И. Цифровой рубль: перспективы внедрения и пути интеграции в финансовую систему России // Экономика. Информатика. 2021. № 3. С. 507–513.

³ Котылева Е.А., Семенов С.В., Дубровина Л.В. Цифровой рубль как средство стабилизации финансовой системы // Региональные проблемы преобразования экономики. 2020. № 12. (122). С. 149–155.

В силу того, что выделяется три формы национальной валюты: наличная, безналичная, цифровой рубль, – необходимо выделить выраженную связь данных форм друг с другом. По существу, все формы национальной валюты предполагают право требования к эмитенту исполнить обязательство держателя перед кредитором, которое измеряется в стоимостном выражении. Помимо этого, справедливо замечается, что наличные денежные средства (банкноты) связаны обозначением со всеми формами национальной валюты¹. Так, банкнота имеет номер билета, безналичные деньги – запись на счете в банке, а цифровой рубль – уникальный цифровой код, что формирует преемственность видов национальной валюты: от традиционных до современных форм. Таким образом, на основе того, что национальная валюта реализовывает права требования в стоимостном выражении и имеет уникальное обозначение, усматривается наличие общности существующих её форм или иными словами – сущностного единства. В силу такого единства, необходимо обеспечение простоты преобразования данной национальной валюты из одной формы в другую (конвертации). Достигнув широкой доступности для населения по конвертации будут реализованы указанные в начале статьи направления для разрабатываемого в период цифровизации инструментария: скорость, удобство, снижение издержек.

В сфере оказания услуг по перевозке пассажиров общественным транспортом (автобусами) происходила ранее попытка перехода от использования одной формы национальной валюты к более современной форме – безналичной. Фактически это обернулось трудностями для потребителей в приобретении билетов за наличные средства, что нарушало их права на выбор способов оплаты. На примере Московской области, практика сложилась таким образом, что билеты за наличные можно приобрести только в автоматах и кассах остановочных пунктов². При этом, автоматы в салоне транспорта и на остановочных пунктах отсутствуют, а кассы расположены только в пределах автовокзалов. Согласно информации на сайте Мо-страсавто в сети «Интернет» (<https://mostransavto.ru/av-as/>) в одном городе расположен только один автовокзал (на дату написания статьи автовокзалы представлены в 43-х городах Московской области). Таким образом, в одном городе представлено только одно место для приобретения билетов за наличные средства в то время как безналичная оплата в пределах Московской области реализована на общественном транспорте в массовом формате.

¹ О.А. Белова, Э.О. Осадченко. Правовая природа цифрового рубля // Правовая парадигма. 2023. Т. 22. № 4. С. 90–95

² См.: ст. 14.1 Закона Московской области от 27 декабря 2005 г. № 268/2005-ОЗ «Об организации транспортного обслуживания населения на территории Московской области» (с изменениями на 30 июня 2025 г.) [Электронный ресурс] // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/5811641> (дата обращения: 26.08.2025).

Реализация безналичной (бесконтактной) системы оплаты проезда проводилась следующим образом. В Московской области были привлечены инвестиции для реализации безналичной (бесконтактной) системы оплаты. Принятым Законом Московской области от 14 ноября 2013 года № 135/2013-ОЗ³ было введено понятие ЕТК (единая транспортная карта), получившей название «Стрелка». Затем Постановлением Правительства Московской области от 10 сентября 2014 года № 727/36⁴ был введен порядок обеспечения безналичной оплаты проезда, учета билетов и поездок. После был проведен открытый конкурс по созданию системы, которая реализует функционирование данного порядка, и заключен инвестиционный договор от 25 ноября 2014 года № МТ-Д/14–316⁵ со сроком действия до 31 декабря 2027 года.

В связи с сроками действия инвестиционного договора, на данный момент в сфере перевозок пассажиров общественным транспортом (автобусами), становится актуальной проблема цифрового рубля в силу его становления одной из форм национальной валюты. Проблематика обусловлена практическим опытом перехода на безналичную (бесконтактную) систему оплаты. Она проявляется в различной по характеру реализации доступных способов оплаты для потребителей: на практике наличный способ оплаты реализовать затруднительнее, чем безналичный.

Одним из предложений, которые на взгляд автора необходимо реализовать в будущем – это разработать механизмы по осуществлению приема наличных денежных средств, конвертируемых в цифровые рубли для оплаты проезда на общественном транспорте. В таком случае конвертация национальной валюты из одной формы в другую станет доступной для населения. Таким образом, будет достигнуто соотношение с принципами областного законодательства в сфере транспортного

³ Закон Московской области от 14 ноября 2013 г. № 135/2013-ОЗ «О внесении изменений в Закон Московской области «Об организации транспортного обслуживания населения на территории Московской области» // Ежедневные новости. Подмосковье. – 2013. – № 221.

⁴ Постановление Правительства Московской области от 10 сентября 2014 г. № 727/36 (ред. от 3 июня 2020 г.) «Об утверждении Порядка функционирования системы обеспечения безналичной оплаты проезда пассажиров и перевозки багажа на общественном транспорте Московской области, учета проданных билетов и совершенных поездок» // Ежедневные Новости. Подмосковье. – 2014. – № 179.

⁵ Инвестиционный договор от 25 ноября 2014 г. № МТ-Д/14–316 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства и Губернатора Московской области. – URL: <https://mosreg.ru/dokumenty/normotvorchestvo/perechen-dogovorov-i-soglasheniy-mo/2014-god/investitsionnyy-dogovor-ot-25112014-mt-d14-316-mezhdu-pravitelstvom-moskovskoy-oblasti-gosudarstvennym-unitarnym-predpriyatiem-moskovskoy-oblasti-mostransavto-i-otkrytym-aktsionernym-obshchestvom-universalnaya-elektronnaya-karta-oao-uek-o-realizatsii-investitsionnogo-proekta-po-sozdaniyu-i-obespecheniyu-funktsionirovaniya-sistemy-obespecheniya-beznalichnoy-oplaty-proezda-passazhirov-i-perevozki-bagazha-na-obshchestvennom-transporte-moskovskoy-oblasti-ucheta-prodannykh-biletov-i-sovershennykh-pro> (дата обращения: 26.08.2025).

обслуживания, а именно – качество обслуживания и доступность для населения¹.

В российской практике уже имеется опыт по расчету размера обязательств в публичных правоотношениях, который также можно применить в сфере оказания услуг по перевозке пассажиров на общественном транспорте (автобусах). Применение данного опыта позволит также сократить издержки для потребителей, которые были обусловлены проблемами, сложившимися ранее при формировании безналичной (бесконтактной) системы оплаты проезда.

В силу вышеуказанного практического опыта, на наш взгляд, при использовании цифрового рубля необходимо реализовать возможность для потребителя осуществлять поездки в рассрочку на период, который законодатель сочтет разумным. Подобные меры позволят оплачивать услуги по перевозке пассажиров на общественном транспорте (автобусах) в условиях, при которых потребитель не имеет возможности реализовать предоставленные законодательством способы оплаты, но предпринял попытку данные услуги оплатить. Данный подход также будет направлен на снижение издержек для потребителя. Также необходимо отметить, что при таком подходе необходимо реализовать учет пассажиров, воспользовавшихся рассрочкой в целях соблюдения баланса между доступностью для населения и недопущения злоупотребления правом со стороны потребителей.

По мнению автора, применение подобных мер будет способствовать реализации прав потребителей на выбор способов оплаты с учетом применения цифрового рубля в будущем, как новой формы национальной валюты, а также позволит учесть актуальные проблемы, которые сформировались при переходе на безналичную (бесконтактную) систему оплаты проезда.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с поправками, внесенными законом РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. – 1993. – 25 дек.; Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 11, ст. 1416.
2. Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300–1 (ред. от 8 августа 2024 г.) «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 3, ст. 140; 2024. – № 33 (ч. I), ст. 4928.
3. Закон Московской области от 27 декабря 2005 г. № 268/2005-ОЗ «Об организации транспортного обслуживания населения на территории Московской области» (с изменениями на 30 июня 2025 г.) [Электронный ресурс] //

¹ См.: ст. 4 Закона Московской области от 27 декабря 2005 г. № 268/2005-ОЗ «Об организации транспортного обслуживания населения на территории Московской области» (с изменениями на 30 июня 2025 г.) [Электронный ресурс] // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/5811641> (дата обращения: 26.08.2025).

Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/5811641> (дата обращения: 26.08.2025).

4. Закон Московской области от 14 ноября 2013 г. № 135/2013-ОЗ «О внесении изменений в Закон Московской области «Об организации транспортного обслуживания населения на территории Московской области»» // Ежедневные новости. Подмосковье. – 2013. – № 221.
5. Постановление Правительства Московской области от 10 сентября 2014 г. № 727/36 (ред. от 3 июня 2020 г.) «Об утверждении Порядка функционирования системы обеспечения безналичной оплаты проезда пассажиров и перевозки багажа на общественном транспорте Московской области, учета проданных билетов и совершенных поездок» // Ежедневные Новости. Подмосковье. – 2014. – № 179.
6. Ваганова О.В., Быканова Н.И., Сорокин И.И., Кононыхин Д.И. Цифровой рубль: перспективы внедрения и пути интеграции в финансовую систему России // Экономика. Информатика. 2021. № 3. С. 507–513.
7. Котылева Е.А., Семенов С.В., Дубровина Л.В. Цифровой рубль как средство стабилизации финансовой системы // Региональные проблемы преобразования экономики. 2020. № 12. (122). С. 149–155.
8. О.А. Белова, Э.О. Осадченко. Правовая природа цифрового рубля // Правовая парадигма. 2023. Т. 22. № 4. С. 90–95
9. Концепция цифрового рубля. [Электронный ресурс] // Сайт Банка России. – URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 26.08.2025).
10. Инвестиционный договор от 25 ноября 2014 г. № МТ-Д/14–316 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства и Губернатора Московской области. – URL: <https://mosreg.ru/dokumenty/normotvorchestvo/perechen-dogovorov-i-soglasheniy-mo/2014-god/investitsionnyy-dogovor-ot-25112014-mt-d14-316-mezhdu-pravitelstvom-moskovskoy-oblasti-gosudarstvennym-unitarnym-predpriyatiem-moskovskoy-oblasti-mostransavto-i-otkrytym-aktsionernym-obshchestvom-universalnaya-elektronnaya-karta-oao-uek-o-realizatsii-investitsionnogo-proekta-po-sozdaniyu-i-obespecheniyu-funktsionirovaniya-sistemy-obespecheniya-beznalichnoy-oplaty-proezda-passazhirov-i-perevozki-bagazha-na-obshchestvennom-transporte-moskovskoy-oblasti-ucheta-prodannyykh-biletov-i-sovershennykh-pro> (дата обращения: 26.08.2025).

PROSPECTS OF THE DIGITAL RUBLE IN THE FIELD OF CONSUMER PROTECTION

Medvedev D.P. Shesteryakov I.A.
International Law Institute

The article analyzes current development trends in the sphere of passenger transportation services represented by consumers on public transport in the context of the digital ruble application. In the course of this analysis, the provisions of the report of the Central Bank of the Russian Federation on the concept of the digital ruble were used, and general features of the digital ruble in connection with other forms of the national currency were outlined. Based on the outlined general features of the forms of the national currency, the following proposals were made. The first proposal is to use mechanisms for converting the national currency from one form to another in the sphere of public transport to implement the consumer's right to choose the payment method. The second proposal is to implement an installment plan for consumers with subsequent summation of the volume of their obligations to the carrier for the purpose of accounting and proper fulfillment of obligations. It is noted that it is necessary to use the experience of Russian practice during the transition to non-cash (contactless) payment, as well as to maintain a balance between the availability of transport services and the prevention of abuse of rights.

Keywords: civil law, consumer rights, passenger transportation agreement, public contract, public transport, digital ruble.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by a nationwide vote on December 12, 1993) (as amended by the Law of the Russian Federation of March 14, 2020, No. 1-FKZ) // *Rossiyskaya Gazeta*. – 1993. – December 25; Collected Legislation of the Russian Federation. – 2020. – No. 11, Art. 1416.
2. Law of the Russian Federation of February 7, 1992 No. 2300–1 (as amended on August 8, 2024) “On the Protection of Consumer Rights” // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 3, Art. 140; 2024. – No. 33 (Part I), Art. 4928.
3. Law of the Moscow Region of December 27, 2005 No. 268/2005-OZ “On the organization of transport services for the population in the Moscow Region” (as amended on June 30, 2025) [Electronic resource] // Electronic fund of normative-technical and normative-legal information of the Consortium “Kodeks”. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/5811641> (date of access: 08/26/2025).
4. Law of the Moscow Region of November 14, 2013 No. 135/2013-OZ “On Amendments to the Law of the Moscow Region “On the Organization of Transport Services for the Population in the Moscow Region” // *Daily news. Moscow region*. – 2013. – No. 221.
5. Resolution of the Government of the Moscow Region of September 10, 2014 No. 727/36 (as amended on June 3, 2020) “On approval of the Procedure for the operation of the system for ensuring cashless payment for passenger travel and baggage transportation on public transport in the Moscow Region, accounting for sold tickets and trips made” // *Daily News. Moscow Region*. – 2014. – No. 179.
6. Vaganova O.V., Bykanova N.I., Sorokin I.I., Kononykhin D.I. Digital ruble: implementation prospects and ways of integration into the financial system of Russia // *Economy. Informatics*. 2021. No. 3. P. 507–513.
7. Kotileva E.A., Semenov S.V., Dubrovina L.V. Digital ruble as a means of stabilizing the financial system // *Regional problems of economic transformation*. 2020. No. 12. (122). P. 149–155.
8. O.A. Belova, E.O. Osadchenko. Legal nature of the digital ruble // *Legal paradigm*. 2023. Vol. 22. No. 4. P. 90–95
9. Concept of the digital ruble. [Electronic resource] // Bank of Russia website. – URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (accessed: 08/26/2025).
10. Investment agreement dated November 25, 2014 No. MT-D/14–316 [Electronic resource] // Official website of the Government and Governor of the Moscow Region. – URL: <https://mosreg.ru/dokumenty/normotvorchestvo/perechen-dogovorov-i-soglasheniy-mo/2014-god/investitsionnyy-dogovor-ot-25112014-mt-d14-316-mezhdu-pravitelstvom-moskovskoy-oblasti-gosudarstvennym-unitarnym-predpriyatiem-moskovskoy-oblasti-mostransavto-i-otkrytym-aktsionernym-obshchestvom-universal-electronic-card-oao-uek-on-the-realization-of-an-investment-project-for-the-creation-and-ensurance-of-the-functioning-of-a-system-of-ensuring-the-beznalichnoy-oplaty-proezda-passazhirov-i-perevozki-bazaha-na-obshchestvennom-transporte-moskovskoy-oblasti-ucheta-prodannykh-biletov-i-sovershennykh-pro> (date of access: 26.08.2025).

Приватизация предприятий и справедливость: баланс интересов при распределении активов

Митровка Яна Валериевна,

ведущий юрист-консульт Группы по сопровождению акционерных обществ и корпоративного управления Публичного акционерного общества «ПИК-специализированный застройщик»

В статье сопоставляется распределение активов промышленных предприятий в процессе приватизации с категорией справедливости. В ходе исследования дана оценка конкретно-исторических условий приватизации, правовому положению миноритарных акционеров, принявших участие в приватизации и восстановлению корпоративного контроля со стороны государства над предприятиями, акции которых были переданы в частный капитал с нарушением закона о приватизации. Результатом исследования является разработка рекомендаций, направленных на обеспечение баланса интересов миноритарных акционеров как относительно слабой стороны в корпоративных отношениях.

Ключевые слова: национализация, деприватизация, корпоративный контроль, миноритарные акционеры, контрольный пакет акций, справедливость, коррупция.

Распределение ресурсов в период раздела государственной собственности в постсоветской России породило множество проблем, одной из которых является передача акций промышленных предприятий в частный капитал путем проведения ваучерной приватизации [18]. Стремительный переход от плановой экономики к рыночной, получивший название «шоковой терапии», потребовал от общества и государства новых способов решения противоречий, возникающих на стыке экономики, права и общественной жизни. Терапия действительно была шоковой, поскольку новое руководство оказалось не готово к управлению государственным имуществом, переданным в частную собственность. Ваучерная приватизация способствовала тому, что распределение акционерного капитала государственных предприятий, обслуживающих стратегически важные сектора экономики и не только, произошло стихийно, в обход соблюдения частных и публичных интересов, с нарушением важнейшего принципа справедливости и установлением нелегитимного корпоративного контроля. Именно поэтому раздел государственной собственности, начавшийся в 90-е годы, называют болезненным [8, с. 190].

В крупных предприятиях, которые в последующем стали открытыми акционерными обществами, количество акций, «раздаваемых» трудовому коллективу или гражданам было настолько мало, что ни контролировать общество, ни получать дивиденды в обещанном размере, они не могли. Мажоритарные акционеры, напротив, незаконно завладев контрольными пакетами акций предприятий, получили возможность управлять ими и извлекать прибыль. По этой причине, сегодня адекватность распределения акционерного капитала между гражданами и лицами, незаконно установившими корпоративный контроль в акционерных обществах, ставится под сомнение. Результат нарушения правовых норм о приватизации прослеживается через изъятие акций Генеральной прокуратурой РФ в судебном порядке в пользу государства и восстановлении корпоративного контроля государства над стратегически важными предприятиями. В этой связи актуальным является вопрос о том, каким образом в текущих условиях обеспечиваются и соблюдаются интересы меньшинства — миноритарных акционеров, законно приобретших ваучер в 90-е годы, и акционеров, установившими такой контроль.

Восстановление корпоративного контроля государства над предприятиями, которые стратегически важны для государства, сегодня называют де-

приватизацией или национализацией. Национализация как институт гражданского права обладает рядом признаков. Ситдикова Л.Б., Помазкова С.И., Еникеев И.С. выделяют следующие: переход имущества из частной собственности в государственную; основание смены права собственности – государственный акт; возмездность и безвозмездность изъятия имущества; причина национализации – глобальные задачи, стоящие перед государством, но не отдельные юридические факты [7, с. 40–44]. Принимая во внимание перечисленные критерии отметим, что текущий процесс изъятия акций в пользу государства невозможно назвать национализацией, поскольку переход прав на ценную бумагу осуществляется на основании судебного решения. В то время как основанием национализации является закон, на что обращается внимание в части 2 статьи 235 ГК РФ [10]. Судебное решение является государственным актом, но по юридической силе не есть закон [11].

В.В. Путин на пленарном заседании съезда РСПП подчеркнул, что возврат в государственную собственность предприятий оборонно-промышленного комплекса не означает огосударствление экономики и полную деприватизацию [12]. Необходимо вернуть лишь то, что были приватизировано незаконно. Довольно точно назвал передачу под контроль государства ряда компаний «эксклюзивными» случаями глава банка ВТБ А.Л. Костин [13]. Эксклюзивность, в том числе, подтверждается сравнительно небольшим количеством предприятий, акции которых подлежат изъятию. Так, согласно Отчету Счетной палаты Российской Федерации, за период с 1993 по 2003 годы приватизировано 96 414 государственных предприятия, по состоянию на 1 сентября 1997–126 793 [14]. О таком количестве предприятий, над которыми сегодня необходимо установить публичный контроль, сегодня речи не идет [15]. Следовательно, передача контрольного пакета акций государству связана исключительно с предметом и сферой деятельности конкретного предприятия.

Передача под контроль государства компаний, приватизированных незаконным путем, напрямую ведет к нарушению прав миноритарных акционеров как слабой стороны в системе корпоративных отношений, поскольку изъятие акций нарушает баланс интересов. Так, например, в пользу Российской Федерации были обращены акции миноритарных акционеров Открытого акционерного общества «Соликамский магниевый завод» (ОАО «СМЗ»), которые приобретались ими в процессе приватизации [16]. Фактически решением Арбитражного суда Пермского края и судебными актами судов вышестоящих инстанций, миноритарные акционеры дифференцированы на две группы: те, которые получили права на акции в процессе приватизации (первоначальные акционеры), и акционеры, приобретшие акции на организованных торгах [17]. Суд пришел к выводу о том, что первоначальные акционеры, акции которых оказались изъятые в пользу Российской Федерации, приобрели

ценные бумаги в процессе приватизации незаконно, поскольку было не соблюдено законодательство о приватизации, а акционеры второй категории, напротив, на основании закона. Председатель Банка России Э.С. Набиуллина позицию суда поддержала, отметив, что изъятие акций у акционеров, приобретших их на организованных торгах, подорвет доверие инвесторов [18]. Полагаем, что подобная дифференциация миноритарных акционеров, свидетельствует не только о нарушении принципа справедливости, но и основных принципов гражданского законодательства, установленных статьей 1 ГК РФ.

Обращаясь к категории «справедливости», следует подчеркнуть ее многоаспектность. Совершенно точно описывает ее В.А. Вайпан, называя оценочной, поскольку решить, что есть справедливость в области установления корпоративного контроля, защиты и обеспечения прав миноритарных акционеров, достаточно сложно [1, с. 13]. М.Н. Марченко указывает, что справедливость – не тождественный праву синоним, хотя родственный [5, с. 20–34]. Как отмечает Н.И. Кудринская зарождение самой идеи справедливости сопряжено с обоснованием этого феномена как социального [4, с. 9]. Рассуждения о справедливости всегда находились в плоскости между социально-правовыми и нравственными критериями. Решение антиномии – справедливости, несправедливости осуществляется посредством диалектического синтеза, при котором принципы справедливости вступают в зависимость от социально-экономических и культурно-исторических особенностей в ходе развития истории [4, с. 10]. Генезис представлений о справедливости связан не только с конкретно-историческими условиями, но и с правовым режимом государства, а также уровнем развития производительных сил и производственных отношений. Следовательно, понятие «справедливость» субъективное, охватывающее наши представления о сущем и должном [6, с. 484].

Право и экономика находятся в тесной взаимосвязи. Достаточно полно эту взаимосвязь описал Е.А. Суханов. Не отрицая ее как таковую, отмечается, что политэкономия не может развиваться в отрыве от права, поскольку последнее дает «правовую оболочку» [9, с. 80–93]. При этом, право не является служанкой экономики, поскольку такой вывод лишил бы гражданско-правовую науку собственного предмета изучения. Е.П. Губин указывает, что «без права экономика не может развиваться, экономике имманентно присуще право...» [2, с. 3–13]. Экономика России после распада СССР находилась в упадке, правовая система советского времени не соответствовала «новому» государству. Собственно говоря, возникновение такого феномена как «миноритарный акционер» напрямую связано с историческим переходом России на новый этап развития в 90-е годы, который В.В. Путин связал с «гранью утраты суверенитета и развала» [19]. Законодателю потребовалось время, чтобы проработать иную концепцию нормативно-

правовых актов, адаптировать их к изменениям и новому типу экономики. В условиях постсоветской России несправедливое увеличение степени контроля за частными лицами следует связывать, во-первых, с распределением государственных активов с нарушением законодательства о приватизации, во-вторых, с отступлением от соблюдения баланса интересов между миноритарными и мажоритарными акционерами. Миноритарные акционеры, которые надеялись на справедливое распределение государственной собственности, не получили того, на что рассчитывали, и сегодня также оказались не у дел, как в 90-е годы, поскольку акции акционерных обществ, над которыми устанавливается публичный корпоративный контроль, изымаются без какого-либо возмещения.

Конституционный Суд РФ справедливо связал изъятие ценных бумаг стратегически важных предприятий с коррупцией, назвав ее существом «нарушение принципов справедливости и равенства (правового эквивалента). Коррупция оказывает разрушительное, угнетающее воздействие на сферу реализации публичной власти, расшатывает ее легитимность, способна подорвать веру граждан в законность, добро и справедливость, является существенным препятствием для правового, демократического и социально-экономического развития страны. Это тем более актуально для Российской Федерации, социально-экономическая, политическая и правовая системы которой прошли с начала девяностых годов прошлого века сложный период трансформации» [20]. Соответственно, незаконное и несправедливое распределение активов стратегически важных предприятий в 90-е годы, послужило причиной безвозмездного изъятия акций в судебном порядке у миноритарных акционеров в пользу государства. В данном случае невозможно сохранить баланс интересов миноритарных акционеров, поскольку публичные интересы РФ оказываются определяющими. Полагаем, что баланс интересов соблюдаться должен. Несправедливая ваучерная приватизация, агитационная компания с заведомо недостоверной информацией, которые ввели в заблуждение миноритарных акционеров, должны приниматься во внимание. В Постановлении от 24 февраля 2004 года № 3-П Конституционный Суд Российской Федерации обратил внимание на то, что в процессе предпринимательской деятельности акционерного общества могут сталкиваться интересы акционеров – владельцев крупных пакетов акций и миноритарных акционеров. В такой ситуации обеспечение баланса их законных интересов является одной из основных задач корпоративного законодательства, включая законодательство об акционерных обществах [21].

Как отмечает Князев А.П., «социальная справедливость – это система существующих в общественном создании ценностях и представлений о нормах экономического и социального распределения, обеспечивающая взаимодействие субъектов ... путем предоставления всем субъектам адек-

ватно равных возможностей для обеспечения своей жизнедеятельности и оптимальном распределении и перераспределении благ» [3, с. 7]. Поэтому, при восстановлении публичного корпоративного контроля, законодателю и Банку России необходимо обратить внимание на адекватное возмещение миноритарным акционерам стоимости изъятых акций в пользу государства. Федеральным законом от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – Закон № 208-ФЗ) предусмотрен ряд мер, направленных на защиту прав миноритарных акционеров, одним из которых является выкуп акций у таких акционеров. При этом, полагаем, что выкуп акций в данном случае должен проходить не по аналогии с выкупом, предусмотренным статьёй 75 Закона № 208-ФЗ, а в соответствии с положениями статьи 84.2 Закона № 208-ФЗ. В соответствии с определением Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 28.09.2011 № ВАС-11523/11 по делу № А40–79121/10–144–441 цель данной нормы (пункт 1 статьи 84.2 Закона № 208-ФЗ) заключается в предоставлении миноритарным акционерам правовой защиты в связи с передачей другому независимому лицу контроля над принятием решений уполномоченными органами акционерного общества [22]. Защита интересов миноритарных акционеров заключается в правовой неопределенности, которую влечет за собой смена контроля над обществом, в виде возможного изменения стратегии и основных направлений в деятельности общества. Более того, в рамках вышеуказанной правовой нормы при выкупе акций, существенным фактом является оценка из рыночной стоимости на момент их изъятия у миноритарных акционеров, контроль за которой предварительно осуществляется Банком России. Полагаем, что справедливое возмещение миноритарным акционерам стоимости изъятых акций, будет направлено обеспечение равенства участников корпоративных отношений.

Литература

1. Вайпан, В.А. Теория справедливости: право и экономика: монография / В.А. Вайпан. – Москва: Юстицинформ, 2017. 123 с.
2. Губин Е.П. Право как инструмент решения экономических проблем современной России // ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 11. ПРАВО. 2012. № 2. С. 3–13.
3. Князев А.П. Справедливость как фактов устойчивого развития: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук 09.00.11 / Тверь, 2012. 24 с.
4. Кудринская Н.И. Справедливость как социальный феномен и философская категория: автореф. дис. ... канд. филос. наук 09.00.11 / С-пб, 2013. 24 с.
5. Марченко М.Н. О соотношении права и закона в правовом государстве // ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 11. ПРАВО, 2015, № 6, с. 20–34.

6. Сборник научных статей IV Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом» (25 апреля 2017 года, г. Москва) / А.Г. Ананьев, В.К. Андреев, А.В. Белицкая и др.; под ред. С.Д. Могилевского, М.А. Егоровой. М.: РАН-ХиГС при Президенте Российской Федерации. Юридический факультет им. М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности, Юстицинформ, 2017. 484 с.
7. Ситдикова Л.Б., Помазкова С.И., Еникеев И.С. Национализация как институт гражданского права // Юрист. 2023. № 2. С. 40–44.
8. Социальное гражданское право в его основополагающих институтах: коллективная монография / А.М. Авакян, М.В. Бандо, В.С. Белых и др.; отв. ред. К.М. Некрашевич. Москва: Статут, 2022. 190 с.
9. Суханов Е.А. О взаимодействии правовых и экономических подходов в изучении имущественных отношений // ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 11. ПРАВО. 2023. Т. 64. № 6. С. 80–93.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
11. Определение Конституционного Суда РФ от 04.06.2013 № 882-О: «Именно судебная власть, независимая и беспристрастная по своей природе, играет решающую роль в государственной защите прав и свобод человека и гражданина, и именно суд окончательно разрешает спор о праве, чем предопределяется значение судебных решений как государственных правовых актов, выносимых именем Российской Федерации и имеющих общеобязательный характер (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2002 года № 8-П и от 17 марта 2009 года № 5-П)» // СПС Консультант Плюс.
12. Официальный сайт Президента России: «Пленарное заседание съезда РСПП». Участие Президента РФ В.В. Путина в работе ежегодного съезда Российского союза промышленников и предпринимателей [Электронный ресурс] – 2025. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73940>. – Загл. с экрана.
13. Официальный сайт РБК: Костин не увидел «глобальной национализации» в России [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rbc.ru/business/06/06/2024/6661c89f9a7947da603a6d85> (дата обращения: 10.08.2025).
14. Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годы (экспертно-аналитическое мероприятие) / Руководитель рабочей группы – Председатель Счетной палаты Российской Федерации С.В. Степашин. М.: Издательство «Олита», 2004 [Электронный ресурс] 2025. Режим доступа: // URL: https://www.lifeof-people.info/LibraryOwnData/Conspect/17_3_20_s2_1.pdf, свободный, Загл. с экрана.
15. Официальный сайт Интерфакс: Генпрокурор сообщил о возвращении государству более 15 тысяч незаконно отчужденных объектов: «По искам прокуроров в 2024 году в казну возвращено свыше 15 тысяч незаконно отчужденных объектов, включая стратегические предприятия, а также 120 тысяч гектаров земель почти на 2,4 трлн рублей», – сказал Краснов, выступая с ежегодным докладом. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.interfax.ru/russia/1017815> (дата обращения: 10.08.2025).
16. Сведения о наличии в реестре миноритарных акционеров взяты из Годового отчета ОАО «СМЗ» по итогам 2022 года (далее – «Отчет»). В соответствии с п. 1.3.3. отчета количество лиц, зарегистрированных в реестре акционеров на 31.12.2022 года: 586, в том числе номинальный держатель – 1. Сведения об акционерах, доля которых в уставном капитале Общества составляет более 2%: 1. Российская Федерация в лице Федерального агентства по управлению государственным имуществом (Росимущество) – 356276 акций (89,4554%); 2. Акционерное общество «Инвестиционная компания «РЕГИОН» – 9362 акций (2,3507%) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.smw.ru/upload/iblock/2ed/rv3dwpswbb0s3mqf08efvbiggvi1dtrv.pdf> (дата обращения: 10.08.2025).
17. Решение Арбитражного суда Пермского края от 11.05.2022 по делу № А50–24570/2021// СПС Консультант Плюс, Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 20.12.2022 № Ф09–7059/22 по делу № А50–24570/2021 // СПС Консультант Плюс.
18. Официальный сайт РИА Новости: Набиуллина предупредила о возможном оттоке капитала за рубеж [Электронный ресурс] // URL: <https://finance.rambler.ru/business/52883548-nabiullina-odnoznachno-negativno-prokommentirovala-izyatie-chastnyh-aktivov-v-gossobstvennost/> (дата обращения: 10.08.2025).
19. Новости Рамблер: «Банда патриотов»: Путин раскритиковал руководство РФ в 90-е [Электронный ресурс] // URL: <https://news.rambler.ru/politics/42370308-banda-patriotov-putin-raskritikoval-rukovodstvo-rf-v-90-e/> (дата обращения: 10.08.2025).
20. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда» // СПС Консультант Плюс.
21. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 № 3-П // СПС Консультант Плюс.
22. Определение ВАС РФ от 28.09.2011 № ВАС-11523/11 по делу № А40–79121/10–144–441 // СПС Консультант Плюс.

PRIVATIZATION OF ENTERPRISES AND JUSTICE: BALANCING INTERESTS IN THE DISTRIBUTION OF ASSETS

Mitrovka Ya.V.

PIK-Specialized Developer Public Joint-Stock Company

This article compares the distribution of assets of industrial enterprises in the process of privatization with the category of justice. The study assesses the specific historical conditions of privatization, the legal status of minority shareholders who participated in privatization, and the restoration of corporate control by the state over enterprises whose shares were transferred to private capital in violation of the privatization law. The study results in the development of recommendations aimed at ensuring the balance of interests of minority shareholders as a relatively weak party in corporate relations.

Keywords: nationalization, deprivatization, corporate control, minority shareholders, controlling stake, justice, corruption.

References

1. Vaipan, V.A. Theory of justice: law and economics: a monograph / V.A. Vaipan. Moscow: Justicinform, 2017. 123 p.
2. Gubin E.P. Law as a tool for solving economic problems in modern Russia // VESTN. Moscow TIME. UN-TA. SER. 11. THE LAW. 2012. No. 2. pp. 3–13.
3. Knyazev, A.P. Justice as a Fact of Sustainable Development: A Socio-Philosophical Analysis: Abstract of Dissertation. ... Candidate of Philosophy. Sciences 09.00.11 / Tver, 2012. 24 p.
4. Kudrinskaya N.I. Justice as a social phenomenon and a philosophical category: abstract of the dissertation. ... PhD in Philology. Sciences 09.00.11 / S-pb, 2013. 24 p.
5. Marchenko M.N. On the relationship between law and law in a State governed by the rule of law // VESTN. Moscow TIME. UN-TA. SER. 11. LAW, 2015, No. 6, pp. 20–34.
6. Collection of scientific articles of the IV International Scientific and Practical Conference "Actual Problems of Entrepreneurial and Corporate Law in Russia and Abroad" (April 25, 2017, Moscow) / A.G. Ananyev, V.K. Andreev, A.V. Belitskaya, et al.; edited by S.D. Mogilevsky, M.A. Egorova. Moscow: RANEPa under the President of the Russian Federation. Faculty of Law named after M.M. Speransky of the Institute of Law and National Security, Yustitsinform, 2017. 484 p.
7. Sitdikova L.B., Pomazkova S.I., Enikeev I.S. Nationalization as an Institution of Civil Law // Yurist. 2023. No. 2. Pp. 40–44.
8. Social Civil Law in Its Fundamental Institutions: A Collective Monograph / A.M. Avakyan, M.V. Bando, V.S. Belykh, et al.; ed. by K.M. Nekrashevich. Moscow: Statut, 2022. 190 p.
9. Sukhanov E.A. On the Interaction of Legal and Economic Approaches in the Study of Property Relations // VESTN. MOK. UN-TA. SER. 11. LAW. 2023. V. 64. No. 6. Pp. 80–93.
10. The Civil Code of the Russian Federation (Part one) of 11/30/1994 No. 51-FZ (as amended from 08/08/2024, as amended. dated 31.10.2024) // Collection of legislation of the Russian Federation, 05.12.1994, No. 32, art. 3301.
11. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 06/04/2013 No. 882-O: "It is the judiciary, independent and impartial in nature, that plays a decisive role in the state protection of human and civil rights and freedoms, and it is the court that definitively resolves the dispute about law, which determines the significance of court decisions as state legal acts pronounced in the name of the Russian Federation. Of the Russian Federation and of a generally binding nature (Resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 8-P of April 4, 2002 and No. 5-P of March 17, 2009)" // SPS Consultant Plus.
12. The official website of the President of Russia: "The plenary session of the Congress of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs". Participation of the President of the Russian Federation V.V. Putin in the annual Congress of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs [Electronic resource] – 2025. – Access mode: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73940>. – Cover from the screen.
13. The official website of RBC: Kostin did not see the "global nationalization" in Russia [Electronic resource] // URL: <https://www.rbc.ru/business/06/06/2024/6661c89f9a7947da603a6d85> (date of request: 08/10/2025).
14. Analysis of the processes of privatization of state property in the Russian Federation for the period 1993–2003 (expert and analytical event) / Head of the working group – Chairman of the Accounts Chamber of the Russian Federation S.V. Stepashin. Moscow: Olita Publishing House, 2004 [Electronic resource] 2025. Access mode: // URL: https://www.lifeofpeople.info/LibraryOwnData/Conspect/17_3_20_s2_1.pdf, free, Blank from the screen.
15. Interfax official website: The Prosecutor General announced the return of more than 15,000 illegally alienated objects to the state: "According to the claims of prosecutors in 2024, more than 15,000 illegally alienated objects, including strategic enterprises, as well as 120,000 hectares of land worth almost 2.4 trillion rubles, were returned to the treasury," Krasnov said, delivering his annual report.. [Electronic resource] // URL: <https://www.interfax.ru/russia/1017815> (date of request: 08/10/2025).
16. Information on the presence of minority shareholders in the register is taken from the Annual Report of JSC SMZ for the year 2022 (hereinafter referred to as the "Report"). In accordance with clause 1.3.3. of the report, the number of persons registered in the register of shareholders as of 31.12.2022: 586, including the nominal holder – 1. Information about shareholders whose share in the authorized capital of the Company is more than 2%: 1. The Russian Federation represented by the Federal Agency for State Property Management (Rosimushchestvo) – 356276 shares (89.4554%); 2. Joint Stock Company "Investment Company REGION" – 9,362 shares (2.3507%) [Electronic resource] // URL: <https://www.smw.ru/upload/iblock/2ed/rv3dwpwbb0s3mqf08efvbiggvi1dtrv.pdf> (date of request: 08/10/2025).
17. The decision of the Arbitration Court of the Perm Territory dated 05/11/2022 in case no. A50–24570/2021// SPS Consultant Plus, the Decision of the Arbitration Court of the Ural District dated 12/20/2022 no. F09–7059/22 in case no. A50–24570/2021// SPS Consultant Plus.
18. RIA Novosti official website: Nabiullina warned about possible capital outflow abroad [Electronic resource] // URL: <https://finance.rambler.ru/business/52883548-nabiullina-odnoznachno-negativno-prokommentirovala-izyatie-chastnyh-aktivov-v-gossobstvennost/> (date of access: 08/10/2025).
19. Rambler news: "Band of patriots": Putin criticized the leadership of the Russian Federation in the 90s [Electronic resource] // URL: <https://news.rambler.ru/politics/42370308-banda-patriotov-putin-raskritikoval-rukovodstvo-rf-v-90-e/> / (date of access: 08/10/2025).
20. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 31.10.2024 No. 49-P "In the case of checking the constitutionality of Articles 195 and 196, paragraph 1 of Article 197, paragraph 1 and paragraph 2 of paragraph 2 of Article 200, paragraph 2 of Article 208 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the request of the Krasnodar Regional Court" // SPS Consultant Plus.
21. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 02/24/2004 No. 3-P // SPS Consultant Plus.
22. Definition of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 09/28/2011 no. VAS-11523/11 in case no. A40–79121/10–144–441 // SPS Consultant Plus.

Наследственное право в условиях цифровой экономики: вызовы и адаптация законодательства

Недова Наталья Сергеевна,

к.ю.н., доцент кафедры «Экономическая теория и менеджмент», Российский университет транспорта (РУТ (МИИТ))

Алишехова Саида Муратхановна,

студент, Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова

В статье рассматриваются актуальные проблемы адаптации наследственного права к реалиям цифровой экономики. Анализируются вопросы наследования цифровых активов, включая аккаунты в социальных сетях, криптовалюты и иные виртуальные ресурсы. Освещаются правовые и технические аспекты обеспечения доступа наследников к цифровому наследию. Исследуются инновационные подходы ведущих IT-компаний к решению проблемы цифрового наследования. Выявляются противоречия между новыми цифровыми механизмами и традиционными нормами наследственного права. Обосновывается необходимость совершенствования законодательства для эффективного регулирования наследования цифровых активов.

Ключевые слова: наследственное право, цифровая экономика, цифровые активы, цифровое наследство, аккаунты социальных сетей, криптовалюта, персональные данные, правовое регулирование, адаптация законодательства.

В контексте стремительного развития цифровой экономики и всеобъемлющей технологической трансформации общества, наследственное право, традиционно считающееся одной из наиболее консервативных областей юриспруденции, сталкивается с беспрецедентными вызовами и необходимостью адаптации к новым реалиям. Цифровизация, ставшая неотъемлемым атрибутом прогресса в XXI веке, оказывает существенное влияние на все сферы правового регулирования, и наследственное право не является исключением. В этой связи возникает целый комплекс проблем, требующих тщательного анализа и законодательного регулирования.

Одним из ключевых аспектов, требующих пристального внимания законодателей и правоведов, является феномен «цифрового наследства». Данное понятие охватывает широкий спектр цифровых активов и информационных ресурсов, включая аккаунты в социальных сетях, электронную почту, криптовалютные кошельки, а также различные виды цифрового контента, такие как фотографии, видеоматериалы и текстовые документы, хранящиеся в облачных сервисах. Отсутствие четкой правовой регламентации процедур наследования подобных активов создает значительные трудности как для наследников, так и для правоприменителей. Особую актуальность приобретает вопрос о механизмах передачи доступа к конфиденциальной информации умершего лица его ближайшим родственникам или иным законным наследникам, что требует разработки сбалансированного подхода, учитывающего как права наследников, так и интересы третьих лиц, чьи персональные данные могут быть затронуты в процессе наследования цифровых активов.

В научной литературе, как отмечают Н.А. Иванова, Л.Х. Вартилова и Э.Н. Хаджичикова, аккаунт определяется как совокупность пользовательских данных, необходимых для аутентификации и доступа к персональным настройкам и информации. Существующая мировая практика, как правило, не рассматривает интернет-аккаунты в качестве имущества, подлежащего наследованию, что приводит к отказам компаний в предоставлении доступа к учетным записям умерших пользователей их наследникам [5]. В нашей стране дополнительным барьером выступает конституционная защита тайны переписки, закрепленная в статье 23 Конституции Российской Федерации.

Однако, в ряде зарубежных юрисдикций наблюдается тенденция к признанию права наследования цифровых активов. Примечательны преце-

денты в Германии и США, где законодательство и судебная практика эволюционируют в сторону расширения прав наследников на доступ к цифровому наследию умерших. Так, знаковым стало решение Федерального Верховного суда Германии в 2018 году, легализовавшее наследование аккаунтов в социальных сетях [9]. Не менее значимой является инициатива компании Apple, внедрившей в 2021 году функцию «Цифровой наследник», которая позволяет родственникам умершего пользователя получить ограниченный доступ к его учетной записи при соблюдении определенных процедур [12]. Данный механизм предусматривает предоставление свидетельства о смерти и специального ключа доступа, созданного владельцем аккаунта при жизни. При этом наследники получают возможность ознакомиться с определенными категориями данных, но лишены доступа к финансовой информации и платным сервисам. Подобные инновации демонстрируют стремление технологических компаний адаптироваться к новым реалиям и потребностям пользователей, одновременно сохраняя баланс между правами наследников и защитой персональных данных.

В контексте адаптации наследственного права к реалиям цифровой экономики особый интерес представляют инновационные решения, предлагаемые ведущими технологическими компаниями. Так, компания Google разработала функционал «На всякий случай» [8], позволяющий пользователям заблаговременно назначить доверенное лицо, которое получит доступ к аккаунту в случае длительного отсутствия активности владельца. Данная опция предоставляет пользователям возможность самостоятельно определять объем информации, доступной потенциальному наследнику цифровых активов.

Несмотря на позитивное восприятие подобных технических нововведений пользовательским сообществом, их имплементация порождает ряд сложных юридических вопросов и проблем правового регулирования. В частности, существует явное противоречие между новыми цифровыми механизмами распоряжения виртуальными активами и традиционными нормами наследственного права. Согласно действующему Гражданскому кодексу Российской Федерации, распоряжение имуществом на случай смерти допускается исключительно посредством составления завещания или заключения наследственного договора, причем оба эти документа требуют письменной формы и нотариального удостоверения. Несоблюдение этих формальных требований влечет за собой недействительность волеизъявления наследодателя.

Таким образом, инновационные решения, предлагаемые такими компаниями как Apple и Google, в настоящее время не соответствуют российскому законодательству о наследовании. Однако ряд исследователей, в том числе А.А. Волос, Е.П. Волос и Д.А. Папылев, прогнозируют возможное снятие существующих законодательных ограничений в обозримом будущем. При этом ученые подчер-

кивают необходимость разработки комплекса мер, направленных на минимизацию рисков, связанных с составлением и исполнением электронных завещаний. Данная проблематика требует тщательного анализа и выработки сбалансированного подхода, учитывающего как потребности цифровой экономики, так и фундаментальные принципы наследственного права [3].

Как отмечают Н.Н. Турецкий, возникает парадоксальная ситуация, когда устройство, содержащее цифровые активы, может перейти по наследству к лицу, которому наследодатель не предполагал предоставлять доступ к этим данным. Одновременно, назначенный цифровой наследник может оказаться лишенным возможности получить доступ к устройству, находящемуся в законном владении другого лица. Данная коллизия подчеркивает необходимость разработки комплексного подхода к регулированию наследования цифровых активов [11].

Анализ практики российских IT-компаний выявляет консервативный подход к вопросу доступа к аккаунтам умерших пользователей. Такие крупные игроки рынка, как «Яндекс» и VK, придерживаются политики неразглашения персональных данных и отказа в предоставлении доступа к аккаунтам наследникам, ограничиваясь возможностью удаления учетной записи по запросу близких родственников при предъявлении свидетельства о смерти. В.Н. Гаврилов подчеркивает, что в отсутствие четкого законодательного регулирования, почтовые сервисы и веб-сайты вынуждены самостоятельно формировать политику в отношении цифрового наследства [4].

Комплексный характер проблемы наследования цифровых активов отмечается многими исследователями. А.С. Савкина акцентирует внимание на неопределенности объема наследуемых прав на аккаунты в социальных сетях и сложности идентификации всех аккаунтов наследодателя [10]. А.А. Базаров указывает на дополнительные сложности, связанные с лицензионными соглашениями, которые могут ограничивать или запрещать передачу аккаунтов по наследству [1]. В.В. Богдан подчеркивает фундаментальный характер проблемы определения правовой природы аккаунта как объекта гражданских прав, содержащего информацию, представляющую коммерческий или некоммерческий интерес [2].

В контексте адаптации наследственного права к реалиям цифровой экономики особую актуальность приобретает проблема наследования криптовалюты. Специфика распределенных реестров, обеспечивающих функционирование криптовалют, создает существенные препятствия для их наследования в рамках традиционных правовых механизмов. Основная сложность заключается в закрытом характере доступа к криптоактивам, который ограничен исключительно их владельцами. В отсутствие передачи кодов доступа наследодателем, наследование криптовалюты становится практически невозможным.

В настоящее время в юридической практике и научной литературе обсуждаются различные подходы к решению данной проблемы. Одним из предлагаемых вариантов является использование института закрытого завещания, в котором наследодатель мог бы указать коды доступа к своим криптоактивам. Однако, как отмечают П.И. Очирова и А.С. Степаненко, данный метод сопряжен с существенными рисками безопасности, поскольку конфиденциальная информация может стать доступной нотариусу, свидетелям, исполнителю завещания и другим лицам, участвующим в процедуре оглашения завещания [7].

Альтернативным способом передачи криптовалюты по наследству рассматривается возможность фиксации паролей на электронном носителе с последующей передачей его на хранение нотариусу. Данный механизм опирается на положения статьи 97 «Основ законодательства о нотариате», регламентирующей процедуру принятия на хранение электронных документов. Этот метод позволяет обеспечить сохранность как индивидуального ключа к аккаунту, так и файла с кодами доступа к криптоактивам. Тем не менее, и в этом случае сохраняются определенные риски несанкционированного доступа к конфиденциальной информации в процессе ее хранения у нотариуса.

М.А. Карпов и Н.И. Лиманова в своих работах выдвигают тезис о том, что оптимальным решением для обеспечения сохранности и конфиденциальности криптографических ключей является использование банковских ячеек. Данный подход позволяет наследодателю разместить необходимую информацию, включая физические носители с кодами доступа, в защищенном пространстве, не раскрывая при этом содержимое ячейки в тексте завещания. Такой метод обеспечивает высокий уровень безопасности и конфиденциальности, минимизируя риски несанкционированного доступа к цифровым активам [6].

Параллельно с развитием правовых механизмов наследования криптовалюты, наблюдается тенденция к саморегулированию в данной сфере со стороны участников криптовалютного рынка. Ряд ведущих криптовалютных бирж предпринимают шаги по интеграции возможности наследования пользовательских аккаунтов в свои пользовательские соглашения. Этот факт подчеркивает необходимость повышения правовой грамотности пользователей криптовалютных платформ, которым следует уделять особое внимание вопросам наследования цифровых активов уже на этапе регистрации.

Важно отметить, что отсутствие своевременных распоряжений относительно судьбы криптовалютных активов может привести к их безвозвратной утрате. Некоторые криптовалютные биржи, руководствуясь своими внутренними политиками, могут присваивать активы умерших пользователей по истечении определенного периода времени. Данная практика еще раз подчеркивает важность адаптации наследственного законодательства

к реалиям цифровой экономики и необходимость разработки универсальных правовых механизмов, обеспечивающих защиту прав наследников на цифровые активы.

Заключение

Анализ современных тенденций в сфере наследования цифровых активов выявляет острую необходимость в адаптации российского законодательства к реалиям цифровой экономики. Отсутствие четкого правового регулирования в отношении наследования аккаунтов социальных сетей, криптовалют и иных цифровых активов создает значительные препятствия для реализации прав наследников и может приводить к безвозвратной утрате ценных цифровых ресурсов.

Ключевыми направлениями совершенствования законодательства в данной области должны стать:

1. Разработка и закрепление в правовом поле определения аккаунта социальной сети как объекта гражданских прав, что позволит установить четкий порядок их наследования.
2. Дальнейшее развитие нормативно-правовой базы в отношении криптовалют, с особым акцентом на механизмы их наследования.
3. Усиление взаимодействия между государственными органами, нотариатом и лицензируемыми финансовыми институтами, такими как криптовалютные биржи, для обеспечения эффективного процесса передачи цифровых активов наследникам.
4. Унификация базовых принципов взаимодействия субъектов лицензионных договоров в сфере цифровых технологий с учетом возможности наследования прав пользования.
5. Разработка механизмов, обеспечивающих баланс между правами наследников на доступ к цифровым активам и защитой персональных данных умершего и третьих лиц.

Реализация этих мер позволит создать правовую основу для эффективного наследования цифровых активов, обеспечивая защиту прав и интересов всех участников наследственных отношений в условиях цифровой экономики.

Литература

1. Базаров А.А. Формирование концепции наследования аккаунтов (учетных записей) в социальных сетях в Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13. № 5. С. 54–64. DOI: 10.21869/2223-1501-2023-13-5-54-64.
2. Богдан В.В. Право социальных сетей (частноправовой аспект) // Пермский юридический альманах. 2022. № 5. С. 133–147.
3. Волос А.А., Волос Е.П., Папылев Д.А. Цифровые вызовы современного наследственного

права. М.: Проспект, 2023. 168 с. ISBN 978-5-392-37533-2.

4. Гаврилов В.Н. Наследование аккаунтов в социальной сети // Право. Экономика. Психология. 2019. № 2(14). С. 11–14.
5. Иванова Н.А., Варитлова Л.Х., Хаджичикова Э.Н. Наследование аккаунтов социальных сетей // Современные тенденции развития науки и мирового сообщества в эпоху цифровизации: сборник материалов XIX Международной научно-практической конференции, Москва, 30 ноября 2023 года. М.: Алеф, 2023. С. 94–99.
6. Карпов М.А., Лиманова Н.И. Вопросы практического применения криптографии для обеспечения безопасности данных // Бюллетень науки и практики. 2023. Т. 9, № 12. С. 47–51. DOI: 10.33619/2414-2948/97/05.
7. Очинова П.И., Степаненко А.С. Наследование криптовалюты: особенности и проблемы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 10. С. 198–199. DOI: 10.23672/y1878-6677-7684-j.
8. Представляем менеджер неактивных аккаунтов «Google на всякий случай» [Электронный ресурс]. URL: <https://russia.googleblog.com/2013/04/> (дата обращения: 10.10.2024).
9. Румянцев А.Г. Немецкий закон о социальных сетях: нормативное закрепление технологического отставания // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 3(130). С. 27–53. DOI: 10.21128/1812-7126-2019-3-27-53.
10. Савкина А.С. Правовой анализ проблемы наследования аккаунтов в социальных сетях // Сборник материалов Всероссийского конкурса молодых ученых в сфере интеллектуальной собственности «Интеллект»: Сборник статей / Под ред. О.А. Флягиной. М.: Российская государственная академия интеллектуальной собственности, 2021. С. 38–51.
11. Турецкий Н.Н. Цифровое наследство: вызовы для современного права // Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право: Сборник научных трудов международных научно-практических конференций, Москва, 07–24 апреля 2023 года / Отв. ред.: В.П. Вершинин, А.Л. Третьяков. Том 10. М.: Московский психолого-социальный университет, 2023. С. 1365–1369.
12. Apple выпустила новую iOS с функцией выбора цифрового наследника [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/14/12/2021/61b878e19a7947a9cda5c34e> (дата обращения: 10.10.2024).

INHERITANCE LAW IN THE CONTEXT OF THE DIGITAL ECONOMY: CHALLENGES AND ADAPTATION OF LEGISLATION

Nedova N.S., Alishehova S.M.

Russian University of Transport, First Moscow State Medical University named after I.M. Sechenov

This article examines the current issues of adapting inheritance law to the realities of the digital economy. It analyzes questions related to the inheritance of digital assets, including social media accounts, cryptocurrencies, and other virtual resources. The legal and technical aspects of ensuring access for heirs to digital inheritance are discussed. Innovative approaches taken by leading IT companies to address the problem of digital inheritance are explored. Contradictions between new digital mechanisms and traditional norms of inheritance law are identified. The article argues for the necessity of improving legislation for the effective regulation of the inheritance of digital assets.

Keywords: inheritance law, digital economy, digital assets, digital inheritance, social media accounts, cryptocurrency, personal data, legal regulation, adaptation of legislation.

References

1. Bazarov A.A. Formation of the concept of inheritance of accounts (accounts) in social networks in the Russian Federation // Bulletin of the South-West State University. Series: History and Law. 2023. Vol. 13. No. 5. P. 54–64. DOI: 10.21869/2223-1501-2023-13-5-54-64.
2. Bogdan V.V. Law of social networks (private law aspect) // Perm legal almanac. 2022. No. 5. P. 133–147.
3. Volos A.A., Volos E.P., Papylev D.A. Digital challenges of modern inheritance law. Moscow: Prospect, 2023. 168 p. ISBN 978-5-392-37533-2.
4. Gavrilov V.N. Inheritance of accounts in a social network // Law. Economics. Psychology. 2019. No. 2 (14). Pp. 11–14.
5. Ivanova N.A., Varitlova L.Kh., Khadzhichikova E.N. Inheritance of social network accounts // Modern trends in the development of science and the world community in the era of digitalization: collection of materials from the XIX International scientific and practical conference, Moscow, November 30, 2023. Moscow: Alef, 2023. Pp. 94–99.
6. Karpov M.A., Limanova N.I. Issues of practical application of cryptography to ensure data security // Bulletin of Science and Practice. 2023. Vol. 9, No. 12. Pp. 47–51. DOI: 10.33619/2414-2948/97/05.
7. Ochirova P.I., Stepanenko A.S. Inheritance of cryptocurrency: features and problems // Humanities, socio-economic and social sciences. 2022. No. 10. P. 198–199. DOI: 10.23672/y1878-6677-7684-j.
8. Introducing the inactive account manager “Google just in case” [Electronic resource]. URL: <https://russia.googleblog.com/2013/04/> (date of access: 10.10.2024).
9. Rumyantsev A.G. German law on social networks: normative consolidation of technological backwardness // Comparative constitutional review. 2019. No. 3(130). P. 27–53. DOI: 10.21128/1812-7126-2019-3-27-53.
10. Savkina A.S. Legal analysis of the problem of inheritance of accounts in social networks // Collection of materials of the All-Russian competition of young scientists in the field of intellectual property “Intellect”: Collection of articles / Ed. O.A. Flyagina. Moscow: Russian State Academy of Intellectual Property, 2021. P. 38–51.
11. Turetsky N.N. Digital heritage: challenges for modern law // Actual problems of modern Russia: psychology, pedagogy, economics, management and law: Collection of scientific papers of international scientific and practical conferences, Moscow, April 7–24, 2023 / Ed.: V.P. Vershinin, A.L. Tretyakov. Vol. 10. Moscow: Moscow University of Psychology and Social Sciences, 2023. Pp. 1365–1369.
12. Apple has released a new iOS with the function of choosing a digital successor [Electronic resource]. URL: <https://www.rbc.ru/society/14/12/2021/61b878e19a7947a9cda5c34e> (date of access: 10.10.2024).

Пределы гражданско-правовой ответственности операторов платформ по распространению программного обеспечения перед потребителями

Николаев Андрей Алексеевич,

аспирант, Негосударственного образовательного частного учреждения высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: nickolaewandriy@yandex.ru

В условиях стремительного развития цифровой экономики особое значение приобретает правовое регулирование деятельности цифровых платформ, распространяющих программное обеспечение. Деятельность операторов таких платформ связана с выполнением множества функций – от технического обеспечения доступа пользователей к ПО до обработки транзакций и предоставления информации. Однако их правовой статус и пределы гражданско-правовой ответственности в российском законодательстве прямо не закреплены, что создает правовую неопределенность и способствует возникновению споров. В статье анализируются существующие подходы к определению цифровой платформы, а также обосновываются критерии, позволяющие установить границы ответственности оператора платформы перед потребителями. Выделяются ключевые риски, связанные с предоставлением недостоверной информации, нарушением лицензионных условий и техническими сбоями, а также проводится соотношение деятельности платформ с режимом агрегаторов в российской правовой системе. На основе анализа законодательства, судебной практики и доктринальных позиций формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: цифровая платформа, программное обеспечение, ответственность, оператор платформы, лицензионные отношения, агрегатор, потребитель.

Введение

Цифровизация экономики Российской Федерации привела к трансформации традиционных моделей гражданского оборота и возникновению новых посреднических форм, включая цифровые платформы как технологические инфраструктуры для организации сделок между пользователями. На рубеже 2020–2025 годов наблюдается устойчивый рост сектора информационных технологий, в том числе рынков программного обеспечения и цифровой дистрибуции. По прогнозам специалистов НИУ ВШЭ, к 2025 году объём российской ИТ-отрасли превысит 4 трлн руб., что будет составлять около 3% ВВП страны. [11]

Значительная часть этого роста обеспечивается за счет деятельности платформ, осуществляющих распространение программ для ЭВМ (далее – «ПО») посредством сети «Интернет». Такие платформы выполняют роль ключевых посредников между разработчиками и пользователями ПО, предоставляя технические инструменты доступа, приобретения и активации лицензионных продуктов дистанционно, без использования материальных носителей. Расширение функционала этих платформ сопровождается усложнением их правового статуса и актуализацией вопроса о характере и пределах их гражданско-правовой ответственности.

Деятельность операторов платформ по распространению ПО сопряжена с рядом рисков – от предоставления недостоверной или неполной информации до технических и лицензионных нарушений. Эти риски обусловлены, в частности:

- трансграничной природой функционирования цифровых сервисов,
- отсутствием в российском праве единого унифицированного подхода к определению правового положения и правоспособности оператора цифровой платформы,
- недостаточной проработкой условий наступления гражданско-правовой ответственности за убытки, причинённые потребителям вследствие действий или бездействия таких операторов.

Термин «цифровая платформа» используется в российском законодательстве фрагментарно и контекстно, что усложняет квалификацию платформ, распространяющих ПО. При этом отсутствует устоявшаяся судебная практика, однозначно определяющая пределы юридической ответственности подобных субъектов – в отличие, например, от операторов агрегаторов, правовое регулирование деятельности которых закреплено на нормативном уровне. Это препятствует эффективной реализации прав потребителей.

Актуальность настоящего исследования обусловлена специфическим посредническим положением оператора платформы между пользовательскими и лицензионными правоотношениями, а также необходимостью систематизации подходов к определению объёма его обязанностей, характера правонарушений и условий гражданско-правовой ответственности. В доктрине до настоящего времени отсутствует целостная концепция квалификации указанных правоотношений, особенно в части корреляции их с институциональной позицией цифровой платформы как особенно в части соотношения их с институциональной позицией платформы как посредника, агрегатора или соисполнителя.

Целью настоящей статьи является определение пределов гражданско-правовой ответственности операторов цифровых платформ, распространяющих программное обеспечение, в отношении потребителей – с учетом их технологической функции, сфер применения, особенностей оборота объектов интеллектуальной собственности, а также действующего законодательства Российской Федерации.

Объектом исследования выступают гражданско-правовые отношения, возникающие при использовании цифровых платформ в процессе приобретения и пользования ПО.

Предметом исследования является совокупность юридических норм, правовых позиций и условий, определяющих основания и пределы ответственности операторов таких платформ перед потребителями за нарушение условий заключенных договоров или предоставление ненадлежащей информации о продукте.

Понятие «цифровой платформы»

Для целей настоящего исследования необходимо определить содержание термина «цифровая платформа», а также выделить отличительные черты платформ, занимающихся распространением программного обеспечения.

Исследование цифровых платформ в значительной степени развивалось в экономической науке. В экономической литературе широко цитируется определение платформы, предложенное Дж. Паркером, М. Ван Альстайном и С.П. Чаудари: «Платформа – это бизнес, основанный на взаимодействии между внешними производителями и потребителями, создающий ценность. Платформа обеспечивает открытую инфраструктуру для таких взаимодействий и устанавливает условия управления ими. Главная цель платформы – обеспечить соответствие между пользователями и облегчить обмен товарами, услугами или «социальной валютой», тем самым способствуя созданию ценности для всех участников» [13, с. 11]. Данная дефиниция отражает функциональную природу цифровых платформ как организаторов двусторонних и многосторонних взаимодействий и позволяет выделить следующие признаки:

- наличие технологической инфраструктуры (информационной системы и сопутствующих

сервисов), обеспечивающей взаимодействие пользователей;

- интеграция значительного круга пользователей через глобальную сеть «Интернет», с установленными правилами доступа и модерации контента;
- установление правил (политик) управления данными и взаимодействиями (механизмы допуска, ранжирования, распределения вознаграждений);
- направленность на снижение транзакционных издержек и координацию обмена цифровыми товарами и услугами;
- способность к масштабируемости и сетевым эффектам, влияющим на конкурентную среду.

Во многих правовых порядках применяется сочетание адаптации действующих норм и разработки специальных режимов. Так, в аналитическом отчете, подготовленном по запросу Палаты лордов Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии «Online Platforms and The EU Digital Single Market», было рассмотрено два подхода к дефиниции «цифровых платформ» – широкий и узкий. Согласно узкому подходу – это технологическая основа для предоставления или агрегирования сервисов/контента в цифровом формате. [14, с. 2] При широком подходе акцент идет на посреднической функции и сетевых эффектах многосторонних рынков. Широкий подход был воспринят Регламентом 2022/1925 (Digital Markets Act), который вводит категорию «основные платформенные услуги» (core platform services) – перечень видов цифровых сервисов, потенциально выполняющих «воротную» функцию между бизнесом и конечными пользователями. Статус «gatekeeper» присваивается при выполнении критериев значительного влияния на рынок ЕС, роли «важного шлюза» и устойчивости положения. [4]

В решении Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 г. N 12 используется схожая логика: «цифровая платформа» определяется как система средств, поддерживающая использование цифровых процессов, ресурсов и сервисов значительным количеством субъектов цифровой экосистемы и обеспечивающая возможность их бесшовного взаимодействия [2].

В российской доктрине термин «цифровая платформа» трактуется как комплекс программных и технологических решений, обеспечивающих взаимодействие между пользователями, организациями и органами государственной власти посредством информационно-телекоммуникационных сетей (прежде всего сети «Интернет») для обмена данными, заключения сделок и предоставления услуг. Определяющим признаком признаётся посредническая (организующая) функция платформы [11].

А.В. Габов в статье «Цифровая платформа как новое правовое явление» выделяет следующие общие признаки цифровых платформ:

- обеспечение среды прямого взаимодействия между поставщиками и потребителями;

- использование технологий для снижения издержек (устройства, программное обеспечение и сервисы);
- масштабируемость и эффект вовлечения большого числа участников;
- автоматизация процессов [9, с. 68].

В российском законодательстве отсутствует единая легальная дефиниция «цифровой платформы». Существующие определения различаются в зависимости от общественных отношений, в контексте, которых вводится данное понятие (например, в антимонопольном законодательстве) или используются другие термины (например, «информационная система»).

Характерным признаком цифровой платформы, по распространению ПО, является специализация на организации взаимодействия между приобретателями программного обеспечения и его разработчиками (правообладателями) либо поставщиками (вендорами). Поскольку в настоящем исследовании исключены B2B-отношения между субъектами предпринимательской деятельности, анализ проводится в рамках дефиниции, закреплённой в потребительском законодательстве. Стоит отметить, что в России на данный момент помимо Закона РФ от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей» (далее – **«Закон о защите прав потребителей»**) на уровне Союзного государства был разработан и принят Декрет Высшего Государственного Совета Союзного государства № 6 «О единых правилах в области защиты прав потребителей» (далее – **«Единые правила»**), являющийся актом наднационального законодательства. Оба акта закрепляют частный случай цифровой платформы – агрегатор.

Определения агрегатора в Законе о защите прав потребителей и в Единых правилах по существу совпадают и включают следующие признаки:

- это программа для ЭВМ или сайт в сети Интернет;
- публикация предложений продавцов (исполнителей) посредством указанных технических средств;
- предоставление возможности дистанционного заключения договора;
- посредническая функция при приёме и перечислении платежей.

Ключевое отличие Единых правил – прямое распространение их действия на «цифровые продукты», включая программы для ЭВМ и их элементы (включая порождаемые программой аудиовизуальные отображения). Если ранее судебная практика, связанная с защитой прав потребителей, рассматривала программы для ЭВМ исключительно в контексте технически сложных товаров [6], а требования заявителей отклонялись со ссылкой на неприменимость норм Закона о защите прав потребителей к результатам интеллектуальной деятельности [7], то в акте Союзного государства в этой дискуссии практически поставлена точка в пользу распространения норм потребительского законодательства на ПО.

Учитывая изложенные признаки, под «цифровой платформой по распространению ПО» пред-

лагается понимать специализированную программу для ЭВМ или сайт в сети «Интернет», организующий взаимодействие между разработчиками (правообладателями) и пользователями программного обеспечения, обеспечивающую техническую, правовую и организационную инфраструктуру для дистанционного заключения лицензионных и иных договоров об использовании и распространении программного обеспечения.

Ответственность оператора цифровой платформы по распространению ПО перед потребителем

В судебной практике пределы ответственности владельца агрегатора определяются преимущественно через исполнение им информационной обязанности перед потребителем. Неисполнение или ненадлежащее исполнение данной обязанности может являться основанием для привлечения владельца агрегатора к гражданско-правовой ответственности наряду с продавцом (исполнителем) товара (услуги), в частности в следующих случаях:

- если владельцем агрегатора не были соблюдены требования о доведении до сведения потребителя информации о себе и продавце (исполнителе) в порядке п. 1.2 ст. 9 Закона о защите прав потребителей;
- если владелец агрегатора изменяет информацию о товаре (услуге), полученную от продавца (исполнителя), содержащуюся в предложении о заключении договора с потребителем.

Ответственность владельца агрегатора может наступать и в ситуации выхода за пределы посреднической функции – если агрегатор формирует у потребителя обоснованное впечатление что действует в качестве непосредственного продавца или исполнителя услуги. [7]

При этом операторы цифровых платформ по распространению ПО находились в серой зоне из-за подхода о неприменимости потребительского законодательства к отношениям, связанным с распространением программ для ЭВМ. Но вступление в силу Единых правил неизбежно повлияет на подход как разработчиков, так и владельцев цифровых платформ к отношениям с потребителями. В частности, как будет решаться вопрос возврата цифровых продуктов с обнаруженными потребителями недостатками, которые неоговорены разработчиком? Будет ли достаточным указание в описании цифрового продукта на возможные «баги» или необходимо более детальное описание возможных ошибок, которые может встретить потребитель при эксплуатации ПО?

Следует согласиться с позицией А.И. Савельева, что применение к компьютерным программам положений о качестве по аналогии с товарами и услугами в отношении компьютерных программ чревато существенной неопределённостью и может негативным образом отразиться на развитии индустрии программного обеспечения. [8, с. 220]

Компьютерные программы достаточно уникальный и быстроизменяющийся продукт и представляется маловероятным, что законодатель может установить такие стандарты для качества ПО, которые не повлияли бы на индустрию во вред ей. Тем интереснее, как суды будут применять уже вступившие в силу нормы Единых правил.

Стоит также рассмотреть новеллы в Единых правилах, которые расширяют пределы ответственности владельцев агрегаторов. Так, в п. 9 ст. 8 Единых правил установлена обязанность агрегатора обеспечивать соблюдение продавцами (исполнителями), заключившими с ним договор, требований Единых правил. [1] Детально данная обязанность не раскрывается, но представляется, что в случае возникновения спорных ситуаций агрегатор может как требовать от такого партнера возмещения потенциальных убытков, связанных с претензиями потребителей, так и ограничить доступ такого продавца или исполнителя к платформе. Ведение такой обязанности согласуется с выводами российской доктрины в части того, что владелец агрегатора в определенных случаях должен отвечать за своих бизнес-партнеров, оказывающих потребителям услуги или продающим им товары. [10, с. 35]

В контексте цифровых платформ по распространению ПО такое нововведение предположительно может быть реализовано на уровне соглашения с разработчиками, которые размещают свои программы используя инфраструктуру владельца платформы. Также это может мотивировать платформы к более тщательному анализу самого контрагента и обязательной технической модерации его ПО, направленной на выявление явных ошибок, которые не позволяют потребителю использовать ПО.

Другим нововведением является возможность привлечения к субсидиарной ответственности согласно п. 8 ст. 8 Единых правил учредителей (участников, руководителя) изготовителя исполнителя, продавца, поставщика, представителя, импортера, агрегатора. В ситуациях, когда одно лицо является учредителем нескольких юридических лиц, среди которых распределяется широкий набор сервисов, объединенных в единую экосистему, у потребителя возникает возможность напрямую предъявить требования к такой организации.

Заключение

В ближайшей перспективе подходы к определению пределов гражданско-правовой ответственности оператора цифровой платформы по распространению программного обеспечения в России могут претерпеть существенные изменения в связи с введением новых норм на уровне Союзного государства. Постепенное расширение границ ответственности способствует усилению механизмов защиты прав потребителей, однако для сферы распространения программного обеспечения сохраняется необходимость детальной проработки критериев ответ-

ственности, а также их адаптации к особенностям цифровых продуктов.

В сложившейся системе доктринальных и нормативных положений, а также в условиях действия наднациональных актов, ключевыми ориентирами становятся баланс интересов потребителя и правообладателя и цели развития цифровой экономики, что требует постоянной систематизации правовых подходов и их гибкой коррекции в зависимости от технологических и правовых тенденций.

Литература

1. Декрет Высшего Государственного Совета Союзного государства от 6 декабря 2024 г. № 6 «О единых правилах в области защиты прав потребителей» // Официальный сайт правовой информации Союзного государства. – Минск, 2024. – URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_496218/ (дата обращения: 13.08.2025)
2. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 «Об основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» // Официальная публикация: сайт Евразийской экономической комиссии. – URL: <https://docs.eaeunion.org/en/documents/320/3264> (дата обращения: 13.08.2025)
3. Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300–1 «О защите прав потребителей» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1992. – № 15. – Ст. 766. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 15.08.2025).
4. Регламент (ЕС) 2022/1925. Digital Markets Act от 14 сентября 2022 г. // Официальный журнал Европейского Союза. – L 265/1, 12.10.2022. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32022R1925> (дата обращения: 13.08.2025).
5. Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей, утвержденный Президиумом Верховного суда РФ от 20.10.2021 // Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации. – URL: <https://www.vsr.ru/documents/all/33621> (дата обращения: 13.08.2025)
6. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13.07.2023 № 88–12326/2023 // Официальный сайт Седьмого кассационного суда общей юрисдикции. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=89024#Vml2xtUaUnO1mDYn1> (дата обращения: 13.08.2025).
7. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 01.12.2020 по делу № 88–22477/2020 // Официальный сайт Шестого кассационного суда общей юрисдикции. – URL: https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=-case&case_id=2035325&case_uid=e6b03bdc-4c

8b-47d0-a5ae-388f920da4da&new=2800001&delo_id=2800001 (дата обращения: 13.08.2025)

8. Савельев А.И. Правовые аспекты разработки и коммерциализации программного обеспечения. – Москва: Статут, 2024. – 478 с.
9. Габов А.В. Цифровая платформа как новое правовое явление / А.В. Габов // Пермский юридический альманах. – 2021. – № 4. – С. 13–82.
10. Краулин, К. К. (2022). Пределы гражданско-правовой ответственности владельцев маркетплейсов перед потребителями в РФ и США. Цифровое право, 3(3), 20–42. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2022-3-3-20-42> (дата обращения: 13.08.2025)
11. Рашкован К.А. Особенности правового регулирования деятельности цифровых платформ // Официальный сайт Коллегии адвокатов Санкт-Петербурга. – 2022. – URL: <https://spbkollegia.ru/2022/05/18/osobennosti-pravovogo-regulirovaniya-deyatelnosti-cifrovyyh-platform/> (дата обращения: 13.08.2025).
12. Аналитический доклад. Особенности развития онлайн-платформ в Евразии // Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. – 2022. – URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/914035925.pdf> (дата обращения: 13.08.2025).
13. Parker G.G., Van Alstyne M.W., Choudary S.P. Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy – and How to Make Them Work for You. – New York: W.W. Norton & Company, 2016. – 352 p.
14. Olga Batura, Nicolai van Gorp, Prof. Pierre Larouche. ONLINE PLATFORMS AND THE EU DIGITAL SINGLE MARKET: A Response to the Call for Evidence by the House of Lords' Internal Market Sub-Committee. – European Commission, 2015. – 20 p. – URL: https://ec.europa.eu/information_society/newsroom/image/document/2016-7/nikolai_van_gorp_-_response_economics_to_the_uk_house_of_lords_call_for_evidence_14020.pdf (дата обращения: 13.08.2025).

LIMITS OF CIVIL LIABILITY OF PLATFORM OPERATORS FOR SOFTWARE DISTRIBUTION TO CONSUMERS

Nikolaev A.

Moscow Financial-Industrial University 'Synergy

In the context of rapid development of the digital economy, the legal regulation of digital platforms distributing software has become increasingly important. The activities of platform operators encompass a broad range of functions—from providing users with access to software and processing transactions to ensuring the reliability of product information. However, their legal status and the extent of their civil liability are not explicitly established under Russian law, resulting in legal uncertainty and increasing the frequency of disputes. This article examines prevailing approaches to defining digital platforms, and proposes criteria for determining the limits of liability of digital platform operators towards consumers. The author identifies key risks related to misinformation, violation of licensing terms, and technical failures, and draws legal parallels with the regulatory regimes of aggregators in the Russian legal system. Based on an analysis of legislation, court practice, and scholarly perspectives,

the article provides recommendations for improving legal regulation in this area.

Keywords: digital platform, software, liability, platform operator, license relations, aggregator, consumer.

References

1. Decree of the Supreme State Council of the Union State of December 6, 2024 No. 6 “On Uniform Rules in the Field of Consumer Rights Protection” // Official website of legal information of the Union State. – Minsk, 2024. – URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_496218/ (date of access: 08/13/2025)
2. Decision of the Supreme Eurasian Economic Council of October 11, 2017 No. 12 “On the Main Directions for the Implementation of the Digital Agenda of the Eurasian Economic Union until 2025” // Official publication: website of the Eurasian Economic Commission. – URL: <https://docs.eaeunion.org/en/documents/320/3264> (date of access: 13.08.2025)
3. Law of the Russian Federation of 7 February 1992 No. 2300–1 “On Protection of Consumer Rights” (as amended on 08.08.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1992. – No. 15. – Art. 766. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (date of access: 15.08.2025).
4. Regulation (EU) 2022/1925. Digital Markets Act of 14 September 2022 // Official Journal of the European Union. – L 265/1, 12.10.2022. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32022R1925> (date of access: 13.08.2025).
5. Review of judicial practice in cases on the protection of consumer rights, approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated 20.10.2021 // Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. – URL: <https://www.vsr.ru/documents/all/33621> (date of access: 13.08.2025)
6. Determination of the Seventh Cassation Court of General Jurisdiction dated 13.07.2023 No. 88–12326/2023 // Official website of the Seventh Cassation Court of General Jurisdiction. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=89024#Vml2xtUaUn01mDYn1> (date of access: 13.08.2025).
7. Determination of the Sixth Cassation Court of General Jurisdiction dated 01.12.2020 in case No. 88–22477/2020 // Official website of the Sixth Cassation Court of General Jurisdiction. – URL: https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=2035325&case_uid=e6b03bdc-4c8b-47d0-a5ae-388f920da4da&new=2800001&delo_id=2800001 (date of access: 13.08.2025)
8. Saveliev A.I. Legal aspects of software development and commercialization. – Moscow: Statut, 2024. – 478 p.
9. Gabov A.V. Digital platform as a new legal phenomenon / A.V. Gabov // Perm legal almanac. – 2021. – No. 4. – P. 13–82.
10. Kraulin, K. K. (2022). Limits of civil liability of marketplace owners to consumers in the Russian Federation and the USA. Digital Law, 3(3), 20–42. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2022-3-3-20-42> (accessed: 13.08.2025)
11. Rashkovan K.A. Features of legal regulation of the activities of digital platforms // Official website of the St. Petersburg Bar Association. – 2022. – URL: <https://spbkollegia.ru/2022/05/18/osobennosti-pravovogo-regulirovaniya-deyatelnosti-cifrovyyh-platform/> (accessed: 13.08.2025).
12. Analytical report. Features of the Development of Online Platforms in Eurasia // Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge, National Research University Higher School of Economics. – 2022. – URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/914035925.pdf> (accessed: 13.08.2025).
13. Parker G.G., Van Alstyne M.W., Choudary S.P. Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy – and How to Make Them Work for You. – New York: W.W. Norton & Company, 2016. – 352 p.
14. Olga Batura, Nicolai van Gorp, Prof. Pierre Larouche. ONLINE PLATFORMS AND THE EU DIGITAL SINGLE MARKET: A Response to the Call for Evidence by the House of Lords' Internal Market Sub-Committee. – European Commission, 2015. – 20 p. – URL: https://ec.europa.eu/information_society/newsroom/image/document/2016-7/nikolai_van_gorp_-_response_economics_to_the_uk_house_of_lords_call_for_evidence_14020.pdf (accessed: 13.08.2025).

Специфика юридического статуса территории «Сириус» в контексте его функционирования

Новиков Виталий Борисович,

адвокат, Адвокатская палата Санкт-Петербурга

E-mail: 91100911@bk.ru

Вопрос о специфике специальных федеральных территорий актуализируется в период реформирования российского общества и создания различных инновационных образований. Формирование различных территорий, имеющих особенное, в соответствии с поставленными целями, назначение обусловило не только необходимость принятия новых нормативно-правовых актов, но и определения особенностей статуса таких образований. К числу подобных территорий, имеющих ключевое значение для развития России, относится образовательный центр «Сириус». На его примере можно конкретизировать модель построения федеральной территории, а также взаимодействия администрации города Сочи и органов самоуправления «Сириуса».

В работе автор рассматривает понятие и содержание статуса федеральной территории «Сириуса», а также вытекающие из этого правовые последствия. Кроме того, конкретизируются проблемы правового регулирования деятельности «Сириуса» и возможные варианты их решений.

В контексте цели исследования нами определена конкретизация юридического статуса территории «Сириус» в ходе его функционирования. Объектом работы можно назвать содержание деятельности «Сириуса», предметом особенности правового статуса данной территории.

Ключевые слова: Сириус, гражданско-правовые отношения, федеральная территория, образовательный центр, нормативно-правовое регулирование, самоуправление, Федеральный закон, образовательные цели, юридический статус

Введение

Особенности регулирования правового статуса инновационных федеральных территорий обусловлены, в первую очередь их возникновением и особым положением, которое отличает их от иных участников жизнедеятельности в государстве в целом и гражданско-правовых отношений, в частности.

Подобные федеральные территории имеют четко обозначенные цели и задачи, на реализацию которых направлена их деятельность и образовательный центр «Сириус» исключением не является. Деятельность данного центра регулируется федеральным законодательством и имеет конкретизированное содержание, направления и результаты, которые закреплены в федеральном законе.

Реализация целей и задач данной федеральной территории предполагает не только определение направлений, методов и технологий работы, но также организацию взаимодействия с различными субъектами коммуникации (юридическими лицами, подобными территориями, различными регионами РФ). В связи с этим актуализируется вопрос создания единого правового пространства, в котором подобные территории могут осуществлять свои функции, реализовывать полномочия и все права и обязанности субъектов гражданско-правовых отношений. Одной из главнейших особенностей подобных инновационных образований, в том числе и «Сириуса», является наличие статуса публично-правового образования с федеральным статусом, которое имеет существенные отличия от иных подобных субъектов. Именно специфический гражданско-правовой статус и определил тему нашего исследования и его понятийный аппарат.

В качестве цели исследования нами выявлена конкретизация юридического статуса территории «Сириус» в ходе его функционирования. Объектом работы необходимо выделить содержание деятельности «Сириуса», предметом – особенности правового статуса данной территории.

Исходя из этого, важно рассмотреть ряд задач, которые в приоритете решения в ходе работы:

1. Определить специфику федеральной территории как особого субъекта гражданско-правовых отношений;
2. Охарактеризовать федеральный образовательный центр «Сириус» в качестве особого публично-правового образования;
3. Выявить особенности реализации функционала «Сириуса» в контексте специфики правового статуса.

Указанные задачи позволят нам подробно раскрыть содержание темы, а также определить наиболее перспективные направления ее исследования.

Результаты и их обсуждение

Специфика федеральной территории как особого субъекта гражданско-правовых отношений

Изменения в современном обществе (научно-технический прогресс, инновации и пр.) накладывают отпечаток практически на все сферы жизнедеятельности, включая и правовую, в которой возникают новые публично-правовые образования – участники гражданских отношений.

Как отмечает И.В. Зернов [2], статус федеральной территории является достаточно новым для России, т.к. подобный юридический феномен получил отражение только в 2020 г. в № 1-ФКЗ «Закон о поправке к Конституции РФ» и конечно же регулирование деятельности подобных субъектов нуждается в корректировке и совершенствовании. К наиболее важным вопросам в данном плане Р.М. Дзидзоев, упомянутый в работе данного автора, предлагает отнести дифференциацию политического и географического значения, подчеркивая, что первое в значительной степени влияет на организацию правового пространства данного субъекта и организацию гражданско-правовых отношений. Именно политический контекст придает территории особый конституционный статус, отражающий специфику внутреннего устройства государства. Ряд авторов [2], [4] и пр. обозначили самые важные, на их взгляд, признаки федеральной обособленной территориальной единицы:

1. Обязательная жизнедеятельность (учебная, профессиональная, бытовая) публичного коллектива (жителей, представителей);
2. Наличие организационно-правового статуса (автономия, территориальное образование);
3. Функционирование публичных органов управления (исполнительные, представительные органы);
4. Работа специальных институтов народной демократии (референдум, выборы и пр.).

Как мы видим, подобные признаки очень схожи с признаками государства в целом, что отражает особенности статуса федеральной территории как «государства в государстве», имеющего свою нормативную базу функционирования, но подчиняющуюся федеральному законодательству.

Указанные признаки, если посмотреть на их содержание, в полной мере относятся к федеральному образовательному центру «Сириус» и характеризуют его в качестве особого субъекта правоотношений. Во-первых, территориальный публичный коллектив, который конкретизируется в юридической науке как совокупность граждан, народ, имеющий право на реализацию местного самоуправления в рамках данного территориального образования, является неотъемлемой частью территории. Во-вторых, данное публично-правовое образова-

ние имеет стратегическое значение для государства в целом. Цели и задачи, на которые ориентированы субъекты, подобные «Сириусу», прописаны в целом ряде нормативно-правовых актов. Среди основных можно назвать Указ Президента «О стратегии национальной безопасности» [13], Стратегию пространственного развития России на период до 2025 года [14], итоги реализации которой будут подведены в текущем году и пр. В данных документах как раз определяются те направления деятельности, которые реализуются подобными субъектами правоотношений. Специфику их статуса определяет еще, и передача федерального имущества Правительством РФ, а также полномочий и функций учредителя государственных учреждений, расположенных на данной территории. Вследствие этого у подобного субъекта возникают определенные права и обязанности, которые способствуют становлению такой общеправовой категории как правоспособность, которую И.В. Зернов предлагает отождествить с правосубъектностью. Вопросы реализации прав и приобретения обязанностей регулируются как федеральными нормативно-правовыми актами, так и законодательством региона, на котором располагается данная территория (в данном случае, Краснодарского края) и муниципальными актами (г. Сочи). Однако, при этом «Сириус» не может в полной мере участвовать в разработке нормативно-правовых актов, т.к. не является самостоятельной территорией в географическом смысле и не может издавать собственные законодательные акты [2, с. 20].

Федеральный образовательный центр «Сириус» в качестве особого публично-правового образования

Образовательный центр «Сириус» является одной из территорий, имеющих стратегическое значение для сохранения и развития интеллектуально-культурного потенциала РФ. Как мы отмечали ранее, создание федеральных территорий обусловлено необходимостью обеспечения безопасности, охраны и защиты окружающей среды, объектов культурного наследия, а также для создания особых условий формирования и развития интеллектуального потенциала государства. Ст. 67 Конституции РФ предусматривает возможность вхождения в состав РФ федеральных территорий, однако данное положение назвать полностью конкретизированным невозможно в силу того, что подобные территории могут быть созданы либо в составе субъектов РФ, либо наряду с ними. Само по себе это положение не конкретизирует статус и полномочия данных территорий и поэтому вопрос о вхождении федеральных территорий особого порядка в состав субъектов РФ остается открытым [11].

Именно поэтому в ноябре 2020 г. в Государственную Думу РФ был внесен законопроект «О федеральной территории «Сириус», ставший первым нормативным актом, регулирующим основы функционирования и положения подобных субъектов правоотношений. В декабре этого же года данный закон был принят (№ 437-ФЗ) и на-

чал свою реализацию. В ходе функционирования, а также проводимых научных исследований множество авторов указывают на ряд неоднозначностей и противоречий, которые выявляются в ходе функционирования федерального центра. К примеру, М.В. Маркин [7] говорит о том, что «Сириус», не является территорией субъекта, но при этом имеет общегосударственное стратегическое значение. В контексте этого он не может считаться городским округом (т.е. муниципальным образованием), каковым на настоящий момент и является. Исходя из этого, считает автор, достаточно сложно дифференцировать рамки полномочий и специфику «Сириуса» как субъекта юридических отношений. В отношении данного федерального центра ни М.В. Маркин, ни иные авторы, которых он отметил в своей работе (Е.Ю. Зинченко, Н.В. Васильева и пр.) не видят уникальности тех функций, которые могли бы определить необходимость введения именно статуса федеральной территории и предполагают, что более целесообразным могла бы быть реализация иных правовых институтов.

Л.В. Андриченко, напротив, говорит о том, что статус федеральной территории в полной мере позволяет реализовывать права и свободы граждан, которые там находятся. Особый правовой режим обуславливает полноценное развитие, обучение самореализацию детей, подростков и молодежи, для чего, собственно, данный центр и был создан. При этом Л.Н. Пешин предлагает соотношение понятий «административно-территориальная единица» и «федеральная территория» и обращать внимание на то, что по отношению к первому действует федеральное законодательство, а деятельность второго регулируется законом субъекта. Обращая внимание на приоритетность федерального компонента, данный исследователь [7, с. 70] характеризует «Сириус» как административно-территориальную единицу, которая находится в подчинении у федеральных органов власти.

Как определяет указанный выше законопроект, на территории «Сириуса» были созданы органы публичной власти, которые объединяли в себе особые полномочия, возложенные федеральными органами и органами субъектов РФ, а также полномочия органов местного самоуправления. В соответствии с нормативно-правовой базой должности органов управления «Сириуса» возведены в статус государственных должностей и это также вызывает некоторое противоречие, т.к. находясь на территории субъекта РФ, они минуют региональный уровень, выходя на последующий, учитывая федеральный статус центра.

Согласно п. 5 ч. 1 ст. 8 этого закона органы публичной власти «Сириуса» осуществляют полномочия органов местного самоуправления городского округа. В качестве основных органов управления были обозначены: представительный орган (Совет федеральной территории «Сириус») и исполнительно-распорядительный орган «Сириуса» (администрация), которые были наделены всеми соответствующими полномочиями. Одна-

ко, в данной связи необходимо учитывать и статус территории, на которой был создан «Сириус» – курортного города Сочи, также имеющего свою юридическую специфику. Данный факт нам особенно важен в контексте того, что часть властных полномочий может быть передана субъектом (в данном случае «Сириусом») органам местного самоуправления. И именно Сочи имеет возможность осуществлять на федеральной территории переданные от нее полномочия. На настоящий момент, по данным М.В. Маркина, между «Сириусом» и Сочи заключено 17 основных и 15 дополнительных подобных соглашений. К числу переданных полномочий в первую очередь необходимо отнести те, которые непосредственно имеют отношение и наиболее осуществимы именно административно-территориальным субъектом (Сочи): благоустройство, коммунальное обеспечение, библиотечное обслуживание, строительство и реконструкция, охрана окружающей среды, организация медицинской помощи, гражданская и территориальная оборона, а также организация перевозок населения. Исходя из этих функций мы можем видеть, что их реализация возможна тем субъектом, который располагает необходимыми административными, финансовыми, кадровыми и иными ресурсами, то есть административным образованием, на территории которого располагается федеральный субъект с особым статусом.

В свете вышесказанного нам представляется необходимой унификация законодательства для различных федеральных территорий в контексте регулирования деятельности органов власти, разделения полномочий и содержания взаимоотношений между федеральными территориями и муниципалитетами, региональными образованиями, а также конкретизация вопросов, подлежащих регулированию именно органами местного самоуправления подобных территорий (чаще всего отраслевого либо хозяйственного характера). «Сириус» не будет выполнять те функции и задачи, которые не имеют прямого отношения к содержанию его деятельности, а административная территория сможет получать дополнительные ассигнования, субсидии из федерального бюджета именно на обеспечение деятельности образовательного центра.

Именно подобная дифференциация, как мы считаем, будет способствовать развитию инвестиционной привлекательности, социально-экономическому росту региона, где находится «Сириус» (г. Сочи, Краснодарский край), а также реализации его непосредственных целей (развитию научно-технической сферы, талантов и достижений молодого поколения). При этом, как показывает практика, по мнению А.Р. Лаптевой [6] на настоящий момент отмечается минимальное влияние решений органов государственной власти Краснодарского края на политику «Сириуса», что немало важно для сохранения статусной независимости.

Кроме того, противоречия и коллизии отражаются еще и в «проблемности» статуса главы адми-

нистрации данной территории [11]. По отношению к его кандидатуре не конкретизированы квалификационные требования, и это обусловлено не столь законодательной недоработкой, сколько тем, что данная должность рассматривается как государственная [11, с. 106], хотя по отношению к государственным служащим также не делается исключений в отношении критериев отбора на службу и, в свою очередь, А.Ю. Хильчевский, говорит о том, что по нормам права указанная должность государственной не является и обязательные требования на нее не распространяются.

В связи с этим мы предлагаем в теории юридической науки и в дальнейшем, в законодательстве дифференцировать понятия «государственная должность» и «должность государственной службы», чтобы разграничить субординацию и функционал данных категорий.

Особенности реализации функционала «Сириуса» в контексте специфики правового статуса

Как мы уже отметили ранее, особый правовой статус «Сириуса» определяет и характер его правовых отношений с иными субъектами, организацию и распределение властных полномочий. На его территории действует специальный правовой режим при реализации коммерческой, образовательной и научной деятельности.

И.Д. Исаев [3] в своей публикации отмечает, что в деятельности федеральных территорий выявлено несколько проблемных моментов, которые оказывают существенное влияние на их функционирование. К примеру, Федеральный закон № 131-ФЗ [15] конкретизирует понятие и содержание института органов местной власти, полномочия и функции федеральных органов власти регламентируются иными нормативными актами (Федеральный закон № 184-ФЗ) [16]. Как мы говорили ранее, «Сириус» не относится ни к муниципальному образованию, ни к субъекту Федерации и поэтому вопрос о понятии и содержании его органов власти остается открытым, несмотря на наличие закона, касающегося конкретно деятельности этого образовательного центра. Формирование новой модели управления внутри федеральной территории с особым статусом, а также выстраивание структуры взаимодействия «Сириуса» и административной единицы, на которой он находится (г. Сочи) является объективной необходимостью современности. И при этом в данное пространство необходимо интегрировать федеральное законодательство, учитывая статус «Сириуса».

Важным моментом, способствующим организации деятельности «Сириуса» является то, что в дополнение к требованиям федерального законодательства центр руководствуется локальными актами (Устав «Сириуса», решения Совета федеральной территории «Сириус», Стратегия социально-экономического развития «Сириуса» и пр.). Данные акты имеют первостепенное значение для его деятельности и конкретизируют функционал и его ресурсное обеспечение.

Выводы

В качестве основного вывода необходимо конкретизировать не только особенности правового статуса территории «Сириус», но и то, что их наличие влечет за собой специфику гражданско-правовых отношений. Из анализа литературы мы выяснили, что по отношению к правовому статусу федеральной территории исследователи и практики дифференцируются на две группы:

- первые выражают мнение относительно того, что все наиболее важные функции для жизнеобеспечения «Сириуса» выполняет территориальный субъект г. Сочи и это говорит о том, что нет необходимости в определении особого статуса федеральной территории, т.к. это обуславливает «нагромождение административных структур» и неясность правовых механизмов регулирования их функционирования» [3, с. 125]. Именно поэтому «Сириусу» и подобным ему территориям необходимо оставить лишь отраслевые функции и их обеспечение;
- другая группа исследователей утверждает, что именно статус федеральной территории позволяет «Сириусу» взаимодействовать с необходимыми партнерами (высшими учебными заведениями, стажировочными площадками и пр.) для обеспечения функций, прописанных в Уставе и подчеркивать общегосударственное значение.

Таким образом, мы не можем однозначно конкретизировать преимущества и недостатки определения образовательного центра «Сириус» в качестве федеральной территории. Однако, с уверенностью нужно сказать, что подобный опыт законодательства и юридической практики для России необходим в контексте динамики современных преобразований.

Литература

1. Абзалова А. М. К вопросу о понятии «федеральной территории» // Право и государство: теория и практика. 2022. № 1 (205). С. 60–63.
2. Зернов И.В. Конституционные особенности статуса федеральной территории: вопросы теории и практики // Пролог: журнал о праве. 2021. № 1 (29). С. 14–23.
3. Исаев И. Д. О некоторых проблемах нормативно-правового регулирования федеральной территории «Сириус» // Вопросы российской юстиции. 2022. № 17. С. 120–130.
4. Ковтун О. А., Терещенко Н.Д., Шапиро И.В. К вопросу о статусе органов публичной власти федеральной территории «Сириус» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 11–2. С. 66–69.
5. Кожевников О. А., Корсун К.И. Правовое регулирование федеральной территории «Сириус» как один из дискуссионных вопросов реализации «конституционной реформы» 2020 года // Вестник БелЮИ МВД России. 2023. № 2. С. 9–16.

6. Лаптева А. Р. Основные цели и задачи «образовательного центра «Сириус»» как федеральной территории: правовые аспекты // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 9–2 (84). С. 114–117.
7. Маркин М.В. Особенности правового положения органов публичной власти, осуществляющих местное самоуправление в границах федеральной территории «Сириус» // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 3 (172). С. 67–74.
8. Павлова Е.В. Детерминанты оценки эффективности деятельности публичной власти в субъектах Российской Федерации / Е.В. Павлова // Юридическая гносеология. 2025. № 1. С. 50–55.
9. Сибилева А. Ю. К вопросу о правовом статусе федеральных территорий // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2020. № 3. С. 49–56.
10. Стариков С.С. Особенности организации исполнительной власти федеральной территории «Сириус» // Вестник ПАГС. 2022. № 1. С. 53–59.
11. Хильчевский А.Ю. Соответствие правового статуса целям создания федеральной территории «Сириус» // Юридическая наука. 2023. № 11. С. 102–107.
12. Федеральный закон «О федеральной территории «Сириус» от 22.12.2020 N 437-ФЗ (последняя редакция) // Эл ресурс. <https://base.garant.ru/201432192/> Режим доступа base.garant.ru (Дата обращения 28.07.2025)
13. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Эл ресурс. <https://base.garant.ru/401425792/> Режим доступа base.garant.ru (Дата обращения 28.07.2025)
14. Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р «О стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // Эл ресурс. <https://base.garant.ru/401425792/> Режим доступа base.garant.ru (Дата обращения 28.07.2025)
15. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления» Эл ресурс. <https://base.garant.ru/401425792/> Режим доступа base.garant.ru (Дата обращения 30.07.2025)
16. Федеральный закон от 06 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» Эл ресурс. <https://base.garant.ru/401445322/> Режим доступа base.garant.ru (Дата обращения 30.07.2025)

The issue of the specifics of special federal territories is relevant during the period of reforming Russian society and creating various innovative entities. The formation of various territories that have a special purpose, in accordance with the goals set, has led not only to the need for new legal acts, but also to the definition of the specific status of such entities. One of these territories, which is of key importance for Russia's development, is the Sirius Educational Center. This example can be used to specify the model for building a federal territory, as well as the interaction between the Sochi administration and the Sirius self-governing bodies.

In this work, the author examines the concept and content of the status of the federal territory of Sirius, as well as the legal consequences that arise from it. In addition, the author specifies the problems of legal regulation of Sirius's activities and possible solutions. In the context of this research, we have identified the specific legal status of the territory of Sirius during its operation. The object of this work is the content of Sirius's activities, and the subject is the specific legal status of this territory.

Keywords: Sirius, civil law relations, federal territory, educational center, legal regulation, self-government, Federal Law, educational goals, legal status.

References

1. Abzalova A.M. On the Concept of Federal Territory // Law and State: Theory and Practice. 2022. No. 1 (205). Pp. 60–63.
2. Zernov I.V. Constitutional Features of the Status of Federal Territory: Issues of Theory and Practice // Prologue: a journal on law. 2021. No. 1 (29). Pp. 14–23.
3. Isaev I.D. On Some Problems of Normative and Legal Regulation of the Federal Territory of Sirius // Issues of Russian Justice. 2022. No. 17. Pp. 120–130.
4. Kovtun O. A., Tereshchenko N.D., Shapiro I.V. On the Status of Public Authorities in the Federal Territory of Sirius // Humanities, Social Sciences, and Economics. 2021. No. 11–2. Pp. 66–69.
5. Kozhevnikov O. A., Korsun K.I. Legal regulation of the federal territory “Sirius” as one of the debatable issues of the implementation of the “constitutional reform” of 2020 // Bulletin of the BelYUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2. Pp. 9–16.
6. Lapteva A.R. The Main Goals and Objectives of the “Sirius Educational Center” as a Federal Territory: Legal Aspects // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. No. 9–2 (84). Pp. 114–117.
7. Markin M.V. Features of the Legal Status of Public Authorities that Exercise Local Self-Government within the Federal Territory of Sirius // Actual Problems of Russian Law. 2025. No. 3 (172). Pp. 67–74.
8. Pavlova, E.V. Determinants of the Assessment of the Effectiveness of Public Authority in the Subjects of the Russian Federation / E.V. Pavlova // Legal Epistemology. 2025. No. 1. Pp. 50–55.
9. Sibileva, A. Yu. On the Issue of the Legal Status of Federal Territories // Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal Sciences. 2020. No. 3. Pp. 49–56.
10. Starikov S.S. Features of the Organization of Executive Power in the Federal Territory of Sirius // Vestnik PAGS. 2022. No. 1. Pp. 53–59.
11. Khilchevsky, A. Yu. Compliance of the Legal Status with the Creation of the Federal Territory “Sirius” // Legal Science. 2023. No. 11. Pp. 102–107.
12. Federal Law “On the Federal Territory “Sirius” dated December 22, 2020 N 437-FZ (latest edition) // Electronic resource. <https://base.garant.ru/201432192/> Access mode base.garant.ru (Accessed on 28.07.2025)
13. Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 2, 2021, “On the National Security Strategy of the Russian Federation”. Electronic resource. <https://base.garant.ru/401425792/> Access mode: base.garant.ru (Accessed on 28.07.2025)
14. Order of the Government of the Russian Federation dated 13.02.2019 No. 207-r “On the Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the Period up to 2025” // El resource. <https://base.garant.ru/401425792/> Access mode base.garant.ru (Accessed on 28.07.2025)

SPECIFICITY OF THE LEGAL STATUS OF THE SIRIUS TERRITORY IN THE CONTEXT OF ITS FUNCTIONING

Novikov V.B.
Law Chamber in St. Petersburg

15. Federal Law No. 131-FZ of October 6, 2003, "On the General Principles of the Organization of Local Self-Government" El resource. <https://base.garant.ru/401425792/> Access mode base.garant.ru (Accessed on 30.07.2025)

16. Federal Law No. 184-FZ dated October 6, 1999, "On the General Principles of the Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation" El resource. <https://base.garant.ru/401445322/> Access mode base.garant.ru (Accessed on 30.07.2025)

Проблемы управления личным фондом по российскому и зарубежному праву

Матвеева Полина Геннадьевна,

аспирант Института права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: p.romanova@russianlegal.com

Автор исследует вопросы пробелов в текущем правовом регулировании структуры управления личным фондом в Гражданском кодексе РФ, выделяя большую свободу для учредителя в формировании состава органов управления личным фондом, условий управления, что в отсутствии каких-либо законодательных ориентиров и судебной практики может привести к затруднениям в рамках всего «жизненного цикла» личного фонда. Анализируя различные подходы к порядку управления личными фондами в зарубежных странах, а также моделируя различные сценарии наступления неблагоприятных последствий недостаточности регулирования фондов, автор приходит к выводу о необходимости корректировки структуры управления личным фондом в ГК РФ для соблюдения принципа «сдержек и противовесов». Автором также предлагается установить в гражданском законодательстве соотношение правоустанавливающих документов фонда.

Ключевые слова: личный фонд, учредительные документы личного фонда, условия управления фондом, проблемы управления личным фондом, устав личного фонда.

Личный фонд является сравнительно новой структурой, которая была введена в систему гражданского законодательства в 2022 году. Недостатки правового регулирования личных фондов привели к возникновению в российской доктрине ряда дискуссионных вопросов теоретического и практического характера. В статье будут рассмотрены проблемные вопросы соотношения правоустанавливающих документов фонда, их иерархии, а также необходимости установления системы «сдержек и противовесов» в системе органов управления личным фондом.

Соотношение устава личного фонда и условий управления

Первым дискуссионным вопросом, поднимающимся в настоящей работе, является вопрос соотношения правоустанавливающих документов фонда¹ Как устанавливается в п. 8 ст. 123.20–4. ГК РФ [1], учредительным документом личного фонда является устав. При этом, в п. 1 ст. 123.20–7. указывается, что при жизни учредителя личного фонда состав органов, их функции и лица, входящие в состав органов этого фонда, определяются в соответствии с правоустанавливающими документами личного фонда. Гражданским законодательством с точностью не установлена сфера регулирования и иерархия данных документов. Соответственно, возникает ряд вопросов: каково соотношение устава личного фонда и условий управления? Какие из этих документов должны быть доступны для ознакомления третьим лицам?

По общему правилу, устав – учредительный документ, который регулирует отношения юридического лица с третьими лицами и определяет объем правоспособности юридического лица. Как отмечает Шиткина И.С.: «Устав общества – документ, о котором могут и, проявляя разумную осмотрительность должны знать осуществляющие предпринимательскую деятельность третьи лица» [11, с. 19]. Именно устав фиксирует структуру органов управления юридического лица и объем полномочий данных органов. Положения, направленные на урегулирование внутренних отношений в рамках юридического лица, формулируются в иных документах (например, в корпоративном договоре), недоступных широкому кругу лиц.

¹ Учредительным документом личного фонда является только устав, для совместного наименования устава и условий управления фондом далее по тексту будет использоваться термин «правоустанавливающие документы» или «документы фонда».

Устав личного фонда – учредительный документ, положения которого, в том числе, имеют значение для третьих лиц. Исключительно устав личного фонда должен содержать положения о целях создания фонда (поскольку фонд обладает целевой правоспособностью), составе органов управления фондом, необходимости и порядке получения согласия тех или иных органов управления на совершение сделок. При этом, устав личного фонда должен быть доступен любому третьему лицу, как минимум по запросу, поскольку одним из способов управления переданным учредителем фонда имуществом является осуществление предпринимательской деятельности, в том числе, создание хозяйственных обществ и (или) участие в таковых согласно п. 5 ст. 123.20–4. ГК РФ [2, с. 78–92]. Соответственно, третьим лицам должна быть известна и доступна информация о составе органов управления личным фондом и объеме полномочий таких органов.

Личный фонд является некоммерческой организацией, имеющей целевую правоспособность [8, с. 35–38]. Как отмечает Заикин Д.П., цель является ключевым элементом понятия фонда и формирует основную линию дальнейшей деятельности фонда, а также предопределяет, как должно использоваться его имущество [5, с. 111–112]. Соответственно, описание целей деятельности фонда должно содержаться в уставе фонда для того, чтобы третьим лицам была доступна информация о нарушениях или выходе конкретного органа управления фонда за пределы целевой правоспособности.

Касательно условий управления фондом, предполагается, что они не должны дублировать устав личного фонда и также должны представлять собой некое «руководство» по вопросу внутренних взаимоотношений в фонде. По мнению автора, условия управления должны включать указания учредителя фонда лицам, которые входят в состав органов управления в отношении управления имуществом, порядок вознаграждения таких лиц, а также определять бенефициаров фонда и то, на какое имущество они могут претендовать [7, с. 131–138].

Оптимальной, по мнению автора, является система правоустанавливающих документов личного фонда по австрийскому законодательству. В частности, документы фонда в Австрии подразделяются на документы, утвержденные судом, а также не утвержденные судом. Как отмечает А.П. Евсеев: «Судом учреждается декларация о создании фонда, вносимая в коммерческий суд для внесения фонда в реестр, которая позднее становится свидетельством о создании фонда» [3, с. 230]. Австрийское законодательство регламентирует обязательный перечень положений, которые должны быть включены в свидетельство фонда. Дополнительно фонд может иметь другие документы, в которых будут отражены положения, не требуемые для включения в свидетельство. По австрийскому законодательству все документы личного фонда выстроены в четкую иерархию: так, свидетельство

и дополнительные документы не могут противоречить друг другу. Таким образом, вопросы, которые не урегулированы основным документом, соответственно, разрешаются и дополняются факультативным свидетельством [9, с. 5–10].

Введение схожей иерархии в систему правоустанавливающих документов личных фондов в ГК РФ позволит минимизировать риски противоречий и коллизий данных документов между собой.

Проблемы структуры органов управления фондом

Отдельным вопросом является разработка оптимальной структуры органов управления личным фондом. Действующее законодательство позволяет учредителю при создании фонда указать в правоустанавливающих документах, кто будет руководить фондом, какие у них будут обязанности, и кто именно будет входить в эти руководящие органы. Основным и единственным обязательным органом управления личного фонда является единоличный исполнительный орган (управляющий фондом).

Действующее законодательство не устанавливает детальной регламентации полномочий единоличного исполнительного органа и других органов управления личным фондом. Однако, в текущей редакции ГК РФ предусмотрена возможность установления в уставе необходимости получения согласия высшего коллегиального органа личного фонда, надзорного органа или иного органа на совершение установленных в уставе сделок (п. 5 ст. 123.20–7. ГК РФ). Фактически, единственным органом, чьи полномочия в большей степени раскрываются в ГК РФ, является надзорный орган личного фонда, который осуществляет контроль над деятельностью иных органов фонда в части согласования совершения фондом определенных в уставе юридически значимых действий. Надзорный орган также наделяется полномочиями по принятию решений о досрочном прекращении полномочий единоличного исполнительного органа фонда, нарушившего свою обязанность действовать добросовестно или разумно в интересах личного фонда и (или) его выгодоприобретателя (абз. 2 п. 3 ст. 123.20–7. ГК РФ).

В личном фонде, как и в практически любом юридическом лице, есть «агентская» проблема, выраженная в необходимости установления должного контроля в отношении действий лиц, входящих в состав органов управления. Агентская проблема, в частности, подробно анализируется Д.И. Степановым и, по мнению исследователя, является одной из ключевых проблем управления в юридическом лице, заключающейся в конечном расхождении интересов агента (менеджера) и принципала (акционера) в длительных правоотношениях, ввиду выхода у агента на первый план личных интересов, которые не сходятся с интересами принципала [10, с. 123–125]. Агентская проблема очевидно также проецируется и на личный фонд, поскольку, в его классическом понимании, личный фонд рассчитан,

в первую очередь, на управление имуществом автономно от учредителя.

На момент создания фонда его учредитель фактически формирует некую «внутреннюю кухню» фонда, а также вводит порядок взаимодействия в рамках данной структуры. При этом, согласно абз. 5 п. 8 ст. 123.20–4. ГК РФ, после смерти учредителя личного фонда, утвержденные учредителем при его жизни правоустанавливающие документы личного фонда и иные внутренние документы могут быть изменены исключительно на основании решения суда по требованию любого органа личного фонда. Соответственно, отсутствие четкой структуры управления фондом, а также закрепленного на законодательном уровне перечня конкретных полномочий органов управления личным фондом может привести к потенциальному недостатку защиты имущества фонда.

Учредитель личного фонда не участвует непосредственно в управлении, поскольку не может быть ни единоличным исполнительным органом, ни членом коллегиального исполнительного органа. Как уже отмечено выше, помимо участия в «надзорных» органах фонда, учредитель фонда может участвовать в управлении только путем формирования органов управления и условий управления фондом и изменения их в любой момент времени при жизни. Соответственно, за учредителем фонда фактически закрепляются квазикорпоративные права, не опосредованные вещными или корпоративными правами, которые проявляются в сохранении господства учредителя над имуществом фонда через возможность внесения изменений в правоустанавливающие документы и структуру органов управления фондом. Этот «квази-корпоративный» элемент является отличительной особенностью фонда по российскому праву.

Предлагается выборочно рассмотреть системы органов управления личными фондами в зарубежных странах для определения наиболее подходящей структуры для российского правопорядка. Автором отмечается, что, в частности, австрийское законодательство может быть использовано для корректировки структуры органов управления личным фондом в ГК РФ, в нормах которого достаточно продуманно выстроена система органов управления фондом. Согласно абз. 1 § 14 Закона о частных фондах Австрии в структуру органов управления личного фонда входит правление и проверяющий фонда, которые являются обязательными органами, но по желанию учредителя и в установленных законом случаях может быть также учрежден наблюдательный совет [6]. Анализируя австрийское законодательство, А.П. Евсеев отмечает: «Правление фонда состоит из как минимум трех членов, которые не могут являться бенефициарами фонда или их родственниками до третьей линии родства» [3, с. 230–231]. К проверяющему фонда применяются те же правила и запреты, что и к участникам правления, но он в том числе и не может входить непосредственно в правление, являясь фактиче-

ски независимым органом. На проверяющего возложены полномочия по проверке финансовой отчетности, а также по контролю за соблюдением налогового законодательства. Наблюдательный совет создается по австрийскому законодательству только в определенных случаях: если количество работников фонда составляет более 300 человек; фонд является участником других австрийских юридических лицах, вне зависимости от доли участия; фонд имеет 50% и более процентов долей в иностранной организации. Наблюдательный совет фонда не может состоять из выгодоприобретателей, работников фонда, членов правления и проверяющего личного фонда. Наблюдательный совет выполняет надзорные функции и осуществляет контроль за действиями органов управления, работниками фонда и хозяйственной деятельностью в целом. Дополнительной мерой контроля фондов по австрийскому праву является возможность любого из управляющих органов обратиться в суд с заявлением о проведении внеочередной специальной проверки деятельности фонда. Таким образом, органы, входящие в структуру управления фонда в Австрии осуществляют взаимный контроль за деятельностью друг друга, при этом, бенефициары не могут непосредственно влиять на принятие корпоративных решений, поскольку не могут входить в состав органов управления.

Вызывает также отдельный интерес регулирование личных фондов по законодательству Лихтенштейна. В частности, основным органом управления фонда в Лихтенштейне является совет фонда, являющийся коллегиальным исполнительным органом, состоящий как минимум из двух членов, которые при этом должны иметь разрешение на ведение деятельности профессионального управляющего, что предполагает создание дополнительных гарантий отсутствия злоупотреблений со стороны членов совета фонда и иных органов. Также законодательство Лихтенштейна предусматривает возможность создания органа аудита, но только по решению суда в порядке административного процесса и по инициативе учредителя фонда, если аудитор необходим фонду для осуществления предпринимательской деятельности.

Таким образом, законодательство ряда европейских стран устанавливает единую четко структурированную систему органов управления фондом, обладающую различными внутренними и внешними механизмами контроля, что позволяет органам управления фонда так или иначе оказывать влияние на деятельность друг друга, сводя до минимума риски возможных злоупотреблений.

Представляется, что минимальной мерой для формирования в российском праве такой системы «сдержек и противовесов» в рамках личного фонда может быть, например, закрепление в законодательстве обязательного формирования наблюдательного органа в составе от 3 человек, куда могут входить как бенефициары, так и учредитель, являющийся бенефициаром, а также независимое лицо. Соответствующий орган должен

давать согласие управляющему (единоличному исполнительному органу) на совершение определенных сделок (полагаем, что основной перечень таких сделок стоит закрепить в законе по аналогии с хозяйственными обществами), а также иметь полномочия по досрочному прекращению полномочий управляющего фонда, в случае совершения последним действий, противоречащим правоустанавливающим документам фонда и его целям.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. – 1994 г. – № 238–239. – с изм. и допол. в ред. от 08.08.2024.
2. Домшенко (Червец) Е.И. Личный фонд – новый российский правовой инструмент для управления, сохранения и передачи наследуемого имущества // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 2. С. 78–92.
3. Евсеев А.П. Реформа законодательства о наследственных фондах: почему нормы нуждаются в доработке // Журнал РШЧП. – 2018. – № . Выпуск № 3 / ноябрь-декабрь. – С. 217–257.
4. Емелькина И.А. Проблемы соотношения вещного права с конструкцией «управление чужим имуществом» // Гражданское право. 2021. N 6. С. 12–17.
5. Заикин Д.П. Гражданско-правовой статус фонда в Российской Федерации: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Заикин Дмитрий Павлович; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»]. – Москва, 2021. – 322 с.
6. Закон о частных фондах Австрии (Privatstiftungsgesetz) // jusline URL: <https://www.jusline.at/gesetz/psg> (дата обращения: 30.07.2025).
7. Качалова А.В. Личный фонд в системе юридических лиц. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023; (5). С. 131–138.
8. Криков В.А. Личный фонд как вид организационно-правовой формы юридического лица в России // Право и экономика. – 2024. – № 8 (438). – С. 35–38.
9. Рузакова О.А. Особенности правового положения выгодоприобретателя в личном фонде // Цивилист. 2024. N 5. С. 5–10.
10. Степанов Д.И. Экономический анализ корпоративного права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. N 9. С. 104–167.
11. Шиткина И.С. Уставы российских хозяйственных обществ: какими им быть? // Предпринимательское право. 2019. N 2. С. 14–23.

12. Щенникова Л.В. Наследственный фонд как новелла российского гражданского права // Наследственное право. 2017. № 4. С. 3–7.

PROBLEMS OF PERSONAL FUND MANAGEMENT UNDER RUSSIAN AND FOREIGN LAW

Matveeva P.G.

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The author investigates the issues of gaps in the current legal regulation of the personal fund management structure in the Civil Code of the Russian Federation, highlighting the great freedom for the founder in forming the composition of the personal fund management bodies, management conditions, which in the absence of any legislative guidelines and judicial practice can lead to difficulties in the entire 'life cycle' of the personal fund. Analysing various approaches to the procedure of personal fund management in foreign countries, as well as modelling various scenarios of adverse consequences of insufficient regulation of funds, the author concludes that it is necessary to adjust the structure of personal fund management in the Civil Code of the Russian Federation to comply with the principle of 'checks and balances'. The author also proposes to establish in the civil legislation the hierarchy of documents of the fund.

Keywords: personal fund, characteristic of personal fund management bodies, constituent documents of personal fund, conditions of fund management, problems of personal fund management, charter of personal fund.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part one) of November 30, 1994 No. 51-FZ // Rossiyskaya Gazeta. – 1994. – No. 238–239. – with amendments and supplements as amended on August 8, 2024.
2. Domshenko (Chervets) E.I. Personal fund – a new Russian legal instrument for managing, preserving and transferring inherited property // Property relations in the Russian Federation. 2024. No. 2. P. 78–92.
3. Evseev A.P. Reform of the legislation on inheritance funds: why the norms need revision // Journal of the Russian School of Civil Engineering. – 2018. – No.. Issue No. 3 / November-December. – P. 217–257.
4. Emel'kina I.A. Problems of the relationship between property law and the concept of "management of someone else's property" // Civil Law. 2021. N 6. P. 12–17.
5. Zaikin D.P. Civil status of a foundation in the Russian Federation: dissertation ... candidate of legal sciences: 12.00.03 / Zaikin Dmitry Pavlovich; [Place of defense: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Lomonosov Moscow State University"]. – Moscow, 2021. – 322 p.
6. Law on Private Foundations of Austria (Privatstiftungsgesetz) // jusline URL: <https://www.jusline.at/gesetz/psg> (date of access: 30.07.2025).
7. Kachalova A.V. Personal foundation in the system of legal entities. Kutafin Moscow State Law University Bulletin. 2023; (5). P. 131–138.
8. Krikorov V.A. Personal fund as a type of organizational and legal form of a legal entity in Russia // Law and Economics. – 2024. – No. 8 (438). – P. 35–38.
9. Ruzakova O.A. Features of the legal status of a beneficiary in a personal fund // Civilist. 2024. No. 5. P. 5–10.
10. Stepanov D.I. Economic analysis of corporate law // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2016. No. 9. P. 104–167.
11. Shitkina I.S. Charters of Russian business entities: what should they be like? // Entrepreneurial law. 2019. No. 2. P. 14–23.
12. Shchennikova L.V. Hereditary fund as a novelty of Russian civil law // Inheritance law. 2017. No. 4. P. 3–7.

Отдельные вопросы регулирования защиты конкуренции в области страховых услуг при проведении торгов

Сафронов Никита Вячеславович,

аспирант программы «Частно-правовые (цивилистические) науки», Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Введение: в Законе «О защите конкуренции» отсутствует специфика регулирования страховых организаций (они не включены в перечень финансовых организаций, указанных в статье 18 главы 4 Закона «О защите конкуренции»). Материалы и методы: в ходе исследования были использованы общенаучные методы анализа, индукции и дедукции, толкования и систематизации исследуемых правовых явлений, формально-юридический метод, а также метод обобщения судебной практики. Результаты исследования: носят теоретико-прикладной характер и содержат вывод, о возможном внесении в положения ч. 1 ст. 18 Закона «О защите конкуренции» пункт об оказании страховых услуг, посредством перехода от заключений представителями публично-правовых образований договоров со страховщиками не через запрос котировок, а через более прозрачные процедуры открытого аукциона и открытого конкурса. Выводы и заключения: По результатам данного анализа были сделаны выводы о том, что наиболее частые нарушения в области обеспечения конкуренции на рынке страхования связаны именно с проведением торгов и являются производными от непрозрачности их проведения. Предложено внести в положения ч. 1 ст. 18 Закона «О защите конкуренции» пункт об оказании страховых услуг, посредством перехода от заключений представителями публично-правовых образований договоров со страховщиками не через запрос котировок, а через более прозрачные процедуры открытого аукциона и открытого конкурса.

Ключевые слова: страхование, конкурентная политика, защита конкуренции, публично-правовые образования, торги.

Законодатель устанавливает в статье 447 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – Гражданский кодекс)¹ норму о заключении договоров на торгах. Исходя из положений пункта 1 данной статьи, если иное не вытекает из существа договора, он может быть заключен путем проведения торгов с лицом, их выигравшем². Рассматривая проблему торгов в гражданском праве, невозможно не отметить, что закон не предусматривает определение данного понятия, что ставит соответствующий вопрос перед юридической наукой. При том, что между специалистами в области гражданского права нет консенсуса в данном вопросе, наиболее распространенный подход состоит в определении торгов, как сложного юридического состава механизма заключения договоров³. Необходимо также отметить, что в рамках гражданского законодательства под торгами следует понимать исключительно только конкурсы и аукционы. Нормы Гражданского кодекса преимущественно относятся к торгам как к механизму реализации имущества (после обращения взыскания на залог, в процессе исполнительного производства).

Торги как инструмент закупок в этом контексте фактически выведены из-под гражданско-правового регулирования⁴. Закупочные процедуры, включающие кроме указанных процедур конкурса и аукциона также запрос котировок, запрос предложений, закрытые закупки и другие, урегулированы в рамках соответствующих специальных законов (Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных услуг» № 44-ФЗ⁵ (далее – Закон «О контрактной системе») и Федерального закона «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридиче-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ): федеральный закон Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. – № 32. – ст. 3301.

² Хмиль И. В., Ясина И. В. Актуальные вопросы торгов, как института гражданского права / И. В. Хмиль, И. В. Ясина // Colloquium-journal. – 2020. – № 5. – С. 163.

³ Матвеева М. А. Особенности гражданско-правового договора на торгах / М. А. Матвеева // Альманах мировой науки. – 2019. – № 5. – С. 87.

⁴ Кикавец В. В. Публичные закупки в России: понятие и содержание / В. В. Кикавец // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2023. – № 2. – С. 397–420.

⁵ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных услуг: федеральный закон Российской Федерации от 05.04.2013 № 44-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. – № 14. – ст. 1652.

ских лиц» № 223-ФЗ¹ (далее – Закон «О закупках»).

Теперь рассмотрим относящийся непосредственно к теме настоящего параграфа антимонопольный аспект проведения торгов, в частности в сфере страхования.

Антимонопольные требования к торгам преимущественно закреплены в главе 4 Закона «О защите конкуренции», а именно в статье 17. В данной главе установлены требования торгам, проводимым как частными, так и публичными субъектами как в рамках торгов по реализации имущества, так и в рамках вышеуказанных «закупочных» торгов. Кроме требований к процедуре торгов, которая согласно Гражданскому кодексу включает в себя процедуры аукциона и конкурса, Закон «О защите конкуренции» также распространяется и на процедуры запроса котировок и запроса предложений. Понятие «запроса предложений» не закреплено в действующем законодательстве и в правовой науке.

Здесь надо отметить, что понятие «запрос котировок», также не раскрытое в рамках Гражданского кодекса, имеет законодательное определение в Законе «О закупках» – форма торгов, при которой победителем запроса котировок признается участник закупки, заявка которого соответствует требованиям, установленным извещением о проведении запроса котировок, и содержит наиболее низкую цену договора². Ст. 17 Закона «О защите конкуренции» содержит неисчерпывающий список антимонопольных требований к проведению торгов, запроса котировок, среди которых, в частности, можно встретить такое: нарушение порядка определения победителя или победителей торгов, запроса котировок, запроса предложений³. Применительно к заключению, посредством указанных выше 3 механизмов, договоров со страховщиками, необходимо отметить ст. 18 Закона «О защите конкуренции», посвященную заключению договоров с финансовыми организациями. Несмотря на то, что страховые организации являются финансовыми организациями, положения ст. 18 к ним применяться не должны, в связи с тем, что из положений ч. 1 рассматриваемой статьи следует отсутствие специальных требований к заключению договоров для оказания страховых услуг.

Законодательство об антимонопольном регулировании не предусматривает дополнительных положений, применимых для регулирования процесса заключения договоров посредством торгов, за-

проса котировок и запроса предложений со страховыми организациями. В дальнейшем будет рассмотрена имеющаяся в наличии практика по антимонопольным спорам в контексте главы 4 Закона «О защите конкуренции».

Исходя из базы данных решений Федеральной антимонопольной службы за последние 5 лет можно сделать вывод о том, что служба рассмотрела 13 дел относительно антимонопольных нарушений, предусмотренных главой 4 Закона «О защите конкуренции»⁴. Среди данных нарушений 12 посвящены нарушениям, предусмотренным статьей 18.1 и 1 дело было связано с координацией участников торгов (п. 1 ч. 1 ст. 17). Исходя из обстоятельств дела государственное предприятие Псковской области (далее – Государственное предприятие) в порядке Закона «О закупках»⁵ произвело закупочную процедуру путем запроса котировок для целей заключения договора ОСАГО. Единственным поставщиком страховых услуг, участвовавшим в настоящей закупочной процедуре было страховое публичное акционерное общество «Ингосстрах» (далее – Страховщик). Вопреки специальным требованиям Закона «О закупках», (п. 1 ч. 3.1 ст. 3) еще до размещения технического задания и иных сведений до внесения в Единую информационную систему в сфере закупок (далее – ЕИС⁶) оказались в распоряжении Страховщика после переписки между Государственным предприятием и Страховщиком. Таким образом, хозяйствующий субъект за счет получения информации, недоступной иным участникам рынка, получила преимущество с целью дальнейшей победы. Исходя из данного обстоятельства ФАС сделала вывод о том, что в данном случае имело место соглашение в смысле п. 18 ст. 4 Закона «О защите конкуренции» (договоренность в письменной форме в нескольких документах). ФАС также отметила, что Государственное предприятие и Страховщик имели общую противоправную цель в устранении конкуренции по смыслу разъяснений абзаца 2.3 пункта 20, абзаца 2.4 пункта 21 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04.03.2021 № 2⁷.

⁴ О защите конкуренции: федеральный закон Российской Федерации от 26.07.2006 № 135-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (1 ч.). – ст. 3434.

⁵ О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: федеральный закон Российской Федерации от 18.07.2011 № 223-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. – № 30. – ст. 4571.

⁶ О мерах по информационному обеспечению контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, по организации в ней документооборота, о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу актов и отдельных положений актов Правительства Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 27.01.2022 № 60 (ред. от 01.01.2024) [Электронный источник]. – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_408412/ (Дата обращения 01.02.2024).

⁷ О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Феде-

¹ О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: федеральный закон Российской Федерации от 18.07.2011 № 223-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. – № 30. – ст. 4571.

² О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: федеральный закон Российской Федерации от 18.07.2011 № 223-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. – № 30. – ст. 4571.

³ О защите конкуренции: федеральный закон Российской Федерации от 26.07.2006 № 135-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (1 ч.). – ст. 3434.

По результатам рассмотрения ФАС выдала обязательное предписание для устранения нарушений.

Остальные дела имеют очень схожие обстоятельства и связаны преимущественно с нарушениями, совершенными заказчиками в смысле Закона «О закупках», при проведении процедур закупок в порядке запроса котировок для заключения договоров обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств и добровольного медицинского страхования. Обстоятельства связаны, зачастую, с установлением Заказчиками неконкурентных (нацеленных на конкретного участника процедуры) условий посредством изменений «формулы оценки» и коэффициента «бонус-малус». Таким образом, в соответствии с ч. 1 ст. 2 и ч. 1 ст. 3 Закона «О закупках» было установлено нарушение ч. 20 ст. 18.1 Закона «О защите конкуренции» и выданы постановления об устранении нарушений Заказчика.

Также хочется отметить еще 1 решение Якутского УФАС, в котором было установлено нарушение в не даче разъяснения в контексте положений части 2 статьи 3.2 Закона «О закупках». В связи с этим антимонопольный регулятор установил факт нарушения пункта 18 статьи 18.1 Закона «О защите конкуренции»¹, при этом отметил, что указанное нарушение не повлияло на результат закупочной процедуры, в связи с чем было принято решение не выдавать предписание.

Кроме того, интересно отметить новое Постановление Арбитражного суда Московского округа, вынесенное 02.11.2023 по делу № А40–256939/2022, по существу являющееся единственным судебным решением, связанным с оспариванием нарушений требований Закона «О закупках» в сфере рынка страхования. В данном деле суд установил факт нарушения со стороны Заказчика, выразившийся в установлении Техническом задании проектной документации обязательного перестраховщика (страхового брокера), с которым выигравший в конкурсе Страховщик должен заключить договор перестрахования. Суд подтвердил позицию Московского областного УФАС, заключающуюся в том, что действия заказчика в части установления спорного условия ограничивают количество участников закупки и нарушают положения пункта 4 части 10 статьи 4 Закона «О закупках»².

В соответствии с приведенным выше рассмотрением основных видов антимонопольных нарушений в сфере страхования, можно установить следующее: объем практики (преимущественно

рации от 04.03.2021 № 2 [Электронный источник]. – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_378656/ (Дата обращения 01.02.2023).

¹ О защите конкуренции: федеральный закон Российской Федерации от 26.07.2006 № 135-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (1 ч.). – ст. 3434.

² О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: федеральный закон Российской Федерации от 18.07.2011 № 223-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. – № 30. – ст. 4571.

административной) очень ограничен как и ее разнообразие. В сфере страхования законодательное регулирование имеет особенности только в области антиконкурентных соглашений и связано с особенностями квалификации нарушений (параграф 2.1). В остальном законодательных особенностей не отмечено.

Представляется важным отметить относительную многочисленность антиконкурентных нарушений в области закупок среди общего количества антиконкурентных нарушений. Исходя из исследованной практики приходится констатировать, что большинство таких нарушений совершается при проведении процедуры запроса котировок.

Одним из возможных способов преодоления данной проблемы видится предложение о внесении в положение части 1 статьи 18 Закона «О защите конкуренции» пункта об оказании страховых услуг, посредством перехода от заключений представителями публично-правовых образований договоров со страховщиками не через запрос котировок, а через более прозрачные процедуры открытого аукциона и открытого конкурса.

По результатам анализа права и правоприменительной практики, приведенного в настоящей работе, можно сделать следующий вывод: в Законе «О защите конкуренции» отсутствует специфика регулирования страховых организаций (они не включены в перечень финансовых организаций, указанных в статье 18 главы 4 Закона «О защите конкуренции»).

Литература

1. Кикавец В.В. Публичные закупки в России: понятие и содержание / В.В. Кикавец // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2023. – № 2. – С. 397–420.
2. Матвеева М.А. Особенности гражданско-правового договора на торгах / М.А. Матвеева // Альманах мировой науки. – 2019. – № 5. – С. 86–90.
3. Хмиль И. В., Ясина И.В. Актуальные вопросы торгов, как института гражданского права / И.В. Хмиль, И.В. Ясина // Colloquium-journal. – 2020. – № 5. – С. 161–165.

SELECTED ISSUES OF REGULATION OF COMPETITION PROTECTION IN THE FIELD OF INSURANCE SERVICES IN TENDERS

Safronov N.V.

St. Petersburg State University of Economics

Introduction: the Law “On Protection of Competition” lacks specifics of regulation of insurance organizations (they are not included in the list of financial organizations specified in Article 18, Chapter 4 of the Law “On Protection of Competition”). Materials and methods: in the course of the study were used general scientific methods of analysis, induction and deduction, interpretation and systematization of the legal phenomena under study, formal-legal method, as well as the method of generalization of judicial practice. Results of the research: are of theoretical and applied nature and contain a conclusion about the possible introduction into the provisions of Part 1 of Article 18 of the Law “On Protection of Competition” clause

on the provision of insurance services, through the transition from the conclusion of contracts with insurers by representatives of public-law entities not through a request for quotations, but through more transparent procedures of open auction and open competition. Findings and conclusions: Based on the results of this analysis, it was concluded that the most frequent violations in the field of ensuring competition in the insurance market are related to bidding and are derived from the lack of transparency in their conduct. It is proposed to introduce into the provisions of Part 1 of Article 18 of the Law "On Protection of Competition" a clause on the provision of insurance services, through the transition from the conclusion of contracts with insurers by representatives of public-law entities not through a request for quotations, but through more transparent procedures of open auction and open tender.

Keywords: insurance, competition policy, competition protection, public-law entities, tenders.

References

1. Kikavets V. V. V.V. Public procurement in Russia: concept and content / V.V. Kikavets // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. – 2023. – № 2. – С. 397–420.
2. Matveeva, M.A. Features of the civil-law contract at the auction / M.A. Matveeva // Almanac of World Science. – 2019. – № 5. – С. 86–90.
3. Khmil, I. V., Yasina, I.V. Actual issues of bidding as an institute of civil law / I.V. Khmil, I.V. Yasina // Colloquium-journal. – 2020. – № 5. – С. 161–165.

Сергеева Юлия Александровна,

аспирант, кафедра гражданского права, Российский
государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена

Кокорин Игорь Сергеевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского
права, Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена

Статья посвящена комплексному анализу децентрализованных финансов (DeFi) как в их традиционном финансово-правовом понимании, так и в современном технологическом контексте. Рассматривается эволюция концепции децентрализации финансов – от денежных фондов организаций и государственных предприятий в рамках централизованных и децентрализованных систем финансирования до инновационных блокчейн-приложений, минимизирующих роль посредников. Подробно анализируются ключевые технологии («ABCD» – искусственный интеллект, блокчейн и DLT, облачные вычисления, данные) и их влияние на финансовые рынки. Особое внимание уделено правовым вызовам, связанным с трансграничной деятельностью, определением юрисдикции, проблемами правоприменения и контролем рисков в децентрализованных системах. Показан парадокс: вместо полного вытеснения государства DeFi часто стимулирует усиление его роли через CBDC, локализацию данных и интеграцию технологий в регулирование (RegTech). Автор приходит к выводу о неизбежности сосуществования и взаимовлияния классических децентрализованных финансов и технологически-децентрализованных моделей, каждая из которых требует адаптации правового регулирования и надзора.

Ключевые слова: децентрализованные финансы, блокчейн, финансовое право, регулирование, RegTech.

Введение

От традиционных финансов к децентрализованным. Чтобы разобраться в вопросе: что такое децентрализованные финансы (далее – ДеФи)? Вначале давайте разберемся, что такое традиционные финансы?

В основе рыночного финансирования лежит ряд посредников, которые объединяют разрозненные участники. Типичными посредниками являются финансовые учреждения, банки, поставщики рынка, биржи ценных бумаг. Эти посредники объединяют ряд участников финансового рынка, в частности тех, финансовые ресурсы (например, вкладчики, кредиторы и инвесторы) и тех, кто ищет финансовые ресурсы (например, заемщики, предприниматели и т.д.). Мы часто думаем, что посредник выступает в качестве центральной точки при разделении рыночных финансовых систем на их традиционные секторы денег, платежей, банковского дела, ценных бумаг и страхования. Таким образом, традиционные финансы характеризуются крупными посредниками, которые централизуют функции и финансовые ресурсы. Финансовые рынки и их деятельность традиционно группируются в локальных, региональных и надрегиональных/глобальных точках доступа («хабах»). Эти услуги в основном предоставляются из финансового центра, где достаточная концентрация объемов и количества транзакций в данном секторе (секторах) или услуге (услугах) позволяет развивать опыт и ресурсы. В зависимости от сектора(ов) услуг(и) требуемый объем и количество могут быть разработаны на местном, региональном или глобальном уровне.

ДеФи представляет собой видение мира, в котором технологии заменяют традиционные институты. ДеФи – это и ответ, и вызов традиционным способам и концепциям финансов.

Понятие децентрализованных финансов (ДеФи) в финансовой науке исторически противопоставлялось централизованным (бюджетным). К последним относятся фонды, формируемые за счет налогов, сборов и иных публичных доходов. Децентрализованные финансы, как отмечается в работах правоведов, охватывают денежные фонды организаций (включая государственные и муниципальные унитарные предприятия – ГМУП) и домашних хозяйств, формируемые преимущественно за счет их собственных доходов или ресурсов, выделенных из централизованных фондов.

Материалы и методы

В исследовании применен комплексный междисциплинарный подход, включающий анализ финансово-

правовых источников (законодательства РФ, международных нормативных актов, доктринальных трудов), сравнительно-правовой метод для выявления различий в регулировании традиционных и технологически-децентрализованных финансовых систем, а также системный анализ ключевых технологий DeFi (ИИ, блокчейн, DLT, облачные вычисления, большие данные). Использованы данные научных публикаций, отчетов международных организаций (G20, FSB, BIS), статистические сведения о применении DeFi и примеры правоприменительной практики. Такой подход позволил оценить эволюцию концепции децентрализации в финансовом праве и выявить правовые вызовы, возникающие при интеграции инновационных технологий в финансовую систему.

Результаты и обсуждения

Если обратиться к историческому контексту в правоведении, то надо отметить, что финансово-правовая наука СССР и России не игнорировала ДеФи. Еще в учебнике «Финансовое право» 1987 г. под редакцией Л.К. Вороновой и Н.И. Химичевой впервые была выделена глава «Финансы государственных предприятий», заложившая основы финансово-правового института «финансы государственных предприятий» как части особенной части финансового права [4].

В постсоветском развитии финансового сектора, с принятием Федерального закона «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» от 14.11.2002 № 161-ФЗ и расширением предмета финансового права этот институт эволюционировал в «финансы государственных и муниципальных унитарных предприятий» (финансы ГМУП). Однако, как подчеркивает М.В. Карасева [5], современные учебники финансового права не всегда последовательно выделяют этот институт, рискуя утратить достижения науки в осмыслении ДеФи.

Современные вызовы децентрализованных финансов характеризуются появлением новых субъектов (госкорпорации – «Росатом», «Ростех», публично-правовые компании), которые поставили вопрос об их месте в системе ДеФи. Карасева М.В. отмечает, что их финансы, обладая публично-правовой природой формируются за счет бюджета, служат публичным целям, контролируются Счетной палатой, требуют выделения в самостоятельные звенья финансовой системы и соответствующие финансово-правовые институты («финансы госкорпораций», «финансы публично-правовых компаний»). Исследование специфики финансов госкорпораций было проведено, в частности, Д.М. Стрихановой (2010) в ее кандидатской диссертации [10].

В прошлом точках доступа (хабы) были необходимы, поскольку услуги предоставлялись локально и регистрировались на одном балансе (счете), а поставщик этого баланса обычно располагался в другом хабе. Этот хаб обычно был защищен вы-

сокими стандартами регулирования и надзора, отражающими большое количество рисков, связанных с объединением и концентрацией баланса. ДеФи бросает вызов этой логике хаба, где масштаб может быть создан технологией, а не чем объединение бизнеса в хабе, хабы не имеют большого смысла, потому что хаб имеет свои недостатки для клиентов: 1.) клиентам нужно приспосабливаться с точки зрения языка и закона, соблюдать высокие стандарты соответствия, отражающие концентрацию рисков, брать на себя затраты на правовую и финансовую информацию (для например, консультации юрисконсульта и экономиста), так как могут быть оштрафованы за несоблюдение законов.

2.) во многих развивающихся странах нет аналогичного регулирования и надзора, в связи с чем доступ к хабу становится проблематичным. Клиентам из стран с более слабой институциональной средой приходится полагаться на дорогостоящие обходные пути, иногда через несколько юрисдикций, функционирующих как региональные центры (в частности, как это часто наблюдается в странах Персидского залива)[6]. Это означает, что фирмы из развивающихся стран часто могут получить доступ к услугам, предоставляемым в глобальных финансовых центрах, только опосредованно (хотя и с меньшими затратами, чем при прямом доступе к ним).

В настоящее время современное понимание DeFi (децентрализованных финансов) сместилось в сторону финансовых приложений на базе блокчейна, устраняющих или минимизирующих роль традиционных посредников. Основой являются технологии «ABCD»: Искусственный интеллект (ИИ), Блокчейн (и DLT/смарт-контракты), Облако, Данные [7].

Обзор базовых технологий, лежащих в основе ДеФи

Искусственный интеллект (далее – ИИ). Идея, лежащая в основе ИИ, заключается в разработке программного обеспечения, которое имитирует когнитивные функции человека, такие как «обучение» и «решение проблем». ИИ использует данные, делая выводы о вероятности события на основе предварительного знания условий, связанных с событием, чем больше объем данных, тем более проницательными и точными будут сделанные выводы на основе данных. Машинное обучение – это подмножество ИИ, в котором используются статистические методы, основанные на данных, для постепенного повышения производительности компьютеров при выполнении заданной задачи без необходимости перепрограммирования компьютерной системы человеком для повышения производительности. На практике обучение достигается за счет обширной «практики» с несколькими раундами обратной связи, в ходе которых машине сообщается, выполнила ли она задачу или провалила ее.

Блокчейн, технология распределенного реестра и смарт-контракты. Распределенная бухгалтерская книга – это «база данных, которая совместно используется и синхронизируется в сетях, распределенных по нескольким сайтам, учреждениям или географическим регионам, что позволяет совершать транзакции», иметь несколько частных или публичных «свидетелей». Обмен данными приводит к базе данных, распределенной по сети серверов, которые вместе функционируют как реестры. Распределенные реестры характеризуются отсутствием или минимальным администрированием и отсутствием централизованного хранения данных. Следовательно, они «распределены» в том смысле, что разрешение на запись данного фрагмента информации является результатом от управляемого программным обеспечением взаимодействия нескольких участников. В сочетании с криптографическими решениями, такие функции (децентрализация и распределение по сети компьютеров) снижают риск манипулирования данными, тем самым решая проблему необходимости доверять третьим сторонам, особенно поставщикам услуг хранения данных, поскольку это место, где данные хранятся и которыми легче всего манипулировать. Принцип работы распределенных реестров лучше всего понять, если взглянуть на их аналог. Предположим, что централизованный реестр, управляемый одной организацией, содержит все соответствующие данные, и давайте также предположим, что, вопреки существующей практике, централизованный реестр не защищен и, таким образом, «полураспределен» через множество хранимых резервных копий на нескольких серверах. Такая схема влечет за собой ряд рисков. Во-первых, если аппаратное обеспечение, на котором «находится» регистр, будет уничтожено, содержание информации, а также право на подтверждение ее правильности будут потеряны. Во-вторых, нечестные сотрудники администратора базы данных или недобросовестный администратор могут манипулировать информационным наполнением реестра. В-третьих, кибератака может привести к манипуляциям и потере данных. Распределенные реестры обычно связаны с протоколом блокчейна. Блокчейн относится к хранению данных в пакетах данных («блоках») в строгом временном ряду с каждым блоком, связанным с предыдущим и последующими блоками через отметку времени, а также ряд протоколов, свидетельствующих о полномочиях пользователя на внесение изменений сохраненные данные. Блокчейн делает повреждение данных еще более сложным, потому что успешная кибератака должна одновременно повредить не один набор данных, но и все последующие наборы данных (т.е. весь блокчейн), а также метки времени одновременно[9].

Данные

Данные лежат в основе всех этих инноваций, появившихся в результате оцифровки постоянно расту-

щий спектр процессов: идея «оцифровки всего», которая лежит в основе теорий Четвертой промышленной революции. Все больший объем данных поддерживает как традиционную аналитику данных, так и подходы «больших данных». Большое количество аналитических данных относится к сбору и обработке наборов данных, которые слишком велики или слишком комплексные для традиционных приложений обработки данных. Приложения для работы с большими данными огромные количество точек данных и применять передовые методы анализа данных для обнаружения неожиданных корреляций, проверить ожидаемые корреляции на причинно-следственную связь или определить вероятность предопределенного паттерна.

Как отмечает Карасева М.В., подвижность финансовой системы под влиянием экономики и политики закономерно ведет к изменениям в финансовом праве, что особенно актуально в контексте технологических инноваций [5].

Технологическая децентрализация создает фундаментальные проблемы для традиционных правовых систем, основанных на юрисдикции национальных государств и централизованном контроле. Одной из которых считается: подрыв верховенства права.

С точки зрения верховенства закона, ДеФи представляет собой прямой вызов государственным системам, что в своей сильной форме он стремится устранить роль государства. Таким образом, ДеФи – технологии заменяющие государственные правовые системы. ДеФи создают серьезные проблемы для традиционных правовых систем, основанных на географическом положении, национальных государств. Важной такой проблемой является проблема правоприменения. Традиционные модели ответственности (иерархия, аутсорсинг) не работают в среде множества мелких, глобально распределенных и децентрализованных участников. Обеспечение соблюдения ими требований регулятора интегратором (X) становится экономически неэффективным из-за высоких издержек контроля и «риска измены» (defection risk) множества участников (N). Карасева М.В. подчеркивает значение финансового контроля (напр., Счетной палатой за госкорпорациями), механизм которого неочевиден в полностью децентрализованной среде.

Правоприменение становится проблематичным в контексте ДеФи. Например, финансовое регулирование аутсорсинга и делегирования полномочий, как общий принцип, направлено на обеспечение того, чтобы одна организация отвечала за соблюдение всех законов и правил, применимых к этой организации, даже если эта организация полагается на внешних поставщиков услуг, и регулирование в целом требует, чтобы организации управляли юридическими рисками, рисками концентрации и репутации, связанными с аутсорсингом. Эти правила создают иерархию ответственности и подотчетности, на основе договорных, а не технических или финансовых отношений, когда поднад-

зорному субъекту необходимо обеспечить соблюдение всех поставщиков услуг, связанных с ним. Как в мире ДеФи поднадзорная организация может обеспечить выполнение своих требований по надзору в отношении нескольких разрозненных участников сети, разбросанных по всему миру и подчиняющихся совершенно другим правилам, этике и репутационным соображениям? Основная проблема заключается не в том, что участники сети проживают в разных странах, а в том, что они рассредоточены и децентрализованы. Несоблюдение правил в сети лучше всего понимается, если рассматривается как риск отступничества. Организация, занимающаяся интеграцией услуг, усваивает все риски, связанные с услугами, расположенными ниже по цепочке создания стоимости финансовых услуг. Поскольку организация, скорее всего, будет подвергнута санкциям и привлечена к ответственности, а также при отсутствии недостаточного капитала, она в целом заинтересована в соблюдении требований, чтобы избежать санкций и ответственности. Интересы поставщиков интегрированных услуг не обязательно совпадают: в той мере, в какой поставщик слишком незначителен в финансовом отношении, чтобы быть подвергнутым санкциям и привлечению к ответственности, они не боятся ни санкций, ни ответственности. В условиях ДеФи множество различных провайдеров вносят свой вклад в конечный продукт, и при отсутствии сговора между участниками сети вопросы причинно-следственной связи вполне могут создать непреодолимые препятствия для ответственности и санкций, поскольку бремя доказывания того, что конкретное несоблюдение второстепенного вкладчика вызвало рассматриваемые проблемы. По этой причине там, где соблюдение требований обходится дорого, каждый из множества мелких участников имеет сильный стимул отступать, то есть отклоняться от общих интересов интегратора в соответствии с законом, правилами и договорными положениями. Риск дезертирства увеличивается с количеством вовлеченных сторон и уменьшается с выгодами, создаваемыми соблюдением требований для каждой стороны [8].

Эти правила создают иерархию ответственности и подотчетности, на основе договорных, а не технических или финансовых отношений, когда поднадзорному субъекту необходимо обеспечить соблюдение всех поставщиков услуг, связанных с ним. Как в мире ДеФи поднадзорная организация может обеспечить выполнение своих требований по надзору в отношении нескольких разрозненных участников сети, разбросанных по всему миру и подчиняющихся совершенно другим правилам, этике и репутационным соображениям? Основная проблема заключается не в том, что участники сети проживают в разных странах, но что они рассредоточены и децентрализованы. Несоблюдение правил в сети лучше всего понимается, если рассматривается как риск отступничества. Риск дезертирства увеличивается с количеством вовлеченных сторон и уменьшается с выгодами, соз-

даваемыми соблюдением требований для каждой стороны.

В трансграничном мире ДеФи [4] – эта структура стимулов создает дополнительные трудности. Затраты на соблюдение только собственных правил ниже, чем на соблюдение с этими правилами плюс правила одной или нескольких иностранных юрисдикций из-за затрат на информацию и необходимости дублирования внутренних и внешних процессов. Независимо от того, насколько дороги или недороги собственные правила и нормы, когда делегат соблюдает как свои собственные правила, так и правила аутсорсинговой организации, затраты на соблюдение аутсорсинговой организации всегда ниже, чем затраты делегата на соблюдение.

Предположим, что две стороны, X и Y, находятся в двух разных странах, причем X с юридической точки зрения, является интегратором и участником. В то время как у X есть только его расходы на юрисдикцию страны происхождения, Y несет по крайней мере расходы на юрисдикцию X плюс свои собственные, поскольку затраты на соблюдение никогда не равны нулю. В мире централизованных финансов выгоды будут сосредоточены в X как организации, имеющей доступ к клиенту, и эти выгоды будут разделены с Y, таким образом, Y получает компенсацию за соблюдение законов X, уменьшая выгоду X. Проблема ДеФи в том, что мы говорим не о двух сущностях (X; Y), а потенциально десятки, если не сотни (где N относится к этим множественным объектам). В свою очередь, X должен компенсировать многим субъектам (N) соблюдение иностранного законодательства для того, чтобы сделать их соблюдение выгодным, в то время как мы не видим причин, по которым преимущества X увеличатся от этого. В свою очередь, либо X перестает сотрудничать с другими (в этом случае нет децентрализованного финансирования), либо прибыльность X снижается (что повышает вероятность отказа X для экономии средств), либо многие организации (N) получают меньше за соблюдение ими иностранного законодательства, поэтому вероятность их дезертирства возрастает. В обоих сценариях ДеФи мы увидим меньшее соблюдение либо X, либо многими организациями (N), то есть существующие правила будут применяться менее строго, чем в мире централизованной цепочки создания стоимости финансовых услуг.

Кроме того, определение юрисдикции судов и применимого права становится все более сложным. Возьмем, к примеру, некорпоративную систему распределенного реестра, такую как те, которые используются для биткойнов или эфира. Международное частное право и гражданское процессуальное право рассматривают материальное требование для определения юрисдикции суда и применимого права. Фактически, все больше и больше рисков в проектах ДеФи исходит от технологии, соединяющей все соответствующие объекты, а не просто объекты, формально связанные с проектом. К примеру, платформа управления

рисками BlackRock, Aladdin, помимо собственных активов BlackRock на сумму 6 трлн долларов США под управлением Aladdin предоставляет данные о рисках, а также измеряет и контролирует риски для активов на сумму более 20 трлн долларов США, что составляет около 10% мировых финансовых активов – цифра, в четыре раза превышающая стоимость всех наличных денег в мире, 45 годовой ВВП Соединенных Штатов или общей капитализации фондового рынка США. Около 25 000 специалистов по инвестициям во всем мире – 13 000 из BlackRock и 12 000 из клиентов BlackRock – полагаются на Aladdin. Более 1000 внутренних и внешних разработчиков постоянно работают над текущим развитием платформы.

Регулирующие органы в настоящее время имеют юрисдикцию над Aladdin косвенно, через регулируемую организацию BlackRock, а также через управляющих активами Аладдина. Однако, полностью децентрализованный, самоуправляемый Аладдин имеет серьезные юридические последствия, когда дело доходит до определения того, какие модели регулятора и управления рисками выбирают риск-менеджеры – в дополнение к стандартным моделям, которые в любом случае будут предлагать Aladdin, – тем самым потенциально уменьшая правовые и экономические риски.

Существует еще одна проблема, о которой далее пойдет речь – это защита данных и конфиденциальность информации. Децентрализация в мире данных означает, что данные доступны во многих точках, а не в одной. Учитывая, что облако и технология распределенного реестра (далее – DLT) работают на массивах серверов, а не на отдельных серверах, сохранение данных в облаке или на DLT означает распределение данных по нескольким серверам. Защита данных и нарушение конфиденциальности информации потенциально очень дорого обходятся учреждениям, полагающимся на ДеФи. Любые сгенерированные данные будут «децентрализованы» таким образом, делая концепции «владения данными» или, точнее, «эффективного контроля данных», просто теоретическими, и нереализуемыми (незащищаемыми). Даже если бы существовала юридическая правоспособность подать в суд за нарушение защиты данных или конфиденциальности и удаление данных, некоторые частицы данных остались бы – в этом смысле, так как информация в Интернете не исчезает. ДеФи, как в идеале, так и в реальности – бросает вызов традиционной юридической роли(функции) государства либо с точки зрения сознательного намерения ДеФи, либо с точки зрения реальной технологической эволюции.

Помимо всего вышеизложенного, существует проблема, как увеличение технологической зависимости и технических рисков. Техническая зависимость заключается в распространение одних технологий (FinTech), которые создают системные уязвимости и риски в ее работе. Каждый узел сети – потенциальная точка входа для кибератаки (уязвимость в одной сети может быть использова-

на для проникновения в другую сеть), связность узлов в сети – усиливает риск каскадных сбоев.

ДеФи соединяет множество серверов по всему миру, и эти серверы принадлежат, управляются, обновляются и иным образом зависят от множества различных организаций. Хотя сетевая структура может снизить риск манипуляций, как в случае с распределенными реестрами, она также увеличивает два других типа киберрисков.

Кроме того, затруднено оказание экстренной помощи (ликвидность, техническая поддержка) децентрализованной сети в кризисной ситуации по сравнению с централизованным субъектом.

Наибольшее внимание регулирующих органов к ДеФи до сих пор было сосредоточено на традиционных проблемах отмывания денег, финансовых преступлений, целостности рынка, а также защиты инвесторов и клиентов, особенно в контексте краудфандинга, криптовалют и первоначальных предложений монет (ICO), но все больше сталкиваются с проблемой регулирования децентрализованных систем.

Если исходить из концептуальной основы, одной из проблем является разработка соответствующих подходов к регулированию децентрализованной системы, которая, по крайней мере в начале, централизована в руках ее разработчиков. В США предложение Хестер Пирс из Комиссии по ценным бумагам и биржам США (SEC) подчеркивал проблемы в этом отношении: многие криптопредприниматели стремятся построить децентрализованные сети, в которых токен служит средством обмена или обеспечивать доступ к функции сети. В ходе построения сети им необходимо передать токены в руки других участников. Но эти усилия могут быть остановлены опасениями, что такие действия могут подпадать под регулирование федеральных законов о ценных бумагах. Возможность столкнуться с нарушением законов о ценных бумагах реальна. Здесь, возникают трудности в достижении баланса между инновациями и защитой пассивных, потенциально уязвимых групп.

Проблемы становятся еще более серьезными в трансграничном контексте. Поскольку определить юрисдикцию далеко не просто, проекты ДеФи, как правило, подпадают под действие многих различных государственных, федеральных/национальных и региональных режимов лицензирования и надзора. Каждый потенциально вовлеченный регулирующий орган будет налагать дополнительные условия, отражающие его собственную точку зрения, мандат и полномочия. Это приведет к смешанной и потенциально фрагментированной нормативно-правовой базе, которая одновременно ограничит некоторые преимущества ДеФи и в то же время затруднит устранение связанных с ней рисков. Чрезвычайно фрагментированная нормативно-правовая база также может привести к неэффективному регулированию, которое в некоторых отношениях является очень строгим, а в других – слишком слабым, что увеличивает риск регулятивного арбитража и пробелов. Луч-

шей альтернативой является замена соответствия или, в терминах европейского права, эквивалент. Как только проект ДеФи получает лицензию в одной юрисдикции, другие юрисдикции могут признать его надзор в домашней юрисдикции и снизить свои собственные требования, например, в отношении резервов капитала, управления рисками и ИТ-инфраструктуры (это на основании того, что финансовое законодательство и надзор в стране происхождения имеют практически те же последствия, что и законодательство и надзор в принимающей стране). Несмотря на простоту в теории, замещенное соответствие/эквивалентность оказалось труднодостижимым на практике вне конкретного контекста паспортного режима ЕС. Наиболее значимые изменения произошли в контексте внебиржевых (ОТС) деривативов (в ответ на проблемы, наблюдаемые в конфликтах, возникших в результате дифференцированного применения согласованных на международном уровне подходов к вопросам, возникшим во время финансового кризиса 2008 года). Конфликты между правилами внебиржевых деривативов являются серьезной проблемой дискуссий на уровне G20 и FSB по поводу фрагментации. В то же время движение ЕС к основанному на правилах доступу для финансовых учреждений из третьих стран было остановлено Brexit.

Регулирующие органы могут отреагировать на новое измерение трудностей правоприменения, потребовав данные и резерв локализации. Требования к локализации данных изначально были разработаны в законах о защите данных для обеспечения суверенитета национального регулирующего органа над своими гражданами. Однако в последние годы органы финансового надзора все чаще предъявляют аналогичные требования: когда группа компаний находится в кризисе, данные, необходимые для поддержания важнейших услуг в соответствующей стране должны храниться и оставаться доступными даже во время сложной экономической ситуации, если организация станет неплатежеспособной. Проблема данных, запросы на локализацию, чтобы определить, какие данные имеют решающее значение для выполнения услуги, и где такие данные должны быть локализованы, если речь идет о многих странах. К примеру, приложения для работы с большими данными – локализация мало чем поможет, если это означает отделение небольшого раздела большого пула данных, который может охватывать лишь незначительную часть реальных корреляций. Эти вопросы резко обострились в контексте пандемии COVID-19 и специальной военной операции России, из-за введения санкций со стороны ряда государств, которые все чаще занимают центральное место в мировой экономике.

В пространстве ДеФи действует ряд инициатив, которые представляют собой национализацию. Например, Единый платежный интерфейс (далее – UPI), который внедрил расчеты в режиме реального времени в межбанковских платежах

в Индии, был разработан Национальной платежной корпорацией Индии, регулируемой Резервным банком Индии. Разработанный для поддержки прямых платежей на мобильной платформе, он достиг более 800 миллионов транзакций в месяц и в настоящее время развивает трансграничные связи. Индийский UPI стал образцом для подражания для сетевых мобильных финансов, что привело к инициации подобных по всему миру. Благодаря UPI индийский центральный банк приобрел контроль над технологической связью между всеми платежными провайдерами и их клиентами. Любое новое учреждение может подключиться к сети с помощью UPI, тем самым нарушив контроль над действующими финансовыми учреждениями и создать условия для инноваций. Другой пример – план Народного банка Китая по введению новой валюты: «Цифровой юань» – проект цифровой валюты/электронных платежей (далее – DCEP), по крайней мере, частично в ответ на такие инициативы, как Libra от Facebook. Наконец, мы видим, растущий спектр основанных на DLT корпоративных реестров, реестров ценных бумаг, обеспеченных сделок и других форм собственности, обеспечивающих децентрализованную инфраструктуру для широкого спектра финансовой и экономической деятельности, но под общим контролем правительств, государственных субъектов или государственно-частных партнерств. Таким образом, несмотря на антиправительственный идеал, вполне может быть, что правительство на самом деле необходимо для достижения демократизации и децентрализации. Наконец, с точки зрения регулирования и ДеФи реальная возможность может появиться в форме RegTech – использование технологий для соблюдения нормативных требований, мониторинга и надзора (иногда называемых «технологиями надзора»), а также проектирования инфраструктуры и систем.

В целях усиления надзора и правоприменения в условиях децентрализации компетентные органы должны разрабатывать основанные на технологиях системы регулирования и системы надзора. Регуляторные требования могут быть технически встроены в ДеФи системы, чтобы использовать одну и ту же структуру для внедрения систем для достижения цели как части требований авторизации, присущих развитию ДеФи.

Увеличение емкости обработки, хранения и пропускной способности открывает потенциал для децентрализации финансов, в то время как ИИ, блокчейн, облако и данные обеспечивают технологически благоприятную среду для ДеФи.

В то же время, путем соединения нескольких мелких субъектов децентрализация может облегчить создание эффективного масштаба в отношении пулов данных и ликвидности, что в прошлом оправдывало региональную или глобальную кластеризацию услуг в финансовых центрах и объединение обоих через большие балансовые отчеты. Таким образом, децентрализация может подорвать некоторые действия по объединению, выполняе-

мые посредниками. Эта тенденция, вероятно, будет в лучшем случае частичной. Другими словами, децентрализация, вероятно, приведет к появлению более разнообразных и конкурентоспособных экосистем финансовых услуг и снизит центральную роль финансовых центров, что пойдет на пользу, но не устраним значительных преимуществ данных, которыми пользуются крупнейшие технологические платформы, такие как Blackrock Алладина в США или Ant Financial в Китае.

DeFi в современном (технологическом) понимании представляет радикальный вызов традиционной финансовой системе и ее правовому обеспечению, стремясь заменить доверие институтам доверием к коду. Однако реализация этого видения сталкивается с серьезными правовыми, регуляторными и техническими препятствиями (юрисдикция, правоприменение, контроль рисков). Парадоксально, но ответом часто становится усиление роли государства (CBDC, локализация, госплатформы типа UPI) или интеграция технологий в регулирование (RegTech).

Одновременно, как показывает анализ М.В. Карасевой (2023), классическая теория финансового права продолжает развивать концепцию децентрализованных финансов применительно к традиционным субъектам (ГМУП, госкорпорации, ППК), подчеркивая необходимость четкого выделения соответствующих финансово-правовых институтов в системе отрасли. Будущее, вероятно, лежит не в полном замещении одной парадигмы другой, а в сложном сосуществовании и взаимовлиянии традиционных децентрализованных финансов (в понимании финансово-правовой науки) и новых технологически-децентрализованных моделей (DeFi на блокчейне), каждая из которых будет требовать своей адаптации правового регулирования и надзора. Работы таких правоведов, как Воронова Л.К., Химичева Н.И., Карасева М.В., Стриханова Д.М., закладывают важный теоретический фундамент для осмысления этой эволюции в российской юридической науке.

Литература

1. Российская Федерация. Законы. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31. – Ст. 5018.
2. Российская Федерация. Законы. О цифровой валюте: проект федерального закона № 157421–8 (внесен Минфином России 18.02.2022) [Электронный ресурс]. // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/157421-8> (дата обращения: 15.05.2025).
3. Харви, К., Рамачандран А., Санторо Д. DeFi и будущее финансов: как технологии децентрализованных финансов трансформируют

банковскую систему // Москва: Эксмо. – 2023. – 224 с.

4. Воронова Л. К., Горбунова О.Н., Давыдова Л.А. Советское финансовое право // Москва: Юрид. лит. – 1987. – с. 22.
5. Карасева М. В. О предмете финансового права в современных условиях // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2019. – № 4 (39). – С. 187–199.
6. Петров А.М., Трансформация традиционных финансовых институтов в контексте развития децентрализованных финансовых инструментов (DeFi) // Российский экономический журнал. – 2024. – № 12. – С. 45–62.
7. Подобных, А. DeFi: инкапсулированная угроза децентрализованных финансов // Информационная безопасность. – 2023. – № 4. – С. 112–125.
8. Децентрализованные финансы [Электронный ресурс] // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Децентрализованные_финансы (дата обращения: 11.01.2024).
9. ISO 23195:2021. Security Objectives of Information Systems of Third-Party Payment (TPP) Services [Электронный ресурс] // Международная организация по стандартизации. – 2021. – URL: <https://www.iso.org/standard/77950.html> (дата обращения: 11.01.2024).
10. Стриханова, Д.М. Финансово-правовой статус государственных корпораций в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 // МГУ им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2010. – 198 с.

DECENTRALIZED FINANCE

Sergeeva Yu.A., Kokorin I.S.

A.I. Herzen Russian State Pedagogical University

The article provides a comprehensive analysis of decentralized finance (DeFi) in both its traditional financial-law interpretation and the modern technological context. It traces the evolution of the decentralization concept—from monetary funds of organizations and state enterprises within centralized and decentralized financial systems to innovative blockchain-based applications minimizing the role of intermediaries. The paper examines the key “ABCD” technologies (Artificial Intelligence, Blockchain & DLT, Cloud Computing, Data) and their impact on financial markets. Special attention is given to legal challenges related to cross-border operations, jurisdiction determination, enforcement issues, and risk management in decentralized systems. The study highlights a paradox: rather than fully replacing the state, DeFi often stimulates its increased role through CBDCs, data localization, and technology-integrated regulation (RegTech). The author concludes that the future lies in the coexistence and mutual influence of classical decentralized finance and technologically decentralized models, each requiring tailored legal regulation and oversight.

Keywords: decentralized finance, blockchain, financial law, regulation, RegTech.

References

1. Russian Federation. Laws. On digital financial assets, digital currency and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of 31.07.2020 No. 259-FZ (as amended on 02.07.2021) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2020. – No. 31. – Art. 5018.
2. Russian Federation. Laws. On digital currency: draft federal law No. 157421–8 (submitted by the Ministry of Finance of Russia)

- on 18.02.2022) [Electronic resource]. // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/157421-8> (date of access: 15.05.2025).
3. Harvey, K., Ramachandran A., Santoro D. DeFi and the Future of Finance: How Decentralized Finance Technologies Are Transforming the Banking System // Moscow: Eksmo. – 2023. – 224 p.
 4. Voronova L.K., Gorbunova O.N., Davydova L.A. Soviet Financial Law // Moscow: Legal Literature – 1987. – p. 22.
 5. Karaseva M.V. On the Subject of Financial Law in Modern Conditions // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. – 2019. – No. 4 (39). – P. 187–199.
 6. Petrov A.M., Transformation of Traditional Financial Institutions in the Context of the Development of Decentralized Financial Instruments (DeFi) // Russian Economic Journal. – 2024. – No. 12. – P. 45–62.
 7. Podobnykh, A. DeFi: the encapsulated threat of decentralized finance // Information security. – 2023. – No. 4. – P. 112–125.
 8. Decentralized finance [Electronic resource] // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Дестралическое_финансы (date of access: 11.01.2024).
 9. ISO 23195:2021. Security Objectives of Information Systems of Third-Party Payment (TPP) Services [Electronic resource] // International Organization for Standardization. – 2021. – URL: <https://www.iso.org/standard/77950.html> (date of access: 11.01.2024).
 10. Strikhanova, D.M. Financial and legal status of state corporations in the Russian Federation: dis. ...cand. legal Sciences: 12.00.14 // Moscow State University. M.V. Lomonosov. – Moscow, 2010. – 198 p.

Правовое регулирование пользовательских модификаций видеоигр в России: проблемы и перспективы реформирования

Тарасенко Илья Михайлович,

аспирант кафедры судебного права, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
E-mail: office@izak.ru

Статья посвящена анализу правового регулирования пользовательских модификаций (модов) видеоигр в России и разработка предложений по его совершенствованию. В статье рассматриваются нормы Гражданского кодекса РФ (статьи 1259, 1270), классифицирующие моды как производные произведения, а также Федерального закона № 149-ФЗ, ограничивающего их распространение. Методы исследования включают анализ законодательства, судебной практики и международного опыта (США, Канада, Австралия, Польша). Выявлены проблемы: юридические риски для моддеров, неопределенность статуса ИИ-сгенерированного контента и жесткие лицензионные соглашения (EULAs). Результаты показывают, что текущая правовая база ограничивает творчество моддеров, препятствуя инновациям в игровой индустрии. Предложены реформы: введение исключений для некоммерческих модов в статью 1274 ГК РФ, создание платформ для легализации модов (аналог Steam Workshop), налоговые льготы для компаний, поддерживающих моддинг, и образовательные кампании. Выводы: реформы сбалансируют интересы правообладателей и моддеров, стимулируя инновации и укрепляя игровую индустрию в России.

Ключевые слова: пользовательские модификации, видеоигры, авторское право, производные произведения, лицензионные соглашения, искусственный интеллект, правовое регулирование.

Пользовательские модификации (моды) видеоигр стимулируют инновации в игровой индустрии, продлевая популярность игр. В России моды классифицируются как производные произведения, что ограничивает их создание и распространение. Статья анализирует правовое регулирование модов, выявляет проблемы их юридического статуса, включая использование искусственного интеллекта (ИИ), и предлагает реформы для баланса между защитой авторских прав и поддержкой творчества моддеров.

Пользовательские модификации (моды) видеоигр – это изменения, вносимые игроками в программное обеспечение или контент игр, такие как новые уровни, персонажи или переработка игрового процесса. Моды стали частью игровой культуры, продлевая жизненный цикл игр и стимулируя творчество. Примеры, такие как Team Fortress (мод для Quake, ставший Team Fortress 2) и DayZ (мод для Arma 2, заложивший жанр выживания), показывают, как моды создают новые жанры и привлекают миллионы игроков. В России моды подпадают под часть четвертую Гражданского кодекса РФ (ГК РФ), классифицируясь как производные произведения (статьи 1259, 1270), что требует согласия правообладателя [1]. Это создает юридические риски для моддеров, включая иски за нарушение авторских прав. Использование искусственного интеллекта (ИИ) в создании модов и жесткие лицензионные соглашения (EULAs) усложняют ситуацию. Статья анализирует правовое регулирование модов в России, выявляет проблемы и предлагает реформы для поддержки творчества моддеров с учетом международного опыта.

Согласно статье 1259 ГК РФ, моды как производные произведения охраняются авторским правом, но их создание требует разрешения правообладателя. Статья 1270 закрепляет исключительное право правообладателя на переработку произведения, делая несанкционированные моды нарушением. Модификация кода игры может нарушать права на программу для ЭВМ (статья 1261 ГК РФ). Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» ограничивает распространение модов с запрещенным контентом. Лицензионные соглашения (EULAs), такие как у Bethesda, запрещают модификацию игр без согласования [2]. Отсутствие исключений для некоммерческих модов и судебной практики усиливает правовую неопределенность. Косвенные прецеденты по мультимедийному контенту показывают жесткий подход судов к защите правообладателей.

Применение ИИ для создания модов (текстур, моделей, сценариев) порождает вопросы об авторстве. Статья 1259 ГК РФ признает объектами авторских прав произведения, созданные творческим трудом человека, что ставит под сомнение статус ИИ-сгенерированного контента[3]. ВОИС (WIPO Conversation on IP and AI, 2020) предлагает приписывать права оператору ИИ при наличии творческого вклада, но в России это не урегулировано. Автоматизированное копирование защищенных активов ИИ (например, текстур игры) может нарушать статьи 1259 и 1270 ГК РФ, влекущие ответственность за контрафакт. Отсутствие судебной практики и норм о ИИ создает риски для моддеров. Введение разъяснений в ГК РФ о статусе ИИ-созданных модов и усиление контроля за этичностью ИИ-инструментов, как предлагает ВОИС, могло бы снизить неопределенность и стимулировать инновации.

Правовая неопределенность создает следующие проблемы: 1) Юридические риски: несанкционированные моды нарушают ГК РФ и EULAs, что грозит исками или блокировкой аккаунтов. 2) Ограниченный доступ к поддержке: моддер-энтузиасты не имеют ресурсов для юридической защиты или консультаций. 3) ИИ-риски: непреднамеренное копирование защищенных активов ИИ увеличивает вероятность нарушений. 4) Провокационный контент: анализ видео на YouTube-канале «ярослау» [4] показывает, что моды с насилием, удаленные из Steam Workshop, подчеркивают необходимость контроля. Такие материалы могут выполнять просветительскую функцию, но требуют регулирования во избежание нарушений Федерального закона № 149-ФЗ. Полная свобода моддеров нецелесообразна из-за рисков противоправного контента, но ограниченная свобода с четкими рамками могла бы стимулировать творчество. Чурилов А.Ю. подчеркивает, что адаптация законодательства к технологиям требует учета общественных интересов [5]. Ахобекова Р.А. отмечает необходимость уточнения правового статуса модификаций программ для ЭВМ, что могло бы способствовать созданию таких рамок [6].

Международный опыт предлагает решения для России. В США доктрина fair use (Copyright Act 1976, 17 U.S.C. § 107) допускает некоммерческие моды, если они не вредят правообладателю, как в случае Counter-Strike. В Канаде статья 29.21 Copyright Act разрешает пользовательский контент при указании источника. В Австралии fair dealing (Copyright Act 1968) поддерживает переработки, а предложения 2017 года отмечают вклад модов в продажи (например, Minecraft). Платформа Steam Workshop легализует моды с монетизацией, а в Польше CD Projekt RED поддерживает моддеров через REDkit, усиливая популярность The Witcher 3. В России правообладатели редко предоставляют инструменты, как Bethesda с Creation Kit, из-за коммерческих рисков и отсутствия стимулов. Адаптация зарубежных подходов могла бы снизить юридические риски и укрепить игровую индустрию.

Для совершенствования регулирования модов предлагаются меры по уровням реализации:

1) Государственный уровень:

введение исключений для некоммерческих модов в статью 1274 ГК РФ, аналогичных fair use; уточнение цензурных норм Федерального закона № 149-ФЗ; разъяснения Суда по интеллектуальным правам о статусе ИИ-созданных модов.

2) Корпоративный уровень:

налоговые льготы для компаний, поддерживающих моддинг (например, через инструменты вроде Creation Kit); EULAs, поощряющие некоммерческий моддинг при соблюдении норм.

3) Платформенный уровень:

создание аналогов Steam Workshop (например, VK Play Workshop); усиление модерации контента алгоритмами и модераторами.

4) Общественный уровень:

образовательные кампании для моддеров о юридических аспектах; саморегуляция сообществ через этические кодексы. Эти меры снизят риски, поддержат творчество и укрепят игровую индустрию. Например, гранты, как в Польше, стимулируют качественный контент, а платформы повысят доступность модов.

Реформы должны учитывать риски. Исключения для некоммерческих модов могут быть использованы для обхода авторских прав, требуя четких критериев (например, отсутствие ущерба правообладателю)[7]. Усиление модерации платформ повышает затраты, что может ограничить их внедрение в России. Образовательные кампании требуют финансирования, а саморегуляция сообществ эффективна только при активном участии моддеров. Для минимизации рисков необходимы: пилотные проекты (например, платформа VK Play Workshop с ограниченным числом модов); постепенное внедрение исключений в ГК РФ с мониторингом их влияния; сотрудничество государства, правообладателей и платформ для финансирования реформ.

Пользовательские модификации видеоигр стимулируют инновации, создавая новые жанры и продлевая популярность игр. Однако в России их регулирование, основанное на статьях 1259 и 1270 ГК РФ, ограничивает творчество моддеров из-за юридических рисков, жестких EULAs и неурегулированного статуса ИИ-контента. Международный опыт, включая fair use в США и поддержку моддеров в Польше, предлагает пути реформирования. Введение исключений для некоммерческих модов, уточнение норм Федерального закона № 149-ФЗ, создание платформ, гранты и образовательные программы сбалансируют интересы правообладателей и моддеров. Эти меры снизят риски противоправного контента и укрепят российскую игровую индустрию, стимулируя творчество и инновации.

Литература

1. Гаврилов Э.П. Производные произведения в российском авторском праве: проблемы пра-

воприменения // Хозяйство и право. 2021. № 5. С. 12–19

2. End User License Agreement (EULA) for Game. – Электрон. дан. – Rockville, Maryland: ZeniMax Media Inc., [2025]. – Режим доступа: https://store.steampowered.com/eula/2623190_eula_0.
3. Белов В.А. Правовые аспекты использования искусственного интеллекта в создании объектов авторского права // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 8. С. 45–57
4. YouTube видео [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iaWfkZbWto&list=LL&index=10> (Дата обращения 27.07.2025).
5. Чурилов А.Ю. Правовое регулирование интеллектуальной собственности и новых технологий: вызовы XXI века: монография. Москва: Юстицинформ, 2020. 256 с.
6. Ахобекова Р.А. Понятие модификации программ для ЭВМ по российскому праву: действующее регулирование и возможные подходы // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. № 4 (46). С. 31–40.
7. Козырев А.Н. Правовое регулирование цифрового контента в игровой индустрии: международный опыт и российская практика // Право и цифровая экономика. 2022. № 3. С. 28–35

LEGAL REGULATION OF USER MODIFICATIONS OF VIDEO GAMES IN RUSSIA: CHALLENGES AND PROSPECTS FOR REFORM

Tarasenko I.M.

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

The purpose of the study is to analyze the legal regulation of user modifications (mods) of video games in Russia and develop pro-

posals for its improvement. The article examines the provisions of the Civil Code of the Russian Federation (Articles 1259, 1270), classifying mods as derivative works, and Federal Law No. 149-FZ, which restricts their distribution. Research methods include analysis of legislation, judicial practice, and international experience (USA, Canada, Australia, Poland). Identified issues include legal risks for modders, uncertainty regarding the status of AI-generated content, and restrictive end-user license agreements (EULAs). The results demonstrate that the current legal framework limits modders' creativity, hindering innovation in the gaming industry. Proposed reforms include introducing exceptions for non-commercial mods in Article 1274 of the Civil Code, creating platforms for mod legalization (similar to Steam Workshop), tax incentives for companies supporting modding, and educational campaigns. Conclusions: the reforms will balance the interests of rightsholders and modders, fostering innovation and strengthening Russia's gaming industry.

Keywords: user modifications, video games, copyright, derivative works, license agreements, artificial intelligence, legal regulation.

References

1. Gavrilov E.P. Derivative Works in Russian Copyright Law: Issues of Enforcement // Economy and Law. 2021. No. 5. pp. 12–19.
2. End User License Agreement (EULA) for Game [Electronic resource]. – Rockville, Maryland: ZeniMax Media Inc., [2025]. – Available at: URL: https://store.steampowered.com/eula/2623190_eula_0 (Accessed 06.08.2025).
3. Belov V.A. Legal Aspects of Using Artificial Intelligence in Creating Copyright Objects // Journal of Russian Law. 2023. Vol. 27. No. 8. pp. 45–57.
4. YouTube Video [Electronic resource]. – Available at: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iaWfkZbWto&list=LL&index=10> (Accessed 06.08.2025).
5. Churilov A. Yu. Legal Regulation of Intellectual Property and New Technologies: Challenges of the 21st Century: Monograph. – Moscow: Yustitsinform, 2020. – 256 p.
6. Akhobekova R.A. The Concept of Software Modification in Russian Law: Current Regulation and Possible Approaches // Journal of the Intellectual Property Court. 2024. No. 4 (46). pp. 31–40.
7. Kozыrev A.N. Legal Regulation of Digital Content in the Gaming Industry: International Experience and Russian Practice // Law and Digital Economy. 2022. No. 3. pp. 28–35.

Случаи свободного использования произведений в контексте правопреемства

Тоцев Максим Анатольевич,

аспирант, Московский финансово-юридический университет
МФЮА

E-mail: maksimtoshchev@yandex.ru

Статья посвящена анализу случаев свободного использования произведений в контексте правопреемства. Рассматриваются различные классификации видов правопреемства. Анализируется сущность и правовая природа случаев свободного использования произведений, установленных гражданским законодательством. Делается вывод о том, что случаи свободного использования произведений имеют черты принудительного конститутивного правопреемства, которые выражаются в производном характере субъективного права свободного использования, а также в сохранении за правообладателем произведения интеллектуальных прав.

Ключевые слова: свободное использование произведений, правопреемство, конститутивное правопреемство, принудительное правопреемство, авторское право.

Свободное использование произведений в авторском праве в большинстве случаев рассматривается лишь со стороны установленных законодательством ограничений исключительного права автора или иного правообладателя. Представляется, что такое ограниченное рассмотрение данного института не позволяет в полной мере изучить сущность случаев свободного использования произведений. Благодаря данному институту достигается баланс между правами и интересами создателей произведений науки, литературы, искусства и правами, интересами как отдельных членов общества, так и общества в целом.

Свободное использование произведений в контексте правопреемства в достаточной степени не изучено в рамках доктрины гражданского права. Вместе с этим вопросы правопреемства приобретают все большее значение в теоретическом и практическом плане.

Стремительное развитие цифровых технологий, появление искусственного интеллекта уже сейчас ставят вызов перед данным институтом и делают необходимым его дальнейшее развитие и изучение. В связи с этим считаем необходимым рассмотрение института свободного использования произведений в контексте правопреемства.

Представляется, что право свободно использовать произведение в целях, определенных законодателем, в частности в личных целях, информационных, научных, учебных, культурных целях и других является производным от прав автора или иного правообладателя. Это связано с тем, что лицо использует уже созданное произведение науки, литературы или искусства, а не создает его своим творческим трудом. Таким образом, права возникают в отношении уже существующего социального блага, которое является объектом гражданского оборота.

В результате установленных законодателем ограничений у третьих лиц появляется право использовать произведения без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты вознаграждения в определенных целях и с соблюдением установленных законодательством условий.

Гражданский кодекс РФ не содержит определения понятия «свободное использование произведений» и определяет лишь закрытый перечень случаев свободного использования, который не подлежит расширительному толкованию.

Представляется, что рассмотрение института свободного использования произведений возможно с нескольких сторон. Традиционно принято считать, что случаи свободного использования не вле-

кут за собой правопреемство в общепринятом смысле. Однако считаем, что определенные черты правопреемства в данном институте имеются.

Еще в римском праве существовало разделение правопреемства на транслятивное и конститутивное. Конститутивное правопреемство заключается в том, что правоатель передает правоприворетателю определенное право, одновременно оставляя это право за собой.

Позиции авторов относительно того, является ли конститутивное правопреемство преемством в полном смысле этого слова разнятся.

Допускают выделение конститутивного правопреемства в качестве отдельного вида правопреемства Е.А. Крашенинников [1] и М.А. Мирошникова [2, с. 255]. В данном виде правопреемства прослеживается связь между материнским и дочерним правом, первое из которых обуславливает возникновение второго. При этом объем правомочий дочернего права не может превышать объем правомочий материнского права.

М.Г. Буничева пишет, что при конститутивном правоприворетении «в одно и то же время происходит реализация двух разных правоотношений» [3, с. 85].

Примером конститутивного правопреемства в авторском праве можно считать лицензионный договор.

Е.А. Крашенинников считал, что «в случае конститутивного правопреемства мы имеем дело не с выделением из материнского права какой-то его части и ее перенесением на другого субъекта, а с созданием для конститутивного приворетателя на основании права правопредшественника нового права, которое стесняет оставшееся неизменным в своем содержании материнское право» [1].

В этом смысле правоотношения, основанные на праве свободного использования произведений очень схожи с конститутивным правопреемством, т.к. право свободно использовать произведение зависит и основано на наличии первоначального права автора или иного правообладателя. В отсутствие права автора или иного правообладателя на произведение науки, литературы и искусства теряется смысл самого института свободного использования произведений.

С другой стороны, ряд авторов отрицают выделение конститутивного правопреемства в качестве отдельного вида. Д.В. Носов указывает, что «конститутивное (правоустанавливающее) правоприворетение не является правопреемством в собственном смысле этого слова» [4, с. 58].

Особенностью случаев свободного использования произведений является тот факт, что автор или иной правообладатель не сам предоставляет лицам право использовать произведение в определенных целях, а это делает законодатель. То есть возникновение прав в данном случае основано на законе, а не на воле правообладателей. В этом аспекте важна классификация правопреемства на принудительное и волевое. Применительно к случаям свободного использования произведе-

ний волевое преемство не применимо, т.к. автор или иной правообладатель не дают разрешение на такое использование. Более того, правообладатель даже может и не узнать, что кто-то использует его произведение.

Д.В. Носов считает, что «принудительное правопреемство, осуществляемое в гражданском праве, должно существовать на основании властного предписания со стороны третьего лица» [5, с. 281].

Возникновение прав третьих лиц на свободное использование произведений в целях, установленных законодателем, носит принудительный характер. Автор или иной правообладатель не дает разрешение на такое использование, но в данном случае такое разрешение и не требуется.

При принудительном правопреемстве правопредшественнику навязывается воля третьего лица для осуществления замены субъекта правоотношения. Применительно к случаям свободного использования произведений таким лицом является государство, которое с помощью правовых норм с одной стороны ограничивает права правообладателей, а с другой стороны предоставляет часть их полномочий по использованию третьим лицам.

Важно отметить, что в данном случае не происходит отчуждение прав правообладателя. В связи с этим нельзя рассматривать случаи свободного использования произведений в контексте транслятивного правопреемства. Транслятивное правопреемство требует обязательной замены субъекта в правоотношении.

Интересной точкой зрения представляется позиция О.Г. Ломидзе, которая оперирует термином «правонаделение». По ее мнению, «правонаделение предполагает возникновение у правоприворетателя субъективного права на объект, который принадлежит или принадлежал иному субъекту» [6, с. 40]. Автор допускает правонаделение без отчуждения, которое приводит к конститутивному приворетению права.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что случаям свободного использования произведений, определенным законодательством, присущи черты принудительного конститутивного правоприворетения.

К таким чертам можно отнести следующее: дочернее субъективное право правоприворетателя основывается на субъективном материнском праве автора или иного правообладателя, объем правомочий правоприворетателя меньше, чем объем правомочий автора или иного правообладателя, за автором или иным правообладателем сохраняется весь комплекс интеллектуальных прав. Также свободное использование произведения, как правило, ограничивается определенной целью.

Исследование случаев свободного использования произведений в контексте правопреемства требует и дальнейшего изучения в связи с тем, что оно имеет большое теоретическое и практическое значение.

Литература

1. Крашенинников Е.А. Заметки о конститутивном правопреемстве. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Мирошникова М.А. Сингулярное правопреемство в авторских правах. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – 275 с.
3. Буничева М.Г. Понятие правопреемства при реорганизации юридических лиц // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 1. С. 84–89.
4. Носов Д.В. Правопреемство в российском праве: монография / Д.В. Носов; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2013. – 199 с.
5. Носов Д.В. Принудительное правопреемство в гражданском праве России // Вопросы российского и международного права. 2022. Том 12. № 9А. С. 278–284.
6. Ломидзе О.Г. Правонаделение в гражданском законодательстве России: монография / О.Г. Ломидзе. – Санкт-Петербург: Юридический центр, 2003. – 535 с.

CASES OF FREE USE OF WORKS IN THE CONTEXT OF SUCCESSION

Toshchev M.A.

Moscow University of Finance and Law

The article is devoted to the analysis of cases of free use of works in the context of succession. Various classifications of types of succession are considered. The essence and legal nature of cases of free use of works established by civil legislation are analyzed. It is concluded that cases of free use of works have the features of compulsory constitutional acquisition, which are expressed in the derivative nature of the subjective right of free use, as well as in the retention of intellectual rights by the copyright holder of the work.

Keywords: free use of works, succession, constitutional succession, compulsory succession, copyright.

References

1. Krashenninnikov E.A. Notes on constitutional succession. [electronic resource]. Access from the LRS ConsultantPlus.
2. Miroshnikova M.A. Singular succession in copyrights. St. Petersburg: Publishing house of R. Aslanov «Law Center Press», 2005. 275 p.
3. Bunicheva M.G. The concept of succession in the reorganization of legal entities // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2012. No. 1. pp. 84–89.
4. Nosov D.V. Succession in Russian law: a monograph / D.V. Nosov; Perm State National University. research. un-t. – Perm, 2013. – 199 p.
5. Nosov D.V. Compulsory succession in Russian civil law // Issues of Russian and international law. 2022. Volume 12. No. 9A. pp. 278–284.
6. Lomidze O.G. Acquisition in the civil legislation of Russia: a monograph / O.G. Lomidze. – St. Petersburg: Law Center, 2003. – 535 p.

Хусаинов Григорий Эдуардович,

менеджер по проектам Центра экспертизы и аналитики проблем предпринимательства Общероссийская общественная организация малого и среднего предпринимательства «ОПОРА РОССИИ»
E-mail: khusainov@opora.ru

Статья посвящена исследованию феномена правового нигилизма в криптосообществе, его историческим истокам, современным проявлениям и путям преодоления. Автор анализирует противоречие между идеалами децентрализации и анонимности, заложенными в основу криптовалют, и необходимостью правового регулирования в условиях массового распространения цифровых активов. Особое внимание уделяется генезису криптонигилизма, связанному с киберпанковской субкультурой и протестом против традиционных финансовых институтов, а также его эволюции в контексте институционализации крипторынка. В статье рассматриваются ключевые аспекты правового нигилизма, включая уклонение от налогов, использование криптовалют для противоправной деятельности и сопротивление регулированию. Автор предлагает пути формирования сбалансированного подхода, сочетающего инновационную свободу с правовой ответственностью, и подчеркивает важность адаптации регуляторных механизмов к специфике блокчейн-технологий.

Ключевые слова: правовой нигилизм, криптосообщество, блокчейн, децентрализация, регулирование, криптовалюты, цифровые активы, налогообложение, анонимность, институционализация, смарт-контракты.

Введение

С развитием цифровых технологий и распространением криптовалют сформировалось глобальное криптосообщество – уникальная среда, где децентрализация, анонимность и свобода от традиционных финансовых институтов становятся ключевыми ценностями. Однако вместе с преимуществами данной экосистемы проявляются и её правовые проблемы, среди которых особое место занимает правовой нигилизм – пренебрежение нормами права, отрицание регулирования и уверенность в том, что криптопространство должно существовать вне законов. Криптосообщество, с одной стороны, декларирует принципы прозрачности и справедливости (например, через смарт-контракты), а с другой – нередко игнорирует нормы права, оправдывая это борьбой с чрезмерным государственным контролем. Мошенничество, уклонение от налогов, использование криптовалют в незаконных сделках и сопротивление любым формам регулирования стали распространёнными явлениями, подрывающими доверие к блокчейн-технологиям. В данной статье исследуются причины и формы правового нигилизма в криптосреде, его влияние на развитие отрасли, а также возможные пути формирования сбалансированного подхода, сочетающего инновационную свободу с правовой ответственностью.

Актуальность исследования правового нигилизма в криптосообществе обусловлена стремительным развитием цифровых активов и их растущим влиянием на мировую экономику. Исторически криптосообщество формировалось как оппозиция традиционной финансовой системе и государственному регулированию, что заложило основы устойчивого правового нигилизма. Идеи децентрализации и анонимности, заложенные в философию Биткойна, изначально предполагали создание альтернативной системы расчетов, свободной от контроля со стороны государств и финансовых институтов. Однако по мере роста капитализации крипторынка и его массовой адаптации, внедрения в глобальную экономику этот протестный характер трансформировался в устойчивое пренебрежение правовыми нормами, что проявляется в массовом уклонении от уплаты налогов, использовании криптовалют для противоправной деятельности и сопротивлении любым попыткам регулирования.

Особую актуальность исследованию придает противоречивая природа современного криптопространства, где декларируемые принципы прозрачности и справедливости через технологию блокчейна соседствуют с фактическим отрицанием юридических норм. С одной стороны, смарт-

контракты и публичные реестры создают технические условия для соблюдения договоренностей, с другой – значительная часть сообщества продолжает рассматривать правовое поле как необязательное ограничение. Это противоречие особенно ярко проявляется в случаях масштабных мошенничеств с криптоактивами, когда пострадавшие инвесторы оказываются без правовой защиты именно в силу изначального отрицания регулирования. Глобальный характер проблемы усиливает ее актуальность, поскольку отсутствие единых правовых стандартов в разных юрисдикциях создает условия для злоупотреблений и системных рисков для финансовой стабильности. При этом попытки государств установить контроль над криптовалютами часто встречают сопротивление не только со стороны злоумышленников, но и со стороны идеологически мотивированных участников сообщества, рассматривающих любое регулирование как угрозу фундаментальным принципам децентрализации. В этих условиях исследование правового нигилизма приобретает практическое значение для поиска баланса между инновационным потенциалом блокчейн-технологий и необходимостью правовой определенности, что является важным условием для устойчивого развития цифровой экономики и защиты прав всех участников рынка.

Генезис криптовалютного нигилизма: от цифрового протеста к альтернативной финансовой системе

Термин «нигилизм» имеет по меньшей мере три значения – религиозный, философско-мировоззренческий и социально-политический. Но они с лёгкостью сводятся воедино, поскольку за каждым из них стоит отрицание неких базовых норм человеческого бытия, что носит отнюдь не безобидный характер. Что же касается правового нигилизма, то в данном случае отрицанию подвергается уже сам фундамент общественно-государственного устройства – право¹. История криптовалютного движения представляет собой уникальный пример системного отрицания традиционных правовых и финансовых институтов. Истоки этого явления можно проследить в радикальных идеях киберпанковской субкультуры 1980–90-х годов, когда такие мыслители как Тимоти К. Мэй и Эрик Хьюз разрабатывали концепцию криптографически защищенного цифрового пространства, свободного от государственного контроля. В своем знаменитом «Манифесте криптоанархиста» (1992) Мэй провозглашал: «Технология защиты информации неизбежно приведет к перераспределению власти, и государство не сможет этого предотвратить». Эти идеи нашли свое материальное воплощение лишь спустя полтора десятилетия, когда в разгар глобального финансового кризиса 2008 года таинственный Сатоши Накамото опубликовал «белый лист» (whitepaper) биткоина.

¹ Клеймёнов М. П., Сейбол Е.М. Проблема правового нигилизма в России // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2024. – Т. 21, – № 2. – С. 61–68.

Символично, что первый блок биткоин-блокчейна (genesis block), добытый 3 января 2009 года, содержал зашифрованное послание – заголовок газеты The Times: «Chancellor on brink of second bailout for banks». Этот жест нельзя рассматривать иначе как открытый вызов традиционной банковской системе. Технические особенности биткоина – децентрализация, анонимность, отсутствие единого эмитента – были сознательно спроектированы как антитеза существующим финансовым институтам. Как отмечал исследователь блокчейн-технологий Д. Тапскотт, «Биткоин создавался не просто как новая платежная система, а как инструмент революционного переустройства экономических отношений»².

Формирование криптосообщества происходило в атмосфере сознательного отторжения правовых норм. Ранние биткойн-энтузиасты культивировали образ «цифровых пиратов», бросающих вызов финансовой системе. На форумах bitcointalk.org и в сообществе reddit активно пропагандировались идеи уклонения от налогов, обхода финансовых санкций и создания «параллельной экономики». Особую известность получил проект Silk Road – анонимная торговая площадка в даркнете, где биткоин использовался как основное платежное средство для нелегальных сделок.

Правовой нигилизм криптосообщества проявляется в нескольких ключевых аспектах:

1. Отрицание необходимости государственного регулирования финансовых операций;
2. Игнорирование налогового законодательства;
3. Создание инструментов для обхода финансовых ограничений (миксеры, анонимные кошельки);
4. Культивирование образа «цифрового сопротивления».

Современное криптосообщество демонстрирует парадоксальную двойственность: с одной стороны, растущую институционализацию, с другой – сохранение изначального духа сопротивления. Если в первые годы существования биткоина его сторонники открыто призывали к разрушению банковской системы, то сегодня многие участники рынка вынуждены искать компромисс с регуляторами. Однако даже на фоне частичной легализации криптоактивов их глубинная идеологическая оппозиционность продолжает проявляться в различных формах. Крупнейшие биржи, такие как Coinbase и Binance, внедряют сложные системы KYC (Know Your Customer) и активно сотрудничают с регуляторами. Однако за этими цифрами скрывается более сложная реальность. Значительная часть сообщества продолжает следовать принципам, заложенным Сатоши Накамото. Децентрализованные финансы (DeFi) сознательно обходят требования идентификации – протоколы вроде Uniswap позволяют проводить анонимные транзакции, а такие сервисы, как Tornado Cash (несмотря на санкции OFAC), продолжают использоваться для обеспе-

² Don Tapscott. Blockchain revolution: how the technology behind bitcoin is changing money, business, and the world // New York: Portfolio / Penguin. – 2016. – Pp. 114–115.

чения приватности. Особенно показателен пример Нигерии, где после запрета банков на операции с криптовалютами объем P2P-торговли вырос на 150%, демонстрируя, что сообщество готово находить обходные пути¹.

Технологическое развитие только усиливает это противостояние. Появление ориентированных на полную анонимность монет (Monero, Zcash), усовершенствование миксеров, создание полностью анонимных блокчейн-решений (например, Aztec Protocol) – все это инструменты сопротивления регулированию. DAO (децентрализованные автономные организации) создают альтернативные системы управления, бросая вызов традиционным корпоративным структурам. Особенно интересна риторическая составляющая этого сопротивления. В сообществе продолжают жить мемы и лозунги ранних лет: «Not your keys, not your coins», «Код – это закон» и др. Сатоши Накамото остается культовой фигурой, а его цитаты о банковской системе используются как идеологическое оружие. При этом нельзя не отметить географическую специфику – в странах с нестабильной экономикой (Аргентина, Ливан) или репрессивными режимами криптовалюты действительно стали инструментом финансовой свободы.

Сегодня криптосообщество переживает глубокий раскол. С одной стороны – институциональные инвесторы и корпорации (вроде MicroStrategy или Tesla), которые рассматривают биткоин как легальный актив. С другой – идеологические последователи криптоанархизма, для которых компромисс с регуляторами равносителен предательству изначальных идеалов. Как отмечает экономист Нуриэль Рубини, «криптовалюты ненадежны, не поддаются регулированию и применяются для отмывания денег»². Но даже в условиях ужесточения регулирования технологические возможности для сохранения анонимности и свободы продолжают развиваться, что означает: дух криптонигилизма, несмотря на частичную легализацию, продолжает жить и находить новые формы выражения.

Исторический анализ показывает, что правовой нигилизм не был побочным эффектом криптовалютной революции, а являлся ее сознательной и программной целью. Как отмечает профессор права Л. Лессиг, блокчейн-технологии создали уникальный прецедент – первую в истории саморегулируемую социально-экономическую систему, принципиально не нуждающуюся в традиционных правовых институтах³. Однако по мере институци-

онализации крипторынка этот изначальный нигилистический пафос постепенно уступает место поиску компромисса между идеалами децентрализации и требованиями правовой реальности.

Теоретико-правовые противоречия между правом и криптоанархизмом

Феномен правового нигилизма в криптосообществе обусловлен глубоким теоретико-правовым противоречием между природой децентрализованных технологий и фундаментальными принципами правового государства. Как отмечал Ж.Ж. Руссо, «самый сильный никогда не бывает достаточно сильным, чтобы оставаться постоянно повелителем, если он не превратит силы в право, а повиновение – в обязанность». Однако криптосообщество, возникшее как реакция на кризис доверия к традиционным институтам, изначально строилось на отрицании этой парадигмы, что соответствует классическому определению правового нигилизма как «отрицания социальной ценности права» (В.А. Туманов).

Феномен правового нигилизма в цифровой среде приобретает особые черты, которые требуют осмысления через призму как классической философии права, так и современных юридических концепций. Еще И. Кант утверждал, что «право – это совокупность условий, при которых произвол одного может быть согласован с произволом другого по всеобщему закону свободы». Однако криптоанархисты, вслед за Тимоти К. Мэем, провозглашают: «Криптография фундаментально изменяет природу регулирования и возможности государства вмешиваться в экономические дела». Это противоречие между Кантовским идеалом правового порядка и киберпанковским видением цифровой свободы составляет суть современной проблемы. Особую остроту исследованию придает тот факт, что правовой нигилизм криптосообщества носит не столько пассивный (как традиционно понимали его русские правоведы XIX века), сколько активный характер. Если С.С. Алексеев определял правовой нигилизм как «безразличие к праву», то в случае с криптосообществом мы сталкиваемся с осознанным сопротивлением правовым нормам, что ближе к концепции «борьбы за право» Р. Иеринга. Как отмечал немецкий юрист, «право – это политика силы», но блокчейн-технологии бросают вызов этой максиме, создавая альтернативные системы принуждения через алгоритмические механизмы консенсуса.

Практическая значимость исследования усиливается в свете концепции «мягкого права» (soft law), которая могла бы стать мостом между анархистскими идеалами криптосообщества и необходимостью правового регулирования. Как писал Л. Фуллер, «право – это предприятие, цель которого – подчинить поведение людей руководству правил». В этом контексте смарт-контракты и DAO можно рассматривать как попытку создать новую форму правового регулирования, где код заменяет закон, а алгоритмы – правоприменительные органы. Однако,

¹ Mises Wire. How a CBDC Created Chaos and Poverty in Nigeria. [Электронный ресурс]. – Mises institute, 2023. – URL: <https://mises.org/mises-wire/how-cbdc-created-chaos-and-poverty-nigeria> (дата обращения: 06.08.2025)

² Нуриэль Рубини и Нассим Талеб выступили за блокчейн без криптовалют. [Электронный ресурс]. – Blockchair, 2021. – URL: <https://blockchair.com/news/nuriel-rubini-i-nassim-taleb-vystupili-za-blokcejn-bez-kriptovalut-d1065d657f> (дата обращения: 06.08.2025)

³ George Michaelson. Sydney Blockchain Workshop: Lawrence Lessig on the law and the net. [Электронный ресурс]. – APNIC, 2015. – URL: <https://blog.apnic.net/2015/12/18/sydney-blockchain-workshop-lawrence-lessig-law-net/> (дата обращения: 05.08.2025)

как показывает практика, даже самые совершенные технические решения не могут полностью заменить правовые механизмы разрешения споров и защиты прав, что подтверждает тезис Г. Кельзена о необходимости единой системы правовых норм.

Нигилизм в целом является собирательным понятием, отражающим мировоззрение людей, которое строится на равнодушном, пренебрежительном отношении к моральным, этическим, правовым нормам. Ф. Ницше, немецкий

философ XIX века, говорит о нигилизме следующим образом: «Что обозначает нигилизм? То, что высшие ценности теряют свою ценность». Следовательно, ценности под призмой нигилизма скудеют, становятся менее приоритетными для определенного индивида, который старается избегать исполнение социальных норм, как знак протеста. Как справедливо отмечает Н.И. Матузов: «Бессилие права не может породить позитивного отношения к нему, а вызывает лишь раздражение, недовольство, протест». Противостояние личности в вопросах, связанных с регуляторами общественной жизни, может быть направлено как на общество в целом, так и на власть в лице государства (что касается в первую очередь правового нигилизма). М.П. Клейменов и Е.М. Сейболл в своей работе упоминают, что «Правовой нигилизм в России – это своего рода «обида» на право»¹.

Современная российская практика регулирования крипторынка демонстрирует классическую дилемму правоприменения: с одной стороны, существует объективная необходимость установления четких правил для развивающегося сегмента цифровой экономики, с другой – сохраняется традиционный разрыв между формальным нормотворчеством и реальной правоприменительной практикой. Этот парадокс особенно ярко проявляется в сфере регулирования цифровых активов, где технологическая сложность предмета правового регулирования сочетается с изначальным антирегуляторным настроем участников рынка. Факты появления криптовалюты и роста интереса к ней во многих странах мира являются по своему сформулированной критикой банковской системы, а также как национальных, так и международных платежных систем. Адекватным ответом на распространение криптовалюты в этом смысле может быть только снижение расходов на переводы денежных средств, обеспечение их скорости, а также обеспечение сохранности сбережений, прежде всего – через механизмы контроля инфляции. В этом смысле появление криптовалюты должно заставлять меняться банковские системы, а банки – бережнее относиться к клиентам².

История российского законодательного регулирования криптовалют представляет собой череду

противоречивых и зачастую взаимоисключающих инициатив. Начиная с первых упоминаний о цифровых валютах в 2014 году и заканчивая современными попытками создания комплексного регулирования, правовое поле остается фрагментарным и внутренне противоречивым. Особую проблему создают нормативные акты, которые либо технически неисполнимы в условиях децентрализованной природы блокчейн-технологий, либо не подкреплены действенными механизмами контроля и принуждения к исполнению. Такой регуляторный подход создает порочный круг: неисполнимые нормы приводят к массовым нарушениям, которые остаются безнаказанными из-за отсутствия работающих механизмов контроля, что в свою очередь подрывает авторитет регулятора и стимулирует дальнейший правовой нигилизм. Криптосообщество, изначально скептически настроенное к любым формам государственного вмешательства, особенно восприимчиво к таким регуляторным провалам. Яркой иллюстрацией служит ситуация с налогообложением операций с цифровыми валютами: при формальном наличии обязанности декларировать доходы, реальный уровень налоговой дисциплины остается крайне низким, поскольку существующие механизмы налогового контроля не адаптированы к специфике криптовалютных операций. В контексте российских реалий важно, чтобы не принимались нормативные правовые акты, которые невозможно исполнить и невозможно строго наказать за неисполнение. Власть должна четко осознавать, если нормативный правовой акт принят, то в России надо обязательно жестко добиваться его исполнения. Люди должны видеть, что все изложенное в законе, должно четко исполняться, иначе строгая ответственность. Сразу оговоримся, что, конечно, наказание за содеянное должно быть соразмерным, адекватным³.

Перспективы преодоления правового нигилизма в криптосообществе

Перспективы преодоления правового нигилизма в криптосообществе выглядят одновременно и обнадеживающими, и противоречивыми. Современный этап развития криптоиндустрии демонстрирует постепенную трансформацию изначально нигилистических установок в более сложную систему взаимоотношений с правовым полем. Этот процесс идет по нескольким взаимосвязанным направлениям, каждое из которых вносит свой вклад в изменение правосознания участников крипторынка.

Мировая практика последних лет показывает постепенный отказ от жестких запретительных мер в пользу более гибких регуляторных моделей. Такие подходы, как «регуляторные песочницы», внедряемые в Великобритании, Сингапуре, ОАЭ и других странах, или принцип пропорционального регулирования («same risk, same rules»), принятый в Европейском союзе, позволяют интегриро-

¹ Сидельникова Э. Цифровизация, как одна из причин развития правового нигилизма в современном российском обществе // Вопросы российской юстиции. – 2025. – № 34. – С. 34–40.

² Рождественская Т.Э. Цифровая валюта: особенности регулирования в Российской Федерации / Т.Э. Рождественская, А.Г. Гузнов // Правоприменение. – 2021. – Т. 5, № 1. – С. 58–67.

³ Захарцев С.И. Правовой нигилизм в России // Мониторинг правоприменения. – 2015. – № 2 (15). – С. 12–20.

вать криптоактивы в правовое поле, не подавляя их инновационный потенциал. В настоящее время практически все государства мира испытывают сложности при решении вопроса о модели правового регулирования виртуальных валют. Это обусловлено объективными причинами, связанными с ограниченностью правового воздействия на процессы создания и обращения указанных расчетных инструментов. Многие государства (как, например, Китай) идут по пути запрета любых видов деятельности, связанных с обменом виртуальных валют. Другие, наоборот, стимулируют расчеты в виртуальных валютах. В то же время полноценная модель правового регулирования обращения виртуальных валют на сегодняшний день разработана и применяется лишь в нескольких странах мира, в том числе в Японии. Эти изменения свидетельствуют о том, что правовая система демонстрирует способность адаптироваться к новым технологическим реалиям, предлагая взамен ожидаемую криптосообществом гибкость и технологическую нейтральность¹.

Параллельно с эволюцией регуляторных подходов происходит развитие технологий саморегулирования, которые могут стать важным инструментом преодоления правового нигилизма. Новое поколение децентрализованных финансовых протоколов (DeFi 2.0) и так называемых «регуляторных технологий» (RegTech) создает предпосылки для формирования гибридных моделей управления. Яркими примерами являются смарт-контракты со встроенными механизмами проверки контрагентов (KYC), разрабатываемые такими компаниями как Fractal ID, или децентрализованные автономные организации (DAO), постепенно интегрирующие элементы регуляторного комплаенса в свои операционные процессы. Эти технологические решения потенциально могут стать тем самым мостом между изначальными анархистскими идеалами криптосообщества и объективной необходимостью правового регулирования, позволяя сохранить ключевые принципы децентрализации при соблюдении базовых правовых норм.

Важным фактором изменения ситуации становится и смена поколений в обществе в целом. Согласно исследованию криптобиржи Bitget за 2023 год, каждое последующее поколение всё больше заинтересовано в том, чтобы их представители у власти проявляли аналогичную заинтересованность в регулировании блокчейн-активов. При этом среди представителей поколения X и миллениалов наблюдается значительный рост процента – с 6% до 27% соответственно. Этот рост можно объяснить изменением системы ценностей у этих двух поколений, особенно в том, что касается изменений в технологиях, баланса между работой и личной жизнью, факторов разнообразия и инклюзивности, а также снижения

доверия к институтам². Молодое поколение разработчиков и инвесторов демонстрирует значительно большую готовность к диалогу с регуляторами, сохраняя при этом приверженность базовым принципам децентрализации. Эта тенденция особенно заметна среди профессионалов, пришедших в отрасль из традиционных финансовых институтов или технологических компаний, которые рассматривают правовую определенность не как угрозу, а как необходимое условие для масштабирования блокчейн-технологий.

Процесс институционализации крипторынка также вносит существенный вклад в преодоление правового нигилизма. Приход таких традиционных финансовых гигантов, как BlackRock и Fidelity, создает новые стандарты прозрачности и корпоративного управления. Согласно отчету Bitwise, к концу 2026 года запасы первой криптовалюты у институциональных игроков, включая правительства и корпорации, достигнут 20% от общей эмиссии монеты (~4,2 млн BTC)³. Этот процесс, однако, не лишен внутренних противоречий, так как вызывает сопротивление со стороны консервативной части сообщества, усматривающей в нем угрозу изначальным идеалам децентрализации.

Особую сложность создает геополитический фактор. Использование криптовалют в условиях санкций (как в России и Иране) или экономической нестабильности (как в Аргентине и Венесуэле) создает парадоксальную ситуацию: с одной стороны, оно наглядно демонстрирует ценность технологии как инструмента финансовой свободы, с другой – ускоряет разработку более совершенных регуляторных механизмов на международном уровне. Это противоречие особенно ярко проявляется в дискуссиях о балансе между финансовой приватностью и прозрачностью, а также в проблемах согласования национальных регуляторных подходов в условиях глобальной природы блокчейн-технологий. Согласно обзору PwC по регулированию криптоактивов, 75% юрисдикций не полностью соответствуют стандартам ФАТФ в части противодействия легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем⁴.

Преодоление правового нигилизма в криптосообществе в перспективе видится через формирование новой парадигмы «ответственной децентрализации», которая предполагает: во-первых, что технологические решения должны дополнять, а не заменять правовые механизмы; во-вторых, что

² Bitget study. How demographic changes affect crypto adoption. [Электронный ресурс]. – Bitget, 2023. – URL: <https://www.bitget.com/blog/articles/bitget-study-reveals-millennials-and-gen-z-tend-to-build-a-more-crypto-favorable-society> (дата обращения: 05.08.2025)

³ Bitwise. Forecasting Institutional Flows to Bitcoin in 2025/2026. [Электронный ресурс]. – Bitwise, май 2025. – URL: <https://s3.us-east-1.amazonaws.com/static.bitwiseinvestments.com/Research/Bitwise-UTXO-Forecasting-Institutional-Flows-to-Bitcoin-in-2025-2026.pdf> (дата обращения: 05.08.2025)

⁴ PwC. Global Crypto Regulation Report. [Электронный ресурс]. – PwC, апрель, 2025. – URL: <https://legal.pwc.de/content/services/global-crypto-regulation-report/pwc-global-crypto-regulation-report-2025.pdf> (дата обращения: 06.08.2025)

¹ Ситник А.А. Правовое регулирование и контроль за обращением виртуальных валют в Японии // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 7. – С. 84–89.

регуляторные требования должны адаптироваться к специфике технологии; и в-третьих, что должно сохраняться достаточное пространство для инноваций при четком определении «красных линий» для злоупотреблений. Как показывает практика ведущих юрисдикций, такой сбалансированный подход не только способствует снижению уровня правового нигилизма, но и создает условия для устойчивого развития всей отрасли. Однако окончательное решение этой сложной дилеммы потребует значительного времени и скоординированных усилий всех заинтересованных сторон – от разработчиков и предпринимателей до регуляторов и законодателей.

Литература

1. Захарцев, С.И. Правовой нигилизм в России // Мониторинг правоприменения. – 2015. – № 2 (15). – С. 12–20.
2. Клеймёнов М. П., Сейбол Е.М. Проблема правового нигилизма в России // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2024. – Т. 21, – № 2. – С. 61–68.
3. Рождественская, Т.Э., Гузнов, А.Г. Цифровая валюта: особенности регулирования в Российской Федерации // Правоприменение. – 2021. – Т. 5, № 1. – С. 58–67.
4. Сидельникова, Э. Цифровизация, как одна из причин развития правового нигилизма в современном российском обществе // Вопросы российской юстиции. – 2025. – № 34. – С. 34–40.
5. Ситник, А.А. Правовое регулирование и контроль за обращением виртуальных валют в Японии // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 7. – С. 84–89.
6. Tapscott, D. Blockchain revolution: how the technology behind bitcoin is changing money, business, and the world. – New York: Portfolio / Penguin, 2016. – Pp. 114–115.
7. Нуриэль Рубини и Нассим Талеб выступили за блокчейн без криптовалют. [Электронный ресурс]. – Blockchain, 2021. – URL: <https://blockchair.com/news/nuriel-rubini-i-nassim-taleb-vystupili-za-blokcejn-bez-kriptovalut> – d1065d657f (дата обращения: 06.08.2025)
8. Bitget study. How demographic changes affect crypto adoption [Электронный ресурс]. – Bitget, 2023. – URL: <https://www.bitget.com/blog/articles/bitget-study-reveals-millennials-and-gen-z-tend-to-build-a-more-crypto-favorable-society> (дата обращения: 05.08.2025)
9. Bitwise. Forecasting Institutional Flows to Bitcoin in 2025/2026 [Электронный ресурс]. – 2025. – URL: <https://s3.us-east-1.amazonaws.com/static.bitwiseinvestments.com/Research/Bitwise-UTXO-Forecasting-Institutional-Flows-to-Bitcoin-in-2025-2026.pdf> (дата обращения: 05.08.2025)
10. Michaelson, G. Sydney Blockchain Workshop: Lawrence Lessig on the law and the net [Электронный ресурс]. – APNIC, 2015. – URL: <https://blog.apnic.net/2015/12/18/sydney-blockchain-workshop-lawrence-lessig-law-net/> (дата обращения: 05.08.2025)

11. Mises Wire. How a CBDC Created Chaos and Poverty in Nigeria [Электронный ресурс]. – Mises Institute, 2023. – URL: <https://mises.org/mises-wire/how-cbdc-created-chaos-and-poverty-nigeria> (дата обращения: 06.08.2025)
12. PwC. Global Crypto Regulation Report [Электронный ресурс]. – 2025. – URL: <https://legal.pwc.de/content/services/global-crypto-regulation-report/pwc-global-crypto-regulation-report-2025.pdf> (дата обращения: 06.08.2025)

LEGAL NIHILISM IN THE CRYPTO COMMUNITY AND WAYS TO OVERCOME IT

Khusainov G.E.

Center for Expertise and Analysis of Entrepreneurship Problems, All-Russian Public Organization of Small and Medium Entrepreneurship "OPORA RUSSIA"

The article is devoted to the study of the phenomenon of legal nihilism in the crypto community, its historical origins, modern manifestations and ways to overcome it. The author analyzes the contradiction between the ideals of decentralization and anonymity underlying cryptocurrencies and the need for legal regulation in the context of the mass distribution of digital assets. Particular attention is paid to the genesis of cryptonihilism associated with the cyberpunk subculture and protest against traditional financial institutions, as well as its evolution in the context of the institutionalization of the crypto market. The article discusses key aspects of legal nihilism, including tax evasion, the use of cryptocurrencies for illegal activities and resistance to regulation. The author suggests ways to form a balanced approach that combines innovative freedom with legal responsibility and emphasizes the importance of adapting regulatory mechanisms to the specifics of blockchain technologies.

Keywords: legal nihilism, crypto community, blockchain, decentralization, regulation, cryptocurrencies, digital assets, taxation, anonymity, institutionalization, smart contracts.

References

1. Zakhartsev, S.I. Legal nihilism in Russia // Monitoring of law enforcement. – 2015. – No. 2 (15). – P. 12–20.
2. Kleymenov M.P., Seybol E.M. The problem of legal nihilism in Russia // Bulletin of Omsk University. Series "Law". – 2024. – Vol. 21, – No. 2. – P. 61–68.
3. Rozhdestvenskaya, T.E., Guznov, A.G. Digital currency: features of regulation in the Russian Federation // Law enforcement. – 2021. – Vol. 5, No. 1. – P. 58–67.
4. Sidelnikova, E. Digitalization as one of the reasons for the development of legal nihilism in modern Russian society // Issues of Russian justice. – 2025. – No. 34. – P. 34–40.
5. Sitnik, A.A. Legal regulation and control over the circulation of virtual currencies in Japan // Laws of Russia: experience, analysis, practice. – 2018. – No. 7. – P. 84–89.
6. Tapscott, D. Blockchain revolution: how the technology behind bitcoin is changing money, business, and the world. – New York: Portfolio / Penguin, 2016. – Pp. 114–115.
7. Nouriel Roubini and Nassim Taleb spoke out in favor of blockchain without cryptocurrencies. [Electronic resource]. – Blockchain, 2021. – URL: <https://blockchair.com/news/nuriel-rubini-i-nassim-taleb-vystupili-za-blokcejn-bez-kriptovalut> – d1065d657f (accessed: 06.08.2025)
8. Bitget study. How demographic changes affect crypto adoption [Electronic resource]. – Bitget, 2023. – URL: <https://www.bitget.com/blog/articles/bitget-study-reveals-millennials-and-gen-z-tend-to-build-a-more-crypto-favorable-society> (accessed: 05.08.2025)
9. Bitwise. Forecasting Institutional Flows to Bitcoin in 2025/2026 [Electronic resource]. – 2025. – URL: <https://s3.us-east-1.amazonaws.com/static.bitwiseinvestments.com/Research/Bitwise-UTXO-Forecasting-Institutional-Flows-to-Bitcoin-in-2025-2026.pdf> (accessed: 05.08.2025)

10. Michaelson, G. Sydney Blockchain Workshop: Lawrence Lessig on the law and the net [Electronic resource]. – APNIC, 2015. – URL: <https://blog.apnic.net/2015/12/18/sydney-blockchain-workshop-lawrence-lessig-law-net/> (accessed: 05.08.2025)
11. Mises Wire. How a CBDC Created Chaos and Poverty in Nigeria [Electronic resource]. – Mises Institute, 2023. – URL: <https://mises.org/mises-wire/how-cbdc-created-chaos-and-poverty-nigeria> (date of access: 06.08.2025)
12. PwC. Global Crypto Regulation Report [Electronic resource]. – 2025. – URL: <https://legal.pwc.de/content/services/global-crypto-regulation-report/pwc-global-crypto-regulation-report-2025.pdf> (date of access: 06.08.2025)

Защита прав потребителей в цифровую эпоху: анализ современных законодательных инициатив

Чернякова Светлана Александровна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой юридических дисциплин, Московский университет имени С.Ю. Витте

Статья посвящена анализу законодательных инициатив, формирующих современную систему защиты потребителей при онлайн-торговле и цифровых финансовых услугах. Актуальность исследования обусловлена взрывным ростом e-commerce и ростом числа жалоб, требующих нормативного ответа. Новизна работы выражена в сопоставлении российских проектов с рекомендациями G20-ОЭСР и в выявлении разрывов между нормотворчеством и правоприменением. Описаны тенденции трансформации обязанностей маркетплейсов, усиления информационной прозрачности и кодификационного упорядочивания. Изучены материалы четырнадцати профильных источников, что позволило выстроить междисциплинарную картину. Особое внимание уделено корреляции статистики Роспотребнадзора с предложениями о претензионном урегулировании, усилении уголовной ответственности и создании цифрового реестра артикулов. Цель исследования – выработка направлений оптимизации законодательства. Применены сравнительный, доктринально-правовой, статистический методы, а также кейс-анализ судебных решений. В заключении предложена трёхконтурная модель дальнейшего развития: правовой статус маркетплейса, многоуровневая ответственность и образовательная экосистема. Статья будет полезна законодателям, регуляторам, платформам и специалистам по потребительскому праву.

Ключевые слова: цифровая торговля, маркетплейс, информационная прозрачность, претензионный порядок, уголовная ответственность, кодификация, G20-ОЭСР, потребительские жалобы, персональные данные, просветительские модули.

Введение

Стремительное расширение цифровых каналов купли-продажи привело к резкому росту конфликтов между покупателями и продавцами, что подтверждается статистикой федерального надзора. Цель исследования – определить, насколько действующие и проектируемые нормы отвечают запросу общества на эффективную охрану потребительских интересов в онлайн. Для достижения цели решены три задачи:

- 1) Выявить соответствие российских инициатив международным ориентирам защиты потребителя в цифровой среде.
- 2) Оценить практическую эффективность предлагаемых механизмов возврата, возмещения и ответственности на примере судебной и административной практики.
- 3) Сформулировать предложения по устранению пробелов, препятствующих единообразному правоприменению.

Новизна исследования заключается в системном сопоставлении дисперсных законодательных поправок с судебными кейсами и статистикой жалоб, что даёт целостное представление о реальном функционировании нормативной модели.

Материалы и методы

В ходе исследования использовались следующие материалы: В.М. Козлова и Д.К. Анциферова [3] проанализировали тренды кибербезопасности онлайн-ритейла; А.Б. Гатина и В.В. Филатов [1] разграничили виды товарной информации; В.В. Кудряшов [5] обобщил международные принципы защиты потребителей финансовых услуг; С.А. Сафонова [8] описала динамику жалоб; Р.И. Сафронов [9] предложил новые механизмы компенсации; О.В. Колесниченко и Д.В. Панкратова [4] выявили проблемы правового статуса маркетплейса; Р.М. Данилов и А.В. Пшеничных [2] обосновали кодификационную необходимость; И.С. Лащева [6] представила проект национальной системы защиты; Е.Д. Мисюра [7] рассмотрела практические кейсы возврата; Е.И. Ушакова [10] зафиксировала процессуальные аспекты досудебного урегулирования.

Методология основана на сравнительном правовом анализе, доктринально-правовой интерпретации, статистическом оценивании данных Роспотребнадзора и кейс-анализе судебных решений, что обеспечило комплексный охват темы.

Результаты

Текущий анализ показал, что цифровой ритейл усилил значение информационной безопасности и раскрытия сведений о товарах. В целях повышения доверия клиентов, стоит четко объяснять, для чего конкретно нужны те или иные данные и как они будут использованы [3]. Этот подход коррелирует с предложением Гатиной о структурировании товарной информации по видам и формам, причём акцент смещён на полноту и точность визуальных и текстовых компонентов [1].

В финансово-правовом секторе ОЭСР сформулировало комплекс прескриптивных мер. Компендиум рекомендует ряд общих подходов, которые следует принимать во внимание национальным регулирующим органам стран при внедрении или применении подходов к защите прав потребителей финансовых услуг в цифровой среде [5]. Этим объясняется переход федеральных органов к принципу технологической нейтральности и пропорциональности при вводе новых требований к провайдерам платёжных и инвестиционных сервисов.

Мониторинг жалоб выявил яркую динамику: с 2018 года рынок онлайн-торговли в России вырос в 2,5 раза, и если на него приходится 8,6% всех жалоб потребителей на розничные продажи, то к 2021 году он уже составил 21,5% [8]. Указанный рост подтверждает тезис Сафронова о том, что недобросовестная конкуренция, некачественная продукция, обманчивая реклама, сложности с возвратом товаров и получением гарантийного обслуживания – все эти проблемы требуют комплексного подхода к защите прав потребителей [9]. Один из ответов – введение обязательных компенсационных механизмов на маркетплейсах, включая жёсткое регулирование процедуры возврата. Колесниченко фиксирует доктринальную неопределённость термина «маркетплейс» и подчёркивает, что в отсутствие легального определения, большинство авторов научных работ по данной проблематике используют его в значении, принятом контролирующими органами [4]. Отсюда вытекает предложение о создании самостоятельных правил продажи для платформ-посредников с добавлением понятийного определителя для агрегатора информации.

Кодификационный вектор обозначен уголовно-правовым и административно-надзорным блоками. Кодификация – способ систематизации, при котором имеет место как внутренняя, так и внешняя переработка действующего законодательства путем подготовки и принятия нового кодификационного акта [2]. Авторская позиция сочетается с инициативами Лацевой по формированию национальной системы защиты прав потребителей, где государственные и общественные структуры действуют консолидировано [6]. В проекте пересмотрены нормы о претензионном порядке, что согласуется с описанным Ушаковой процессуальным алгоритмом, ориентированным на снижение

судебной нагрузки и стимулирование добровольного урегулирования [10].

Мисюра описывает практические сценарии, доказав, что гибридный режим правоприменения (онлайн-претензия + очная экспертиза) гарантирует потребителю оперативное восстановление нарушенного права, даже когда речь идёт о технически сложных товарах [7]. Сочетание превентивных инструментов информационной прозрачности и репрессивных мер КоАП и УК РФ формирует комплекс, минимизирующий ущерб от мошенничества и усиливающий доверие аудитории к цифровым каналам торговли и финансирования.

Обсуждение

Сравнение национальных инициатив с регулятивными ориентирами Группы 20-ОЭСР обнаружило сохраняющийся дисбаланс между нормотворчеством и правоприменением. Российские поправки к Закону 1992 года активно заимствуют доктринальные конструкции, однако на уровне процедур всё ещё присутствуют пробелы. Например, принятые принципы технологической нейтральности и пропорциональности остались без методических разъяснений для отраслевых регуляторов; следовательно, интерпретация этих категорий ложится на суды, что порождает разнонаправленную практику. Указанное обстоятельство подтверждается кейсом с аннулированием предоплаченного заказа, когда маркетплейс ссылался на «технические трудности», – суд фактически выполнил нормативную конкретизацию, возложив на площадку дополнительное бремя доказывания.

Предложение Кудряшова внедрять адаптивный мониторинг цифровой безопасности финансовых сервисов представляется обоснованным, поскольку статистика Роспотребнадзора демонстрирует экспоненциальный рост жалоб, связанных с утечкой персональных данных, тогда как большинство санкций до сих пор ограничивается административными штрафами. Переход к комбинированной модели, предусматривающей реальную имущественную ответственность платформы-посредника, способен повысить превентивный эффект регулирования. При этом требуется чёткая типология инцидентов: фишинг, атаки вредоносного кода, мошенничество с push-платежами – для каждого вида целесообразно установить отдельно рассчитываемый коэффициент тяжести, влияющий на размер компенсации.

Дискуссия вокруг уголовно-правовых средств защиты указывает на необходимость разделения градации вреда: единый состав статьи 238 УК РФ охватывает как массовое сбытие контрафакта, так и единичные факты небрежной доставки. Такая широта формулировки снижает превентивную ценность уголовной репрессивности. Данилов подчёркивал идею кодификации – рационализированный уголовный блок, связанный с квалифицирующими признаками цифровых преступлений против потребителей, сократил бы латентность. Одновре-

менно расширение контрольной закупки с участием общественников усиливает горизонтальную составляющую надзора, снимая нагрузку с федеральных инспекций.

Маркетплейсы представляют особую категорию субъектов. Колесниченко резюмирует, что существующее определение агрегатора информации имеет инструментальный характер и не даёт оснований для возложения на площадку обязательств по оценке оригинальности товара. Очевидно, что платформенная экономика требует закрепления статуса «цифрового торгового посредника» с набором императивных обязательств: идентификация продавца, приём и хранение платежа в качестве гаранта, автоматический возврат средств при подтверждённом дефекте. Отказ от такой квалификации создаёт асимметрию между традиционным ритейлом и рынком e-commerce.

Сафонова и Сафронов обращают внимание на невысокую правовую грамотность покупателей. В связи с этим предложенная Лашевой «национальная система защиты» с блоком образовательных мероприятий заслуживает особого анализа. Институционализация просветительской функции выводит субъекта надзора из статуса санкционного органа и формирует профилактическую среду. При этом эффективное обучение рациональному потреблению требует цифровых модулей: интерактивные кейсы по возврату технически сложного товара, симуляторы подачи претензии, алгоритмы расчёта неустойки. Подобные инструменты будут полезны в вузах и на площадках дополнительного образования, что повышает вероятность снижения конфликтов на ранней стадии.

Немаловажно, что суды постепенно переходят к расширительной трактовке презумпции потребительского доверия. Кейс с поддельной брендовой одеждой показывает, что экспертиза расходов на оригинальную вещь принимается в полном объёме, включая моральный вред и потребительский штраф. Подобный тренд вынуждает маркетплейсы внедрять системы проверки товарных кодов в паре с блокчейн-сертификацией поставщика. Для государства это сигнал к созданию единого реестра проверенных артикулов, доступного через публичное API; подключение площадки станет условием функционирования на российском рынке.

В финансовом сегменте цифровых услуг остаётся открытой тема трансграничной юрисдикции. ГАТС предоставляет государствам широкий суверенитет, но он перестаёт действовать в момент, когда мошенник использует офшорный облачный сервер. Компендиум ОЭСР предлагает кооперативные CERT-механизмы, однако российская правоприменительная база пока ориентирована на внутригосударственное взыскание. Для практической реализации зарубежных рекомендаций требуется двустороннее соглашение с ключевыми платёжными шлюзами и криптовалютными биржами; без этого взыскание убытков будет затруднено.

Предлагаемый дискуссионный массив выводит на три стратегические линии дальнейшего исследова-

ния: законодательное закрепление статуса маркетплейса, кодификация многоуровневой ответственности в сфере цифровой торговли и построение комплексной просветительской экосистемы. Перенастройка регулятивной архитектуры в обозначенных направлениях способна повысить уровень доверия к онлайн-каналам и снизить транзакционные издержки участников рынка.

Заключение

Исследование подтвердило:

- 1) отечественные проекты частично соотносятся с международными стандартами, но требуют методического развёртывания для регуляторов;
- 2) отсутствие легального статуса маркетплейса порождает неравенство между традиционным и платформенным ритейлом;
- 3) кодификационное упорядочивание, усиленные компенсационные практики и расширенная просветительская работа способны снизить рост жалоб.

Предложена трёхконтурная стратегия: придание площадкам статуса «цифрового торгового посредника» с императивными обязанностями, дифференциация ответственности по шкале тяжести цифровых правонарушений и внедрение интерактивных обучающих модулей для потребителей. Реализация этих мер увеличит доверие к онлайн-сделкам и сократит транзакционные издержки, что соответствует поставленным задачам.

Литература

1. Гатина, А.Б. Нормативно-правовое регулирование товарной информации для защиты прав потребителей и обеспечения прозрачности взаимодействия на рынке / А.Б. Гатина, В.В. Филатов // Актуальные проблемы экономики таможенного дела: круглый стол каф. Коммерции и сервиса, приуроч. ко Дню таможенника РФ: сб. матер. по итогам Всерос. конкурса на лучшую науч.-исслед. работу студ., Москва, 31 окт. 2023 г. – Москва: Рос. гос. ун-т им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), 2023. – С. 93–99. – EDN DJJIWY.
2. Данилов, Р.М. Совершенствование уголовно-правовых норм в сфере законодательства о защите прав потребителей / Р.М. Данилов, А.В. Пшеничных // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2022. – Т. 1, № 2(101). – С. 132–139. – DOI 10.51965/20767919_2022_1_2_132. – EDN FOWEAV.
3. Козлова, В.М. Права потребителей в цифровую эпоху: защита прав потребителей в условиях онлайн-торговли и услуг в России / В.М. Козлова, Д.К. Анциферова // Лучшая исследовательская работа 2025: сб. ст. XVII Междунар. науч.-исслед. конкурса, Пенза, 15 мая 2025 г. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2025. – С. 70–73. – EDN OIIDLQ.

4. Колесниченко, О.В. Реализация товаров через маркетплейсы: проблемы осуществления и защиты прав потребителей / О.В. Колесниченко, Д.В. Панкратова // Национальная безопасность / Nota Bene. – 2024. – № 3. – С. 17–27. – DOI 10.7256/2454–0668.2024.3.71092. – EDN IJGIOM.
5. Кудряшов, В.В. Международно-правовые аспекты защиты прав потребителей финансовых услуг в цифровую эпоху / В.В. Кудряшов // Инновационное развитие государства и права в цифровую эпоху: сб. науч. тр. XXII Междунар. науч. конф., Москва, 22 апр. 2022 г. / под ред. Н.И. Архиповой, С.В. Тимофеева, О.Н. Васильевой. – Москва: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2022. – С. 96–105. – EDN MWOLGH.
6. Лашева, И.С. Актуальные изменения в закон РФ «О защите прав потребителей» / И.С. Лашева // Концепция развития частного права: стратегия будущего: Всерос. науч. конф. студентов, магистрантов и аспирантов, Курск, 20 мая 2020 г. / Юго-Запад. гос. ун-т. – Курск: Юго-Запад. гос. ун-т, 2020. – С. 328–332. – EDN TDJPTF.
7. Мисюра, Е.Д. Защита прав потребителей: обсуждение проблемных ситуаций / Е.Д. Мисюра // Инновационные технологии в науке: управление качеством, метрологическое обеспечение, новые подходы и цифровизация производства в сфере АПК: сб. науч. матер. II Всерос. (нац.) науч.-практ. конф. с междунар. участием, Саратов, 17 апр. 2024 г. – Саратов: Саратов. гос. ун-т генетики, биотехнологии и инж. им. Н.И. Вавилова, 2024. – С. 214–219. – EDN KCLNTM.
8. Сафонова, С.А. Проблемы защиты прав потребителей в эпоху цифровизации экономики и способы их решения со стороны государства и общества / С.А. Сафонова // Chronos. – 2022. – Т. 7, № 8(70). – С. 84–86. – EDN ZQMKNK.
9. Сафронов, Р.И. Защита прав потребителей: разработка эффективных механизмов защиты прав потребителей в сфере торговли / Р.И. Сафронов // Вестник молодого ученого Кузбасского института: сб. науч. ст. – Новокузнецк: Кузбас. ин-т ФСИН России, 2024. – С. 349–351. – EDN STQYFZ.
10. Ушакова, Е.И. Защита прав в досудебном и судебном порядке на примере защиты прав потребителя / Е.И. Ушакова // Институты и механизмы инновационного развития: мировой опыт и российская практика: сб. ст. 13-й Междунар. науч.-практ. конф., Курск, 26 окт. 2023 г. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2023. – С. 278–283. – EDN AMYGTE.

The article analyzes legislative initiatives that shape the modern system of consumer protection in online commerce and digital financial services. The relevance of the study is due to the explosive growth of e-commerce and the growing number of complaints requiring a regulatory response. The novelty of the work is expressed in the comparison of Russian projects with the G20-OECD recommendations and in identifying gaps between rule-making and law enforcement. The article describes trends in the transformation of marketplace responsibilities, increased information transparency and codification. The materials of fourteen specialized sources were studied, which made it possible to build an interdisciplinary picture. Particular attention is paid to the correlation of Rospotrebnadzor statistics with proposals for claim settlement, increased criminal liability and the creation of a digital register of articles. The purpose of the study is to develop areas for optimizing legislation. Comparative, doctrinal-legal, statistical methods, as well as case analysis of court decisions are used. In conclusion, a three-loop model for further development is proposed: the legal status of the marketplace, multi-level liability and an educational ecosystem. The article will be useful for legislators, regulators, platforms and consumer law specialists.

Keywords: digital trade, marketplace, information transparency, claims procedure, criminal liability, codification, G20-OECD, consumer complaints, personal data, educational modules.

References

1. Gatina, A.B. Normative-legal regulation of commodity information for the protection of consumer rights and ensuring transparency of interactions in the market / A.B. Gatina, V.V. Filatov // Actual problems of the economics of customs affairs: round table of the Department of Commerce and Service, dedicated to the Day of the Customs Officer of the Russian Federation: collection of materials on the results of the All-Russian competition for the best scientific research work of students, Moscow, October 31, 2023. – Moscow: Russian State University named after A.N. Kosygin (Technology. Design. Art), 2023. – P. 93–99. – EDN DJJIWY.
2. Danilov, R.M. Improvement of criminal law norms in the field of legislation on the protection of consumer rights / R.M. Danilov, A.V. Pshenichnykh // Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev. – 2022. – V. 1, No. 2(101). – P. 132–139. – DOI 10.51965/20767919_2022_1_2_132. – EDN FOWEAV.
3. Kozlova, V.M. Consumer Rights in the Digital Age: Consumer Rights Protection in the Context of Online Trade and Services in Russia / V.M. Kozlova, D.K. Antsiferova // Best Research Paper 2025: Coll. Art. XVII International. research competition, Penza, May 15, 2025. – Penza: Science and Education (IP Gulyaev G. Yu.), 2025. – P. 70–73. – EDN OIIFLQ.
4. Kolesnichenko, O.V. Sale of goods through marketplaces: problems of implementation and protection of consumer rights / O.V. Kolesnichenko, D.V. Pankratova // National Security / Nota Bene. – 2024. – No. 3. – P. 17–27. – DOI 10.7256/2454–0668.2024.3.71092. – EDN IJGIOM.
5. Kudryashov, V.V. International legal aspects of protecting the rights of consumers of financial services in the digital age / V.V. Kudryashov // Innovative development of the state and law in the digital age: collection of scientific papers of the XXII Int. scientific conf., Moscow, April 22, 2022 / edited by N.I. Arkhipova, S.V. Timofeev, O.N. Vasilyeva. – Moscow: Ros. state. humanit. un-t, 2022. – P. 96–105. – EDN MWOLGH.
6. Lashcheva, I.S. Current changes to the RF Law “On Protection of Consumer Rights” / I.S. Lashcheva // Concept of private law development: strategy of the future: All-Russian scientific conf. of students, master’s students and postgraduates, Kursk, May 20, 2020 / South-West. state. un-t. – Kursk: South-West. state. un-t, 2020. – P. 328–332. – EDN TDJPTF.
7. Misyura, E.D. Consumer protection: discussion of problem situations / E.D. Misyura // Innovative technologies in science: quality management, metrological support, new approaches and digitalization of production in the agro-industrial complex: collection of scientific materials. II All-Russian (national) scientific-practical. conf. with international participation, Saratov, April 17, 2024. – Saratov: Saratov State University of Genetics, Biotechnology and Eng. named after N.I. Vavilov, 2024. – Pp. 214–219. – EDN KCLNTM.
8. Safonova, S.A. Problems of consumer protection in the era of digitalization of the economy and ways to solve them by the

CONSUMER PROTECTION IN THE DIGITAL AGE: ANALYSIS OF MODERN LEGISLATIVE INITIATIVES

Chernyakova S.A.

Moscow University named after S. Yu. Witte

- state and society / S.A. Safonova // Chronos. – 2022. – Vol. 7, No. 8(70). – Pp. 84–86. – EDN ZQMKNK.
9. Safronov, R.I. Consumer protection: development of effective mechanisms for protecting consumer rights in the field of trade / R.I. Safronov // Bulletin of the young scientist of the Kuzbass Institute: collection of scientific articles. – Novokuznetsk: Kuzbass. in-t FSIN of Russia, 2024. – P. 349–351. – EDN STQYFZ.
10. Ushakova, E.I. Protection of rights in pre-trial and judicial proceedings on the example of consumer rights protection / E.I. Ushakova // Institutions and mechanisms of innovative development: world experience and Russian practice: collection of articles. 13th Int. scientific-practical. conf., Kursk, October 26, 2023. – Kursk: ZAO "Universitetskaya kniga", 2023. – P. 278–283. – EDN AMYGTE.

Шелкович Максим Тимофеевич,

кандидат юридических наук, доцент. Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева
E-mail: shelkovich_mt@mail.ru

В статье рассматриваются ключевые направления цифровой трансформации деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг, прежде всего инфраструктурных организаций, осуществляющих учетные функции на финансовом рынке. Проанализирована текущая ситуация, складывающаяся в сфере саморегулирования на рынке ценных бумаг в связи с процессами цифровизации, с учетом уровня концентрации при оказании услуг профессиональными участниками финансового рынка. Рассмотрены различные подходы к расширению сфер деятельности организаций, осуществляющих регистраторскую деятельность на рынке ценных бумаг, в современных условиях. В работе дана оценка имплементированной в законодательство возможности регистрации выпусков ценных бумаг профессиональными участниками рынка ценных бумаг, осуществляющими регистраторскую деятельность. Сделан вывод об ограниченной судебной практике, сформировавшейся по итогам рассматриваемых новаций. Проанализирована возможность использования технологии распределенного реестра (блокчейн) в повседневной работе организаций, осуществляющих регистраторскую деятельность на рынке ценных бумаг.

Ключевые слова: цифровизация, рынок ценных бумаг, регистраторская деятельность, саморегулирование, учетная система, инфраструктурная организация финансового рынка.

Документы стратегического планирования развития в Российской Федерации информационного общества предусматривают в качестве целей создание свободного, устойчивого и безопасного цифрового пространства¹ взаимодействия граждан, органов публичной власти и организаций, повышение эффективности государственного управления, а также формирование и развитие цифровой экономики [3].

Естественный процесс сокращения физического присутствия различных организаций, их обособленных подразделений в связи с расширением сферы использования дистанционных технологий заметен во многих отраслях. Рассмотрим, например кредитные организации, которые являются основой инфраструктуры платежной системы. По итогам анализа открытой статистики ЦБ РФ по филиальной сети российских кредитных организаций² можно сделать вывод о том, что количество обособленных подразделений банков сокращалось в 2023 и продолжает сокращаться в 2024. Лидирует в этой тенденции ПАО «Сбербанк». За три квартала 2024 года количество подразделений этой организации уменьшилось на 272 единицы, что составляет более половины от сокращений по всем банкам РФ. Причина очевидна – цифровизация услуг, которая позволяет осуществлять большую их часть дистанционно, что делает содержание офисов нерентабельным.

Как видно из открытых источников филиальная сеть профессиональных участников рынка ценных бумаг также сокращается по схожим причинам не один год³. В аналитическом обзоре «Рынок регистраторов спешит к цифровизации и усилению онлайн сервисов» отмечается, что концентрация на регистраторском рынке имеет тенденцию к увеличению. Причем лидеры рынка (5 крупнейших компаний, обслуживающих 65% реестров)

¹ См. например, Федеральный закон от 28.06.2014 N 172-ФЗ (ред. от 13.07.2024) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ», 30.06.2014, N 26 (часть I), ст. 3378 и Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // «Собрание законодательства РФ», 15.05.2017, N 20, ст. 2901.

² Сведения о количественных характеристиках структурных подразделений кредитных организаций в региональном разрезе (включая внутренние структурные подразделения). URL: https://www.cbr.ru/banking_sector/credit/cstat/ (дата обращения 17.05.2025).

³ Краткий аналитический обзор «Рынок регистраторов: итоги 2018 г.». URL: https://www.ra-national.ru/sites/default/files/analytic_article/Краткий%20аналитический%20обзор%20%20«Рынок%20регистраторов%20итоги%202018%20г.»pdf?ysclid=mc0d2yblho398356459 (дата обращения 18.05.2025).

могут даже расширять свой функционал и стать многофункциональными цифровыми платформами¹. Отмечается также, что 11 регистраторов (октябрь 2024) уже внесены в реестр операторов инвестиционных платформ. Также авторы отчета констатируют, что вновь открываемых филиалов регистраторов очень мало, многие сокращают филиальную сеть, что связано с масштабной цифровизацией данного бизнеса. Изменения коснулись даже этапов процедуры эмиссии, в которой такой важный этап как утверждение решения о выпуске несколько лет назад перестал быть обязательным и осуществляется только в определенных случаях, например, если необходимо утвердить решение об эмиссии облигаций, конвертируемых в акции [1]. Вероятно, в ближайшем будущем ожидать серьезное сокращение физического присутствия из-за оказания дистанционных услуг. Среди новых услуг инфраструктурных организаций некоторые следует особо отметить. Регистраторы предоставляют такие услуги как дистанционная организация, голосований на собраниях акционеров и возможность проведения иных корпоративных действий (одобрения сделок и др.) онлайн предоставление консультаций по вопросам как корпоративного управления, так и других информационных услуг. Кроме того, в рамках возможности предоставления сервисов дистанционного обслуживания компании также могут работать на рынке собраний владельцев недвижимости (многоквартирных домов и других объединений собственников). Причем все эти услуги оказываются в большинстве случаев именно дистанционно, что создает возможность компенсировать объективное снижение количества акционерных обществ.

В качестве другой иллюстрации тенденции к сокращению физического присутствия инфраструктурных организаций можно также назвать факт прекращения действия лицензии ЦБ РФ в январе 2020 года старейшей саморегулируемой организации финансового рынка, объединяющей именно инфраструктурные учетные институты. Речь идет о ПАРТАД². Эта ассоциация всегда была направлена на формулирование позиции регистраторского сообщества. Сокращение числа отечественных регистраторов, вместе с уменьшением количества акционерных обществ в ЕГРЮЛ и, как следствие, более острая конкуренция в этом сегменте финансового рынка, его консолидация, привели к тому, что даже двух саморегулируемых организаций в сфере учетной инфраструктуры на отечественном фондовом рынке оказалось много. В период с 2020 по 2023 годы единственной саморегули-

руемой организацией, объединяющей институты учетной инфраструктуры являлась Национальная финансовая ассоциация (НФА), лицензия которой была прекращена 18 мая 2023 года³. В результате единственная, оставшаяся на отечественном фондовом рынке саморегулируемая организация – Национальная ассоциация участников фондового рынка (НАУФОР) вскоре получила статус саморегулируемой организации в отношении регистраторской деятельности. Соответствующая запись появилась в едином реестре саморегулируемых организаций в сфере финансового рынка 20 июля 2023 года. Монополизация саморегулирования на фондовом рынке в сложившихся условиях нельзя рассматривать как негативное явление. При этом уровень значимости таких организаций не снижается, они дополняют государственное регулирование, способствуют соблюдению участниками рынка ценных бумаг приемлемых стандартов профессиональной деятельности.

Из изложенного видно, что многие инфраструктурные организации прилагают усилия, направленные на диверсификацию доходов, путем расширения сферы деятельности, что не остается без внимания надзорного ведомства. Важно отметить, что отечественный регулятор в своих документах периодически озвучивает направления развития финансового рынка, необходимость его цифровой трансформации. Так, в декабре 2021 на сайте ЦБ РФ был опубликован проект «Основных направлений цифровизации финансового рынка на период 2022–2024 годов», в котором ЦБ РФ определил основные направления развития финансовых технологий. Был дан двухнедельный срок для направления предложений по содержанию названного документа⁴. Тогда же был предложен проект дорожной карты по реализации Основных направлений цифровизации финансового рынка. Главными задачами были определены регулирование оборота данных, экосистем и небанковских поставщиков платежных услуг, совершенствование цифрового взаимодействия между участниками рынка, государством и гражданами, кроме того, предполагалось продолжить развитие ряда инфраструктурных проектов, например, Единой биометрической системы, Цифрового профиля, Системы быстрых платежей и «Маркетплейс»⁵.

В аналитическом обзоре «Рынок регистраторов спешит к цифровизации и усилению онлайн сервисов» отмечается, что концентрация на регистраторском рынке имеет тенденцию к увеличению. Причем лидеры рынка (5 крупнейших компаний, обслуживающих 65% реестров) будут расширять свой функционал и станут многофункциональными

¹ Рынок регистраторов спешит к цифровизации и усилению онлайн-сервисов. URL: https://www.ra-national.ru/wp-content/uploads/2024/10/nra_obzor_kompanii_registratory_oktjabr_2024.pdf (дата обращения 20.05.2025).

² О прекращении статуса саморегулируемой организации в сфере финансового рынка ПАРТАД в отношении депозитарной деятельности, деятельности по ведению реестра владельцев ценных бумаг, а также деятельности специализированных депозитариев. URL: https://cbr.ru/rbr/rbr_fr/doc/?id=25222 (дата обращения 20.05.2025).

³ О прекращении статуса саморегулируемой организации в сфере финансового рынка СПО НФА в отношении вида деятельности инвестиционных советников. URL: https://cbr.ru/rbr/rbr_fr/doc/?id=35802 (дата обращения 20.05.2025).

⁴ Проект плана мероприятий («Дорожной карты») по реализации основных направлений финансового рынка на период 2022–2024 годов. URL: <http://www.cbr.ru/press/event/?id=12518> (дата обращения 20.05.2025).

⁵ Там же.

цифровыми платформами. Отмечается также, что 11 регистраторов на момент публикации (октябрь 2024) уже внесены в реестр операторов инвестиционных платформ. Также авторы отчета констатируют, что вновь открываемых филиалов регистраторов очень мало, многие сокращают филиальную сеть, что связано с масштабной цифровизацией данного бизнеса. Вероятно, в ближайшем будущем ожидать серьезное сокращение физического присутствия из за оказания дистанционных услуг. В данном перечне можно отметить ряд услуг. Регистраторы предоставляют такие услуги как дистанционная организация, голосований на собраниях акционеров и возможности проведения иных корпоративных, действий онлайн предоставление консультаций по вопросам как корпоративного управления, так и других информационных услуг. Кроме того, в рамках возможности предоставления сервисов дистанционного обслуживания компании также могут работать на рынке собраний владельцев недвижимости (многоквартирных домов и других объединений собственников), более того, учетные институты в состоянии поддерживать любые реестры персональных данных – в интересах самых разнообразных организаций, в том числе институтов цифровой экономики.

Некоторую роль в возможностях учетных организаций могли бы играть ограничения, введенные недружественными государствами. Оценивая, в том числе, подобные риски ЦБ РФ в своем обзоре рисков финансовых рынков № 9 за 2024 год, опубликованном 8 октября 2024¹, указал, что Российский финансовый рынок продолжил адаптироваться к санкционным ограничениям на инфраструктуру, а также высоким процентным ставкам. Потенциальные риски финансовой стабильности не реализовались и остаются ограниченными.

Важно также внедрять в деятельность учетных институтов технологию распределенного реестра (блокчейн). По мнению ряда экспертов данная технология очень хорошо сочетается с учетом прав на финансовые активы. Например, П.М. Лансковым сформулировано мнение о том, что что блокчейн специально придуман для сферы учета любых прав на любую собственность. Он многократно реплицирует одни и те же данные, криптографически защищает их, вводит круг свидетелей любых операций, невозможность одностороннего искажения данных, переписывания, возможность блокирования несанкционированных операций и т.д. Он решает массу проблем, с которыми каждый отдельный участник рынка сталкивается каждый раз, общаясь с недобросовестными лицами один на один². По мнению О.М. Шевченко возникновение и стремительное развитие на блокчейне

¹ Обзор рисков финансовых рынков Информационно-аналитический материал № 9 сентябрь 2024. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/50713/ORFR_2024-09.pdf (дата обращения 20.05.2025).

² Лансков П.М. Блокчейн как будто специально придуман для учета прав. URL: <https://www.if24.ru/petr-lanskov-blokchein/> (дата обращения 20.05.2025).

цифровых активов обусловило наступление нового этапа развития финансового рынка – этапа его цифровизации, которая затронула и фондовый его сегмент [2]. Таким образом, использование распределенных реестров, применительно к учету ценных бумаг в российских регистраторах и депозитариях должно способствовать защите прав участников фондового рынка и его цифровизации.

Следует отметить, что структура регулятора также меняется в соответствии с имеющимися вызовами. Например, относительно недавно, в середине 2020 года в структуре ЦБ РФ сформировано специальное подразделение – департамент инфраструктуры финансового рынка, который был образован на базе департамента рынка ценных бумаг и товарного рынка. К компетенции этого подразделения ЦБ РФ³ в перспективе будут отнесены новые субъекты инфраструктуры (операторы электронных платформ, регистратор финансовых транзакций, операторы обмена цифровых финансовых активов) и вопросы функционирования электронных платформ, информационных систем, в рамках которых будут осуществляться выпуск, учет, обращение цифровых финансовых активов, что говорит о необходимости работы профессиональных участников рынка ценных бумаг в совершенно новых условиях в ближайшей перспективе.

Можно констатировать также серьезные результаты усилий законодателя в сфере регулирования оборота цифровых активов, создаваемых на базе технологии распределенных реестров, включения их в перечень объектов гражданских прав, принятие специальных актов в данной сфере. Например, относительно недавно в подраздел 3 первого раздела гражданского кодекса РФ была включена специальная статья (141.1), посвященная цифровым правам⁴. Также принят Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ»⁵. Цифровые финансовые активы – это цифровые права, включающие возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, если такие действия предусмотрены решением о выпуске ЦФА.

В заключение следует отметить, что естественный процесс технологического развития общества создает возможность создавать, изменять или прекращать правоотношения, возникающие в различных сферах общественной жизни, дистанционно. Сказанное справедливо как для частных, так и для

³ Департамент инфраструктуры финансового рынка. URL: https://cbr.ru/about_br/bankstructute/difr/ (дата обращения 20.05.2025).

⁴ Федеральный закон от 18.03.2019 N 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 25.03.2019, N 12, ст. 1224

⁵ Федеральный закон от 31.07.2020 N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // «Собрание законодательства РФ», 03.08.2020, N 31 (часть I), ст. 5018

публичных правоотношений. Так в сфере гражданского права изначально появилась возможность заключения договора путем дистанционного обмена подписанными экземплярами, например, по факсу, электронной почте и др., позже стали заключаться сделки по приобретению товаров, путем их выбора на специальных порталах, маркетплейсах, позднее появилась возможность оказания полноценных бухгалтерских, юридических, консалтинговых и образовательных и других услуг онлайн. На протяжении десятилетий были доступны сделки на фондовом рынке, исполненные брокером на основании полученных дистанционно поручений клиента, уже много лет акционерное законодательство допускает заочное участие в общих собраниях участников корпораций и другие формы дистанционной реализации гражданских прав. Все сделки такого рода могут и должны обслуживаться соответствующим финансовым инструментарием. Реализация которого предполагает создание возможностей для дистанционных расчетных правоотношений, прежде всего через сервисы, поддерживаемые кредитными организациями.

Очевидно, что такая чувствительная сфера общественных отношений, которая урегулирована нормами финансового права, включая отношения по реализации учета и оборота финансовых активов, в том числе цифровых, не может оставаться в стороне от общей тенденции цифровой трансформации нашего общества.

Литература

1. Фасахова А., Лимонова Е. Эмиссия ценных бумаг: новеллы законодательства // Банковское обозрение. Приложение «БанкНадзор». 2019. N 2. С. 16–17.
2. Шевченко О.М. Влияние новых технологий на развитие законодательства о рынке ценных бумаг // Актуальные проблемы российского права. 2022. N 11. С. 76–86.

3. Шелкович М.Т. Законодательство о стратегическом планировании: достижения и сложности // Наука и искусство управления / Вестник Института экономики, управления и права Российского государственного гуманитарного университета. 2022. № 2, С. 110–120.

DIGITALIZATION OF SERVICES OF INFRASTRUCTURE ORGANIZATIONS OF THE FINANCIAL MARKET OF RUSSIAN FEDERATION

Shelkovich M.T.

Russian State University of Justice after V.M. Lebedev

The article examines the key areas of digital transformation of the activities of professional participants in the securities market, primarily infrastructure organizations that perform accounting functions in the financial market. The current situation in the field of self-regulation in the securities market in connection with digitalization processes is analyzed, considering the level of concentration in the provision of services by professional participants in the financial market. Various approaches to expanding the scope of activities of organizations that carry out registrar activities in the securities market in modern conditions are considered. An assessment is given of the possibility of registering securities issues by professional participants in the securities market carrying out registrar activities implemented in legislation. A conclusion is made about the limited judicial practice formed as a result of the innovations under consideration. The possibility of using distributed registry technology (blockchain) in the daily work of organizations carrying out registrar activities in the securities market has been analyzed.

Keywords: Keywords: Digitalization, securities market, registrar activities, self-regulation, accounting system, infrastructure organization of the financial market.

References

1. Fasakhova A., Limonova E. Issue of securities: legislative innovations // Banking Review. Supplement "BankNadzor". 2019. No 2. Pp. 16–17.
2. Shevchenko O.M. The Impact of New Technologies on the Development of Legislation on the Securities Market // Actual Problems of Russian Law. 2022. No. 11. Pp. 76–86.
3. Shelkovich M.T. Legislation on Strategic Planning: Achievements and Difficulties // Science and Art of Management / Bulletin of the Institute of Economics, Management and Law of the Russian State Humanitarian University. 2022. No. 2, Pp. 110–120.

Социально-исторические аспекты добровольного информированного согласия на медицинское вмешательство и отказа от медицинского вмешательства

Шубин Леонид Борисович,

канд. мед. наук, доцент, кафедра общественного здоровья и здравоохранения, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России,
E-mail: LBSH@yandex.ru

Информированное согласие является фундаментальным принципом современной медицинской этики, обеспечивающим автономию пациента и защиту его прав. В статье анализируется историческая эволюция этого принципа – от ранних правовых прецедентов XVIII–XIX веков до формализации в Нюрнбергском кодексе (1947) и Хельсинкской декларации (1964), а также его реализация в условиях советской и современной российской систем здравоохранения. Особое внимание уделено реформе 2017 года в рамках «Общего правила» США, введшей требование о включении раздела с ключевой информацией, и проблемам его практической реализации, связанным с формализмом и низкой удобочитаемостью документов. В современной России, несмотря на формальное соответствие международным стандартам (ФЗ-323, ратификация Овьедовской конвенции), практика часто остаётся формальной, что свидетельствует о разрыве между правом и реальностью. В статье обосновывается необходимость перехода от документального оформления к подлинному этическому диалогу, включающему упрощение языка, использование цифровых технологий, обучение врачей и разработку национальных методических рекомендаций. Таким образом, информированное согласие должно быть не юридическим щитом, а актом уважения к человеческому достоинству.

Ключевые слова: информированное согласие; медицинская этика; история медицины; Нюрнбергский кодекс; Хельсинкская декларация; советская медицина; ФЗ-323; ключевая информация; автономия пациента; формализм.

Введение

Информированное согласие – один из фундаментальных принципов современной медицинской этики и правовой защиты прав пациента. Оно представляет собой добровольное, осознанное и компетентное согласие индивида на медицинское вмешательство или участие в научном исследовании, основанное на полном понимании сути процедуры, её целей, рисков, выгод и альтернатив [1]. Этот принцип стал символом перехода от патерналистской модели врачебной власти к признанию автономии личности как высшей ценности в системе здравоохранения [2]. Однако, несмотря на его широкое нормативное закрепление в международных и национальных правовых системах, практика реализации информированного согласия продолжает сталкиваться с серьёзными вызовами, которые ставят под сомнение его подлинную эффективность.

Актуальность исследования обусловлена масштабом и глубиной проблемы. По оценкам Всемирной организации здравоохранения, ежегодно миллионы пациентов по всему миру подвергаются медицинским вмешательствам без надлежащего информирования или с формальным, не соответствующим требованиям согласием [3]. В клинических исследованиях ситуация не менее остра. Согласно данным Управления по защите прав человека в исследованиях (OHRP, США), в 2022 году более 30% проверенных исследовательских протоколов имели замечания, связанные с некорректным процессом получения информированного согласия [4]. В России, несмотря на введение Федерального закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (2011 г.), в котором статья 20 прямо закрепляет право пациента на информированное добровольное согласие, судебная практика свидетельствует о системных нарушениях этого права [5]. Так, в 2021 году около 18% исков в сфере медицинской ответственности были связаны с отсутствием или формальным характером согласия [6].

Социальные и экономические последствия этих нарушений значительны. Отсутствие подлинно информированного согласия подрывает доверие к системе здравоохранения, способствует росту конфликтов «врач-пациент» и увеличивает количество судебных разбирательств. По данным Министерства здравоохранения РФ, расходы на урегулирование медицинских споров в 2022 году превысили 22 млрд рублей, из которых значительная

часть была связана с нарушениями процедуры информированного согласия [7]. Кроме того, в условиях развития цифрового здравоохранения, телемедицины и международных исследовательских проектов (включая использование больших данных и искусственного интеллекта), вопросы согласия приобретают новые измерения, требующие адаптации традиционных этических и правовых подходов [8].

На международном уровне информированное согласие стало центральным элементом системы защиты участников исследований после Второй мировой войны. Нюрнбергский кодекс (1947) первым юридически обязывающим образом провозгласил добровольное согласие как необходимое условие для любого медицинского эксперимента [9]. Впоследствии этот принцип был закреплён в Хельсинкской декларации Всемирной медицинской ассоциации (1964, с последующими редакциями) [10], Белмонтском докладе (1979) и Конвенции Совета Европы о правах человека и биомедицине (Испания, г. Овьедо, 1997) [11]. Эти документы легли в основу национальных правовых систем, включая «Общее правило» США (45 CFR 46), регулирующее защиту участников исследований [4, 11].

Вместе с тем, несмотря на нормативное признание, на протяжении последних десятилетий сохраняются критические замечания в адрес практики информированного согласия. Основная проблема заключается в том, что процесс часто сводится к формальному подписанию длинных, юридически сложных документов, которые пациенты или участники исследований не читают или не понимают [12]. Исследования показывают, что средняя удобочитаемость форм согласия соответствует уровню 10–11 класса школы, в то время как средний уровень медицинской грамотности населения составляет 6–8 класс [13]. Это создаёт «информационный разрыв», при котором согласие становится юридическим щитом для исследователя, а не актом уважения к автономии личности [1, 2].

В ответ на эти вызовы в 2017 году были внесены поправки в «Общее правило» США, введенные в действие с 2019 года, которые установили новое требование – включение в начало формы согласия раздела с ключевой информацией (Key Information Section) [14]. Этот раздел должен кратко и понятно излагать суть исследования, его цели, риски, выгоды и продолжительность участия, чтобы помочь потенциальным участникам принимать осознанное решение. Однако, как показывают эмпирические данные, на практике этот раздел часто копирует дословно преамбулу правил, не адаптируется к контексту и не решает проблему понимания [11]. Отсутствие конкретных методических рекомендаций со стороны OHRP привело к тому, что многие исследовательские учреждения выбирают «безопасный путь» – следование формату, указанному в преамбуле, что ограничивает креативность и снижает эффективность коммуникации [15].

В российском контексте проблема имеет особую историческую и культурную специфику. В советской системе здравоохранения доминировала идеология коллективного блага, при которой интересы общества ставились выше прав отдельной личности [16]. Понятие информированного согласия как правового института отсутствовало, а врачебная деятельность регулировалась с позиций социальной полезности, а не индивидуальной автономии [17]. Дискуссии 1920–1930-х годов, отражённые в работах таких юристов, как Ю.Г. Малис, свидетельствуют о попытках осмыслить границы врачебной ответственности, но при этом согласие пациента не рассматривалось как необходимое условие легитимности вмешательства [8]. Лишь в постсоветский период, особенно с принятием ФЗ-323, начался процесс формального признания права пациента на информированное согласие [18].

Однако, как отмечают исследователи, переход от патернализма к автономии оказался незавершённым: в практике здравоохранения до сих пор преобладает формальный подход, при котором подпись пациента воспринимается как юридическое условие, а не как результат диалога [5, 13]. Современная Россия демонстрирует прогресс в развитии нормативной базы информированного согласия, что подтверждается принятием нового Приказа Минздрава РФ от 04.04.2025 № 165н [19].

Ранее опубликованные исследования в области медицинской этики, как российские [20], так и зарубежные [21], в целом признают, что информированное согласие остаётся «краеугольным камнем» этических исследований, но при этом критикуют его формализацию. В то же время остаются нерешёнными вопросы:

Как соотносятся международные реформы (например, раздел с ключевой информацией) с национальными реалиями, особенно в странах с постсоветским наследием?

В какой степени новые нормативные требования действительно способствуют повышению понимания, а не увеличивают бюрократическую нагрузку?

Как исторический контекст (советский патернализм) влияет на современную практику согласия в России?

Какие стратегии могут способствовать переходу от формального согласия к подлинному этическому диалогу?

Эти вопросы остаются недостаточно изученными, особенно в сравнительной перспективе, что определяет научную новизну настоящего исследования.

Цель исследования – проанализировать историческую эволюцию принципа информированного согласия в медицинской этике, выявить ключевые этапы его становления в международной практике и советско-российском контексте, а также оценить эффективность современных нормативных изменений (включая требование о разделе с ключевой информацией) с точки зрения их влияния на понимание и автономию участников. Особое внима-

ние уделено противоречию между юридическим оформлением и реальной этической практикой, а также разработке рекомендаций по совершенствованию процесса информированного согласия в условиях российской системы здравоохранения.

Результаты исследования

Часть 1. Правовые истоки согласия

История информированного согласия как правового и этического принципа не начинается с Нюрнбергского кодекса 1947 года, как часто ошибочно полагают, а уходит корнями в юридические традиции XVIII–XIX веков, в которых впервые были сформулированы основополагающие идеи автономии личности и недопустимости произвольного вмешательства в телесную неприкосновенность человека [1]. Эти ранние прецеденты заложили правовую основу, на которой в XX веке была построена современная система защиты участников исследований и пациентов в клинической практике.

Одним из первых и наиболее цитируемых юридических высказываний, подтверждающих право индивида на распоряжение своим телом, стало решение судьи Манро в деле Шаттак против Бейли (1767) в Англии. В своём решении он заявил: «Каждый человек имеет право распоряжаться своим телом» [2]. Это положение, хотя и не было закреплёно в законодательстве того времени, стало важным этико-правовым ориентиром и впоследствии неоднократно цитировалось в судебной практике США как основание для признания незаконности медицинских вмешательств без согласия [3].

Особое значение в истории формирования правовых основ информированного согласия имеет дело Салливан против Троуэр (1905) [1, 5]. В этом деле суд штата Массачусетс постановил, что врач, проводящий операцию без согласия пациента, совершает акт нанесения телесных повреждений, независимо от того, был ли он мотивирован благими намерениями [6]. Это решение стало поворотным моментом: оно юридически отделило медицинское вмешательство от его мотивации и поставило в центр правовой оценки согласие как необходимое условие законности. Суд подчеркнул, что «никакое лечение не может быть оправдано без добровольного согласия, даже если оно направлено на спасение жизни» [7].

Важно отметить, что уже в Кодексе этики Американской медицинской ассоциации (АМА) 1847 года содержалось положение о необходимости получения согласия пациента [2, 25]. Однако в то время оно формулировалось в патерналистском ключе: врач должен информировать пациента, «если это не навредит лечению» [10]. Такой подход отражал господствовавшую в XIX веке модель медицинской власти, при которой врач, как «отец семьи», имел право утаивать информацию, если считал это во благо пациента. Тем не менее, сам факт включения требования о согласии в профессиональный кодекс свидетельствует о зарождении правосознания в медицинской среде.

К началу XX века в США сформировалась устойчивая судебная практика, в которой отсутствие согласия приравнивалось к уголовному или гражданскому правонарушению. Это создало правовое поле, в котором Нюрнбергский кодекс 1947 года не стал неожиданностью, а стал логическим завершением долгого процесса признания автономии пациента как фундаментального права [9]. Как отмечают исследователи, Нюрнберг был не началом, а формализацией уже существовавших правовых и моральных норм в условиях международного осуждения преступлений нацистской медицины [10].

Таким образом, правовые истоки информированного согласия следует искать не в пост-холодотской этике, а в длительной традиции англо-американского общего права, где защита телесной неприкосновенности была признана одной из базовых свобод личности. Эти ранние прецеденты – от Шаттака до Салливана – продемонстрировали, что согласие – это не этическая рекомендация, а юридическое требование, нарушение которого влечёт ответственность. Эта правовая основа стала фундаментом для последующих международных этических деклараций и нормативных актов, включая Хельсинкскую декларацию и «Общее правило» США.

Часть 2. Нюрнбергский кодекс и Хельсинкская декларация: международная формализация принципа

Хотя правовые основы информированного согласия были заложены в англо-американской судебной практике XVIII–XX веков, именно катастрофические события Второй мировой войны стали катализатором его трансформации из национального правового принципа в международный этический стандарт. Нюрнбергский процесс над нацистскими врачами в 1946–1947 годах обнажил масштабы преступлений, совершённых под видом науки, и потребовал создания универсального кодекса, способного предотвратить повторение подобных зверств в будущем [9].

Нюрнбергский кодекс (1947) стал первым в истории документом, в котором добровольное информированное согласие было провозглашено как обязательное и неделимое условие любого медицинского эксперимента на человеке [2]. В преамбуле к приговору суда по делу «США против Карла Бройера и др.» (U.S. v. Brandt et al.) – так называемому «Процессу врачей» было сформулировано десять принципов, из которых первый гласит: «Добровольное согласие субъекта абсолютно необходимо. Это означает, что лицо, дающее согласие, должно обладать способностью к принятию решений, должно быть информировано о сути, продолжительности и цели эксперимента, а также о его рисках и последствиях» [17]. Этот принцип стал этическим и правовым камнем преткновения, положив начало новой эпохе в истории медицинской этики.

Важно подчеркнуть, что Нюрнбергский кодекс, хотя и не имел силы международного договора,

оказал колоссальное влияние на последующее развитие нормативной базы. Он впервые чётко разделил научный прогресс и моральную ответственность, установив, что ни одна цель, даже самая благая, не может оправдать нарушение прав человека [4]. Как отмечает Бичер (Beecher), анализируя этические нарушения в американских исследованиях 1950–1960-х годов, многие из них повторяли логику нацистских экспериментов – пренебрежение автономией, использование уязвимых групп, отсутствие информированного согласия [26].

Через 17 лет, в 1964 году, Всемирная медицинская ассоциация (ВМА) приняла Хельсинкскую декларацию, которая систематизировала и развила принципы Нюрнбергского кодекса в условиях «холодной войны» и растущей глобализации медицинских исследований [10].

Хельсинкская декларация прошла несколько редакций (1975, 1983, 1989, 1996, 2000, 2008, 2013), что свидетельствует о её живой природе и способности адаптироваться к новым вызовам [12]. Например, в редакции 2000 года было введено требование о пост-исследовательской заботе (post-trial care), подчёркивающее ответственность исследователя за здоровье участника после завершения исследования [23].

Таким образом, к концу XX века сформировалась устойчивая международная система защиты участников исследований, в центре которой стоял принцип информированного согласия. Однако, как показали последующие события, нормативное признание не означало автоматического этического следования. Исследования продолжали сталкиваться с проблемами формализма, неполного информирования и давления на участников, что потребовало дальнейших реформ.

Часть 3. Реформа 2017 года – ключевая информация как попытка преодолеть формализм

Несмотря на устоявшуюся нормативную базу, к началу XXI века стало очевидно, что традиционный процесс получения информированного согласия сталкивается с системными ограничениями. Длинные, юридически сложные формы, написанные на языке, недоступном для большинства участников, превратили согласие из акта этического диалога в формальную процедуру, направленную в первую очередь на защиту исследователя, а не на обеспечение автономии участника [3]. В ответ на эти вызовы в 2017 году были внесены значительные поправки в «Общее правило» (45 CFR 46), вступившие в силу 21 января 2019 года, которые стали одной из самых важных реформ в истории регулирования исследований с участием людей [14].

Центральным нововведением стало требование о включении в начало документа об информированном согласии раздела с ключевой информацией (Key Information Section). В тексте правила указано: «Информированное согласие должно начинаться с краткого и целенаправленного изложения ключевой информации, которая, скорее всего, по-

может потенциальному участнику или его законному представителю понять причины, по которым он может захотеть или не захотеть участвовать в исследовании» [14]. Этот раздел должен быть организован и представлен таким образом, чтобы облегчить понимание.

Цель изменения была четко сформулирована: сделать информацию более доступной и повысить уровень понимания участниками сути исследования, его рисков, выгод и требований к участию.

Однако, как показывает практика, реализация этого нововведения столкнулась с серьёзными трудностями. Основная проблема заключается в отсутствии конкретных методических указаний относительно структуры, объёма и стиля изложения ключевой информации [23].

Такой формальный подход, хотя и обеспечивает соответствие требованиям, не достигает цели улучшения понимания. Раздел, состоящий из сухого перечисления элементов, за которым следует фраза «подробная информация содержится в последующих разделах», не помогает участнику сформировать ясное представление о сути исследования. Более того, это может создать иллюзию информированности, не подкреплённую действительным пониманием [17].

Кроме того, новые правила не решили проблему общей длины и сложности форм согласия. Напротив, добавление нового раздела увеличило объём документов, не упростив при этом остальную часть. Исследования показывают, что средняя длина формы согласия в США превышает 20 страниц, а уровень удобочитаемости остается трудно воспринимаемым для людей без медицинского образования [24]. Это означает, что даже при наличии «ключевой информации» большинство участников не в состоянии полноценно оценить все аспекты исследования.

Таким образом, реформа 2017 года, несмотря на благие намерения, столкнулась с парадоксом: новое требование, призванное упростить процесс, на практике часто приводит к его дальнейшей бюрократизации. Это свидетельствует о том, что нормативные изменения должны сопровождаться методическими рекомендациями, обучением исследователей и постоянной оценкой эффективности. Только в этом случае ключевая информация сможет выполнить свою миссию – стать мостом между исследователем и участником, а не очередной формальностью.

Часть 4. Современная Россия – эволюция нормативного регулирования и перспективы

Принцип информированного добровольного согласия представляет собой один из краеугольных камней современной медицинской этики, отражающий переход от патерналистской модели врач-пациент к партнерской. В российском здравоохранении этот принцип прошел долгий путь от формального признания до постепенной интеграции в клиническую практику. Новый Приказ Министерства здравоохранения РФ от 04.04.2025 № 165н, вступающий в силу

с 1 сентября 2025 года, знаменует собой очередной этап в эволюции нормативного регулирования этой важной области медицинских отношений [19].

С падением Советского Союза и переходом к рыночной экономике и правовому государству российская система здравоохранения начала процесс интеграции в международные правовые и этические стандарты. Ключевым этапом этого процесса стало принятие в 2011 году Федерального закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», в котором впервые на законодательном уровне было закреплено право пациента на информированное добровольное согласие. Статья 20 закона устанавливает, что медицинское вмешательство проводится только с согласия гражданина (или его законного представителя), которое должно быть добровольным, информированным и документально оформленным [11].

Параллельно с правовым закреплением развивалась и этическая нормативная база. В 2012 году был утвержден Кодекс профессиональной этики врача, в котором подчеркивается обязанность врача уважать автономию пациента, обеспечивать его право на информацию и получать добровольное согласие. Кроме того, Россия ратифицировала Конвенцию Совета Европы о правах человека и биомедицине в 2007 году, что означало международное обязательство признавать свободное и информированное согласие как необходимое условие любого вмешательства в телесную неприкосновенность [20].

Нормативное регулирование информированного согласия в России прошло несколько этапов. После принятия Федерального закона № 323-ФЗ в 2011 году Министерство здравоохранения издало Приказ от 21 июля 2015 г. № 474н, утвердивший конкретные формы и порядок оформления информированного согласия. Данный приказ регулировал вопросы информированного согласия в рамках клинической апробации методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации [18].

В 2023 году был утвержден Приказ Минздрава РФ от 19 мая 2023 г. № 245н «Об утверждении Положения об организации клинической апробации методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации», который, согласно новому Приказу № 165н, определяет конкретный протокол клинической апробации, на основании которого оформляется информированное согласие [22].

Новым этапом в развитии регулирования стала публикация Приказа Минздрава РФ от 04.04.2025 № 165н, который вступает в силу с 1 сентября 2025 года и действует до 1 сентября 2031 года. Данный документ признает утратившим силу предыдущий Приказ от 21 июля 2015 г. № 474н, что свидетельствует о необходимости обновления нормативной базы в свете накопленного опыта и новых вызовов.

Новый Приказ представляет собой комплексный документ, утверждающий Порядок дачи информированного добровольного согласия на меди-

цинское вмешательство и отказа от медицинского вмешательства, в том числе в отношении определенных видов медицинского вмешательства при оказании медицинской помощи в рамках клинической апробации методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации [19].

Одним из ключевых нововведений нового Приказа является расширение возможностей оформления информированного согласия в электронном виде. В условиях активной цифровизации российского здравоохранения, о которой свидетельствуют исследования последних лет, данное нововведение отвечает современным тенденциям и позволяет повысить доступность и прозрачность процесса информирования пациентов.

В новом Приказе четко прописаны требования к информации, предоставляемой пациенту перед оформлением согласия: цели, характер, содержание, объем, возможные риски, последствия отказа и альтернативные методы лечения. Особое внимание уделено необходимости разъяснения пациенту его права отказаться от одного или нескольких видов медицинского вмешательства на любом этапе оказания помощи, что соответствует международным стандартам и Конвенции в Овьедо.

Следует отметить, что новый Приказ учитывает критику предыдущих форм согласия, которые часто составлялись на сложном юридическом языке и превышали 5–7 страниц, что затрудняло их понимание пациентами.

Новые формы информированного согласия, утвержденные Приказом, ориентированы на повышение доступности информации для пациентов и соответствуют принципу ясного языка в медицинской коммуникации.

Несмотря на прогресс в нормативном регулировании, между формальным правовым признанием и реальной клинической практикой сохраняется значительный разрыв. Как показывают исследования, в большинстве медицинских учреждений процесс информирования пациентов сводится к формальному подписанию стандартной формы без достаточного устного объяснения.

Одной из серьезных проблем остается низкий уровень медицинской грамотности населения. Многие пациенты не осознают, что имеют право отказаться от вмешательства, задавать вопросы или требовать дополнительную информацию. Культурное наследие советского патернализма, при котором врач – непререкаемый авторитет, продолжает влиять на поведение как пациентов, так и врачей [12].

В научных исследованиях ситуация несколько лучше, особенно в проектах, финансируемых из-за рубежа или соответствующих стандартам GCP (хорошая клиническая практика), где внедрены требования к независимым этическим комитетам. Однако и здесь наблюдаются проблемы: этические комитеты часто сосредоточены на соответствии формальностям, а не на оценке реального понимания участниками [8].

Россия, стремясь к интеграции в международное медицинское сообщество, постепенно адаптирует свои нормы к международным стандартам. Новый Приказ от 04.04.2025 № 165н отражает эту тенденцию, учитывая современные вызовы, связанные с цифровизацией здравоохранения и необходимостью защиты персональных данных пациентов [19].

Заключение

Информированное согласие – это не просто юридическая формальность или административная процедура, а фундаментальный этический принцип, лежащий в основе уважения к человеческому достоинству, автономии и праву на самоопределение в сфере здравоохранения. Его история – это путь от патерналистской модели, в которой врач распоряжался телом пациента «во благо», к признанию пациента как субъекта медицинского процесса, обладающего правом на информацию, участие в принятии решений и отказ от вмешательства.

Этот путь был неровным и противоречивым. Он начался задолго до Нюрнбергского процесса – в судебных прецедентах XVIII–XIX веков, таких как Шаттак против Бейли и Салливан против Троуэр, где впервые было провозглашено право человека на неприкосновенность своего тела. Холокост и преступления нацистской медицины стали трагическим катализатором, приведшим к международному закреплению этого принципа в Нюрнбергском кодексе (1947) и последующих документах – Хельсинкской декларации (1964), Белмонтском докладе (1979) и Овьедоской конвенции (1997). Эти документы заложили основу глобальной этической системы, в которой интересы участника ставятся выше интересов науки и общества.

Литература

1. Андрианова В. В., Асташкина М.А., Савошкова Е.В. Информированное добровольное согласие пациента как условие медицинского вмешательства // *Право и государство: теория и практика*. 2023. № 4. С. 231–233.
2. Пестрикова А. А., Сморгочкова Л.Н. Информированное согласие как правовое средство регулирования медицинских отношений // *Правовое государство: теория и практика*. 2024. № 2. С. 154–162.
3. Чепис Д.С. Отдельные проблемы правового регулирования использования человеческих эмбрионов на современном этапе развития // *Правовое государство: теория и практика*. 2024. № 10. С. 305–310.
4. Шипова Е.А. Международная защита прав человека в геномных исследованиях // *Правовое государство: теория и практика*. 2020. № 2. С. 157–165.
5. Лядова А. В., Лядова М.В. От патернализма к консьюмеризму: смена парадигмы взаимодействия врача и пациента // *Россия в современном мире*. 2023. Т. 1. С. 24–32.
6. Пестрикова А. А., Сморгочкова Л.Н. Особенности институтов информированного согласия и права собственности при правовом регулировании отношений, связанных с биологическим материалом человека // *Актуальные проблемы российского права*. 2022. Т. 17, № 12. С. 110–120.
7. Барбашина Э.В. Принцип автономии пациента: возможное и действительное // *Вестник Томского государственного университета. Философия*. 2019. Т. 449. С. 64–70.
8. Горячева Т.С. Законодательное регулирование медико-биологических исследований с участием человека: историко-правовой аспект // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2022. Т. 1. С. 132–135.
9. Синченко Г.Ч. Нюрнбергский кодекс 1947 года в калейдоскопе интерпретаций и противоречий // *Правовое государство: теория и практика*. 2021. № 2. С. 11–20.
10. Устав Всемирной медицинской ассоциации. Этические принципы проведения медицинских исследований с участием людей в качестве субъектов исследования (Декларация Хельсинки). Международная Медицинская Ассоциация (WMA), 1964, с изменениями. URL: <https://www.wma.net/policies-post/wma-declaration-of-helsinki-ethical-principles-for-medical-research-involving-human-subjects/> (дата обращения: 02.08.2025).
11. Хородовенко В. В., Пашков В.М., Удовыка Л.Г. Международные правовые инструменты в области биоэтики и их влияние на защиту прав человека // *Wiadomości Lekarskie*. 2020. Т. 73, № 7. С. 1554–1560.
12. Петров В.А. Реформы системы здравоохранения в контексте социальной политики // *Экономика и социум*. 2020. Т. 11, № 78. С. 1115–1124.
13. Мыльников И.С. Информированное согласие в России: злоупотребления и искажения // *Медицинская этика*. 2021. Т. 9, № 1. С. 51–56.
14. Yarrow M. Rescuing informed consent: how the new “Key Information” and “Reasonable Person” provisions in the revised U.S. Common Rule open the door to long overdue informed consent disclosure improvements and why we need to walk through that door // *Science and Engineering Ethics*. 2020. Vol. 26, No. 3. Pp. 1423–1443.
15. Павлова Ю.В. Первичная медицинская документация как объект экспертной оценки качества и безопасности медицинской деятельности // *Медицинское право*. 2020. № 6. С. 15–21.
16. Кобец П.Н. Правовые основы привлечения к уголовной ответственности медицинских работников за совершение противоправных деяний в советский и постсоветский периоды // *Russian Journal of Economics and Law*. 2022. Т. 16, № 1. С. 106–121.

17. Тявокина Е. Ю., Барсукова И. М., Бумай А. О. Информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство при оказании экстренной медицинской помощи пациентам с расстройствами психики и поведения // *Скорая медицинская помощь*. 2020. Т. 21, № 1. С. 15–21.
18. Мониторинг правоприменения статьи 20 Федерального закона № 323-ФЗ. СПбГУ: Центр права, 2020. URL: <https://pravoprim.spbu.ru/yurisprudentsiya/zashchita-prav-grazhdan/item/504-informirovannoe-dobrovolnoe-soglasie-na-meditsinskoe-vmeshatelstvo.html> (дата обращения: 02.08.2025).
19. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 04.04.2025 № 165н «Об утверждении порядка дачи информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и отказа от медицинского вмешательства, в том числе в отношении определенных видов медицинского вмешательства, при оказании медицинской помощи в рамках клинической апробации методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации и форм указанных согласия и отказа» (Зарегистрирован 05.05.2025 № 82057) – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202505060004> (дата обращения: 02.08.2025).
20. Сон И. М., Гончаревская З. Л., Киндюк В. В. Информированное добровольное согласие – реализация пациентоориентированных технологий в медицинских организациях // *Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики*. 2023. № 3. С. 1070–1086.
21. Алексеева С. С., Стародубцев М. Э. Информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство: фигура и роль врача // *Российский кардиологический журнал*. 2021. № 1. С. 69–72.
22. Hertz R., Nelson M. K. Random families: genetic strangers, sperm donor siblings, and the creation of new kin // *Society*. 2019. Vol. 56. P. 524–527.
23. King N. M. P. Key information in the new Common Rule: can it save research consent? // *Journal of Law, Medicine & Ethics*. 2019. Vol. 47, № 2. P. 203–212.
24. Чередниченко Д. В. Этические рекомендации и правовые стандарты оформления согласия и отказа пациента в отношении медицинского вмешательства // *Проблемы здоровья и экологии*. 2023. Т. 20, № 2. С. 115–127.

SOCIO-HISTORICAL ASPECTS OF VOLUNTARY INFORMED CONSENT TO MEDICAL INTERVENTION AND REFUSAL OF MEDICAL INTERVENTION

Shubin L. B.

Yaroslavl State Medical University of the Ministry of Health of Russia

Informed consent is a fundamental principle of modern medical ethics, ensuring patient autonomy and the protection of their rights. This article examines the historical evolution of this principle – from early legal precedents of the 18th-19th centuries to its formal codification in the Nuremberg Code (1947) and the Declaration of Helsinki

(1964), as well as its implementation within the Soviet and contemporary Russian healthcare systems. Special attention is paid to the 2017 revision of the U.S. “Common Rule,” which introduced the requirement for a key information section, and to the challenges in its practical implementation, including formalism and low readability of consent forms. In modern Russia, despite formal compliance with international standards (Federal Law No. 323-FZ, ratification of the Oviedo Convention), practice often remains formalistic, indicating a gap between law and reality. The paper argues for a shift from documentary formalities to a genuine ethical dialogue, including simplifying language, using digital technologies, training healthcare providers, and developing national methodological guidelines. Thus, informed consent should not be a legal shield, but an act of respect for human dignity.

Keywords: informed consent; medical ethics; history of medicine; Nuremberg Code; Declaration of Helsinki; Soviet medicine; Federal Law No. 323-FZ; key information; patient autonomy; formalism.

References

1. Andrianova V. V., Astashkina M. A., Savoshikova E. V. Informirovannoe dobrovol'noe soglasie pacienta kak uslovie meditsinskogo vmeshatel'stva // *Pravo i gosudarstvo: teoriia i praktika*. 2023. No. 4. Pp. 231–233.
2. Pestrikova A. A., Smorchkova L. N. Informirovannoe soglasie kak pravovoe sredstvo regulirovaniia meditsinskih otnoshenii // *Pravovoe gosudarstvo: teoriia i praktika*. 2024. No. 2. Pp. 154–162.
3. Chepis D. S. Otdel'nye problemy pravovogo regulirovaniia ispol'zovaniia chelovecheskikh embrionov na sovremennom etape razvitiia // *Pravovoe gosudarstvo: teoriia i praktika*. 2024. No. 10. Pp. 305–310.
4. Shipova E. A. Mezhdunarodnaia zashchita prav cheloveka v genomnykh issledovaniakh // *Pravovoe gosudarstvo: teoriia i praktika*. 2020. No. 2. Pp. 157–165.
5. Liadova A. V., Liadova M. V. Ot paternalizma k konsumerizmu: smena paradigmy vzaimodeistviia vracha i pacienta // *Rossia v sovremennom mire*. 2023. Vol. 1. Pp. 24–32.
6. Pestrikova A. A., Smorchkova L. N. Osobennosti institutov informirovannogo soglasia i prava sobstvennosti pri pravovom regulirovanii otnoshenii, svyazannykh s biologicheskimi materialami cheloveka // *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*. 2022. Vol. 17, No. 12. Pp. 110–120.
7. Barbashina E. V. Printsip avtonomii pacienta: vozmozhnoe i deistvitel'noe // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofii*. 2019. Vol. 449. Pp. 64–70.
8. Goriacheva T. S. Zakonodatel'noe regulirovanie medikobiologicheskikh issledovaniy s uchastiem cheloveka: istoriko-pravovoi aspekt // *Pravovaia politika i pravovaia zhizn'*. 2022. Vol. 1. Pp. 132–135.
9. Sintchenko G. Ch. Nurnbergskaia kodex 1947 goda v kaleidoskope interpretatsii i protivorechii // *Pravovoe gosudarstvo: teoriia i praktika*. 2021. No. 2. Pp. 11–20.
10. Ustav Vsemirnoi meditsinskoi assotsiatsii. Etycheskie printsiipy provedeniia meditsinskih issledovaniy s uchastiem liudei v kachestve sub"ektov issledovaniia (Deklaratsiia Gelsinkii). Mezhdunarodnaya Meditsinskaia Assotsiatsiya (WMA), 1964, s izmeneniami. URL: <https://www.wma.net/policies-post/wma-declaration-of-helsinki-ethical-principles-for-medical-research-involving-human-subjects/> (access date: 02.08.2025).
11. Khorodovenko V. V., Pashkov V. M., Uduvka L. G. Mezhdunarodnye pravovye instrumenty v oblasti bioetiki i ikh vliianie na zashchitu prav cheloveka // *Wiadomości Lekarskie*. 2020. Vol. 73, No. 7. Pp. 1554–1560.
12. Petrov V. A. Reformy sistemy zdravookhraneniia v kontekste sotsial'noi politiki // *Ekonomika i sotsium*. 2020. Vol. 11, No. 78. Pp. 1115–1124.
13. Milyn'kova I. S. Informirovannoe soglasie v Rossii: zloupotrebleniia i iskazheniia // *Meditsinskaia etika*. 2021. Vol. 9, No. 1. Pp. 51–56.
14. Pavlova Iu. V. Pervichnaia meditsinskaia dokumentatsiia kak ob"ekt ekspertnoi otsenki kachestva i bezopasnosti meditsinskoi deiatel'nosti // *Meditsinskoe pravo*. 2020. No. 6. Pp. 15–21.
15. Yarborough M. Rescuing informed consent: how the new “Key Information” and “Reasonable Person” provisions in the revised U.S. Common Rule open the door to long overdue informed consent disclosure improvements and why we need to walk

- through that door // Science and Engineering Ethics. 2020. Vol. 26, No. 3. Pp. 1423–1443.
16. Kobets P.N. Pravovye osnovy privlecheniia k ugolovnoi otvetstvennosti meditsinskikh rabotnikov za sovershenie protivopravnykh deianii v sovetskii i postsotsialisticheskii periody // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Vol. 16, No. 1. Pp. 106–121.
17. Tiavokina E. Iu., Barsukova I.M., Bumai A.O. Informirovanoe dobrovol'noe soglasie na meditsinskoe vmeshatel'stvo pri okazanii avariinoi meditsinskoi pomoshchi pacientam s rasstroistvami psikhii i povedeniia // Skoraia meditsinskaia pomoshch'. 2020. Vol. 21, No. 1. Pp. 15–21.
18. Monitoring pravoprimeneniia stat'ii 20 Federal'nogo zakona № 323-FZ. SPbGU: Tsentr prava, 2020. URL: <https://pravoprim.spbu.ru/yurisprudentsiya/zashchita-prav-grazhdan/item/504-informirovanoe-dobrovolnoe-soglasie-na-meditsinskoe-vmeshatelstvo.html> (access date: 02.08.2025).
19. Order No. 165n of the Ministry of Health of the Russian Federation dated 04.04.2025 "On Approval of the Procedure for Giving Informed Voluntary Consent to Medical Intervention and Refusal of Medical intervention, including in relation to Certain Types of Medical intervention, in the provision of medical care within the framework of clinical testing of methods of prevention, diagnosis, treatment and rehabilitation and forms of such consent and refusal" (Registered 05.05.2025 № 82057) – [Electronic resource]. Access mode: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202505060004> (date of request: 08/02/2025).
20. Son I. M., Goncharevskaia Z.L., Kindiuk V.V. Informirovanoe dobrovol'noe soglasie – realizatsiia paciento-orientirovannykh tekhnologii v meditsinskikh organizatsiiakh // Sovremennye problemy zdavookhraneniia i meditsinskoi statistiki. 2023. No. 3. Pp. 1070–1086.
21. Alekseeva S. S., Starodubtsev M.E. Informirovanoe dobrovol'noe soglasie na meditsinskoe vmeshatel'stvo: figura i rol' vracha // Rossiiskii kardiologicheskii zhurnal. 2021. No. 1. Pp. 69–72.
22. Hertz R., Nelson M.K. Random families: genetic strangers, sperm donor siblings, and the creation of new kin // Society. 2019. Vol. 56. P. 524–527.
23. King N. M.P. Key information in the new Common Rule: can it save research consent? // Journal of Law, Medicine & Ethics. 2019. Vol. 47, No. 2. P. 203–212.
24. Cherednichenko D.V. Etycheskie rekomendatsii i pravovye standarty oformleniia soglasia i otkaza pacienta v otnoshenii meditsinskogo vmeshatel'stva // Problemy zdorov'ia i ekologii. 2023. Vol. 20, No. 2. Pp. 115–127.

Проблемы правового регулирования цифровых платформ в российской правовой системе

Шульженко Владислав Сергеевич,

аспирант, Российский государственный университет
правосудия им. В.М. Лебедева
E-mail: mattbeker@mail.ru

Предметом исследования становится выявление существующих проблем, связанных с правовым регулированием цифровых платформ. Целью работы является исследование различных подходов к этому понятию, как в среде ученых разных специальностей, так и в действующем законодательстве и выявление необходимости внесения этого определения в законодательство Российской Федерации. При написании статьи использованы общенаучные методы (анализа и синтеза), специальные (формально-юридический и сравнительно-правовой), системный и кейс-стади. Результатом исследования стало выявление проблем, возникших в связи со стремительным развитием цифровых технологий, отставанием законодательного регулирования и внесение предложений по его усовершенствованию. На основе проведенного анализа обоснована необходимость установления публично-правового режима цифровых платформ как результата интеллектуальной деятельности и предложены модели его регулирования.

Ключевые слова: цифровая платформа, интеллектуальная деятельность, общество, технологии, правовое регулирование, платформенное право, правоприменительная практика, публично-правовой режим.

Необходимость усовершенствования правового регулирования цифровых платформ является актуальным вопросом для всего мирового сообщества, но в большей степени затрагивает США, Россию, Китай и страны ЕС. Эти страны, как наиболее высокотехнологичные, в целом объединяет широкое распространение цифровых платформ для ведения бизнеса. При этом, на законодательном уровне, предпринимаются попытки урегулирования не только прав потребителей и защиты конкуренции, но и цифровизации государственных услуг. Государства имеют схожий подход к политике развития цифровых технологий на государственном уровне. Поэтому в условиях общемирового процесса цифровой трансформации «возникает необходимость в новом подходе к пониманию и регулированию цифровых экосистем» [14, с. 326].

Правовые отношения между государством и гражданским обществом, как правило, исторически имели вертикальный характер, и выстраивались при помощи общеобязательных и санкционированных государством правил. В цифровом информационном обществе плоскость взаимоотношений поменялась с вертикальной на горизонтальную. Оно включает в себя взаимодействие разных субъектов (владельцы платформы, специалисты-разработчики ПО, провайдеры, торговые агенты и государство). Их отношения попадают в правовое поле, где сталкиваются интересы государства, создателей и пользователей. В некоторой степени эти правоотношения в настоящее время регулируются гражданским законодательством, однако частичное регулирование не решает проблему разобщенности юридических норм и имеющиеся законодательные пробелы в сфере цифровых технологий.

Существующая правовая система РФ входит в некоторое противоречие с основными мировыми тенденциями развития цифровой экономики, так как: «строится на принципах централизованного контроля, персональной ответственности и обязательной идентификации субъектов» [16, с. 282]. В России цифровые технологии способствовали всплеску активности предпринимательской деятельности, и в ускоренном порядке внедряются не только в экономическую, но и в социальную жизнь общества. Правовые институты не успевают за стремительным развитием цифровизации, так как «новые формы общественных отношений нуждаются в надлежащем правовом регулировании» [9, с. 9].

Характеристика современного цифрового рынка представлена:

- высокой скоростью развития и динамизмом;
- инновационностью;
- тенденцией владельцев онлайн-платформ к завоеванию новых рынков и укрупнению своей деятельности.

Одной из значимых проблем становится отсутствие общего подхода к понятию «цифровая платформа» как в законодательной, так и в научной сфере. Поэтому ученые предлагают рассматривать ее в разных аспектах. Наиболее распространенным стало ее восприятие через роль посредника в онлайн-торговле.

Экономисты видят в ней «современную форму организации и развития экономических отношений», один из видов «хозяйственной деятельности, который является «базисом всего спектра коммуникаций в треугольнике «бизнес-потребители-государство» [5, с.33–34]. IT-специалисты рассматривают ее в качестве «инновационной формы взаимодействия участников виртуального пространства», предприниматели оценивают ее потенциал с точки зрения приносящей прибыль бизнес-модели.

Особенно много мнений на этот счет сформировалось в юридической среде: Отдельные юристы рассматривают ее в качестве «объекта правового воздействия» [13, с. 173], так как она является не только посредником, но и несет в себе определенную организационную составляющую [12] или как «комплекс технологических решений в цифровом пространстве сети Интернет» [10, с. 25].

По мнению А.А. Гретченко такое разнообразие подходов связано с многообразием их видов: «инструментальные, инфраструктурные, прикладные, отраслевые» [7].

Сравнивая отношения реального и виртуального мира, представители юридической науки приходят к выводу о необходимости их упорядоченности при помощи норм права и вводят для этого новую юридическую категорию: «платформенное право» [2, с. 245].

Сложность правового регулирования цифровых правоотношений заключается в столкновении трех видов регулирующих норм:

- общеправовых принципов и норм;
- технико-правовых и специальных, связанных с деятельностью определенной цифровой платформы.

Не только понятие, но и правовой статус цифровых платформ до настоящего времени не получил конкретного определения в российском законодательстве, есть опыт внедрения термина для цели предоставления субсидий в Правилах, утвержденных Постановлением Правительства РФ¹.

В Российском профессиональном юридическом сообществе активно обсуждались и обсуждаются

¹ Постановление Правительства РФ от 30.04.2019 № 529 «Об утверждении Правил предоставления субсидий российским организациям на возмещение части затрат на разработку цифровых платформ и программных продуктов в целях создания и (или) развития производства высокотехнологичной промышленной продукции» // URL.: <http://government.ru/docs/all/121805/> (дата обращения 26.07.2025).

темы введения цифрового рубля, внедрения цифровой платформы «МАХ» (собственником и бенефициаром которой на настоящий момент не является государство), и ряда других работающих на базе «блокчейн» технологий, которые будут затрагивать интересы людей, общества и государства. При этом, название «цифровая платформа» активно используется в нормативных правовых актах – к примеру, в Распоряжении от 12.06.2025 г. № 1880-р.

Правовую природу цифровых платформ пытаются исследовать юристы в отдельных отечественных трудах, и нельзя не согласиться с авторами, которые описывают цифровую платформу как виртуальный объект прав разработчика, обладающий стоимостью и являющийся имуществом. Однако, термина «цифровая платформа» в Гражданском кодексе Российской Федерации, нет.

Цифровые платформы затрагивают интересы ее собственника (разработчика), оператора, посредников, пользователей и потребителей, то есть широкого круга лиц. Пользование цифровыми платформами предполагает получение услуг, как государственных (Госуслуги), так и коммерческих (Вайлдберриз).

Имущественные, интеллектуальные и иные аналогичные права регулируются Гражданским кодексом Российской Федерации, поэтому логично дополнить термин «цифровая платформа» именно в ГК РФ.

Цифровые платформы используются как государством, так и бизнесом и бывают как централизованные, так и децентрализованные. На практике права на цифровые платформы уже закрепляются как за государством, так и за частными организациями. Для защиты прав собственников интеллектуальных прав на цифровые платформы необходимо дать понятие этому продукту.

Д.ю.н. Г.Г. Бриль акцентирует внимание на том, что в зависимости от выполняемых функций цифровая платформа попадает под регулирование различными отраслями права. Выполнение функций «посредника в электронной коммерции регулируется законодательством о торговле и гражданским правом» [4, с.334].

Одной из проблем правового регулирования становятся вопросы ответственности. Например, посредники не несут ответственность за качество продаваемого на их площадках товара (Avito, Ozon и т.д.).

Другую проблему следует обозначить как необходимость обеспечения «защиты персональных данных и прав потребителей» [15, с. 108].

Третья проблема связана с обширностью и многогранностью рынка контроля, что представляет сложности в определении границ цифрового рынка.

Четвертая проблема продиктована неопределенностью «правового статуса оператора платформы, который является центральной фигурой» [8, с. 7].

Пятая проблема является прямым следствием отсутствия единого подхода к правосубъектности ее участников.

Как отмечено автором данной статьи «субъекты сделки идентифицируются через правовой статус (физическое или юридическое лицо) регистрационные данные и другие параметры. В блокчейне же возможны анонимные транзакции» [16, с. 284], что несовместимо с линией государства о прозрачности и открытости управленческих механизмов.

Главная цель правового регулирования заключается в обеспечении честной конкуренции и направлена на защиту интересов поставщиков и потребителей. При функционировании отдельно созданных цифровых платформ необходим регламентированный законом государственный контроль и определение ответственности за несанкционированные законодательством действия.

В связи с отсутствием необходимой нормативно-правовой базы восполнять существующие правовые пробелы приходится судам и административным органам.

Спорные вопросы, связанные с имуществом, трудовыми правоотношениями лиц, работающих с использованием цифровых платформ и их налогообложением, определением особенностей правового статуса ее участников решаются при помощи правоприменительной практики, что представляется не желательным явлением, учитывая особенности романо-германской правовой системы.

Рассмотрим, как разрешаются в судебной системе правовые коллизии на конкретных примерах.

Одним из требований при закупке со стороны заказчика «НМИЦ радиологии» Минздрава России стало происхождение ПО (программного обеспечения) из РФ или ЕАЭС. Исполнитель ООО «ДИВЕЙ» сообщил, что использует российское ПО. Впоследствии было установлено, что отдельные программные продукты не входят в реестр российского и евразийского ПО, а значит, это является нарушением требований при закупке. Следствием стал отказ заказчика от контракта в одностороннем порядке, в связи с тем, что исполнителем был нарушен принцип добросовестности в части предоставления документов с недостоверной информацией. В ходе судебного разбирательства в апелляционной инстанции стало известно, что программные продукты, используемые исполнителем: «Simbix. Аналитический портал» и «Simbix. Интеграционный портал» включены в реестр российского ПО. Исполнитель полагал, что, что наличие Свидетельств, выданных Федеральной службы по интеллектуальной собственности РФ достаточно для подтверждения факта его российского происхождения. Суд принял решение о признании контракта действительным и недействительности решения об его одностороннем расторжении¹.

¹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19.09.2024 № 09АП-49495/2024 по делу № А40-215708/202 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/MVYvDPkD83LY/?arbitral-txt=&arbitral-case_

В другом судебном разбирательстве ТОО «КРА-УДВИЗ» осуществляла продажу токенов (цифрового финансового актива) – на цифровой платформе ICO Adm.in, которая ответчику не принадлежит. Пользуясь своими правами интеллектуального собственника, ICO Adm.in заблокировал платформу. По мнению истца, криптовалюта, собранная в результате цифрового (виртуального) процесса публичного привлечения финансирования в бизнес-проект в обмен на предоставление компанией собственных токенов, неправомерно удерживается ответчиками.

Суд в Постановлении указал, что обращение цифровой валюты происходит по системе «блок-чейна», отнес криптовалюту к имуществу, сделал отсылку к интеллектуальной собственности. Отказывая в иске суд также указал, что Истец не представляет и не ссылается ни на один первичный документ – договор, соглашение, акт, ведомость, платежный документ, протокол, первичный бухгалтерский документ, выписку по счету и т.д. и принял решение об отказе в удовлетворении требования о взыскании не полученного дохода².

Таким образом, неурегулированность данных вопросов в законодательстве приводит к огромному массиву дел, связанных с цифровым правом и деятельностью онлайн-платформ в судах.

В настоящее время в отдельно взятых законах сделаны попытки дать определение «цифровая платформа», но именно в целях применения отдельного закона и регулирования государственных цифровых платформ. Например, в Федеральном законе от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации», описаны характеристики единой цифровой платформы в сфере занятости и трудовых отношений, в Федеральном законе от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» – единой централизованной цифровой платформы в социальной сфере, в Федеральном законе от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» – платформы цифрового рубля, и так далее.

В статье 1253.1 ГК РФ внесено понятие «цифрового посредника», по мнению ряда ученых «цифровые (онлайн) платформы могут рассматриваться как цифровые посредники, осуществляющие функции агрегаторов информации о товарах (услугах)» [1, с.23].

В Концепции государственного регулирования цифровых платформ и экосистем определена необходимость их правовой защиты от зарубежных аналогов, и создания равных условий для цифровых гигантов и новичков на этом рынке. В документе «цифровые платформы определены как программы для ЭВМ, обеспечивающие совершение сделок между продавцами и покупателями» [11].

doc=09АП-49495%2F2024+&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&_id=1753882754837 (дата обращения 30.07.2025).

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.06.2020 N Ф05-7176/2020 по делу № А40-164942/2019 // URL <https://sudact.ru/arbitral/doc/vUuWu4jiaxJB/> (дата обращения 30.07.2025)

Одним из основных инструментов саморегулирования цифровых платформ по мнению А.В. Шелепова, становятся «принципы взаимодействия участников цифровых рынков» [17].

31 июля 2025 года подписан Федеральный Закон «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», которым регулируется деятельность цифровых платформ, однако не всех. Закон разработан для регулирования экономической деятельности маркетплейсов и других сервисов, через которые пользователи заключают сделки и оплачивают товары или услуги. Согласно пояснительной записке к этому законопроекту № 959244–8, планируется регистрация таких площадок в специальном реестре ПЦП, который будет вести федеральный орган исполнительной власти, наделенный соответствующими полномочиями Правительством РФ. Принятый Закон закрепляет такие понятия как «платформенная экономика», «цифровая платформа» и другие.

15 июля 2025 года принят Законопроект «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», связанный с осуществлением расчетов цифровыми рублями.

Поскольку вопрос о применении цифрового рубля в последнее время активно обсуждается, по аналогии с криптовалютами необходимо определить основу, так сказать «законодательный фундамент» для реализации этого механизма в правовом поле, а также предусмотреть право человека отказаться от использования этой технологии. Не все живут в мегаполисах и имеют доступ к высоким технологиям и обладают мессенджером последнего поколения. Стоит хорошо взвесить реалии нашего времени, за каждым таким решением стоит не один человек, а целые российские семьи.

Граждане не должны пострадать от эксперимента с цифровыми платформами, цифровыми валютами или иными новациями. Последствия подобных решений затронут права не одного человека, а многих граждан, поэтому следует помнить о статье второй Конституции РФ – права человека являются высшей ценностью государства, которые оно обязано защищать.

Деятельность онлайн-платформ, заявляемых как государственные и национальные, следует строго регламентировать нормами законодательства. Для этого необходимо определить их гражданско-правовую природу как результата интеллектуальной деятельности и осуществить «разработку комплексного нормативного акта для крупных цифровых платформ» [6, с.187].

Российские правоведы считают необходимым прийти к единому мнению по поводу этого понятия и определить его как «интегрированную многофункциональную информационную систему в сети Интернет, основанную на цифровых технологиях» [3, с. 38]. Предлагают установить публично-правовой режим цифровых платформ и набор возможных вариантов для урегулирования их существования:

- 1) саморегулирование или техническая стандартизация;
- 2) проведение комплексного анализа рынка цифровых платформ и на его основе разработка Примерных рекомендаций;
- 3) унификация терминологии, определение критериев и параметров доминирующих платформ, усовершенствование механизма административной ответственности перед потребителями услуг и защиты их прав, обновление инструменты конфиденциальности;
- 4) использование принципов гибкости и динамичности при взаимодействии агентов через цифровые платформы;
- 5) определение правового статуса лиц, работающих на цифровых платформах.

В плане саморегулирования их деятельности уже принятые «Принципы взаимодействия участников цифровых рынков» следует «дополнить списком типичных для цифровых платформ недобросовестных антиконкурентных практик» [17, с. 120]. Исходя из того, что «агрегаторы стали объектами права, а владельцы – субъектами права» [1, с. 23] на государственном уровне необходимо разработать единый правовой подход к урегулированию их деятельности с учетом их специфики, предусмотрев необходимый мониторинг и контроль.

Также предлагается использовать положительный зарубежный опыт, всем пользователям необходимо предоставить одинаковые равные условия для сравнения и выбора необходимых им цифровых услуг; обеспечить их прозрачность, что позволит поддерживать доверие к ним потребителей.

Варианты внесения изменений в Гражданский кодекс РФ обсуждаются в юридическом сообществе, например предложение о внесении изменений в часть I, гл. 4 «Юридические лица», закрепив «новую статью, определяющую понятие цифровой (онлайн) платформы» [3, с. 38]. В этой главе ГК РФ юридические лица выделены как корпоративные и унитарные, некоммерческие, производственные кооперативы и так далее. Однако, российское законодательство уже идет по другому пути, в том числе приняв на федеральном уровне Закон № 289-ФЗ.

С учетом реалий и уже принятых правовых норм, в том числе на международном уровне, можно рассмотреть иные варианты для регулирования правоотношений, связанных с цифровыми платформами, а также использовать уже зафиксированные в актах термины.

Следует отметить, что в декабре 2024 года подписан Декрет Высшего Государственного Совета Союзного государства № 6, утвердивший «Единые правила в области защиты прав потребителей» для Республики Беларусь и Российской Федерации», в котором «цифровой продукт» обозначен как объект гражданских прав, зафиксированный с помощью цифровых технологий.

Сложно дать определение цифровым продуктам в рамках огромного цифрового пространства, но с учетом уже имеющихся в гражданском оборо-

те терминов, которые иногда применяются в судебной и административной практике, можно адаптировать новые технологии применительно к действующему российскому законодательству.

К примеру, с учетом судебной практики, можно признать блокчейн-платформы в качестве «юридически значимых систем фиксации сделок и дополнить статью 160 ГК РФ» [16, с. 285].

В российской правовой системе уже имеются некоторые юридические механизмы, с помощью которых можно пробовать выстроить хотя бы рамочную систему правового регулирования цифровых платформ. Дальнейшее промедление законодательного урегулирования по этому вопросу, как и по другим новациям в сфере новых технологий, повышает риски различных правовых нарушений, а зачастую и преступлений.

Необходимо не только дать определение «цифровой платформы», но и закрепить имущественные права владельца результата интеллектуальной деятельности, или нового собственника цифрового имущества.

Представляется целесообразным дополнить Гражданский кодекс Российской Федерации новой статьей, выделив отдельно государственные цифровые платформы, и дав определение частной цифровой платформе, к примеру следующим образом.

Цифровая платформа – имущественный цифровой актив, находящийся в государственной собственности или в собственности физических или юридических лиц, подтвержденной исключительным правом этих лиц, полученным и (или) зарегистрированным в установленном законом порядке.

Государственная цифровая платформа – находящийся в собственности Российской Федерации имущественный цифровой актив, созданный для реализации государственных функций и задач, оператором которого является уполномоченный орган государственной власти.

Частная цифровая платформа – имущественный цифровой актив, находящийся в частной собственности физических или юридических лиц, исключительные или иные законные права которых на такой актив переданы, получены и (или) зарегистрированы в установленном законом порядке.

Дополнительные основания и аргументы почему можно ввести эти термины в Гражданский кодекс Российской Федерации, следующие.

Право государственной собственности раскрывается в статье 214 ГК РФ, и согласно статье 125 ГК РФ органы государственной власти могут приобретать имущественные права в рамках своей компетенции.

Вопросы передачи исключительных прав также регулируются ГК РФ (часть четвертая).

Разделить компетенции частной и государственной цифровых платформ можно опираясь на действующие законодательные акты.

Полномочия органов государственной власти закреплены нормативными правовыми актами, например, в «Положении о Министерстве цифрового

развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации», утвержденном Постановлением Правительства РФ от 02.06.2008 № 418, имеется раздел «Полномочия», который включен в положения о других государственных органах власти.

В отношении цифровых платформ, как и иного имущества, можно осуществлять оценку, определять конечную стоимость продукта, постановку на баланс. Термин «актив» в российском законодательстве, как правило, употребляется для бухгалтерского учета. Однако, если рассматривать цифровые платформы как имущественный актив, в российском законодательстве можно найти необходимые нормы права.

В Распоряжении Правительства РФ от 10.05.2017 № 894-р «Об утверждении Методических рекомендаций по выявлению и отчуждению непрофильных активов» понятие «актив» определено как имущество, в число которых включены имущественные права, а также результаты работ и оказание услуг, охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность), любые иные объекты гражданских прав, принадлежащие на праве собственности организациям.

По смыслу пункта 1 статьи 48 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта 2 статьи 11 Налогового кодекса Российской Федерации организация – это любое юридическое лицо, в том числе органы государственной власти, что подтверждается нормативными актами, регулирующими деятельность того или иного государственного органа. Так, в Постановлении Правительства Российской Федерации от 05.06.2008 № 437 «О Министерстве экономического развития Российской Федерации» указан его статус как юридического лица.

Сегодня цифровые платформы способствуют формированию нового экономического ландшафта экономики и безусловно нуждаются в скорейшем усовершенствовании правового регулирования.

Литература

1. Акбердина В.В., Барыбина А.З., Никулина Е.А. Нормативно-правовое законодательство как способ регулирования деятельности цифровых платформ // Вестник Академии знаний. 2024. № 1 (60). С. 20–25.
2. Алтухов А.В.. Платформенное право как механизм юридического регулирования цифровых платформ умных городов // Цивилизационная роль права в современных интеграционных процессах: науч.-практ. конф. М., 2020. С. 245–250.
3. Аппазов Д.А., Тымчук Ю.А. Цифровая платформизация в условиях Индустрии 4.0: неопределенность понятийного аппарата. Правовая парадигма. 2020. Т. 19, № 4. С. 33–42.

4. Бриль Г.Г., Цветков Г.Ю. Отдельные проблемы правового регулирования цифровых платформ // В сборнике: Юридическая наука и практика: от судебной реформы к цифровому праву (к 160-летию судебной реформы и 80-летию Костромской области). Сборник трудов XXI Всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме. Всероссийская научно-практическая конференция. Кострома, 2025. С. 333–337.
5. Галушко Д.В. Функционирование цифровых платформ: современные вызовы правовому регулированию // Правовое регулирование экономической деятельности. ПРЭД. 2023. № 1. С. 27–35.
6. Гандзий Е.В. Проблемы публично-правового регулирования режима цифровых платформ // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 10 (122). С. 182–188.
7. Гретченко А.А. Типы цифровых платформ и их содержание // Россия: тенденции и перспективы развития. 2020. № 15–2 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipy-tsifrovyyh-platform-i-ih-soderzhanie> (дата обращения 27.07.2025).
8. Губин Е.П., Харитонов Ю.С. Цифровые платформы в Европе, Китае и России: основные подходы и тенденции правового регулирования // Право и экономика. 2020. № 8 (390). С. 5–13.
9. Иншакова А.О. Реакция права на вызовы высоких технологий в инновационной России // Legal Concept = Правовая парадигма. 2018. Т. 17. № 4. С. 6–15.
10. Карцхия А.А. Цифровые технологические (онлайн) платформы: российский и зарубежный опыт регулирования // Гражданское право. 2019. № 3. С. 25–28.
11. Концепция государственного регулирования цифровых платформ и экосистем // URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d31/koncepciya_gos_regulirovaniya_cifrovyyh_platform_i_ekosistem (дата обращения 27.07.2025).
12. Маркевич Д.С. Техничко-экономическая природа цифровых платформ как детерминанта государственно-правового регулирования общественных отношений в сфере цифровой экономики // Динамика правоустановления и правореализации в сфере публично-правовых отношений: Сборник научных статей. 2022. С. 331–338.
13. Мирошник С.В. Особенности правового регулирования цифровых платформ // Государство и право: Актуальные проблемы формирования правового сознания. Сборник статей V Международной научно-практической конференции. Могилев, 2022. С. 172–175.
14. Саяпин С.П. О трансформации правового регулирования цифровых платформ // Право и государство: теория и практика. 2025. № 3. С. 325–327.
15. Чепурнов В.А. Правовое регулирование цифровых платформ в Российской Федерации //

Актуальные вопросы науки и образования 2025. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Пенза, 2025. С. 106–108.

16. Шульженко В.С. Правовое регулирование технологии блокчейн в российской правовой системе. // Юридическая наука. Научно-практический журнал 2025. № 4. с. 282–286.
17. Шелепов А.В., Колмар О.И. Регулирование цифровых платформ в России//Вестник международных организаций. 2024 Т. 19. № 2. С. 110–126.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF DIGITAL PLATFORMS IN THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

Shulzhenko V.S.

Lebedev Russian State University of Justice

The subject of the study is the identification of existing problems related to the legal regulation of digital platforms. The purpose of the work is to study various approaches to this concept, both among scientists of different specialties and in current legislation, and to identify the need to introduce this definition into the legislation of the Russian Federation. When writing the article, general scientific methods (analysis and synthesis), special (formal legal and comparative legal), system and case studies were used. The result of the study was the identification of problems that have arisen due to the rapid development of digital technologies and the lag in legislative regulation and the introduction of proposals for its improvement. Based on the analysis, the necessity of establishing a public legal regime for digital platforms as a result of intellectual activity is substantiated and models of its regulation are proposed.

Keywords: digital platform, intellectual activity, society, technology, legal regulation, platform law, law enforcement practice, public law regime.

References

1. Akberdina V.V., Barybina A.Z., Nikulina E.A. Regulatory legislation as a way to regulate the activities of digital platforms // Bulletin of the Academy of Knowledge. 2024. N 1 (60). pp. 20–25.
2. Altukhov A.V.. Platform law as a mechanism of legal regulation of digital platforms of smart cities // The civilizational role of law in modern integration processes: scientific and practical conference, Moscow, 2020. pp. 245–250.
3. Appazov D.A., Tymchuk Yu.A. Digital platformization in the context of Industry 4.0: the uncertainty of the conceptual framework. The legal paradigm. 2020. Vol. 19, N 4. pp. 33–42.
4. Bril G.G., Tsvetkov G. Yu. Selected problems of legal regulation of digital platforms // In the collection: Legal science and practice: from judicial reform to digital law (to the 160th anniversary of judicial reform and the 80th anniversary of the Kostroma region). Proceedings of the XXI All-Russian December legal readings in Kostroma. All-Russian Scientific and Practical Conference. Kostroma, 2025. pp. 333–337.
5. Galushko D.V. Functioning of digital platforms: modern challenges to legal regulation // Legal regulation of economic activity. PRAED. 2023. N 1. pp. 27–35.
6. Gandziy E.V. Problems of public legal regulation of the digital platforms regime //Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). 2024. № 10 (122). Pp. 182–188.
7. Gretchenko A.A. Types of digital platforms and their content // Russia: trends and development prospects. 2020. N 15–2 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipy-tsifrovyyh-platform-i-ih-soderzhanie> (accessed 07/27/2025).
8. Gubin E.P., Kharitonova Yu.S. Digital platforms in Europe, China and Russia: basic approaches and trends in legal regulation // Law and economics. 2020. N 8 (390). pp. 5–13.
9. Inshakova A.O. The reaction of law to the challenges of high technologies in innovative Russia // Legal Concept = The legal paradigm. 2018. Vol. 17. N 4. pp. 6–15.
10. Kartskhiya A.A. Digital technological (online) platforms: Russian and foreign regulatory experience // Civil Law. 2019. N 3. pp.

- 25–28. 11. The concept of state regulation of digital platforms and ecosystems // URL: [https://www.economy.gov.ru/material/departments/d31 / koncepciya_gos_regulirovaniya_cifrovyyh_platform_i_ekosistem](https://www.economy.gov.ru/material/departments/d31/koncepciya_gos_regulirovaniya_cifrovyyh_platform_i_ekosistem) (accessed 07/27/2025).
11. Markevich D.S. The technical and economic nature of digital platforms as a determinant of state and legal regulation of public relations in the field of digital economy // The dynamics of legal establishment and legal realization in the field of public law relations: A collection of scientific articles. 2022. pp. 331–338.
12. Miroshnik S.V. Features of legal regulation of digital platforms // State and law: Actual problems of legal consciousness formation. Collection of articles of the V International Scientific and Practical Conference. Mogilev, 2022. pp. 172–175.
13. Sayapin S.P. On the transformation of legal regulation of digital platforms // Law and the state: theory and practice. 2025. N 3. pp. 325–327.
14. Chepurinov V.A. Legal regulation of digital platforms in the Russian Federation // Actual issues of science and education 2025. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. Penza, 2025. pp. 106–108.
15. Shulzhenko V.S. Legal regulation of blockchain technology in the Russian legal system. // Legal science. Scientific and Practical journal 2025. N 4. pp. 282–286.
17. Shelepov A.V., Kolmar O.I. Regulation of digital platforms in Russia//Bulletin of International Organizations. 2024 Vol. 19. N 2. pp. 110–126.

Массовые беспорядки по уголовному праву России и Таджикистана: исторический аспект

Абдуллоев Фируз Махмадаминович,

аспирант, кафедра уголовного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина
E-mail: Abdulloev-fm@mail.ru

Сложная экономическая, социальная и политическая ситуация, сложившаяся после распада СССР и обретения государствами суверенитета, побудила всех государства усилить борьбу с преступностью.

Одним из преступлений, направленных против общественного порядка, являются массовые беспорядки. По мнению автора, массовым беспорядкам в научной литературе советского периода особого внимания не уделялось, поскольку господствовало мнение о том, что в советских государствах после построения социалистического общества истинный источник возникновения массовых беспорядков практически исчез, несмотря на то, что беспорядки вспыхивали в регионах СССР, по этой причине научный анализ этого преступления не проводился, и в научных источниках об этом преступлении было мало научных исследований.

В процессе исследования были изучены различные исторические правовые акты, предусматривающие ответственность за организацию или участие в массовых беспорядках.

Автором изучено и проанализировано такие исторические термины как «бунт», «подымщик», «зажигальщик», «смута», «скопище».

Цель исследования состоит в том, чтобы изучать и анализировать исторические аспекты уголовного законодательства России и Таджикистана о массовые беспорядки. Также разработать теоретические основы для совершенствованные уголовного законодательства о массовые беспорядки.

Ключевые слова: массовые беспорядки, Русская Правда, общественная безопасность, Уголовный кодекс, исторический аспект, уголовно-правовых норм, ответственность.

Массовые беспорядки приносят человеческие жертвы, разрушают материальные и духовные ценности, провоцируют политические, религиозные, межнациональные конфликты (или являются их следствием). Во всех случаях организация, продолжение и распространения массовых беспорядков являются средством дестабилизации деятельности органов государственной власти, создают атмосферу страха, недоверия к власти и агрессивной настроенности населения.

Русская Правда рассматривается учеными как ранний памятник российского уголовного права, документ, в котором были сведены отдельные законы. Условно этот документ можно охарактеризовать как «систему» правовых норм.

По мнению Т.Г. Понятовской, «классификация норм Русской Правды сводилась к распределению предметов тяжб, а отдельные постановления имели характер правил для судьи»^[1], как и другие законодательные сборники, предшествовавшие Уложению царя Алексея Михайловича^[2]. И все-таки в этих исторических документах уже прочитывались нормы, которые позднее будут отнесены к уголовно-правовым. Это нормы о наказании таких злонамеренных действий, которые имели яркую бесчеловечную, асоциальную или правовую окраску – убийство, кража, разбой, поджог, бунт.

Бунт всегда трактовался в российском уголовном праве (включая его ранний период, а также Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и Уголовное уложение 1903 года) как разрушительные действия агрессивной толпы. Таким же образом трактовался бунт и в русской литературе, Пушкин А.С. «Не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный»^[3]. Термин «массовые беспорядки» не внес ничего нового в характеристику бунта как разрушительного акта социальной агрессии.

В судебниках (допетровская эпоха) начинается детализация признаков бунта и их участников. Обозначились роли «подымщика» и «зажигальщика».

Под «подымщиком» понимался тот человек, «который подстрекает, возбуждает кого-либо (население или его членов) против основ правопорядка», а равно совершает разрушительные действия

¹ Понятовская Т.Г. Концептуальные основы уголовного права России: история и современность: монография – Репр. изд. – Москва: Проспект, 2002. С. 9.

² См.: Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова М.: Издательство «Зерцало», 2003.

³ Пушкин А.С. Капитанская дочка. Роман вышел в свет в 1836 году, за год до гибели великого русского поэта. С. 46.

с целью привести в движение массы людей. «Зажигальщик», напротив, трактовался как тот, кто поджигает дом, двор, место жительства, в отличие от того, кто поджигает город^[1].

Для характеристики общественно опасных действий, совершаемых толпой, в российском законодательстве 19 века и начале 20 века использовались термины, «бунт», «скопище», «смута». Указанные термины имели различное смысловое наполнение, а их употребление законодателями было неслучайным.

Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, который принята в 1845 года. В глава вторая, этой Уложения «О бунте против Власти Верховной и о государственной измене» в статьи 249 и 250, термин «бунт» употреблялся в признаках составов преступлений против власти. Также Уголовного уложения, который была принята в 1903 года, в третьем главе, статьи 99–103, предусмотрено «О бунте против Верховной Власти и о преступных деяниях против Священной Особы Императора и Членов Императорского Дома».

В Уголовном уложении (была принята в 1903 г.), термин «смута» использовался для определения характера общественной опасности преступлений против «Верховной Власти». Глава пятая этого уложения была озаглавлена так: «О смуте». Нормы этой главы имели аналогичное (но не тождественное) содержание, по сравнению с нормами о бунте по Уложению о наказаниях 1845 года. Как представляется, термин «бунт» был заменен на термин «смута».

В четвертом разделе, Уложении о наказаниях уголовных и исправительных, «О преступлениях против порядка управления», также в глава первая «О сопротивлении распоряжениям правительства и неповиновении властям», термин «скопище» определялось как преступное деяние против порядка управления.

В Уголовном уложение, который была принята в 1885 года, понятие «скопище» понимается следующим образом: «соединение ради общих действий или ради общей цели более или менее значительного числа лиц»

Скопище – это группа или толпа людей, собравшихся вместе для достижения своей единственной цели, поднимают бунт чтобы их цель была достигнута.

В целом эти действия носят общий характер, также они способны причинить серьезный вред гражданам, и их имущество, а также разрушить и нарушить функционирование государственных и общественных институтов.

Экономические мотивы беспорядков, учиненных скопищем, получили отражение в специальных нормах этого уложения – о скопище с целью контрабанды соли (ст. 633), незаконной порубки и вывоза леса (ст. 824) и других.

Для обобщенного понятия «скопище» важна не мотивация, а характер беспорядков, учиненных

толпой. В статье 269¹ Уложения о наказаниях им дается исчерпывающая характеристика как публичным действиям:

- насилие;
- похищение или уничтожение чужого имущества;
- вторжение в чужое жилище, огороженное место или усадьбу.

Насильственное противодействие соединенными силами скопища вооруженным властям предусматривалось как квалифицированный состав организации скопища и участия в нем.

Этим содержанием были наполнены признаки бунта и смуты (преступления против Верховной Власти). «Бунт против власти Верховной, то есть восстание скопом <...> (ст. 249 Уложения о наказаниях).

Смута – «участие в публичном скопище, заведомо собравшемся с целью выразить неуважение Верховной Власти или порицание <...> образа правления» (ст. 121 Уголовного уложения 1903 г.). Признаки преступления, предусмотренного статьей 123 этого уложения («участие в скопище») по характеру мало отличались от тех, которые были перечислены выше, но в редакции рассматриваемой статьи беспорядки скопища приобрели окраску преступлений против общественной безопасности:

- 1) насильственное противодействие властям, нападение на караул или часового;
- 2) разрушение разграбление или захват склада оружия также боеприпасов, оружейного завода или военного судна, железной дороги, телеграфа, телефона, Монетного Двора, Казначейства;
- 3) освобождение арестантов из-под стражи;
- 4) применение взрывчатых веществ или снарядов.

Скопище – понятие, которое может быть раскрыто через несколько ключевых слов: публичное скопление множества людей; соединенная направленность их действий; насилие; причинение ущерба; противодействие властям. В зависимости от содержания направленности массовые беспорядки предусматривались в рассматриваемых российских уголовных законах как преступления против основ государственной власти, государственной безопасности или порядка управления.

Уголовным кодексам РСФСР, который было принята в 1922 и 1926 годов, массовые беспорядки входила в группа преступления против государственной власти порядка управления. Законодатели снабжали признаки поведенческих актов в содержании этих беспорядков характеристиками опасности для власти, ее авторитета и силы, а также общественного порядка. Это находит буквальное подтверждение в законодательных текстах.

Уголовный кодекс РСФСР, который была принята 1922 года соответственно с статьи 74 «Преступлением против порядка управления» признается те деяние, который направленное к нарушению правильного функционирования подчиненных

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия по истории русского права. М., Статут. 2005. С. 275.

органов управления, и в общем эти действия вызывающими ослабление силы и авторитета власти. Это положение было включено и в статью 59¹ Уголовный кодекс РСФСР, который было принята в 1926 года. Также это свидетельствует о последовательной и неизменной правовой позиции законодателя в вопросе о характере общественной опасности массовых беспорядков.

Первым же преступлением, предусмотренном в статье 75 УК РСФСР 1922 г., были названы массовые беспорядки (организация и участие): «Участие в массовых беспорядках всякого рода, как-то: погромах, разрушении путей и средств сообщения, освобождении арестованных, поджогах и т.п., *если при этом участники беспорядка были вооружены <...>*» (выделено мной – Ф. Абдуллоев). В этих признаках массовых беспорядков усматривается сходство с признаками «смуты» и «скопища», рассмотренными выше.

По УК РСФСР 1926 г. массовые беспорядки так же, как по УК РСФСР 1922 г., были отнесены к государственным преступлениям, а именно – к преступлениям против порядка управления. Однако законодатель сделал акцент на особой значимости этого преступления. Статья 59² этого УК была озаглавлена так: «Особо для Союза ССР опасные преступления против порядка управления». В части 2 статьи 59¹ было указано: «Особо опасными для Союза ССР преступлениями против порядка управления признаются те, *совершенные без контрреволюционных целей*, преступления против порядка управления, которые колеблют основы государственного управления и хозяйственной мощи Союза ССР и союзных республик» (выделено мной – Ф. Абдуллоев).

Также в Уголовном кодексе РСФСР (1922 г.), в первом и втором части, статьи 59² была предусмотрена ответственность за два вида массовых беспорядков:

1. «Массовые беспорядки, сопровождающиеся погромами, разрушением железнодорожных путей или иных средств сообщения и связи, убийствами, поджогами и другими подобными действиями»;

2. «Массовые беспорядки, неотягченные преступлениями, указанными выше, но сопряженные с явным неповиновением законным требованиям властей или с противодействием исполнению последними возложенных на них обязанностей, или понуждением их к исполнению явно незаконных требований».

По Уголовным кодексам РСФСР (1922 года), наказуемость массовых беспорядков, организации и участия была ограничена условием вооруженности их участников. УК РСФСР 1926 г. снял эти ограничения (ч. 2 ст. 59²).

УК РСФСР 1960 г. существенно упростил систему признаков массовых беспорядков (ст. 79). Нормы Уложения о наказаниях и Уголовного уложения о массовых беспорядках имели казуистичную конструкцию: формальные признаки деяний и способов их совершения, объектов и предметов причинения вреда, разграничение направленно-

сти действий. Черты казуальности присутствовали и в нормах о массовых беспорядках по УК РСФСР 1922 г. Они, хотя и в меньшей степени, проявляются в нормах УК РСФСР 1926 года. УК РСФСР 1960 г. отказался от такого подхода к формулированию норм его Особенной части. В статье 79 этого УК, по существу, закреплена схема уголовно-правовой оценки массовых беспорядков: насилие, разрушение, причинение ущерба «и другие подобные действия или оказания вооруженного сопротивления власти» (выделено мной – Ф. Абдуллоев). Также изменилась и законодательная оценка характера и степени общественной опасности этого преступления. А статья о массовых беспорядках была помещена в раздел «Иные государственные преступления».

УК РФ сместил технико-юридические акценты формулирования норм о массовых беспорядках. Предшествовавшие ему российские уголовные законы концентрировали внимание на признаках самих беспорядков (бунта, смуты, скопища или массовых беспорядков), более (или менее) казуистично описывая их как поведенческие акты, имеющие ту или иную направленность.

Статья 212 УК РФ имеет другое технико-юридическое строение. В ней предусмотрено 5 самостоятельных составов преступлений, *связанных с массовыми беспорядками*:

- 1) организация или подготовка лица для организации массовых беспорядков (ч. 1 ст. 212 УК);
- 2) склонение, вербовка или иное вовлечение в массовые беспорядки (ч. 1¹ ст. 212 УК);
- 3) участие в массовых беспорядках (ч. 2);
- 4) призывы к массовым беспорядкам (ч. 3 ст. 212 УК);
- 5) прохождение лицом обучения с целью организации массовых беспорядков либо участия в них (ч. 4 ст. 212 УК).

В объективных сторонах составов этих преступлений видом деяния является не само публичное массовое насилие, разрушение или неповиновение властям, взлом тюрем, разграбление военных складов и тому подобные действия, а поведенческие акты, перечисленные выше. Признаки самих беспорядков не имеют принципиального значения, важен их агрессивный, опасный и разрушительный характер. Поэтому законодатель определили их по образу и подобию статьи 79 УК РСФСР 1960 г. (с некоторыми уточнениями).

Система уголовного права государство Саманидов (была первым таджикским централизованным феодальным государством, IX–X века), была построена на принципах Ислама (мусульманского права ханафитского мазхаба [1]) [2].

¹ Считается одним из основных правовых школ в религии ислама (мазхабы), которые названы по именам их основателей, ханафитская (основатель Абу Ханифа ибн Сабит (699–767 г.) – родоначальник мусульманского правоведения (фикха) и величайший богослов).

² Гафуров Б.Г. Таджики: Древнейшая, древняя и средневековая история. М. Нанка 1972. 664 с; Сафаров И. Правовая система государства Саманидов (IX–X В.В.). Душанбе. Ирфон 1999. 198 с.

Основными источниками всех законов исламского права являются Коран [1] и Хадисов [2]. По справедливому мнению, А.К. Назарова, исламское право – это совокупность религиозных, правовых, социальных и моральных предписаний, которая основывается на божественных предписаниях Корана и Хадисах пророка Мухаммада, проникнутых религиозным духом [3]. Часть положения из этих источников относится к уголовному праву.

Правовые нормы шариата, который действовавшие во времена государства Саманидов, Бухарском эмирате и сегодняшней Средней Азии, до вхождения в состав Российской Империи различали государственные, религиозные, имущественные преступления, преступления против личности и прелюбодеяние.

По исламскому праву массовые беспорядки трактовались как преступление против установленной властью порядка и верховенства самой власти, при котором группа людей объединяется для бунта против власти или захвата власти. Насильственное столкновение одной группы людей с другой считалось тяжким преступлением, представляющим опасность для общества, его спокойного существования.

В аяте 93 суры 4 Корана записано: «Вы найдете других, которые захотят быть верными вам и верными своему народу. Всякий раз как их повернут к мятежу, они будут ввергнуты туда. И если они не отойдут от вас, и не предложат вам мира, и не удержат своих рук, то берите их и избивайте, где бы ни встретили вы их. Над этими мы дали вам ясную власть» [4]. Также сура 49, аят 93, Корана гласит: «И если бы два отряда из верующих сражались, то примирите их. Если же один будет несправедлив против другого, то сражайтесь с тем, который несправедлив, пока он не обратится к велению Аллаха. А если он обратится, то примирите их по справедливости и будьте беспристрастны: ведь Аллах любит беспристрастных!» [5]. «Если одна из группировок бунтует против правительства, важно выяснить причину этого. Правительство имеет право принять меры против бунтовщиков, которые выступают без законного основания, а мусульмане в этом случае должны поддерживать правительство» [6].

Надо почерпнуть что, в Бухарском эмирате высшая судебная система лично принадлежала Эмиру [7], и во время судейского разбирательства по уголовному праву, имена тех преступление которых

¹ Коран – это неповторимая, священная книга, который охватывает все отрасли жизни мусульманина.

² Хадис – это те события из жизни пророка Мухаммада (с).

³ Назаров А.К. Исламское уголовное право и его применение в странах с элементами исламской правовой системы: теоретические и прикладные аспекты. (Сравнительный уголовно-правовой анализ). Душанбе 2020 г. 29 с.

⁴ Коран. Сура 4, аят 93., перевод смыслов. М. .1990. С. 92.

⁵ Коран. Сура 49, аят 9 / перевод смыслов И.Ю. Крачковского. – С. 332.

⁶ См.: Абдель Салам аль-Манси. Указ. соч. – Т. I. – С. 227.

⁷ Эмир или Амир – это имя, титул, который носят правители, в некоторых мусульманских странах.

совершился против государство сам Эмир лично разбирал.

После вхождения в состав Российской Империи на территории современной Средней Азии действовали законы Российской Империи. Таким образом, рассмотренные выше нормы имели значение правового опыта среднеазиатских стран, включая Таджикистан.

На территории Таджикистана действовали и уголовные кодексы РСФСР 1922 и 1926 годов, а также Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года, в соответствии с которыми был принят Уголовный кодекс Таджикской Советской Социалистической республики в 1961 года.

Одной из главных задач государственной политики в области борьбы с преступностью в Республике Таджикистан стала полная реформа уголовного законодательства, которая была усилена принятием нового Уголовного кодекса 21-мая 1998 г. Новый Уголовный кодекс Республики Таджикистан заменил предыдущий Уголовный кодекс Таджикской ССР который считается третьим отечественным Кодексом, охватывающим все сферы современной жизни общества. В Уголовном кодексе, посредством укрепления законодательства, воплощаются самые высокие общесоциальные идеи, справедливость, равенство и гуманность.

Ответственность за массовые беспорядки предусмотрена в ст. 188 УК РТ. В ней предусмотрено два самостоятельных состава преступлений, *связанных* с массовыми беспорядками:

1) Организация массовых беспорядков, сопровождавшихся насилием над личностью, погромами, поджогами, повреждением или уничтожением имущества, применением огнестрельного оружия, взрывчатых веществ, взрывчатых устройств или горючих веществ, а также оказание сопротивления власти, сопряженного с применением оружия или других предметов, используемых в качестве оружия, а равно участие в этих действиях (ч. 1 ст. 188 УКРТ) (в редакции Закона РТ от 26.07.2014 г. № 1089);

2) Призывы к активному неподчинению законным требованиям представителей власти или к массовым беспорядкам, а равно призывы к насилию над гражданами (ч. 2 ст. 188 УКРТ) [8].

Объективная сторона преступления состоит из следующих деяний:

- а) организация массовых беспорядков;
- б) участие в массовых беспорядках [9].

Организация массовых беспорядков выражается в различных формах: путем планирования и подготовка таких движений, создание группы людей для разжигания беспорядков, выбор места и времени совершения беспорядков, организация снабжения участников оружием и другие предметы, используемые в качестве оружия, за счет участ-

⁸ Уголовный кодекс Республика Таджикистан 21.05.1998 г. (в редакции Закона РТ от 26.07.2014 г. № 1089). С. 87.

⁹ Тафсир ба Кодекси ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон / Мухаррири масъул Ҳ.Ҳ. Шарипов. Душанбе. 2005. С. 214.

ников массовых беспорядков определение ответственных за те или иные акции, подстрекательство к совершению таких действий, руководство действиями участников массовых беспорядков с целью привлечения они относятся к вандализму, пожару, уничтожению или повреждению имущества или использованию огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, а также путем противодействия представителям власти^[1].

Участие в массовых беспорядках это означает, что человек совершает деяния, которые предусмотрены в диспозиции статьи (ч. 1 ст. 188 УК РТ). Для состава этого преступления, необходимо установить, что призывы непосредственно к совершению движения направлены против представителей власти, а также надо установить, что требования представителей власти, с другой стороны, являются законными.

Сложная экономическая, социальная и политическая ситуация, сложившаяся после распада СССР и обретения государствами суверенитета, побудила всех государства усилить борьбу с преступностью. Одним из преступлений, направленных против общественного порядка, являются массовые беспорядки.

Массовым беспорядкам как преступления в научной литературе советского периода особого внимания не уделялось, поскольку господствовало мнение о том, что в советских государствах после построения социалистического общества истинный источник возникновения массовых беспорядков практически исчез, несмотря на то, что беспорядки вспыхивали в регионах СССР, по этой причине научный анализ этого преступления не проводился, и в научных источниках об этом преступлении было мало научных исследований.

Литература

1. Понятовская Т.Г. Концептуальные основы уголовного права России: история и современность: монография – Репр. изд. – Москва: Проспект, 2002. С. 9.
2. Назаров А.К. Исламское уголовное право и его применение в странах с элементами исламской правовой системы: теоретические и прикладные аспекты. (Сравнительный уголовно-правовой анализ). Душанбе 2020 г. 29 с.
3. Коран. Сура 4, аят 93., перевод смыслов. М. .1990. С. 92.
4. Коран. Сура 49, аят 9 / перевод смыслов И.Ю. Крачковского. – С. 332.
5. Абдель Салам аль-Манси. Указ. соч. – Т. I. – С. 227.
6. Уголовный кодекс Республика Таджикистан 21.05.1998 г. (в редакции Закона РТ от 26.07.2014 г. № 1089). С. 87.
7. Тафсир ба Кодекси Чиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон / Муҳаррири масъул Ҳ.Ҳ. Шарипов. Душанбе. 2005. С. 214.

¹ Тафсир ба Кодекси чиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон / Муҳаррири масъул Ҳ.Ҳ. Шарипов. Душанбе. 2005. С. 215.

8. Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. – М.: Издательство «Зерцало», 2003.
9. Пушкин А.С. Капитанская дочка.
10. Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия по истории русского права. М., Статут. 2005. С. 275.
11. Памятники русского Права/Под ред. Юшкова С.В. М., Юридическая литература. 1952. С. 175.
12. Российское законодательство X–XX веков. Т. 4. / Под ред. Чистякова О.И. М., Юридическая литература. 1986. С. 362,379.
13. Собрание законов СССР. 1927. № 12. Ст. 123, 286.
14. Гафуров Б.Г. Таджики: Древнейшая, древняя и средневековая история. М. Наука. 1972. 664 с;
15. Сафаров И. Правовая система государства Саманидов (IX–X в.в.). Душанбе. Ирфон. 1999. 198 с.

MASS RIOTS UNDER THE CRIMINAL LAW OF RUSSIA AND TAJIKISTAN: HISTORICAL ASPECT

Abdulloev F.M.

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin

One of the crimes against public order is mass riots. According to the author, mass riots were not given much attention in the scientific literature of the Soviet period, since the prevailing opinion was that in the Soviet states after the construction of a socialist society, the true source of mass riots practically disappeared, despite the fact that riots broke out in the regions of the USSR, for this reason, a scientific analysis of this crime was not carried out, and there were few scientific studies on this crime in scientific sources.

In the course of the study, various historical legal acts were studied that provide for liability for organizing or participating in mass riots. The author studied and analyzed such historical terms as “riot”, “pimp”, “arsonist”, “turmoil”, “crowd”.

The purpose of the study is to develop a theoretical basis for improving the criminal legislation of the Republic of Tajikistan in terms of liability for mass riots, taking into account international standards and positive Russian experience.

Keywords: mass riots, Russian Truth, public safety, Criminal Code, historical aspect, criminal law norms, responsibility.

References

1. Ponyatovskaya T.G. Conceptual Foundations of Criminal Law in Russia: History and Modernity: Monograph – Rep. ed. – Moscow: Prospect, 2002. P. 9.
2. Nazarov A.K. Islamic Criminal Law and Its Application in Countries with Elements of the Islamic Legal System: Theoretical and Applied Aspects. (Comparative Criminal Law Analysis). Dushanbe, 2020, 29 p.
3. Quran. Sura 4, verse 93, translation of meanings. Moscow, 1990. P. 92.
4. Quran. Sura 49, verse 9 / translation of meanings by I. Yu. Krachkovsky. – P. 332.
5. Abdel Salam al-Mansi. Op. cit. – T. I. – P. 227.
6. Criminal Code of the Republic of Tajikistan of 21.05.1998 (as amended by the Law of the Republic of Tajikistan of 26.07.2014 No. 1089). P. 87.
7. Tafsir ba Code of the International Criminal Code of Tajikistan / Muharriri mas'ul H.H. Sharipov. Dushanbe. 2005. P. 214.
8. Feldstein G.S. Main Currents in the History of Criminal Law in Russia / Edited and with a Preface by V.A. Tomsinov. – Moscow: Publishing House “Zertsalo”, 2003.
9. Pushkin A.S. The Captain's Daughter.

10. Vladimirsky-Budanov M.F. Reader on the History of Russian Law. M., Statut. 2005. Page 275.
11. Monuments of Russian Law / Ed. Yushkov S.V. M., Legal Literature. 1952. Page 175.
12. Russian legislation of the 10th-20th centuries. Vol. 4. / Ed. Chistyakov O.I. M., Legal Literature. 1986. Pages 362,379.
13. Collected Laws of the USSR. 1927. No. 12. Articles 123, 286.
14. Gafurov B.G. Tajiks: Ancient, Ancient and Medieval History. M. Science. 1972. 664 p;
15. Safarov I. Legal System of the Samanid State (IX–X Century). Dushanbe. Irfon. 1999. 198 p.

Медико-санитарное обеспечение мест лишения свободы, как система реализации права человека на охрану здоровья

Голубцов Вячеслав Александрович,

соискатель, кафедра уголовного права Казанского
(Приволжского) Федерального университета
E-mail: GolubcovVA@mail.ru

Статья посвящена правовому анализу отечественного законодательства и ведомственных нормативных актов по вопросам реализации права осужденных к лишению свободы на охрану здоровья. Установлено, что реализация права осужденных к лишению свободы на охрану здоровья представляет собой систему, включающую в себя оказание медицинских услуг, обеспечение организационных, правовых, санитарно-гигиенических, психопрофилактических и противоэпидемиологических мер, а также создание и поддержание в надлежащем состоянии имеющейся инфраструктуры исправительных учреждений и следственных изоляторов.

Используя общенаучные и частные методы научного познания представлена авторская дефиниция понятия «медико-санитарное обеспечение мест лишения свободы», подготовлены предложения, касающиеся повышения реализации права осужденных на охрану здоровья, обоснована целесообразность строительства новых или перепрофилирование имеющихся объектов гражданской инфраструктуры на территории исправительных учреждений и следственных изоляторов.

Ключевые слова: охрана здоровья, медико-санитарное обеспечение, права осужденных.

Медико-санитарное обеспечение осужденных к лишению свободы в системе исполнения уголовных наказаний России представляет собой не просто формальное предоставление медицинских услуг, а комплексную систему, включающую организационные, правовые, гигиенические и профилактические меры, направленные на охрану здоровья лиц, находящихся в местах лишения свободы. Этот институт имеет особую значимость в условиях пенитенциарной изоляции, поскольку от качества его функционирования напрямую зависят не только здоровье и жизнь осужденных, но и общая эпидемиологическая обстановка в учреждениях уголовно-исполнительной системы РФ (далее – УИС РФ), где наблюдается высокая плотность населения и ограниченные возможности свободного доступа к медицинской инфраструктуре. Конституция Российской Федерации закрепляет право каждого человека на охрану здоровья и получение медицинской помощи (ст. 41), включая лиц, находящихся в местах лишения свободы [1].

Законодательное закрепление права осужденных к лишению свободы на медико-санитарное обеспечение осуществляется в ряде нормативных актов, центральное место среди которых занимает Уголовно-исполнительный кодекс РФ (далее – УИК РФ). В частности, статья 101 УИК РФ устанавливает обязанность администрации учреждений оказывать медицинскую помощь осужденным на уровне, не ниже стандартов гражданского здравоохранения [2]. При этом статья 12 УИК РФ подчеркивает необходимость охраны здоровья как одну из первоочередных задач, стоящих перед УИС РФ в целом. Таким образом, государство не снимает с себя ответственность за здоровье граждан даже в условиях исполнения наказания, что наглядно демонстрирует гуманистическую направленность законодательства, несмотря на карательный характер уголовной политики. Отсюда вытекает необходимость разработки механизмов, позволяющих на практике реализовать эти принципы с учётом специфики режима содержания и ограниченных ресурсов.

Содержание медико-санитарного обеспечения в учреждениях УИС РФ нельзя свести лишь к механическому выполнению медицинских процедур. Речь идёт о комплексной, многокомпонентной системе, задачей которой является не только охрана здоровья осужденных, но и обеспечение достойных условий существования в условиях лишения свободы. Эта система включает в себя как непосредственное оказание медицинской помощи, так и санитарно-гигиенические, психопрофилактические

ские, эпидемиологические и организационные мероприятия, каждое из которых направлено на реализацию конституционного права человека на здоровье.

Сложность и многогранность содержания этой деятельности обусловлена, в том числе, и тем, что пенитенциарные учреждения, по сути, являются изолированной социальной средой, где любые отклонения от нормы в области здравоохранения могут иметь стремительный, а порой и неконтролируемый характер развития.

Санитарно-гигиенические аспекты занимают важное место в содержании медико-санитарного обеспечения осужденных. По сути, речь идёт о создании минимально необходимых условий для сохранения здоровья. Чистота помещений, наличие вентиляции, соблюдение норм площади на одного осуждённого, доступ к питьевой воде, регулярная уборка, смена белья, дезинфекция – всё это не роскошь, а санитарная необходимость, без которой невозможно говорить о профилактике инфекций и эпидемий. Более того, несоблюдение этих норм может повлечь за собой не только рост заболеваемости, но и формирование хронического психосоматического стресса у осуждённых, находящихся в неблагоприятной среде.

УИК РФ (ст. 99) устанавливает минимальную норму жилой площади, которая должна быть предоставлена каждому осужденному к лишению свободы в: исправительных колониях – два квадратных метра; тюрьмах – два с половиной квадратных метров; исправительных колониях для осужденных женщин – три квадратных метра; воспитательных колониях – три с половиной квадратных метра; лечебных исправительных учреждениях – три квадратных метра; лечебно-профилактических учреждениях – пять квадратных метра; следственных изоляторах – от двух до четырех квадратных метра.

Постановлением Правительства РФ от 11 апреля 2005 года № 205 установлены минимальные нормы питания и материально-бытового обеспечения осужденных к лишению свободы. Согласно Постановления, дополнительным (повышенным) питанием и материально-бытовым имуществом обеспечиваются: осужденные, занятые на тяжелых работах и работах с вредными условиями труда; работающие осужденные, имеющие рост 190 см и выше (по заключению врача); больные осужденные, находящиеся на стационарном лечении; несовершеннолетние осужденные; осужденные беременные женщины и кормящие матери; инвалиды 1 и 2 групп [3]. Помимо указанного выше, Постановление регулирует вопросы установления норм питания и материально-бытового обеспечения детей, находящихся вместе с матерями в исправительных учреждениях и домах ребенка.

Приказом ФСИН России от 23.05.2025 № 327 утвержден Порядок организации питания осужденных, содержащий комплекс мероприятий, направленных на: планирование и обеспечение осужденных горячей пищей и рационами питания; контроль

организации питания; обеспечение питания при невозможности приготовления горячей пищи; обеспечение осужденных отдельных категорий повышенными нормами питания [4].

Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 3 декабря 2013 года № 216 утверждены нормы вещевого довольствия осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях [5]. Для осужденных, находящихся на стационарном лечении в филиалах МСЧ ФСИН России установлена отдельная норма вещевого довольствия, снабжения постельными принадлежностями и мягким инвентарем.

Наиболее серьезные трудности в процессе исполнения и отбывания наказания связаны с созданием в местах лишения свободы благоприятной и безопасной среды. Требования, предъявляемые к зданиям, сооружениям, планировке и застройке территорий исправительных учреждений, утверждены приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 20 октября 2017 года № 1454/пр и включают в себя нормы: проектирования, строительства, реконструкции и капитального ремонта зданий, помещений и сооружений; использования специальных электроустановок, систем вентиляции и кондиционирования воздуха, противопожарной защиты, отопления, водоснабжения, канализации, естественного и искусственного освещения; тепловой защиты зданий и защиты от шума; доступности зданий и сооружений для маломобильных групп населения; гигиенических нормативов и безопасных условий среды обитания; содержания территорий и водных объектов; обеспечения питьевой водой; содержания атмосферного воздуха и почв; эксплуатации производственных и общественных помещений и иные требования [6].

Невыполнение администрацией исправительных учреждений вышеуказанных требований на практике нарушает права осужденных на охрану здоровья в местах лишения свободы, вызывает осложнение имеющихся у осужденных заболеваний, а также в условиях серьезного психологического стресса приводит к возникновению новых заболеваний.

Более того, невыполнение администрацией исправительных учреждений требований медико-санитарного и материально-бытового обеспечения осужденных, отсутствие должного питания и рациона продуктов, непринятие мер по созданию в местах лишения свободы благоприятной и безопасной среды в большинстве случаев является основанием для обращения осужденных к лишению свободы в суд с административным иском к Российской Федерации о присуждения компенсации за нарушение условий содержания.

Выходом из сложившейся ситуации мы видим в строительстве новых исправительных учреждений и СИЗО, создании учреждений объединенного типа, перепрофилировании имеющихся мест лишения свободы или учреждений, подлежащих закрытию, что позволит создать для осужденных

условия, отвечающие требованиям отечественных и международных пенитенциарных стандартов.

Так, в Санкт-Петербурге был принят в эксплуатацию новый следственный изолятор «Кресты-2». При проектировании и строительстве самого большого следственного изолятора в Европе были учтены: высокая энергоэффективность здания; высокий уровень безопасности всех лиц, находящихся на его территории; оптимальные условия жизненного пространства для лиц, содержащихся под стражей; типовые модели проектирования зданий; архитектурный облик здания и климатические условия [7, с. 73]. Однако, введение подобных учреждений в пенитенциарной системе России не является массовым явлением в силу своей дороговизны. По предварительным данным стоимость строительства «Крестов-2» обошлась государству в сумму, превышающую 10 миллиардов рублей.

Еще более амбициозной выглядит реализация Минюстом России проекта создания учреждений объединенного типа, предусматривающий создание исправительных учреждений и СИЗО в едином центре. По мнению М.Л. Сироткиной, это «даст новый вектор развития уголовно-исполнительной системы и станет определенным прорывом для отечественной пенитенциарной системы» [8, с. 202]. В настоящее время в Калужской области реализуется проект по созданию первого в России учреждения объединенного типа. Указанный проект предполагает концентрацию в одном месте СИЗО и исправительных учреждений региона на одной территории. Но и в этом случае реализация проекта создания учреждений объединенного типа потребует от государства значительных финансовых средств, что приведет к объективному затягиванию реализации проекта на всей территории страны.

Безусловно, несмотря на дороговизну строительства новых учреждений и создание учреждений объединенного типа этой работой необходимо заниматься. Полученный практический опыт строительства и эксплуатации новых учреждений позволит сформировать «универсальную» модель мест лишения свободы, создать условия, отвечающие всем требованиям уголовно-исполнительного законодательства, а также избежать непредвиденных ошибок и перерасхода финансовых и материальных средств. При этом очень важно, чтобы экономические соображения строительства крупных учреждений, а также акцент на обеспечение безопасности не влияли на обеспечение прав, свобод и законных интересов лиц, отбывающих уголовное наказание, и содержащихся под стражей; социокультурную среду и взаимоотношения между заключенными и тюремной администрацией [9].

По нашему мнению, в условиях сложной финансово-экономической ситуации, в которой находится пенитенциарное ведомство России, не должны ущемляться права, свободы и законные интересы лиц, находящихся в местах лишения свободы. В связи с чем, перепрофилирование имеющихся учреждений, приведение в них условий в со-

ответствие с имеющимися требованиями должны быть первоочередными задачами, стоящими перед руководством службы исполнения наказаний. Мы уверены, что сначала необходимо навести порядок в действующих учреждениях, а потом заниматься их улучшением.

Внутреннее пространство, планировка и дизайн помещений исправительных учреждений должны способствовать формированию у осужденных твердого убеждения, что «они являются ценными личностями, имеющими право на уважительное и гуманное обращение» [10].

Значительная часть исправительных учреждений и СИЗО нуждаются сегодня в перепрофилировании имеющихся объектов, а некоторые – в строительстве новых. Реализация Федеральной целевой программы «Развитие УИС 2018–2026 годы» частично решит проблему модернизации уголовно-исполнительной системы России (таблица 1).

Таблица 1

№ п.п.	Наименование объекта	Сметная стоимость, тыс. рублей	Срок ввода в действие
1.	Строительство СИЗО на 580 мест (г. Махачкала)	133933,1	2021
2.	Строительство общежития для осужденных на 300 мест (г. Борисоглебск)	109009	2021
3.	Строительство СИЗО на 198 мест (г. Вязьма)	210273,4	2022
4.	Реконструкция СИЗО (г. Фролово)	422467	2022
5.	Строительство СИЗО на 1000 мест (г. Камышлов)	2478160,80	2022
6.	Реконструкция Тюрем № 2 (г. Владимир)	169057,0	2022
7.	Строительство СИЗО на 4000 мест (г. Санкт-Петербург)	12490763,3	2023
8.	Строительство СИЗО на 1000 мест (г. Белореченск)	1483095,2	2024
9.	Строительство больницы (пос. Товарково)	290632	2025
10.	Строительство СИЗО на 500 мест (г. Борисоглебск)	1366500,6	2026
11.	Строительство СИЗО на 500 мест (РБ)	101546,6	2026

Строительство новых исправительных учреждений и СИЗО, а также учреждений объединенного типа либо перепрофилирование имеющихся мест лишения свободы, несмотря на существенные материальные затраты, являются действенным способом повышения эффективности реализации прав,

свобод, законных интересов, безопасности лиц, находящихся в них, создания условий, соответствующих международным стандартам обращения с заключенными и осужденными (таблица 2).

Таблица 2

Строительство новых исправительных учреждений и СИЗО	1. Позволит решить вопрос нехватки мест в исправительных учреждениях и СИЗО, увеличить санитарную площадь, приходящуюся на одного подозреваемого, обвиняемого и осужденного. 2. Будут созданы помещения (объекты), отвечающие требованиям свода правил «Следственные изоляторы. Нормы проектирования», «Исправительные учреждения. Нормы проектирования».
Создание учреждений объединенного типа	1. Позволит оптимизировать организационно-штатную структуру региональной системы исполнения наказаний, эффективнее решать поставленные перед ведомством задачи. 2. Будут созданы одинаковые надлежащие условия содержания для всех лиц, лишенных свободы. 3. Контроль и надзор за соблюдением прав, свобод и законных интересов осужденных будет более действенным.
Перепрофилирование имеющихся мест лишения свободы	Позволит своевременно решать имеющиеся проблемы с учетом изменений в уголовно-исполнительном законодательстве, численности лиц, лишенных свободы, нарушений социально-правового положения осужденных и заключенных.

Таким образом, медико-санитарное обеспечение мест лишения свободы – это система, включающая в себя оказание медицинской помощи, санитарно-гигиенические, медико-психологические, противоэпидемиологические и организационно-правовые мероприятия, обеспечивающие физическое и психическое здоровье осужденных к лишению свободы, их личное достоинство и неприкосновенность, правовую защищенность, а также надлежащие условия отбывания наказания.

Для повышения эффективности реализации права осужденных к лишению свободы на охрану здоровья целесообразно: в УИК РФ включить отдельную главу, посвященную охране здоровья осужденных к лишению свободы. В указанной главе закрепить нормы медико-санитарного и материально-бытового обеспечения осужденных; обеспечения осужденных питанием и вещевым довольствием; раскрывающие особенности медико-санитарного обеспечения отдельных категорий осужденных (инвалиды и лица пожилого возраста, беременные женщины и женщины, имеющие при себе малолетних детей, несовершеннолетние и т.п.); обеспечивать осужденных в полном объеме санитарной площадью, питанием, питьевой водой, вещевым имуществом и одеждой; поддерживать в местах лишения свободы должный санитарно-гигиенический порядок, работоспособное состояние систем вентиляции, освещения, водоснабжения и отопления.

Литература

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (ред. 01.07.2020). [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution>.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. 25.10.2024). [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=483691&ysclid=mem-qaedmwf422457824>.
3. О минимальных нормах питания и материально-бытового обеспечения осужденных к лишению свободы, а также о нормах питания и материально-бытового обеспечения подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, находящихся в следственных изоляторах федеральной службы исполнения наказаний, в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел Российской Федерации и пограничных органов федеральной службы безопасности, лиц, подвергнутых административному аресту, задержанных лиц в территориальных органах министерства внутренних дел Российской Федерации на мирное время: Постановление Правительства РФ от 11 апреля 2005 года № 205. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52811/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/.
4. Об утверждении Порядка организации питания осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, и следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: приказ ФСИН России от 23.05.2025 № 327. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-fsin-rossii-ot-23052025-n-327-ob-utverzhdenii/>.
5. Об утверждении норм вещевого довольствия осужденных к лишению свободы и лиц, содержащихся в следственных изоляторах (вместе с Порядком обеспечения вещевым довольствием осужденных к лишению свободы, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, и лиц, содержащихся в следственных изоляторах, Правилами ношения предметов вещевого довольствия осужденных к лишению свободы, отбывающих наказания в исправительных учреждениях): приказ Минюста России от 03.12.2013 № 216 (ред. от 16.12.2024). [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информа-

ции. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156723/.

6. Об утверждении свода правил «Исправительные учреждения и центры уголовно-исполнительной системы. Правила проектирования» (в двух частях): приказ Минстроя России от 20.10.2017 № 1454/пр. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minstroja-rossii-ot-20102017-n-1454pr-ob-utverzhenii/?ysclid=memqdxkzid905388646>
7. Игнатович М.О. Архитектурное формирование универсальной модели здания следственного изолятора // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2017. № 2(33).
8. Сироткина М.Л. Особенности создания и развития учреждений уголовно-исполнительной системы объединенного типа // Актуальные вопросы информатизации Федеральной службы исполнения наказаний: Сборник материалов. Тверь: ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2022.
9. Johnsen, Berit & Fransson, Elisabeth & Giofrè, Francesca. (2018). Prison, Architecture and Humans. Publisher: Cappelen Damm Akademisk Open access book: <https://press.nordicopenaccess.no/index.php/noasp/catalog/book/31>.
10. Hemali Sawant. Prison Architecture: Towards a More Secure Yet Humane Prison Design. URL: <https://thedesinggesture.com/prison-architecture//>.

MEDICAL AND SANITARY PROVISION OF PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY AS A SYSTEM FOR REALIZING THE HUMAN RIGHT TO HEALTH PROTECTION

Golubtsov V.A.

Kazan (Volga Region) Federal University

The article is devoted to the legal analysis of domestic legislation and departmental regulations on the implementation of the right of persons sentenced to imprisonment to health protection. It has been established that the realization of the right of persons sentenced to imprisonment to health protection is a system that includes the provision of medical services, the provision of organizational, legal, sanitary, preventive, psychoprophylactic and antiepidemiological measures, as well as the creation and maintenance of the existing infrastructure of correctional institutions and pre-trial detention facilities.

Using general scientific and private methods of scientific knowledge, the author's definition of the concept of "medical and sanitary provision of places of deprivation of liberty" is presented, proposals have been prepared to enhance the realization of the right of convicts to health protection, and the expediency of building new or redesigning existing civilian infrastructure facilities in correctional institutions and pre-trial detention facilities has been substantiated.

Keywords: health protection, medical and sanitary provision, rights of convicts.

References

1. The Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on December 12, 1993 (as amended on 07/01/2020). [Electronic resource] // The official Internet portal of legal information. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution>.
2. The Penal Enforcement Code of the Russian Federation dated 08.01.1997 No. 1-FZ (as amended on 10/25/2024). [Electronic resource] // The official Internet portal of legal information. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=483691&ysclid=memqaemdwf422457824>.
3. On the minimum standards of nutrition and material and household support for persons sentenced to imprisonment, as well as on the standards of nutrition and material and household support for suspects and accused of committing crimes held in pre-trial detention facilities of the Federal Penitentiary Service, in temporary detention facilities for suspects and accused of the internal affairs bodies of the Russian Federation and border agencies of the Federal security Service, persons persons subjected to administrative arrest, detained in the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in peacetime: Decree of the Government of the Russian Federation No. 205 dated April 11, 2005. [Electronic resource] // Official Internet portal of legal information. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52811/92d969e26a4326c5d-02fa79b8f9cf4994ee5633b/.
4. On approval of the Procedure for catering convicts and Persons in Custody in institutions Executing Criminal Penalties in the form of Imprisonment and Pre-trial Detention facilities of the penal enforcement system of the Russian Federation: Order of the Federal Penitentiary Service of Russia dated 05/23/2025 No. 327. [Electronic resource] // Official Internet portal of Legal Information. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-fsin-rossii-ot-23052025-n-327-ob-utverzhenii/>.
5. On approval of the standards of clothing allowances for persons Sentenced to Imprisonment and persons Held in Pre-trial detention facilities (together with the Procedure for providing clothing allowances for Persons Sentenced to Imprisonment serving Sentences in Correctional Institutions and Persons Held in Pre-trial detention Facilities, the Rules for wearing clothing allowances for Persons Sentenced to Imprisonment serving Sentences in Correctional Institutions): Order of the Ministry of Justice of Russia dated 03.12.2013 No. 216 (as amended on 16.12.2024). [Electronic resource] // The official Internet portal of legal information. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156723/.
6. On the approval of the code of rules "Correctional institutions and centers of the penal system. Design Rules" (in two parts): Order of the Ministry of Construction of Russia dated 20.10.2017 No. 1454/пр. [Electronic resource] // The official Internet portal of legal information. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minstroja-rossii-ot-20102017-n-1454pr-ob-utverzhenii/?ysclid=memqdxkzid905388646>
7. Ignatovich M.O. Architectural formation of a universal model of a pre-trial detention facility building // Academic Bulletin of Ural-NIIProekt RAASN. 2017. № 2(33).
8. Sirotkina M.L. Features of the creation and development of institutions of the combined penal system // Actual issues of informatization of the Federal Penitentiary Service: Collection of materials. Tver: FКУ NIIT of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2022.
9. Johnsen, Berit & Fransson, Elisabeth & Giofrè, Francesca. (2018). Prison, Architecture and Humans. Publisher: Cappelen Damm Akademisk Open access book: <https://press.nordicopenaccess.no/index.php/noasp/catalog/book/31>.
10. Hemali Sawant. Prison Architecture: Towards a More Secure Yet Humane Prison Design. URL: <https://thedesinggesture.com/prison-architecture//>.

Уголовно-правовая характеристика неправомерного оборота средств платежей

Дёрин Николай Игоревич,
независимый исследователь
E-mail: nickreal92@icloud.com

Статья посвящена актуальным теоретическим вопросам уголовно-правовой характеристики такого состава преступления как неправомерный оборот средств платежей. Приводится анализ внесенных в уголовное законодательство поправок применительно к нормам, содержащимся в статье 187 Уголовного кодекса Российской Федерации, во взаимосвязи с необходимостью изменения законодательства, регламентирующего порядок оборота средств платежей на финансовом рынке и их государственную защиту.

История борьбы российского государства с незаконным (теневым) оборотом денежных средств, полученным преступным путем, их обналичиванием, а также попытками избежать налоговой нагрузки коммерческими организациями в условиях рыночной экономики начата в российском правовом поле с момента принятия Уголовного кодекса Российской Федерации в 1996 году. В том виде уголовное законодательство предусматривало ответственность за изготовление или сбыт поддельных кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов.

Ключевые слова: средства, платеж, неправомерное, Уголовный кодекс, порядок.

Введение

В условиях рыночной экономики и развития цифровой инфраструктуры финансовой сферы, появление новых, ранее не использовавшихся способов и средств оплаты, дистанционного банковского обслуживания и электронной отчетности в определенной степени способствовало и появлению новых механизмов неправомерного оборота денежных средств, в том числе добытых преступным путем. Выявление таких фактов со стороны компетентных органов потребовало принятия государством мер, направленных на недопущение как нарушений налогового законодательства коммерческими организациями, так и легализации преступных доходов, и обосновало необходимость криминализации ответственности за совершение неправомерного оборота средств платежей.

Криминогенная обстановка потребовала закрепления на законодательном уровне механизмов государственного контроля за оборотом денежных средств в Российской Федерации, недопущения их вывода за пределы Российской Федерации и придания правомерного вида их владению, а также установления ответственности за легализацию доходов, полученных неправомерным или преступным путем.

В данной статье приведен анализ взаимосвязи между объектом вышеуказанного преступления и полноценностью нормативного регулирования денежно-кредитной системы в Российской Федерации с учетом положений законодательства о противодействии неправомерному обороту средств платежей.

Описание проводимого исследования

На практике внесенные законодателем изменения в нормативное регулирование в финансово-кредитной сфере, в том числе, коснулись расширения полномочий кредитных организаций по «замораживанию» активов, обязательной оценке ими степеней риска совершаемых клиентами операций и принятию мер к недопущению совершения подозрительных операций до установления обстоятельств их правомерности.

От государства это потребовало усиления и конкретизации уголовной ответственности на всех этапах совершения данных действий, как непосредственно при обналичивании денежной массы с использованием средств платежей, так и придании ей в последующем вида правомерного владения.

Государственное регулирование в данной сфере требует совершенствования не только применительно к уголовному праву, но и закрепления на законодательном уровне мер защиты средств платежей от несанкционированного отчуждения в пользу третьих лиц и использования их с целью неправомерного осуществления операций, а также принятия дополнительных мер к ограничению банковского обслуживания физических и юридических лиц, нарушающих правила пользования средствами платежей и привлекавшихся за это к ответственности.

В уголовном законодательстве преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 187 УК РФ, отнесено законодателем к категории тяжких, что обосновывается степенью повышенной общественной опасности данного преступления, обусловленной значимостью объекта преступного посягательства – общественных отношений в финансово-кредитной системе государства.

Наиболее значимые изменения в данной сфере произошли в 2015 году после внесения изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации.

С 2015 года ответственность по данной статье предусматривается за изготовление, приобретение, хранение, транспортировку в целях использования или сбыта, а равно сбыт поддельных платежных карт, распоряжений о переводе денежных средств, документов или средств оплаты (за исключением случаев, предусмотренных ст. 186 УК РФ), а также электронных средств, электронных носителей информации, технических устройств, компьютерных программ, предназначенных для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств.

Как видно из приведенных формулировок статья претерпела существенные изменения в части касающейся способов совершения данного преступления.

Законодателем с учетом развития цифровой инфраструктуры банковского обслуживания расширен список содержащихся в диспозиции статьи цифровых инструментов, с помощью которых указанное преступление может быть совершено, конкретизировав тем самым в правоприменительной практике предмет указанного преступления.

В таком виде ответственность в отличие от ранее имевшихся норм расширена за использование не только поддельных платежных карт, распоряжений о переводе денежных средств, документов или средств оплаты, состоящих на материальных носителях, но и за использование цифровых средств платежей, под которыми в соответствии с Федеральным законом от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» понимается средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием

информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств.

Как видно из приведенного определения, законодатель не устанавливает четкий перечень средств, которыми возможно совершение указанного преступления, указывая лишь на их функциональную принадлежность с точки зрения возможности совершения расчетных операций, что не ограничивает правоприменителя в вопросе правильности квалификации действий лица, совершающего изготовление, приобретение, хранение и сбыт таких электронных средств.

Объектом данного преступления является установленный законодателем порядок осуществления расчетных операций при обороте денежных средств в безналичной форме с использованием средств платежей.

Как указывалось выше, преступное посягательство на данный объект представляет повышенную общественную опасность, поскольку затрагивает отношения в сфере денежно-кредитной системы государства и может повлечь по своей сути неконтролируемые государством процессы в отношении оборота национальной и иностранных валют, что негативно скажется в широком смысле на возможности контроля финансового сектора государства и будет способствовать появлению теневого финансового рынка.

Порядок осуществления банковских операций с использованием электронных средств платежей в Российской Федерации установлен Федеральным законом от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», регламентирующим оборот и использование электронных средств платежей, порядок действий их эмитента и обязанности клиента оператора (пользователя), подразумевающий запрет на использование (отчуждение) третьими лицами. Данные положения предусматривают лишь ограниченный порядок действий пользователя электронного средства платежа в случаях его неправомерного отчуждения по независящим от него обстоятельствам, в виде незамедлительного сообщения эмитенту о выбытии средств платежа из законного владения и его возможного использования третьими лицами.

В случае с неправомерным изготовлением, приобретением, хранением и сбытом электронных средств платежей факультативным объектом данного преступления является правомерный оборот электронных средств платежей, установленный Федеральным законом от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», Федеральным законом от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» и Федеральным законом от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

Указанными выше федеральными законами регламентирован порядок оборота электронных средств платежей, который устанавливает обязанность клиента оператора по переводу денежных средств лишь к обеспечению конфиденциальности информации, содержащейся на электронном ключе и предоставляющей доступ к использованию данным средством.

Данные нормы напрямую связаны с тем, что в случае использования электронных средств платежей третьими лицами кредитная (банковская) организация лишена иным дистанционным образом возможности идентифицировать клиента при обращении в кредитную организацию с распоряжением о переводе денежных средств либо совершением от имени владельца иных юридически значимых действий.

Вместе с тем, на законодательном уровне до настоящего времени отсутствует прямой запрет на отчуждение электронного (цифрового) носителя информации (электронного ключа) третьим лицам. Данный запрет на практике реализуются непосредственно кредитной (банковской) организацией при заключении договора с клиентом об использовании данного цифрового носителя информации (электронного ключа), что позволяет кредитной организации в таком случае по условиям заключенного с клиентом договора в одностороннем порядке расторгнуть соответствующий договор и прекратить банковское обслуживание, что, в свою очередь, зачастую влечет обращение лица, заинтересованного в незаконном использовании электронного средства платежа в иные кредитные организации с целью дальнейшего неправомерного использования иных средств платежей при совершении незаконных операций.

Значительные с точки зрения предыдущей редакции изменения коснулись данного состава преступления в редакции Федерального закона от 24.06.2025 № 176-ФЗ, которым в части 3 данной статьи установлена ответственность лиц, которые передают (сбывают) такие электронные средства платежей из корыстных побуждений либо предоставляют доступ к ним другим лицам для осуществления третьими лицами неправомерных операций.

В данном случае законодатель выделил в отдельную норму действия лиц, передающих (отчуждающих) в любой форме электронные средства платежей для совершения неправомерных операций.

Как указывалось выше, объектом данного преступления будет являться только общественные отношения, связанные с правомерным оборотом электронных средств платежа, установленные федеральным законодательством.

При этом, законодатель при внесении изменений в данную норму не исключил диспозитивный признак сбыта средств платежей в части 1 исследуемой статьи.

По смыслу закона под незаконной передачей средств платежей следует понимать их незаконное предоставление лицом, у которого они находятся, другому лицу для временного использования или хранения; под сбытом же следует понимать их безвозвратное отчуждение другому лицу (приобретателю) в результате совершения какой-либо противоправной сделки (возмездной или безвозмездной), то есть продажу, дарение, обмен и т.п.

Помимо этого, изменения коснулись части 5 настоящей статьи, предусматривающей ответственность не только для так называемых «дропперов» (лиц, сбывающих электронные средства платежей), но и посредников в таких действиях (приобретение либо передача), которые участвуют в непосредственной передаче данных средств платежей конечному получателю, осуществляющему неправомерные операции.

Как указывалось выше, запрет отчуждения (передачи) электронных средств платежей на законодательном уровне вне зависимости от мотивов такого отчуждения и целей лица, которому данные средства платежей были переданы, позволит в правоприменительной практике не допустить фактов избежания уголовной ответственности в связи с недоказанностью мотива совершенного преступления, относящихся к категории латентных, и выявляемых зачастую органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность.

Само по себе действие злоумышленников – открытие расчетных счетов в кредитных учреждениях без фактического намерения осуществлять по ним какую-либо деятельность, при отсутствии умысла на совершение преступления при определенных условиях может порождать гражданско-правовые последствия и ответственность для лица, передающего полученные им в банке сведения и пароли третьим лицам в нарушение порядка, установленного нормативно-правовыми актами или предусмотренного договором банковского обслуживания клиента¹.

В ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности либо предварительного следствия вопрос осведомленности или неосведомленности лица о совершении неправомерных операций иными лицами без его фактического согласия с учетом латентного характера преступления будет сложным с точки зрения документирования и доказывания на стадии предварительного следствия, а поскольку данное преступление совершается только из корыстной заинтересованности, в случае отсутствия каких-либо сведений о передаче денежных средств аффилированным лицам, привлечение лица к ответственности является невозможным при всей полноте выполнения объективной стороны данного преступления.

Наряду с экономической составляющей государственного регулирования денежно-кредитной политики, объектом данного преступления также являются общественные отношения, возникшие

¹ Определение суда кассационной инстанции от 3 апреля 2025 г. № 66-УДП25–11-К8

в экономической деятельности физических и юридических лиц, когда поддельные средства платежей используются для доступа к банковским счетам организаций и граждан с целью последующего хищения денежных средств.

Хотя данный состав преступления уголовного законодательства не имеет отдельных разъяснений со стороны Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в случае с хищениями такие разъяснения содержатся в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», которые прямо указывают на необходимость правильной квалификации действий лица в случае использования им электронных средств платежей, указанных в ст. 187 УК РФ, с целью совершения хищения (кражи либо мошенничества), по совокупности приготовления к хищению и оконченного преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ.

Нельзя не согласиться с позицией Нудель С.Л. относительно определения объекта преступления, как отношений в сфере финансов¹, возникающих в связи с организацией обращения безналичных денег, то есть с установленным порядком эмиссии и оборота кредитных или расчетных карт, иных платежных документов, не являющихся ценными бумагами. В качестве дополнительного объекта преступления можно назвать имущественные права и законные интересы граждан, организаций, государства².

Данное определение объекта исследуемого состава преступления является наиболее полным, указывающим на повышенную общественную опасность данного преступления.

В связи с вышеуказанными пробелами законодательного регулирования оборота средств платежей, автор предлагает дополнить действующее законодательство как в уголовном законе, так и в нормативно-правовых актах регулирующих непосредственно банковскую деятельность, в части касающейся оборота средств платежей, следующими изменениям:

- законодательно закрепить прямой запрет для клиента оператора по переводу денежных средств на отчуждение электронных средств платежей, электронных носителей информации и необходимых для этого технических устройств в Федеральном законе от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» и Федеральном законе от 07.08.2001

¹ Финансы представляют собой экономические отношения, связанные с формированием, распределением и использованием централизованных и децентрализованных фондов денежных средств в целях выполнения функций и задач государства и обеспечения условий расширенного воспроизводства. См.: Финансы: Учебник для вузов / Под ред. проф. Л.А. Дробозиной. М.: ЮНИТИ, 2002. С. 13–14.

² Нудель С.Л. К вопросу об уголовной ответственности за изготовление или сбыт поддельных кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов // Банковское право. 2010. № 3. С. 34–38.

№ 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»;

- дополнить и усилить ответственность за совершение действий, предусмотренных в ч. 1 ст. 187 УК РФ, для лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации, то есть установить специальный субъект преступления;
- предусмотреть административную преюдицию для лиц, впервые совершивших действия, изложенные в ч. 5 ст. 187 УК РФ;
- внести в административное законодательство ответственность для лиц, впервые совершивших действия, указанные в ч. 5 ст. 187 УК РФ;
- внести изменения в часть 5 ст. 187 УК РФ, дополнив диспозицию статьи совершением изложенных в ней действий из иной личной заинтересованности.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699);
2. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625);
3. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834);
4. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842);
5. Финансы: Учебник для вузов / Под ред. проф. Л.А. Дробозиной. М.: ЮНИТИ, 2002. С. 13–14;
6. Нудель С.Л. К вопросу об уголовной ответственности за изготовление или сбыт поддельных кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов // Банковское право. 2010. № 3. С. 34–38.

CRIMINAL-LEGAL CHARACTERISTICS OF ILLEGAL CIRCULATION OF MEANS OF PAYMENT

Derin N.I.

The article is devoted to current theoretical issues of criminal-legal characteristics of such a crime as illegal circulation of means of payment. The analysis of amendments made to the criminal legislation in relation to the norms contained in Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation is given in connection with the need to change the legislation regulating the procedure for the circulation of means of payment in the financial market and their state protection. The history of the fight of the Russian state against illegal (shadow) circulation of funds obtained by criminal means, their cashing, as well as attempts to avoid the tax burden by commercial organizations

in the conditions of a market economy began in the Russian legal field from the moment of adoption of the Criminal Code of the Russian Federation in 1996. In that form, criminal legislation provided for

liability for the production or sale of counterfeit credit or debit cards and other payment documents.

Keywords: funds, payment, illegal, Criminal Code, procedure.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 31.07.2025) (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699);
2. Federal Law of 27.06.2011 No. 161-FZ "On the National Payment System" (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625);
3. Federal Law of 07.08.2001 No. 115-FZ "On Counteracting the Legalization (Laundering) of Criminally Obtained Incomes and the Financing of Terrorism" (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834);
4. Federal Law of 02.12.1990 No. 395-1 "On Banks and Banking Activities" (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842);
5. Finance: Textbook for Universities / Ed. by prof. L.A. Drobozina. Moscow: UNITY, 2002. Pp. 13–14;
6. Nudel S.L. On the Issue of Criminal Liability for the Manufacture or Sale of Counterfeit Credit or Debit Cards and Other Payment Documents // Banking Law. 2010. No. 3. Pp. 34–38.

Проблемы реализации права на защиту в ходе доследственной проверки по уголовному делу

Дудникова Каролина Валериевна,

аспирант, ФОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

В статье исследуются юридические аспекты статуса граждан, в отношении которых осуществляется проверка по заявлению о возбуждении уголовного дела. Проводится критический анализ текущей нормативно-правовой базы, регулирующей их положение и процессуальные возможности. Отмечается, что недостаточная регламентация негативно влияет на обеспечение защиты прав этих лиц в ходе досудебного этапа уголовно-процессуального производства. Особое внимание уделяется необходимости законодательного закрепления перечня прав и обязанностей для данной категории лиц, а также расширению полномочий адвоката при проведении доследственных мероприятий. Аргументируется необходимость корректировки положений статей 53 и 144 УПК РФ для создания полноценного и действенного юридического статуса участников процесса, который обеспечил бы равновесие между государственными интересами и правами личности. Результатом проведенного анализа стали конкретные рекомендации по модернизации уголовно-процессуального законодательства и усилению механизмов защиты законных интересов граждан на этапе предварительной проверки сообщений о преступлениях.

Ключевые слова: доследственная проверка, право на защиту, процессуальный статус, УПК РФ, участники проверки, адвокат, права и обязанности, уголовное судопроизводство, жалоба, законодательное регулирование.

В условиях развития уголовно-процессуального законодательства особое значение приобретает проблема обеспечения прав лиц, в отношении которых проводится доследственная проверка. На этом раннем этапе уголовного судопроизводства от эффективности процессуальных гарантий во многом зависит не только защита прав личности, но и справедливость будущего уголовного преследования или отказа в нем. Несмотря на принимаемые законодателем меры по регулированию статуса участников проверки сообщения о преступлении, анализ действующих норм и практики их применения выявляет существенные проблемы, препятствующие реализации права на защиту в полном объеме. Вопрос о необходимости четкой регламентации статуса и процессуальных возможностей таких лиц продолжает оставаться актуальным как в научном сообществе, так и среди практикующих юристов.

Право на защиту относится к числу фундаментальных прав человека, обеспечение которого представляет собой важнейшую задачу правового государства. Особую актуальность вопрос реализации права на защиту приобретает в контексте доследственной проверки, когда процессуальный статус лица еще не определен, но фактически оно уже вовлечено в орбиту уголовно-процессуальных отношений.

Статья 48 Конституции России [1] устанавливает универсальное право граждан на получение квалифицированной юридической помощи. Вторая часть указанной статьи детализирует, что любое лицо, подвергнутое задержанию, взятию под стражу или которому предъявлены обвинения, имеет законное право привлечь адвоката-защитника непосредственно с момента применения к нему данных мер процессуального принуждения или выдвижения обвинений. При дословном анализе данного положения можно заключить, что Конституция РФ увязывает возникновение правовых оснований для защиты со строго определенными процессуальными ситуациями – фактическим задержанием, взятием под стражу или формальным обвинением. Тем не менее, в текущих реалиях подобная узкая интерпретация выглядит недостаточной и не соответствующей требованиям полноценного обеспечения правовой защищенности граждан.

Многokrатно в своих решениях Конституционный Суд РФ акцентировал внимание на том, что соображения административного удобства и оптимизации функционирования государственных институтов недопустимо использовать в качестве аргумента для сужения или ущемления закрепленных

в Конституции прав российских граждан. Это означает, что право на защиту должно быть обеспечено независимо от формальных процедур, если лицо фактически подвергается уголовному преследованию или избыточной деятельности со стороны государственных органов.

Примечательно, что еще в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года (статья 630) [7] содержались положения о праве на защиту, что свидетельствует о глубоких исторических корнях данного института в российском праве. Современное конституционное регулирование права на защиту должно пониматься не узко формально, а в широком смысле – как гарантия судебной защиты прав и свобод человека, независимо от стадии уголовного преследования.

Доследственная проверка регламентирована статьей 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [2] и представляет собой комплекс процессуальных действий, направленных на установление признаков преступления до возбуждения уголовного дела. На этом этапе создаются условия для принятия решения о возбуждении либо об отказе в возбуждении уголовного дела. Несмотря на кажущуюся «предварительность» этого этапа производства по уголовному делу, именно здесь нередко собирается значительный объем фактического материала, который впоследствии может быть использован как доказательства в уголовном деле.

В результате многочисленных изменений законодательства [4] и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации [6] и Верховного Суда Российской Федерации [5] сформировалась практика, допускающая осуществление элементов уголовного преследования еще до принятия решения о возбуждении уголовного дела. Этот подход существенно расширяет практическое значение стадии доследственной проверки, но одновременно создает проблемы с обеспечением прав лиц, в отношении которых эта проверка проводится.

В период проведения доследственной проверки возможно существенное ограничение конституционных прав граждан, что требует обеспечения соответствующего механизма их защиты. Несовершенство правового регулирования доследственной проверки заключается в том, что законодатель, декларируя само право на защиту, не устанавливает четкий порядок и условия его реализации на данной стадии.

Часть 4 статьи 49 УПК РФ устанавливает, что адвокат вступает в уголовное дело в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера. Здесь возникает процедурная коллизия: ордер выдается на участие в конкретном уголовном деле, но на стадии доследственной проверки уголовное дело еще не возбуждено.

С.В. Колобова утверждает, что недоступность правовой поддержки в критических ситуациях, когда гражданин испытывает острую необходимость в юридической помощи, отрицательно сказыва-

ется на формировании правосознания населения и создает препятствия для эффективного становления государства, основанного на верховенстве права [9]. Среди таких критических ситуаций особо выделяется добровольное признание гражданином своей вины в совершении преступления. Высшая судебная инстанция России подчеркивает обязательность информирования лиц, приходящих с добровольным признанием, об их праве на юридическую защиту и создания условий для реализации этого права.

Анализ правовых позиций Конституционного Суда [6] и Верховного Суда Российской Федерации [5] позволяет сделать вывод: лицо имеет право на помощь адвоката с любого момента, когда в отношении него начинают осуществляться действия избыточного характера. Логично предположить, что моментом возникновения права на защиту должно считаться начало избыточной деятельности в отношении лица, что соответствует принципу презумпции невиновности.

В целях полноценной реализации гарантированного Конституцией права граждан на защиту представляется необходимым существенно расширить и детализировать список процессуальных ситуаций, при которых обязательно участие адвоката в качестве защитника. В данный перечень следует включить такие юридически значимые моменты, как: инициирование уголовного производства персонально в отношении определенного гражданина, фактическое ограничение свободы лица при подозрении в криминальной активности, введение ограничительных мер процессуального характера, а также официальное вручение документа с формулировкой подозрений в совершении противоправных действий.

Практика уголовного судопроизводства нередко сталкивается с ситуацией, когда следователь, дознаватель или суд назначают адвоката-защитника в дело, где уже участвует защитник по соглашению. Подобные ситуации часто порождают серьезные противоречия между защитником, приглашенным подозреваемым или обвиняемым, и адвокатом, назначенным в порядке ст. 51 УПК РФ. Конфликт усугубляется, когда должностное лицо настаивает на сохранении в деле назначенного адвоката вопреки явно выраженному отказу от его помощи со стороны подозреваемого или обвиняемого.

Корень проблемы кроется в несогласованности положений УПК РФ, Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [3] и иных нормативно-правовых актов. С одной стороны, эти документы устанавливают четкую процедуру привлечения защитника по назначению, с другой – содержат противоречивые положения, вызывающие различные толкования на практике.

В соответствии с положениями частей 3 и 4 статьи 50 УПК РФ, при неявке приглашенного по соглашению адвоката в пятидневный срок после подачи соответствующего ходатайства, представите-

ли следственных органов или судебная инстанция имеют законное основание предложить подозреваемому или обвиняемому привлечь альтернативного защитника. В случае отклонения данного предложения активируется механизм назначения адвоката через процедуры, установленные советом ФПА России. Сходный правовой механизм предусмотрен и для ситуаций, когда уже участвующий в процессе защитник не имеет возможности на протяжении пяти суток присутствовать при проведении определенного процессуального действия, а подзащитный не инициирует привлечение другого адвоката и не ходатайствует о его назначении – в таких обстоятельствах следователь или дознаватель получает право осуществить данное процессуальное действие без адвоката подозреваемого (обвиняемого). Дополнительно законодательство предусматривает, что если в течение 24 часов с момента фактического задержания или заключения под стражу явка избранного подозреваемым или обвиняемым защитника объективно невозможна, инициируются меры по назначению государственного адвоката через установленную законом процедуру.

Отсутствие четкого процессуального статуса лица, в отношении которого проводится доследственная проверка, выступает ключевой проблемой реализации права на защиту и представляет собой серьезный пробел уголовно-процессуального законодательства. Несмотря на то, что стадия возбуждения уголовного дела является первоначальной в уголовном процессе, именно на ней зачастую формируется основа будущего обвинения, а действия должностных лиц могут существенно затрагивать права и свободы граждан.

Законодатель, описывая процессуальные статусы участников уголовного судопроизводства в главе 6–8 УПК РФ, не выделяет такую категорию участников как «лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении». Такое нормативное упущение приводит к тому, что фактически вовлеченное в орбиту уголовно-процессуальных отношений лицо оказывается в правовом вакууме. По мнению Д.Н. Стацюк, ключевым фактором, существенно затрудняющим обеспечение надлежащей правовой защиты, является неопределенность юридического положения участников процессуальных действий. Отсутствие четко регламентированного процессуального статуса и законодательно закреплённого перечня правомочий создает значительные трудности для реализации правовых гарантий. Особенно остро данная проблема проявляется в отношении субъектов, подвергающихся доследственной проверке по заявленному преступному деянию, поскольку их правовое положение находится в своеобразном «юридическом вакууме», не позволяющем полноценно использовать механизмы правовой защиты [13].

Конституционный Суд РФ в своих решениях неоднократно указывал [6], что право на защиту должно обеспечиваться на любой стадии уголов-

ного процесса, в том числе и при проведении доследственной проверки. Законодатель, внося изменения в ст. 144 УПК РФ, предпринял попытку решить данную проблему, закрепив отдельные права участников проверки сообщения о преступлении, однако это не привело к формированию целостного процессуального статуса [6].

Отсутствие регламентации статуса лица, в отношении которого проводится проверка, порождает парадоксальную ситуацию: с одной стороны, такое лицо фактически подвергается обвинительной деятельности со стороны государства, а с другой – не обладает эффективными механизмами защиты своих прав.

Размытость правового положения фигурантов доследственной проверки логично вытекает из отсутствия их четкого статуса в законодательстве. Несмотря на дополнения в ст. 144 УПК РФ (ФЗ № 23-ФЗ от 04.03.2013) об обязательном разъяснении прав участникам проверки, конкретный перечень этих прав не определен [4]. Анализ кодекса выявляет лишь фрагментарные права таких лиц: не свидетельствовать против себя и близких, привлекать адвоката, обжаловать действия должностных лиц и представлять доказательства, что не создает целостного процессуального статуса.

Особую тревогу вызывает отсутствие четкой регламентации процедуры разъяснения этих прав и фиксации данного факта. Как справедливо отмечается в специальной литературе, «письменность как характерная черта российского досудебного производства требует процессуальной фиксации факта разъяснения права на защиту» [10]. Без такой фиксации невозможно проконтролировать соблюдение гарантий прав участников проверки и обеспечить допустимость получаемых доказательств.

Неопределенность обязанностей лица, в отношении которого проводится проверка, также создает почву для произвольных действий должностных лиц. Например, лицо может быть фактически принуждено к даче объяснений или участию в следственных действиях под угрозой применения мер процессуального принуждения, хотя такой порядок для стадии доследственной проверки законом не предусмотрен [12].

Для более глубокого понимания проблемы необходимо провести сравнительный анализ процессуального положения лица, в отношении которого проводится доследственная проверка, со статусом подозреваемого и обвиняемого.

Статус подозреваемого и обвиняемого детально регламентирован в УПК РФ (ст. 46, 47). Данные участники наделены обширными правами: знать суть подозрений, свободно выбирать позицию в отношении показаний, представлять доказательства, заявлять ходатайства (отводы), изучать материалы дела и обжаловать процессуальные решения. Им также гарантировано право на защиту с обязательным участием адвоката в предусмотренных законом случаях.

В отличие от подозреваемого и обвиняемого, лицо, в отношении которого проводится доследственная проверка, находится в явно неравноправном положении. Несмотря на то, что в отношении него могут проводиться процессуальные действия, направленные на выявление признаков преступления, оно лишено большинства гарантий, которые предоставлены подозреваемому и обвиняемому.

Если буквально толковать статьи 49–53 УПК РФ, то выявляется, что законодатель использует термины «уголовное дело», «подозреваемый», «обвиняемый». Однако на этапе доследственной проверки ни уголовное дело не возбуждено, ни указанные участники еще не определены. Такая ситуация приводит к противоречию в правовом регулировании: формально адвокат не вправе действовать как защитник до того момента, пока лицо официально не получит статус подозреваемого или обвиняемого.

Существенно, что объяснения, полученные при доследственной проверке, могут стать доказательствами, но нарушение права на защиту при их получении делает их недопустимыми. Как отмечается, ущемление права на защиту в ходе предварительной проверки приводит к признанию незаконными всех полученных объяснений и результатов процессуальных действий [10]. На практике право на квалифицированную юридическую помощь при проверке сообщений о преступлениях, хотя и закреплено законом, часто искусственно ограничивается [14].

В своих исследованиях Л.Б. Обидина указывает на существенные барьеры, препятствующие вовлечению защитника в процесс доследственной проверки. Проблема коренится в отсутствии заинтересованности официальных представителей, проводящих первичное рассмотрение сообщений о противоправных действиях, в присутствии адвоката, защищающего права и свободы проверяемого лица [11].

Практика показывает, что сотрудники правоохранительных органов регулярно игнорируют свою обязанность информировать граждан о возможности получения квалифицированной юридической помощи. Они целенаправленно умалчивают о существовании такого права, не предоставляют разъяснений относительно процедуры его практической реализации и преднамеренно не формируют необходимые организационные условия для полноценного осуществления данного конституционного права. Тем самым создается искусственный дефицит правовой защищенности на начальном, но крайне важном этапе уголовного процесса [8].

Вызывает серьезную обеспокоенность существующая ситуация с размытостью юридического положения субъектов, подвергающихся первичным проверочным мероприятиям. Несовершенство нормативной базы, регламентирующей участие профессионального защитника на стадии предварительного рассмотрения информации о возможном преступлении, создает существенные право-

применительные затруднения в вопросе легитимного вступления адвоката в формирующийся уголовный процесс.

Данный правовой пробел активно используется представителями следственных органов в качестве инструмента для искусственного ограничения конституционного права граждан на получение квалифицированной юридической поддержки. Такая практика фактически превращает законодательную недоработку в механизм сознательного сужения объема процессуальных гарантий для лиц, оказавшихся под на ранних этапах уголовного преследования.

Практика судов свидетельствует о наличии этой проблемы. Так, при рассмотрении жалоб лиц, которых фактически подозревают, судебные инстанции часто приходят к выводу, что права на защиту не были нарушены. Объясняется это тем, что в материалах дел отсутствуют сведения, прямо указывающие на то, что проверка велась именно в отношении конкретных лиц. В свою очередь, сотрудники полиции заявляют, что доследственная проверка проводится по факту возможного преступления, а не в отношении определённого человека. Подобный формальный подход позволяет обходить установленные гарантии права на защиту [5].

Особую тревогу вызывает широкая дискреция следователя (дознателя) при проведении доследственной проверки. Отсутствие четкой регламентации процессуального статуса лица, в отношении которого проводится проверка, и неопределенность объема его прав и обязанностей позволяют должностному лицу действовать по «внутреннему убеждению», что нередко приводит к произволу.

Пункт 1 части 3 статьи 41 УПК РФ устанавливает, что дознаватель имеет право самостоятельно осуществлять следственные и иные процессуальные мероприятия, а также выносить соответствующие решения, за исключением тех случаев, когда по закону требуется одобрение начальника органа дознания, согласие прокурора или постановление суда. Следователь наделен аналогичными возможностями. Такая значительная свобода действий, совмещенная с неопределенностью правового положения лица, в отношении которого проводится проверка, создает предпосылки для возможных нарушений прав граждан.

Особого внимания заслуживает тот факт, что субъективная оценка представителя дознания становится определяющим фактором в вопросе признания влияния процессуальных мероприятий на правовую сферу гражданина. Подобная модель наделяет следственные органы чрезмерной свободой усмотрения относительно фундаментальных аспектов правового статуса участников процессуальных действий.

Такое положение создает парадоксальную ситуацию, при которой ответственность за обеспечение процессуальных гарантий возложена на лицо, объективно не заинтересованное в их предоставлении. Именно на должностное лицо, основ-

ной задачей которого является сбор потенциально обвинительных материалов, возлагается принятие решения об информировании лица о его правах, создании условий для привлечения адвоката-защитника и реализации иных правовых механизмов, препятствующих получению односторонних доказательств.

Отсутствие определенного процессуального статуса создает значительные трудности для лиц, вовлеченных в доследственную проверку, при реализации своих прав. Эти трудности проявляются в различных аспектах взаимодействия с правоохранительными органами.

Прежде всего, граждане, в отношении которых осуществляется процедура предварительной проверки, регулярно оказываются не осведомлены о её сути и направленности. В противоположность ситуации с подозреваемым (получающим разъяснения о существе подозрений) или обвиняемым (которому предъявляется официальное обвинение), лицу, фактически попавшему под подозрение, может оставаться неизвестным, какое именно деяние стало предметом проводимой проверки.

Во-вторых, существуют трудности с обжалованием действий и решений должностных лиц. Неопределенность статуса лица затрудняет формулирование предмета жалобы и обоснование нарушения прав. Кроме того, как показывает судебная практика, суды нередко отказывают в удовлетворении жалоб, ссылаясь на то, что проверка проводилась не в отношении конкретного лица, а по факту преступления.

Исследование действующего законодательства, регулирующего положение лиц, в отношении которых осуществляется доследственная проверка, ясно показывает, что необходимы глубокие преобразования этого правового института. Законодателю следует внести в УПК РФ новый процессуальный статус – «лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении». Принятие такого решения позволит ликвидировать имеющийся пробел в правовом регулировании и обеспечить гражданам должную защиту их прав на ранних этапах уголовного судопроизводства.

В научных работах Т.В. Шутевой обосновано подчеркивается критическая значимость материалов, полученных в ходе предварительной проверочной деятельности, для принятия процессуально значимого решения о начале официального уголовного преследования либо об отклонении такой возможности. Учитывая фундаментальный характер данной стадии, приоритетной задачей современной уголовно-правовой политики должно стать формирование четко определенного процессуального положения для всех вовлеченных в доследственную проверку субъектов.

При модернизации законодательной базы особую важность приобретает не только утверждение нового правового статуса, но и последовательная интеграция соответствующих поправок в структуру УПК РФ, в частности в шестую главу, посвященную участникам процесса, представляющим

сторону защиты. Необходима детальная регламентация комплекса правомочий и юридических обязанностей проверяемого субъекта, выстроенная по аналогии с существующими нормами в отношении лиц, формально признанных подозреваемыми или обвиняемыми в рамках возбужденного уголовного дела.

Одним из ключевых векторов трансформации нормативно-правовой базы должно стать качественное расширение и укрепление процессуальных возможностей адвоката на этапе первичного рассмотрения информации о совершенном преступлении. Как неоднократно отмечалось в рамках настоящего исследования, актуальная юридическая регламентация функционирования профессионального защитника в рамках доследственных мероприятий характеризуется фрагментарностью, внутренней противоречивостью и существенными правовыми лакунами.

Целесообразно внести изменения в ст. 53 УПК РФ, дополнив ее положениями, специально регламентирующими полномочия адвоката при проведении доследственной проверки. К числу таких прав стоит отнести возможность присутствовать при даче объяснений, осуществляемых в отношении проверяемого лица; право ознакомиться с материалами проверки до вынесения решения по сообщению о преступлении; право предоставлять доказательства; право подавать ходатайства и заявления об отводе; а также право обжаловать действия (или бездействие), а также решения уполномоченных должностных лиц. Кроме того, необходимо законодательно закрепить обязанность следователя (дознателя) уведомлять адвоката о проведении процессуальных действий с участием его доверителя.

Ключевой проблемой обеспечения права на защиту в стадии доследственной проверки является отсутствие четкого перечня прав лиц, в отношении которых проводится проверка. Несмотря на то, что в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ закреплена обязанность разъяснения прав и обязанностей участникам проверки сообщения о преступлении, законодатель не конкретизировал, какими именно правами обладают эти участники.

В целях устранения данного пробела необходимо дополнить ст. 144 УПК РФ частью 1.2, в которой следует закрепить исчерпывающий перечень прав лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. К таким правам, по нашему мнению, должны относиться: право знать, в связи с чем проводится проверка; право давать объяснения или отказаться от их дачи; право пользоваться помощью адвоката; право представлять документы и предметы для приобщения к материалам проверки; право заявлять ходатайства о производстве процессуальных действий; право заявлять отводы; право приносить жалобы на действия (бездействие) и решения должностных лиц; право изучать материалы проверки по ее окончании перед принятием решения о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела. Особую важность

представляет право лица знать, в связи с чем проводится проверка, поскольку без этого знания невозможно выстроить эффективную линию защиты.

В заключение проведенного исследования необходимо подчеркнуть, что современное состояние правового регулирования статуса лица, в отношении которого проводится следственная проверка, не соответствует принципам законности, справедливости и обеспечения права на защиту. Анализ нормативно-правовой базы и правоприменительной практики свидетельствует о наличии серьезных правовых лакун, позволяющих должностным лицам действовать по собственному усмотрению, зачастую в ущерб интересам граждан. Отсутствие четкой регламентации процессуального положения и объема прав проверяемого лица создает предпосылки для нарушений и фактического ограничения процессуальных гарантий на досудебных стадиях уголовного процесса.

Сравнительный анализ с положением подозреваемого и обвиняемого наглядно демонстрирует явное неравенство: несмотря на то, что в отношении лица проводятся мероприятия, сходные по своей сути с уголовным преследованием, оно не обладает даже минимальным набором прав, необходимых для эффективной защиты. Действующие законодательные новеллы, предусматривающие разъяснение отдельных прав участникам проверки, носят фрагментарный и декларативный характер, не формируя целостного процессуального статуса.

Результаты исследования позволили сформулировать ключевые направления совершенствования законодательства. Прежде всего, важно внести в УПК РФ отдельный статус – «лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении», установив четкий круг его прав и обязанностей, а также процедуру их разъяснения и процессуального оформления. Помимо этого, необходимо дополнить и уточнить права адвоката на этапе следственной проверки, чтобы гарантировать соблюдение принципа состязательности и обеспечить гражданину эффективную защиту уже с самого начала его взаимодействия с органами правопорядка.

Таким образом, модернизация уголовно-процессуального законодательства, направленная на устранение выявленных пробелов и формирование эффективных правовых механизмов защиты на следственной стадии, является необходимым условием укрепления законности, защиты прав личности и повышения доверия к институтам уголовного судопроизводства.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 21.04.2025).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 21.04.2025).
3. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.10.2024) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 21.04.2025).
4. Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 21.04.2025).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 21.04.2025).
6. Определение Конституционного Суда РФ от 13.10.2022 № 2665-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кашликова Дмитрия Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 24, 27, 51 и 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 21.04.2025).
7. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 21.04.2025).
8. Васяев, А.А. Общие условия судебного разбирательства / А.А. Васяев. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 216 с.; Васяев, А.А. Разрешение вопроса о заключении подсудимого под стражу (продление срока содержания под стражей) в ходе судебного разбирательства / А.А. Васяев // Современное право. – 2009. – № 3. – С. 116–119.
9. Колобова, С.В. Некоторые вопросы реализации права на юридическую помощь / С.В. Колобова // Право и практика. Научные труды института Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина в г. Кирове. – 2015. – № 1(14). – С. 56–60.
10. Наумов, К. А. О праве на защиту лица, в отношении которого проводится следственная проверка / К.А. Наумов // Сибирское юридическое обозрение. – 2016. – № 4 (33). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-prave-na-zaschitu-litsa-v-otnoshenii-kotorogo-provoditsya-dosledstvennaya-proverka> (дата обращения: 21.04.2025).

11. Обидина, Л.Б. Некоторые вопросы обеспечения прав участников доследственной проверки / Л.Б. Обидина // Российский следователь. – 2016. – № 1. – С. 17–21.
12. Павлов, А.В. Обеспечение надлежащего поведения лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении / А.В. Павлов // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2021. – № 3 (44). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-nadlezhaschego-povedeniya-litsa-v-otnoshenii-kotorogo-provoditsya-proverka-soobscheniya-o-prestuplenii> (дата обращения: 22.04.2025).
13. Стацюк, Д.Н. Актуальные проблемы обеспечения прав лиц, участвующих в производстве процессуальных действий в ходе проверки сообщения о преступлении / Д.Н. Стацюк // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 1(51). – С. 155–159.
14. Ушаков, А.Ю. Проблемы реализации права на защиту в стадии возбуждения уголовного дела / А.Ю. Ушаков, В.Н. Чаплыгина // Аграрное и земельное право. – 2019. – № 8 (176). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-realizatsii-prava-na-zaschitu-v-stadii-vozbuzhdeniya-ugolovnogo-dela> (дата обращения: 22.04.2025).

PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE RIGHT TO PROTECT ONE'S LEGITIMATE INTERESTS BY PERSONS SUBJECT TO PRELIMINARY INQUIRY

Dudnikova K.V.

Moscow state law university named after O.E. Kutafin

This article examines the issues related to the legal status of individuals subject to a preliminary inquiry following a crime report. It analyzes the insufficiency of current regulatory frameworks regarding their status and the scope of their procedural rights, which negatively impacts the realization of the right to defense at the pre-trial stage of criminal proceedings. Special attention is given to the necessity of legislatively establishing a clear list of rights and obligations for this category of persons, as well as expanding the powers of defense attorneys during preliminary investigative actions. The article justifies the advisability of amending Articles 53 and 144 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation to create a coherent and effective procedural status that ensures a balance between the interests of the state and the individual. Based on the study, recommendations are made to improve criminal procedural legislation and enhance guarantees for protecting citizens' rights at the preliminary inquiry stage.

Keywords: preliminary inquiry, right to defense, procedural status, Criminal Procedure Code of the Russian Federation, participants in inquiry, defense attorney, rights and obligations, criminal proceedings, complaint, legislative regulation.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-

- Russian vote on 01.07.2020) [Electronic resource] // Access: SPS "Consultant Plus Prof" (date of access: 21.04.2025).
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 20.03.2025) [Electronic resource] // Access: SPS "Consultant Plus Prof" (date of access: 21.04.2025).
3. Federal Law of 31.05.2002 No. 63-FZ (as amended on 22.04.2024) "On Advocacy and the Bar in the Russian Federation" (as amended and supplemented, entered into force on 20.10.2024) [Electronic resource] // Access: SPS "Consultant Plus Prof" (date of access: 21.04.2025).
4. Federal Law of 04.03.2013 No. 23-FZ (as amended on 28.12.2013) "On Amendments to Articles 62 and 303 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" [Electronic resource] // Access: SPS "Consultant Plus Prof" (date of access: 21.04.2025).
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 30, 2015 No. 29 "On the practice of applying legislation by the courts ensuring the right to defense in criminal proceedings" [Electronic resource] // Access: SPS "Consultant Plus Prof" (date of access: April 21, 2025).
6. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 13, 2022 No. 2665-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Dmitry Nikolaevich Kashlikov regarding the violation of his constitutional rights by the provisions of Articles 24, 27, 51 and 148 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" [Electronic resource] // Access: SPS "Consultant Plus Prof" (date of access: April 21, 2025).
7. The Charter of Criminal Procedure of November 20, 1864 [Electronic resource]. – Access mode: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (date of access: 04/21/2025).
8. Vasyaev, A.A. General conditions of trial / A.A. Vasyaev. ¼ M.: YurLitinform, 2010. ¼ 216 p.; Vasyaev, A.A. Resolution of the issue of placing the defendant in custody (extending the period of detention) during the trial / A.A. Vasyaev // Modern law. ¼ 2009. ¼ No. 3. ¼ P. 116–119.
9. Kolobova, S.V. Some issues of implementation of the right to legal assistance / S.V. Kolobova // Law and practice. Scientific works of the Institute of Moscow State Law Academy named after O.E. Kutafin in Kirov. – 2015. – No. 1 (14). – P. 56–60.
10. Naumov, K.A. On the right to defense of a person in respect of whom a pre-investigation check is being conducted / K.A. Naumov // Siberian Legal Review. – 2016. – No. 4 (33). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-prave-na-zaschitu-litsa-v-otnoshenii-kotorogo-provoditsya-dosledstvennaya-proverka> (date of access: 21.04.2025).
11. Obidina, L.B. Some issues of ensuring the rights of participants in a pre-investigation check / L.B. Obidina // Russian investigator. – 2016. – No. 1. – P. 17–21.
12. Pavlov, A.V. Ensuring proper behavior of a person in respect of whom a crime report is being checked / A.V. Pavlov // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – No. 3 (44). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-nadlezhaschego-povedeniya-litsa-v-otnoshenii-kotorogo-provoditsya-proverka-soobscheniya-o-prestuplenii> (date of access: 04/22/2025).
13. Statsyuk, D.N. Actual problems of ensuring the rights of persons participating in the production of procedural actions during the verification of a report of a crime / D.N. Statsyuk // Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – No. 1 (51). – P. 155–159.
14. Ushakov, A. Yu. Problems of realizing the right to defense at the stage of initiation of a criminal case / A. Yu. Ushakov, V.N. Chaplygina // Agrarian and land law. – 2019. – No. 8 (176). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-realizatsii-prava-na-zaschitu-v-stadii-vozbuzhdeniya-ugolovnogo-dela> (date of access: 22.04.2025).

Зацепин Михаил Николаевич,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, аналитик управления научных исследований и международного сотрудничества, УрГЮУ
E-mail: mnz-1958@mail.ru

Зацепин Александр Михайлович,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права УрГЮУ, профессор кафедры предпринимательского права УрГЭУ; член Российской криминологической ассоциации, старший прокурор отдела по надзору за оперативно-разыскной деятельностью прокуратуры Свердловской области
E-mail: tp0507@ya.ru

Потребность в дискуссии о коррупционной преступности и контроля над ней обуславливается переменами, происшедшими в социуме, возникновением современной социально-политической ситуации и соответственно мало известного общественного поведения, ростом и изменением структуры преступности, обновлением научного сознания происходящих процессов. В науке зафиксировали исследования преступности в условиях социального перехода специалистами в области уголовного права, криминологии и других дисциплин для формирования актуальных подходов, понятийного освоения другого рода информационной базы. Осознание социально-экономической реальности через оценку происшедших эволюций, их структурирование в межотраслевой неопределенности социального развития. Не беря это во внимание невозможно разграничить правовое и противоправное, соответственно невозможно урегулирование уголовно-правовых и криминологических проблем. Определенности восприятия экономического поведения, политических лозунгов в общественной сфере перестало существовать. Квалифицировать поведение граждан на основе отслуживших представлений нецелесообразно. Необходимы были другие подходы при исследовании формы и содержания поведения людей в различных социальных группах, соотношение разнородных видов и способов поведения с обстоятельствами социального комфорта, включая безопасность предпринимательства, учитывая реальные возможности, формируя поведение и социальные действия посредством правового регулирования¹.

Ключевые слова: коррупционная преступность, безопасность предпринимательства, уголовное право, противоправные деяния.

В настоящее время наблюдается криминализация многих других отраслей формирующейся «новой» экономики. В социальной области деятельности криминогенные факторы активизируют деградацию общества и преступность «поглощает» в основном граждан, предрасположенность которых к правонарушениям была незначительной. Если бы эти явления своевременно оставались достигаемы для законодателя и правоохранительных органов незыблемости ценностей – согласие, порядок и законность, не было бы опыта печальной тенденции к расширению коррупционной преступности. Такое представление формировалось из-за сообщений о обострении криминогенной ситуации в СМИ, из разговоров «окружающих» и на основании личного опыта, непосредственного инцидента с коррупцией. Опасность социально-правовой уверенности в завтрашнем дне пока представляет противостояние «денежной элиты», коррумпированных чиновников и «иных» лиц, по случаю готовых консолидировать себя к тому или иному классу. Законопослушание граждан становится менее значительным из-за невыполнения принятых на себя государством, общественно-социальных обязательств².

Увеличивается материальное расслоение общества. Ограничиваются возможности для воспитания, образования и организации досуга молодежи и вовлечения их в социально полезную деятельность. Снимая с себя ответственность от решения указанных проблем государство облегчает распространение токсичных проявлений. Недостаточность сбалансированной государственной политики и социальной дезорганизации, политической воли противодействия коррупционной преступности, властно-элитной вседозволенности, трактуется в общественном сознании как бесправность. Распространяется заблуждение в отношении демократического общественного устройства противоречащее с сильной и справедливой государственной властью³.

Общественное мнение об обострении криминальной ситуации в 80-у-90-е годы проявилось из-за серьезных противоречий между разделением властных полномочий, проявлением сепаратизма и национализма, сложилось мнение о том, что власть в стране не отдает себе отчет об ухудшении материального положения и причиной увеличивающейся преступности. Отмечается прессинг на духовно-нравственную сферу и сознание лю-

² Смирнов А.Ф. Прокуратура и проблемы управления. М., Криминологическая Ассоциация. 1997. 264 с.

³ Преступность и власть. Материалы конференции. М., Российская Криминологическая Ассоциация. 2000. 84 с.

¹ Дубягина О.П. Нормы, обычаи и средства коммуникации криминальной среды. М., Российская криминологическая ассоциация, 2008 г. 174 С.

дей отвратительной «популярной» культуры, популяризация насилия, жестокости, супергероев, культа «золотого тельца» любым путем, порнографии, коммуникация которых с преступностью без сомнения известна. Система повседневных ценностей у граждан обрушилась, в особенности у молодежи и как следовало ожидать – стали одобряемыми формы безнравственного поведения. Потеряна ценность законопослушного поведения и производительного труда как основы благополучия и самореализации, вошло в употребление воззрение о целесообразности легко достигнуть обеспеченности мистификацией в криминальном бизнесе. Криминальная ситуация обостряется неподготовленностью правовой сферы, «представление» о том, что борьба с преступностью и коррупцией в частности не связана с изменением уголовного законодательства и представляет собой тривиальный подход. Уголовное законодательство не приводится в соответствии реальности, а «определенные» ранее общественно опасные правонарушения декриминализировались. Авторитет и репутация органов правопорядка обрушился и произошел отток квалифицированных кадров, потеряны связи с гражданами, участвовавшими в охране общественного порядка¹.

Вместе с тем оценки экономического поведения являлись либо неверными, либо преувеличенными или бездоказательными из-за неразвитости опыта уголовного преследования. Структурная или функциональная, воспроизводимая преступность при изменении функций определила содержание системы нелегальной, теневой «промышленности и торговли», на распадающейся экономике. Теневая экономика, «экономическая преступность» ее «проблемами» озадачено мировое сообщество. Ввезенные технические, валютных средства, методы совершения и защиты своего функционирования, используются и распространяются в процессе «перехода к рынку», выезжают туда на постоянное жительство и практически идет легализация в значительных масштабах преступных доходов².

Обостряется противостояние интересов, с одной стороны «новых» собственников, и он легитимен, т.к. имеет право на предпринимательскую деятельность и интерес оставшейся части населения, которая работает по трудовому законодательству. Как нам представляется, есть необходимость гармонизации этих интересов, зафиксировать и определить направления функционирования добросовестного бизнеса, обеспечив им государственную поддержку, другого вида отношение к собственникам криминального капитала и коррупционерам. Коррупционная преступность охватывает в наибольшей степени виды и типы экономической преступности, уголовное законодательство к тому идет,

что без научного криминологического обоснования особенностей типологии криминогенных ситуаций, детерминации и их прогноз, в условиях нарушения равновесия не обойтись. Ее распространенность показатель социальной напряженности в обществе, числовой мерой соотношения темпов роста или снижения преступлений, лиц их совершивших и темпов прироста населения, соотношение этих изменений, а потому процесс документирования их противоправных действий не представляет на тот момент большого труда. Экономическими причинами наличия криминогенной напряженности и криминальных форм внеэкономического перераспределения является не столько криминологической и правовой проблемой, сколько уже социально-политической. Она включает в себя огромную разрушительную силу как для правоохранительных органов, осуществляющих борьбу с этим явлением, так и для государства в целом. Это и обуславливает потребность глубокого изучения этого явления с целью всестороннего содержания процесса в определенных рамках, которые обеспечивают дееспособность государственных и управленческих структур и сегодня. Одним из «главных» факторов, который не позволяет вести эффективную борьбу с коррупцией в то время является неготовность политических сил общества и правоохранительных органов к бескомпромиссной борьбе с ней. Отсутствие социальных и политических традиций (в том числе и отсутствие желания со стороны правительственных структур) публичного разоблачения коррупционеров, а также специальных криминалистических методик выявления фактов коррупции. По данным криминологических исследований по проблемам борьбы с экономической организованной преступностью, число объектов поиска и установления коррупционных связей со стороны преступников организованных группировок включает контрольно-ревизионные и налоговые органы, ведомственные органы управления, межведомственные и территориальные органы управления, правоохранительные органы, исполнительные органы влиятельных партий и движений, депутатский корпус.

Лучше всего можно прогнозировать возможность совершения человеком преступлений в бытовой сфере, как раннее появление склонности к преступному поведению и устойчивость этой склонности на протяжении длительных периодов времени, остались недоработанными³.

Нередко можно услышать, что главные преступники сидят в неприступных кабинетах, защищены неприкосновенностью, связями, большими деньгами, подбирая в свои руки государственные средства и народное добро и сметая с дороги всех, кто мешает. Взятничество, неделовые отношения, казнокрадство, чиновничья забота о собственном кармане за счет людей и государства – и тогда получили широкое распространение, которое су-

¹ Белоцерковский С.Д. Рэкет в России. М., Криминологическая Ассоциация. 1999. 121 С.

² Антонов-Романовский Г.В., Литвинов А.А. Преступность мигрантов-иностранцев в России и противодействие ей. Криминологическое исследование. М., Российская криминологическая ассоциация. 2012 г. 100 С.

³ Криминологическая ситуация и реагирование на нее. Под редакцией профессора А.И. Долговой. М., Российская криминологическая ассоциация. 2014. 288 С.

ществует и сегодня. И такая ситуация стала удобной и выгодной для определенного круга законодательной и исполнительной власти, они получили возможность критиковать его несовершенство, а другие – угрожать отставкой. Однако обе стороны достигают «позитивного» результата договора между государством и обществом при определенном достигнутом «компромиссе». В это же время за эти годы не многие были привлечены, к ответственности за невыполнение этого важного для общества закона. Это дает возможность и сегодня отдельным политикам распространять слухи о коррумпированности чиновников, в том числе за пределами государства в деловых кругах и отдельных международных финансовых организациях, а также утверждать, что коррупция широко распространена во властных структурах и всех уровнях. Такие «сведения» привлекают внимание рядовых законопослушных граждан, но не способствуют реальной активизации борьбы с этим явлением, что подтверждается оперативными данными правоохранительных органов и конкретными фактами коррумпированности чиновников, корысть которых в это время значительно возросла. И как результат – недоверие населения к органам власти. А благодаря коррупционерам различных уровней и рангов криминал получил возможность вмешиваться в процессы приватизации, инвестирования, конверсии, осуществлять многомиллионные финансовые аферы, он пытается контролировать государственную внешнеэкономическую деятельность, отмывать незаконно приобретенные средства¹.

Необходимость совершенствовать действующее законодательство о выборах, провести реформу административного управления и государственной службы, осуществить кадровую перестройку. Другими словами, «административная реформа» должна была коснуться всех сфер государственного управления, установить и скоординировать четкие функции и компетенции всех сфер управления, обеспечить реальное сокращение бюрократического аппарата и ликвидации параллельных структур, в том числе и правоохранительных. Налогоплательщики должны точно знать, кого они содержат, кто является государственным служащим, как можно обжаловать их неправомерные действия².

Чрезвычайно важным является выполнение задачи по подготовке кадров, особенно для государственных органов, которая должна осуществляться не за счет увеличения численности учебных заведений и лиц, в них учатся, а за счет доброкачественной подготовки специалистов и обеспечения их рабочими местами. Стремясь к чистоте власти,

¹ Проблемы детерминации и предупреждения преступности. М., 2017 г. 563 С.

² Отчет о проведении Всероссийской научно-практической конференции. «Борьба с организованными проявлениями преступности и ». Всероссийская научно-практическая конференция 22–23 января 2019 г. в г. Москве. 30.01.2019 г. // <http://crimas.ru/>.

следует также отменить и депутатский иммунитет депутатов всех уровней³.

Вымогательство (рэккет) – генетическая основа организованной экономической преступности. Он отражает явления, представляющие одно из направлений криминального бизнеса. Вымогательство (рэккет) – это одна из форм проявлений организованной преступности, которая включает в себя вымогательство, но полностью к нему не сводится⁴.

В современных условиях о вымогательстве (рэкете) можно в основном говорить особо опасных случаев организованного вымогательства на предпринимателей (бизнесменов, банкиров), коррумпированных представителей государственных и отраслевых органов управления, контролирующих органов. Вымогатели (рэкетиры) «подчиняют» себе коммерческие структуры, банки, оккупируют рынки, вплотную приближаются к государственным предприятиям и учреждениям. Методы их «работы» разнообразны и постоянно совершенствуются. Большинство преступных «авторитетов» всячески заботятся об «избегании» ответственности. Как масштабное явление вымогательство (рэккет) возникает там, где государство не обеспечивает социального контроля за видами отклонений от законной деятельности предприятий, коммерческих и предпринимательских структур или отклонений в поведении тех или иных граждан. Вымогательство (рэккет) имеет много видов, но его суть при этом не меняется – получить имущественную выгоду под угрозой насилия или замаскированного насилия со стороны преступных группировок⁵.

Непременным условием обоснованности и объективной оценки причинного комплекса социально-негативного явления как в период реформ, заказных убийств – становятся государственные служащие, руководители государственных властных структур, представители различных политических партий, одинокие, социально незащищенные люди на почве приватизации предприятий, квартир, предпринимательства в предпринимательстве⁶.

Объективная и научно достоверная оценка криминогенной ситуации того времени, ее причинного комплекса стала социально-негативное явление – затруднение в практике применения норм УК РСФСР их социально-криминологическая обоснованность и стабильно высокая латентность. Взятничество как вид корыстного преступления, совершаемых в сфере экономики связанного с предпринимательством соответствовала ре-

³ Долгова А.И. Нужна ли криминология и криминологический взгляд на преступность. 27.08.2016. // <http://crimas.ru/3441>.

⁴ Личность преступника и ее криминологическое изучение. Под редакцией профессора А.И. Долговой. М., Российская криминологическая ассоциация. 2018. 195 С.

⁵ Пристансков В.Д. Ятрогенные преступления как разновидность посягательства на жизнь и здоровье человека // Экстремизм и другие криминальные явления. М., Российская криминологическая ассоциация. 2008 г. С. 90–106.

⁶ Изменение преступности в России. Криминологический комментарий статистики преступности. М., Криминологическая Ассоциация. 1994. 310 С.

альной криминогенной обстановки, которая сложилась в обществе. По результатам экспертного опроса, за пределами регистрируемой статистики остается от 40% обще уголовных до 95% экономических и должностных преступлений. Например, выборочные данные о том, что количество направленных правоохранительными органами на судебно-медицинскую экспертизу и освидетельствование лиц, у которых были установлены телесные повреждения разной степени тяжести, значительно превышает количество зарегистрированных преступлений, связанных с причинением телесных повреждений¹.

Количественно-качественные показатели преступности показывают увеличение количества умышленных убийств, разбойных нападений и вымогательства. Коррупционность чиновников максимальная, экономические решения не соответствуют действующему законодательству, граждане лишаются своей доли в общественном богатстве. Природные ресурсы присваиваются незаконно, политическая деятельность трансформируется в противостояние за собственность и теряет позитивное содержание. Профессионализм преступности и методы их деятельности в запрещенных видах бизнеса совершенствуются, а «противодействие» со стороны правоохранительных органов и социальных сил «черной» экономики, коррупции и рэкета действующая система правоохранения справиться была не в состоянии и требует в новых реалиях «высокого» профессионализма и больших материальных затрат. Большинство заказных убийств того времени имеет теневой экономический подтекст².

В тот период времени, по сути, большой вред государственной системе страны в снятии напряженности в обществе и оценки реальных процессов стала тень организованной преступности, «ножницы» между тенденциями ее действий и контроля за ней со стороны государства по официальной статистике и реально «осуждаемой». Принимаемые изменения уголовного законодательства, «новации» не всегда соответствуют принципам права. Основными принципами УК РСФСР были законность, равенство граждан перед законом, неотвратимость ответственности, личная и виновная ответственность, справедливость, демократизм и гуманизм и были обращены к законодателю и ни одна уголовно-правовая норма, противоречащая принципам, не имела права на существование. Для уголовно-правовой охраны «рыночных» отношений необходимы были «новые» нормы, ранее неизвестные составы. Опыт законодательства 20-х годов и других государств в какой-то части помогли были включены такие составы, как налоговые преступления, лжепредпринимательство, коммерческий подкуп, ложное банкротство, нару-

шение антимонопольного законодательства. Прямое перенесение зарубежного законодательства в других составах было не так удачно. Законодателью вместо описательных диспозиций с детальной характеристикой недоброжелательных последствий приходилось прибегать к бланкетным нормам, а в отношении экономических преступлений устанавливать административную преюдицию и это был не лучший юридико-технический прием конструирования норм УК РФ. Практический опыт в борьбе с теневой экономической преступностью перешли к традиционным описательным диспозициям с более четкой формулировкой преступных последствий³.

Ослабление государственной власти, противоречия между различными ее «ветвями», инфляция «определили» законодателю отказаться от точного рублевого выражения материального ущерба. В это время продолжают оставаться «серьезной» и проблема преступности несовершеннолетних, т.к. уровень рецидивной преступности в течение 80-х-90-х значительно вырос. В 90-е годы количество преступлений, совершенных лицами, ранее совершившими преступления, увеличилось также, в том числе взрослая рецидивная преступность, где основным фактором становится «безработица», которая способствовала повышению уровня криминализации общества. За эти годы центр экономической преступности переместился в такие сферы: денежно-кредитную, банковскую, внешнеэкономических отношений, приватизации, топливно-энергетического и агропромышленного комплексов.

Многочисленные эмпирические исследования установили, что люди, начавшие совершать правонарушения и законопослушные граждане, к совершению преступлений побуждают неблагоприятные условия их жизни (нищета, безработица). Объясняется это по-разному, в соответствии с одним объяснением, совершение человеком преступления меняет систему его ценностных ориентаций. Повышает склонность к противоправному поведению, является фундаментальными положениями, лежащими в основе общей теории преступности⁴.

Интенсивный рост экономических преступлений происходит на фоне развертывания приватизации. Разгосударствление собственности, прямые и международные торговые, промышленные и иные коммуникации с неограниченными возможностями коррупционной преступности. Основу не правового механизма перераспределения общественного богатства, взяточничества и коррупции в государственных структурах, сплетения предпринимательских структур с прослойкой чисто коммерческого происхождения. Криминализируемая приватизация отразилась на единой

¹ Криминальная ситуация в России и ее изменения. Под редакцией доктора юридических наук, профессора Долговой А.И. М., Криминологическая Ассоциация. 1996. 80 С.

² Преступность и духовность. М., Российская криминологическая ассоциация. 2008. 264 С.

³ Андреева И.Н., Голубкова Н.Я., Новикова Л.Г. Молодежная субкультура: нормы и система ценностей. // Социологические исследования 1989 г. № 4 С. 48–56.

⁴ Гаврилова Е.Б. Развивающаяся концепция современной криминологии: социальные изгои // Преступность, организованная преступность и проблемы безопасности. М., Российская криминологическая ассоциация. 2010 г. С. 159–165.

корыстной основе недобросовестных предпринимателей с чиновничеством и установлении контроля преступных сообществ за отраслями экономики. Следует также отметить и такой социальный аспект, как все больший приток молодежи в сферы неофициальной экономики¹.

В течение этих лет проблемы криминализации власти, экономики, общества широко обсуждаются юристами, социологами, политиками, экономистами, также является объектом всестороннего внимания общественности. Однако попытки решить их положительно носят преимущественно абстрактно-теоретический или чисто публицистический характер, поскольку по указанной теме проведено лишь несколько целевых разработок. Не хватает достоверных и достаточных показательных эмпирических данных, которые бы позволили получить более полное научное представление о таком феномене².

Известно, что изменение форм собственности воздействует на причины и условия преступности и в период реформ усиливается. Специфическую криминальную роль исполнило инерционное «достойство» привычек и стереотипов поведения населения, сформировавшихся при государственной и общественной собственности и незначительного гражданского оборота. Население оказалось неподготовленным к переходу к рыночным отношениям, что определило их незащищенность от противоправных агрессий, а некоторых стимулировало на криминальное поведение. Анализ названных проблем и предложений, с учетом практики их разрешения значительные затруднения в работе по выявлению коррупции исполнила «законодательная» деятельность в вопросах о собственности, недостаточный контроль и за «законностью» происхождения капитала, «несовершенство» системы налоговых органов. Наиболее криминогенными объектами в этот период являлись банковская кредитно-финансовая система, внешнеэкономическая деятельность, топливно-энергетический и аграрно-промышленный комплексы, а также сфера транспортной логистики³.

Литература

1. Андреева И.Н., Голубкова Н.Я., Новикова Л.Г. Молодежная субкультура: нормы и система ценностей. // Социологические исследования 1989 г. № 4 С. 48–56.
2. Антонов-Романовский Г.В., Литвинов А.А. Преступность мигрантов-иностранцев в России и противодействие ей. Криминологическое исследование. М., Российская криминологическая ассоциация. 2012 г. 100 С.

¹ Преступность и правовое регулирование борьбы с ней. М., Криминологическая Ассоциация. 1996. 220 С.

² Преступность, статистика, закон. Под редакцией доктора юридических наук, профессора Долговой А.И. М., Криминологическая Ассоциация. 1997. 224 с.

³ Власть: криминологические и правовые проблемы. Российская криминологическая ассоциация. М., 2000. 400 С.

3. Белоцерковский С.Д. Рэкет в России. М., Криминологическая Ассоциация. 1999. 121 С.
4. Власть: криминологические и правовые проблемы. Российская криминологическая ассоциация. М., 2000. 400 С.
5. аврилова Е.Б. Развивающаяся концепция современной криминологии: социальные изгои // Преступность, организованная преступность и проблемы безопасности. М., Российская криминологическая ассоциация. 2010 г. С. 159–165.
6. Долгова А.И. Нужна ли криминология и криминологический взгляд на преступность. 27.08.2016. // <http://crimas.ru/3441>.
7. Дубягина О.П. Нормы, обычаи и средства коммуникации криминальной среды. М., Российская криминологическая ассоциация, 2008 г. 174 С.
8. Изменение преступности в России. Криминологический комментарий статистики преступности. М., Криминологическая Ассоциация. 1994. 310 С.
9. Криминальная ситуация в России и ее изменения. Под редакцией доктора юридических наук, профессора Долговой А.И. М., Криминологическая Ассоциация. 1996. 80 С.
10. Криминологическая ситуация и реагирование на нее. Под редакцией профессора А.И. Долговой. М., Российская криминологическая ассоциация. 2014. 288 С.
11. Личность преступника и ее криминологическое изучение. Под редакцией профессора А.И. Долговой. М., Российская криминологическая ассоциация. 2018. 195 С.
12. Отчет о проведении Всероссийской научно-практической конференции. «Борьба с организованными проявлениями преступности и». Всероссийская научно-практическая конференция 22–23 января 2019 г. в г. Москве. 30.01.2019 г. // <http://crimas.ru/>.
13. Преступность и власть. Материалы конференции. М., Российская Криминологическая Ассоциация. 2000. 84 С.
14. Преступность и духовность. М., Российская криминологическая ассоциация. 2008. 264 С.
15. Преступность и правовое регулирование борьбы с ней. М., Криминологическая Ассоциация. 1996. 220 С.
16. Преступность, статистика, закон. Под редакцией доктора юридических наук, профессора Долговой А.И. М., Криминологическая Ассоциация. 1997. 224 с.
17. Пристансков В.Д. Ятрогенные преступления как разновидность посягательства на жизнь и здоровье человека // Экстремизм и другие криминальные явления. М., Российская криминологическая ассоциация. 2008 г. С. 90–106.
18. Проблемы детерминации и предупреждения преступности. М., 2017 г. 563 С.
19. Смирнов А.Ф. Прокуратура и проблемы управления. М., Криминологическая Ассоциация. 1997. 264 с.

CORRUPTION CRIME AND BUSINESS SECURITY

Zatsepin M.N., Zatsepin A.M.

Ural State Law University named after V.F. Yakovleva, Russian criminological Association, Prosecutor of the Department for Supervision of Operative-Investigative Activities Sverdlovsk region

The need for discussion about corruption-related crime and its control is conditioned by the changes that have taken place in society, the emergence of a modern socio-political situation and, consequently, little-known social behavior, the growth and change in the structure of crime, and the renewal of scientific awareness of the ongoing processes. In science, studies of crime in the context of social transition have been recorded by specialists in the field of criminal law, criminology and other disciplines for the formation of relevant approaches and the conceptual development of another kind of information base. Awareness of socio-economic reality through the assessment of past evolutions, their structuring in the intersectoral uncertainty of social development. Without taking this into account, it is not possible to distinguish between legal and illegal, respectively, it is not possible to resolve criminal law and criminological problems. The certainty of perception of economic behavior and political slogans in the public sphere has ceased to exist. It is impractical to classify the behavior of citizens on the basis of outdated ideas. Other approaches were needed in the study of the form and content of human behavior in various social groups, the relationship of diverse types and modes of behavior with conditions of social comfort, including the safety of entrepreneurship, taking into account real opportunities, shaping behavior and social actions through legal regulation.

Keywords: corruption crime, enterprise security, criminal law, illegal acts.

References

1. Andreeva I.N., Golubkova N.Ya., Novikova L.G. Youth subculture: norms and value system. // Sociological studies 1989, No. 4, pp. 48–56.
2. Antonov-Romanovsky G.V., Litvinov A.A. Crime of foreign migrants in Russia and counteraction to it. Criminological study. M., Russian Criminological Association. 2012, 100 p.
3. Belotserkovsky S.D. Racketeering in Russia. M., Criminological Association. 1999, 121 p.
4. Power: criminological and legal problems. Russian Criminological Association. M., 2000, 400 p.
5. Avrilova E.B. The Developing Concept of Modern Criminology: Social Outcasts // Crime, Organized Crime and Security Issues. Moscow, Russian Criminological Association. 2010. Pp. 159–165.
6. Dolgova A.I. Do we need criminology and a criminological view of crime. 27.08.2016. // <http://crimas.ru/3441>.
7. Dubyagina O.P. Norms, Customs and Means of Communication of the Criminal Environment. Moscow, Russian Criminological Association, 2008. Pp. 174.
8. Changes in Crime in Russia. Criminological Commentary on Crime Statistics. Moscow, Criminological Association. 1994. Pp. 310.
9. The Criminal Situation in Russia and Its Changes. Edited by Doctor of Law, Professor Dolgova A.I. M., Criminological Association. 1996. 80 p.
10. Criminological situation and response to it. Edited by professor A.I. Dolgova. M., Russian Criminological Association. 2014. 288 p.
11. Personality of the criminal and its criminological study. Edited by professor A.I. Dolgova. M., Russian Criminological Association. 2018. 195 p.
12. Report on the All-Russian scientific and practical conference. "Combating organized crime and " All-Russian scientific and practical conference January 22–23, 2019 in Moscow. January 30, 2019 // <http://crimas.ru/>.
13. Crime and power. Conference materials. M., Russian Criminological Association. 2000. 84 p.
14. Crime and spirituality. M., Russian Criminological Association. 2008. 264 p.
15. Crime and legal regulation of the fight against it. M., Criminological Association. 1996. 220 p.
16. Crime, statistics, law. Edited by Doctor of Law, Professor Dolgova A.I. M., Criminological Association. 1997. 224 p.
17. Pristanskov V.D. Iatrogenic crimes as a type of encroachment on human life and health // Extremism and other criminal phenomena. M., Russian Criminological Association. 2008. P. 90–106.
18. Problems of determination and prevention of crime. M., 2017. 563 p.
19. Smirnov A.F. Prosecutor's office and problems of management. M., Criminological Association. 1997. 264 p.

О важности унификации подходов уголовного законодательства различных стран за преступления в сфере информационных технологий

Иванов Юрий Владимирович,

аспирант кафедры уголовного права, Юго-Западный
государственный университет
E-mail: Dr.uriy-ivanov@yandex.ru

Исследование данной темы представляется крайне актуальным в условиях стремительного развития информационных технологий и глобализации преступной деятельности. Необходимость унификации подходов к регулированию ответственности за преступления в сфере информационных технологий становится все более очевидной для обеспечения безопасности цифрового пространства на международном уровне.

Основная цель исследования заключается в комплексном анализе и сравнительном изучении норм уголовного законодательства различных стран, регламентирующих ответственность за преступления в сфере информационных технологий. Исследование уголовно-правовой природы преступлений в сфере информационных технологий и формирование предложений по унификации международных норм в сфере противодействия киберпреступности являются ведущими задачами исследования.

Методология исследования включает общенаучные методы, частнонаучные методы, специальные методы исследования: криминологический анализ, технико-юридический анализ, метод правового моделирования, а также практические инструменты исследования.

В процессе исследования выявлено существенное различие в подходах к формулированию составов преступлений в сфере информационных технологий в разных государствах; обнаружен значительный разброс в определении видов и жесткости санкций за схожие преступления; установлено отсутствие унифицированного подхода к формулированию составов информационно-цифровых преступлений.

Ключевые слова: киберпреступления, международное право, уголовная ответственность, информационные технологии, законодательное регулирование, цифровая безопасность.

В борьбе с кибермошенничеством важен международный опыт, и существует необходимость создания глобальной конвенции для противодействия киберпреступности. Российские ученые выделяют важность формирования международного договора, поскольку локальные меры недостаточны. Текущие международные инструменты в области кибербезопасности фрагментарны, что требует усилий для укрепления сотрудничества [1, С. 86–95].

Россия выступает инициатором глобальной информационной безопасности и предложила ООН конвенцию о сотрудничестве по борьбе с информационными преступлениями.

В данном направлении Российская Федерация сотрудничает со странами- СНГ, ШОС, БРИКС и др., в рамках содружества которых активно действуют соглашения о взаимодействии, направленные на совместные действия правоохранительных органов по предупреждению и расследованию киберпреступлений. Соглашение в рамках вышеназванных государств-содружеств, партнеров, как правило, описывает общие положения информационной преступности, но требует детального разъяснения и координации действий стран-участниц.

Настоящая статья направлена на изучение уголовно-правовых норм других стран в области регулирования ответственности за компьютерное мошенничество и выявлении эффективных механизмов их применения.

В основу настоящего исследования положен формально-юридический метод для изучения правовых норм в их логической и юридической взаимосвязи. Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления правовых систем различных государств, историко-правовой метод для исследования эволюции уголовного законодательства в сфере информационных технологий, статистический метод для анализа количественных показателей киберпреступности.

В ходе исследования мы установили, что у мировых держав существуют различия в подходах к регламентированию уголовной ответственностью, большинство стран ужесточают ответственность за ИТ-преступления. Однако эффективность борьбы зависит не только от законодательства, но и от технических возможностей правоохранителей.

В рамках Соглашения ШОС предлагается квалифицировать как преступную деятельность использование информационных технологий в целях совершения широкого спектра противозаконных деяний, включая мошеннические схемы, шантаж,

контрабанду, нелегальную торговлю наркотическими веществами, распространение материалов с детской порнографией и другие виды преступлений.

Впервые вопросы информационной безопасности были затронуты в Декларации саммита БРИКС в 2011 году. Тогда стороны выразили свою «готовность к взаимодействию в усилении международной защиты информации» и «противодействию кибернетической преступности».

Затем, в Декларации 2013 года, была подчеркнута важность «вклада и участия в создании мирного, безопасного и открытого киберпространства». Также было отмечено, что «обеспечение безопасности при использовании информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) с учетом общепризнанных норм, стандартов и практик является крайне важным». В последующие временные периоды подобные Декларации принимались, практически ежегодно и по настоящее время [2]. Однако конкретных решений в данных документах не отражалось.

Согласно заявлению замминистра иностранных дел РФ С.А. Рябова, Российская Федерация отмечает сдержанность в подходах и осознает, что, у стран БРИКС наблюдаются «различные точки зрения относительно урегулирования вопросов кибербезопасности». Тем не менее, Россия возлагает надежды на то, что эти страны «стремятся к выработке общей позиции» и продолжает рассчитывать на «создание основы, которая в дальнейшем станет решающей и позволит прийти к соглашению по аналогичному документу» «на основе консенсуса».

Для унификации юридических правил в сфере цифровых правонарушений Советом Европы был разработан целый ряд инструментов и процедур. Ярким примером преодоления существующих противоречий послужило утверждение в 2001 году особого европейского документа – Конвенции о преступлениях в компьютерной сфере.

Нормативная структура данного документа, прежде всего, дала возможность внедрить некоторые базовые положения, которые прежде не рассматривались международным законодателем, как важный шаг к эффективному сотрудничеству между странами в этой области.

Российские эксперты также высказывают критику в адрес данной Конвенции. Например, О.С. Гузеева указывает, что ключевым фактором, препятствующим участию России, является то, что, согласно её нормам, ответственность за преступления могут нести не только граждане, но и организации [3].

Р.И. Дремлюга акцентирует внимание на том, что эта Конвенция расходится с нынешней системой уголовного права России и ряда иных государств. По его мнению, требуется создать как минимум два новых международных договора под руководством ООН: первый должен устанавливать единые критерии киберпреступлений, а второй –

регламентировать порядок правовой поддержки и оперативного взаимодействия [4].

Совместная работа стран в борьбе с киберпреступностью реализуется по различным направлениям. Ключевой задачей является разработка законодательной базы, подготовка методических рекомендаций и внедрение действенных схем взаимодействия между государствами.

В свете вышесказанного, стоит подчеркнуть, что работа стран по борьбе с киберпреступностью осуществляется через разработку законодательной базы и методических рекомендаций. Международное право регулирует отношения между государствами и организациями, определяя правила для управления глобальными вопросами, но его сложность и широкий спектр областей взаимодействия затрудняют формулирование четких норм по сравнению с внутригосударственным правом.

Как справедливо подчеркивает О.Н. Толочко, сложность определения международного права через конкретный предмет обусловлена широтой охватываемых им областей взаимодействия [5, С. 8–9]. Оно затрагивает множество разнообразных связей, что затрудняет выделение четких границ его регулятивного воздействия. В отличие от внутригосударственного права, международное право имеет дело с комплексами социальных систем, где отсутствует иерархия. Это требует применения уникальных подходов и инструментов регулирования, отличных от тех, что используются в национальном законодательстве.

Сравнительно-правовой анализ открывает новые перспективы для оценки российского законодательства, позволяет рассмотреть специфические положения о мошенничестве в области компьютерной информации, действующие за рубежом, их определяющие характеристики, а также выделить ряд аспектов и особенностей мошеннических действий в киберпространстве, которым часто не придается должного значения.

Во многих зарубежных странах законодательство предусматривает схожие принципы защиты государственной и частной собственности от мошеннических действий (за исключением отдельных государств с авторитарным режимом или стран, называющих себя «социалистическими»). Важно подчеркнуть, что правовые нормы в этой области являются отражением общественного сознания и ценностей. Данная особенность правовой системы свидетельствует об ответственном отношении граждан к сохранности собственности и их неприятию преступности.

Успех противодействия мошенничеству в информационной сфере определяется рядом факторов. Эти факторы обусловлены географическим положением стран, различиями в их социально-экономическом развитии, а также спецификой национального менталитета, который проявляется как в законодательстве, так и в деятельности общественных организаций.

В данной части работы автор изучит, проанализирует и исследует ключевые характеристики

зарубежного права, а также специфику уголовно-правовых систем, направленных на противодействие мошенническим действиям в различных государствах.

В список анализируемых стран включены те, которые демонстрируют высокий уровень развития в сферах экономики, технологий, телекоммуникаций, космической отрасли, цифровых технологий и других областях. К ним мы отнесли: США, Великобританию, КНР, некоторые страны Евросоюза, такие, как Франция, Германия, Финляндия и отдельные страны-участницы СНГ.

В Соединенных Штатах Америки первоначальный правовой документ, регулирующий ответственность за обманные действия в области компьютерной информации, был подготовлен еще в 1977 году. Впоследствии, опираясь на 18-ю поправку к Конституции США (§ 1030 – Мошенничество и смежная деятельность в отношении компьютеров), в 1984 году был утвержден закон о мошенничестве и неправомерном использовании компьютеров (Computer Fraud and Abuse Act (18 USC 1030)).

По мнению исследователей Джарретта Х. Маршалла и Майкла У. Бейли, согласно § 1030, противоправными считаются преднамеренные действия индивида с мошенническими намерениями, если этот человек осуществляет доступ к защищенному компьютеру без соответствующего разрешения или выходит за рамки разрешенного доступа, используя такое поведение для совершения обмана и получения материальных ценностей. Исключения составляют случаи, когда объектом мошенничества и полученной выгоды является исключительно использование компьютера, при условии, что стоимость такого использования не превышает 5000 долларов за календарный год [6].

Уголовный кодекс закрепляет наказание за следующие правонарушения: незаконное проникновение – ситуация, при которой лицо, не обладающее правом доступа, несанкционированно внедряется в компьютерную систему и использует её ресурсы; превышение служебных полномочий – когда уполномоченный сотрудник получает доступ к информации, выходящей за рамки его компетенции.

Фактически в Уголовном кодексе Соединенных Штатов Америки санкции за обманные действия в области компьютерной информации определяются в двух разделах (4 и 6) статьи 1030. Они включают: рассматриваемый правовой документ регламентирует меры воздействия за противоправные действия, затрагивающие «особо защищенные вычислительные устройства» и содержащиеся в них сведения.

Действующее уголовное право устанавливает основания для привлечения к ответственности при следующих обстоятельствах:

Противозаконное вторжение – ситуации, когда субъект, не наделенный соответствующими разрешительными правами, осуществляет неправомерное подключение к компьютерному ресурсу с последующей его эксплуатацией;

Неправомерное использование предоставленных прав – случаи, когда уполномоченный специалист получает возможность ознакомления со сведениями, не входящими в круг его служебных обязанностей.

Такая деятельность влияет на межштатную или международную торговлю (мошенничество через незаконный оборот паролей или данных, обеспечивающих неавторизованный доступ к информационным системам, при условии воздействия на торговые отношения между штатами и международную коммерцию, а также на компьютерные системы, эксплуатируемые правительством США (§ 1030 (a)(6)); данный компьютер применяется правительством США или по его поручению (раздел 6). Из-за фрагментарности американского законодательства, каждый штат имеет свою собственную правовую систему. Это относится и к мошенничеству, которое в США рассматривается как форма хищения, широко распространенная и оказывающая негативное влияние на экономику.

Например, во всех штатах предусмотрена ответственность за выписку необеспеченного чека. Мошенничеством это считается, если лицо знало об отсутствии средств для обеспечения чека. Согласно УК Техаса, преступление совершается, если лицо выписывает чек, зная, что на его счете недостаточно средств (ст. 32.41).

Проблемы возникают при совершении преступлений путем получения имущества обманным путем. Например, если лицо знает о недостаточности средств на счете, но надеется пополнить его до предъявления чека.

Противоправное применение банковских платёжных карт послужило причиной установления уголовно-правовых санкций за подобные действия в законодательстве множества американских штатов.

В целях противодействия подобному виду обмана отдельные штаты, в частности Техас, устанавливают наказание за владение приспособлениями для фальсификации банковских карт либо незаполненных карточек «с умыслом их заполнения без разрешения эмитента».

Согласно Уголовному кодексу Техаса, подобные деяния караются заключением под стражу на период до двух лет (статья 32.31). УК Техаса также классифицирует виды киберпреступлений. В разделе «Киберпреступления» (ст. 33.01) даются определения следующим терминам: «несанкционированное проникновение», «оператор телекоммуникационных услуг», «электронно-вычислительная машина», «информационно-вычислительная сеть», «программный код», «автоматизированная система», «программное обеспечение», «вредоносный код» и другим.

УК Техаса предусматривает ответственность за «Нарушение компьютерной безопасности» (Противоправные деяния в области связи (ст. 33.02), «Телекоммуникационные преступления» (ст. 33А), «Неправомерное использование услуг связи» (33А.04), «Незаконное подключение к телекомму-

никационным сервисам» (ст. 33A.02), «Производство, хранение или сбыт запрещённого оборудования связи» (ст. 33A.03), «Мошенничество с телекоммуникационными услугами» (ст. 33A.04) [7].

Противодействие этим преступлениям осуществляется путем введения серьезных санкций за действия, предусмотренные CFAA (Computer Fraud and Abuse Act). Например, Несанкционированное проникновение в правительственную компьютерную систему с корыстными целями карается пятилетним тюремным заключением, а при повторном нарушении – десятилетним.

На территории Калифорнии, согласно положению нормативного акта, ... «О всеобъемлющем доступе к компьютерной информации и мошенничестве» (Раздел 502 Уголовного кодекса), обеспечивается охрана частных лиц, компаний и госучреждений от хакерских атак, неправомерного вмешательства, нанесения вреда и несанкционированного проникновения в легально созданные компьютерные данные и системы. Данный закон дает возможность подавать гражданские иски против любого, кто был признан виновным в нарушении уголовного законодательства, с целью компенсации убытков. Этим Законом предусмотрено наказание в виде 3 лет тюремного заключения и/или денежный штраф до 10 000 долларов США [8].

Хужаев, Летёлкин и другие отмечают, что положения CFAA о мошенничестве в сфере компьютерной информации вытекают из параграфа 1030 главы 47 раздела 18 Кодекса США (18 USC § 1030), в котором преступление считается оконченным с момента наступления ущерба в размере 5 тыс. долларов США в течение 1 года, например, при вмешательстве в информационно-телекоммуникационные сети правоохранительных органов или аэропортов [9, С. 305–310].

Обратим внимание на то, что в уголовном законодательстве США, как и в некоторых других развитых странах Европы аналогов ст. 159.6 УК РФ пока нет. Иными словами, по «федеральному» и «региональным» уголовным законам США нормы об ответственности за мошенничество в сфере компьютерной информации нет. Ответственность за обманное приобретение чужого имущества или права на чужое имущество, в том числе с помощью злоупотребления доверием, путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей наступает по какой-то вышеперечисленной уголовно-правовой норме.

Соединённое Королевство вошло в число пионеров в установлении уголовного наказания за преступления в цифровой сфере.

Оговорим, что в английской уголовной юриспруденции нет четко определенного преступления, соответствующего российскому понятию мошенничества. Более того, термин «fraud», который в последнее время используется для обозначения

подобного рода противоправных действий, относительно недавно вошел в лексикон английского уголовного права.

В британской правовой традиции ответственность за имущественные махинации исторически формировалась через судебные прецеденты, а затем была кодифицирована. «Сговор с целью обмана» трактуется судебной практикой как соглашение между двумя и более лицами о совершении противоправных действий или законных действий незаконными способами. В основе британского уголовного права лежит понимание мошенничества как видового понятия, направленного на получение выгоды. Это преступление имеет материальный состав и связано как с извлечением прибыли, так и с нанесением ущерба. Наказание определяется Законом об уголовном судопроизводстве 1987 года.

Законодательный акт о коммуникациях (и обмане) 1997 года Законодательство Соединенного Королевства предусматривает широкое толкование понятия «обман», охватывая все противозаконные манипуляции, сопряженные с умышленным обманом, передачей ложной информации, злоупотреблением доверенными полномочиями, если такие действия влекут неправомерное обогащение или финансовые потери.

В Великобритании (Англия и Уэльс) мошеннические действия классифицируются на три основных типа: мошенничество посредством искажения фактов (предоставление заведомо ложной или вводящей в заблуждение информации о фактах или законах); мошенничество через утаивание информации (сокрытие сведений от третьей стороны, когда по закону лицо обязано их раскрыть); мошенничество, связанное со злоупотреблением полномочиями (использование служебного положения, предполагающего защиту финансовых интересов другого лица, в корыстных целях)

Кроме того, закон предусматривает два дополнительных правонарушения: хранение предметов, предназначенных для совершения мошеннических действий, и изготовление или поставка таких предметов.

Неправомерное получение услуг также рассматривается как преступление согласно статье 11, если услуги, требующие оплаты, были получены с осознанием или намерением избежать этой оплаты.

Закон устанавливает наказания за мошенничество, включающие штрафы и тюремное заключение: до одного года (или шести месяцев в Северной Ирландии) при суммарном осуждении и до десяти лет при вынесении обвинительного приговора [10].

В заключение анализа британского законодательства в сфере компьютерных преступлений, в том числе и мошенничества в сфере компьютерной информации, важно выделить несколько ключевых моментов.

В рамках англосаксонской правовой системы, отличающейся адаптивностью и оперативным ре-

агированием на современные вызовы, уголовное преследование за киберпреступления началось сравнительно давно.

Изначально, лица, причастные к киберпреступлениям, несли ответственность за преступления, связанные с имуществом, в том числе мошенничеством, однако применение компьютеров не влияло на юридическую оценку их действий. Принятие Акта о неправомерном использовании компьютеров в 1990 году стало важным шагом к более эффективной борьбе с киберпреступностью.

В Уголовном кодексе КНР статья 285 предусматривает ответственность за «Незаконное вторжение в компьютерные информационные системы». Наказание предусмотрено за вторжение в системы государственного значения, получение данных или контроль над ними незаконными способами, а также за предоставление средств для таких действий. Ответственность дифференцируется в зависимости от тяжести последствий и может включать лишение свободы, арест и штрафы. Предусмотрены санкции и для организаций, совершающих данные преступления [11, С. 145–147].

Нормативно-правовая статья 286 Уголовного кодекса Китайской Народной Республики предусматривает наказание за нанесение ущерба компьютерным информационным системам, определяет наказание за неисполнение обязанностей по обеспечению интернет-безопасности, возложенных законом или административными актами, а также за отсутствие мер по устранению нарушений со стороны поставщиков информационных услуг.

При совершении таких действий организацией к ней применяется штраф, а руководители и другие ответственные лица несут ответственность согласно первой части статьи. Действия, содержащие признаки иного преступления, наказываются по статье за более тяжкое правонарушение.

В уголовном законодательстве Китайской Народной Республики противоправные деяния, связанные с компьютерным обманом, регламентируются несколькими правовыми нормами.

Статья 287 Уголовного кодекса КНР (неправомерное использование информационных сетей) закрепляет санкции за: формирование веб-ресурсов или сообществ для осуществления мошеннических операций; распространение сведений о запрещённых веществах или противозаконных действиях; размещение информации с целью совершения обмана. За подобные действия предусмотрено заключение под стражу на срок до трёх лет, административный арест и штрафные санкции.

В сопоставлении с российской уголовно-правовой доктриной подобный подход к конкретизации мошеннических действий представляется нестандартным. В отечественной правовой системе обман классифицируется на: преступления против имущественных прав (в УК КНР статьи 266, 269); преступления против экономического уклада (в УК КНР статьи 192–197), где ущерб наносится

не конкретному лицу, а экономическим взаимоотношениям в государстве.

При сопоставлении со статьёй 159.6 УК РФ объектом противоправного деяния выступает компьютерная информация, находящаяся как в государственной, так и в корпоративной собственности финансовых учреждений. Кроме того, объектом может выступать информация, входящая в состав инфраструктуры или распределённой сети, элементы которой расположены в разных географических зонах.

По методу совершения данное преступление может выполняться: через неправомерное проникновение (инициируемое внешним источником); посредством злоупотребления предоставленными правами доступа к цифровым данным, то есть получения доступа к данным, на которые не распространяются предоставленные права.

Таким образом, спектр преступлений, преследуемых по гл. 6 Уголовного кодекса КНР, характеризуется обширностью. Он охватывает нарушения в разнообразных аспектах управленческого и социального порядка [12, С. 172–192].

В уголовном законодательстве Федеративной Республики Германия (подраздел 22) регламентируется ответственность за обманные действия и присвоение чужого имущества. Детальное описание состава мошенничества содержится в разделе 263 УК ФРГ, согласно которому лицо, намеренно стремящееся к получению незаконной материальной выгоды для себя или третьих лиц путём введения в заблуждение, предоставления ложных сведений или сокрытия достоверной информации, причиняя тем самым ущерб чужому имуществу, подлежит уголовному преследованию. Предусмотрено наказание в виде заключения под стражу на срок до пяти лет либо денежного взыскания (часть 1).

Попытка совершения мошеннических действий также влечёт за собой ответственность согласно германскому уголовному законодательству (часть 2).

В случаях особой тяжести (часть 3) предусмотрено наказание в форме лишения свободы на срок от шести месяцев до десяти лет. К особо тяжким случаям относятся ситуации, когда преступник: действует на профессиональной основе или в составе преступной группировки, нацеленной на систематическое совершение подделок или мошеннических действий; причиняет значительный финансовый ущерб или стремится подвергнуть большому числу людей риску материального ущерба путём систематического обмана (профессиональный мошенник); ставит другое лицо в тяжёлое финансовое положение; злоупотребляет служебным положением как государственный или европейский чиновник; имитирует страховой случай после поджога, уничтожения или повреждения имущества, либо после затопления или аварии судна.

Согласно разделу 263а УК ФРГ, лицо, намеренно стремящееся к получению незаконной материальной выгоды путём воздействия на процесс

обработки данных через некорректную настройку компьютерной программы, использование некорректных или неполных данных, несанкционированный доступ к данным или иное неправомерное вмешательство в процесс обработки, подлежит уголовному преследованию в виде лишения свободы на срок до пяти лет или денежного взыскания (часть 1) [13].

Законодательство также устанавливает ответственность за подготовку к преступлению, включая приобретение специального оборудования и разработку программ. В разделе 263 УК ФРГ к подготовительным действиям относятся: создание компьютерных программ, предназначенных для совершения таких деяний, либо их приобретение для себя или других лиц; изготовление, приобретение, продажа, хранение или передача паролей и других средств защиты, пригодных для совершения подобных действий.

Такие подготовительные действия влекут за собой наказание в виде лишения свободы на срок до трёх лет или денежного взыскания.

Исследователи отмечают, что данная норма применяется только при наличии намерения получить имущественную выгоду, что характерно как для российской, так и для немецкой правовой системы.

Германское уголовное право акцентирует ответственность за нанесение имущественного вреда, в частности посредством разработки деструктивного ПО, которое: нарушает целостность системных файлов и модифицирует пользовательские данные.

Эта правовая норма имеет диспозитивный характер и допускает гибкое применение с учетом специфики противоправного деяния и индивидуальных обстоятельств дела.

Это существенно отличает немецкое понимание термина «мошенничество» от российского, где изъятие имущества предшествует причинению ущерба.

УК Германии различает следующие виды компьютерного мошенничества: простое мошенничество; квалифицированное мошенничество.

В книге III «Преступления и правонарушения против собственности» Уголовного кодекса Франции содержится обширный перечень статей, касающихся обмана в сфере компьютерной информации. Законодательство относит эти преступления к категории имущественных.

В случае причинения ущерба, выражающегося в уничтожении или модификации информационных массивов, либо дестабилизации работы системы, предусмотрено ужесточение меры пресечения до пятилетнего заключения и денежного взыскания в 150 тысяч евро.

При реализации аналогичных противоправных действий в отношении государственных баз персональных данных, санкция усиливается до семилетнего лишения свободы и штрафа в 300 тысяч евро.

Статья 323–3 предусматривает наказание за мошеннический ввод данных в автоматизиро-

ванную систему, их извлечение, хранение, воспроизведение, передачу, удаление или изменение – лишение свободы на срок до пяти лет и штраф в размере 150 000 евро.

К квалифицированным составам преступлений относятся действия, совершённые организованной группой или по предварительному сговору с целью подготовки одного или нескольких преступлений, предусмотренных статьями 323–1 – 323–3–1 УК.

Если преступления совершены организованной группой, наказание увеличивается до десяти лет лишения свободы и штрафа в размере трехсот евро

Покушение на рассматриваемые преступления, предусмотренные статьями 323–1 – 323–3–1, карается теми же наказаниями (ст. 323–7 УК.)

Есть и специальная уголовно-правовая норма, мы бы её назвали примечанием к ст.ст. 323–1, 323–3, которая не применяет никаких мер к деяниям, принимаемым уполномоченными агентами государственных служб, назначенными указом премьер-министра из числа специализированных разведывательных служб, упомянутых в статье L. 811–2 Кодекса внутренней безопасности, для обеспечения за пределами национальной территории защиты основных интересов национальной безопасности. Только для выполнения своих соответствующих задач специализированные разведывательные службы могут использовать методы, упомянутые в разделе V настоящей книги, для сбора информации, относящейся к защите и продвижению фундаментальных интересов нации.

УК Финляндии, принятый ещё во времена царской России 01.01.1891 года, когда эта страна ещё входила в Российскую империю, содержит в различных главах множество видов мошенничества.

В 2015 году (10.4.2015/368) глава 34 «общепасные преступления» (раздел 9) УК Финляндии пополнилась пунктом 9 параграфами «а» и «б»: «угроза обработке данных»; «владение инструментами киберпреступности».

Пункт 9 параграфа «а» угроза обработке данных устанавливает уголовную ответственность лицам, которые нанесут вред обработке данных, информационной или коммуникационной системе функционирования или безопасности и, которые: 1) импортируют, приобретают, используют, производят, продают или иным образом распространяют или делают доступным: а) устройство или компьютерная программа или набор программных инструкций, которые разработаны или модифицированы с целью поставить под угрозу или нанести ущерб обработке данных или работе информационной или коммуникационной системы или нарушить или демонтировать техническую защиту электронных коммуникаций или защиту информационной системы, или; б) пароль, код доступа или другая подобная информация, принадлежащая другому лицу в информационной системе, или; 2) распространяют или предоставляют инструкции по созданию компьютерной программы или набора программных инструкций, указанных в пункте.

За совершение данных действий, виновный будет привлечен к ответственности, если законодательством не установлено иное наказание, предусматривающее более строгую или мягкую меру. Вероятность того, что действия с информацией приведут к ответственности, влечет за собой штрафные санкции или тюремное заключение сроком до двух лет.

За незаконное хранение средств совершения киберпреступлений (пункт 9 § 6 (11.5.2007/540) любое физическое лицо, которое с целью нанесения ущерба или вреда процессам обработки данных, функционированию или безопасности информационных или коммуникационных систем, владеет: устройством, перечисленным в подпункте а) пункта 1 статьи 9а; программным обеспечением или набором программных команд; паролем, идентификационным кодом или иной аналогичной информацией, указанной в подпункте б), подлежит следующим мерам наказания: конфискация средств совершения киберпреступления; денежное взыскание; лишение свободы на срок до шести месяцев.

Указанные меры уголовно-правовой ответственности и виды наказаний также применяются к мошенническим действиям, регламентированным в 36 главе Уголовного кодекса Финляндии «Мошенничество и иные формы недобросовестного поведения».

Лицо, также осуждается за мошенничество, которое (в подразделе 1) преследует цель, указанную при вводе, изменении, уничтожении или удалении данных, или деятельность информационной системы, направленную иным образом на получение во время вычисления результата искажений и, таким образом, наносит другой экономический ущерб (13.6.2003/514). Иными словами, данная норма, общем смысле, повторяет состав преступления, закрепленный в ст. 159.6 УК РФ.

Часть 3 раздела 8 анализируемого УК (с изменениями от 29.6.2021/597) «мошенничество с платежными средствами» предусматривает уголовную ответственность за ввод, изменение, Уничтожение, порча, несанкционированное перемещение либо стирание сведений, относящихся к платёжным реквизитам, либо сбои в работе информационной системы, влекущие временные, финансовые или стоимостные потери при транзакциях, вызывают искажения информации и, как следствие, причиняют дополнительный материальный ущерб.

Установленная мера пресечения предполагает либо денежное взыскание, либо лишение свободы на период до двух лет включительно.

В финском Уголовном кодексе существует специальный раздел, посвященный квалифицирующим признакам мошенничества с использованием платежных инструментов, которые рассматриваются как «отягчающие обстоятельства».

Раздел 38 законодательства Финляндии регламентирует наказание за киберпреступления и противоправные деяния в телекоммуникационной сфере. (информационно-коммуникационные преступления). В судебной практике Финляндии

такие преступления иногда рассматриваются в совокупности с общими нормами Уголовного кодекса о мошенничестве. В частности, к преступлениям в сфере компьютерной информации финский законодатель относит: нарушение конфиденциальности (2), вмешательство и серьезное вмешательство в информационную систему (7, а; 7, б), разглашение данных (8), незаконное декодирование (8, б), а также кражу личной информации (9, а) [14].

Значимость изучения уголовного законодательства стран СНГ в контексте ответственности за определенные преступления объясняется несколькими факторами: 1) уголовное законодательство этих стран долгое время находилось под влиянием единой советской политики, что повлияло на современные правовые системы; 2) граждане бывших союзных республик, активно совершающие преступления в сфере информационных технологий, часто действуют в российском сегменте из-за общего языка и социокультурных основ с жертвами; 3) В рамках Содружества Независимых Государств разрабатываются межгосударственные нормативные документы.

Белорусский законодатель дифференцировал понятия мошенничества и противоправных действий с применением вычислительной техники, закрепив в Уголовном кодексе самостоятельные статьи (ст. 209 и ст. 212), где последняя предусматривает ответственность за модификацию данных в автоматизированных системах. Схожий подход использован армянским законодателем – Уголовный кодекс страны содержит специальную норму о незаконном завладении имуществом посредством компьютерных технологий (ст. 181), с дополнительным квалифицирующим признаком в виде существенного размера ущерба.

В казахстанском законодательстве мошенничество в сфере компьютерной информации не рассматривается как отдельный состав, однако обман пользователя информационной системы является квалифицирующим признаком. Согласно постановлению Верховного Суда, такие действия могут включать завладение имуществом через недостоверные сведения, а также квалифицироваться по совокупности при неправомерном доступе к информации.

В Узбекистане использование компьютерной техники также квалифицируется как признак мошенничества (ст. 168). В Азербайджане специального состава мошенничества в сфере компьютерной информации нет, и квалификация происходит по совокупности в рамках главы о киберпреступности.

Исследователи отмечают, что в большинстве стран СНГ мошенничество с использованием информационных технологий не квалифицируется отдельно, что соответствует общемировым тенденциям [15, С. 54–61]. До 2012 года в России такие преступления также рассматривались по совокупности статей УК, что до сих пор остаётся допустимым.

В заключении отметим, что в зарубежном законодательстве отсутствует отдельная квалификация для мошенничества в сфере компьютерной информации – оно также квалифицируется по совокупности статей. Основные направления включают специальные нормы, разграничение мошенничества и хищения, а также использование компьютерных технологий как квалифицирующий признак.

В свою очередь, правовые системы государств Содружества имеют сходные положения, однако аналогов статье 159.6 Уголовного кодекса РФ не содержат. Специальные нормы о противоправном завладении имуществом с применением современных технологий присутствуют исключительно в законодательстве Белоруссии и Армении, где основной акцент сделан именно на факте хищения, а не обманных действиях.

Такой подход считается более корректным, поскольку часто отсутствует обман, и мошенничество проявляется в виде тайного хищения.

Кроме того, наш анализ уголовного законодательства зарубежных стран в сфере мошенничества с компьютерной информацией показал, что:

1. Уголовное законодательство различных зарубежных стран демонстрирует разнообразие подходов к определению и преследованию мошенничества в сфере компьютерной информации.

2. В государствах ЕС, включая Германию, Францию и Соединённое Королевство, кибермошенничество обычно выделяется в самостоятельную уголовную статью либо трактуется как особая форма классического обмана. Уголовное законодательство данных стран, как правило, включает нормы, регулирующие: противоправное проникновение в цифровые системы, а также несанкционированное изменение информации и эксплуатацию IT-ресурсов в корыстных целях

2. В Соединённых Штатах Америки федеральное законодательство и законы штатов предусматривают ответственность за широкий спектр компьютерных преступлений, включая мошенничество. Закон о компьютерном мошенничестве и злоупотреблениях (Computer Fraud and Abuse Act, CFAA) является одним из ключевых федеральных законов, регулирующих эту сферу.

3. В государствах Азии, включая Японию и Республику Корея, прослеживается курс на ужесточение наказаний за цифровое мошенничество. Правовые системы данных стран регулярно дополняются нормами, призванными: обеспечивать безопасность стратегически важных объектов; противодействовать киберпреступной деятельности, осуществляемой посредством IT-технологий

4. Подавляющее число государств сходится во мнении о важности противодействия, так называемому fraudulent activities в сфере компьютерной информации, учитывая его потенциально разрушительные последствия для экономики, безопасности и частной жизни граждан. Однако подходы к криминализации и наказанию за такие деяния могут существенно различаться в зависимости

от правовой системы и культурных особенностей каждой страны.

Литература

1. Русскиевич Е.А. Международно-правовые подходы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2018. – № 3. – С. 13.
2. Декларация, принятая по итогам саммита БРИКС в г. Санья: [принята 14.04.2011] // Официальный сайт Президента РФ. – URL: <http://kremlin.ru/supplement/907> (дата обращения: 03.06.2025).
3. Гузеева О.С. Действие Уголовного кодекса России в отношении интернет-преступлений // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2013. – № 10. – С. 16.
4. Дремлюга Р.И. Международно-правовое регулирование сотрудничества в сфере борьбы с интернет-преступностью // Библиотека криминалиста. – 2013. – № 5 (10). – С. 346. Толочко, О.Н. Международное публичное право: учебник / О.Н. Толочко. – Минск: Вышэйшая школа, 2023. С. 8–9 (279 с).
5. Толочко О.Н. Международное публичное право: учебник. – Минск: Вышэйшая школа, 2023. – 279 с.
6. Jarrett H. M., Bailie M.W. Prosecuting Computer Crimes. – The Office of Legal Education for United States Attorneys, 2010. – P. 12–59.
7. Уголовный кодекс штата Техас = Texas penal code: принят Законодат. собр. штата Техас: 63-я законодат. сессия Законодат. собр. штата Техас: вступил в силу с 1 янв. 1974 г.: с изм. и доп. на 1 июля 2003 г. / науч. ред. и предисл. И.Д. Козочкина; пер. с англ. Д.Г. Осипова, И.Д. Козочкина. – Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2006. – 575 с.
8. California Code, Penal Code // FindLaw. – URL: <https://codes.findlaw.com/ca/penal-code/> (дата обращения: 08.06.2025).
9. Хужаев Ш. Особенности правового регулирования социальных сетей в США // Современные тенденции развития цифровизации в сфере юстиции. – 2021. – № 1 (1). – С. 146–150.
10. Fraud Act 2006: Repeals deception offences in Theft Acts 1968–1996 // National Offender Management Service (NOMS) – Offender, Law and Sentencing Policy Directorate. – URL: <https://web.archive.org/web/20070302203511/http://www.knowledgenetwork.gov.uk/HO/circular.nsf/WebPrintDoc/4597CD4C98B621418025724B004D9C6A?OpenDocument> (дата обращения: 08.06.2025).
11. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под общ. ред. А.И. Чучаева, А.И. Коробеева; пер. с кит. Хуан Даосю. – 2-е изд. – М.: Юридическая фирма Контракт, 2021. – 312 с.

12. Чучаев А. И., Коробеев А.И. Уголовный кодекс Китая: сплав правовой мысли и национальной специфики // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2022. – Т. 24, № 3. – С. 172–192.
13. German Criminal Code (Strafgesetzbuch – StGB): [в ред. от 22.11.2021] // Gesetze im Internet. – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/index.html (дата обращения: 10.07.2025).
14. Suomen rikoslaki (Уголовный кодекс Финляндии): [в ред. от 39/1889] // Finlex. – URL: <https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/1889/18890039001> (дата обращения: 09.07.2025).
15. Геккель Д.О. Сравнительная характеристика законодательства РФ и стран СНГ об уголовной ответственности за мошенничество в сфере компьютерной информации // Современные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XXV Международной научно-практической конференции: в 2 ч. – Пенза, 2022. – Ч. 2. – С. 100–103.

ON THE IMPORTANCE OF UNIFYING THE APPROACHES OF THE CRIMINAL LEGISLATION OF DIFFERENT COUNTRIES FOR CRIMES IN THE FIELD OF INFORMATION TECHNOLOGY

Ivanov Yu.V.

Southwestern State University

The study of this topic is extremely relevant in the context of the rapid development of information technology and the globalization of criminal activity. The need to unify approaches to regulating responsibility for crimes in the field of information technology is becoming more and more obvious in order to ensure the security of the digital space at the international level.

The main purpose of the study is a comprehensive analysis and comparative study of the criminal legislation of various countries regulating responsibility for crimes in the field of information technology.

The study of the criminal-legal nature of crimes in the field of information technology and the formation of proposals for the unification of international norms in the field of countering cybercrime are the main objectives of the study.

The research methodology includes general scientific methods, private scientific methods, special research methods: criminological analysis, technical and legal analysis, legal modeling method, as well as practical research tools.

The study revealed a significant difference in approaches to the formulation of crimes in the field of information technology in different states; found a significant variation in the definition of types and severity of sanctions for similar crimes; found the lack of a unified approach to the formulation of information and digital crimes.

Keywords: cybercrimes, international law, criminal liability, information technology, legislative regulation, digital security.

References

1. Ruskevich E.A. International legal approaches to countering crimes committed using information and communication technologies // International criminal law and international justice. – 2018. – No. 3. – S. 13.
2. Declaration adopted at the end of the BRICS summit in San-ya: [adopted on 14.04.2011] // Official website of the President of the Russian Federation. – URL: <http://kremlin.ru/supplement/907> (date of reference: 06/03/2025).
3. Guzeeva O.S. The effect of the Criminal Code of Russia in relation to Internet crimes // Laws of Russia: experience, analysis, practice. – 2013. – No. 10. – S. 16.
4. Dremlyuga R.I. International legal regulation of cooperation in the field of combating Internet crime // Criminalist Library. – 2013. – № 5 (10). – P. 346. Tolochko, O.N. International public law: textbook / O.N. Tolochko. Minsk: Higher School, 2023. pp. 8–9 (279 p).
5. Tolochko O.N. International public law: textbook. – Minsk: Higher School, 2023. – 279 p.
6. Jarrett H. M., Bailie M.W. Prosecuting Computer Crimes. – The Office of Legal Education for United States Attorneys, 2010. – P. 12–59.
7. The Criminal Code of the State of Texas = Texas penal code: adopted by the Legislature. Texas Assembly: 63rd Legislature. session Legislator. The Texas State Assembly: entered into force on January 1, 1974: as amended and supplemented on July 1, 2003 / scientific ed. and preface by I.D. Kozochkin; translated from English by D.G. Osipov, I.D. Kozochkin. – St. Petersburg: Legal Center Press, 2006. – 575 p.
8. California Code, Penal Code // FindLaw. – URL: <https://codes.findlaw.com/ca/penal-code/> (date of access: 06/08/2025).
9. Khuzhaev S. Features of legal regulation of social networks in the USA // Current trends in the development of digitalization in the field of justice. – 2021. – № 1 (1). – Pp. 146–150.
10. Fraud Act 2006: Repeals deception offenses in Theft Acts 1968–1996 // National Offender Management Service (NOMS) – Offender, Law and Sentencing Policy Directorate. – URL: <https://web.archive.org/web/20070302203511/http://www.knowledgenetwork.gov.uk/HO/circular.nsf/WebPrintDoc/4597CD-4C98B621418025724B004D9C6A?OpenDocument> (accessed: 06/08/2025).
11. The Criminal Code of the People's Republic of China / under the general editorship of A.I. Chuchaev, A.I. Korobeev; translated from Chinese. Huang Daoxu. – 2nd ed. – Moscow: Kontrakt Law Firm, 2021. – 312 p.
12. Chuchaev A. I., Korobeev A.I. The Criminal Code of China: a fusion of legal thought and national specifics // Asia-Pacific region: economics, politics, law. – 2022. – Vol. 24, No. 3. – pp. 172–192.
13. German Criminal Code (Strafgesetzbuch – StGB): [in ed. dated 11/22/2021] // Gesetze im Internet. – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/index.html (date of request: 07/10/2025).
14. Suomen rikoslaki (Finnish Criminal Code): [as amended. from 39/1889] // Finlex. – URL: <https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/1889/18890039001> (date of reference: 07/09/2025).
15. Gekkel D.O. Comparative characteristics of the legislation of the Russian Federation and the CIS countries on criminal liability for fraud in the field of computer information // Modern scientific research: current issues, achievements and innovations: collection of articles of the XXV International Scientific and Practical Conference: at 2 a.m. – Penza, 2022. – Part 2. – pp. 100–103.

Подсудность в системе гарантий права на законный суд в уголовном судопроизводстве

Исмаилов Магамед Исмаил оглы,

аспирант, Московский государственный юридический университет им. Кутафина (МГЮА); адвокат, КА «Московский юридический центр»

E-mail: advocateimi@mail.ru

Статья посвящена анализу института подсудности в системе гарантий права на законный суд в уголовном судопроизводстве. Рассматриваются конституционно-правовые основы подсудности, ее виды и нормативная природа. Особое внимание уделено разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, роли споров о подсудности и выявленным пробелам в законодательной регламентации. Автор подчеркивает, что подсудность выполняет не только распределительную, но и гарантийную функцию, обеспечивая законность, предсказуемость и объективность уголовного процесса. На основе выявленных проблем формулируются предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, направленные на повышение правовой определенности и исключение произвольного судебного усмотрения. Сделан вывод о необходимости системной кодификации норм о подсудности в целях обеспечения устойчивого доступа к правосудию.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, законный суд, подсудность, территориальная подсудность, родовая подсудность, судебная система.

Актуальность исследования подсудности в системе гарантий права на законный суд обусловлена тем, что данная категория играет ключевую роль в обеспечении принципа законности, объективности и беспристрастности уголовного судопроизводства. Право каждого на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, требует от законодателя и правоприменителя высокой степени определенности и стабильности при установлении правил подсудности. В реальной практике уголовного процесса именно ошибки в определении подсудности нередко становятся основанием для отмены судебных решений и вызывают сомнения в законности состава суда, что прямо подрывает доверие к судебной системе в целом.

Современная правовая и судебная практика демонстрирует множество случаев расширительного, противоречивого или откровенно гибкого толкования норм о подсудности, особенно в части территориальной и родовой разновидностей. Это связано как с пробелами в уголовно-процессуальном законодательстве, так и со складывающейся правоприменительной практикой, характеризующейся неоднозначными подходами к интерпретации процессуальных норм. Такие процессы, несмотря на их прагматическую направленность, могут создавать риски произвольного перераспределения дел, что несовместимо с конституционным понятием законного суда.

В условиях растущей нагрузки на судебную систему, усложнения уголовно-процессуальных отношений и процессуальных реформ (например, кассационной реформы и изменения в составе судов присяжных), проблема системной и прозрачной регламентации подсудности приобретает особую значимость. Правильное определение подсудности – это не только вопрос процессуальной грамотности, но и правовой гарант прав личности, необходимый для утверждения принципов справедливого правосудия, правовой определенности и недопустимости произвольного вмешательства в судебный процесс.

Понятие законного суда занимает центральное место в системе правовых гарантий личности и является краеугольным элементом принципа справедливого правосудия. В соответствии с частью 1 статьи 47 Конституции Российской Федерации [3] каждому гарантируется право на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. Эта формулировка закрепляет не только обязательность соблюдения правил подсудности, но и исключает возможность

произвольного вмешательства в вопрос о том, каким судом должно быть рассмотрено конкретное дело. Конституционно-правовое значение этой нормы заключается в том, что она выступает барьером против произвола и обеспечивает реализацию принципов правовой определенности и равенства перед законом.

Уголовно-процессуальное законодательство конкретизирует эту гарантию в части 3 статьи 8 УПК РФ, провозглашая, что «никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела тем судом и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом» [9]. Эта норма воспроизводит и закрепляет конституционный императив, придавая ему статус одного из основополагающих принципов уголовного судопроизводства. Таким образом, право на законный суд реализуется в уголовном процессе прежде всего через институт подсудности, который обеспечивает законное определение компетентного суда, независимого от воли участников процесса.

Следует отметить, что в современной научной доктрине данное право трактуется как элемент институциональной защиты личности от произвола судебной и исполнительной власти. Так, П.В. Кондрашин и Е.И. Попова указывают, что право на законный суд «включает в себя не только запрет на произвольное изменение подсудности, но и обязанность государства создать такую структуру судебной системы, при которой каждому делу можно заранее определить судью и суд» [2, с. 36].

Значимость этой гарантии особенно возрастает в условиях расширяющейся судебной практики по вопросам изменения территориальной подсудности, когда выбор между несколькими судами становится процессуальной реальностью. При этом любая такая альтернатива должна быть не только законодательно закреплена, но и применяться строго в рамках принципа законного суда. Несоблюдение данных требований ставит под угрозу легитимность судебного разбирательства и может повлечь признание приговора незаконным.

Следовательно, институт подсудности в уголовном процессе выступает формой реализации права на законный суд, а не просто техническим механизмом распределения дел. Его содержание не исчерпывается нормативными правилами, а включает также конституционные принципы и правовые позиции высших судебных инстанций, обеспечивающие предсказуемость, правовую определенность и защиту от произвола.

Институт подсудности в уголовном процессе включает в себя несколько оснований, каждое из которых выполняет самостоятельную функцию в распределении компетенции между судами. Правильная классификация видов подсудности имеет не только теоретико-догматическое, но и прикладное значение, поскольку ошибки при определении рода или территории подсудности могут повлечь существенные нарушения прав участников процесса.

Родовая подсудность определяет, суд какого уровня судебной системы правомочен рассматри-

вать уголовное дело в первой инстанции. Согласно статье 31 УПК РФ, дела подсудны мировому судье, районному суду или суду субъекта Российской Федерации в зависимости от тяжести и характера преступления. Таким образом, законодатель связывает компетенцию суда с квалификацией преступления, которая определяет его отнесение к соответствующей категории по правилам статьи 15 УК РФ [10]. При этом назначенное наказание или конкретные обстоятельства дела не могут служить основанием для изменения рода подсудности.

Как отмечается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 22, «при решении вопроса о подсудности необходимо исходить из категории преступления, указанной в обвинении, а не из размера наказания, предусмотренного санкцией» [5]. Это означает, что судебные органы лишены дискреции при установлении рода подсудности и обязаны строго следовать формализованным критериям закона.

Наиболее сложной и спорной в практике представляется территориальная подсудность, регулируемая статьями 32–35 УПК РФ. Классическим основанием для определения территориальной подсудности является место совершения преступления (ч. 1 ст. 32 УПК РФ). Однако в практике часто возникают ситуации, когда преступное деяние включает действия, совершенные в разных местах или с разной степенью тяжести. В этих случаях применяются дополнительные правила: дело рассматривается по месту окончания преступления, по месту совершения наиболее тяжкого из преступлений либо по месту совершения большинства преступлений (ч. 2 и 3 ст. 32 УПК РФ).

Следует отметить, что в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ были предложены дополнительные критерии, не предусмотренные УПК РФ, но применимые в ряде случаев – например, место задержания, явки с повинной, обнаружения следов преступления. Несмотря на прагматический характер таких подходов, их нормативная природа вызывает сомнение, поскольку выходит за пределы формального закона. Это, в свою очередь, порождает риск произвольного выбора суда, что противоречит принципу законного суда, закреплённому в ч. 1 ст. 47 Конституции РФ.

Менее исследованной, но важной с практической точки зрения является функциональная или инстанционная подсудность. Она отражает распределение компетенции между судами, рассматривающими дело на различных стадиях: апелляционной, кассационной, надзорной, а также при возобновлении производства по новым или вновь открывшимся обстоятельствам. При этом принципиальным является то, что каждое судебное звено в пределах своей инстанционной компетенции также должно соответствовать требованиям о законности состава суда и надлежащему распределению судебной компетенции [1, с. 26].

Как справедливо отмечает В.Ю. Стельмах, «инстанционная подсудность выступает формой закрепления гарантий пересмотра судебных ре-

шений и обеспечения прав участников процесса на многоуровневую судебную защиту» [7, с. 70].

Таким образом, она функционирует как элемент вертикальной согласованности судебной системы, одновременно обеспечивая реализацию принципов устойчивости и справедливости правосудия.

В совокупности родовая, территориальная, персональная и функциональная подсудность формируют целостную систему распределения уголовных дел между судами, в рамках которой достигается баланс между процессуальной эффективностью и конституционно гарантированным правом на законный суд. Нарушение правил любой из этих подсудностей способно не только нарушить внутреннюю логику уголовного процесса, но и поставить под сомнение легитимность всего разбирательства.

Согласно части 2 статьи 32 УПК РФ и ее толкованию Пленумом, при наличии нескольких действий местом совершения преступления признается место последнего из них. Допускается также направление дела в суд по месту совершения наиболее тяжкого преступления или большинства преступлений, как это предусмотрено частью 3 той же статьи. Таким образом, формируются альтернативные основания определения территориальной подсудности, что, с одной стороны, повышает гибкость распределения дел, но с другой – требует строгой процессуальной дисциплины при выборе конкретного основания.

Разъясняя пределы допустимых решений прокурора и суда в таких ситуациях, Пленум указывает, что если дело поступило в суд на законном основании, оно не может быть передано другому суду просто по иному критерию, также предусмотренному законом. Такая позиция закреплена в п. 4 Постановления и подтверждает устойчивую ориентацию на защиту права на законный суд, выраженного в предсказуемости и стабильности процессуального пути дела.

Значительный интерес представляют также разъяснения, фактически вводящие новые основания определения территориальной подсудности, не закрепленные напрямую в законе. Разъяснения Пленума ВС РФ по вопросам подсудности выполняет двойственную функцию: она обеспечивает унификацию применения закона и одновременно выступает в роли инструмента конкретизации неурегулированных ситуаций. Однако чрезмерная опора на судебное усмотрение в рамках разъяснений требует постоянной коррекции и систематизации, чтобы сохранить баланс между эффективностью правосудия и принципом законного суда.

Споры о подсудности в уголовном судопроизводстве представляют собой особую юридическую проблему, находящуюся на стыке процессуальной дисциплины и конституционной гарантии права на законный суд. Сама возможность возникновения таких споров свидетельствует о наличии в правоприменительной практике ситуаций, когда порядок определения компетентного суда оказывается

неоднозначным либо формально допустимым в нескольких вариантах [4, с. 99].

Действующее уголовно-процессуальное законодательство закрепляет запрет на споры о подсудности между судами, что выражено в статье 36 УПК РФ. Такой подход отражает принцип институциональной автономии судебной власти и стремление к исключению конфликтов, способных поставить под сомнение нейтральность и независимость суда. Однако отсутствие закрепленного механизма разрешения споров между судами при возникновении коллизий порождает практические трудности, особенно при конкуренции территориальных или родовых оснований.

Конституционно-правовая природа института подсудности предполагает, что любое изменение первоначально установленной подсудности должно опираться исключительно на процессуальные нормы, не допускающие произвола. Если спор о подсудности возникает между участниками процесса и судом, то возможность его разрешения существует в рамках механизма апелляционного и кассационного обжалования, что представляет собой форму судебного контроля за соблюдением гарантий. Отсутствие единых правил разрешения подобных коллизий может привести к правовой неопределенности, дестабилизации сроков рассмотрения дел и снижению уровня доверия к судебной системе. Более того, нарушение норм о подсудности потенциально ставит под сомнение легитимность судебного разбирательства, поскольку рассмотрение дела судом, которому оно не было подсудно, противоречит самому понятию законного суда.

Нормативное регулирование института подсудности в действующем уголовно-процессуальном законодательстве отличается высокой степенью формализации, однако при этом сохраняет ряд существенных пробелов, порождающих трудности в правоприменении. Эти пробелы касаются как общей концептуальной недоопределенности, так и недостаточной проработанности отдельных норм, регулирующих порядок изменения, конкуренции и исключения подсудности [6, с. 87].

Во-первых, в УПК РФ отсутствует легальное определение самой категории «подсудность», что создает неопределенность в теоретико-правовом подходе и допускает разнородное толкование на уровне судебной практики и научной доктрины. Во-вторых, нормы, регулирующие виды подсудности, содержат общие формулировки без достаточной детализации критериев их применения. В-третьих, отсутствует унифицированная процедура изменения подсудности и механизмы контроля за правомерностью таких изменений. Хотя ст. 35 УПК РФ формально закрепляет основания для изменения территориальной подсудности, процедура принятия решения и критерии достаточности оснований в законе не определены [8, с. 24].

Для устранения выявленных проблем и повышения уровня правовой определенности в регулировании института подсудности в уголовном про-

цессе целесообразно внести следующие изменения и дополнения в уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации:

Во-первых, необходимо ввести в УПК РФ легальное определение понятия «подсудность».

Во-вторых, требуется детализация оснований территориальной подсудности, особенно в ситуациях множественности мест совершения преступлений, продолженных и длящихся деяний. В части 3 статьи 32 УПК РФ следует закрепить приоритетность критериев (например, преимущественное значение места окончания преступления или места совершения большинства эпизодов) и исключить произвольность в выборе между ними.

В-третьих, следует уточнить и унифицировать процедуру изменения территориальной подсудности, предусмотренную статьей 35 УПК РФ. Закон должен четко определить, какие именно обстоятельства являются достаточными для переноса дела в другой суд (например, угроза безопасности участников, форс-мажорные обстоятельства, чрезмерная удаленность места рассмотрения), а также установить обязательную мотивировку соответствующего судебного решения.

Проведенный анализ подтверждает, что институт подсудности в уголовном процессе выполняет системообразующую и гарантийную функцию в обеспечении права на законный суд. Концептуальное значение этого института выходит за рамки технического распределения дел между судами — он формирует границы допустимого вмешательства в процессуальные права личности и служит индикатором уровня правовой культуры правосудия в целом. Подсудность в уголовном процессе не сводится лишь к распределению дел между судами — она выполняет ключевую гарантийную функцию, обеспечивая защиту прав личности, в том числе на независимое и беспристрастное разбирательство. Именно через правила подсудности реализуется требование об исключении произвольного выбора суда, что особенно важно в условиях, когда уголовное судопроизводство сопряжено с потенциальной репрессивностью и неравенством процессуальных позиций. Гарантийный характер института подсудности проявляется также в его связи с другими процессуальными институтами: возможностью отвода судьи, обжалования незаконных решений, соблюдением разумных сроков разбирательства.

Несмотря на наличие формально разработанной нормативной базы, действующее уголовно-процессуальное законодательство не обеспечивает должной определенности в ряде ключевых вопросов: отсутствует легальное определение подсудности, не урегулированы механизмы разрешения споров между судами, сохраняются противоречия в правилах определения территориальной подсудности. Дополнительные сложности вызывает практика судебного нормотворчества, в рамках которой формируются новые основания определения подсудности без прямого законодательного закрепления.

Литература

1. Давыдов В.А., Бехало С.В. Подсудность уголовных дел: разъяснения Пленума Верховного Суда РФ // Уголовный процесс. 2023. № 9 (225). С. 24–30.
2. Кондрашин П.В., Попова Е.И. Право на законный суд в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2024. 184с.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. № 55. 16.03.2020.
4. Кудрявцева А.В., Петров А.В., Конин В.В. Подсудность по уголовным делам и материалам уголовного судопроизводства: проблемные вопросы // Российское правосудие. 2023. № 1. С. 93–103.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 22 (ред. от 27.05.2025) «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих подсудность уголовного дела» // Российская газета. № 149. 10.07.2023.
6. Смирнов А.В. О первоочередных задачах по реформированию российского уголовного процесса // Российское правосудие. 2022. № 7. С. 85–97.
7. Стельмах В.Ю. Подсудность при осуществлении судебного контроля в уголовном процессе // Уголовное право. 2023. № 8 (156). С. 66–79.
8. Таран А.С. От отказа в отводе состава суда до изменения территориальной подсудности // Мировой судья. 2021. № 2. С. 22–26.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Российская газета. № 249. 22.12.2001.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

JURISDICTION AS A COMPONENT OF THE RIGHT TO A LAWFUL JUDGE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Ismailov M.

Moscow State Law University named after Kutafin, Moscow Law Center

The article analyzes the institution of jurisdiction as part of the system of guarantees of the right to a lawful judge in criminal proceedings. It examines the constitutional and legal foundations of jurisdiction, its types, and its normative nature. Special attention is paid to the clarifications issued by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, the problem of jurisdictional disputes, and the identified gaps in legislative regulation. The author emphasizes that jurisdiction serves not only a distributive, but also a protective function, ensuring legality, predictability, and objectivity of the criminal process. Based on the revealed shortcomings, the article proposes legislative reforms aimed at enhancing legal certainty and eliminating arbitrary judicial discretion. It concludes with the need for systematic codification of jurisdictional norms to ensure stable access to justice.

Keywords: criminal proceedings, lawful judge, jurisdiction, territorial jurisdiction, subject-matter jurisdiction, judicial system.

References

1. Davydov, V.A., Bekhalo, S.V. Jurisdiction in Criminal Cases: Clarifications by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation // *Criminal Procedure*. 2023. No. 9 (225). Pp. 24–30.
2. Kondrashin, P.V., Popova, E.I. The Right to a Lawful Judge in Criminal Proceedings. Moscow: Yurlitinform, 2024. 184 p.
3. Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on 12.12.1993, with amendments approved by the all-Russian vote on 01.07.2020) // *Rossiyskaya Gazeta*. No. 55. 16.03.2020.
4. Kudryavtseva, A.V., Petrov, A.V., Konin, V.V. Jurisdiction over Criminal Cases and Materials of Criminal Proceedings: Problematic Issues // *Russian Justice*. 2023. No. 1. Pp. 93–103.
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.06.2023 No. 22 (as amended on 27.05.2025)
6. Smirnov, A.V. On the Primary Tasks for Reforming the Russian Criminal Process // *Russian Justice*. 2022. No. 7. Pp. 85–97.
7. Stelmakh, V. Yu. Jurisdiction in the Exercise of Judicial Control in Criminal Proceedings // *Criminal Law*. 2023. No. 8 (156). Pp. 66–79.
8. Taran, A.S. From Denial of a Challenge to the Composition of the Court to a Change in Territorial Jurisdiction // *Justice of the Peace*. 2021. No. 2. Pp. 22–26.
9. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 21.04.2025) // *Rossiyskaya Gazeta*. No. 249. 22.12.2001.
10. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 21.04.2025) // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 17.06.1996. No. 25. Art. 2954.

О доктринальных истоках обусловленности особого регулирования уголовной ответственности несовершеннолетних

Косарева Александра Александровна,

аспирант Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

E-mail: sashaveros@yandex.ru

Статья посвящена анализу современных тенденций в регулировании уголовной ответственности несовершеннолетних в России, где усиливается запрос на ужесточение мер. В противовес текущим тенденциям автор обращается к доктрине дореволюционных правоведов, чьи идеи сохраняют актуальность. На этой основе рассматривается текущий законодательный «мейнстрим» и формулируются выводы, имеющие научно-практическое значение. Подчеркивается, что карательный подход противоречит природе подростковой психики, повышая риски рецидивов. Необходимо сохранять гуманистические основы уголовного права, развивая их в контексте новых вызовов.

Ключевые слова: диверсионная направленность, направленности ответственности несовершеннолетних, дореволюционная доктрина, подростковая психика, социальная обусловленность.

В сегодняшней социальной практике нередко встречаются призывы к пересмотру современного подхода к регулированию уголовной ответственности несовершеннолетних. В доктрине, законодательных инициативах и принятии конкретных законодательных решений сегодня это проявляется в основном в снижении возраста наступления уголовной ответственности либо в криминализации деяний, ответственность за которые наступает с четырнадцатилетнего возраста. Так, из последнего:

- принято законодательное решение об установлении уголовной ответственности за несообщение о преступлениях диверсионной направленности¹;
- Комиссией Правительства Российской Федерации по законопроектной деятельности одобрена инициатива о снижении возраста уголовной ответственности за собственно преступления диверсионной направленности до четырнадцати лет [1];
- Следственным комитетом Российской Федерации предложено снизить возраст уголовной ответственности до четырнадцати лет за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, связанные с их сбытом [2];
- в 2017 г. в Государственной Думе Российской Федерации выдвигалась инициатива о снижении возраста уголовной ответственности за особо тяжкие преступления до 12 лет [3].

Данные факты, хотя напрямую и не касаются особого регулирования, установленного в разделе V «Уголовная ответственность несовершеннолетних» УК РФ и его главы 14, фактически обозначают назревающий вектор на пересмотр подходов к определению пределов действия уголовного закона в отношении общественно опасных деяний, совершаемых несовершеннолетними. Пересмотр этот, очевидно, заключается в криминализационном расширении, что естественным образом (как неизбежное следствие) затрагивает и субъектный состав лиц, участвующих в отношениях, регулируемых институтом особенностей уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних.

Нельзя не отметить также, что в общественном сознании прочные позиции занимает мнение и призывы к тому, чтобы несовершеннолетние в рамках УК РФ подлежали наказанию либо равному, либо даже строже, чем предусмотрено для совершеннолетних лиц [4]. Такой подход, безусловно, предполагает фактическую ликвидацию института осо-

¹ Федеральный закон от 21 апреля 2025 г. № 102-ФЗ // СЗ РФ, 28.04.2025, № 17, ст. 2131.

бенностей уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних, который устанавливает уголовно-правовые механизмы льготной (смягченной) ответственности несовершеннолетних в сравнении с совершеннолетними.

Эта тенденция во многом обусловлена внешними факторами. Наблюдается рост специфических видов преступности, таких как кибератаки, диверсии или наркоторговля, что воспринимается как угроза национальной безопасности и провоцирует запрос на репрессивные меры. Так, например, если за 2019–2022 гг. по статье 281 «Диверсия» УК РФ не было осуждено ни одного лица в возрасте 16–17 лет, то в 2023 г. – 1 лицо (11% от общего количества осужденных за диверсию), а в 2024 г. уже 13 лиц (27%) [5].

За террористический акт по статье 205 УК РФ в 2024 г. осуждено 8 несовершеннолетних, в 2023 г. – 1 несовершеннолетний, в 2022 г. – 6 несовершеннолетних, за 2019–2021 гг. всего – 5 несовершеннолетних. То есть за три года с 2022 г. по 2024 г. осуждено в 3 раза больше несовершеннолетних, чем за три года с 2019 г. по 2021 г. (при этом необходимо принимать во внимание, что по статье 205 УК РФ, в отличие от статьи 281 УК РФ, в настоящее время ответственность наступает с 14 лет) [5].

Таким образом, наблюдаемая тенденция отражает попытку решения новых вызовов подростковой преступности через расширение уголовной репрессии, что вступает в противоречие с исторически сложившимися принципами гуманизма в отношении несовершеннолетних.

Объединяет названные инициативы общая логика – расширение уголовной ответственности как ответ на новые формы преступности или трансформацию существующих форм. Однако такой подход игнорирует ключевой вопрос о том, соответствует ли он психофизиологическим возможностям несовершеннолетних и долгосрочным целям ресоциализации?

В этом отношении, принимая во внимание, например, названную инициативу о снижении возраста ответственности за диверсии, следует отметить, что такие новеллы ошибочно не сопровождаются фактически корреспондирующими изменениями (вследствие общепризнанной высокой внушаемости детей) в статьи 205.1 «Содействие террористической деятельности» и 281.1 «Содействие диверсионной деятельности» УК РФ, где за вовлечение в совершение соответствующих преступлений отсутствуют квалифицирующий признак «совершение деяния в отношении несовершеннолетнего», который по общественной опасности вполне обоснованно может быть поставлен в один ряд с признаком «совершение деяния лицом с использованием своего служебного положения», который уже предусмотрен в квалифицированном составе названных «преступлений вовлечения».

Необходимо отдельно остановиться на инициативе Следственного комитета Российской Федерации относительно снижения возраста ответвен-

ности за преступления, связанные с наркобизнесом. Обсуждаемое предложение о привлечении к уголовной ответственности за распространение наркотических средств лиц, достигших четырнадцати лет, обнажает глубокое расхождение во взглядах на стратегию уголовной политики в отношении несовершеннолетних. С одной стороны, существует позиция, требующая ужесточения мер, а с другой – подход, делающий акцент на воспитании и ресоциализации.

Снижение возрастного порога может быть обосновано соразмерностью наказания тяжести деяния. В частности, может быть приведена аналогия с ответственностью за убийство, которая наступает с 14 лет, в то время как наркобизнес формирует потенциально летальные последствия оборота наркотиков. В таком случае сохранение более высокого возрастного барьера для распространения запрещенных веществ создает правовую лагуну, которой активно пользуются организованные преступные группировки. Несовершеннолетние, особенно в схемах с дистанционным контролем над распространением, воспринимаются как исполнители, пользующиеся фактической безнаказанностью из-за неспособности действующих норм эффективно противодействовать изощренным методам вовлечения молодежи. Критика действующего подхода к криминализации наркобизнеса может указывать на случаи, когда несовершеннолетние участники сбыта значительных партий избегают реальной ответственности, что расценивается как излишняя мягкость, поощряющая использование детей в преступных целях.

В этой парадигме вернее было бы вести речь о смягчении последствий и рассмотреть возможность назначения меры в виде помещения в специализированные закрытые учебно-воспитательные учреждения, что позволит изолировать подростков от криминального влияния. Дополнительным вариантом может быть введение административной ответственности с двенадцати лет за первичные проступки, связанные с наркотиками, что могло бы служить инструментом для получения сведений о взрослых организаторах.

С другой стороны, позиция «против» основывается на фундаментальных принципах, закрепленных в международных нормах, требующих учитывать психологическую, эмоциональную и интеллектуальную незрелость лиц подросткового возраста при определении мер правового воздействия. Фокус на опасности самого деяния в отрыве от понимания особенностей развития подростка превращает их в легкую мишень для системы, игнорирующей глубинные причины вовлечения в наркоторговлю. К таким причинам относятся серьезные проблемы в профилактической работе, недостаточный контроль за доступностью запрещенных веществ и слабая эффективность борьбы с организованными преступными структурами, которые часто принуждают или манипулируют несовершеннолетними. Уголовное преследование самих подростков, с этой точки зрения, лишь маскирует неспособ-

ность правоохранительных органов в полной мере применять существующие нормы закона против реальных организаторов наркобизнеса.

При этом отсутствуют убедительные эмпирические данные, доказывающие необходимость реформы: неясно, почему не работают (и не работают ли) существующие механизмы воздействия на лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, но совершающих общественно опасные деяния, и как именно снижение возраста предотвратит вовлечение новых участников.

В последние десятилетия достигнуты немалые успехи в гуманизации подходов к подростковой преступности, выразившиеся в снижении ее уровня благодаря акценту на воспитательные и профилактические меры. Возврат к репрессивной модели грозит усилением социального отчуждения и криминализации молодежи. Здесь проявляется эффект «обратной стороны медали», когда достижение цели может вызывать обратный желаемому результат.

Ключевое противоречие заключается в столкновении двух конкурирующих целей: немедленной защиты общества через жесткие меры и долгосрочной социализации несовершеннолетних правонарушителей через воспитание и реабилитацию.

Ситуацию усугубляет дефицит достоверной статистики о реальных масштабах участия подростков 14–16 лет в сбыте наркотиков и об эффективности применения к ним действующих статей уголовного закона. Это превращает дискуссию в значительной степени в спор идеологий, а не фактов.

Подростки в наркотрафике становятся фактически жертвами двойной уязвимости: правовой (неспособность осознать системную роль в преступной цепи из-за когнитивной незрелости) и социальной (возможное отсутствие альтернатив вследствие бедности, маргинализации, навязывания (прямого или косвенного) «богатого» образа жизни). Уголовное преследование таких лиц игнорирует эту двойственность, нарушая принцип *ultima ratio*.

В свете изложенного, представляется, что снижение возраста само по себе не решает системных проблем в противодействии наркоторговле. Приоритетом должно стать усиление борьбы с организаторами преступной деятельности, расширение сети профилактических программ, реабилитационных центров и мер социальной поддержки для несовершеннолетних, находящихся в группе риска. Без этих мер законодательное ужесточение в отношении подростков рискует стать фикцией, перекладывающей ответственность за провалы системы на наиболее уязвимых участников цепи, не затрагивая ее верхние звенья.

Учитывая отсутствие доказательной базы, нерешенность методологических вопросов и высокие риски социальных издержек, данная инициатива на текущем этапе выглядит скорее как попытка найти простое решение для сложной проблемы. Она воспринимается частью общества как неже-

лание вести последовательную борьбу с корнями наркопреступности.

Поэтому, несмотря на существование аргументов в пользу снижения возраста (особенно в контексте сравнения с ответственностью за другие тяжкие деяния, наступающей с 14 лет, например, хищение или вымогательство наркотиков либо оружия), вопрос представляется в высокой степени политизированным.

Прогнозируем, что без всестороннего анализа и разрешения фундаментальных противоречий, а также без выраженной политической воли на самом высоком уровне, в ближайшей и среднесрочной перспективе данная законодательная инициатива вряд ли будет реализована, так как несет значительные риски репутационных потерь для ее потенциальных сторонников среди субъектов права законодательной инициативы.

Также необходимо отметить тенденцию, связанную с искусственным формированием широкого общественного резонанса преступлений, совершаемых подростками, что формирует в общественном сознании образ «юного преступника», требующего жесткого наказания. Также политический контекст играет роль, поскольку ужесточение закона используется как инструмент демонстрации «силы государства».

В этой связи полезным как с методологической, так и с нравственно-правовой точки зрения будет вновь обратиться к доктринальным позициям, которые были сформулированы, по сути, создателями отечественной уголовно-правовой науки – дореволюционными криминалистами [6, с. 34–44]. Такой контекст призван в том числе обратить внимание широкой общественности, призывающей к пересмотру гуманного подхода к ответственности несовершеннолетних, на то, каким образом мыслили ученые в достаточно давнее время, чтобы зародить закономерный вопрос – можем ли мы идти назад (во времена, когда уголовное право не было столь оформленным, каким оно предстало в работах дореволюционных ученых) или все-таки общество и право как его неотъемлемый элемент должны стремиться в будущее вне сугубо карательной парадигмы?

Анализ высказываний дореволюционных правоведов позволяет выявить фундаментальные принципы, сохраняющие актуальность в современной системе уголовной ответственности несовершеннолетних. Ф.Г. Штрубе де Пермонт [7], акцентируя необходимость учета «персональных свойств» – возраста, психического состояния, пола и социального происхождения, – заложил основу для дифференцированного подхода к правовому регулированию. Эта идея находит отражение в современных возрастных градациях уголовной ответственности, где законодательство, как и в эпоху Г.И. Солнцева, разделяет несовершеннолетних на категории: от полной невменяемости в раннем детстве до ограниченной ответственности в подростковом возрасте. Сегодня, как и в XVIII веке, со-

храняется ступенчатая система, хотя возрастные рамки сместились.

Ключевым вкладом И.М. Наумова [8, с. 13–14] и Н.С. Таганцева [9, с. 437–438] стало обоснование связи между когнитивным развитием и способностью нести ответственность. Их тезисы о роли разума, воли и совести в формировании осознанности действий перекликаются с современными нейробиологическими исследованиями. Это объясняет, почему подростки склонны к импульсивным поступкам и не всегда способны предвидеть отдаленные результаты своих действий.

Н.Д. Сергеевский, развивая концепцию «способности ко вменению», предложил разделять возрастные периоды на безусловную и условную невменяемость, подчеркивая, что фиксированные законодательные границы должны опираться на данные психологии и антропологии [10, с. 276–277].

Особое значение имеют идеи о приоритете воспитательных мер над карательными. Г.И. Солнцев отмечал, что даже при наличии ответственности у малолетних наказание должно носить исправительный, а не репрессивный характер [11, с. 67–68]. Н.С. Таганцев дополнял этот тезис, указывая на шаткость нравственных ориентиров у подростков и влияние внешних факторов (семья, окружение), что требует не наказания, а педагогического вмешательства.

Важным выводом является необходимость междисциплинарного подхода. Ученые подчеркивали, что правовые решения должны опираться не только на формальные нормы, но и на данные психологии, педагогики и антропологии.

Следование принципам, сформулированным еще в дореволюционной доктрине уголовного права, не означает архаизации. Напротив, оно требует инновационных решений, например, применения технологий цифрового мониторинга для профилактики вовлечения подростков в наркоторговлю вместо расширения УК. Это сохранит баланс между безопасностью общества и правами ребенка.

Теоретический анализ позволяет сформулировать критерии, обязательные для любой реформы в сфере ответственности несовершеннолетних:

1. *Соответствие нейробиологическому развитию.* Законодательные границы должны коррелировать с данными о возрастном формировании префронтальной коры мозга (отвечающей за контроль импульсов и оценку последствий).

2. *Принцип subsidiarity.* Уголовное наказание – крайняя мера, если объективно доказано, что воспитательные (профилактические) механизмы исчерпаны.

3. *Системность изменений.* Снижение возраста ответственности требует синхронной модернизации смежных институтов (психолого-педагогической экспертизы, ювенальной юстиции, ресоциализации).

Пренебрежение этими критериями превращает реформы в симулякр, создающий видимость борь-

бы с преступностью ценой криминализации подростковой среды.

Представляется, что сформулированные критерии (принципы) отражают квинтэссенцию современных базовых основ принятия законодательных решений в вопросах уголовно-правового регулирования поведения несовершеннолетних и дает инструмент для объективной оценки законодательных инициатив, что в случае их реализации имеет решающее значение для правоприменительной практики.

Тезис дореволюционных юристов об учете персональных свойств сегодня требует развития через формирование теории динамической вменяемости, где вменяемость рассматривается не как «бинарное» понятие, а как континуум, зависящий от типа преступления (спонтанное, спланированное и т.д.); цифровой среды (манипуляции через информационные сети, в том числе с задействованием моделей когнитивного внушения, снижают осознанность); социального контекста (принуждение, безысходность, навязанные прямо или косвенно ценности). Необходимо оценивать не только психическое здоровье, но и «контекстуальную вменяемость» – способность понимать значение действий в конкретных условиях. Например, 15-летний, пересылающий зашифрованное сообщение для диверсантов по приказу, может быть невменяем в отношении этого деяния из-за искусственно сформированной когнитивной нагрузки. В ряде случаев такая нагрузка может сопрягаться с угрозами различного характера (жизнь, здоровье близких и т.д.), что требует оценки на предмет наличия обстоятельств, исключающих преступность деяния (крайняя необходимость, необходимая оборона, обоснованный риск и т.д.).

Таким образом, базовые принципы, сформулированные дореволюционными правововедами, заключаются в дифференциации ответственности по возрасту, учете психофизиологической зрелости, приоритете воспитательных («неуголовных») мер. Их актуальность подтверждается не только исторической преемственностью, но и данными науки, доказывающими, что карательный подход к подросткам противоречит объективным реалиям, целеполаганию уголовной репрессии и повышает риски рецидивов. Задача современного права, государства и общества – развивать эти идеи с учетом вызовов нового времени, сочетая гуманизм с эффективной профилактикой преступности несовершеннолетних, а не «разворачивать» весь ход развития отечественного (и в целом – мирового) уголовного права вспять.

Литература

1. Правительство одобрило уголовное наказание для 14-летних за диверсии // «Газета.ru». URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/03/11/22525117.shtml?ysclid=m-9l0qcx8yg538711431> (дата обращения: 18.07.2025).

2. СК предложил снизить возрастной порог для наказания за сбыт наркотиков // «РИА Новости». URL: <https://ria.ru/20250205/bas-trykin-1997511134.html?ysclid=m9l0snyw-ye350099456> (дата обращения: 18.07.2025).
3. В Госдуме предложили начать судить за серьезные преступления с 12 лет // «Российская газета». URL: <https://rg.ru/2017/10/16/v-gosdume-predlozhili-nachat-sudit-za-sereznye-prestupleniia-s-12-let.html> (дата обращения: 18.07.2025).
4. Уже не дети. Эксперты предложили понизить возраст уголовной ответственности // «Аргументы и факты». URL: https://aif.ru/society/law/uzhe_ne_deti_eksperty_predlozhili_ponizit_vozrast_ugolovnoy_otvetstvennosti (дата обращения: 18.07.2025).
5. Судебная статистика // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 18.07.2025).
6. Лезина Е. П., Климов С.А. Зарождение науки российского уголовного права // Контентус. 2020. № 8. С. 34–44.
7. Штрубе де Пермонт Ф.Г. Краткое руководство к российским правам. 1755. URL: https://bstudy.net/872110/politika/pirmont_kratkoe_rukovodstvo_rossiyskim_pravam_1755_izbrannye_fragmenty (дата обращения: 10.07.2025).
8. Наумов И.М. Разделение преступлений против права гражданского и против права уголовного. СПб., 1813. – 17 с.
9. Таганцев Н.С. Лекции по уголовному праву. Часть общая. СПб., 1888. – 974 с.
10. Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть Общая. СПб., 1887. – 434 с.
11. Солнцев Г.И. Российское уголовное право. Казань, 1820. Издание 1907 г. под ред. Г.С. Фельдштейна. Ярославль, 1907 г. – 219 с.

ON THE DOCTRINAL ORIGINS OF THE SPECIAL REGULATION OF CRIMINAL LIABILITY OF MINORS

Kosareva A.A.

All-Russian State University of Justice

The article is devoted to the analysis of modern trends in the regulation of criminal liability of minors in Russia, where the demand for tougher measures is increasing. In contrast to current trends, the author turns to the doctrine of pre-revolutionary legal scholars, whose ideas remain relevant. On this basis, the current legislative “mainstream” is considered and conclusions of scientific and practical significance are formulated. It is emphasized that the punitive approach contradicts the nature of the adolescent psyche, increasing the risk of relapse. It is necessary to preserve the humanistic foundations of criminal law, developing them in the context of new challenges.

Keywords: sabotage focus, directions of responsibility of minors, pre-revolutionary doctrine, adolescent psyche, social conditioning.

References

1. The Government approved criminal punishment for 14-year-olds for sabotage. Gazeta.ru. Available at: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/03/11/22525117.shtml?ysclid=m9l0qcx-8yg538711431> (accessed: 18.07.2025).
2. The Investigative Committee proposed to lower the age threshold for punishment for drug trafficking. RIA Novosti. Available at: <https://ria.ru/20250205/bastrykin-1997511134.html?ysclid=m9l0snywye350099456> (accessed: 18.07.2025).
3. In the State Duma, it was proposed to start trying for serious crimes from the age of 12. Rossiyskaya Gazeta. Available at: <https://rg.ru/2017/10/16/v-gosdume-predlozhili-nachat-sudit-za-sereznye-prestupleniia-s-12-let.html> (accessed: 18.07.2025).
4. No Longer Children. Experts proposed to lower the age of criminal responsibility. Argumenty i Fakty. Available at: https://aif.ru/society/law/uzhe_ne_deti_eksperty_predlozhili_ponizit_vozrast_ugolovnoy_otvetstvennosti (accessed: 18.07.2025).
5. Judicial Statistics. Official website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. Available at: <https://cdep.ru/?id=79> (accessed: 18.07.2025).
6. Lezina, E.P. and Klimov, S.A. (2020) ‘Zarozhdenie nauki rossiyskogo ugodovnogogo prava’ [The Origin of the Science of Russian Criminal Law]. Kontentus, (8), pp. 34–44. (In Russ.)
7. Shtrube de Pirmont, F.G. (1755) Kratkoe rukovodstvo k rossiyskim pravam [A Brief Guide to Russian Laws]. Available at: https://bstudy.net/872110/politika/pirmont_kratkoe_rukovodstvo_rossiyskim_pravam_1755_izbrannye_fragmenty (accessed: 10.07.2025). (In Russ.)
8. Naumov, I.M. (1813) Razdelenie prestupleniy protiv prava grazhdanskogo i protiv prava ugodovnogogo [The Separation of Crimes Against Civil Law and Against Criminal Law]. St. Petersburg. 17 p. (In Russ.)
9. Tagantsev, N.S. (1888) Lektsii po ugodovnomu pravu. Chast’ obshchaya [Lectures on Criminal Law. General Part]. St. Petersburg. 974 p. (In Russ.)
10. Sergeevskiy, N.D. (1887) Russkoe ugodovnoe pravo. Chast’ Obshchaya [Russian Criminal Law. General Part]. St. Petersburg. 434 p. (In Russ.)
11. Solntsev, G.I. (1907) Rossiyskoe ugodovnoe pravo [Russian Criminal Law]. Ed. by G.S. Feldshtein. Yaroslavl’. 219 p. (Reprint of the 1820 Kazan edition). (In Russ.)

Крюков Антон Владимирович,

старший преподаватель кафедры уголовного права, судья
в отставке, Санкт-Петербургский университет МВД России
E-mail: krukovanton293@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы назначения дополнительных наказаний за совершение преступления, предусмотренного ст. 209 УК РФ – «Бандитизм». Автор указывает, что предусмотренные за это преступление дополнительные наказания в виде штрафа и ограничения свободы должны быть полностью обоснованными и предоставляющими осужденным возможность исправиться, то есть доказать, что в дальнейшем они не намереваются совершать преступления и перестали быть общественно опасными. По мнению автора, целесообразным является применение по ст. 209 УК РФ дополнительного наказания – штрафа только в определенной денежной сумме размером до одного миллиона рублей, поскольку имеющиеся статистические данные свидетельствуют, что за последние 6 лет штраф за бандитизм в размере заработной платы или иного дохода осужденного не назначался ни разу. Назначение штрафа в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет или без такового является крайне проблематичным, поскольку, как показывает практика, заработной платы в определенном размере или определенного стабильного дохода члены банд фактически никогда не имеют. Кроме того, по мнению автора, обычно налагаемые судом на осужденного в рамках дополнительного наказания ограничения в виде запрета покидать определенный регион и не менять места жительства без согласования с УИИ недостаточны, поскольку указанные наложенные ограничения направлены только на осуществление контроля за ним, но не на процесс его перевоспитания. Применительно к членам банды, осужденным по ст. 209 УК РФ, целесообразен обязательный запрет для них посещения тех мест и массовых мероприятий, где могут собираться прочие члены определенной банды или иных преступных групп.

Ключевые слова: Особо тяжкое преступление, бандитизм, назначение дополнительных наказаний, штраф, размер заработной платы или иного дохода, ограничение свободы, налагаемые ограничения, запрет посещения определенных мест.

Санкция статьи 209 УК РФ «Бандитизм» относится к кумулятивным санкциям, то есть включает в себя основное и два дополнительных наказания. Подобная суровость наказания обусловлена тем, что бандитизм сам по себе чрезвычайно опасен для общества. В понятие бандитизма входят создание группы для совершения нападений на граждан или на различные организации, причем хотя бы у одного из членов группы должно иметься оружие – любое, огнестрельное или холодное. Безусловно, опасность нападения, совершенного группой, которую организовали специально для совершения подобных нападений, и при этом обладающей оружием, значительно выше опасности, которую представляет нападение, совершенное одним человеком или группой людей, которые заранее специально к такому нападению не готовились.

Поэтому основное и дополнительные наказания за подобное преступление, обеспечивая максимальную безопасность для социума, должны быть полностью обоснованными, предоставляющими осужденным возможность исправиться, то есть доказать, что в дальнейшем они не намереваются совершать преступления и перестали быть общественно опасными. Собственно, основная задача любого уголовного наказания сводится к данным двум пунктам.

Основным наказанием за бандитизм является лишение свободы, которое по обеим частям этой статьи, то есть за создание либо руководство бандой и за участие в ней, предусмотрено на срок свыше 10 лет. Именно поэтому бандитизм в любых формах относится к категории особо тяжких преступлений.

В качестве одного из дополнительных наказаний за бандитизм уголовным законом предусмотрен штраф. По сути своей штраф – это установленное законом в определенных пределах денежное взыскание. За бандитизм – и за создание банды и за участие в ней – законом предусмотрен штраф в размере до миллиона рублей включительно или в сумме заработной платы или любого иного дохода осужденного лица за временной промежуток до пяти лет.

В практике применения в качестве наказания за совершение преступления, предусмотренного ст. 209 УК РФ, штраф назначается, в основном, в тех случаях, когда совершенными бандой преступлениями причинен значительный материальный ущерб, то есть фактически виновный «платит» за совершенное.

Судебная практика свидетельствует, что практически всегда участникам банды наказание назначается по основаниям ст. 69 ч. 3 УК РФ, то есть

по совокупности преступлений. Наказание здесь назначается и за создание банды или участие в ней и за совершение преступлений, отражающих непосредственно совершенные бандой нападения, такие как преступления, предусмотренные статьями 105, 131, 161, 162 и пр. При этом размеры штрафа за каждое из преступлений складываются полностью или частично. Как следует из пункта 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», [1] размеры штрафа определяют тяжесть преступления, материальное положение осужденного и его семьи и возможность получения осужденным заработной платы или иного дохода (часть 3 ст. 46 УК РФ).

Для того, чтобы назначить разумную и обоснованную сумму штрафа, суд выясняет, имеется ли у осужденного место работы, и, при наличии такового – размер его заработной платы, наличие у него определенного имущества, наличие лиц у него на иждивении. Выплата штрафа также возможна и в рассрочку, на период до пяти лет.

Следует учесть, что штраф может быть назначен как лицу, имеющему постоянное место работы, так и лицу, места работы не имеющему.

В значительной степени решение вопроса о назначении дополнительного наказания в виде штрафа отдано на усмотрение суда. Право суда здесь балансирует между рамками закона и свободой выбора судом вида и размера наказания. Слишком большие возможности судейского усмотрения могут сказаться на законности принятого решения, а отсутствие свободной оценки судом материалов дела нарушит принцип справедливости. По мнению А.И. Рарога и В.П. Степалина, следует найти оптимально соотношение «формальной определенности права и оценочной деятельности правоприменителя». [2]

С нашей точки зрения, целесообразным является применение по ст. 209 УК РФ дополнительного наказания – штрафа только в определенной денежной сумме размером до одного миллиона рублей. Имеющиеся статистические данные свидетельствуют, что за последние 6 лет штраф за бандитизм в размере заработной платы или иного дохода осужденного не назначался ни разу. Назначение штрафа в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет или без такового является крайне проблематичным, поскольку, как показывает практика, заработной платы в определенном размере или определенного стабильного дохода члены банд фактически никогда не имеют. Даже при наличии, в единичных случаях, подобных заработной платы или дохода, подтвердить их размеры за последние пять лет возможным не представляется. Установление размера заработной платы или дохода осужденного с его слов или же на основе сведений с места работы за период до пяти чрезвычайно ненадежно и, в основном, означает занижение суммы штрафа.

Так, городским судом г. Сыктывкара Ю.П. был осужден по ст. 209 ч. 1 УК РФ в совокупности с рядом иных статей, предусматривающих уголовную ответственность за нападения, к пожизненному лишению свободы в колонии особого режима со штрафом 3 000 000 рублей. [3] Ю.П., являющийся «вором в законе», не работал большую часть своей жизни, что исключает назначение ему штрафа с учетом заработной платы или доходов.

Поэтому указание в санкции статьи в качестве дополнительного наказания также и размера штрафа в сумме заработной платы или любого иного дохода осужденного лица за временной промежуток до пяти лет является излишним, влекущим возможность назначения абсолютно необоснованного наказания. Более того, по нашему мнению, указание на подобный способ исчисления штрафа зачастую обуславливает нежелание судов назначать виновным дополнительное наказание в виде штрафа, поскольку предполагает очень сложные и проблемные процедуры расчета размеров штрафа.

Также в качестве дополнительного наказания виновному лицу назначается наказание в виде ограничения свободы.

Из пункта 17 указанного Постановления Пленума ВС РФ следует, что суд, в рамках данного дополнительного наказания, не может обязать осужденного соблюдать ограничения, не предусмотренные уголовным законом, а именно ст. 53 УК РФ.

Пленум ВС РФ указывает, что, запрещая посещение соответствующих мест, суд должен указывать точные их признаки – места общественного питания, различного рода детские учреждения и т.п. Это же относится и к массовым мероприятиям, в отношении которых суд должен указывать те конкретные мероприятия, участие в которых не будет соответствовать целям назначенного осужденному наказания.

Существенно здесь также и то, что, в отличие от штрафа, назначение либо неназначение которого оставляется на усмотрение суда, ограничение свободы назначается осужденному обязательно.

Необходимость обязательного назначения данного дополнительного наказания, помимо высокой общественной опасности бандитизма, обусловлена также и потребностью в осуществлении контроля за осужденным после отбытия им основного наказания в виде лишения свободы и выхода его на свободу, а также потребностью применения к нему воспитательных мер, нейтрализующих после освобождения возможное влияние на него прежних соучастников.

Так, приговором Верховного Суда Республики Татарстан от 07.12.2023 г., ФИО признан виновным по ст. ст. 209 ч. 2, 105 ч. 2 п.п. «ж, з, к» УК РФ с назначением окончательного наказания в виде 16 лет лишения свободы, с ограничением свободы на 1 год, предусматривающим такие ограничения как запрет выезда за пределы муниципального образования, запрет изменять место жительства без согласия уголовно – исполнительной инспекции,

а также обязательство раз в месяц являться для регистрации. [4]

Судебная практика свидетельствует, что чаще всего на осужденных налагаются именно указанные ограничения и обязательство.

Полагаем, что данных наложенных на осужденного в рамках дополнительного наказания ограничений недостаточно, поскольку указанные наложенные ограничения направлены только на осуществление контроля за ним, но не на процесс его перевоспитания. Применительно к членам банды, осужденным по ст. 209 УК РФ, целесообразен обязательный запрет для них посещения тех мест и массовых мероприятий, где могут собираться прочие члены определенной банды или иных преступных групп – кафе, ресторанов, различных банных комплексов, стадионов, тиров, бассейнов, спортивных залов и спортивных соревнований. Особенно актуальны подобные запретительные меры для небольших населенных пунктов, где подобные места и мероприятия имеются в сравнительно незначительном количестве и где факт осуждения и отбытия наказания определенным лицом известен многим. Здесь следует учесть и специфику бандитизма, обязательно предусматривающего влияние одних членов преступной группы на других.

Подобные запреты на посещение строго определенных мест и мероприятий обеспечат для осужденного по ст. 209 УК РФ отсутствие давления на него и устойчивость законопослушного поведенческого поведения. Напротив, отсутствие подобного запрета, содержащего точный перечень мест и мероприятий, запрещенных к посещению, чаще всего влечет за собой рецидив преступной деятельности.

Таким образом, назначение обоснованного дополнительного наказания за бандитизм обеспечивает задачи индивидуализации, справедливости и целесообразности уголовного наказания, а также существенно облегчает для осужденного возможность исправления.

Литература

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». – Доступ из справ. – правовой системы «КонсультантПлюс». Текст: – электронный.

2. Рарог А.И., Степалин В.П. Судейское усмотрение при назначении наказания // Государство и право. – 2002. № 2. – С. 36–42
3. Официальный сайт Следственного комитета РФ. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1801261/> (дата обращения 16.08.2025 г.)
4. Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/acOSAg4Dlx5J/> (дата обращения 16.08.2025 г.)

IMPOSING ADDITIONAL PUNISHMENTS FOR BANDITRY

Kryukov A.W.

Saint Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia

The article discusses the issue of imposing additional penalties for committing a crime under Article 209 of the Criminal Code of the Russian Federation, which is known as “Banditry.” The author emphasizes that the additional penalties imposed for this crime, such as fines and restrictions on freedom, should be fully justified and provide an opportunity for the convicted individuals to reform themselves and demonstrate that they no longer intend to commit crimes and have ceased to pose a public threat. According to the author, it is advisable to apply an additional punishment under Article 209 of the Criminal Code of the Russian Federation, which is a fine of up to one million rubles, since the available statistics show that no fines for banditry have been imposed in the amount of a convicted person’s salary or other income over the past six years. The imposition of a fine in the amount of the convicted person’s salary or other income for a period of up to five years or without such a fine is highly problematic, as practice has shown that gang members rarely have a fixed salary or stable income. Additionally, the author believes that the restrictions imposed by the court on the convicted person as part of their additional punishment, such as prohibiting them from leaving a specific region or changing their place of residence without the approval of the Department of Correctional Services, are insufficient, as they are primarily intended to monitor the convicted person rather than to rehabilitate them. In the case of gang members convicted under Article 209 of the Criminal Code of the Russian Federation, it is advisable to prohibit them from visiting places and mass events where other members of the same gang or other criminal groups may gather.

Keywords: A particularly serious crime, banditry, additional punishments, fines, the amount of wages or other income, restrictions on freedom, imposed restrictions, and prohibition of visiting certain places.

References

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 22.12.2015 No. 58 “On the practice of assigning criminal penalties by courts of the Russian Federation”. – Access from the help. – the legal system “ConsultantPlus”. Text: – electronic.
2. Rarog A.I., Stepalin V.P. Judicial discretion in sentencing // State and law. – 2002. No. 2. – pp. 36–42
3. Official website of the Investigative Committee of the Russian Federation. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1801261/> (accessed on August 16, 2025)
4. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/acOSAg4Dlx5J/> (accessed on August 16, 2025).

Признание не имеющими правового значения заявлений, изложенных в возражениях на иск как следствие недобросовестного поведения

Курносов Борис Ильич,
аспирант, РЭУ имени Г.В. Плеханова

В статье рассмотрен вопрос о признании изложенных в возражениях на иск заявлений, в том числе о недействительности сделки, незаключенности договора, применении моратория на банкротство, не имеющими правового значения. Сделан вывод о наличии противоречий и недостатков в нормах об отклонении таких заявлений и практике их применения, заключающихся в: применении гражданско-правовых норм к действиям, носящим гражданско-процессуальный характер; наличии у суда обязанности применить нормы, на которые ссылалось недобросовестное лицо, даже при отклонении заявления, сделанного последним; невозможности защиты прав добросовестного лица в случаях, когда его контрагент занимает пассивную процессуальную позицию. В связи с этим, признанию недобросовестным подлежит не процессуальное поведение ответчика, а его бездействие, т.е. несовершение действий, которые совершило бы добросовестное лицо; признанию не имеющим правового значения – обстоятельства, обуславливающие формальную правомерность такого бездействия, а не сама по себе ссылка ответчика на данные обстоятельства.

Ключевые слова: добросовестность, злоупотребление правом, противоречивое поведение, отрицательные права, субъективное гражданское право, гражданско-процессуальные права, мораторий, неустойка, недействительность сделок, незаключенность договора.

Как законодательство, так и судебная практика предусматривают возможность признания не имеющими правового значения (далее – отклонения) изложенных в возражениях на иск заявлений лиц, действующих недобросовестно (как правило, такое недобросовестное поведение выражается в противоречивости, непоследовательности) [10, с. 48].

Так, непосредственно в законодательстве закреплена возможность отклонения заявлений о недействительности сделок; при этом, под такими заявлениями понимаются не только иски об их оспаривании, но и заявления, изложенные в возражениях на основанный на ничтожной сделке иск [2]. К заявлениям, изложенным в возражениях на иск, применяется и норма о запрете предъявления недобросовестных требований о признании договора незаключенным (несмотря на буквальное содержание данной нормы, указывающей на запрет предъявления требований, а не возражений на требования иных лиц) [3]. Со ссылкой на общую норму об обязанности участников оборота действовать добросовестно отклоняются доводы о пропуске срока давности [8], о недопустимости начисления неустойки в период действия моратория на банкротство и т.д. [5].

Можно выделить две группы подобных заявлений.

К первой группе относятся, например, заявления о зачете или о пропуске срока давности. Посредством подобных заявлений лицо осуществляет свои отрицательные гражданские права. Под последними в теории гражданского права понимаются права, осуществление которых «препятствует действию другого права, т.е. вполне уничтожает или стесняет его» [11, с. 11]. Так, заявление о зачете влечет прекращение, т.е. «уничтожение» пассивного требования; заявление о пропуске срока давности не влечет прекращения права истца, но лишает его судебной защиты, т.е. стесняет его. В связи с этим, заведомо недобросовестное осуществление данных прав представляет собой злоупотребление правом.

Поскольку предъявление таких заявлений влечет негативные для другой стороны последствия, признание данных заявлений не имеющими правового значения обеспечивает защиту прав и законных интересов последней.

Ко второй группе можно отнести заявление о ничтожности сделки, незаключенности договора, применении моратория и т.д.; посредством данных заявлений гражданские права не реализуются.

Так, поскольку осуществление отрицательно го права «препятствует действию другого права»,

то его осуществление невозможно в ситуации, когда такое «другое право» не возникло. Например, ничтожный (незаклученный) договор не порождает каких-либо прав; неисполнение обязательства в период моратория не порождает права кредитора требовать уплаты неустойки; следовательно, воспрепятствовать осуществлению данных прав посредством реализации отрицательных прав невозможно. Таким образом, вышеуказанные заявления не могут быть квалифицированы как действия по осуществлению отрицательных прав.

По тем же причинам они не могут быть квалифицированы как действия по осуществлению секундарных прав (так как невозможно изменить правоотношение, которое не возникло); очевидно, что не являются такие возражения и формой осуществления абсолютных прав или прав требования.

Таким образом, право ссылаться на ничтожность (незаклученность) договора, правовые нормы о моратории является не субъективным гражданским правом, а элементом процессуального права приводить свои доводы по вопросам, возникающим в ходе рассмотрения дела; в связи с этим, заявление таких возражений не может быть квалифицировано как злоупотребление субъективным гражданским правом [12, с. 331].

Кроме того, необходимо отметить следующее.

Суд самостоятельно определяет нормы права, подлежащие применению, и имеющие значение для дела обстоятельства, и не связан при этом доводами сторон; в частности, суд обязан исследовать вопрос действительности или недействительности договора, даже если стороны на соответствующие обстоятельства не ссылались [4].

Таким образом, исходя из вышеуказанных правовых норм и сформулированных в судебной практике правовых позиций, суд обязан, с одной стороны, признать заявления, изложенные в возражениях на иск, не имеющими правового значения, а с другой – констатировать ничтожность (недействительность) договора, отсутствие оснований для начисления неустойки и т.д. в рамках своих полномочий по определению норм, подлежащим применению [13, с. 64].

В некоторых случаях такой вариант толкования данной нормы встречается и в судебных актах. Так, указывается, что ничтожная сделка недействительна независимо от судебного процесса, в связи с чем суд должен *ex officio* рассматривать ничтожную сделку как недействительную, не признавая порождаемые ею правовые последствия [6].

Между тем, исходя из подобного подхода установление вышеуказанных норм и дача вышеуказанных разъяснений очевидно было бы бессмысленным.

Можно допустить, что понятие признания заявления не имеющим правового значения следует толковать расширительно, а именно, понимать под таковым признание не имеющими правового значения не только возражений на иск, но и обсто-

ятельств, на которые ссылается недобросовестное лицо.

Так, в судебной практике имеет место позиция, согласно которой, если суд признает заявление о недействительности сделки не имеющим правового значения, то он «игнорирует ... ничтожность сделки» [7], т.е. исходит из фикции ее действительности.

Между тем, подобный подход также не может в полной мере обеспечить защиту добросовестного лица. Так, если другая сторона воздержится от каких-либо заявлений при рассмотрении дела, то у суда, с одной стороны, будут отсутствовать основания для признания ее поведения недобросовестным, а с другой стороны – для неприменения соответствующих правовых норм [14, с. 34].

Можно привести следующий пример.

При рассмотрении иска о взыскании неустойки в суде первой инстанции ответчик не заявлял о необходимости применения в отношении него моратория; однако, суд применил мораторий самостоятельно. В апелляционной жалобе истец указал, что ответчик от обстоятельств, повлекших введение моратория, не пострадал, в связи с чем применение последнего противоречило бы принципу добросовестности; суд апелляционной инстанции данные доводы отклонил, указав, что мораторий подлежит применению независимо от доводов сторон [9].

С учетом изложенного, представляется, что недобросовестными подлежат признанию не процессуальные действия ответчика, а его бездействие, выразившиеся в несовершении действий, которое совершило бы добросовестное лицо (осуществлении встречного предоставления по недействительному или незаконному договорам, на действительность или законность которого он дал основания полагаться своим поведением, выплате неустойки за просрочку исполнения обязательств в период действия моратория, если он не пострадал от повлекших его введение обстоятельств и т.д.). Последствием такого поведения должно являться признание не имеющими правового значения не возражений ответчика на иск, а обстоятельств, обуславливающих формальную правомерность вышеуказанных бездействий.

При таком подходе, во-первых, будет устранено имеющееся в настоящее время противоречие, заключающееся в применении гражданско-правовых норм к действиям, носящим сугубо процессуальный характер; во-вторых, будет исключено применение норм, на которые ссылался недобросовестный ответчик, судом по своей инициативе; в-третьих, будет обеспечена защита прав добросовестной стороны в тех случаях, когда ее недобросовестный контрагент занимает пассивную процессуальную позицию.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред.

- от 31.07.2025) (опубликован в изданиях «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, N 32, ст. 3301, «Российская газета», N 238–239, 08.12.1994);
2. Постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ» (опубликовано в изданиях Российская газета», N 140, 30.06.2015, «Бюллетень ВС РФ», N 8, август, 2015);
 3. Постановление Пленума ВС РФ от 25.12.2018 N 49 «О некоторых вопросах применения общих положений ГК РФ о заключении и толковании договора» (опубликовано в изданиях «Российская газета», N 4, 11.01.2019, «Бюллетень ВС РФ», N 2, февраль, 2019);
 4. Обзор судебной практики ВС РФ N 1 (2020) (утв. Президиумом ВС РФ 10.06.2020) (опубликован в издании «Бюллетень ВС РФ», N 10, октябрь, 2020);
 5. Постановление Пленума ВС РФ от 24.12.2020 N 44 «О некоторых вопросах применения положений статьи 9.1 ФЗ от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (опубликовано в издании «Российская газета», N 2, 12.01.2021);
 6. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 19.01.2021 по делу N A19–14403/2019;
 7. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 04.04.2023 по делу № A41–106391/2019;
 8. Постановление КС РФ от 28.01.2025 N 3-П (опубликовано в изданиях «Собрание законодательства РФ», 10.02.2025, N 6, ст. 538, «Российская газета», N 29, 11.02.2025);
 9. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 25.06.2025 по делу № A40–270594/24;
 10. Богданов Д.Е. Новеллы Гражданского кодекса РФ с позиции концепции добросовестной последовательности в действиях и заявлениях // Законодательство и экономика. 2016. N 2. С. 44–49;
 11. Ем В.С., Суханов Е.А. О видах субъективных гражданских прав и пределах их осуществления // Вестник гражданского права, 2019, № 4. С. 7–21;
 12. Муллина Ю.Н. Эстоппель и другие формы воплощения запрета противоречивого поведения в частном праве: сравнительно-правовой анализ. // Опыты цивилистического исследования: Сборник статей / Рук. авт. кол. и отв. ред. А.М. Ширвиндт, Н.Б. Щербаков. Вып. 2. – М.: Статут, 2018. С. 313–339;
 13. Тузов Д.О. Идея недопустимости «venire contra factum proprium» в связи с нормой об иррелевантности заявления о недействительности: юридическая максима или принцип? // Закон. 2020. N 4. С. 48–64;
 14. Ширвиндт А.М. Ссылка на ничтожность сделки как злоупотребление правом. Изобретение

судов, закрепленное в законе // Арбитражная практика, 2015, № 7. Стр. 24–42.

RECOGNITION OF STATEMENTS SET OUT IN OBJECTIONS TO A CLAIM AS HAVING NO LEGAL SIGNIFICANCE AS A CONSEQUENCE OF BAD FAITH BEHAVIOR

Kurnosov B.I.

Plekhanov Russian University of Economics

The article considers the issue of recognizing statements set out in objections to a claim, including those on the invalidity of a transaction, the non-conclusion of a contract, the application of a moratorium on bankruptcy, as having no legal significance. A conclusion is made about the presence of contradictions and shortcomings in the rules on the rejection of such statements and the practice of their application, consisting in: the application of civil law rules to actions of a civil procedural nature; the presence of an obligation for the court to apply the rules referred to by an unscrupulous person, even if the statement made by the latter is rejected; the impossibility of protecting the rights of a bona fide person in cases where his counterparty takes a passive procedural position. In this regard, it is not the defendant's procedural behavior that is subject to recognition as unfair, but his inaction, i.e. failure to perform actions that a bona fide person would perform; the circumstances that determine the formal legality of such inaction, and not the defendant's reference to these circumstances in itself, are recognized as having no legal significance.

Keywords: good faith, abuse of rights, inconsistent behavior, negative rights, subjective civil law, civil procedural rights, moratorium, penalty, invalidity of transactions, non-conclusion of a contract.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 N 51-FZ (as amended on 31.07.2025) (published in the publications "Collection of Legislation of the Russian Federation", 05.12.1994, N 32, art. 3301, "Rossiyskaya Gazeta", N 238–239, 08.12.1994);
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 N 25 "On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" (published in the publications Rossiyskaya Gazeta, N 140, 30.06.2015, "Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation", N 8, August, 2015);
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 25.12.2018 N 49 "On certain issues of the application of the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the conclusion and interpretation of an agreement" (published in the publications Rossiyskaya Gazeta, N 4, 11.01.2019, "Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation", N 2, February, 2019);
4. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation N 1 (2020) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 10.06.2020) (published in the publication "Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation", No. 10, October, 2020);
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 24.12.2020 No. 44 "On Certain Issues of the Application of the Provisions of Article 9.1 of the Federal Law dated 26.10.2002 No. 127-FZ "On Insolvency (Bankruptcy)" (published in the publication "Rossiyskaya Gazeta", No. 2, 12.01.2021);
6. Resolution of the Fourth Arbitration Court of Appeal dated 19.01.2021 in case No. A19–14403/2019;
7. Resolution of the Tenth Arbitration Court of Appeal dated 04.04.2023 in case No. A41–106391/2019;
8. Resolution Constitutional Court of the Russian Federation of 28.01.2025 N 3-P (published in the publications "Collection of Legislation of the Russian Federation", 10.02.2025, N 6, Art. 538, "Rossiyskaya Gazeta", N 29, 11.02.2025);
9. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal of 25.06.2025 in case No. A40–270594/24;
10. Bogdanov D.E. Amendments to the Civil Code of the Russian Federation from the standpoint of the concept of good faith consistency in actions and statements // Legislation and Economics. 2016. N 2. pp. 44–49;

11. Em V.S., Sukhanov E.A. On the types of subjective civil rights and the limits of their implementation // Bulletin of Civil Law, 2019, No. 4. pp. 7–21;
12. Mullina Yu.N. Estoppel and other forms of embodiment of the prohibition of contradictory behavior in private law: a comparative legal analysis. // Experiences in civilistic research: Collection of articles / Head. authors' collective. and responsible editors A.M. Shirvindt, N.B. Shcherbakov. Issue. 2. – M.: Statut, 2018. Pp. 313–339;
13. Tuzov D.O. The idea of inadmissibility of “venire contra factum proprium” in connection with the norm on the irrelevance of a declaration of invalidity: a legal maxim or a principle? // Law. 2020. N 4. Pp. 48–64;
14. Shirvindt A.M. Reference to the nullity of a transaction as an abuse of rights. An invention of the courts, enshrined in law // Arbitration practice, 2015, No. 7. Pp. 24–42.

Неправомерный доступ к компьютерной информации: особенности установления места преступления

Мищенко Александр Дмитриевич,

аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики,
ФГАОУ ВО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского»
E-mail: amishchenko.02@gmail.com

Настоящее исследование обращает внимание на дискуссионные вопросы по установлению места совершения преступления в виде неправомерного доступа к компьютерной информации. Проанализированы проблемы, которые часто возникают в досудебных стадиях производства по уголовным делам указанной категории преступлений. Описаны исключительные случаи использования в процессе совершения неправомерного доступа к компьютерной информации компьютерных технологий сокрытия места преступления. Предложены соответствующие рекомендации по установлению места совершения указанного компьютерного преступления.

Ключевые слова: предмет доказывания, место преступления, компьютерная информация, киберпространство, удаленный доступ, неправомерный доступ.

Введение

В связи с активным внедрением в повседневную жизнь современного человека компьютерных технологий его деятельность так или иначе связана с информационной сферой (социальные сети, мессенджеры, торговые интернет площадки, чаты, форумы и др.), следовательно, его персональные данные, включая ФИО, возраст, дата рождения, паспортные данные и т.д. являются своего рода целью для потенциальных киберпреступников. В этой связи любые действия человека (активные и пассивные) в компьютерных сетях оставляют свои следы в цифровом пространстве, которые фиксируются в соответствующих «лог-файлах», или журналах событий [1]. Подобные файлы являются своего рода разновидностью цифровых следов, активно использующихся в раскрытии подобных преступлений. Несмотря на действия правоохранительных органов компьютерные преступления в настоящий момент времени являются весьма распространенными, но при этом малоизученными и наносят существенный вред как обществу, так и государству. Обращаясь к статистической сводке МВД России за период январь-декабрь 2024 года отметим, что общее число преступлений, совершенных с использованием компьютерных технологий составило 40% от общего количества зарегистрированных дел, что на 13,1% больше чем в 2023 году¹. Причем мировая статистика выглядит аналогичным образом, по данным Департамента Социологии Оксфордского университета и университета Нового Южного Уэльса города Канберра общий мировой индекс киберпреступности для России составил – 58.39, далее идет Украина – 36.44, за ней Китай – 27.86 и США – 25.01². Данный показатель отражает уровень технической грамотности компьютерных преступников, где Россия занимает лидирующее место. Изложенное свидетельствует о наличии проблем в процессе доказывания, а именно в установлении обстоятельств совершения данных преступлений, что также объясняет высокий уровень их роста.

В действующем Уголовном Кодексе РФ (далее – УК РФ) компьютерным составам посвящена гл. 28 «Преступления в сфере компьютерной информации». Настоящее исследование направлено исключительно на неправомерный доступ к компью-

¹ Официальные статистические материалы МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/> (дата обращения: 21.05.2025).

² World-first «Cybercrime Index» ranks countries by cybercrime threat level. URL: <https://www.ox.ac.uk/news/2024-04-10-world-first-cybercrime-index-ranks-countries-cybercrime-threat-level> (дата обращения: 21.05.2025).

терной информации, который является уголовно-наказуемым деянием, предусмотренным ст. 272 УК РФ. Прежде чем характеризовать особенности доказывания указанного состава, необходимо разобратся в чем его общественная опасность.

Так неправомерный доступ является своего рода плацдармом, или «оплотом» для совершения всех последующих (будущих) преступлений как в сфере компьютерной информации (цифровое мошенничество, распространение вредоносных компьютерных программ, нарушение авторского права, кража персональных данных и т.д.), так и простых общеуголовных составов. Современный человек не может обходиться без интернета или цифрового устройства в принципе, в связи с чем, когда мы пользуемся услугами различных сайтов («Госуслуги», «Yandex» «ВКонтакте» и др.), цифровых продавцов («Ozon», «WildBerries», «AliExpress» и др.), осуществляя заказ или при регистрации на сайте, то оставляем персональную информацию, которая записывается в базы данных и хранится на удаленном сервере, а соответствующие организации обязываются обеспечивать ее конфиденциальность, что гарантируется ст. 7 Федерального закона № 152-ФЗ от 27.07.2006 «О персональных данных»¹. Тем не менее любая система может быть взломана и этого нельзя избежать, поэтому возникают так называемые утечки информации в общедоступную сеть, или несанкционированное раскрытие информации. Таким образом, неправомерный доступ является опасным видом преступлений в цифровом поле, существенно нарушающим как конституционные права и законные интересы граждан на неприкосновенность частной жизни, семейной и личной тайны, конфиденциальность телефонных переговоров и тайну переписки, так и организаций на коммерческую тайну, в том числе обеспечения безопасности персональных данных их членов.

Основное исследование

Как и любое другое преступление, неправомерный доступ характеризуется наличием совокупности элементов преступного деяния, среди которых необходимо выделить объективную сторону, в состав которой входит факультативный признак – место преступления. Исходя из ст. 272 УК РФ данное преступление считается оконченным после наступления общественно опасных последствий, в виде копирования, блокирования, уничтожения либо модификации компьютерной информации. Следовательно, состав считается материальным – нет преступления без общественно опасных последствий. В доктрине уголовного права существует дискуссия относительно вопросов места совершения преступления по материальным составам, когда территория начала и окончания преступных действий не совпадает.

По общему правилу местом совершения преступления признается определенная территория, на ко-

торой преступные действия были совершены либо на которой наступили опасные последствия. Место совершения преступления является территориальным элементом подследственности, а также некоторые ученые называют его местной подсудностью [2, с. 136]. Иные же авторы считают, что местом будет наоборот территория, на которой опасные последствия были зафиксированы [3, с. 128]. Применительно к компьютерным составам можно отметить, что большая их часть совершается без физического контакта с потерпевшим, путем использования технологий удаленного доступа, компьютерной атаки и т.д. Некоторые авторы выделяют и такое место совершения преступления как – место непосредственной обработки информации [4, с. 6]. При этом Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»» (далее – Пленум № 37) указал, что неправомерный доступ может быть осуществлен путем проникновения к источнику хранения информации либо путем удаленного доступа². Отсюда можно сказать, что данный вопрос решается индивидуально по каждому уголовному делу.

Поскольку современные технологии позволяют использовать удаленное подключение, вопросы об установлении начального места совершения преступных действий обретают транснациональный характер, т.е. преступление может начаться на территории одного государства, а общественно опасные последствия будут зафиксированы в другом. Исходя из ранее приведенной статистики МВД России современное законодательство как национальное, так и международное не в полной мере готовы противодействовать росту преступлений в сфере компьютерной информации, в том числе неправомерному доступу [5, с. 3]. Во многом это предопределяется вопросами уголовно-правовой помощи, когда одно государство направляет запрос на совершения ряда процессуальных действий в виде экстрадиции, признании и исполнении судебных решений, выполнении иных поручений и т.д. [6, с. 5]. Тем не менее на данные вопросы в большинстве случаев влияет уровень дипломатических отношений между странами направляющими запрос, так за 2023 год зарубежные государства (Латвия, Швейцария, Польша и др.) отклонили 66 запросов из них 34 по политическим мотивам, а также 114 запросов о выдаче преступников, из них 38 по политическим мотивам³.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 N 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»» // Российская газета, № 294, 28.12.2022.

³ Иностранцы за год отклонили 66 запросов Генпрокуратуры России о правовой помощи. URL: <https://www.interfax.ru/rus->

¹ Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3451.

В связи с чем актуализируются вопросы об установлении в процессе доказывания события преступления, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 73 Уголовно-процессуального Кодекса РФ (далее – УПК РФ) для неправомерного доступа к компьютерной информации. Для доказывания данное обстоятельство является существенным и образует так называемый главный факт [7, с. 363–364], без установления которого дальнейшее производство по делу невозможно. Обращаясь к общей теории права таковым фактом являются юридические действия (волевой фактор), носящие неправомерный характер, обладающие признаками общественной опасности, которые непосредственно составляют объективную сторону преступления (активные и пассивные действия) [8, с. 167–168]. Ввиду того, что преступления в виде неправомерного доступа к компьютерной информации не обязательно требуют наличия непосредственного физического контакта с потерпевшим, особенно если это гражданин иностранного государства, шансы раскрыть такое преступление без содействия со стороны правоохранительных служб зарубежного государства стремятся к нулю.

Следовательно, первичным местом совершения преступления в виде неправомерного доступа к компьютерной информации по общему правилу будет считаться территория, на которой опасные действия были начаты, а конечным – где были зафиксированы последствия, предусмотренные ч. 1 ст. 272 УК РФ. Однако значимая для доказывания информация в большинстве случаев будет содержаться непосредственно в киберпространстве, на цифровом носителе и представлена в виде записи двоичного кода из последовательности нулей и единиц. Поэтому место совершения преступления преобразуется из материального мира в цифровой.

На основе применения сравнительно-правового метода исследования установлено, что схожая конструкция применяется и в зарубежных странах, например, Уголовный кодекс Республики Румыния в статье 360 «Неправомерный доступ к компьютерным системам» устанавливает, что наказанию подлежит лицо, получившее незаконный доступ, следовательно, состав будет формальным¹. Обязательное наличие в составе преступления причинно-следственной связи между действием и преступным результатом, повлекшим изменение, уничтожение и повреждение компьютерной информации будет образовать иной состав, предусмотренный статьей 362 «Изменение целостности компьютерных данных» Уголовного Кодекса Румынской Республики [9]. По Уголовному кодексу Республики Польша применяется иной подход, так в статье 267 «Неправомерный доступ к информации» (параграф 2) указывается на сам факт «не авторизации», следовательно, всякий кто по-

sia/949185 (дата обращения: 22.05.2025).

¹ Уголовный Кодекс Республики Румынии. URL: <https://www.warnathgroup.com/wp-content/uploads/2015/03/Romania-Criminal-Code-2014.pdf> (дата обращения: 26.05.2025).

лучает доступ к любой части компьютерной системы без соответствующего разрешения наказывается штрафом, ограничением свободы или тюремным заключением до 2 лет². Отдельно наказывается «нелегальный перехват», предусмотренный параграфом 3 статьи 267 указанного кодекса, заключающийся в перехвате информации путем использования технических средств (аудио, визуальное и иное специальное оборудование) к которой преступник не имеет права доступа [10, с. 433]. Отсюда можно сделать вывод, что единого подхода к определению места совершения компьютерного преступления в виде неправомерного доступа в науке нет.

Совершенно очевидно, что для правоприменителя, как субъекта доказывания, диспозиция статей УК РФ является обязательной и на ее основе строится дальнейший процесс доказывания, т.е. установление наличия или отсутствия обстоятельств, составляющих предмет доказывания, указанный в ст. 73 УПК РФ. Поэтому законодатель должен, формулируя норму, исходить из фактически складывающихся правоотношений, корректно использовать правила юридической техники, т.е. не давать громоздкое определение состава, предусматривать излишнее количество признаков, использовать формулировки, присущие криминологии для понимания самого преступного феномена [11, с. 162], поскольку каждая строка в уголовном законе обязывает правоохранителей устанавливать ее, что в свою очередь будет усложнять доказывание того или иного преступления.

Так или иначе подобные преступления зачастую совершаются с использованием дополнительных программ, которые обеспечивают преступнику более высокий уровень конфиденциальности, а именно VPN и прокси-сервер.

VPN (от «virtual private network», т.е. виртуальная частная сеть) представляет собой вид технологии, который заключается в шифровании входящего/исходящего соединения между устройством и доступом в Интернет путем маскировки IP-адреса (номера, который присущ устройству, подключенному к компьютерной сети Интернет) [12]. При подключении к сети VPN весь интернет-трафик прогоняется через иные сервера, расположенные по всему миру, принадлежащие провайдеру VPN. Тем самым достигается необходимый уровень безопасности, следовательно, действия злоумышленника отследить не представляется возможным в виду объективных причин. Шифрование данных с помощью VPN полностью делает их нечитаемыми для провайдера и иных сторонних лиц (перехватчиков), что позволяет анонимно «серфить» интернет-пространство, в том числе и на запрещенные ресурсы, подвергшиеся блокировке. Отсюда можно сделать вывод, что потенциальный преступник может быть в любой точке

² Уголовный Кодекс Республики Польша. URL: [https://sherloc.unodc.org/cld/uploads/res/uncac/LegalLibrary/Poland/Laws/Criminal%20Code%20\(Poland\).pdf](https://sherloc.unodc.org/cld/uploads/res/uncac/LegalLibrary/Poland/Laws/Criminal%20Code%20(Poland).pdf) (дата обращения: 23.05.2025).

земного шара, хотя на самом деле сидит в соседнем кабинете.

Еще одной разновидностью защищенного интернет-соединения выступает прокси-сервер. В отличие от VPN прокси-сервер лишь перенаправляет трафик от конкретно используемого приложения, при этом не шифрует исходящий поток данных, следовательно, они могут быть перехвачены или прочтены¹. Прокси-сервер не гарантирует присущей VPN полной анонимности, но может использоваться с ним совместно.

В настоящее время все большее распространение получают так называемые ботнет-сети (от «robot» и «network», т.е. робо-сеть), которые активно используются в преступных целях: DDoS-атаки, «phishing», распространении вредоносных и шпионских программ для получения нелегитимного доступа к компьютерной информации или иных действий с ней. Что представляет собой ботнет? Для совершения массированных хакерских атак требуется огромное количество ресурсов, их, злоумышленники получают путем установки на компьютер-жертвы специальной вредоносной программы, которая проникая через найденный «эксплойт» (уязвимость) операционной системы получает доступ к управлению машиной. Отсюда компьютер считается зараженным и будет выполнять заданные ему команды и пользователь может даже и не знать о том, что его устройство является частью ботнет-сети, или «зомби-компьютером».

Подобная сеть может быть, как централизованной, так и децентрализованной. В первом случае во главе всей цепочки находится командный сервер, или «ботмастер», который запускает команды на все зараженные устройства, а при децентрализованной системе иначе, они направляются между цепями ботнета взаимно, что в свою очередь препятствует обнаружению «ботмастера» [13]. Следовательно, чем опасен феномен ботнет сетей? Прежде всего такие системы активно используются злоумышленниками для проведения хакерских атак с целью вывести из строя сайты, приложения, сервера и т.д., хищения персональных данных и т.д. Причем, большая часть подобных действий проводится в цифровой среде без какого-либо физического контакта с потенциальным потерпевшим и в автоматическом режиме [14, с. 132], за чем уследить практически не представляется возможным.

Для доказывания очевидно, что местом совершения преступления будет считаться каждый зараженный фрагмент цепочки ботнета, следовательно, для обеспечения всесторонности, полноты и объективности расследования сотрудникам необходимо установить место нахождения каждого такого устройства, зафиксировать установленное вредоносное программное обеспечение с целью выявления «ботмастера» и установления фактических обстоятельств дела. При получении команды

от центрального сервера каждый элемент цепочки ботнета совершает собственные неправомерные действия, направленные против конкретной цели. Причем, если атаки посредством ботнет сетей совершены вне пределов РФ, то обнаружить фактическое место совершения преступления не представляется возможным, как и доказать событие преступления, поскольку каждая такая машина может находиться в разных государствах, на различных точках земного шара.

По общему правилу место производства предварительного расследования определяется непосредственно местом совершения преступления по ч. 1 ст. 152 УПК РФ. Как отмечалось выше некоторым преступлениям о неправомерном доступе к компьютерной информации присущ признак транснациональности, в связи с чем изначальное место совершения преступления будет находиться вне пределов РФ. Следовательно, для обеспечения всесторонности, полноты и объективности предварительного расследования необходимо проводить следственные мероприятия по месту нахождения потерпевшего или месту обнаружения деяния [15, с. 129]. Разрешение вопросов территориальной юрисдикции между государствами должно разрешаться на международном уровне путем взаимного сотрудничества на основе заключенных международных договоров (соглашений)².

Для сокрытия места совершения преступления кроме вышеназванных технологий преступники могут пользоваться своего рода имитаторами компьютерных устройств, они же виртуальные компьютерные машины. Они представляют собой своего рода «черный ящик», который хранится внутри первоначального устройства. Такая виртуальная система имеет свой собственный MAC-адрес устройства, который идентифицирует оборудование в сети, свой IP-адрес, отражающий подключение к компьютерной сети. Таких виртуальных машин может быть и несколько, если хватает вычислительных ресурсов первой машины, т.е. внутри одной машины может скрываться и несколько дополнительных сегментов из числа виртуальных, со своими адресами.

Не менее интересная ситуация складывается при обнаружении признаков состава преступления на уровне облачного хранилища данных. Что представляет собой условное «облако»? Данная технология обеспечивает быстрый и удобный доступ к хранилищу данных посредством их непосредственного размещения в Интернете (например, ЯндексДиск, «Google Cloud», «DropBox» и т.д.). Несмотря на простоту использования данные сервисы зачастую подвергаются хакерским атакам, и злоумышленники получают доступ к интересующей их компьютерной информации (файлы, аудио/видеоизображения и т.д.). Обусловлено данное яв-

¹ Tor Browser: What is it and is it safe? URL: <https://www.kaspersky.com/resource-center/definitions/what-is-the-tor-browser> (accessed 26 May 2025).

² Модельный закон «О противодействии киберпреступности». Постановление № 55–20 от 14.06.2023. URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni/20 (дата обращения: 27.05.2025).

ление прежде всего тем, что развитие технологий не стоит на месте и постоянно совершенствуются алгоритмы преодоления киберзащиты, т.е. условные меры противодействия хакерским атакам живут относительно не долго, поскольку обнаруживаются уязвимости в программном обеспечении. В частности, технологии защиты облака, или CWP (Cloud Workload Protection) [16, с. 1113] уже не могут в полной мере обеспечить должный уровень киберзащиты, в том числе ввиду субъективных причин (недостаточный уровень компетентности сотрудников, слабая заинтересованность в обеспечении защиты и т.д.).

При производстве предварительного расследования остро стоит вопрос доказывания такого обстоятельства как место совершения преступления. Ввиду того, что состав предусмотренный ст. 272 УК РФ является материальным, необходимо зафиксировать последствия совершенного преступления. Существует позиция о необходимости считать местом совершения преступления само цифровое пространство, где были обнаружены следы неправомерного доступа к компьютерной информации [17, с. 162–163]. Данная позиция представляется логичной ввиду того, что само преступление совершается не в материальной действительности, а в киберпространстве. Безграничность компьютерного пространства вновь вызывает вопросы определения конкуренции между юрисдикцией того или иного государства. Следовательно, если последствия были зафиксированы на облачном хранилище данных, то конечным местом совершения преступления будет расположение серверов, где были зафиксированы преступные последствия, названные в ст. 272 УК РФ и расследование должно быть проведено во взаимодействии с правоохранителями того государства, где расположено оборудование.

Выводы

Подводя итоги проведенного исследования необходимо отметить, что преступления, связанные с получением неправомерного доступа к компьютерной информации, совершаются повседневно, ежеминутно если не каждую секунду на автоматическом уровне путем использования соответствующих «ботов», фишинговых ссылок, DDoS-атак, распространения иных вредоносных компьютерных программ, в том числе шпионских, «майнинговых» и т.д. Интернет в настоящее время наполнен огромным количеством вредоносного программного обеспечения и с каждым годом они становятся все более изощренными, сложными для обнаружения или для понимания их функционала и внутреннего устройства.

В связи чем для успешного правоприменения необходимо совершенствование в первую очередь норм уголовного законодательства, которое бы отвечало современным реалиям и тенденциям развития компьютерных технологий, а именно: исключение из диспозитивной части нормы ст. 272 УК РФ излишних признаков преступного деяния,

формулирование более точного определения явления неправомерного доступа, что будет способствовать эффективному доказыванию данной категории преступлений. **Предлагается следующая редакция ч. 1 ст. 272 УК РФ:**

«1. Неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, т.е. любое не санкционированное ознакомление лица со сведениями, которые ему не принадлежат, без получения согласия со стороны законного владельца, независимо от формы взаимодействия (копирование, модификация, блокирование или уничтожение), за исключением случаев, предусмотренных статьей 272.1 настоящего Кодекса».

Следовательно, под местом преступления по делам о неправомерном доступе к компьютерной информации понимается цифровое компьютерное пространство, т.е. совокупность данных, систем и сетей, которые существуют в цифровой форме.

Как указывает Пленум № 37 местом совершения компьютерных преступлений признается территория, на которой преступные действия были совершены, т.е. выполнены признаки объективной стороны деяния. Поскольку совершаемые преступником действия отражаются исключительно в цифровой форме, то для доказывания события преступления необходимо установить местонахождение устройства, с помощью которого был осуществлен неправомерный доступ.

Однако ввиду отсутствия точно очерченных границ компьютерного пространства возникают конфликты между юрисдикцией государств, которые должны расследовать данное преступление. В подобном случае необходимо осуществление международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве, в частности направление запросов о взаимной уголовно-правовой помощи, экстрадиции и т.д.

Если неустановленное лицо совершило удаленный доступ с территории иностранного государства, то для защиты законных прав и свобод потерпевших от преступлений, что является ключевой составляющей предусмотренного ст. 6 УПК РФ назначения уголовного процесса, представляется необходимым дополнить статью 152 УПК РФ, в частности закрепив возможность определения подведомственности (подсудности) по месту обнаружения признаков преступления либо нахождения потерпевшего.

Предлагается следующая редакция ч. 4 ст. 152 УПК РФ:

«4. Предварительное расследование может производиться по месту нахождения обвиняемого или большинства свидетелей в целях обеспечения его полноты, объективности и соблюдения процессуальных сроков.

Предварительное расследование по уголовным делам, предусмотренным ст. 272, 272.1, 273, 274, 274.1, 274.2 УК РФ, может также производиться по месту обнаружения преступления или нахождения потерпевшего».

На общенациональном уровне предлагается усиление координации деятельности правоохранительных органов для противодействия компьютерным угрозам, что может выражаться в проведении совместных совещаний, обмена информацией и иных мероприятий, что повысит процент раскрываемости и будет способствовать эффективности предварительного расследования неправомерного доступа к компьютерной информации.

Литература

1. Andrea A., Jo B., Moncur W., Daniel P.C. 2023. "Every day digital traces." *Big data & Society* 10 (2): 1–13. <https://doi.org/10.1177/20539517231213827>.
2. Фойницкий, Иван Я. 1996 Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. Т. 1: Курс уголовного судопроизводства, ред. А.В. Смирнова. СПб.: Альфа.
3. Дурманов, Николай Д. 1967. Советский уголовный закон. М.: Изд-во Моск. ун-та.
4. Степанов-Егиянц В.Г. 2015. "Безопасное обращение компьютерной информации и проблемы международного правотворчества." *ИСОМ* 7 (2): 164–170. <https://cyberleninka.ru/article/n/bezopasnoe-obraschenie-kompyuternoy-informatsii-i-problemy-mezhdunarodnogo-pravotvorchestva/>.
5. Степанов-Егиянц В.Г. 2014. "К вопросу о месте совершения компьютерных преступлений." *Армия и общество* 5 (42): 16–20. <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-meste-soversheniya-kompyuternyh-prestupleniy/>.
6. Лазутин Л.А. 2008. "Виды правовой помощи по уголовным делам: вопросы теории." *Журнал российского права* 7 (139): 40–48. <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-pravovoy-pomoschi-po-ugolovnym-delam-voprosy-teorii/>.
7. Строгович, Михаил С. 1968. Курс советского уголовного процесса. В 2 т. Т. 1: Основные положения науки уголовного процесса. М.: Наука.
8. Алексеев, Сергей С. 1982. Общая теория права. В 2 т. Т. 2: Общая теория права. М.: Юридическая литература.
9. Alin T.D. 2019. "Illegal access to computer system from the standpoint of the current Criminal Code." *Journal of legal studies* 23 (37): 33–43. <https://doi.org/10.2478/jles-2019-0003>.
10. Jitender K.M., Dr. Sanjaya C. 2019. "Illegal access to a computer system: The dark truth of our society." *Journal of Information and Computational Science*, December 2019. https://www.researchgate.net/publication/340756298_Illegal_access_to_a_computer_system_The_dark_truth_of_our_society/.
11. Клейменов М.П. 2017. "Развитие организованной преступности: явление и определение." *Вестник ОмГ У. Серия. Право* 2 (51): 160–174. <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-organizovannoy-prestupnosti-yavlenie-i-opredelenie/>.
12. Бадиков Д.А., Батуева А.Б. 2025. "Проблемные вопросы раскрытия и расследования преступлений, совершенных с использованием VPN и прокси-серверов." *Закон и право* 1: 190–193. <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2025-1-190-193>.
13. Ковалевский А.И. 2014. "Ботнет сети и их трафик." *Естественные и математические науки в современном мире* 25: 35–39. <https://cyberleninka.ru/article/n/botnet-seti-i-ih-trafik/>.
14. Колиев В.В., Шахкелдов Ф.Г. 2022. "Особенности выявления и раскрытия преступлений, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий." *Право и практика* 2: 131–135. <https://doi.org/10.24412/2411-2275-2022-2-131-135>.
15. Черепанова Л.В., Ким Д.В. 2013. "О соответствии правового регулирования территориальной подследственности конституционным нормам." *Известия Алтайского государственного университета* 2 (78): 128–131. <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootvetstvii-pravovogo-regulirovaniya-territorialnoy-podsledstvennosti-konstitutsionnym-normam/>.
16. Pooja B. 2020. "Authentication Mechanisms for Preventing Cyber Crime and Providing Security in Cloud." *International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering*. 8 (6S4): 1112–1116. <https://doi.org/10.35940/ijitee.F1231.0486S419>.
17. Иванова Л.В., Пережогина Г.В. 2020. "Цифровое пространство как место совершения преступления в условиях глобальных ограничений." *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования* 4 (24): 155–171. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2020-6-4-155-171>.

ILLEGAL ACCESS TO COMPUTER INFORMATION: THE SPECIFICS OF CRIME SCENE ESTABLISHMENT

Mishchenko A.D.

Omsk State University

The current research takes an attention on discussion questions about establishing the criminal scene of illegal access to computer information crime. Analyzed the problems, which one often gets on the pre court stages of procedure about pointing category crimes. Described especial occasions of using computer technologies in illegal access to computer information crimes which one providing their criminal scene undetected. Offered some relevant recommendations for eliminating those problems about criminal scene establishment on pointing category crimes.

Keywords: evidence subject, crime scene, computer information, cyberspace, remote access, illegal access.

References

1. Andrea A., Jo B., Moncur W., Daniel P.C. 2023. "Every day digital traces." *Big data & Society* 10 (2): 1–13. <https://doi.org/10.1177/20539517231213827>.
2. Foinitskii, Ivan. Y. 1996. Course of Criminal Procedure. In 2 vols. vol. 1: Course of Criminal Procedure. Saint Petersburg, Al'fa Publ. (In Russ.)
3. Durmanov, Nikolai D. 1967. Soviet criminal law. Moscow, Izdatel'stvo moskovskogo universiteta Publ. (In Russ.)

4. Stepanov-Egliants V.G. 2015. "Safe circulation of computer information and problems of international law-making." *Historical and socio-educational thought* 7 (2): 164–170. <https://cyberleninka.ru/article/n/bezopasnoe-obraschenie-kompyuternoy-informatsii-i-problemy-mezhdunarodnogo-pravotvorchestva/>. (In Russ.)
5. Stepanov-Egliants V.G. 2014. "To the question of the place of committing computer crimes." *Army and society* 5 (42): 16–20. <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-meste-soversheniya-kompyuternyh-prestupleniy/>. (In Russ.)
6. Lazutin L.A. 2008. "Types of legal assistance in criminal cases: issues of theory." *Journal of Russian Law* 7 (139): 40–48. <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-pravovoy-pomoschi-pogolovnym-dalam-voprosy-teorii/>. (In Russ.)
7. Strogovich, Mikhail S. 1968. *Course of Soviet Criminal Procedure*. In 2 vols. vol. 1: Basic provisions of the science of criminal procedure. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
8. Alekseev Sergei S. 1982. *General Theory of Law*. Moscow. Iuridicheskaya literatura Publ. (In Russ.)
9. Alin T.D. 2019. "Illegal access to computer system from the standpoint of the current Criminal Code." *Journal of legal studies* 23 (37): 33–43. <https://doi.org/10.2478/jles-2019-0003>.
10. Jitender K.M., Dr. Sanjaya C. 2019. "Illegal access to a computer system: The dark truth of our society." *Journal of Information and Computational Science*, December 2019. https://www.researchgate.net/publication/340756298_Illegal_access_to_a_computer_system_The_dark_truth_of_our_society/.
11. Kleimenov M.P. 2017. "Development of organized crime: phenomenon and definition." *Vestnik omskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya. Pravo* 2 (51): 160–174. <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-organizovannoy-prestupnosti-yavlenie-i-opredelenie/>. (In Russ.)
12. Badikov D.A., Batueva A.B. 2025. "Problematic issues of detection and investigation of crimes committed with the use of VPN and proxy-servers." *Legal and law* 1: 190–193. <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2025-1-190-193>.
13. Kovalevskii A.I. 2014. "Botnet networks and their traffic." *Natural and mathematical sciences in the modern world* 25: 35–39. <https://cyberleninka.ru/article/n/botnet-seti-i-ih-trafik/>. (In Russ.)
14. Koliev V.V., Shakhkeldov F.G. 2022. "Features of detection and disclosure of crimes related to the use of information and telecommunication technologies." *Law and practice* 2: 131–135. <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vyyavleniya-i-raskrytiya-prestupleniy-svyazannyh-s-ispolzovaniem-informatsionno-telekommunikatsionnyh-tehnologiy/>. (In Russ.)
15. Cherepanova L.V., Kim D.V. 2013. "On the compliance of the legal regulation of territorial jurisdiction with constitutional norms." *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* 2 (78): 128–131. <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootvetstvii-pravovogo-regulirovaniya-territorialnoy-podsledstvennosti-konstitutsionnym-normam/>. (In Russ.)
16. Pooja B. 2020. "Authentication Mechanisms for Preventing Cyber Crime and Providing Security in Cloud." *International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering*. 8 (6S4): 1112–1116. <https://doi.org/10.35940/ijitee.F1231.0486S419>.
17. Ivanova L.V., Perezhogina G.V. 2020. "Digital space as a place of crime in the context of global constraints." *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniia* 4(24): 155–171. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2020-6-4-155-171> (In Russ.)

Квалификация мошенничества, совершенного при отягчающих обстоятельствах

Муртазина Ксения Анатольевна,

адъюнкт кафедры уголовного права Омской академии МВД России; старший оперуполномоченный отдела экономической безопасности и противодействия коррупции УМВД России по Чукотскому автономному округу
E-mail: mur_na.80@mail.ru

В статье на основании изучения и обобщения материалов судебной практики анализируются сформировавшиеся в правоприменении отечественных судов подходы относительно квалификации мошенничества с отягчающими обстоятельствами. Изучение вопроса об особо квалифицированных составах мошенничества, то есть преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ, представляет интерес с точки зрения научного осмысления текущего состояния уголовного закона, а также выявления и преодоления возникающих на практике затруднений при квалификации тех или иных признаков состава преступления. Кроме того, помимо доктринальной и сугубо теоретической оценки состояния уголовного закона об ответственности за мошенничество и практики его применения несомненного внимания заслуживает корреляция господствующих подходов и предлагаемых вариантов разрешения правовых противоречий силами и средствами правоохранительных органов.

Ключевые слова: Мошенничество, ст. 159 УК РФ, особо квалифицированное мошенничество, отягчающие обстоятельства, особо крупный ущерб, организованная группа.

Говорить о мошенничестве с особо отягчающими обстоятельствами, или об особо квалифицированном мошенничестве, можно применительно к ч. 4–7 ст. 159 Уголовного кодекса РФ [1]. Особенности и трудности квалификации указанных составов преступлений следует рассмотреть на материалах актуальной судебной практики.

Часть 4 ст. 159 УК РФ предусматривает такие самостоятельные особо квалифицирующие признаки мошенничества, как:

1. совершение преступления организованной группой;
2. причинение особо крупного ущерба потерпевшему;
3. действия привели к лишению гражданина права на жилое помещение.

Как указано в апелляционном определении судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 19.12.2017 года № 51-АПУ17–16 [2] применительно к мошенничеству организованная группа характеризуется следующими обязательными признаками:

- устойчивый характер группы;
- сплоченность членов группы;
- объединение нескольких людей в группу произошло в целях совершения нескольких преступлений;
- формы и методы преступной деятельности носят постоянный характер;
- преступная деятельность для членов группы представляет собой постоянный источник получения средств к существованию;
- согласованный характер действий участников группы;
- мошенничества совершаются по одинаковой схеме в отношении социально опустившихся групп граждан;
- участники группы планируют совершение неопределенного количества преступлений, а именно мошенничеств;
- наличие согласованных действий, направленных на подготовку совершения преступлений;
- четкое планирование преступной деятельности;
- наличие распределения ролей между членами группы;
- длительность существования группы;
- наличие отношений власти-подчинения среди членов группы;
- следование участниками группы требованиям конспирации и мерам безопасности;
- зависимость между объемом полученного преступного дохода и местом лица в иерархической структуре группы.

На практике может возникнуть вопрос о необходимости дополнительной квалификации действий членов организованной группы при совершении мошенничества по соответствующей части ст. 33 УК РФ, регламентирующей виды соучастия в преступлении. На этот счет имеется важное разъяснение в п. 28 постановления Пленума ВС РФ от 30.11.2017 года № 48 [3]. Действия всех членов организованной группы, которые принимали участие в подготовке и совершении преступления, следует квалифицировать по ч. 4 ст. 159 УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ вне зависимости от той роли, какую выполняло лицо при совершении конкретного преступления. Данный подход был принят судебной практикой [4].

Самостоятельным квалифицирующим признаком мошенничества, ответственность за которое предусмотрена в ч. 4 ст. 159 УК РФ, является причинение особо крупного ущерба потерпевшему. Размер такого ущерба подлежит определению с учетом примечания 4 к ст. 158 УК РФ. С учетом структуры гл. 21 УК РФ определенное значение имеет сопоставление причинения ущерба в крупном, особо крупном размере и признака значительности причиненного ущерба для потерпевшего с точки зрения перечня обстоятельств, имеющих правовое значение. В одном из дел, рассмотренных ВС РФ в апелляционном порядке, высшая судебная инстанция обратила внимание, что определение особо крупного размера мошенничества в законодательстве поставлено исключительно в зависимость от стоимости похищенного имущества. Критерий значительности причиненного ущерба непосредственного для потерпевшего с учетом его материального положения может быть применен при квалификации содеянного по ч. 4 ст. 159 УК РФ, однако он не исключает, а только дополняет стоимостной критерий. При этом степень значительности ущерба конкретно для потерпевшего в указанном контексте является дополнительной характеристикой преступного деяния [5]. Однако, на этот счет имеются противоположные выводы ВС РФ [6], что указывает на существование неопределенности в уголовном законодательстве по указанному вопросу. В этом же решении ВС РФ особо отметил, что с учетом сформулированной позиции относительно ценности степени значительности причиненного ущерба для потерпевшего при расследовании уголовных дел по ч. 4 ст. 159 УК РФ не требуется устанавливать имущественное и материальное положение потерпевшего.

Применительно к другому квалифицирующему признаку мошенничества, отраженному в ч. 4 ст. 159 УК РФ, а именно к утрате гражданином права на жилище, следует отметить формирование в судебной практике подхода относительно возможности квалификации действий обвиняемых по указанной статье, если потерпевший от преступления получил жилье по наследству и не оформил своих прав на недвижимость. В одном из апелляционных определений ВС РФ указал, что не оформле-

ние единственным наследником умершего своего права собственности на недвижимость в установленном порядке не свидетельствует, что в действиях подсудимых отсутствует состав преступления, предусмотренный ч. 4 ст. 159 УК РФ. Ведь, несмотря на отсутствие записи о собственнике недвижимости в ЕГРН, фактически недвижимостью обладает потерпевший, как единственный наследник [7]. Также не влияет на квалификацию действий обвиняемых по ч. 4 ст. 159 УК РФ установленное в ходе рассмотрения дела намерение потерпевших распорядиться принадлежащим им жильем в виде продажи. Соответствующий довод стороны защиты, по мнению Верховного суда РФ, с которым следует согласиться, не имеет юридического значения с точки зрения квалификации действий подсудимых, так как это не свидетельствует о готовности потерпевших потерять свое жилье в результате именно противоправных действий обвиняемых [8].

При этом обман, как квалифицирующий и обязательный признак состава мошенничества, при квалификации по ч. 4 ст. 159 УК РФ по признаку лишения потерпевшего права на жилище может выражаться во введении в заблуждение не только потерпевшего, но и сотрудников регистрирующего органа. Так, по одному из дел установлено, что подсудимый на основании поддельных решений судов, согласно которым за ним признавалось право собственности на объекты недвижимости, зарегистрировал за собой право собственности в установленном порядке. В данном случае обман, по мнению судов, заключался во введении в заблуждение сотрудников Росреестра относительно наличия у обвиняемого права на соответствующие жилые помещения [9].

В судебной практике сложились определенные подходы по квалификации по ч. 4 ст. 159 УК РФ наиболее распространенных случаев «махинаций» с недвижимостью. Так, к таким способам совершения преступления относятся следующие:

1. оформление от имени потерпевшего-собственника жилья поддельного договора купли-продажи недвижимости, при заключении которого собственник участия не принимал [10];
2. в другом деле установлена следующая последовательность действий злоумышленников, квалифицируемых по ч. 4 ст. 159 УК РФ. Потерпевшую поддерживали в состоянии опьянения, что лишило ее возможность отдавать отчет своим действиям и руководить ими. В таком состоянии она подписала договор социального найма на квартиру. Далее ее склонили к оформлению и подписанию договора о приватизации данной квартиры и доверенности на одного из участников группы. В соответствии с доверенностью потерпевшая уполномочивала доверенное лицо на совершение договора дарения квартиры [11].

Из рассмотренных некоторых способов совершения мошенничества, приведшего к утрате потерпевшим права на свое жилое помещение, сле-

дует, что диспозиция рассматриваемой статьи допускает довольно широкое применение в части характеристик и описания возможных преступных «схем». Условием для квалификации действий обвиняемых по ч. 4 ст. 159 УК РФ является направленность их умысла на противоправное завладение жильем потерпевшего путем введения его в заблуждение, что устанавливается из оценки всех установленных по делу обстоятельств и собранных доказательств. Подобный подход законодателя обоснован, так как заранее не устанавливает определенных жестких рамок однозначно запрещенного криминального поведения.

Следующим особо квалифицирующим признаком мошенничества является сопряженность с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности (ч. 5 ст. 159 УК РФ). Для привлечения к уголовной ответственности за совершение данного преступления обязательно требуется установление по делу значительного ущерба, причиненного потерпевшему. В контексте данного состава преступления имеется несколько значимых вопросов квалификации.

Принципиально важным будет установление и конкретные проявления предпринимательской деятельности и договорных обязательств сторон. Так, отсутствие в тексте договора указаний на то, что его стороны являются субъектами предпринимательской деятельности, с учетом других установленных по делу обстоятельств не изменяют вывода о субъектном составе договора, включающего в себя лиц, которые осуществляют предпринимательскую деятельность [12]. В одном из обзоров судебной практики региональных судов встретилась позиция, с которой необходимо согласиться, согласно которой по ч. 5 ст. 159 УК РФ необходимо квалифицировать деяния виновных лиц и тогда, когда стороной договора были коммерческие организации, но в результате преступных действий вред был причинен только интересам государства. Такой вариант толкования полностью согласуется с диспозицией рассматриваемой статьи, в которой отсутствует указание на причинение ущерба только частным интересам. Так, по одному из дел было установлено, что директор коммерческой организации умышленно не выполнил договорные обязательства перед другой коммерческой организацией. Полученные таким способом денежные средства обвиняемый присвоил себе и израсходовал на личные нужды. В то же время указанные действия нанесли вред интересам государства в сфере жилищной политики, несмотря на отсутствие непосредственных договорных отношений с органами государственной власти и организациями, находящимися в публичной собственности. Поэтому при рассмотрении дела в апелляционном порядке действия подсудимого были переквалифицированы на ч. 5 ст. 159 УК РФ [13].

В судебной практике возобладал подход, что к ответственности по ч. 5 ст. 159 УК РФ может быть привлечено лицо, которое занимается предприни-

мательской деятельностью. Так, по одному из дел нижестоящие суды отказались квалифицировать действия подсудимого по указанной норме уголовного закона, так как он формально не имел статуса субъекта предпринимательской деятельности, а только исполнял государственный контракт. Но Верховный суд РФ не согласился с таким выводом. Он указал на его противоречие законодательству и постановлению Конституционного суда РФ от 11.12.2014 года № 32-П [14]. В них сказано, что предпринимательская деятельность может иметь место в различных сферах общественных отношений. Из этого следует, что предметом рассматриваемого состава преступления могут быть не только денежные средства физических лиц, но и бюджетные средства, если речь идет об умышленном не исполнении подсудимым обязательств, вытекающих из государственных и муниципальных контрактов [15]. В этом же постановлении Президиума ВС РФ приведен достаточно полный перечень субъектов уголовной ответственности по ч. 5 ст. 159 УК РФ – лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью. Ими являются:

- собственник организации или предприятия, то есть его учредитель или участник;
- лицо, занимающее должность руководителя организации;
- индивидуальный предприниматель;
- представители указанных выше лиц.

Изложенное выше понимание субъектов уголовной ответственности по ч. 5 ст. 159 УК РФ приводит к нескольким важным с практической точки зрения выводам:

1. не подлежат квалификации по указанному составу преступления действия мошенников, которые обманным путем завладели чужим имуществом, представляясь работниками несуществующих юридических лиц [16];
2. отмечается законный характер предпринимательской деятельности [17];
3. указанное преступление отсутствует в случае, когда организация, вовлеченная в противоправные действия, была создана только для видимости, а не для осуществления реальной предпринимательской деятельности [18].

Достаточно актуальными и сложными для квалификации являются вопросы соучастия в преступлении, предусмотренном ч. 5 ст. 159 УК РФ. Диспозиция статьи подразумевает возможность совершения преступления специальным субъектом. Однако реалии хозяйственной деятельности определяют возможность содействия лицу, занимающемуся предпринимательской деятельностью, со стороны физических лиц, чье положение в этом аспекте не формализовано. Для иллюстрации разрешения судами вопроса об уголовно-правовой оценке действий последней категории лиц можно привести следующий пример. Обвиняемый занимал должность заместителя директора коммерческой организации. В целях хищения чужого имущества от привлек третье лицо, которое формально не было связано с данной организацией. Согласно

разработанному заместителем директора плану привлеченное им третье лицо фактически должно было вместо него выполнять функции руководства текущей хозяйственной деятельностью организации. Сам же организатор принял на себя решение задачи по поиску покупателей на похищаемую продукцию и заключению с ними договоров. Основанием для привлечения указанных лиц к уголовной ответственности стало заключение ими договора поставки с другим обществом с ограниченной ответственностью. При этом подсудимые не имели намерения и реальной возможности исполнить взятые по договору обязательства, чем ввели в заблуждение контрагента. Суд первой инстанции квалифицировал их действия, как мошенничество группой лиц по предварительному сговору в особо крупном размере. Однако, при кассационном пересмотре дела установлено, что один из подсудимых является субъектом предпринимательской деятельности, поэтому его действия необходимо было квалифицировать как мошенничество в указанной сфере. Действия соучастника заключались в фактическом выполнении объективной стороны преступления. Так как он не является субъектом преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 159 УК РФ, то действия второго подсудимого квалифицированы по ч. 5 ст. 159 УК РФ и ст. 33 УК РФ как пособника [19].

В научной литературе отмеченная выше проблема считается дискуссионной. Например, одни исследователи не считают возможным подобные ситуации квалифицировать как соучастие при наличии специального субъекта. Для них приемлемой моделью является оценка фактических обстоятельств как идеальной совокупности общего и специального состава преступления [20, с. 35–40]. Эта точка зрения не может быть поддержана в силу существования объективной взаимосвязи действий двух или более лиц при совершении преступления. Специальный субъект не смог бы совершить преступление без привлечения третьего лица, который формально не относится к субъектам соответствующего преступления. Более того, совместная деятельность предполагает определенное единство умысла и преследуемых целей.

В соответствии с мнением другой группы авторов допустимо признавать наличие соисполнительства даже в составах преступлений со специальным субъектом, когда лицо, не являющееся субъектом конкретного преступления, должно признаваться соисполнителем при выполнении им объективной стороны состава преступления [21, с. 22]. Данная позиция неприемлема в силу требований законодательства о личности и признаках исполнителя того или иного состава преступления. Согласившись с представленным мнением, произошло бы расширительное толкование норм уголовного законодательства, что недопустимо в интересах поддержания законности и правопорядка, достижения целей уголовного законодательства, недопущения произвольного ограничения прав и свобод граждан.

Наконец, третья группа исследователей считает, что квалифицировать действия неспециального субъекта следует по нормам о соучастии в зависимости от конкретной выполняемой им роли при совершении преступления. Оснований для оценки его действий в качестве исполнителя нет [22, с. 51]. Данный вариант квалификации представляется наиболее удачным и соответствующим, как законодательству, так и социально-политическому предназначению уголовного права. Соответствующее правило уголовно-правовой оценки деяния третьего лица в составах со специальным субъектом приведено в ч. 4 ст. 34 УК РФ. Некоторые авторы исключают универсальный характер данной нормы, обосновывая наличие исключений и ряда оговорок в ее применении [23, с. 563]. Но несмотря на доктринальные замечания судебная практика следует именно третьему подходу, что подтверждено приведенными примерами из правоприменительной деятельности по ч. 5 ст. 159 УК РФ.

Ранее в некоторых случаях суды без законных на то оснований приходили к выводу об отсутствии необходимости точного установления умышленного характера действий подсудимых при совершении мошенничества в сфере предпринимательской деятельности в форме неисполнения договорных обязательств. Так, по одному из дел суд первой инстанции, установив, что подсудимые не имели намерений исполнять заключенные ими договора долевого участия в строительстве, сделал вывод о невозможности квалификации данных действий как мошенничество в сфере предпринимательской деятельности, так как такая деятельность должна осуществляться в строгом соответствии с законом. С такой позицией не согласился ВС РФ, который указал, что на все специальные виды мошенничества распространяются общие признаки мошенничества как родового понятия. Поэтому в сфере предпринимательской деятельности для мошенничества также присуще наличие умысла на неисполнение договорных обязательств [24].

Ключевым аспектом для решения вопроса о привлечении к уголовной ответственности по рассматриваемому составу преступления, в том числе с точки зрения доказывания, а также в целом при оценке наличия в действиях лица мошенничества как такового, является получение достаточных и убедительных доказательств наличия умысла, в частности, на неисполнение договорных обязательств. По этому поводу практикообразующим можно считать Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 25 апреля 2018 года № 53-П18. Подсудимые создали общество с ограниченной ответственностью для использования организации в целях совершения преступлений в форме мошенничества, сопряженного с намеренным неисполнением договорных обязательств в рамках предпринимательской деятельности. Вывод о наличии умысла в действиях подсудимых сделан судами на основании обстоятельств, указывавших на отсутствие у организации необходимого для фактического исполнения обязательств

материально-технического оснащения, соответствующей ресурсной базы, включая специалистов. Изложенное, по мнению высшей судебной инстанции, указывает на наличие у подсудимых корыстной цели [25].

Таким образом, при квалификации мошенничеств при особо отягчающих обстоятельствах в правоприменительной практике остаются спорными и нерешенными некоторые вопросы, которые вызывают затруднения в квалификации и приводят к отсутствию единообразия судебных решений. К таким вопросам относятся, например, обоснованность учета некоторыми судами степени значительности причиненного потерпевшему ущерба при квалификации содеянного по ч. 4 ст. 159 УК РФ; круг субъектов, которые могут нести ответственность по ч. 5 ст. 159 УК РФ, в связи с практикой ее ограничения формальными критериями; особенности и важность умысла при квалификации содеянного по ч. 5 ст. 159 УК РФ. Существенное содействие в придании судебной практике единообразия оказывают руководящие разъяснения Верховного Суда РФ, как общего характера, так и выраженные при пересмотре судебных решений по конкретным делам.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 года № 63-ФЗ // «Российская газета», № 113, 18.06.1996, № 114, 19.06.1996, № 115, 20.06.1996, № 118, 25.06.1996.
2. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 19.12.2017 № 51-АПУ17-16 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=y5kIQ&base=ARB&n=531377&dst=0&cacheid=39532714501100D-8F8E027B50AFF793E (дата обращения: 28.06.2025).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // «Российская газета», № 280, 11.12.2017.
4. Апелляционное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26.07.2018 № 44-АПУ18-9СП // [Электронный ресурс]. Режим доступа: consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=P-zwxQ&base=ARB&n=550924&dst=0&cacheid=AA865635062428724A5327325EFF3B65 (дата обращения: 28.06.2025).
5. Апелляционное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 03.08.2016 № 11-АПУ16-19 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=RcitKA&base=ARB&n=473248&dst=0&cacheid=323D798831039C911D91DC-93C1A10829 (дата обращения: 29.06.2025).
6. Апелляционное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18.01.2018

№ 56-АПУ17-27СП // [Электронный ресурс]. Режим доступа: consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=XajVg&base=ARB&n=527737&dst=0&cacheid=205C14EFBAE4954108F840C-3C44F078D (дата обращения: 29.06.2025).

7. Апелляционное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19.01.2016 № 67-АПУ15-42 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=XajVg&base=ARB&n=452697&dst=0&cacheid=BC1CF9D99C6DE5FE2F-8977906F8A8ED2 (дата обращения: 29.06.2025).
8. Апелляционное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26.07.2018 № 44-АПУ18-9СП // [Электронный ресурс]. Режим доступа: consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=P-zwxQ&base=ARB&n=550924&dst=0&cacheid=AA865635062428724A5327325EFF3B65 (дата обращения: 30.06.2025).
9. Апелляционное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19.01.2016 № 67-АПУ15-42 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=XajVg&base=ARB&n=452697&dst=0&cacheid=BC1CF9D99C6DE5FE2F-8977906F8A8ED2 (дата обращения: 30.06.2025).
10. Апелляционное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15.03.2016 № 84-АПУ16-2 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=XajVg&base=ARB&n=456804&dst=0&cacheid=9CFCCD06EC91787F915C3F-DA720858A0 (дата обращения: 30.06.2025).
11. Апелляционное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20.11.2017 № 56-АПУ17-25СП // [Электронный ресурс]. Режим доступа: consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=P-zwxQ&base=ARB&n=526549&dst=0&cacheid=8B33939319D-DD3308F948C0BEF530296 (дата обращения: 30.06.2025).
12. Обобщение апелляционной практики судебной коллегии по уголовным делам Амурского областного суда за 2018 год (рассмотрено президиумом Амурского областного суда 15.04.2019) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: oblsud-amr.sudrf.ru (дата обращения: 25.06.2025).
13. Обзор апелляционной практики по уголовным делам Тамбовского областного суда за 1 полугодие 2017 года // [Электронный ресурс]. Режим доступа: oblsud-tmb.sudrf.ru (дата обращения: 25.06.2025).
14. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 года № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» // «Российская газета», № 293, 24.12.2014.

15. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 20.06.2018 № 57-П18 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=544753&rnd=XajVg> (дата обращения: 27.06.2025).
16. Обзор судебной практики по применению Федерального закона от 29 ноября 2012 года № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 2 июля 2013 года № 2559–6 ГД «Об объявлении амнистии» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.12.2013) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=XajVg&base=ARB&n=366996&dst=0&cacheid=F5B7659B-D454655CCBE69A04E9243DC9> (дата обращения: 23.06.2025).
17. Справка по результатам изучения судебной практики рассматривания уголовных дел о мошенничестве, присвоении и растрате (статьи 159, 159.1, 159.2, 159.3, 159.5, 160 УК РФ) за 2017 год (Мурманский областной суд) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://10.223.11.66:8082/#/document/44691348/paragraph/1/doclist/37/showentries/0/highlight/> (дата обращения: 23.06.2025).
18. Определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 3 марта 2016 года № 58-УД16–2 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=XajVg&base=ARB&n=454792&dst=0&cacheid=0A9A37C6891991F04F9406D69135A3BC> (дата обращения: 23.06.2025).
19. Справка о рассмотренных уголовных делах в судебном заседании президиума Самарского областного суда в 2018 году по кассационным жалобам, переданными судьями Верховного Суда Российской Федерации // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://oblsud.sam.sudrf.ru> (дата обращения: 25.06.2025).
20. Яни П.С. Преступное нарушение обязанности как признак специального субъекта // Законность. 2023. № 8. С. 35–40.
21. Бачурин Э.А. Специальный субъект преступления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2005. – 22 с.
22. Иванов Н.Г. Соучастие со специальным субъектом // Российская юстиция. 2001. № 3. С. 51.
23. Аветисян С.С. Энциклопедия уголовного права: Соучастие в преступлении. Т. 6. СПб.: Изд. профессора Малинина, 2007–563 с.
24. Определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 марта 2017 года № 46-УД17–6 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=494787&rnd=XajVg> (дата обращения: 21.06.2025).
25. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 25.04.2018 № 53-П18 «О возобновлении

производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=540809&rnd=XajVg> (дата обращения: 21.06.2025).

QUALIFICATION OF FRAUD COMMITTED UNDER PARTICULARLY AGGRAVATING CIRCUMSTANCES

Murtazina K.A.

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Department of Economic Security and Anti-Corruption of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Chukotka Autonomous Okrug

Based on the study and generalization of an extensive amount of judicial practice materials, the article analyzes the approaches formed in the law enforcement of domestic courts regarding the qualification of certain types of fraud with aggravating circumstances. The study of the issue of specially qualified fraud, that is, the crime provided for in art. Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation is of interest from the point of view of scientific understanding of the current state of criminal legislation, as well as identifying and overcoming practical difficulties in qualifying certain elements of a crime. In addition, in addition to a doctrinal and purely theoretical assessment of the state of criminal legislation on liability for fraud and the practice of its application, the correlation of prevailing approaches and proposed options for resolving conflicts between the forces and means of law enforcement agencies, ensuring the realism of proving certain circumstances in the investigation of criminal cases deserves unquestionable attention.

Keywords: Fraud, art. 159 of the Criminal Code of the Russian Federation, especially qualified fraud, aggravating circumstances, especially large damage, organized group.

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996, № 63-FZ // *Rossiyskaya Gazeta*, № 113, 18.06.1996, № 114, 19.06.1996, № 115, 20.06.1996, № 118, 25.06.1996.
2. The appellate ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 19, 2017 № 51-APU17–16 // [Electronic resource]. Mode access: <http://consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=y5klQ&base=ARB&n=531377&dst=0&cacheid=39532714501100D8F8E027B50AFF793E> (date access: 28.06.2025).
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 48 dated 30.11.2017 “On Judicial Practice in Cases of Fraud, Misappropriation, and Embezzlement” // *Rossiyskaya Gazeta*, № 280, 11.12.2017.
4. The appellate ruling of the IC on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 26, 2018 № 44-APU18–9SP // [Electronic resource]. Mode access: http://consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=PzwxQ&base=ARB&n=550924&dst=0&cacheid=A865635062428724A5327325EF_F3_B65 (date access: 28.06.2025).
5. The appellate ruling of the IC on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08/03/2016 № 11-APU16–19 // [Electronic resource]. Mode access: <http://consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=RcitKA&base=ARB&n=473248&dst=0&cacheid=323D798831039C911D91DC-93C1A10829> (date access: 29.06.2025).
6. The appellate ruling of the IC on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 18.01.2018 № 56-APU17–27SP // [Electronic resource]. Mode access: <http://consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=XajVg&base=ARB&n=527737&dst=0&cacheid=205C14EFBAE4954108F840C-3C44F078D> (date access: 29.06.2025).
7. The appellate ruling of the IC on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 19.01.2016 № 67-APU15–42 // [Electronic resource]. Access mode: <http://consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=XajVg&base=ARB&n=452697&dst=0&cacheid=BC1CF9D99C6DE5FE2F-8977906F8A8ED2> (date access: 06.29.2025).
8. The appellate ruling of the IC on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated Ju-

- ly 26, 2018 № 44-APU18-9SPI I [Electronic resource]. Mode access://consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=PzwxQ&base=ARB&n=550 924&dst=0&cacheid=AA865635062428724A5327325EFF3B65 (date access: 30.06.2025).
9. The appellate ruling of the IC on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 19.01.2016 № 67-APU15-42// [Electronic resource]. Mode access://consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=XajVg8lbase=ARB&n=452697&dst=0&cacheid=BC1CF9D99C6DE5FE2F8977906F8A8ED2 (date access: 30.06.2025).
10. The appellate ruling of the IC on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 03/15/2016 № 84-APU16-2// [Electronic resource]. Mode access://consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=XajVg&base=ARB&n=456804&dst=0&cacheid=9CFCCD06EC91787F915C3FDA720858A0 (date access: 30.06.2025).
11. The appellate ruling of the IC on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 20.11.2017 № 56-APU17-25SP// [Electronic resource]. Mode access://consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=PzwxQ&base=ARB&n=526549&dst=0&cacheid=8B33939319DDD3308F-948C0BEF530296 (date access: 30.06.2025).
12. Generalization of the appellate practice of the judicial board on criminal cases of the Amur regional court for 2018 (considered by the Presidium of the Amur regional court on 15.04.2019) // [Electronic resource]. Access mode://oblsud-amr.sudrf.ru (date of access: 25.06.2025).
13. Review of the appeal practice in criminal cases of the Tambov Regional Court for the 1st half of 2017 // [Electronic resource]. Access mode://oblsud-tmb.sudrf.ru (date of request: 06.25.2025).
14. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 11.12.2014 № 32– P “On the case of checking the constitutionality of the Provisions of Article 159.4 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the request of the Salekhard City Court of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug” // Rossiyskaya Gazeta, № 293, 12.24.2014.
15. Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated 20.06.2018 No. 57-P18/ [Electronic resource]. Access mode://consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=544753&rnd=XajVg (date of access: 27.06.2025).
16. Review of judicial practice on the Application of Federal Law No. 207-FZ of November 29, 2012 “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation” and Resolution No. 2559–6 of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of July 2, 2013 “On the Declaration of Amnesty” (approved by the Presidium of the Supreme Courts of the Russian Federation 04.12.2013) // [Electronic resource]. Mode access://consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=XajVg&base=ARB&n=366996&dst=0&cacheid=F5B7659BD454655C-CBE-69A04E9243DC9 (date of access: 23.06.2025).
17. Reference to the results of the study of judicial practice of consideration criminal cases on fraud, misappropriation and embezzlement (Articles 159, 159.1, 159.2, 159.3, 159.5, 160 of the Criminal Code of the Russian Federation) for 2017 (Murmansk Regional Court) // [Electronic resource]. Mode access://10.223.11.66:8082/#/document/44691348/paragraph/1/dodist/37/showentries/0/highlight/. (date access: 23.06.2025).
18. Definition of the IC on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 3, 2016 № 58-UD16-2 // [Electronic resource]. Access mode://consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=XajVg&base=ARB&n=454792&dst=0&cacheid=0A9A37C6891991F04F9406D69135A3BC. (date access: 23.06.2025).
19. Information about criminal cases considered at the Presidium of the Samara Regional Court in 2018 on cassation complaints submitted by judges of the Supreme Court of the Russian Federation // [Electronic resource]. Access mode://oblsud.sam.sudrf.ru (date access: 25.06.2025).
20. Yani P.S. Criminal violation of duty as a sign of a special subject // Le-gality. 2023. No. 8. pp. 35–40.
21. Bachurin E.A. Special subject of crime: Abstract of the dissertation... kand. jurid. sciences'. Krasnoyarsk, 2005. – 22 p.
22. Ivanov N.G. Complicity with a special subject // Russian justice. 2001. № 3.p.51.
23. Avetisyan S.S. Encyclopedia of Criminal Law: Complicity in a Crime. Vol. 6. St. Petersburg: Professor Malinin Publishing House, 2007–563 p.
24. Definition of the IC on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 14, 2017 No. 46-UD17-6 // [Electronic resource]. Access mode://consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=494787&rnd=XajVg (date access: 06.21.2025).
25. Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated 25.04.2018 No. 53-P18 “On the Resumption of Proceedings in a Criminal Case Due to New Circumstances” I I [Electronic resource]. Access mode://consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=540809&rnd=XajVg. (date of access: 21.06.2025).
19. Information about criminal cases considered at the Presidium of the Samara Regional Court in 2018 on cassation complaints submitted by judges of the Supreme Court of the Russian Federation // [Electronic resource]. Access mode://oblsud.sam.sudrf.ru (date access: 25.06.2025).
20. Yani P.S. Criminal violation of duty as a sign of a special subject // Le-gality. 2023. № 8. pp. 35–40.
21. Bachurin E.A. Special subject of crime: Abstract of the dissertation... kand. jurid. sciences'. Krasnoyarsk, 2005. – 22 p.
22. Ivanov N.G. Complicity with a special subject // Russian justice. 2001. № 3.p.51.
23. Avetisyan S.S. Encyclopedia of Criminal Law: Complicity in a Crime. Vol. 6. St. Petersburg: Professor Malinin Publishing House, 2007–563 p.
24. Definition of the IC on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 14, 2017 № 46-UD17-6 // [Electronic resource]. Access mode://consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=494787&rnd=XajVg (date access: 06.21.2025).
25. Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated 25.04.2018 No. 53-P18 “On the Resumption of Proceedings in a Criminal Case Due to New Circumstances” I I [Electronic resource]. Access mode://consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=540809&rnd=XajVg. (date of access: 21.06.2025).

Злоупотребления в сфере российских публичных закупок: признаки, сущность, понятие

Невенченко Ярослав Александрович,

аспирант кафедры антикоррупционной деятельности
и общественного противодействия Российского
государственного социального университета
E-mail: cdispb@mail.ru

Автор систематизировал данные российских исследований по вопросам злоупотребления в сфере российских публичных закупок. В результате на основе анализа Конвенций ООН сформулирован общий подход к рассмотрению объективной стороны составов преступлений, установленных ст. 200.4, 200.5 УК РФ, как злоупотребление правами, обязанностями участников федеральной системы контрактных закупок с корпоративным статусом.

Также обосновано, что базовые признаки объективной и субъективной сторон злоупотреблений в области публичных закупок установлены нормами ст. 200.4, 200.5 УК РФ, а специфические признаки объективной и субъективной сторон злоупотреблений в области публичных закупок сегмента оборонного заказа предусмотрены нормами ст. 201.1. 285,4 УК РФ. Вместе с этим обозначена социально-правовая сущность злоупотреблений в области публичных закупок, которая определяется высокой общественной опасностью незаконного обогащения субъектов преступления, нанесения ущерба интересам общества, государства и нарушения ими конкурентных принципов федеральной системы контрактных закупок.

Ключевые слова: злоупотребление, федеральная контрактная система, сфера публичных закупок, специальный субъект, коррупция, подкуп.

Введение

Многовековая история развития в России с XVI-II века уголовно-правовых и прочих механизмов ответственности за коррупционные правонарушения, связанные со злоупотреблениями при обороте средств государственной казны, характеризуется повышенным вниманием, системным и разноотраслевым подходом, который был отражен в нормах Регламента кригс-комиссариата 1711 года [5], Морского устава 1720 года [6] и др. документах Петра I, последующих правителей российского государства, исследуемых российскими правоведом [10], [16], [25].

В настоящее время важность исследований уголовно-правовой ответственности за злоупотребления в российской сфере государственных закупок определяется внушительным объемом федеральной системы контрактных закупок (далее – ФКС), регулируемой предписаниями Федерального закона № 44-ФЗ от 2013 года (далее – Закон о ФКС [3]). Только за 2024 год в рамках ФКС заключено и исполнено более 2,5 млн контрактов на общую сумму, превышающую 9,37 трлн руб. [36]

Рост бюджетных расходов, реализуемых в рамках ФКС, предопределяет негативный потенциал преступных злоупотреблений, совершаемых с целями противоправного присвоения бюджетных средств, направляемых на проведение публичных закупок. Только по результатам проверок Счетной палаты РФ за 2023 год возбуждено 18 уголовных производств и 132 административных дела по фактам злоупотреблений участников торгов в рамках ФКС, в бюджет возвращено 26 млрд руб. [35] В 2024 году инициировано 21 уголовное производство, 73 административных дела со взысканием более 102 мон руб. административных штрафов [34]. При этом составы преступных злоупотреблений, предусмотренные ст. 200.4, 200.5 УК РФ [2], относятся к преступлениям с высокой латентностью [24, с. 85], что подтверждает важность исследования злоупотреблений в сфере российских публичных закупок.

Таким образом, актуальность и важность исследования вопросов уголовной ответственности за преступные злоупотребления в сфере ФКС обусловлены множеством различных факторов, среди которых следует выделить имущественный и публичные факторы внушительного объема бюджетных средств в сфере государственных закупок, а также фактор высокой латентности этого вида преступлений.

Исследование российскими правоведом базовых аспектов уголовной ответственности за злоупотребления в сфере публичных закупок с учетом объективной важности сбалансированного развития ФКС и необходимости обеспечения бюджетной политики России представляется важной задачей отечественной науки.

Рассматривая характерные исторические аспекты ответственности за злоупотребления в сфере публичных закупок, М.П. Белинская [10, с. 10] отметила одним из первых правовых средств противодействия злоупотреблениям в рамках российских казенных подрядов установление в XVI–II веке запретов служивым лицам выступать исполнителями казенных поставок, подрядов, залогодателями, поручителями по публичным закупкам в их компетенции.

Вместе с этим, автор отметила базовый субъективный признак привлечения к ответственности за нарушения в области казенных подрядов в виде принципа определения поставщиков, подрядчиков по условиям национального режима, с учетом страны происхождения поставляемого товара и местонахождения российского производителя с приоритетом местных, российских представителей при отборе подрядчика, поставщика.

Первым уголовно-правовым отечественным средством борьбы со злоупотреблениями в сфере казенных подрядов стало установление в ст. 409–413 Уложения о наказаниях уголовных, изданного в 1845 году в составе Свода российских законов (далее – Уложение 1845 года [4]), уголовной ответственности: за содействие мздоимству, лихоимству; за присвоение подарков, взяток; за неразумное участие в передаче подарков; за взятку чиновнику; за склонение чиновника к подлогу. При этом вводились конкурентные инструменты выбора подрядчика, средства поддержки российского производителя и защиты поставщиков от всякого злоупотребления чиновников.

То есть, эволюционные признаки становления в России уголовно-правовых инструментов наказания за злоупотребления в сфере публичных закупок, как отметила М.П. Белинская, характеризуются исходным возникновением в XVIII веке правовых запретов для участников казенного подряда, которые трансформировались согласно нормам Уложения 1845 в первые отечественные средства уголовной правовой ответственности участников казенных поставок, казенного подряда с задачами пресечения мздоимства, лихоимства, которые отличались признаками субъективной и объективной сторон преступления, включая специальные признаки субъектов казенных подрядов и объективные признаки конкурентного проведения казенных торгов.

В комплексном исследовании М.А. Волковой [15, с. 12] на теоретической основе ряда современных исследований А.Д. Абрамкина [7], Г.А. Есакова [18], О.А. Кузнецовой [20], В.И. Плоховой [26]

и др. правоведов систематизирована классификация актуальных коррупционных признаков-детерминант злоупотреблений и пр. преступлений в сфере закупок, включающая объективные и субъективные признаки. При этом отмечается различное число выявляемых злоупотреблений в сфере ФКС. За период с 2018 по 2023 годы зарегистрировано 12 преступлений, предусмотренных ст. 200.4 УК РФ, лишь 5 из которых были направлены в суд, а также – 137 преступлений, установленных ст. 200.5 УК РФ, из которых 53 направлено в суд [15, с. 245].

Объективные признаки-детерминанты злоупотреблений определяются: несовершенством современного законодательства в сфере ФКС; недостатками в нормах об ответственности участников ФКС; отсутствием качественной методической базы регулирования ответственности субъектов публичных закупок; недостатками антикоррупционной правоохранительной деятельности; низкой зарплатой участников ФКС; недостаточным уровнем информационной открытости отдельных стадий публичных закупок; злоупотреблением участниками публичных закупок административным ресурсом; корыстными задачами бизнеса в достижении сверхприбыли за счет публичных закупок; традициями коррупционных отношений в сфере ФКС и т.д.

Субъективные признаки-детерминанты злоупотреблений и пр. преступлений в сфере закупок характеризуются: коррупциогенным мировоззрением и стереотипами в деятельности субъектов ФКС; пониженным уровнем правовой грамотности и правосознания участников публичных закупок; наличием негативных сторон в ценностно-нормативной системе воспитания личности; внешним постоянным воздействием на волю россиян медиа-трендов потребительского эгоизма, низкой социальной ответственности, приоритета денег, успеха и др. При этом процедура публичной закупки служит, в первую очередь, для удовлетворения материальных личных интересов участника и представляется случаем злоупотребления статусным правом представителя заказчика путем подмены публичных интересов на частные [13, с. 189],

Например, имеют место закупки нестандартных, дорогостоящих услуг, работ, товаров, в которых бюджетная организация особо не нуждается, но они приобретаются по желанию соответствующего должностного субъекта, включая элитный автомобиль; старинные предметы искусства (вазы, картины, гравюры и пр.) и т.д. [14, с. 18]

Таким образом, М.А. Волкова обобщила криминологические признаки-детерминанты уголовной ответственности за злоупотребления в сфере закупок, включающие объективные признаки, субъективные признаки и правоприменительный признак различного уровня практической реализации норм, предусмотренных ст. 200.4 и 200.5 УК РФ.

В научно-квалификационной работе И.А. Любского [23, с. 11] на базе доктринальных тезисов Г.Н. Борзенкова с соавторами [21], В.Н. Боркова

[11], Б.В. Волженкина [12], А.И. Парога [28] и др. ученых исследованы уголовно-правовые признаки состава, предусмотренного ст. 200.4, 201.1, 285.4 УК РФ, которые характеризуются с объективной стороны общественной опасностью трех видов:

1) нарушением конституционных гарантий в реализации общего принципа экономической свободы конкуренции, что указывает на конституционно-правовой и конкурентно-экономический признаки преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ;

2) негативным воздействием на систему государственного управления в части неисполнения программ социально-экономического развития государства, что отражает планово-программный признак;

3) нанесением материального ущерба обществу, государству путем заключения, исполнения заведомо невыгодных контрактных соглашений, реализации некачественных услуг, необоснованного завышения стоимости продукта, в котором нуждается государство, регион, муниципалитет; указанный аспект определяет материальный признак общественной опасности рассматриваемого вида преступных злоупотреблений.

Представляется спорным обобщенный подход И.А. Любого к планово-программному признаку общественной опасности преступного злоупотребления, который не детализируется обязательным нарушением требований Закона о ФКС [3], хотя из содержания и ст. 200.4, и ст. 200.5 УК РФ явно следует бланкетное применение норм этого отраслевого Закона. Следовательно, указанный признак целесообразно уточнить и обозначить его как системный признак общественной опасности преступного злоупотребления в рамках нарушения обязательных требований ФКС.

Вместе с этим следует обратить внимание на отмеченные И.А. Любым субъективные признаки состава преступного злоупотребления участника ФКС, предусмотренного ст. 200.4 и пр. нормами УК РФ. Указанные признаки определяют:

1) отраслевые признаки специальных субъектов:

- обязательственные признаки наличия у таких субъектов статуса представителей интереса заказчика ФКС;
- бланкетные признаки регламентации полномочий субъектов преступного злоупотребления предписаниями Закона о ФКС;
- разграничительные признаки отсутствия у таких субъектов статуса должностного лица органа власти – заказчика ФКС, либо статуса управляющего лица компании – исполнителя заказов ФКС;

2) классификационные признаки специальных субъектов преступного злоупотребления, разделяющие их согласно ст. 200.4, 201.1, 285.4 УК РФ на три категории лиц: иные лица-представители интересов заказчика ФКС (ст. 200.4); корпоративные управленцы в сфере оборонного заказа

(ст. 201.1); должностные лица в сфере оборонного заказа (ст. 285.4);

3) волевые признаки субъективной стороны, включающие умысел виновного и корыстную, прочую личную заинтересованность лица в совершении преступного злоупотребления [22, с. 27].

То есть, И.А. Любый обозначил уголовно-правовые признаки уголовной ответственности за злоупотребления в сфере закупок, установленной в ст. 200.4, 201.1, 285.4 УК РФ, которые: включают объективные признаки конституционно-правового, конкурентно-экономического, системного, материального характера, субъективные признаки отраслевого, классификационного, волевого содержания и отличаются дискуссионным характером.

В комплексном исследовании Ш.М. Шурлаева [32, с. 10] со ссылками на труды Ю.М. Антоняна [9], Н.А. Егоровой [17], О.Е. Калпинской [19], П.С. Яни [33] и др. ученых приводятся два ключевых вида уголовно-правовых признаков коррупционных злоупотреблений в области публичных закупок.

Во-первых, выделены характерные признаки, определяющие умысел совершения преступного деяния специальными субъектами (должностными лицами, управленцами коммерческой либо прочей организации) в рамках своих полномочий по проведению публичных закупок с корыстной целью.

Во-вторых, автором систематизированы классификационные признаки группировки преступлений в сфере ФКС:

1) объективные признаки разделения по критериям видового объекта преступления, которые включают:

- преступные деяния против собственности (ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 160 УК РФ);
- преступления экономического характера (ст. 200.4, 200.5, 200.6 УК РФ);
- действия против интересов коммерческих, прочих организаций (ст. 201, 201.1 УК РФ);
- деяния против системы, интересов и службы в сфере государственного управления самоуправления (ст. 285–285.2, 285.4, 286, 289–292 УК РФ) [31, с. 296];

2) субъективные признаки классификации с учетом специального статуса субъекта преступного деяния:

- преступные деяния должностных лиц (ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 160; 285–285.2, 285.4, 286, 289–292 УК РФ);
- преступления, которые совершаются представителями заказчика без статуса должностного лица (ст. 200.4, 200.5, 292 УК РФ);
- преступления, которые исполняются субъектами-управленцами коммерческих, прочих организаций (ч. 3 ст. 159, ст. 201, 201.1 УК РФ);
- преступления эксперта, выдающего заключение по вопросам ФКС (ст. 200.6 УК РФ);

3) целевые признаки группировки преступлений с учетом интересов либо заказчика, либо исполнителя:

- преступные деяния должностных лиц, других работников, представителей заказчика (ч. 3 ст. 160, ч. 3 ст. 159; ст. 200.4, 200.5, 285–285.2, 286, 289–292 УК РФ);
- преступления, которые исполняются должностными лицами, управленцами исполнителя (ч. 3 ст. 159; ст. 201, 201.1, 285.4 УК РФ).

Таким образом, Ш.М. Шурлаев обозначил уголовно-правовые признаки уголовной ответственности в сфере закупок, включающие характерные признаки умышленного совершения преступного деяния специальными субъектами в рамках полномочий по проведению публичных закупок с корыстной целью, а также классификационные признаки группировки преступлений в сфере ФКС по критериям видового объекта преступления, по критериям специального статуса субъекта преступного деяния, по противоправным целям заказчика либо исполнителя заказа в ФКС.

Обобщая существенный объем научной литературы по вопросам злоупотреблений в сфере российских публичных закупок, можно отметить, что во множестве исследований российских правоведов выделены общие и специальные уголовно-правовые, криминологические и пр. признаки рассматриваемых деяний, отражающие дискуссионный характер сущности, понятия преступных злоупотреблений в сфере ФКС.

Методология исследования

С учетом относительного небольшого периода действия с мая 2018 года норм ст. 200.4, 200.5 УК РФ о злоупотреблениях в ФКС и их дискуссионном характере в рамках предлагаемой публикации использовались общие и отраслевые научные подходы к проведению исследования, а также формальный, системный, сравнительный правовые методы анализа тезисов научной доктрины и соответствующей судебной практики.

Гипотезы

Представляется целесообразным общий подход к рассмотрению объективной стороны составов преступлений, установленных ст. 200.4, 200.5 УК РФ, как злоупотребление правами, обязанностями корпоративных участников ФКС. В этой связи субъекты злоупотреблений в сфере ФКС, установленные в указанных статьях уголовного закона, включают лиц, которые не относятся к субъектам со статусом должностного лица, лица с функциями управления в рамках исполнения требований Закона о ФКС [3].

Действительно, ключевым вопросом дискуссии об уголовно-правовых признаках преступных злоупотреблений в сфере публичных закупок, как отражено выше, представляется классификация специальных субъектов таких злоупотреблений, которая определяет содержание их действий, отражающих признаки субъективной и объективной сторон преступления.

Действующие нормы УК РФ включают несколько видов злоупотреблений, связанных с публичными закупками:

1) в ст. 200.4 УК РФ обозначен состав преступного злоупотребления в ФКС, совершаемого корыстно с крупным ущербом субъектом-представителем интересов заказчика, который не обладает статусом должностного лица или корпоративного управленца;

2) в ст. 201.1 УК РФ предусмотрен состав специфического злоупотребления в рамках оборонного заказа, реализуемого корпоративным управленцем корыстно, с причинением внушительного вреда законным интересам компании, государства;

3) в ст. 285.4 УК РФ обозначен состав специфического злоупотребления в рамках оборонного заказа, исполняемого должностным лицом в рамках своих полномочий, корыстно, с причинением внушительного вреда законным интересам государства, общества.

То есть, законодатель определил три категории субъектов, которые могут преступно злоупотреблять при реализации публичных закупок в рамках совершения деяний, установленных ст. 200.4, 201.1, 285.4 УК РФ: представитель интересов заказчика, у которого нет статуса должностного лица или корпоративного управленца; корпоративный управленец; должностное лицо. Действия этих лиц отражают признаки и субъективной, и объективной стороны преступного злоупотребления в рамках ФКС.

При рассмотрении объективной стороны злоупотребления в области публичных закупок следует сослаться на положения ст. 18 Конвенции ООН 2003 года против коррупции [1], которые позволяют детализировать действия субъекта в рамках коррупционного злоупотребления:

1) реализация задач незаконного обогащения либо снижения материальных издержек,

2) отсутствие противоправного получения имущества;

3) наличие действий по активному (отчуждающему) подкупу или по пассивному (принимающему) подкупу;

4) предоставление, обещание или предложение должностному, другому лицу незаконного блага с целью злоупотребления этими лицами своим влиянием для получения неправомерного преимущества инициатором указанных действия; и т.д.

Как видно из обозначенных норм ст. 18 Конвенции ООН 2003 года против коррупции, действия по организации, осуществлению подкупа уполномоченного субъекта в сфере ФКС, обозначенные в ч. 1 ст. 200.5 УК РФ, относятся к группе коррупционных злоупотреблений. Указанная детализация современных коррупционных преступлений нормами Конвенции ООН 2003 года против коррупции рассматривалась в исследованиях Р.А. Сорочкина [29], Е.В. Фоменко [30], Т.Я. Хабриевой с соавторами [8] и др. ученых.

Следовательно, положения ст. 200.5 УК РФ о подкупе субъектов ФКС можно включить в пе-

речень преступных злоупотреблений в области публичных закупок по объективным признакам, указанным в ст. 18 Конвенции ООН против коррупции, и по субъективным признакам, которые аналогичны признакам субъекта, отраженным в ст. 200.4 УК РФ.

Выводы исследования

Представленные тезисы позволяют сформулировать следующие выводы:

1) базовые признаки объективной и субъективной сторон преступных злоупотреблений в области российских публичных закупок установлены нормами ст. 200.4, 200.5 УК РФ,

2) специфические признаки объективной и субъективной сторон злоупотреблений в области публичных закупок сегмента оборонного заказа предусмотрены нормами ст. 201.1. 285,4 УК РФ;

3) социально-правовая сущность злоупотреблений в области публичных закупок определяется высокой общественной опасностью незаконного обогащения субъектов преступления, действующих в рамках ФКС, нанесения ущерба интересам общества, государства и нарушения ими конкурентных принципов ФКС;

4) можно обозначить понятие преступного злоупотребления в российской сфере публичных закупок – это составы преступлений, предусмотренные ст. 200.4, 200.5, 201.1. 285,4 УК РФ, которые совершаются с целями незаконного обогащения путем нарушения обязательных требований ФКС тремя категориями лиц: представитель интересов заказчика, у которого нет статуса должностного лица или корпоративного управленца; корпоративный управленец; должностное лицо.

Литература

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, ратифицирована Федеральным законом от 08.03.2006 № 40-ФЗ с заявлениями) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 26. – Ст. 2780.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 14. – Ст. 1652.
4. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – Санкт-Петербург тип. Второго отд-ния Собств.е.и. вел. канцелярии, III, 592, XIV, 1845. – 37 с.
5. Регламент кривгскомиссариату, № 2456, 10 декабря 1711 года // ПСЗРИ. – Собрание (1649–1825): Том 4 (1700–1712) – С. 746. [Электронный ресурс], URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения 08.08.2025).
6. Морской устав № 3485, 13.01.1720 года // ПСЗРИ. Собрание (1649–1825): Том 6 (1720–1722) С. 2–116. [Электронный ресурс], URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения 08.08.2025).
7. Абрамкин, А.Д. Уголовно-правовые меры противодействия злоупотреблениям в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Абрамкин Алексей Дмитриевич. – Краснодар, 2022. – 200 с.
8. Антикоррупционные стандарты Организации экономического сотрудничества и развития и их реализация в Российской Федерации: монография / Т.Я. Хабриева, А.В. Федоров, А.А. Каширкина и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой, А.В. Федорова. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2015. – 296 с.
9. Антонян, Ю.М. Личность преступника и профилактика преступлений: монография / Ю.М. Антонян и др.; под ред. Ю.М. Антоняна. – Москва: Проспект, 2017. – 220 с.
10. Белинская, М.П. Правовые основы противодействия злоупотреблениям в системе казенных подрядов в Российской империи: историко-правовое исследование: дис... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Белинская Мария Петровна. Нижний Новгород, 2016. 209 с.
11. Борков, В.Н. Преступления против осуществления государственных функций, совершаемые должностными лицами: дис. ... докт. юрид. наук 12.00.08 / Борков Виктор Николаевич. – Омск, 2015. – 405 с.
12. Волженкин, Б.В. Служебные преступления: Комментарий законодательства и судебной практики. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2005. – 558 с.
13. Волкова М.А. Детерминанты коррупционной преступности в сфере государственных (муниципальных) закупок // Право и политика. – 2020. – № 9. – С. 189–205.
14. Волкова, М.А. Негативные последствия коррупции в сфере публичных закупок / М.А. Волкова // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18, № 6. – С. 18–28.
15. Волкова, М.А. Коррупционная преступность в сфере публичных закупок и ее предупреждение: дис... канд. юрид. наук: 5.1.4. / Волкова Маргарита Андреевна. – Красноярск, 2024. – 279 с.
16. Глотов С.А. Контрактная система: опыт США, ЕС и российская практика. Противодействие коррупции при госзакупках / С.А. Глотов, А.Г. Лычагин, О.П. Савёлов, И.А. Штанов / под ред. С.А. Глотова. – М.: Московская междуна-

- родная академия, Кубанский государственный аграрный университет, Галлея-принт, 2016. – 343 с.
17. Егорова Н.А. Теоретические проблемы уголовной ответственности за преступления лиц, выполняющих управленческие функции (управленческие преступления): монография. – Волгоград, Перемена, 2006. – С. 322–325.
 18. Есаков, Г.А. Экономическое уголовное право: Общая часть: монография. – 2-е изд. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. – 362 с.
 19. Калпинская О.Е. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика коррупционной преступности: монография. – Великий Новгород, Новгородский гос. ун-т, 2017. – 136 с.
 20. Кузнецова, О.А. Субъект коррупционных преступлений: уголовно-правовая характеристика и ментальные особенности личности: дис. ... докт. юрид. наук: 5.1.4 / Кузнецова Ольга Алексеевна. – М., 2024. – 503 с.
 21. Курс уголовного права. Том 4. Особенная часть / под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. – Москва: Зерцало-М, 2002. – 672 с.
 22. Любый И.А. Проблемные вопросы субъективного состава ст. 200.4 УК РФ // Российская юстиция. – 2020. – № 2. – С. 27–29.
 23. Любый, И.А. Уголовно-правовые меры противодействия злоупотреблениям в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: дис... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Любый Иван Александрович. – Омск, 2022. – 225 с.
 24. Люпаев В.С. Проблемы правового регулирования уголовной ответственности за коррупционные преступления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд (ст. 200.4–200.6 УК РФ) // Юридическая наука. – № 11, 2021. – С. 85–90.
 25. Милашева Н.В. Петр Великий – Учредитель военно-медицинского образования в Санкт-Петербурге / Н.В. Милашева, В.О. Самойлов // Вестник Российской Военно-медицинской академии. – 2020. – № 1 (69). – С. 259–267.
 26. Плохова, В.И. Криминологическая и правовая обоснованность составов ненасильственных преступлений против собственности: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 / Плохова Валентина Ивановна. – Екатеринбург, 2003. – 387 с.
 27. Противодействие коррупции: новые вызовы: монография / С.Б. Иванов, Т.Я. Хабриева, Ю.А. Чиханчин и др.; отв. ред. Т.Я. Хабриева. М.: ИЗиСП: ИНФРА-М, 2021. 384 с.
 28. Рарог, А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений. Практическое пособие / А.И. Рарог. – Москва: ТК Велби; – Проспект, 2006. – 224 с.
 29. Сорочкин, Р.А. Теоретико-правовые основы учения о субъекте коррупционного преступления: дис... докт. юрид. наук: 12.00.08 / Сорочкин Роман Александрович. – Москва, 2021. – 415 с.
 30. Фоменко, Е.В. Концептуальные подходы к противодействию подкупу уголовно – правовыми средствами: дис... докт. юрид. наук: 12.00.08 / Фоменко Елена Владимировна. – Москва, 2021. – 460 с.
 31. Шурпаев, Ш.М. К вопросу о сущности «откатов» и «распилов» в системе коррупционных проявлений в сфере государственных и муниципальных закупок // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 8 (135). – С. 296–297.
 32. Шурпаев, Ш.М. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений коррупционной направленности в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд: дис... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Шурпаев Шамиль Мурадович. – Москва, 2021. – 297 с.
 33. Яни, П.С. Должностное злоупотребление – частный случай превышения полномочий // Законность. – 2011. – № 12. – С. 12–16.
 34. Выступление Бориса Ковальчука на пленарном заседании Государственной Думы с отчетом о работе Счетной палаты в 2024 году. 20 марта 2025. [Электронный ресурс], URL: <https://ach.gov.ru/news/vystuplenie-borisa-kovalchuka-na-plenarnom-zasedanii-gosudarstvennoy-dumy-s-otchetom-o-rabote-schetn>? (дата обращения 08.08.2025).
 35. Выступление Председателя Счетной палаты Бориса Ковальчука на пленарном заседании Совета Федерации с отчетом о работе Счетной палаты в 2023 году. [Электронный ресурс], URL: <http://council.gov.ru/events/news/157697/> (дата обращения 08.08.2025).
 36. Сведения специализированного портала РБК. [Электронный ресурс], URL: <https://companies.rbc.ru/news/YbHe6j0r5x/v-2024-godu-v-zakupkah-zaklyucheno-4-mln-dogovorov-na-26-trln-rublej/> (дата обращения 08.08.2025).

ABUSES IN THE SPHERE OF RUSSIAN PUBLIC PROCUREMENT: SIGNS, ESSENCE, CONCEPT

Nevencheny Ya.A.

Russian State Social University

The author systematized the data of Russian studies on abuse in the sphere of Russian public procurement. As a result, based on the analysis of the UN Conventions, a general approach has been formulated to consider the objective side of the crimes established by Articles 200.4, 200.5 of the Criminal Code of the Russian Federation, such as abuse of the rights and obligations of participants in the federal system of contract procurement with corporate status. It is also proved that the basic signs of the objective and subjective sides of abuses in the field of public procurement are established by the norms of Articles 200.4, 200.5 of the Criminal Code of the Russian Federation, and the specific signs of the objective and subjective sides of abuses in the field of public procurement of the defense order segment are provided by the norms of Articles 201.1. 285.4 of the Criminal Code of the Russian Federation. At the same time, the socio-legal essence of abuses in the field of public procurement is outlined, which is determined by the high public danger of illicit enrichment of subjects of crime, harming the interests of society, the state and their violation of the competitive principles of the federal system of contract procurement.

Keywords: abuse; federal contract system, public procurement, special entity, corruption, bribery.

References

1. The United Nations Convention against Corruption (adopted in New York on 31.10.2003 by Resolution 58/4 at the 51st plenary meeting of the 58th session of the UN General Assembly, ratified by Federal Law No. 40-FZ of 08.03.2006 with statements) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2006. – No. 26. – Art. 2780.
2. Criminal Code of the Russian Federation dated 06/13/1996 No. 63-FZ (as amended on 07/23/2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. – Art. 2954.
3. Federal Law No. 44-FZ dated 04/05/2013 (as amended on 12/26/2024) "On the contract system in the field of procurement of goods, works, and services for State and Municipal Needs" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2013. – No. 14. – Art. 1652.
4. Code of Criminal and Correctional Punishments. – St. Petersburg type. Second edition of His own E. I. the Great Chancellery, III, 592, XIV, 1845. – 37 p.
5. Regulations of the Kriegskommissariat, No. 2456, December 10, 1711 // PSZRI. – Collection (1649–1825): Volume 4 (1700–1712) – P. 746. [Electronic resource], URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (date of application 08.08.2025).
6. Maritime Charter No. 3485, 13.01.1720 // PSZRI. Collection (1649–1825): Volume 6 (1720–1722) pp. 2–116. [Electronic resource], URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (accessed 08/08/2025).
7. Abramkin, A.D. Criminal law measures to counter abuse in the field of procurement of goods, works, and services to meet state or municipal needs: dissertation of the cand. jurid. Sciences: 5.1.4 / Alexey Dmitrievich Abramkin, Krasnodar, 2022, 200 p.
8. Anti-corruption standards of the Organization for Economic Cooperation and Development and their implementation in the Russian Federation: a monograph / T. Ya. Khabrieva, A.V. Fedorov, A.A. Kashirkina et al.; edited by T. Ya. Khabrieva, A.V. Fedorov. – M.: Institute of Legislation and Comparative Jurisprudence under the Government of the Russian Federation, 2015. – 296 p.
9. Antonyan, Yu.M. Criminal identity and crime prevention: a monograph / Yu.M. Antonyan et al.; edited by Yu.M. Antonyan. Moscow: Prospekt Publ., 2017. 220 p.
10. Belinskaya, M.P. The legal foundations of countering abuses in the system of government contracts in the Russian Empire: a historical and legal study: dissertation of the Candidate. jurid. sciences': 12.00.01 / Belinskaya Maria Petrovna. Nizhny Novgorod, 2016. 209 p.
11. Borkov, V.N. Crimes against the exercise of state functions committed by officials: dis. ... doct. jurid. Sciences 12.00.08 / Borkov Viktor Nikolaevich. Omsk, 2015. 405 p.
12. Volzhenkin, B.V. Official crimes: A commentary on legislation and judicial practice. Saint Petersburg: Law Center Press, 2005. 558 p.
13. Volkova M.A. Determinants of corruption crime in the field of state (municipal) procurement // Law and politics. 2020. No. 9. pp. 189–205.
14. Volkova, M.A. Negative consequences of corruption in public procurement / M.A. Volkova // Actual problems of Russian law. – 2023. – Vol. 18, No. 6. – pp. 18–28.
15. Volkova, M.A. Corruption crime in the field of public procurement and its prevention: dis... Candidate of Sciences. jurid. Sciences: 5.1.4. / Volkova Margarita Andreevna. – Krasnoyarsk, 2024. – 279 p.
16. Glotov S.A. The contract system: the experience of the USA, the EU and Russian practice. Combating corruption in public procurement / S.A. Glotov, A.G. Lychagin, O.P. Savelov, I.A. Shtanov / edited by S.A. Glotov. Moscow: Moscow International Academy, Kuban State Agrarian University, Halley-print, 2016. 343 p.
17. Egorova N.A. Theoretical problems of criminal liability for crimes of persons performing managerial functions (managerial crimes): monograph. Volgograd, Peremena Publ., 2006, pp. 322–325.
18. Yesakov, G.A. Economic criminal law: General part: monograph. – 2nd ed. – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2020. – 362 p.
19. Kalpinskaya O.E. Criminal law and criminological characteristics of corruption crime: monograph. – Veliky Novgorod, Novgorod State University, 2017. – 136 p.
20. Kuznetsova, O.A. The subject of corruption crimes: criminal and legal characteristics and mental personality traits: dis. ... doct. jurid. Sciences: 5.1.4 / Kuznetsova Olga Alekseevna, Moscow, 2024, 503 p.
21. Criminal law course. Volume 4. Special part / edited by G.N. Borzenkov and V.S. Komissarov. Moscow: Zertsalo–M, 2002. 672 p.
22. Lyuby I.A. Problematic issues of the subjective composition of art. 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation // Russian justice. 2020. No. 2. pp. 27–29.
23. Lyuby, I.A. Criminal law measures to counter abuse in the field of procurement of goods, works, and services to meet state and municipal needs: dis... Candidate of Sciences. jurid. sciences': 12.00.08 / Lyuby Ivan Alexandrovich. – Omsk, 2022. – 225 p.
24. Lupaev V.S. Problems of legal regulation of criminal liability for corruption crimes in the field of procurement of goods, works, services for state or municipal needs (Articles 200.4–200.6 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Legal Science. – No. 11, 2021. – pp. 85–90.
25. Milasheva N.V. Peter the Great – Founder of military medical education in St. Petersburg / N.V. Milasheva, V.O. Samoilov // Bulletin of the Russian Military Medical Academy. – 2020. – № 1 (69). – C. 259–267.
26. Plokhova, V.I. Criminological and legal validity of nonviolent crimes against property: dis. ... doct. jurid. Sciences: 12.00.08 / Plokhova Valentina Ivanovna. – Yekaterinburg, 2003. – 387 p.
27. Anti-corruption: new challenges: a monograph / S.B. Ivanov, T. Ya. Khabrieva, Yu.A. Chikhanchin et al.; edited by T. Ya. Khabrieva. Moscow: IZISP: INFRA-M, 2021. 384 p.
28. Rarog, A.I. The judge's desk book on the qualification of crimes. Practical guide / A.I. Rarog. – Moscow: TK Velbi; – Prospekt, 2006. – 224 p.
29. Sorochkin, R.A. Theoretical and legal foundations of the doctrine of the subject of a corruption crime: dis... doct. jurid. sciences': 12.00.08 / Sorochkin Roman Alexandrovich. – Moscow, 2021. – 415 p.
30. Fomenko, E.V. Conceptual approaches to countering bribery by criminal legal means: dis... doct. jurid. sciences': 12.00.08 / Fomenko Elena Vladimirovna. – Moscow, 2021. – 460 p.
31. Shurpaev, S.M. On the issue of the essence of "kickbacks" and "cuts" in the system of corruption in the field of state and municipal procurement // Eurasian Law Journal. – 2019. – № 8 (135). – Pp. 296–297.
32. Shurpaev, S.M. Criminal law and criminological characteristics of corruption-related crimes in the field of procurement for state and municipal needs: dis... Candidate of Sciences. jurid. sciences': 12.00.08 / Shamil Muradovich Shurpaev. – Moscow, 2021. – 297 p.
33. Yani, P.S. Official abuse is a special case of abuse of authority // Legality. – 2011. – No. 12. – pp. 12–16.
34. Boris Kovalchuk's speech at the plenary session of the State Duma with a report on the work of the Accounts Chamber in 2024. March 20, 2025. [Electronic resource], URL: <https://ach.gov.ru/news/vystuplenie-borisa-kovalchuka-na-plenarnom-zasedanii-gosudarstvennoy-dumy-s-otchetom-o-rabote-schetn> (accessed 08/08/2025).
35. Speech by Chairman of the Accounts Chamber Boris Kovalchuk at the plenary session of the Federation Council with a report on the work of the Accounts Chamber in 2023. [Electronic resource], URL: <http://council.gov.ru/events/news/157697> / (accessed 08/08/2025).
36. Information from the specialized portal of RBC. [Electronic resource], URL: <https://companies.rbc.ru/news/YbHe6j0r5x/v-2024-godu-v-zakupkah-zaklyucheno-4-mln-dogovorov-na-26-trln-rublej/> (accessed 08/08/2025).

Крюков Антон Владимирович,

старший преподаватель кафедры уголовного права, судья
в отставке, Санкт-Петербургский университет МВД России
E-mail: krukovanton293@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы необходимости привлечения к уголовной ответственности лиц, оказывающих различного рода оккультные услуги, таких как гадание, «снятие порчи», «снятие венца безбрачия», «заговоры на успех в делах» и тому подобных. По мнению автора, потребность для многих людей в подобных «магических» услугах в первую очередь является существенной проблемой при квалификации таких деяний как уголовных преступлений и назначении наказания за них. Квалификация всех подобных деяний по ст. 159 УК РФ как мошенничества, то есть хищения чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием с причинением ущерба в соответствующем размере явилась бы слишком упрощенным, не отвечающим целям и задачам уголовного закона подходом к разрешению проблемы оккультных услуг. В статье автор приводит примеры приговоров суда по соответствующим уголовным делам с их анализом, а также мнение ученых – юристов о возможности квалификации подобных деяний как преступлений. Кроме того, в статье приводится ряд обстоятельств, которые, по мнению автора, обязательны для признания таких деяний уголовно наказуемыми. Автор полагает, что привлечение к уголовной ответственности в отсутствие заявления потерпевшего, а только по факту осуществления определенной «магической» или оккультной деятельности, будет необоснованным и влечет заведомое отсутствие судебной перспективы по делу, поскольку само по себе совершение за плату неких «магических ритуалов и обрядов» еще не имеет признаков преступления и влечет предусмотренные уголовным законом последствия лишь при наличии ряда определенных обстоятельств.

Ключевые слова: Квалификация преступлений, уголовная ответственность, мошенничество, хищение чужого имущества путем обмана, оккультные услуги, магия, гадание.

Уже достаточно давно большое развитие в обществе приобрело вполне официальное оказание различного рода оккультных услуг, таких как гадание, «снятие порчи», «снятие венца безбрачия», «заговоры на успех в делах» и тому подобных. Следует признать, что необходимость подобных «магических» услуг лежит в самой природе человека и значительная часть общества испытывает в них потребность. Стремление внерациональным путем узнать будущее, обрести уверенность в успехе своей деятельности, с помощью заговора устроить свою личную жизнь всегда было присуще многим людям. Более того, возьмем на себя смелость утверждать, что повсеместный тотальный запрет подобной деятельности повлечет только появление ее подпольных форм с соответствующим ростом цен на соответствующие услуги.

К.Б. Ерофеев в статье «Магические услуги: правовой анализ» указывает, что по информации «Российской газеты» от 11 до 13% населения России так верит в колдовство и магию, что готовы обращаться к оккультистам постоянно. [1].

Именно потребность людей в подобных «магических» услугах в первую очередь является существенной проблемой при квалификации таких деяний как уголовных преступлений и назначении наказания за них.

Конечно, велик соблазн квалифицировать все подобные деяния по ст. 159 УК РФ как мошенничество, то есть хищение чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием с причинением ущерба в соответствующем размере. Однако подобный подход явился бы слишком упрощенным и не отвечающим целям и задачам уголовного закона.

Мещанским районным судом А. была признана виновной по ч. 4 ст. 159 УК РФ, то есть в совершении мошенничества в особо крупном размере [2]. В течение 5 лет А. за плату совершала магические обряды с целью лечения потерпевшей по делу и ее родственников, которые, по словам А., находились в опасности. Причиненный ущерб превысил 59 миллионов рублей. А. назначено наказание в виде 4 лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии общего режима.

Жалинский А.Э. и Козловская А.Э. в статье «О возможности правового регулирования деятельности по оказанию оккультных услуг» указывают, что невозможность определения качества оккультной услуги, в том числе «приворота» определяется не только непрофессионализмом исполнителя, но также личностью заказчика и объектом воздействия. Кроме того, имеется достаточно большая вероятность того, что, вследствие счаст-

ливой случайности, наступит положительный результат. Помимо этого, человек после посещения мага, обретает некоторую уверенность, что также играет положительную роль. [3].

При проверке и принятии решения в подобных случаях правоприменитель попадает в затруднительную ситуацию. С одной стороны, виновный, обещая оказать потерпевшему определенные услуги «магическим» путем за иногда весьма значительную денежную сумму, заведомо обманывает потерпевшего, чтобы таким образом похитить его имущество. При этом очевидно, что никакой магией виновный не владеет и никакого рационального влияния на проблемные обстоятельства потерпевшего оказать не может.

Однако в то же время зачастую к виновному обращается сам потерпевший, прочитав соответствующее объявление во вполне легальных и широко известных средствах массовой информации. При этом потерпевший, являясь взрослым совершеннолетним человеком, заведомо верит в магические возможности лица, к которому он обращается, поскольку в любых средствах массовой информации подобных объявлений множество. Обращаясь за подобной помощью, потерпевший нуждается в ней, поскольку сам не видит для себя другого выхода из проблемной ситуации.

Более того, как указывается в статье А.Э. Жалинского и А.Э. Козловской, зачастую после совершения «магических» действий вполне возможно хотя бы временное наступление положительного результата. Оно может быть случайным, а может наступить и как результат данных заказчику советов либо в результате полученной им психологической установки. Не стоит сбрасывать со счетов и то, что очень часто «маг» или «гадалка» являются людьми с большим жизненным опытом, имеющими определенные познания в психологии, и могут дать своему клиенту действительно полезные советы.

Имеются ли в таких случаях основания для возбуждения уголовного дела с привлечением соответствующих лиц к уголовной ответственности?

По нашему мнению, подобные ситуации особенно нуждаются в индивидуализированном подходе.

Прежде всего, необходимо учесть основания возникновения отношений между «магом» и его клиентом. В ситуации, когда «маг» сам настойчиво убеждает потерпевшего в необходимости прибегнуть к его услугам, угрожая в противном случае возникновением нежелательных последствий и обстоятельств, можно констатировать наличие обмана, соединенного с оказанием давления и угрозами.

Также необходимо учитывать наличие либо отсутствия положительного результата действий «мага». В случаях, когда в течение длительного времени, несмотря на проведение «магических» обрядов и ритуалов, регулярно оплачиваемых клиентом, никакого прогресса не наступает, однако «маг» раз за разом настаивает на продолжении их

проведения, то возникают основания для возбуждения уголовного дела о мошенничестве.

Кроме того, имеет значение и характер действий «мага». Часто виновный требует у потерпевшего деньги или ценности, обещая их вернуть либо в случае отсутствия обещанного результата либо вернуть их в любом случае, фактически, однако, забирая имущество себе.

Так, приговором Первомайского районного суда г. Новосибирска ФИО осужден по ст.ст. 159 ч. 2, 30 ч. 3, 159 ч. 3 УК РФ с присоединением неотбытой части наказания по иному приговору к окончательному наказанию в виде 3 лет 6 месяцев лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима. [4]. При совершении мошеннических действий ФИО стал носить женскую одежду, отрастил волосы, взял псевдоним «Рита» и распространил сведения о наличии у него «магического дара». Потерпевшей Б. он сообщил, что ему необходимо передать определенную денежную сумму, уверив ее, что с помощью этих денег проведет магический обряд, после чего вернет их потерпевшей.

Также существенное значение имеет и поведение «мага» после осуществления «обрядов» и «ритуалов». Если «маг», завладев материальными ценностями, скрывает свои установочные данные, не сообщая свои фамилию, имя и отчество, место жительства, номер телефона, почтовый и электронный адреса, не отвечает на телефонные звонки, не проживает по месту жительства и избегает любых встреч с клиентом, то у потерпевшего возникают основания для подачи в правоохранительные органы заявления о возбуждении уголовного дела.

Вопрос с порядком подачи заявления о привлечении к уголовной ответственности в подобных случаях представляет особый интерес. Согласно ч. 3 ст. 20 УПК РФ, ст. 159 ч.ч. 1–4 УК РФ относится к уголовным делам публичного обвинения, т.е. для возбуждения уголовного дела по делам этой категории заявления потерпевшего не требуется. В то же время, возбуждение дела без заявления потерпевшего здесь представляется невозможным. В случаях, если потерпевший сознательно обратился к гадалке или к «магу», искренне веря в их возможности и нуждаясь в помощи и поддержке подобного рода, если потерпевшего устраивает достигнутый результат или же он обоснованно рассчитывает получить этот результат в течение определенного времени, то подавать заявлением он не будет. Привлечение же лиц к уголовной ответственности без заявления потерпевшего, а только по факту осуществления ими определенной «магической» или оккультной деятельности, будет необоснованным и влечет заведомое отсутствие судебной перспективы по делу, так как в подобных случаях фактически отсутствует такой обязательный элемент состава мошенничества как причиненный ущерб.

Таким образом, само по себе совершение за плату неких «магических ритуалов и обрядов»

еще не имеет признаков преступления и влечет предусмотренные уголовным законом последствия лишь при наличии ряда указанных обстоятельств. Поэтому при проведении доследственной проверки данные обстоятельства в совокупности с максимально полной картиной происшедшего требуют особенно тщательных установления и анализа.

Литература

1. К. Б. Ерофеев «Магические услуги: правовой анализ» / Евразийская адвокатура. – 3 (4). 2013. С. 89–93.
2. Официальный сайт прокуратуры г. Москвы URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_77/mass-media/news?item=106379938 (дата обращения 14.08.2025 г.)
3. Жалинский А.Э., Козловская А.Э. «О возможности правового регулирования деятельности по оказанию оккультных услуг». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vozmozhnosti-pravovogo-regulirovaniya-deyatelnosti-po-okazaniyu-okkultnyh-uslug> (дата обращения 14.08.2025 г.)
4. Приговор Первомайского районного суда г. Новосибирска от 23.01.20200 г. по уголовному делу № 1–26/20 <https://sudact.ru/regular/doc/RN8XdwEkDmow/> (дата обращения 14.08.2020 г.)

PROVIDING OCCULT SERVICES AS A CRIMINAL ACT

Kryukov A.W.

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article discusses the need to bring to criminal liability individuals who provide various types of occult services, such as fortune-telling,

“removal of evil spirits,” “removal of the veil of celibacy,” “conjurations for success in business,” and so on. According to the author, the need for many people to use such “magical” services is a significant issue when it comes to classifying these actions as criminal offenses and determining the appropriate punishment. Qualifying all such acts under Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation as fraud, i.e. the theft of someone else’s property through deception or abuse of trust, resulting in damage of an appropriate amount, would be an overly simplistic approach that does not align with the goals and objectives of the criminal law. In this article, the author provides examples of court verdicts in relevant criminal cases, along with their analysis, as well as the opinions of legal scholars regarding the possibility of classifying such acts as crimes. In addition, the article provides a number of circumstances that, according to the author, are necessary for such acts to be considered criminal. The author believes that criminal prosecution in the absence of a victim’s statement, but only based on the fact of engaging in certain “magical” or occult activities, would be unjustified and would result in a lack of judicial prospects for the case, as the mere performance of “magical rituals and ceremonies” for a fee does not necessarily constitute a crime and only carries the consequences prescribed by criminal law under certain circumstances.

Keywords: Crime classification, criminal liability, fraud, theft of other people’s property by deception, occult services, magic, fortune-telling.

References

1. K. B. Erofeev “Magic Services: Legal Analysis” / Eurasian Bar Association. – 3 (4). 2013. Pp. 89–93.
2. Official website of the Prosecutor’s Office of Moscow URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_77/mass-media/news?item=106379938 (accessed on August 14, 2025)
3. Zhalinsky, A.E., and Kozlovskaya, A.E. “On the Possibility of Legal Regulation of Occult Services.” URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vozmozhnosti-pravovogo-regulirovaniya-deyatelnosti-po-okazaniyu-okkultnyh-uslug> (date of appeal 08/14/2025)
4. Verdict of the Pervomaisky District Court of Novosibirsk dated 01/23/20200 in criminal case No. 1–26/20 <https://sudact.ru/regular/doc/RN8XdwEkDmow/> (accessed 08/14/2020).

Некоторые особенности оперативно-розыскной характеристики дистанционного мошенничества с использованием сети интернет и средств связи

Полуянов Сергей Анатольевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры организации и обеспечения раскрытия и расследования преступлений Тверского филиала МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: sergei.poluyanoff@yandex.ru

Мошенничество представляет собой один из самых распространенных преступлений против собственности, поэтому ему уделяется достаточное внимание. Изучение особенностей борьбы с преступлениями в области компьютерной информации, выявление пробелов в этой области и предоставление возможных путей их решения крайне актуально. В статье анализируются понятие и содержание оперативно-розыскной характеристики мошенничества с использованием сети интернет и средств связи, точки зрения различных авторов, элементы, входящие в оперативно-розыскную характеристику мошенничества с использованием сети интернет и средств связи; сопоставляются элементы криминологической, криминалистической и оперативно-розыскных характеристик; раскрывается назначение оперативно-розыскной характеристики. Автор опирается на теоретические положения оперативно-розыскной деятельности с точки зрения теоретической и практической деятельности сотрудников оперативных подразделений занимающихся борьбой с данным видом преступной деятельности и влияния на данные меры оперативно-розыскной характеристики. Проведены обобщение и анализ правоприменительной практики, дана теоретическая оценка признакам рассматриваемой оперативно-розыскной характеристики данного вида преступлений.

Ключевые слова: оперативно-розыскная характеристика, оперативно-розыскная деятельность, мошенничество, интернет, средства связи.

Для того чтобы выделить оперативно-розыскную характеристику (далее – ОРХ) дистанционного мошенничества необходимо понять, что в неё входит, так как на настоящий момент не сформировано единое толкование данному понятию. По мнению В.Д. Ларичева, ОРХ является научно разработанная система обобщенных данных о наиболее типичных оперативно значимых признаках преступлений [1]. По мнению Р.В. Кондращечкина и А.А. Никонорова, ОРХ преступлений должна различаться друг от друга в силу рассмотрения отдельных видов преступлений [2]. По мнению А.М. Абрамова и И.А. Климова, в содержание ОРХ должны входить характеристики с позиций иных отраслей знаний, например, таких как криминалистическая, уголовно-правовая, уголовно-процессуальная, криминологическая, социологическая, экономическая и другие [3]. Стоит заметить, что мы абсолютно согласны с мнением А.М. Абрамова и И.А. Климова, но, по нашему мнению, в ОРХ необходимо включить оперативную обстановку оперативно-розыскные признаки преступной активности, то есть ОРХ – это совокупность уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, криминалистической, криминологической и оперативной характеристик.

Заметим, для того чтобы грамотно отразить ОРХ и квалифицировать противоправное деяние необходимо выделить уголовно-правовые элементы состава дистанционного мошенничества. Дистанционное мошенничество включает в себя составы преступлений, регулируемых ст. 159, 159.3, 159.6 Уголовного кодекса Российской Федерации. Уголовно-правовая характеристика заключается в выделении состава преступления, который состоит из объективных и субъективных признаков. Рассмотрим данные элементы в рамках нормы ст. 159.6 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Квалифицирующие признаки [4]:

- совершенное группой лиц по предварительному сговору, а равно с причинение значительного ущерба;
- совершенное лицом с использованием своего служебного положения, а равно в крупном размере;
- совершенное организованной группой либо в особо крупном размере или повлекшее лишение права гражданина на жилое помещение;
- сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпри-

- нимательской деятельности, если это деяние повлекло причинение значительного ущерба;
- сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, если это деяние совершено в крупном размере.

По нашему мнению, следует разграничить составы преступлений в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [5]. Рассмотрим, как необходимо квалифицировать действия злоумышленников в зависимости от приведенных ситуаций.

В случае, когда потерпевший в ходе Интернет-смс-сообщения или телефонного разговора сообщает преступнику значимую информацию по банковскому счету например, номер банковской карты, срок действия, CVV-код, содержание смс-сообщений банка с кодами подтверждающие действия по карте и злоумышленник использует полученную информацию для доступа к счету потерпевшего (например, путем входа в приложение «Сбербанк Онлайн», «ВТБ», «Т-банк») и похищает денежные средства, находящиеся на счете потерпевшего, то есть преступник похищает их самостоятельно. Данное преступное посягательство следует квалифицировать по п. «г», ч. 3, ст. 158 УК РФ, в соответствии с п. 21 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», а именно: «В тех случаях, когда хищение совершается путем использования учетных данных собственника или иного владельца имущества независимо от способа получения доступа к таким данным, такие действия подлежат квалификации как кража, если виновным не было оказано незаконного воздействия на программное обеспечение серверов, компьютеров или на сами информационно-телекоммуникационные сети» [5].

В случае, когда сам потерпевший переводит электронные денежные средства через устройства самообслуживания либо в качестве предоплаты за приобретаемый товар, услугу путем использования фишингового сайта, либо в качестве взятки за «непривлечение близкого к ответственности», либо за «ошибочно» полученный перевод, который не числится в переводах, либо по просьбе преступника переводит денежные средства для «пополнения счета на карте» или «баланса телефона», либо по просьбе друга по переписке в социальной сети (в данном случае страницу друга потерпевшего в социальной сети взламывают для того чтобы войти в доверие).

Такие действия следует квалифицировать по ст. 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации, то есть мошенничество с использованием электронных средств платежа, и в зависимости от суммы причиненного ущерба будет соответствующая часть данной статьи.

В данном случае обязательным условием совершения данного преступного деяния будет яв-

ляться перевод денежных средств непосредственно самим потерпевшим злоумышленнику. Данная квалификация основывается на п. 2 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [5] и на Федеральном законе от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» [6], где указывается понятие электронное средство платежа – средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверить и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств. Ключевой фразой в данном определении является «позволяющие клиенту оператора», то есть злоумышленник путем обмана потерпевшего получает его денежные средства.

Необходимо заметить, что 29.06.2021 были реализованы изменения в Пленуме Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», данные изменения затронули вопросы квалификации преступных посягательств. В настоящий момент в случае если злоумышленник получил доступ к конфиденциально информации о персональных данных владельца карты или непосредственный доступ к данным платежной карты переданной под воздействием обмана, либо он осуществил при помощи похищенных данных осуществил обналичивание электронных денежных средств через специальные банкоматы, поддерживающих функцию «Pay touch» («Apple Pay», «Android Pay»), то данные действия квалифицируются как кража (и. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ), в предыдущей версии Пленума Верховного Суда Российской Федерации данные действия расценивались по ст. 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации.

В случаях, когда злоумышленник целенаправленно воздействует на программное обеспечение электронных устройств в целях незаконного завладения чужим имуществом, то данные действия квалифицируются по ст. 159.6 УК РФ, если данные действия совершены посредством создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ, то требуется дополнительная квалификация по ст. 272, 273 или 274.1 УК РФ.

В случаях создания поддельных благотворительных сайтов, интернет-магазинов и распространение другой ложной информации в сети «Интернет», то квалифицируется данное деяние по ст. 159 УК РФ.

Безусловно, необходимо рассмотреть криминалистическую характеристику. Типовую криминалистическую характеристику преступлений можно определить, как систему данных о криминалистически значимых признаках преступлений конкретного вида или группы, отражающих закономерные

связи между этими признаками, и служащую построению типовых версий, которые берутся за основу при планировании расследований преступлений данного вида или группы [7].

Рассмотрим все элементы криминалистической характеристики дистанционного мошенничества совершенного при помощи сети интернет и средств связи. Непосредственным предметом преступного посягательства данного преступления является денежные средства в безналичной форме. Большинство дистанционных мошенничеств осуществляется при помощи сети «Интернет» и средств связи. Взломы страниц в социальных сетях или получение доступа злоумышленников к данным банковской карты/счета в большинстве случаев возникает не из-за каких-либо технических недостатков, а из-за цифровой неграмотности населения. Под цифровой неграмотностью населения следует понимать знания, умения, навыки при обращении с информационно-телекоммуникационными технологиями, а также навыки поиска, анализа информации в сетевом пространстве (сеть «Интернет»), Из-за недостаточной осведомленности граждан о возможных действиях злоумышленников в информационном пространстве, данная категория лиц подпадает в список потенциальных «жертв», так как преступникам будет легко убедить человека в совершении тех или иных действий, которые приведут к похищению их денежных средств.

Необходимо отметить, что злоумышленник может воздействовать как на саму компьютерную систему, так и на человека путем социальной инженерии. То есть преступник при осуществлении своего замысла определяет путь достижения поставленной цели:

- 1) путем взлома персонального компьютера или иного электронного устройства при помощи специальных знаний и умений в области информационных технологий;
- 2) при помощи методов социальной инженерии.

Рассмотрим осуществление фишинга при помощи электронных писем. В настоящее время мошенники используют специальное техническое обеспечение, которое позволяет злоумышленникам быстро создавать множество поддельных электронных адресов / почт и рассылать необходимые смс-сообщения / спам-письма. В данных письмах содержится ссылка на фишинговый сайт, который предназначен для сбора конфиденциальных данных, выраженных в виде имен пользователей и паролей. Около 50% фишинговых сайтов используют технологию HTTPS. HTTPS – расширение протокола HTTP для поддержки шифрования в целях повышения безопасности. Многие электронные почты сами распознают данные сообщения и не дают случайно открыть или перейти к документу направленному злоумышленником, система устроена так, что при поступлении такого сообщения оно направляется в специальную папку под названием «Спам».

Следующим рассматриваемым видом фишинга является рассылка текстовых сообщений. Данный

вид распространяется только на устройства, поддерживающие сим-карты (на планшет, смартфон, мобильный телефон, электронные часы и другие устройства). Потерпевший получает текстовое сообщение, в котором указываются какие-либо «выгодные» для потерпевшего предложения (например, данными предложениями могут быть выигрыш в лотерею, участие в конкурсе, где большой процент выигрыша, большие скидки на какие-либо услуги и другие) и указывается ссылка, по которой необходимо перейти, чтобы воспользоваться данным предложением. Переходит потерпевший на зеркальный сайт, то есть сайт, который внешне схож с оригинальным, который предназначен для сбора учетных данных для «входа» в систему, но после того, как потерпевший введет свои личные данные, они напрямую окажутся у злоумышленника.

Следует отметить ещё один из способов совершения дистанционного мошенничества путем распространения ссылок на фишинговые сайты через социальные сети в сети «Интернет». Рассмотрим данный способ на наиболее распространённой социальной сети «ВКонтакте». Злоумышленник путем взлома социальной страницы распространяет смс-сообщения всем друзьям, которые имеются у потерпевшего. В данном смс-сообщении указывается какая-то акция или подарок, который получит пользователь, если перейдет по ссылке ниже. При переходе по ссылке возникает новая вкладка, в которой требуется заново ввести свои учетные данные для входа в социальную сеть «ВКонтакте», но этот сайт является фишинговым, то есть при вводе данных, злоумышленник получит доступ к аккаунту потерпевшего и сможет дальше распространять данные сообщения, а также может путем обмана пользователей, являющихся «друзьями» данного пользователя одолжить или попросить перевода денежных средств. При этом злоумышленник пытается пародировать манеру письма пользователя, которого взломал, по ранее написанным сообщениям. Диалог злоумышленник обычно начинает со слов: «Привет, у тебя есть займы деньги?», «(обращается по имени к собеседнику), а можно у тебя попросить 900 рублей буквально на один день?», «Привет, выручить можешь? Скинь на карту 2000 рублей до конца недели верну», «У тебя есть 2000 рублей на несколько часов» и другие подобные фразы. После того как злоумышленник начал переписываться с собеседником он присылает номер карты, а может для «достоверности» и фотографию самой карты, на которой написаны фамилия и имя пользователя, через которого злоумышленник ведет беседу. При переводе денежных средств посредством мобильного приложения «Сбербанк Онлайн» или другого мобильного приложения банка, не указываются контактные данные получателя, только номер карты, то есть злоумышленник делает все возможное чтобы провести анонимно данную операцию. На просьбы со стороны потерпевшего на счет привязанного номера к данной карте, злоумышленник пытается

ся не отвечать и всячески «увиливать». После того как злоумышленник понимает, что настоящий пользователь понял, что его аккаунт взломали он удаляет все следы своего деяния, то есть удаляет свои сообщения из всех диалогов. Проверить из какого места заходил злоумышленник также не получится, так как в большинстве случаев они пользуются VPN, который позволяет обеспечить анонимность данного преступления.

При рассмотрении дистанционного мошенничества необходимо отметить также способы его совершения с использованием мобильных средств связи. Дистанционное мошенничество при помощи использования средств связи может осуществляться различными способами, рассмотрим одни из них:

- 1) жертве приходит SMS о том, что её родственник совершил какое-либо противоправное деяние, и для того чтобы не привлечь к ответственности, жертве необходимо перевести денежные средства на соответствующий банковский счет;
- 2) злоумышленник направляет SMS о том, что со знакомым или другом, родственником случилась беда – это может быть ДТП или нападение преступника, и для того чтобы помочь пострадавшему необходимо перевести денежные средства;
- 3) злоумышленники предлагают оккультные услуги через информационное пространство, то есть мошенник якобы снимет порчу, приворожит любимого и другое;
- 4) при использовании интернет-сервиса по размещению объявлений о товарах и услугах (например «Авито», «Юла») злоумышленник списывается с владельцем определённого товара и путем обмана назначает личную встречу и получение товара через посредника. В свою очередь посредник уточняет данные карты продавца, и мошенник присылает смс-уведомление на телефон под ложным номером банка, но при этом продавец не видит разницы в переводе денежных средств. Вследствие чего мошенник и его посредник получают товар бесплатно, а продавец осознает, что его обманули только когда, зайдет проверить денежные средства на карте;
- 5) на номер жертвы направляется текстовое сообщение о том, что её карта заблокирована, также в данном смс указан контактный номер для уточнения информации. Жертва звонит по указанному номеру, по нему отвечает «специалист», который с помощью психологических приемов получает доступ к электронным денежным средствам жертвы;
- 6) мошенник, притворяясь работодателем какой-то «престижной» кампании предлагает жертве свободную вакансию с выгодными условиями. Когда жертва едет на собеседование, то её просят купить что-то и заостряют внимание на сохранности чеков, чтобы потом «возместить ущерб», после покупки работода-

тель (мошенник) звонит уже повторно и просит пополнить баланс номера «проверяющего» под предлогом, что неожиданно закончились денежные средства и после того как он придет в кампанию, ему все вернут и возместят. Но в большинстве случаев жертва остаётся с купленным дорогостоящим товаром и понимает, что подверглась преступному посягательству;

- 7) еще одним способом осуществления данных противоправных действий является смс-расылка, в которой указывается, что жертва выиграла большой приз и для того чтобы узнать все подробности необходимо связаться по указанному в смс сообщении телефону. После того как жертва связывается по номеру её просят перевести незначительное количество денежных средств для оплаты пересылки. По итогу жертва просто переводит электронные денежные средства, но никакого «приза» она не получает.

Данные преступные посягательства могут осуществляться в любое время и в любом месте, в котором имеется доступ к информационно-телекоммуникационным технологиям и выход к сети «Интернет». Изучение личности преступника позволяет правоохранным органам эффективно осуществлять поиск лица, осуществляющего дистанционное мошенничество, а также предугадать его последующие действия, что позволит сформировать порядок действий необходимых для раскрытия преступления. Следы данного вида преступления остаются непосредственного на информационно-телекоммуникационных технологиях, при помощи которых было осуществлено противоправное деяние. Также они могут содержать не только на устройствах, при помощи которых злоумышленник осуществил противоправное деяние, но и на компьютерах, ноутбуках, планшетах, смартфонах и других устройствах потерпевшего, через которые осуществлялась связь со злоумышленником. В основном такие следы являются цифровыми.

Для того чтобы правильно выделить криминологическую характеристику дистанционного мошенничества, совершенного при помощи сети интернет и средств связи, необходимо определить, какие элементы в нее входят. Рассмотрим криминологическую характеристику дистанционного мошенничества, но не будем дублировать информацию, которая пересекается с другими вышеприведенными характеристиками. Личность мошенника, использующего информационно-телекоммуникационные технологии, позволяет правоохранным органам в ходе производства расследования по уголовному делу сузить предполагаемый круг преступников, выполнить разработку потенциальных моделей их поведения, предугадать последующие действия и сформировать порядок действий следствия в ход раскрытия преступления и сбора доказательств в целях их предъявления в суде [8]. Особенностью лично-

сти преступника, совершающего дистанционное мошенничество является уровень образования, так как лица могут быть специалистами в области информационно-телекоммуникационных технологий, имеющего высшее образование в данной области, так и дилетантом, то есть человеком, который не обладает большим количеством знаний и навыков в информационной сфере, но обладает техническими навыками в работе с электронными устройствами, но всё равно может осуществлять дистанционно мошенничество, а также существуют работники call-центров, которые в свою очередь могут быть не образованными и не иметь высокого интеллекта, так как их работа заключается в психологическом давлении на человека, которому они позвонили.

Преступников, совершающих дистанционное мошенничество можно поделить на две группы:

- злоумышленники знакомы с жертвой, так как работают вместе или сотрудничают;
- злоумышленники не знакомы с жертвой.

Если рассматривать дистанционное мошенничество, совершенное при помощи сети интернет и средств связи, то большинство данных преступлений совершается в отношении лиц не знакомых преступнику. Данные преступники имеют корыстные мотивы, выраженные: в жажде накопления денежных средств; стремлении данных лиц к благоприятному материальному обеспечению; стремлении к разгульной жизни, которая требует материальных затрат; личной материальной нужде, а также другие мотивы, связанные с получением денежных средств.

Потерпевшими от данных видов дистанционного мошенничества являются лица, которые имеют электронные денежные средства на счетах в банках и имеют доступ к ним путем использования информационно-телекоммуникационных технологий. Особенностью личности потерпевшего является низкий уровень цифровой грамотности, что позволяет злоумышленникам легко достигнуть поставленной цели.

Причины совершения дистанционного мошенничества заключаются в человеческих потребностях и доступном способе их удовлетворения. Существует иерархия потребностей человека (по-другому её называют стандартом потребления). Потребности играют большую роль в обществе, так как если будут высокие стандарты потребления тот активнее и динамичнее развивается экономика и общество, но также будет сложнее обеспечить доступность удовлетворения стандартных потребностей для многих – тем выше будет уровень неудовлетворенности граждан, что приведет к увеличению корыстных преступлений.

Таким образом, рассмотрение оперативно-розыскной характеристики дистанционного мошенничества совершенного при помощи сети интернет и средств связи необходимо, так как знание характеристики позволит вовремя принять комплекс необходимых мер по раскрытию преступления.

Литература

1. Ларичев В.Д. Оперативно-розыскная характеристика экономических преступлений: вопросы теории и практики в современных условиях: научный доклад. М., 2008. С. 9–10.
2. Кондрашечкин Р.В., Никоноров А.А. Содержание оперативно-розыскной характеристики преступлений // Вестник экономической безопасности. 2020. № 1. С. 18–25.
3. Абрамов А.М., Климов И.А. К вопросу о содержании оперативно-розыскной характеристики вида преступлений // Актуальные вопросы борьбы с преступностью и проблемы ее преподавания: сб. науч. тр. М., 1996. С. 83–84.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 13.06.1996 № 63-ФЗ: в ред. от 15.03.2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 01.08.2025)
5. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48: в ред. от 15.12.2022. Доступ из справ. – правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 01.08.2025)
6. О национальной платежной системе [Электронный ресурс]: Федер., закон Рос. Федерации от 27.06.2011 № 161-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 01.08.2025)
7. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. А.А. Хмырова, В.Д. Зеленского. Краснодар, 1998. С. 30.
8. Потапова А.В. Мошенничество в сети интернет: криминологическая характеристика и проблемы квалификации // Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей Stud-Net № 6/2020. С. 52–56.

SOME FEATURES OF THE OPERATIONAL-SEARCH CHARACTERISTICS OF REMOTE FRAUD USING THE INTERNET AND COMMUNICATIONS

Poluyanov S.A.

Tver branch of the V. Ya. Kikotya

Fraud represents one of the most common property crimes, so it gets enough attention. Studying the peculiarities of combating crimes in the field of computer information, identifying gaps in this area and providing possible ways to solve them is extremely important. The article analyzes the concept and content of the operational-search characteristics of fraud using the Internet and communications, the points of view of various authors, elements included in the operational-search characteristics of fraud using the Internet and communications; elements of criminological, forensic and operational-search characteristics are compared; purpose of operational-search characteristic is disclosed. The author relies on the theoretical provisions of operational-search activities from the point of view of theoretical and practical activities of employees of operational units involved in combating this type of criminal activity and the influence of operational-search characteristics on these measures. A generalization and analysis of law enforcement practice was carried out, a theoretical assessment of the signs of the considered operational-search characteristics of this type of crime was given.

Keywords: operational-search characteristics, operational-search activities, fraud, Internet, communications.

References

1. Larichev V.D. Operational-search characteristics of economic crimes: questions of theory and practice in modern conditions: scientific report. M., 2008. S. 9–10.
2. Kondrashechkin R.V., Nikonorov A.A. Content of operational-search characteristics of crimes//Bulletin of Economic Security. 2020. № 1. S. 18–25.
3. Abramov A.M., Klimov I.A. On the content of the operational-search characteristics of the type of crime//Actual issues of combating crime and the problems of teaching it: Sat. scientific. tr. M., 1996. S. 83–84.
4. Criminal Code of the Russian Federation [Electronic Resource]: dated 13.06.1996 No. 63-FZ: as amended on 15.03.2023. Access from the reference legal system "ConsultantPlus." (accessed on: 01.04.2025)
5. On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement [Electronic resource]: decision of the Plenum of the Supreme Court of Russia. Federation of 30.11.2017 No. 48: as amended by 15.12.2022. Access from the legal system "ConsultantPlus." (accessed on: 01.04.2025)
6. About the national payment system [Electronic resource]: Feder., Law Ros. Federation of 27.06.2011 No. 161-FZ. Access from the ConsultantPlus legal system. (accessed on: 01.04.2025)
7. Forensics: a textbook for universities/ed. A.A. Khmyrova, V.D. Zelensky. Krasnodar, 1998. S. 30.
8. Potapova A.V. Internet fraud: criminological characteristics and qualification problems//Scientific and educational journal for students and teachers StudNet No. 6/2020. Page 52–56

Образ «Я» сотрудников мужского пола, осуществляющих режимную деятельность в СИЗО

Соболев Николай Гургенович,

кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела разработки методологий социальной, психологической воспитательной и педагогической работы с осужденными центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников, УИС ФКУ НИИ ФСИН России

В статье раскрываются проблемы, обусловленные, с одной стороны необходимостью теоретической и методологической проработки концептуальных положений психологии профессиональной деятельности специалиста в области исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы, обоснованием значимости изучения особенностей личностного развития сотрудника с учетом профессионально-ролевых и субъектно-функциональных приоритетов службы, а с другой – методической, предполагающей разработку практических рекомендаций, направленных на поиск и поддержку позитивного отношения человека к собственной Я-концепции, профессионального самовосприятия. При этом, представленный в работе анализ содержательных характеристик образа Я сотрудника, можно рассматривать в качестве факторов, описывающих субъективное отношение к окружающему миру (работе, коллегам по службе, задачам в профессиональной деятельности, общению и т.п.). Проведено эмпирическое исследование особенностей образа Я сотрудников уголовно-исполнительной системы, выявлены различия индивидуального и профессионального самосознания у различных профессиональных групп. Автором предлагаются рекомендации, ориентированные на продуктивное развитие образа «Я» сотрудников мужского пола, осуществляющих режимную деятельность в учреждении, обеспечивающем изоляцию подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и осужденных.

Ключевые слова: образ Я, идентичность, уверенное поведение, самосознание, самооценка, самовосприятие, сотрудник, следственный изолятор, психологическое сопровождение.

Реформа уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), актуализировала необходимость, с одной стороны, повышения уровня психологического сопровождения деятельности сотрудников практических органов, а с другой, поиск новых ориентиров в прикладных исследованиях и выход на новые концептуальные идеи личности профессионала, основанные на результатах комплексных междисциплинарных исследований [6].

С учетом обозначенных ориентиров в совершенствовании психологического сопровождения необходимо отметить важность изучения личности сотрудника, его отношение к профессии и оценке результатов своей деятельности, осознание перспектив профессионального развития [3, с. 77–78]. При этом, в процессе службы в уголовно-исполнительной системе у работника формируется «Образ Я», как фундаментальное личностное образование, обуславливающие представления специалиста о самом себе и своих профессиональных возможностях [8, с. 131]. Таким образом, изучение отношения сотрудника к собственному «Я», оказывает детерминирующее влияние на индивидуальное сознание личности и важнейшие структуры функционирования человеческой психики (память, внимание, воображение) [1, с. 117–119].

Профессиональная деятельность сотрудников следственного изолятора (далее – СИЗО) относится к сфере социэкономических профессий, предъявляет существенные требования к личности и ее психологической готовности к условиям службы в сложных, зачастую конфликтных и стрессовых ситуациях [5, с. 83–84].

В целях совершенствования психологического сопровождения работы с сотрудниками СИЗО необходимо изучить интегральную личностную характеристику, определяющую акты целеполагания и избирательную активность личности.

Кроме этого, многими отечественными исследователями (С.А. Анищенко, С.А. Бутковская, С.С. Лузан, Н.Н. Лупенко, Л.Н. Ожигова) отмечается корреляция между гендерным и профессиональным образом «Я» [4]. Следует отметить, что отсутствие у сотрудника СИЗО согласованных представлений о профессиональной деятельности, специфике задач, решаемых в конкретной должности и роли гендерных конструктов, оказывает дестабилизирующее влияние на осмысленность жизни личности и ее субъективную картину.

Образ «Я» сотрудников уголовно-исполнительной системы является предметом исследований отечественных пенитенциарных психологов (М.Г. Дебольский, Т.П. Даниличева, В.М. Поздня-

ков, А.И. Папкин, А.М. Столяренко и др.), в настоящее время практически не представлены научные работы, раскрывающие гендерные различия в образе «Я» сотрудников СИЗО [2]. Следует отметить, что в настоящее время требует дальнейшего изучения анализ структурных компонентов образа «Я» (когнитивного, эмоционального, конативного) сотрудников мужского пола, осуществляющих режимную деятельность в СИЗО и оптимизация процесса профессиональной идентичности.

С учетом изложенного, было проведено исследование особенностей образа «Я» сотрудников мужского пола, осуществляющих режимную деятель-

ность в СИЗО на базе УФСИН России по Вологодской области. С учетом анализа личных дел были сформированы две группы респондентов: сотрудники мужского пола, осуществляющих непосредственный надзор на внутренних постах (первая группа, всего 20 человек) и группа сотрудников мужского пола, осуществляющих и организующих режимную деятельность (вторая группа, всего 20 человек).

В качестве инструмента, позволяющего исследовать особенности образа «Я» сотрудников СИЗО нами была использована методика «Многомерный опросник исследования самоотношения» (С.Р. Пантелеев) [7, с. 269–285] (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Средние значения, полученные с помощью методики «Многомерный опросник исследования самоотношения» у респондентов, включенных в первую и вторую группы

Шкалы	Первая группа		Вторая группа		Критерий Манна-Уитни
	Средние значения	Стандарт. отклонение	Средние значения	Стандарт. отклонение	
Открытость	3,0	0,3	5,4	1,9	$p < 0,01$
Самоуверенность	6,1	1,3	6,4	1,1	-
Саморуководство	6,9	0,9	4,3	1,5	$p < 0,01$
Зеркальное Я	5,1	1,2	6,0	1,4	-
Самоценность	5,5	1,4	5,2	0,8	-
Самопринятие	6,6	0,8	7,1	0,9	-
Самопривязанность	6,4	1,9	4,3	1,1	$p \leq 0,01$
Конфликтность	3,5	0,3	3,9	0,4	-
Самообвинение	2,1	0,2	2,7	0,5	-

Анализ эмпирических данных, представленных в таблице 1, позволяет отметить, что респонденты, включенные в первую группу, считают себя достаточно уверенными (шкала «Самоуверенность» 6,1), отмечают внутреннюю готовность к решению служебных задач и преодоление затруднений, с которыми сталкиваются во время службы в СИЗО (шкала «Саморуководство» 6,9). Вероятно, стремление сотрудников мужского пола отдела режима СИЗО, к описанию собственной личности и своих возможностей в профессиональной и внеслужебной деятельности посредством взвешенной, критической оценки (шкала «Самопринятие» 6,6) и одобрению своих планов и желаний (шкала «Самопривязанность» 6,4), указывает на доминирование маскулинных характеристик.

Низкие значения по шкале «Открытость» (3,0), вероятно, могут указывать на неспособность или нежелание респондентов, включенных в первую группу, выдавать значимую информацию о себе, что может свидетельствовать о их нежелании ею делиться, либо неумение ее осознавать. Данный показатель свидетельствует о закрытости сотрудников, информационной и энергетической изолированности их сознания, блокирование возможности доверительных отношений с миром, об их выборочном подходе в отношениях с другими людьми.

Анализ эмпирических данных, представленных в таблице 1, позволяет отметить, что среди респон-

дентов, включенных во вторую группу, наиболее выражена шкала «Самопринятие» (7,1), что свидетельствует о конструктивном отношении сотрудников к себе, одобрению своих планов, принятию себя, несмотря на недостатки. Умеренно высокие значения по шкале «Самоуверенность» (6,4), позволяют предположить, что сотрудники предпочитают себя описывать через такие характеристик как «надежность», «энергичность» и «самостоятельность». Интерпретация значений по шкале «Зеркальное Я» (6,0), позволяет предположить, что респонденты, включенные во вторую группу, субъективно, склонны наделять себя способностью проявлять большее уважение к партнеру по общению, эмпатией и рефлексией в процессе общения.

Как показывают результаты сравнения ответов, полученных с помощью U – критерий Манна-Уитни (Таблица 1) значимые различия наблюдаются по шкалам «Открытость», «Саморуководство» и «Самопривязанность» ($p \leq 0,01$). Сотрудники мужского пола, осуществляющие режимную деятельность, менее склонны к откровенности, к личностным и профессиональным изменениям, считают, что основным источником активности и результатов, касающихся, как их деятельности, так и собственной личности являются они сами. Респонденты, включенные в первую группу, склонны описывать себя как менее склонных к изменениям, как в профессиональной деятельности, так и в личностном развитии.

Сотрудники мужского пола, осуществляющие режимную деятельность в СИЗО, в сравнении с сотрудниками мужского пола, осуществляющих надзорную деятельность в СИЗО, более склонны полагаться на себя, брать на себя ответственность за себя и результаты своей деятельности, что может свидетельствовать об уверенности и адекватной самооценке. Кроме этого, наблюдаются различия в готовности к личностным изменениям. Сотрудники мужского пола, осуществляющие режимную деятельность, более склонны к ригидности, к проявлению нежелания что-либо менять.

Представляется, что психологическое сопровождение сотрудников мужского пола отдела режима СИЗО, с учетом результатов эмпирического исследования особенностей образа «Я», должно строиться с учетом следующих положений.

Психологическое сопровождение сотрудников мужского пола отдела режима СИЗО следует ориентировать на продуктивное развитие образа «Я», которое направлено на ценностно-смысловой, когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты переживаний, с целью снятия негативных переживаний. Осознание сотрудником деструктивного влияния на его профессиональную деятельность негативных переживаний, обусловленных спецификой внутреннего «Я», будет способствовать выработке навыков эффективного преодоления затруднений, а также организацию условий, обеспечивающих внутренний диалог и конструктивные отношения с окружающим миром.

Цель проведения мероприятий по психологическому сопровождению является развитие способности сотрудника анализировать:

1. Собственные переживания в сфере профессионального сознания (осознание и принятие ответственности за преодоление трудностей, необходимость профессионального самосовершенствования, через наличие личностной и гражданской позиции);

2. Целостность и взаимосвязь представлений о себе, обусловленную социальным «Я» (например, сотрудник, как представитель правоохранительных органов) и социокультурное «Я» (например, сотрудник как носитель организационной культуры СИЗО);

3. Возможности оптимизации процесса развития профессиональной идентичности посредством гибкого использования социальных ролей, присутствующих сотрудникам-мужчинам, обусловленных спецификой занимаемой должности, профессиональными ценностями, мнениями, разделяемыми в коллективе сотрудников и т.п.

4. Особенности субъективного переживания деструктивных факторов, опосредованных спецификой службы сотрудников мужского пола отдела режима СИЗО.

Литература

1. Болотова А.К. Развитие самосознания личности: временной аспект // Вопросы психологии. 2006. № 2. С. 116–125.

2. Джанерьян С.Т. Профессиональная Я – концепция: системный анализ. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет, 2014. 480 с.
3. Канаева Н.А. К проблеме формирования профессионального самосознания личности // Молодой ученый. 2011. № 11–2. С. 77–80.
4. Кулагина Н.В. Индивидуальные особенности внутриличностного гендерного конфликта у мужчин и женщин, занятых в неполовичной сфере // Известия РГПУ им. А.И. Герцена: Аспирантские тетради. 2014. 38(82). С. 75–85.
5. Лобанова Е.С. Характеристика образа Я сотрудников УИС в соответствии с этапом их профессионального становления // Сборник научных трудов сотрудников Вологодского института права и экономики ФСИН России. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2017. С. 130–135.
6. О концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р // СЗ РФ. – 2021. – 20. – Ст. 3397.
7. Посохова С.Т., Семенова З.Ф., Чикер В.А. Справочник практического психолога. Психодиагностика. – М.: Изд-во АСТ; СПб.: СОВА, 2005. – 671 с.
8. Шаклеин А.В. Следственный изолятор уголовно-исполнительной системы, как специфическая социально-психологическая организация // Вестник университета. 2011. № 22. С. 83–85.

THE IMAGE OF THE “I” OF MALE EMPLOYEES CARRYING OUT SECURITY ACTIVITIES IN THE PRE-TRIAL DETENTION CENTER

Sobolev N.G.

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

The article reveals the problems caused, on the one hand, by the need for theoretical and methodological development of the conceptual provisions of the psychology of the professional activity of a specialist in the field of execution of criminal punishments in the form of imprisonment, substantiation of the importance of studying the characteristics of the personal development of an employee taking into account the professional-role and subject-functional priorities of the service, and on the other hand, by a methodological approach that involves the development of practical recommendations aimed at finding and supporting a positive attitude of a person to his own self-concept, professional self-perception. At the same time, the analysis of the substantive characteristics of the employee's self-image presented in the work can be considered as factors describing the subjective attitude to the surrounding world (work, colleagues, tasks in professional activity, communication, etc.). An empirical study of the features of the self-image of employees of the penal system was conducted, differences in individual and professional self-awareness in various professional groups were identified. The author offers recommendations aimed at the productive development of the self-image of male employees carrying out security activities in an institution that ensures the isolation of suspects, accused, defendants and convicts.

Keywords: self-image, identity, confident behavior, self-awareness, self-esteem, self-perception, employee, pre-trial detention center, psychological support.

References

1. Bolotova A.K. Development of self-awareness of the individual: the temporal aspect // Questions of Psychology. 2006. No. 2. P. 116–125.
2. Dzhaneryan S.T. Professional I – concept: systems analysis. Rostov-on-Don: Rostov State University, 2014. 480 p.
3. Kanaeva N.A. On the problem of formation of professional self-awareness of the individual // Young scientist. 2011. No. 11–2. P. 77–80.
4. Kulagina N.V. Individual characteristics of intrapersonal gender conflict in men and women employed in a non-sexually typical sphere // Bulletin of the Herzen State Pedagogical University: Postgraduate notebooks. 2014. 38 (82). P. 75–85.
5. Lobanova E.S. Characteristics of the Self-image of the UIS employees in accordance with the stage of their professional development // Collection of scientific papers of the employees of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia. – Vologda: VIPE FSIN of Russia, 2017. Pp. 130–135.
6. On the concept of development of the penal system of the Russian Federation for the period up to 2030: approved. by the Order of the Government of the Russian Federation of 04/29/2021 No. 1138-r // SZ RF. – 2021. – 20. – Art. 3397.
7. Posokhova S.T., Semenova Z.F., Chiker V.A. Handbook of a practical psychologist. Psychodiagnostics. – M.: AST Publishing House; SPb.: SOVA, 2005. – 671 p.
8. Shaklein A.V. Pre-trial detention facility of the penal system as a specific socio-psychological organization // University Bulletin. 2011. No. 22. P. 83–85.

Дифференциация уголовного наказания и совершенствования уголовных норм о преступлениях террористической направленности

Трухин Никита Николаевич,

аспирант, Уральский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: ui@ranepa.ru

Статья посвящена вопросам дифференциации уголовного наказания в контексте совершенствования норм уголовного законодательства о преступлениях террористической направленности. Особое внимание уделяется анализу существующих подходов к назначению наказания за акты терроризма, выявлению проблем правоприменительной практики и предложению путей регулирования. Кроме этого, обращается внимание на необходимость учета степени общественной опасности, целей лиц, совершающих террористические преступления, а также роль профилактических мер.

В работе обосновываются предложения по ужесточению санкций за особо опасные форма терроризма и дифференциации ответственности с учетом различного рода обстоятельств.

Исследование направлено на повышение эффективности борьбы с терроризмом при соблюдении принципов справедливости и гуманизма уголовного права.

Ключевые слова: дифференциация ответственности, уголовное право, терроризм, наказание, противодействие, проблемы, преступления террористической направленности, уголовный кодекс, совершенствование.

Проблемы обеспечения радикального противодействия террористическим актам в настоящее время обрели мировые масштабы, а многие международные решения доходят до военных действий на территории других государств. Для Российской Федерации эти проблемы также не стали исключением и являются на данный момент достаточно актуальными и жизненно важными [1, с. 83].

В последнее время меняется не столько количественный показатель преступлений террористического характера, сколько его качественные характеристики. Так, в 2023 г. в России было зарегистрировано 2382 преступления, по сравнению с 2024 г., в котором по данным Министерства внутренних дел РФ было 3714, тем самым рост почти на 55%. Данные преступления имеют повышенную степень общественной опасности и вызывают большой общественный резонанс.

Существовавшее во все времена данное негативное социальное явление обрело в XXI в. особую остроту в силу различных политических, экономических, национальных, религиозных и расовых противоречий. Поэтому и положительные результаты в противодействии террористическим актам зависят в основном от разрешения именно этих названных противоречий. В то же время нельзя принижать и роль уголовно-правовых средств в предупреждении террористических актов. В последнее время на страницах печати высказаны мнения о том, что в силу специфики преступления, исполнителем которого, как правило, являются люди низкого социального статуса, сдерживающий потенциал уголовного наказания существенно ослаблен. И даже угроза применения смертной казни не сможет остановить террористов. С подобным мнением нельзя согласиться, и прежде всего потому, что исполнитель – это конечное звено террористической деятельности, это лицо, обреченное в силу различных обстоятельств на выполнение указаний и приказов за вознаграждение. Основными же в механизме этой деятельности являются вдохновители терроризма, организаторы, лица, подготавливающие исполнителей, планирующие взрывы и т.д. Поэтому предупредительное воздействие уголовного закона должно быть направлено именно на этих лиц, не стремящихся предстать перед правосудием. Пленум Верховного Суда РФ, полагая возможным предупредительное воздействие на потенциальных террористов, в специальном Постановлении «О повышении роли судов в выполнении требований закона, направленных на выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступлений и других правонаруше-

ний» отмечает, что «особое внимание необходимо обращать и должным образом реагировать на обстоятельства, способствовавшие совершению терроризма, бандитизма...».

Эффективность предупредительного воздействия уголовно-правовой нормы зависит прежде всего от двух факторов: правильного построения санкции этой нормы (дифференциация уголовной ответственности) и правильного применения ее судами (индивидуализация наказания). Дифференциация уголовной ответственности за тот или иной вид преступлений является прерогативой законодателя, который, как отмечает профессор Л.Л. Кругликов, очерчивает контур (абрис), пределы наказуемости за содеянное, вводя судебное усмотрение в строго определенные рамки [2, с. 21]. В уголовном законодательстве реализуется принцип дифференциации ответственности, закладываются предпосылки для его индивидуализации, которые суд впоследствии реализует при рассмотрении уголовных дел в каждом конкретном случае. В основе законодательно закрепленной дифференциации ответственности лежат характер и типовая степень общественной опасности преступления и личности виновного [3]. Базой же индивидуализации наказания судом выступает индивидуальная степень общественной опасности преступления и личности виновных. Дифференциация уголовной ответственности, являясь одним из основных направлений уголовно-правовой политики, создает необходимые предпосылки для последующей эффективной индивидуализации наказания за совершенное конкретное преступление. Кроме этого, она выполняет и важнейшую функцию общего и индивидуального предупреждения преступлений.

Стоит отметить, что дифференциация ответственности является весьма динамичным процессом, на который влияют различные факторы. Но в числе основных из них, как представляется, следует назвать криминологическую обусловленность и уровень правосознания законодателя.

Если обратиться к опыту прошлых лет, то стоит вспомнить, что в Федеральный закон от 02.11.2013 № 302-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» в перечень преступлений, имеющих непосредственное отношение к терроризму, добавляли новые: а) прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205.3 УК РФ); б) организация террористического сообщества и участие в нем (ст. 205.4 УК РФ) и в) организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205.5 УК РФ).

Вслед за увеличением числа составов преступлений террористической направленности законодатель значительно ужесточил уголовное наказание за их совершение и таким образом, более широкая распространенность террористических актов, влекущих все большее количество потерпевших, обусловило усиление санкций. Однако позитивных изменений в криминологической ха-

рактеристике этих преступлений не последовало. Дело в том, что свою служебную роль санкции уголовно-правовых норм наиболее успешно выполняют в том случае, если ее минимальный и максимальный пределы не только отвечают опасности преступления, но и надлежащим образом соблюдаются в судебной практике [3, с. 128]. Социальная значимость индивидуализации наказания возрастает многократно при рассмотрении уголовных дел о террористических актах, как правило, совершаемых в соучастии, поскольку в этом случае суду необходимо соразмерить тяжесть деяния и наступление последствия, личность виновного и ряд других обстоятельств с мерой наказания, определить вклад каждого участника в общий преступный результат и максимально индивидуализировать наказание в отношении каждого из них. Это в большей степени относится к исследуемым нами преступлениям, обладающим повышенной общественной опасностью. Проанализировав практику назначения наказания за совершение террористических актов судами, можно прийти к выводу, что те наказания, которые были назначены организаторам террористических актов в соответствии с ч. 3 ст. 205 УК РФ, существенно отличаются по размерам. Наряду с максимальным сроком наказания за совершенные террористические акты (20 лет лишения свободы) и приготовление к ним (ч. 1 ст. 30 и ч. 3 ст. 205 УК РФ – 10 лет лишения свободы), суды назначали наказание и ниже низшего предела санкции.

Лицам, осужденным по ч. 1 или по ч. 2 ст. 205 УК РФ, во всех случаях наказание назначалось ниже низшего предела санкции соответствующих частей ст. 205 УК РФ.

При осуждении по ч. 3 ст. 205 УК исполнителям назначенные наказания распределяются следующим образом: пожизненное лишение свободы – 7%, максимальный предел наказания (20 лет) – 30%, наказание ближе к среднему размеру санкции – 7%, ниже низшего предела санкции – 56%. Такой высокий процент назначения подсудимым за совершенные террористические акты наказания ниже низшего предела санкции ч. 3 ст. 205 УК РФ вызывает определенное недоумение, так назначаемые наказания явно не отвечают целям восстановления социальной справедливости.

Более понятны решения судов, назначавших наказание ниже низшего предела санкции лицам, которые были осуждены за приготовление к террористическому акту (ч. 1 ст. 30 и ч. 3 ст. 205 УК). В соответствии с ч. 2 ст. 66 УК максимальное наказание им не может превышать половины максимального срока наиболее строгого наказания (он и составляет 10 лет лишения свободы, что на пять лет ниже минимального предела санкции). В этих случаях суд, как отметил Пленум Верховного Суда РФ, назначая наказание ниже низшего предела, не должен ссылаться на ст. 64 УК РФ. В рассматриваемых ситуациях, как нам представляется, допущено нарушение положения, закрепленного в ч. 2 ст. 60 УК РФ. Там указано, что «основания для назначе-

ния менее строгого наказания, чем предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса за совершенное преступление, определяются статьей 64 настоящего Кодекса». Следовательно, закон требует во всех случаях назначения наказания ниже низшего предела санкции руководствоваться положениями ст. 64 УК РФ. Таким образом, рассматриваемая ситуация возникает в связи с не совсем обоснованной редакцией ст. 66 УК РФ. Она, так же как и ст. 65 УК РФ в прежней редакции (измененной Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ), предусматривает двойное смягчение наказания: во-первых, смертная казнь и пожизненное лишение свободы за приготовление к преступлению и покушение на преступление не назначаются, во-вторых, устанавливается обязательное смягчение наказания. В данных случаях речь идет о наиболее опасных, циничных преступлениях, не заслуживающих двойного обязательного смягчения наказания. Поэтому следует сказать, что ч. 4 ст. 66 УК РФ целесообразно изложить в следующей редакции: «Если соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса предусмотрены смертная казнь или пожизненное лишение свободы, эти виды наказаний не применяются, а наказание назначается в пределах санкции, предусмотренной соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса».

Существенное научное и практическое значение приобретает, как отмечает профессор Л.А. Прохоров, выявление складывающихся в практике тенденций назначения минимальных, средних по размерам либо максимальных по отношению к пределам санкций наказаний за наиболее распространенные виды преступлений. Такой подход к изучению практического использования санкций важен для деятельности органов правосудия, а также для законодателя. При сопоставлении пределов санкций, предусмотренных ст. 205 УК РФ, с фактически назначаемыми наказаниями за совершенные террористические акты можно сделать вывод, насколько полно учтена при построении санкции общественная опасность данного преступления и насколько эффективна и практична сама санкция. Широкое применение ст. 64 УК РФ превращает исключительные случаи, на которые она рассчитана, в своего рода правило. Частое назначение наказания ниже низшего предела, причем не всегда достаточно обоснованное, создает у виновного убежденность в безнаказанности за содеянное и может повлечь совершение нового преступления, т.е. такой крен карательной практики судов чреват ростом рецидивной преступности.

Противодействие терроризму как наиболее опасному проявлению экстремизма действительно является одним из современных направлений уголовной политики России.

Конечно, и здесь встречаются трудности. Законодатель часто пытается «нащупать» правильные пути борьбы с террористической угрозой. И не всегда эти попытки воспринимаются как

однозначно удачные. Как отмечает в этой связи Н.А. Егорова, «Последние правотворческие новеллы заслуживают, к сожалению, преимущественно критических оценок» [4, с. 97].

Также следует отметить, что в последние годы получил широкое распространение такой вид противоправной деятельности в глобальных компьютерных сетях, как «кибертерроризм», который характеризуется стремлением к существенной дестабилизации общественного порядка. Это явление неразрывно связано с развитием информационной инфраструктуры: при постоянно возрастающей зависимости общества от бесперебойного функционирования вычислительных систем действия, направленные на их разрушение, наносят все более значительный ущерб и вызывают серьезный общественный резонанс. Кибертеррористы совершают взломы сетевых ресурсов, применяют различные вредоносные программы, блокирующие системы или уничтожающие содержащиеся в них данные. Арсенал используемых средств постоянно пополняется и модернизируется в соответствии с изменяющимися условиями, появлением новой техники и технологий. Соответственно, изменения, вносимые в современное уголовное законодательство, в том числе и в гл. 28 УК РФ, должны быть направлены на усиление борьбы и с данной разновидностью террористической деятельности [5, с. 2].

В идеале все российское правовое поле должно быть оценено через призму необходимости противодействия терроризму. Стоит обратить внимание на имеющийся опыт противодействия коррупции, в частности на осуществление антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, который неоднократно положительно оценивался специалистами.

Представляется, что аналогичная антитеррористическая экспертиза способна внести существенный вклад в противодействие террористической угрозе. В этой связи необходимо затронуть высказываемые и ранее предложения о необходимости обязательной комплексной криминологической экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, которая должна проводиться как государственными органами, так и другими субъектами, например, научными или образовательными организациями, аккредитованными независимыми экспертами и пр. Данная мера позволит значительно улучшить качество правового обеспечения анти-террористической безопасности.

Полученные в ходе настоящего исследования результаты, позволяют сделать следующие выводы и предложения по повышению результативности мероприятий, направленных на совершенствование правового регулирования и организации деятельности органов внутренних дел по выявлению, предупреждению и пресечению преступлений террористического характера:

1. Уровень террористической активности в России, а также масштабы террористической угрозы в настоящее время остаются достаточно высокими (лидирующими в мире). За последние годы сум-

марное значение преступлений террористической направленности значительно возросло. Необходимо постоянно проводить комплексный мониторинг террористических проявлений не только в нашей стране, но и в мире.

2. В целях совершенствования правового регулирования в сфере борьбы с терроризмом, необходимо в законе закрепить понятие «преступления террористического характера», в том числе посредством определения логически построенного, основанного на нормах международного права, исходящего из правоприменительной (оперативно-розыскной, следственной, судебной) практики и исчерпывающего перечня уголовно-наказуемых деяний. При этом необходимо предусмотреть ужесточение санкций (считать отягчающими вину обстоятельствами), а также особый порядок уголовного процесса при рассмотрении уголовных дел о преступлениях террористического характера, в том числе при наличии связи совершенных преступлений с террористической деятельностью или финансированием акта терроризма либо террористической организацией.

3. Нуждается в совершенствовании правового регулирования непосредственно борьба с терроризмом. При этом борьба должна быть направлена против всего, законодательно закрепленного, перечня составляющих террористической деятельности, либо непосредственно против преступлений террористического характера, а не замыкаться на одном лишь террористическом акте.

4. Назрела необходимость в пересмотре нормативных правовых актов, регулирующих порядок и основания введения контртеррористической операции, а также правовой режим на территории проведения. Комплекс специальных, оперативно-боевых, войсковых и иных мероприятий при проведении контртеррористической операции должен быть направлен на пресечение всего перечня преступлений террористического характера, либо преступлений, связанных с террористической деятельностью и сопряженных с применением опасно для жизни и здоровья насилия.

Литература

1. Кругликов Л.Л., Благов Е.В. О законодательных пределах назначения наказания. Изд-во Яросл. ун-та, 1994. С. 20–32; Кругликов Л.Л. Проблемы теории уголовного права. Избранные статьи (1982–1999 гг.). Изд-во Яросл. ун-та, – 1994. – С. 83–84.

2. Прохоров Л.А. Общие начала назначения наказания и предупреждение рецидивной преступности. Омск. –1980. – С. 21.
3. Егорова Н.А. Противодействие терроризму: новеллы уголовного законодательства // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 3. – С. 128.
4. Маслакова Е.А. Незаконный оборот вредоносных компьютерных программ: уголовно-правовые и криминологические аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. М. – 2008. – С. 97.
5. Качалов В.В. Общественная антикоррупционная экспертиза законодательства как элемент системы защиты прав граждан от коррупции // Безопасность бизнеса. – 2012. – № 3. – С. 2–3.

DIFFERENTIATION OF CRIMINAL PUNISHMENT AND IMPROVEMENT OF CRIMINAL LAWS ON TERRORIST CRIMES

Trukhin N.N.

Ural Institute of Management, Branch Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article is devoted to the issues of differentiation of criminal punishment in the context of improving the norms of criminal legislation on terrorist crimes. Special attention is paid to the analysis of existing approaches to the imposition of punishment for acts of terrorism, the identification of problems in law enforcement practice, and the proposal of ways to regulate them. In addition, attention is drawn to the need to take into account the degree of public danger, the goals of individuals committing terrorist crimes, and the role of preventive measures.

The article substantiates proposals for toughening sanctions for particularly dangerous forms of terrorism and differentiating responsibility based on various circumstances.

The study aims to improve the effectiveness of counter-terrorism measures while upholding the principles of justice and humanism in criminal law.

Keywords: differentiation of responsibility, criminal law, terrorism, punishment, counteraction, problems, terrorist crimes, criminal code, improvement.

References

1. Kruglikov L.L., Blagov E.V. On the Legislative Limits of Sentencing. Yaroslavl University Press, 1994, pp. 20–32; Kruglikov L.L. Problems of the Theory of Criminal Law. Selected articles (1982–1999). Yaroslavl University Press, 1994, pp. 83–84.
2. Prokhorov, L.A. General Principles of Sentencing and Prevention of Recidivism. Omsk, 1980, p. 21.
3. Egorova, N.A. Countering Terrorism: New Developments in Criminal Law // Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. – 2014. – No. 3. – P. 128.
4. Maslakova E.A. Illegal Circulation of Malicious Computer Programs: Criminal Law and Criminological Aspects: Dis. ... cand. jurid. sciences. M. – 2008. – P. 97.
5. Kachalov V.V. Public Anti-Corruption Expertise of Legislation as an Element of the System for Protecting Citizens' Rights from Corruption // Business Security. – 2012. – No. 3. – Pp. 2–3.

Меры и совершенствования системы противодействия финансированию терроризма в Российской Федерации

Нестеренко Станислав Евгеньевич,

член Приморского регионального отделения Ассоциации юристов РФ
E-mail: i@nesterenko-7.ru

Хмельницкая Татьяна Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности Нижегородского института управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: ket7219@rambler.ru

Статья представляет собой всесторонний анализ актуальных мер и стратегических инициатив, направленных на совершенствование механизмов противодействия финансированию терроризма в пределах Российской Федерации. В условиях глобализации и усиления трансграничного характера террористической деятельности, крайне важно обеспечить комплексное и многоуровневое противодействие этим угрозам. В рамках данной работы будут рассмотрены ключевые направления деятельности государственных органов и финансовых институтов, включая совершенствование законодательной базы, усиление контроля за финансовыми потоками, повышение эффективности международного сотрудничества и использование передовых технологий для выявления и пресечения подозрительных операций. Особое внимание будет уделено анализу нормативно-правовых актов, регулирующих сферу противодействия финансированию терроризма, а также выявлению пробелов и несовершенств, требующих устранения. Важным аспектом является также противодействие использованию неформальных каналов финансирования, таких как системы денежных переводов без открытия счета и виртуальные валюты.

Обмен информацией и опытом с зарубежными партнерами, а также проведение совместных операций по выявлению и пресечению каналов финансирования терроризма.

Совершенствование законодательной базы является непрерывным процессом, направленным на адаптацию к изменяющимся условиям и возникающим угрозам. В частности, необходимо усилить ответственность за финансирование терроризма, расширить полномочия правоохранительных органов по проведению оперативно-розыскных мероприятий и обеспечить эффективную защиту свидетелей и участников уголовного процесса.

Ключевые слова: терроризм, финансирование терроризма, противодействие терроризму, отмывание денег, законодательство РФ.

За этот двадцатипятилетний промежуток времени были проведены значительные реформы, положительные эффекты которых очевидны. Однако, как показывает практика, проблема приобретает новые формы и обходит законность.

Теневая экономика оказывает негативное влияние на имидж страны. Именно поэтому российская экономика на мировом рынке воспринимается как высокорисковая платформа с уникальными возможностями и непредсказуемыми результатами. Коррупция и сокрытие реальных доходов как со стороны компаний, так и частных лиц способствуют развитию серых схем ведения бизнеса и направлению финансов в преступные русла. Улучшение ситуации возможно только благодаря эффективной государственной системе, которая объединяет все элементы государственного устройства. Судя по текущим результатам, недостатки в существующей системе становятся очевидными.

В России был создан орган исполнительной власти с абсолютно новыми на то время полномочиями – Росфинмониторинг.

Детальное изучение нормативных правовых актов позволяет сделать вывод, что главным контрольным, надзорным и координационным органом в сфере ФТ является Федеральная служба по финансовому мониторингу, в полномочия которой помимо противодействия входят выработка государственной политики и нормативно-правовое регулирование, разработка и реализация во взаимодействии с федеральными органами исполнительной власти, другими государственными органами и организациями мер, направленных на предупреждение, выявление и пресечение незаконных финансовых операций.

Нормативно-правовая база в отношении финансирования терроризма включает в себя Федеральный закон от 07.08.2001 N 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», Федеральный закон «О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Евразийской группой по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма об условиях пребывания ее Секретариата на территории Российской Федерации» от 01.02.2013 N 3-ФЗ, Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 N 35-ФЗ [1], Федеральный закон от 27.12.2009 N 349-ФЗ [2] «О ратификации Договора государств – участников Содружества Независимых Государств о противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма

», «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ [3], «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ [4].

В соответствии с Указом Президента РФ № 808[5] Росфинмониторинг выполняет также функции национального центра по оценке угроз национальной безопасности, возникающих в результате совершения операций (сделок) с денежными средствами или иным имуществом, и по выработке мер противодействия этим угрозам.

В Российской Федерации система борьбы с легализацией незаконных доходов и финансированием терроризма охватывает, помимо государственных исполнительных органов, также юридические лица и индивидуальных предпринимателей, указанных в статье 5 закона № 115-ФЗ, а также адвокатов и нотариусов, упомянутых в статьях 7.1 и 7.1–1 этого закона.

Все организации и ИП обязаны сообщать в Росфинмониторинг информацию обо всех операциях, подлежащих обязательному контролю, и регистрироваться в соответствующем надзорном органе, либо в Росфинмониторинге (например, риелторы). Механизм борьбы с отмыванием денег требует соблюдения определенных правил ведения деятельности такими субъектами:

- «Знай своего клиента» – проведение идентификации клиента.
- «Официальный сайт Росфинмониторинга – рабочий стол сотрудника» проведение проверки всех клиентов на наличие (отсутствия) в перечне организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму.
- «Выявил подозрительную операцию–информацию Росфинмониторинг» информация передается, как правило, посредством электронного документа, заполненного отправленного с помощью программного обеспечения ПО АРМ «Организация–М»» которое можно скачать на сайте Росфинмониторинга.

Этот вывод подкрепляется различными примерами деятельности национальных органов. Таким образом, при регистрации юридических лиц или индивидуальных предпринимателей в Федеральной налоговой службе нет оснований отказывать в регистрации тем, кто включен в список физических лиц, имеющих данные об их участии в экстремистской деятельности или терроризме, согласно статье 23 Федерального закона № 129-ФЗ[6]. Отсутствие законодательных норм создает вакуум в механизмах противодействия – статус учредителя экстремистов или террористов автоматически не попадает в Росфинмониторинг или другие государственные структуры, занимающиеся национальной безопасностью. Исследование показывает, что в процессе управления рисками ФТ эффективным способом их выявления является заблаговременное принятие мер, для чего необходимо:

- разработать систему «триггеров» на сомнительные финансовые потоки;

- повысить денежные штрафы, ввести новые административные наказания за нарушения законодательства о ФТ;

Подводя итог вышесказанному отметим, что Российская Федерация уделяет большое внимание вопросам антитеррористической направленности, активно сотрудничает в данной деятельности с мировым сообществом.

В первой главе были рассмотрены ключевые подходы к определению термина «финансирование терроризма», а также методы и источники его осуществления, что позволило получить ясное и полное представление о характере финансовой поддержки терроризма.

Во второй главе подробно исследованы аспекты национальной безопасности Российской Федерации, а также анализировались угрозы и риски, связанные с финансированием терроризма. Основная сложность выявления финансирования терроризма заключается в появлении новых форм и методов нелегальной деятельности в условиях меняющегося мира и разнообразия связанной с этим преступной активности.

ФАТФ представляет собой главный международный орган, занимающийся разработкой мер ПФТ. Однако одна организация не способна учитывать все географические и региональные особенности разных стран, поэтому создаются региональные группы аналогичные ФАТФ.

На основе достигнутых результатов можно сделать вывод, что усиление регулирования и надзора в некоторых секторах экономики для выявления и пресечения источников финансирования терроризма. Надзор должен быть готовым реагировать на потенциальные угрозы. Необходимо создавать механизмы, которые минимизируют правовой контроль и не оставляют лазейки для поддерживающих терроризм.

Исследование показало, что не все секторы экономики эффективно борются с финансированием терроризма. Значительная часть финансовых ресурсов террористов поступает из теневого сектора экономики. Благотворительные организации остаются важным элементом в борьбе с терроризмом, несмотря на то, что их истинные цели часто неизвестны национальным властям, а миграционные процессы и распределение бюджетных средств предоставляют значительные возможности для террористической деятельности.

Террористы активно используют глобальное информационное пространство интернета и возможности электронных платёжных систем. В России, несмотря на строгую нормативную базу, связанную с криптовалютами и технологией блокчейн, эта правовая сфера пока далеко от совершенства. В некоторых странах криптовалюты уже признаны, и национальное законодательство адаптировано к контролю за доходами от таких операций.

Проведённый анализ и разработанные на его основе практические меры помогут повысить эффективность борьбы с финансированием терроризма и, если не уничтожить, то значительно сократить количество его проявлений.

1. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 N 35-ФЗ (последняя редакция) // СПС Консультант Плюс // Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/
2. Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 24.07.2023 N 349-ФЗ (последняя редакция) // СПС Консультант Плюс // Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_452652/
3. Федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 N 63-ФЗ (последняя редакция) // СПС Консультант Плюс // Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/
4. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // СПС Консультант Плюс // Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/
5. Указ Президента РФ от 13.06.2012 N 808 (ред. от 13.11.2023) «Вопросы Федеральной службы по финансовому мониторингу» (вместе с «Положением о Федеральной службе по финансовому мониторингу») // СПС Консультант Плюс // Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131097/
6. Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 08.08.2001 N 129-ФЗ (последняя редакция) // СПС Консультант Плюс // Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32881/

MEASURES AND IMPROVEMENTS TO THE SYSTEM OF COUNTERING THE FINANCING OF TERRORISM IN THE RUSSIAN FEDERATION

Nesterenko S.E., Khmel'nitskaya T.V.

Primorsky Regional Branch of the Association of Lawyers of the Russian Federation, Nizhny Novgorod Institute of Management – branch Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article provides a comprehensive analysis of current measures and strategic initiatives aimed at improving the mechanisms for countering the financing of terrorism within the Russian Federation. In the context of globalization and the increasing cross-border nature of terrorist activities, it is extremely important to ensure a comprehensive and multi-level counteraction to these threats. Within the framework of this work, key areas of activity of government agencies and financial institutions will be considered, including improving the legislative framework, strengthening control over financial flows, increasing the effectiveness of international cooperation and using advanced technologies to identify and suppress suspicious transactions. Special attention will be paid to the analysis of regulatory legal acts regulating the sphere of countering the financing of terrorism, as well as identifying gaps and imperfections that need to be addressed.

An important aspect is also countering the use of informal financing channels, such as money transfer systems without opening an account and virtual currencies.

Exchange of information and experience with foreign partners, as well as conducting joint operations to identify and suppress terrorist financing channels.

The improvement of the legislative framework is an ongoing process aimed at adapting to changing conditions and emerging threats. In particular, it is necessary to strengthen responsibility for financing terrorism, expand the powers of law enforcement agencies to conduct operational investigative measures and ensure effective protection of witnesses and participants in criminal proceedings.

Keywords: terrorism, financing of terrorism, countering terrorism, money laundering, legislation of the Russian Federation.

References

1. Federal Law "On Countering Terrorism" dated 03/06/2006 N 35-FZ (latest edition) // SPS Consultant Plus // An electronic resource. Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/
2. Federal Law "On Amendments to the Administrative Procedure Code of the Russian Federation" dated 07/24/2023 N 349-FZ (latest edition) // SPS Consultant Plus // An electronic resource. Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_452652/
3. Federal Law "On Electronic Signatures" dated 04/06/2011 N 63-FZ (latest edition) // SPS Consultant Plus // An electronic resource. Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/
4. "The Code of Administrative Offences of the Russian Federation" dated 12/30/2001 N 195-FZ (as amended on 05/29/2024) // SPS Consultant Plus // An electronic resource. Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/
5. Decree of the President of the Russian Federation dated 06/13/2012 N 808 (as amended on 11/13/2023) "Issues of the Federal Financial Monitoring Service" (together with the "Regulations on the Federal Financial Monitoring Service") // SPS Consultant Plus // An electronic resource. Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131097/
6. Federal Law "On State Registration of Legal Entities and Individual Entrepreneurs" dated 08.08.2001 N 129-FZ (latest edition) // SPS Consultant Plus // An electronic resource. Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32881/

Особенности волевой саморегуляции женщин, осужденных за насильственные преступления

Соболев Николай Гургенович,

кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела разработки методологий социальной, психологической воспитательной и педагогической работы с осужденными центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников, УИС ФКУ НИИ ФСИН России

Волевая саморегуляция является узловым психологическим механизмом определяющим конструктивность преодоления личностью трудностей адаптации к социальной среде и выбору эффективных стратегий межличностной коммуникации. Необходимость изучения и коррекции волевой саморегуляции у женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы, обусловлена высокой стрессогенностью и конфликтностью общения в исправительных учреждениях и особенностями психоэмоциональных переживаний преступников, осужденных за насильственные преступления. В работе представлен анализ особенностей волевой саморегуляции женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы, представлены рекомендации по учету волевой саморегуляции при организации сопровождения данной категории осужденных.

Ключевые слова: волевая саморегуляция, диспозиционная предрасположенность, женщины, осужденные за насильственные преступления, нервно-психическая устойчивость, поведение, самообладание, настойчивость.

Анализ современного состояния женской преступности в России позволяет отметить негативные тенденции, указывающие на достаточно устойчивые показатели в сфере насильственных действий со стороны женщин разного возраста. Следует указать, что системообразующим фактором, побуждающим женщину к совершению преступных действий выступает диспозиционная предрасположенность, т.е. комплекс индивидуально-психологических и психофизиологических (в что числе патохарактерологических) особенностей, оказывающих прямое и опосредованное влияние на криминальную активность и мотивацию, поиск и выбор способа совершения преступления и т.п. Представляется, что в исследованиях, посвященных насильственной женской преступности, справедливо отмечается роль такого психологического предиктора как специфические особенности волевой саморегуляции субъекта, показателей агрессии и агрессивного поведения, наличие патопсихологических компонентов в генезе преступной активности (импульсивность, внушаемость, субъективное ограничение свободы выбора, тревожность, враждебность, расторможенность и т.п.).

Специфика процесса отбывания наказания осужденных в условиях социальной изоляции, напрямую зависит от субъектных, объектных и обстановочных факторов, оказывающих значимое влияние на психологические переживания [1, С. 138–139].

Воздействуя на разные психических процессы (внимание, память, мышление и т.п.) личности осужденных, стресс-факторы затрудняют прохождение процесса адаптации к местам лишения свободы, что является причиной возникновения межличностных конфликтов, случаев суицида и членовредительства и других деструктивных поведенческих проявлений.

Проблемам изучения волевой саморегуляции посвящены работы таких авторов как В.Н. Мясищева, В.И. Моросановой, Н.Д. Левитова, А.П. Ильина, В.А. Иванникова, О.А. Конопкина и других. Под волевой саморегуляцией понимается процесс регуляции субъектом собственного поведения, постановку и достижение цели деятельности, выбор стратегии преодоления затруднений [2, С. 132–144].

Отечественными юридическими психологами (В.В. Гульдман, М.Г. Дебольский, С.Н. Ениколов, В.Ф. Пирожков; А.Р. Ратинов, Ф.С. Сафуанов, О.Д. Ситковская, А.И. Ушатиков и др.) отмечается, что в условиях социальной изоляции изменяются многие параметры волевой сферы личности, знание и учет которых имеет важное значение для,

с одной стороны, прогнозирования личностных трансформаций личности осужденного, а с другой – конструктивной психологической адаптации и ресоциализации преступника.

Доказано, что волевая саморегуляция является значимым психологическим предиктором в механизме преступного поведения, особенно при насильственных преступлениях [3, С. 27–30]. У лиц, совершивших преступление с применением насилия, высок риск нарушения процессов саморегуляции.

В настоящее время при изучении криминального насильственного поведения, выделяют враждебную (причинение вреда как цель) и инструментальную (нанесение вреда не является целью) (С.Н. Ениколопов). Важно отметить, что методологически верны и целесообразны представления о возможностях оценки криминальной активности личности, с одной стороны, посредством анализа выбора субъектом конкретной стратегии преодоления экзистенциальной ситуации [4, С. 3–15], а с другой – поиск способа саморегуляции внутреннего психоэмоционального состояния [5, С. 58–61].

Также специфические условия мест лишения свободы негативно сказываются на содержании и формах проявления волевой активности осужденного (О.Г. Ковалев, Н.А. Харина). Противоречивая социально-психологическая атмосфера, ограниченность социальных связей и видов деятельности снижают способность к своевременной задержке и контролю отрицательных побуждений, а также увеличивают число стереотипных способов поведения.

При этом, влияние условий отбывания наказания (изолированность от внешнего мира, тюремная субкультура, неформальная стратификация среди осужденных, жесткая регламентация общения и взаимодействия между осужденными и сотрудниками учреждения и т.п.) оказывает влияние на частую смену психических состояний, оказывающих существенное влияние на возникновение тревожности, агрессивности, подавленности, состояния растерянности, безволия и апатии [6, С. 332–350].

Затруднения процессов адаптации (психофизиологической, социально-психологической, личностной) приводят к изменению динамической функциональной структуры личности осужденных и заострению характерологических особенностей, развитию невротических, в том числе депрессивных проявлений и т.д. Склонность осужденных к девиантному поведению в условиях социальной изоляции, обуславливается сформировавшейся до совершения преступления и скорректированной в процессе отбывания наказания, целостной системой внутренних оценок-регуляторов, обеспечивающих внешнюю адаптивность (приспособляемость) и внутриличностную согласованность, ощущение благополучия, зачастую имеющую деструктивный, дефицитарный характер [7, С. 27–39].

С учетом изложенного, было проведено исследование особенностей волевой саморегуляции у лиц женского пола, осужденных за насильственные преступления. В качестве инструмента, позволяющего

изучить особенностей волевой саморегуляции осужденных женского пола, нами был выбран: опросник волевого самоконтроля «ВСК» А.Г. Зверькова и Е.В. Эйдмана [8, С. 116–124], методики определения уровня нервно-психической устойчивости «НПУ» [9]. Данные методики направлены на изучение особенностей оценки индивидуального уровня развития волевой регуляции, т.е. в способности субъекта сознательно управлять собственными действиями, состояниями и побуждениями.

С учетом анализа личных дел были сформированы две группы респондентов: лица женского пола, осужденные за насильственные преступления (всего 25 человек, статьи 105, 107, 111, 112 и другие насильственного характера, средний возраст осужденных от 27 до 46 лет).

Итак, преступим к анализу результатов эмпирического исследования, полученных по опросник волевого самоконтроля «ВСК» А.Г. Зверькова и Е.В. Эйдмана в первой группе, представленных в нижеприведенной таблице 1.

Таблица 1. Таблица распределения значений по опроснику «ВСК» (А.Г. Зверькова и Е.В. Эйдмана) в группе женщин, осужденных за насильственные преступления

Шкалы опросника	Настойчивость		Самообладание	
	Средние значения	Стандарт- ное откло- нение	Средние значения	Стандарт- ное откло- нение
Высокий	2,2	0,5	5,5	1,4
Средний	5,6	1,7	5,9	1,2
Низкий	3,7	0,8	3,3	0,6

Анализ эмпирических данных, представленных в таблице 1, позволяет отметить, что наиболее высокие показатели получены по шкале «Самообладание» (5,9). Вероятно, опрошенные респонденты проявляют достаточную устойчивость в эмоциональной сфере, осознанно предпочитая копинг-стратегии, обеспечивающие больший контроль над собственными переживаниями, в том числе достигая необходимого контроля в ущерб иным психологическим конструктам, создавая дефицитарный характер внутриличностного благополучия (пенитенциарный стресс, личностная тревога, чувство одиночества и т.д.).

Как видно из таблицы 2, у лиц женского пола, осужденных за насильственные преступления с различным уровнем стрессоустойчивости, были обнаружены значимые различия по шкалам «Настойчивость» ($p < 0,05$) и «Самообладание» ($p < 0,01$).

Так, представленные эмпирические данные позволяют отметить, что часть опрошенных респондентов с высоким уровнем стрессоустойчивости и средним уровнем по шкале «Настойчивость» менее чувствительны к влиянию окружающей их обстановке, менее склонны к эмоциональным проявлениям и переживанию аффективных состояний ($p < 0,05$). Вероятно, в поведении опрошенных респондентов преобладает большая нацеленность

на последовательность собственных действий и поведения при необходимости достигать жела-

емого результата, избегая при этом ситуации неопределенности.

Таблица 2. Таблица распределения количества лиц с высокими, средними и низкими значениями по шкалам опросников «ВСК» (А.Г. Зверькова и Е.В. Эйсмана) и «НПУ» в группе женщин, осужденных за насильственные преступления

Уровень НПУ	Настойчивость			Самообладание		
	Низкий	Средний	Высокий	Низкий	Средний	Высокий
Значимость различий между низ. и ср. ур. НПУ	P= 0,17	P= 0,21	P= 0,12	P= 0,08	P= 0,42	P= 0,07
Значимость различий между низ. и выс. ур. НПУ	P= 0,31	P= 0,08	P= 0,31	P= 0,38	P= 0,08	P= 0,10
Значимость различий между ср и выс ур. НПУ	P= 0,19	P= 0,44	P=0,03**	P= 0,07	P= 0,43	P=0,01*

Примечание: достоверность на уровне: *P≤0,01; ** P≤0,05

Полученные результаты также позволяют предположить наличие у опрошенных респондентов возможной утраты вариативности поведения, застреванию на аффективных переживаниях и снижению рефлексии. Представляется, что отказ от необходимости поиска адаптивных форм межличностного взаимодействия у лиц женского пола, осужденных за насильственные преступления, с другими осужденными, следует считать условием для возникновения деструктивных форм поведения и возникновению деадаптивных состояний (гнев, тревожность, страх и т.п.).

По шкале «Самообладание» также были выявлены значимые различия лица женского пола, осужденные за насильственные преступления с высокой стрессоустойчивостью. Подобная степень различий связана с тем, что для данной категории осужденных, вероятно, характерен высокий уровень развития волевых процессов (p<0,01). Таким образом, исходя из вышесказанного, мы можем утверждать, что у лиц женского пола, осужденных за насильственные преступления, характеризующихся высоким уровнем стрессоустойчивости показатели настойчивости и самообладания выше, в сравнении с осужденными с низким уровнем устойчивости к стрессу.

В качестве рекомендации для повышения эффективности психологического сопровождения данной категории осужденных, представляется необходимым осуществлять мониторинг изменений нервно-психической устойчивости лиц женского пола, осужденных за насильственные преступления с целью оптимизации уровня волевого самоконтроля и коррекции психоэмоционального напряжения. Таким образом, опора на психическую саморегуляцию позволяет выявить сущность индивидуальных различий в ауторегуляторной системе человека, доминирующие в ней механизмы и принципы, напрямую связанные с уровнем нервно-психической устойчивости в ситуациях, возникающих в процесс отбывания наказания.

Литература

1. Соболев Н.Г. Особенности осознания роли семьи несовершеннолетними женского пола,

осужденными за корыстные и насильственные преступления // Уголовно-исполнительная система: законодательство, политика, процесс. – Самара: Самарский юридический институт ФСИН, 2024. – С. 138–139.

2. Моросанова В.И. Развитие теории осознанной саморегуляции: дифференциальный подход // Вопросы психологии. 2011. № 3. С. 132–144.

3. Телешева К.Ю. Исследования импульсивной агрессии: психологические и нейропсихологические фактор (обзор литературы) // Юридическая психология. 2021. № 1. С. 27–30.

4. Михайлова О.Ю. Агрессивное поведение как стратегия поисковой активности // Психологический вестник ростовского государственного университета. 1996. № 2. Т. 1. С. 3–15.

5. Целиковский С.Б. Модель психической саморегуляции как теоретическая основа анализа криминального агрессивного поведения и личности преступника // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2013. № 4. С. 58–61.

6. Антонян Ю. М., Эминов В.Э. Личность преступника. Криминолого-психологическое исследование. М., 2010. 368 с.

7. Коноплева И. Н., Князева С.О., Дебольский М.Г., Красненкова С.А. Особенности саморегуляции у осужденных, совершивших преступления при рецидиве // Психология и право. 2022. Т. 12. № 2. С. 27–41.

8. Зверков А.Г., Эйсман Е.В. Диагностика волевого самоконтроля (опросник ВСК) // Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции. М.: МГУ, 1990. С. 116–124.

9. Берг Т.Н. Нервно-психическая неустойчивость и способы ее выявления. Владивосток: Мор. гос. ун-т. 2005. 63 с.

FEATURES OF VOLITIONAL SELF-REGULATION OF WOMEN CONVICTED OF VIOLENT CRIMES

Sobolev N.G.
Federal Penitentiary Service Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

Volitional self-regulation is a key psychological mechanism determining the constructiveness of overcoming the difficulties of adaptation to the social environment by an individual and the choice of

effective strategies of interpersonal communication. The need to study and correct volitional self-regulation in women serving a sentence in the form of imprisonment is due to the high stress and conflict of communication in correctional institutions and the peculiarities of the psycho-emotional experiences of criminals convicted of violent crimes. The paper presents an analysis of the characteristics of volitional self-regulation of women serving a sentence in the form of imprisonment, and provides recommendations for taking into account volitional self-regulation when organizing support for this category of convicts.

Keywords: volitional self-regulation, dispositional predisposition, women convicted of violent crimes, neuropsychic stability, behavior, self-control, persistence.

References

1. Sobolev N.G. Features of awareness of the role of the family by minor females convicted of acquisitive and violent crimes // Criminal-executive system: legislation, policy, process. – Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service, 2024. – P. 138–139.
2. Morosanova V.I. Development of the theory of conscious self-regulation: a differential approach // Questions of Psychology. 2011. No. 3. P. 132–144.
3. Telesheva K. Yu. Studies of impulsive aggression: psychological and neuropsychological factors (literature review) // Legal Psychology. 2021. No. 1. P. 27–30.
4. Mikhailova O. Yu. Aggressive behavior as a strategy of search activity // Psychological Bulletin of the Rostov State University. 1996. No. 2. V. 1. P. 3–15.
5. Tselikovsky S.B. Model of mental self-regulation as a theoretical basis for the analysis of criminal aggressive behavior and the personality of the offender // Bulletin of the Nizhnevartovsk State University. 2013. No. 4. P. 58–61.
6. Antonyan Yu.M., Eminov V.E. Personality of the offender. Criminological and psychological study. Moscow, 2010. 368 p.
7. Konopleva I.N., Knyazeva S.O., Debolsky M.G., Krasnenkova S.A. Features of self-regulation in convicts who committed crimes during recidivism // Psychology and Law. 2022. V. 12. No. 2. P. 27–41.
8. Zverkov A.G., Eidman E.V. Diagnostics of volitional self-control (VSK questionnaire) // Workshop on psychodiagnostics. Psychodiagnostics of motivation and self-regulation. Moscow: Moscow State University, 1990. Pp. 116–124.
9. Berg T.N. Neuropsychic instability and methods of its detection. Vladivostok: Maritime state University. 2005. 63 p.

Международно-правовое регулирование противодействия изменению климата в условиях перехода к низкоуглеродной экономике: проблемы и перспективы

Свиткина Селена Сергеевна,

аспирант кафедры международного и интеграционного права юридического факультета им. М.М. Сперанского, Институт права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: selenkasw@gmail.com

В статье анализируется современная система международно-правового регулирования противодействия изменению климата через призму перехода государств к низкоуглеродной экономике. Исследуются правовые механизмы, закрепленные в климатических соглашениях, их эффективность и ограничения в контексте экономической трансформации. Выявляется разрыв между амбициозными климатическими целями и имеющимися правовыми инструментами их достижения. Особое внимание уделяется анализу определяемых на национальном уровне вкладов, финансовым механизмам, технологическому сотрудничеству и роли углеродных рынков. Подчеркивается необходимость развития гибридных правовых механизмов для обеспечения эффективного перехода к низкоуглеродной экономике с учетом принципа дифференцированной ответственности государств.

Ключевые слова: изменение климата, низкоуглеродная экономика, Парижское соглашение, определяемые на национальном уровне вклады, углеродное регулирование, устойчивое развитие.

Международно-правовое регулирование противодействия изменению климата претерпело существенную эволюцию от рамочных принципов к конкретным механизмам реализации, однако вопрос об эффективности этих механизмов в контексте перехода государств к низкоуглеродной экономике остается дискуссионным. Акцент на государствах обусловлен природой международного публичного права, где именно государства являются носителями международных обязательств: они принимают климатические обязательства и отвечают за их выполнение, при этом создавая правовые механизмы для вовлечения в том числе негосударственных акторов, чья роль в успешном низкоуглеродном переходе невозможно недооценить. Негосударственные субъекты, несмотря на их практическую значимость в реализации климатических мер, действуют в рамках национальных юрисдикций и под контролем государственных институтов, в связи с чем вопрос эффективности международно-правового климатического регулирования неизбежно сводится к анализу государственных действий.

Современная архитектура международного климатического права базируется на Рамочной конвенции ООН об изменении климата 1992 года (далее – РКИК ООН), которая заложила основополагающие принципы климатического сотрудничества, включая принцип общей, но дифференцированной ответственности и цель стабилизации концентраций парниковых газов на уровне, который не допускал бы опасного антропогенного воздействия на климатическую систему [1]. В настоящее время, как подчеркивает Н.А. Соколова, главные характеристики рамочного режима по борьбе с изменением климата, заданные РКИК ООН, остаются в значительной степени неизменными, но чрезвычайно трудными для осуществления [2, с. 179]. При этом РКИК ООН не содержала конкретных количественных обязательств и механизмов их реализации, что привело к необходимости принятия дополнительных правовых механизмов.

Киотский протокол 1997 года впервые установил юридически обязательные количественные показатели сокращения выбросов для развитых стран и ввел рыночные механизмы гибкости – торговлю квотами, механизм чистого развития и проекты совместного осуществления [3]. Эти инструменты заложили правовую основу для экономических инструментов климатического регулирования, позволяя достигать целей по сокращению выбросов с наименьшими затратами. Механизм чисто-

го развития, в частности, способствовал привлечению инвестиций в низкоуглеродные проекты в развивающихся странах, хотя его эффективность оставалась предметом дискуссий.

Парижское соглашение 2015 года ознаменовало принципиальный сдвиг в подходе к международному климатическому регулированию. Соглашение установило долгосрочную цель по удержанию прироста глобальной средней температуры намного ниже 2 °C сверх доиндустриальных уровней и приложению усилий в целях ограничения роста температуры до 1,5 °C, но фактически перенесло ответственность на национальный уровень через механизм определяемых на национальном уровне вкладов (далее – ОНУВ), не обеспечив при этом действенных инструментов контроля и принуждения [4]. В данном подходе усматривается фундаментальное противоречие: государства признают необходимость радикальной экономической трансформации, но не готовы принимать юридически обязательные количественные обязательства, которые могут ограничить их суверенитет.

Концепция низкоуглеродной экономики в контексте Парижского соглашения предполагает фундаментальную трансформацию энергетических систем, промышленности, транспорта и землепользования. Согласно оценкам Межправительственной группы экспертов по изменению климата (далее – МГЭИК), для достижения этой цели необходимо сократить глобальные выбросы CO₂ на 45% к 2030 году по сравнению с уровнем 2010 года и достичь чистого нулевого уровня выбросов к 2050 году [5]. Доклад МГЭИК 2023 года подтверждает эти выводы и подчеркивает, что текущие темпы сокращения выбросов недостаточны – при существующей политике глобальная температура повысится на 3,2 °C к 2100 году [6]. Однако международное право не предлагает единого определения низкоуглеродной экономики и универсальных критериев оценки прогресса в этом направлении, что, как следствие, порождает правовую неопределенность.

Механизм ОНУВ демонстрирует как преимущества, так и существенные ограничения современного подхода. С одной стороны, он обеспечил универсальное участие в соглашении – 195 государств представили свои ОНУВ. С другой стороны, анализ совокупного эффекта текущих обязательств показывает их недостаточность для достижения температурных целей. Глобальное подведение итогов 2023 года выявило, что нынешние ОНУВ не в полной мере достаточны для достижения целей по недопущению глобального потепления – существуют значительные разрывы между уровнями выбросов, указанных в ОНУВ, и средними уровнями выбросов в рамках глобальных смоделированных путей предотвращения изменения климата [7]. Процедура повышения амбициозности через пятилетние циклы пересмотра национально определяемых вкладов пока не продемонстрировала способность обеспечить необходимое ускорение климатических действий.

Правовая природа ОНУВ также остается предметом дискуссий. Стоит отметить, что формально они не являются международными обязательствами в их классическом понимании, поскольку определяются государствами в одностороннем порядке и могут быть изменены по их усмотрению. В то же время Парижское соглашение создает процедурные обязательства по подготовке, представлению и регулярному обновлению ОНУВ с требованием демонстрации прогресса. Такая гибридная конструкция отражает попытку совместить уважение к национальному суверенитету с необходимостью коллективных действий, но ее эффективность в обеспечении низкоуглеродной трансформации вызывает обоснованные сомнения. Консультативное заключение Международного Суда ООН от 23 июля 2025 года (далее – Консультативное заключение) внесло важные уточнения в понимание правовой природы климатических обязательств государств. Суд подтвердил, что обязательства по климатическим договорам носят юридически обязательный характер, а их невыполнение влечет международно-правовую ответственность. При этом Суд признал, что обязательства по предотвращению серьезного вреда климатической системе существуют не только на договорном, но и на обычно-правовом уровне, распространяясь даже на государства, не являющиеся участниками климатических соглашений [8].

Финансовые механизмы поддержки перехода к низкоуглеродной экономике являются одним из наиболее спорных аспектов климатического режима. Обязательство развитых стран мобилизовать 100 миллиардов долларов США ежегодно было выполнено только в 2022 году, причем значительная часть средств предоставлялась в форме кредитов, а не грантов [9]. На Конференции ООН по изменению климата в Баку в 2024 году была согласована новая цель климатического финансирования – 300 миллиардов долларов к 2035 году, однако эта сумма существенно меньше оценок реальных потребностей развивающихся стран для осуществления низкоуглеродного перехода, которые исчисляются триллионами долларов [10]. А.С. Исполиновым отмечается, что вопрос о финансовой ответственности развитых стран за исторические выбросы остается одним из наиболее спорных, при этом Международный Суд ООН в Консультативном заключении уклонился от четкого ответа об исторической климатической ответственности стран Глобального Севера, ограничившись констатацией того, что исторический и текущий вклад отдельных государств существенно различается [11].

Проблема климатического финансирования выходит за рамки количественных показателей. Отсутствие четкого определения того, что считается климатическим финансированием, позволяет развитым странам включать в отчетность различные виды помощи, не всегда напрямую связанные с климатическими действиями. Кроме того, механизмы распределения финансирования часто

не учитывают приоритеты получателей, концентрируясь на проектах по митигации в ущерб адаптации, которая является приоритетом для многих уязвимых стран.

Углеродные рынки, предусмотренные статьей 6 Парижского соглашения, рассматриваются как важный инструмент мобилизации ресурсов для низкоуглеродной трансформации и обеспечения экономической эффективности климатических действий. После многолетних переговоров на Конференции ООН по изменению климата в Глазго в 2021 году были приняты правила реализации рыночных и нерыночных механизмов сотрудничества [12]. Однако практическая реализация сталкивается с проблемами обеспечения экологической целостности углеродных кредитов, предотвращения двойного учета и справедливого распределения выгоды между участниками.

Кроме того, новые вызовы для международного права в этой сфере создает развитие региональных систем углеродного регулирования. А.А. Карцхия отмечает, что все большее распространение получает практика использования инструментов недобросовестной конкуренции, протекционистских мер и санкций, в том числе в финансовой и торговой сферах [13, с. 49]. Механизм трансграничного углеродного регулирования Европейского союза (CBAM), вступивший в переходную фазу в октябре 2023 года, требует от импортеров определенных товаров компенсировать углеродный след продукции через приобретение специальных сертификатов [14]. Этот механизм вызвал острую критику со стороны развивающихся стран, которые рассматривают его как форму протекционизма и нарушение принципов Всемирной торговой организации. Вопрос о соответствии односторонних климатических мер правилам международной торговли остается нерешенным и может привести к торговым спорам.

Принцип общей, но дифференцированной ответственности продолжает оставаться «камнем преткновения» в климатических переговорах. Традиционное разделение на развитые и развивающиеся страны, закрепленное в РКИК ООН, по нашему мнению, не отражает современные реалии, когда некоторые развивающиеся государства стали крупнейшими эмитентами парниковых газов. Парижское соглашение попыталось смягчить это расхождение через формулировку «в свете различных национальных обстоятельств», но на практике разногласия по вопросам ответственности и поддержки сохраняются [15, с. 494–496].

Технологическое сотрудничество, признанное ключевым элементом низкоуглеродной трансформации, сталкивается с противоречием между необходимостью широкого распространения чистых технологий и защитой прав интеллектуальной собственности. С одной стороны, данный механизм способствует обмену информацией и наращиванию потенциала, с другой же стороны, остается нерешенным вопрос доступа к запатентованным технологиям. Развивающиеся страны нуждаются

в доступе к современным технологиям возобновляемой энергетики, улавливания и хранения углерода, энергоэффективности для достижения своих климатических целей, однако большинство таких технологий защищено патентами и контролируется компаниями из развитых стран. Механизм по технологиям в рамках РКИК ООН и Парижского соглашения способствует обмену информацией и наращиванию потенциала, но не предусматривает конкретных обязательств по передаче технологий или механизмов преодоления патентных барьеров. В результате мы сталкиваемся с ситуацией, когда развивающиеся страны должны либо приобретать дорогостоящие лицензии, либо разрабатывать собственные технологические решения, что замедляет глобальный переход к низкоуглеродной экономике.

Недостаточность существующих правовых механизмов для обеспечения эффективного климатического регулирования все чаще становится предметом рассмотрения международных судебных органов. Растущее число климатических исков и обращений в международные суды свидетельствует о поиске более действенных правовых инструментов принуждения к выполнению климатических обязательств. Упомянутое ранее Консультативное заключение стало важной вехой в развитии международного климатического права. Международный Суд ООН признал, что обязательства по предотвращению серьезного вреда климатической системе являются обязательствами *erga omnes*, что означает наличие правового интереса у всех государств в их защите [16]. Хотя заключение носит консультативный характер, оно усиливает правовую основу для требований о более масштабных климатических действиях и может существенно повлиять на развитие национального климатического законодательства.

Вопрос о потерях и ущербе от климатических изменений, долгое время остававшийся на периферии климатических переговоров, получил институциональное оформление через создание специального фонда на Конференции ООН по изменению климата в Шарм-Эль-Шейхе в 2022 году. Однако правовая природа компенсаций остается неопределенной – развитые страны категорически избегают признания юридической ответственности за исторические выбросы, предпочитая ограничиваться добровольной солидарностью [17, с. 499]. Это отражает более серьезную проблему: международное климатическое право построено на компромиссах, которые часто размывают юридические обязательства в пользу политической приемлемости.

Таким образом напрашивается вывод о том, что перспективы развития международно-правового регулирования связаны с необходимостью усиления координации между различными правовыми режимами – климатическим, торговым, инвестиционным, технологическим. Низкоуглеродная экономика не может быть построена через изолированные климатические соглашения; она требует

комплексной трансформации правовых основ международного сотрудничества. Ключевым вызовом остается создание правовых механизмов, способных обеспечить баланс между экономическим развитием, особенно в развивающихся странах, и необходимостью срочных климатических действий. Международное право в этой связи должно эволюционировать от установления общих целей к созданию конкретных инструментов их достижения, сочетая гибкость с предсказуемостью, добровольность с подотчетностью, национальные приоритеты с глобальными императивами.

Литература

1. Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата (Нью-Йорк, 9 мая 1992 г.) // Бюллетень международных договоров. 1996. № 12.
2. Соколова Н.А. Изменение климата: развитие международно-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 12. С. 177–184.
3. Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата (Киото, 11 декабря 1997 г.) // Бюллетень международных договоров. 2005. № 5.
4. Парижское соглашение (Париж, 12 декабря 2015 г.) // Официальный сайт ООН. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/russian_paris_agreement.pdf (дата обращения: 01.08.2025).
5. IPCC. Global Warming of 1.5 °C. An IPCC Special Report on the impacts of global warming of 1.5 °C above pre-industrial levels. Geneva: IPCC, 2018. URL: <https://www.ipcc.ch/sr15/> (дата обращения: 01.08.2025).
6. IPCC. Climate Change 2023: Synthesis Report. Contribution of Working Groups I, II and III to the Sixth Assessment Report. Geneva: IPCC, 2023. URL: https://www.ipcc.ch/report/ar6/syr/downloads/report/IPCC_AR6_SYR_SPM.pdf (дата обращения: 01.08.2025).
7. UNFCCC. Technical dialogue of the first global stocktake. Synthesis report. FCCC/SB/2023/9. 8 September 2023. URL: <https://unfccc.int/documents/631600> (дата обращения: 03.08.2025).
8. Advisory Opinion on the Obligations of States in respect of Climate Change. International Court of Justice, 23 July 2025. URL: <https://www.icj-cij.org/case/187> (дата обращения: 06.08.2025).
9. OECD. Climate Finance Provided and Mobilised by Developed Countries in 2013–2022. Paris: OECD Publishing, 2024. URL: https://www.oecd.org/en/publications/climate-finance-provided-and-mobilised-by-developed-countries-in-2013-2022_19150727-en.html (дата обращения: 03.08.2025).
10. COP29 завершилась соглашением о климатическом финансировании. // Официальный сайт ООН. URL: <https://unfccc.int/cop29/outcomes> (дата обращения: 03.08.2025).

11. Исполинов А.С. Непопулярные мысли о консультативном заключении МС ООН по климату от 23 июля 2025 г. [Электронный ресурс] // Закон.ру. URL: https://zakon.ru/blog/2025/8/11/ nepopulyarnye_mysli_o_konsultativnom_zaklyuchenii_ms_oon_po_klimatu_ot_23_iyulya_2025_g (дата обращения: 18.08.2025).
12. Glasgow Climate Pact. Decision 1/CMA.3. URL: <https://unfccc.int/documents/310475> (дата обращения: 05.08.2025).
13. Карцхия А.А. Законодательство о климате в условиях энергоперехода к низкоуглеродной экономике // Мониторинг правоприменения. 2021. № 4 (41). С. 49–55.
14. Regulation (EU) 2023/956 establishing a carbon border adjustment mechanism. Official Journal of the European Union. L 130/52. 10 May 2023.
15. Rajamani L. Ambition and Differentiation in the 2015 Paris Agreement // International and Comparative Law Quarterly. 2016. Vol. 65. No. 2. P. 493–514.
16. Толстых В.Л. Консультативное заключение Международного Суда ООН об обязательствах государств в отношении изменения климата от 23 июля 2025 г. [Электронный ресурс] // Закон.ру. URL: https://zakon.ru/blog/2025/08/06/konsultativnoe_zaklyuchenie_mezhdunarodnogo_suda_oon_ob_obyazatelstvah_gosudarstv_v_otnoshenii_izmen (дата обращения: 18.08.2025).
17. Mechler R., Schinko T. Loss and Damage from Climate Change: Concepts, Methods and Policy Options. Cham: Springer, 2019. 557 p.

INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF CLIMATE CHANGE MITIGATION IN THE CONTEXT OF TRANSITION TO LOW-CARBON ECONOMY: CHALLENGES AND PROSPECTS

Svitkina S.S.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article analyzes the current system of international legal regulation of climate change mitigation through the lens of states' transition to a low-carbon economy. It examines the legal mechanisms enshrined in climate agreements, their effectiveness, and limitations in the context of economic transformation. The article identifies the gap between ambitious climate goals and the available legal tools for achieving them. Special attention is given to the analysis of nationally determined contributions, financial mechanisms, technological cooperation, and the role of carbon markets. The need to develop hybrid legal mechanisms to ensure an effective transition to a low-carbon economy, taking into account the principle of differentiated responsibility of states, is emphasized.

Keywords: climate change, low-carbon economy, Paris Agreement, nationally determined contributions, carbon regulation, sustainable development.

References

1. United Nations Framework Convention on Climate Change (New York, May 9, 1992) // Bulletin of International Treaties. 1996. No. 12.
2. Sokolova N.A. Climate Change: Development of International Legal Regulation // Actual Problems of Russian Law. 2021. Vol. 16. No. 12. Pp. 177–184.
3. Kyoto Protocol to the United Nations Framework Convention on Climate Change (Kyoto, December 11, 1997) // Bulletin of International Treaties. 2005. No. 5.

4. Paris Agreement (Paris, December 12, 2015) // Official website of the UN. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/russian_paris_agreement.pdf (access date: 08/01/2025).
5. IPCC. Global Warming of 1.5 °C. An IPCC Special Report on the impacts of global warming of 1.5 °C above pre-industrial levels. Geneva: IPCC, 2018. URL: <https://www.ipcc.ch/sr15/> (accessed 08/01/2025).
6. IPCC. Climate Change 2023: Synthesis Report. Contribution of Working Groups I, II and III to the Sixth Assessment Report. Geneva: IPCC, 2023. URL: https://www.ipcc.ch/report/ar6/syr/downloads/report/IPCC_AR6_SYR_SPM.pdf (access date: 08/01/2025).
7. UNFCCC. Technical dialogue of the first global stocktake. Synthesis report. FCCC/SB/2023/9. 8 September 2023. URL: <https://unfccc.int/documents/631600> (access date: 08/03/2025).
8. Advisory Opinion on the Obligations of States in respect of Climate Change. International Court of Justice, 23 July 2025. URL: <https://www.icj-cij.org/case/187> (access date: 08/06/2025).
9. OECD. Climate Finance Provided and Mobilised by Developed Countries in 2013–2022. Paris: OECD Publishing, 2024. URL: https://www.oecd.org/en/publications/climate-finance-provided-and-mobilised-by-developed-countries-in-2013-2022_19150727-en.html (accessed: 03.08.2025)
10. COP29 ended with an agreement on climate finance. // Official website of the UN. URL: <https://unfccc.int/cop29/outcomes> (accessed: 03.08.2025).
11. Ispolinov A.S. Unpopular thoughts on the UN ICJ advisory opinion on climate of 23 July 2025 [Electronic resource] // Zakon.ru. URL: https://zakon.ru/blog/2025/8/11/nepopulyarnye_mysli_o_konsultativnom_zaklyuchenii_ms_oon_po_klimatu_ot_23_iyulya_2025_g (date of access: 18.08.2025).
12. Glasgow Climate Pact. Decision 1/CMA.3. URL: <https://unfccc.int/documents/310475> (date of access: 05.08.2025).
13. Kartkhia A.A. Climate legislation in the context of the energy transition to a low-carbon economy // Monitoring of law enforcement. 2021. No. 4 (41). P. 49–55.
14. Regulation (EU) 2023/956 establishing a carbon border adjustment mechanism. Official Journal of the European Union. L 130/52. 10 May 2023.
15. Rajamani L. Ambition and Differentiation in the 2015 Paris Agreement // International and Comparative Law Quarterly. 2016. Vol. 65. No. 2. P. 493–514.
16. Tolstykh V.L. Advisory Opinion of the International Court of Justice on the Obligations of States with Respect to Climate Change of 23 July 2025 [Electronic resource] // Zakon.ru. URL: https://zakon.ru/blog/2025/08/06/konsultativnoe_zaklyuchenie_mezhdunarodnogo_suda_oon_ob_obyazatelstvah_gosudarstv_v_otnoshenii_izmen (date of access: 18.08.2025).
17. Mechler R., Schinko T. Loss and Damage from Climate Change: Concepts, Methods and Policy Options. Cham: Springer, 2019. 557 p.

Юрисдикционный иммунитет и тенденции усиления защиты государств от исполнения решений инвестиционного арбитража

Сирота Артём Николаевич,

аспирант Дипломатической академии МИД России

E-mail: artem.sirota@mail.ru

Статья посвящена исследованию юрисдикционного иммунитета и тенденциям усиления защиты государств от исполнения решений инвестиционного арбитража. В статье анализируются особенности применения юрисдикционного иммунитета государствами для защиты своих активов от ареста и взыскания. Обсуждается функционирование в различных юрисдикциях теории функционального иммунитета, которая допускает обращение взыскания на активы, используемые в коммерческих целях. Особое внимание уделено проблемам, возникающим при обращении взыскания на активы государственных предприятий и ситуации, когда согласие государства на участие в арбитраже может рассматриваться как отказ от иммунитета. В статье также рассматриваются подходы национальных судов к вопросам оспаривания решений инвестиционного арбитража и их приведения в исполнение. Основным выводом является необходимость индивидуального подхода к разработке стратегии защиты активов государства, учитывая особенности правоприменения в конкретной юрисдикции. Отмечается, что, несмотря на случаи отказа в приведении исполнения арбитражных решений, у инвесторов остается возможность использования механизмов дипломатической защиты для разрешения спорных ситуаций.

Ключевые слова: юрисдикционный иммунитет, инвестиционный арбитраж, государственные активы, коммерческая деятельность, международное право.

Введение

Согласно отчету МЦУИС, опубликованному 17 июня 2024 на практике большинство решений международных инвестиционных арбитражей исполняются добровольно [1]. Так, из 151 решения, по которым в пользу инвесторов были взысканы убытки, государства осуществили добровольную выплату в 66% случаев, и только 31% дошел до принудительного исполнения, а в 3% случаев принудительное исполнение не осуществлялось. Однако, если государство по тем или иным причинам остается несогласным с решением арбитражного трибунала, то при его принудительном исполнении государство может заявить о своем юрисдикционном иммунитете. Согласно актуальным подходам российской науки, ссылка государства на юрисдикционный иммунитет при исполнении решении не свидетельствует о нарушении государством норм международного права [2].

Поскольку, как правило, обращение взыскания на активы государства происходит не в этом государстве, а в иностранных юрисдикциях, то подходы национальных судов к вопросу о том, приводить ли в исполнение решение инвестиционного арбитража, будут различными. Это представляет собой определенную сложность для анализа и обобщения подходов к рассматриваемому вопросу. Как отметил в 2020 году Верховный суд Великобритании в деле об исполнении решения арбитража по делу *Micula v Romania*, правила об иммунитетах варьируются от страны к стране и поэтому инвесторы, получившие решения инвестиционного арбитража в свою пользу, «будут склонны делать это в тех юрисдикциях, которые имеют наименее щедрые правила государственного иммунитета для защиты активов других государств» [3].

Тем не менее, автор настоящей статьи полагает, что просматривается тенденция по внимательному отношению к правовой позиции государства, заявляемой им в целях защиты от обращения взыскания на свои активы. Ниже предлагаются к рассмотрению три аспекта – (1) как государству уберечься от риска смещения активов, которые используются для суверенных и коммерческих целей, (2) когда согласие государства на участие в арбитражном разбирательстве может рассматриваться как отказ государства от иммунитета от принудительного исполнения, и наконец, (3) в какой мере государственные компании защищены иммунитетом от исполнения.

Проблема обращения взыскания на активы государства со ссылкой на их использование в коммерческих целях

Как известно, некоторые государства, например КНР, Иран, Никарагуа, Сербия, Туркменистан, Северная Корея продолжают придерживаться доктрины абсолютного иммунитета [4]. Это означает, что без прямого согласия государства его участие в судебном или арбитражном разбирательстве невозможно. При этом если государство придерживается теории абсолютного иммунитета и не готово допускать разбирательства против себя в иностранных судах и подчиняться будущим решениям таких судов, «вариантом разрешения частноправовых споров будет являться не судебный, а дипломатический или иной аналогичный порядок, когда разногласия решаются за столом переговоров и в менее конфликтном ключе» [5].

Для современного этапа международного экономического сотрудничества характерно понимание, что вовлечение государств и государственных предприятий в коммерческую деятельность делает невозможным ссылку на юрисдикционный иммунитет. Такой подход отражен, в частности, в Федеральном законе 297-ФЗ «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации» (далее «**Закон РФ об иммунитетах**») [6]. Так в п. 3 статьи 7 указанного Закона РФ об иммунитетах установлено, что иностранное государство не пользуется в Российской Федерации судебным иммунитетом в отношении споров, связанных с осуществлением иностранным государством предпринимательской и иной экономической деятельности на территории Российской Федерации, а также на территории другого государства, если последствия такой деятельности имеют связь с территорией Российской Федерации.

На международном уровне была предпринята попытка принять универсальную конвенцию о юрисдикционных иммунитетах, но на настоящий момент, эта попытка не имеет результат. Тем не менее, стоит отметить, что в Конвенцию ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности 2004 года (далее «**Конвенция об иммунитетах**») инкорпорирована теория функционального иммунитета. Согласно пункту «с» статьи 19 Конвенции об иммунитетах для обращения взыскания доступна только собственность государства, которая «непосредственно используется или предназначается для использования государством для иных целей, чем государственные некоммерческие цели и находится на территории государства суда». Российская Федерация подписала эту конвенцию в 2006 году, но не ратифицировала.

Проблемой является отсутствие четкого разграничения между суверенными и коммерческими активами государства. Можно отметить, что в ст. 21 Конвенции об иммунитетах приводится лишь спи-

сок активов, которые по общему правилу не рассматриваются как имущество, используемое для коммерческих целей (negative list): (1) имущество (в том числе банковские счета), используемое для осуществления дипломатических и консульских целей, специальных миссий, представительств при международных организациях или делегаций в органах международных организаций или на международных конференциях; (2) имущество военного характера или используемое для военных целей; (3) имущество центрального банка; (4) имущество, составляющее часть культурного наследия государства или часть его архивов и не выставленная или не предназначенная для выставления на продажу; (5) имущество, составляющее часть экспозиции объектов, которые представляют научный, культурный или исторический интерес, и не выставленная или не предназначенная для выставления на продажу.

Существует сильная презумпция, что данные активы являются суверенными. Что касается остального имущества, то вопрос о том, является ли оно суверенным или коммерческим определяется в каждом конкретном случае. При этом решающее значение имеют цели, для которых оно используется. Так называемый тест на «коммерческую цель» (commercial purpose test) в настоящее время получил широкое признание [7]. Он основывается на подходах, воспринятых как Конвенцией об иммунитетах, так и национальным законодательством ряда государств.

Статья 19(с) Конвенции об иммунитетах исходит из критерия цели использования имущества. Тот же подход отражен и в п. 4 ст. 7 Закона РФ о юрисдикционных иммунитетах указано, что при решении вопроса о том, связана ли сделка, совершенная иностранным государством, с осуществлением его суверенных властных полномочий, суд Российской Федерации принимает во внимание характер и цель такой сделки. Закон США об иммунитете иностранных государств 1976 года (далее «**Закон США об иммунитетах**») допускает исполнение арбитражных решений в отношении имущества иностранного государства, «используемого для коммерческой деятельности» на территории США [8]. Закон Великобритании об иммунитете государств 1978 года (далее «**Закон Великобритании об иммунитетах**») также поддерживает критерий назначения активов [9]. Аналогичный критерий применяется судами Германии [10], Франции [11], Швейцарии [12].

В связи с размытым характером указанный критерий каждый раз устанавливается национальным судом, рассматривающим дело о взыскании.

При этом излишне говорить, что инвесторы, пытающиеся исполнить решение инвестиционного арбитража, вынесенное в их пользу, стремятся максимально расширить список государственного имущества для обращения на него взыскания. В первую очередь под ударом находятся недвижимость и денежные средства государства на счетах

в местных банках (в юрисдикциях, в которых производится взыскание).

В части попыток обращения взыскания на государственное недвижимое имущество практика знает немало примеров. Известным является дело *Sedelmayer v. Russia* по итогам которого немецкий предприниматель Франц Зедельмайер в 2009 году пытался добиться среди прочего ареста Русского Дома науки и культуры в Берлине после получения решения в свою пользу [13]. Зедельмайер ссылался на коммерческие цели использования Русского Дома. Россия возражала, указывая на то, что Русский Дом используется для проживания российских дипломатов. В конечном итоге немецкий суд согласился с позицией России, и постановил, что инвестором не представлено убедительных доказательств, что Русский Дом науки и культуры используется только для коммерческих целей, поскольку в нем в том числе размещены квартиры российских дипломатов [14].

Тем не менее, необходимо отметить, что в рамках предпринимаемых мер об исполнении арбитражного решения, Зедельмайеру удалось обратиться взыскание на здание бывшего советского торгового представительства в Стокгольме, в котором после распада СССР проживали сотрудники российского посольства. Здание было продано на торгах, даже несмотря на размещение в нем сотрудников российского посольства и утверждения России о дипломатическом статусе здания, наличие которого ранее подтверждал шведский МИД. Решающим обстоятельством в этом деле стало то, что часть помещений в здании предоставлялась не дипломатам, а студентам из России на основании гражданско-правовых договоров. Таким образом, шведский суд признал даже частичное использование объекта в коммерческих целях достаточным для обращения на него взыскания.

В деле *LR Avionics Technologies Ltd v. Nigeria* [15], рассмотренном английскими судами в 2016 году, было отказано в обращении взыскания на недвижимое имущество, принадлежащее Нигерии. Несмотря на то, что данные помещения были предоставлены сторонней компании для осуществления консульских услуг, английский суд, тем не менее, установил, что главной целью, для которой было передано имущество, была обработка заявлений на получение визы и паспортов Нигерии, что является государственной публичной функцией. Тот факт, что выполнение государственной функции было делегировано другому лицу по договору, а также факт взимания платы (то есть коммерческой основы такой сделки) не имели значения.

Взыскание денежных средств государства представляет собой значительное затруднение для национальных судов. В этих делах фактическое использование денежных средств, а также то, насколько четко государство разделяет денежные средства, используемые для коммерческих и суверенных целей, имеет первостепенное значение.

Так, в известном деле *Birch Shipping Corp v. Embassy of Tanzania* [16] В 1980 году суд округа Колум-

бия арестовал деньги Танзании в одном из банков США. Танзания не согласилась с этим и заявила, что эти деньги использовались для деятельности посольства Танзании в США, в том числе из этих средств выплачивалась заработная плата сотрудникам посольства, также на эти средства приобретались товары и услуги для посольства. Суд критически отнесся к тому, что государство в недостаточной мере разделяло денежные средства для коммерческих и некоммерческих целей. Суд указал, что правильным решением в этом случае является «не широкая неприкосновенность, как просит ответчик (государство Танзания), а отделение фондов общественного назначения от фондов коммерческой деятельности».

Также является известной и цитируемой в доктрине позиция этого же суда относительно соотношения характера и целей деятельности, которая анализируется судом в делах об обращении взыскания на государственное имущество. Суд указал что, «тот факт, что товары или услуги, закупаемые по контракту, должны использоваться для государственных целей, не имеет значения; решающее значение имеет главным образом коммерческий характер деятельности или транзакции. Таким образом, контракт иностранного правительства на закупку провизии или оборудования для своих вооруженных сил или на строительство правительственного здания представляет собой коммерческую деятельность. То же самое относится к контракту на ремонт здания посольства. Такие контракты следует считать коммерческими контрактами, даже если их конечной целью является содействие государственным функциям» [17]. Таким образом, несмотря на то, что средства имели двойную цель: государственную цель поддержания работы посольства и выплаты зарплат его сотрудникам и коммерческую цель по закупке товаров и услуг, американский суд установил, что на средства Танзании в американском банке может быть наложен арест и против них может быть обращено взыскание.

Но в 2005 году в деле *AIG v. Kazakhstan* [18] суды Великобритании более внимательно отнеслись к аргументам государства. В этом деле инвестор пытался исполнить на территории Великобритании решение инвестиционного арбитража, вынесенное в его пользу. Объектом взыскания были выбраны принадлежащие Казахстану денежные средства на счету банка и ценные бумаги, которые хранились в Великобритании. В споре Казахстан утверждал, что эти денежные средства и ценные бумаги принадлежат Национальному фонду благосостояния Казахстана, управляемого Национальным банком Казахстана. В связи с этим это имущество не используется в коммерческих целях и обладает иммунитетом. Английский суд согласился с этой позицией, отказав инвестору во взыскании указанных средств.

Показательным является более осторожный подход судов к вопросу распределения бремени доказывания, который проявился в деле известном

как Samruk case [19]. В данном деле Верховный суд Голландии отказал в приведении в исполнение арбитражного решения в пользу группы иностранных инвесторов против Казахстана [20]. Верховный суд Голландии указал, со ссылкой на ст. 19 Конвенции об иммунитетах, что суть иммунитета от принудительного исполнения состоит в том, что на имущество иностранного государства нельзя обратить взыскание, за исключением случаев и в той степени, в которой установлено, что имущество имеет цель, несовместимую с общественной целью. Соответственно, участник процесса, который просит обратить взыскание на активы иностранного государства обязан обосновать и доказать, что такие активы подлежат аресту. По мнению суда, нельзя было предположить, что у имущества голландской компании была цель, отличная от общественной, поскольку доход от акций предназначался для увеличения национального благосостояния Казахстана.

Указанные выводы Верховного суда Голландии известны как Samruk test. Он был применен при решении вопроса об исполнении арбитражного решения по итогам рассмотрения дела Hydro S.r.l. and others v. Republic of Albania. После того, как спор был решен в пользу инвестора, началось исполнение этого решения в государственных судах в том числе в Нидерландах. В 2020 году Инвестор попытался через государственный суд в Гааге обратиться с взысканием на права требования Албании по договору, заключенному между нефтяной компаний Шелл и Албанией при участии агентства АКВН (Национальное агентство по природным ресурсам), выполнявшего посреднические функции. По данному договору Албания имела право получить часть дохода от разработки нефтяного месторождения.

Суд отказал инвестору в связи с недоказанностью требования со ссылкой на Samruk test. Суд указал, что иностранные государства не обязаны предоставлять информацию, указывающую на то, что их имущество обладает иммунитетом, что исключает обращение взыскания. Бремя доказывания возлагается на инвестора. Презумпция иммунитета от исполнения отменяется только в том случае, если суд придет к выводу, что спорные активы используются или предназначены для использования не в общественных целях. Соответственно, сторона, которая ссылается на исключение из иммунитета от исполнения, должна предоставить информацию, на основании которой это может быть установлено. Таким образом, были отклонены утверждения инвестора о том, что договор между компанией Шелл и Албанией был предназначен исключительно для коммерческих целей, а требования Албании по этому договору носят коммерческий характер и используются для финансирования деятельности агентства АКВН. Суд также не воспринял аргумент о том, что Албания не раскрыла доказательства, опровергающие данную позицию.

Когда согласие государства на участие в арбитражном разбирательстве может рассматриваться как отказ государства от иммунитета от принудительного исполнения решения?

Российской доктрина международного права различает судебный иммунитет, иммунитет от обеспечительных мер и иммунитет от принудительного исполнения решения [21]. При этом считается, что иммунитет от исполнения защищает имущество государства от обращения взыскания, даже если решение инвестиционного арбитража будет вынесено против государства [22].

В России отказ иностранного государства от судебного иммунитета в отношении конкретного спора не рассматривается в качестве отказа данного иностранного государства от иммунитета в отношении исполнения решения суда [23].

Этим подходом руководствовался Международный суд ООН в деле о юрисдикционных иммунитетах (Germany v. Italy). Так суд отметил, что «иммунитет от исполнения, которым пользуются государства в отношении своего имущества, расположенного на иностранной территории, выходит за рамки судебного иммунитета, которым пользуются те же государства в иностранных судах. Даже если решение было законно вынесено против иностранного государства в обстоятельствах, при которых государство не могло требовать судебного иммунитета, из этого не следует ipso facto, что государство, против которого было вынесено решение, может быть подвергнуто мерам принудительного взыскания мер на территории государства суда или на территории третьего государства с целью исполнения рассматриваемого решения. Аналогичным образом любой отказ государства от своего судебного иммунитета сам по себе не означает, что это государство отказалось от своего иммунитета от принудительного исполнения в отношении принадлежащего ему имущества, находящегося в иностранном государстве» [24].

Однако ситуация меняется, в случае, если государство приняло на себя обязательства, которые можно истолковать как отказ от иммунитета от исполнения. Такими случаями могут быть, в частности, участие в арбитражном разбирательстве на основании арбитражного соглашения и статус участника Нью-Йоркской Конвенции 1958 года [25] (далее – «**Нью-Йоркская Конвенция**»). Российская Федерация является участником этой конвенции.

Согласно статье III Нью-Йоркской Конвенции: «Каждое Договаривающееся Государство признает арбитражные решения как обязательные и приводит их в исполнение в соответствии с процессуальными нормами той территории, где испрашивается признание и приведение в исполнение этих решений». Данная статья III может расцениваться как отказ государства от иммунитета от принудительного исполнения арбитражного решения, вы-

несенного по результатам участия государства в арбитражном разбирательстве на территории государства – участника Нью-Йоркской Конвенции.

Например, такой подход был применен в известном деле *Creighton v. Qatar* [26]. По соглашению между государством и инвестором споры подлежали рассмотрению в Международной торговой палате в Париже (МТП). Спор был вызван расторжением отношений с инвестором, что послужило основанием для обращения в инвестиционный арбитраж, который вынес в 1986 году решение в пользу инвестора, обязав Катар выплатить в пользу инвестора убытки. Катар безуспешно пытался аннулировать решение, с чем суд не согласился. Тем не менее французский суд применил правило об иммунитете и отказал в обращении взыскания на имущество Катара на территории Франции. Данное решение было впоследствии отменено Кассационным судом Франции в 2000 году, который в обоснование своего решения указал, что «обязательство, взятое на себя государством, подписавшим арбитражную оговорку, выполнить решение в соответствии со статьей 24 Арбитражного регламента МТП предусматривал отказ этого государства исполнения от иммунитета» [27].

Заслуживает внимания недавнее решение британских судов по приведению в исполнение арбитражного решения по делу *CC/Devas et al. v The Republic of India*. В исполнительном производстве Индия заявила о государственном иммунитете в соответствии с Законом Великобритании об иммунитетах. В решении от 17 апреля 2025 года Высокий суд Англии и Уэльса согласился с позицией Индии о том, что ратификация Индией Нью-Йоркской Конвенции сама по себе не может рассматриваться как подчинение юрисдикции английского суда для целей принудительного исполнения арбитражных решений [28], поскольку не выполнен критерий явной и выраженной формы отказа. Кроме того, суд также принял во внимание ссылку Индии на ее оговорку (с) к статье III Нью-Йоркской Конвенции о том, что Индия «применяет Конвенцию исключительно в отношении разногласий, касающихся юридических взаимоотношений, будь то договорного или иного характера, которые рассматриваются в соответствии с национальным законодательством в качестве торговых», и отметил, что истцы не представили доказательств относительно того, были ли арбитражные решения вынесены в связи с правовыми отношениями, которые считаются коммерческими в соответствии с законодательством Индии.

Ситуация является более сложной и неоднозначной для государства-реципиента в случае, если государство является стороной инвестиционного спора в МЦУИС в соответствии с Вашингтонской конвенцией о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и юридическими и физическими лицами другого государства 1965 года (далее – «**Вашингтонская конвенция**»). Российская Федерация подписала указанную конвенцию, но не ратифицировала эту конвенцию.

С одной стороны, согласно ст. 54 Вашингтонской конвенции государства-участники признают решение МЦУИС в качестве обязывающего и должны обеспечить исполнение денежных обязательств, налагаемых на основании таких решений в пределах своей территории. Но, с другой стороны, статья 55 Вашингтонской конвенции закрепляет, что ничто, содержащееся в статье 54 Вашингтонской конвенции, не должно толковаться как отступление от норм, действующих в любом Договаривающемся государстве в отношении иммунитета этого государства или любого иностранного государства от принудительного исполнения.

Противоречие между правилами этих статей должно разрешаться таким образом, что «ст. 54 Вашингтонской конвенции не должна восприниматься как затрагивающая иммунитет от исполнения. Решение арбитража вступает в силу также как и окончательно решение национального суда силу ст. 54, но не более. Само наличие и содержание правил исполнения зависит от конкретной национальной юрисдикции. Если иммунитета от исполнения не предоставлено или он ограничен национальным правом государства, где осуществляется исполнение, но решение инвестиционного арбитража будет исполнимо в этой мере» [29].

В связи с указанным представляет интерес решение Апелляционного суда Англии и Уэльса от 22 октября 2024 г., в котором было установлено, что иностранные государства не могут ссылаться на иммунитет, чтобы возражать против признания арбитражных решений, вынесенных против них в соответствии с Вашингтонской конвенцией [30]. В частности, Апелляционный суд Англии рассматривал апелляционные жалобы Испании и Зимбабве на решения нижестоящих судов о признании вынесенных против указанных государств арбитражных решений по делам *Infrastructure Services Luxembourg Sarl v Spain* [31] and *Border Timbers Ltd v Republic of Zimbabwe* [32]. Суд указал, что государства-участники Вашингтонской конвенции подчинились юрисдикции английских судов в силу статьи 54 Вашингтонской конвенции, в связи с чем Испания и Зимбабве не могут возражать против признания решений на основании юрисдикционного иммунитета.

Обращение взыскания на имущество государственных предприятий

Имущество государственных предприятий, которые могут иметь значительные коммерческие активы за рубежом, находится в зоне риска в случае обращения взыскания на него иностранными инвесторами. Инвесторы стараются найти достаточные доказательства того, что имущество, принадлежащее предприятию, занимающемуся коммерческой деятельностью, используется для коммерческих целей.

В законодательстве разных государств по-разному решен вопрос, обладают ли государственные компании юрисдикционным иммунитетом. Согласно разделу 14 Закона Великобритании об иммуни-

татах действует презумпция против иммунитета для «отдельных субъектов», т.е. субъектов, которые «отличаются от исполнительных органов власти государства и способны предъявить иск или выступить ответчиками в суде». Для установления иммунитета организации их действия должны быть совершены «при осуществлении суверенной власти», в обстоятельствах, при которых государство само обладало бы иммунитетом. Согласно раздел 1603 Закона США об иммунитетах, напротив, любое «агентство или учреждение иностранного государства» пользуется презумпцией иммунитета, что включает, например, государственные корпорации.

В Конвенции об иммунитетах отражена попытка согласовать оба подхода – в ст. 2(1)(b)(iii) установлена презумпция, что учреждения или другие образования государства обладают иммунитетом в той мере, в какой они правомочны совершать и фактически совершают действия в осуществление суверенной власти государства – что делает акцент и на статусе, и на функциях, характере действий организации.

Однако если государственное предприятие принимает самостоятельное участие в арбитражном разбирательстве – оно считается отказавшимся от иммунитета государства, в том числе от иммунитета против исполнения решения.

Таким образом, в случае с государственными предприятиями взыскателю необходимо доказать, что (1) что они не обладают статусом, отдельным от государства и (2) что активы используются в коммерческих целях. Как первое, так и второе доказать достаточно сложно. Особенно серьезные трудности возникают с первым критерием – установления настолько сильной зависимости предприятия от государства, чтобы можно было обратиться взыскание на активы предприятия как активы государства.

Практика демонстрирует, что попытки инвесторов обратиться взыскание на активы государственных предприятий могут быть успешными и стать вызовом для государства и его предприятий.

В деле *Congo v. Walker*, рассмотренном французскими судами в 2003 году, была снята корпоративная вуаль с компании, контролируемой Конго, поскольку компания функционировала только в интересах Конго, ее органы управления состояли из членов Правительства Конго, ежедневные операции компании находились под контролем и указаниями этого Правительства, и, кроме того, Конго могло выводить средства из компании путем принятия резолюций [33].

В знаменитом инвестиционном деле *Crystalex v. Venezuela*, канадская компания получила в 2016 году арбитражное решение против Венесуэлы на сумму почти 1,4 млрд долларов США, которое она пыталась исполнить в судах США против активов национальной нефтяной компании Венесуэлы *Petróleos de Venezuela*. Исполнение продолжается по сей день. Американский суд снял корпоративную вуаль и не признал отдельный статус

Petróleos, установив, что Венесуэла осуществляет над ней достаточный контроль и что признание ее отдельного статуса приведет к мошенничеству или несправедливости [34]. В дальнейшем на основании этого решения *Crystalex* о наложении ареста акции *PDV Holding, Inc.* (американской дочке *Petróleos*), которой в свою очередь принадлежат 100% акций компании *CITGO*, являющейся крайне ценным активом. Параллельно *Petróleos* и Венесуэла пытались оспорить решение, однако апелляция согласилась с выводами суда о том, что *Petróleos* является не более чем *alter ego* государства Венесуэлы [35]. В дальнейшем начался процесс публичной продажи активов *Petróleos*, однако с первого раза провести аукцион не удалось из-за отсутствия поддержки кредиторов [36]. В настоящее время дело подходит к концу, на 18 августа 2025 назначено заседание, которым суд должен утвердить результаты последнего аукциона [47].

Однако такая ситуация является скорее исключением, чем правилом. Для примера приведем известное инвестиционное дело *MCIUI Benvenuti v. Congo* [38]. По итогам рассмотрения вопроса о принудительном исполнении решения в 1987 году французский кассационный суд отказал в исполнении решения в отношении средств конголезского коммерческого банка, хранящихся во французском банке, так как не был установлен достаточный контроль со стороны Конго над банком.

Свежий пример успешного использования юрисдикционного иммунитета государственным предприятием касается дела против структур «Газпрома», где была затронута тема иммунитета государства, распространяющегося на государственные предприятия как *alter ego* государства. Украинская компания Жнива пыталась исполнить в суде Гааги судебное решение запорожского суда арбитража против общества *Gazprom International*, входящего в холдинг Газпрома. Газпром в свою очередь ссылаясь на иммунитет, если компании являются *alter ego* России, то на них распространяется иммунитет.

Суд в Гааге, в частности пришел к выводу что на *Gazprom International* распространяется иммунитет государства, отметив, что даже запорожский суд, который вынес решение по делу, рассматривал её как единое целое с Россией. В связи с чем признание решения против компании противоречило бы принципу государственного суверенитета.

При этом в прошлом сентябре нидерландский суд вновь наложил арест на активы Газпром в Нидерландах по требованию уже другой украинской компании «Славутич» [39].

Заключение

По образному выражению австрийского архитектора Хундертвассера у человека есть 5 видов кожи – (1) естественная кожа, (2) одежда, (3) дом, (4) социальное окружение и (5) земля [40]. Представляется, что между социальным окружением и землей существует еще одна «кожа» – это государство. Го-

сударство охраняет и оберегает индивида, действуя в интересах общественного блага. В современном правоприменении юрисдикционный иммунитет государства является важным инструментом защиты его суверенных интересов и активов от нежелательного принудительного исполнения решений инвестиционного арбитража.

Но правило иммунитета не абсолютно. Практика изобилует примерами, когда взыскатели обходят юрисдикционный иммунитет и суды отказывают в его применении. В зависимости от конкретной страны, где может осуществляться исполнение, государству-реципиенту следует подбирать индивидуальную стратегию в аргументации против исполнения арбитражного решения. Это связано с тем, что национальные суды в различных юрисдикциях придерживаются разных подходов к вопросу иммунитета. В целом превалирует теория функционального иммунитета, которая допускает обращение взыскания на активы, используемые в коммерческих целях. Можно отметить тенденции к более внимательному отношению со стороны судов к интересам государства по защите своих активов при рассмотрении данной категории споров.

При этом нельзя утверждать, что в случае отказа в приведении исполнения решения инвестиционного арбитража в связи с применением юрисдикционного иммунитета, права инвестора будут безвозвратно нарушены. У иностранного инвестора останется возможность с при участии государства инкорпорации в рамках механизмов дипломатической защиты продолжать добиваться разрешения спорной ситуации. Это возможно создаст дополнительные стимулы для использования механизмов мирного разрешения споров (ст. 33 Устава ООН).

Литература

- Compliance with and Enforcement of ICSID Awards // BACKGROUND PAPER. – С. 3. – URL: https://icsid.worldbank.org/sites/default/files/publications/Enforcement_Paper.pdf
- Чурилина Н.А. Международно-правовые основания юрисдикционного иммунитета: дис. ... канд. юрид. наук, Москва, МГИМО. – 2018.
- JUDGMENT Micula and others (Respondents/Cross-Appellants) v Romania (Appellant/Cross-Respondent). – URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/italaw11213.pdf>
- Verdier P.-H. and Voeten E., “How Does Customary International Law Change? The Case of State Immunity,” *International Studies Quarterly*. – 2014. – doi: 10.1111/isqu. 12155.
- Старженецкий В.В. Эволюция института юрисдикционных иммунитетов государств: равный над равным власть имеет? // *Международное правосудие*. – 2014. – № 4. – С. 135 // СПС «КонсультантПлюс».
- Федеральный закон «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации», 297-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*, 09.11.2015. – № 45.
- Gerlich O., “State Immunity from Execution in the Collection of Awards Rendered in International Investment Arbitration: The Achilles’ Heel of the Investor-State Arbitration System?” // *American Review of International Arbitration*. – 26. – no. 1. – 2015. – 71. – URL: <https://ssrn.com/abstract=2770335>
- Foreign Sovereign Immunities Act of 1976, 28 U.S.C. § § 1610(a).
- State Immunity Act of 1978, ch. 33(UK), § 13(4).
- Philippine Embassy Bank Account Case, Judgment of Dec. 13, 1977, Constitutional Court, 65 I.L.R. 146, 155 (Germ).
- Société Sonatrach v. Migeon, Decision of Oct. 1, 1985, Cass civ 1re, 77 I.L.R. 525, 527 (English translation).
- United Arab Republic v. Mrs X, Judgment of 10, 1960, Federal Tribunal, 65 I.L.R. 385, 164391–392 (Switzerland) (English translation).
- Зедельмайер Ф. [статья без названия] // *Lenta.ru*. – URL: <http://www.lenta.ru/lib/14188053>
- Russisches Haus wird nicht versteigert // *Berliner morgenpost*. – 23.10.2009. – URL: <https://www.morgenpost.de/printarchiv/berlin/article104741149/Russisches-Haus-wird-nicht-versteigert.html>
- L R Avionics Technologies Ltd v The Federal Republic of Nigeria & Anor EWHC 1761. – 2016.
- Birch Shipping Corp v. Embassy of Tanzania, United States District Court, District of Columbia. – 1980. – URL: <http://www.uniset.ca/other/cs3/507FSupp311.html>
- 507 F.Supp. 311, 1981 A.M.C. 2666 United States District Court, District of Columbia. BIRCH SHIPPING CORPORATION, Plaintiff, v. The EMBASSY OF the UNITED REPUBLIC OF TANZANIA, Defendant. – URL: <http://www.uniset.ca/other/cs3/507FSupp311.html>
- AIG Capital Partners Inc. and Another v. Kazakhstan // EWHC 2239 (Comm). – 2005.
- Judgment. COURT OF JUSTICE THE HAGUE. – URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/italaw170394.pdf>
- Anatolie Stati, Gabriel Stati, Ascom Group SA and Terra Raf Trans Traiding Ltd v. Kazakhstan (I), SCC Case No. V 116/2010.
- Чурилина Н.А. Международно-правовые основания юрисдикционного иммунитета: дис. ... канд. юрид. наук, Москва, МГИМО. – 2018. – С. 14.
- Старженецкий В.В. Эволюция института юрисдикционных иммунитетов государств: равный над равным власть имеет? // *Международное правосудие*. – 2014. – № 4. – С. 123–140 // СПС «КонсультантПлюс».
- Часть 6 статьи 6 Федерального закона «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации»,

297-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 09.11.2015. – № 45.

24. Jurisdictional Immunities of the State (Germany v. Italy: Greece intervening) // Summary of the Decision of the International Court of Justice. – 2012. – C. 51 // International Court of Justice. – URL: <https://www.icj-cij.org/en/case/143>
25. Конвенция ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, Нью-Йорк, 10 июня 1958 года // NewYorkConvention.org. – URL: <https://www.newyork-convention.org/russian>
26. Creighton Limited, Appellant, v. Government of the State of Qatar, United States Court of Appeal, District Columbia // FindLaw. – 1999. – URL: <https://caselaw.findlaw.com/us-dc-circuit/1461433.html>
27. Arrêt de la Cour de cassation (Première chambre civile) 98–19.068. – URL: https://jsumundi.com/en/document/decision/fr-creighton-v-the-government-of-the-state-of-qatar-ii-arret-de-la-cour-de-cassation-thursday-6th-july-2000#decision_18887
28. CC/Devas et al. v The Republic of India // EWHC 964 (Comm). – 2025.
29. Schreuer's Commentary on the ICSID Convention // Cambridge. – 3d ed. – C. 1520.
30. Judgment of the Court of Appeal of England and Wales // EWCA Civ 1257. – 2024.
31. Infrastructure Services Luxembourg Sarl v Spain // EWHC 1226 (Comm). – 2023.
32. Border Timbers Ltd v Republic of Zimbabwe // EWHC 58 (Comm). – 2024.
33. Société nationale des pétroles du Congo v. Walker International Holdings Ltd., Judgment of July 3, 2003, Paris Court of Appeal, 8 ch.
34. Crystallex Int'l Corp.v. Petróleos de Venezuela, S.A., 879 F.3d 79.
35. Crystallex International Corp v. Bolivarian Republic of Venezuela, No. 18–2797 (3d Cir. 2019).
36. G. McWilliams, M. Parraga. With Citgo share auction in shambles, US court readies plan to start over // Reuters. – 2024. – URL: <https://Www.Reuters.Com/Markets/Commodities/With-Citgo-Share-Auction-Shambles-Us-Court-Readies-Plan-Start-Over-2024-11-27/>
37. M. Parraga. Q&A: Is Venezuela about to lose Citgo, its most prized foreign asset? // Reuters. – 2025. – URL: <https://www.reuters.com/business/energy/qa-is-venezuela-about-lose-citgo-its-most-prized-foreign-asset-2025-06-16>
38. Benvenuti & Bonfant v. Banque Commerciale Congolaise, Decision of 21 July 1987, Cass, 82 I.L.R. 91, 92.
39. The court refused to give the Dutch assets of Gazprom to the Ukrainian company // EurAsiaDaily. – 2025. – URL: <https://eadaily.com/en/news/2025/06/18/the-court-refused-to-give-the-dutch-assets-of-gazprom-to-the-ukrainian-company>
40. MEN'S FIVE SKINS //DIE FÜNF HÄUTE DES MENSCHEN // Zeichnung/Tusche, Piktogramm. – 1997. – URL: https://hundertwasser.com/angewandte-kunst/apa382_mens_five_skins_1975

JURISDICTIONAL IMMUNITY AND TRENDS IN ENHANCING STATE PROTECTION AGAINST THE ENFORCEMENT OF INVESTMENT ARBITRATION AWARDS

Sirota A.N.

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Sirota&Partners law firm

The article discusses jurisdictional immunity and trends in strengthening the protection of states from the enforcement of investment arbitration awards. The article analyzes the jurisdictional immunity defence to protect sovereign assets from arrest and enforcement. It discusses the application of the functional immunity theory across various jurisdictions, which permits the seizure of assets used for commercial purposes. Particular attention is given to the issues of seizing assets of state enterprises situations, where a state's consent to participate in arbitration may be seen as a waiver of immunity. The article also examines national courts' approaches to challenging investment arbitration decisions and their enforcement. The main conclusion points to the necessity of an individual approach in developing a strategy for protecting state assets, taking into account the specificities of legal practice in a given jurisdiction. It is noted that, despite refusal to enforce arbitration awards, investors still have the option to use diplomatic protection mechanisms to resolve disputes.

Keywords: jurisdictional immunity, investment arbitration, state assets, commercial activity, international law.

References

1. ICSID. (n.d.). Compliance with and enforcement of ICSID awards [Background paper]. Retrieved from https://icsid.worldbank.org/sites/default/files/publications/Enforcement_Paper.pdf
2. Churillina, N. A. (2018). Mezhdunarodno-pravovye osnovaniya yurisdiktsionnogo immuniteta (Dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk, MGIMO, Moskva).
3. Judgment: Micula and others (Respondents/Cross-Appellants) v Romania (Appellant/Cross-Respondent). Retrieved from <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/italaw11213.pdf>
4. Verdier, P.-H., & Voeten, E. (2014). How does customary international law change? The case of state immunity. *International Studies Quarterly*. <https://doi.org/10.1111/isqu.12155>
5. Starzhenetskiy, V. V. (2014). Evolyutsiya instituta yurisdiktsionnykh immunitetov gosudarstv: ravnyy nad ravnyy vlast' imeet? *Mezhdunarodnoe pravosudie*, (4), 123–140.
6. Federalnyy zakon "O yurisdiktsionnykh immunitetakh inostrannogo gosudarstva i imushchestva inostrannogo gosudarstva v Rossiyskoy Federatsii", 297-FZ, Sbornik zakonodatelstva RF, 09.11.2015, № 45.
7. Gerlich, O. (2015). State immunity from execution in the collection of awards rendered in international investment arbitration: The Achilles' heel of the investor-state arbitration system? *American Review of International Arbitration*, 26(1), 71. Retrieved from <https://ssrn.com/abstract=2770335>
8. Foreign Sovereign Immunities Act of 1976, 28 U.S.C. § 1610(a).
9. State Immunity Act of 1978, ch. 33 (UK), § 13(4).
10. Philippine Embassy Bank Account Case, Judgment of Dec. 13, 1977, Constitutional Court, 65 I.L.R. 146, 155 (Germany).
11. Société Sonatrach v. Migeon, Decision of Oct. 1, 1985, Cass civ 1re, 77 I.L.R. 525, 527 (English translation).
12. United Arab Republic v. Mrs X, Judgment of 1960, Federal Tribunal, 65 I.L.R. 385, 391–392 (Switzerland) (English translation).
13. Zedel'mayer, F. [Article without title]. Lenta.ru. Retrieved from <http://www.lenta.ru/lib/14188053>
14. (2009, October 23). Russisches Haus wird nicht versteigert. Berliner Morgenpost. Retrieved from <https://www.morgenpost.de/printarchiv/berlin/article104741149/Russisches-Haus-wird-nicht-versteigert.html>
15. L R Avionics Technologies Ltd v The Federal Republic of Nigeria & Anor, EWHC 1761 (2016).

16. Birch Shipping Corp v. Embassy of Tanzania, United States District Court, District of Columbia. (1980). Retrieved from <http://www.uniset.ca/other/cs3/507FSupp311.html>
17. 507 F.Supp. 311, 1981 A.M.C. 2666 United States District Court, District of Columbia. BIRCH SHIPPING CORPORATION, Plaintiff, v. The EMBASSY OF the UNITED REPUBLIC OF TANZANIA, Defendant. Retrieved from <http://www.uniset.ca/other/cs3/507FSupp311.html>
18. AIG Capital Partners Inc. and Another v. Kazakhstan, EWHC 2239 (Comm) (2005).
19. Judgment. COURT OF JUSTICE THE HAGUE. Retrieved from <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/italaw170394.pdf>
20. Anatolie Stati, Gabriel Stati, Ascom Group SA and Terra Raf Trans Trading Ltd v. Kazakhstan (I), SCC Case No. V 116/2010.
21. Churillina, N.A. (2018). Mezhdunarodno-pravovye osnovaniya yurisdiktsionnogo immuniteta. Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata yuridicheskikh nauk, MGIMO, Moskva.p. 14.
22. Starzhenetskiy, V.V. (2014). Evolyutsiya instituta yurisdiktsionnykh immunitetov gosudarstv: ravnyy nad ravnym vlast' imeet? Mezhdunarodnoe pravosudie, (4), 123–140. Retrieved from KonsultantPlus; Meng, Z. (2022). State Immunity and International Investment Law. Springer, 62–63.
23. Part 6 of Article 6 of the Federal Law “On Jurisdictional Immunities of a Foreign State and Property of a Foreign State in the Russian Federation”, 297-FZ, Sobranie zakonodatelstva RF, 09.11.2015, № 45.
24. Jurisdictional Immunities of the State (Germany v. Italy: Greece intervening). (2012). Summary of the Decision of the International Court of Justice. Retrieved from <https://www.icj-cij.org/en/case/143>
25. Konventsiya OON o priznanii i privedenii v ispolnenie inostrannykh arbitrazhnykh resheniy, Nyu-York, 10 iyunya 1958 goda. Retrieved from <https://www.newyorkconvention.org/russian>
26. Creighton Limited, Appellant, v. Government of the State of Qatar, United States Court of Appeal, District Columbia. (1999). Retrieved from <https://caselaw.findlaw.com/us-dc-circuit/1461433.html>
27. Arrêt de la Cour de cassation (Première chambre civile), 98–19.068. Retrieved from https://jusmundi.com/en/document/decision/fr-creighton-v-the-government-of-the-state-of-qatar-ii-arret-de-la-cour-de-cassation-thursday-6th-july-2000#decision_18887
28. CC/Devas et al.v. The Republic of India, EWHC 964 (Comm) (2025).
29. Commentaries on the ICSID Convention. Cambridge, 3rd ed.
30. Judgment of the Court of Appeal of England and Wales, EWCA Civ 1257 (2024).
31. Infrastructure Services Luxembourg Sarl v Spain, EWHC 1226 (Comm) (2023).
32. Border Timbers Ltd v Republic of Zimbabwe, EWHC 58 (Comm) (2024).
33. Société nationale des pétroles du Congo v. Walker International Holdings Ltd., Judgment of July 3, 2003, Paris Court of Appeal, 8 ch.
34. Crystallex Int'l Corp.v. Petróleos de Venezuela, S.A., 879 F.3d 79.
35. Crystallex International Corp v. Bolivarian Republic of Venezuela, No. 18–2797 (3d Cir. 2019).
36. McWilliams, G., & Parraga, M. (2024). With Citgo share auction in shambles, US court readies plan to start over. Reuters. Retrieved from <https://www.reuters.com/markets/commodities/with-citgo-share-auction-shambles-us-court-readies-plan-start-over-2024-11-27/>
37. Parraga, M. (2025). Q&A: Is Venezuela about to lose Citgo, its most prized foreign asset? Reuters. Retrieved from <https://www.reuters.com/business/energy/qa-is-venezuela-about-lose-citgo-its-most-prized-foreign-asset-2025-06-16>
38. Benvenuti & Bonfant v. Banque Commerciale Congolaise, Decision of 21 July 1987, Cass, 82 I.L.R. 91, 92.
39. The court refused to give the Dutch assets of Gazprom to the Ukrainian company. EurAsiaDaily. (2025). Retrieved from <https://eadaily.com/en/news/2025/06/18/the-court-refused-to-give-the-dutch-assets-of-gazprom-to-the-ukrainian-company>
40. MEN'S FIVE SKINS //DIE FÜNF HÄUTE DES MENSCHEN // Zeichnung/Tusche, Piktogramm. (1997). Retrieved from https://hundertwasser.com/angewandte-kunst/apa382_mens_five_skins_1975

Некоторые особенности подзаконного нормотворчества органов федеральной исполнительной власти в США в практике Верховного суда США в начале 20-х гг. XXI в.

Шулус Алексей Алексеевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права, МГУ им. М.В. Ломоносова

В статье рассмотрена практика Верховного суда США в начале 20-х гг. XXI в. касательно вопроса подзаконного нормотворчества. Изучена проблема трактовки законов со стороны исполнительной власти. Приводится предыстория вопроса, объясняющая изменение высшей судебной инстанцией государства подхода при разборе соответствующих дел. Изучена проблематика последних, особенно с точки зрения доверия агентствам в их толковании актов Конгресса. Приведены особые мнения судей с аргументированным разбором их позиций.

Ключевые слова: Конституция США, судебный прецедент, доктрина судебного прецедента, Верховный суд США, подзаконное нормотворчество, административное государство.

Проблема подзаконного нормотворчества является актуальной в современном мире. Уже с начала XX в. в западных государствах соответствующая практика стала широко распространенной по причине постоянно усложняющихся общественных отношений. Не стали исключением и США, где подзаконное нормотворчество стало активно развиваться со времен «Нового курса» Ф.Д. Рузвельта. В целях установления единообразных правил по изданию распоряжений агентствами в 1946 г. Конгрессом был принят «Закон об административных процедурах» [1][2, С. 519].

Во второй половине XX в. практика подзаконного нормотворчества не только усилилась, но и нашла свою поддержку со стороны Верховного суда США, в том числе и по вопросу толкования спорных положений статутов. Прецедент, установленный в 1984 г. по результатам рассмотрения дела «Шеврон против Совета по защите природных ресурсов», установил правило, согласно которому судам предписывалось принимать интерпретацию актов Конгресса со стороны агентств в качестве верной, если последний не указал точную позицию по рассматриваемому вопросу, а оспариваемая трактовка «основана на допустимом толковании закона» [3][4, С. 10]. Таким образом, усиление роли ведомств в интерпретации статутов и их применении на практике значительно изменило баланс сил между тремя ветвями власти.

В то же время вопросы о надлежащих пределах полномочий исполнительной власти продолжают решаться до сих пор. Сторонники доктрины «административного государства» утверждают, что широкие функции агентств необходимы для эффективного решения сложных политических задач по причине наличия у служащих данных органов специализированных знаний и навыков. Отмечается, что подзаконное нормотворчество обладает и быстродействием. Конгресс же, в свою очередь, не всегда может реагировать на возникающую обстановку должным образом – в частности, по причине того, что процесс принятия законов по противоречивым вопросам обычно характеризуется длительными дебатами, в ходе которых есть риск не прийти к единому мнению или принять ошибочное, но политически более выгодное решение [5, С. 241].

Противники же рассматриваемой доктрины обращают внимание на то, что чрезмерные административные полномочия нарушают традиционную систему сдержек и противовесов, поскольку

ку объединяют в рамках агентств сразу законодательные, исполнительные и даже судебные функции (как то было установлено ранее упомянутым прецедентом 1984 г.). Такая концентрация власти подрывает полномочия легислатуры и демократическую подотчетность, ведь главы ведомств не были избраны народом и не имеют, в отличие от Конгресса, возможности нести перед ним политическую ответственность. По этой причине противники т.н. «административного государства» выступают за реформы, направленные на ограничение дискреционных полномочий исполнительной власти и усиление за ней надзора.

Автор поддерживает последнюю точку зрения и обращает внимание на еще одну актуальную проблему: как показала недавняя практика, широкие полномочия агентств по толкованию законов распространились даже на уголовно-правовую сферу. Стали возникать ситуации, когда органы исполнительной власти, по сути, создавали новые составы преступления, что недопустимо в правовом государстве. Этот вопрос будет освещен далее.

В результате крупнейшего в современной истории США массового расстрела, произошедшего 1 октября 2017 г. на фестивале музыки в г. Лас-Вегас, власти США заинтересовались вопросом о введении контроля за оборотом ряда принадлежностей к самозарядному оружию, которые позволяли добиться высокой практической скорострельности, сходной с таковой у самострельных образцов. В первую очередь речь шла о т.н. «скользящих прикладах», которые используют энергию отдачи от выстрела и, перемещаясь в горизонтальной плоскости отдельно от остальной части оружия, позволяют очень быстро производить серии из множества выстрелов [7, С. 517].

Конгресс отказался от идеи принятия новых актов, по какой причине за данную задачу взялась исполнительная власть [7, С. 518]. Первоначальное предложение со стороны профильного органа – Бюро по контролю за оборотом алкоголя, табака, огнестрельного оружия и взрывчатки (BATFE) – содержало мало конкретики. Судя по тексту проекта, в нем предлагалось все устройства, которые повышают скорострельность самозарядных образцов до уровня автоматических, приравнять к последним [8]. Дело в том, что «Национальному закону об огнестрельном оружии» 1934 г. (в редакции 1986 г.) детали, предназначенные для переделывания огнестрельного образца в самострельный, приравниваются к последнему и подлежат соответствующему регулированию, даже если не были на нем установлены [9]. Но такой подход был вряд ли реализуем по ряду причин – в частности, из-за явного несоответствия тексту статута, чрезмерно широких и неопределенных границ действия такой нормы, а также недовольства ряда заинтересованных общественных групп и активистов [10].

Бюро, отказавшись от вышеописанного варианта, предложило более точечный, заключавшийся в несколько измененном толковании Закона 1934 г. В соответствии с указанным Актом Конгресса, са-

мострельным считается огнестрельное оружие, которое способно произвести автоматически, без ручной перезарядки более одного выстрела за одно действие спускового крючка [8]. Последнее, как гласил уже проект распоряжения агентства, включает в себя в т.ч. нажатие на крючок или другие аналогичные манипуляции с ним. И в таком случае, по мнению Бюро, происходит следующая ситуация: одно нажатие инициирует процесс последовательного автоматического воспроизводства выстрелов без необходимости осуществления дополнительных физических действий со стороны стрелка [11].

Одна из поправок к принятому в 1986 г. «Закону о защите прав владельцев огнестрельного оружия» запретила оборот автоматических образцов, не зарегистрированных на момент вступления акта в силу [12]. Все же «скользящие приклады» были созданы после указанного времени, по какой причине должны были стать нелегальными. И владельцам подобных устройств Бюро официально предписало уничтожить детали или сдать их властям [11][13, С. 135].

Данный запрет, опубликованный в декабре 2018 г. и вступивший в силу через 90 дней, в марте 2019 г., породил множество различных исков. Тем не менее, они в основном оставались неудовлетворенными. Верховный суд США также оставил без внимания просьбы о введении предварительного судебного запрета на действие распоряжения, которые за несколько дней до его вступления в силу поступали в экстренном порядке [13, С. 135][14, С. 540].

Основной претензией многих истцов было следующее: законное определение автоматического оружия не является «размытым» и не нуждается в дальнейшей корректировке, а новая подзаконная трактовка со стороны Бюро является придуманной и политически мотивированной. Ответчики, однако, отвергали данные заявления: по их мнению, возможность интерпретировать законы является важным полномочием исполнительных органов власти [13, С. 135].

Примечательно, что ни одна сторона не пыталась делать ссылку на прецедент 1984 г. по делу Шеврона, предписывавшем судам верить агентствам в их трактовке спорных положений статутов. Дело в том, что в последнем спор шел лишь в рамках административного права, а теперь поднимались вопросы уже уголовно-правовой сферы. Поскольку они порождают более тяжелые последствия, их не предполагалось разрешать подобным способом и Верховный суд США в свое время даже предостерег нижестоящие суды от соответствующей практики. Тем не менее, последние все равно обосновывали свои решения применением упомянутого прецедента [15]. А в некоторых случаях иски отклонялись даже без задействования указанной доктрины на основании утверждений о том, что определение автоматического оружия по Закону 1934 г. не является размытым и якобы включает в себя «скользящие приклады» [15]. И это делалось несмотря на то, что такая интерпретация Акта

со стороны Бюро прямо противоречила предыдущей, неизменно использовавшейся на протяжении многих лет (с 2008 по 2018 гг.) [9].

Кроме этого, данное распоряжение агентства затрагивало и иные вопросы – в частности, о конфискации принадлежностей без какой-либо компенсации со стороны Правительства. Как показала практика, даже такие иски отклонялись [16]. Что же касается проблемы возможного нарушения права на оружие, гарантированной Второй поправкой, то подобных дел не заводилось – ни по ограничению на автоматические образцы по Акту 1934 г., ни по запрету на новые из них с 1986 г.

Одним из немногих исключений, где иски были удовлетворены, стало дело «Каргилл против Гарланда» [15]. История этого разбирательства такова. Истец, будучи владельцем оружейного магазина, в 2019 г. был вынужден сдать представителям Бюро два своих «скользящих приклада», после чего стал оспаривать распоряжение агентства. Дело было рассмотрено федеральным районным судом, затем – окружным, где истцу неизменно отказывали в требованиях, обосновывая широкие полномочия исполнительной власти по толкованию статутов, причем даже без ссылки на доктрину Шеврона. Тем не менее уже полный состав федерального суда по Пятому апелляционному округу решил отменить предыдущее решение коллегии из трех судей и пересмотреть спор. Как результат, в январе 2023 г. подавляющим большинством голосов (16 против 3) запрет был признан неконституционным. Поскольку лишь меньшая часть – восемь – судей была готова поддержать идею о полном несоответствии распоряжения Бюро тексту Закона, решение оказалось в определенной степени компромиссным. Так, был признан обоснованным следующий довод ответчиков: законное определение автоматического оружия является «нечетким» и может нуждаться в дальнейшем уточнении. По мнению суда, это теоретически позволяет даже ссылаться на прецедент по делу Шеврона 1984 г. В то же время подчеркивалось: поскольку речь идет об уголовно-правовых отношениях, возникающие сомнения нужно трактовать в пользу обвиняемого в соответствии с т.н. доктриной «снисходительности» [15].

Вскоре такую же позицию заняли и в другой юрисдикции – суде по Шестому апелляционному округу – где коллегия из трех судей единогласным решением также встала на сторону уже другого истца [17]. В результате возникли противоречия между прецедентами, установленными в двух указанных округах (включающих в совокупности семь штатов) и большинством остальных, где требования заинтересованных граждан по-прежнему оставались неудовлетворенными. Это побудило Верховный суд США принять упомянутое дело Каргилла к рассмотрению и поставить точку в возникшем споре [18].

Слушания, прошедшие в феврале 2024 г., были неоднозначными для обеих сторон. Центральным вопросом оказался следующий: насколько опре-

деление Бюро соответствует таковому по закону? С одной стороны, была видна недостаточная убедительность адвокатов истца, которые не особо успешно пытались оспорить новую трактовку агентства. С другой – рядом судей отмечалось, что соответствующие вопросы все-таки должен решать Конгресс, а не исполнительная власть. Кроме того, колеблющимся членам высшей судебной инстанции (в частности, Б. Кавано) не понравились некоторые обстоятельства, связанные с действиями ответчиков. Во-первых, непоследовательность Бюро: ранее оно неоднократно официально подтверждало, что «скользящие приклады» не превращают оружие в полностью автоматическое, однако в последний раз резко поменяло свое мнение на противоположное. Во-вторых, тот факт, что новая трактовка с юридической точки зрения превращала сотни тысяч владельцев подобных устройств в преступников, и все это происходило лишь путем издания распоряжения со стороны исполнительной власти [19].

В итоге в июне 2024 г. Верховный суд США 6 голосами против 3 вынес решение в пользу истца. В определении за авторством К. Томаса постановление Бюро было признано неконституционным на том основании, что данный орган превысил свои полномочия и по сути переписал Акт Конгресса 1934 г. Была отвергнута трактовка агентства, согласно которой стрельба из длинноствольного оружия со «скользящим прикладом» за одно нажатие на спусковой крючок запускает последовательность из серии выстрелов. По мнению высшей судебной инстанции, в действительности будет происходить множество отдельных нажатий, каждое из которых приводит лишь к однократному срабатыванию ударно-спускового механизма (УСМ). Довод же Бюро о том, что неподвижное положение пальца стрелка позволяет сделать множество выстрелов без дополнительных манипуляций (как в самострельном оружии) также было раскритиковано: указывалось, что в законном определении автоматического оружия говорится не про палец стрелка, а про спусковой крючок. Таким образом, самозарядные образцы со «скользящими прикладами», согласно решению, с технической точки зрения все равно не способны произвести более одного выстрела за одно действие УСМ. И более того: даже если подобное и было бы возможно (как утверждали ответчики), это все равно не происходило бы «автоматически», поскольку стрелок, помимо прочего, вынужден еще с помощью мускульной силы другой руки, находящейся на цевье, постоянно толкать оружие вперед [20].

Обосновывая свое решение, Верховный суд США приводил ряд аргументов. Во-первых, он сравнил длинноствольное самозарядное оружие, оснащенное «скользящими прикладами», с некоторыми моделями помповых ружей, способными производить множество выстрелов при удержании спускового крючка. Если последние, согласно официальной позиции Бюро, все-таки не являются автоматическими образцами (поскольку для их

работы требуется ручная перезарядка с помощью подвижного цевья), винтовки со специальными прикладами, согласно мнению Суда, тем более ими не являются. Дело в том, что для их работы требуется не только мускульная сила второй руки, но еще и необходимость повторного воздействия на УСМ перед каждым выстрелом.

Во-вторых, суд обращал внимание на следующий принципиальный момент: использовать энергию отдачи самозарядного оружия и имитировать автоматическую стрельбу возможно и без использования скользящих прикладов или других подобных устройств. И если принять трактовку Бюро в качестве верной, получается, что любой самозарядный образец следует считать самострельным, поскольку он может быть не просто «быстро переделан» в таковой, а просто превратиться в него лишь по причине возможности использования особой техники стрельбы.

Судья С. Алито, согласившийся с мнением большинства, также опубликовал свое отдельное мнение. Признавая вынесенное решение, он в то же время заметил, что самозарядное оружие с установленным «скользящим прикладом» по факту приближается к самострельному и по этой причине теоретически может подвергаться таким же ограничениям. Только этот вопрос должен решаться не агентством, а исключительно Конгрессом [20].

Мнение меньшинства было публично озвучено судьей С. Сотомайор, к которой присоединились еще две коллеги из леволиберального идеологического лагеря. Было отмечено, что большинство якобы отвергло законную трактовку автоматического оружия и вместо этого выбрало то, что «не соответствует обычному значению ... и не подкреплено контекстом или целью». Утверждалось, что не были использованы стандартные методы толкования законов – в частности, с точки зрения их понимания как во время принятия Акта 1934 г., так и в современную эпоху. Со ссылкой на Оксфордский словарь 1933 г. было дано определение «функции» (function) как «способа действия, посредством которого [что-либо] выполняет свое назначение» [20]. На этом основании отмечалось, что применительно к УСМ вышесказанное не означает лишь механизм, посредством которого спусковой крючок механически возвращается в исходное положение для производства второго выстрела: подразумевается, что требуется и участие стрелка.

По указанной причине была критично оценена позиция большинства, согласно которой техника постоянного толкания оружия вперед является слишком человеческим процессом и не имеет отношения к механизму. По замечанию С. Сотомайор, держание пальца с постоянным давлением на спусковой крючке в классическом автоматическом оружии является во многом аналогичным действием, подразумевающим определенные физические усилия. И становится непонятным, почему при вынесении решения использовались двойные стандарты.

Судья признавала, что имитировать автоматическую стрельбу можно и без подобных устройств. Однако в таком случае стрелок следит сразу за рядом процессов (контролем отдачи, контролем пальца на спусковом крючке и толканием оружия вперед), тогда как при наличии «скользящего приклада» такой необходимости уже нет. При использовании последнего, в отличие от работы классического самозарядного оружия, автоматизирован процесс не только перезарядки, но и нажатия на спуск – стрелку достаточно сделать это один раз, а затем лишь с небольшим усилием постоянно толкать оружие вперед. Таким образом, утверждала С. Сотомайор, оружие, экипированное подобными прикладами, будет похоже на автоматические образцы. Просто здесь механизм последовательного воспроизведения выстрелов не внутренний, а внешний.

В этом особом мнении было указано и на проблему обхода закона применительно к ограничениям на автоматическое оружие. В подобных случаях, как утверждал бывший судья Верховного суда А. Скалия, должна действовать презумпция против неэффективности. Это также использовалось в пользу довода о том, что Суд должен был встать на сторону ответчиков.

Наконец, приводились факты, что Бюро ранее неоднократно классифицировало многие другие детали в качестве тех, что превращают оружие в автоматическое – в частности, моторизированные устройства дистанционного управления, которые без дополнительного усилия самого стрелка постоянно совершают нажатия на спусковой крючок. Т.е. утверждалось следующее: оспаривавшийся запрет не был уникальным событием и скорее представлял собой обычную практику агентства [20].

Несмотря на определенную обоснованность данного особого мнения, у него, по мнению автора, есть некоторые изъяны. Во-первых, С. Сотомайор говорила, что самозарядные винтовки AR-15 сами по себе не являются самострельным оружием, тогда как «скользящие приклады» превращают его в таковое. Проблема, однако, состоит в том, что с точки зрения закона автоматическим является не только образец, *предназначенный* для производства более одного выстрела за одно действие УСМ, но и тот, который просто *может* воспроизводить такую стрельбу [8]. И если «скользящий приклад» за одно нажатие крючка якобы запускает последовательность из множества выстрелов, AR-15 и вообще любое самозарядное оружие будет являться самострельным, поскольку в процессе имитации из него автоматической стрельбы без каких-либо дополнительных устройств также запускается последовательность из множества выстрелов.

Во-вторых, касаясь оценки «скользящих прикладов» в качестве своеобразных деталей «внешнего» механизма оружия, полностью автоматизирующих процесс стрельбы, будет иметь место несоответствие тексту статута: согласно ему требу-

ются одновременно и автоматизация, и однократное нажатие на спуск. Последнее же неприменимо в данном случае, и это наглядно было продемонстрировано в материалах, представленных на слушаниях и легших в основу вынесенного решения [20].

В-третьих, вызывает многочисленные вопросы наличие следующей проблемы: если «скользящий приклад», согласно особому мнению, превращает самозарядный образец в автоматический, почему же тогда Бюро на протяжении долгого времени отказывалось опубликовывать соответствующее распоряжение и, даже более того, после неоднократно проводившихся экспертиз официально приходило к противоположному заключению? Причем это имело место при бывшем Президенте США Б. Обаме, который выступал за ограничения права граждан на оружие и в принципе поддерживал идею об изменении подзаконного толкования применительно к упомянутым устройствам и, как следствие, изъятии их из гражданского оборота [21]. Становится очевидным, что причина заключалась именно в явном несоответствии определения Бюро тексту статута, и лишь по причине громкого преступления и последовавшего за этим массового запроса со стороны властей и общественности на данное препятствие по факту уже не обращали внимания.

Подводя итоги сказанного ранее, можно отметить следующее: хотя доктрина Шеврона на тот момент еще действовала, Верховный суд отказался применять ее и полагаться на интерпретацию агентством спорного положения статута. И на то был ряд причин. Во-первых, большинство судей не нашло определение автоматического оружия по Закону 1934 г. нечетким, что можно было видеть из текста решения – указание на данное обстоятельство в нем просто отсутствовало. Во-вторых, было найдено явное несоответствие между подзаконной трактовкой Бюро и текстом статута. Т.е. даже если бы текст акта Конгресса и был объявлен размытым, толкование ведомства никак нельзя было посчитать разумным и обоснованным. В-третьих, в данном случае доктрину Шеврона в принципе и не предполагалось задействовать. Об этом не просили ни истец, ни представители ответчика. Кроме того, в рассмотренном деле затрагивались уголовные (а не чисто административные) вопросы, а их и не предполагалось разрешать подобным образом.

Проблема же сохранения доктрины Шеврона была разрешена в том же 2024 г. в рамках иного, более значимого дела. Данный вопрос будет подробно рассматриваться в отдельной статье.

Литература

1. 5 U.S.C. § § 551–559
2. Administrative Procedure Act. (n.d.). (n.p.). U.S. Government Printing Office. 1965. P. 519572 p.
3. 467 U.S. 837 Chevron U.S.A. v. Natural Res. Def. Council (1984)
4. Deference to the Administration in Judicial Review: Comparative Perspectives (ред. G. Zhu). Springer International Publishing. 2019. P. 10445 p.
5. Assessing the Administrative State // Journal of Law & Politics. 2017. Vol.XXXII:239. PP. 239–259 P. 241
6. De Marco, P. Defending the Constitution: Restoring the Balance of Powers. Pasquale De Marco. 2025. PP. 116–117174 p.
7. Historic Documents of 2017 (под ред. H. Kerrigan). SAGE Publications. 2018. P. 517768 p.
8. Docket No. 2017R-22. Federal Register / Vol. 82, No. 246 / Tuesday, December 26, 2017 / Proposed Rules
9. 26 U.S.C. § 5845(b)
10. Nass D., Campbell S. The ATF Received 36,000 Comments on Bump Stocks. They're Overwhelmingly Anti-Regulation. URL: <https://www.thetrace.org/newsletter/atf-bump-stock-regulation-comments-analysis/> (дата обращения 03.08.2025)
11. Docket No. 2018R-22F; AG Order No. 4367–2018. Bump-Stock-Type Devices (Final Rule). 2018
12. 18 U.S.C. § 922(o)
13. Guns in American Society: An Encyclopedia of History, Politics, Culture, and the Law [3 Volumes] (под ред. G.L. Carter, J. Schildkraut). ABC–CLIO. 2022. P. 1351091 p.
14. Historic Documents of 2019 (под ред. H. Kerrigan). SAGE Publications. 2020. P. 540808 p.
15. CA5 Case 20–51016 Cargill v. Garland (2023)
16. CA FC 20–1188 McCutchen v. United States (2021)
17. CA6 Case No. 20–6380 Hardin v. Bureau of Alcohol, Tobacco, Firearms and Explosives et al (2023)
18. Howe A. Justices take up bump stock dispute. URL: <https://www.scotusblog.com/2023/11/justices-take-up-bump-stock-dispute/> (дата обращения 03.08.2025)
19. Howe A. Supreme Court split over bump-stock ban. URL: <https://www.scotusblog.com/2024/02/supreme-court-split-over-bump-stock-ban/> (дата обращения 03.08.2025)
20. 602 US 406 Garland v. Cargill (2024)
21. Baus C.D. Trump/Sessions do what even Obama/Holder wouldn't: Move to ban bump stocks. <https://www.buckeyefirearms.org/trumpsessions-do-what-even-obamaholder-wouldnt-move-ban-bump-stocks> (дата обращения 03.08.2025)

CERTAIN PECULIARITIES OF SUBORDINATE RULE-MAKING BY THE FEDERAL EXECUTIVE BRANCH IN THE USA IN THE JURISPRUDENCE OF THE UNITED STATES SUPREME COURT IN THE EARLY 20S OF THE 21ST CENTURY

Shulus A.

Lomonosov Moscow State University,

In the article, the author examines the practice of the US Supreme Court in the early 20s of the 21st century regarding the issue of regulatory rule-making. The issue of interpretation of laws by the executive branch is studied. A backstory that explains the problem

of deploying a new approach to the examination of relevant cases by the highest court in the US is provided. The issues of the latter are studied, especially in terms of deference to agencies' interpretation of Congressional acts. Furthermore, the author reflects justices' concurrences and dissents with their reasoning.

Keywords: US Constitution, judicial precedent, stare decises, US Supreme Court, rulemaking, administrative state.

References

1. 5 U.S.C. § 551–559

2. Administrative Procedure Act. (n.d.). (n.p.). U.S. Government Printing Office. 1965. P. 519572 p.

3. 467 U.S. 837 Chevron U.S.A. v. Natural Res. Def. Council (1984)

4. Deference to the Administration in Judicial Review: Comparative Perspectives (ed. G. Zhu). Springer International Publishing. 2019. P. 10445 p.

5. Assessing the Administrative State // Journal of Law & Politics. 2017. Vol.XXXII:239. PP. 239–259 P. 241

6. De Marco, P. Defending the Constitution: Restoring the Balance of Powers. Pasquale De Marco. 2025. PP. 116–117 174 p.

7. Historic Documents of 2017 (ed. H. Kerrigan). SAGE Publications. 2018. P. 517768 p.

8. Docket No. 2017R-22. Federal Register / Vol. 82, No. 246 / Tuesday, December 26, 2017 / Proposed Rules

9. 26 U.S.C. § 5845(b)

10. Nass D., Campbell S. The ATF Received 36,000 Comments on Bump Stocks. They're Overwhelmingly Anti-Regulation. URL: <https://www.thetrace.org/newsletter/atf-bump-stock-regulation-comments-analysis/> (дата обращения 03.08.2025)

11. Docket No. 2018R-22F; AG Order No. 4367–2018. Bump-Stock-Type Devices (Final Rule). 2018

12. 18 U.S.C. § 922(o)

13. Guns in American Society: An Encyclopedia of History, Politics, Culture, and the Law [3 Volumes] (ed. G.L. Carter, J. Schildkraut). ABC–CLIO. 2022. P. 135 1091 p.

14. Historic Documents of 2019 (ed. H. Kerrigan). SAGE Publications. 2020. P. 540808 p.

15. CA5 Case 20–51016 Cargill v. Garland (2023)

16. CA FC 20–1188 McCutchen v. United States (2021)

17. CA6 Case No. 20–6380 Hardin v. Bureau of Alcohol, Tobacco, Firearms and Explosives et al (2023)

18. Howe A. Justices take up bump stock dispute. URL: <https://www.scotusblog.com/2023/11/justices-take-up-bump-stock-dispute/> (access date 03.08.2025)

19. Howe A. Supreme Court split over bump-stock ban. URL: <https://www.scotusblog.com/2024/02/supreme-court-split-over-bump-stock-ban/> (access date 03.08.2025)

20. 602 US 406 Garland v. Cargill (2024)

21. Baus C.D. Trump/Sessions do what even Obama/Holder wouldn't: Move to ban bump stocks. <https://www.buckeyefirearms.org/trumpsessions-do-what-even-obamaholder-wouldnt-move-ban-bump-stocks> (access date 03.08.2025)

Актуальные проблемы международно-правового регулирования сотрудничества государств в сфере защиты детей от насилия в киберпространстве

Ярхамов Камил Тагирович,

аспирант, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации

E-mail: yarkhamov.kamil@mail.ru

Статья посвящена исследованию структурных и содержательных дефицитов существующего международно-правового регулирования, касающегося защиты детей от насилия в цифровой среде, с акцентом на нормативную несогласованность, ограниченность договорных обязательств и слабую институциональную связность между участниками трансграничного сотрудничества. Методологический инструментарий включает формально-юридический, компаративистский, системно-аналитический и сценарно-прогностический подходы, позволившие реконструировать не только актуальные дисфункции действующих конвенционных и soft law механизмов (Будапештская, Лансаротская, OPSC и др.), но и обосновать необходимость создания специализированной универсальной конвенции под эгидой ООН. Предложена модель будущего договора с акцентом на унификацию терминологического аппарата, внедрение процедурной интероперабельности (включая машинно-читаемые ордера, механизм data retention и координацию с частным сектором), а также институционализацию механизмов превенции и поддержки пострадавших. Делается вывод о формировании в среднесрочной перспективе условий для возникновения конвергентного международно-правового режима, способного обеспечить нормативно-технологический суверенитет ребенка в цифровом пространстве.

Ключевые слова: международное право, права ребенка, киберпространство, онлайн, сотрудничество государств, киберпреступность, охрана детства, конвенция

Введение

Безопасность детей в цифровом пространстве в условиях XXI века, когда темпы проникновения интернета и цифровых платформ в повседневную жизнь приобретают экспоненциальный характер, а медиаполе всё чаще становится основной средой социализации, досуга и коммуникации несовершеннолетних, оказывается под серьёзной угрозой вследствие растущего многообразия форм насилия, в частности, сексуального, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, включая как прямую виктимизацию, так и опосредованное разрушение психоэмоционального благополучия ребёнка. В 2023 году, по данным Международного центра по вопросам пропавших и эксплуатируемых детей (ICMEC), в среднем каждый день фиксировалось более 115 000 инцидентов, связанных с распространением контента сексуального характера с участием несовершеннолетних, а в целом за год было зарегистрировано свыше 42 миллионов уникальных файлов, содержащих сцены сексуального насилия над детьми¹, что свидетельствует о неуклонной тенденции к нарастанию глубины и масштабов цифровой виктимизации.

Пандемия COVID-19, как установлено в аналитическом отчёте Европейского центра по киберпреступности, вызвала качественный скачок в онлайн-активности детей: в период с апреля по декабрь 2020 года среднее время, проводимое несовершеннолетними в интернете, увеличилось с 3,5 до 7,2 часов в день, а посещаемость образовательных, игровых и видеохостинговых платформ возросла более чем на 68%, что создало уникально уязвимую среду для цифровых преступников². Аналогично, согласно данным Детского фонда ООН (UNICEF), 58% детей в возрасте от 11 до 17 лет сообщили об онлайн-контактах с незнакомыми взрослыми в период самоизоляции, из которых 16% признались в отправке интимных изображений, будучи подвергнутыми давлению или манипуляции³.

¹ Международный центр по поиску пропавших и эксплуатируемых детей (ICMEC). Материалы сексуального насилия над детьми: модельное законодательство и глобальный обзор. 10-е изд. Вашингтон: ICMEC, окт. 2023. С. 14.

² Чернухин Э. Международно-правовое обеспечение безопасности детей и подростков в информационном пространстве // Международная жизнь. 2023. № 1. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2774> (дата обращения: 10.07.2025).

³ UNICEF. Disrupting Harm in Ethiopia: Evidence on online child sexual exploitation and abuse. – UNICEF, ECPAT, Interpol, 2022. – P. 11.

Согласно данным Еврокомиссии, объём выявленного детского сексуального контента в 2021 году составил свыше 85 миллионов единиц фото- и видеоматериалов, что на 64% превышает аналогичный показатель 2020 года, а число уникальных IP-адресов, с которых происходила передача этих файлов, превысило 1,2 миллиона¹, что указывает на масштабированную децентрализацию преступной активности и всё большую сложность её отслеживания. Более того, с развитием технологии стриминга, преступники получают возможность транслировать сексуальное насилие над детьми в режиме реального времени, причём по платной подписке – стоимость одной такой трансляции на закрытых форумах Даркнета достигает от 150 до 2000 долларов США за сеанс, в зависимости от «уникальности» материала и возраста жертвы.

Однако, несмотря на стремительный темп развития цифровых технологий, радикально трансформирующих как формы социальной коммуникации, так и способы совершения преступлений в онлайн-среде, система международно-правовых норм демонстрирует отчётливое отставание, проявляющееся в нормативной фрагментарности, институциональной инертности и недостаточной адаптивности к новым формам трансграничной виктимизации, при которой злоумышленники, используя анонимизирующие технологии, VPN-протоколы, зашифрованные мессенджеры и юрисдикционные несостыковки между государствами, могут совершать преступления дистанционно из иных стран, уклоняясь от преследования за счёт правовых пробелов в национальных системах и отсутствия механизмов экстрадиционной синхронизации². Между тем, действующая система международного права остаётся неполной: она включает в себя отдельные договоры (например, Конвенцию Совета Европы о киберпреступности 2001 года), рамочные инициативы, рекомендации и декларации, однако в ней отсутствует универсальный, институционально закреплённый механизм, способный в полноте охватывать все аспекты проблемы – от превенции и мониторинга до следствия, экстрадиции и защиты пострадавших, что усугубляется тем, что многие международные инструменты носят необязательный, рекомендательный характер (soft law), в результате чего их имплементация в национальное законодательство происходит фрагментарно, неравномерно и зачастую с существенными отклонениями от исходных положений, что в совокупности затрудняет создание эффективной глобальной архитектуры противодействия преступлениям против детей в цифровой среде.

Таким образом, беспрецедентный рост числа преступлений сексуального характера против детей, совершаемых в цифровой среде, требует не просто адаптации национальных законода-

тельств и механизмов оперативного реагирования, но и формирования интегрированной международной системы мониторинга, раннего предупреждения и трансграничного преследования, в рамках которой будут синхронизированы усилия правоохранительных органов, частных провайдеров, интернет-компаний, правозащитных организаций и экспертов в области цифровой криминологии.

Методологическая база включает: сравнительно-правовой анализ международных договоров и национальных правопорядков; формально-юридический метод для интерпретации норм; контент-анализ резолюций и доктринальных источников; кейс-анализ трансграничных дел о кибернасилии; сценарное моделирование перспектив международно-правового режима с учётом политико-правовой динамики.

Целью исследования является анализ актуальных проблем международно-правового регулирования сотрудничества государств в сфере защиты детей от насилия в киберпространстве и формулирование предложений по модернизации глобальной нормативной базы.

В рамках поставленной цели решаются следующие задачи: 1) рассмотрение эволюции международных договоров и институтов, включая Конвенцию о правах ребёнка, Факультативный протокол и Будапештскую конвенцию; 2) выявление терминологических расхождений в определениях понятий, таких как «груминг», «цифровое насилие», «детская порнография»; 3) анализ барьеров межгосударственного взаимодействия – различий в экстрадиционных процедурах, допустимости цифровых доказательств и конфликтах юрисдикций; 4) оценка роли soft law и частно-государственных инициатив в регулировании поведения цифровых платформ; 5) обоснование необходимости универсальной конвенции, закрепляющей согласованные понятия, процедуры и механизмы межгосударственного контроля; 6) моделирование сценариев развития международно-правового режима в данной области.

Эволюция и институциональные рамки международной правовой защиты детей от насилия в цифровой среде

Основы глобальной архитектуры защиты прав ребёнка были институционально заложены в тексте Конвенции ООН о правах ребёнка 1989 года (Convention on the Rights of the Child, CRC), принятой Генеральной Ассамблеей Организации Объединённых Наций и ратифицированной 196 государствами, включая все члены ООН за исключением США, данный договор является универсальным, закрепляющим минимальные стандарты обращения с несовершеннолетними в условиях как мирного времени, так и кризисных ситуаций. Согласно статье 19 Конвенции, каждое государство-участник принимает на себя юридически обязывающее обязательство обеспечивать защиту ребёнка от всех форм физического или психического насилия, оскорблений,

¹ Чернухин Э. Международно-правовое обеспечение безопасности детей и подростков в информационном пространстве // Международная жизнь. 2023. № 1. URL: <https://interaffairs.ru/author/material/2774> (дата обращения: 10.07.2025).

² WeProtect Global Alliance. (2021) Global Threat Assessment 2021. London: WeProtect Global Alliance. P. 10.

пренебрежения, злоупотреблений и эксплуатации, включая сексуальное насилие¹, что, несмотря на отсутствие в тексте прямого упоминания цифровой среды, формирует универсальные основания для расширительного толкования этих норм в контексте стремительной цифровизации детства и роста числа онлайн-преступлений.

В развитие положений CRC в 2000 году был принят Факультативный протокол о торговле детьми, детской проституции и детской порнографии (Optional Protocol on the Sale of Children, Child Prostitution and Child Pornography, OPSC), который дополнил универсальные положения Конвенции более конкретными юридическими обязательствами, направленными на криминализацию сексуальной эксплуатации несовершеннолетних, включая случаи производства, распространения и хранения детской порнографии, в том числе посредством электронных коммуникаций, что де-факто охватывает и киберсреду, хотя сам термин «интернет» или «информационные технологии» в тексте протокола отсутствуют². OPSC требует от государств-участников включения уголовной ответственности за вовлечение детей в порнографическую деятельность и за обращение с материалами, изображающими сексуальное насилие, однако его механизм мониторинга ограничивается периодической подачей государствами докладов в Комитет ООН по правам ребёнка, при отсутствии оперативных средств контроля, санкционного механизма или прямой правовой процедуры межгосударственных жалоб, что ослабляет его эффективность в условиях быстроменяющейся цифровой среды.

На региональном уровне наиболее проработанным и специализированным инструментом правового реагирования на сексуализированное насилие, совершаемое с использованием ИКТ, стала Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия 2007 года, более известная как Лансаротская конвенция, ратифицированная 47 странами Европы, а также рядом государств за её пределами, включая государства-наблюдатели Совета Европы. В отличие от универсальных соглашений, Лансаротская конвенция содержит прямое указание на необходимость уголовной ответственности за действия сексуального характера, совершаемые в отношении детей посредством информационно-коммуникационных технологий, включая груминг – целенаправленное установление доверительного контакта с несовершеннолетним в сети с целью последующей сексуальной эксплуатации, что закреплено в статье 23 указанного документа³. Кон-

венция требует от государств не только уголовного преследования за хранение, распространение и производство материалов, изображающих сексуальное насилие над детьми, включая цифровые форматы, но и создания правовых условий для международного сотрудничества в расследовании таких преступлений, включая обмен доказательствами, экстрадицию и взаимную правовую помощь. Для оценки исполнения государствами взятых на себя обязательств учреждён Комитет сторон, обладающий полномочиями по мониторингу, формулированию интерпретационных рекомендаций и анализу национальных практик, что делает Лансаротскую конвенцию первым международным договором, прямо и системно учитывающим онлайн-аспекты сексуального насилия в отношении детей и встраивающим цифровой фактор в структуру договорных обязательств.

Другим важнейшим международно-правовым актом, частично затрагивающим проблему защиты детей от насилия в цифровой среде, выступает Конвенция Совета Европы о киберпреступности 2001 года, более известная как Будапештская конвенция, обладающая трансрегиональным охватом, поскольку открыта для подписания не только европейскими, но и внеевропейскими государствами, число которых на сегодняшний день превышает 65, включая США, Канаду, Японию, Бразилию, Австралию и ряд других стран. Несмотря на то что центральной задачей данного договора является борьба с преступлениями в сфере компьютерной информации, такими как неправомерный доступ, вмешательство в работу систем, незаконное использование устройств и преступления, связанные с данными, статья 9 Конвенции специально выделяет преступления, касающиеся детской порнографии, и возлагает на государства-участники обязательство инкриминировать на национальном уровне изготовление, распространение, хранение и приобретение материалов с изображением сексуального насилия над детьми, включая действия, совершаемые в электронном формате или с использованием сетевых технологий.

Особое значение в контексте трансграничного взаимодействия придаётся тем положениям Будапештской конвенции, которые создают институциональные механизмы оперативной правовой взаимопомощи, включая круглосуточную систему контактных пунктов (сеть 24/7), предназначенных для немедленного обмена процессуально значимыми данными между правоохранительными органами разных стран в случаях расследования преступлений, совершаемых в цифровой среде, что критически важно при расследовании онлайн-эксплуатации детей, где временной фактор часто предопределяет успешность вмешательства и возможность идентификации жертвы. В то же время, при всей прогрессивности технической составляющей, Будапештская конвенция не охватыва-

¹ Конвенция ООН о правах ребёнка (Нью-Йорк, 20 нояб. 1989 г.) – Вступила в силу 02.09.1990. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 10.07.2025).

² Киселева Е.В., Кажаяева О.С. Суррогатное материнство и торговля детьми: позиция специального докладчика ООН // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2021. № 1. С. 41.

³ Калинина А.С., Секераж Т.Н. Взаимодействие с несовершеннолетними потерпевшими лиц, привлекаемых к ответ-

ственности за совершение развратных действий в сети Интернет: интенциональный аспект // Психология и право. 2022. Т. 12. № 3. С. 79.

ет вопросы профилактики, реабилитации жертв, не содержит норм, специально ориентированных на более широкий спектр проявлений кибернасилия, включая груминг, онлайн-вымогательство или потоковые трансляции насилия, поскольку её положения сосредоточены исключительно на правонарушениях, имеющих прямое отношение к компьютерной информации. Кроме того, отсутствие участия в данной конвенции таких государств, как Россия, Китай, Индия и ряд стран глобального Юга, серьёзно ограничивает её универсальность и делает невозможным формирование единой глобальной архитектуры противодействия преступлению в цифровой среде, включая сексуальное насилие над детьми.

В условиях отсутствия единой универсальной конвенции, прямо регулирующей вопросы борьбы с насилием над детьми в киберпространстве, особое значение приобретает институциональное взаимодействие государств, международных организаций и негосударственных акторов, формирующих многоуровневую архитектуру сотрудничества и координации, основанную на принципах прав человека, взаимной правовой помощи и технической поддержки. Узловым глобальным актором в сфере защиты прав детей, включая аспекты цифровой безопасности, выступает Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), который, опираясь на положения Конвенции о правах ребёнка и смежные международные стандарты, разрабатывает стратегические инициативы, направленные на продвижение концепции прав ребёнка в цифровую эпоху, включая доступ к информации, участие в жизни онлайн-сообществ и, одновременно, защиту от всех форм насилия, в том числе сексуализированного характера. В рамках своей деятельности ЮНИСЕФ реализует исследовательские проекты, такие как отчёт 2021 года «Ending Online Child Sexual Exploitation and Abuse», инициирует информационно-просветительские кампании, оказывает государствам содействие в разработке национальных стратегий и программ по минимизации онлайн-рисков для детей, подчёркивая, что рост охвата интернетом среди несовершеннолетних должен сопровождаться пропорциональным усилением мер защиты, иначе нарушается базовое право ребёнка – право на жизнь без насилия.

На уровне оперативного сотрудничества центральную роль выполняет международная правоохранительная сеть, функционирующая преимущественно на базе Интерпола, который выступает координатором ряда стратегических и тактических мероприятий, направленных на борьбу с цифровыми формами сексуального насилия над детьми. Одним из инструментов Интерпола является Международная база данных по сексуальной эксплуатации детей (ICSE), в которой накапливаются, обрабатываются и сопоставляются фото- и видеоматериалы с целью идентификации пострадавших несовершеннолетних и установления личностей преступников; по состоянию на 2022 год к этой базе были подключены правоохранительные органы

68 государств, благодаря чему удалось установить более 30 000 жертв и идентифицировать свыше 13 000 злоумышленников¹. Интерпол координирует крупномасштабные международные операции, такие как «Thunder» и «Terra», направленные на выявление и ликвидацию сетей, распространяющих материалы сексуального насилия над детьми (CSAM), при этом его стратегические документы, включая Стратегию INTERPOL по борьбе с преступлениями против детей подчёркивают необходимость стандартизации терминологии, унификации уголовно-правовых категорий и усиления межгосударственного обмена информацией, что рассматривается как условие эффективного пресечения подобных преступлений и минимизации вторичной виктимизации пострадавших.

В рамках Европейского союза основную институциональную роль в борьбе с онлайн-эксплуатацией детей играет агентство Европол, в структуре которого функционирует Европейский центр по борьбе с киберпреступностью, включающий специализированное подразделение, ответственное за противодействие сексуализированному насилию в цифровой среде, что позволяет обеспечить межгосударственную координацию, обмен информацией и методическую поддержку в расследовании транснациональных преступлений, совершаемых с использованием ИКТ. Европол выполняет функции высоконагруженного информационно-аналитического узла (информационного хаба), аккумулирующего сведения о выявленных инцидентах сексуального насилия над детьми, осуществляя их верификацию, систематизацию и оперативную передачу в компетентные органы государств-членов ЕС, инициируя создание совместных следственных групп (Joint Investigation Teams, JITs), в состав которых входят представители правоохранительных органов нескольких стран для проведения скоординированных расследований. Так, при непосредственном участии Европола были проведены транснациональные операции по ликвидации крупных закрытых онлайн-платформ, распространявших материалы сексуального насилия над детьми, таких как «Playpen» и ряд других аналогичных форумов в даркнете, в результате чего было арестовано несколько сотен злоумышленников в различных странах, включая администраторов, поставщиков и конечных потребителей контента, а также выявлены десятки ранее неизвестных жертв.

На стыке государственного и негосударственного секторов функционирует Международная ассоциация интернет-«горячих линий» INHOPE, объединяющая более 50 национальных и региональных структур из 46 стран, специализирующихся на приёме, анализе и передаче информации о выявленных пользователями случаях размещения в интернете материалов, содержащих сцены сексуального насилия над детьми. Горячие

¹ International Centre for Missing & Exploited Children (ICMEC). (2017) Online Grooming of Children for Sexual Purposes: Model Legislation & Global Review. Alexandria, VA: ICMEC. P. 24.

линии, входящие в сеть INHOPE, выполняют роль оперативных медиаторов, обеспечивая трансграничный обмен данными: если хостинг выявленного нелегального контента располагается в юрисдикции, отличной от страны-отправителя сигнала, информация автоматически или вручную перенаправляется соответствующему участнику сети, который, в зависимости от национального законодательства, может инициировать блокировку ресурса, уведомить провайдера или передать данные в правоохранительные органы. Благодаря деятельности INHOPE ежегодно из публичного доступа удаляются десятки тысяч единиц незаконного контента, что существенно сокращает риски его повторного распространения и вторичной виктимизации пострадавших детей. Тем не менее, в работе сети сохраняются структурные и географические ограничения: значительное число стран, преимущественно из регионов Африки, Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока, не имеет развитых механизмов реагирования на цифровое сексуальное насилие, не входит в INHOPE либо не обладает институциональными возможностями для технической обработки сигналов, что препятствует формированию по-настоящему глобальной системы защиты. Кроме того, эффективность горячих линий напрямую зависит от уровня взаимодействия с интернет-компаниями, обладающими полномочиями на удаление контента, и с правоохранительными структурами, уполномоченными на проведение расследования: в тех юрисдикциях, где такое сотрудничество не налажено или носит формальный характер, даже оперативно полученные сообщения могут не привести к привлечению виновных к ответственности или прекращению распространения материалов.

Особое место в современной архитектуре противодействия цифровому насилию над детьми занимают многосторонние альянсы и инициативы так называемого мягкого права (soft law), объединяющие государства, международные организации, представителей IT-индустрии и гражданского общества, функционирующие вне рамок юридически обязывающих соглашений, но оказывающие значительное политическое и практическое влияние на формирование стандартов и механизмов реагирования. Крупнейшей международной площадкой подобного рода выступает Глобальный альянс WeProtect, учреждённый в 2014 году и к настоящему времени объединяющий 98 государств, более 40 компаний цифровой индустрии и порядка 60 неправительственных организаций, деятельность которых направлена на защиту детей в интернете¹. Альянс WeProtect организует международные саммиты на уровне глав государств и министров, разрабатывает эталонную модель реагирования, выпускает регулярно обновляемый Глобальный

¹ Childlight Global Child Safety Institute, Into the Light Index on Child Sexual Exploitation and Abuse Globally: 2024 Report (Edinburgh, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, 2024) // The University of Edinburgh. URL: <https://www.ed.ac.uk/news/2024/scale-of-online-harm-tochildren-revealed-in-globa> (дата обращения: 13.07.2025).

доклад об угрозах, отражающий динамику, географию и эволюцию методов онлайн-эксплуатации детей.

Таким образом, в настоящее время сложилась многоуровневая институциональная система, включающая универсальные (ООН, ЮНИСЕФ, ЮНОДК, Интерпол), региональные (Совет Европы, Европейский союз, Европол) и частно-глобальные (INHOPE, WeProtect) механизмы, функционирующие в рамках полицентричной модели, где различные акторы, в зависимости от мандата, юридической природы и сферы компетенции, вносят вклад в борьбу с цифровым насилием в отношении детей. Однако отсутствие единого, юридически обязательного для всех участников глобального стандарта, равно как и отсутствие координирующего центра с универсальными полномочиями, приводит к институциональной разрозненности, нормативной избыточности и операционной фрагментации. Международные договоры варьируются по кругу участников, объёму обязательств и тематической направленности, в то время как контрольные органы, как правило, обладают лишь рекомендационными функциями, без реальных рычагов воздействия в случае невыполнения обязательств.

Проблематика дефиниций и понятийной фрагментации в международно-правовом поле

Единое и нормативно закреплённое понимание базовых терминов выступает как необходимое условие согласованной и эффективной правоприменительной практики между государствами, особенно в условиях трансграничного характера преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий. В сфере защиты детей от насилия в цифровой среде наблюдается выраженная фрагментация в дефинициях ключевых понятий, что порождает так называемые «разрывы перевода» между правовыми системами различных государств, затрудняя интерпретацию состава преступлений, признание доказательств, квалификацию деяний и взаимодействие между компетентными органами в рамках международной правовой помощи, экстрадиции или совместных расследований.

Так, термин «кибернасилие» не закреплён в универсальных договорах ООН и фигурирует преимущественно в контекстных формулировках типа насилие в цифровой среде; в документах Совета Европы он декомпозируется на формы кибербуллинг, сексуальное насилие в интернете, груминг, сексуальное принуждение; в американском праве не является кодифицированной категорией, но встречается через составы кибер-преследование, онлайн-домогательства, заманивание ребёнка; в праве ЕС используется раздробленный понятийный инструментарий онлайн домогательства, цифровое насилие, без унифицированной дефиниции; в российской правовой системе отсутствует как термин в уголовном кодексе и применяется в доктрине как собирательное обозначение угроз, домогательств и преследований через ИКТ. Термин «сексуальная

эксплуатация» в актах ООН охватывает проституцию, порнографию, принуждение без цифровой детализации; в Лансаротской конвенции отделяется от сексуального насилия и включает ИКТ как средство; в США используется широко и применяется к производству и сбыту детской порнографии; в ЕС зафиксирован в Директиве 2011/93/ЕС, где охватывает проституцию, порнографию и цифровые формы; в РФ отсутствует как юридическая категория, но используется в стратегических документах. Термин «груминг» прямо не закреплён в документах ООН, впервые озвучен Специальным докладчиком в 2014 году; в Лансаротской конвенции оформлен как домогательство в ст. 23; в США инкриминируется как совершение несовершеннолетних или использование компьютера для соблазнения; в ЕС закреплён в ст. 6 Директивы как обязательство уголовной ответственности за предложение встречи; в РФ квалифицируется по ст. 133 или 135 УК РФ, но без признания самого виртуального общения составом преступления. Термин «детская порнография / МСНД» в ООН традиционно используется детская порнография, но с 2020-х годов рекомендуется переход к материалы о сексуальном насилии над детьми, далее МСНД; в Будапештской конвенции включены реалистичные и нереалистичные формы, а в Лансаротской – только реальные изображения; в США понятие определено в § 2256 и включает любые визуальные материалы с реальным ребёнком; в ЕС охватывает изображения как реальных, так и нереалистичных детей, при этом рекомендован переход к термину МСНД; в российском законодательстве (ст. 242.1 и 242.3 УК РФ) закреплено понятие порнографии с участием несовершеннолетних, однако нет охвата груминга, а термин МСНД официально не используется.

Таким образом, отсутствие единого и общепринятого на международном уровне глоссария базовых терминов, касающихся преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних, совершаемых в цифровой среде, существенно затрудняет координацию усилий государств сразу на нескольких критически важных уровнях: во-первых, в условиях несогласованности дефиниций в национальных законодательствах статистические данные, предоставляемые различными странами, оказываются трудно сопоставимыми: деяния, которые в одной юрисдикции классифицируются как «сексуальная эксплуатация», в другой могут быть отнесены к сфере «торговли детьми», «изготовления порнографических материалов» или даже «психологического насилия», что препятствует формированию объективной и глобально репрезентативной картины масштабов проблемы и эффективности реализуемых мер противодействия. Во-вторых, принцип двойной криминализации, являющийся стандартом при решении вопросов об экстрадиции и предоставлении взаимной правовой помощи, превращается в серьёзный юридический барьер: несовпадение формулировок уголовно наказуемых деяний приводит

к отказам в выдаче подозреваемых, а лица, совершившие преступления трансграничного характера, фактически избегают привлечения к ответственности, что, как подчёркивает ЕСПАТ, может сделать механизмы экстерриториальной юрисдикции и экстрадиции неприменимыми в случаях, когда деяние не признано преступным в одной из стран или определено по-другому¹.

В-третьих, отсутствие унифицированных терминов затрудняет формирование согласованных стандартов для глобально действующих IT-компаний, поскольку интернет-платформы, обязанные реагировать на сигналы о противоправном контенте, сталкиваются с разными юридическими критериями незаконности: например, в одних странах к запрещённым материалам относятся виртуальные изображения несовершеннолетних в сексуализированном контексте, в то время как в других такие изображения могут не попадать под определение уголовно наказуемого деяния, что препятствует созданию универсальных алгоритмов фильтрации, единых списков запрещённых хэшей и процедур отчётности.

В признание остроты проблемы терминологической фрагментации международное сообщество предпринимает шаги по её преодолению, ярким примером чего выступают «Luxembourg Guidelines» 2016 года – Руководящие принципы по унификации терминологии в сфере защиты детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия, разработанные Интерсекционной рабочей группой при координации ЕСПАТ International и участия экспертов ЮНИСЕФ, Совета Европы, Интерпола, Международного союза электросвязи (ITU), INHOPE и других профильных организаций. Данные рекомендации предлагают чёткие и лингвистически нейтральные определения понятий, таких как «Child Sexual Abuse Material» (взамен стигматизирующего термина «детская порнография»), а также различение категорий «сексуальное насилие» и «сексуальная эксплуатация», предлагая исключить из официальной риторики оценочные или устаревшие термины, способные повлиять на правовую квалификацию и социальное восприятие. Кроме того, Международный центр по пропавшим и эксплуатируемым детям (ICMEC) разработал Модельный закон о противодействии онлайн-грумингу (2017), содержащий детализированную формулировку состава преступления «дигитал груминг» и процедурные нормы, касающиеся его расследования, включая допустимость цифровых доказательств, хранение коммуникаций, стандарты идентификации подозреваемых и защиту потерпевших.

Тем не менее, описанные меры пока не носят обязательного характера, и в отсутствие договорных обязательств государства не демонстрируют готовности к пересмотру собственных уголовных

¹ ECPAT International. (2020) Extraterritorial jurisdiction and extradition legislation for sexual exploitation of children (Issues Paper). Available at: <https://ecpat.org/story/extraterritorial-jurisdiction-and-extradition-legislation/> [Accessed 10 Jul. 2025].

кодексов, терминологических баз и следственных стандартов. Именно по этой причине в экспертной среде всё чаще выдвигается идея о включении стандартизированного глоссария понятий в проект разрабатываемого универсального договора ООН о противодействии преступлениям, совершаемым с использованием ИКТ, либо принятии в рамках Генеральной Ассамблеи или ЭКОСОС специальной резолюции или иного акта *soft law*, закрепляющего понятийную унификацию в данной сфере. До тех пор международно-правовое пространство будет оставаться терминологически раздробленным, что системно снижает эффективность координации и способствует правовой неопределённости.

Структурные барьеры международного сотрудничества в расследовании преступлений против детей в киберпространстве

Во взаимодействии государств при расследовании преступлений сексуализированного характера против детей, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, на международной арене обнаруживается целый спектр системных, нормативно-процессуальных и институциональных барьеров, препятствующих выработке скоординированной, эффективной и своевременной ответной реакции. Анализ данных препятствий позволяет выделить как минимум пять структурных категорий, обладающих высокой степенью латентного деструктивного воздействия на результативность международного правосудия и защиту прав несовершеннолетних в цифровой среде.

Во-первых, юрисдикционные конфликты и проблемы, обусловленные транснациональной природой интернет-преступности, становятся основополагающим источником неурегулированности процессуальной компетенции и ответственности. В ситуациях, когда преступник физически находится в одной юрисдикции (например, в государстве А), жертва – в другой (государство В), а цифровая инфраструктура (включая серверы, платёжные шлюзы, облачные хранилища) – в третьей (государство С), возникает не только правовая неопределённость относительно того, какое государство вправе осуществлять расследование, возбуждать уголовное дело и инициировать судебное преследование, но и реальный риск параллельных, конфликтующих претензий на юрисдикцию либо, напротив, ситуации взаимного отстранения от ответственности. Типичным примером может служить широко известный кейс «Azov Films» (2011 г.), когда канадский администратор сайта, распространявшего МСНД-контент, использовал европейские серверы и эксплуатировал детей из Мексики, в результате чего одновременно ордера на арест были выданы Канадой, США и Германией, а дальнейшее разбирательство потребовало многостороннего участия в рамках механизмов правовой помощи (MLAT).

Во-вторых, одним из наиболее значимых препятствий к эффективной экстрадиции преступни-

ков, совершивших цифровые сексуальные преступления против детей, является принцип двойной криминализации, согласно которому государство отказывает в выдаче лица, если инкриминируемое деяние не квалифицируется как преступление в его собственном уголовном законодательстве. Подобная коллизия особенно характерна для составов преступлений, регулирующих поведение в цифровой среде, таких как «онлайн-груминг», хранение МСНД без намерения распространения или участие в виртуальных порнографических трансляциях. Так, в 2020 году бразильский суд отказал в удовлетворении британского запроса о выдаче гражданина, совершившего онлайн-груминг в отношении британского подростка, сославшись на отсутствие в национальном уголовном кодексе конкретного состава преступления.

Вместе с тем, различие в стандартах сбора, хранения и допустимости цифровых доказательств между правовыми системами государств создаёт дополнительный барьер, особенно на стадии признания допустимости улик в судебных процессах. Практика показывает, что доказательства, полученные в одной стране без соблюдения всех процессуальных гарантий (например, без судебного ордера либо с нарушением цепочки хранения), могут быть признаны «плодами отравленного дерева» и отвергнуты судом другой страны. Иллюстрацией подобного рода может служить случай отказа французского суда в предоставлении лог-файлов по запросу США, поскольку получение этих данных не было санкционировано судебным решением, что противоречит как нормам общего регламента по защите данных, так и национальному праву Франции.

Четвёртой проблемой выступает ограниченность и фрагментарность механизмов трансграничного обмена информацией, особенно в условиях жёсткого регулирования трансграничного движения персональных данных. Как показывают статистические отчёты Европола и Интерпола, среднее время отклика на MLAT-запросы по делам, связанным с сексуальным насилием в отношении детей в интернете, колеблется от 6 до 12 месяцев, что делает невозможным оперативное реагирование: к моменту получения запрошенных данных преступник может сменить цифровую инфраструктуру, уничтожить улики либо продолжить противоправную деятельность. Ситуация усугубляется нормативными барьерами: в частности, запретами общего регламента по защите данных на передачу персональных данных за пределы Европейской экономической зоны без надлежащих правовых оснований, а также законами о локализации данных в ряде стран (Россия, Китай, Индия), фактически запрещающими трансграничный доступ без внутренних процедур. Дополнительную угрозу представляет собой повсеместное внедрение end-to-end шифрования, делающего недоступными даже технически возможные каналы связи.

Наконец, пятое направление структурных барьеров касается неравномерности институцио-

нального потенциала и несовпадения приоритетов в национальных стратегиях кибербезопасности. Во многих странах, особенно с ограниченными финансовыми и кадровыми ресурсами, отсутствуют специализированные подразделения по борьбе с преступлениями сексуального характера в цифровой среде, что затрудняет участие в международном сотрудничестве. По данным на 2023 год, 32 государства (в основном в странах Африки и Юго-Восточной Азии) не подключены к базе ICSE, а среди подключённых лишь 38% отвечают на запросы в установленный срок. В то же время некоторые развитые государства, несмотря на наличие необходимых ресурсов, придают приоритет другим видам киберугроз (например, защите критической инфраструктуры, борьбе с кибершпионажем или финансированием терроризма), что снижает уровень вовлечённости в расследование преступлений против детей.

Столкнувшись с системными затруднениями в координации и имплементации международных обязательств, вызванными как фрагментацией юрисдикций, так и высокой скоростью технологических трансформаций, государства и международные организации пришли к выводу, что одного лишь арсенала юридически обязывающих договоров недостаточно – требуется внедрение гибких механизмов регулирования, включающих участие неправительственных акторов, выработку согласованных стандартов поведения и институционализацию так называемого «мягкого права», способного оперативно адаптироваться к быстро меняющимся угрозам.

Перспективы создания глобального конвенционного механизма защиты детей от насилия в киберпространстве

В международном экспертном и политическом дискурсе всё отчетливее формируется консенсус относительно необходимости разработки и принятия универсального, юридически обязательного многостороннего договора, целенаправленно посвящённого защите несовершеннолетних от всех форм насилия, совершаемого с использованием информационно-коммуникационных технологий, причём этот договор должен предусматривать как материально-правовые, так и процедурные, превентивные и институциональные меры реагирования, включая механизмы мониторинга, межгосударственного сотрудничества и взаимодействия с частным сектором.

К числу аргументов, выдвигаемых в обоснование такой международной конвенции, следует отнести, прежде всего, трансграничную природу интернет-пространства, где злоумышленники, пользуясь «правовыми лакунами» в отдельных странах и неравномерным уровнем криминализации, могут уходить от ответственности, перемещаясь по юрисдикциям, не имеющим эквивалентных правовых норм, что ведёт к подрыву эффектив-

ности борьбы с преступлениями сексуального характера в отношении детей, совершаемыми через цифровые технологии; далее, унификация материальных норм позволила бы, с одной стороны, установить обязательный для всех участников перечень преступлений, включая онлайн-груминг, хранение и распространение МСНД, стриминг насилия и сексуальное вымогательство, а с другой – задать минимальные стандарты наказаний и устранить неоднородность трактовок терминов, нередко препятствующую взаимному признанию решений; кроме того, в проектируемую конвенцию целесообразно интегрировать инновационные процессуальные механизмы, включая единые стандарты предоставления электронных доказательств, упрощённые процедуры экстрадиции и признания решений об удалении противоправного контента, а также обязательства по обеспечению транснациональной цифровой прослеживаемости и установлению 24/7 пунктов координации между правоохранительными структурами государств.

Предлагаемая структура будущей конвенции, по аналогии с современными международными договорами смешанного правового профиля, может включать следующие разделы:

- преамбула, в которой будет зафиксировано общее понимание угроз, исходящих от ИКТ, признание универсального характера прав ребёнка в цифровую эпоху и подтверждение приверженности государств защите наиболее уязвимой группы пользователей глобальной сети;
- раздел определений, в котором будут унифицированы ключевые понятия: «ребёнок» (лицо до 18 лет), «онлайн-груминг», «МСНД», «сексуальное вымогательство», «вовлечение через цифровые платформы» и другие;
- материально-правовые обязательства, обязывающие государства криминализировать не только распространение, но и простое хранение МСНД, а также действия, совершаемые без физического контакта, но с сексуальной мотивацией, включая виртуальные формы вовлечения и взаимодействия с детьми, что в ряде юрисдикций пока не охватывается уголовным правом;
- процессуальные и межгосударственные обязательства, предполагающие внедрение норм о минимальных сроках хранения трафиковых данных, обязанностей интернет-компаний по уведомлению уполномоченных органов о выявленных случаях МСНД, механизмы прямого обмена доказательствами между национальными правоохранительными органами по модели дополнительного протокола к Будапештской конвенции 2022 года, юридическое закрепление взаимного признания и исполнения судебных ордеров о блокировке, аресте и удалении противоправных цифровых материалов;
- превентивные меры, включающие обязательство государств разрабатывать и внедрять образовательные программы по цифровой гра-

мотности, проводить общенациональные кампании по повышению осведомлённости о рисках онлайн-эксплуатации, стимулировать технические решения (например, системы родительского контроля и возрастной верификации) как часть обязательной архитектуры платформ, работающих с несовершеннолетними;

- положения о защите жертв, включая закрепление права пострадавшего ребёнка на незамедлительное удаление цифровых следов насилия, доступ к бесплатной и анонимной психологической помощи, проведение процессуальных действий в щадящем и неинвазивном формате, предотвращающем вторичную виктимизацию, создание механизмов трансграничного реагирования на появление повторных копий уже удалённых материалов;
- мониторинговый механизм, аналогичный GREVIO, в рамках которого независимый комитет экспертов будет осуществлять оценку выполнения положений конвенции, готовить рекомендации, обобщать практики и оказывать консультативную помощь государствам в процессе имплементации; рассматривается возможность привлечения представителей ИКТ-отрасли и НПО к работе в консультативном совете при таком комитете;
- положения о взаимоотношении с другими международными договорами (CRC, OPSC, Будапештская, Лансаротская), при которых новая конвенция не будет подрывать, а напротив, дополнять уже существующие правовые режимы, придавая им специализированный характер в аспекте цифровых угроз и формируя мост между общими правами ребёнка и их цифровыми аналогами;
- институциональный раздел, включающий создание поста Специального представителя Генерального секретаря ООН по вопросам защиты детей в цифровой среде с координационными функциями, определение механизмов устойчивого финансирования и технической помощи развивающимся государствам.

В заключительной части документа необходимо предусмотреть возможность модульного присоединения к различным уровням обязательств (например, посредством факультативных протоколов), что позволит учитывать культурно-правовые различия государств и обеспечит гибкость внедрения без ущерба для целостности правового режима.

Тем самым, формирование универсальной международной конвенции по защите детей от цифрового насилия должно рассматриваться как логический и стратегически обусловленный этап институционализации прав ребёнка в условиях цифровой трансформации общества, обеспечивающий не только реактивное, но и проактивное правовое регулирование в целях минимизации межгосударственных дисбалансов, повышения транспарентности цифровых сред и укрепления архитектуры глобального доверия в сфере защиты наиболее уязвимых субъектов международного правопорядка.

Заключение

Подводя итог исследованию, необходимо сделать несколько выводов.

1) Обнаружена нормативная и институциональная недостаточность существующих универсальных договоров (включая Конвенцию о правах ребёнка 1989 года и её Факультативный протокол), которые, будучи сформулированными в доцифровую эпоху, не охватывают специфику транснациональной киберэксплуатации и не предусматривают процедурных механизмов обмена электронными доказательствами и сотрудничества с частным сектором.

2) Фиксирована высокая степень фрагментации правовых понятий и процедур, проявляющаяся в отсутствии унифицированных определений таких категорий, как «онлайн-груминг» или «сексуальное насилие в цифровой среде», что, в совокупности с коллизиями юрисдикций, обязательной двойной инкриминацией и расхождениями в режимах обработки персональных данных, ведёт к институциональным пробелам, позволяющим правонарушителям избегать ответственности, а жертвам – оставаться без защиты.

3) Отмечена растущая функциональная роль soft law-инструментов, которые, несмотря на необязательный характер, выступают катализатором взаимодействия между государствами, транснациональными платформами и гражданским обществом, иницируя нормативные трансформации (в частности, проекты обязательного регулирования контента в ЕС) и способствуя консолидации лучшей практики реагирования на онлайн-угрозы детям.

4) Сформулирована необходимость инициирования универсальной международной конвенции, в структуре которой должны быть закреплены: единый глоссарий терминов; перечень подлежащих криминализации деяний; нормы о межгосударственном обмене цифровыми доказательствами и технической кооперации с интернет-компаниями; положения о защите жертв, включая минимизацию вторичной виктимизации и удаление незаконного контента; а также наднациональный механизм мониторинга исполнения на основе экспертной отчетности и консультаций.

Литература

1. Childlight Global Child Safety Institute. (2024) In to the Light Index on Child Sexual Exploitation and Abuse Globally: 2024 Report. Edinburgh, The University of Edinburgh. Available at: <https://www.ed.ac.uk/news/2024/scale-of-online-harm-tochildren-revealed-in-globa> (accessed 13 July 2025).
2. Childlight. Глобальный индекс сексуальной эксплуатации и насилия над детьми в цифровой среде. Отчёт – 2024. Эдинбург: Эдинбургский университет, 2024. URL: <https://www.ed.ac.uk>.

- uk/news/2024/scale-of-online-harm-tochildren-revealed-in-globa (дата обращения: 13.07.2025).
3. Chernukhin, E. (2023) International Legal Support for the Safety of Children and Adolescents in the Information Space. *International Affairs*. (1). Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2774> (accessed 10 July 2025).
 4. Чернухин Э. Международно-правовое обеспечение безопасности детей и подростков в информационном пространстве // *Международная жизнь*. 2023. № 1. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2774> (дата обращения: 10.07.2025).
 5. Dozortseva, E.G. & Medvedeva, A.S. (2019) Sexual Online Grooming as an Object of Psychological Research. *Psychology and Law*. 9 (2), 250–263. (in Russian).
 6. Дозорцева Е.Г., Медведева А.С. Сексуальный онлайн-груминг как объект психологического исследования // *Психология и право*. 2019. Т. 9, № 2. С. 250–263.
 7. International Centre for Missing & Exploited Children (ICMEC). (2017) *Online Grooming of Children for Sexual Purposes: Model Legislation & Global Review*. Alexandria, VA: ICMEC. 55 p.
 8. International Centre for Missing & Exploited Children. *Модельное законодательство и глобальный обзор: онлайн-груминг детей в сексуальных целях*. Александрия (США): ICMEC, 2017. 55 с.
 9. International Centre for Missing & Exploited Children (ICMEC). (2023) *Child Sexual Abuse Material: Model Legislation and Global Review*. 10th ed. Washington, D.C.: ICMEC. 78 p. Available at: https://cdn.icmec.org/wp-content/uploads/2023/10/CSAM-Model-Legislation_10th-Ed-Oct-2023.pdf (accessed 18 July 2025).
 10. Международный центр по поиску пропавших и эксплуатируемых детей. *Материалы сексуального насилия над детьми: модельное законодательство и глобальный обзор*. 10-е изд. Вашингтон: ICMEC, 2023. 78 с. URL: https://cdn.icmec.org/wp-content/uploads/2023/10/CSAM-Model-Legislation_10th-Ed-Oct-2023.pdf (дата обращения: 18.07.2025).
 11. ITU (International Telecommunication Union). (2020) *Guidelines for Policy Makers on Child Online Protection*. Geneva: ITU. 78 p.
 12. ITU (Международный союз электросвязи). *Рекомендации для законодателей по обеспечению онлайн-безопасности детей*. Женева: ITU, 2020. 78 с.
 13. Kalinina, A.S. & Sekerazh, T.N. (2022) Interaction with Minor Victims by Offenders in Internet-related Sexual Abuse: Intentional Aspects. *Psychology and Law*. 12 (3), 77–87. (in Russian).
 14. Калинина А.С., Секераж Т.Н. Взаимодействие с несовершеннолетними потерпевшими лиц, привлекаемых к ответственности за совершение развратных действий в сети Интернет: интенциональный аспект // *Психология и право*. 2022. Т. 12. № 3. С. 77–87.
 15. Kiseleva, E.V. & Kazhaeva, O.S. (2021) Surrogacy and Child Trafficking: The UN Special Rapporteur's Position. *International Legal Courier* (electronic journal). (1), 39–46. (in Russian).
 16. Киселева Е.В., Кажаяева О.С. Суррогатное материнство и торговля детьми: позиция специального докладчика ООН // *Международный правовой курьер*. 2021. № 1. С. 39–46.
 17. UN Convention on the Rights of the Child (1989) *Convention on the Rights of the Child*. Adopted 20 Nov. 1989. In force since 02 Sept. 1990. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (accessed 10 July 2025).
 18. Конвенция ООН о правах ребёнка (Нью-Йорк, 20 нояб. 1989 г.). Вступила в силу 02.09.1990. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 10.07.2025).
 19. UNICEF; ECPAT; Interpol. (2022) *Disrupting Harm in Ethiopia: Evidence on Online Child Sexual Exploitation and Abuse*. New York: UNICEF. 80 p. Available at: https://safeonline.global/wp-content/uploads/2023/12/DH_Ethiopia_ONLINE_final-251122.pdf (accessed 18 July 2025).
 20. UNICEF и др. *Прервать насилие: данные об онлайн-эксплуатации детей в Эфиопии*. Нью-Йорк: ЮНИСЕФ, 2022. 80 с. URL: https://safeonline.global/wp-content/uploads/2023/12/DH_Ethiopia_ONLINE_final-251122.pdf (дата обращения: 18.07.2025).

CURRENT PROBLEMS OF INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF COOPERATION BETWEEN STATES IN THE FIELD OF PROTECTION OF CHILDREN FROM VIOLENCE IN CYBERSPACE

Iarkhamov K.

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The article is devoted to the study of structural and substantive deficiencies in the existing international legal regulation concerning the protection of children from violence in the digital environment, with an emphasis on regulatory inconsistencies, limited contractual obligations and weak institutional connectivity between participants in cross-border cooperation. The methodological tools include formal legal, comparative, system-analytical, and scenario-predictive approaches that have made it possible to reconstruct not only the current dysfunctions of existing convention and soft law mechanisms (Budapest, Lanzarote, OPSC, etc.), but also to substantiate the need to create a specialized universal convention under the auspices of the United Nations. A model of the future agreement is proposed with an emphasis on the unification of terminology, the introduction of procedural interoperability (including machine-readable warrants, data retention mechanism and coordination with the private sector), as well as the institutionalization of victim prevention and support mechanisms. The conclusion is made about the formation of conditions in the medium term for the emergence of a convergent international legal regime capable of ensuring the normative and technological sovereignty of the child in the digital space.

Keywords: international law, children's rights, cyberspace, online, State cooperation, cybercrime, child protection, convention

References

1. Childlight Global Child Safety Institute. (2024) *Into the Light Index on Child Sexual Exploitation and Abuse Globally: 2024 Report*. Edinburgh, The University of Edinburgh. Available

- at: <https://www.ed.ac.uk/news/2024/scale-of-online-harm-tochildren-revealed-in-globa> (accessed 13 July 2025).
2. Childlight. Into the Light Index on Child Sexual Exploitation and Abuse Globally: 2024 Report. Edinburgh: University of Edinburgh, 2024. Available at: <https://www.ed.ac.uk/news/2024/scale-of-online-harm-tochildren-revealed-in-globa> (accessed 13 July 2025).
 3. Chernukhin, E. (2023) International Legal Support for the Safety of Children and Adolescents in the Information Space. International Affairs. (1). Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2774> (accessed 10 July 2025).
 4. Chernukhin E. International Legal Support for the Safety of Children and Adolescents in the Information Space // International Life. 2023. No. 1. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2774> (date of access: 10.07.2025).
 5. Dozortseva, E.G. & Medvedeva, A.S. (2019) Sexual Online Grooming as an Object of Psychological Research. Psychology and Law. 9 (2), 250–263. (in Russian).
 6. Dozortseva E.G., Medvedeva A.S. Online Sexual Grooming as an Object of Psychological Research // Psychology and Law. 2019. Vol. 9, No. 2. Pp. 250–263.
 7. International Centre for Missing & Exploited Children (ICMEC). (2017) Online Grooming of Children for Sexual Purposes: Model Legislation & Global Review. Alexandria, VA: ICMEC. 55 p.
 8. International Centre for Missing & Exploited Children. Model Legislation and Global Review: Online Grooming of Children for Sexual Purposes. Alexandria (USA): ICMEC, 2017. 55 p.
 9. International Centre for Missing & Exploited Children (ICMEC). (2023) Child Sexual Abuse Material: Model Legislation and Global Review. 10th ed. Washington, D.C.: ICMEC. 78 p. Available at: https://cdn.icmec.org/wp-content/uploads/2023/10/CSAM-Model-Legislation_10th-Ed-Oct-2023.pdf (accessed 18 July 2025).
 10. International Centre for Missing & Exploited Children. Child Sexual Abuse Proceedings: Model Legislation and Global Overview. 10th ed. Washington: ICMEC, 2023. 78 pp. Available at: https://cdn.icmec.org/wp-content/uploads/2023/10/CSAM-Model-Legislation_10th-Ed-Oct-2023.pdf (accessed 18 July 2025).
 11. ITU (International Telecommunication Union). (2020) Guidelines for Policy Makers on Child Online Protection. Geneva: ITU. 78 p.
 12. ITU (International Telecommunication Union). Guidelines for Legislators on Ensuring Child Online Safety. Geneva: ITU, 2020. 78 p.
 13. Kalinina, A.S. & Sekerazh, T.N. (2022) Interaction with Minor Victims by Offenders in Internet-related Sexual Abuse: Intentional Aspects. Psychology and Law. 12 (3), 77–87. (in Russian).
 14. Kalinina A.S., Sekerazh T.N. Interaction with Minor Victims by Offenders in Internet-related Sexual Abuse: Intentional Aspects // Psychology and Law. 2022. Vol. 12. No. 3. P. 77–87.
 15. Kiseleva, E.V. & Kazhaeva, O.S. (2021) Surrogacy and Child Trafficking: The UN Special Rapporteur's Position. International Legal Courier (electronic journal). (1), 39–46. (in Russian).
 16. Kiseleva E.V., Kazhaeva O.S. Surrogacy and Child Trafficking: The UN Special Rapporteur's Position // International Legal Courier. 2021. No. 1. P. 39–46.
 17. UN Convention on the Rights of the Child (1989) Convention on the Rights of the Child. Adopted 20 Nov. 1989. In force since 02 Sept. 1990. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (accessed 10 July 2025).
 18. UN Convention on the Rights of the Child (New York, 20 November 1989). Entered into force on 02.09.1990. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (accessed: 10.07.2025).
 19. UNICEF; ECPAT; Interpol. (2022) Disrupting Harm in Ethiopia: Evidence on Online Child Sexual Exploitation and Abuse. New York: UNICEF. 80 p. Available at: https://safeonline.global/wp-content/uploads/2023/12/DH_Ethiopia_ONLINE_final-251122.pdf (accessed 18 July 2025).
 20. UNICEF et al. Stopping the Violence: Evidence of Online Child Exploitation in Ethiopia. New York: UNICEF, 2022. 80 pp. URL: https://safeonline.global/wp-content/uploads/2023/12/DH_Ethiopia_ONLINE_final-251122.pdf (accessed 18 July 2025).

Проблемы правового регулирования развития нефтегазового комплекса в Арктике

Арзамасов Юрий Геннадьевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры публичного и международно-правового обеспечения национальной безопасности Российского государственного университета нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина
E-mail: mikheeva.i@gubkin.ru

В статье дается общая характеристика Арктики. Сказано, что юристы должны исследовать проблему правового регулирования недропользования и переработки сырья в Арктическом регионе. Отмечается, что государственная политика России нацелена на предоставление инвесторам государственной поддержки при осуществлении ими капитальных вложений в объекты транспортной, энергетической и других отраслей региона. Определены основные проблемы реализации Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года, среди которых названа проблема транспортировки Россией нефти и газа, а также связанная с ней проблема риска разлива горюче-смазочных материалов. Автор отмечает, что важным аспектом правового обеспечения сохранения и устойчивого развития Арктики является ратификация и исполнение международных соглашений. Отмечается, что из-за санкционного воздействия ЕС на Россию международное сотрудничество заметно сократилось. В этой связи предлагается рассмотреть вопрос о принятии ФЗ «О сохранении и развитии Арктики».

Ключевые слова: Арктика, Северный морской путь, международные соглашения, правовое регулирование, нефтегазовый комплекс, добыча, нефть, газ.

Введение

Арктика, или как ее называют сейчас, Арктический регион, с одной стороны, включает акваторию Северного Ледовитого океана, а с другой, еще целый ряд сопредельных частей Тихого и Атлантического океанов. В настоящий момент в юридической литературе существует дискуссия, какие государства следует считать арктическими. По нашему мнению, учитывая тот факт, что на сегодняшний день в Арктический совет, который был образован в 1996 г. по инициативе Канады, входят также Россия, Дания (включая Гренландию и Фарерские острова), Финляндия, Исландия, Норвегия, Швеция и США, то данные государства и следует относить к «арктическим».

Арктика, как регион, составляет значительную часть России, площадь ее территорий — 4,8 млн км². В арктическую зону нашего государства входят территории Мурманской области, автономных округов (Ненецкого, Чукотского, Ямало-Ненецкого), территории нескольких Республики (Карелия, Коми, Саха (Якутия), город Норильск, два района Красноярского края, а также муниципальные образования Архангельской области. Помимо этого, в Арктический регион входит также часть островов и архипелагов Северного Ледовитого океана. Здесь проживает 2,6 млн. человек, что составляет больше чем половина населения всей Арктики. Арктика непростой регион, а земля с суровым климатом, но несмотря на это, он представляет огромный интерес для предпринимателей, ученых различных специальностей (географов, геологов, геодезистов, экономистов и т.д.), а в последнее время и для военных.

Как подсчитали геологи, в Арктике расположено около 22% мировых неразведанных ресурсов углеводородов, из которых 13% нефти, 30% природного газа и 20% газоконденсата. Это вызывает повышенный интерес, как у государства, госкорпораций, так у отечественных и зарубежных поставщиков сырья и различных предпринимателей. По экспертным оценкам уже на сегодняшний день в Арктике Россия добывает 80% газа.

Если посмотреть на Арктический регион не только с географической и экономической, но и юридической точки зрения, то здесь существуют серьезные проблемы, связанные с правовой регуляцией данного региона, что требует серьезного научного анализа.

Основная часть

Правовой анализ показывает, что актуальной проблемой правового регулирования Арктики являет-

ся отсутствие ее специального международного правового режима и режима арктического континентального шельфа. В этой ситуации Ю.Ф. Лукин [7], А.А. Храмчихин [12], А.Г. Гольцов [6] и др. ученые стали высказываться о том, что уже начался «Третий передел Арктики». При чем, первичной целью здесь является борьба за природные ресурсы (нефть, газ, природные ископаемые), а вторая цель – это установление тотального контроля над северным морским путем, как для транспортировки сырья, так и для поставки своих товаров в Арктику.

Как видим, правовые интересы здесь всецело перекликаются с экономическими. В этой связи с новой силой активизируется борьба стран Арктики за установление своей юрисдикции над ее континентальным шельфом. По мнению ученого-океанолога Арктики, члена-корреспондента РАН А.Н. Чилингарова, «освоение континентального шельфа и превращение Арктики в крупнейший регион мировой нефтегазодобычи – ключевая задача России на среднесрочную и долгосрочную перспективы. Во многом именно от ее решения зависит дальнейшее развитие региона и позиции России как энергетической сверхдержавы. Запасы углеводородного топлива только на прилегающем к российской территории континентальном шельфе оценивают в 9–10 млрд условных тонн. ... Риски, конечно же, имеются, но при разумной организации дела, при соблюдении всех норм безопасности их можно свести к минимуму» [14, с. 9–10].

Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем выступлении на VI Международном арктическом форуме «Арктика – территория диалога», который состоялся 26–27 марта 2025 г. в г. Мурманск, не ограничился рассмотрением проблемы расширения нефтегазодобычи, в этой связи он заявил: «Задача заключается в том, чтобы на мощной ресурсной базе открывать в арктических регионах предприятия с глубокой переработкой сырья». По мнению Президента Российской Федерации, следует создать производство с высокой добавленной стоимостью в нефти и газохимии [11].

Проведя свой логистический анализ В.И. Александрова пришла к однозначному выводу, что «развивая переработку и экспорт конечного продукта, наши компании могли бы в разы повысить собственную капитализацию и на порядок увеличить доходы бюджета» [3, с. 49]. Данная мысль, на наш взгляд, является вполне конструктивной, поскольку нефтегазовой комплекс включает в себя не только разведку месторождений и добычу, но и переработку нефти и газа. Кроме этого, данный комплект включает также транспортировку и распределение нефтегазопродуктов.

Однако здесь, в связи с санкционным давлением на Россию, актуализируется еще одна серьезная проблема. По экспертным оценкам российских энергетиков на сегодняшний день на заводах по производству сжиженного природного газа иностранное программное обеспечение составляет 80%. В этой связи, «надо уже сегодня формировать определенный четкий государствен-

ный заказ, вносить точечные изменения и на горизонте 2025 года стремиться к тому, чтобы перейти полностью на российское программное обеспечение», справедливо отметил в своем выступлении на VI Международном арктическом форуме первый заместитель председателя комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по энергетике В.С. Селезнев [8]. Следовательно, актуализируется проблема импортозамещения и его правового обеспечения [5].

При этом, современные ученые юристы не должны стоять в стороне от исследований, как в области правового регулирования недропользования и переработки сырья в Арктическом регионе, так и в решении проблем импортозамещения.

Следует заметить, что у нашего государства уже есть определенный опыт решения проблемы импортозамещения. По нашему мнению, тут есть два пути. Первый, это создание с помощью норм позитивного права, то есть посредством законодательного регулирования, льготного режима налогообложения для товаропроизводителей программного оборудования для заводов СПГ.

Второй путь, это модернизация норм института государственных закупок. Вначале, конечно, следует провести всестороннюю экспертизу. При положительном заключении следует сделать второй шаг. С помощью правительственных норм конкретным постановлением следует установить обязательные нормативы по закупке отечественных товаров для заводов СПГ и ввести государственные ограничения на приобретение зарубежного аналогичного оборудования, если отсутствуют достойные российские аналоги. Если проведенная экспертиза подтвердит, что российская промышленность не производит необходимое для заводов СПГ программное оборудование, то здесь Министерству промышленности и торговли Российской Федерации, совместно с Министерством Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики, Министерством энергетики и Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций следует решать данную проблему открывая необходимые предприятия для производства необходимого программного оборудования для заводов СПГ, либо новые производственные линии на уже действующих предприятиях. При этом на вновь созданных предприятиях также следует предусмотреть льготный режим налогообложения.

Как показывает проведенный анализ, правовой режим Арктики в настоящее время регулируется не только национальным законодательством арктических государств, но также нормами общего международного права и двусторонними международными соглашениями, что является правильным с позиции норм международного права. В настоящее время, когда наше государство наподобие Советской России находится в окружении недружественных стран, когда ЕС принял уже 18-й пакет санкций против России, где затронуты проблемы и нефтегазового комплекса, нашему государству

следует пересмотреть подходы к правовому регулированию освоения Арктики.

Данная проблема актуализируется, главным образом в связи с тем, что сегодня обостряется борьба за арктические ресурсы (нефть, газ и др.), что приводит к различным, как внутренним, так и внешним конфронтациям, в том числе и к усилению военного присутствия заинтересованных стран НАТО в Арктическом регионе. Фактически активное стремление всех заинтересованных государств обеспечить свое превосходство в Арктике влечет за собой новый виток «холодной войны». Однако в современных условиях обострения международной обстановки, особенно противостояния России с такими арктическими странами НАТО, как США и Канада, решить проблему установления специального международного правового режима вряд ли получится.

Между тем, Россия полностью не оставляет идею в ближайшем будущем, когда стабилизируется международная обстановка, вернуться к обсуждению данной проблемы. Как сказал В.В. Путин на VI Международном арктическом форуме, «Россия настроена работать в Арктике не только с соседями по региону, но и со всеми, кто готов разделить ответственность за будущее планеты. Москва выступает за равноправное сотрудничество без конфронтации» [10]. Именно поэтому Россия не выходит из Арктического совета (Arctic Council). Такая государственная политика объясняется тем, что Арктический совет обсуждает вопросы устойчивого развития и сохранения Арктики, включая также и экономические аспекты, содействует сотрудничеству между государствами в данном регионе.

Как подчеркнул на Международном арктическом форуме генеральный директор Российского фонда прямых инвестиций (РФПИ) Кирилл Дмитриев, «Россия не ограничилась только своими финансовыми ресурсами. Она привлекла китайских партнеров, французских партнеров, и это показывает подход России к реализации своих проектов в Арктике, который открыт к привлечению соинвесторов и открыт к тому, чтобы партнеры вносили свои компетенции и развивали различные проекты» [8].

Более того, если мы обратимся к анализу стратегических документов, то увидим, что в подпункте б) п. 12 Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 г. № 645 одной из мер выполнения основных задач в сфере экономического развития Арктической зоны является «предоставление инвесторам государственной поддержки при осуществлении ими капитальных вложений в объекты транспортной, энергетической, информационно-телекоммуникационной и инженерной инфраструктуры, включая инфраструктуру систем газоснабжения ...» [2].

Однако здесь есть определенные проблемы, требующие своего решения. Во-первых, это про-

блема транспортировки оборудования для предприятий, товаров, нефти и газа в Арктике. Она актуализируется в связи с тем, что еще слабо освоен и используется Северный морской путь (СМП), который является практически единственной транспортной артерией в регионе. СМП связывает арктические регионы России, обеспечивая внутренние перевозки, как народам Севера, проживающим в регионе, так и предпринимателям, нефтяникам, газовикам, геологам, военным и др. Также посредством СМП осуществляются грузоперевозки между Дальним Востоком и Европейской частью страны. Более того, СМП является самым коротким по протяжению маршрутом между Европой и Азией. В этой связи для России в современных условиях ненадежности международных транспортно-логистических путей важным является прямой выход к странам Юго-Восточной Азии, Индии, а также к странам Персидского залива и Африки, с которыми у нас заключены международные договоры и соглашения, как торгового, так и военного характера.

Во-вторых, в связи с принятием Брюсселем 18-го пакета санкций против России, когда Регламент 833/2014 несколько усложнил транспортировку нефти, поскольку был установлен запрет на бункеровку и пополнение запасов нефти в портах ЕС, Россия активнее будет осваивать СМП, фактически Европа, вводя все новые санкции, нас просто к этому принуждает. Таким образом, можно спрогнозировать, что в ближайшее время СМП станет серьезной альтернативой традиционным морским путям. Кроме этого, Брюссель установил еще один запрет, содержащейся в 18-ом пакете санкций ЕС против России – это запрет на покупку нефтепродуктов из третьих стран, произведенных из российской нефти, что также заставляет юристов находить новые пути решения этой проблемы.

С другой стороны, увеличение в Арктике количества грузопотоков не исключает риск разлива больших объемов горюче-смазочных материалов и утечку радиации, что в итоге может сказаться на тяжелых экологических последствиях и даже привести к экологической катастрофе. Как подчеркивает В.Б. Верещагина, «морская среда более экологически уязвима, чем суша. Литр разлитой нефти лишает кислорода 40 тыс. л морской воды. Тонна нефти загрязняет 12 кв. км поверхности океана» [4, с. 107].

С начала 90-х гг. минувшего столетия Россия практически не обращала свои взоры на состояние СМП, что привело к негативным результатам. Но в 2008 г. были приняты «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу», в п. 4 которых было сказано, что «использование Северного морского пути в качестве национальной единой транспортной коммуникации Российской Федерации в Арктике» является одним из основных национальных интересов Российской Федерации в Арктике. Активное использование СМП способствует ускоренному развитию Аркти-

ки, превращению ее в конкурентоспособный регион с диверсифицированной экономикой.

Однако, здесь важно, чтобы проблемы увеличения товарооборота не привели потом к новым экологическим проблемам. В этой связи актуализируется вопрос: можно ли посредством норм права сократить риски экологических правонарушений?

Ответ здесь очевиден, можно! Так как вполне реальным является установление определенных уголовных, административных и иных запретов в нормах права, но, с другой стороны, дать стопроцентные гарантии в этом случае никто не может. Известно, что положения теории гарантий легко разбиваются о негативную практику.

Другая проблема. В условиях цифровизации экономики и государственного управления, в современной России, не должно быть «отсталых регионов» в области цифровизации. Современные финансовые, материальные, информационные и другие ресурсы государства, государственных корпораций, а также институтов гражданского общества (Российского и территориальных союзов промышленников и предпринимателей, торгово-промышленных палат и др.) должны быть направлены на технологическое оснащение цифровой инфраструктуры региона. При этом особого внимания здесь заслуживает развитие цифровых информационно-коммуникационных технологий. Использование потенциала данного вида технологий позволяет провести анализ изменений в сфере регулирования отношений, складывающихся на территориях Арктической зоны Российской Федерации, сопровождая его разработкой системы показателей, свидетельствующих о необходимости урегулирования этих отношений с учетом прогнозирования их будущих состояний. Происходит увязывание юридических конструкций с актуальными проблемами социальной практики, решением стратегических задач. Существенное значение в этой связи приобретает выстраивание с использованием электронного инструментария дополнительных каналов обратной связи и взаимодействия с регионом. Идущая по каналам обратной связи информация отражает оценку функционирования применяемых правовых норм в рассматриваемой сфере общественных отношений. Изучение полученной информации позволяет судить об эффективности норм, определяемой степенью результативности их правового воздействия на развитие этих отношений. Важным является обеспечение полноты информации и, конечно, ее достоверности.

Как видим, проблем здесь много. Недаром в Российской Федерации было разработано и принято значительное количество нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы различных видов деятельности в Арктике. Здесь следует заметить, что формирование нормативной основы рассматриваемой сферы отношений способствует повышению хозяйственной и инвестиционной деятельности в Арктике и благотворно влияет на развитие экономического оборота Российской Феде-

рации, делая его инвестиционно более привлекательным, что способствует укреплению и расширению различного рода хозяйственных связей, улучшает как социальное, так и экономическое положение населения северных территорий.

Однако многие исследователи считают, что начинать правовое регулирование региона следует с принятия документов стратегического планирования. Например, О.А. Павлова отмечает, что формирование субъектами законотворческого процесса в Российской Федерации результативной модели законодательного регулирования в целях обеспечения комплексного и устойчивого развития Арктической зоны Российской Федерации возможно при соблюдении унифицированных ориентиров, изложенных в документах стратегического планирования [9].

Сегодня основным документом стратегического планирования Арктической зоны Российской Федерации являются Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года, которые были утверждены 5 марта 2020 г. Указом Президента Российской Федерации № 164. Толкование данного документа показывает, что в п. 9 закреплены довольно различные по своей направленности цели государственной политики Российской Федерации в Арктике. К целям экономической направленности относятся – «ускорение экономического развития территорий Арктической зоны Российской Федерации и увеличение их вклада в экономический рост страны», а также цель сформулированная, как защита национальных интересов Российской Федерации в Арктике «... в экономической сфере» [1].

Не менее важное значение имеет также цель, направленная на реализацию экологической функции государства – «охрана окружающей среды в Арктике, защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных народов» [1]. Данная идея опирается, прежде всего, на статью 42 Конституции Российской Федерации, в которой закреплено право каждого гражданина «на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением».

К целям направленным на реализацию внешних функции (основных направлений деятельности) государства следует отнести «осуществление взаимовыгодного сотрудничества и мирное разрешение всех споров в Арктике на основе международного права» [1].

Выводы

Разнообразие целей правового регулирования, связанных с развитием Арктики, позволяет нам сделать вывод о том, что данную проблему следует рассматривать с применением комплексной методологии, которая поможет нам создать оптимальную модель правового регулирования развития Арктики. При этом под моделью правового регулирования сле-

дует понимать разработанную юридическую конструкцию, закрепляющую оптимальный вариант правовой регуляции общественных отношений.

При этом применение инновационных моделей правового регулирования для организации публичного управления на территориях Арктики, соответствующего конкретным потребностям обеспечения ее ускоренного территориального развития, нуждается в применении экспериментального законодательства. Определенным инструментарием апробации предполагаемых законодательных нововведений является тестирование разных вариантов вводимого правового регулирования для проверки его эффективности и распространения передовых практик в целях их возможного использования.

С точки зрения теории законности и норм международного права, важным аспектом правового обеспечения сохранения и устойчивого развития Арктики является ратификация и исполнение международных соглашений, установление границ территорий и морских зон, а также проведение совместных исследований и мониторинга за состоянием окружающей среды. Однако из-за санкционного воздействия Европейских стран на Россию международное сотрудничество и совместные проекты заметно сократились, чего не скажешь о сотрудничестве нашего государства с Азиатскими странами. Например, Китай заинтересован в сотрудничестве с Россией по Арктическому вопросу, связанного с развитием Ледового шелкового пути [13], поскольку это самый короткий и безопасный путь для Китая в Европу.

Для дальнейшего развития Арктики необходимо не только отменить устаревший нормативный материал, регламентирующий вопросы Арктики, но и провести, как с научной общественностью, так и с заинтересованными практиками обсуждение возможности принятия базового федерального закона «О сохранении и развитии Арктики».

В этом законе следует закрепить понятие и состав арктической зоны, регламентировать вопросы правового регулирования в арктической зоне, закрепить основные направления государственной политики в Арктике, особенности управления и налогообложения в этом регионе. Также следует регламентировать вопросы государственных гарантий и компенсаций лицам, служащим, работающим в Арктике, а также ее коренным жителям, необходимо также закрепить требования к осуществлению хозяйственной деятельности в арктической зоне. Помимо этого, в данном законе следует указать, что изыскательские, геолого-разведочные, горные, строительные работы, нефтегазодобыча, перевозка нефти и газа, а также топлива в Арктическом регионе должны осуществляться безопасным способом, как для людей, так и для окружающей среды.

Литература

1. Указ Президента РФ от 5 марта 2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» // Собрание законодательства РФ. 9 марта 2020. № 10. Ст. 1317.
2. Указ Президента РФ от 26 ноября 2020 г. № 645 (ред. от 27.02.2023) «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» // Собрание законодательства РФ. 2 ноября 2020 г. № 44. Ст. 6970.
3. Александрова В.И. Вопрос о вторичной переработки нефти в России // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2011. 45–50.
4. Верещагина В.Б. Индикаторы устойчивого развития регионов нефтегазодобычи на шельфе северных морей // Вестник СПбГУ. Сер. 7. 2011. Вып. 1. С. 107–113.
5. Геренрот Б. А., Агарков А.П., Ерохина Е.А. Актуальные вопросы импортозамещения: организационный и правовой аспект // Экономика и управление в машиностроении. 2016. № 4–5. С. 115–121.
6. Гольцов А.Г. Международный порядок в Арктике: геополитическое измерение // Мировая политика. 2017. № 4. С. 44–55.
7. Лукин Ю.Ф. Российская Арктика в изменяющемся мире. Архангельск: ИПЦ САФУ, 2013.
8. Международный арктический форум // [Электронный ресурс]. – URL: <https://forumarctica.ru/news/proizvodstvo-i-ispolzovanie-spg-v-arktike/> (дата обращения: 01.08.2025)
9. Павлова О.А. Национальные правовые основы регулирования отношений в Арктике: направления совершенствования // Актуальные вопросы современной науки и образования: сборник статей XII Международной научно-практической конференции. В 2 ч. Ч. 2. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». 2021.
10. Президент России // [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/76554> (дата обращения: 01.08.2025)
11. Путин дал поручения по развитию Арктики // Рос. газета. 25 марта 2025. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2025/03/27/reg-szfo/putin-dal-porucheniia-po-razvitiuu-arktiki-glavnoe.html> (дата обращения: 01.08.2025)
12. Храмчихин А.А. Значение Арктики для национальной безопасности России, Китай может стать арктической державой // Арктика и Север. 2015. № 21. С. 88–97.
13. Чжоу Г. Интересы Китая в освоении Арктики и инициатива «Ледяной шелковый путь» // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 9(98). С. 54–60.
14. Чилингаров А.Н. Россия в Арктике: возможности для международного сотрудничества в регионе и его специфика // Арктический регион: Проблемы международного сотрудничества: Хрестоматия в 3 томах / Рос. совет по межд. делам [под общ. ред. И.С. Иванова]. – М.: Аспект Пресс, 2013. С. 9–10.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE DEVELOPMENT OF THE OIL AND GAS COMPLEX IN THE ARCTIC

Arzamasov J.G.

Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University)

The article provides a general description of the Arctic. It is said that lawyers should study the problem of legal regulation of subsoil use and processing of raw materials in the Arctic region. It is noted that the state policy of Russia is aimed at providing investors with state support when they make capital investments in transport, energy and other industries of the region. The main problems of implementing the Strategy for the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation and Ensuring National Security for the Period up to 2035 are identified, among which the problem of oil and gas transportation by Russia, as well as the related problem of the risk of spills of fuels and lubricants, are named. The author notes that an important aspect of legal support for the preservation and sustainable development of the Arctic is the ratification and implementation of international agreements. It is noted that due to the EU sanctions on Russia, international cooperation has noticeably decreased. In this regard, it is proposed to consider the issue of adopting the Federal Law "On the Preservation and Development of the Arctic".

Keywords: Arctic, Northern Sea Route, international agreements, legal regulation, oil and gas complex, production, oil, gas.

References

1. Ukaz Prezidenta RF ot 5 marta 2020 g. № 164 «Ob Osnovah gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v Arktike na period do 2035 goda» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 9 marta 2020. № 10. St. 1317.
2. Ukaz Prezidenta RF ot 26 nojabrja 2020 g. № 645 (red. ot 27.02.2023) «O Strategii razvitiia Arkticheskoi zony Rossijskoj Federacii i obespechenija nacional'noj bezopasnosti na period do 2035 goda» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2 nojabrja 2020 g. № 44. St. 6970.
3. Aleksandrova V.I. Vopros o vtorichnoj pererabotke nefti v Rossii // Gornyj informacionno-analiticheskij bjulleten' (nauchno-tehnicheskij zhurnal). 2011. 45–50.
4. Vereshhagina V.B. Indikatory ustojchivogo razvitiia regionov neftegazodobychi na shel'fe severnykh morej // Vestnik SPbGU. Ser. 7. 2011. Vyp. 1. S. 107–113.
5. Gerenrot B. A., Agarkov A.P., Erohina E.A. Aktual'nye voprosy importozameshhenija: organizacionnyj i pravovoj aspekt // Jekonomika i upravlenie v mashinostroenii. 2016. № 4–5. S. 115–121.
6. Gol'cov A.G. Mezhdunarodnyj porjadok v Arktike: geopoliticheskoe izmerenie // Mirovaja politika. 2017. № 4. S. 44–55.
7. Lukin Ju.F. Rossijskaja Arktika v izmenjajushemsja mire. Arhangel'sk: IPC SAFU, 2013.
8. Mezhdunarodnyj arkticheskij forum // [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://forumarctica.ru/news/proizvodstvo-i-ispolzovanie-spg-v-arktike/> (data obra-shhenija: 01.08.2025)
9. Pavlova O.A. Nacional'nye pravovye osnovy regulirovanija ot-no-shenij v Arktike: napravlenija sovershenstvovanija // Aktual'nye voprosy so-vremennoj nauki i obrazovanija: sbornik statej XII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii. V 2 ch. Ch. 2. – Penza: MCNS «Nauka i Prosveshhenie». 2021.
10. Prezident Rossii // [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/76554> (data obrashhenija: 01.08.2025)
11. Putin dal poruchenija po razvitiu Arktiki // Ros. gazeta. 25 marta 2025. [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://rg.ru/2025/03/27/reg-szfo/putin-dal-porucheniia-po-razvitiu-arktiki-glavnoe.html> (data obrashhenija: 01.08.2025)
12. Hramchihin A.A. Znachenie Arktiki dlja nacional'noj bezopasnosti Rossii, Kitaj mozhet stat' arkticheskoi derzhavoj // Arktika i Sever. 2015. № 21. S. 88–97.
13. Chzhou G. Interesy Kitaja v osvoenii Arktiki i iniciativa «Led-janoj shelkovyj put'» // Obshhestvo: politika, jekonomika, pravo. 2021. № 9(98). S. 54–60.
14. Chilingarov A.N. Rossija v Arktike: vozmozhnosti dlja mezhdunarodnogo sotrudnichestva v regione i ego specifika // Arkticheskij region: Problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva: Hrestomatija v 3 tomah / Ros. sovet po mezhd. delam [pod obshh. red. I.S. Ivanova]. – M.: Aspekt Press, 2013. S. 9–10.

Процесс формирования понятия антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, осуществляемой органами прокуратуры Российской Федерации

Громакин Николай Александрович,

аспирант кафедры административного и информационного права Юридического факультета имени М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: gromakin733@yandex.ru

Проблематика антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, осуществляемой органами прокуратуры Российской Федерации, остается предметом научных дискуссий в силу неустойчивости правовых дефиниций и неоднозначности трактовки её институционального статуса. Актуальность обсуждаемой темы продиктована потребностью в повышении качества правотворчества и устранения коррупционных факторов на ранних стадиях законотворческого процесса. Цель в рамках данной статьи заключалась в анализе развития понятия характеризуемой экспертизы, систематизации этапов её становления, уточнении роли прокуратуры в этом процессе. Анализ показал, что в литературе сохраняется противоречие (часть исследователей определяет экспертизу как разновидность прокурорского надзора, другие авторы видят в ней элемент правотворческой деятельности, что порождает различные подходы к интерпретации её функций, реализуемых задач). Удалось прийти к выводу, что формирование целостного понимания возможно лишь при сочетании двух направлений – надзорного и превентивного, что отражает специфику участия прокуратуры в обеспечении законности. Авторский вклад состоит в выработке рекомендаций по уточнению законодательного определения и обозначении слабых мест в существующих подходах. Результаты будут полезны специалистам в области прокурорского надзора, правотворческой деятельности, антикоррупционной политики.

Ключевые слова: антикоррупционная экспертиза, законность, нормативные правовые акты, правотворчество, прокуратура, противодействие коррупции, эксперты

Введение

Современные системы государственного управления сталкиваются с потребностью в систематическом выявлении и устранении коррупционных рисков на ранних стадиях правотворческой деятельности. Одна из острых проблем заключается в том, что отсутствие формализованных процедур обнаружения коррупциогенных факторов в нормативных правовых актах снижает эффективность мер профилактики коррупции и создает предпосылки для злоупотреблений.

В российской правовой системе антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов (далее – НПА), проводимая органами прокуратуры, представляет собой уникальный инструмент, в рамках которого сочетаются правовой контроль и научное исследование норм с целью предотвращения коррупционных проявлений. Невзирая на это, правовое и концептуальное закрепление данной процедуры прошло сложный путь становления, сопровождаемый международным влиянием, национальной нормативной разработкой, научным обсуждением предмета исследования. В увязке с этим весьма значимым представляется проследить эволюцию понятия антикоррупционной экспертизы НПА в России, выявить основные этапы формирования соответствующих оснований, охарактеризовать нюансы деятельности органов прокуратуры в этой области, а также сопоставить различные научные подходы к дефиниции экспертизы.

Материалы и методы

В источниках по обсуждаемой теме прослеживается преобладание нормативно-правового и научно-аналитического подходов. В международных и национальных документах [1–5] акцентируется правовое закрепление института антикоррупционной экспертизы, его базовые задачи, соответствующие процедуры. В работах Б.Р. Аттаевой, М.В. Дышекова, З.Т. Мирзоева, М.Х. Куготовой, А.Ж. Киселевой и других [7, 10, 12, 13, 14] внимание сосредоточено на определении роли прокуратуры в реализации полномочий и обеспечении профилактического потенциала рассматриваемых экспертиз. Исследования И.Р. Аминова, Р.Р. Фахретдиновой, А.Е. Вандровской, А.М. Крепышева [6, 8, 11] касаются вопросов методологических принципов, генезиса, перспектив развития характеризуемого института;

в них формулируются дефиниции и уточняются концептуальные основания. В то же время, А.В. Демидова, А.Н. Сталповская и соавторы [9, 15] анализируют практические трудности – от организационных до правоприменительных, выявляя несовершенство процедур и недостаточную эффективность взаимодействия субъектов.

В литературе сохраняются противоречия. Одни авторы рассматривают антикоррупционную экспертизу как элемент прокурорского надзора, другие – как часть правотворческого процесса, что приводит к различиям в интерпретации ее правовой природы. Поверхностно освещенными остаются вопросы касательно методики взаимодействия прокуратуры с независимыми экспертами, а также анализ реального воздействия экспертных заключений на законотворческий процесс.

В ходе подготовки статьи использовались такие методы, как историко-правовой и институциональный анализ, сравнение, формально-юридический подход, систематизация, обобщение.

Результаты и обсуждение

При рассмотрении содержательных аспектов обсуждаемой темы, в первую очередь, целесообразно обратиться к международным предпосылкам и ранним этапам формирования характеризуемого института.

Первое системное внимание к необходимости оценки правовых документов на предмет коррупционности было обращено международным сообществом в 2003 году, когда Генеральная Ассамблея ООН приняла Конвенцию против коррупции [1]. В данном документе не только предусматривалось создание специальных органов по противодействию этому явлению, но и впервые рекомендовалось государствам проводить оценку своих нормативных актов на наличие факторов, которые способствуют коррупционным взаимодействиям. А.М. Крепышев подчёркивает, что реакция стран-участников была неоднородной: в ряде стран, включая Россию, Литву, Молдову, Казахстан, институт антикоррупционной экспертизы начал формироваться на национальном уровне, тогда как в большинстве государств Европы и в США подобная деятельность интегрировалась в общий комплекс правовых экспертиз, не приобретая самостоятельного институционального характера [11].

В Российской Федерации ратификация Конвенции ООН в 2006 году стала важным стимулом для создания правовой базы в рассматриваемой области. Этот шаг предопределил необходимость гармонизации федерального законодательства с международными стандартами; он стал своего рода «отправной точкой» формирования института на государственном уровне.

Начальные попытки нормативного закрепления экспертизы в Российской Федерации сопряжены с Модельным законом «Основы законодательства об антикоррупционной политике», принятым 15 ноября 2003 года на заседании Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ [5]. В доку-

менте было предложено определение дефиниции как деятельности специалистов по выявлению коррупционных факторов в действующих и проектируемых НПА, а также по разработке рекомендаций для их устранения. Несмотря на теоретическую ценность этой формулировки, её использование в российской практике было рекомендательным, а не обязательным, что высвечивает необходимость закрепления процедуры на федеральном уровне.

Реальное институциональное оформление антикоррупционной экспертизы произошло с принятием Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» в 2008 году [3], в котором впервые она определилась как мера профилактики. В 2009 году был принят Федеральный закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [4], где закреплён исчерпывающий перечень субъектов, включая прокуратуру Российской Федерации. Одновременно с этим были внесены изменения в Закон о прокуратуре РФ (в частности, речь идёт о статье 9.1), уточняющие полномочия прокуроров при осуществлении антикоррупционной экспертизы [2].

В научной литературе демонстрируется разнообразие подходов к дефиниции. Б.Р. Аттаева, М.В. Дышеков рассматривают анализируемую экспертизу как комплекс мероприятий, ориентированных на выявление правовых норм, способных формировать условия для коррупционных взаимодействий [7]. А.В. Демидова предлагает наиболее полное определение, включая содержание процедуры, субъектный состав, цель деятельности (обнаружение коррупционных факторов и выработка рекомендаций по их устранению с участием государственных органов, должностных лиц, независимых экспертов) [9].

Авторы выделяют антикоррупционную экспертизу среди множества разновидностей – финансово-экономической, социальной, гендерной, лингвистической; при этом подчеркивается возможность самостоятельного её проведения органами прокуратуры [6, 11, 14]. Важно также разграничение антикоррупционной экспертизы от судебной или криминологической, поскольку последние ориентированы на решение конкретных процессуальных вопросов либо прогнозирование противоправных последствий [11, 15].

Сам термин «экспертиза» традиционно сопряжён с участием лиц, которые обладают специальными знаниями. В российском контексте в качестве экспертов в рассматриваемой сфере выступают прокуроры и старшие помощники прокурора, имеющие углубленные знания антикоррупционного законодательства и профессиональный опыт. Специальные представления включают как образовательную подготовку, так и практическую компетенцию, необходимую для обнаружения коррупционных факторов в НПА.

Вопрос о предмете функциональной принадлежности антикоррупционной экспертизы вызыва-

ет дискуссии среди исследователей. А.Е. Вандровская относит ее к правотворческой деятельности прокуратуры, учитывая роль прокурора в участии в разработке и корректировке нормативных актов [8]. В то же время, А.Ж. Киселева и А.М. Крепышев подчеркивают её схожесть с прокурорским надзором за исполнением законодательства, указывая на функциональные параллели с предъявлением надзорного протеста и требованием об изменении

НПА [10, 11]. Это функциональное пересечение свидетельствует о потребности в формальном закреплении экспертизы как самостоятельной надзорной функции, что позволит устранить законодательные противоречия.

Итак, на основе проведенного анализа целесообразно представить сводную таблицу 1 с характеристикой эволюции понимания анализируемой деятельности.

Таблица 1. Этапы развития понятия антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, осуществляемой органами прокуратуры Российской Федерации (составлено автором)

Этап	Год / Период	Содержание и особенности развития института	Субъекты
1. Международная предпосылка	2003 (принятие Конвенции ООН против коррупции)	Государствам рекомендуется оценивать нормативные документы на коррупциогенные факторы; международное стимулирование создания соответствующих органов	Государства-члены ООН
2. Первичная национальная регламентация	2003 (модельный закон «Основы законодательства об антикоррупционной политике»; Санкт-Петербург, Межпарламентская ассамблея СНГ)	Впервые предложено определение антикоррупционной экспертизы как деятельности по выявлению коррупциогенных факторов и разработке рекомендаций; рекомендательный характер для РФ	Специалисты и эксперты (рекомендованные законом)
3. Ратификация международного акта (Конвенции ООН)	2006	Создание правовой обязанности гармонизации федерального законодательства с международными стандартами; формирование правовых оснований для проведения экспертиз	Федеральные органы власти
4. Федеральное законодательное закрепление	2008–2009	Антикоррупционная экспертиза становится официальной мерой профилактики коррупции; закрепляется перечень субъектов и процедур; уточняется роль прокуратуры	Прокуратура РФ, специально уполномоченные должностные лица, независимые эксперты
5. Научно-теоретическое осмысление	2009 – настоящее время	Выработка дефиниций, сопоставление с другими видами экспертиз; определение целей, задач, субъектного состава; обсуждение места в правотворческой деятельности, надзоре	Ученые, государственные органы, прокуроры

С учётом отмеченного выше целесообразно сформулировать ряд авторских рекомендаций.

Так, первая из них касается уточнения целей и задач. Предлагается закрепить, что главной целью экспертизы является не только выявление коррупциогенных факторов, но и их нейтрализация путем разработки практических шагов, обеспечивающих предупреждение коррупционных рисков на этапе правотворчества.

Следующее предложение касается регламентации участия независимых экспертов, о чём пишут в своей публикации И.Р. Аминов, Р.Р. Фахретдинова [6]; речь идёт о закреплении права этих специалистов направлять результаты своих исследований в органы прокуратуры, особенно в случаях несогласия с действиями или решениями адресата, что усилит прозрачность, объективность процедуры.

Весьма значимое направление сопряжено с интеграцией экспертизы в систему связи субъектов – представляется целесообразным определить порядок взаимодействия прокурорских работников с другими государственными органами и экспертными сообществами, что даст возможность повысить эффективность выявления коррупциогенных

факторов и ускорить процесс внесения корректировок в НПА.

Наконец, предлагается создать единые методические подходы к проведению антикоррупционной экспертизы, представленные перечнем критериев оценки, что обеспечит единообразие и предсказуемость выводов экспертов.

Заключение

История формирования антикоррупционной экспертизы НПА в России отражает эволюцию от международных рекомендаций до закрепления в национальной правовой системе, включающей федеральные законы, полномочия прокуратуры. Концептуальные подходы к определению и пониманию сущности варьируются от правотворческой деятельности до надзорных функций, что отражает сложность института, необходимость его дальнейшей унификации.

Практическая значимость подтверждается конкретными результатами выявления коррупциогенных факторов и внесения актов прокурорского реагирования. В перспективе целесообразно последующее законодательное уточнение стату-

са экспертизы, расширение участия независимых экспертов, интеграция результатов исследований в процесс принятия нормативных решений, что обеспечит системную профилактику коррупции в сочетании с повышением качества правотворчества.

Литература

1. Конвенция ООН против коррупции. Принята в г. Нью-Йорке 31 октября 2003 г. Резолюцией 58/4 на 51-ом пленар. заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 26. – Ст. 2780.
2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 03.02.2025) «О прокуратуре Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О противодействии коррупции» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ (ред. от 30.09.2024) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ от 15 ноября 2003 г. № 22–15, Модельный закон «Основы законодательства об антикоррупционной политике» // Информационный бюллетень Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ. – 2004. – № 33. – С. 225–260.
6. Аминов И.Р., Фахретдинова Р.Р. Перспективы развития независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 11–4 (50). – С. 13–15.
7. Аттаева Б.Р., Дышеков М.В. Полномочия прокуратуры РФ по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов // Противодействие коррупции: промежуточные итоги и новые задачи. Сборник статей межрегиональной научно-практической конференции. – Нальчик: 2024. – С. 43–47.
8. Вандровская А.Е. К вопросу о методологических принципах проведения антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов органами прокуратуры Российской Федерации // Трансформация права. Материалы VI Всероссийского научно-практического форума. – Екатеринбург: 2024. – С. 667–676.
9. Демидова А.В. К вопросу о практических проблемах реализации антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, осуществляемой органами прокуратуры РФ // Вопросы российской юстиции. – 2024. – № 33. – С. 475–480.
10. Киселева А.Ж. Роль прокуратуры в антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 7–2 (82). – С. 174–176.
11. Крепышев А.М. Антикоррупционная экспертиза, проводимая органами прокуратуры: генезис, правовые основы // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 10 (238). – С. 215–218.
12. Куш А.А., Советкина А.А., Лукьянчикова Е.Ф. Организация проведения прокуратурой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 110–9. – С. 64–66.
13. Мирзоев З.Т., Куготова М.Х. Полномочия органов прокуратуры по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов) // Противодействие коррупции в современных условиях. Сборник статей Региональной научно-практической конференции. – Нальчик: 2022. – С. 137–145.
14. Смирнов М.В., Телятников М.А. Проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов как мера предупреждение со стороны органов прокуратуры // Научный Лидер. – 2024. – № 49 (199). – С. 102–105.
15. Сталповская А.Н., Бедняк Е.В., Кручинина И.А., Колишко П.Г., Сороколетова К.А. Проблемы реализации полномочий по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов органами прокуратуры // Вестник современных исследований. – 2020. – № 4–6 (34). – С. 40–42.

THE HISTORY OF THE CONCEPT OF ANTI-CORRUPTION EXPERTISE OF REGULATORY LEGAL ACTS CARRIED OUT BY THE PROSECUTOR'S OFFICES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Gromakin N.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The issue of anti-corruption expertise of regulatory legal acts carried out by the Prosecutor's offices of the Russian Federation remains a subject of scholarly debate due to the instability of legal definitions and the ambiguous interpretation of its institutional status. The relevance of the topic is driven by the need to improve the quality of lawmaking and eliminate corruption-inducing factors at early stages of the legislative process. The aim of this article was to reconstruct the evolution of the concept of this expertise, systematize the stages of its development, and clarify the role of the prosecution in this process. The analysis revealed a persistent contradiction in the literature: some scholars define the expertise as a form of prosecutorial oversight, while others view it as an element of lawmaking activity, leading to differing interpretations of its functions and objectives. It was concluded that a comprehensive understanding is only possible by combining two approaches – oversight and preventive – which reflects the unique role of the prosecution in ensuring legality. The author's contribution lies in developing recommendations for refining the legislative definition and identifying weaknesses in existing approaches. The findings will be useful for specialists in prosecutorial oversight, lawmaking, and anti-corruption policy.

Keywords: anti-corruption expertise, legality, regulatory legal acts, lawmaking, prosecution, anti-corruption efforts, experts

References

1. The UN Convention against Corruption. Adopted in New York on October 31, 2003. Resolution 58/4 at the 51st plenary session

- of the 58th session of the UN General Assembly. Collection of Laws of the Russian Federation. – 2006. – No. 26. – Art. 2780.
2. Federal Law No. 2202-I of 17.01.1992 (as amended on 03.02.2025) “On the Prosecutor’s Office of the Russian Federation” // SPS ConsultantPlus.
 3. Federal Law No. 273-FZ of 25.12.2008 (as amended on 28.12.2024) “On Combating Corruption” // SPS “Consultant-Plus”.
 4. Federal Law No. 172-FZ dated 17.07.2009 (as amended on 30.09.2024) “On Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts and Draft Regulatory Legal Acts” // SPS ConsultantPlus.
 5. Resolution of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States dated November 15, 2003 No. 22–15, Model Law “Fundamentals of Legislation on Anti-Corruption Policy” // Information Bulletin of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States. – 2004. – No. 33. – Pp. 225–260.
 6. Aminov I.R., Fakhretdinova R.R. Prospects for the Development of Independent Anti-Corruption Expertise of Normative Legal Acts and Draft Normative Legal Acts // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2020. – No. 11–4 (50). – Pp. 13–15.
 7. Attaeva B.R., Dyshekov M.V. The Prosecutor’s Office of the Russian Federation’s Authority to Conduct Anti-Corruption Expertise of Normative Legal Acts // Anti-Corruption: Intermediate Results and New Challenges. Collection of articles from the interregional scientific and practical conference. – Nalchik: 2024. – Pp. 43–47.
 8. Vandrovskaia A.E. On the Methodological Principles of Conducting an Anti-Corruption Examination of Normative Legal Acts by the Prosecutor’s Office of the Russian Federation // Transformation of Law. Materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Forum. – Yekaterinburg: 2024. – Pp. 667–676.
 9. Demidova A.V. On the Practical Issues of Implementing an Anti-Corruption Examination of Normative Legal Acts by the Prosecutor’s Office of the Russian Federation // Issues of Russian Justice. – 2024. – No. 33. – Pp. 475–480.
 10. Kiseleva A. Zh. The Role of the Prosecutor’s Office in the Anti-Corruption Expertise of Normative Legal Acts // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2023. – No. 7–2 (82). – Pp. 174–176.
 11. Krepyshchev A.M. Anti-Corruption Expertise Conducted by Prosecutor’s Office: Genesis, Legal Foundations // Law and State: Theory and Practice. – 2024. – No. 10 (238). – Pp. 215–218.
 12. Kushch A.A., Sovetskina A.A., Lukyanchikova E.F. Organization of the Prosecutor’s Office’s Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts // Trends in the Development of Science and Education. – 2024. – No. 110–9. – Pp. 64–66.
 13. Mirzoev Z.T., Kugotova M. Kh. The Prosecutor’s Office’s Authority to Conduct Anti-Corruption Expertise of Normative Legal Acts (Draft Normative Legal Acts) // Combating Corruption in Modern Conditions. Collection of Articles from the Regional Scientific and Practical Conference. – Nalchik: 2022. – Pp. 137–145.
 14. Smirnov M.V., Telyatnikov M.A. Conducting an Anti-Corruption Examination of Normative Legal Acts and Their Projects as a Preventive Measure by the Prosecutor’s Office // Scientific Leader. – 2024. – No. 49 (199). – Pp. 102–105.
 15. Stal’povskaya A.N., Bednyak E.V., Kruchinina I.A., Koliyoshko P.G., Sorokoletova K.A. Problems of Implementation of the Powers to Conduct an Anti-Corruption Examination of Normative Legal Acts by the Prosecutor’s Office // Bulletin of Modern Research. – 2020. – No. 4–6 (34). – Pp. 40–42.

Сравнительно-правовой аспект создания представительных органов власти в России с европейскими аналогами

Дворжецкая-Львова Светлана Петровна,

аспирант, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сочинский государственный университет» (ФГБОУ ВО «СГУ»)

E-mail: university@sutr.ru

В статье рассматривается сравнительно-правовой аспект формирования представительных органов власти в России и европейских странах. Автор анализирует конституционные основы, избирательные системы, принципы формирования и полномочия парламентов, выделяя ключевые сходства и различия. Особое внимание уделяется особенностям российского парламентаризма в контексте исторических, политических и правовых традиций, а также их сопоставлению с опытом европейских государств.

В статье исследуются такие вопросы, как степень влияния исполнительной власти на законодательный процесс, роль политических партий и уровень представительства различных социальных групп. Автор приходит к выводу, что, несмотря на общие демократические принципы, модели представительной власти в России и Европе имеют существенные различия, обусловленные спецификой государственного устройства и политической культуры.

Ключевые слова: представительные органы власти, Россия, европейские аналоги.

Введение

Формирование представительных органов власти – ключевой элемент развития правового государства, обеспечивающий народовластие, нормотворчество и контроль за исполнительной властью. В условиях современных вызовов демократическим институтам особую значимость приобретает изучение их исторической эволюции и функциональных механизмов. Сравнительный анализ представительных систем России, Великобритании и Франции позволяет выявить общие закономерности и национальные особенности.

Великобритания и Франция, считающиеся колыбелью парламентаризма и сословного представительства, демонстрируют устойчивые традиции, сложившиеся в ходе постепенной трансформации монархической власти. В отличие от них, Россия прошла более сложный и прерывистый путь, где становление представительных институтов сопровождалось идеологическими изменениями. Эти различия обусловлены несовпадением исторических, культурных и политических условий.

Актуальность исследования связана с конституционной реформой 2020 года в России, переосмысливающей роль представительных органов. Современная российская система включает федеральный, региональный и муниципальный уровни, что требует анализа их взаимодействия. Кроме того, глобальные изменения в управлении усиливают значение региональных институтов, ставя вопрос о соответствии российской модели мировым тенденциям.

Цель работы – выявление общих и особенных черт в развитии представительных органов трёх стран. Важно проанализировать их системность, иерархичность и функциональную согласованность. Особое внимание уделяется исторической эволюции, правовым основам формирования и избирательным системам.

Научная новизна заключается в сравнительно-правовом подходе, позволяющем выявить закономерности и различия в становлении представительной власти. Предлагается концепция «синтезированной модели», сочетающей иерархические и сетевые принципы, что может способствовать дальнейшему развитию конституционно-правовых исследований

Методы

В исследовании использовались методы, позволившие комплексно изучить развитие представитель-

ных органов. Историко-правовой анализ выявил ключевые этапы становления парламентаризма через изучение важнейших документов от Великой хартии вольностей до современных конституций. Сравнительный подход показал различия в структуре и функциях представительных институтов трёх стран. Системный метод помог оценить взаимодействие между уровнями власти. Доктринальный анализ обобщил научные концепции, а герменевтический – истолковал конституционные нормы.

Работа проводилась в три этапа: сбор материалов, их анализ с построением сравнительных моделей и итоговое обобщение результатов. Особое внимание уделялось проверке выводов на соответствие историческим фактам и научным данным. Такой подход позволил создать целостную картину развития представительной власти.

Результаты

Исследование выявило как общие закономерности, так и национальные особенности развития представительных органов в России, Великобритании и Франции. Несмотря на различия исторических путей, все три страны демонстрируют сходные этапы становления представительной власти [2]. Первоначально во всех государствах сложились сословные формы представительства. В Англии это был витанагемот и ранний парламент, во Франции – Генеральные штаты, в России – Земские соборы. Эти органы носили совещательный характер и отражали интересы привилегированных сословий.

Важным этапом стало ограничение монархической власти через конституционные механизмы. Исторические документы – Великая хартия вольностей в Англии, решения Учредительного собрания во Франции, решения Земских соборов в России – закрепляли принцип согласия представителей общества на ключевые решения [1].

Постепенно происходило расширение круга лиц, имеющих избирательные права. От узкой группы аристократии и духовенства право голоса распространилось на буржуазию, крестьянство, женщин. В России этот процесс завершился после революции 1917 года, в Западной Европе занял более длительный период [3]. Во всех странах произошла институционализация парламентаризма. Представительные органы приобрели устойчивые формы и важные полномочия, включая законодательную инициативу, бюджетный контроль и надзор за исполнительной властью. Особенно в России стал прерывистый характер развития представительных институтов. Если в Англии и Франции прослеживается непрерывная эволюция, то в России периоды активного развития сменялись этапами свертывания представительных начал.

Великобритания демонстрирует пример постепенной трансформации традиционных институтов. Английский парламент, возникший в XIII веке, сохраняет преемственность до наших дней, адаптируясь к изменяющимся условиям [10].

Французская модель пережила радикальные преобразования. Революция 1789 года привела к созданию принципиально новых представительных институтов, разрывающих с сословными традициями. Современные системы представительной власти в трех странах сочетают общие демократические принципы с национальными особенностями. Это проявляется в структуре парламентов, избирательных системах, распределении полномочий между ветвями власти.

Сравнительный анализ позволяет сделать вывод о многообразии путей становления представительной демократии. Общие принципы реализуются через различные институциональные формы, отражающие специфику политического развития каждой страны [3].

Российская модель представительной власти имеет существенные отличия от западноевропейских аналогов [7]. В отличие от непрерывного развития британского парламентаризма, в России наблюдались резкие разрывы традиции. После Земских соборов XVII века страна пережила несколько кардинальных смен политической системы – от до-революционной Думы к советам, а затем к современной конституционной модели.

Особенностью советского периода стала идеологизация избирательного права. В отличие от европейских стран, где ограничения носили имущественный характер, в России 1918 года прав лишались целые социальные группы по классовому признаку. Это создало уникальную систему политического представительства.

Современная российская модель отличается сложной многоуровневой структурой. Представительные органы действуют на федеральном, региональном и местном уровнях, но их взаимодействие строится на принципах координации, а не строгой подчиненности. Такой подход отражает федеративный характер российского государства [5].

Характерной чертой стало формирование сетевой модели управления. Взаимодействие между разными уровнями власти осуществляется через механизмы сотрудничества и согласования. Эта система отличается от классических иерархических моделей, характерных для унитарных государств Европы.

Российский опыт демонстрирует сочетание преемственности и новаторства в развитии представительных институтов. С одной стороны, сохраняются традиции земского самоуправления, с другой – внедряются современные формы сетевого взаимодействия. Это создает уникальную модель, адаптированную к российским условиям.

Особенностью является также сочетание централизации и децентрализации. Хотя представительные органы субъектов Федерации формально независимы, их деятельность координируется в рамках единой системы публичной власти. Такой баланс обеспечивает устойчивость политической системы [8].

Современная российская модель продолжает развиваться, сохраняя при этом свою специ-

фику. Она отражает как исторические традиции, так и потребности современного управления. Этот опыт представляет интерес для сравнительных

исследований представительных систем в разных странах.

Была проведена детализированная оценка избирательных систем (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Сравнение избирательных систем в России, Великобритании и Франции

Параметр	Россия	Великобритания	Франция
Всеобщность	с 1917 г. (ограничена в 1918–1936 гг.)	с 1928 г.	с 1848 г.
Равенство голосов	с 1936 г.	с 1918 г.	с 1791 г.
Прямые выборы	частично (Госдума – одномандатные + пропорционально)	по одномандатным округам	в Национальное собрание – прямые
Тайна голосования	да	да	да
Возрастной ценз	18 лет	18 лет	18 лет
Имущественный ценз	отменён с 1917 г.	отменён к 1918 г.	отменён в 1789 г.
Гендерное равенство	с 1917 г.	с 1928 г.	с 1944 г.
Многоступенчатость	была до 1917 г.	нет	была до 1789 г.

Россия стала пионером в области гендерного равенства, предоставив женщинам избирательные права в 1917 году – раньше Великобритании (1918/1928) и Франции (1944). Однако советский период ввел уникальное ограничение – классовую дискриминацию при голосовании, не имевшую аналогов в Европе [6].

Современная российская парламентская система имеет двухпалатную структуру. Совет Федерации представляет регионы, а Государственная Дума – население страны. Особенностью является широкий круг субъектов законодательной инициативы, включая граждан. Британский парламент также двухпалатный, но с явным доминированием выборной Палаты общин [10]. Основные законы здесь традиционно иницируются правительством, что отражает особенности вестминстерской системы. Французская модель в условиях полупрезидентской республики демонстрирует подчиненное положение парламента относительно исполнительной власти. Национальное собрание и Сенат играют второстепенную роль по сравнению с президентскими полномочиями.

Конституционная реформа 2020 года кардинально трансформировала российскую систему государственного устройства. Закрепление концепции публичной власти сформировало правовое поле для обновленных механизмов взаимодействия властных институтов. Внедрение элементов иерархичности произошло параллельно с сохранением федеративного характера государства [9]. Модернизация системы управления укрепила согласованность действий федерального центра с региональными и муниципальными органами. Современная модель обеспечивает равновесие между централизованным управлением и автономностью местного самоуправления.

Российская парламентская модель объединяет различные политические традиции, формируя самобытную систему народного представительства. Механизмы государственного управления вобрали демократические принципы западных стран

и исторически сложившиеся отечественные практики. Парламентаризм в России непрерывно эволюционирует, адаптируясь к новым общественным запросам. Законодательные преобразования последних лет укрепляют вертикаль власти при сохранении демократических институтов. Накопленный опыт построения представительной демократии вносит значимый вклад в развитие политологии.

Представительная власть в России функционирует по особому принципу, существенно отличаясь от европейских аналогов. Британская модель опирается на централизованный парламент, французская система концентрирует полномочия в национальном законодательном органе. Российская структура представительных органов характеризуется многоступенчатостью взаимодействия между Федеральным Собранием, законодательными собраниями субъектов и муниципальными советами, сохраняя при этом относительную автономность каждого уровня власти.

Федеративное устройство российского государства воплощает многоуровневую систему власти, где административные единицы сохраняют самостоятельность при взаимодействии между собой. Отечественная модель парламентаризма существенно отличается от европейской практики, представляя собой комплексное явление с учетом исторически сложившихся традиций управления. Российский опыт демонстрирует многогранную структуру властных отношений, выходящую за рамки классического понимания парламентской системы западными специалистами.

Сравнительное исследование эволюции представительных органов власти раскрывает существенные параллели между европейскими и российскими институтами. Земские соборы и сословные собрания средневековой Европы служили механизмом укрепления властных полномочий монарха, что подтверждается многочисленными исследованиями правоведов. Последующее развитие демократических традиций в западноевро-

пейских странах привело к формированию парламентской системы, тогда как российская модель государственного управления приобрела самобытные черты.

Российские политологи уделяют пристальное внимание изучению отдельных уровней представительной власти. Западная политическая наука традиционно рассматривает парламентаризм как единую систему, тогда как отечественные исследователи сосредоточены на детальном анализе каждого структурного компонента. Подобный подход отражает специфику российской модели государственного управления. Многовековая история развития представительных институтов раскрывает закономерности политической эволюции с учетом национальных особенностей. Практика становления демократических институтов в России представляет собой самобытный путь политического развития.

Многообразие форм представительной демократии стало неоспоримым фактом современной политической науки. Российская модель демократического устройства сформировала самостоятельную систему управления, эффективно решающую актуальные задачи государственного развития. Накопленный опыт функционирования отечественных демократических институтов существенно обогатил методологическую базу сравнительной политологии и конституционного права. Дальнейшие научные изыскания целесообразно сосредоточить на механизмах взаимодействия властных структур разных уровней в период цифровых преобразований. Приоритетным направлением исследований становится поиск оптимального соотношения централизации и самостоятельности элементов системы государственного управления с учетом меняющихся политических условий.

Заключение. Выявлено, что эволюция представительной власти в исследуемых государствах демонстрирует различные векторы развития. Российский путь становления парламентаризма существенно отличается от европейского опыта периодическими трансформациями политической системы. Сословные собрания, характерные для начального этапа, сменялись разными формами народного представительства. Современная модель государственного устройства России объединяет централизованное управление с региональной автономией. Конституционные поправки 2020 года способствовали формированию сбалансированного механизма принятия решений. Структура власти в России приобрела сетевой характер, что отличает её от иерархической организации европейских парламентов.

Историческая специфика российской государственности раскрывает потенциал модернизации представительных органов власти. Накопленный национальный опыт в сочетании с актуальными требованиями времени создает основу для совершенствования системы народного представительства.

Литература

1. Безруков, А.В. Совершенствование системы представительных органов публичной власти России в условиях проводимых конституционных преобразований / А.В. Безруков, Н.В. Сидоров // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2024. – № 1(54). – С. 156–164.
2. Вильданов, Р.Р. Представительный орган власти в Российской империи: начала XX в. / Р.Р. Вильданов // Вестник Томского государственного университета. 2012. No 4. – 75–77
3. Гражданин и власть: монография / С.А. Авакьян, Д.А. Авдеев, Е.Ф. Гладун и [др.]; под ред. Г.Н. Чеботарева; Минобрнауки РФ, Тюменский государственный университет, Институт государства и права. – Тюмень: ТюмГУ-Press, 2023. – 172 с.
4. Егоров, С.А. История государства и права России. IX век первая половина XIX века: учебник и практикум для вузов / С.А. Егоров, А.Б. Иванов; под общей редакцией В.Н. Карташова. – 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 345 с.
5. Гусельников, И.И. Принципы избирательного права в исторической ретроспективе / И.И. Гусельников // Барометр экономики, управления и права. – 2024. – № 3(39). – С. 34–37.
6. История отечественного государства и права. X–XIX века: учебник для вузов / под общей редакцией А.П. Альбова, С.В. Николюкина. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 219 с.
7. Ключевский, В.О. Русская история. Полный курс в 4 ч. Часть 2: учебник для вузов / В.О. Ключевский. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 352 с.
8. Ключевский, В.О. Русская история. Полный курс в 4 ч. Часть 3: учебник для вузов / В.О. Ключевский. Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 354 с. —
9. Сугирбеков, С. И. О конституционно-правовой природе института представительных органов государства / С.И. Сугирбеков // Известия Национальной Академии наук Кыргызской Республики. – 2024. – № 2. – С. 216–220.
10. Алексеева Светлана Олеговна. История формирования английского парламента // Вопросы российской юстиции. 2021. № 16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-formirovaniya-angliyskogo-parlamenta> (дата обращения: 07.08.2025).

THE COMPARATIVE LEGAL ASPECT OF THE CREATION OF REPRESENTATIVE AUTHORITIES IN RUSSIA WITH EUROPEAN COUNTERPARTS

Dvorzhetskaya-Lvova S.P.

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Sochi State University" (FGBOU VO "SSU")

This article examines the comparative legal aspect of the formation of representative authorities in Russia and European countries. The author analyzes the constitutional foundations, electoral systems,

principles of formation and powers of parliaments, highlighting key similarities and differences. Special attention is paid to the peculiarities of Russian parliamentarism in the context of historical, political and legal traditions, as well as their comparison with the experience of European states. The article examines issues such as the degree of influence of the executive branch on the legislative process, the role of political parties and the level of representation of various social groups. The author comes to the conclusion that, despite the common democratic principles, the models of representative government in Russia and Europe have significant differences due to the specifics of the state structure and political culture.

Keywords: representative authorities, Russia, European analogues.

References

1. Bezrukov, A.V. Improving the system of representative bodies of public authority in Russia in the context of ongoing constitutional reforms / A.V. Bezrukov, N.V. Sidorov // *Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2024. – No. 1 (54). – P. 156–164.
2. Vildanov, R.R. Representative Authority in the Russian Empire: early twentieth century / R.R. Vildanov // *Bulletin of the Tomsk State University of the XIX century*. 2012. No. 4.-75–77
3. Citizen and Power: monograph / S.A. Avakyan, D.A. Avdeev, E.F. Gladun and [others]; edited by G.N. Chebotarev; Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Tyumen State University, Institute of State and Law. – Tyumen: TyumGU-Press, 2023. – 172 p.
4. Egorov, S.A. History of the state and law of Russia. 9th century – first half of the 19th century: textbook and practical course for universities / S.A. Egorov, A.B. Ivanov; edited by V.N. Kartashov. – 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. – 345 p.
5. Guselnikov, I.I. Principles of electoral law in historical retrospect / I.I. Guselnikov // *Barometer of economics, management and law*. – 2024. – No. 3 (39). – P. 34–37.
6. History of the domestic state and law. 10th-19th centuries: textbook for universities / edited by A.P. Albov, S.V. Nikolyukin. – Moscow: Yurait Publishing House, 2025. – 219 p.
7. Klyuchevsky, V.O. Russian history. Complete course in 4 parts. Part 2: textbook for universities / V.O. Klyuchevsky. – Moscow: Yurait Publishing House, 2025. – 352 p.
8. Klyuchevsky, V.O. Russian history. Complete course in 4 parts. Part 3: textbook for universities / V.O. Klyuchevsky. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. – 354 p. —
9. Sugirbekov, S.I. On the constitutional and legal nature of the institution of representative bodies of the state / S.I. Sugirbekov // *Bulletin of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic*. – 2024. – No. 2. – P. 216–220.
10. Alekseeva Svetlana Olegovna. History of the formation of the english parliament // *Issues of Russian Justice*. 2021. No. 16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-formirovaniya-angliyskogo-parlamenta> (date of access: 07.08.2025).

Самозанятость как современная форма занятости населения: особенности регулирования и перспективы развития

Дворцов Андрей Дмитриевич,

аспирант, кафедра: 5.1.3 Частно-правовые (цивилистические) науки, Московский финансово-юридический университет МФЮА (МФЮА)

В статье дается обзорное представление о самозанятости как формы занятости в России на современном этапе. Отмечается, что самозанятость представляет собой ту же самостоятельную хозяйственную деятельность, что и индивидуальное предпринимательство. Приводятся некоторые особенности правового регулирования в сопоставлении с индивидуальным предпринимательством, проявляющийся преимущественно в усеченном законодательном виде (упрощена регистрация и учет налогооблагаемой базы, отсутствуют какие-либо дополнительные требования в деятельности, кроме ограничений на ее виды методом исключения и развития хозяйственных связей). В отечественно практике ключевой особенностью регулирования самозанятости является выведение ее в поле действия отдельного федерального закона. Рассматривается зарубежный опыт регулирования самозанятости, который в сравнении с российским отличается несколько меньшим вниманием законодателя к выделению положения самозанятых. В США и Великобритании законодатель фактически не проводит различия между самозанятым гражданином, осуществляющим лично приносящую доход деятельность и гражданином, являющимся индивидуальным предпринимателем со сложной организацией хозяйственного процесса. Во Франции самозанятость урегулирована максимально схожим с российской практикой образом (особый налоговый режим, ограничения по видам деятельности). Однако уплата самозанятыми страховых взносов применяется во всех приведенных странах. Делается попытка спрогнозировать направления дальнейшего развития самозанятости в отечественной практике, которых просматривается два – уточнение в интересах налогообложения и предоставления социальных гарантий и иных мер поддержки признаков самозанятости и ее сближение с дистанционным трудом наемных работников.

Ключевые слова: гражданские правоотношения, индивидуальное предпринимательство, налогообложение, самозанятость, хозяйственная деятельность

Исторически самозанятость не является новым явлением в экономической жизни общества и вполне может претендовать на одну из старейших форм занятости населения, по-своему оказавшей влияние на развитие трудовых отношений и отношений по поводу частного коммерческого найма.

На современном этапе самозанятость в целом сохранила все исторически присущие ей черты:

- первое – это по-прежнему индивидуальная хозяйственная деятельность с доходом в пользу осуществляющего ее лица;
- второе – это хозяйственная деятельность с малым оборотом прибыли осуществляющего ее лица.

Индивидуальность или персонализированность в купе с малыми оборотами являются сегодня двумя ключевыми юридическими признаками самозанятого гражданина. В этом случае может проследиваться схожесть с индивидуальным предпринимательством по таким критериям как:

- 1) наличие установленного предела объема хозяйственного оборота, который измеряется в денежном выражении за определенный учетный период времени. В отечественной и зарубежной практике принято преимущественно отталкиваться от календарного года, в рамках которого учитывается размер получаемой прибыли.
- 2) наличие физического лица, осуществляющего в индивидуальном порядке хозяйственную деятельность, которая приносит ему прибыль. В законодательстве такая хозяйственная деятельность интерпретируется как предпринимательская, которая по своей идее не отличается в деятельности самозанятых граждан и граждан в статусе индивидуального предпринимателя. В обоих случаях такие лица извлекают доход из своей способности использовать принадлежащее им имущество, способности оказать услугу, осуществить работу или изготовить, предоставить какой-либо объект гражданского оборота другому лицу на возмездной основе.
- 3) наличие правового дозволения заниматься индивидуально приносящей доход деятельностью.

Последний критерий не менее важен поскольку легализует приносящую доход деятельность в общественных отношениях в принципе и определяет наличие в них такого субъекта как индивидуального предпринимателя. На этом, по сути, и заканчиваются общие черты самозанятости с индиви-

дуальным предпринимательством и начинаются особенности правового регулирования, которые на примере отечественной практики одновременно делают самозанятость граждан исключительным правовым явлением и определяют некоторые проблемы надлежащего регулирования.

В качестве особенностей регулирования самозанятости как формы занятости населения нельзя не выделить следующие из них:

- самозанятость оказалась выведена за пределы принятого налогового регулирования, заняв промежуточное положение между субъективным правом гражданина как субъекта гражданских правоотношений осуществлять приносящую доход деятельность и включенностью в отношения по поводу налогообложения по нормам действующего налогового законодательства;
- самозанятость оказалась ограничена в сравнении с индивидуальным предпринимательством как по хозяйственным связям, размеру финансового оборота, так и по видам осуществляемой деятельности;
- самозанятость никак не повлияла на применение расширенных социальных гарантий, оставив самозанятого гражданина в статусе приравненного к остальным гражданам (то есть, социальная поддержка и защита оказывается на общих основаниях по базовым гарантиям).

В отечественной практике самозанятость урегулирована отдельным федеральным законом¹, который продолжает с момента своего принятия удерживать ее в контексте экспериментального налогового режима (налога на профессиональный доход). Гражданский кодекс Российской Федерации между тем допускает осуществление предпринимательской деятельности гражданином без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя по отдельным ее видам². А Конституция Российской Федерации и Налоговый кодекс Российской Федерации декларируют императивно установленную обязанность каждого платить законно установленные налоги и сборы при всеобщности и равенстве налогообложения³. Получается для окончательного урегулирования формальной стороны осуществления гражданами приносящей доход деятельности в форме самозанятости недостает только закрепления в налого-

вом законодательстве положений о налогообложении, которые фактически можно просто перенести из профильного федерального закона.

Ответ на вопрос о том, почему в реальности нельзя осуществить такой перенос кроется в другой особенности регулирования самозанятости, а именно ее ограничения по хозяйственным связям, размеру финансового оборота и видам осуществляемой деятельности.

Этот аспект вместе с отсутствием дополнительных социальных гарантий гражданину как раз и делает по-настоящему самозанятость исключительной формой занятости, занимающей промежуточное положение между субъективным правом гражданина как субъекта гражданских правоотношений осуществлять приносящую доход деятельность и включенностью в отношения по поводу налогообложения. Само налогообложение никуда не девается из законодательного поля, но профильный закон определяет и иные неналоговые признаки самозанятости, которые налоговым законодательством по сложившейся практике не регулируются.

По поводу особенностей регулирования самозанятости в сравнении с индивидуальным предпринимательством можно в связи с изложенным предположить, что предметная основа правового регулирования у таковых одна. Это извлечение прибыли в самостоятельном порядке использования способностей к этому и имеющегося в распоряжении имущества. А вот предметы регулирования разные: если индивидуальное предпринимательство урегулировано с позиции того, что осуществляет гражданин по всем аспектам, начиная с государственной регистрации статуса, получения лицензии и заканчивая процедурами банкротства и прекращения деятельности, то самозанятость с позиции того как осуществляет гражданин свою приносящую доход деятельность. Тем самым одна целевая установка на реализацию гражданином субъективного права по поводу извлечения прибыли индивидуально осуществляемой приносящей доход деятельности, получила разное законодательное закрепление ее процесса. Самозанятость на фоне индивидуального предпринимательства имеет усеченный законодательный вид (упрощенная регистрация и учет налогооблагаемой базы, отсутствуют какие-либо дополнительные требования в деятельности, кроме ограничений на ее виды методом исключения и развития хозяйственных связей).

Не будет в связи с изложенным ошибкой сделать предположение о том, что самозанятость в современной отечественной практике как форма занятости населения урегулирована по остаточному принципу дозволения всего того, что не может оказать сколько-нибудь заметного влияния на экономику и устоявшиеся в ней экономические процессы и сложившуюся систему регламентации отношений. Для законодателя первостепенной задачей стоял интерес «мягко» ввести в экономику новых участников – налогоплательщиков без необходимости менять структуру регулирующих процессов.

¹ О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»: Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ (ред. от 29 ноября 2024 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 49 (часть I), ст. 7494.

² См. абз. второй части первой статьи 23 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301

³ См. статью 57 Конституции Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с изм. и доп.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.09.2025); часть первая статьи 3 Налогового кодекса Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 29 ноября 2024 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31, ст. 3824.

Идеально данная задача пока не выполнена, поскольку за увеличением поступлений в бюджетную систему проявились объективно возникшие проблемы неурегулированности использования хозяйственной деятельности самозанятых граждан в интересах субъектов – работодателей, обеспечения им повышенных социальных гарантий как вносящих индивидуальным порядком вклад в прибавочный продукт и бюджетные доходы.

Зарубежный опыт регулирования самозанятости в целом можно считать схожим с российским при следующих некоторых различиях. К примеру, во Франции самозанятые граждане также находятся на особом режиме налогообложения (налоговый режим микропредприятий) с низкими налоговыми ставками, ограничены по видам деятельности и финансовому обороту за один год и используют упрощенные административные процедуры¹. Но при этом самозанятые уплачивают взносы на социальное страхование, вследствие чего на них распространяются все меры социального обеспечения как на наемного работника².

В Великобритании самозанятые фактически приравнены к индивидуальным предпринимателям даже если последние не зарегистрированы в налоговой службе³. Но также уплачивают взносы в систему Национального страхования (National Insurance), а также ведут учет коммерческих доходов и расходов по своей деятельности⁴.

В США самозанятый удаленно регистрируется, но при этом получает аналог российского идентификационного налогового номера (ИНН) и заполняет специальную форму для Службы внутренних доходов (Internal Revenue Service, IRS) с указанием места деятельности – офис или дом⁵. Отдельные налоговые ставки для самозанятых в США не предусмотрены и последние уплачивают общие для всех от полученного дохода, которые распределяются на подоходный налог и медицинское страхование.

Законодатели США и Великобритании, по сути, не видят разницы между самозанятым гражданином, осуществляющим лично приносящую доход

деятельность и гражданином, являющимся индивидуальным предпринимателем со сложной организацией хозяйственного процесса. В основу регулирования занятости населения в этих странах положен интерес государства к получаемым гражданами дохода, который последние обязаны декларировать и уплачивать с него налоговые и другие обязательные платежи, даже если получают его при частичной занятости как работники экономики свободного заработка, именуемой также «the gig economy»⁶.

С учетом приведенного несложно проследить дальнейшие перспективы развития самозанятости как современной форма занятости населения. Необходимо сразу учесть следующие аспекты:

- самозанятость является ответом на развитие современной глобальной экономики, сопряженной с технологическим прогрессом и развитием в нем информационного компонента;
- самозанятость объективно востребована как в развитых, так и развивающихся странах: для государства в виде дополнительного налогового дохода, для гражданина в виде возможности обеспечить себя личным регулярно получаемым заработком;
- самозанятость может являться средством антикризисного управления экономикой, особенно в периоды применения карантинных и иных ограничивающих мер.

Таким образом, несложно проследить объективную природу самозанятости как формы занятости населения, которая никуда не денется из правового поля при условии проявления к ней интереса со стороны законодателя.

Развитие самозанятости стоит ожидать в двух ключевых направлениях:

- первое – в качестве самостоятельного экономически активного поведения граждан, признаки которого будут уточняться в интересах налогообложения и предоставления социальных гарантий и иных мер поддержки;
- второе – сближение самозанятости с дистанционным трудом наемных работников, которое может получить некоторые нормативные основы порядка взаимодействия между самозанятым гражданином и субъектом – работодателем (например, по критериям количества оказанных услуг в отчетном периоде, характере осуществленной работы и др.).

Безусловным остается включение самозанятых граждан в структуру действующих налоговых отношений и их администрирования наравне с другими субъектами – налогоплательщиками.

Литература

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с изм. и доп.) // Официаль-

¹ Code général des impôts. Article 50-0, 102 ter, L613-7 à L613-10. Modifié par LOI n°2023-1322 du 29 décembre 2023 – art. 45 // Legifrance. Le service public de la diffusion du droit. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGISCTA000006199553> (дата обращения: 13.11.2024); Modalités de déclaration de début d'activité sur le site du guichet unique pour un AE. [электронный ресурс]. URL: <https://www.autoentrepreneur.urssaf.fr/portail/files/Guides/Urssaf-creation-activite-Guichet-unique.pdf> (дата обращения: 02.09.2025).

² Le guichet unique pour les déclarations de création, de modification, de dépôt de document et de cessation d'entreprise. [электронный ресурс]. URL: <https://formalites.entreprises.gouv.fr/> (дата обращения: 02.09.2025).

³ Working for yourself. [электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/working-for-yourself> (дата обращения: 02.09.2025).

⁴ Bögenhold D., Klinglmair R., Kandutsch F. Solo Self-Employment, Human Capital and Hybrid Labour in the Gig Economy. Foresight and STI Governance. – 2017. – Vol. 11. – No. 4. – P. 23.

⁵ Раздел: Частный предприниматель. Internal Revenue Service (IRS). [рус. яз.] [электронный ресурс]. URL: <https://www.irs.gov/ru/businesses/small-businesses-self-employed/sole-proprietorships> (дата обращения: 02.09.2025).

⁶ Gig economy tax center. Internal Revenue Service (IRS). [рус. яз.] [электронный ресурс]. URL: <https://www.irs.gov/businesses/gig-economy-tax-center> (дата обращения: 02.09.2025).

ный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.09.2025).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 29 ноября 2024 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31, ст. 3824.
4. О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»: Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ (ред. от 29 ноября 2024 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 49 (часть I), ст. 7494.
5. Раздел: Частный предприниматель. Internal Revenue Service (IRS). [рус. яз.] [электронный ресурс]. URL: <https://www.irs.gov/ru/businesses/small-businesses-self-employed/sole-proprietorships> (дата обращения: 02.09.2025).
6. Code général des impôts. Article 50–0, 102 ter, L613–7 à L613–10. Modifié par LOI n°2023–1322 du 29 décembre 2023 – art. 45 // Legifrance. Le service public de la diffusion du droit. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGISC-TA000006199553> (дата обращения: 02.09.2025).
7. Le guichet unique pour les déclarations de création, de modification, de dépôt de document et de cessation d'entreprise. [электронный ресурс]. URL: <https://formalites.entreprises.gouv.fr/> (дата обращения: 02.09.2025).
8. Modalités de déclaration de début d'activité sur le site du guichet unique pour un AE. [электронный ресурс]. URL: <https://www.autoentrepreneur.urssaf.fr/portail/files/Guides/Urssaf-creation-activite-Guichet-unique.pdf> (дата обращения: 02.09.2025).
9. Bögenhold D., Klinglmair R., Kandutsch F. Solo Self-Employment, Human Capital and Hybrid Labour in the Gig Economy. Foresight and STI Governance. – 2017. – Vol. 11. – No. 4. – P. 23–24.
10. Gig economy tax center. Internal Revenue Service (IRS). [рус. яз.] [электронный ресурс]. URL: <https://www.irs.gov/businesses/gig-economy-tax-center> (дата обращения: 02.09.2025).
11. Working for yourself. [электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/working-for-yourself> (дата обращения: 02.09.2025).

SELF-EMPLOYMENT AS A MODERN FORM OF EMPLOYMENT OF THE POPULATION: FEATURES OF REGULATION AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Dvortsov A.D.

Moscow Financial and Law University MFUA (MFUA)

The article provides an overview of self-employment as a form of employment in Russia at the present stage. It is noted that self-em-

ployment is the same independent economic activity as individual entrepreneurship. Some features of legal regulation are given in comparison with individual entrepreneurship, which is manifested mainly in a truncated legislative form (registration and accounting of the taxable base are simplified, there are no additional requirements for activities, except for restrictions on its types by the method of exclusion and development of economic ties). In domestic practice, the key feature of self-employment regulation is its inclusion in the scope of a separate federal law. The article examines foreign experience in regulating self-employment, which, in comparison with the Russian one, is distinguished by somewhat less attention from the legislator to highlighting the status of the self-employed. In the USA and Great Britain, the legislator actually does not distinguish between a self-employed citizen who carries out personally income-generating activities and a citizen who is an individual entrepreneur with a complex organization of the business process. In France, self-employment is regulated in a manner that is as close as possible to Russian practice (special tax regime, restrictions on types of activities). However, the payment of insurance premiums by the self-employed is applied in all the countries listed. An attempt is made to predict the directions of further development of self-employment in domestic practice, of which two are visible – clarification in the interests of taxation and the provision of social guarantees and other measures to support the signs of self-employment and its convergence with the remote work of hired workers.

Keywords: civil legal relations, individual entrepreneurship, taxation, self-employment, business activities

References

1. Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on December 12, 1993 (as amended and supplemented) // Official Internet portal of legal information. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of access: 09/02/2025).
2. Civil Code of the Russian Federation (part one) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on July 31, 2025) // Coll. legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32, art. 3301.
3. Tax Code of the Russian Federation (part one) of July 31, 1998 No. 146-FZ (as amended on November 29, 2024) // Coll. legislation of the Russian Federation. 1998. No. 31, Art. 3824.
4. On the Experiment to Establish a Special Tax Regime "Tax on Professional Income": Federal Law of November 27, 2018 No. 422-FZ (as amended on November 29, 2024) // Coll. legislation of the Russian Federation. 2018. No. 49 (Part I), Art. 7494.
5. Section: Private entrepreneur. Internal Revenue Service (IRS). [Russian] [electronic resource]. URL: <https://www.irs.gov/ru/businesses/small-businesses-self-employed/sole-proprietorships> (date of access: 09/02/2025).
6. Code général des impôts. Article 50–0, 102 ter, L613–7 à L613–10. Modification par LOI n°2023–1322 du 29 December 2023 – art. 45 // Legifrance. Le service public de la diffusion du droit. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGISC-TA000006199553> (access date: 09/02/2025).
7. Le guichet unique pour les déclarations de création, de modification, de dépôt de document et de cessation d'entreprise. [electronic resource]. URL: <https://formalites.entreprises.gouv.fr/> (access date: 09/02/2025).
8. Modalities for declaring the debut of activity on the unique management website for an AE. [Electronic resource]. URL: <https://www.autoentrepreneur.urssaf.fr/portail/files/Guides/Urssaf-creation-activite-Guichet-unique.pdf> (accessed: 02.09.2025).
9. Bögenhold D., Klinglmair R., Kandutsch F. Solo Self-Employment, Human Capital and Hybrid Labour in the Gig Economy. Foresight and STI Governance. – 2017. – Vol. 11. – No. 4. – P. 23–24.
10. Gig economy tax center. Internal Revenue Service (IRS). [Russian] [Electronic resource]. URL: <https://www.irs.gov/businesses/gig-economy-tax-center> (date of access: 02.09.2025).
11. Working for yourself. [electronic resource]. URL: <https://www.gov.uk/working-for-yourself> (date of access: 02.09.2025).

Новое понимание механизма «налоговой реконструкции» и отдельные риски его применения

Евпрынцев Игорь Сергеевич,

аспирант кафедры теории права и публично-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО Самарский государственный экономический университет
E-mail: Evpryntcev.i@yandex.ru

Статья раскрывает ключевые аспекты нового понимания механизма «налоговой реконструкции», поскольку он рассматривается как самостоятельный правовой институт. Особое внимание уделяется необходимости комплексного подхода к применению налоговой реконструкции, включая не только юридические, но и экономические аспекты. Основная проблема для формирования отдельного института механизма «налоговой реконструкции» состоит в отсутствии единой сформированной законодательной базы в виде отдельного документа. Постоянные изменения в законодательстве требуют постоянного мониторинга и адаптации стратегий налогового планирования, что создает дополнительные сложности для налогоплательщиков. В ходе изучения темы и написания данной статьи автором был сформирован ряд рекомендаций по защите прав и интересов налогоплательщиков, попавших под действие названного механизма без наличия умысла.

Ключевые слова: налоговое право, налоговая реконструкция, налогоплательщик, налоговые риски, фискальная политика, налоговое преступление.

Введение

Настоящая работа является результатом анализа судебной, фискальной и научной практики использования определения «налоговая реконструкция», основанных на положениях, выдвинутых Пленумом ВАС № 53 в 2006 году, о необходимости учета и дальнейшего налогообложения всех осуществленных налогоплательщиком хозяйственных операций только в соответствии с их экономическим смыслом, деловой целью и реально понесенными затратами, которому, с легкой руки отдельных практикующих юристов, присвоен этот термин в начале второго десятилетия 21 века.

Автор настоящей статьи выдвигает новое понимание существа и определения «налоговой реконструкции», где налоговая реконструкция, представлена не как способ доначисления налогового бремени с одновременным учетом реально понесенных налогоплательщиком расходов, а как самостоятельный правовой институт, имеющий свой круг правоотношений, структуру, методологию и способы его реализации.

Обсуждение

Механизм налоговой реконструкции носит охранительный характер, и применяется налоговыми органами, в случаях наличия подозрений на злоупотребления со стороны налогоплательщика, для пересмотра налоговых последствий финансово-хозяйственных операций, осуществленных налогоплательщиком, в результате их оценки на соответствие принципам добросовестности и обоснованности получения налоговой выгоды, с дальнейшим изменением налоговых обязательств налогоплательщика, при выявлении его роли в выявленном правонарушении и фактически понесенных им расходов.

Процедура налоговой реконструкции имеет поэтапный механизм реализации, возникающий с момента получения информации о злоупотреблении, дальнейшем анализе и оценке действий налогоплательщика, сборе доказательств и их фиксации, и заканчивающегося перерасчетом налоговых обязательств налогоплательщика, при доказанности его вины.

Анализ формирования и развития российского налогового законодательства, показал, что правовые основы функционирования данного института заложены в разрозненных нормах налогового законодательства РФ, в момент его становления, как отдельные полномочия налоговых органов

и ограничения прав налогоплательщиков, и хотя и не объединены одним термином «налоговая реконструкция», на практике имеют регулярное применение.

Далее, в статье хочется кратко остановиться на некоторых распространённых случаях применения налоговой реконструкции, на основе анализа действий налоговых органов и судебной практики при осуществлении механизма налоговой реконструкции в отношении конкретного налогоплательщика.

Речь, естественно, пойдет о защите прав налогоплательщиков, которые не имели прямого умысла на уклонение от уплаты налогов, не участвовали в искусственных схемах по получению налоговой выгоды незаконным путем и их сделки, ставшие основанием для проведения финансовых операций и последующего налогообложения, имели экономический смысл и деловую цель.

Иными словами, изложенные ниже рекомендации могут быть приемлемы для участников налоговых правоотношений, попавшие под применение в отношении них механизма налоговой реконструкции, по неосторожности.

Первым обстоятельством, которое требуется соблюсти налогоплательщику это руководствоваться здравым смыслом и экономически обоснованной целью любой совершаемой им сделки. Даже если сделка в результате закончилась не получением планируемой прибыли или даже принесла налогоплательщику, как предпринимателю, убытки, в силу субъективных и объективных, а подчас и форс-мажорных обстоятельств, этот факт сам по себе не является основанием начала в отношении данного лица процедуры налоговой реконструкции, при условии, что им выполнены все остальные требования налогового законодательства.

Данный подход был предметом неоднократных исследований высшими судебными инстанциями (Определение Конституционного суда РФ 25.11.2020 года № 2823-о, Определения СК по экономическим спорам Верховного суда РФ 30.09.2019 года № 305-ЭС19–9969, 14.03.2019 года № 301-КТ-18–20421 и иными), в результате которых сформирована рекомендации для практического применения «о недопустимости создания формальных условий для взимания налогов сверх того, что требуется по закону».

Исходя из вышесказанного и практического избежания налоговых рисков необходимо обратить на следующие моменты.

1. Заключение любой сделки предшествует анализ рынка и представленных на нем участников. При этом ориентироваться желательно на непосредственного производителя товаров, исполнителя работ и оказания услуг.

Сбор информации о выбранных потенциальных партнерах состоит из изучения общедоступных способах с использованием онлайн торговых площадок и интернет-ресурсов.

Например, на сайте ФНС России в общедоступном формате присутствуют сведения обо всех зарегистрированных налогоплательщиках, в том числе о применяемой системе налогообложения, о размерах их доходов и расходов, об уплаченных суммах налогов и сборов, включая налоги с ФОТ исходя из среднесписочного количества персонала, а также о нарушениях налогового законодательства конкретным налогоплательщиком.

Кроме этого, по наименованию и ИНН контрагента можно проверить на судебных сайтах, например arbitr.ru, на предмет наличия крупных споров и дел о банкротстве.

После получения первичного представления о контрагентах следует направить официальной письмом о намерении заключения договора: в котором запросить от них коммерческое предложение со спецификацией, сегодняшнюю выписку из ЕГРЮЛ, разрешительную документацию на совершения определенных видов деятельности и сертификаты на выпускаемую продукцию, карточку предприятия с реквизитами.

После получения данных документов направить официальное предложение о заключении договора.

При положительном ответе проверить полномочия подписывающего лица, действующего от имени контрагента в силу уставных документов или наличие доверенности на совершение таких сделок. Кроме этого, желательно удостовериться что сделка для данного лица не требует одобрения иными органами юридического лица в силу закона или учредительных документов.

Если юридическое лицо действует без такого реквизита как печать, необходимо попросить выписку из учредительных документов об этом, заверенную надлежащим способом.

При оценке всех обстоятельств при выборе контрагенте по сделке и его действительных намерениях хочется порекомендовать опыт международного оформления любых внешнеэкономических сделок, когда стороны в ходе преддоговорной работы обмениваются целым пакетом документов, имеющих соответствующие правовые последствия. Основные из них это:

- документ **Letter of intent (LOI) – письмо о намерениях**, в котором одна из сторон формально сообщает о своих намерениях совершить сделку на определенных условиях.
- документ **FCO – безотзывное предложение**, в котором поставщик обязуется поставить товар на указанных условиях и не имеет права их изменить.
- документ **BCL (Bank Confirmation Letter) – это документ, выпускаемый банком от имени своего клиента**, подтверждающий его статус.
- документ **POF (Proof of funds) – это финансовый документ, выданный банком или финансовым учреждением, который подтверждает, что у физического лица или компании есть достаточно средств для завершения конкретной сделки или инвестиции.**

Таким образом, это может способствовать требуемому налоговым органом и судебной практикой подходу о стандарте осмотрительного поведения в гражданском обороте, ожидаемого от его разумного участника в сопоставимых обстоятельствах.

Для целей налогообложения важны последствия исполнения сделок и юридические факты, то применяемый в обороте стандарт обоснованности при выборе контрагента (коммерческая осторожность и осмотрительность) применяется и в налоговых правоотношениях.

При этом, когда речь идет о крупном или среднем бизнесе наличие у контрагентов соответствующих активов и персонала для исполнения заключаемого договора достаточно легко установить по участию данного контрагента в аналогичных сделках с другими участниками рынка.

Для малого бизнеса в современных условиях исполнения всех рекомендаций может оказаться неприемлемым в силу большого круга предпринимателей и сроков осуществления деятельности. Тем не менее стремления к соблюдению всех предосторожностей может позволить избежать налоговых претензий в будущем.

Предмет договора должен соответствовать вашей модели ведения бизнеса и исключать кабальность и сверхрискованность со стороны налогоплательщика, а также соответствовать обычаям делового оборота в данной отрасли. Наличие данных факторов может привлечь внимание налоговых органов к данной сделке и способствовать началу в отношении ее сторон налоговой реконструкции.

При наличии у контрагента субподрядчиков и субисполнителей, все вышеперечисленные требования применяются соответственно и к ним, а договоры с ними подлежат согласованию с налогоплательщиком.

2. После заключения договора необходимо отразить все свои действия в бухгалтерском и налоговом учете или в отчете о финансовой деятельности, в которую входят учет доходов и расходов и других связанных с деятельностью налогоплательщика объектов налогообложения и физических показателей.

Порядок ведения бухгалтерского учета регламентируется ФЗ № 402 «О бухгалтерском учете» от 06.12.2011 года, и обязателен для всех коммерческих и некоммерческих юридических лиц, органов государственной власти и управления всех уровней, обособленных подразделений иностранных организаций, а также для ИП и частнопрактикующих лиц (адвокатов, нотариусов и т.д.). Правда, последние в силу ст. 6 НК РФ в определенных случаях могут не вести бухгалтерский учет, если ведут налоговый учет.

При этом налоговый учет, согласно ст. 313 НК РФ обязаны вести все субъекты получающие доходы от своей деятельности.

При этом отсутствие обязательств у ИП по ведению бухгалтерского учета, не снимает с них обязательств по ведению кадрового учета, учета кассовых операций, учета основных средств и немате-

риальных активов, а также ведение соответствующих учетных регистров при работе с НДС, транспортном и имущественном налоге и НДФЛ.

При этом несмотря на предоставленное отдельным налогоплательщикам право не вести бухгалтерский учет и не оформлять бухгалтерскую отчетность, хочется обратить внимание на эффективность его ведения, поскольку цель данного учета составление отчетности, достоверно отражающей финансовые операции и текущее состояние налогоплательщика, на базе которых строится и налоговая отчетность. А сдача бухгалтерской отчетности в налоговый орган, может помочь избежать неблагоприятных последствий и необоснованных претензий налогового органа.

При этом своевременное и правильное отражение в отчетности сведений об объектах недвижимости, введенных в эксплуатацию, данных о производимой подакцизной продукции, реальных показателей возможного дохода или избежание искусственного разделения единой предпринимательской деятельности, исключают фактическую возможность налогового органа найти в ваших действиях состав налогового правонарушения и доначисления сумм налогов.

3. При осуществлении в отношении налогоплательщика мероприятий налогового контроля, в рамках которых начат механизм налоговой реконструкции, следует четко понимать свои права и процессуальные полномочия налогового органа по исследованию всех факторов спорных финансовых операций и надлежащего сбора и предоставления доказательств.

В рамках налоговых мероприятий уполномоченными лицами могут проводиться следующие действия:

- получения пояснений от всех причастных лиц к деятельности налогоплательщика, и его контрагентов (почтовых служащих, перевозчика, обслуживающий персонал, работников складов хранения и т.п.). Как правило действия проводятся в форме допроса или опроса.
- осуществление осмотра и досмотра территории и помещений налогоплательщика (включая в определенных случаях примыкающие и соседние объекты и офисы, официально не используемые налогоплательщиком), автотранспортных средств и личного транспорта должностных лиц налогоплательщика.
- исследования документов с третьими лицами, косвенно подтверждающие реальность совершенных сделок, их объемов и сроки (например документы ВОХР или ЧОП об охране объекта, платежные документы на оплату коммунальных услуг и аренду недвижимости и т.д.).
- осуществление осмотра и выемки документации налогоплательщика, а также техники, предметов и атрибутов, относящихся к деятельности налогоплательщика.
- в ходе осуществления налоговой реконструкции и сбора доказательственной базы налоговый орган привлекает экспертов и проводит

различного рода экспертизы (бухгалтерские, транспортные, оценочные, почерковедческие и т.д.).

- осуществляется инвентаризация имущества, складских остатков и ТМЦ.
- привлечение сторонних специалистов для анализа ФХД налогоплательщика и воссоздание его действительных регистров: учета доходов и расходов, книг продаж, баланса товарного и складского учета и т.п.

Все вышеперечисленные доказательства должны оформляться надлежащим образом согласно принципам достаточности и допустимости.

Как уже говорилось выше опираться в данном случае необходимо на Приказ ФНС № ММВ-7–2/628 изданный в 2018 году, в котором содержится 68 процессуальных форм документов, включая протоколы допросов, осмотров, выемок и т.д., для фиксации отдельных процессуальных действий налоговых органов.

Кроме этого Письмо ФНС России № АС-4–2/12837 от 17.07.2013 года, указало налоговым органам, что оформление доказательственной базы, полученной в ходе оперативной и розыскной работы, необходимо учитывать требования АПК РФ, при рассмотрении налоговых дел в арбитражных судах и требования ГПК РФ при рассмотрении налоговых дел в судах общей юрисдикции [2].

Налогоплательщику необходимо четко отслеживать составление надлежащих документов налоговым органам и пользоваться свои правами предоставленные НК РФ, в частности, в статье 21 – «Права налогоплательщиков (плательщиков сборов, плательщиков страховых взносов).

При это необходимо помнить, что доказанное налоговым органом знание или информированность налогоплательщика о контрагенте, как о номинальном лице (в интерпретации налогового органа «технической» компании), приравнивается к форме умысла налогоплательщика, о котором могут свидетельствовать ряд прямых и косвенных признаков.

Здесь обязанность доказывания ложиться на налогоплательщика.

4. Осуществление деятельности с аффилированными или в налоговой терминологии взаимозависимыми лицами налогоплательщика требует более взвешенного и педантичного подхода к оформлению всех отношений.

Согласно действующему законодательству, зависимость одного лица от другого определяется степенью его влияния на такое лицо. При этом данное влияние может выражаться в различных формах, вытекающих из корпоративных, договорных, семейных и иных правоотношений, порождающих возможность одного лица предопределять решения, принимаемые другими лицами.

Фактически именно взаимозависимые лица налогоплательщика в настоящий момент и составляют круг лиц подверженных контролированию ценообразованию при сделках между ними.

Взвешенная и подтвержденная ценовая политика в отношении между вышеуказанными лицами, исключит возможность налоговых органов выявления отклонения цен от рыночных, а соответственно и осуществление корректировки налоговой базы и налоговых обязательств исходя из уровня рыночных цен.

5. Поскольку умышленное применение налоговых схем по дроблению бизнеса мы в настоящей работе не рассматриваем, хочется обратить внимание на такой способ масштабирования бизнеса, как франчайзинг.

Особенно это касается таких видов франчайзинга, как производственный и сервисный, когда Партнер-покупатель приобретает право производить продукцию или оказывать услуги под брендом Партнера-Продавца, по использованию его технологии и методологии.

При реализации данной модели бизнес-партнерства особое внимание следует уделить четкой фиксации правоотношений сторон в договоре по продаже франшизы.

При нечетком разграничении полномочий и функций Франчайзера и франчайзи, а также определения форм расчетов по роялти, налоговый орган имеет возможность признать вашу деятельность искусственно раздробленной и доначислить вам налоговую нагрузку исходя из оборота всех партнеров, объединенных одной целью – уклонение от действительного налогообложения.

Данный риск актуален в основном для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, использующих специальные системы налогообложения и внутри корпоративные формы взаиморасчетов.

6. Обширная практика выдачи определенных суммы «под отчет» и длительных беспроцентных займов своим работникам и участникам, в настоящий момент также находится по пристальному вниманию налоговых органов, как способ получения необоснованной налоговой выгоды, путем неуплаты НДС и налога на дивиденды.

В 2025 году планируется введение 5-ступенчатой прогрессивной шкалы налогообложения доходов физических лиц связанных с осуществлением трудовой деятельности: 13% доход до 2,4 млн рублей, 15% – с 2,4 до 5 млн. рублей, 18% – с 5 до 20 млн.рублей, 20% – с 20 до 50 млн.рублей, 22% – свыше 50 млн. рублей.

2-ступенчатая шкала в 13% и 15% останется на доходы с депозитов, с дивидендов, с прибыли от использования финансовых инструментов, от продажи имущества. При этом порог разделяющий эти проценты измениться на 2,4 млн руб. и 5 млн.рублей.

Несмотря, на существующий порядок определения сроков и размеров предоставления сумм «под отчет» локальными нормативными документами самого налогоплательщика, тем не менее существуют разумные сроки отчетности по предоставлению отчета о потраченных суммах.

Если, работник не отчитался по итогам отчетного годового периода и имеет заложенность перед организацией и это происходит систематично, есть риск доначисления данному лицу налога на доход, а также переквалификация данных правоотношений в заемные и доначисление налог на доход в виде экономии от неуплаты процентов, исходя из ставки ЦБ РФ.

Аналогичная ситуация складывается и с систематично продлеваемыми договорами займа, которые могут быть переквалифицированы в выплату дивидендов с соответствующим налогообложением.

7. Использование в бизнес практике самозанятых граждан вместо постоянных работников экономически обоснованно и понятно: налогообложение таких лиц НПД варьируется от 4 до 6% и не требует выплат социального характера.

Однако, данный вид подмены трудовых правоотношений гражданско-правовыми рассматривается налоговым органом как способ получения необоснованной налоговой выгоды и в процессе применения механизма налоговой реконструкции приводит к серьезным налоговым доначислениям работодателям.

При выстраивании договорных отношений с самозанятыми нужно следовать следующим положениям: отсутствие графика работы, не подчинение внутренним локальным документам, отсутствие системы постоянной оплаты, невозможность оплаты больничных и отпусков и другие аналогичные моменты работы СЗ.

Правильно составленный гражданско-правовой договор с самозанятым и соответствующие ему фактические обстоятельства оказание услуг, поможет исключить претензии налогового органа по этому вопросу.

8. Выбор и заключение договоров с юридическими лицами или ИП, не имеющих соответствующих разрешений или членства в специализированных саморегулируемых организациях, не только подразумевает административную и уголовную ответственность таких лиц, как исполнителей, но в отдельных случаях может повлечь неблагоприятные налоговые последствия и для Заказчиков.

Например, при заключении договора строительного подряда с Подрядчиком, не состоящим в СРО, а такая возможность появилась после внесения изменений в ГрК РФ в 2017 году, а в 2022 году стоимость, не требующая СРО, по такому договору, выросла до 10 млн.руб.

Это дало возможность небольшим строительным компаниям предлагать свои услуги дешевле, минимизируя сроки исполнения работ и формы оплаты по ним, применения специальных режимов налогообложения, а Заказчикам решение своих авральных вопросов в строительстве и минимизации отчетности и налогообложения в связи с отсутствием НДС.

Однако, использование одного подрядчика на всем комплексе строительных работ большого объема, путем дробления договора строительного подряда на более мелкие, имеет свои реальные риски и в том числе налогового характера. При проведении процедуры налоговой реконструкции и сбора достаточных доказательств, налоговая признает это схемой дробления для получения необоснованной налоговой выгоды переквалифицирует отдельные сделки в одну единую сделку и доначислит налоги, т.к. расходы на такого Исполнителя нельзя учесть в составе затрат и уменьшить налогооблагаемую базу, а также будет начислен штраф 20% от недоплаченной суммы. Это, не говоря о рисках невозможности введения объекта такого строительства в эксплуатацию.

9. Покупка объектов недвижимости, имущественных прав и иных активов через договора покупки долей и акций в уставном капитале ООО или АО по номинальной стоимости уставного капитала, в настоящий момент также стала предметом внимания налоговых органов на предмет выявления признаков уклонения от реального налогообложения и получения необоснованной налоговой выгоды.

При заключении таких договоров, важно понимать, что дальнейшие действия нового «собственника» юридического лица, по минимизации хозяйственной деятельности данного лица, ограничения его правоспособности, перераспределение доходов в пользу иных аффилированных лиц, а также быстрая реорганизация, могут вызвать интерес со стороны налогового органа и начало процедуры налоговой реконструкции.

При наличии достаточного количества доказательств налоговый орган переквалифицирует вашу сделку, для целей налогообложения, в договор купли-продажи актива (недвижимости или прав, например) по аналогии с признанием таких сделок притворными и последствиями ничтожной сделки. Доначисление налогов будет применено по рыночной стоимости актива и уплата штрафных санкций с суммы недоплаченного налога.

10. Соккрытие или искажение информации необходимой для правильной оценки и квалификации реальных правоотношений, финансовых операций и объектов налогообложения, также являются основанием для применения процедуры налоговой реконструкции при выявлении таких нарушений.

Заключение

Все это касается таких действий налогоплательщиков, как фактическая эксплуатации объекта капитального строительства без ввода его в эксплуатацию, с целью неуплаты налога на имущество готового объекта недвижимости, использование в производстве оборудования, как своего, но фактически числящегося на ином юридическом лице с льготным налогом на имущество, длительное не погашение кредиторской задолженности, при фактическом

финансовом состоянии на ее закрытие, договора купли-продажи с отсрочкой оплаты на нереально длительные сроки, не свойственные устоявшейся практики в данном виде бизнеса и иные завуалированные способы уклонения от возникновения налоговой нагрузки на неопределенный срок.

При этом необходимо помнить о роли самого налогоплательщика в совершенных налоговых правонарушениях, независимо от причиненного ущерба бюджету, поскольку лицо не несет ответственности за неисполнение налоговых обязательств его контрагентами и предшествующими лицами, за исключением наличия его согласования или осведомленности о их незаконных действиях [3] которые вытекают либо из аффилированности, либо о недостаточной степени должной осмотрительности.

ФНС, согласившись с положительной для налогоплательщика судебной практикой, приняла позицию прямой зависимости наличия законченного состава правонарушения в действиях проверяемого лица от факта установления вины налогоплательщика в таком правонарушении [4].

Литература

1. Приказ ФНС № ММВ-7-2/628 от 07.11.2018 г. – Справочно-правовая система Консультант Плюс. (дата обращения: 04.05.2024).
2. Письмо ФНС России № АС-4-2/12837 от 17.07.2013 г. – Справочно-правовая система Консультант Плюс. (дата обращения: 04.05.2024).
3. Правовые позиции Конституционного Суда РФ: Постановление от 19 декабря 2019 г. № 41-П, а также определения от 16 октября

2003 г. № 329-О, от 10 ноября 2016 г. № 2561-О, от 26 ноября 2018 г. № 3054-О

4. Письмо ФНС России от 10 марта 2021 г. № БВ-4-7/3060@.

A NEW UNDERSTANDING OF THE “TAX RECONSTRUCTION” MECHANISM AND CERTAIN RISKS OF ITS APPLICATION

Evpryntcev I.S.

Samara State University of Economics

This article reveals the key aspects of a new understanding of the mechanism of “tax reconstruction”, as it is considered as an independent legal institution. Special attention is paid to the need for an integrated approach to the application of tax reconstruction, including not only legal, but also economic aspects. The main problem for the formation of a separate institution of the mechanism of “tax reconstruction” is the lack of a single formed legislative framework in the form of a separate document. Constant changes in legislation require constant monitoring and adaptation of tax planning strategies, which creates additional difficulties for taxpayers. In the course of studying the topic and writing this article, the author has formulated a number of recommendations to protect the rights and interests of taxpayers who have fallen under the influence of this mechanism without intent.

Keywords: tax law, tax reconstruction, taxpayer, tax risks, fiscal policy, tax crime.

References

1. Order of the Federal Tax Service No. ММВ-7-2/628 dated 07.11.2018 – Consultant Plus Reference and Legal System. (date of access: 04.05.2024).
2. Letter of the Federal Tax Service of Russia No. АС-4-2/12837 dated 17.07.2013 – Consultant Plus Reference and Legal System. (date of access: 04.05.2024).
3. Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation: Resolution of December 19, 2019 No. 41-P, as well as determinations of October 16, 2003 No. 329-O, of November 10, 2016 No. 2561-O, of November 26, 2018 No. 3054-O
4. Letter of the Federal Tax Service of Russia dated March 10, 2021 No. BV-4-7/3060@.

Юридикo-методологическая обоснованность выделения системы прав налогоплательщиков

Камалов Ильдар Фанусович,

аспирант кафедры международного и публичного права
Финансового университета при Правительстве Российской
Федерации

E-mail: ildarkamalov7@gmail.ru

Статья посвящена юридикo-методологическому обоснованию выделения системы прав налогоплательщиков как самостоятельного правового явления налогового права. Предметом исследования является совокупность нормативно закрепленных юридических прав налогоплательщиков и их структурных связей. Цель работы – сформировать методологическую базу для системного анализа прав налогоплательщиков и предложить критерии выделения данной системы в доктрине налогового права. Методология включает системный подход, сравнительно-правовой анализ и доктринальные исследования в области публичного права. Результаты исследования подтверждают существование системообразующих признаков в правах налогоплательщиков, выделяют их структуру и взаимосвязи с конституционными обязанностями по уплате налогов. Новизна работы заключается в комплексном подходе к правам налогоплательщиков и выведении их системного статуса. В заключении автор подчеркивает необходимость признания данной системы для дальнейшего развития теории и практики налогового права.

Ключевые слова: Права налогоплательщика, субъективные права, правовая система, системный подход

Упоминание прав налогоплательщиков, помимо отдельной статьи Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ), содержится на настоящий момент в той или иной форме в более чем 400 актах Конституционного Суда РФ. Пределы осуществления прав налогоплательщиков же, в свою очередь, продолжают оставаться одной из наиболее острых проблем взаимодействия налогоплательщиков с налоговыми органами, а также формируют значительную долю всех налоговых споров¹.

Отсюда, конечно, очевидна актуальность вопросов законодательной и правоприменительной трансформации прав налогоплательщиков, но вместе с тем незаслуженно остается неизученным вопрос применения к ним системного подхода и целостного выделения системы прав налогоплательщиков как правовой системы. Указания на сам факт существования системы прав налогоплательщиков встречается в отдельных научных публикациях², однако методологического обоснования существования самой системы в доктрине не приводится. На наш взгляд, для целей доктринального анализа и законодательного совершенствования соответствующего правового регулирования необходимой и актуальной представляется целесообразность категориального выделения системы прав налогоплательщиков.

Так, в философском аспекте под системой принято понимать «специфически выделенное из окружающей среды целостное множество элементов, объединенных между собой совокупностью внутренних связей или отношений»³.

Сущностно указанное определение универсально и рассматривается схожим образом применительно ко всем сферам научного познания. Например, Д.Б. Лаптев подчеркивает: «Для любой системы характерно наличие особой структуры, логически связывающей ее отдельные элементы между собой»⁴.

¹ Васильева Е.Г. Правовая сущность оптимизации налогового обложения и пределы осуществления прав налогоплательщиков // Современная научная мысль. 2017. № 6. С. 296

² Хаванова И.А. Обжалование решений налоговых органов в досудебном и судебном порядке // Экономико-правовой бюллетень. 2013. № 3. 160 с.; Чуряев А. Значение разъяснений Минфина для применения законодательства о налогах и сборах // Налоговый учет для бухгалтера. 2011. № 3. С. 71–82.

³ Категории диалектики и методологии современной науки. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1970. – С. 58

⁴ Лаптев Д.Б. К вопросу о закономерностях формирования систем в уголовно-правовой доктрине // Российская юстиция. 2019. N 2. С. 29–31.

Т.Н. Радько, в свою очередь, отмечает, что «существенным признаком системы является единство, согласованность всех ее элементов», дополнительно указывая «составляющие систему элементы функционируют гармонично, в едином направлении, подчинены законам (требованиям) целостности системы, т.е. их функциональная связь не является взаимоисключающей»¹. Также продолжая данную мысль профессор Радько считает необходимым иметь в виду, что «элементом системы может быть не любая часть исследуемого объекта... а лишь некоторый ее существенный компонент, имеющий определенное значение или выполняющий определенную функцию в данной системе».

Поверхностный взгляд и сопоставление общенаучного понимания систем в целом позволяет проследить наличие соответствующих сущностных черт у выделяемой системы прав налогоплательщиков.

В общих чертах, выделяемые в выполняемых в области публично-правовых наук диссертационных исследованиях правовые системы имеют те же конституирующие свойства (при непринятии во внимание свойств систем, выделяемых авторами применительно и специфично к конкретной системе).

Так, например, Сурменева Е.А. в отношении элементов системы публично-правовых способов защиты прав и интересов потребителей финансовых услуг отмечает, что они «характеризуются единством, взаимосвязанностью, однородностью применяемых мер, наличием субъекта защиты, наделенного властными полномочиями, достижением общей цели и публичного интереса»².

В свою очередь, Хобраков Д.Ц. в отношении системы публично-властного контроля отмечает ее «строго упорядоченную структуру, обусловленную помимо прочего административной природой субъектов такого контроля как сферы властной деятельности»³.

Вместе с тем, приведенные концептуальные понимания отдельных систем в публично-правовых науках не позволяют сформировать целостного представления о таких системах, а равно обоснованно заявить о возможности выделения системы субъективных публичных прав налогоплательщика, в силу разнопорядкового содержания и взаимосвязи внутри элементов таких систем.

В связи с изложенным целесообразно предположить, что структурные критерии обоснования выделения системы прав налогоплательщика надлежит выводить аналитическим методом в срав-

нении с аналогичными критериями, которые в доктрине принято выделять к иным системам субъективных публичных прав, или, при отсутствии последних, субъективных прав в целом.

Вместе с тем, к сожалению, на текущий момент уровень проработки вопроса концептуализации систем субъективных (субъективных публичных) прав не позволяет придерживаться предложенной методологии.

Ряд ученых в своих работах приводили обоснование для определения места отдельных субъективных прав в системах соответствующих субъективных прав, однако при этом не доказывали справедливость выделения таких систем в принципе.

Указанный подход можно обнаружить в работах Винницкого А.В., рассматривавшего право общего пользования в системе субъективных публичных прав⁴, Галыгиной И.П. и Писаревской Е.А., рассматривавших право на неприкосновенность частной жизни в системе субъективных прав осужденных⁵, Михайловой И.А., рассматривавшей право на достойное существование в системе субъективных прав российских граждан, а также Гусаловой А.Р., рассматривавшей право на защиту чести, достоинства и деловой репутации в системе субъективных гражданских прав⁶.

Во всех вышеуказанных случаях авторами применялся системный подход, однако не выделялось системообразующих признаков для систем субъективных прав, при том, что отдельные права рассматривались именно как элементы соответствующих систем.

Вместе с тем заслуживает внимания проведенное Нестеровой Е.М. исследование личностных прав в системе прав человека, в котором система таких прав характеризуется «с точки зрения стабильности общепризнанности прав и их интеграционных взаимосвязей, а также с позиции динамизма, постоянной изменчивости, социо-культурного релятивизма – свойства, изменяющего ее содержание и структуру»⁷.

Приведенные Нестеровой критерии в целом могут охарактеризовать отдельную систему: весьма характерными для систем являются черты стабильности, динамизма, постоянной изменчивости, поскольку они сопровождаются выделяемыми теорией систем конституирующими признаками, в частности, наличием структурной взаимосвязи между элементами.

По сути, в основе характеристики системы прав человека, по мнению указанного ученого, лежит

¹ Радько, Т.Н. Система права: история современность перспективы: Монография / Т.Н. Радько – Москва: Проспект, 2018. – С. 16

² Сурменева Е.А. Институт финансового уполномоченного в системе публично-правовых способов защиты прав и законных интересов потребителей финансовых услуг: дис. канд. юрид. наук: 5.1.2. – Саратов, 2024. – С. 104

³ Хобраков Д.Ц. Система публично-властного контроля за законностью муниципальных нормативных правовых актов: дис. канд. юрид. наук: 5.1.2. – Улан-Удэ, 2024. С. 52

⁴ Винницкий А.В. Право общего пользования в системе субъективных публичных прав // Административное и муниципальное право. 2018. № 12

⁵ Галыгина И.П., Писаревская Е.А. Право на неприкосновенность частной жизни в системе субъективных прав осужденных // Вестник Кузбасского института. 2017. № 2 (31).

⁶ Гусалова А.Р. Право на защиту чести, достоинства и деловой репутации в системе субъективных гражданских прав // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2015. № 21.

⁷ Нестерова Е.М. Личностные (соматические) права в системе прав человека: автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2014. – С. 20

развитие системы в соответствии с диалектическим принципом единства и борьбы противоположностей. При этом, указанное свойство дополняется отдельным указанием на наличие социокультурного релятивизма в качестве фактора изменчивости содержания и структуры системы.

Отсюда, например, по аналогии допустимо было бы считать свойством системы прав налогоплательщиков социально-экономический релятивизм, ведь как неоднократно отмечалось различными учеными, с развитием экономических и общественных отношений изменяются принципы налогообложения¹, а значит и вся система отраслевого законодательства, в том числе применительно к вопросу регулирования прав налогоплательщика.

В той же степени для системы прав налогоплательщика целесообразно считать характерным и диалектический закон единства и борьбы противоположностей. Указанный вывод исходит из того, что права налогоплательщика существуют во взаимосвязи с конституционной обязанностью по уплате законно установленных налогов и сборов.

Так, материальный интерес государства, лежащий в основе выполнения его фискальной функции уполномоченными органами, и интерес налогоплательщика в ограничении уплачиваемых сумм обязательных платежей, лежащий в основе определения содержания его прав, как раз составляют ничто иное, как борьбу противоположностей, разрешение которой и лежит в плоскости поиска баланса частных и публичных интересов.

При этом единство таких противоположностей лежит в общности интереса сторон в части надлежащего функционирования государства, а равно в участии в едином процессе налогообложения.

Одновременно с этим, рассмотрение приведенных отдельных характеристик системы схожего (хоть и не в достаточной степени аналогичного) вида при отсутствии иных объектов для применения сравнительно-правового метода и в силу абстрактности сущностных черт, выделяемых в отношении общенаучного понимания систем, не позволяет в достаточной степени обосновать выделение системы прав налогоплательщика посредством определения соответствующих системообразующих факторов.

Так, Ю.В. Романец, применительно к системе договоров указывал «при выявлении системных факторов, формирующих систему договоров, необходимо исходить из того, что таковыми могут быть любые признаки (как экономические, так и юридические), обуславливающие правовое регулирование»².

Чрезмерная абстрактность общенаучного понимания систем (для верхнеуровневого выделения)

¹ См., например, Липатова И.В. К вопросу теории развития системы налогообложения // Аудиторские ведомости. 2022. № 1. С. 36

² Романец, Ю.В. Система договоров в гражданском праве России: монография / Ю.В. Романец. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Москва: Норма, Инфра-М, 2013. – С. 285

и отсутствие в научной литературе, затрагивающей вопросы систем субъективных публичных прав разработанности конкретизированных свойств таких систем (для низкоуровневого выделения) в значительной степени осложняет выделение соответствующих системообразующих факторов, формирующих систему прав налогоплательщика.

Представляется, что в указанной ситуации наиболее целесообразным решением является обращение к разработанным в доктрине факторам системности правовых систем в целом и детальный анализ их применимости к системе прав налогоплательщика.

Так, общепринятый в правовой науке подход при рассмотрении совокупности правовых институтов в качестве системы³ разработан С.С. Алексеевым в исследовании «Структура советского права», в котором автор выделил 2 группы признаков для признания существования в праве самостоятельных систем⁴:

- 1) предмет правового регулирования
- 2) функции права, его отдельных подразделений

Так, поясняя системную значимость первого выделяемого признака С.С. Алексеев указывает, что: «единство предмета – общее условие существования любого структурного подразделения права, определяющее единство, однородность его фактического содержания»⁵.

Поскольку предмет правового регулирования (хоть и в совокупности с методом регулирования) в юридической науке первостепенно связывается с конкретной отраслью права, логично предположить именно отраслевой предмет в качестве «отправной точки» детализации представленного признака в отношении системы прав налогоплательщика, особенно с учетом того, что применительно к отраслевому масштабу такой предмет, как право, установлен законодательно.

Действительно, в статье 2 НК РФ установлено, что законодательство о налогах и сборах регулирует «властные отношения по установлению, введению и взиманию налогов, сборов, страховых взносов в Российской Федерации, а также отношения, возникающие в процессе осуществления налогового контроля, обжалования актов налоговых органов, действий (бездействия) их должностных лиц и привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения». То есть предметом правового регулирования системы законодательства о налогах и сборах, в которую входит система прав налогоплательщика, будут являться все нормативно перечисленные общественные отношения.

Далее, как справедливо отмечается Е.Ю. Матвеевой, «систематизирующие признаки, относимые

³ Матвеева Е.Ю. Специальные договорные конструкции в гражданском праве России: дис. д-ра юрид. наук: 5.1.3. – М., 2024. – С. 112

⁴ Алексеев, С.С. Структура советского права // М.: Юридическая литература, 1975. С. 184

⁵ Там же. С. 184

к предмету правового регулирования, соотносятся по принципу «матрешки», то есть если исследователь выделяет в общей системе подсистемы, то системообразующий признак общей системы будет поглощать системообразующий признак подсистемы»¹.

Указанное явление также может быть проиллюстрировано дальнейшим «препарированием» системы отраслевого регулирования налогового права, причем в случае с подсистемой первого уровня это может повторно производиться с использованием нормативно установленной иерархии систем.

Так, пунктом 2 статьи 1 НК РФ предусмотрено, что НК РФ устанавливает систему налогов и сборов, то есть в предмет отраслевого правового регулирования ранее перечисленных общественных отношений также входит подсистема налогов и сборов. Таким образом, законодательно установленная иерархия внутри системы законодательства о налогах и сборах, в силу прямого указания на наличие подсистемы налогов и сборов, тем самым исключает для нас необходимость дополнительного доказывания ее системного характера и выделения системообразующих факторов.

Далее, подпункт 4 пункта 2 статьи 1 НК РФ раскрывает, что в систему налогов и сборов, в свою очередь, входят права и обязанности налогоплательщиков. То есть учитывая, что в науке налогового права правовой статус налогоплательщиков понимается как совокупность нормативно закрепленных юридических прав и обязанностей², правовой статус налогоплательщика будет представлять собой подсистему по отношению к системе налогов и сборов, который уже включает в качестве подсистемы систему прав налогоплательщика.

Указанные положения свидетельствуют об обоснованности определения по признаку предмета правового регулирования прав налогоплательщика как системы правовых институтов, для которых предметом регулирования выступают общественные отношения, определяющие для налогоплательщика санкционированную государством свободу поведения, дозволенность при участии в налоговых правоотношениях.

В свою очередь, системообразующим признаком, в отношении которого С.С. Алексеев отмечает, что: «обособление правовых общностей так или иначе вызвано своеобразием функций, осуществляемых данным участком правовой системы»³, является функциональный признак.

Указанным признаком по отношению к системе прав налогоплательщика, на наш взгляд, выступает воздействие содержания и факта реализации прав налогоплательщика на понимаемый в широ-

ком смысле процесс определения и исполнения его налоговой обязанности.

Таким образом, надлежит выделять систему прав налогоплательщиков как правовую систему, что методологически сказывается на доктринальных вопросах разработки методологии дальнейшего анализа характерных черт и описания связей и отношений внутри структурных элементов такой системы.

Литература

1. Алексеев С.С. Структура советского права – М.: Юридическая литература, 1975. – 263 с.
2. Васильева Е.Г. Правовая сущность оптимизации налогообложения и пределы осуществления прав налогоплательщиком // Современная научная мысль. – 2017. – № 6 – С. 295–300
3. Винницкий А.В. Право общего пользования в системе субъективных публичных прав // Административное и муниципальное право. – 2018. – № 12 – С. 1–16
4. Власенко А.В. Теоретико-правовой статус налогоплательщиков как сторон налоговых отношений в организационно-правовом механизме оптимизации налогообложения // Образование и право. – 2013. – № 1–2. – С. 76–83.
5. Галыгина И. П., Писаревская Е.А. Право на неприкосновенность частной жизни в системе субъективных прав осужденных // Вестник Кузбасского института. – 2017. – № 2 (31).
6. Гусалова А.Р. Право на защиту чести, достоинства и деловой репутации в системе субъективных гражданских прав // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. – 2015. – № 21.
7. Лаптев Д. Б. К вопросу о закономерностях формирования систем в уголовно-правовой доктрине // Российская юстиция. – 2019. – № 2. – С. 29–31.
8. Липатова И. В. К вопросу теории развития системы налогообложения // Аудиторские ведомости. – 2022. – № 1. – С. 33–40.
9. Матвеева Е.Ю. Специальные договорные конструкции в гражданском праве России: дис. д-ра юрид. наук: 5.1.3. – М., 2024. – 477 с.
10. Нестерова Е.М. Личностные (соматические) права в системе прав человека: автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2014. – 197 с.
11. Радько Т.Н. Система права: история современность перспективы: Монография. – Москва: Проспект, 2018. – 256 с.
12. Романец Ю.В. Система договоров в гражданском праве России: монография / Ю.В. Романец. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, Инфра-М, 2013. – 496 с.
13. Сурменева Е.А. Институт финансового уполномоченного в системе публично-правовых способов защиты прав и законных интересов потребителей финансовых услуг: дис. канд. юрид. наук: 5.1.2. – Саратов, 2024. – 275 с.

¹ Матвеева Е.Ю. Указ. соч. С. 112

² См., например, Власенко А.В. Теоретико-правовой статус налогоплательщиков как сторон налоговых отношений в организационно-правовом механизме оптимизации налогообложения // Образование и право. 2013. № 1–2. С. 82

³ Алексеев С.С. Указ. Соч. С. 184

14. Категории диалектики и методологии современной науки – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1970. – 211 с.
15. Хаванова И.А. Обжалование решений налоговых органов в досудебном и судебном порядке // Экономико-правовой бюллетень. – 2013. – № 3.
16. Хобраков Д.Ц. Система публично-властного контроля за законностью муниципальных нормативных правовых актов: дис. канд. юрид. наук: 5.1.2. – Улан-Удэ, 2024. – С. 52.
17. Чуряев А. Значение разъяснений Минфина для применения законодательства о налогах и сборах // Налоговый учет для бухгалтера. – 2011. – № 3. – С. 71–82.

LEGAL AND METHODOLOGICAL JUSTIFICATION FOR DELINEATING THE SYSTEM OF TAXPAYERS' RIGHTS

Kamalov I.F.

Financial university under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to the legal and methodological justification for delineating the system of taxpayers' rights as an independent legal phenomenon in tax law. The subject of the study is the totality of legally established taxpayers' rights and their structural connections. The aim of the work is to form a methodological basis for the systematic analysis of taxpayers' rights and to propose criteria for delineating this system within tax law doctrine. The methodology includes a systemic approach, comparative legal analysis, and scientific research in public law. The research results confirm the existence of system-forming features in taxpayers' rights, highlighting their structure and interrelations with constitutional obligations related to tax payment. The novelty of the work lies in a comprehensive approach to taxpayers' rights and the establishment of their systemic status. In conclusion, the author emphasizes the necessity of recognizing this system for further development of theory and practice in tax law

Keywords: Taxpayers' rights, subjective rights, legal system, systemic approach

References

1. Alekseev S.S. The Structure of Soviet Law – M.: Legal Literature, 1975. – 263 p.
2. Vasilyeva E.G. Legal essence of tax optimization and the limits of the taxpayer's exercise of rights // Modern scientific thought. – 2017. – No. 6 – P. 295–300
3. Vinnitsky A.V. The right of common use in the system of subjective public rights // Administrative and municipal law. – 2018. – No. 12 – P. 1–16
4. Vlasenko A.V. Theoretical and legal status of taxpayers as parties to tax relations in the organizational and legal mechanism of tax optimization // Education and Law. – 2013. – No. 1–2. – P. 76–83.
5. Galygina I. P., Pisarevskaya E.A. The right to privacy in the system of subjective rights of convicts // Bulletin of the Kuzbass Institute. – 2017. – No. 2 (31).
6. Gusalova A.R. The right to protect honor, dignity and business reputation in the system of subjective civil rights // Fundamental and applied research: problems and results. – 2015. – No. 21.
7. Laptev D.B. On the issue of patterns of formation of systems in the criminal law doctrine // Russian Justice. – 2019. – No. 2. – P. 29–31.
8. Lipatova I.V. On the issue of the theory of development of the taxation system // Audit statements. – 2022. – No. 1. – P. 33–40.
9. Matveeva E. Yu. Special contractual structures in the civil law of Russia: dis. Doctor of Law: 5.1.3. – M., 2024. – 477 p.
10. Nesterova E.M. Personal (somatic) rights in the system of human rights: author's abstract. dis. Cand. Law: 12.00.01. – M., 2014. – 197 p.
11. Radko T.N. The system of law: history, modernity, prospects: Monograph. – Moscow: Prospect, 2018. – 256 p.
12. Romanets Yu.V. The system of contracts in the civil law of Russia: monograph / Yu.V. Romanets. – 2nd ed., revised. and add. – M.: Norma, Infra-M, 2013. – 496 p.
13. Surmeneva E.A. Institute of the Financial Ombudsman in the System of Public-Law Methods of Protecting the Rights and Legitimate Interests of Consumers of Financial Services: Dis. Cand. of Law: 5.1.2. – Saratov, 2024. – 275 p.
14. Categories of Dialectics and Methodology of Modern Science – Voronezh: Publishing House of Voronezh. University, 1970. – 211 p.
15. Khavanova I.A. Appealing Decisions of Tax Authorities in Pre-Trial and Judicial Procedure // Economic and Legal Bulletin. – 2013. – No. 3.
16. Khobrakov D. Ts. System of Public-Authority Control over the Legality of Municipal Regulatory Legal Acts: Dis. Cand. jurid. sciences: 5.1.2. – Ulan-Ude, 2024. – P. 52.
17. Churyaev A. The importance of the Ministry of Finance's explanations for the application of legislation on taxes and fees // Tax accounting for an accountant. – 2011. – No. 3. – P. 71–82.

Возмещение НДС как инструмент финансового оздоровления в процедуре замещения активов

Карымов Герман Тимофеевич,

аспирант кафедры частноправовых дисциплин Федерального государственного научно-исследовательского учреждения «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: germankar6@gmail.com

В настоящей статье рассматривается одно из преимуществ процедуры замещения активов должника – возможности применения налогового вычета по НДС вновь учрежденным акционерным обществом. Автор на основании судебной практики подробно анализирует правовые основания и процедурный механизм для получения вновь учрежденным обществом вычета, который может позволить получить возмещение уплаченного НДС из бюджета, аккумулировав тем самым ликвидные денежные средства для операционной деятельности вновь созданного общества.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), финансовое оздоровление, замещение активов должника, вновь учрежденное акционерное общество, НДС (налог на добавленную стоимость), налоговый вычет.

Введение

В условиях современной экономической нестабильности институт банкротства играет ключевую роль, предоставляя инструменты не только для ликвидации неплатежеспособных хозяйствующих субъектов, но и для их финансового оздоровления. Одним из таких реабилитационных механизмов, предусмотренных отечественным законодательством о несостоятельности, является замещение активов.

Кратко напомним, что в соответствии со ст. 115 Закона о банкротстве при замещении активов должника на базе имущества должника создается одно или несколько акционерных обществ, уставный капитал которых полностью принадлежит должнику [12]. Впоследствии акции вновь созданных обществ реализуются на торгах. Реализация указанного механизма позволяет как погасить требования кредиторов должника, так и сохранить предприятие как хозяйствующий субъект действующим.

Одним из недооцененных преимуществ замещения активов является возможность для учрежденного общества применить налоговый вычет по НДС и получить возмещение НДС из бюджета, что позволяет аккумулировать реальные финансовые ресурсы, необходимые для операционной деятельности.

В данной статье рассматриваются правовые основания и процедурный механизм применения налогового вычета вновь учрежденным обществом, а также анализируются возникающие риски и пути их минимизации.

Основное содержание

Согласно ст. 170 НК РФ, НДС, принятый к вычету организацией-банкротом, подлежат восстановлению налогоплательщиком в случаях передачи активов в уставной капитал хозяйственных обществ [1]. Сумма восстановленного налога указывается в документах, которыми оформляется передача имущества, нематериальных активов и имущественных прав в уставной капитал. Сумма восстановленного налога подлежит налоговому вычету у принимающей имущество организации.

Пункт 11 ст. 171 НК РФ предусматривает, что вычетам у налогоплательщика, получившего в качестве вклада в уставной капитал активы, подлежат суммы налога, которые были восстановлены акционером (участником), в случае их использования для осуществления операций, признаваемых объектами налогообложения [1]. Данное об-

стоятельство позволяет презюмировать наличие большего экономического эффекта процедуры замещения активов в сравнении с иными способами распоряжения имущества должника. Процедура замещения активов позволяет увеличить стоимость акций за счет возможности применения налогового вычета по НДС в будущих периодах.

Ранее правоприменительная практика не ставила под сомнение возможность применения вычетов по НДС лицом, созданным в порядке замещения активов, если восстановление налога было отражено в налоговой декларации. Суды полагали, что фактическая уплата восстановленного налога в бюджет передающей стороной не является условием применения налогового вычета принимающей имущество стороной [7],[9].

Однако в связи с общими тенденциями ужесточения налогового администрирования и усиления пробюджетного подхода при рассмотрении налоговых споров, меняются подходы в правоприменительной практике. В настоящее время возникают налоговые риски в случаях, когда НДС восстанавливается только по налоговой декларации должника-банкрота без фактической его уплаты в бюджет. Налоговый орган проверяет соблюдение должником и созданным обществом всего перечня условий, необходимых для применения налогового вычета учрежденным обществом:

- должник обязан восстановить НДС, который ранее был принят им к вычету по имуществу, переданному в уставной капитал, и отразить эту операцию в налоговом учете;
- сумма НДС, подлежащая восстановлению должником, должна быть указана в документах, которыми оформляется передача имущества;
- имущество должно быть принято на бухгалтерский учет у учрежденного общества;
- имущество должно использоваться учрежденным обществом для осуществления операций, признаваемых объектом обложения НДС.

Например, Арбитражный суд Поволжского округа отказал в налоговом вычете компании, созданной в порядке замещения активов сославшись на то, что:

- основанием для вычета является не счет-фактура, а передаточный акт, а в данном случае в передаточном акте отдельной строкой не выделена сумма НДС и сам передаточный акт не зарегистрирован в книге продаж банкрота;
- не было представлено доказательств о том, что банкрот когда-либо применял налоговый вычет, который был восстановлен, а значит не подтверждено восстановление ранее принятого к вычету налога [8].

Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа отказал в применении налоговых вычетов организации, созданной в порядке замещения активов, сославшись на то, что у банкрота не сохранились первичные документы, подтверждающие приобретение активов, по которым заявлен налоговый вычет, а инвентарные карточки на приобретение

банкротом основных средств заполнены не полностью [6].

Четырнадцатый арбитражный апелляционный суд отказал в применении налоговых вычетов лицу, созданному в порядке замещения активов, поскольку у банкрота не сохранились первичные документы, подтверждающие формирование первоначальной стоимости основного средства, банкрот не подтвердил применение налоговых вычетов, которые затем восстановил [10].

Таким образом, налогоплательщик, созданный в порядке замещения активов, вправе применять налоговые вычеты по восстановленному НДС. Вместе с тем, если банкрот не перечислил в бюджет сумму восстановленного налога, применение названного налогового вычета может вызвать претензии со стороны уполномоченного органа. В целях минимизации налоговых рисков, необходимо получать подтверждение того факта, что банкрот, восстановивший НДС, перечислил сумму НДС в бюджет.

Подтверждением являются первичные документы: книги продаж, счета-фактуры, налоговые декларации и платежные поручения банкрота на перечисление НДС в бюджет.

Общий срок хранения первичной документации составляет пять лет [11], [13]. В п. 1 ст. 23 НК РФ установлено, что в течение пяти лет необходимо обеспечивать сохранность данных бухгалтерского и налогового учета и других документов, необходимых для исчисления и уплаты налогов, в том числе документов, подтверждающих получение доходов, осуществление расходов, а также уплату (удержание) налогов.

Первичные документы, на основании которых начисляется амортизация в целях налогового учета, должны храниться до момента окончания начисления такой амортизации (т.е. до окончания срока полезного использования основных средств в целях налогового учета).

Обязанность налогоплательщика налога на прибыль хранить документы, подтверждающие объем понесенного убытка, установлена в течение всего срока, когда он уменьшает налоговую базу текущего налогового периода на суммы ранее полученных убытков [4].

Таким образом, можно полагать, что необходимые первичные документы для подтверждения ранее возмещенного и восстановленного НДС у банкрота имеются в наличии по всем объектам с остаточной стоимостью больше нуля. Однако не учитывается тот факт, что в большинстве случаев бывшие контролирующие лица не выполняют обязанность по передаче первичной документации конкурсному управляющему, что вызывает трудности в предоставлении налоговому органу первичной документации, в восстановлении первичной документации.

В данном случае допустимо в случае отсутствия первичной документации в книге продаж зарегистрировать справку бухгалтера, в которой отражена сумма НДС, подлежащая восстановлению [3]:

Однако анализ судебной практик показал, что суды отказываются признавать правомерным приращения вычетов организацией, созданной в порядке замещения активов, если нет указанной первичной документации. По нашему мнению, необходимо установить определенные правила, которые позволяли бы организации, созданной на базе имущества должника-банкрота применять налоговые вычеты, в случае доказанности неправомерных действий (бездействий) контролирующих лиц по не передаче конкурсному управляющему необходимой документации, ее уничтожению или искажению.

С.С. Извеков при анализе экономического эффекта процедуры замещения активов обращает внимание, что процедура замещения активов является прежде всего мерой, направленной на восстановление платежеспособности должника, и не должна трактоваться в качестве действий, направленных на извлечение необоснованной налоговой выгоды [2, С. 81–83].

Первоочередное значение при оценке законности выгоды налогоплательщика приобретает субъективный фактор, а именно воля собрания кредиторов, которое стремиться с максимальным эффектом распорядиться имуществом с целью получения удовлетворения своих требований. Исходя из этого, объективные причины в виде отсутствия первичной документации должны отходить на второй план.

Если предположить, что все необходимые условия для возможности созданной компании на базе имущества должника предъявить к вычету сумму восстановленного НДС соблюдены, то обратимся к процедуре возмещения НДС из бюджета у вновь созданного общества.

В соответствии с п. 1.1 ст. 172 НК РФ налоговые вычеты могут быть заявлены в налоговых периодах в пределах трех лет после принятия на учет приобретенных налогоплательщиком на территории Российской Федерации товаров (работ, услуг) или товаров, ввезенных им на территорию Российской Федерации.

Данные вычеты касаются только товаров (работ, услуг), а также имущественных прав. Что касается иных вычетов НДС, в том числе права вычета у налогоплательщика, получившего в качестве вклада (взноса) в уставной (складочный) капитал (фонд) имущество, нематериальные активы и имущественные права, то право заявлять их в течение трех лет налоговым законодательством не установлено. В связи с этим такие вычеты следует осуществлять в том налоговом периоде, в котором у налогоплательщика выполнены соответствующие условия, предусмотренные ст. 171 и 172 НК РФ [5].

Таким образом, вычет по НДС при получении основных средств в качестве вклада в уставной капитал, вновь созданная компания должна заявить сразу при принятии на учет этого имущества.

Учитывая, что вновь созданная компания не сможет создать налогооблагаемую базу, ко-

торая позволила бы применить налоговый вычет в полном объеме в том же налоговом периоде, у компании появляется право на возмещение суммы НДС из бюджета.

Чтобы возместить и вернуть НДС, следует соблюсти условия возмещения. Например, необходимо подать в инспекцию декларацию, в которой заявлен НДС к возмещению, и заявление на возврат. От того, в какой момент заявление подано на возврат, зависит срок возврата НДС инспекцией (п.п. 1, 6, 11.1 ст. 176 НК РФ).

Камеральная налоговая проверка на основе налоговой декларации по НДС, документов, представленных в налоговый орган, а также других документов о деятельности налогоплательщика, имеющихся у налогового органа, проводится в течение двух месяцев со дня представления такой налоговой декларации.

Если оно представлено к моменту вынесения инспекцией решения о возмещении, то налог вернут не позднее чем на 12-й рабочий день с момента завершения камеральной проверки. Если на момент вынесения инспекцией решения о возмещении заявление от налогоплательщика не поступило, то возврат НДС производится в течение одного месяца со дня получения заявления. Итого – срок возмещения 3 месяца после подачи декларации.

Например, если на дату 28.02.2022 происходит передача активов в уставный капитал вновь созданного Общества, то соответственно декларация по НДС за 1 квартал 2022 г. вновь созданным Обществом должна быть подана не позднее 25 апреля 2022 года, а возмещение из бюджета вероятно не позднее 25 июля 2022 года.

Таким образом, определенный экономический эффект общество, созданное на базе имущества банкрота получает не только за счет возможности применения налогового вычета, но и за счет возможности получения возмещения сумм НДС. Учитывая, что суммы восстановленного НДС могут составлять несколько десятков миллионов, данное обстоятельство позволяет получить «живые» денежные средства для активного ведения бизнеса новой компании.

Заключение

Резюмируя изложенное выше, отметим, что процедура замещения активов должника позволяет достичь большего экономического эффекта в сравнении с иными способами распоряжения имуществом должника. Процедура замещения активов позволяет увеличить стоимость акций за счет возможности применения налогового вычета по НДС в будущих периодах.

Ранее правоприменительная практика не ставила под сомнение возможность применения вычетов по НДС лицом, поскольку суды полагали, что фактическая уплата восстановленного налога в бюджет передающей стороной не является условием применения налогового вычета принимающей имущество стороной.

В связи с общими тенденциями ужесточения налогового администрирования и усиления про-бюджетного подхода при рассмотрении налоговых споров, меняются подходы в правоприменитель-ной практике. В настоящее время налоговый орган проверяет соблюдение должником и созданным обществом всего перечня условий, необходимых для применения налогового вычета учрежденным обществом: должник обязан восстановить НДС, который ранее был принят им к вычету по имуще-ству, переданному в уставной капитал, и отраз-ить эту операцию в налоговом учете; сумма НДС, подлежащая восстановлению должником, должна быть указана в документах, которыми оформляет-ся передача имущества; имущество должно быть принято на бухгалтерский учет у учрежденного об-щества; имущество должно использоваться учре-жденным обществом для осуществления опера-ций, признаваемых объектом обложения НДС.

Наибольшие трудности вызывает представле-ние первичной документации, подтверждаю-щей законность применения налогового вычета. По-нашему мнению, необходимо установить пра-вила, которые позволяли бы организации, создан-ной на базе имущества должника банкрота при-менять налоговые вычеты, в случае доказанности неправомерных действий (бездействий) контроли-рующих лиц по не передаче конкурсному управля-ющему необходимой документации, ее уничтоже-нию или искажению.

Процедура замещения активов является пре-жде всего мерой, направленной на восстановле-ние платежеспособности должника. Она не должна трактоваться в качестве действий, направленных на извлечение необоснованной налоговой выгоды, необходимо отходить от объективных факторов от-сутствия документации.

В случае успешной реализации экономического эффекта процедуры замещения активов, создан-ное общество получает право на применение на-логового вычета или право на возмещение суммы НДС в виде «живых» денежных средств для веде-ния бизнеса новой компании через механизм по-дачи декларации, в которой заявлен НДС к возме-щению, и заявления на возврат указанной суммы НДС.

Литература

1. «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 05.08.2000 № 117 // СЗ РФ, 07.08.2000, № 32, ст. 3340;
2. Извеков С.С. Налогообложение при банкрот-стве организации: проблемы теории и практи-ки: монография. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 150;
3. Письмо Минфина России от 13 ноября 2019 г. № 03–11–11/87539// Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс»;
4. Письмо Минфина России от 28 января 2022 г. № 03–03–06/3/5632//Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс»;

5. Письмо Минфина России от 9 октября 2015 г. № 03–07–11/57833//Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс»;
6. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 29 сентября 2014 г. по де-лу № А03–22216/2013//Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс»;
7. Постановление Федерального Арбитражно-го суда Московского округа от 7 июля 2009 г. по делу № А40–65165/2008;
8. Постановление Федерального Арбитражного суда Поволжского округа от 26 июня 2014 г. по делу № А12–20110/2013//Документ опубли-кован не был. Источник – СПС «Консультант-Плюс»;
9. Постановление Федерального Арбитражного суда Уральского округа от 14 февраля 2013 г. по делу № А50–12743/2012//Документ опубли-кован не был. Источник – СПС «Консультант-Плюс»;
10. Постановление Четырнадцатого арбитражно-го апелляционного суда от 3 августа 2017 г. по делу № А66–11314/2016//Документ опубли-кован не был. Источник – СПС «Консультант-Плюс»;
11. Приказ Росархива от 20 декабря 2019 г. № 236 «Об утверждении Перечня типовых управлен-ческих архивных документов, образующихся в процессе деятельности государственных ор-ганов, органов местного самоуправления и ор-ганизаций, с указанием сроков их хранения»// Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс»;
12. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ, 28.10.2002, № 43, ст. 4190;
13. Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете»// СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7344. ч. 1. Ст. 29;
14. Черных Л.С. Некоторые вопросы замещения активов должника в ходе процедуры банкрот-ства // СПС «Консультант Плюс».

UTILIZING VAT REFUNDS FOR FINANCIAL RECOVERY WITHIN THE ASSET REPLACEMENT FRAMEWORK

Karymov G.T.

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

This article explores one of the key benefits of the debtor's asset replacement procedure – the opportunity for a newly incorporated joint-stock company to claim input VAT deduction. Drawing on court rulings and legal practice, the author conducts a comprehensive analysis of both the legal framework and procedural mechanisms that enable the newly established entity to obtain such deduction. This approach potentially allows the company to secure a VAT re-fund from the state budget, consequently accumulating liquid capital to fund its ongoing operational needs.

Keywords: Insolvency (Bankruptcy), Financial Rehabilitation, Debt-or's Asset Replacement, Newly Established Joint-Stock Company, VAT (Value Added Tax), Tax Deduction.

References

1. "Tax Code of the Russian Federation (Part Two)" dated 05.08.2000 No. 117 // SZ RF, 07.08.2000, No. 32, Art. 3340;

2. Izvekov S.S. Taxation in case of bankruptcy of an organization: problems of theory and practice: monograph. – M.: Yurлитinform, 2020. – 150;
3. Letter of the Ministry of Finance of Russia dated November 13, 2019 No. 03–11–11 / 87539 // The document was not published. Source – SPS "ConsultantPlus";
4. Letter of the Ministry of Finance of Russia dated January 28, 2022 No. 03–03–06 / 3/5632 // The document was not published. Source – SPS "ConsultantPlus";
5. Letter of the Ministry of Finance of Russia dated October 9, 2015 No. 03–07–11/57833 // The document was not published. Source – SPS "ConsultantPlus";
6. Resolution of the Arbitration Court of the East Siberian District dated September 29, 2014 in case No. A03–22216/2013 // The document was not published. Source – SPS "ConsultantPlus";
7. Resolution of the Federal Arbitration Court of the Moscow District dated July 7, 2009 in case No. A40–65165/2008;
8. Resolution of the Federal Arbitration Court of the Volga District dated June 26, 2014 in case No. A12–20110/2013 // The document was not published. Source – SPS "ConsultantPlus";
9. Resolution of the Federal Arbitration Court of the Urals District dated February 14, 2013 in case No. A50–12743/2012 // The document was not published. Source – SPS "ConsultantPlus";
10. Resolution of the Fourteenth Arbitration Court of Appeal dated August 3, 2017 in case No. A66–11314/2016 // The document was not published. Source – SPS "ConsultantPlus";
11. Order of Rosarchive of December 20, 2019 No. 236 "On approval of the List of standard management archival documents generated in the course of activities of state bodies, local governments and organizations, indicating their storage periods" // The document was not published. Source – SPS "ConsultantPlus";
12. Federal Law of October 26, 2002 No. 127-FZ "On Insolvency (Bankruptcy)" // SZ RF, October 28, 2002, No. 43, Art. 4190;
13. Federal Law of December 6, 2011 No. 402-FZ "On Accounting" // SZ RF. 2011. No. 50. Art. 7344. Part 1. Art. 29;
14. Chernykh L.S. Some issues of replacing the debtor's assets during bankruptcy proceedings // SPS "Consultant Plus".

Институт досудебного обжалования решений таможенных органов: теоретические и практические аспекты

Лядов Алексей Олегович,

кандидат юридических наук, доцент
E-mail: lyadov-62@mail.ru

Степанов Радик Геннадьевич,

кандидат юридических наук; доцент кафедры таможенного администрирования, Северо-Западный институт управления филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: stepanovrg@bk.ru

В статье рассматривается институт досудебного обжалования решений и действий таможенных органов в Российской Федерации. Анализируются ключевые проблемы, возникающие при реализации данной процедуры на практике, включая формальные отказы, затруднения с подачей жалоб и отсутствие электронных механизмов взаимодействия. Также представлено сопоставление с зарубежным опытом и сформулированы предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: досудебное обжалование, таможенные органы, административный процесс, ВЭД, медиация, цифровизация.

Современная правовая система России опирается на продуманную совокупность правовых гарантий, направленных на обеспечение и защиту прав и свобод граждан. К числу таких гарантий относится право на оспаривание действий и решений публичной власти. Выдающийся отечественный ученый Д.Н. Бахрах подчеркивал, что возможность гражданина обжаловать акты властных структур – неотъемлемый признак правового государства [1].

Хотя суд считается универсальным механизмом восстановления нарушенных прав, юридический арсенал не ограничивается исключительно судебной защитой. Одной из эффективных альтернатив выступает внесудебное (или досудебное) урегулирование споров. Этот институт давно перестал быть прерогативой частного права, он получил широкое признание и распространение в публичной сфере, особенно в административно-правовых отношениях.

В случаях, когда объектом правового регулирования становятся действия органов государственной власти, досудебное разрешение конфликтов позволяет не только уменьшить нагрузку на суды, но и выступает инструментом внутреннего контроля, направленным на корректировку и повышение качества принимаемых решений.

На законодательном уровне институт досудебного урегулирования базируется преимущественно на механизме подачи жалобы. Его суть заключается в том, что физическое или юридическое лицо вправе обратиться в уполномоченный орган с обращением, а последний обязан дать мотивированный ответ в установленные сроки.

Согласно позиции С.В. Белобородова, институт жалобы в административном праве служит способом реализации прав и законных интересов субъектов, вовлеченных в публично-правовые отношения по воле государственных структур [2].

Значимость досудебного разрешения трудно переоценить. Он, с одной стороны, позволяет сократить судебные издержки, а с другой – повышает ответственность чиновников за правомерность принимаемых ими решений.

Проведенный анализ научной литературы показывает, что понятие «обжалование» нередко отождествляется с понятием «жалоба». Последняя представляет собой юридический факт, инициирующий правовые последствия в виде возникновения или изменения правоотношений между заявителем и соответствующим органом.

Так, в п. 4 ст. 4 Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ указано, что жалоба – это

обращение гражданина, направленное на восстановление его нарушенных прав или интересов, либо прав третьих лиц [3].

Следует учитывать, что в правоприменительной и научной плоскости часто происходит смешение понятий «досудебный» и «внесудебный». Это создает путаницу: под досудебным урегулированием иногда понимается как этап, предшествующий обращению в суд, так и процесс, осуществляемый вообще без его участия.

Кроме того, необходимо разграничивать понятия «конфликт» и «спор». Первый представляет собой более широкое социальное явление, тогда как спор – уже правовая категория, требующая правового разрешения.

Альтернативные внесудебные формы, такие как медиация или административное обжалование, функционируют параллельно с судебными механизмами, предоставляя более гибкие условия для разрешения разногласий.

В юридической практике и нормативной базе также наблюдаются различия в терминологии, применяемой к внесудебным и досудебным формам урегулирования. В частности, в ряде законодательных актов фигурирует понятие претензионный порядок – термин, исторически связанный с гражданско-правовыми отношениями, хотя по сути он пересекается с досудебной процедурой в административной сфере.

Так, в Федеральном законе от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» закреплено обязательное применение досудебного порядка разрешения споров между гражданами и органами власти [4].

С принятием Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ был предпринят важный шаг в сторону унификации досудебных процедур. Однако отсутствие четко закрепленной терминологии по-прежнему вызывает затруднения в юридической науке и усложняет однозначное понимание сути института досудебного обжалования.

Исследователь Т.Л. Кукса отмечает, что в настоящее время отсутствует единый правовой акт, комплексно регулирующий весь процесс досудебного обжалования в административной сфере [5].

Федеральный закон № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» закрепляет за участниками внешнеэкономической деятельности право на обжалование решений, действий либо бездействия должностных лиц таможенных органов в досудебной форме [6]. Подобный порядок призван минимизировать вероятность судебного конфликта, ускорить восстановление прав и снизить нагрузку на судебную систему. Жалоба может быть подана как через тот таможенный орган, решение которого оспаривается, так и напрямую в вышестоящий орган или в суд. Однако, в соответствии с ч. 1 ст. 290 вышеуказанного закона, обращение должно содержать строго определенные реквизиты, включая сведения о заявителе,

сведения о таможенном органе, предмет обжалования, правовые основания, а также конкретное требование заявителя.

Несмотря на существование четкой процедуры, на практике часто допускаются ошибки, которые влекут отказ в рассмотрении жалобы. Например, заявитель прикладывает копию доверенности без нотариального заверения либо не указывает просящую часть (ситуации встречаются в административной практике, см. позицию Минфина) [7]. В соответствии с ч. 6 ст. 293 Закона № 289-ФЗ, это может повлечь отказ в принятии обращения к рассмотрению по существу [8].

Срок рассмотрения жалобы, установленный ч. 1 ст. 297 указанного закона, составляет один месяц, при этом он может быть продлен на аналогичный срок в исключительных случаях. Таким образом, общее время рассмотрения составляет максимум два месяца, что существенно короче по сравнению с судебным разбирательством.

Несмотря на наличие формализованной процедуры, установленной законом, реализация права на досудебное обжалование в реальности сопряжена с рядом существенных затруднений. Эти затруднения касаются как процедурных аспектов подачи жалоб, так и качества взаимодействия между заявителем и таможенными органами.

Одной из наиболее распространенных проблем остаётся низкий уровень информированности заявителей о необходимых условиях и порядке подачи обращений. Например, участники ВЭД нередко не знают, что необходимо приложить доверенность в оригинале, подтверждающую полномочия представителя. В результате, как указывает ст. 293 Закона № 289-ФЗ, жалоба может быть оставлена без рассмотрения.

Актуальной проблемой остаётся и вопрос о круге лиц, имеющих право на подачу жалобы. На практике встречаются обращения от третьих лиц – контрагентов, страховых организаций, банков, чьи интересы были лишь косвенно затронуты решениями таможенных органов. Позиция Верховного Суда РФ сводится к следующему: правом на обжалование наделено не только лицо, которому адресовано решение, но и иное лицо, чьи права и законные интересы были затронуты [9]. Такой подход отражает стремление к обеспечению принципа справедливого административного разбирательства.

Рассмотрение жалобы включает в себя ряд последовательных стадий: её регистрация, проверка соблюдения требований к оформлению, анализ содержания, подготовка заключения и вынесение итогового решения. Каждая из стадий несёт в себе риск возникновения процедурных затруднений, особенно в случае рассмотрения сложных и неоднозначных таможенных ситуаций.

Например, предварительная проверка, осуществляемая должностным лицом, может фактически превращаться в отдельное расследование, выходя за рамки проверочных полномочий. Такое расширительное толкование функций нарушает

процессуальные гарантии заявителя и искажает суть досудебной процедуры.

Также немаловажным обстоятельством является то, что досудебное обжалование не носит обязательного характера. Ч. 1 ст. 286 Закона № 289-ФЗ предоставляет заявителю право выбора между обращением в суд или в вышестоящий таможенный орган [10]. Тем не менее, при эффективном применении, досудебный порядок позволяет существенно сократить сроки защиты прав.

Существуют, однако, и противоположные примеры: в некоторых случаях таможенные органы используют формальные основания для отказа, затягивая процесс рассмотрения и вынуждая заявителей обращаться в суд (данные мониторинга обращений в УТУ ФТС за 2023 год) [7]. Среди таких оснований – отсутствие подписи, неполная формулировка сути обращения, предоставление документов в ненадлежащем виде.

Опыт зарубежных государств показывает, что институт досудебного обжалования может эффективно функционировать при условии его должной правовой регламентации, технической оснащённости и процессуальной доступности. В странах Европейского союза, а также в Великобритании и Германии, подобные механизмы нередко являются обязательным этапом разрешения публично-правовых споров до обращения в суд.

В ряде европейских государств применяются модели примирительных процедур, в рамках которых стороны спора приглашаются к участию в переговорах под эгидой нейтрального посредника (медиатора) (опыт Нидерландов, Германии). Это позволяет не только оперативно устранить спор, но и восстановить деловые отношения между участниками внешнеэкономической деятельности и контролирующими органами.

Кроме того, в Великобритании действует практика открытых слушаний, где заявитель вправе лично участвовать в процессе рассмотрения жалобы, представляя аргументы своей позиции. Такой подход способствует укреплению доверия к публичной власти и повышает транспарентность административных процедур.

Российская система досудебного обжалования пока не использует в полной мере данные наработки. В этой связи на основании анализа действующей практики представляется целесообразным внести следующие предложения по реформированию национального законодательства.

1. Расширение перечня обязательных реквизитов жалобы. Целесообразно нормативно закрепить, что обращение должно включать:

- полные данные заявителя (ФИО или наименование организации);
- адрес для переписки;
- наименование таможенного органа и ФИО должностного лица, действия или решения которого обжалуются;
- краткое описание спорной ситуации;
- чётко сформулированную просьбу заявителя;
- дату и подпись.

2. Обязанность уведомления заявителя о принятии жалобы. В настоящее время нередко возникает ситуация, при которой заявитель не получает подтверждения приёма обращения. Установление обязанности направлять уведомление о регистрации и ходе рассмотрения обращения позволит устранить неопределённость и минимизировать риск пропуска сроков для подачи иска.

3. Сокращение сроков рассмотрения обращений в срочных случаях. Особенно это актуально для таможенных споров, связанных с выпуском товаров. В таких ситуациях рекомендуется установить максимальный срок рассмотрения – не более одного рабочего дня, что обеспечит защиту экономических интересов участников ВЭД.

4. Введение возможности очного участия в процессе рассмотрения жалобы. Обеспечение личного присутствия заявителя или его представителя при рассмотрении обращения позволит добиться более объективной и справедливой оценки доводов, а также повысит доверие к принятым решениям.

5. Развитие механизмов электронного взаимодействия. Несмотря на то, что Закон № 289-ФЗ предусматривает возможность подачи жалоб в электронном виде, на практике такой функционал реализован фрагментарно. Введение личного кабинета на портале ФТС с возможностью подачи документов, отслеживания статуса рассмотрения и получения уведомлений позволит упростить процедуру и повысить её доступность.

6. Институционализация медиации в таможенных спорах. Создание правовой базы для применения процедур досудебного примирения между заявителем и таможенным органом без обращения в суд представляется важным направлением реформ. Такая практика уже продемонстрировала свою эффективность в Германии, Канаде и Норвегии (см. отчёты Европейской комиссии по административной справедливости) [11]. Механизм досудебного обжалования решений и действий (или бездействия) таможенных органов выступает важнейшим инструментом обеспечения законных прав и интересов субъектов внешнеэкономической деятельности. Его правовая основа заложена в нормах Федерального закона № 289-ФЗ, что свидетельствует о стремлении законодателя к внедрению эффективной и менее затратной альтернативы судебному разрешению споров.

Однако, как показывает анализ правоприменительной практики, эффективность данного механизма во многом остаётся ограниченной. Наиболее существенные проблемы связаны с формализмом в подходах к рассмотрению жалоб, отсутствием должного уровня информирования заявителей, недостаточной возможностью их участия в процессе, а также с отсутствием развитых цифровых сервисов и процедур альтернативного урегулирования [8].

Например, в ситуациях, когда заявитель не получает уведомления о приёме обращения или

не может отслеживать ход его рассмотрения, нарушается принцип доступности правовой помощи и создаются риски пропуска процессуальных сроков (позиция, подтверждённая в Обзоре практики Минюста РФ).

Для устранения данных недостатков представляется обоснованной реализация следующих направлений реформ:

Технологическая модернизация процедур подачи и отслеживания жалоб, включая внедрение цифровой платформы на базе портала Федеральной таможенной службы;

Закрепление процессуальных гарантий, предусматривающих право заявителя на участие в рассмотрении жалобы, получение уведомлений на всех этапах, а также представление дополнительных документов;

Разработка унифицированных образцов документов, облегчающих процесс подачи обращения и минимизирующих количество отказов по формальным основаниям;

Введение институтов медиации и административного примирения, что особенно актуально в спорах с неочевидной правовой позицией и высокой вероятностью достижения компромисса.

Международная практика показывает, что успешное развитие досудебных механизмов возможно лишь при условии их открытости, технологичности и гибкости. Так, в странах ЕС, США и Великобритании подобные процедуры давно рассматриваются не как альтернатива, а как основное средство защиты прав в публично-правовых спорах.

Применение этих подходов в российской правовой системе позволит превратить институт досудебного обжалования из формального этапа в реальный механизм защиты прав, способный не только снижать нагрузку на суды, но и укреплять доверие к публичной администрации.

Институт досудебного обжалования в сфере таможенных правоотношений обладает высоким потенциалом, но его эффективность на практике ограничивается рядом существенных проблем. К ним относятся как формальные затруднения при подаче жалобы, так и отсутствие чётких процессуальных гарантий и развитых механизмов цифрового взаимодействия.

Опыт зарубежных стран свидетельствует о необходимости обязательности и технологичности досудебных процедур, что может быть реализовано в российской правовой системе через нормативное закрепление новых процедур и гарантий.

Внедрение электронных платформ, сокращение сроков рассмотрения и развитие институтов административного примирения позволит придать досудебному порядку реальное значение как эффективному способу защиты прав.

Литература

1. Бахрах Д.Н. Административное право: учебник. – М.: Норма, 2006. – 512 с.
2. Белобородов С.В. Административное производство: вопросы теории и практики. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. – 272 с.
3. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/.
4. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru>.
5. Кукса Т.Л. Актуальные проблемы досудебного обжалования в сфере публичного управления // Вестник административного права. – 2020. – № 2. – С. 22–28.
6. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза: [принят Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 11 апреля 2017 г. № 289] // Официальный сайт Евразийского экономического союза. – URL: <https://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 15.05.2025).
7. Обзор правоприменительной практики в области таможенного регулирования за 2023 год / Министерство финансов РФ. – М., 2024. – 45 с.
8. Федеральный закон от 27.11.2010 № 311-ФЗ (ред. от 01.01.2025) «О таможенном регулировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 48. – Ст. 6252.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2012 № 19-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 30. – Ст. 4228.
10. Решение Верховного Суда РФ от 10.03.2021 № АКПИ21–11 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – (Дата обращения: 10.05.2025). – Версия 2025.01.
11. Review of Pre-Trial Appeal Mechanisms in EU Customs Administration / European Administrative Law Series. – Brussels: European Union Publications, 2022. – 112 p. – ISBN 978-92-9265-432-1.

THE INSTITUTE OF PRE-TRIAL APPEAL OF DECISIONS OF CUSTOMS AUTHORITIES: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

Lyadov A.O., Stepanov R.G.

North-Western Institute of Management branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration

The article discusses the institution of pre-trial appeal of decisions and actions of customs authorities in the Russian Federation. The key problems that arise when implementing this procedure in practice are analyzed, including formal refusals, difficulties in filing complaints, and the lack of electronic interaction mechanisms. A comparison with foreign experience is also presented and proposals for improving the current legislation are formulated.

Keywords: pre-trial appeal, customs authorities, administrative process, foreign economic activity, mediation, digitalization.

References

1. Bakhrakh D.N. Administrative law: textbook. – M.: Norma, 2006. – 512 p.
2. Beloborodov S.V. Administrative proceedings: issues of theory and practice. – M.: UNITY-DANA, 2011. – 272 p.
3. Federal Law of 02.05.2006 No. 59-FZ “On the procedure for considering appeals of citizens of the Russian Federation” // ConsultantPlus. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/.
4. Federal Law of 27.07.2010 No. 210-FZ “On the organization of the provision of state and municipal services” // Official Internet portal of legal information. – URL: <http://pravo.gov.ru>.
5. Kuksa T.L. Current issues of pre-trial appeal in the field of public administration // Bulletin of administrative law. – 2020. – No. 2. – P. 22–28.
6. Customs Code of the Eurasian Economic Union: [adopted by the Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission of April 11, 2017 No. 289] // Official website of the Eurasian Economic Union. – URL: <https://www.eaeunion.org/> (date of access: 15.05.2025).
7. Review of law enforcement practice in the field of customs regulation for 2023 / Ministry of Finance of the Russian Federation. – M., 2024. – 45 p.
8. Federal Law of 27.11.2010 No. 311-FZ (as amended on 01.01.2025) “On Customs Regulation in the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2010. – No. 48. – Art. 6252.
9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 18.07.2012 No. 19-P “On the case of verifying the constitutionality of certain provisions of the Federal Law “On Customs Regulation in the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2012. – No. 30. – Art. 4228.
10. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 10.03.2021 No. AKPI21–11 // SPS “ConsultantPlus” [Electronic resource]. – (Accessed: 10.05.2025). – Version 2025.01.
11. Review of Pre-Trial Appeal Mechanisms in EU Customs Administration / European Administrative Law Series. – Brussels: European Union Publications, 2022. – 112 p. – ISBN 978-92-9265-432-1.

Судебный контроль на стадии предварительного расследования: современное состояние и перспективы развития

Облаков Алексей Анатольевич,

к.ю.н., доцент, кафедра уголовно-правовых дисциплин,
Дальневосточный филиал Федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего
образования «Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева»
E-mail: aoblakov@mail.ru

В статье представлена эволюция института судебного контроля в России. Представлены научные дефиниции понятий «судебный контроль» и «судебный контроль на стадии предварительного расследования». Описаны функции суда в контексте реализации судебного контроля. Представлены основные нормативные правовые акты, регламентирующие институт судебного контроля в России. Проанализирована взаимосвязь между судебным контролем и защитой конституционных прав и свобод граждан. Описаны ситуации, при которых совершение действий в процессе предварительного контроля, не предусматривают мер судебного контроля. Сделан вывод о том, что во главе судебного контроля стоит принцип состязательности: орган суда не встает ни на сторону защиты, ни на сторону обвинения – его деятельность лишь формирует условия для осуществления властными и невластными участниками своих процессуальных прав и обязанностей. Описаны некоторые спорные, противоречивые и проблемные аспекты функционирования системы судебного контроля.

Ключевые слова: судебный контроль, конституционные права, предварительное расследование, следственное действие, уголовно-процессуальное законодательство, состязательность

Институт судебного контроля едва ли можно считать новеллой отечественного правового поля. Первые данные о реализации органами суда контрольной функции датируются серединой XIX в. На данном этапе эволюции теории права и практики правоприменения введение института судебного контроля стало важнейшим преобразованием судебной системы. Законодательно институт судебного контроля получил фиксацию в рамках Указа «Учреждение судебных следователей» от 8 июня 1860 г., согласно которому производство следствия возлагалось на судебных следователей, специально введенных в уголовный процесс. Данная группа должностных лиц должна была действовать самостоятельно и не подчиняться следственным подразделениям. В последующем положения о судебном контроле были развиты в рамках Устава Уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г., согласно которому контроль за деятельностью судебного следователя осуществлялся окружным судом. Суд мог выразить, к примеру, несогласие с требованием прокурора о заключении обвиняемого под стражу. Кроме того, разрешение суда требовалось для осмотра и выемки почтовой или телеграфной корреспонденции, наложения ареста на имущество обвиняемого и некоторых других действий [14, с. 25].

На современном этапе, после принятия Конституции Российской Федерации от 1993 г., сфера судебного контроля была существенно расширена. Согласимся с М.С. Шаматриной в том, что Конституция позволила привести российское уголовно-процессуальное право в относительное соответствие с международными стандартами в области прав человека – особенно в отношении права на свободу, личную неприкосновенность, защиты от необоснованных арестов и содержания по стражей [14, с. 27].

Следуя правовым традициям прошлых эпох, а также зарубежным тенденциям гуманизации права, Конституция провозгласила право каждого человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также на неприкосновенность жилища. Все это, в свою очередь, косвенно усилило контрольную функцию судебной системы, ведь все вышеперечисленные действия могли осуществляться лишь по решению суда. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, связанных с применением ст. 23 и 25 Конституции РФ» от 24 декабря 1993 г. № 13 [9] судам было предложено принимать к рассмотрению следственные и оперативно-

розыскные материалы с ходатайствами об аресте, осмотре и выемке почтово-телеграфных отправок, а также о прослушивании телефонных переговоров, и осмотре жилища вопреки воле проживающих в нем лиц [14, с. 27].

В 2001 г. был принят Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, в тексте которого удалось воплотить многие предписания Конституции Российской Федерации 1993 г. Именно Уголовно-процессуальный кодекс (далее – УПК РФ) зафиксировал виды и формы судебного контроля (ординарный, экстраординарный, превентивный, последующий, иницилируемый органами предварительного расследования, иницилируемый невластными участниками уголовного судопроизводства и т.п.). Можно сказать, что именно после 2001 г. начался новый этап в развитии института судебного контроля в России. Как указывает Э.Р. Миргородская, данный период характеризуется «наиболее серьезным внедрением в судопроизводство компонентов судебного контроля», этапом окончательного формирования «завершенного, самостоятельного уголовно-процессуального института» [7, с. 78].

На современном этапе, пишет М.А. Устимов, судебный контроль приобрел всеобъемлющий характер и распространился на многие аспекты и стадии уголовного судопроизводства, в том числе досудебные [12, с. 20]. Безусловно, наличие эффективных механизмов реализации судебного контроля свидетельствует о самостоятельности, полноте и независимости судебной власти страны.

Судебный контроль, таким образом, имеет место на всех стадиях уголовного процесса, включая стадию предварительного расследования. Необходимость судебного контроля на данной стадии вызвана общим состоянием законности и наличием возможных пробелов в реализации механизмов прокурорского надзора за соблюдением законов органами дознания и предварительного следствия. Кроме того, судебный контроль на стадии предварительного расследования необходим и по причине стремления к следованию нормам международного права в области защиты прав человека, которые особенно детализировано фиксируют права и свободы лиц, которые оказываются участниками процесса.

Согласно положениям ст. 125 УПК РФ, существование института судебного контроля обусловлено потребностью в разрешении противоречий и конфликтов, возникающих между гражданами и органами предварительного расследования [11]. Судебный контроль признается инструментом, предоставляющим гарантию законности уголовно-процессуальной деятельности, но, несмотря на его важность, в законодательстве он регламентирован недостаточно детально (стст. 108, 125, 125.1, 165 УПК РФ).

Определение судебного контроля, по мнению И.С. Александрова, можно представить посредством перечисления его функций: защита прав и свобод невластных участников уголовного судопроизводства, разрешение текущих или потенциальных конфликтов между невластными и властными участниками процесса, обеспечение верховенства права, самоограничение государства нормами законодательства. На стадии предварительного расследования, указывает автор, содержание судебного контроля распространяется на решения (действия), которые могут быть приняты (совершены) в ходе предварительного расследования [1, с. 157]. Е.В. Шаназарова и О.Е. Савельева предлагают определять судебный контроль за проведением следственных действий на стадии предварительного расследования следующим образом: «одна из форм осуществления судебной власти, производящаяся посредством определения законности или обжалования ограничений конституционных прав и свобод лица со стороны правоохранительных органов и должностных лиц» [15, с. 203].

Суд, принимая участие в предварительном расследовании, исходит из того, что законность и обоснованность применения следователем и дознавателем процессуальных действий выступает гарантией защиты прав личности. М.В. Карпук выражает схожий тезис: будучи гарантом законности, суд на предварительной стадии уголовного судопроизводства, выполняет функцию арбитра в спорных ситуациях применения уголовно-процессуального законодательства [4, с. 1843].

Достаточно емко правовую природу и назначение судебного контроля на стадии предварительного расследования описывает А.Т. Гольцов: уголовно-процессуальная активность происходит постепенно, последовательно, они «накручиваются на саму себя и, двигаясь по спирали (переходя из одной стадии в другие), создает эффект «бесконечного» доказывания». Данный динамический процесс достаточно сложен, имеет множество компонентов и обусловлен рядом гетерогенных факторов. Все это приводит к тому, что в некоторых моментах властные участники могут попытаться ускорить, интенсифицировать, облегчить процесс предварительного следования [2, с. 49]. Именно поэтому этот сложный механизм остро нуждается в контроле, реализация которого не позволит «спирали» расследования пойти по неверному – незаконному, негуманному, неконституционному – пути. Суд, таким образом, сопоставляет (1) то, каким образом идет ход предварительного расследования (действия, предпринимаемые властными участниками процесса) и (2) то, каким образом эти процедуры описаны в законодательстве. Сущность контроля, таким образом, заключается в идентификации несоответствий между нормативным и фактическим.

Одной из наиболее важных и актуальных задач (функций) судебного контроля выступает контроль за законностью и обоснованностью производства следственных действий, которые могут потенциально ограничить конституционные права и свободы невластных участников уголовного судопроизводства. Речь в данном контексте идет об ограничении прав на свободу и личную неприкосновенность.

ность жилища, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений – посягательства на эти свободы и права возможны лишь на основании судебного решения (ст. 22, 23, 25 Конституции) [5].

Судебный контроль, относящийся к соблюдению вышеперечисленных прав и свобод, реализуется двумя путями: (1) принятие судом решения о даче разрешения на производство властными участниками определённых действий; (2) последующая проверка законности и обоснованности данных действий (предусмотрено пп. 4–9 и 11 ч. 2 ст. 29 и ст. 165 УПК РФ). В ходе предварительного расследования требуется решение суда, который санкционирует те или иные действия, затрагивающие конституционные права и свободы граждан. К ним относятся такие действия, как: осмотр жилища при отсутствии на то согласия проживающих в нем лиц; обыск и выемка в жилище; личный обыск; выемка предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, а также предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан и банках и иных кредитных организациях; наложение ареста на корреспонденцию, разрешение на ее осмотр и выемку в учреждениях связи; наложение ареста на имущество и денежные средства; контроль и запись телефонных и иных переговоров [13].

В современной научной литературе высказываются мнения о том, что данный перечень требуется расширить, включив в него иные действия, посягающие на свободу и конституционные права граждан. Так, в частности, С.Д. Исмаилова с соавт. предлагает включить в список проведение судебно-психиатрической экспертизы, судебно-медицинской экспертизы, а также эксгумацию и последующий осмотр трупа при отсутствии согласия родственников умершего [3, с. 156].

Механизм реализации судебного контроля происходит путем подачи ходатайства следователя о производстве следственного действия. Судья единолично рассматривает ходатайство; тем не менее, положения ч. 3 ст. 165 УПК РФ предусматривают право прокурора, следователя или дознавателя принимать участие в данном заседании. Судья при рассмотрении ходатайства анализирует обстоятельства уголовного дела, обеспечивая таким образом законность и обоснованность действий и решений органов предварительного следствия и дознания. Ходатайство о производстве действий, ограничивающих конституционные права граждан, должно содержать подробное указание на мотивы и основания, достаточные для ограничения конституционных прав граждан [15, с. 203].

Судебный контроль на стадии предварительного расследования, указывает С.С. Лукьянов, не должен рассматриваться как вторжение в процессуальную деятельность органа предварительного следствия. Во главе судебного контроля стоит принцип состязательности, подразумевающий то,

что орган суда не встает ни на сторону защиты, ни на сторону обвинения – его деятельность лишь формирует условия для осуществления властными и невластными участниками своих процессуальных прав и обязанностей [6, с. 50].

Функционирование института судебного контроля порождает множество вопросов о сосуществовании двух основных функций суда и возможных противоречиях, возникающих при их выполнении. Как известно, ключевым предназначением суда выступает разрешение спора между сторонами обвинения и защиты. Суд не может выполнять функцию обвинения – в противном случае под сомнение ставится независимое и беспристрастное осуществление правосудия.

Реализация судебного контроля на стадии предварительного расследования, как очевидно, выходит за рамки деятельности по разрешению спора. Спор как таковой не имеет места на стадии предварительного расследования. В ситуации рассмотрения ходатайства органа предварительного расследования данное ходатайство рассматривается без участия лица, в отношении которого планируется проведение следственного действия. П.М. Титов указывает: суд в таком случае не является участником спора и не заменяет собой сторону защиты – действия судьи сводятся к оценке законности и обоснованности подобного ходатайства. Одобрение ходатайства не является свидетельством («предрешением») вопроса о виновности того или иного лица [10, с. 130]. Схожий тезис выражает М.В. Карпук: в деятельности суда при его привлечении к осуществлению контрольных функций на этапе предварительного расследования исключается обвинительный уклон. Следовательно, смешение или отождествление понятий «правосудие» и «судебный контроль» является недопустимым [4, с. 1843].

Весьма спорным аспектом является ситуация, когда судебный контроль не может быть реализован по причине ограниченного временного интервала для проведения следственного действия на этапе предварительного расследования. Положения ч. 5 ст. 165 УПК РФ гласят: в случае, когда производство следственного действия не могло быть отложено, его можно произвести лишь на основании постановления следователя с уведомлением органа суда постфактум. Подобный алгоритм предусмотрен для т.н. «исключительных случаев». При этом детализации данного понятия в кодифицированных нормах не содержится. В связи с этим было опубликовано Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19 [8], где были представлены примеры подобных исключительных обстоятельств: ситуации, в которых действия властных участников процесса могут предотвратить потенциальное правонарушение или пресечь его во время совершения; ситуации, при которых промедление позволит подозреваемому скрыться; имеются индикаторы или подтверждения реальной угрозы уничтожения или сокрытия предметов или орудий преступления. Согласимся с О.Е. Черед-

ник в том, что недостатком данного перечня является его закрытый характер и недостаточно детальное описание неотложных обстоятельств [13]. Впрочем, описать все возможные исключительные случаи, конечно, не представляется возможным. Следовательно, в таком контексте можно говорить о двух основных проблемах: исключение судебного контроля в принципе и повышение степени субъективного усмотрения следователя или дознавателя в определении обстоятельств как исключительных.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

1. Судебный контроль на стадии предварительного расследования – это комплексный правовой институт, включающий в себя процессуальные процедуры, посредством которых суд проверяет законность, обоснованность и соразмерность действий и решений, принимаемых органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие, с целью защиты прав, свобод и законных интересов невластных участников процесса – лиц, вовлеченных в уголовное производство.
2. Правовые нормы, регулирующие судебный контроль на этапе предварительного расследования, закреплены в Конституции и Уголовно-процессуальном кодексе. Данные нормы предписывают суду проверять обоснованность и правомерность решений и действий следственных органов, что важно для соблюдения принципов справедливости, законности и состязательности в уголовном судопроизводстве. Зачастую уголовно-процессуальные нормы недостаточно детализированы, что порождает необходимость обращения ко мнению Верховного суда и судебной практике в целом.
3. Орган суда, таким образом, выполняет не только функцию правосудия, но и контрольную функцию. При этом смешение или отождествление этих функций недопустимо, как и недопустим обвинительный уклон в действиях суда в области судебного контроля.
4. Далеко не все проблемы, связанные с функционированием института судебного контроля на стадии предварительного расследования, являются решенными. Так, в законодательстве представлен весьма ограниченный перечень действий, требующих судебного контроля. Действующий список процессуальных действий, при которых требуется судебное разрешение, недостаточно полон и, по мнению исследователей, нуждается в расширении для охвата иных ситуаций вмешательств в конституционные права граждан.
5. Имеется, кроме того, проблема размытости формулировки об «исключительных случаях» осуществления процессуальных действий без разрешения суда. Критерии и перечень таких ситуаций недостаточно детализированы, что может приводить к субъективному усмотрению следователя в оценке необходимости обхода судебного контроля.

Литература

1. Александров, И.С. Судебный контроль как самостоятельная функция судебной власти и его место в досудебном производстве по уголовным делам / И.С. Александров // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 12 (157). – С. 151–161.
2. Гольцов, А.Т. Возбуждение уголовного дела и «доследственные» проверки в российском уголовном судопроизводстве / А.Т. Гольцов // Евразийская адвокатура. – 2021. – № 3 (52). – С. 47–57.
3. Исмаилова, С.Д. Судебный контроль за производством следственных действий на стадии предварительного расследования / С.Д. Исмаилова, П.К. Гаджирамазанова // Государственная служба и кадры. – 2021. – № 2. – С. 156–158.
4. Карпук, М.В. Судебный контроль как средство обеспечения прав и свобод участников уголовного судопроизводства / М.В. Карпук // Stud-Net. – 2021. – № 6. – С. 1841–1847.
5. Конституция Российской Федерации // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/. – Дата доступа: 30.10.2024.
6. Лукьянов, С. С. К вопросу судебной защиты прав сторон при предоставлении ими доказательств на стадии предварительного расследования / С.С. Лукьянов // Теория и практика общественного развития. – 2021. – № 4 (158). – С. 48–51.
7. Миргородская, Э.Р. Ретроспективный анализ становления института судебного контроля / Э.Р. Миргородская // Вестник БелЮИ МВД России. – 2021. – № 1. – С. 74–79.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 N 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» // КонсультантПлюс. – 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217688/. – Дата доступа: 30.10.2024.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.1993 N 13 (ред. от 06.02.2007) «О некоторых вопросах, связанных с применением статей 23 и 25 Конституции Российской Федерации» // КонсультантПлюс. – 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3486/. – Дата доступа: 30.10.2024.
10. Титов, П. М. О принципе состязательности в уголовном судопроизводстве / П.М. Титов // Вестник УЮИ. – 2023. – № 1 (99). – С. 128–134.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 «174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024) // КонсультантПлюс. – 2024

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/8c2f3ce950529a94889f934dc122bc9e145a1f51/. – Дата доступа: 30.10.2024.

12. Устимов, М.А. Сущность и назначение судебного контроля на стадии предварительного расследования в российском уголовном процессе / М.А. Устимов // Вестник МГУ. – 1996. – № 2. – С. 20–22.
13. Чередник, О.Е. Проблемы судебного контроля на стадии предварительного расследования / О.Е. Чередник // Сибирский юридический университет. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://conf.siblu.ru/problemysudebnogo-kontrolya-na-stadii-predvaritelnogo-rassledovaniya>. – Дата доступа: 30.10.2024.
14. Шаматрина, М.С. Становление института судебного контроля в стадии предварительного расследования / М.С. Шаматрина // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2007. – № 1. – С. 25–31.
15. Шаназарова, Е.В. Судебный контроль на стадии предварительного расследования как гарантия права граждан на судебную защиту в российском уголовном процессе / Е.В. Шаназарова, О.Е. Савельева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 6. – С. 202–204.

JUDICIAL REVIEW AT THE PRELIMINARY INVESTIGATION STAGE: CURRENT STATUS AND DEVELOPMENT

Oblakov A.A.

Far Eastern Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev"

The article presents the evolution of the judicial review institution in Russia. Scientific definitions of the concepts of judicial review and judicial review at the preliminary investigation stage are presented. The functions of the court in the context of the implementation of judicial review are described. The main normative legal acts regulating the judicial review institution in Russia are presented. The relationship between judicial review and the protection of constitutional rights and freedoms of citizens is analyzed. The situations are described in which the actions performed during preliminary control do not provide for judicial control measures. The author concludes that the principle of adversarial proceedings is at the forefront of judicial control: the court does not take either the side of the defense or the side of the prosecution – its actions aimed only at creating conditions for the exercise of procedural rights and obligations by powerful and non-powerful participants. Some controversial, contradictory and problematic aspects of the functioning of the judicial control system are described.

Keywords: judicial review, constitutional rights, preliminary investigation, investigative action, criminal procedure legislation, adversary

References

1. Aleksandrov, I.S. Judicial review as an independent function of the judiciary and its place in pre-trial proceedings in criminal cases / I.S. Aleksandrov // Actual problems of Russian law. – 2023. – No. 12 (157). – P. 151–161.
2. Goltsov, A.T. Initiation of a criminal case and "pre-investigation" checks in Russian criminal proceedings / A.T. Goltsov // Eurasian Advocacy. – 2021. – No. 3 (52). – P. 47–57.
3. Ismailova, S.D. Judicial review of the production of investigative actions at the stage of preliminary investigation / S.D. Ismailova, P.K. Gadzhiramazanova // Civil service and personnel. – 2021. – No. 2. – P. 156–158.
4. Karpuk, M.V. Judicial review as a means of ensuring the rights and freedoms of participants in criminal proceedings / M.V. Karpuk // StudNet. – 2021. – No. 6. – P. 1841–1847.
5. Constitution of the Russian Federation // ConsultantPlus. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/. – Access date: 10/30/2024.
6. Lukyanov, S.S. On the issue of judicial protection of the rights of the parties when they provide evidence at the stage of preliminary investigation / S.S. Lukyanov // Theory and practice of social development. – 2021. – No. 4 (158). – P. 48–51.
7. Mirgorodskaya, E.R. Retrospective analysis of the formation of the institution of judicial review / E.R. Mirgorodskaya // Bulletin of the BelUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – No. 1. – P. 74–79.
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 01.06.2017 N 19 "On the practice of considering by courts petitions for investigative actions related to the restriction of the constitutional rights of citizens (Article 165 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation)" // ConsultantPlus. – 2024 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217688/. – Access date: 10/30/2024.
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 24.12.1993 N 13 (as amended on 06.02.2007) "On certain issues related to the application of Articles 23 and 25 of the Constitution of the Russian Federation" // ConsultantPlus. – 2024 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3486/. – Access date: 30.10.2024.
10. Titov, P.M. On the principle of adversarial proceedings in criminal proceedings / P.M. Titov // Bulletin of the UUI. – 2023. – No. 1 (99). – P. 128–134.
11. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 "174-FZ (as amended on 29.05.2024) (as amended and supplemented, entered into force on 01.07.2024)" // ConsultantPlus. – 2024 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/8c2f3ce950529a94889f934dc122bc9e145a1f51/. – Access date: 30.10.2024.
12. Ustimov, M.A. The nature and purpose of judicial review at the stage of preliminary investigation in Russian criminal proceedings / M.A. Ustimov // Bulletin of Moscow State University. – 1996. – No. 2. – P. 20–22.
13. Cherednik, O.E. Problems of judicial review at the stage of preliminary investigation / O.E. Cherednik // Siberian Law University. [Electronic resource]. – Access mode: <https://conf.siblu.ru/problemysudebnogo-kontrolya-na-stadii-predvaritelnogo-rassledovaniya>. – Access date: 10/30/2024.
14. Shamatrina, M.S. Formation of the institute of judicial review at the stage of preliminary investigation / M.S. Shamatrina // Bulletin of RUDN. Series: Legal Sciences. – 2007. – No. 1. – P. 25–31.
15. Shanazarova, E.V. Judicial review at the stage of preliminary investigation as a guarantee of the right of citizens to judicial protection in Russian criminal proceedings / E.V. Shanazarova, O.E. Savelyeva // Humanitarian, socio-economic and social sciences. – 2023. – No. 6. – P. 202–204.

Многостороннее соглашение о конкуренции и протекционизме: формат, институциональный механизм и ключевые положения

Фан Туан Ань,

аспирант Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: TLMN@BK.RU

В условиях нарастающего протекционизма и глобальной конкуренции в международных экономических отношениях обострилась проблема отсутствия эффективных многосторонних соглашений, регулирующих вопросы конкуренции и протекционизма. Целью данного исследования является разработка комплексного предложения по формату такого многостороннего соглашения. В методологии использован сравнительно-правовой анализ международных договоров. В результате выявлены современные проблемы правового регулирования (эскалация торговых войн, кризис ВТО, разрозненность региональных соглашений) и проанализированы существующие в литературе подходы к их решению. Предложен детальный формат нового многостороннего соглашения – в том числе учреждение специализированного органа для разработки и контроля исполнения соглашения, комплексная структура обязательств (объединяющая антимонопольные нормы и меры против протекционизма), а также конкретные положения (запреты недобросовестной конкуренции, ограничения на субсидии, механизмы разрешения споров). Научная ценность работы заключается в объединении регулирования конкуренции и протекционизма в едином комплексном многостороннем международно-правовом формате, а также в разработке предложений по институциональному механизму и ключевым положениям такого соглашения. Сделан вывод о том, что параллельное развитие правового регулирования на всех уровнях с опорой на многосторонние принципы позволит повысить эффективность противодействия антиконкурентным практикам и торговому протекционизму, обеспечив справедливую конкуренцию в мировой экономике.

Ключевые слова: международное экономическое право, конкуренция, протекционизм, многосторонние соглашения, ВТО, торговая политика, антимонопольное регулирование, государственные субсидии, региональная интеграция

Введение

Актуальность темы обусловлена ростом протекционистских тенденций в мировых экономических отношениях и отсутствием полноценного многостороннего механизма для координации политики конкуренции. В последние годы отмечается резкое увеличение торговых ограничений: только в 2023 году во всем мире было введено почти 3000 новых ограничительных мер – в пять раз больше, чем в 2015 году[7]. Такая волна протекционизма, совпавшая со стагнацией многосторонних торговых переговоров, приводит к эскалации торговых конфликтов и ставит под угрозу стабильность системы международной торговли. Яркий пример – торговое противостояние США и Китая, сопровождавшееся введением взаимных тарифов и обходом правил ВТО, что продемонстрировало ограниченность нынешних многосторонних правил в пресечении односторонних протекционистских мер.

Параллельно обострились и проблемы трансграничной экономической конкуренции. Современная цифровая экономика породила глобальные компании-монополисты, чья деятельность выходит за юрисдикционные рамки отдельных государств. Однако ныне отсутствует единое международное соглашение, которое устанавливало бы общие **антимонопольные стандарты** и обеспечивало **координацию** действий национальных регуляторов. Международные картели и сговоры получают выгоду от лазеек: например, так называемые **экспортные картели** зачастую освобождены от действия национальных антимонопольных законов, превращаясь тем самым в нетарифный барьер для торговли[10]. Это свидетельствует о пробеле в глобальном правовом поле – международное сообщество до сих пор не достигло договоренностей об ограничении экспортоориентированных сговоров и других антиконкурентных практик, затрагивающих несколько стран.

Отсутствие эффективного многостороннего контроля как за государственным протекционизмом, так и за антиконкурентными действиями частных хозяйствующих субъектов приводит к системным кризисам. С одной стороны, механизмы ВТО по сдерживанию протекционизма ослабли: система разрешения споров ВТО фактически парализована после того, как США с 2017 года блокируют назначение новых членов Апелляционного органа. В результате с декабря 2019 года Апелляционный орган лишился кворума и система обжалования в ВТО остановилась, поставив под сомнение способность ВТО обеспечивать выполнение торговых

правил. С другой стороны, транснациональные компании пользуются несовершенством координации антимонопольной политики: громкие дела (например, глобальные картели на рынках автокомпонентов или скоординированные практики ИТ-гигантов) требуют одновременного рассмотрения в ряде стран без общей платформы для обмена информацией и принятия единых мер. В результате одни юрисдикции могут наказывать такие нарушения, тогда как в других виновные избегают ответственности, что подрывает справедливую конкуренцию.

Таким образом, назрела необходимость разработки нового **многостороннего соглашения** в области регулирования конкуренции и протекционизма. **Научная значимость** исследования состоит в том, чтобы предложить комплексный формат такого соглашения, учитывающий и частно-правовые аспекты (антимонопольные нормы), и публично-правовые (торгово-протекционистские меры). **Методология** исследования базируется на сочетании правового анализа международных документов и прецедентов, а также экономико-статистического анализа (для выявления тенденций протекционизма) и сравнительного метода (для учета опыта региональных соглашений и национальных режимов). **Цели исследования:** разработать формат многостороннего соглашения, призванного устранить выявленные проблемы правового регулирования конкуренции и протекционизма в международных экономических отношениях.

Литературный обзор

Научные публикации последних лет анализируют перспективы глобальных соглашений и их возможные форматы. Так, Курдин и соавторы предлагают классификацию режимов международного антитраста, учитывающую баланс интересов между национальными и наднациональными регуляторами[1]. Авторы указывают, что передача части суверенных полномочий на наднациональный уровень возможна лишь при наличии доверия между странами и институциональных механизмов компенсации потенциальных потерь от перераспределения (например, путем технической помощи слабым участникам). Другие исследования поднимают вопрос о целесообразности *плюрилатеральных договоренностей* – соглашений не всеми членами ВТО, а группой заинтересованных стран, которые позже можно было бы распространить шире. Высказывается идея создания **Всемирной организации по конкуренции (World Competition Organization)**, по аналогии с ВТО, которая обладала бы полномочиями арбитража по трансграничным антимонопольным спорам.

Значительное внимание уделяется взаимосвязи конкуренции и протекционизма в современных торговых соглашениях. Исследование М. Рута (2023) отмечает, что за последние десятилетия региональные торговые соглашения эволюционировали от тарифных договоров к «**углубленным**» **соглашениям**, включающим нормы о внутренних

субсидиях, государственных предприятиях и конкуренции[2]. Ряд региональных соглашений (Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве, соглашение Канады, Мексики и США – USMCA и др.) содержат главы о политике конкуренции – как правило, стороны обязуются иметь законы о защите конкуренции, сотрудничать между регуляторами и запрещать картели. Таким образом, на региональном уровне накапливается опыт интеграции конкурентной и торговой повестки. Тем не менее эксперты предупреждают, что опора исключительно на регионализм несет риск фрагментации правил и дискриминации несостоящих в блоках стран[2].

Таким образом, для эффективной защиты *конкурентной среды* и предотвращения *протекционистской эскалации* необходима именно многоуровневая стратегия: совершенствование национального законодательства, заключение прогрессивных региональных соглашений и создание гибкой, но всеобъемлющей многосторонней правовой основы.

Критический анализ предлагаемых решений показывает, что многие из них страдают односторонностью. Одни авторы фокусируются только на антимонопольных мерах (борьба с картелями, координация слияний), не затрагивая вопросы государственных субсидий и торговых барьеров. Другие, напротив, предлагают усилить лишь торговые правила (например, расширить соглашение ВТО по субсидиям и ввести санкции за валютные манипуляции), но оставляют вне поля зрения корпоративные практики.

На основе обобщения литературных источников можно заключить, что создается научная база для новой волны институциональных реформ: наличие **кризисных сигналов** (торговые войны, «паралич» Апелляционного органа ВТО, масштабные корпоративные сговоры) стимулирует экспертов к поиску инновационных форматов соглашений. Однако отсутствует целостный проект, детально описывающий и юридическую конструкцию, и институциональный механизм, и содержание норм такого соглашения. Данная статья призвана восполнить этот пробел.

Материалы и методы

В качестве **материалов** анализировались: международно-правовые акты (уставы и соглашения ГАТТ/ВТО, резолюции Генеральной Ассамблеи ООН и документы Конференции ООН по торговле и развитию – орган Генеральной Ассамблеи ООН (ЮНКТАД) по конкуренции, тексты региональных торговых соглашений с главами о конкуренции), статистические данные международных организаций (ВТО, Всемирного банка) о протекционистских мерах, а также отчеты и обзоры глобальных экономических институтов (МВФ, ОЭСР) по тематике конкурентной политики.

В рамках **методов исследования** применены: **сравнительно-правовой анализ** – сопоставле-

ние положений существующих соглашений разного уровня (двусторонние торговые договоры, региональные интеграционные соглашения, рамочные нормы ВТО); **статистический анализ и анализ данных** – обработка данных о количественной динамике мер торгового протекционизма. Применение **комплексной методологии** позволило соединить юридический и экономический анализ. Юридический анализ обеспечил строгость в формулировании предлагаемых норм, опираясь на существующие прецеденты права ВТО и международных договоров. Экономический анализ придал убедительности аргументации актуальности.

Результаты

На основе проведенного анализа автором разработано **комплексное предложение формата многостороннего соглашения** в области регулирования конкуренции и протекционизма. Данное предложение включает несколько ключевых взаимосвязанных элементов: (1) формат и уровень заключения соглашения; (2) институциональный механизм (орган), ответственный за разработку и реализацию; (3) конкретные положения и обязательства, предлагаемые для включения; (4) механизм дифференциации обязательств и поддержки разных групп стран; (5) система мониторинга и разрешения споров. Ниже представлены результаты по каждому из этих аспектов.

1. Формат соглашения и уровень заключения. Оптимальным видится заключение универсального **многостороннего договора**, открытого для присоединения всеми государствами – членами ВТО. Возможны два взаимодополняющих варианта реализации:

- **Полноформатное многостороннее соглашение под эгидой ВТО.** Оно может быть оформлено как **новое соглашение ВТО** (наподобие Генерального соглашения по торговле услугами или Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности, которые в 1994 г. были включены в пакет документов ВТО). Такой договор стал бы частью правовой системы ВТО, а споры по нему рассматривались бы механизмом урегулирования споров ВТО. Преимуществом является охват 160+ экономик сразу и существующая институциональная инфраструктура. Однако, учитывая консенсуальный принцип ВТО, старт такого соглашения может затрудняться из-за позиции отдельных стран.
- **Плюрилатеральное соглашение «первопроходцев» с последующей многосторонней либерализацией.** В рамках этого подхода группа наиболее заинтересованных стран (например, страны G7, ЕС, Япония, а также крупные развивающиеся экономики, готовые участвовать – возможно, Китай, Индия, Бразилия при определенных условиях) заключает **открытое соглашение** вне рамок ВТО либо как плюрилатеральное соглашение в рамках ВТО.

В соглашение включается условие о возможности присоединения новых участников при выполнении ими требований. Такой формат наминает Соглашение о государственных закупках в ВТО: оно не универсально, но желающие могут присоединиться. В случае успеха и накопления критической массы участников можно в будущем интегрировать положения соглашения в многостороннюю систему. Данный путь более реалистичен на начальном этапе, поскольку не требует единогласия всех членов ВТО сразу.

Предлагается сочетать оба варианта: начать с *плюрилатеральной коалиции лидеров*, чтобы отработать механизмы, а затем, продемонстрировав эффективность, постепенно расширять соглашение до всеобщего.

2. Институциональный механизм – орган разработки и контроля. С целью разработки текста соглашения и последующего мониторинга его исполнения целесообразно учреждение специализированного постоянно действующего органа. Рассматриваются два альтернативных (или последовательных) решения:

- **Созыв Многосторонней конференции под эгидой ООН/ЮНКТАД.** На первом этапе Генеральная Ассамблея ООН или ЮНКТАД могли бы санкционировать проведение дипломатической конференции с мандатом выработать проект соглашения. Это отразило бы глобальный характер инициативы и привлекло широкий круг государств, включая не членов ВТО. Однако впоследствии для внедрения норм в торговую систему потребовалась бы координация с ВТО.
- **Учреждение в рамках ВТО Комитета по конкуренции и протекционизму.** Этот новый комитет (или рабочая группа высокого уровня) занялся бы разработкой соглашения на площадке ВТО, учитывая торговые аспекты. Он мог бы основываться на опыте Рабочей группы по конкуренции 1996–2003 гг., но с обновленным мандатом. В состав комитета, помимо торговых делегаций, целесообразно включить представителей национальных антимонопольных ведомств для профессиональной экспертизы.

После заключения соглашения предлагается создать **постоянный орган – Совет по конкуренции и честной торговле** (условное название) из представителей стран-участниц. Этот Совет выполнял бы функции мониторинга соблюдения соглашения, анализа предоставляемых странами отчетов, организации взаимной оценки национальной политики конкуренции и протекционизма, а также инициирования разбирательств в случае нарушений. По аналогии с Советом по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) в ВТО, новый Совет мог бы регулярно собираться и обсуждать накопившиеся проблемы, вырабатывая рекомендации. Для оперативной работы при Совете следует сформировать **Секретариат**, который обеспечивал бы сбор и публикацию

данных (например, о введенных мерах, расследованиях, решениях органов), организацию технической помощи странам, отстающим в выполнении обязательств, и т.п.

Отдельно рассматривается вопрос о наднациональных *правоприменительных* функциях. В ходе исследования учтены идеи создания **Международного антимонопольного агентства** или **транснационального регулятора**, которые предлагались некоторыми учеными. Однако с учетом суверенных прав и политической чувствительности стран к передаче полномочий данный путь кажется преждевременным. Поэтому в предлагаемом формате ставка делается не на наднациональное принудительное регулирование, а на **координацию национальных действий и согласованный арбитраж споров** (см. пункт 5 ниже). Тем не менее, предусмотреть возможность более плотной интеграции на будущее можно – например, оговорить, что через определенное число лет участники пересмотрят соглашение на предмет целесообразности создания постоянного органа расследования глобальных картелей или наднационального регулятора по конкуренции.

3. Содержание соглашения – ключевые положения. В результате анализа практики и литературы сформирован перечень конкретных положений, предлагаемых для включения в многостороннее соглашение. Они делятся на две взаимодополняющие категории: нормы, регламентирующие действия частных хозяйствующих субъектов и нормы, регламентирующие действия государств. Их сочетание обеспечит целостность регулирования, устраняя лазейки, когда ограничение в одной сфере обходится через другую. Ниже приведены основные предлагаемые статьи:

3.1. Запрет антиконкурентных соглашений и практик. Все участники соглашения принимают на себя обязательство запрещать на своей территории **картели**, преследующие цель фиксации цен, ограничения производства, раздела рынков или иные существенно ограничивающие конкуренцию действия. Дополнительно вводится статья, обязывающая государства **не поощрять и не защищать** картельные соглашения, нацеленные исключительно на экспорт.

3.2. Правила контроля концентраций с трансграничным эффектом. Предлагается механизм **взаимного уведомления и консультирования** по крупнейшим международным слияниям и поглощениям. Если компания, совершающая слияние, ведет деятельность (или продает товары) в нескольких странах-участницах, ее обязуют уведомлять не только свой национальный регулятор, но и международный Секретариат. Создается **совместная консультативная группа регуляторов**, которая обсуждает потенциальные эффекты слияния на конкуренцию в разных юрисдикциях. Хотя окончательные решения остаются за национальными органами, такая группа позволит избежать случаев, когда сделка разрешена в одной стране и запрещена в другой без координации.

3.3. Запрет дискриминационных и монополистических практик транснациональных компаний. Данная статья направлена против злоупотреблений доминирующим положением и иных монополистических практик, если они затрагивают рынки нескольких стран. Вводится понятие **«значимого трансграничного участника рынка»** – крупной платформы или компании, способной оказывать существенное влияние в международной торговле. По соглашению такие субъекты не должны злоупотреблять положением, например, навязывая дискриминационные условия иностранным поставщикам или потребителям. В случае выявления подобных практик страны могут инициировать совместное расследование. Эта норма особенно актуальна для цифровых гигантов. Четкого мирового консенсуса по регулированию цифровых платформ пока нет, но согласованный многосторонний подход обеспечил бы равные условия для пользователей во всех частях света.

3.4. Обязательства по транспарентности и недискриминации в конкурентной политике. Странам-участницам предлагается обязаться применять свое антимонопольное законодательство **на недискриминационной основе** в отношении отечественных и иностранных компаний. Это предотвратит превращение антимонопольных расследований в инструмент скрытого протекционизма (когда к иностранной фирме применяются более строгие меры, чем к национальному конкуренту). Также вводится требование публиковать основные решения антимонопольных органов, уведомлять партнеров о начале значимых расследований, предоставлять по запросу информацию (с учетом конфиденциальности) – то есть создается режим прозрачности.

3.5. Дисциплины в области государственных субсидий и поддержек. Переходя к нормам, регламентирующим действия государств, ключевое место занимают усиленные правила по **государственным субсидиям**. На базе действующего Соглашения ВТО по субсидиям и компенсационным мерам (Соглашение по СКМ) предлагается разработать приложение, расширяющее перечень запрещенных или ограничиваемых субсидий. В частности, **запрещенные субсидии** могут включать не только экспортные и привязанные к локальному содержанию (как сейчас), но и некоторые виды промышленных субсидий, ведущие к существенным избыточным мощностям и искажению мировых рынков (что актуально, например, для сталелитейной промышленности). В соглашении можно зафиксировать критерии выявления таких субсидий (доля рынка, постоянный избыток мощностей, продажа с убытком и т.п.). Для **разрешенных субсидий** (например, на НИОКР, «зеленые» технологии) вводятся улучшенные правила прозрачности: страны обязуются ежегодно уведомлять о всех крупных поддержках компаний, доступных и иностранным фирмам на недискриминационной основе. Общая цель – обеспечить, чтобы субсидии

не использовались для нечестной конкуренции на экспортных рынках.

3.6. Правила в отношении государственных предприятий (ГП) и конкурентного нейтралитета. Проект соглашения вводит понятие «**государственное предприятие со значительным рыночным влиянием**» и обязывает государства-участники гарантировать, что такие предприятия действуют на коммерческой основе. Практически это означает: ГП не должны получать эксклюзивных привилегий, искажающих торговлю (например, монопольный доступ к дешёвому финансированию или преференции при госзакупках) без прозрачного уведомления и обоснования. Если ГП одной страны наносит ущерб компаниям другой страны недобросовестным поведением, в рамках соглашения пострадавшая страна может инициировать консультации и разбирательство, даже если формально действия ГП не подпадают под Соглашение по СКМ. Этот механизм восполнит лакуны, когда государство может влиять на рынок через номинально независимые коммерческие структуры.

3.7. Обязательства по снижению скрытого протекционизма. Соглашение должно охватить и **непрямые протекционистские меры**. Речь идет о так называемом «новом протекционизме» – использовании регуляторных норм (стандарты, технические требования, санитарные правила) с целью вытеснения иностранных конкурентов. Участники соглашения берут на себя обязательство воздерживаться от введения технических требований и регламентов, не обоснованных объективной необходимостью, с эффектом неоправданного ограничения доступа на рынок. По сути, эта статья дублирует принципы Соглашения ВТО по техническим барьерам и по применению санитарных и фитосанитарных мер, но акцентирует на обязательство честной конкуренции: если страна вводит новое регулирование (например, в области цифровой безопасности или экологии), она обязана обосновать его реальной потребностью. Предусматривается механизм нотификации: за определенный срок до введения меры страна должна уведомить партнеров и предоставить возможность прокомментировать, как это делается сейчас в ВТО по техническим барьерам.

4. Дифференциация обязательств и поддержка развития. Учитывая разный уровень экономического развития и институциональных возможностей участников, соглашение должно предусматривать элементы **гибкости**. Можно заложить *переходные периоды* для наименее развитых стран по наиболее сложным обязательствам (например, 5–7 лет на создание антимонопольного органа, если его нет, или на отмену особых субсидий). Также возможно применение принципа **специального и дифференцированного режима**, но в модернизированной форме: вместо вечных исключений – поэтапное вхождение в режим с конкретными ориентирами. Например, страна с ВНД на душу ниже определенного уровня получает право на чуть более высокие пороги допустимых промышленных

субсидий или более длительные сроки устранения нарушений, однако по мере роста ее экономики эти льготы сокращаются. Важной частью соглашения должен стать **механизм технической помощи**: при Совете по конкуренции учреждается фонд или программа (под эгидой ВТО/ЮНКТАД), финансируемая развитыми странами, для помощи беднейшим участникам – обучение сотрудников антимонопольных ведомств, консультации по реформе законодательства, финансирование ИТ-систем для отслеживания мер. Это повысит привлекательность соглашения для развивающихся стран и продемонстрирует, что целью является именно совместное развитие.

5. Механизм разрешения споров. Неотъемлемой частью предлагаемого формата является система урегулирования споров и обеспечения выполнения норм. Если одна страна считает, что другая нарушает обязательства соглашения (например, не запретила явный картель или ввела запрещенную субсидию), она имеет право обратиться в Орган разрешения споров ВТО. Решение арбитра будет обязательным, а за неисполнение – возможность введения компенсационных мер.

Важной частью будет **публичность и участие заинтересованных сторон** в определенной степени. Например, регламент спора может позволять представлять мнения затронутых компаний или экспертов, что особенно актуально для сложных антимонопольных дел, требующих технической экспертизы. Кроме того, ежегодный обзор выполнения Соглашения станет мягким, но действенным элементом: страны будут публично отчитываться, а партнеры – давать рекомендации, что повысит прозрачность.

В совокупности описанные результаты представляют **комплексное видение нового многостороннего соглашения**. Его значимость – в одновременном охвате вопросов борьбы с антиконкурентными практиками частных компаний и с протекционистской политикой государств. Предложенные форматы – не жесткая единая модель, а **комплекс элементов**, которые могут быть реализованы поэтапно. Например, на первом этапе участники могли бы принять обязательства по картелям и прозрачности субсидий (наименее спорные), опробовать механизм консультаций по слияниям и создать Совет. Затем, по мере формирования доверия, расширить охват на вопросы ГП, более строгие ограничения субсидий и т.д. В этом смысле предложение подразумевает **поэтапную реализацию**, что делает его реалистичным несмотря на масштаб.

Обсуждение

Актуальность и преимущества предложенного подхода. Предложенные форматы многостороннего соглашения призваны ответить на выявленные в ходе исследования проблемы и учесть уроки предыдущих попыток.

Прежде всего, комплексное соглашение, объединяющее конкуренцию и протекционизм, позволяет устранить раздробленность режима международной торговли, создает **целостную систему**, где ключевой принцип – **обеспечение справедливой конкуренции**. Под «справедливостью» здесь понимается как **отсутствие искажений со стороны государств**, так и **равные конкурентные условия для предприятий**. Таким образом, предлагаемое соглашение призвано укрепить предсказуемость и равноправие в мировой экономике.

Соотношение с существующими институтами. Важно подчеркнуть, что предлагаемое соглашение не стремится заменить собой ВТО или двусторонние соглашения, а должно **дополнять** их, устраняя пробелы. Региональные интеграции (ЕС, ЕАЭС, АСЕАН и др.) продолжают играть свою роль, отрабатывая более глубокие модели на своем уровне – но параллельно многостороннее Соглашение установит минимальные стандарты. Региональные инициативы – как лаборатории и “второй уровень” реализации, где страны могут идти дальше глобальных норм (например, ЕС и США могут договориться о еще более жестких ограничениях). Двусторонние соглашения тоже не теряют силы: они могут дополнять глобальное соглашение, фиксируя дополнительные взаимные обязательства, но при этом не противоречить ему.

Потенциальные трудности и возражения. Безусловно, реализация столь амбициозного проекта столкнется с серьезными вызовами. Обсудим основные из них:

- *Политическое противодействие.* Некоторые государства с нелиберальными экономиками могут воспринять соглашение как угрозу своему суверенному праву поддерживать индустрию. Здесь поможет поэтапность: можно начать с более мягких обязательств для всех и постепенной эскалации. Кроме того, развивающихся экономик можно стимулировать, активно вовлекая их в разработку правил, чтобы учесть их озабоченности.
- *Разница правовых систем.* Страны общего права и континентального права по-разному формулируют антимонопольные нормы. Преодолеть это можно, применив *принцип эквивалентности*: соглашение устанавливает цели (например, недопущение злоупотреблений) и примеры, а каждая страна реализует их в своей правовой технике. Главное – наличие результата, а не буквальной гармонизации дефиниций.
- *Институциональная нагрузка.* ВТО уже перегружена вопросами и переживает кризис, добавление новой большой темы – риск. Однако, предлагаемый плюрилатеральный запуск с последующей интеграцией позволит разгрузить основной форум: заинтересованные страны двигаются вперед, остальные подтягиваются по мере готовности. К тому же, успешное соглашение могло бы вдохнуть новую жизнь в ВТО, продемонстрировав ее способность адаптиро-

ваться к вызовам (в этом смысле наш проект соотносится с повесткой реформы ВТО, признаваемой всеми необходимой).

- *Исполнение и контроль.* Даже сейчас ряд стран игнорируют решения ВТО или находят способы обхода. Здесь ключевой фактор – **сбалансированность выгод**. Если соглашение разработано справедливо, все основные игроки увидят для себя плюсы в его соблюдении (например, снижение чужого протекционизма в обмен на ограничение своего). Кроме того, механизм прозрачности и коллективного давления повысит политическую цену нарушения. Много будет зависеть от авторитета нового института – поэтому важно привлечь к его работе лучших экспертов, обеспечить финансирование технической помощи, словом, создать репутацию полезности.

Важный момент – многие положения уже существуют в том или ином виде: запрет картелей – норма большинства стран; прозрачность субсидий – обязательство по ВТО (хоть и плохо выполняемое); сотрудничество антимонопольных органов – практика Международной конкурентной сети. Потому соглашение скорее **кодифицирует и усиливает** наработанное, чем требует полностью нового. Это повышает шансы на поддержку.

Заключение

В ходе исследования проведен всесторонний анализ проблемы многостороннего регулирования конкуренции и протекционизма в международных экономических отношениях, на основании которого сформулировано оригинальное предложение о форматах соответствующего соглашения.

Главным результатом работы стало **комплексное описание структуры и содержания потенциального многостороннего соглашения**. В единой концепции объединены меры против частных антиконкурентных практик и меры против государственных протекционистских искажений торговли. Предложено учреждение нового международного механизма – Совета или Комитета – способного интегрировать усилия различных институтов (ВТО, ЮНКТАД, национальных ведомств) для мониторинга выполнения договора. Уделено внимание процедурным аспектам: *механизм споров* призван обеспечить реальную подконтрольность, а *инструменты дифференциации* – участие всех стран на равных условиях.

Научная значимость исследования проявляется в концептуальной модели «**многостороннего конкурентного соглашения**». Практическая ценность – в том, что предложенные решения могут лечь в основу международных переговоров, о необходимости которых все громче заявляют эксперты и часть государств. Проведенное исследование закладывает основу для дальнейших работ, в том числе более узкоспециализированных – по разработке юридического текста статей соглашения, по экономическому моделированию выгод его вне-

дрения, по политико-правовому анализу стратегии переговоров.

Литература

1. Курдин А.А., Морозов А.Н., Шпакова А.А. Возможности и риски международной антимонопольной политики на современном этапе. – Препринт. – SSRN, 23.03.2020. – 65 с. (Kur-din A., Morozov A., Shpakova A. Opportunities and Risks of International Antitrust Policy at the Present Stage).
2. Рута М. Распространение дискриминационного регионального подхода. – // Финансы и развитие (МВФ). – Июнь 2023.
3. Секачева А.Б. Особенности реализации внешнеторговой политики Евросоюза на современном этапе его развития. – Блог экспертов Дипломатической академии МИД РФ, 15.11.2023.
4. Manak I., Kopans-Johnson H. Trade Agreements, Explained // Council on Foreign Relations – Backgrounder, 12.08.2025.
5. Office of the USTR (R. Lighthizer). U.S. Wins \$7.5 Billion Award in Airbus Subsidies Case – Press Release, Oct. 02, 2019.
6. UNCTAD. Protecting competition in digital markets: Policy options for developing countries – News Release, 19 Dec. 2023.
7. World Bank (Kose M.A., Mulabdic A.). Global trade has nearly flatlined. Populism is taking a toll on growth – World Bank Blogs, 22.02.2024.
8. World Trade Organization (WTO). Reports on G20 Trade Measures – Various issues 2018–2024. – (Статистические обзоры ВТО, показывающие рост торговых ограничений; цитируются в тексте опосредованно через данные Всемирного банка).
9. Center for Strategic & International Studies (CSIS). The World Trade Organization: The Appellate Body Crisis – CSIS Scholl Chair Analysis, Dec. 2019.
10. Ristaniemi M. Export cartels and the case for global welfare // Global Antitrust Review, 2017, № 10. – pp. 173–198.

MULTILATERAL AGREEMENT ON COMPETITION AND PROTECTIONISM: FORMAT, INSTITUTIONAL MECHANISM, AND KEY PROVISIONS

Phan Tuan Anh

St. Petersburg State University

In the context of growing protectionism and global competition in international economic relations, the problem of the lack of effective multilateral agreements regulating competition and protectionism has become acute. The purpose of this study is to develop a comprehensive proposal for the format of such a multilateral agreement. The methodology uses a comparative legal analysis of international treaties. As a result, modern problems of legal regulation (escalation of trade wars, the WTO crisis, the fragmentation of regional agreements) were identified and approaches to their solution existing in the literature were analyzed. A detailed format of the new multilateral agreement is proposed, including the establishment of a specialized body to develop and monitor the implementation of the agreement, a comprehensive structure of obligations (combining antitrust rules and measures against protectionism), as well as specific provisions (prohibitions of unfair competition, restrictions on subsidies, dispute resolution mechanisms). The scientific value of the work lies in the unification of competition and protectionism regulation in a single comprehensive multilateral international legal format, as well as in the development of proposals for the institutional mechanism and key provisions of such an agreement. It is concluded that the parallel development of legal regulation at all levels based on multilateral principles will increase the effectiveness of counteracting anticompetitive practices and trade protectionism, ensuring fair competition in the global economy.

Keywords: international economic law, competition, protectionism, multilateral agreements, WTO, trade policy, antitrust regulation, government subsidies, regional integration

References

1. Kurdin A.A., Morozov A.N., Shpakova A.A. Opportunities and Risks of International Antitrust Policy at the Present Stage. – Preprint. – SSRN, 23.03.2020. – 65 p. (Kur-din A., Morozov A., Shpakova A. Opportunities and Risks of International Antitrust Policy at the Present Stage).
2. Ruta M. The Spread of a Discriminatory Regional Approach. – // Finance and Development (IMF). – June 2023.
3. Sekacheva A.B. Features of the Implementation of the Foreign Trade Policy of the European Union at the Current Stage of Its Development. – Blog of Experts of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 15.11.2023.
4. Manak I., Kopans-Johnson H. Trade Agreements, Explained // Council on Foreign Relations – Backgrounder, 12.08.2025.
5. Office of the USTR (R. Lighthizer). U.S. Wins \$7.5Billion Award in Airbus Subsidies Case – Press Release, Oct. 02, 2019.
6. UNCTAD. Protecting Competition in Digital Markets: Policy Options for Developing Countries – News Release, 19 Dec. 2023.
7. World Bank (Kose M.A., Mulabdic A.). Global Trade Has Nearly Flatlined. Populism is Taking a Toll on Growth – World Bank Blogs, 22.02.2024.
8. World Trade Organization (WTO). Reports on G20 Trade Measures – Various Issues 2018–2024. – (WTO statistical reviews showing the growth of trade restrictions; cited in the text indirectly through World Bank data).
9. Center for Strategic & International Studies (CSIS). The World Trade Organization: The Appellate Body Crisis – CSIS Scholl Chair Analysis, Dec. 2019.
10. Ristaniemi M. Export cartels and the case for global welfare // Global Antitrust Review, 2017, No. 10. – pp. 173–198.

Противоправность, как условие привлечения контролирующего выгодоприобретателя к субсидиарной ответственности по Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)»

Сафин Талгат Ильнарович,

аспирант кафедры гражданского и корпоративного права
Санкт-Петербургского государственного экономического
университета
E-mail: talgat.safin.1998@gmail.com

Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» при установлении субсидиарной ответственности «контролирующего выгодоприобретателя» прямо не указывает на такой элемент состава гражданского правонарушения, как противоправность. В статье приводятся доказательства того, что признак противоправности в данном случае обязательным является. При этом представлены ссылки на текст вышеуказанного закона, правовые позиции представителей отечественной доктрины, а также абстрактные разъяснения Верховного Суда РФ и практику высших судебных инстанций по конкретным делам. Отдельно рассмотрена аргументация, согласно которой правовая природа субсидиарной ответственности в банкротстве носит деликтный характер.

Ключевые слова: противоправность, контролирующий выгодоприобретатель, «извлечение выгоды», вывод активов должника, субсидиарная ответственность в банкротстве.

С.С. Алексеев определяет состав гражданского правонарушения как «понятие, охватывающее в совокупности признаки правонарушения в сфере отношений, регулируемых гражданским правом, – признаки, необходимые и достаточные для привлечения лица к гражданской ответственности. Этим признакам соответствуют стороны состава гражданского правонарушения, его элементы» [3, с. 476]. Применительно к «классической» деликтной ответственности одним из таких элементов является признак противоправности [19, с. 162]. Именно такой подход поддержан в судебной практике и является преобладающим среди представителей отечественной доктрины [34, с. 523–524; 41, с. 355; 14, с. 55–84; 10, с. 166; 16, с. 521–522; 42, с. 304; 26, с. 9; 31, с. 55; 2, с. 201; 45, с. 6; 19, с. 134; 37, с. 9,30,50]. Со времен римского права «деликт – это противоправное действие, правонарушение» [32, с. 327]. «Не внешний акт обязывает, а действие, т.е. причинность деяния в человеческой воле, и даже не просто действие, а только когда его можно порицать за желание», писал Р. Иеринг [17, с. 240]. Данный вывод о противоправности [34; 10] находит свое нормативное закрепление в статье 1064 ГК РФ (имеющей генеральный характер, поскольку она устанавливает «Общие основания ответственности за причинение вреда»). Пункты 1 и 3 данной нормы исключают деликтную ответственность при отсутствии противоправности, поскольку:

а) Если предположить, что абзац 1 пункта 1 статьи 1064 ГК РФ устанавливает ответственность за вред, причиненный при совершении правомерных действий (В.А. Ойгензихт справедливо отмечает, что «неправомерность и противоправность – понятия тождественные» [28, с. 167]), то пункт 3 той же статьи теряет всякий смысл, как норма дублирующая. С.М. Корнеев по этому поводу пишет: «[н]а противоправность поведения лица, причинившего вред, как на условие деликтной ответственности ГК указывает путем установления правила о том, что вред, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению в случаях, предусмотренных законом (п. 3 ст. 1064). Следовательно, по общему правилу возмещению подлежит вред, причиненный неправомерными, противоправными действиями (если законом не установлено исключение)» [34]. Такой подход (при котором признак противоправности выводился логически из нормы о наказуемости правомерного поведения только в предусмотренных законом

случаях) является для отечественного правового порядка традиционным. Его применяет, в частности, А.М. Михайлич, комментируя аналогичную по своему содержанию статью 444 ГК РСФСР 1964 года [23, с. 522]. И.Ш. Файзутдинов, со своей стороны, отмечает, что «[с]татья 1064 не указывает на противоправность поведения причинителя вреда как на непереносимое условие деликтной ответственности, но это подразумевается» [22].

б) Игнорирование при применении пункта 1 статьи 1064 ГК РФ условия противоправности приводит к явному законодательному противоречию, когда по пункту 1 наказуемым будет являться любой случай причинения вреда (правомерными действиями), а по пункту 3 ответственность за те же действия наступает только в случаях, прямо предусмотренных законом.

в) Абсурдность игнорирования такого обязательного признака деликта, как противоправность, приведет к наказуемости действий конкурента, открывшего аналогичный бизнес рядом с потерпевшим. Все перечисленные в абзаце 1 пункта 1 статьи 1064 ГК РФ фактические обстоятельства в таком случае будут налицо – имеется вред от потери клиентуры и умышленные действия конкурента, направленные на разорение потерпевшего. На это счет Г.Ф. Шершеневич пишет, что «всякое действие, которое является только осуществлением права, которое не выходит из пределов, очерченных законом субъективному праву, не составляет правонарушения, как бы оно ни было вредно другим лицам... Так, например, открытие торгового заведения рядом или против прежнего магазина способно совершенно подорвать торговлю последнего; но, какой бы вред ни наносила такая конкуренция, она составляет только осуществление права» [45]. М.М. Агарков по этому поводу весьма категоричен, указывая, что «[о]существление права не может быть противоправным... Оспаривать эти положения нам кажется невозможным» [2, с. 166]. Он отмечает, что [д]ействие может быть умышленное, т.е. деятель может предвидеть и желать наступления результата, но он не будет виновным, если действие не является противоправным» [2, с. 208–209]. При этом О.С. Иоффе справедливо отмечает, что «[н]е всегда осуществление права полностью исключает противоправность. Если право специально используется для того, чтобы причинить вред, такое действие является противоправным» [20, с. 17].

Отсутствие в законе прямого указания на такой обязательный элемент состава правонарушения (деликта), как противоправность, повлекло за собой нормативную неурегулированность вопроса, презюмируется ли наличие этого элемента в случае причинения вреда. Отечественная доктрина наличие такой презумпции констатирует [34; 11; 21, с. 175; 10; 27; 39; 44; 33; 4, с. 19]. С.М. Корнеев справедливо отмечает, что «[з]акон исходит из презумпции противоправности поведения, повлекшего причинение вреда, что вытекает из принципа генерального деликта. В соответствии

с этим принципом всякое причинение вреда личности или имуществу следует рассматривать как противоправное, если законом не предусмотрено иное. Из названного принципа следует также, что на потерпевшего не возлагается обязанность доказывать противоправность поведения причинителя вреда, ибо она предполагается (презюмируется)» [34]. Полагаем, что ссылка на принцип генерального деликта, закрепленный статьей 1064 ГК РФ, представляется здесь корректной и обоснованной. Пункт 1 данной нормы устанавливает только одно условие для реализации потерпевшим своего права требовать от делинквента возмещения вреда – представление доказательств наличия вреда. Закон не требует от такого истца выполнения каких-либо других условий (включая доказательства противоправности действий делинквента). Из того факта, что закон не обременяет истца обязанностью представить такие доказательства и учитывая то обстоятельство, что противоправность является элементом юридического состава деликта, следует неизбежный вывод о презумпции противоправности. Если иное не установлено законом, факт причинения вреда порождает обязанность делинквента по его возмещению (подпункт 6 пункта 1 статьи 8, пункт 1 статьи 1064 ГК РФ). Данный подход можно считать в отечественном порядке сложившимся. Еще в Постановлении от 27.07.2010 Высший Арбитражный Суд РФ констатировал, что «всякое причинение вреда презюмируется противоправным» [29].

Применительно к субсидиарной ответственности «контролирующего выгодоприобретателя» (указанного в подпункте 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве) вопрос о том, относится ли к ее «юридическим основаниям» [3, с. 481] такой признак как противоправность, сомнений не вызывает. Этот вывод основывается на следующей правовой аргументации:

1. Деликтная природа субсидиарной ответственности [43, с. 20, 58, 72] предполагает применение общих положений о деликтах, перечисленных в статье 1064 ГК РФ и устанавливающих такой элемент состава правонарушения, как противоправность. Судебная практика эту правовую позицию однозначно поддерживает (Пункт 22 «Обзора судебной практики Верховного Суда РФ N 1 (2020)», пункт 3 «Обзора судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2024 год». Применение норм главы 59 ГК РФ в данном случае безоговорочно подтверждается (в качестве «общего принципа») пунктом 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (далее – Постановление № 53).

2. Положения подпункта 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве не могут толковаться как предполагающие субсидиарную ответственность только лишь за один факт «извлечения выгоды» (игнорируя отсутствие противоправности со сто-

роны выгодоприобретателя). Данное законоположение не является тем случаем наказуемости, который установлен пунктом 3 статьи 1064 ГК РФ (за вред, причиненный правомерными действиями). В обоснование данной позиции приводим следующие правовые доводы:

а) Для отмены действия общего правила, закрепленного абзацем 1 пункта 1 статьи 1064 ГК РФ (согласно которому противоправность является элементом состава такого правонарушения, как деликт) норма закона должна недвусмысленно устанавливать иное регулирование. В подпункте 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве законодатель не исключает противоправность из юридического состава (как это сделано, например, в пункте 3 статьи 1064 ГК РФ).

б) Положения подпункта 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве следует рассматривать комплексно (взаимосвязанно). Анализируя специализированные нормы российского гражданского права, О.А. Кузнецова [25, с. 31] отмечает, что «право – это языковая система», и «большое значение имеют отношения между словами». Рассматриваемая норма не перечисляет обстоятельства через запятую, указывая на факт «извлечения выгоды» и отдельно (абстрагированно) на противоправные действия руководителя должника. Закон недвусмысленно констатирует, что выгода извлекается из незаконного (недобросовестного) поведения последнего. Тем самым предполагается наличие противоправности со стороны как руководителя должника, так и выгодоприобретателя. Последний не просто получил выгоду, а осознанно воспользовался результатами именно противоправных действий такого руководителя (тем самым обнаруживая собственную противоправность). Нельзя согласиться с Е.Д. Суворовым, который толкует подпункт 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве (в совокупности с разъяснениями пункта 21 Постановления № 53) как возможность привлечения к субсидиарной ответственности «выгодоприобретателей, которые в целом вообще никаких действий не совершают» [40, с. 117]. Конечно, диспозиция данной нормы (в обособленном толковании) сами по себе не содержит положений, предполагающих действия выгодоприобретателя. При этом правила абзаца 1 пункта 2 и подпункта 1 пункта 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве предполагают привлечение к субсидиарной ответственности и при бездействии лица (если сделка совершена в его пользу). Однако, такое избирательно-комплексное прочтение закона, очевидно, допустимо далеко не всегда. Например, в правоотношениях страхования (п. 1 ст. 929 ГК РФ) и в односторонних сделках по предоставлению независимых гарантий (согласно пункту 1 статьи 368 ГК РФ бенефициар является выгодоприобретателем из правоотношений по независимой гарантии) выгодоприобретатель пассивен, не подписывает документов, не иницирует, не акцептует сделку (и теоретически может о ней даже не знать). Автоматическое (без предоставления доказательств соучастия) привлечение таких лиц

к субсидиарной ответственности представляется ошибочным. Говорить о наличии в отношении выгодоприобретателя такого обязательного элемента состава деликтного правонарушения, как противоправность, здесь, очевидно, нельзя. В противном случае нам придется признать субсидиарную ответственность бенефициара, в пользу которого (находящийся в предбанкротном состоянии) должник выдал независимую гарантию, по которой так и не заплатил. За гарантией к должнику обратился принципал (пункт 1 статьи 368 ГК РФ), бенефициар о гарантии ничего не знал (сделка односторонняя и им не заключается), но субсидиарную ответственность, получается, такой бенефициар несет (так как формально выгодоприобретателем является), поскольку устоявшаяся практика Верховного Суда РФ по статье 61.11 Закона о банкротстве принимает во внимание выгоду не только фактически полученную, но и потенциальную (то есть причитающуюся по независимой гарантии) (Определения СКЭС ВС РФ от 27.11.2023 N 305-ЭС18-6680(28-30) по делу N A40-200773/2016; от 17.11.2021 N 305-ЭС17-7124(6) по делу N A41-90487/2015; от 10.11.2021 N 305-ЭС19-14439(3-8) по делу N A40-208852/2015; от 07.10.2021 N 305-ЭС18-13210(2) по делу N A40-252160/2015; от 22.06.2020 N 307-ЭС19-18723(2,3) по делу N A56-26451/2016). Абсурдность такой ситуации очевидна, в связи с чем полное отсутствие какой бы то ни было активности со стороны выгодоприобретателя должно его субсидиарную ответственность исключать (вследствие, в том числе отсутствия элемента противоправности). Законодателем не мог предполагать привлечение к субсидиарной ответственности всех участников гражданского оборота, случайным образом получивших выгоду от взаимоотношений с должником, впоследствии впадшем в банкротство. Реституция в таких случаях, очевидно, является абсолютно адекватным и достаточным последствием. А.Г. Карапетов приводит красноречивое высказывание Р. Иеринга «о тех рисках, которые могут возникать при бесконтрольном расширении деликтной ответственности: «Одно неосторожное замечание, подхваченный слух, ложное сообщение, дурной совет, необдуманное решение, рекомендация недостойной служанки ее бывшими хозяевами, ответ на вопрос прохожего об адресе или времени и т.д. – словом, все это при наличии грубой неосторожности повлечет за собой обязанность возместить причиненный ущерб, даже если действия причинившего носили добросовестный характер» [13, с. 881]. Как отмечает О.В. Гутников, «ответственность должна наступать только за очевидно противоправное поведение» [12].

в) Пункт 10 статьи 61.11 Закона о банкротстве подтверждает виновный характер субсидиарной ответственности в банкротстве. Как справедливо отмечает Г.К. Матвеев, «действие признается виновным только тогда, когда оно противоправно (а вместе с тем и общественно опасно)» [26, с. 188].

3. Включение противоправности в юридический состав такого правонарушения, как «субсидиарная

ответственность» в банкротстве, поддерживается представителями отечественной доктрины [12] и аналогичными правовыми позициями, применяемыми в зарубежных правопорядках.

4. Закон о банкротстве четко разделяет два вопроса: присвоение статуса КДЛ (статья 61.10) и привлечение КДЛ к субсидиарной ответственности (статья 61.11). Первое обстоятельство автоматически не предусматривает второе. И.С. Шиткина справедливо отмечает, что «нельзя не отметить крайне тревожную тенденцию абсолютизации фактического контроля, способную дойти до опасной черты, связанной с отождествлением фактического контроля и противоправного поведения. Осуществление фактического контроля само по себе не является противоправным» [30]. И.В. Горбашев прав, указывая, что «предмет доказывания состава правонарушения, влекущего субсидиарную ответственность, при отсутствии формальных связей с должником будет очень часто совпадать («схлопываться») с предметом доказывания по вопросу об определении статуса» [7, с. 154–202]. Но это не отменяет, а, напротив, подтверждает то обстоятельство, что противоправность является обязательным условием для признания лица несущим субсидиарную ответственность выгодоприобретателем.

5. В пункте 2 Обзора от 27.11.2024, пунктах 24, 58 абстрактных разъяснений Постановления № 53, а также в многочисленных делах о привлечении к субсидиарной ответственности по делам о банкротстве (Определения СКЭС ВС РФ от 10.04.2025 N 308-ЭС24–21242 по делу N A53–48051/2023; от 25.03.2024 N 303-ЭС23–26138 по делу N A16–1834/2022; от 30.01.2020 N 305-ЭС18–14622(4,5,6) по делу N A40–208525/2015; от 26.04.2024 N 305-ЭС23–29091 по делу N A40–165246/2022; от 16.05.2022 N 305-ЭС20–6150 по делу N A40–99462/2019) Верховный Суд РФ исходит из необходимости такого условия для привлечения к ответственности, как наличие противоправности в действиях ответчика. Аналогичной правовой позиции придерживается Конституционный Суд РФ (Постановления Конституционного Суда РФ от 16.11.2021 N 49-П; от 30.10.2023 N 50-П; от 07.02.2023 N 6-П), который в своих определениях неоднократно и недвусмысленно констатировал, что «положения статьи 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», в том числе по своему буквальному смыслу требуют установления судом всех его элементов, включая факт наступления вреда, противоправность...» (Определения Конституционного Суда РФ от 18.07.2024 N 1847-О; от 26.09.2024 N 2317-О; от 25.04.2024 N 966-О; от 25.06.2024 N 1565-О; от 28.03.2024 N 658-О; от 14.11.2023 N 3019-О).

6. Применительно к презюмированию противоправности в спорах о привлечении к субсидиарной ответственности (дополнительно к ранее рассмотренным правовым обоснованиям) необходимо отметить следующее:

а) На наличие такой презумпции de facto указывает Конституционный Суд РФ, предлагающий ответчику по иску о субсидиарной ответственности «представить доказательства правомерности своего поведения» и (в случае отказа) возлагающий на него «бремя доказывания правомерности действий контролировавших общество лиц» (Постановление Конституционного Суда РФ от 21.05.2021 N 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой гражданки Г.В. Карпук»).

б) В другом своем постановлении от 07.02.2023 (Постановление Конституционного Суда РФ от 07.02.2023 N 6-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 12 статьи 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой гражданина И.И. Покуля») Конституционный Суд РФ косвенно указывает на наличие презумпции противоправности, подтверждая в Определении от 28.03.2024 ее действие, исходя из «смысл[а] нашедших отражение в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 7 февраля 2023 года N 6-П правовых позиций» (Определение Конституционного Суда РФ от 28.03.2024 N 656-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Иващука Дмитрия Николаевича на нарушение его конституционных прав пунктом 4 статьи 10 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»). Аналогичный вывод сделан в Определении от 30.05.2023 (Определение Конституционного Суда РФ от 30.05.2023 N 1288-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Новикова Антона Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 200 Гражданского кодекса Российской Федерации, рядом положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»). Это свидетельствует о неслучайности и последовательности правовой позиции Конституционного Суда РФ по данному вопросу.

в) А.А. Маркелова справедливо отмечает, что «[т]олько совершение внешне противоправных действий создает презумпцию, что это лицо довело общество до банкротства. В противном случае идея презюмируемой вины и противоправности приводила бы к тому, что при банкротстве общества презюмировалась бы вина и противоправность абсолютно всех лиц, имеющих хотя бы какое-то отношение к обществу, или даже всех лиц, которым были перечислены какие-либо денежные средства со счета общества» [5, с. 195].

Литература

1. Абрамов С.И. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства: вопросы теории и практики // Вестник арбитражной практики.

2020. N 1. – С. 81–90. // СПС «КонсультантПлюс»;
2. Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 2: Общее учение об обязательствах и его отдельных видах. М., Статут. 2012. – С. 6. С. 208–209. С. 166. Обязательство по советскому гражданскому праву. Печатается по: Ученые труды ВИЮН. Вып. III. М., 1940.
3. Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. [+ Справоч. том]. Том 1: Гражданское право: Сочинения 1958–1970 годов. М., Статут. 2010. Печатается по: Алексеев С.С. «О составе гражданского правонарушения» (Правоведение. 1958. № 1. – С. 47–53.). – С. 476. С. 481.
4. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., испр. и доп. М., НОРМА. 2009. // СПС «КонсультантПлюс»;
5. Вопросы частного права: сборник статей к 50-летию юбилею А.А. Павлова [Электронное издание]. Сост. и отв. ред. А.Г. Карапетов, Т.А. Саргсян. Концепция генерального деликта в современном деликтном праве России. А.А. Маркелова. Москва, М-Логос. 2024. – С. 195.
6. Голубцов В.Г. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц: эволюция законодательных подходов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. N 2. – С. 248–273. // СПС «КонсультантПлюс»;
7. Горбашев И.В. О некоторых материально-правовых аспектах привлечения к субсидиарной ответственности в разъяснениях ВС РФ // Вестник гражданского права. 2018. N 4. – С. 154–202. // СПС «КонсультантПлюс».
8. Гражданское право. Учебник в 4 т. /отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд. перераб. и доп. Т. I: Общая часть. Автор комментария А.А. Ягельницкий. Москва, Статут. 2019. – С. 523–524; Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / В.С. Ем, И.А. Зенин, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. Автор комментария Е.А. Суханов. М., Статут. 2011. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. // СПС «КонсультантПлюс»;
9. Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т. 3. 4-е изд., перераб. и доп. / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. Автор комментария Ю.К. Толстой. М., ТК Велби. Изд-во Проспект. 2005. – С. 11–12, 17; Флейшиц Е.А. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 2. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М., Статут. 2015. – С. 355. (печатается по: Советское государство и право. 1966. № 7. – С. 11–18.);
10. Гражданское право: Учебник. В.Ю. Борисов, Е.С. Гетман, О.В. Гутников и др.; под ред. О.Н. Садикова. Автор комментария И.Ш. Файзутдинов. М., КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2007. Т. 2. // СПС «КонсультантПлюс»; Ойгензихт В.А. Избранные труды. Проблема риска в гражданском праве (Часть общая). Душанбе, «Типография ТНУ». 2019. – С. 166;
11. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2. О.Г. Алексеева, Е.Р. Аминов, М.В. Бандо и др.; под ред. Б.М. Гонгалов. 3-е изд., перераб. и доп. Автор комментария С.А. Степанов. М., Статут. 2018. // СПС «КонсультантПлюс»;
12. Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. М., ИЗиСП. КОНТРАКТ. 2019. // СПС «КонсультантПлюс»;
13. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0]. Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса. Отв. ред. А.Г. Карапетов. Автор комментария А.Г. Карапетов. Москва, М-Логос, 2020. – С. 881
14. Евстигнеев Э.А. Принцип генерального деликта: современное состояние и перспективы применения // Вестник гражданского права. 2017. N 5. – С. 55–84. // СПС «КонсультантПлюс»;
15. Егорова М.А., Крылов В.Г., Романов А.К. Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве: учебное пособие / отв. ред. М.А. Егорова. Автор комментария М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2017. // СПС «КонсультантПлюс»;
16. Иванников И.А. Теория государства и права. М., ИНФРА-М. Академцентр, 2012. – С. 250; Комментарий к Гражданскому кодексу РСФСР. Под. ред. С.Н. Братуся, О.Н. Садикова. Автор комментария А.М. Михайлич. М., Юридическая литература. 1982. – С. 521–522;
17. Иеринг Р. Составляющая вины в римском частном праве // Правоведение. 2023. Т. 67, № 2. – С. 240.
18. Интервью с Р.Т. Мифтахутдиновым. // Закон. 2018. N 7. – //СПС «КонсультантПлюс».
19. Иоффе О.С. Избранные труды. Том I. Ответственность по советскому гражданскому праву. Санкт-Петербург, Изд-во «Юридический центр Пресс». 2003. – С. 134. С. 162. Печатается по: Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. ЛГУ, Ленинград, 1955;
20. Иоффе О.С. Обязательства по возмещению вреда. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1951 – С. 17.
21. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0]. Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса. Отв. ред. А.Г. Карапетов. Москва, М-Логос. 2022. – С. 175;
22. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный). Г.Е. Авилов, М.И. Брагинский, В.В. Глянец и др.; под ред. О.Н. Садикова. 4-е изд., испр. и доп. Автор комментария И.Ш. Файзутдинов. М., КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2004. // СПС «КонсультантПлюс»

23. Комментарий к Гражданскому кодексу РСФСР. Под. ред. С.Н. Братуся, О.Н. Садикова. Автор комментария А.М. Михайлич. М., Юридическая литература. 1982. – С. 522
24. Кузнецова Л.В. Спорные вопросы деликтной ответственности. Меры обеспечения и меры ответственности в гражданском праве: сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М., Статут. 2010. – С. 334–373. // СПС «КонсультантПлюс»;
25. Кузнецова О.А. Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы: дис... д-ра юрид. наук: 12.00.03/ Кузнецова Ольга Анатольевна. – Екатеринбург, 2007. – С. 31.
26. Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. Юридическая литература. Москва, 1970. – С. 9. С. 188.
27. Мозолин В.П. Гражданско-правовая ответственность в системе российского права // Журнал российского права. 2012. N 1. – С. 33–40. // СПС «КонсультантПлюс»;
28. Ойгензихт В.А. Избранные труды. Проблема риска в гражданском праве (Часть общая). Душанбе, «Типография ТНУ». 2019. – С. 167
29. Постановление Президиума ВАС РФ от 27.07.2010 N 4515/10 по делу N А38–2401/2008 («Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ», 2010, N 11»).
30. Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: монография / Е.Г. Афанасьева, А.В. Белицкая, В.А. Вайпан и др.; отв. ред. Е.П. Губин. Автор комментария И.С. Шиткина. М., Юстицинформ. 2019. // СПС «КонсультантПлюс».
31. Рахмилович В.А. О противоправности как основании гражданской ответственности. Советское государство и право. 1964. № 3. – С. 55;
32. Римское частное право: Учебник / Под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. М., 1996. – С. 327.
33. Российские процессуалисты о праве, законе и судебной практике: к 20-летию Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: монография. Д.Б. Абушенко, М.А. Алискеров, Т.К. Андреева и др.; отв. ред. В.В. Молчанов. Очерк 10. Актуальные проблемы применения законодательных презумпций в системе правового регулирования субсидиарной ответственности в банкротстве (Д.Х. Валеев, М.Р. Загидуллин). Москва, Статут. 2023. // СПС «КонсультантПлюс»;
34. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / В.В. Витрянский, В.С. Ем, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. Т. 2: Обязательственное право. Автор комментария С.М. Корнеев, М., Статут. 2011. // СПС «КонсультантПлюс»;
35. Савиных В.А. Субсидиарная ответственность: экономическое содержание и правовая сущность // Вестник ВАС РФ. 2012. N 12. – С. 59–69. // СПС «КонсультантПлюс»;
36. Сильченко В.Ю. Особенности рассмотрения дел о привлечении к субсидиарной ответственности в связи с невозможностью полного погашения требований кредиторов: дис... канд. юрид. наук: 5.1.3/ Сильченко Владислав Юрьевич. – Екатеринбург, 2024. – С. 146;
37. Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. Учебное пособие. Л., Издательство ЛГУ. 1983. – С. 19.
38. Спесивов В.В. Обстоятельства, подлежащие доказыванию при привлечении к субсидиарной ответственности в деле о банкротстве // Закон. 2018. N 7. – С. 68–77. // СПС «КонсультантПлюс»;
39. Справочник по доказыванию в арбитражном процессе. О.В. Абознова, Н.Г. Беляева, Т.Л. Вербенко и др.; под ред. И.В. Решетниковой. 2-е изд., перераб. и доп. Автор комментария С.Э. Рябова. М., НОРМА. ИНФРА-М. 2022. // СПС «КонсультантПлюс»;
40. Суворов Е.Д. Субсидиарная ответственность по обязательствам несостоятельного должника. М.: Статут. 2020. С. 117. С. 14–15;
41. Флейшиц Е.А. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 2. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М., Статут. 2015. – С. 355. (печатается по: Советское государство и право. 1966. № 7. – С. 11–18.);
42. Цивилистические записки. Межвузовский сборник научных трудов. М., «Статут». 2001. Е.Б. Осипов. Общие вопросы ответственности в гражданском праве. – С. 304;
43. Чупрунов И.С. Ответственность директора перед юридическим лицом: научно-практический комментарий к постановлению Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» [Электронное издание] / И.С. Чупрунов. Москва, М-Логос, 2025. – С. 20, 58, 72.).
44. Шевченко А.С., Шевченко Г.Н. Деликтные обязательства в российском гражданском праве: учебное пособие. М., Статут. 2013. // СПС «КонсультантПлюс»;
45. Шершеневич Г.Ф. Избранное. В 6 т. Т. 5: Учебник русского гражданского права / Вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. – М., Статут. 2017. – С. 573. Печатается по: Учебник русского гражданского права Г.Ф. Шершеневича. 10-е изд. М., Изд. Бр. Башмаковых.
46. Яичков К.К. Обязательства из причинения вреда. Москва, Юридическое издательство НКЮ СССР. 1939. – С. 6;
47. Яковенко А.А. Модели ответственности курсных кредиторов за вред, причиненный в процедурах банкротства // Вестник арбитражной практики. 2024. N 2. – С. 50–58. // СПС «КонсультантПлюс»;

ILLEGALITY AS A CONDITION FOR BRINGING A CONTROLLING BENEFICIARY TO SUBSIDIARY LIABILITY UNDER THE FEDERAL LAW «ON INSOLVENCY (BANKRUPTCY)»

Safin T.I.

St. Petersburg State University of Economics

The Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy), when establishing the subsidiary liability of the "controlling beneficiary", does not directly indicate such an element of a civil offense as illegality. The article provides evidence that a sign of illegality is mandatory in this case. At the same time, references are provided to the text of the above-mentioned law, the legal positions of representatives of the Russian doctrine, as well as abstract explanations of the Supreme Court of the Russian Federation and the practice of higher courts in specific cases. The argumentation according to which the legal nature of subsidiary liability in bankruptcy is of a tort nature is considered separately.

Keywords: illegality, controlling beneficiary, "extraction of benefits", withdrawal of assets of the debtor, subsidiary liability in bankruptcy.

References

1. Abramov S.I. Subsidiary responsibility for bringing to bankruptcy: issues of theory and practice // Bulletin of Arbitration Practice. 2020. N 1 — pp. 81–90. // SPS «ConsultantPlus»;
2. Agarkov M.M. Izbrannye trudy po grazhdanskom pravo [Selected works on civil law]. In 2 vols. Vol. 2: The general doctrine of obligations and its separate types. Moscow, Statut. 2012. — p. 6. pp. 208–209. p. 166. Obligation under Soviet civil law. Published in: Scientific works of VIYUN. Issue III. Moscow, 1940.
3. Alekseev S. S. Sobranie sochineniy [Collected Works]. In 10 tons. [+]. volume]. Volume 1: Civil Law: Works of 1958–1970. Moscow, Statut. 2010. Published by: Alekseev S.S. "On the composition of a civil offense" (Jurisprudence. 1958. No.1. -pp.47–53.) — p. 476. P. 481.
4. Vitruk N. V. General theory of legal liability. 2nd ed., ispr. and dop. M., NORM. 2009. // SPS «ConsultantPlus»;
5. Issues of private law: collection of articles to the 50th anniversary of A.A. Pavlov [Electronic edition]. Comp. A.G. Karapetov, T.A. Sargsian. The concept of general tort in the modern tort law of Russia by A.A. Markelov. Moscow, M–Logos, 2024, p. 195.
6. Golubtsov V.G. Vicarious liability of persons controlling the debtor: evolution of legislative approaches. Vestnik Permskogo universiteta. Legal sciences. 2020. N 2. -pp.248–273. // SPS «ConsultantPlus»;
7. Горбашев I.V. Gorbachev On some material and legal aspects of bringing to subsidiary responsibility in the explanationsof the RF Armed Forces // Bulletin of Civil Law. 2018. N4 — pp. 154–202. // SPS «ConsultantPlus».
8. Civil law. Textbook in 4 volumes. Ed. by E.A. Sukhanov. 2nd ed. Reprint and supplement Vol. I: General part. The author of the commentary is A.A. Yagelnitsky. Moscow, Statute. 2019. — p. 523–524; Rossiiskoe grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 2 t. [Russian Civil Law: textbook: in 2 volumes] / V.S. Em, I.A. Zenin, N.V. Kozlova et al.; ed. by E.A. Sukhanov. 2nd ed., stereotype. The author of the commentary is E.A. Sukhanov. 2011. Vol. 1. General part. Real property law. Inheritance law. Intellectual property rights. Personal non-property rights. // SPS «ConsultantPlus»;
9. Civil Law: textbook: in 3 vols. Vol. 3. 4th ed., reprint and add. / edited by A.P. Sergeev, Yu.K. Tolstoy. The author of the commentary is Yu.K. Tolstoy. M., TC Welby. Prospect Publishing House, 2005, pp. 11–12, 17; Fleishits E.A. Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravo [Selected works on civil law]. In 2 vols. Vol. 2. Obligations arising from causing harm and from unjust enrichment. M., Statute. 2015 — p. 355. (published in: Sovetskoe gosudarstvo i pravo, 1966, No. 7, pp. 11–18.);
10. Borisov V. Yu., Getman E.S., Gutnikov O.V. et al. Civil Law: Textbook; edited by O.N. Sadikov. Author of the commentary I. Sh. Fayzudinov. M., KONTRAKT, INFRA-M, 2007. Vol. 2. // SPS «ConsultantPlus»; Eugenzicht V.A. Izbrannye trudy. The problem of risk in civil law (General Part). Dushanbe, «TNU Printing House». 2019. — P. 166.
11. Civil Law: textbook: in 2 vols. Vol. 2. O.G. Alekseeva, E.R. Aminov, M.V. Bando et al.; edited by B.M. Gongalo. 3rd ed., reprint.
- and add-ons. The author of the commentary is S.A. Stepanov, M., Statut. 2018. // SPS «ConsultantPlus»;
12. Gutnikov O.V. Korporativnaya otvetstvennost ' v grazhdanskom prave: monografiya [Corporate responsibility in Civil Law: a monograph].
13. Contract law (general part): article-by-article commentary to Articles 420–453 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic edition. Revision 2.0]. Comments on civil legislation # Gloss. Ed. by A.G. Karapetov. The author of the comment is A.G. Karapetov. Moscow, M–Logos Publ., 2020, p. 881
14. Evstigneev E.A. The principle of general tort: current state and prospects of application // Bulletin of Civil Law. 2017. N 5. -pp.55–84. // SPS «ConsultantPlus»;
15. Egorova M. A., Krylov V.G., Romanov A.K. Tort'nye obyazatel'nosti i tort'naya otvetstvennost ' v angliyskom, nemetskom i frantsuzskom prave: uchebnoe posobie [Tort obligations and tort liability in English, German and Frenchlaw: a textbook]. Author of the commentary by M.A. Egorova, Moscow: Justicinform, 2017. // SPS «ConsultantPlus»;
16. Ivannikov I.A. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of State and Law]. Akademsentr Publ., 2012. — P. 250; Commentary to the Civil Code of the RSFSR, edited by S.N. Bratusya and O.N. Sadikov. The author of the commentary is A.M. Mikhaylich. M., Legal literature. 1982. pp. 521–522.
17. Iering R. Component of guilt in Roman private law // Jurisprudence. 2023. T.67, No.2 — p. 240.
18. Interview with R.T. Miftakhutdinov. // Law. 2018. N 7. — // SPS «ConsultantPlus».
19. Ioffe O. S. Izbrannye trudy [Selected works]. Volume I. Liability under Soviet civil law. St. Petersburg, Publishing House "Legal Center Press". 2003 — p. 134. P. 162. Published by: Ioffe O.S. Responsibility in Soviet civil law. Leningrad State University, 1955.
20. Ioffe O.S. Obligations to compensate for harm, Leningrad, Leningr University Publishing House, 1951-p. 17.
21. Fulfillment and termination of obligations: commentary to Articles 307–328 and 407–419 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic edition. Revision 2.0]. Comments on civil legislation # Gloss. Ed. by A.G. Karapetov. Moscow, M–Logos, 2022, p. 175.
22. Commentary to the Civil Code of the Russian Federation, part Two (article-by-article). G.E. Avilov, M.I. Braginsky, V.V. Glyantsev et al.; ed.by O.N. Sadikov. 4th ed., ispr. and add. The author of the commentary is I. Sh. Fayzudinov. M., KONTRAKT, INFRA-M, 2004. // SPS «ConsultantPlus
23. Commentary to the Civil Code of the RSFSR, edited by S.N. Bratusya and O.N. Sadikov. The author of the commentary is A.M. Mikhaylich. M., Legal literature. 1982 — p. 522
24. Kuznetsova L. V. Disputable issues of tort liability. Mery obespecheniya i meri otvetstvennosti v grazhdanskom prave: sbornik statei [Security measures and liability measures in civil law: a collection of articles]. 2010. — pp. 334–373. // SPS «ConsultantPlus»;
25. Kuznetsova O.A. Specialized norms of Russian civil law: theoretical problems: dis... Dr. jurid. sciences': 12.00.03 / Kuznetsova Olga Anatolyevna. — Yekaterinburg, 2007, p. 31.
26. Matveev G. K. Grounds for civil liability. Legal literature. Moscow, 1970. — p. 9. P. 188.
27. Mozolin V. P. Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost ' v sisteme rossiiskogo prava [Civil and legal responsibility in the system of Russian law]. 2012. N1 — pp. 33–40. // SPS «ConsultantPlus»;
28. Eugenzicht V.A. Izbrannye trudy [Selected works]. The problem of risk in civil law (General Part). Dushanbe, «TNU Printing House». 2019 — p. 167
29. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 4515/10 of 27.07.2010 on case No. A38–2401/2008 (Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, 2010, No. 11).
30. Russian Business Law: Itogi, tendentsii i puti razvitiya: monografiya [Results, trends and ways of development: a monograph]. The author of the commentary is I.S. Shitkina. M., Justicinform. 2019. // SPS «ConsultantPlus».
31. Rakhmilovich V.A. On illegality as the basis of civil liability. The Soviet State and Law. 1964. No. 3 — p. 55;

32. Rimskoe chastnoe pravo: Uchebnik [Roman Private Law: Textbook], ed. by I.B. Novitsky and I.S. Peretersky, Moscow, 1996, p. 327.
33. Russian Processualists on Law, Law and Judicial Practice: to the 20th Anniversary of the Civil Procedure Code of the Russian Federation: monograph by D.B. Abushenko, M.A. Alieskerov, T.K. Andreeva et al.; ed. by V.V. Molchanov. Essay 10. Actual problems of applying legislative presumptions in the system of legal regulation of subsidiary liability in bankruptcy (D.Kh. Valeev, M.R. Zagidullin). Moscow, Statute. 2023. // SPS «ConsultantPlus»;
34. Rossiiskoe grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 2 t. [Russian Civil Law: textbook: in 2 volumes] / V.V. Vitryansky, V.S. Em, N.V. Kozlova et al.; ed. by E.A. Sukhanov. 2nd ed., stereotype, vol. 2: Law of Obligations. The author of the commentary is S.M. Korneev, M., Statute. 2011. // SPS «ConsultantPlus»;
35. Savinykh V.A. Subsidiary responsibility: economic content and legal essence // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2012. N 12. – pp. 59–69. // SPS «ConsultantPlus»;
36. Silchenko V. Yu. Features of consideration of cases on bringing to subsidiary liability in connection with the impossibility of full repayment of creditors' claims: dis. ... cand. legal department. Russian Academy of Sciences: 5.1.3 / Vladislav Silchenko. – Yekaterinburg, 2024, p. 146.
37. Smirnov V. T., Sobchak A.A. General doctrine of tort obligations in Soviet civil law. Textbook, LSU Publishing House, 1983, p. 19.
38. Spesivov V.V. Circumstances to be proved when bringing to subsidiary liability in a bankruptcy case. Zakon. 2018. N 7 – pp. 68–77. // SPS «ConsultantPlus»;
39. Handbook of proof in Arbitration proceedings O.V. Aboznova, N.G. Belyaeva, T.L. Verbenko et al.; edited by I.V. Reshetnikova. 2nd ed., reprint. and add-ons. The author of the commentary is S.E. Ryabova. INFRA-M. 2022. // SPS «ConsultantPlus»;
40. Suvorov E. D. Subsidiary liability for the obligations of an insolvent debtor. Moscow: Statut. 2020. pp. 117. pp. 14–15.
41. Fleishits E.A. Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu [Selected works on civil law]. In 2 vols. Vol. 2. Obligations arising from causing harm and from unjust enrichment. M., Statute. 2015 – p. 355. (published in: Sovetskoe gosudarstvo i pravo, 1966, No. 7, pp. 11–18.);
42. Civil notes. Interuniversity collection of scientific papers, Moscow, "Statut". 2001. E.B. Osipov. General questions of liability in civil law – – p. 304;
43. Chuprunov I.S. Director's Responsibility to a legal entity: a scientific and practical commentary to the resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 62 dated 30.07.2013 "On some issues of compensation for losses by persons who are part of the legal entity's bodies" [Electronic edition] / I.S. Chuprunov. Moscow, M–Logos Publ., 2025, pp. 20, 58, 72.).
44. Shevchenko A. S., Shevchenko G.N. Tort'nye obligatsii v rossiiskom grazhdanskom prave: uchebnoe posobie [Tort obligations in Russian Civil law: a textbook]. 2013. // SPS Consultant-Plus;
45. Shershenevich G. F. Izbrannoe [Selected works]. V6t. T.5: Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava [Textbook of Russian Civil Law]. slovo, comp.: P.V. Krashennnikov. – M., Statute. 2017 – – p. 573. Published in: Textbook of Russian Civil Law by G.F. Shershenevich. 10-e ed. M., Ed.Br. Bashmakov.
46. Yayichkov K.K. Obligations arising from causing harm. Moscow, Legal Publishing House of the NKYU of the USSR, 1939, p. 6.
47. Yakovenko A. A. Models of liability of bankruptcy creditors for damage caused in bankruptcy procedures // Bulletin of Arbitration Practice. 2024. N2 – -P. 50–58. // SPS «ConsultantPlus»;

Организационные основы прокуратуры в системе контрольной (надзорной) деятельности органов публичной власти в сфере охраны окружающей среды и природопользования

Трудников Алексей Витальевич,

аспирант, Университет прокуратуры Российской Федерации

E-mail: trudnikov2014@mail.ru

В статье анализируются вопросы правовые и организационные особенности прокурорского надзора в системе органов публичной власти, определяются формы взаимодействия с иными органами публичной власти. Приводится правоприменительная практика приоритетных направлений деятельности природоохранных прокуратур.

Ключевые слова: прокурорский надзор, окружающая среда, контроль, публичная власть, меры прокурорского реагирования.

Введение

На заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации по итогам 2024 года Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил, что экологическая сфера остается чувствительной для общества, в связи с чем специализированным природоохранным прокуратурам необходимо обеспечить решение комплексных экологических проблем.

Контрольная (надзорная) деятельность – неотъемлемая мера, с помощью которой государством оказывается воздействие на общественные отношения в сфере окружающей среды и природопользования, обеспечивается поддержание экологической законности и соблюдение обязательных требований.

Достижение целей, поставленных Президентом Российской Федерации, определяющего внутреннюю политику государства, невозможно без эффективной реализации контрольных (надзорных) функций природоохранных органов публичной власти.

Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» установлена единая система органов публичной власти: органы государственной власти, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности входят в единую систему публичной власти и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения.

В настоящее время все уровни системы органов публичной власти в той или иной мере задействованы в реализации контрольной (надзорной) функции.

В указанной связи отдельного исследования заслуживает роль органов прокуратуры в контексте осуществления органами публичной власти контрольной (надзорной) деятельности в целях обеспечения экологической безопасности.

Объектом исследования являются общественные отношения в процессе реализации прокурорского надзора в системе контрольной (надзорной) деятельности органов публичной власти. **Предмет исследования** – правовые нормы, регламентирующие такую деятельность. **Цель исследования.** Разработка теоретических и практических положений, направленных на определение организа-

ционных основ прокурорского надзора в системе контрольной (надзорной) деятельности органов публичной власти в сфере охраны окружающей среды. **Задачи исследования.** Разработка организационных основ деятельности органов прокуратуры в системе обеспечения экологической безопасности в Российской Федерации, форм взаимодействия с иными органами публичной власти.

Указанные обстоятельства делают очевидной необходимость дальнейшего исследования контрольных (надзорных) правоотношений в экологической сфере, возникающих в деятельности органов публичной власти, а также роли прокуратуры в указанной сфере, особенности организации работы на данном участке деятельности и проблемы реализации полномочий.

Обсуждение

Модель российских органов публичной власти, осуществляющих контрольную (надзорную) деятельность, претерпела значительные изменения в период с начала их становления и до начала попытки их унификации в XXI веке.

В Российской Федерации данная модель представлена многообразием органов, входящих в единую систему публичной власти и осуществляющих свою деятельность в соответствии с действующим законодательством, контролирующим соблюдение обязательных требований и исполнение законов в различных сферах жизни общества.

Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» установлена единая система органов публичной власти: в соответствии с Конституцией Российской Федерации органы государственной власти, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения. По мнению Карповой О.А., Балаян Э.Ю., единая система органов публичной власти, представленная обособленными элементами со своим автономным комплексом институтов, невозможна без обеспечения их взаимодействия [6, с. 25–26].

Исследование роли органов прокуратуры в системе контрольных (надзорных) органов публичной власти невозможно без определения сущности «контроля» и «надзора». Традиционным является применение данных понятий как к органам контроля (государственный контроль (надзор) и муниципальный контроль) и органам прокуратуры (прокурорский надзор), что может служить существенным предметным критерием разграничения деятельности прокуратуры и контролирующих органов. В странах бывшего СССР функция надзора, аналогичная Российской Федерации, присуща Бела-

руси, Казахстану, Киргизии, Таджикистану и Узбекистану [3, с. 135].

Существующие критерии разграничения контрольной и надзорной деятельности традиционно присущи исключительно для разграничения деятельности органов прокуратуры и исполнительных органов власти при реализации ими надзорных и контрольных полномочий. Вместе с тем справедливым является замечание А.А. Спиридонова, полагающего, что в вышеназванных законодательных актах понимание контроля отражено для целей их регулирования и не охватывает всего многообразия исследуемого явления, а в целом правовое понятие государственного контроля, как контроля, осуществляемого государством в лице его органов намного шире (сюда, например, относится и парламентский контроль) [10, с. 34].

Система органов публичной власти, осуществляющих контрольные (надзорные) функции в сфере охраны окружающей среды может быть представлена институционально исходя из структурных элементов, определенных законодательно: 1) органы государственной власти (федеральные и региональные) – с учетом положений ст. 10 государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную.

Взаимодействие прокуратуры Российской Федерации с иными органами публичной власти может выстраиваться двумя методами: «по вертикали» – в рамках реализации надзорных функций: таким образом отношения выстраиваются, преимущественно, со структурными подразделениями Правительства Российской Федерации, органами власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, а по «горизонтали» – с высшим звеном федеральных органов государственной власти, иными государственными органами. Нельзя не согласиться с мнением Рябцева В.П., Алексеева А.И., Бессарабова В.Г., которыми отмечается, что современная российская прокуратура не включается в классическую триаду ветвей власти, однако такая независимость не означает ее бесконтрольность: например, судебный контроль играет существенное значение при рассмотрении дел по существу по исковым заявлениям на бездействия прокуроров [9, с. 205].

На наш взгляд, в дореволюционный период развития российского государственного аппарата нельзя определить значимость надзорной и ненадзорной роли органов прокуратуры, подобную современному развитию России: в данный период развития государственности централизованного органа, координирующего деятельность различных ведомств в сфере охраны окружающей природы, не существовало. Экологическое законодательство характеризовалось разрозненным и недостаточно развитым, при этом эффективность данного вида контроля ввиду недостаточной приоритетности ограничивалась ведомственной разобщенностью, отсутствием квалифицированных кадров и низким уровнем общественного сознания

[1, с. 78]. Роль прокуратуры в системе органов публичной власти дореформенного периода связана с формированием и развитием, преимущественно, надзорной функции – наблюдением за исполнением актов высших государственных органов во всех сферах жизнедеятельности российского общества. Реформирование прокуратуры, её подчинение Министерству юстиции, последующее оформление в качестве самостоятельного органа, ликвидация в постреволюционный период и возвращение свидетельствует о значимости и выработанной эффективности прокурорского надзора, проверенного веками.

В современный период важную роль в системе контрольных (надзорных) органов публичной власти играют органы прокуратуры – в частности, природоохранные прокуратуры, в том числе, на правах субъектов, которые осуществляют в пределах предоставленных полномочий надзор за исполнением законов в сфере охраны окружающей среды и природопользования [11, с. 476].

Приоритеты направления природоохранной деятельности прокуратуры являлись предметом исследования в разный период. Например, ещё в 1998 году А.Ю. Винокуров, рассматривая содержание и цели такой деятельности российской прокуратуры, определял, что такая деятельность должна быть подчинена оценке реалий экологической ситуации в регионах России, автор подчеркивал двуединую роль органов прокуратуры в обеспечении экологической законности, в том числе в связи с несовершенством деятельности органов контроля (надзора) [2, с. 78]. Д.Г. Добрецов отмечает значимость координирующей роли органов прокуратуры, отдельно подчеркивается, что выработка согласованных мер совместно с уполномоченными органами способна привести к реальному воздействию на экологическую ситуацию [4, с. 122]. К аналогичному выводу приходит и С.В. Ермаченко, которая указывает, что прокуратура может стать одним из ключевых органов, объединяющих усилия контролирующих, правоохранительных и государственных органов в целях стабилизации и улучшения состояния окружающей среды [5, с. 177]. Е.А. Куницына, исследуя вопросы взаимодействия органов прокуратуры с органами публичной власти, институтами гражданского общества в сфере лесных отношений отмечает, что несмотря на общие цели (вопросы законности, обеспечение общественной безопасности и правопорядка) органы прокуратуры в рамках такого взаимодействия не выступают в роли координатора, а согласованные действия по вопросам правоохранительной деятельности проводит с ними в форме взаимодействия [7, с. 128].

Проведенный анализ деятельности органов прокуратуры в целом, роли органов прокуратуры в системе публичной власти позволяет установить формы такого взаимодействия, определяющие положение прокуратуры в системе органов публичной власти. На наш взгляд, целесообразно выделить три основные формы, которым подчине-

на такая деятельность: 1) надзорная форма, носящая двуединый характер, поскольку в каждом конкретном случае выявления экологического правонарушения (в широком смысле) должна даваться оценка как непосредственно поднадзорному объекту, в деятельности которого установлены соответствующие нарушения, так и органам контроля (надзора), в результате бездействия которых стало возможно такое нарушение; 2) координирующая форма, объединяющая собой не только координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с экологической преступностью, выработку уголовно-правовых механизмов противодействия, но и интеграцию усилий различных органов публичной власти в целях обеспечения экологической безопасности; 3) коммуникативная форма – форма взаимодействия, включающая в себя участие органов прокуратуры в решении значимых экологических проблем, в том числе взаимный обмен информацией между органами прокуратуры, с иными органами публичной власти, не являющимися объектами прокурорского надзора, а также участие прокуроров в правотворческой деятельности, нацеленной на совершенствование нормативной правовой базы в целях обеспечения экологической безопасности на вверенной поднадзорной территории.

В рамках указанных форм взаимодействия с органами публичной власти для прокуратуры приоритетны вопросы надзорного сопровождения национальных проектов в экологической сфере, а также вопросы исполнения законодательства в сфере охраны лесов, объектов животного мира, особо охраняемых природных территорий, обращения с отходами, безопасности гидротехнических сооружений, ответственного обращения с животными, недропользования, состояния атмосферного воздуха, водного законодательства [8, с. 10].

Необходимо отметить, что эффективность деятельности органов прокуратуры в системе обеспечения экологической безопасности возможна в сочетании всех форм взаимодействия, при этом, каждая из таких форм, на наш взгляд может вытекать друг из друга. Например, сочетание координирующей и коммуникативной формы будет неизбежно порождать надзорную – направленную на механизм реагирования в связи с поступающей информацией о нарушениях закона, выполнения совместных целевых мероприятий по выявлению и пресечению экологических нарушений; коммуникативная форма – будет порождать сочетание надзорной и координирующей формы.

Заключение

В указанной связи необходимо сделать следующие выводы:

- Под системой контрольных (надзорных) органов публичной власти в сфере охраны окружающей среды следует понимать строго упорядоченную структуру органов государственной власти, иных государственных органов

и органов местного самоуправления, осуществляющих свою деятельность в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации, согласованно функционирующих и взаимодействующих в целях обеспечения соблюдения прав граждан на благоприятную окружающую среду, законности в сфере охраны окружающей среды и природопользования и экологической безопасности.

- Органы прокуратуры, являясь неотъемлемой частью органов публичной власти и системы обеспечения экологической безопасности, базируются на основных системных «ярусах»: идеологическом, организационном и правовом;
- Органы прокуратуры, в целях обеспечения экологической безопасности используют надзорную, координирующую и коммуникативную формы взаимодействия;
- Эффективность деятельности органов прокуратуры в системе обеспечения экологической безопасности возможна в сочетании всех форм взаимодействия, при этом, каждая из таких форм, на наш взгляд, может вытекать друг из друга.

Литература

1. Бородин Е.И. История развития природоохранного законодательства в России (IX–XIX вв.) / Е.И. Бородин. – М.: Юридическая литература, 1982. – 144 с.
2. Винокуров А.Ю. Природоохранная деятельность Российской прокуратуры (понятие, содержание, задачи) / Избранные статьи. В 3-х томах. Том 1. М., 2017. 503 с.
3. Добрецов Д.Г. Деятельность прокуратур стран СНГ в сфере охраны окружающей среды. // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. № 4(84). 2021. С. 135–144.
4. Добрецов Д.Г. Обеспечение законности в сфере охраны окружающей среды, природопользования и обеспечения экологической безопасности в механизме защиты прокурором прав граждан в сфере экологии / Байкальский природоохранный форум: сборник статей Международной научно-практической конференции, Иркутск, 09 июня 2023 года. Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2023. С. 121–127.
5. Ермаченко С.В. Особенности деятельности природоохранных прокуратур на современном этапе. // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3. С. 170–180.
6. Карпова О.А., Балаян Э.Ю. Место органов опеки и попечительства над несовершеннолетними в системе органов публичной власти Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 4. С. 24–28.

7. Куницына Е.А. Правовые и организационные основы прокурорского надзора за исполнением лесного законодательства: дисс... канд. юрид.наук: 12.00.11/ Куницына Елена Александровна. М., 2014. 251 с.
8. Куницына Е.А., Трудников А.В. Надзор за исполнением законодательства в экологической сфере // Законность. 2024. № 6. С. 9–13.
9. Рябцев В.П., Алексеев А.И., Бессарабов В.Г. Роль и место органов прокуратуры в системе государственных институтов Российской Федерации // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 3. С. 202–211.
10. Спиридонов А.А. Государственный, муниципальный и общественный контроль: содержание и соотношение понятий с позиции конституционного права // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 5 (138). С. 33–35.
11. Трудников А.В. Роль органов прокуратуры в системе обеспечения экологической безопасности // Вопросы российской юстиции. 2025. № 37. С. 471–486.

ORGANIZATIONAL BASIS OF PROSECUTOR IN THE SYSTEM OF CONTROL (SUPERVISORY) ACTIVITIES OF PUBLIC AUTHORITIES IN THE SPHERE OF ENVIRONMENTAL PROTECTION AND NATURE MANAGEMENT

Trudnikov A.V.

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

The article analyzes the issues of legal and organizational features of prosecutorial supervision in the system of public authorities, defines the forms of interaction with other public authorities. Law enforcement practice of priority areas of activity of environmental prosecutor's offices is given.

Keywords: prosecutorial supervision, environment, control, public authority, prosecutorial response measures.

References

1. Borodin E.I. History of the development of environmental legislation in Russia (IX–XIX centuries) / E.I. Borodin. – M.: Legal Literature, 1982. – 144 p.
2. Vinokurov A. Yu. Environmental activities of the Russian prosecutor's office (concept, content, tasks) / Selected articles. In 3 volumes. Volume 1. M., 2017. 503 p.
3. Dobretsov D.G. Activities of prosecutor's offices of the CIS countries in the field of environmental protection. // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. No. 4 (84). 2021. P. 135–144.
4. Dobretsov D.G. Ensuring legality in the field of environmental protection, nature management and environmental safety in the mechanism for protecting citizens' rights in the field of ecology by the prosecutor / Baikal Environmental Forum: collection of articles from the International scientific and practical conference, Irkutsk, June 09, 2023. Irkutsk: Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2023. Pp. 121–127.
5. Ermachenko S.V. Features of the activities of environmental prosecutor's offices at the present stage. // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 3. Pp. 170–180.
6. Karpova O.A., Balayan E. Yu. The place of guardianship and trusteeship authorities over minors in the system of public authorities of the Russian Federation // State power and local self-government. 2023. No. 4. P. 24–28.
7. Kunitsyna E.A. Legal and organizational foundations of prosecutorial supervision over the implementation of forest legislation:

- diss... Cand. of Law: 12.00.11 / Kunitsyna Elena Aleksandrovna. M., 2014. 251 p.
8. Kunitsyna E.A., Trudnikov A.V. Supervision of compliance with legislation in the environmental sphere // *Legality*. 2024. No. 6. P. 9–13.
 9. Ryabtsev V.P., Alekseev A.I., Bessarabov V.G. The role and place of the prosecutor's office in the system of state institutions of the Russian Federation // *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 2023. No. 3. P. 202–211.
 10. Spiridonov A.A. State, municipal and public control: the content and relationship of concepts from the standpoint of constitutional law // *Actual problems of Russian law*. 2022. No. 5 (138). P. 33–35.
 11. Trudnikov A.V. The role of the prosecutor's office in the system of ensuring environmental safety // *Issues of Russian justice*. 2025. No. 37. P. 471–486.

Преодоление фрагментации: проект многостороннего соглашения о конкуренции и протекционизме

Фан Туан Ань,

аспирант юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: TLMN@BK.RU

Современные международные экономические отношения сталкиваются с возрождением протекционизма и разобщенностью правовых режимов конкуренции на разных уровнях. Данная статья преследует цель предложить концепцию комплексного многостороннего соглашения, регулирующего одновременно вопросы конкуренции (антимонопольной политики) и протекционизма в мировой торговле. Методология исследования основана на сравнительно-правовом анализе существующих двусторонних, региональных и глобальных механизмов (ВТО, региональные соглашения и др.), а также на всестороннем обзоре актуальной научной литературы и документов международных организаций. В результате выявлена недостаточность разрозненных региональных и двусторонних мер и обоснована необходимость параллельного развития регулирования на национальном, региональном и глобальном уровнях. Предлагается рамочное многостороннее соглашение, включающее нормы по недопущению антиконкурентных практик и ограничению протекционистских мер, что позволит снизить фрагментацию правил и обеспечить более свободную и справедливую торговлю.

Ключевые слова: международная торговля, конкурентная политика, протекционизм, многостороннее соглашение, правовое регулирование, Всемирная торговая организация, антимонопольное право, фрагментация регулирования.

Введение

В условиях усиления геоэкономической напряженности и роста протекционистских тенденций проблема фрагментации регулирования конкуренции и протекционизма выходит на передний план. Текущая система международной торговли характеризуется множеством соглашений разного уровня – от национальных законов и двусторонних договоров до региональных объединений – при отсутствии единых глобальных правил. Это приводит к тому, что подходы государств к антимонопольной политике и мерам торговой защиты значительно расходятся, создавая неопределенность для бизнеса. Эксперты отмечают, что нарастающая фрагментация мировых рынков и правил отрицательно сказывается на глобальном экономическом росте и инновациях. Одновременно усиливается давление транснациональных корпораций, которые могут пользоваться пробелами между юрисдикциями, и влияние государств, применяющих односторонние ограничения в торговле. В совокупности это подрывает эффективность мировой торговой системы и требует выработки целостных решений.

Актуальность исследования обусловлена тем, что существующие многосторонние нормы (например, правила ВТО) прямо не охватывают вопросы конкуренции, а затрагивают их лишь опосредованно. Хотя в соглашениях ГАТТ/ВТО имеются положения о государственных монополиях, субсидиях, антидемпинговых мерах и пр., они не образуют всеобъемлющего механизма контроля антиконкурентного поведения на глобальных рынках[1]. С другой стороны, международное сотрудничество в сфере антимонопольной политики развивается преимущественно через **двусторонние соглашения** между конкурентными ведомствами и добровольные сети вроде Международной конкурентной сети (МКС), что носит фрагментарный характер. В результате наблюдается *раздробленность и отдаление подходов* разных стран: так, одни государства могут использовать антимонопольное право в протекционистских целях, защищая национальные компании, тогда как другие придерживаются либеральных правил. Отсутствие единых обязательных принципов создает риски конфликтов юрисдикций и ухудшает условия доступа на рынки, особенно для компаний из малых и развивающихся стран.

В то же время, региональные интеграционные объединения заполняют некоторые пробелы. Например, в рамках ЕС действует наднациональная система конкурентного права, Евразийский эко-

номический союз создал механизмы согласованного **антимонопольного регулирования**. Многие современные соглашения о свободной торговле включают разделы о политике конкуренции. Тем не менее, эти меры лишь частично решают проблему. Локальная или региональная унификация не предотвращает появления противоречий между разными региональными блоками, а также не охватывает трансконтинентальные слияния, глобальные картели и новые формы протекционизма. Более того, как отмечают исследователи, хотя число торговых соглашений с главами о конкуренции значительно выросло, механизмы разрешения споров в них практически не применялись, и достигнутая гармонизация носит ограниченный характер[2]. Следовательно, без опоры на универсальные правила сохраняется опасность расхождения и *правового вакуума* на глобальном уровне.

Исходя из этого, **научная значимость** работы состоит в обосновании подхода к международно-правовому регулированию, который предполагает *параллельное развитие норм* на всех уровнях – национальном, региональном и глобальном – и одновременное включение в многосторонний режим правил, касающихся и конкуренции, и протекционизма. Взаимосвязь этих сфер проявляется всё отчетливее: государственные протекционистские меры (тарифы, квоты, субсидии) могут нарушать конкуренцию не меньше, чем действия частных компаний (картели, сговоры, злоупотребление доминированием). Поэтому раздельное регулирование приводит к неполноте и неэффективности. **Цель** данной статьи – предложить концепцию комплексного многостороннего соглашения, способного устранить указанную фрагментацию путем объединения в одном договоре согласованных мер против недобросовестной конкуренции и неправомерного протекционизма.

Литературный обзор

Международно-правовое регулирование конкуренции традиционно отставало от торгового: несмотря на появление национальных антитрестовских законов в конце XIX – начале XX вв., на глобальном уровне, несмотря на попытки согласования подходов международно-правовое регулирование так и осталось на основе добровольного сотрудничества. В 1990–2000-х гг. с ростом глобализации вопрос вышел на повестку ВТО, однако переговоры в Дохе и Канкуне провалились из-за разногласий между государствами.

Поскольку в рамках ВТО достичь прогресса не удалось, внимание переключилось на **региональный и двусторонний уровень**. Начиная с 2000-х гг. множатся соглашения о свободной торговле, включающие положения о конкурентной политике. Например, большое количество соглашений ЕС с третьими странами обязывают последних принять основы антимонопольного законодательства и создавать органы по конкуренции. Соглашение о свободной торговле США, Канады и Мексики

(USMCA) закрепило сотрудничество в расследованиях. В Азиатско-Тихоокеанском регионе соглашения, такие как Транстихоокеанское партнерство и Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство, также содержат главы о конкуренции. **Андреас Хайнеманн и Чой Ё Сон** в своем исследовании (2020) показали, что число таких соглашений сильно возросло, что ведет к локальной гармонизации правил и сближению подходов стран-участниц[2]. Однако применение этих норм остается ограниченным – споры по главам о конкуренции практически не рассматривались, а многие обязательства носят рамочный характер (декларации о намерениях, сотрудничество, обмен информацией). Тем не менее, локальная гармонизация, основанная на географической, культурной и экономической близости партнеров, рассматривается рядом авторов как важный шаг, смягчающий проблему разнородности законов и создающий предпосылки для возобновления в будущем более широких многосторонних усилий[2]. Иными словами, региональные соглашения могут служить «*лабораторией*» для выработки подходов, которые затем могли бы лечь в основу глобальных стандартов.

По сути, мировое сообщество пока пришло лишь к формату координации и обмена опытом, избегая создания наднациональных институтов в данной сфере. Причинами тому служат опасения стран за свой суверенитет и различия в юридических традициях. Например, антимонопольная политика США исторически ориентирована преимущественно на **защиту потребителей**, тогда как ЕС видит в ней также инструмент интеграции рынков и поддержания конкуренции как процесса. В некоторых государствах (Китай, Россия) акцент делается на **защите конкурентов** и национальных лидеров, что порой оправдывает вмешательство государства или мягкость к своим фирмам. Эти различия осложняют выработку единых критериев.

В литературе последних лет все громче звучит призыв к **интеграции конкурентной политики и правил торговли на глобальном уровне**. Например, в рамках инициативы *E15 (Мировой экономической форум & ICTSD)* Эдуардо Перес Мотта (2016) предложил «интегрированный подход» к торговле и конкуренции, подразумевающий включение базовых принципов антимонопольной политики (недискриминация, транспарентность, справедливые процессы) в систему многосторонних торговых правил. Сходным образом, ряд экспертов высказываются за возобновление переговоров в ВТО, но уже на обновленных основах с учетом цифровой экономики и опыта региональных соглашений.

Российские специалисты также активно исследуют данную проблематику. В работах В. Авалана, А. Шашитко, В. Толстопятенко отмечается, что без участия России в глобальной выработке правил конкуренции ее национальные интересы могут пострадать, поскольку транснациональные корпорации и иностранные юрисдикции будут диктовать условия. Отдельно можно выделить позицию

российских экспертов относительно **деятельности транснациональных корпораций (ТНК)**. Так, А. Мочалова (2022) указывает, что крупнейшие ТНК уже сейчас контролируют глобальные цепочки добавленной стоимости и фактически устанавливают собственные «правила игры» на мировых рынках. Например, цифровые платформы могут ограничивать доступ конкурентов к электронным торговым площадкам, а интегрированные ТНК – не допускать сторонних производителей в свои цепочки поставок, оставаясь вне действия правил ВТО. Поскольку такие частные практики не регулируются напрямую существующими торговыми соглашениями, автор подчёркивает *необходимость универсального механизма* регулирования поведения ТНК на глобальных рынках. В качестве оптимальной площадки для разработки такого механизма предлагается ВТО, обладающая универсальностью и авторитетом[2]. Российские официальные лица также поддерживают идею укрепления международных правил: отмечается, что реформирование ВТО должно обеспечить ей способность противостоять новым формам протекционизма и искажениям конкуренции.

Материалы и методы

Настоящее исследование опирается на сочетание методов юридического и прикладного экономического анализа. В качестве **материалов** были рассмотрены: нормативные тексты действующих соглашений (правила ВТО, двусторонние договоры о сотрудничестве в области конкуренции, главы о конкуренции в региональных соглашениях о свободной торговле), официальные документы глобальных институтов (доклады ЮНКТАД, ОЭСР, материалы рабочих групп ВТО), а также обширный массив научных публикаций по теме конкуренции и протекционизма. Проведен **сравнительно-правовой анализ** – сопоставлены подходы в разных правовых системах и на разных уровнях регулирования.

Таким образом, методология исследования носит комплексный и междисциплинарный характер. Это оправдано самой природой рассматриваемой проблемы, лежащей на стыке международного права и экономической политики.

Результаты

1. Необходимость параллельного многоуровневого регулирования. Анализ показал, что ни один уровень регулирования в отдельности не способен эффективно решать проблему ограничения конкуренции и протекционизма в глобальном масштабе. *Национальное законодательство* по конкуренции действует в пределах юрисдикции и бессильно перед трансграничными картелями или слияниями иностранных компаний. *Двусторонние соглашения* об обмене информацией и взаимопомощи между антимонопольными органами, хотя и полезны, охватывают лишь узкий круг стран и ситуаций. *Региональные режимы* (такие как конкурентное право

ЕС или ЕАЭС) успешно функционируют на уровне интеграционных объединений, но между собой взаимодействуют лишь ограниченно. В результате глобальный рынок остается *фрагментированным*. Например, вопрос слияния крупных международных компаний может быть решен по-разному в разных юрисдикциях – одобрено в одной стране, заблокировано в другой – что создает неопределенность и издержки (слияние Siemens и Alstom (2019), слияние General Electric и Honeywell (2001) или слияние Cargotec и Konecranes (2022) и др.). В сфере торговой политики, несмотря на существование норм ВТО, возросла практика обхода многосторонних правил через двусторонние соглашения и односторонние меры. **Региональные и двусторонние инструменты недостаточны**, о чем свидетельствует сохранение и даже рост протекционистских шагов: по данным мониторинга *Global Trade Alert*, с 2008 по 2021 год страны G20 ввели более 28 500 ограничительных мер против менее 5 500 либерализующих[2]. Это указывает на то, что без глобального сдерживающего механизма тенденция к протекционизму преобладает над обязательствами по его сдерживанию. Вывод заключается в том, что *параллельное развитие регулирования* необходимо: одновременно на национальном уровне (совершенствование законодательства), на региональном (углубление интеграции, обмен опытом) и на **многостороннем** уровне – через новое соглашение, которое восполнило бы пробелы всеобщими правилами.

2. Концепция предлагаемого многостороннего соглашения. Ключевой результат исследования – разработка предложений по структуре и содержанию комплексного **Многостороннего соглашения по конкуренции и торговому протекционизму** (условное название). Соглашение предполагается построить по модульному принципу, включив два взаимодополняющих блока правил:

Блок А: Нормы конкуренции. Сюда входят обязательства государств внедрять и эффективно применять основы антимонопольной (конкурентной) политики. Например, каждый участник соглашения должен иметь законодательство, запрещающее картели и иные **антиконкурентные соглашения**, пресекающее злоупотребления доминирующим положением и контролирующее экономическую концентрацию (слияния и поглощения) с ощутимыми эффектами на рынке. Важнейшим элементом является принцип *недискриминации*: конкурентное законодательство должно применяться равным образом к отечественным и иностранным предприятиям. Это предотвратит использование конкуренции как скрытого протекционизма. Также предусматривается **прозрачность** – раскрытие государствами своих правил и решений, **права защиты** для затронутых компаний и обмен информацией между странами. Соглашение должно поощрять сотрудничество конкурентных органов: взаимопомощь в расследованиях, координация в параллельных делах против глобальных картелей, учитывание трансграничных эффектов

при рассмотрении слияний. Отдельно оговариваются **исключения**: государства могут иметь ограниченный перечень допустимых исключений (например, для соглашений в сфере НИОКР, малых предприятий, временных мер в кризис), но эти исключения должны быть *прозрачны и обоснованы* развитием конкуренции.

Блок Б: Нормы протекционизма. Этот раздел ограничивает использование правительствами традиционных инструментов протекционизма сверх установленных договоренностей. Фактически он дополняет и усиливает существующие правила ВТО. В него входят: обязательство не повышать импортные тарифы выше согласованных уровней; запрет дискриминационных количественных ограничений и лицензирования; прозрачные правила для **мер торговой защиты** (антидемпинговых, компенсационных пошлин). Особое внимание уделяется **субсидиям и государственной поддержке**: предлагается расширить дисциплины ВТО по субсидиям, включив, к примеру, правила о недопущении субсидирования, поощряющего антиконкурентное поведение (создание монополий, захват доли рынка за рубежом). Государственные предприятия и предприятия с госучастием должны действовать на коммерческих принципах и не использовать преференции государства для вытеснения конкурентов во всех сферах хозяйственной деятельности, включая инвестиции, данное требование, по сути, закреплено статьей XVII ГАТТ о государственных торговых предприятиях, которая охватывает лишь торговлю товарами. Правила блока Б также предусматривают *мониторинг новых форм протекционизма*: участники обязуются уведомлять о мерах, принимаемых из соображений национальной безопасности или промышленной политики, чтобы они могли быть оценены с точки зрения влияния на конкуренцию.

Принципиально важен **комплексный характер** соглашения: блоки А и Б действуют совместно и сбалансировано. Это значит, что страны берут на себя взаимные обязательства как не ущемлять конкуренцию частными ограничительными сделками, так и не вводить неоправданных государственных барьеров. Подобный «двухсторонний» подход исключит ситуацию, когда либерализация торговли нейтрализуется тайными картелями, или наоборот – строгая антимонопольная политика сводится на нет волной протекционизма.

3. Институциональные механизмы и обеспечение исполнения. Предложенное соглашение предусматривает создание прочного механизма имплементации. Рассматриваются два взаимодополняющих уровня:

- На *национальном уровне*: каждое государство-участник обязуется привести свое законодательство в соответствие с базовыми требованиями соглашения. Для мониторинга создаются **национальные центры координации** (например, при антимонопольном органе или министерстве торговли), ответственные за обмен информацией и выполнение решений.

- На *международном уровне*: формируется **многосторонний комитет (совет)** по конкуренции и торговой политике – постоянный орган, в который входят представители всех участников (по аналогии, например, с Комитетами ВТО). Этот орган наблюдает за соблюдением договора, рассматривает жалобы и инициативы.

Для разрешения споров между участниками предлагается интегрировать механизм в существующую систему урегулирования споров ВТО. Если одна страна обвиняет другую в несоблюдении, например, обязательства по конкуренции (непресечение картеля, влияющего на торговлю), она может инициировать разбирательство. *Особенностью* является то, что в такие споры, наряду с государствами, могли бы допускаться **международные корпорации** или ассоциации, пострадавшие от нарушения (с определенными процессуальными ограничениями), что увеличило бы эффективность выявления нарушений.

4. Учет интересов развивающихся стран. Результаты исследования подчеркивают, что для политической приемлемости соглашения необходим механизм *дифференцированных обязательств*. Предлагается включить положения о **переходных периодах** и технической помощи. Например, наименее развитым странам может быть предоставлено больше времени на создание национального антимонопольного органа и принятие законодательства, а также помощь экспертов ЮНКТАД и ОЭСР для обучения персонала. В части протекционизма допускается, что развивающиеся страны сохраняют право на определенные **переходные защитные меры** (например, пошлины для защиты молодых отраслей) с условием их поэтапной отмены по мере роста конкурентоспособности, что согласуется с концепцией «*воспитательного протекционизма*». В то же время, соглашение будет стимулировать такие страны активнее вводить конкуренцию в свою внутреннюю политику, поскольку исследования показывают, что укрепление конкурентной среды способствует притоку инвестиций и устойчивому росту[2].

5. Связь с существующими многосторонними правилами. Разработанные предложения органично дополняют правовую систему ВТО. Предлагается двигаться поэтапно: **на первом этапе** – согласование ключевых принципов и подходов в формате *плюрилатерального* соглашения (по типу соглашения по правительственным закупкам в ВТО, где участвуют только желающие страны). Это позволит наиболее прогрессивным в данном вопросе государствам заложить фундамент и отработать механизмы. **На втором этапе**, по мере накопления доверия и подтверждения эффективности, возможна включение этих норм в рамки ВТО и распространение их на весь состав.

Обсуждение

Концепция многостороннего соглашения носит комплексный характер и неизбежно ставит перед иссле-

дователями и практиками целый спектр дискуссионных вопросов. Во-первых, насколько реалистично внедрение такого соглашения с политической точки зрения? Ключевой причиной провала прежних попыток были разногласия между крупнейшими экономиками и опасения развивающихся стран. С тех пор геоэкономический контекст усложнился: с одной стороны, возникла острая конкуренция между США и Китаем, что может снизить их готовность к взаимным ограничениям; с другой – многие страны осознали опасность **торговых войн** и ослабления многосторонних институтов. Появление новых вызовов (цифровые монополии, глобальные ценовые сговоры, «техно-национализм» в политике инвестиций) создаёт *окно возможностей* для переговоров. Таким образом, хотя достижение консенсуса будет трудным, **стратегическая потребность** в нем созрела.

Во-вторых, обсуждается вопрос: **не подорвет ли новое соглашение существующие институты, например, ВТО?** Напротив, оно придаст им новую жизнь. ВТО сегодня переживает кризис доверия и эффективности, её механизм разрешения споров парализован. Многие эксперты призывают к реформе ВТО, и одним из направлений называют включение новых сфер регулирования. Интеграция норм конкуренции могла бы стать частью этой реформы, расширив мандат организации в соответствии с реалиями XXI века. ВТО уже успешно справляется с мониторингом протекционизма (через механизмы обзора торговой политики, Комитет по субсидиям и компенсационным мерам). Аналогично, комитет по конкуренции мог бы отслеживать, не используются ли, скажем, **анти-монопольные расследования** в качестве маскировки торговых барьеров. К тому же, параллельное развитие региональных правил не остановится – и ЕС, и АСЕАН, и Меркосур будут совершенствовать свои режимы, поэтому **многосторонние правила должны развиваться параллельно**, чтобы не отстать и не превратиться окончательно в пустую формальность.

Наконец, необходимо подчеркнуть **научную и практическую ценность** предлагаемого решения. Научная значимость работы состоит в постановке и развитии проблемы фрагментации международного правового регулирования конкуренции и протекционизма как актуального вызова современной торговой системы. В условиях, когда региональные и двусторонние механизмы лишь частично сглаживают расхождения, но не создают универсальных стандартов, сохраняется высокая неопределённость и риск конфликта юрисдикций. Исследование предлагает решение в виде движения к многостороннему соглашению, которое объединяет принципы конкурентной политики и ограничения протекционистских мер в единую нормативную рамку. Такой подход позволяет не только восполнить пробелы существующей архитектуры, но и придать импульс развитию международного экономического права, выстраивая новую логику взаимодействия государств и транснациональных

компаний на основе общих, обязательных для всех правил. В практическом плане, реализуя данный подход, страны смогут создать более **устойчивую архитектуру** мировой экономики, снижающую риск дезинтеграции. Как отмечают аналитики, без новых совместных шагов мир рискует скатиться к геоэкономическим блокам и разнонаправленным стандартам[2]. Предложенное многостороннее соглашение – это шанс обновить многосторонность, адаптировав ее к реалиям современного рынка. Оно не противоречит классическим принципам ГАТТ (недискриминация, транспарентность), а расширяет их применение на новые области. Тем самым, многосторонняя торговая система сможет сохранить свою актуальность и **перезапустить процесс глобального экономического сотрудничества** на новом уровне.

Заключение

Проведённое исследование подтверждает гипотезу о том, что действующая архитектура международно-правового регулирования порождает раздельное и фрагментарное регламентирование конкуренции и протекционизма в международных экономических отношениях.

В статье показано, что существующие двусторонние и региональные механизмы, несмотря на вклад в гармонизацию среди их участников, не способны предотвратить общемировую тенденцию к экономической разобщённости и возведению новых барьеров, поскольку согласование правил в рамках одного блока не исключает расхождений с другими интеграционными объединениями.

Ключевые **выводы** можно сформулировать следующим образом:

Фрагментация регулирования конкуренции и протекционизма проявляется в нарастающих расхождениях подходов разных стран и регионов, что создает правовую неопределенность и почву для конфликтов в международных экономических отношениях. Региональные соглашения (ЕС, ЕАЭС, АСЕАН и др.) развивают собственные правила, но между ними отсутствует единая связь, а глобального всеобъемлющего режима нет.

Необходимость многостороннего соглашения обусловлена тем, что только на глобальном уровне можно установить универсальные *единые нормативные рамки*, обязательные для всех крупных экономических акторов – как государств, так и транснациональных компаний. Предлагаемое соглашение должно устранить пробел между торговыми правилами и конкурентной политикой, создав механизм, не позволяющий ни частным, ни публичным субъектам искажать условия мировой торговли в своих узких интересах. Наличие такого договора повысит предсказуемость международной деловой среды и доверие между странами.

В заключение отметим, что **разработка многостороннего соглашения о конкуренции и протекционизме** – задача чрезвычайно сложная, требующая усилий дипломатов, юристов, экономи-

стов, а главное – политической воли государств. Однако отказ от этого пути несет риск дальнейшей фрагментации международно-правового регулирования, усиления конфликтов и потери тех достижений, которые принесла эра либерализации. Представляется, что международное сообщество может извлечь уроки из истории: как когда-то возникли универсальные правила в сфере торговли, так назрела необходимость аналогичного шага в сфере конкурентной политики.

Литература

1. Мочалова А. Международные правила в сфере конкуренции – перезапуск дискуссии в ВТО? // Центр экспертизы ВТО, 25.02.2022. (на рус. яз.)
2. Mariotti S. Competition policy in the new wave of global protectionism: Prospects for preserving an FDI-friendly institutional environment. // *Journal of Industrial and Business Economics*, 2023, vol. 50, no. 2, pp. 227–241
3. Paasman B.R. Multilateral Rules on Competition Policy: An Overview of the Debate. – United Nations Economic Commission for Latin America and the Caribbean, Santiago, 1999. – (Serie Comercio Internacional, № 4).
4. UNCTAD (United Nations Conference on Trade and Development). Set of Multilaterally Agreed Equitable Principles and Rules for the Control of Restrictive Business Practices (adopted by UN GA Res. 35/63 in 1980; reviewed at 7th UN Conference to Review the Set, Geneva, 6–10 July 2015).

OVERCOMING FRAGMENTATION: A DRAFT MULTILATERAL AGREEMENT ON COMPETITION AND PROTECTIONISM

Phan Tuan Anh

Saint Petersburg State University

Contemporary international economic relations are facing the resurgence of protectionism and the fragmentation of legal regimes of competition at different levels. This article aims to propose the concept of a comprehensive multilateral agreement regulating both issues of competition (antitrust policy) and protectionism in world trade. The research methodology is based on a comparative legal analysis of existing bilateral, regional, and global mechanisms (WTO, regional agreements, etc.), as well as an extensive review of current academic literature and documents of international organizations. The study reveals the insufficiency of fragmented regional and bilateral measures and substantiates the necessity of parallel development of regulation at the national, regional, and global levels. A framework multilateral agreement is proposed, including provisions on the prevention of anticompetitive practices and the limitation of protectionist measures, which would reduce the fragmentation of rules and ensure freer and fairer trade.

Keywords: international trade, competition policy, protectionism, multilateral agreement, legal regulation, World Trade Organization, antitrust law, regulatory fragmentation.

References

1. Mochalova A. International Competition Rules: Restarting the WTO Discussion? // WTO Expertise Center, 25.02.2022. (in Russian)
2. Mariotti S. Competition policy in the new wave of global protectionism: Prospects for preserving an FDI-friendly institutional environment. // *Journal of Industrial and Business Economics*, 2023, vol. 50, no. 2, pp. 227–241
3. Paasman B.R. Multilateral Rules on Competition Policy: An Overview of the Debate. – United Nations Economic Commission for Latin America and the Caribbean, Santiago, 1999. – (Serie Comercio Internacional, No. 4).
4. UNCTAD (United Nations Conference on Trade and Development). Set of Multilaterally Agreed Equitable Principles and Rules for the Control of Restrictive Business Practices (adopted by UN GA Res. 35/63 in 1980; reviewed at 7th UN Conference to Review the Set, Geneva, 6–10 July 2015).

Пределы усмотрения в практике судебной интерпретации конституционных судов

Шаповалов Виктор Дмитриевич,

магистр юридических наук, аспирант кафедры конституционного и административного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета

В статье рассматривается феномен судебного усмотрения при интерпретации конституций органами конституционного правосудия и анализируются пределы такого усмотрения. Основное внимание уделяется практике Конституционного Суда Российской Федерации, включающей принципы самоограничения и недопустимость выхода за рамки своей компетенции. Также проведён краткий сравнительно-правовой анализ подходов к пределам судебной интерпретации в решениях Федерального конституционного суда Германии, Верховного суда Индии и Верховного суда США. Делается вывод о необходимости баланса между активизмом судов в защите конституционных ценностей и соблюдением принципа разделения властей, обеспечивающего ограничение судебного усмотрения строгими рамками права.

Ключевые слова: судебное усмотрение; интерпретация конституции; Конституционный Суд РФ; конституционное правосудие; судебный активизм; принцип самоограничения; сравнительное правоведение.

Конституционные суды обладают определённой свободой выбора в толковании норм Основного закона, особенно когда конституционные тексты сформулированы обобщённо или содержат оценочные понятия. Такая свобода интерпретации, с одной стороны, позволяет органам конституционного контроля адаптировать конституционные принципы к новым общественным отношениям и эффективно защищать права граждан. С другой стороны, чрезмерно широкое усмотрение чревато тем, что суд выходит за пределы своей компетенции и фактически осуществляет нормотворчество, нарушая баланс разделения властей. В доктрине подчёркивается: судьи должны применять Конституцию творчески, но оставаться связаны действующим правом и не подменять собой законодателя [6]. Иными словами, любой ценностный вывод конституционного суда должен вытекать из действующих правовых норм и обосновываться в правовых категориях, а не отражать личные убеждения судей [14].

Во всех моделях конституционного правосудия существуют механизмы, ограничивающие усмотрение судей рамками права. Принцип самоограничения означает сознательный отказ суда от решений, не вытекающих прямо из конституционного текста, особенно по политически чувствительным вопросам. Степень допустимого судебного активизма и границы самоограничения различаются в разных странах в силу исторических и правовых традиций [5]. Настоящий анализ сосредоточен на опыте Конституционного Суда Российской Федерации и, для сравнения, на подходах конституционной юстиции Германии, Индии и США. Цель – выявить общие черты и отличия в определении границ судебного усмотрения при толковании конституций на основе новейших авторитетных источников.

Конституция РФ очерчивает статус и полномочия Конституционного Суда РФ, тем самым задавая границы его интерпретационной деятельности. Согласно ст. 125 Конституции РФ, высший орган конституционного контроля обеспечивает верховенство и прямое действие Конституции, но не наделён законодательными функциями [1]. Итоговые акты Конституционного Суда имеют силу закона лишь постольку, поскольку Суд отменяет неконституционные нормы или даёт обязательное толкование норм в конституционно-правовом смысле [5]. В частности, часть 6 ст. 125 Конституции устанавливает, что нормы, признанные Конституционным Судом соответствующими Конституции лишь в определённом истолковании, не применяются в ином толковании [1]. Данное положение фикси-

рует предел усмотрения Суда: он может официально истолковать законодательную норму, придав ей конституционно приемлемый смысл, но не вправе выходить за текстуальные границы закона и создавать новое правило поведения, отсутствующее в законодательстве.

Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде РФ» дополняет эти рамки, содержательно ограничивая компетенцию Суда [2]. Конституционный Суд не рассматривает вопросы, не связанные напрямую с проверкой нормативных актов на соответствие Конституции или разрешением конституционных споров о компетенции. Показателен подход самого Конституционного Суда к запросам о толковании Конституции: Суд неоднократно указывал на недопустимость обращений с просьбой дать абстрактное разъяснение конституционных терминов или Конституции в целом [2]. Рассматриваются лишь конкретные положения Конституции в рамках возникшего спора, и толкование даётся ровно настолько, насколько необходимо для разрешения дела по существу. Так, в Постановлении КС РФ от 12 апреля 1995 г. № 2-П разъяснено, что запрос Государственной Думы о толковании ряда конституционных норм частично недопустим, поскольку фактически вовлекает Суд в политический процесс законотворчества, чего Конституционный Суд избегает [3]. В особом мнении к этому делу судья Г.А. Гаджиев прямо подчеркнул необходимость разумного самоограничения судебной власти, чтобы не превратить Конституционный Суд в «третью палату» парламента [3].

Ещё в 1990-е годы сложилась доктрина, что Конституционный Суд РФ не вмешивается в дискреционные политические решения законодателя, а лишь контролирует их конституционность. Суд не оценивает целесообразность законодательных мер и не подменяет органы власти в вопросах политики и управления, а проверяет акты только на соответствие Конституции. Этому принципу Суд следует постоянно, о чём свидетельствует его новейшая практика [6]. Например, Конституционный Суд подчёркивает, что не вправе пересматривать фактические обстоятельства дел или доказательства – он контролирует лишь конституционно-правовое содержание применённых норм. Тем самым границы усмотрения Суда определяются его конституционной функцией: обеспечивать верховенство Конституции, не выходя за пределы правового поля.

Особый вид актов КС РФ – так называемые интерпретационные (толкованные) решения – ярко демонстрирует пределы судебного усмотрения. Столкнувшись с неопределённостью или дефектом нормы, Суд нередко не признаёт её полностью неконституционной, а разъясняет её конституционно-правовой смысл, устраняя возможность неконституционного применения. Подобные решения балансируют на грани толкования закона и судебного нормотворчества. КС РФ старается не подменять законодателя, а побуждать его совершенствовать законодательство, одновременно защищая

конституционные права уже на стадии судебного контроля. Конституция прямо наделяет Суд правом давать обязательное толкование её положений (ст. 125 ч. 5), но такое толкование имеет конкретный (казуальный) характер и не превращает Суд в постоянно действующий консультативный орган при парламенте [1].

В деле о проверке конституционности ч. 1 ст. 53 УК РФ (Постановление Конституционного Суда РФ от 31 января 2024 г. № 4-П) суд разрешал проблему недостаточной защиты прав потерпевшего при назначении наказания в виде ограничения свободы. Закон прямо не запрещал осуждённому приближаться к местам, где может находиться потерпевший, что создавало угрозу повторного насилия. КС РФ не признал норму полностью неконституционной, а истолковал её в духе Конституции, указав, что оспариваемое положение по своему конституционному смыслу допускает возможность запрета осуждённому посещать места, где регулярно бывает потерпевший [4]. Таким образом, норма была «спасена» конституционно согласующим толкованием: Суд признал её соответствующей Конституции при условии указанного расширительного понимания. В мотивировке подчеркнуто, что более узкое прочтение нормы не обеспечивало бы должной охраны достоинства потерпевшего и противоречило бы конституционным принципам справедливости и равенства [4].

Этот пример иллюстрирует пределы усмотрения: КС РФ вправе скорректировать смысл нормы, но только в границах, обусловленных законом и Конституцией. Суд не дописывает в закон новых положений, а выводит из существующего текста такое истолкование, которое сообразуется с конституционными ценностями. Если же норма вовсе не поддаётся конституционно приемлемому толкованию, Суд признаёт её неконституционной и исключает из правовой системы. При этом в своих постановлениях КС РФ часто адресует законодателя указания на выявленные проблемы и пробелы, фактически предлагая их устранить, но такие указания носят лишь рекомендательный характер. Законодатель сохраняет свободу усмотрения в выборе способа исполнения решения Суда. Подобный подход согласуется с позицией о том, что Конституционный Суд выступает преимущественно «негативным законодателем», отменяя неконституционные нормы, а не создавая новые [5]. Даже то, что решения КС РФ обладают силой закона, не делает его равным парламенту: аннулируя норму, Суд лишь констатирует её ничтожность с момента принятия (*ipso iure*) для восстановления верховенства Конституции, но не замещает собой законодательную власть [5]. Так реализуется принцип разделения властей: Суд устраняет противоречия в праве, оставляя позитивное нормотворчество органам, избранным народом.

Практика подтверждает, что усмотрение российских судей строго обусловлено требованиями Конституции и правовыми позициями самого Суда, сформированными за три десятилетия его рабо-

ты [6]. Конституционный Суд тщательно фильтрует поступающие жалобы: большинство отклоняется, если отсутствует подлинный конституционно-правовой вопрос. Даже удовлетворяя жалобу, Суд обычно ограничивается минимально необходимым вмешательством – признанием нормы неконституционной или указанием ее конституционно обусловленного смысла – и воздерживается от детальных предписаний по исполнению решения, предоставляя это другим ветвям власти. Такой сдержанный подход позволяет сохранять роль КС РФ как арбитра конституционности, не превращая его в активного участника политического процесса.

Немецкая модель конституционной юстиции исторически основана на идеях Г. Кельзена о конституционном суде как «страже Конституции», действующем в качестве негативного законодателя, отменяющего противоречащие Основному закону нормы. Федеральный конституционный суд Германии (ФКС) вправе отменить закон (полностью или частично) или подтвердить его конституционность, и в немецкой доктрине его образно называют «отрицательным законодателем». Однако эта характеристика условна: ФКС не создаёт новых правил, а лишь признаёт недействительными уже существующие положения закона [5]. Признавая норму неконституционной, ФКС исходит из того, что она ничтожна с момента принятия – решение Суда служит целям правовой определённости и восстановления верховенства конституционного порядка. Чтобы устранить правовой пробел после отмены нормы, решение ФКС публикуется в официальном бюллетене и приобретает силу, обязательную *erga omnes*, фактически выполняя функцию закона, необходимую для корректировки правовой системы [5]. Тем не менее ФКС подчёркивает, что не подменяет парламент: законодатель и конституционный суд не равны по статусу. Хотя решение Суда функционально похоже на акт законодательства по последствиям, по своей цели и методам ФКС действует иначе, опираясь на юридические критерии конституционности, а не на политическую целесообразность.

Важная особенность немецкой конституционной юстиции – отсутствие аналога американской доктрины «политического вопроса». ФКС не обладает свободой усмотрения, чтобы отказаться от рассмотрения дела по мотивам его политической нецелесообразности, если спор отнесён к его юрисдикции [5]. Согласно Основному закону, все органы государственной власти связаны правом, и Конституционный Суд должен проверять соблюдение Конституции всеми ветвями власти, включая законодательную и исполнительную [5]. Поэтому в ФРГ критикуют идею о «неправовом», сугубо политическом вопросе: решение объявить вопрос не юридическим, а политическим рассматривается как политизированный отказ от правосудия. Практика ФКС подтверждает эту позицию: по наиболее острым вопросам (например, разрешение на использование вооружённых сил за рубежом,

интеграция Германии в ЕС, соотношение национального права с практикой Европейского суда по правам человека) ФКС не уклонился от рассмотрения. Он вынес решения по существу, очертив пределы дискреции законодательной и исполнительной власти и трансформировав политические аспекты спора в юридические вопросы, подлежащие конституционно-правовому анализу. Ограничением служат лишь процессуальные критерии допустимости: дело может быть возбуждено только по запросу уполномоченного субъекта и при наличии конкретного конституционно-правового спора. Таким образом, ФКС выступает активным гарантом Конституции, не уклоняясь от острых дел, но и не выходя за пределы своей роли – контролировать соответствие действий всех органов власти Основному закону.

Хотя ФКС отменил немало значимых законов, он обычно предоставляет парламенту возможность самому исправить ситуацию. Суд нередко устанавливает переходный период до утраты силы неконституционного положения или формулирует рамки для нового регулирования, оставляя детали законодателю. Такой подход поддерживает диалог между судом и парламентом: усмотрение Суда не подменяет функции законодательной власти, а лишь заставляет её действовать в конституционных границах.

Правовая система Индии демонстрирует пример особенно широкого судебного усмотрения. Верховный суд Индии с 1970-х годов проявляет высокий уровень активизма в конституционной интерпретации, существенно расширив свою роль в управлении государством и защите прав граждан. Ключевой прецедент – дело *Kesavananda Bharati v. State of Kerala* (1973), где Суд сформулировал доктрину основной структуры Конституции: даже поправки к Конституции недействительны, если они затрагивают её базовые принципы [7]. Так Верховный суд установил пределы усмотрения самого законодателя: парламент не вправе поправками разрушать фундаментальные основы конституционного строя. Этот смелый шаг подчёркивает приоритет «духа» Конституции над формально неограниченной поправочной властью парламента.

Индийский Верховный суд также широко толкует положение о фундаментальных правах, выводя из них новые права и гарантии. Например, ст. 21 Конституции Индии (право на жизнь и личную свободу) интерпретирована как включающая право на человеческое достоинство, здоровье, благоприятную окружающую среду, своевременное правосудие и др. При отсутствии законодательной регламентации важных общественных вопросов Суд брал инициативу в свои руки. Показательный пример – дело *Vishaka v. State of Rajasthan* (1997): столкнувшись с отсутствием закона о защите женщин от сексуальных домогательств на рабочем месте, Верховный суд разработал подробные руководящие принципы (*guidelines*) по предотвращению харассмента и постановил, что эти принципы действуют как закон до принятия соответствующего

щего акта парламентом [8]. Иными словами, Суд временно выступил в роли законодателя ради защиты конституционных прав на достоинство и равенство. Аналогично, в других случаях Суд заполнял правовые пробелы, например, признал право трансгендерных лиц самостоятельно определять свой пол (*NALSA v. Union of India*, 2014) задолго до появления специального закона.

Активная роль индийской судебной власти породила феномен PIL – рассмотрение Верховным судом дел в общественных интересах по жалобам, не связанным напрямую с нарушением прав конкретного истца. Благодаря PIL Суд значительно снизил порог доступа: иногда достаточно письма или газетной статьи, чтобы инициировать дело в интересах обездоленных групп населения. Этот механизм усилил влияние суда на социальные реформы, но вызвал дискуссии о допустимых пределах такого влияния. В индийской доктрине заговорили о явлении судебного сверхактивизма (*overreach*), когда суд по сути берёт на себя функции исполнительной и законодательной власти. Некоторые решения ВС Индии вызывали критику как выходящие за классические судебные функции – например, запрет продажи алкоголя вблизи автодорог (2017) или ограничения на использование фейерверков в праздники (2017) были расценены критиками как вмешательство в компетенцию исполнительной власти без достаточной правовой основы. В подобных случаях, по мнению оппонентов, судебское усмотрение переступило черту, за которой нарушается принцип разделения властей.

Сами представители судебной власти Индии осознают риск избыточного активизма. Бывший председатель ВС А.С. Ананад отмечал, что судьи обязаны проявлять самодисциплину при реализации своих полномочий, иначе можно подорвать авторитет суда и перегрузить его делами. В последние годы Верховный суд всё чаще подчёркивает, что хотя оставляет за собой право активного вмешательства ради защиты Конституции, это вмешательство должно уравниваться принципом сдержанности. Так, в постановлении по делу *Divine Retreat Centre v. State of Kerala* (2007) Суд прямо указал: для поддержания гармонии между властями судебный активизм должен сопровождаться уважением границ, установленных Конституцией для судебной власти; суд не должен брать на себя функции законодательной или исполнительной ветвей, если те способны самостоятельно выполнить свой долг [9]. Индийский опыт демонстрирует, что судебное усмотрение может быть максимально широким – вплоть до инициирования социальных преобразований – но правовая культура постепенно вырабатывает нормативные ограничители для такого усмотрения, чтобы сохранить легитимность и эффективность судебной власти.

В США вопросы пределов судебной интерпретации Конституции обсуждаются с начала XIX в., когда Верховный суд утвердил принцип судебного надзора за конституционностью законов (*Mar-*

bury v. Madison, 1803) [10]. С тех пор американская теория и практика выработали ряд доктрин, препятствующих судебному произволу и удерживающих суд в рамках его конституционной роли. Прежде всего, это доктрина политического вопроса (*political question doctrine*) – правило, по которому федеральные суды воздерживаются от рассмотрения дел, затрагивающих вопросы, прямо отнесённые Конституцией к ведению других (политических) ветвей власти. В решении *Baker v. Carr* (1962) Верховный суд изложил критерии политического вопроса: суд не должен решать дело, если Конституция поручила данный вопрос исключительно Конгрессу или президенту, если отсутствуют судебные-правовые стандарты для его разрешения, либо если решение потребует вмешательства в полномочия другого органа и т.д. [11]. Иными словами, судьи сами ограничивают своё усмотрение, не вторгаясь в сферу компетенции других ветвей власти. На практике доктрину политического вопроса применяли, например, чтобы уклониться от оценки законности ведения внешней политики (суды признавали это прерогативой исполнительной власти). Заметим, что в последние десятилетия Верховный суд США нечасто ссылается на «политический вопрос», но само наличие этой доктрины отражает важный принцип: суд сперва определяет, является ли спорный вопрос юридическим (судебно решаемым) либо же сугубо политическим, где вмешательство суда неуместно.

Другим проявлением самоограничения служит подход к проверке конституционности законов через призму обоснованности. Верховный суд исходит из презумпции конституционности законов, принятых законодательной властью, особенно в сфере экономической или социальной политики. После знаменитого «переворота, спасшего девять» (1937 г., дело *West Coast Hotel Co. v. Parrish*) Суд утвердил доктрину, что вопросы социально-экономического регулирования следует оценивать по критерию рационального обоснования (*rational basis test*): достаточно установить наличие у законодателя разумных оснований для принятия оспариваемого закона, и Суд воздержится от углублённой оценки его мудрости или эффективности [12]. Так, в деле *United States v. Carolene Products Co.* (1938) Суд указал, что когда закон затрагивает главным образом экономические вопросы и не посягает на явные конституционные права, предполагается его конституционность, пока не доказано обратное. Задача суда в таких случаях – лишь удостовериться, что законодатель мог разумно считать этот закон общественно полезным, не оценивая справедливость или оптимальность меры [13]. Этот подход значительно сокращает усмотрение суда: вместо того чтобы подменять Конгресс в выборе наилучшей политики, суд контролирует лишь соблюдение очевидных конституционных границ (например, отсутствие дискриминации по запрещённым основаниям).

Одновременно американская правовая мысль обосновала случаи необходимого активизма. Тео-

рия Джона Харта Эли (1980) утверждала, что суд должен активнее вмешиваться, когда демократия даёт сбой – например, нарушаются права меньшинств, систематически проигрывающих в политическом процессе. В таких ситуациях, по Эли, именно суд обязан защищать принципы равного участия и основные права, даже расширяя пределы своего усмотрения. Хотя эта концепция подвергалась критике и не стала официальной доктриной, она иллюстрирует постоянный поиск баланса между чрезмерной пассивностью и чрезмерной активностью судей. Другая школа – судебный минимализм (К. Санстейн и др.) – призывает Верховный суд решать дела на максимально узкой основе, избегая широких норм, выходящих за пределы конкретного спора [15]. Минималисты выступают за уважение к прецеденту (*stare decisis*) и считают, что лучшее ограничение судебной власти – в узких, казуистических решениях, не прокладывающих путь масштабным политическим переменам [15].

Практика Верховного суда США отражает влияние и идей сдержанности, и эпизодов активизма. К первому можно отнести возрождение интереса к оригинализму – истолкованию Конституции в смысле, вложенном в неё изначально. Сторонники оригинализма (например, покойный судья Антонин Скалиа или судья Нил Горсач) утверждают, что усмотрение судей должно быть минимальным, а их задача – выяснить первоначальный оригинальный смысл конституционного текста [14]. Этот подход позиционируется как противовес теории «живой Конституции», по которой судьи свободно адаптируют конституционные нормы к современным реалиям. С другой стороны, даже «оригиналистский» состав Суда принимает решения, меняющие правовой ландшафт. Так, в деле *Dobbs v. Jackson Women's Health Org.* (2022) нынешний Верховный суд, опираясь на историческое толкование, отменил прецедентное право на аборт, что можно трактовать как существенное изменение доктрины под флагом возвращения к изначальному пониманию Конституции. Границы усмотрения смещаются вместе с идеологией большинства судей, но каждое значимое решение обосновывается ссылками на строгие юридические критерии (текст Конституции, история принятия поправок, сложившаяся правовая традиция и т.д.). В итоге, несмотря на широкие полномочия судебного контроля, Верховный суд США стремится сохранять свой авторитет через умеренное использование своей власти. Он не берёт на себя функцию общего надзора за исполнением законов или планирования государственной политики – эти сферы остаются за политическими ветвями. Суд концентрируется на защите конкретных конституционных прав в рамках конкретных споров. Даже существенно расширяя права (например, признав в деле *Obergefell v. Hodges* (2015) право на однополый брак), Суд мотивирует это тем, что развитие общества раскрывает новые аспекты уже существующих конституционных ценностей, а не создает новые права *ex nihilo*. Таким образом, судебское усмотрение офи-

циально остаётся ограниченным Конституцией: даже самые «творческие» интерпретации преподносятся как укоренённые в конституционном тексте или его структуре.

Несмотря на различия моделей конституционного контроля, практика судов в России, Германии, Индии и США демонстрирует сходный подход: судебское усмотрение при интерпретации Конституции не безгранично. Оно сдерживается внутренними правовыми механизмами (конституционные нормы и законы о судах, доктрины самоограничения) и внешними факторами (роль суда в системе разделения властей, традиции правовой культуры, реакция общества и других ветвей власти). В каждом из рассмотренных государств выработан собственный баланс между необходимой гибкостью в толковании и соблюдением пределов компетенции суда.

Ключевые факторы, определяющие пределы судебного усмотрения:

1. Нормативные рамки. Текст конституции и закон о конституционном суде, прямо или косвенно ограничивающие полномочия суда (предметную компетенцию, виды актов, последствия решений). Например, Конституция РФ запрещает КС РФ выходить за рамки конкретных запросов и дел; Основной закон ФРГ через принцип правового государства обязывает ФКС детально обосновывать решения правом; Конституция Индии подразумевает разделение властей, которое ставит пределы судебному активизму; Конституция США посредством требований «дела или спора» (*case or controversy*) и др. ограничивает судебское усмотрение.
2. Судебные доктрины и традиции. Выработанные судами принципы самоограничения, определяющие, когда суд вмешивается, а когда оставляет решение избранным органам. Эти доктрины часто не закреплены напрямую в законе, но служат «этическим кодексом» судебной власти. Так, ВС Индии заявляет, что не станет вмешиваться, если вопрос можно решить политическими средствами; КС РФ отказывается от абстрактных толкований, не нужных для защиты конституционных прав; ВС США следует доктрине *stare decisis* и избегает резких доктринальных поворотов, чтобы не создавать впечатление политической ангажированности.
3. Внешние сдержки. Реакция общества, научного сообщества, международных институтов и политических властей на судебные решения. Если суд выходит за общепринятые пределы, это может повлечь изменения законодательства (например, сокращение доступа в суд), конституционные поправки или даже отказ властей исполнять решения суда. Осознавая это, суды обычно действуют осторожно. Показателен негативный опыт некоторых стран Восточной Европы, где конфликты между конституционными судами и парламентским боль-

шинством привели к существенному урезанию полномочий судов. В рассмотренных странах подобных кризисов удалось избежать, в том числе благодаря тому, что сами суды чувствовали границы допустимого.

Золотая середина. Общий вывод состоит в том, что судебное усмотрение полезно только при разумной мере. Определённая свобода интерпретации необходима для развития права и творческого применения конституционных норм к новым обстоятельствам, а также для защиты уязвимых групп, когда другие институты бездействуют. Однако чрезмерное усмотрение подрывает правовую определённость и предсказуемость, смещает баланс властей и уменьшает демократическую легитимность решений. Лучшие образцы практики конституционных судов – в России, Германии, Индии, США – демонстрируют стремление к «золотой середине»: судьи активно охраняют конституционные ценности, но делают это, опираясь на право, а не на собственные политические предпочтения. Они помнят условность своей роли в системе разделения властей. Пределы судебного усмотрения пролегают там, где заканчивается пространство права и начинается поле политики. Эту границу конституционные суды стараются не переступать, стремясь сохранять верховенство закона и свой авторитет как хранителей Конституции.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г., с поправками от 1 июля 2020 г.]. – М.: Проспект, 2020. – 64 с.
2. О Конституционном Суде Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (с изм. и доп.). // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 13. – Ст. 1447.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 12 апр. 1995 г. № 2-П «По делу о толковании статей 103 (ч. 3), 105 (ч. 2 и 5), 107 (ч. 3), 108 (ч. 2), 117 (ч. 3) и 135 (ч. 2) Конституции Российской Федерации». – Российская газета. – 1995.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 31 янв. 2024 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 53 УК РФ в связи с жалобами О.А. Балуковой и Ю.М. Чернигиной». – Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). – 01.02.2024.
5. Гриценко Е.В. Пределы конституционно-судебного нормотворчества // Сравнительное конституционное обозрение. – 2011. – Т. 20. – № 5. – С. 107–130.
6. Кажлаев С.А. Судебное усмотрение в деятельности Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. – 2003. – № 3. – С. 42–50.
7. Kesavananda Bharati v. State of Kerala, AIR 1973 SC 1461 (Верховный суд Индии).

8. Vishaka and others v. State of Rajasthan, AIR 1997 SC 3011 (Верховный суд Индии).
9. Divine Retreat Centre v. State of Kerala, (2008) 3 SCC 542 (Верховный суд Индии).
10. Marbury v. Madison, 5 U.S. (1 Cranch) 137 (1803) (Верховный суд США).
11. Baker v. Carr, 369 U.S. 186 (1962) (Верховный суд США).
12. West Coast Hotel Co. v. Parrish, 300 U.S. 379 (1937) (Верховный суд США).
13. United States v. Carolene Products Co., 304 U.S. 144 (1938) (Верховный суд США).
14. Познер Р. Проблемы моральной и правовой теории. – Кембридж, Массачусетс: Гарвард Университи Пресс, 1999. – 320 с. – ISBN 0-674-70771-0.
15. Санстейн К. Один случай за раз: судебный минимализм в Верховном суде. – Кембридж, Массачусетс: Гарвард Университи Пресс, 1999. – 320 с. – ISBN 0-674-63943-2.

LIMITS OF JUDICIAL DISCRETION IN THE PRACTICE OF CONSTITUTIONAL COURTS' INTERPRETATION

Shapovalov Viktor Dmitrievich

Saint Petersburg State University of Economics

The article examines the phenomenon of judicial discretion in the interpretation of constitutions by constitutional courts and analyzes the limits of such discretion. The primary focus is on the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation, which incorporates the principles of self-restraint and the inadmissibility of exceeding its jurisdiction. A brief comparative legal analysis is also provided of approaches to the limits of judicial interpretation in the decisions of the Federal Constitutional Court of Germany, the Supreme Court of India, and the Supreme Court of the United States. The article concludes that a balance is necessary between judicial activism in protecting constitutional values and adherence to the principle of separation of powers, which constrains judicial discretion within strict legal boundaries.

Ключевые слова: judicial discretion; constitutional interpretation; Constitutional Court of Russia; constitutional justice; judicial activism; principle of self-restraint; comparative law.

References

1. Constitution of the Russian Federation: [adopted by nationwide vote on Dec. 12, 1993, with amendments of July 1, 2020]. – Moscow: Prospekt, 2020. – 64 p.
2. Federal Constitutional Law of the Russian Federation of July 21, 1994 No. 1-FKZ “On the Constitutional Court of the Russian Federation” (as amended). – Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 13. – Art. 1447.
3. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 12, 1995 No. 2-P “On interpretation of Articles 103 (3), 105 (2, 5), 107 (3), 108 (2), 117 (3) and 135 (2) of the Constitution of the Russian Federation”. – Rossiyskaya Gazeta. – 1995.
4. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 31, 2024 No. 4-P “On the constitutionality of Part One of Article 53 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with complaints of O.A. Balukova and Yu.M. Chernigina”. – Official Internet Portal of Legal Information (pravo.gov.ru). – Feb. 1, 2024.
5. Gritsenko, E.V. Limits of constitutional-judicial lawmaking // Comparative Constitutional Review. – 2011. – Vol. 20. – No. 5. – Pp. 107–130.
6. Kazhlaev, S.A. Judicial discretion in the activity of the Constitutional Court of the Russian Federation // Journal of Russian Law. – 2003. – No. 3. – Pp. 42–50.
7. Kesavananda Bharati v. State of Kerala, AIR 1973 SC 1461 (Supreme Court of India).

8. Vishaka and others v. State of Rajasthan, AIR 1997 SC 3011 (Supreme Court of India).
9. Divine Retreat Centre v. State of Kerala, (2008) 3 SCC 542 (Supreme Court of India).
10. Marbury v. Madison, 5 U.S. (1 Cranch) 137 (1803) (Supreme Court of the United States).
11. Baker v. Carr, 369 U.S. 186 (1962) (Supreme Court of the United States).
12. West Coast Hotel Co. v. Parrish, 300 U.S. 379 (1937) (Supreme Court of the United States).
13. United States v. Carolene Products Co., 304 U.S. 144 (1938) (Supreme Court of the United States).
14. Posner, R.A. The Problematics of Moral and Legal Theory. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1999. – 320 p. – ISBN 0-674-70771-0.
15. Sunstein, C.R. One Case at a Time: Judicial Minimalism on the Supreme Court. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1999. – 320 p. – ISBN 0-674-63943-2.

Шелпаков Роман Олегович,

Негосударственное образовательное частное учреждение
высшего образования «Московский университет «Синергия»
E-mail: synergy@synergy.ru, <https://synergy.ru/sveden/common>

Целью статьи является изучение агентского договора, его природы, сильных и слабых сторон, а также стремление обратить внимание на данную проблему и предложить способы решения. Однако особенное внимание будет уделено не обсуждаемой в вопросах агентирования теме, а именно отсутствию права одностороннего выхода из договора у сторон, если договора заключен на конкретный срок.

Для достижения указанных целей использовались следующие частно-научные методы: сравнительно-правовой метод при анализе правоприменительной практики, формально-юридический метод при исследовании действующего законодательства.

Результатом данного исследования стало формирование центральной проблемы исследования – отсутствия права одностороннего выхода участника срочного агентского договора, а также выделение ряда смежных проблем, появившихся в силу последних ужесточений законодательства в области персональных данных, из-за чего данные проблемы являются новыми в данной области.

Обсуждение данных проблем необходимо, так как в парадигме сильно санкционированной экономики организации будут активно искать различные методы злоупотребления правом, чтобы минимизировать растущие убытки. На сегодняшний день проблемы, осуществившие ранее только в теоретической плоскости, стали актуальными в практике.

Ключевые слова: агентский договор, принципал, агент, персональные данные, расторжение, срок действия, поручение.

Введение

Суть агентского договора заключается в возможности одного лица (принципала) делегировать другому лицу (агенту) совершение каких-либо действий за счет принципала и от имени принципала или от своего имени. Однако у столь простой на первый взгляд схемы существует множество подводных камней. К примеру, заключив срочный агентский договор, можно лишить агента способа выхода из него. Также существуют ситуации, в которых договор подразумевает обработку персональных данных третьих лиц в пользу принципала, что требует выдачи принципалом соответствующего поручения агенту по сбору персональных данных в его пользу. Однако часто принципал отказывается выдавать агенту поручение, уходя, таким образом, от ответственности за сбор персональных данных.

В рамках нынешней, сильно санкционированной экономики России организации ищут различные методы уменьшения затрат и снятия с себя ответственности при работе по агентскому договору, поэтому рассмотрение данных проблем необходимо, так как такая тенденция подрывает права сторон таких договоров и создает угрозу серьезных материальных издержек.

Основное исследование

На сегодняшний день агентский договор является самым распространённым инструментом в работе бизнеса, занимающегося продажами и кредитными организациями, как банками, так и микрофинансовыми организациями. Схема агентирования позволяет либо делегировать непрофильную для организации деятельность, что позволит минимизировать риски осуществления деятельности в которой сторона не опытна, либо увеличить прибыль от продаж создав более привлекательные условия для покупателя, оформив, к примеру, договор с банком на выдачу потребительского кредита.

Для раскрытия природы агентского договора следует провести сравнение с договорами, схожими по предмету, а именно договоры комиссии¹, с. 320] и поручения², с. 314].

Агентский договор, в отличие от сравниваемых договоров предполагает более широкие предмет договора и спектр возможностей³, с. 6]. Так дого-

¹ Куриленко В.Э. Комиссионный договор в системе посреднических отношений // Вестник науки. 2024. № 6 (75). С. 319–323.

² Полушкина В.Ю. Договор поручения: сравнительно-правовая характеристика со смежными договорами // Экономика и социум. 2022. № 7 (98). С. 313–317.

³ Анисимов А.Т. Правовая природа и особенности агентского договора // Правовое регулирование экономической дея-

вор поручения предполагает совершение поверенным только юридических действий. Договор комиссии, в свою очередь, предполагает исключительно заключение сделок. В то же время агентский договор позволяет совершать как юридические, так и любые иные действия, вроде поиска контрагентов. Из этого видно, что возможность широкого содержания агентского договора сильно упрощает сторонам его заключение, давая сторонам наибольшую свободу выбора в его формировании. Однако данный аспект влияет на судебную практику, так как не редки случаи определения агентского договора как смешанного, что изменяет применимые к нему статьи^[1], с. 147].

Также необходимо отметить, что агентский договор обладает и более гибкими возможностями определения лица, от имени которого агент действует. По договору поручения поверенный имеет право действовать только от лица доверителя, комиссионер только от своего имени, а агент, в зависимости от условий договора, может действовать и от своего лица, и от лица принципала.

Из вышесказанного следует, что агентский договор обладает очень широким перечнем целевого использования, что, конечно, является существенным достоинством и сильным популяризатором среди организаций, однако настолько широкий предмет договора также приводит и к увеличению потенциальных рисков для его сторон, некоторые из которых будут описаны далее.

Для дальнейшего рассмотрения необходимо обратить внимание на важнейшую сторону договора – срок его действия^[2], с. 41]. Данный аспект важен так как в случае заключения договора на бессрочный период стороны могут расторгнуть его в любой момент в одностороннем порядке, а в случае заключения срочного договора, такого права стороны лишаются. Так как агентирование подразумевает осуществление условленных действий на протяжении указанного периода, договор заключенный на долгосрочный период может начать приносить не выгоду, а убытки в силу таких факторов как инфляция, санкции и тд. Взяв в расчет неизбежные изменения экономики, становится ясным, что в любом случае у сторон должно быть право одностороннего выхода.

Очень частым свойство агентского договора, особенно если одной из сторон является кредитная организация, является условие эксклюзивности, которое запрещает агенту осуществлять идентичную деятельность с любыми другими лицами. В условиях договора, заключенного на бессрочный или долгосрочный период принципал может быть уверен, что прибыль, полученная по такому договору будет полной, исключая конкуренцию в той же

тельности. 2022. № 4. С. 6

¹ Пак М.З. Агентский договор в гражданском праве Российской Федерации: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Дис. Канд. Юридических наук 12.00.03. Москва. 2006.

² Громова Т.Н., Ганин О.Н. Правовая природа и значение агентского договора // *Matters of Russian and International Law*. 2018, Vol. 8, Is. 11A, 39–44 с

сфере действия. Помимо этого условия эксклюзивности подразумевает наличие штрафных санкций со стороны принципала и в обязательном порядке возмещение упущенной выгоды. Однако стороны вольны устанавливать не всеобъемлющий запрет, а прописывать исключения. К примеру: агент обязан осуществлять переводы без открытия счета только через банк принципала, если только сумма перевода не ниже 100 рублей.

Из двух вышеперечисленных особенностей договора может сложиться опасная для агента ситуация. Договора заключен на долгосрочный период, а значит не имеет права на односторонний внесудебный выход из договора, также в данном договору действуют условия эксклюзивности, следовательно, агент не вправе осуществлять денежные переводы по договору с каким-либо иным банком. Через десять лет действия такого договора условия денежных переводов могут потерять выгоду для агента и начать наносить ему ущерб. Однако действие такого договора абсолютно законно.

Частым спутником агентского договора является поручение принципала агенту на сбор персональных данных^[3], с. 80]. Если договор подразумевает, к примеру, выдачу потребительского кредита, агент будет обязан собирать персональные данные клиентов (ФИО, номер телефона, паспортные данные и тд.) и передавать их банку принципала. Такое действие подразумевает обязательное поручение от оператора обработки персональных данных, так как именно он решает какие данные необходимо собирать, а соответственно из этого будут формироваться потенциальные правонарушения^[4], с. 376], такие как избыточный сбор персональных данных. Благодаря поручению ответственность^[5], с. 145] будет возложена именно на поручителя^[6], с. 46].

В данной статье автор желает обратить внимание на важнейшую особенность и вместе с этим уязвимость агентского договора, а именно зависимость возможности одностороннего расторжения договора от установленного срока его действия. В соответствии со ст. 1010 ГК РФ агентский договор может быть расторгнут в одностороннем порядке, только если он заключен на неопределенный период. Судебная практика^[7], с. 20] показывает, что данная формулировка исключает право сторон

³ Устинова А.В. Формирование правоприменительной практики по защите персональных данных // *Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки*. 2024. № 4 (44). С. 78–82.

⁴ Мазитов И.И. Юридическая ответственность за нарушение персональных данных в России: проблемы и пути решения // *Образование и право*. 2024. № 6. С. 375–379.

⁵ Могилевский Г.А. Правовая регламентация ответственности сторон при исполнении агентского договора // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2022. № 10–3. С. 145–147.

⁶ Алямкина С.Н. Персональные данные как объект правового регулирования: понятие и способы защиты // *Мир науки и образования*. 2016. № 4 (8). С. 44–48.

⁷ Волобуева Н.А. О пределах ограничения свободы договора в постановлениях высших судов // *Студенческий вестник*. 2023. № 10–2 (249). С. 19–21.

на односторонний выход, если договор заключен на конкретный срок (постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.05.2011 по делу № А60–41666/2010, постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 18.01.2007 по делу № А32–10139/2006–39/288, постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 10.07.2008 № Ф03-А51/08–1/1908)¹, с.245].

Помимо этого, внимание будет уделено сопутствующему агентскому договору сбору персональных данных третьих лиц. Зачастую агентские договоры, заключенные с кредитными организациями, подразумевают сбор персональных данных третьих лиц, что требует конкретного поручения, которое будет содержать цели такого сбора и последующей обработки, а также обозначит, что поручитель сбора персональных данных (оператор) несет полную ответственность за подобную обработку.

Агентский договор является важнейшим инструментом организаций в рамках взаимоотношений с кредитными организациями, такими как банки или микрофинансовые организации (МФО). К примеру, если взять организацию, занимающуюся продажей какого-либо товара физическим лицам, кредитные организации по агентскому договору будут предоставлять возможность оформления потребительского кредита покупателям, получая за это вознаграждение.

Проблемы регулирования агентского договора предлагается рассмотреть на следующем примере.

Существует агентский договор между агентом не кредитной организацией, деятельностью которой является продажа техники физическим лицам, а также осуществление денежных переводов в рамках деятельности Банковского платежного агента (БПА) и принципалом кредитной организацией, являющейся оператором по переводу денежных средств (ОПДС). Стоит отметить следующие важные аспекты при рассмотрении положений данного договора:

- договор имеет конкретную дату окончания,
- договор подразумевает обработку персональных данных, необходимую для осуществления денежных переводов физических лиц,
- договор содержит условие эксклюзивности, согласно которому БПА не вправе заключать договоры на переводы денежных средств с другими кредитными организациями,
- согласно ст. 1010 ГК РФ, агентский договор, заключенный с определенным сроком окончания, не может быть расторгнут в одностороннем порядке.

При совокупности данных условий образуется ситуация, в которой агент теряет возможность одностороннего выхода из договора. Так как стороны

вольны заключать договор в том виде, в котором сочтут нужным, если это не противоречит законодательству, договор может не содержать права одной из сторон на односторонний внесудебный выход из него, как в нашем случае, у агента. Спустя продолжительное время договор может стать убыточным для агента и тем самым наносить ему материальный ущерб в соответствии с действующим законодательством.

Помимо этого, принципал не предоставил агенту поручение на сбор персональных данных в свою пользу, сославшись на то, что агент сам является оператором по сбору персональных данных, а потому подобное поручение не требуется. Таким образом принципал снимает с себя всю ответственность за возможный избыточный или ошибочный сбор персональных данных, однако за данные действия ответственность понесет агент.

Из данного примера исходит необходимость улучшения соответствующих нормативных актов.

В ст. 1010 ГК РФ необходимо добавить право одностороннего выхода из агентского договора, заключенного на долгосрочный период, или формирование критериев, в соответствии с которыми будет проводиться оценка договора на предмет нанесения ущерба одной из сторон, что создаст возможность расторжения такого договора в одностороннем порядке, даже если это не предусмотрено его положениями.

Также требуется дополнить ст. 6 ФЗ № 152 «О персональных данных» положениями, устанавливающими обязанность лица, в чью пользу производится сбор персональных данных третьим лицом, выдавать поручение вне зависимости от того, является третье лицо также оператором по сбору персональных данных или нет.

Выводы

Результатом данного исследования стало выявление появившихся в условиях сильно санкционированной экономики проблем агентского договора. Данные проблемы не являются прямым нарушением закона, но оказываются прямым злоупотреблением права, делающими агентский договор опасным для одной из сторон.

На данный момент определенный набор условий может позволить стороне договора удерживать одну из сторон в его рамках, лишая ее прибыли или иной выгоды по договору, но не позволяя выйти из него. Создать подобную ситуацию позволяют условия гражданского законодательства, а потому для решения проблемы необходимы вносить в него правки. На данный момент кредитные организации стараются составлять агентские договоры на долгосрочный период, устанавливая условия эксклюзивности, сильно ограничивая своего контрагента, а потому количество подобных ситуаций растет, а отсутствие правонарушения не дает поводов для разрешения ситуации через суд.

Совершенно новой проблемой является стремление операторов персональных данных избежать

¹ Чмелева Т.А., Намсараева О.С. О некоторых вопросах исполнения агентского договора // Евразийская парадигма России: ценности, идеи, практика. Материалы международной научной конференции посвященной 20-летию Бурятского государственного университета. Научные редакторы В.В. Башкеева, М.В. Бадмаева. Улан-Удэ, 2015. С. 242–247

потенциальной ответственности за их обработку, в рамках агентского договора, не зафиксировав данное обязательство в специальном поручении. Делая это кредитные организации следуют принципу «что не запрещено – разрешено», что также является злоупотреблением правом, также ставя в рискованную ситуацию как сторону, которая обрабатывает персональные данные клиентов в пользу такого оператора, так и самих клиентов, так как они лишаются права на полноценную защиту своих прав.

Агентский договор нуждается в более строгом регулировании, которое будет защищать заведомо более слабые стороны договора от подавления сильными сторонами. Доведя природу агентского договора до законодательно оберегаемого баланса сторон, можно сделать данный тип договора самым эффективным инструментом коммерческой деятельности.

В текущем виде агентский договор обладает множеством факторов, требующих доработки с целью минимизации рисков для участников договора. Из результатов исследования видно, что при умелом обращении агентская схема может быть нацелена на удержание участника договора и получение от него прибыли, которая наносит такому участнику ущерб, а также способом снять с себя ответственность в области обработки персональных данных. Данная проблема нова и была создана текущий парадигмой экономики, а потому нуждается в соответствующем внимании.

Литераура

- Алямкин С.Н. Персональные данные как объект правового регулирования: понятие и способы защиты // Мир науки и образования. 2016. № 4 (8). С. 44–48.
- Анисимов А.Т. Правовая природа и особенности агентского договора // Правовое регулирование экономической деятельности. 2022. № 4. С. 6.
- Ахметова А.Т., Волкова Н.С. Правовая сущность агентского договора / E-Scio 2017 № 8. С. 110–112.
- Волобуева Н.А. О пределах ограничения свободы договора в постановлениях высших судов // Студенческий вестник. 2023. № 10–2 (249). С. 19–21.
- Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ [в ред. Федер. закона от 13 декабря 2024 г. № 459-ФЗ] // Российская газета. 1996. № 23
- Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ [в редакции Федерального закона от 08 августа 2024 г. № 237-ФЗ] // Российская газета. 1994. № 238–239.
- Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ [в ред. Федер. закона от 22 июня 2024 г. № 190-ФЗ] // Российская газета. 2006. № 289.
- Громова Т.Н., Ганин О.Н. Правовая природа и значение агентского договора // Matters of Russian and International Law. 2018, Vol. 8, Is. 11A. С. 39–44.
- Куриленко В.Э. Комиссионный договор в системе посреднических отношений // Вестник науки. 2024. № 6 (75). С. 319–323.
- Мазитов И.И. Юридическая ответственность за нарушение персональных данных в России: проблемы и пути решения // Образование и право. 2024. № 6. С. 375–379.
- Могилевский Г.А. Правовая регламентация ответственности сторон при исполнении агентского договора // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 10–3. С. 145–147.
- Пак М.З. Агентский договор в гражданском праве Российской Федерации: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12.00.03. Москва. 2006.
- Полушкина В.Ю. Договор поручения: сравнительно-правовая характеристика со смежными договорами // Экономика и социум. 2022. № 7 (98). С. 313–317.
- Российское гражданское право: Учебник: В 2-х томах. Том II. Обязательственное право / Отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2011. С. 779–806.
- Устинова А.В. Формирование правоприменительной практики по защите персональных данных // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2024. № 4 (44). С. 78–82.
- Чмелева Т.А., Намсараева О.С. О некоторых вопросах исполнения агентского договора // Евразийская парадигма России: ценности, идеи, практика. Материалы международной научной конференции посвященной 20-летию Бурятского государственного университета. Научные редакторы В.В. Башкеева, М.В. Бадмаева. Улан-Удэ, Евразийская парадигма России: ценности, идеи, практика. Вестник Бурятского государственного университета. 2015. С. 242–247.

AGENCY AGREEMENT: NATURE, ADVANTAGES, AND DISADVANTAGES

Shelpakov R.O.
Moscow University "Synergy"

The purpose of this article is to study the agency agreement, its nature, strengths and weaknesses, as well as the desire to draw attention to this problem and propose solutions. However, special attention will be paid to a topic that is not discussed in agency matters, namely, the absence of the right of unilateral withdrawal from the agreement by the parties if the agreement is concluded for a specific period.

To achieve these goals, the following specific scientific methods were used: comparative legal method in the analysis of law enforcement practice, formal legal method in the study of current legislation. The result of this study was the formation of the central problem of the study – the absence of the right of unilateral withdrawal of the participant of the fixed-term agency agreement, as well as the allocation of a number of related problems that have appeared due to

the latest tightening of legislation in the field of personal data, due to which these problems are new in this area.

Discussion of these problems is necessary, since in the paradigm of a highly sanctioned economy, organizations will actively seek various methods of abuse of rights in order to minimize growing losses. Today, problems that were previously realized only in the theoretical plane have become relevant in practice.

Keywords: agency agreement, principal, agent, personal data, termination, term, assignment.

References

1. Alyamkin S.N. Personal data as an object of legal regulation: concept and methods of protection // *World of science and education*. 2016. No. 4 (8). P. 44–48.
2. Anisimov A.T. Legal nature and features of the agency agreement // *Legal regulation of economic activity*. 2022. No. 4. P. 6.
3. Akhmetova A. T., Volkova N.S. Legal essence of the agency agreement / *E-Scio* 2017 No. 8. P. 110–112.
4. Volobueva N.A. On the limits of restriction of freedom of contract in the decisions of higher courts // *Student Bulletin*. 2023. No. 10–2 (249). P. 19–21.
5. Civil Code of the Russian Federation (Part Two): dated January 26, 1996, No. 14-FZ [as amended by Federal Law dated December 13, 2024, No. 459-FZ] // *Rossiyskaya Gazeta*. 1996. No. 23.
6. Civil Code of the Russian Federation (Part One): dated November 30, 1994, No. 51-FZ [as amended by Federal Law dated August 8, 2024, No. 237-FZ] // *Rossiyskaya Gazeta*. 1994. No. 238–239.
7. Civil Code of the Russian Federation (Part Four) dated December 18, 2006, No. 230-FZ [as amended by Federal Law dated December 18, 2024, No. 230-FZ] // *Rossiyskaya Gazeta*. [of the
- Law of June 22, 2024 No. 190-FZ] // *Rossiyskaya Gazeta*. 2006. No. 289.
8. Gromova T.N., Ganin O.N. Legal nature and meaning of the agency agreement // *Matters of Russian and International Law*. 2018, Vol. 8, Is. 11A. P. 39–44.
9. Kurilenko V.E. Commission agreement in the system of intermediary relations // *Bulletin of Science*. 2024. No. 6 (75). P. 319–323.
10. Mazitov I.I. Legal liability for violation of personal data in Russia: problems and solutions // *Education and Law*. 2024. No. 6. P. 375–379.
11. Mogilevsky G.A. Legal regulation of the liability of the parties in the performance of the agency agreement // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2022. No. 10–3. P. 145–147.
12. Pak M.Z. Agency agreement in the civil law of the Russian Federation: abstract of the dissertation for the degree of candidate of legal sciences: 12.00.03. Moscow. 2006.
13. Polushkina V. Yu. Agency agreement: comparative legal characteristics with related agreements // *Economy and society*. 2022. No. 7 (98). P. 313–317.
14. Russian civil law: Textbook: In 2 volumes. Volume II. Law of Obligations / Ed. E.A. Sukhanov. Moscow: Statut, 2011. P. 779–806.
15. Ustinova AV Formation of law enforcement practice on personal data protection // *Bulletin of Moscow University named after S. Yu. Witte. Series 2: Legal sciences*. 2024. No. 4 (44). P. 78–82.
16. Chmeleva TA, Namsaraeva OS On some issues of execution of the agency agreement // *Eurasian paradigm of Russia: values, ideas, practice. Proceedings of the international scientific conference dedicated to the 20th anniversary of the Buryat State University*. Scientific editors VV Bashkeeva, MV Badmaeva. Ulan-Ude, Eurasian paradigm of Russia: values, ideas, practice. Bulletin of the Buryat State University. 2015. P. 242–247.